И. С. ЕЖОВ и Е. И. ШАМУРИН

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

АНТОЛОГИЯ

„НОВАЯ МОСКВА“

И. С. ЕЖОВ и Е. И. ШАМУРИН

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ ЛИРИКИ ОТ СИМВОЛИЗМА ДО НАШИХ ДНЕЙ

С ВВОДНОЙ СТАТЬЕЙ ВАЛЕРЬЯНА ПОЛЯНСКОГО

„НОВАЯ МОСКВА“
1 9 2 5

Книга набрана и отпечатана в типо-хромо-литографии „Искра Революции" Мосполиграф, Москва Филипповский пер., д. 11. в количестве 5.000 экземпляров. Общее руководство изданием И. С. Ежова. Набор произведен под наблюдением В. М. Сухачева коллективом в составе т. т.: И. Николаева, Семенычева, Н. Дмитриева, Н. Николаева, Крылова, В. Волкова, Миронова, Голубкова, Н. Волкова, Носкова, Андрианова, Жаворонкова, Володина, Кузьмина. Верстали Дугачев и В. Герасимов. Печаталось под наблюдением т. Лукина. Брошюровалось под наблюдением т. А. Черненко. Обложка работы художника Н. Н Вышеславцева.

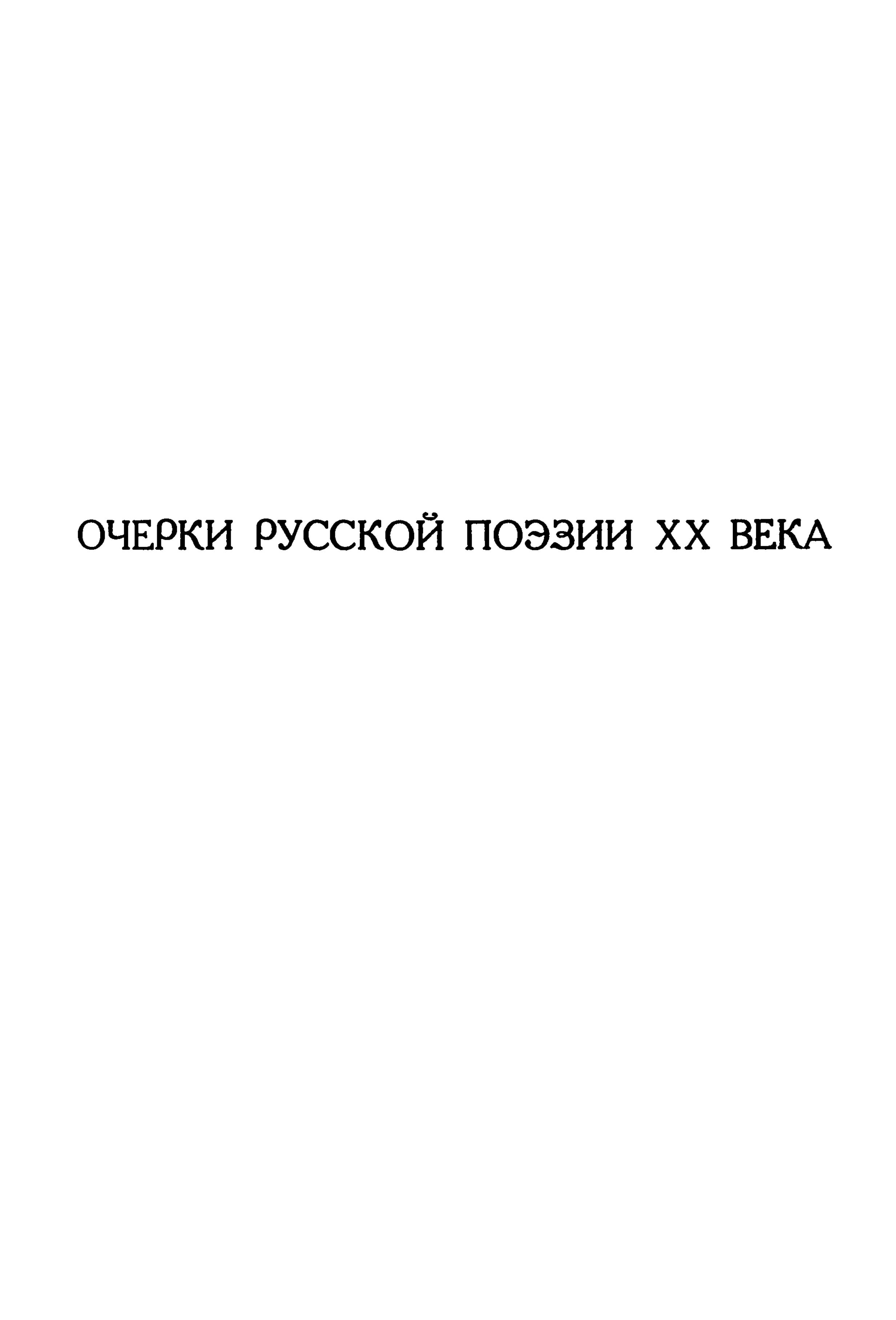
Мосгублит № 11.366.

В предлагаемой антологии представлены лишь те поэтические течения и школы, которые оставили в русской литературе след не только в виде деклараций, но и в виде художественных произведений. Поэтому в антологию не включены: экспрессионисты, биокосмисты, люминисты, ничевоки, формлибристы, эмоционалисты, фуисты, конструктивисты и т. п. группы и группки, которые в области поэзии почти ничем себя не проявили или проявили очень слабо.

Из поэтов выбраны лишь те, которые выпустили отдельные сборники своих произведений и в то же время являются, по мнению составителей, более или менее значительными выразителями того или другого течения. Поэты, примыкающие к тем течениям и школам, которые имеют законченный цикл развития (символизм, акмеизм, футуризм, имажинизм), подверглись более ограничительному отбору, чем поэты крестьянские и пролетарские, представляющие течения, находящиеся в стадии развития и роста. В отдел поэтов, не связанных с определенными группами, не включены многие поэты, которые хотя и обладают вполне установившимся характером и об'емом творчества, но, по мнению составителей, не вносят в поэзию ничего нового и оригинального. С другой стороны, в этот отдел вошел ряд молодых поэтов, литературная физиономия которых окончательно еще не определилась, но уже несет в себе некоторые своеобразные черты. При отнесении того или иного поэта к какой либо группе имелись в виду основные черты его творчества, а также и его собственные заявления о своей принадлежности к данной группе.

Что касается выбора самых произведений, то, во-первых, все произведения даны целиком, а не в отрывках. Поэтому пришлось ограничиться лирикой, выбирая поэмы лишь в крайне редких случаях и при условии их небольшого об'ема. Во-вторых, у каждого поэта выбиралось наиболее художественно-ценное и наиболее характерное для его творчества, при чем в случаях одинаковых по теме произведений первому принципу отдавалось предпочтение. В-третьих, составители стремились отразить, по возможности, все главные моменты и мотивы творчества, по крайней мере, виднейших представителей поэтических течений XX века. Избранное у каждого поэта расположено по тематическим циклам. Хронологические даты произведений указываются всегда, если они имеются в источнике. Устанавливать даты всех произведений в задачи составителей не входило.

Составители.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ ОТ СИМВОЛИСТОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ.

Русская литература всегда была ярким выразителем общественно-экономических смен и настроений русского общества. Таковой она осталась и до сего дня. Последние пятьдесят лет дают богатейший и интереснейший материал, в котором, как в зеркале, ясно отразилось все развитие нашей российской действительности.

В этом отношении большой интерес представляет „поэзия". [1])

◆ ◆ ◆

Событие 1-го марта 1881 года кладет резкую грань в развитии русской общественной мысли. После разгрома героической „Народной Воли", деятели которой покрыты неувядаемой славой, наступила эпоха жесточайшей реакции, когда все, напоминавшее живую свободную мысль, беспощадно душилось самодержавным сапогом. В передовом обществе, главным образом, конечно, среди революционно-мыслящей интеллигенции, началась переоценка ценностей.

Революционная мысль пришла к убеждению, что народничество, как философско-социологическая система, как практическое движение, захватившее широкие массы, потерпело крах и не в нем искать спасения.

Часть интеллигенции, выбитая из колеи, беспомощно стояла пред загадкою жизни, занимаясь проповедью малых дел и самоусовершенствованием в духе учения Л. Толстого.

Другая часть засасывалась в тине мещанства уездной России, теряла политические и нравственные традиции прошлого поколения, жила без всяких устоев, разлагалась, спивалась.

Когда революционная интеллигенция отбывала каторгу, томилась в Шлиссельбурге и Петропавловке, оставшаяся в живых чахлая интеллигенция оправдывала свое затхлое существование реакционной философией:

Вот жизнь, вот этот сфинкс! Закон ее—мгновенье,
И нет среди людей такого мудреца,
Кто б мог сказать толпе — куда ее движенье,
Кто мог бы уловить черты ее лица.

Поэтому „и в мир фантазии умчимся",—

В тот чудный мир, где нет ни жгучих слез, ни муки,
Где красота, любовь, забвенье и покой;
Пусть насладимся мы без дум и размышленья.

(Надсон).

---

[1]) Слово поэзия в ковычках, так как оно берется нами в силу установившейся традиции вместо слова стихотворения, что, конечно, не верно.

Маленькая часть революционной интеллигенции, спасшаяся от разгрома за границей, в лице Плеханова, Аксельрода, Засулич, Дейча, обратила свой взор, все свое внимание на развитие капитализма, на рабочий класс. Завязались жестокие литературные бои между марксизмом и народничеством. Марксизм победил. Плеханов, Ленин, Струве, Туган-Барановский и другие преодолели последнего талантливого представителя и защитника народничества Михайловского. И русская мысль повернулась от деревни к городу, от крестьянства к рабочему классу.

С одной стороны, гиилое болото, полное заживо разложившихся умственно и нравственно людей, с другой стороны—ростки новой мысли, столь чуждой еще русской общественности в целом.

Все это, естественно, сказалось на развитии литературы, „поэзии" в частности.

Надо, однако, заметить, что как в политике, социологии и философии, несмотря на быстрый и пышный расцвет марксизма, захватывавшего молодую интеллигенцию, еще живы были народнические традиции, укреплявшиеся в позорно погибшей партии социалистов-революционеров, так и в искусстве, в литературе не было идеологического единства. Марксистское мировоззрение в литературе не выявлялось еще,— оно завоевывало свои позиции в социологии. И естественно, что на ряду с обломками народнических тенденций махрово процветали цветы реакции, скептицизм, пассивность, уход в потусторонний мир, мистицизм, религиозность, отвлеченность.

Литература периода народничества, поскольку она стремилась изучать русскую жизнь, была глубоко общественной и неизбежно ярко-реалистической. Она была подчеркнуто проникнута идеей общественного служения, идеей долга перед народом. Содержание доминировало над формой, отодвигая ее на задний план.

Интеллигенции, порвавшей с революционными традициями, эта литература стала чуждой, непонятной и даже враждебной. В ее писаниях общественность сменилась крайним индивидуализмом, революционность—борьбой за свободу, как результат внутреннего нравственного преодоления себя. Политика уступила место эстетике. Реализм сменился символизмом.

Весьма отчетливо новое литературное направление охарактеризовал Д. Мережковский в своей нашумевшей книге „О причинах упадка и о новых течениях современной литературы" (1893 г.). Он настойчиво подчеркнул, что новое направление порывает связь со старым общественным содержанием, а новое содержание ищет в потустороннем, идеальном мире, в отвлеченности. Литература выявляет его не через натурализм, не реалистически, не давая конкретной действительности, а символически, новыми техническими средствами, которые позволяют усиливать художественное впечатление.

Так народились и заявили о себе предтечи символизма и ранние его представители. [1])

Символизм был неизбежным явлением в русской литературе, но он был явлением реакционным в своей сущности.

Разрыв с народничеством, устремление взора в город—это, конечно, шаг вперед. Поскольку же город—арена ожесточенных классовых боев и схваток между развивающимся капитализмом и остатками феодального хозяйства, между бур-

[1]) По целому ряду соображений мы предпочитаем т. н. символистов звать декадентами; в данном случае терминология согласована с подзаголовками книги.

жуазией и дворянством, с одной стороны, и пролетариата со всеми группами эксплоататоров, с другой стороны, буржуазная интеллигенция, естественно, не могла разобраться в сложности общественного развития. Свой первый шаг она сделала неверно. Она чувствовала, что развитие капитала открывает ей дорогу в жизни, как технической силе, без которой капитал не может жить,— но она не поняла законов развития капиталистического общества, находилась под влиянием видимой стихийности „таинственных“ законов рынка и конкуренции; оторвавшись от революционной мысли, она старалась укрепиться в этом мире эксплоатации, идеологически укрепляясь на позициях отвлеченности и потустороннего мира. Это уже был шаг назад, это было реакцией на пробуждение рабочего класса, который начинал нарушать течение жизни и спокойствие господствующих классов и групп.

Символисты, как мы писали в другом месте [1])—„это дети города, городской культуры. Они вышли из зажиточных групп, приобщенных к образованию. Мещанская обстановка жизни их отцов и серая, затхлая обыденщина в общественности им претили, они рвались из ее пут, искали выхода. Они не хотели „ползать“, они мечтали „летать“. Их манила даль и ширь, размах, голубое небо; в них был избыток неисчерпанных сил. Но эту ширь и даль каждый из них, соответственно с общественным положением и пониманием исторического процесса, понимал по своему и по своему тратил свои творческие силы и порывы. Бальмонт воспевал „бесконечность“, Блок — „прекрасную даму“, Брюсов — экзотику, „фиолетовые руки“ и „бледные ноги“. Он, как безумец, блуждал „в томленьи пустом“.

Брюсов был ярким представителем символизма, особенно первого его поколения. Он был не только его поэтом, но и теоретиком. Символ веры нового литературного направления Брюсов выразил в своих заветах к юноше „со взором горящим“:

Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно;
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему безраздельно, бесцельно.

Тут вся программа нового направления: уход от общественности, крайний индивидуализм, уход от идейного искусства и провозглашение „бесцельного“ искусства, искусства для искусства.

Протест символизма против мещанства и обывательщины, вылившись в антиобщественный индивидуализм, не только не пошел, хотя бы вдогонку, за революционным движением, но тормозил, задерживал последнее.“

Яркими представителями первого поколения символистов были: Брюсов, Бальмонт, Мережковский, Минский, Сологуб и другие. Эта группа выявляла свой символизм особенно на первых порах все же больше как литературную форму, как технические приемы для усиления воздействия на читателя. Недаром Мережковский обращался к творениям таких реалистов, как Л. Толстой и И. Гончаров. Они не создали определенного и стройного мировоззрения, ограничившись призывом к свободной внутренней активности. В их поэзии силен был порыв бунта, хотя бунта и индивидуалистического, оторванного от общественности. Это настроение в известных пределах поддерживалось приближающейся бурей 1905 года.

[1]) См. „Воинствующий материализм“. Сборник 1-ый. Статья—О Брюсове.

Их время было временем, когда Плеханов и Ленин уживались со Струве и Туган-Барановским, когда революционный марксизм уживался еще с неразвернувшимся ревизионизмом, когда общественные тенденции грядущей революции не выявились до конца и полностью. Нужен был очень проницательный глаз, чтобы рассмотреть контуры грядущих событий. Символистам это, конечно, не было дано. Для них „все кошки были серы"; крича вместе с революционным народом о свободе, они мечтали о своей внутренней свободе, а не о той, на которой можно было установить диктатуру пролетариата и крестьянства, чтобы разрушать капиталистическое общество, государство и итти к коммунизму,—к социализму, как в те годы принято было говорить.

Второе поколение символистов выделило Белого, Блока, Иванова и других. Теоретик Белый заменил теоретика Брюсова. Поэт Блок сменил поэта Бальмонта. Своим учителем они провозгласили религиозного философа Соловьева.

Ко времени выступления этой группы общественная обстановка резко изменилась. Ожидался революционный взрыв. Пролетариат не только создал свою партию, Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию, но революционная часть партии, большевики, уже с боем выступили против ревизионизма, против меньшевизма. Выявив антиреволюционную сущность легального марксизма и нанеся ему ряд смертельных ударов, тов. Н. Ленин взялся за выявление ревизионизма внутри партии, чтобы парализовать вредные тенденции в русском рабочем движении на первых же его шагах, в самом зародыше. Соответствующая ясность стала, естественно, намечаться и в литературе, в „поэзии". В символизме победили антиобщественные тенденции.

Буржуазная интеллигенция, убоявшись революционной стихии, восстающих против капиталистов и помещиков рабочих и крестьян, начала торопливо оформливать свой символизм в мировоззрение, полное мистицизма, религиозности, индивидуализма и отвлеченности. Элементы, разбросанные в творчестве первой группы символистов, были собраны теперь воедино; дух бунта был отброшен, дух внутреннего созерцания и преодоления подкреплен. В этом направлении много постарался А. Белый, оформившийся к нашим дням в реакционера-теософа. Все творчество Белого, а также и Блока, было для буржуазной интеллигенции идеологической и психологической защитой от наступавшей революции.

Параллельно с символистами, правда с некоторым запозданием, в литературе начали выявляться марксистообразные и ярко революционные, реалистические тенденции. Их выразителями были беллетристы: Горький, Вересаев, Чириков, Куприн, Шмелев, Тренев и другие. Мистического творчества с потусторонним миром русская революция не принимала. По правде говоря, даже и та публика, которая бежала, скрывалась от революции, кроме утонченных эстетов, охотнее читала порнографию Арцыбашева, Сологуба, чем поэзию символистов.

Против символистов начинается реакция. Под влиянием революции она идет не только извне в лице реалистической и революционной беллетристики, но изнутри самого символизма. Революция была побеждена, но ее глубокие следы сказались и в общественно-политической жизни и в литературе. Удар, нанесенный символизму революцией, был смертельным, хотя смерть наступила и не сразу.

Против символизма выступили акмеисты и футуристы. Выдающимся представителем первых была А. Ахматова, вторых—В. Маяковский.

Акмеисты вышли из символизма. Они хотели реформировать последний. Отвлеченности и широте тем своих отцов они противопоставили конкретность, четкость, ограниченность темы выполнения. Стремление к разговорному, народному языку пришло на смену витиевато-туманному языку символизма. Однако, это удалось не всем и не в одинаковой степени. Гумилев так и застыл на романтических и героических тонах. Прошлое, экзотика—основной фон его произведений. Другие ударились в мифологию, классицизм, убили живую поэзию, превратив ее в игру.

Акмеистам не чужды социальные вопросы, но поскольку они не могли порвать резко с символизмом, их нужно рассматривать, как дальнейший этап в развитии символизма, этап обусловленный революцией 1905 года, требующей от буржуазной интеллигенции известного приспособления к жизни. Когда улеглась революционная буря, а страна покрылась лесом виселиц, буржуазная интеллигенция успокоилась, принялась за устройство личных дел. Кто пошел учиться, кто начал служить, брюзжать на революцию и т. п. Конкретно-деловой характер акмеизма с налетом мистицизма, присущего „черной полосе", как нельзя больше выражал настроение тогдашней буржуазной интеллигенции. Сейчас это течение сошло на-нет, его представители хотя и живы, но уже успели реформироваться, поскольку по ним ударила пролетарская революция 1917 года.

Резко выступили против символизма футуристы. Их сборники: „Садок судей" и „Пощечина общественному вкусу"—полное отрицание вчерашнего дня. Они впоследствии назвали себя революционерами и даже незаконно потребовали себе паспорта на звание пролетарских писателей, выразителей идеологии Октябрьской революции. Среди зачинателей футуризма мы встречаем Каменского, Северянина, Хлебникова, Бурлюка, Крученых, Маяковского, после к ним пристали Третьяков и Асеев.

О происхождении, развитии и значении футуризма писалось многими и много. В данном случае мы воспользуемся статьей тов. Л. Троцкого. Он очень ясно вскрывает социальные корни этих „революционеров".

Он пишет: „Русский футуризм родился в обществе, которое проходило еще через свой антираспутинский приготовительный класс и готовилось к демократическому февралю. Уж это дало нашему футуризму преимущества. Он уловил смутные еще ритмы активности, действия, напора и разрушения. Борьбу за свой мир под солнцем он вел резче и решительнее, а главное—шумнее, чем предшествовавшие ему школы, в соответствии со своим активистским мироощущением. Молодой футуризм не шел, конечно, на фабрики и заводы, а громыхал по кафэ, стучал кулаками по пюпитрам, надевал желтую кофту, красил скулы и неопределенно грозил кулаком... Захват власти пролетариатом застал футуризм еще в возрасте преследуемой группы. И уже из этого вытекал для футуризма толчок в сторону новых хозяев жизни... Но черты своего социального происхождения от буржуазной богемы футуризм перенес и в новую стадию своего развития".

„Маяковский,—как пишет Л. Троцкий,—враждебен мистике, ханжеству всех видов, эксплоатации человека человеком,—его симпатии целиком на стороне борющегося пролетариата"... Но „революционный индивидуализм Маяковского восторженно влился в пролетарскую революцию, но не слился с ней. Восприятие города, природы, всего мира у Маяковского в подсознательных истоках своих не рабочее, а богемское."

То же самое, конечно, следует сказать и о других представителях этого течения. Несколько особо стоят футуристы-коммунисты.

Футуризм, как восстание богемы, т.-е. левого полу-пауперизованного крыла интеллигенции, против замкнутой кастовой буржуазно-интеллигентской эстетики, неизбежно должен был столкнуться с пролетарской революцией и принять участие в разрушении отживших, отмерших сторон старой культуры, которые только мешали дальнейшему развитию. Нет ничего удивительного, что отдельные коммунисты, увлеченные идеей пролетарской литературы, попались на футуристическую удочку разрушения окостеневшей и проплесневевшей эстетики, вместе с ними пошли в бой, воспринимая попутно достижения футуризма в области рифмы, ритма, конструкции стиха и не замечая глубоко богемского, индивидуалистического остатка от старого общества.

Судьба футуризма, как левой группы мелкобуржуазной интеллигенции, весьма интересна. Северянин остался на позиции своего нелепого и пошлого салонного протеста против мертвящего канона буржуазной эстетики и вообще прошлого дня. Он не ушел от этого дня, в нем остался. Маяковский хотя и не слился, но обрушился в революцию с явным стремлением итти с ней в ногу. Каменский и Крученых более чем кто-либо из „революционных“ футуристов не слились с революцией, хотя они и имеют дело с революционными сюжетами. Прошлое не пускает их, революция их дальше фразеологии нейдет. Нутро, сущность революции им совсем непонятна. Такова судьба всякой мелкобуржуазной группы, особенно в период общественных ломок, когда история толкает их вперед, а прошлое тянет назад.

Впоследствии из футуризма выделилась несерьезная, но еще более шумливая, еще более щеголяющая своим дурачеством, временами выходящим за пределы здравого смысла, группа имажинистов. Эта группа охотно щеголяет цинизмом, порнографией, грубо натуралистической эротикой. Все это, видите ли, протест против мещанского уклада в жизни вообще. Имажинисты, как они пишут, выше всяких классов, они переросли их, они надклассовые. Стремление имажинистов построить эстетику на „самодовлеющем значении“ образа привело к краху, образ заслонил все, часть поглотила целое. Социальные корни имажинизма те же, что и у футуризма. Однако, следует отметить, что пролетарская революция прошла бесследно для этой маленькой группы интеллигенции. Она до сих пор расценивается г. Милюковым, как группа, борющаяся с большевистско-советской Россией.

Представители имажинизма — Шершеневич, Мариенгоф, Кусиков и другие. Одно время примыкал к ним Есенин.

Вполне естественно, что большая группа лиц—вне всяких течений. Проповедь беспартийности, отрицание классовой идеологии и психологии, как вредного и аморального явления, характерны для беспомощной, зачастую не знающей куда склонить голову, мелкобуржуазной интеллигенции. Все эти внегрупповики, каждый по своему, пытаются писать о революции, но больше барахтаются беспомощно в прошлом. Цветаева, Павлович, Парнок, Ходасевич, Липскеров — их очень много. Некоторые из них, например, Эренбург, Тихонов, заражены „сменовеховством“. Некоторые безнадежно плачут об ушедшем дне и ждут, когда вернется прежний хозяин.

◆ ◆ ◆

Родоначальником крестьянской поэзии можно считать Кольцова, но крестьянская поэзия, как определенное литературное явление, начала складываться только перед империалистической войной, когда на сцену выступили Клюев, Есенин. Они зачинатели.

Клюев—подлинно-крестьянский поэт, поэт крепкого хозяина, у которого все слажено, все приготовлено, все в порядке, который самодоволен и уверен в прочности своего положения. Он не только не плачет, он, наоборот, доволен, что отживают свой век барские судьбы, но он со скептическим и непоколебимым презрением говорит и думает о пролетарских тенденциях жизни. Революцию поэт принимает по своему, республике он предпочитает Русь, а социализму—Китеж-град. Он „не хочет коммуны без лежанки". Он как будто бы и не верует в бога, но без лампады жить не может. Клюев поэт не только крепкого хозяина, но северного хозяина — старообрядца. Это и придает его поэзии неподвижность, медлительность, тяжеловатую основательность и спокойствие, убежденность и крепость, разукрашенность.

Есенин, наооборот, отразил настроения крестьянской молодежи в предреволюционные дни и последующие годы революции. В нем много озорства, хулиганства. Этим он гордится. Это не случайность и не только индивидуальность поэта. Империалистическая война в корне подорвала и расшатала хозяйство нашей деревни. Крестьянская молодежь, очутившись перед разрушенным хозяйством и не зная, как подойти к его восстановлению и вообще к укреплению своей жизни, пошла по линии озорства, как проявления отрицания создавшегося положения. В нем, однако, много романтики. Пройдя через годы скитаний и идейных блужданий, поэт заговорил о новой деревне и Ленине. Может быть прежняя энергия, вылившаяся в озорство, найдет новое приложение.

К этой группе крестьянских поэтов надо отнести Радимова, Клычкова, Орешина, Ширяевца и других. Все они поэты советские, талантливые и даровитые, но крестьянское происхождение, крестьянская идеология мешает им тесно слиться с пролетариатом. Они все еще мечтают, по образному выражению Клюева, пригласить пролетариат отдохнуть на мужицкой узорчатой лавке.

◆ ◆ ◆

Пролетарская поэзия зародилась давно, в последней четверти прошлого века. Представители ее—Нечаев, Шкулев—были первыми выразителями рабочего горя, его надежд и настроений. Они отразили мелкобуржуазные иллюзии пролетариата, когда он еще только складывался в класс и не осознавал себя той исторической силой, которая призвана перевернуть, изменить мир. В поэзии того времени очень много мещанских, мелко-буржуазных, интеллигентских, либерально-демократических тенденций. Есть вера и в бога. Теперь эти поэты со всем рабочим классом приветствуют грядущий коммунизм.

Современная пролетарская поэзия, как мы понимаем ее сейчас, т.-е. идеологически совпадающая с коммунизмом, начала развиваться с эпохи „Звезды" и „Правды". Тогда это были первые бледные ростки, кустарник. Теперь это молодой лесок, который своим весенним шумом приветствует восходящее солнце новой жизни.

Новая пролетарская поэзия насчитывает всего около пятнадцати лет, но она уже прошла несколько этапов развития. [1])

Первый этап—с возникновения рабочих газет „Звезды" и „Правды" до пролетарской революции. В поэзии этого времени ясны классовые позиции, много революционности, протеста против капиталистического общества, но много еще демократических, отвлеченно-буржуазно-революционных настроений. Рабочая поэзия ста-

---

[1]) См. мою книгу „На литературном фронте". Статья—„Мотивы рабочей поэзии".

новится городской поэзией, поэзией фабрик, слободок, обездоленных в капиталистическом мире, она порывает с деревней.

В эту полосу выявляются Маширов-Самобытник, Ионов, Александровский, Герасимов, Поморский и другие.

На втором этапе развития—в период Октябрьской революции и гражданской войны, в период до новой экономической политики, эти поэты были трубным звуком революции. Они жили революционным романтическим настроением. Торжественно, но отвлеченно воспевали они революцию, звали к ней мировой пролетариат, ударяясь временами в космизм. Тем не менее они выполнили необходимую исторически и большую задачу; они выявили новый взгляд пролетариата на город, как мост к освобождению человечества,— на фабрику и завод, как центр и источник рабочего самосознания,— на труд, как источник творческой радости,— на революцию, как на полное духовное и материальное освобождение из-под ига капитализма. Они осветили целый ряд других второстепенных вопросов. Но они были романтиками революции, носились мысленно в эмпиреях, в отвлеченности, хотя бы и революционной, но все же отвлеченности. Когда наступил нэп и революционная буря стала стихать, когда от патетических лозунгов пришлось браться за мелкую черную, но неизбежную, важную, необходимую для строительства коммунизма работу, они впали в пессимизм, как-то завяли, утеряли контакт с быстроидущей жизнью и уступили место новым, более молодым пролетарским поэтам.

Внутри существовавшего тогда Пролеткульта, позже в пролетарской литературной группе „Кузница“ и „Твори“, они с честью прошли свой путь, став известными поэтами, отразив романтизм и героизм пролетарской революции в период наивысшего напряжения борьбы. [1]) К прежним именам надо присоединить Садофьева, Кириллова, Бердникова, Тихомирова, Обрадовича, Санникова и многих других.

Третий этап пролетарской поэзии—с нэпа до наших дней. Яркими представителями этого времени являются литературные группы „Рабочая весна“ и, главным образом, „Октябрь“. Безыменский, Жаров, Макаров, Голодный,—все они, выросшие в период гражданской войны и прошедшие через нее, увлеченные страстным, энергичным напором коммунистической партии и вообще пролетариата на мирном трудовом фронте от романтизма, пришли к трезвому реализму, с небес спустились на землю, стали воплощать в поэтических образах конкретные явления нашей сложной жизни и выявлять к ним свое отношение. Партбилет, карточка на головной убор, рабфаковец, комсомолец, учеба, клуб, октябрины и т. д., словом, вся жизнь со всеми ее революционными буднями стала предметом поэзии. Поэзия стала конкретной и близкой более широким массам, которые мало могли восчувствовать отвлеченный романтизм пролетарской революции. По мере того, как город, пролетариат все более и более поворачиваются „лицом к деревне“, начинает намечаться линия об'единения революционного города и революционной деревни. Как этот процесс протечет и что он принесет — сейчас предугадать еще нельзя. Теоретически надо ожидать примирения классовых интересов города и деревни. Оно обусловлено развитием коммунизма, расширением техники, индустриализацией сельского хозяйства. В „поэзии“ это примирение выявилось, например, у Тихомирова, у Орешина последнего времени и других поэтов-коммунистов.

Особо отметить следует Д. Бедного и В. Казина.

---

[1]) Там же. Статья—„Две поэзии“.

Д. Бедный хорошо известен каждому рабочему, каждому красноармейцу. Как никто своей басней он служил революции, привлекал колеблющихся, сомневающихся, как никто лозунги революции на всем ее протяжении, с эпохи „Звезды“ и „Правды‘, и до сего дня, он претворял в поэтические строки и образы. Его заслуги громадны. Он успевал реагировать на внешнюю политику, „вести переписку“ с лордами, бичевать меньшевиков и эсэров, а вместе с ними буржуазию, кулаков и попов, умел организовать поэтическим образом вокруг революции и советской власти широкие трудовые массы страны. Вначале он был вне группировок, а теперь вошел в группу „Октябрь“.

В. Казин—поэт другого склада, с внутренним поэтическим миром от Пушкина и Тютчева. Веселый, ласковый, смеющийся, солнечный, смотрит он на мир и развертывающуюся жизнь. В своей поэзии он, однако, часто выражает больше точку зрения ремесленника, чем фабричного индустриального пролетариата.

Таковы пути и этапы русской поэзии.

Валерьян Полянский.

ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА.

Хронологические и идеологические границы русской поэзии XX века не совпадают, как не совпадают вообще хронологические периоды с периодами культуры.

Придерживаясь чисто-хронологического принципа, следовало бы к русской поэзии XX века отнести лишь те стихотворения, которые написаны после 1900 года. Но 1900 год—это год смерти Владимира Соловьева, „ухода от мира" юноши-поэта Александра Добролюбова, пламенного проповедника поэзии „декаданса", канун смерти Ивана Коневского. Это — шесть лет после выхода первого сборника „Русские символисты", знаменовавшего наступление новой эпохи в русской поэзии, десятилетие после появления первых „декадентских" стихов Бальмонта, Мережковского, Минского, Сологуба... Словом 1900 год—дата, к которой новые течения русской поэзии, нашедшие свое окончательное завершение в первом десятилетии XX века, уже не только заявили о своем существовании, но и выросли, окрепли, начали приобретать среди широкой читающей публики сторонников и врагов.

Идеологически границу русской поэзии XX века приходится отодвинуть, по крайней мере, на десять лет назад.

Взятая в таком хронологическом масштабе, русская поэзия XX века являет картину закономерно и последовательно развивающейся смены школ, течений и группировок, на первый взгляд неожиданных и неизвестно откуда появляющихся.

Основное, что улавливается в русской поэзии эпохи 1890—1924 г.г., — это две резко выраженные тенденции, два устремления, разбивающие поэтов этой эпохи на два лагеря, если не враждующих, то, во всяком случае, чуждых друг другу по мироощущению, идеологии, взглядам на искусство и приемам творчества. Одно устремление может быть охарактеризовано, как э с т е т и з м, признание самодовлеющей ценности искусства, преклонение перед формой художественного произведения, отрыв от общественности, исповедывание пушкинского — „Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв". Другое—отказ от эстетизма, отрицание самодовлеющей ценности художественной формы, признание исключительной роли поэзии, как с о ц и а л ь н о г о ф а к т о р а, отзвук и развитие другого пушкинского утверждения — „И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал, что в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал".

Первое устремление нашло яркое выражение у ранних и поздних символистов, сменивших их акмеистов и в значительнейшей степени футуристов, а после революции — у имажинистов (см. стр. 1—218). Второе, впервые прозвучавшее резко и определенно в творчестве Некрасова, возродилось в 90-х и 900-х г.г. в творчестве предтеч революционной поэзии — П. Я. (Якубовича-Мельшина), Горького, Тана, Скитальца и др. После революции 1905 г. в русскую поэзию вливаются новые струи — поэзии крестьянской и пролетарской. Октябрьская революция открыла совершенно новую эру в русской поэзии, выдвинув на арену поэтической деятельности новые классы, и превратив струи крестьянской и пролетарской поэзии в мощные потоки (см. стр. 325—558).

Остается значительное число русских поэтов XX века, не примыкавших к определенным течениям или школам (Фофанов, Лохвицкая, Бунин) или в продолжение своей поэтической деятельности переходивших от группы к группе, а в конечном итоге оказавшихся вне всяких школ (Кузмин, Ходасевич, Шагинян, Липскеров и др.). (См. стр. 219 — 322). Хронологически, а часто в течение некоторого периода и фактически связанные то с символизмом, то с акмеизмом, то с футуризмом, эти поэты, за немногими исключениями, идеологически близки к тем устремлениям в русской поэзии XX века, для которых поэтическое творчество есть самоцель, проблемы чисто-эстетического и формального свойства превалируют над проблемами социального значения и общественного служения поэзии. Они дополняют общую картину развития русской поэзии до 1917 года и так же, как символисты, акмеисты, футуристы и има-

жиннсты, внутренне далеки от поэзии революционного пролетариата и крестьянства, новой не только по содержанию и форме, но и по социальному происхождению поэтов, ее создающих.

◆ ◆ ◆

К концу 90-х годов господствующее положение в русской поэзии начинает занимать школа символистов.

Русский символизм, как литературное течение,— явление очень сложное, до сих пор еще не изученное до конца. В нем переплелись самые разнообразные влияния, начиная с французских „декадентов" — Бодлэра, Верлена, Метерлинка, Малармэ, английского эстетизма Оскар Уайльда, индивидуалистической проповеди Ибсена и Ницше, и кончая мистической философией Владимира Соловьева, романами Достоевского, поэзией Тютчева и Фета и „Sturm und Drang'a" германского романтизма. Художественная и общефилософская его генеалогия чрезвычайно спорна [1]).

Даже в терминологии нет полного единогласия. Так, некоторые критики до сих пор называют весь символизм в его целом „декадентством", „модернизмом" (хотя последний термин звучит чрезвычайно странно теперь, когда приходится иметь дело со школой, уже ушедшей со сцены, а не с современностью, „modern'ом", чем был символизм в начале XX века). Другие, как С. А. Венгеров, пытались отожествить понятие символизма с понятием неоромантизма.

Конечно, понятия „символизм" и „романтизм" не равнозначущи, но трактовка русского символизма в его целом, как течения романтического по своей природе, как известного рецидива романтизма начала XIX века имеет под собой глубокие основания [2]). Романтизм, как настроение, как стремление уйти от реальной действительности в мир вымысла и мечты, как неприятие жизни и реальности, вечное „искание бесконечности в конечном", подчинение разума и воли чувству и настроениям,— является, несомненно, преобладающей стихией русского символизма, тем психологическим базисом, на основе которого он мог распуститься.

Внутренняя напряженность и беспокойство, несколько хаотическая взволнованность, так характерная для романтизма, является столь же характерной чертой русского символизма, особенно позднего его проявления. Не случайно первым увлечением Блока в поэзии был Жуковский, юношеским увлечением Бальмонта— Эдгар По и Шелли, Белый с детства упивался стихами Уланда и Гете и сказками Андерсена, а любимым чтением юного Сологуба были „Робинзон" и „Дон-Кихот".

Возрождением настроений романтизма идеологическая сторона русского символизма, однако, не исчерпывается. Он впитал в себя и другие влияния и на первом месте влияния: 1) западного, в частности французского „декадентства" и 2) мистической философии Владимира Соловьева.

Влияние на русский символизм западного „декадентства" многими переоценивается.

В действительности связь русского символизма с западным „декадентством" несомненна, но отнюдь не так велика. Только первые шаги русского символизма были окрашены „декадансом", все же наиболее яркое и сильное в символизме — в особенности „младшее", второе его поколение — Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Ю. Балтрушайтиса, Александр Блок — находится почти целиком вне этого влияния и укладывается в русло влияний предшествующей русской лирики и философии Владимира Соловьева.

Чтобы убедиться в этом достаточно сравнить произведения западных декадентов Метерлинка, О. Уайльда, Г. Д'Аннунцио, Бодлэра, Малармэ с произведениями корифеев русского символизма. Недаром идеологи и теоретики позднего русского символизма (Вяч. Иванов, А. Белый, Эллис) решительно и резко отмежевывались от „модернизма" и „декадентства".

Западное декадентство — это прежде всего— эстетство, холодное и замкнутое в себе. Это, как выражается В. Гиппиус [1]) „крайнее самоутверждение личности",— своеобразный, разнеженный, с привкусом чего-то сладкого и слащавого, индивидуализм, вернее, солипсизм, далекий от творчества жизни, бесформенный, пассивный. Эти черты были ярко выражены в творчестве ранних русских символистов, к которым более подходит наименование „декаденты". Быть может лучше, чем где бы то ни было, эстетика русского декадентства была формулирована в словах Ф. Сологуба: „Беру кусок жизни грубой и бедной и творю из нее

---

[1]) Здесь совершенно не затрагиваются вопросы о социальных корнях символизма. Этот вопрос освещен в статье Валерьяна Полянского (см. стр. IX).

[2]) На романтическую природу русского символизма указывали В. А. Браун, С. А. Венгеров, Д. В. Философов, В. М. Жирмунский, Р. В. Иванов-Разумник и др.

[1]) Статья об Александре Добролюбове в „Русск. лит. XX в.". Изд. „Мир".

сладостную легенду, ибо я поэт“, в юношеском credo Валерия Брюсова: „Все в жизни только лишь средство для звонко-певучих стихов“, и особенно в его “Юному поэту“—„никому не сочувствуй, сам же себя полюби беспредельно.. Поклоняйся искусству, только ему безраздумно, бесцельно“.

Наиболее яркими поэтическими образцами подобного рода „декадентских“ стихов в духе западного „декаданса“ являются Брюсовские „Творчество“ и „Гаснут розовые краски“, „Нет муки сладострастней и больней“ Минского, „На Ойле далекой и прекрасной“ Сологуба.

Воспевание „боли души, которая устала и спит в гробу усталости своей“ (Минский), лежание „на дне меж подводных стеблей“ (Бальмонт), призывы смерти — „О, смерть, я твой, повсюду вижу одну тебя и ненавижу очарования земли“ (Ф. Сологуб), какая-то напуганность жизнью, страх перед ней, нежелание или неспособность видеть в ней ничего реально ценного — одну только скуку и ничтожество, „чортовы качели“, бессмысленные и жестокие (Гиппиус, Мережковский, Сологуб)—вот настроения раннего русского символизма, к которому, повторяем, более применим термин „декадентство“. Выходов из такого настроения два: прославление смерти и призыв итти к ней навстречу — мрачное отчаяние или же замена подлинной жизни ее суррогатом — „сладостной легендой“, „тайной“, беспринципной эротикой, проповедью забвенья, бессилия, „нелюбви“, эстетствующе-мистическими настроениями, „музыкой мечты“, „музыкой слова“, музыкой неопределенных слов и звучаний, неясных для понимания, но ласкающих ухо — уход в замкнутый, холодно-поверхностный солипсический эстетизм.

Эти черты характеризуют в значительной степени поэзию раннего Добролюбова [1]), Минского, Ив. Коневского, Мережковского, Бальмонта, Гофмана, Сологуба, Гиппиус, раннего Брюсова, а впоследствии в значительной степени Блока и Анненского. На всей этой поэзии лежит налет пассивности, внутреннего бессилия— несмотря на порой исключительное совершенство формы, отсутствие волевого начала и жизнеспособности.

Иные черты психологии наблюдаются у символистов в тесном смысле этого слова — у московской группы „декадентов“, тех, к кому эта „кличка“ уже совершенно не подходит.

[1]) В антологию включены лишь стихи более позднего периода, более интересные и характерные для облика А. Добролюбова в целом.

◆ ◆ ◆

Несколько особняком в среде московских символистов стоит Валерий Брюсов. Его урбанизм и несомненная родственность, с одной стороны, с Бодлэром, с другой — с Верхарном, делают его чуждым общим настроениям московского символизма, развившегося под сильнейшим влиянием Владимира Соловьева.

В сущности, если исключить ранний период творчества поэта с его напускной, чисто-декадентской мистикой „фиолетовых теней на эмалевой стене“ и болезненно-городской, напряженный эротизм, творчество В. Брюсова исключительно вещественно, реально, лишено романтико-мистического пафоса, который так характерен для русского символизма вообще и московской школы в частности. Это сказывается не только в идеологии поэта, но и в его художественных приемах. Характерно, что именно Валерия Брюсова некоторые критики готовы были рассматривать, как первого из современных русских „пушкинистов“ (против чего, кстати сказать, вполне основательно возражает В. М. Жирмунский). Не менее характерно, что только Брюсов,— единственный из крупных символистов,— стал после Октябрьской революции членом Р.К.П.

Урбанизм Брюсова, связывая его с французским и русским декадентством, со старшей плеядой русских символистов, к которым Брюсов собственно и принадлежит, с другой стороны, намечает некоторую тематическую связь его с будущими „кубо-футуристами“. Правда, восприятие города у Брюсова — типично-Бодлэровское —„декадентское“ (отрицание, а не утверждение), но тем не менее Брюсов единственный из русских поэтов до футуристического периода, умеющий заставить почувствовать дыхание современного капиталистического города, бешеный ритм его жизни, засасывающую и гипнотизирующую динамику, грохот, сутолоку, бесконечные переливы огней, серые сумерки городского рассвета и бесстрастное олово электрических лун.

Другие русские „декаденты“ этого не ощущали. Для них город не был активным, живым организмом. Они пользовались его образами только для того, чтобы оттенить свою чуждость ему, свою тоску, ужас перед жизнью, одиночество, усталость, бессилие — словом, все то, что так характерно для идеологии и настроения „декадентства“.

С появлением на арену русской поэзии XX века плеяды, так называемых, „младших“ символистов, второго поколения русского символизма, характер символизма заметно меняется. Новые символисты — В. Иванов, А. Белый, Ю. Балтру-

шайтис, А. Блок, С. Соловьев — решительно отмежевываются от прежнего „декадентства". Идее солипсизма, учению о беспредельной любви к себе, призывам к уходу в уединенный мир мечты и неуловимых настроений, пассивности, внежизненности, преклонению перед образом смерти и болезненно-извращенному эротизму, они противопоставляют идею „соборности", активности, пророческого служения поэта, волевые стремления к проведению в жизнь своей религиозно-философской идеи.

Рассматриваемые с более широкой точки зрения, как ранние „декаденты", так и поздние „символисты" — явление одной и той же категории. Социальные их корни одни [1]). Основная стихия тех и других — романтическая мистика, проистекающая из неспособности или неумения найти свое место в реальной жизни, разрыв с реальностью, уход из нее. Но психологический тонус, настроенность у символистов второго поколения уже совершенно иные. „Декаденты" не думали быть творцами жизни. Они были только поэтами. Они проповедывали уход из „грубой" жизни. „Символисты" хотели быть творцами жизни. Они всегда стремились к тому, чтобы занять место учителей жизни и пророков. („Искусство идет навстречу народной душе" — Вяч. Иванов).

Лирика Владимира Соловьева — ключ к пониманию второго поколения русских символистов. Их генеалогия так же сложна, как и генеалогия русского „декадентства". На них повлияли и германские романтики (Блок), и Ницше и скандинавские драматурги (ранний Белый) и, несомненно, очень значительно Тютчев (Вяч. Иванов), Случевский, романы Достоевского. Но лирика и философия Владимира Соловьева — ее краеугольный камень.

„Милый друг, иль ты не видишь, что все видимое нами — только отблеск, только тени от незримого очами?".. „Все, кружась, исчезает во мгле, неподвижно лишь солнце любви"... В этих противопоставлениях реального и не реального, в призыве к активному „религиозному действию", содержащемся в философии Владимира Соловьева — зачатки всех элементов поэтического мироощущения русского символизма, так, как оно формулировано в статьях Вяч. Иванова, А. Белого, А. Блока и др. [2]). В лирике Вл. Соловьева впервые отчетливо был выявлен образ „Царевны", мистической „Мировой души", „Софии", „Вечной Женственности", получивший дальнейшее завершение в образе „Прекрасной Дамы" Блока, в „огненности" и „золоте в лазури" Андрея Белого, в органной торжественности поэзии Балтрушайтиса и „Прозрачности" Вячеслава Иванова.

В ряду символистов „второго поколения" особое место занимает А. Блок. Выйдя идеологически из московской группы последователей Вл. Соловьева [1]), он в среднем периоде своего творчества оказывается под значительным влиянием петербургского „декадентского" мироощущения („Снежная Маска", „Король на площади", „Песня Судьбы"), в последнем же периоде, кажется, почти преодолевшим символизм („Стихи о России", „Скифы") и вступающим на совершенно новый реалистический путь. Но до конца преодолеть символизма Блок так и не смог. Совсем особое место среди символистов занимают И. Анненский, М. Волошин и Ю. Верховский. Отдав в свое время дань раннему „декаденству" (особенно Анненский) и позднему „символизму", они в более зрелые периоды своего творчества приходят, в гораздо более значительной степени, чем Блок, к новым путям — к ясности, простоте и классической четкости стиха, к тому, что впоследствии характеризовало „акмеизм" и „пушкинизм".

Особенно большое значение имела в этом отношении поэзия Ин. Анненского, которого основоположники „акмеизма" считали своим учителем.

◆ ◆ ◆

Русский символизм разбивается на две друг от друга значительно разнящиеся группы. Он двойствен. И в то же время он един Есть нечто основное, что об'единяет в одно большое и сложное целое поэзию Сологуба и Вяч. Иванова, Минского и Белого, Гиппиус и Блока, на первый взгляд столь различных по своей сущности. Есть нечто, что может быть „вынесено за скобки" и что дает возможность уяснить особенности русского символизма до конца.

„В то время как поэты-реалисты рассматривают мир наивно, как простые наблюдатели, подчиняясь вещественной его основе, поэты — символисты, пересоздавая вещественность сложной своей впечатлительностью, властвуют над миром и проникают в его мистерии" — говорит Бальмонт. — „Реалисты всегда являются простыми наблюдателями, символисты — всегда мыслители. Реалисты охвачены, как прибоем, конкретной жизнью, за которой они не видят

---

1) См. об этом статью Валерьяна Полянского (стр. X—XII).

2) Совсем близка к идеологии русского символизма статья Вл. Соловьева „Общий смысл искусства".

1) См. „Воспоминания об А. А. Блоке" Андрея Белого. — „Записки Мечтателей", № 6, 1922 г.

ничего,— символисты, отрешенные от реальной действительности, видят в ней только свою мечту, они смотрят на жизнь — из окна“ [1]).

В таком же духе высказывается и Андрей Белый: “Не событиями захвачено все существо человека, а символами иного“ [2]). „Искусство должно учить видеть Вечное; сорвана, разбита безукоризненная, окаменелая маска классического искусства“.

Ярче и определеннее всех формулировал сущность символизма Вяч. Иванов. Сущностью его он считает: „сознательно-выраженный художником параллелизм феноменального и ноуменального; гармонически найденное созвучие того, что искусство изображает, как действительность внешнюю (realia) и того, что он провидит во внешнем, как внутреннюю и высшую действительность (realiora), ознаменование соответствий и отношений между явлением (оно же— „только подобие“, „nur Gleichniss“) и его умопостигаемою или мистически прозреваемою сущностью, отбрасывающею от себя тень видимого бытия“ [3]).

„И так, я не символист, если не бужу неуловимым намеком или влиянием в сердце слушателя ощущений непередаваемых, похожих порой на изначальное воспоминание („И долго на свете томилась она, желанием чудиым полна, и звуков небес заменить не могли ей скучные песни земли“), порой на далекое смутное, предчувствие, порой на трепет чьего-то знакомого и желанного приближения“... „Я не символист, если слова мои не вызывают в слушателе чувства связи между тем, что есть его „я“ и тем, что он зовет „не — я“,— связи вещей, эмпирически разделенных, если мои слова не убеждают его непосредственно в существовании скрытой жизни, там, где разум его не подозревал жизни“... „Я не символист, если слова мои равны себе, если они — не эхо иных звуков“ [4]).

Эти мысли русских символистов интересно сопоставить с теорией родоначальника западного „декаданса“ Бодлэра, нашедшей горячий отклик в сердцах первых русских „декадентов“.

„Природа — храм. Из его живых столпов вырываются порой смутные слова. В этом храме человек проходит через лес символов; они провожают его родными, знающими взглядами. Подобно долгим эхо, которые смешиваются вдалеке и там сливаются в сумрачное, глухое единство, пространное, как ночь и как свет,— подобно долгим эхо отвечают один другому благоухания, и цвета, и звуки“ (стихотворение „Соответствия“ (Correspondances) — перевод Вяч. Иванова).

Из приведенных цитат сущность „символизма“ и „декадентства“ и точки их соприкосновения вырисовываются вполне отчетливо и ясно. Исходные точки как у тех, так и у других, одни. Различны лишь выводы и проистекающие из этого „мистического мироощущения“ и настроения: одни („декаденты“) уходят в мир мечты, чтобы там отдаться улавливанию „соответствий“, вдыханию „благоуханий, цветов и звуков“, другие („символисты“) — ставят перед собой задачу: научить человечество „правильному познанию мира“, передать ему то, о чем „не подозревает его разум“, „убедить в существовании скрытой жизни“.

◆ ◆ ◆

Технические приемы символистов определяются, как и их идеология, их романтической природой.

„Существуют два поэтических стиля, которые могут быть условно обозначены, как стиль классический и романтический“ — говорит В. М. Жирмунский и дальше дает прекрасную характеристику того и другого стиля, которую мы приводим почти целиком:

„Для классического стиля характерна сознательность и разумность в выборе и употреблении слов—вещественно-логический принцип словосочетания. Поэт владеет логической стихией речи: слова употребляются им с полнотой логического и вещественного смысла. Соединение слов всегда единственное, индивидуальное, не повторяемое в таком сочетании; связь между эпитетом и его предметом синтетическая, так что эпитет вносит существенно новую черту в определение предмета. Синтаксическое построение является строгим, логически расчлененным и гармоничным. Композиционное целое распадается на ясные и легко обозримые части. В общем, элемент смысла, вещественного значения слова управляет сложением поэтического произведения“...

„В противоположность этому, для романтического стиля характерно преобладание стихии эмоциональной и напевной, желание воздействовать на слушателя скорее звуком, чем смыслом слов, вызвать „настроение“, т.-е. смутные, точнее неопределимые лирические пе-

[1]) „Элементарные слова о символической поэзии“ (Горные вершины“ — М. Гриф. 1904).

[2]) „Символизм, как миропонимание“ („Мир Искусства“ — Пб. 1904. № 5).

[3]) „Заветы символизма“ („Борозды и межи“— М. Мусагет. 1916 г.)

[4]) „Мысли о символизме“ („Борозды и межи“—М. Мусагет. 1916).

реживания в эмоционально взволнованной душе воспринимающего. Логический и вещественный смысл слов может быть затемнен: слова лишь намекают на некоторое общее и неопределенное значение; целая группа слов имеет одинаковый смысл, определяемый общей эмоциональной окраской всего выражения. Поэтому в выборе слов и их соединении нет той индивидуальности, неповторяемости, незаменимости каждого отдельного слова, которая отличает классический стиль... Основной художественный принцип это—повторение: повторение отдельных звуков и слов или целых стихов, создающее впечатление эмоционального нагнетания, лирического сгущения впечатления. Параллелизм и повторение простейших синтаксических единиц определяют собой построение синтаксического целого. Общая композиция художественного произведения всегда окрашена лирически и обнаруживает эмоциональное участие автора в изображаемом им повествовании и действии"...

„Поэт классик смотрит на искусство, как на строительство прекрасного; поэтическое произведение есть прекрасное здание, подчиненное в своем строении априорным законам прекрасного; важно, чтобы построенное здание имело внутреннее равновесие, было закончено и совершенно, и подчинялось единому художественному закону. Поэт романтик хочет выразить в произведении свое переживание; он открывает свою душу и исповедуется; он ищет выразительных средств, которые могли бы передать его душевное настроение как можно более непосредственно и живо; и поэтическое произведение романтика представляет интерес в меру оригинальности, богатства, интересности личности его творца. Классический поэт — мастер своего дела, профессионал, подчиняющийся условностям своего закона и законам связывающего его материала. Романтический поэт всегда борется с этими условностями и законами; он ищет новой формы, абсолютно соответствующей его переживанию; он особенно остро ощущает невыразимость переживания во всей его полноте в условных формах доступного ему искусства". [1])

Символисты довели эти общие для всякой романтической школы поэтические приемы до крайних пределов.

Так как музыка — мир лирики, настроения, мечты по самой своей сущности — они выставили положение, что „всякий символ музыкален". Вслед за Верленом с его „de la musique, avant toutes choses", они провозгласили музыку высшей формой искусства,—идеалом, к которому всякое искусство должно стремиться. Лирически-музыкальную напевность стиха они довели до крайности (особенно Бальмонт). Поэзия в их руках превратилась в поэзию звуков и настроений. Слово, как таковое, как драгоценный материал, из которого можно выковать классически совершенные создания — для символистов (за исключением отдельных представителей московского символизма— Вяч. Иванова и Белого) — утратило цену. Оно стало ценным только как звук, музыкальная нота, как звено в общем мелодическом построении стихотворения.

(Тот факт, что ряд символистов, особенно в последнее десятилетие,—после того как обнаружился кризис символизма, как школы,— писали стихотворения, носящие черты классицизма, не может поколебать правильности этого положения. Здесь имеются в виду типические черты символизма, как школы).

Такому же если не гонению, то забвению подвергся в символической поэзии и живописный образ. Он у символистов почти отсутствует, как зрительная реальность. Он отодвинут далеко на задний план, окутан мистической дымкой, обволакивающей все предметы, стирающей контуры и границы, гасящей резкие краски и сливающей предмет, реальность, с нереальным „настроением", „мечтой" поэта, превращающий реальную жизнь с ее пестротой, разнообразием форм и противоречием в один грустный, щемящий музыкальный аккорд.

Стих поэта-символиста лишен твердого остова — логического скелета, мужественного, активного начала. Он мягок, певуч, женствен и в то же время у каждого поэта подчеркнуто индивидуалистичен. Строгость формы, скованность логикой ему чужда. В погоне за музыкальностью и эмоциональностью поэт-символист создает причудливые ритмические сочетания, вносит в спокойную классическую строфу элементы порывистости, нервности, Sturm und Drang'a или, напротив, расплавленности, размягченности, затягивания темпа. Символисты были первыми в русской поэзии, кто „сломал" классическую форму стиха, кто в области формы явился если еще не революционером, то бунтарем, и в этом разгадка той ненависти, с которой было встречено появление „символизма" и „декаденства" читающим обывателем.

◆ ◆ ◆

Выбор мотивов и сюжетов у поэтов-символистов так же как и поэтические их приемы обусловливаются их идеологией и всем их поэтическим мироощущением. Излюбленными моти-

[1]) „Валерий Брюсов и наследие Пушкина".— Пб. Эльзевир. 1922.

вами является чистая лирика, т.-е. передача в стихотворении своего личного переживания, чаще всего мистического и религиозного. Эти личные переживания говорят о Вечности, Тайне, Солнце, Дьяволе, Боге, Огне, Люцифере и т. д., при чем все эти слова поэты-символисты пишут с заглавной буквы. Далее, особенно привлекают любовь, — эротика во всех ее проявлениях, начиная с чисто-земного сладострастия и кончая романтическим томлением о Прекрасной Даме, Госпоже, Вечной Женственности, Незнакомке... Эротизм неизбежно переплетен с мистическими переживаниями. Любят поэты-символисты и пейзаж, но не как таковой, а опять-таки, как средство выявить свое настроение. Поэтому так часто в их стихотворениях русская, томительно-грустная осень, когда нет солнца, а если есть, то с печальными блеклыми лучами, тихо шуршат падающие листья, на всем „прощальная улыбка увяданья", все окутано дымкой чуть-чуть колышащегося тумана. Солнца, весны с ее бодрящим воздухом, голубых теней, радостно сверкающего неба русского морозного дня, которые так ярко дали в своих картинах русские художники-импрессионисты, поэт символист мало ощущает.

Так же через призму своего настроения воспринимает поэт-символист и город. Он „стилизует" городской пейзаж так же, как „стилизует" природу,—т.-е. придает всему свою форму, свой колорит, свой характер. Город воспринимается символистом, как „город-Вампир", „Спрут", сатанинское наваждение, место безумия, ужаса и безысходной, ничем неутолимой тоски (Блок, Сологуб, Белый, С. Соловьев, в значительной степени Брюсов). Образами города — поэт-символист пользуется лишь для того, чтобы опять-таки оттенить свое настроение и переживание.

Как всякий романтик, поэт-символист любит прошлое, прошлое не вчерашнего дня, а то, которое ушло далеко, стало невозвратимым, грезой, сном, о чем можно с болью и грустью вспоминать. В прошлом опять манит поэта-символиста не реальность, а мнимая красота, ушедшая из жизни,—греза, мечта. Он так же „стилизует" прошлое, как „стилизует" пейзаж, город, быт, окружающую действительность. Образы античности — Греции и Рима, библейские мотивы, бержеретты и пасторали XVIII века, фижмы, робы, кринолины, белые парики и бархатные мушки, маркизы, одетые в шелк и бархат, романтические, мечтательные русские 30 и 40 годы— особенно охотно используются, как материал, в стихотворениях русских „символистов" и „декадентов" (ранний Кузмин, Белый, Блок, Брюсов, С. Соловьев).

Так же романтичны отношения поэта-символиста к быту. Он не воспринимает его как реальность, но создает из него театр марионеток, траги-комический „балаганчик", или кошмарную эпопею „Петербурга" и „Мелкого Беса", анекдотически-занятные фарфоровые фигурки Кузмина или безумную истерику „Пепла" Андрея Белого.

Остается еще отметить любовь символистов к прошлому русского народа и к „стилизованному" быту русской деревни. Характерна любовь символистов к славянизмам в стихе, к „русскому духу", к художественному фольклору (последний период творчества А. Добролюбова, „Вертоград Многоцветный" Бальмонта, песенки Ф. Сологуба, „Под Древом Кипарисным" Вяч. Иванова, весь первый период творчества С. Городецкого, когда он еще был символистом), к образу „Руси" (Сологуб, Блок, Белый). Этот своеобразный „национализм" и „фольклор" имеет те же корни, что и любовь символистов к прошлому. Он также порожден основной психологической стихией символизма — его романтической, лирическо-мечтательной природой [1]).

◆ ◆ ◆

К концу первого десятилетия XX века символизм, как школа, приходит в упадок. Появляются отдельные выдающиеся произведения поэтов-символистов, но влияние его, как школы, утрачено. Все молодое, жизнеспособное, бодрое уже вне его. Символизм не дает уже новых имен.

Символизм изжил самого себя и изживание это шло по двум направлениям. С одной стороны, требование обязательной „мистики", „раскрытия тайны", „постижения" бесконечного в конечном привело к утрате всякой подлинности поэзии: „религиозный и мистический пафос" корифеев символизма оказался подмененным своего рода мистическим трафаретом, шаблоном, „кокетничанием с вечностью". С другой — увлечение „музыкальной основой" стиха привело к созданию поэзии, лишенной всякого логического смысла, в которой слово низведено до роли уже не музыкального звука, а жестяной, звенящей побрякушки.

---

[1]) В этом отношении особенно интересна и характерна лекция А. Белого, прочитанная в Москве в 1924 г., где он убедительно устанавливал тожественность образов А. Блока: Офелия — Прекрасная Дама — Россия — Революция (романтическое приятие революции в „Двенадцати").

Соответственно с этим и реакция против символизма, а впоследствии борьба с ним, шли по тем же двум основным линиям.

С одной стороны, против идеологии символизма выступили „акмеисты". С другой — в защиту слова, как такового, выступили так же враждебные символизму по идеологии „футуристы".

„На смену символизма — писал основоположник акмеизма Н. Гумилев [1]) — идет новое направление, как бы оно ни называлось, акмеизм ли (от слова *ακμή* — высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора), или адамизм (мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь), — во всяком случае требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между суб'ектом и об'ектом, чем то было в символизме"... „Высоко ценя символистов за то, что они указали на значение в искусстве символа, мы не согласны приносить ему в жертву прочих способов поэтического воздействия"...

„Как адамисты, мы немного лесные звери, и во всяком случае не отдадим того, что в нас есть звериного в обмен на неврастению"...

„Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого"... „Первое, что на такой вопрос может ответить акмеизм, будет указанием на то, что непознаваемое, по самому смыслу этого слова нельзя познать. Второе — что все попытки в этом направлении — нецеломудренны"... „Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками, — вот принцип акмеизма".

Еще более определенно формулировал мировоззрение акмеизма другой основоположник этого течения, впоследствие, впрочем, от него отошедший — Сергей Городецкий:

„Борьба между акмеизмом и символизмом, если это борьба, а не занятие покинутой крепости, есть, прежде всего, борьба за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время, за нашу планету Землю. Символизм, в конце концов, заполнив мир „соответствиями", обратил его в фантом, важный лишь постольку, поскольку он сквозит и просвечивает иными мирами, и умалил его высокую самоценность. У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще. Звезда Маир, если она есть, прекрасна на своем месте, а не как невесомая точка опоры невесомой мечты. Тройка удала и хороша своими бубенцами, ямщиком и конями, а не притянутой под ее покров политикой"... „И уродство может быть прекрасно. После всех „неприятий" „мир бесповоротно принят акмеизмом, во всей совокупности красот и безобразий. Отныне безобразно только то, что безобразно, что недовоплощено, что завяло между бытием и небытием" [1]).

Таким образом, поэты-акмеисты, об'единенные в петербургской организации „Цех поэтов", выступили с протестом прежде всего против „обязательной мистики" во имя утверждения ясности, простоты, реальности, жизни.

Отличительной чертой поэзии акмеизма является ее вещественная реальность, предметность. Акмеизм полюбил вещи такой же страстной, беззаветной любовью, как символизм любил „соответствия", мистику, тайну. Для него все в жизни было ясно. В значительной степени он был таким же эстетством, как и символизм и в этом отношении он, несомненно, находится с ним в преемственной связи (на что, между прочим, всегда и указывал Гумилев), но эстетизм акмеизма уже иного порядка, чем эстетизм символизма.

Акмеисты любили производить свою генеалогию от символиста Ин. Анненского и в этом они, несомненно, правы. Ин. Анненский стоял особняком среди символистов. Отдав дань раннему декадентству и его настроениям, он почти совсем не отразил в своем творчестве идеологии позднего московского символизма и в то время, как Бальмонт, а за ним и многие другие поэты символисты заблудились в „словесной эквилибристике", — по меткому выражению Андрея Белого, захлебнулись в потоке бесформенности и „духа музыки", залившем символическую поэзию, он нашел в себе силы пойти по другому пути. Поэзия Ин. Анненского знаменовала собой поворот от духа музыки и эстетствующей мистики к простоте, лаконичности и ясности стиха, к земной реальности тем и какой-то по-земному амистичной тяжелости настроения.

Ясность и простота построения стиха Ин. Анненского была хорошо усвоена акмеистами. Их стих приобрел четкость очертаний, логическую силу и вещественную весомость. Он приобрел в значительной степени те черты, которые, по приведенному выше отрывку из книги В. М. Жирмунского, характерны для поэзии к л а с с и ч е с к о г о стиля. Акмеизм был резким и определенным поворотом русской поэзии XX века к классицизму. Но именно только п о в о р о т о м, а не завершением — это необходимо иметь

[1]) Ст. „Наследие символизма и акмеизм". („Аполлон". 1913. № 1).

[1]) Ст. „Некоторые течения в современной русской поэзии" (Аполлон". 1913. № 1).

все время в виду, так как акмеизм носил в себе все же много черт еще не окончательно изжитого романтического символизма.

В целом поэзия акмеистов была образцами в большинстве случаев уступающего символизму, но все же очень высокого мастерства. Это мастерство, в противоположность пламенности и экспрессии лучших достижений символизма, носило на себе налет какого-то замкнутого в себе, утонченного аристократизма, чаще всего (за исключением поэзии Ахматовой, Нарбута и Городецкого) холодного, спокойного и бесстрастного.

Среди акмеистов особено был развит культ Теофиля Готье, а его стихотворение „Искусство", начинающееся словами, „Искусство тем прекрасней, чем взятый материал бесстрастней", звучало для старшего поколения „Цеха поэтов" своего рода поэтической программой.

◆ ◆ ◆

Так же, как и символизм, акмеизм вобрал в себя много разнообразных влияний и в его среде наметились разнообразные группировки.

Об'единяла всех акмеистов в одно их любовь к предметному, реальному миру — не к жизни и ее проявлениям, а к предметам, к вещам Любовь эта проявлялась у различных акмеистов по различному.

Прежде всего мы видим среди акмеистов поэтов, отношение которых к окружающим их предметам и любование ими носит на себя печать того же романтизма. Романтизм этот, правда, не мистический, а предметный, и в этом его коренное отличие от символизма. Такова экзотическая поэзия Гумилева с Африкой, Нигером, Суэцким каналом, мраморными гротами, жирафами и слонами, персидскими миниатюрами и Парфеноном, залитым лучами заходящего солнца... Гумилев влюблен в эти экзотические предметы окружающего мира чисто по земному, но любовь эта насквозь романтична. Предметность встала в его творчестве на место мистики символизма. Характерно, что в последний период своего творчества, в таких вещах, как „Заблудившийся трамвай", „Пьяный Дервиш", „Шестое чувство" он становится вновь близким к символизму.

Тот же романтизм в отношении к окружающим его предметам характерен для Г. Иванова и в значительной степени Вс. Рождественского, вносящего, впрочем, в ранних своих вещах — „Утро", „Гости", „Именины", „Вечерний чай"—что-то радостное, свежее и молодое, порой внешние почти примитивное, как уездные акварели Кустодиева. Чисто вещественные, предметные городские пейзажи Г. Иванова — его Марсель, Петергоф, морские корабли, золото пейзажей Клода Лорена, старинные литографии, вазы, прадедушкины музыкальные шкатулки— полифоны, так же как и пахнущие старомодными духами пожелтевшие страницы Манон Леско, разбойничьи бриги, раззолоченные кареты аристократов эпохи Великой Революции Вс. Рождественского — все это дань тому же романтизму, та же огражденность от внешних проявлений грубой, повседневной жизни, те же отзвуки „эстетизма" символистов.

Еще теснее связь с символизмом у Лозинского. Безысходно пессимистическая поэзия Адамовича так и кажется продолжением „скуки" и страха смерти Ин. Анненского.

В значительной степени противоположны этим поэтам С. Городецкий [1]), М. Зенкевич и особенно В. Нарбут. Русь, Нищие, Рожь Сергея Городецкого, металлы, мясные ряды, человек, вымершие чудища зоологического музея и городской рассвет Мих. Зенкевича — все это уже несомненная реальность, без всяких прикрас и романтизма, жизнь без экзотики и отзвуков минувшего, пахнущая не прабабушкиными духами, пудрой и цветами тропических растений, а мертвенным запахом зоологического музея, липкой кровью мясных туш, покрытых мухами, жидкой грязью городских каналов. Поэзия В. Нарбута, его архиерей, гадалки, волки, горшками, возы, огороды и внутреннее убранство крестьянской избы — дальнейшее развитие реализма, переходящего в натурализм. Здесь вещественность и предметность доведены до последнего предела. Это начало того почти передвижнического натурализма, который впоследствии стал излюбленным приемом крестьянского поэта П. Радимова.

Особо следует выделить среди акмеистов А. Ахматову и О. Мандельштама Первая внутренне и внешне мало связана с акмеизмом. За исключением „Рыбака" и еще нескольких стихотворений в ее творчестве нет чисто акмеистических черт. Вещественную предметность окружающего ее мира она использует лишь как средство, как фон и орудие для выявления своих личных, лирических переживаний. Ее лирика уже настоящий поворот к „пушкинизму", о котором придется говорить, когда будет итти речь о поэтах, не примыкающих к определенным течениям.

О. Мандельштам соединил в себе умелого зодчего слова и акмеистическую любовь к предметности с романтической любовью к Элла-

[1]) „акмеистического" периода.

де, Петербургу, образам русского прошлого („Кремль“, „Декабрист“, „Адмиралтейство“). Упорная работа над словом, работа сознательного мастера слова, ремесленника своего дела какой-то одной стороной его творчества приближает его к упорной работе над словесном материалом кубо-футуристов. Недаром он сам говорит, что время вдохновенных праздных гуляк Моцартов в поэзии прошло, на их место становятся суровые и строгие мастера Сальери [1]). Не даром его „Сегодня дурной день“ так близок по лаконичной скупости фразы к „Нашему маршу“ Маяковского.

◆ ◆ ◆

Во внешней судьбе русского футуризма есть что-то, напоминающее судьбы русского символизма. Такое же яростное непризнание на первых шагах, шум при рождении (у футуристов только значительно более сильный, превращающийся в скандал). Быстрое вслед за этим признание передовых слоев литературной критики, триумф, огромные надежды. Внезапный срыв и падение в пропасть в тот момент, когда, казалось, открываются новые, небывалые доселе в русской поэзии возможности и горизонты.

Какую же роль, в конечном итоге, сыграл в русской поэзии XX века футуризм и каково его значение?

Вопрос этот до сих пор остается нерешенным. Одни готовы видеть в футуризме случайный эпизод, последний отзвук „декадентства“, обратившегося в свою собственную каррикатуру, и рассматривают футуристов, как эпигонов символизма; другие — видят в них предтечей революционной поэзии и готовы принять за исходную точку дальнейшего, будущего развития русской литературы.

Что футуризм — течение значительное и глубокое — не подлежит сомнению. Также несомненно его значительное внешнее влияние (в частности Маяковского) на форму пролетарской поэзии, в первые годы ее существования. Но так же несомненно, что футуризм в целом не вынес тяжести поставленных перед ним задач и под ударами революции совершенно развалился. То обстоятельство, что творчество нескольких футуристов — Маяковский, Асеев и Третьяков — в последние годы проникнуто революционной идеологией, говорит только о революционности этих отдельных поэтов: став певцами революции, эти поэты утратили свою футуристическую сущность в значительной степени, и футуризм в целом от этого не стал ближе к революции, как не стали революционными символизм и акмеизм оттого, что членами РКП и певцами революции стали Брюсов, Сергей Городецкий и Владимир Нарбут, или оттого, что почти каждый поэт-символист написал одно или несколько революционных стихотворений.

В основе, русский футуризм был течением чисто-поэтическим. В этом смысле он является логическим звеном в цепи тех течений русской поэзии XX века, которые во главу угла своей теории и поэтического творчества ставили чисто эстетические проблемы. В футуризме была сильна бунтарская, формально-революционная стихия, вызывавшая бурю негодования и „эпатировавшая буржуа“. Но это „эпатирование“ было явлением того же порядка, как и „эпатирование“, которое вызывали в свое время „декаденты“. В самом „бунтарстве“, в „эпотировании буржуа“, в скандалах и выкриках футуристов было больше эстетических эмоций, чем эмоций революционных.

Родиной футуризма официально считается Италия. Первый „Манифест о футуризме“ Маринетти был опубликован в газете „Фигаро“ в Риме 20 февраля 1909 года. Русский футуризм находится в несомненной генеалогической связи с футуризмом Маринетти, но в основе своей глубоко от него отличен. Он похож на итальянский футуризм не более, чем русский символизм на западный „декаданс“.

Итальянский футуризм выступил прежде всего с новой идеологией.

„Тогда, как литература до сего времени превозносила бездеятельную мечтательность, экстаз и сон, мы хотим превозносить агрессивное движение, лихорадочную бессонницу, быструю ходьбу, опасные прыжки, пощечину и удар кулака!“.. „Мы об'являем, великолепие мира обогатилось новой красотой, — красотой быстроты!“.. „Мы хотим прославить войну — единственную гигиену мира!“.. „Мы хотим разрушить музеи, библиотеки, бороться против морализма, фетишизма и всех оппортунистских и утилитарных пошлостей!“.. „Мы будем воспевать огромные толпы, волнуемые трудом, погоней за удовольствием или возмущением: многокрасочные и многоголосые бури революции в современных столицах; ночное мерцание арсеналов и фабрик под яркими электрическими лунами; прожорливые вокзалы, проглатывающие испускающих дым змей; заводы, подвешенные к облакам за дымные ленты, как за веревки; мосты, которые, подобно огромным прыжкам переброшены над дьявольской сталью солнечных рек, огромные пароходы, обнюхивающие горизонт; локомотивы с широкой грудью, которые несутся по рельсам, подобно огромным стальным коням, запряженным в длинные тру-

[1]) „О природе слова“.—Истоки. 1922.

бы; плавный полет аэропланов, пропеллер которых щелкает как флаг и продолжительные аплодисменты восторженных толп"... „Посмотрите на нас! Мы дышим свободно.. Наше сердце не испытывает ни малейшей усталости! Ибо оно вскормлено огнем, ненавистью и быстротой"...

Так излагал сущность футуризма Маринетти в своем первом „Манифесте".

Через 3 года после этого был опубликован новый „Технический манифест футуристической литературы". Здесь был формулирован ряд технических нововведений, которые футуризм вводит в литературу.

Исходная точка для технических исканий футуристов — динамика современной жизни, стремительный ее темп, стремление к максимальной экономии средств, „отвращение к кривой линии, к спирали и турникету. Склонность к прямой линии. Отвращение к медленности, к мелочам, к многословным анализам и об'яснениям. Любовь к быстроте, к сокращению, к резюмированию и к синтезу: „Скажите мне поскорее, в двух словах!" Отсюда--разрушение общепринятого синтаксиса, введение „беспроволочного воображения", т.-е.—„абсолютной свободы образов или аналогий, выражаемых освобожденным словами, без проводов синтаксиса и без всяких знаков „препинания", „конденсированные метафоры", „телеграфические образы", „движения в 2, 3, 4 и 5 темпах", уничтожение качественных прилагательных, употребление глаголов в неопределенном наклонении, опущение союзов и т. д.—словом все, направленное к лаконичности и увеличению „быстроты стиля".

◆ ◆ ◆

Своеобразная особенность русского футуризма—что он начал с того, к чему значительно позже пришел футуризм Маринетти. „Ударным", основным его пунктом была вначале не столько проповедь новой идеологии и индустриального урбанизма в поэзии (что было основным в футуризме Маринетти), сколько проповедь новой эстетики, нового отношения к слову, как материалу, из которого строится стихотворение.

Первые манифесты русских футуристов говорили именно о слове.

„Только мы — лицо нашего Времени. Рог Времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно. Академия и Пушкин - непонятнее.. гиероглифов Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности. Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней. Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь к парфюмерному блуду Бальмонта? В ней ли отражение мужественной души сегоднешнего дня"?.. „Мы приказываем чтить права поэтов:

1. На увеличение словаря в его об'еме произвольными и производными словами. (Словоновшество).

2. На непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку.

3. С ужасом отстранять от гордого чела своего из банных веников сделанный Вами венок грошевой славы.

4. Стоять на глыбе слова „мы" среди моря, свиста и негодования.

И если пока еще и в наших строках остались грязные клейма Ваших „здравого смысла" и „хорошего вкуса", то все же на них уже трепещут впервые зарницы новой грядущей красоты самоценного (самовитого) слова" [1]).

Так говорилось в манифесте московских „кубо-футуристов", подписанном Д. Бурлюком, А. Крученых, В. Маяковским и В. Хлебниковым.

В другом манифесте „кубо-футуристы" давали целый ряд технических указаний, напоминающих цитированный выше „Технический Манифест", но опять-таки с особенным ударением на значении слова. „Мы считаем слово творцом мифа; слово, умирая, рождает миф и наоборот".. „Богатство словаря поэта — его оправдание".

Так вырисовывается основное устремление русского „кубо-футуризма": реакция против „музыки стиха" символизма во имя самоценности слова, но слова не как орудия выражения определенной логической мысли, как это было у классических поэтов и у акмеистов, а слова, как такового, как самоцели. В соединении с признанием абсолютного индивидуализма поэта (футуристы придавали огромное значение даже почерку поэта и выпускали рукописные литографированные книги и с признанием за словом роли „творца мифа",— это устремление породило небывалое словотворчество, в конечном счете приведшее к теории „заумного языка".

Сущность „заумного языка" была формулирована Хлебниковым, Петниковым и Крученых в следующих выражениях:

„Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определенного значения (не застывшим), заумным. Общий язык связывает, свободный—позволяет выразиться полнее (пример: го оснег кайд и т. д.)".. „Заумная речь рождает заумный пра-образ (и обратно)—неопределимый точно"... „Заумь пробуждает и дает свободу твор-

[1]) „Пощечина общественному вкусу". М. Кузьмин. 1912.

ческой фантазии, не оскорбляя ее ничем конкретным“ [1])

Русский футуризм дал не только теорию „заумного языка“, но и значительные реальные в нем достижения.

Обыкновенно приводится в пример нашумевшее „стихотворение“ Крученых:

Дыр, бул, щыл,
убещур
скум
вы со бу,
р л эз.

Но к этому, как, впрочем, почти ко всему, написанному этим поэтом, трудно отнестись серьезно. Роль Крученых в русском футуризме была довольно заметна, но это была роль теоретика и разрушителя старых поэтических форм, а не созидателя новых ценностей.

Зато достижения в области слова исключительно одаренного Велемира Хлебникова открывало для будущей русской поэзии действительно новые возможности и горизонты. Его словотворчество не было бессмысленным набором первых попавшихся звуков. Он создавал новые слова, не нарушая законов русского языка, а лишь дополняя и развивая их. „Языкознание,— говорит он,—дает право населить новой жизнью, вымершими или не существующими словами оскудевшие волны языка“... „Если мы имеем пару таких слов, как двор и твор, и знаем о слове дворяне, мы можем построить слово творяне — Творцы жизни“... „Слову ветер отвечает петер от глагола петь: это ветра ласковый петер... Слову земец соответствует темец. И обратно: земена, земьянин, земеса; слово бритва дает право построить мритва,—орудие смерти“... „Стало-быть, мы можем построить небеда небяжеский. В этот вечер за лесом летела чета небедей“ [2]).

В. Хлебников дал образцы стихотворений и поэм, построенных целиком на творчестве новых слов, и что особенно в его словотворчестве замечательно, это,—что его слова не только фантастические звукосочетания, но всегда „слово-образ“. Его слова вызывают новые представления. Они „не только названы, но и направлены к называемой вещи“.

По пути, намеченному Хлебниковым, шли: В. Каменский, Божидар, Г. Петников, Елена Гуро, одно время примыкавший к кубо-футуризму Тихон Чурилин и в значительной степени Н. Асеев и С. Третьяков.

Словотворчество было крупнейшим завоеванием русского футуризма, его центральным моментом. В противовес футуризму Маринетти, русский „кубо-футуризм“ в лице наиболее ярких его представителей мало был связан с городом и современностью. В нем была очень сильна та же романтическая стихия. Сказалась она и в милой, полудетской, нежной воркотне Елены Гуро, к которой так мало идет „страшное“ слово „кубо-футуристка“, и в ранних вещах Н. Асеева, и в разухабистой волжской удали и звенящей солнечности В. Каменского, и в мрачной „Весне после смерти“ Чурилина, но особенно сильно у В. Хлебникова. Хлебникова даже трудно поставить в связь с западным футуризмом. Он сам упорно заменял иностранное слово „футуристы“ русским „будетляне“. Подобно русским символистам, он (так же как В. Каменский, Т. Чурилин, Божидар) вобрал в себя влияние предшествующей русской поэзии, но не мистической лирики Тютчева и Вл. Соловьева, а поэзии „Слова о полку Игореве“ и русского былинного эпоса. Даже события самой непосредственной, близкой современности—война и Нэп — находят свое отражение в творчестве Хлебникова не в футуристических стихотворениях, как „1915 г.“ Н. Асеева, а в романтически-стилизованных в древнерусском духе замечательной „Боевой“ и „Эх, молодчики, купчики“.

◆ ◆ ◆

Одним „словотворчеством“, однако, русский футуризм не ограничился. На ряду с течением, созданным В. Хлебниковым, в нем были и другие элементы, более подходящие под понятие „футуризм“, роднящие русский футуризм с его западным собратом.

Прежде чем говорить об этом течении, необходимо выделить в особую группу еще одну разновидность русского футуризма —„Эго-футуристов“, выступивших в Петербурге несколько раньше московских „кубо-футуристов“. Во главе этого течения стояли Игорь Северянин, Василиск Гнедов, И. Игнатьева, Константин Олимпов, Георгий Иванов (впоследствии акмеист) и будущий основатель „имажинизма“ Вадим Шершеневич.

„Эго-футуризм“ имел по существу очень мало общего с футуризмом. Это течение было какой-то смесью эпигонства раннего петербургского декадентства, доведения до безграничных пределов „песенности“ и „музыкальности“ стиха Бельмонта (как известно, Иг. Северянин не декламировал, а пел на „поэзоконцертах“ свои стихи), какого-то салонно-парфюмерного эротизма, переходящего в цинизм, и утверждения крайнего солипсизма — крайнего эгоцентризма („Эгоизм—

[1]) „Декларация заумного языка“ („Заумники“—Бару. 1922).

[2]) „Наша Основа“ („Лирень“. 1920).

индивидуализация, осознание, преклонение и восхваление „Я“... „Эго-футуризм — непрестанное устремление каждого эгоиста к достижению возможностей будущего в настоящем“). Это соединялось с заимствованным у Маринетти прославлением современного города, электричества, железной дороги, аэропланов, фабрик, машин (У Иг. Северянина, особенно у Шершеневича). В „эго-футуризме“ таким образом, было все: и отзвуки современности, и новое, правда робкое, словотворчество („поэза“, „окалошить“, „бездарь“, „олилиен“ и т. д.), и удачно найденные новые ритмы для передачи мерного колыханья автомобильных рессор („Элегантная коляска“ Иг. Северянина), и странное для футуриста преклонение перед салонными стихами М. Лохвицкой и К. Фофанова, но больше всего—влюбленность в рестораны, будуары сомнительного сорта, кафе-шантаны, ставшие для Иг. Северянина родной стихией. Кроме Иг. Северянина (вскоре, впрочем, от эго-футуризма отказавшегося) это течение не дало ни одного сколько-нибудь яркого поэта.

Значительно ближе к Западу, чем футуризм В. Хлебникова и „эго-футуризм“ Иг. Северянина, был уклон русского футуризма, обнаружившийся в творчестве В. Маяковского, последнего периода Н. Асеева и Сергея Третьякова. Принимая в области техники свободную форму стиха, новый ситаксис и смелые ассонансы вместо строгих рифм В. Хлебникова, отдавая известную, порой очень значительную, дань (Асеев Третьяков) словотворчеству, эта группа поэтов дала в своем творчестве некоторые элементы подлинно-новой идеологии. В их творчестве отразилась динамика, огромный размах и титаническая мощь современного индустриального города — с его шумами, шумиками, шумищами, светящимися огнями заводов, уличной суматохой, ресторанами, толпами движущихся масс. Этой стороной своего творчества эта группа футуристов близка к футуристической программе Маринетти.

Тем не менее отождествлять ее с Маринетти нельзя. „Программа“ Маринетти насквозь империалистична. Он восхваляет войну, проповедует шовинистический „патриотизм“, в его идеологической позиции легко прощупывается идеология будущего итальянского фашиста. Идеологии русского футуризма всякий империализм был чужд. Напротив, в отношении русского футуризма к капиталистическому городу и буржуазии всегда проявлялась враждебность, не революционная, а бунтарская стихия. Но есть и другая черта, отличающая русский футуризм от футуризма Маринетти и придающая ему, как и русскому символизму, своеобразный характер. Футуризм Маринетти полон бодрости, энергии, радости веры в жизнь. Он весь построен на мажоре и лишен всякой лирики и тоски. Русский футуризм—даже в творчестве В. Маяковского (раннего периода — пока В. Маяковский еще был футуристом), Н. Асеева, С. Третьякова,—был полон надрыва, истерики, крика,—того, что так характерно для русской литературы после Достоевского. „Какими Голиафами я зачат, такой большой и такой ненужный“—говорит В. Маяковский в одном стихотворении. „Брошусь на землю“ — истерически кричит он в другом („Надоело“),— Камня корою в кровь лицо изотру, слезами асфальт омывая“... „Нет людей. Понимаете крик тысячедневных мук? Душа не хочет немая итти, а сказать кому“?... С. Третьяков, описывая атаку, не упивается битвой, а кричит в истерике: „Лоб расколот... Мама!“

Это все тот же „Красный Смех“ Леонида Андреева, тот же отзвук надрывной истерики Достоевского, то же неприятие жизни в том виде, как она есть, и неумение стать бодрым, смелым и бесстрашным борцом. В этом смысле между идеологией футуризма и идеологией революции нет никакого знака равенства, как ни стараются доказать обратное некоторые из футуристов. Когда В. Маяковский в конце своей превосходной, но с начала до конца истерической и надрывной „Войне и Мире“ приходит к предвидению грядущего счастья человечества, то это „просветление“ невольно заставляет вспоминать минуты просветленной радости героев Достоевского (Алеша Карамазов, князь Мышкин). Вывод и обстановка здесь другие, но психологическая под‘основа и здесь и там родственна. Подлинно революционное сознание не родится в истерике и надрыве. Русский футуризм является по идеологии (а не по форме) не преддверием новой поэзии, а завершением того течения в русской литературе, которое ведет свое начало от петербургских повестей Гоголя и романов Достоевского и которое в наши дни нашло особо яркое отраженне в „Петербурге“ Андрея Белого.

В последние годы В. Маяковский и некоторые другие футуристы освобождаются от истерики и надрыва. В. Маяковский пишет свои „приказы“, в которых все — бодрость, сила, призывы к борьбе. Эта группа футуристов вплотную подходит к революции.

Это настроение выливается в 1923 году в декларации вновь организованной группы „Леф“ („Левый фронт искусства“):

„В работе над укреплением завоеваний Октябрьской Революции, укрепляя левое искусство, Леф будет агитировать искусство идеями коммуны, открывая искусству дорогу в завтра.

Леф будет агитировать нашим искусством массы, приобретая в них организованную силу.

Леф будет подтверждать наши теории действенным искусством, подняв его до высшей трудовой квалификации.

Леф будет бороться за искусство — строение жизни.

Мы не претендуем на монополизацию революционности в искусстве. Выясним соревнованием.

Мы верим,—правильностью нашей агитации, силой делаемых вещей мы докажем: мы на верном пути в грядущее".

В этой декларации уже нет ничего специфически-футуристического, да так это и должно быть, так как „Леф" об'единяет не только несколько футуристов, но и конструктивистов и др. представителей „левых течений". Устанавливать какую-нибудь тесную связь его с футуризмом нельзя, это было бы слишком искусственным сочетанием. Поскольку „лефовцы" остаются ортодоксальными футуристами, они далеки от революции, поскольку они выступают на страницах „Леф'а", как истинные революционеры, они почти не носят следов футуризма. Образование „Леф а", - выдвигает совершенно новые поэтические группировки и лишь констатирует окончательную смерть русского футуризма, не выдержавшего натиска революции.

Надо отметить, что не только идеологически, но и технически все творчество В. Маяковского (за исключением самых первых его лет), так же, как и последний период творчества Н. Асеева и С. Третьякова, является уже выходом из футуризма, вступлением на пути своеобразного нео-реализма. Маяковский, начавший под несомненным влиянием Уитмэна, в последнем периоде вырабатывает совершенно особые приемы, создав своеобразный плакатно-гипперболический стиль, беспокойный, выкрикивающий короткий стих, неряшливые, „рваные" строки, очень удачно найденные для передачи ритма и огромного размаха современного города, войны, движения многомиллионых революционных масс. Это большое достижение В. Маяковского, переросшего футуризм, и вполне естественно, что на пролетарскую поэзию первых лет ее существования, т.-е. именно того периода, когда пролетарские поэты фиксировали все свое внимание на мотивах революционной борьбы, технические приемы В. Маяковского оказали значительное влияние. Но, повторяем, большая натяжка — оторжествлять роль небольшой группы „кубо-футуристов", через него перешагнувших, с ролью русского футуризма, как литературного течения, в его целом.

◆ ◆ ◆

В русском футуризме была еще одна группа, совершенно не похожая на другие, имеющая свою физиономию и свои технические приемы. Эта группа поэтов, сконцентрировавшихся вокруг основанного Сергеем Бобровым издательства „Центрифуга". С этой группой связан сам Бобров, ранний Н. Асеев (эпохи „Ночной флейты" и „Оксаны") и Борис Пастернак.

С. Бобров дал своеобразное сочетание чистой лирики, ведущей свое начало от, по его собственному выражению, „несравненных россыпей алмазов всеми забытого Н. М. Языкова"[1]) с стилистическими и техническими достижениями кубо-футуризма.

В этом же направлении развивалось творчество раннего Н. Асеева.

В последние годы особенно выдвинулся своими стихами Б. Пастернак. Творчество этого поэта чрезвычайно своеобразно. По существу он также чистый лирик, связанный с традициями русской поэзии пушкинской эпохи, вобравший в свое творчество, однако, все технические достижения современной поэзии, начиная с Малармэ и кончая прозой Андрея Белого и русским футуризмом. Особенного мастерства достигает Б. Пастернак в контрапунктировании т.-е. музыкальном сплетении в одном стихотворении различных, параллельно развивающихся тем. Прием этот можно заметить в слабой степени и в некоторых стихотворениях И. Анненского („У гроба", „Октябрьский Миф"— образ слепого на крыше и настроение поэта). У Б. Пастернака он является основным приемом. „Многопланность" его стихотворений дает возможность одновременно воспринимать и зрительный образ (мокрый сад, непроглядная ночь, сырость в „Плачущем саду", или в „Балашове"—дождь, шляпы молокан, мокрый ельник), и слуховые эфекты („всхлипывание" сада, шаркание „шлепанцев"—или назойливый стук медника, хорал молокан, „гундосение" нищего — в „Балашове") и настроение и переживание поэта („Готовый навзрыд при случае", „Все ли я один на свете" — или в „Балашове": „И без того щемило грудь"). Этот параллелизм тем, эта „многопланность" не имеет ничего общего с мистической „многопланностью" символизма, с его „соответствиями" и „символами". У символистов берется всегда одна тема, одно реальное событие, за ним символист нащупывает звучание „миров иных". У Б. Пастернака всегда несколько тем, как в музыкальном произведении, написанном для фортепиано или ансамбля, несколько реальных предметов и событий, протекающих одновременно, но здесь, на земле, в реальной жизни. Б. Пастернаку удается передать не событие или эпизод, а цельй кусок жизни во всем его многообразии, полифонии и поли-

---

[1]) Предисловие к „Ночной флейте" Н. Асеева.

хромии. Это его большое техническое достижение, ставящее его в ряду наиболее интересных и своеобразных современных поэтов.

◆ ◆ ◆

Последней сколько-нибудь заметной нашумевшей школой в русской поэзии XX века был имажинизм.

Это направление было создано в 1919 году (первая „Декларация“ имажинизма датирована 30 января), следовательно, через два года после революции, но по всей своей идеологии это течение ничего общего с революцией не имело.

Главой „имажинистов“ стал Вадим Шершеневич — поэт, начавший с символизма, со стихов, подражающих Бальмонту, Кузмину и Блоку, в 1912 году выступавший, как один из вождей эго-футуризма и писавший „поэзы“ в духе Игоря Северянина и только в послереволюционные годы создавший свою индивидуальную „имажинистскую“ поэзию.

Так же, как и символизм и футуризм, имажинизм зародился на Западе и лишь оттуда был пересажен В. Шершеневичем на русскую почву. И так же, как символизм и футуризм, он значительно отличался от имажинизма западных поэтов.

Имажинизм явился реакцией, как против музыкальности поэзии символизма, так и против вещественности акмеизма и словотворчества футуризма. Он отверг всякое содержание и идеологию в поэзии, поставив во главу угла образ [1]). Он гордился тем, что у него „нет философии“ и „логики мыслей“.

„Мы, настоящие мастеровые искусства“— заявляли имажинисты в своей „Декларации“— „Мы, кто отшлифовывает образ, кто чистит форму от пыли содержания лучше, чем уличный чистильщик сапог, утверждаем, что единственным и несравненным методом является выявление жизни через образ и ритмику образов“... „Образ и только образ. Образ — ступнями от аналогий, параллелизмов, сравнения, противоположения, эпитеты сжатые и раскрытые, приложения политематического многоэтажного построения — вот орудия производства мастера искусства. Всякое иное искусство—приложение к „Ниве“... „Всякое содержание в художественном произведении так же глупо и бессмысленно, как наклейки из газет на картины“... „Передай, что хочешь, но современной ритмикой образов“...

Сам Шершеневич еще более заостряет это положение:

„Я глубоко убежден, что все стихи Мариэнгофа, Н. Эрдмана, Шершеневича могут с одинаковым успехом читаться с конца к началу, точно так же, как картина Якулова или Б. Эрдмана может висеть вверх ногами“.

Свою апологию образа имажинисты ставили в связь так же с быстротой темпа современной жизни. По их мнению образ — самое ясное, лаконичное, наиболее соответствующее веку автомобилей, радио-телеграфа, аэропланов. „Что такое образ?—кратчайшее растояние с наивысшей скоростью“. Во имя этой „скорости“ передачи художественных эмоций имажинисты, вслед за футуристами,— ломают синтаксис—выбрасывают эпитеты, определения, предлоги, сказуемые, ставят глаголы в неопределенном направлении.

По существу, в их приемах, так же как и в их „образности“, не было ничего особенно нового. „Имажинизм“, как один из приемов художественного творчества широко использовался не только футуризмом, но и символизмом (например, у Иннокентия Анненского: „Еще не властвует весна, но снежный кубок солнцем выпит“ или у Маяковского: „Лысый фонарь сладострастно снимал с улицы черный чулок“). Новым было лишь упорство, с которым имажинисты выдвигали образ на первый план и сводили к нему все в поэзии — и содержание и форму.

Результатом такого выдвижения „образа“ явилось создание стихотворений, в которых нет ничего, кроме механического каталога то удачных, то неудачных образов, стихотворений, неизбежно пустых, бессодержательных, а потому и ненужных. Идеологическая скудость имажинизма, его духовная пустота, отсутствие у поэтов чего-либо „за душой“, отсутствие того, что поэт хочет и может сказать — привело имажинистов на первых же шагах к щеголянию „образом“. к небывалой в русской поэзии беспринципности и безвкусию, к отвратительному „образному“ цинизму. Один из самых активных имажинистов Мариэнгоф даже выступил со своего рода апологией цинизма:

„Вы спросите, почему в современной образной поэзии можно наблюдать как бы нарочитое соитие в образе чистого с нечистым. Почему у Есенина „солнце стынет, как лужа, которую напрудил мерин“ или „над рощами, как корова, хвост задрала заря“, а у Вадима Шершеневича „гонокок соловьиный не вылечен в мутной лунной моче?“ Одна из целей поэта — вызвать у читателя максимум внутреннего напряжения. Как можно глубже всадить в ладони читательского восприятия занозу образа. Подобные скрещивания чистого с нечистым служат способом заострения тех заноз, которыми в должной мере

---

[1]) „Image“ — образ, откуда и название школы.

щетинятся произведения современной имажинистской поэзии".

В последние годы в имажинизме наметилось новое течение, уже не удовлетворяющееся „каталогами образов", а говорящее о необходимости для стихотворения иметь тему и выдвигающее на первое место творческое вдохновение поэта. На практике, однако, ни один из вышедших за последние годы сборников имажинистов не дает хоть сколько-нибудь интересных и ярких стихотворений.

В итоге имажинизм никакой положительной роли в развитии русской поэзии не сыграл. Он только довел до крайней степени все отрицательное, бывшее у его предшественников, превратился в пародию на них. Образцы имажинистской поэзии останутся, как образцы безграничного цинизма, морального разложения и духовной пустоты. На долю имажинизма выпала печальная роль быть последним звеном в той цепи овеянной духом эстрады поэзии, первые звенья которой были выкованы „поэзами" Игоря Северянина и других „эго-футуристов".

Впрочем, имажинизм не был последним звеном в этой цепи. Вслед за ним и рядом с ним шло еще не мало „групп", „направлений" и „течений", возникавших на один-два дня, иногда олицетворяемых в полном смысле слова одним или двумя поэтами, чаще всего остававшихся только в декларациях и манифестах и существовавших только номинально. Такими течениями были: „экспрессионисты", „ничевоки", „презентисты", „фуисты" и т. д. Все они были охвачены одним стремлением, — чтобы „самоновейшее вытеснило новейшее", как образно выразил в одной из своих статей Андрей Белый [1]). Дух эстрады и рекламы, внесенный в русскую поэзию отчасти „декадентами", особенно пришедшийся по сердцу „футуризму" и ставший родной стихией, как вода для рыбы, для „имажинистов", в „декларациях" и творчестве этих групп перешел всякие границы.

Появление всех этих „течений" может интересовать только с одной стороны: как симптом беспримерного разложения и падения русской поэзии XX века.

◆ ◆ ◆

Наряду с поэтами, связанными с определенными школами, русская поэзия XX века дала значительное число поэтов, не примыкавших к ним или примыкавших на некоторое время, но с ними не слившихся и пошедших в конечном счете своим путем.

Часть этих поэтов испытала на себе более или менее значительное влияние тех или иных направлений и в большей или меньшей степени носят на себе отпечаток этих влияний. Так в творчестве К. Фофанова и М. Лохвицкой, высший расцвет поэтической деятельности которых хронологически совпадает с зарождением русского „декадентства" или, как тогда его называли „модернизма", явственно проступают типично „декадентские" черты: общий пониженный, лирико-романтический тон, чисто „декадентский" эстетически-поверхностный мистицизм, эротика, музыкальная напевность стиха, любовь к повторениям, отсутствие мужественности, ясности, классицизма. Во многих стихотворениях Фофанова и Лохвицкой легко улавливается будущий салонно-музыкальный стиль „поэз" Игоря Северянина. Не случайно „эгофутуристы" в своих декларациях об'являли Фофанова и Лохвицкую своими предтечами.

Увлечение русского символизма прошлым — XVIII веком — и любовь его к стилизации нашло свое отражение в творчестве М. Кузмина (одно время примыкавшего к символистам), увлечение романтическими 20 и 30 годами — в милой интимности и уютности самоваров и стариных уголков Бориса Садовского. То же увлечение „стилизацией" лежит в основе восточной поэзии Константина Липскерова, Мариэты Шагинян и в библейских сонетах Георгия Шенгели, в сафических строфах Софии Парнок и тонких стилизованных сонетах из цикла „Плеяда" Леонида Гроссмана.

Увлечение славянизмами и древне-русским песенным складом, тяга к „художественному фольклору" отмеченные выше, как характерный момент русского символизма, нашедший свое отражение в сектантских мотивах А. Добролюбова и Бальмонта, в лубках Ф. Сологуба и в частушках Валерия Брюсова, в древне-славянских стилизациях Вячеслава Иванова и во всем первом периоде творчества Сергея Городецкого, — наполняют собой поэзию Любовь Столицы, Марины Цветаевой и Пимена Карпова. Так же легко улавливается отзвук поэзии символистов в истерично-экспрессивных, нервных и неряшливо, но сильно сделанных строках Ильи Эренбурга — поэта, в первом периоде своего творчества так же состоявшего в рядах символистов.

Особое место в русской лирике XX века занимает поэзия И. Бунина. Начав с лирических стихотворений, написанных под несомненным влиянием Фета, являющихся единственными в своем рода образцами реалистического ото-

[1]) Статья о Вл. Ходасевич в „Записках Мечтателя", № 5.

бражения русской деревни и небогатой помещичьей усадьбы, в позднейшем периоде своего творчества Бунин стал большим мастером стиха и создал прекрасные по форме, классически четкие но несколько холодные стихотворения, напоминающие,—как он сам характеризует свое творчество,—сонет, вырезанный на снеговой вершине стальным клинком. Близок к Бунину по сдержанности, четкости и некоторой холодности рано умерший В. Комаровский. Творчество этого поэта, первые выступления которого относятся к значительно более позднему периоду — к 1912 году, носит на себе в известной части черты как акмеизма, так и начавшего играть приблизительно с 1910 года довольно заметную роль в русской поэзии классицизма или, как его принято называть, „пушкинизма".

◆ ◆ ◆

Около 1910 года, когда обнаружилось банкротство школы символистов, наступила, как это было отмечено выше, реакция против символизма. Выше были намечены две линии, по которым были направлены главные силы этой реакции — акмеизм и футуризм. Этим, однако, протест, против символизма не ограничился. Он нашел свое выражение в творчестве некоторых поэтов, не примыкавших ни к акмеизму, ни к футуризму, но выступивших своим творчеством в защиту ясности, простоты и прочности поэтического стиля.

Первым выступил с призывом к ясности Кузмин, до того времени связанный с символизмом.

„Есть художники, несущие людям хаос, недоумевающий ужас и расщепленность своего духа",— писал Кузмин в 1910 году.—„И есть другие — дающие миру свою стройность. Нет особенной надобности говорить, насколько вторые, при равенстве таланта, выше и целительнее первых" [1]).

И далее Кузмин, восставая против „комического убора", „отсутствия контуров, ненужного тумана и акробатского синтаксиса" символизма, призывал современных ему поэтов:

„Пусть ваша душа будет цельна или расколота, пусть миропостижение будет мистическим, реалистическим, скептическим или даже идеалистическим (если вы до того несчастны), пусть приемы творчества будут импрессионистическими, реалистическими, натуралистическими, содержание — лирическим или фабулистическим, пусть будет настроение, впечатление—что хотите, но, умоляю, будьте логичны — да простится мне этот крик сердца!— логичны в замысле, в постройке произведения, в синтаксисе"... „Пишите логично, соблюдая чистоту народной речи, имея свой слог"... ...„Будьте экономны в средствах и скупы в словах, точны и подлинны,— и вы найдете секрет дивной вещи — прекрасной ясности,— которую назвал бы я „кларизмом".

Сам Кузмин в своем творчестве, за немногими отклонениями, обнаружившимися в последние годы (особенно в книгах „Эхо" и „Нездешние Вечера") осуществляет принцип „прекрасной ясности", что дает основание многим критикам считать его „пушкинистом". На самом деле, однако, творчество Кузмина очень далеко от „пушкинизма": ясное по форме, прозрачное и светлое, оно слишком поверхностно, слишком захвачено „эстетизмом" и полно отзвуками французских песенок XVIII века и „духа мелочей прелестных и воздушных". Кузмин все же всегда, даже в своей „прекрасной ясности", остается стилизатором и эстетом. „Пушкинизм"— не только ясность и прозрачность формы, но и глубокая логичность ее, классичность построения, соединенные с глубиною содержания и силой переживания.

Значительно ближе Пушкину по духу и поэтическим приемам, несмотря на романтизм ее настроения и ограниченность тем, поэзия Анны Ахматовой.

К „пушкинизму" в смысле ясности, четкости и классичности формы, связанной с глубиной переживания, стремился и рано умерший юноша — поэт Юрий Сидоров. Но ярче и сильнее всего выразилось это стремление у Владислава Ходасевича, вышедшего также из символизма, но впоследствии с ним порвавшего. Последние сборники стихов Ходасевича дают образцы мастерской поэзии — классичной по форме и глубокой по содержанию, своим несколько угрюмо-рефлектирующими мотивами напоминающей поэзию Боратынского.

Тяга к классицизму нашла свое выражение в образовании в Москве особой поэтической группы под названием „Лирический Круг", об'единившейся во имя утверждения ясности, простоты и гармоничности поэзии. К этой группе примкнули В. Ходасевич, К. Липскеров, Г. Шенгели, С. Парнок, Л. Гроссман и др. поэты. Вместе с этим в Москве же в 1923 году окончательно сформировалась возникшая в 1918 году группа „Нео-классиков", к которой, между прочим, примкнули Варвара Бутягина и Екатерина Волчанецкая. Нео-классики стремятся к творчеству „на базисе чистого классицизма, обогащенном всеми достижениями новых и новейших литературных школ без уклонения в их крайности и ненормальности". Нео-класси-

[1]) Ст. „О прекрасной ясности" („Аполлон", 1910).

цизм восстает против „реставраторского классицизма“, реакционно-стилизаторского в своей основе. Реально группа „нео-классиков“ пока ничего сколько-нибудь значительного не дала.

◆ ◆ ◆

Остается еще группа поэтов, стоящая вне всяких течений и категорий, в большинстве случаев выступивших с своими первыми сборниками стихов в самые последние го:ы.

В этой группе т:к же заметны различные влияния: у бо:ее старших наблюдаются влияния символистов—таковы В. Зоргенфрей, П. Зайцев, Н. Ашукин, у более молодых (по литературному стажу, а не по возрасту) — влияние акмеизма — „нео-акмеизм“ П. Антокольского, Н. Тихонов, во многом близкий к Зен-евичу. Особняком стоит своеобразный „балладный“ романтизм в духе Жуковского Ирины Одоевцевой. Но у большинства молодых поэтов — Веры Инбер, Надежды Павлович, Наталии Крандиевской, Вар-ары Бутягиной, Марии Шкапской (специализировавшейся на темах материнства и половой жизни женщины), Анны Радловой, Анны Барковой, Екатерины Волчанецкой и Д. Туманного—у о-них более, у других менее резко—обнаруживается та же тяга к ясности, простоте и классицизму.

В погоне за простотой и ясностью, в погоне за классицизмом поэты последних лет, даже те, кто как „нео-классики“ ставят над этим нотабэне,— забывают о завоеваниях в области слова и техники стиха, которые были сделаны русской поэзией последних десятилетий. Поэзия теряет свою „трехмерность“, силу выразительности, крепость и остроту. Словесная фактур делааетсяскучной и вялой. Получается—или музейная реставрация, подделка под старых классиков — та же „стилизация“ символизма вплоть до введения слов „сей“, „брег“, „воотще“, „увы“ и т. д.,—или что-то бледное, мало впечатляющее, тусклое, ни в какой мере несозвучное современности, переживаемой эпохе, духу революции и титанической борьбы, которой овеяны наши дни.

Так же, как и бесплодные эстрадные потуги имажинизма и других „самоновейших“ эстетических течений, бессильные потуги возродить „классицизм“, реставрировать умершее и схороненное под тяжестью десятилетий говорят об одном и том же — о том, что роль символизма, акмеизма, футуризма и разных вариаций классицизма кончена навсегда и бесповоротно.

Эти течения каждое в своем роде дали немало превосходных стихотворений, которые навсегда останутся в сокровищнице русской поэзии. Но для них — все в прошлом. Мы присутствуем при попытках эпигонов этих течений, разбитых победоносно шествующей вперед жизнью, собрать осколки школ воедино, продлить их существование. Эти попытки логикой истории, огромным фактом социальной революции — осуждены на бесплодие.

Так же, как после 1789 года во Франции уже не могли воз:одиться искусство и поэзия XVIII века, так и после Октябрьской революции никогда не возродятся к жизни ни символизм, ни акмеизм ни футуризм,—ни одно из течений, корни которых упираются в прошлое.

Е. И. Шамурин.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА.

В прошлом веке можно заметить три волны в русской поэзии, когда в ней звучали общественные и революционные мотивы Первая, правда, еще довольно слабая и не яркая, прокатилась в первой четверти века, в стихах Радищева, декабриста Рылеева и молодого Пушкина. К 60-м и 70-м годам поднимается уже могучий вал поэзии „мести и печали“ Некрасова, муза которого с небывалой силой „воспела“ народ, мужика, его вековое горе и страдание, всех обездоленых. Некрасов, несмотря на все угловатости и даже отмеченную еще Белинским „топорность“ своего стиля, был все же достойным соперником поэтов-эстетов и оставил глубокий след в дальнейшем развитии русской революционной поэзии. В сущности, новая, третья волна ее, которая поднялась на грани двух веков и докатилась до поэзии настоящего времени, шла в значительной части под знаком Некрасовской музы. Более того, отзвуки этой музы нередко отдадутся и в мощном хоре пролетарской и крестьянской поэзии, который родился в грозе и буре Октября.

Среди потоков последней, накануне XX века, волны революционной поэзии, первым по времени, но не по силе, является поэзия народничества, наиболее типичным представителем которой был П. Я. (Якубович-Мельшин). Народническая поэзия вырастает после разгрома старшего поколения народников— в лице „Народной Воли“,— когда—

Волна упала, прошумев,
Блеснув, как дивное виденье.

Это поэзия эпохи свирепой реакции, поэзия „безумных веков“, которым она посылает свои „проклятья“. Неудивительно, если в ней преобладают мотивы „муки“, тоски о том, что „в неволе край родной“ и что „в позоре идеал“, который рисовался, впрочем, в довольно смутных чертах. Красной нитью в этой поэзии проходит сознание долга перед народом, столь типичное и характерное для кающихся выходцев из дворян. Отсюда излюбленные и частые выражения мыслей и чувств о родине, о народе, о свободе, о правде и т. д. Эта поэзия полна „народолюбия“, она по преимуществу „мужиковствующая“ поэзия. Но ее „народолюбие“ не идет дальше общих мест и общих протестов. Поэты-народники очень любят представлять и изображать „народ“ „кротким“, в образе „сонного пахаря“ на фоне „скудных нив“ и „свободы“ полей. Но народ, под которым они разумели главным образом, мужицкую массу, как активную, и боевую силу, хотя бы и в потенциальном состоянии, они изобразить не смогли. Когда эти народные массы в начале 900-х годов начали эту скрытую мощь мало-помалу обнаруживать, когда „побежал дальше“ „шумной жизни поток“, поэт-народник почувствовал себя оторванным от того народа, о котором он скорбел в своих песнях, и ничего другого не нашелся сказать про себя, кроме:

Я — как вырванный с корнем цветок.

Такое отношение к народной массе вполне понятно в устах народника, который при всем своем „народолюбии“ привык смотреть на нее, по существу, свысока, с точки зрения „критически мыслящей“ личности, которая должна народ просвещать, а последний должен пассивно воспринимать это просвещение. А когда „народ“ начинает делать не то, что хотелось бы этой „критической личности“, естественно, что это ей не нравится и вызывает в ней не только грустные чувства непонятого человека, но даже нередко и сильнейшее озлобление, как это ярко обнаружилось во время Октябрьской революции.

В поэзии народников есть и „месть“ и „печаль“ и, по существу, они являются лишь эпигонами гневной Некрасовской музы. Но, во-первых, Некрасов дал широкую и жуткую картину жизни крепостного мужика. Кроме того, он ударил и до сих пор еще ударяет „по сердцам с неведомою силой“, зажигая в них больше мести, чем печали. Народническая поэзия не имеет и десятой доли некрасовской энергии и общий унылый тон обволакивает все ее революционные призывы. Реакционная действительность 80-х и 90-х годов давала слишком много поводов для „печали“ и упадка духа. Яркой выразительницей этого упадочного на-

строения народнической интеллигенции была поэзия Надсона. Народническая революционная поэзия ближе к Надсону, чем к Некрасову. „Надсоновщина“ сквозит чуть не в каждом стихе П. Я., Тана, Галиной. Однако, к началу 900-х годов, когда даже слепые и глухие не могли не заметить пробуждения массы, и народники-поэты начинают чувствовать, как кругом „светает“ („Рассвет“ Галиной).

Народническая поэзия всецело восприняла взгляды Некрасова о задачах творчества. Если Некрасов писал:

Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать,—

и требовал прежде всего быть гражданином и „служа искусству“ „жить для блага ближнего“,

Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей любви—

то вслед за ним П. Я. повторяет почти то же самое („Как вы я петь бы мог“, см. стр. 334).

По сравнению с поэзией Некрасова, народническая поэзия однако не только не вносит ничего нового но даже, как мы видели, представляет шаг назад. И это относится как к содержанию, так и к форме. В народнической лирике преобладающим жанром является элегия, которая по своему словесному и звуковому оформлению так же как по ритму и по разработке тем довольно однообразна. Излюбленным и частым приемом является изображение социальных и революционых мотивов в картинах природы, построенных в форме аллегории или развернутой метафоры. „Первый вождь“, „Ледоход“, „Горелый лес“ (П. Я.), „Рассвет“, „Лес рубят“... (Галина), „На пашне“, „Гроза и дуб“ (Тан)—все это прочно установившиеся шаблоны, по которым строилась общественная лирика и которые и впоследствии еще долго будут жить и в крестьянской и в пролетарской поэзии.

Если народническая поэзия примыкает к поэзии настоящего лишь одной стороной — мотивами мести и борьбы,— то в большей своей части, как отпрыск той идеалогии, которая смотрит на „народ“ не как на суб'ект деятельности, а лишь как на об'ект воздействия „критических личностей“, она лежит в прошлом и ее актуальное значение далеко уступает Некрасову.

Более близкими по духу предтечами современной нам революционной поэзии явились те поэты, которые ведут свое начало от „Песни о Буревестнике“. В 1894 г. Горький пропел страстный гимн „безумству храбрых“ (Песня о Соколе). В этом гимне еще сильно ощущается романтика борющейся личности, и произведение по духу индивидуалистично. В этом смысле оно примыкает к народнической революционной поэзии и строится по трафарету аллегории. В „Песне о Буревестнике“ (1901)) уже чувствуется напротив приближение массовой революции, перед которой дрожат „тела жирные“ „глупых пингвинов“ и раздаются стоны гагар. Чувствуется также беспощадность бури. В песнях Скитальца и особенно Евг. Тарасова уже совершенно отчетливо выступают причины этой беспощадности—классовая ненависть пробуждающихся низов: „Я хочу рубиться, мстить с безумной страстью, оттого что долго был покорен злым“ (Скиталец). Алмазы, которые лежат века под тяжестью гнета, говорят:

Мы злым засверкали огнем,
И сделались тверды как сталь!

Рабочее движение 900-х годов, разразившееся, наконец, в революцию 1905 г., оказало мощное воздействие даже на тех поэтов, которые являлись тогда представителями декадентства. Мистик и один из ранних символистов Минский начинает приветствовать классовую борьбу, говоря „Поэту“

Не до песен поэт, не до нежных певцов!
Ныне нужно отважных и грубых бойцов,
Род людской пополам разделился.
Закипела борьба,—всякий стройся в ряды...

Он же входит в редакцию социал-демократической газеты и пишет „Гимн рабочих“ (стр. 11). Брюсов создает ряд революционных стихотворений и встречает „приветственным гимном“ „грядущих гуннов“. Александр Блок в 1904 г. рисует „кого-то сильного в сером армяке“, кто встал у руля севшей на мель „барки жизни“ (см. стр. 102), повернул „красную корму“ и двинул барку вперед. А в 1906 г. с сожалением восклицает в „Пожаре“ (стр. 103):

Нет, опять он обманул,—
Отдаленного восстанья
Надвигающийся гул.

Но настоящим певцом революции 1905 г. явился Евг. Тарасов, в поэзии которого уже резко обозначены моменты классовой борьбы. Тарасов не только, подобно Горькому, воздает славу „дерзости“ и тем „кто сердцем не раб, а бестрепетный воин“, но и дает яркие картины крестьянских восстаний и баррикадной борьбы, как очевидец свидетель и прямой участник этой борьбы („Сказочка“. „Смолкли залпы запозда-

лые“ и др.). Сам поэт подчеркивает революционно-классовый характер своей поэзии:

Просыпайтесь все, кто молод
Все, кто знал мертвящий холод,
Все, кого измучил голод:
Эта песня вам.

Замечательно, что Тарасов вполне сознавал переходный характер своей поэзии и это сознание ничуть не повергало его в уныние. Он определенно мыслил себя предшественником будущей поэзии:

Мы не поэты, мы—предтечи
Пред тем, кого пакамест нет.
Но он придет—и будет свет,
И будет радость бурной встречи,
И вспыхнут радостные речи
И он нам скажет: „Я — поэт!“

Кто же этот будущий поэт, которого ждет его предтеча? Евг. Тарасов здесь предвидит будущее пролетарской поэзии:

Он не пришел, но он меж нами.
Он в шахтах уголь достает,
Он тяжким молотом кует,
Он раздувает в горне пламя
В его руках победы знамя...
...Близок он. Из гибкой стали
Создает он чуждые печали
Напевы мысли и труда.

Таковы течения русской поэзии, которые явились предтечами современной революционной поэзии и накануне 17-го года исчезли чтобы уступить место двум крупнейшим потокам ее — крестьянской и пролетарской.

◆ ◆ ◆

Поэзия дореволюционной эпохи представляла двойственную картину. С одной стороны, переживали себя те ее направления, которые явно клонились к упадку. Символизм, выдвинувший многие крупные дарования, все более залезал в мистические дебри непознаваемого и таинственного. Не спасали его и жажда жизни с ее красками и вещами, которую пытались влить в старые мехи акмеисты. Выкрики футуристов почти накануне революции лишь еще более подчеркивали общий кризис в когда-то благоухающих „садах“ русской поэзии. Уход в себя, в личное „я“, в мир таинственного, или кропание в мелочах житейских вещей, опять-таки с точки зрения интересов того же великолепного „я“, которое поэты пытались ставить превыше всего, отсутствие всякой социальности и крайний индивидуализм — вот черты господствующих течений предреволюционной поэзии. С другой стороны, небольшая волна предтеч революционной поэзии, вслед за Некрасовым, подымающих знамя „гражданского“ поэта. И только первые зачатки крестьянской и пролетарской поэзии, порою заключающие в себе образцы уже большого мастерства, особенно в поэзии крестьянской (Клюев, Клычков, Орешин и др.).

Лучшие представители символизма ждали бури, которая освежила бы застоявшийся воздух в русской поэзии. Таков был, например, Блок, которого некоторые критики даже производят в пророки русской революции.

Октябрьская революция и явилась этой освежительной бурей, расчистив путь для новых классов, рабочих и крестьян. „Гунны“, о которых Брюсов еще в 1905 г. говорил: —

Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном,—

пришли и со всей девственной мощью начали „уничтожать“ прошлое и творить свое будущее, не поклоняясь установившимся ценностям, как фетишам, и не боясь их разрушения, если они становятся преп тствием на пути к новому светлому будущему. Поднятые из низов на верхушку социального здания новые классы сумели создать поэзию если не такую рафинированно утонченную, как поэзия разбитых классов, то полную буйной силы зачинателей новой жизни, а потому глубоко жизненную и поднимающую к жизни поэзию в противоположность поэзии мертвых. Итак, только Октябрьская революция действительно родила крестьянскую и пролетарскую поэзию, которая до нее была где-то на задворках, изредка возбуждая сочувствие кое-кого из „народолюбов“, приветствовавших, да и то свысока, народных „самородков“ и „самоучек“.

Однако, Октябрьская революция произвела коренные сдвиги по всей линии литературы вообще и поэзии в частности. Представители господствовавших дореволюционных течений поэзии раскололись на два лагеря. Одни, как Бунин, Гиппиус, Мережковский и др. сделались заклятыми врагами революции, став политическими и литературными эмигрантами. Другие, наоборт, искренно ее приветствовали, как Блок, создавший поэму „Двенадцать“, примкнули к ней и стали „попутчиками“. Некоторые из „приемлющих“ Октябрь, как Брюсов, Городецкий и др., вплотную приняли участие в работе руководящей партии, став ее членами. Многие из поэтов, впрочем, питают внутреннюю враждебность к Октябрю и, не обнаруживая ее явно

влачат свое поэтическое существование перепевами самих себя или других.

На ряду с расколом в рядах дореволюционной поэзии, среди буржуазной и интеллигентской молодежи народились новые течения, которые заявили себя, как революционные (Леф, вышедший из футуризма). Действительно, футуристы часто в подражание пролетарской поэзии, дали целый ряд революционных произведений (особенно, Маяковский, Асеев, Сергей Третьяков, Василий Каменский). Даже имажинисты, как Мариенгаф, отдали дань революционному настроению (см. его Марш революций).

Многие молодые поэты (Тихонов, Д. Туманный, А. Баркова, В. Инбер, Эренбург) развернули революционную сторону своего творчества лишь в эпоху Октября.

Революция вообще заразительно подействовала на господствующие течения дореволюционной поэзии, в которую начал также проникать социальный дух. Розы, соловьи, сады, мелочи личных переживаний и прочие аттрибуты этой поэзии становились очевидно не ко времени, и даже такие жрецы красоты, как К. Бальмонт, пытаются иногда присоеднить свой голос к хору эпохи („Песни рабочего молота"). Многие из молодых поэтов, не примыкающих к определенным течениям, но по существу продолжающих традиции дореволюционных течений, ещѐ чаще обращаются к социальным темам, чем их старшие учителя (Волчанецкая, А. Радлова, Крандиевская, Ашукин, Зайцев, и т. д.).

Но несмотря на все попытки вливания нового вина в старые мехи, дореволюционные течения русской поэзии представляли собою картину полного разложения и бессилия стать „с веком наравне", несмотря на всю отточенность своих форм, ставших безжизненными скелетами. Мощному натиску „гуннов" эта поэзия ничего не могла противопоставить, кроме полного идейного банкротства и разброда.

Крестьянская и пролетарская поэзия вступили в свои права.

◆ ◆ ◆

Сергей Есенин в своей поэтической родословной (стр. 355) непосредственно вслед за Кольцовым выводит его „середнего брата" Клюева —„смиренного Миколая", совсем не упоминая ни Сурикова ни Дрожжина. Такое игнорирование двух поэтов, которые после Кольцова и почти вплоть до Клюева являлись главнейшими певцами деревни, вышедшими из ее среды, имеет, действительно, веские основания.

Поэзия Сурикова и Дрожжина — это поэзия захудалого мужика, забитого и загнанного вконец вечной нуждой, отчаявшегося сбросить с себя вековое ярмо и терпеливо сносящего беды и напасти, на которые он начинает смотреть, как на проявление воли божьей. Ему ничего другого не остается делать, как попытаться отвести душу в песне-жалобе на „долю бедняка". Такими жалобами по преимуществу и наполнены произведения Сурикова и Дрожжина, в которых весь быт крестьянина рисуется, как тяжелый крест, выпавший на его долю и не сулящий ему ничего, кроме лишений и тревог. Отсюда— крайнее однообразие и монотонность поэзии Сурикова и Дрожжина — это своего рода крестьянская „надсоновщина", с ее унылыми и бесплодными взываниями к „другу" и „брату".

В **крестьянских** песнях Кольцова нет и следа подобных жалоб. Наоборот, его мужик вовсе и не думает сетовать на свою судьбу. Он „весело ладит" свое хозяйство, с весьма довольным видом и даже с оттенком известного любования взирает он на весь свой трудовой быт посреди лона природы и даже устраивает „пирушки", „сладко" отдыхая „на снопах тяжелых". Это — **крепкий хозяйственный мужик**, с его вековой психологией мелкого собственника, с его вековыми привычками, верованиями и предрассудками, со всем его житейским укладом, который он любит и все обычаи которого выполняет со спокойной, тяжеловесной тщательностью, истово, словно обряд. Быт кольцовского мужика вовсе не тяготеет над последним, как некий крест, который он желал бы сбросить. Напротив, он чувствует себя продолжателем и строителем этого быта, который завещан ему предками и является в его глазах священным. Крестьянские песни Кольцова дают живописную картину этого быта. Они полны жизнерадостности, в них сквозит известное упоение трудовой крестьянской стихией и некоторая идеализация мужицкого бытия. Недаром Есенин рисует Кольцова веселым, здоровым малым в „златой рядинине"; у него—

В руках краюха хлеба,
Уста—вишневый сок,
И вызвездило небо
Пастущеский рожок.

С другой стороны, поэзия Кольцова, которого Клюев метко называет „Велесовым первенцем", поражает силой своего песенного склада, подкупающего своей непринужденностью, непосредственностью и выразительной простотой. Этот кольцовский склад и ритм надолго стали образцом для подражания будущим крестьянским поэтам. Суриков и Дрожжин в области формы не смогли создать ничего оригинального и в лучшем случае повторяли Кольцова, в худшем

Никитина. Новокрестьянские поэты также не могли не поддаться обаянию форм и ритмов кольцовской песни, живучих настолько, насколько живуч тот быт, с которым они, очевидно, как нельзя более гармонируют. Почти каждый из современных нам крестьянских поэтов, начиная от Клюева и кончая молодняком, как Дружинин, отдал дань Кольцову и может сказать, словами Ширяевца:

... Кольцовской песней
Заливался я не раз.

Своим положительным содержанием, жизнерадостным духом и песенным стилем поэзия Кольцова, при всей сравнительной примитивности и наивности ее формы, отделенной от нас чуть не столетней давностью, а может быть именно благодаря этой ее наивности и прелести ее первобытной простоты, всецело примыкает к новокрестьянской поэзии и, действительно, является ее законной и достойной предшественницей.

Но в поэзии Кольцова отсутствует одна очень существенная черта, которая отделяет ее резкой гранью от современной нам крестьянской поэзии. Мужик Кольцова показан лишь в обрамлении деревенского пейзажа и домашнего обихода и быта, и остается совершенно неизвестным, какова та социально-политическая обстановка, в которой протекает этот быт, а также каково отношение к ней самого мужика. Поэзия Кольцова не есть ни поэзия крепостного крестьянина, ни поэзия крестьянства, сознающего свою роль и значение в классовом обществе и противопоставляющего себя другим классам. Из поэзии Кольцова можно сделать разве одно заключение, что ее источником и вдохновителем явился мужик сытый и с достатком. Но с точки зрения социального окружения он представляет нечто изолированное, существующее как бы в безвоздушном пространстве. То же можно сказать и о поэзии Сурикова и Дрожжина. Если она, в противоположность Кольцову, и отражает настроения крестьянина-бедняка, то социальное ее отличие от поэзии Кольцова этим и ограничивается: она также рассматривает „долю бедняка“, как явление индивидуальное, вне социальной среды, и рисует безрадостное житье-бытье отдельных крестьянских индивидуумов, но отнюдь не картину социальных бедствий бедного крестьянства, как общественного слоя. Этим об'ясняется, так сказать, целевая беспредметность и пассивность ее жалоб, которые направлены на отвлеченные и неясные представления о „доле“ и „счастье“, а не на конкретный об'ект, который своими действиями возбуждал бы вполне определенный протест. Как поэзия Кольцова, так и поэзия Сурикова и Дрожжина, несмотря на их глубокие различия по содержанию и тону и по их удельному весу, имеют одно общее им свойство, вытекающее из одинаковости подхода к теме,—это—пассивная созерцательность и полное отсутствие мотивов борьбы, ибо самого об'екта борьбы здесь не показано.

В этом смысле новокрестьянская поэзия несет в себе нечто новое и небывалое, по крайней мере, в русской поэзии. В украинской поэзии есть поэт, который с огромной силой не только изображал бедствия крепостного крестьянства, но и выразил жгучий протест против крестьянского рабства и его побоорников—помещиков. Шевченко был первым крестьянским поэтом, который показал мужика в определенной социальной среде, а также и в моментах борьбы. Новокрестьянская поэзия своим революционным духом несомненно роднится с Шевченко, многочисленные переводы из которого, правда с цензурными урезками, пользовались большой популярностью в нашей литературе. Но дальше этого родства связь с поэзией Шевченко не простирается. Революционый дух новокрестьянской поэзии и ее новокрестьянские черты исходят из совершенно иных источников и питаются иными соками, возникшим в результате тех глубинных процессов, которые к началу XX века значительно изменили физиономию крестьянства.

Революция 1905 г. дает первый огромный толчок к пробуждению деревни, и крестьянство все острее и острее начинает ощущать свою силу. Крестьянство выдвигает новых своих людей, в том числе и поэтов, всецело проникнутых его психологией и идеологией, гордых своим крестьянским духом и готовых активно отстаивать эту психологию и идеологию. Во втором десятилетии нашего века сразу появляется целая плеяда крестьянских поэтов,— Клюев, Орешин, Клычков, Есенин,— которые вместе с кольцовской закваской вносят свежую струю в общее русло русской поэзии. В новокрестьянской поэзии находят свое отражение как зажиточные слои крестьянства,— Клюев, отчасти Радимов,—так и его низы, деревенская беднота,— Орешин, частью Есенин, Праскунин, Фомин, Ширяевец, Артамонов и др. Но, несмотря на свои различные социальные корни, новокрестьянская поэзия в целом есть поэзия общественного слоя, начинающего в лице своих передовых представителей сознавать свою силу и значение. Эта поэзия растет вместе с ростом революционного движения и в период Октябрьской революции расширяется в мощный поток, впитывающий в себя все новые и новые имена. И

поскольку наше крестьянство под прессом тяжелого аппарата самодержавия накопило в себе огромный запас революционной энергии, которая и разразилась в гигантском масштабе нашей революции, постольку и поэзия его получила ярко-революционную окраску. И эти революционные элементы новокрестьянской поэзии тем резче и решительнее, чем ближе поэт стоит к бунтующим крестьянским низам.

Новокрестьянская поэзия есть поэзия сбрасывающего с себя вековые путы крестьянства. Поэтому в ней нет места жалобам и общий тон ее становится мажорным. Очень характерным оказывается окончательное изживание суриковских тенденций даже теми представителями крестьянской поэзии, которые перед революцией одной ногой еще стояли в суриковщине. Таковы Праскунин и Морозов, которых можно считать поэтами переходного типа. Наиболее отчетливо это изживание проявляется в поэзии Праскунина, за годы революции совершенно сбросившего с себя ветхие одежды суриковца. Излюбленный его герой, „бобыль", становится „плотником", который строит „красивый терем" и у которого „загорелись очи ярче синих васильков", ибо он теперь надеется, что—

Будут новые рубахи
И любовь у мужика.

У него же очень рельефно выступает отражение роста революционного сознания деревни:

Вчерашний раб сбивает цепи,
Вчерашний смерд кует мечи.

Мотив вчерашнего смерда и раба, вырастающего в революционера, настолько увлекает воображение поэта, что он, бывший суриковец, уже смело заявляет:

Друзья, наш день багрян и зноен,
Наш мир—мятежный океан:
Встает на бой сермяжный воин,
Труда и мысли великан.

Последние слова ярко отражают то новое, которое чрезвычайно характерно для всей новокрестьянской поэзии: сознание потенциальной или разряжающейся в действии мощи крестьянской массы, „народа", „ржаной Руси", в скрытой или явной форме коренится в произведениях всех новокрестьянских поэтов и особенно выпукло выступает у наиболее крупных из них. Клюевский пахарь с достоинством носит свою „убогую сермягу", которая не мешает ему иметь „радость и благо" в „поруганных чертах"; он гневно обрушивается на своих классовых врагов, которые мешали в его хлеб „пепел" и „отраву горькую в вино", не сумели понять, что он —

... как небо, мудро - светел
И не разгадан, как оно, —

и его „мирскую душу, как жалкий сор пренебрегли", и с полным сознанием своей силы бросает им:

Могу ль я вас, как терн негодный,
Не вырвать с корнем навсегда.

„Голос из народа" в другом произведении Клюева противопоставляет „помыслы" народа, как „мерное согласье тяжких времени шагов", бессильным помыслам интеллигенции, характеризуя их, как „ненастье, дрожь и тени вечеров", и утешая ее единственной надеждой, что ее „стуки" бесплодно „в лабиринте не замрут".

У Орешина—

Как дуб в лесу, растет и крепнет
В снопах ржаной великоросс.

В ярких чертах набросав картину упорства и труда „сохатого" мужика и представив себе, как —

За шорохом сосны и ели
Шумит сермяжный исполком—

Орешин заключает:

Он — сила страшная, ржаная.
Ржаной мужик — сама земля.
Недаром в годы урожая
Снопами пахнет от Кремля!

Ширяевец в своем „Мужикослове" делает своего рода исторический обзор различных проявлений мужицкой первобытной мощи, отмечая роль „лапотников" в империалистических походах царской России и в революционных движениях прошлого, в создании „песенных Жар-птиц", роль мужицких „мамынек и баушек" в творчество наших великих поэтов и музыкантов. Подведя итог, он спешит выразить буйную радость („да не выпрыгни сердце") оттого, что он „понял", для чего его „каждый с лаской берег", и призывает „страстотерпцев и душегубцев" прошлого „глянуть" на „холопский Рассвет".

Тема о классовой мощи крестьянства тесно связана в крестьянской поэзии с темами о революции и о роли в ней, а также и в строительстве новой жизни мужика.

Своим ростом и расцветом новокрестьянская поэзия всецело обязана революции, которая высвободила связанные силы крестьянства, в том числе и поэтические. Поэтому странно было бы искать у крестьянских поэтов каких-либо следов „неприятия" революции. Еще задолго до революции многие из них уже чувствовали и нетер-

пеливо ждали приближения революционной грозы.

Клюев, написавший в последние годы перед революцией ряд стихотворений в стиле революционно-народнической поэзии („Завещание", „Я надену черную рубаху" и др.), один из первых крестьянских поэтов почуял, что „близки межи роковые." Будущую революцию Клюев изображал то в традиционном образе „долгожданного витязя на вспененном скакуне", освобождающего царевну Русь, то в картине страшного суда:

Он придет! Он придет! И содрогнутся горы
Звездоперстой стопы огневого царя...
Он воссядает под елью, как море гремучей...
Даст державу простым и презренным короны,
Чтобы царством владели вовеки веков...

Многие из его „Братских песен" также проникнуты предчувствием революции и звучат „буреветрами" битвенных гимнов, а в „Беседном наигрыше" в форме „стиха доброписного" говорится о восстании ста племен после „третьего зыка" „вещей Плаиниды".

Наши песни недопеты,
Пляски не доплясаны.—

писал Орешин в 1913 г., а в слееующем изображал, как „хижины" ждут „парня кудреватого" Стеньку, который „придет негаданно с молодцами красными" и тогда—

Ночкой темносинею
Будет пир с подарками.

В пламени деревенского пожара Орешину в том же 1913 г. мерещится знамя революции.

Ах, оставьте, не тушите,
Сердце радуется звону—
Знамя красное не рвите,
Пусть горит по небосклону!

Пришествие революции крестьянские поэты ознаменовали восторженной встречей. Клюев пел ей „осанну" и призывал „возвеличить в песнях" „Революцию и Матерь света". Для него лето ее „пламенеющее лето", век ее, „Ослепительный век"

Радуйтесь!
Земля предстала
Новой купели!

восклицал Есенин. Для Орешина в его бесчисленных стихах о революции нет слов, которые он не употребил бы для выражения своего восторга перед революцией:

В груди мечтам не стало места
Душа— на крыльях золотых.
Святая Русь—моя невеста
И я—возлюбленный жених.

У Ширяевца „прыгает сердце" при взгляде на „Холопский Рассвет". В восторженном приеме революции сходятся все поэты-крестьяне, за редкими исключениями. Некоторых из них, как Клычкова, она пугает своей беспощадностью и кровавостью: „Среди людей мне страшно жить",—жалуется он:

Как на покойницу убор,
Легла на землю тень от плахи.

Другие, как Фомин, первое время чувствуют некоторую растерянность:

Я верю и не верю,
Приемлю и страшусь—

говорит он. Но большинство крестьянских поэтов, от бывшего суриковца Праскунина до Борисова и Дружинина, грандиозный и жестокий размах революции ничуть не страшит.

Господи! Да будет воля твоя
Лесная, фабричная, пулеметная—

пишет Клюев, воспевший даже пулемет:

Пулемет... Окончание—мед...
Хвала пулемету, несытому кровью
Битюжьей породы, батистовых туш!..

Для него—

Убийца красный—святей потира.

Есенин, восклицавший:—

Небо, как колокол,
Месяц—язык;
Мать, моя родина,
Я большевик—

заявлял „пророческим" языком своей „Инонии":

Не устрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей!..—

Поэты деревенских низов не только не дрогнули перед ураганным натиском революции на твердыни прежней власти и на прежние властвующие классы, но, наоборот, отразили то „упоение в бою", ту бешеную радость и удовлетворение, которое почувствовали „вчерашние рабы" и „смерды", когда у них „распрямились горбы"—

А и весел будет пир
В шумном споре, в буйном смехе:
Прогремит на целый мир
Боготырская потеха—

говорит П. Борисов. Орешин еще нагляднее выразил то же самое:

Ай, Москва, удар к удару,
Поддавай, хозяйка, пару!
Пулеметы с чердаков,
Вот так Сорок Сороков!
Тешит внуков и сынов
Матерь русских городов.

Приветствуя революцию, крестьянские поэты однако взглянули на нее не более как по-мужицки. Самое приветствие исходило у них от крестьянского сердца, так как интересы крестьянства, конечно, им ближе всего.

Пролетела над Русью жар-птица,
Яркий гнев зажигая в груди—

говорит Клюев и тут же спешит заявить прежде всего о „богородице нашей землице“, и вся его „Красная песня“— это только мужицкая песня. Тот же характер приветствий виден у любого крестьянского поэта. Самый взгляд на революцию, как на „богатырскую потеху“, с „Микулой-мужиком“ в центре, ударяющим „по старой старинушке колом“,—чисто мужицкий взгляд, который прежде всего удовлетворяется разрушительной стороной революции. Что же касается тем о созидательной ее стороне, о строительстве новой жизни, то здесь еще ярче обнаруживается существо социальной основы крестьянской поэзии.

Почти все крестьянские поэты, которые брались за разработку этих тем, отводят мужику господствующую роль в революции и мыслят строителем новой жизни главным образом мужика. Слово „народ“, часто встречающееся в крестьянской поэзии, означает обыкновенно того же мужика.

Представление пролетариата, как вождя, гегемона революции и передового строителя нового мира совершенно чуждо крестьянским поэтам всех течений. Вообще самые темы и мотивы из жизни пролетариата у крестьянских поэтов или совершенно отсутствуют или носят случайный характер. Мир крестьянского поэта—это мир мужика и на все остальное, что лежит за пределами этого мира, он смотрит „его глазами“.

Особенно резко эта черта выступает у Клюева, поэзия которого представляет обширное построение, возводящее мужика и его культуру в какой-то перл создания и рассматривающее элементы этой культуры как некие символы культуры будущего.

Правда, в одном из стихотворений („Товарищ“) Клюев писал:

Ура, Осанна,—два ветра-брата
В плащах багряных трубят, поют.
Завод железный, степная хата
Из ураганов знамена ткут.

Но это стихотворение совершенно случайное в творчестве Клюева и при том оно только констатирует факт совместного выступления города и деревни, не более. У Клюева есть даже стихи о коммуне. Но не в них следует искать самое лицо коммуны, если он о ней и говорит. Все чаяния и идеалы Клюева — в деревне.

В „Белой Индии“ Клюев повествует о некоем „земли талисмане“, который носил Всевышний и обронил „в Глуби Глубин“. Этот талисман нашла „земля — Саваофовых брашен кроха“ и „потеряжку в косы вплела“. „И стало Безвестное—Жизнью Села“. Вот где заключен „талисман“ Клюева. Больше того, оказывается, что в Селе заложено и нечто большее:

О, ладонка божья—вселенский рычаг,
Тебя повернет не железный Варяг,
Не сводия—перо, не сова—звездочет—
Пяту золотую повыглядел кот,
Колдунья—печурка, на матице сук.

Таким образом Изба—двигатель вселенского рычага. Там же нашел он и „царство многоцвенией златниц“:

Оно за печуркой, под рябым горшком,
Столетия мерит хрустальным сверчком.

В другом месте он говорит:

Строгановские иконы —
Самоцветный мужицкий рай;—
Не зовите нас в Вашингтоны,
В смертоносный железный край.

В этой поэтической философии деревни есть известное сходство с взглядами славянофилов об исконных началах русской жизни и о гнилом Западе. „Железный край“ современной техники, конечно, смертоносен для „запечного“ рая Клюева, о чем он очень сожалеет, ибо

... когда златится солома,
Оперяются озима
Мы в черте алмазной, мы дома,
У живых истоков ума.

И недаром в „Красной Песне“ Клюев восклицает:

Китеж-град, ладан Саровских сосен—
Вот наш рай вожделенный, родной.

В „глубинности“ будущего Клюеву также рисуются лишь „избяные коньки“ новой Руси.

т.-е. то же царство деревенской стихии, даже в интернациональном масштабе:

И не будет песен про молот
Про невидящий маховик,
Над Сахарою смугло-золот
Прозябнет России лик.

Из такой философии деревни исходит и соответствующий взгляд Клюева на роль мужика в революции и в строительстве жизни. Мужик, как „строитель-тайновиден“, как „Красный Древодел“, сказ о котором „пойдет по лесам, на запад и восток“, показан Клюевым еще до революции. Стихи его за годы революции повторяют то же в новых вариантах и в более боевом тоне. Его „рать солнценосцев“, которые „воздвигнут стобашенный, пламенный дом“ (см. „Песнь Солнценосца“, стр. 352) — это, в сущности, рать мужиков. Мотивы, как будто заимствованные из пролетарской жизни,—„молот-ведун“, „чудотворец—верстак“, „верстак — Назарет“, „наковальня — Немврод“, совершенно тонут среди мотивов деревенской Руси, которая и есть, по мысли Клюева, настоящее гнездо, где пребывают его „солнценосцы“. И если поэт почему-то видит на лике Баяна-Садко „чмок городов“, то это остается совершенно не оправданным всей предыдущей разработкой темы о солнценосцах и о Баяне-Садко, отвешивавшем поклоны на все стороны деревенской Руси. На баяне „Рублевской Руси“, разумеется, никакого „чмока городов“ и не может быть, ибо он имеет в виду исключительно „Русь избяную—несметный обоз“, как выражается Клюев в другом месте. В „Красной песне“ уже вполне определенно выдвигается на передний план мужицкое царство:

От Байкала до теплого Крыма
Расплеснется ржаной океан—

и Клюев даже предлагает „ставить свечи мужицкому Спасу“ (разрядка моя. И. Е.), у которого „лик пшеничный с брадой солнцевласой“ и которому „знанье — брат и Наука — сестра“, что является своего рода contradictio in adjecto. Даже вождя пролетарской революции, который вдохновил Клюева на целый цикл стихотворений, он наделил „Керженским духом“, т.-е. по существу духом мужика Керженских лесов и скитов („Ленин“, стр. 353). Характеризуя Смольный, Клюев только, очевидно, и заметил в нем пролетарского, что „потемки трущоб“, но за то и тут ощутил мужицкое—„привкус хвои с костяникой“

Клюев имеет в виду в своих произведениях, главным образом, быт северного олонецкого зажиточного мужика. Но и поэты деревенской бедноты, как Орешин и др., придерживаются того же взгляда на роль крестьянства в революционном строительстве, что и Клюев. В „Сивке-Бурке“ (стр. 389) Орешин восклицает:

... Я горжусь
Тобой, коняга мировая,
Всю землю сдвинувшая Русь!

Кто же эта „коняга“? Оказывается, это все те же „мы — пахари всея России“, которые „впряглись недаром в этот воз“, чтобы вывести—

Страдой навьюченную кладь
Туда, где дышит голубая,
Приснившаяся благодать.

У других крестьянских поэтов этот взгляд на роль мужика, как на единственного строителя настоящего и будущего, выступает не так отчетливо, но он чувствуется в каждой строчке их произведений. Фомин озаглавливает одно из своих стихотворений — „Народу-пахарю“, явно соединяя знаком равенства „пахаря“ с „народом“. То же сквозит и у Ширяевца в его „Мужикослове“. Даже бывший суриковец Прасрунин, как отмечено было раньше, считает „сермяжного воина“ „труда и мысли великаном“. Есенин в первый период своего творчества, когда он пропел „Сельский часослов“ революции и еще находился под сильным влиянием Клюева, вполне разделял его мысли о „солнценосцах“. На своего „отчаря„, мужика, Есенин в это время смотрел как на „чудотворца“, который „несказанен и мудр“ и обладает „отвагой“ и „гордым духом“, у него—

... горит на плечах
Необ'емлемый шар.

И когда он вслед за Вл. Соловьевым повторяет в стихах старую славянофильскую идею „ex oriente lux“, то оказывается, что —

В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира.

Впоследствии, как увидим ниже, Есенин потерял веру в „чудотворную“ силу мужика, столкнувшись с городом и почуяв свою мужицкую природу в положении травленного волка.

Тема о социальной и творческой мощи крестьянства сопровождается у крестьянских поэтов возвратом к тем стилистическим приемам, которые столь обычны в нашем песенном, былинном и сказочном устном эпосе и в древне-русских сказаниях и повестях. Их своеобразный словесный подбор, служащий для гиперболического изображения мощи сказочных и былинных богатырей, целиком переходит в крестьянскую поэзию. „Изба-богатырица“, „народ-Святогор“.

„подоблачный шелом“, „новый Рублев, океаны— палитра“,— вот первые попавшиеся выражения из словаря Клюева, который своей цветистостью и витневатостью напоминает церковного начетчика. Своего „обновлениого отчаря“, мужика, Есении наделяет „могутными плечами—что гранит-гора“ и утверждает, что его шаг отмечен „силой Аники“. Образ былинного Мнкулы возрождается у Орешииа, так же как и сказочная Сивка-Бурка.

Если роль крестьянина в революционном строительстве изображена в крестьянской поэзии в плакатном стиле с применением традиционных гиперболических фигур, то самая программа этого строительства рисуется весьма туманнымн чертами и страдает отсутствием переспективного плана. В сущности, эта программа не идет далее того, чтобы было, говоря словами Клюева, „ядрено и здраво мужицкое поле“: Попросту без всяких затей это и выразил Семеи Фомин в своем обращеиии к „Народу-пахарю“:

Пахарь — тяглый брат, за дело,
Вся земля твоя,— паши!
Нет счастливее удела—
Зноя пашен, цвета ржи.

У других поэтов эта ясная программа вставляется в раму более или менее затейливой фразеологии.

Горжусь ядреной хлебной Русью
Без ведьм, русалок, бирюков,—

говорит Орешин и мечтает о картине всяческого чисто деревенского изобилия во вкусе какого-нибудь... американского фермера:

Мне люб телок и жирный боров,
Саженный хлеб и сытость брюх.

Орешин жаждет, чтобы его „чудесная земля“, „налилась сытостью и ленью“, придавая этой мечте известный космнческий оттенок:

И туго дышит Мирозданье
Через мужичьи животы!

Орешин не сомневается, что

Нас к земледельческому раю
Ведут все красивые пути.

Вспомнив однако, что есть еще и города и их нндустриализм, он отводит им в своем плане довольно пассивную и чисто служебную роль:

Пущай грызут стальные кони
Просторов русских чернозем,
Мы их на утреннем загоне
В зарю мужицкую вплетем!

Мотивируя этот взгляд, Орешин опирается на количественный перевес мужика на всем земном шаре:

Ведь больше, больше, чем полмира,
Степным пропахло армяком!

Такая точка зрения типична для крестьянского кругозора и в полном согласии с ним Орешин заключает:

В сермяге Солнце — с ним идем.
И с иим, пока он жив, достроим
Ржаной Всесветный Исполком!

Таким образом, „смычка“ города с деревней Орешину представляется в форме поглощения первого последней или по крайней мере подчинения его „сермяжной“ силе.

Молодые крестьянские поэты, как видим, не против внедрения методов городского индустриализма в деревню, дабы она имела возможность жить „без потемок, без сверчка“. Дружинин даже в традиционную тему об освобождении томящейся в заточении красной девицы Иваном-дураком попытался влить именно это содержание, изображая в образе девицы—Русь „в лаптищах“, у „замшелого окна“ в „кривобокой избеике“ с ее кошками, лешими, колдунами и ведунами, а освободителя — в образе Ивана-дурака на „железном коне“.

У Клюева та же мечта о „мужицком рае“ имеет двойственный характер, обставленный сложным и узорчатым словесным калейдоскопом. С одной стороны, Клюев как будто мечтает о какой-то всемирной коммуне, о „Избе соборной“, которую построит Садко. Но эта „Изба“— мужицкая изба, и Клюев непременно хочет, чтобы Садко подружил Верхарна с Кривополеновой и „обрядил Ливерпуль, Каабу узорную в Каргопольскую рубаху с пряжкой Эбеновой“. Это та же мечта о „Ржаном Всесветном Исполкоме“, что и у Орешина. Но в отличие от последнего, который старую Русь с ее ведьмами, русалками и бирюками совершенно отбрасывает, Клюеву, напротнв, со всем этим „запечным раем“ крайне тяжело расстаться.

Не хочу коммуны без лежанки
Без хрустальной песенки огней,—

говорит он и грустнт оттого, что:

Не поет малиновкой лучина,
И Садко не гуслит в ендове.
Не в тюрьбанах гости из Берлина
Приплывут по пляске и молве.

Презрение вызывают у Клюева „их дары— магнит и град колбасный,— в бутербродной банке Парсифаль“,— и ему претит союз: „Ле-

беди — русской печали в ферязи атласной“ с „варяжской кольчугой“. Клюев так сродился со своим мужицким раем, сложившимся у него под давлением толщи устных песен, былин и древне-русских книг, с которыми он, очевидно, близко знаком, что не хочет принимать действительности, сокрушающей все его чисто книжные иллюзии. Он скорбит, что:

Тихий Углич, брынская гать,
Заболели железной грыжей
В Светлояр изрыгает завод
Доменную отрыжку—шлаки...

Он скорбит, ибо это обозначает, что—

Больше не будет сказки за веретеном,
По-запечных, брынских тропинок.

Действительность ему говорит:

В горенке Сирин и Китоврас
Оставили помет да перья.

Понимая, что действительность неумолима, Клюев в далях грядущего все-таки хочет видеть, что „стеня, издохнет машина“ и что перед лицом будущего „Исполина“, у которого „на челе прозрачный топаз — всемирного ума панорама“ „зазвенит Китоврас“, хотя бы и в „нигде“ и хотя бы „как муха за зимней рамой“. Так тяжко Клюеву расставаться с иллюзиями, сказками и мечтами о столь любимом „Китеже-граде“ и он старается себя уверить, что —

Океан—избяная лохань
Плещет в берег машинно- железный,
И заслушалась Мать-глухомань
Бунчука торжествующей бездны.

Когда Клюев хочет сказать, что—

С избяным киноварным раем
Покумится молот мозольный—

то этим он вовсе не рисует какую-то „смычку“. а лишь как приятный случай для „молота мозольного“, когда –

Подарится счастье молотобойцу
Отдохнуть на узорной лавке,
Припасть к пеклеванному солнцу,
Позабытому в уличной давке.

Это торжество „мужицкого рая“ может отразиться благотворным образом и на пролетарской поэзии:

Слетит на застреху Сирин,
Вспенит сказка баяновы кружки,
И говором московских просфирен
Разузорится пролетарский Пушкин.

Будущая коммуна Клюева, его „соборная Изба“ никаких определенных коммунистических черт не содержит, ибо из всей его узорной словестной пестряди ясно выступает одно вполне определенное ядро: это все та же крепкая хозяйственная изба со всеми ее резными коньками и крепкими снастями, с крепким мужиком во главе. Не даром временами у него вырывается:

Не знать бы „масс“, „коллектива“,
Святых имен на земле.

Понятно, что многое в современной деревне ему не нравится, хотя свое недовольство он умеет искусно скрыть за вязью слов. Ему не по душе, что „древо песни бурею разбито, — не Триодь, а Каутский в углу“, что „облетел цветок купальской веры в слезный рай, в озимый древний шум“. В деревне намечаются новые устремления: „Грезит парень стачкой и Палермо“. Но эти новые устремления его не привлекают, они ему чужды и не понятны. Его больше убивает мысль, что „Сирин на шестке сидит с крылом подбитым“, и никакого удовольствия он не находит в том, что „в куньем раю громыхает Чикаго“. Напротив, с грустью он внимает слухам о „русской доле“, что „сердце ее раскололось“ и „что умерла прялка и скрипки лаптей“.

Есенин в вопросах программы нового строительства нисколько не отличается ни от Клюева ни от Орешина и других поэтов-крестьян. Если он и проклинает Китеж и Радонеж, то его утопическая Инония, при всей превыспренности и грандиозности картины ее рождения, сводится к тому же „мужицкому раю“, о котором мечтают крестьянские поэты. Но все же Есенин обнаружил бо́льшую чуткость к действительным, а не утопическим новшествам деревни. После восьмилетнего отсутствия посетив родину, Есенин поражен теми переменами, которые произошли там: новая общественная жизнь, новый молодняк—„комсомол“,—„жизнь кипит“, а поэт чувствует свою отчужденность,—„Моя поэзия здесь больше не нужна. Да, и пожалуй, сам я тоже здесь не нужен“,— признается он. И тем не менее приемлет все и приветствует новое поколение, строящее новую деревню.

Новокрестьянская поэзия не только отражает в мотивах мощи сознание поднимающегося крестьянства, но и несет в себе новые струи в своем собственном поэтическом самосознании. Крестьянские поэты не успели еще об'явить в форме стройных деклараций определенные взгляды по вопросам поэтического творчество, как это проделали представители других течений и групп русской поэзии, не исключая пролетарской. Однако почти у каждого из них можно найти произведения, в которых они высказывают бо-

лее или менее подробно свои csedo в области поэзии. В полном соответствии с ростом самосознания крестьянства выросло и поэтическое сомосознание его поэтов.

Когда-то сам Кольцов при всем его по определению Белинского „генеальном таланте", очень неловко чувствовал себя в кругу представителей большой литературы, которые снисходительно покровительствовали писателю „из народа". Покровительственный тон критиков и признанных писателей по отношению к писателям „из народа" еще не изжит и по сие время. А между тем этот тон является давно уже полным анахронизмом. Писатели „из народа", т. е. как крестьянские так и—это мы увидим ниже—пролетарские, давно уже перестали нуждаться в каком бы то ни было покровительстве. Крестьянская поэзия сознается ее носителями как сила, противопоставляемая всем другим поэтическим течениям и школам.

Наиболее отчетливо это видно у двух крупнейших поэтов, выдвинутых крестьянством,—у Клюева и Есенина. В одном из стихотворений, обращенных к Бальмонту (стр. 345), Клюев прямо заявляет символистам—

И облетел ваш сад узорный
Ручьи отравой потекли—

и гордо прибавляет затем:

За пришлецами напоследок
Идем неведомые Мы,—
Наш аромат смолист и едок
Мы освежительней зимы.

Здесь Клюев не только с торжеством подчеркивает кажущееся ему разложение и мертвенность символизма, но и мыслит поэзию, одним из носителей которой является он сам, как единственную „освежительную" смену, призванную оздоровить „сады" русской поэзии вообще. Он чувствует себя победителем, как вождь „неведомых Мы", которые теперь достойны того, чтобы их почтили заглавной буквой. То же хочет сказать и Есенин, когда восклицает (стр. 355):

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Это же стихотворение Есенина очень выпукло выражает и то, с какой интенсивностью переживается крестьянскими поэтами их собственное поэтическое самосознание и с каким задором они иногда любят показать, как у них переливается по жилочкам поэтическая силушка.

В другом месте Клюев выражает свое отношение к футуризму и заявляет его вождю Маяковскому в такой категорической форме:

Простой, как мычанье, и облаком
в штанах казинетовых
Не станет Россия, так вещает Изба.

С еще большим презрением Клюев упоминает представителя другого течения футуризма:

В поучение дали мне Игоря
Северянина пудреный том—
Сердце поняло: заживо выгорят
Те, кто смерти задет крылом.

Такое же отрицательное отношение у некоторых крестьянских поэтов и к пролетарской поэзии:

Мы — огонь, вода и пажити
Озимь, солнца пеклеванные,
Вы же тайн не расскажете
Про сады благоуханные.
Ваши песни — стоны молота,
В них созвучья — шлак и олово.
Жизни дерево надколото
Не плоды на нем, а головы.

(Клюев, стр. 345).

Орешин так же заявляет:

Скучно слушать молотобойные взмахи
И удары их петь стихом,
Когда вдруг над землей тарарахнет
Первый весенний гром.

И набрасывает каррикатурный портрет пролетарского поэта, задумавшего Россию „в пролетарский" окрасить тон, высмеивая его пристрастие к железу и стали.

Противопоставление крестьянской поэзии, как силы, другим поэтическим течениям и школам завершается у одного из наиболее видных крестьянских поэтов общим взглядом на роль ее в будущем, по крайнем мере ближайшем, как господствующего течения:

И цвести над Русью новою
Будут гречиевые гении—

заявляет Клюев.

Нелюбовь крестьянских поэтов к городской поэзии проистекает из общего их нерасположения к городу. Город с его индустриализмом, бешеным ритмом и устремлением к постоянным сменам, с его кипучею жизнью масс, в которой теряется жизнь отдельного индивидуума и его воля,— совершенно непонятен и чужд крестьянину, воспитанному в простом, веками сложившемся и крайне медленно меняющемся быту. Он не только не понимает города, но и питает

к нему отвращение, инстинктивно чуя или сознательно видя в нем своего врага. В крестьянской поэзии на каждом шагу ощущается это „неприятое“ города. Для Клюева город — „смрадный каменный ад“, где „газеты-блудницы, души книг, душн струн“, это — „дьявол“, который „копытами бил, устрашая нас каменным зевом“. В другом месте Клюев говорит:

Железный небоскреб, фабричная труба,
Твоя ль, о родина, потайная судьба!

И с отвращением прибавляет:

Изведи из темницы душу мою.

Чувствуя в глубине души, что город в конце концов покорит деревню и сломит ее культуру, Клюев не приемлет этой победы и, утешая себя образом Михаила, который „стряхает млечный пух, чтоб в битве с Сатаной железноперым стать“, мечтает с помощью этого Михаила — „Адама возродить и Еву—жизни мать“, возвращаясь этими мечтами к старой мысли о „золотом веке“ первобытности. И недаром всюду мерещится „сердцу“ поэта „Китеж-град“, а „республика“, оказывается, нужна не сердцу, а „уму“. Клюев настолько ненавидит городскую культуру, что готов предрекать ей гибель:

Подарят саван заводским трубам
Великой Азии пески.
И сядет ворон на череп стали —
Питомец праха, судьбы маяк...

Трагедия обреченности деревни ярко разработана у Есенина, который в этом сходится с Верхарном.

Я последний поэт деревни...—

говорит Есенин (стр. 355):

За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез...
... На тропу голубого поля.
Скоро выйдет железный гость,
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Та же мысль выражается и в стихотворении „Волчья гибель“ (стр. 357). Есенин, в сущности, уже похоронил деревню и справляет по ней свой поэтический сорокоуст в поэме такого же названия и в целом ряде других, не менее сильных стихотворений.

Трубит, трубит погибельный рог!

— восклицает он, обращаясь к деревне:

Никуда вам не скрыться от гибели
Никуда не уйти от врага.

В противоположность Клюеву Есенин не питает никаких иллюзий о возрождении чего-то вроде „града Китежа“ или „финифтяного рая“ Наоборот, он заявляет:

Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог.
... Проклинаю тебя я, Радонеж,
Твои пятки и все следы.

И тем не менее, как сын деревни с болью и яростью встречает он свою „волчью гибель“.

Те же мысли о гибели деревни высказывает и Орешин в стихотворении „Стальной соловей“:

Дулейка милая, кому сейчас
Нужна твоя подонная тоска?
Задушит нас, задушит скоро нас
В полях ржаных железная рука.

И весьма недружелюбно говорит он о том, как:

Стальные соловьи идут встречать
Стальной зари чудовищный разлив.

Город не только чужд и непонятен для крестьянских поэтов, но, по их же собственному признанию, представляет и крайне неподходящую питательную среду для их творчества. Их творчество живо почти целиком воспоминаниями о деревне, если кто-либо из них и живет в городе. Город же понижает их творческую способность. Орешин, например, жалуется:

Покинул поля, и совсем разучился,
Совсем разучился писать стихи.

Недовольный „чудовищным разливом стальной зари“, Орешин говорит:

И все грустней и заунывней звук
И я хриплю, и часто не пою,
Как будто бы миллион железных рук
Вцепилось в глотку певчую мою.

Впрочем, скрепя сердце, он готов себя утешать:

Но грусть моя—безвременная грусть:
Конец пришел, и в поле голубом
Я скоро то ж, березовая Русь,
Зальюсь стальным веселым соловьем.

Ширяевец выражает то же настроение, когда говорит:

Опостыли книжницы и книжники,—
Ну их в пекло—хуже упокойника!
В Жегули пойду бросать булыжники
... Сам себе там, значит, буду барином!

Когда крестьянские поэты берутся за разработку тем городских, то им больше удаются те, которые гармонируют с глубоко индивидуалистическим характером их поэзии. Есенин дал

яркую лирику „Москвы кабацкой“, в которой мотивы удали, озорства и разгула являют собой черты мелко-буржуазной психологии, столь свойственные крестьянину. Поэты-крестьяне, пытающиеся коснуться в своем творчестве пролетарского быта, сразу обнаруживают, насколько индустриальные ритмы города им чужды. Так Праскунин „за широкими ремнями у бездушного станка“ ничего не замечает кроме „плетей“ и „гнетущей тоски“. Для поэта-крестьянина характерен именно чисто индивидуалистический подход к подобным темам. Рабочий, изображенный в „Грубой поэме“ Дружинина, по существу ничем не отличается от мужика: разница только в орудиях и предмете труда—один трудится со своей сохой над землей, а другой молотом. Поэт поселяет, правда, своего героя на завод. Но этого завода-то как раз и не чувствуется. Поэт поставил задачей изобразить рабочего с точки зрения его личного я: семейная идиллия, идиллия на заводе, который с успехом мог быть заменен верстаком мелкого ремесленника, отчего общая композиция ничуть не пострадала бы. Дружинин разработал тему чисто по-крестьянски—показал рабочего изолированным и оторванным от ближайших технических и экономических связей.

В „неприятии“ города крестьянские поэты сходятся отчасти с поэтами-урбанистами, типа Верхарна, а также и с теми символистами, для которых город — „коварный змей с волшебным взглядом“ (Брюсов) или „вампир“ (Сергей Соловьев). Но у символистов отношение к городу выражает противоречие между жизнью города и отдельной личностью, чувствующей над собою власть „вампира“ и бессильной ее преодолеть, тогда как крестьянская поэзия вскрывает противоречие между городом и деревней. В одном случае протест подавляемого сына города, в другом—отвращение выходца из иной среды; первое — проявление борьбы индивидуальной, второе — социальной.

Если крестьянский поэт чувствует непреодолимое отвращение к городу, то, наоборот, деревня является для него главным центром притяжения всех его устремлений, помыслов и чувств, основным источником его творчества.

Придорожником и мятой
Напитал я плоть и кровь.
Оттого над каждой хатой
Расцвела моя любовь.

Так говорит один из молодых крестьянских поэтов Дружинин. В другом месте („Поэт“, стр. 395) он же великолепно выразил то, чем живут и дышат все без из‘ятия его сотоварищи по перу.

О, как же, как оставлю
Соломенный мотив!—

восклицает он и в заключение прибавляет:

И, нежно повторяя
В стихах „мужик“ и „Русь“,
Я по родному краю
И плачу и смеюсь.

И действительно, „нежные повторения“ мужика, Руси, „соломенных“ мотивов заполняют произведения крестьянских поэтов. Достаточно перечислить только заглавия большинства книг этих поэтов, чтобы ясно увидеть, куда направлена их творческая сила: „Ржаное солнце“, „Соломенный шум“, „Полынь на родных полях“, „Родная земля“, „Сосен перезвон“, „Избяные песни“, просто „Деревня“, „Раздолье“, или же „Сельский часослов“, „Голубень“, Песнослов“, „Полевые псалмы“ и т. д. Эту кровную связь с деревней ее поэты берегут в себе и лелеют, как нечто драгоценное, и всегда с любовью производят оттуда свою музу. Тема о деревенской музе варьируется на разные лады, начиная от скромной родословной Фомина, в которой он с любовью выводит „бесхитростный свой стих“ от своих деревенских предков, „как от источника бездонного“, и кончая цветистым, витиеватым и громоздким „словесным деревом“ Клюева, которое, по его словам, „осеняет избяную, дремучую Русь“. Если у большинства крестьянских поэтов деревня, изба, мужик, являются просто об‘ектами их любви и творчества, то у „тундрового гуся“, „сына великих озер“—Клюева изба становится центром, осью своеобразной и грузной символики, за которой скрывается, как мы видели, мечта поэта о „финифтяном рае“ и „Китеже-граде“, населенном „солнценосцами“.

Изба—святилище земли,
С запечной тайною и раем.
... Провижу я: как в верше сом,
Заплещет мгла в мужицкой длани;
Золотобревный, отчий дом
Засолнцевеет на поляне.
Изба — питательница слов...

Последнее повторяют все крестьянские поэты; изба, деревня — действительно оплодотворяющее начало их творчества, иначе они не были бы крестьянскими поэтами.—

Но знаю: как только вернусь в деревню,
К прудам и озерам, к избе и скирдам,—
Опять буду петь, голосить, телеленькать,
Смеяться и плакать стихи по полям.

Под этими стихами Орешина подписался бы каждый из поэтов „избы“, ибо ка-

ждый из них мог бы сказать словами того же поэта:

Я часто, часто на досуге
Себя рассматривать привык.
Во мне, ей-богу, как в лачуге
Еще не выдохся мужик!

В области формы крестьянские поэты идут старыми путями, проложенными песней Кольцова, затем Нокрасовым и, наконец, символистами, особенно Блоком. Оригинальных форм они не создали. Однако у них есть некоторые особенности стиля, вытекающие из природы крестьянской поэзии.

Теснейшая связь крестьянской поэзии с деревней сказывается и в том изобилии религиозных и церковно-книжных мотивов и словесных напластований, которое характеризует эту поэзию во всех ее разветвлениях, начиная от словесного иконописца Клюева и кончая бунтарями — Орешиным или Дружниным. Клюев, точно старообрядческий начетчик, по уши завяз в скитской и древнецерковной лексике. Почти нет у него ни одного произведения, куда он не вставил бы того или другого украшения или словца из обихода духовного стиха, древнерусской повести или сказания. Клюевская лексика и словесная символика настолько загружены чисто иконописной вязью всяческих церковных и древне-русских выражений, что чтение его утомляет и требует знания древне-русской литературы. Поэтому его „Единороги", „Белые Индии", „Медные Киты", „Сирины", „Алконосты", „Китежи", „Китоврасы", „Крины" и т. д., в силу перегруженности, теряют в своей выразительности, являясь словесными анахронизмами. Нередко произведения Клюева, особенно из последнего его периода творчества, превращаются в какие-то суховатые древнерусские словари, форма которых очень удобна для затемнения смысла, но не очень подходит для того, чтобы сделать произведение подлинным достоянием поэзии. В этом отношении многие из его „Братских песен" и „Мирских дум", являющиеся стилизацией, а, возможно и переработкой подлинных записей духовных северно-скитских стихов, выгодно отличаются своей яркой выразительностью. Вообще скитский дух Клюева нашел яркое отражение в его поэзии и наложил резкую печать на его стилистические приемы. „Схимник-бор читает требник", „березки—свечи брачные", „святый боже, святый крепкий", — „вяз над омутом вздыхает", „тайга — боговидящий инок", „кадильный дым" в кустах, „березки—белые белички", „солнце — божью коровку—аллилуйем встречать", „лесные сумерки — монах за узорочным часословом", „заря... тускнеет венчиком иконным"— вот несколько примеров из бесконечного ряда лирических стихотворений Клюева, не являющихся прямыми стилизациями духовных стихов. Стихотворение „Я был в духе в день воскресный" представляет своего рода новый вариант „Пророка". Свои религиозные увлечения отметил сам поэт, который когда-то давал „обет перед иконами стать блаженным и святым". В „Избяных" песнях Клюев, на ряду с религиозными и церковными мотивами, пестрит выражениями, заимствованными у древне-русских сказаний и повестей с их Сиринами и Китоврасами.

Есенин, особенно в первый период своего творчества, отдал не меньшую дань церковно-книжной лексике. Достаточно назвать его первые книги: „Сельский Часослов", „Преображение," „Голубень", „Радуница", не говоря уже об их содержании, в котором и Христос, и „иорданская голубица", и Фавор—всяческие церковные слова служат для выражения революционных мотивов,—чтобы убедиться в этом.

Меньше подобных мотивов и выражений у других поэтов-крестьян. Но и у них они являются непременной принадлежностью их творчества. Фомин молится „разбитой иконе — истерзанной Руси", у него же и „неопалимая купина" и столь излюбленное каждение ветра. У Орешина, почти как у Клюева, „перебирает четки монахиня-ветла". Радимов начинает свои „Полевые псалмы" „Псалмом зачала". П. Борисов делает попытку начертать образ „Сельского бога". У Клычкова встречаешь „образ троеручицы". Разве только Павел Дружнин, пожалуй, избегает этих выражеиий.

Иногда использование религиозных и церковных мотивов сопровождается у крестьянских поэтов известным подчеркнутым богохульством и кощунством над былой верой. У Клюева—

Всепетая матерь сбежала с иконы,
Чтоб вьюгой на Марсовом поле рыдать,
И с Псковскою Ольгой за желтые боны,
Усатым мадьярам себя продавать.

У него же—„смердят облака", а „Микола и светлый Егорий с поличным попались: отмычка и нож"... Есенин собирался—„богу выщипать бороду", „выплевывая тело Христово изо рта". Ширяевец пишет кощунственно-шуточный „Архангельский глас". Во всех этих мотивах, как нельзя более ярко отражается мужицкое — „годится—молиться, а не годится—горшки покрывать".

Другая черта крестьянской поэзии,—это широкое и любовное пользование средствами устного былинного и сказочного эпоса и устной песенной лирики. Находясь непосредственно у источников устной поэзии, многие поэты-кре-

стьяне пожали здесь богатую жатву. Песни и былины о Бове, Ладе, Садко и т. д. определили почти все творчество Сергея Клычкова вплоть до „Домашних песен“ и нашли в нем своеобразную реставрацию. У Клюева, помимо его духовных стихов, есть целый отдел „Песен из-за Онежья“. Творчество Ширяевца находит сильные питательные соки в разбойничьих песнях Поволжья, преданиях о Стеньке Разине и др. Былинные, песенные и сказочные элементы всюду рассыпаны у Орешина, Дружинина, Борисова и др.

Нечего и говорить, что преобладающий в крестьянской поэзии мир деревни дает ей богатейший лексический и тематический материал. Здесь мы имеем все оттенки быта деревни от северной Олонецкой расписной избы Клюева вплоть до детального описания в возрожденном гекзаметре Радимова малейших мелочей до лоханки с помоями включительно. Крестьянская поэзия блещет красками деревни, ее солнца, полей и лесов, на подобие широких красочных полотен художников, в роде Юона, временами принимая „Рублевский“ оттенок, как у Клюева. С этой стороны язык крестьянских поэтов чрезвычайно сочен, как сочен и язык самой деревни.

Отдельные группировки крестьянской поэзии едва ли можно резко отграничить, если иметь в виду те общие основные черты, которые характеризуют ее в целом. Выше отчасти уже были отмечены эти границы по тому признаку, который делит крестьянских поэтов на поэтов зажиточного крестьянства (Клюев, отчасти Радимов) и поэтов деревенской бедноты (Есенин, особенно Орешин, Ширяевец, Праскунин, Клычков, Фомин, Артамонов, Дружинин, Борисов и Морозов). Однако идеология и психология тех и других вовсе не имеют таких резких различий, чтобы можно было говорить о полной противоположности двух течений крестьянской поэзии. Эти различия скорее можно отнести на счет эмоциональной окраски произведений того или другого поэта, чем на счет идеологии. Поэзия деревенской бедноты имеет более боевой тон, более революционную фразеологию, более резко наметившийся разрыв с „устоями“ старой деревни, чем поэзия мужика сытого, но основные устремления и чаяния и той и другой по существу, как мы видели, одни и те же: сытый „мужицкий рай“. Разница в эмоциональной окраске об'ясняется попросту тем, что сытый доволен тем, что есть, и потому, отстоявши свое достояние от врагов, более покоен по части всяких других стремлений; голодный же еще должен з а в о е в а т ь свое сытое положение. А здесь он сталкивается не только с общими врагами крестьянства, но и со своим соседом по деревне — зажиточным мужиком - мироедом. Никакой другой общей руководящей идеи крестьянская поэзия не несет. В этом смысле крестьянские поэты действительно только попутчики для тех, кто видит дальше, кто воодушевлен идеями реальной, а не фантастической коммуны, реального, а не „финифтяного“ рая человечества. И если некоторые из них, как Есенин, Орешин, Дружинин, Артамонов и др. кое-что и прозревают в настоящем и будущем, то это следует отнести всецело на счет влияния идеологии пролетариата, но никак не на счет их крестьянской природы.

Отсюда индивидуалистический дух крестьянской поэзии, ее статичность и пассивность, несмотря на революционный пыл и фразеологию, нередко встречающиеся в ней. Динамика деревенской поэзии не превышает динамики какого-нибудь Бовы-Королевича или Микулы с их „улочками“ и „переулочками“ от махания их рук. Это не динамика масс, двигающих современное общество, не динамика городов с их индустриализмом. Это созерцательная пассивность деревень, распыленных по лицу земли. Если для поэтов деревни и мерещится иногда в будущем какой-либо „век колосьев золотых“, то он обычно бывает „нерукотворным“ (Клюев), каким-то „Чудесным Гостем“ (Клычков), которого надо „ждать“ и который придет сам собой.

Несмотря на отрицательное отношение крестьянских поэтов к другим поэтическим течениям, все-таки замечается большая связь некоторых из них с символизмом, других—с пролетарской поэзией.

Клюева, несомненно, увлекали стихи о „Прекрасной Даме“ Блока, которому он посвятил два стихотворения и которому неоднократно подражал („В морозной мгле, как око сычье“, „Ты все келейнее и строже“, „Сегодня небо как невеста“, „Я болен сладостным недугом“, „Ожидание“ и др.). Следы влияния Блока можно отметить и у Есенина („Не бродить, не мять в кустах багряных“, „Пойду в скуфейке светлый инок“ и др.), у Фомина („Девушка в белом“) и у Клычкова.

Есенин некоторое время причислял себя к имажинизму. Но это мало отразилось на его поэзии, если не считать его озорных выступлений в стиле Мариенгофа:

Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают вам в толстые задницы
Окровавленный веник зари —

или небольшого цикла стихов, где выпирает „имажинистика“ в роде:

Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

В последней фазе творчества Есенина („На родине“, „Земля Советская“ и др.) довольно заметна Пушкинская струя с ее чеканиой ясностью и проетотой.

Из крестьянских поэтов Орешин, Артамонов, отчасти Дружинин находятся под сильным влиянием пролетарской поэзии, нередко принимаясь за ее темы. Однако при разработке ими этих тем они одной, а иногда и обеими ногами стоят в деревне и более подражаний дать не могут.

Особо следует отметить П. Радимова. Начав с мистическо-индивидуалистических сонетов, проникнутых довольно мрачным пессимизмом, он кончает широкой эпопеей деревни, в спокойно-плавном гекзаметре воспевая ее горести и радости, будни и праздники, труд и отдых, детальными зарисовками деревенских мелочей нередко достигая крупного эффекта. Творчество Радимова своей полнокровной насыщенностью материальными вещами и материальным бытом сближается с акмеизмом.

◆ ◆ ◆

„Пролетарские поэты и писатели,—говорится в декларации „Кузницы“ 1923 г.,—вместе со своим классом, пережившим революцию 905 г., пришли как-то вдруг“. Действительно, большинство пролетарских поэтов, которые развернули свое творчество в эпоху Октябрьской революции, появились еще до нее. В первом десятилетии нашего века начинают печатать свои произведения Демьян Бедный, Гастев, Александр Поморский, Ионов, а в начале второго нарождается уже целая плеяда рабочих поэтов, из которых многие потом заняли вместе с Демьяном Бедным и Гастевым первые ряды пролетарской поэзии: Михаил Герасимов, Александровский, Кириллов, Филипченко, Сергей Малашкин, Илья Садофьев, Обрадович и др. Рабочий класс, с величайшим напряжением „переживший революцию 1905 г.“ явно вступил в полосу идейного и творческого возбуждения, которое, несмотря на годы свирепствующей реакции, продолжало расти и частично выливалось в произведениях рабочих поэтов, которые печатались в органах легальной рабочей печати, особенно в „Звезде“ и „Правде“. Когда в конце 1913 г. изд-во „Прибой“ поместило об'явление о выходе „Первого сборника пролетарских писателей“ под ред. М. Горького и обратилось к авторам присылать рукописи, то из 94 авторов, приславших в издательство в течение 3 месяцев свыше 450 рукописей, только 15 авторов были интеллигенты, а остальные — люди физического труда: рабочие, ремесленники, крестьяне и т. д. Однако, рабочая поэзия до Октября носит на себе печать того положения, которое занимал пролетариат в то время.

Илья Садофьев в стих. „У станка“ (см. 503 стр.) изображает, как в груди рабочего „под танец шестерней два желанья, два Начала спор ведут“.—Одно „начало“—жалоба на то, что рабочий — „невольник — парий“; этот голос „проклинает плен завода, стали звон“ и манит „на простор“. Другой голос, „криком стали, смелым властным языком“, напоминает пролетарию, что завод его „мышленье пробудил“ и призывает „понять язык машин“, говорящих: „Ты—Мессия, ты—Грядущий властелин“. Между двумя этими началами, в основе которых лежит двойственный характер бытия пролетария в условиях капитализма—эксплоатируемого раба, призванного быть властелином — и развивается его психика:—

На призывы двух различных голосов
Я качался, словно маятник часов

метко говорит Садофьев.

Отсюда—два „начала“ и в пролетарской поэзии. До Октября, особенно в период до революции 1905 г., песни рабочих строятся, главным образом, по типу „песни о рубашке“ Томаса Гуда и моментами принимают суриковский налет. Таковы многие стихи этого периода у Нечаева, Шкулева и др. поэтов-рабочих переходного типа. Но и после 1905 г. суриковский оттенок заметен у Поморского, Ионова, Кириллова и др. Призывы „властелина“ звучат реже. А если и звучат, то часто напоминают музу Некрасова и других предтеч революционной поэзии более близкой поры (особенно Евг. Тарасова) и несут в себе больше демократическо-революционного воодушевления, чем пролетарско-классового мироощущения. Таковы многие песни прошлого Демьяна Бедного, стихи Самобытника, Кириллова и др. Впрочем, некоторые классовые черты той пролетарской поэзии, которая поднялась во весь свой рост лишь под знаменем Октября, созрели до него в последние годы старой России. Поэзия „железных“ ритмов Гастева и Герасимова, поэзия „мускулов“, „труда“ и „рабочей демократии“ Филипченко и Малашкина начали пускать первые ростки еще до великого рубежа.

И, тем не менее, все пролетарские поэты, начавшие свою работу до этого рубежа, в сущности, открылись лишь вместе с Октябрем. Лишь Октябрь дал возможность Демьяну Бедному во всю ширь развернуть свое творчество и превратиться из острого сатирика-баснописца в того „большевика поэтического рода оружия“

(слова Л. Троцкого), произведениями которого зачитывается рабочая и крестьянская масса во всех уголках Советского Союза. Точно также „поэзия рабочего удара“ Гастева была „открыта“ и заставила говорить о себе лишь в 1918 г. То же можно сказать и о поэтах, составивших ядро Петроградского пролеткульта (Самобытник, Кириллов, Садофьев, Тихомиров, Бердников, Крайский, Поморский), и выпустивших свои первые сборники стихов лишь в 1918—19 г.г. Поэты Московского и провинциальных пролеткультов, печатавшиеся до революции, выступают на авансцену русской литературы также в первые годы Октября (Герасимов, Обрадович, Александровский). Филипченко выпускает свой первый сборник даже лишь в 1920 г. Таким образом, вся та поросль пролетарской поэзии, которая едва пробивалась в „садах“ русской поэзии сквозь толщу господствующих предреволюционных течений, сразу выросла лишь вместе с Октябрем.

Пролетарская поэзия, со всеми ее особенностями классового порядка, созданная поэтами из рабочей среды, вместе с революцией вышла из подчиненного положения и мало-по-малу начинает занимать господствующие позиции не только потому, что она встретила покровительство рабоче-крестьянской власти, но и как поэтическая сила, способная в своих достижениях противопоставить себя течениям прошлого.

Пролетарские поэты, подобно крестьянским, полны гордого сознания о высоком жизненном значении своего искусства,—более того, они провозгласили его первородство, как искусство „близких радостных веков“, говоря словами Владимира Кириллова. Если песни свои дореволюционного периода они сами признавали лишь „робкими напевами“ „в одежде убогой“, то и в них они все-таки находили „мысль свободную без конца“ и ту силу, „что горным ручьем сквозь оковы“ в них „бешено рвется“ (Самобытник). Пролетарская революция, поднявшая в сердцах поэтов пролетариата огромную волну романтического энтузиазма, возвела и их поэтическое самосознание на небывалую высоту. Кириллов называет рабочих поэтов „пролетариями“ и „пророками“, которые—

... пришли в предрассветной мгле
Раскаленные выковать строки,—
Светлый гимн грядущей земле.

Илья Садофьев, упоенный сознанием торжества пролетарского искусства, слагает целый восторженный гимн „Пролетарским поэтам“ (см. стр. 502): „Поэтов ярче и счастливей и бессмертней нас— наша планета еще никогда не рождала“. Здесь нельзя видеть пустого бахвальства вроде какого-нибудь поэта-индивидуалиста, взывающего— „я—гений“. Это не самовозвеличение, а возвеличение той „бессмертной силы“, которая „родила“ пролетарских поэтов, устами которых „песнь несметных масс величьем небывалым впервые зазвучала“ и которые суть „сердце, мозг трудящихся, их лучшие цветы“ (Садофьев); это гордость от сознания, что они „в царство грядущего, как лучшие из всех, от масс достойно избраны их первыми депутатами“, как говорит Садофьев. Эта же кровная связь рабочей поэзии с массами дает основание А. Безыменскому взглянуть иначе на самое творчество поэта: „Сбросим, бросим гниющую осень старого слова, „поэт“,—говорит он и развертывает картину пролетарского творчества, как „завод слова“, где творчество является, в сущности, плодом коллективных усилий, наподобие любого продукта материального производства (см. стр 526).

„Жрецам“ старого искусства, которые предрекали нашествие „новых гуннов“, пролетарские поэты дают энергичный отпор.

Суровый облик нашей музы
Вам непонятен был и дик,—

говорит Кириллов, и в ответ на прозвище „гунны“ заявляет:

Ночные филины, кукушки,
Не вы избранники богов,
Он с нами лучезарный Пушкин,
И Ломоносов, и Кольцов...

„Суровый облик“ своей музы пролетарские поэты отмечают нередко и весьма охотно, ставя его в параллель своему пролетарскому происхождению, быту и боевому крещению. Как пролетарий, Герасимов мог сказать о себе: „Я не нежный, не тепличный, не надо меня ласкать. Родила на заводе зычном меня под машиною мать“. Как пролетарий, он также „борьбы горящие кубки хлебнул Октябрьским днем“. Поэтому глаза его музы—„в блистаньи стали“, она благословляет его „знаменем кроваво-красным“, и он говорит о себе:

Я стал баян восстаний властных
Поэт железа и огня.

Те же мотивы „суровой музы“ можно встретить у любого пролетарского поэта. Каждый из них мог бы сказать о себе словами Обрадовича: „как заплаканный воробей билась жизнь моя под забором“ и у каждого из них был какой-нибудь свой „с помойки чертополох“, который— „недоверчиво и зло, долго хмурил брови“ на его жизнь, „лохматый, цепкий, всегда наготове“. И в то же время у каждого из них, как у Об-

радовича, „в трудовой колыбели к сроку в набатный звон юные думы созрели“.

„Трудовую колыбель“ своей музы пролетарские поэты разработали с неменьшей тщательностью, чем крестьянские свою. Завод, фабрика, как вместилище коллективного труда пролетариата, как родина его дум, чаяний и стремлений — одна из первых очередей в тематике пролетарских поэтов, особенно у поэтов металла—Гастева и Герасимова. Завод, как было уже отмечено выше, в его капиталистической форме, возбуждает в пролетарии и его поэте двойственное отношение. С одной стороны, это—„жилище неволи“, где в вое моторов слышатся „тоскливые песни“ (Гастев), это — „черный катафалк“, где „труб потушенных свечи застят звездные струны, звон похоронный мечет гроб болванки чугунной“, это — „железные тюрьмы“, „чугунные темницы“, где в „склепах — могучий мертвец“, где „труба—облитый ржавой кровью и преградивший вход палач“ и где рабочие „гремят сталью как рабы“ (Герасимов). В такой обстановке, поэту начинает казаться:

И труб заводских частоколом
Мои мечты обнесены.
(Герасимов).

В таких же мрачных красках рисуется эксплоататорская подневольная сторона капиталистического завода и у других поэтов (Самобытник, Садофьев, Крайский и т. д.).

Но львиная доля рабочих песен все-таки падает не на эту сторону завода. Пролетарские поэты не были бы самими собою, если бы проглядели в нем, подобно некоторым крестьянским поэтам, его организующе-творческую и революционную роль. Прежде всего, самая трудовая атмосфера завода, его грандиозные трудовые ритмы, шумы, звуки, вся эта своеобразная трудовая музыка завода глубоко входит в психику поэта рабочего и возбуждает в нем живой сочувственный отклик:

Я полюбил тебя, рокот железный,
Стали и камня торжественный звон,
Лаву... Огонь беспокойный, мятежный
Гимнов машинных, их бравурный тон.
Я полюбил твои вихри могучие
Бурного моря колес и валов,
Громы раскатные, ритмы певучие,
Повести грозные, сказки без слов.

Именно в этой атмосфере создаются мечты „исполина“, о которых говорил Садофьев. И здесь же, в „тиши напряженной“, в „ровном низком сдержанном ходе“, закаляется и снаряжается в бой его воля, „растет из железа“ классовое самосознание пролетария. За это его он и любит:

Сколько звона, сколько пений—
Птица искра—мысль зовет.
Как люблю тебя, весенний
Искропламенный завод.
(Герасимов).

Здесь же совершается „в сводах сумрачных рожденье многотысячных дружин“ (Самобытник). Гудки поют тогда—„утренний гимн единства“ (Гастев). Труба уже не „палач“, а „посох исполина в мозолистой руке“ рабочего (Герасимов).

Завод—не только центр индустриальных ритмов; он в то же время огневая полоса боевого фронта классовой борьбы. Пролетарская поэзия, в отличие от крестьянской, насквозь пропитана идеей классовой борьбы, это, действительно, с о ц и а л ь н а я поэзия по преимуществу. Каждый стих пролетарского поэта полон ненависти к капитализму. „Проклясть бы, пронзить тебя словом несказанным, жгучим, расплавленным, проданный золоту мир!“ — говорит Гастев. Поэтому в душе каждого пролетария горит мятежный и неугасимый огонь борьбы за уничтожение этого продажного мира. Этот мятежный огонь настолько проникает поэзию пролетариата, что она готова видеть ее образы всюду. У Гастева даже „хмурая труба... мрачно думает, вздыхает про борьбу“. В сущности, пролетарская поэзия в целом дает яркую эпопею этой борьбы, в которой массы несут огромные жертвы, но не боятся их. „Мы идем! Нам нельзя не итти, встали мрачные тени недавних разбитых бойцов, поднялися живые преданья былого—сраженные раной отцы“ (Гастев). Пролетарская поэзия слагает гимны этой борьбы („Коммунистическая марсельеза“ Демьяна Бедного, „Рабочий гимн“, его же. Гастев — „Мы идем“, Филипченко — „Массы“, „Мускулы“ — Малашкина“ и т. д.).

Однако борьба пролетариата направлена не только на разрушение „продажного“ мира. Путь этой борьбы обозначен энтузиазмом и освещен идеалом коммунизма. Эта сторона классовой борьбы находит наиболее яркое воплощение в пролетарской поэзии. У Гастева она выражается в строительстве „дерзостного башенного мира“ („Башня“). В другом месте он говорит: „то-то родится в усильях железных, то-то взойдет и возвысится, гордо над миром взовьется, вырастет новый, сегодня незнаемый нами, краса-восхищенье, первое чудо вселенной, бесстрашный работник творец-человек“. „Я знаю — красный флаг коммуны над миром будет пламенеть“,— говорит Герасимов, и в другом месте: „Лучами алыми обитая сверкает маем наша вера“. Эта

вера в неизбежный приход коммунизма не есть, однако, слепая вера. Она опирается на научное мировоззрение марксизма и является сознательным убеждением в передовых слоях пролетариата. „Великий Маркс с набатной силой твой голос бьет, могуч и строг, над буржуазною могилой, над дряхлым миром трубит в рог. Твой голос там, где гул машины, проклятье нищенской судьбы, рабочих согнутые спины ты распрямляешь для борьбы" (Герасимов). Это научное мировоззрение дает возможность Безыменскому сказать о коммунисте: „Вышел, иду и знаю, с кем и куда иду". Отсюда, скорбный путь классовой борьбы нисколько не повергает в уныние поэта-коммуниста. Он уверен, что.. „идут и поют в тумане и видят сиянье времени на каторге дней каторжане, под кандальные звоны знамен" (Санников) и что... „в хаосе колес, кромсающих класс... каждый в сердце не белую лилию несет, а могучий огнеприпас" (Г. Якубовский).

Положение пролетариата, как класса, и коммунистический идеал придают пролетарской поэзии интернациональный и космополитический характер, ибо „Мы всюду" (Гастев), „велика в прошлом и бесконечна в будущем жизнь моя" (Гастев), пролетарий—„земли властелин" (Кириллов) и „гражданин всей вселенной" (Самобытник).

Идеал коммунизма, проникающий пролетарскую поэзию, отличает ее от крестьянской поэзии, идеал которой, поскольку он отразился в ее прошлом и настоящем, как мы видели выше, не впереди, а позади. Коммунистические темы, которые встречаются у поэтов деревенской бедноты (Орешина, Дружинина и др.), как мы видели, не вытекают из самой природы крестьянской поэзии, а идут в ней за счет влияния пролетарской идеологии. Поэтому революционность пролетарской поэзии прорастает еще в будущее, пока коммунизм не пришел на смену капитализма в его интернациональном масштабе, тогда как революционность крестьянской поэзии заканчивается в настоящем, если она не перестает быть сама собой под влиянием роста индустриализации деревни и развития в ней коммунистического строительства. С другой стороны, революционность рабочей поэзии шире и глубже еще и потому, что она является поэзией класса, призванного п е р е с т р о и т ь буржуазное общество в целом, а не только добиться собственного благополучия, как это свойственно крестьянству, как классу. Поэтому темы о пролетариате, как классе, о его роли революционного гегемона и строителя нового общества, о самом облике пролетария приобретают в пролетарской поэзии существенно-иной характер, чем темы о мужике у поэтов-крестьян

У пролетарских поэтов тот класс, поэтами которого они являются, возводится на еще большую высоту, чем мужик в крестьянской поэзии. „Посторонитесь, рабочий идет, уступите асфальты, к фундаментам станьте, дайте дорогу ему, современному Данте", — говорит Филипченко, протрубивший „Славу слав" „пролетариату-титану", который, подобно орлу, „средь бурь парит на беспримерной точке". „Слава тебе, гений-пролетариат!" — восклицает Малашкин. Но это возвеличение массы вовсе не обозначает той количественной точки зрения, которая проскальзывает в крестьянской поэзии.

Право на „Славу слав" пролетариат приобрел уже тем, что все в мире он „создал из мускулов, сгустков и мышц собственных нервов, нервущихся жил" (Малашкин). Поэтому труду, который „не воспели поэты в одах" и которому „жрецы не сжигали душистых огней" (Кириллов), почти каждый пролетарский поэт слагает гимны и ставит памятники. Конечно, и крестьянская поэзия говорит о труде мужика над землей. Но здесь подход к теме совсем другого порядка, чем в пролетарской поэзии. Тема о труде „сохатого" мужика, который „тешится с землей брюхатой по веснам, точно с бабой" (Орешин), разрабатывается у поэтов-крестьян чисто индивидуалистически, с точки зрения мелкого хозяйства мужика.

В пролетарской поэзии труд, прежде всего, есть „знак бесконечности" борьбы человека с природой: „Труд человека и труд природы— два мощных русла в течении безмерном и грозном — двух змей бесконечность, обвивших друг друга смертельным об'ятьем" (Якубовский).

Отсюда, прежде всего, струя к о с м и з м а в пролетарской поэзии, заметная у Герасимова, Гастева, Филипченко, Малашкина, Якубовского, а также и у Безыменского и др. При этом космос рассматривается, главным образом, с точки зрения „труда природы", т.-е. работы сил природы и энергии вообще. Природа вызывается „на фронт труда".

Но в борьбе с природой развертывается творческая мощь человеческого труда. Поэтому труд не только „знак бесконечности", но и знак победы: „Человек... силы природы взнуздал и впряг в колесницу своих устремлений, и мощным вихрем работа вливается в труд его, властью творящий новую жизнь" (Якубовский).

Труд-победитель в пролетарской поэзии рассматривается не индивидуалистически, а как явление коллективное: созданное и создаваемое— это „сгустки" усилий трудовых масс. Поэтому пролетарский поэт воспевает м а с с у, коллектив, он собирает и об'единяет ее в единое „Мы": „М ы, идем" (Гастев), „М а с с ы" (Филипченко),

„Мускулы" (Малашкин), „Мы" (Александровский, Герасимов, Кириллов, Малашкин, Малахов и т. д.), или как говорит Кириллов:

Мы—несметные, грозные легионы труда,
Мы победим пространства морей, океанов
и суши,
Светом искусственных солнц мы зажгли
города...

Если даже пролетарский поэт и говорит „Я", то и здесь все то же коллективное „Мы": „Я—всеоб'емлющий, чье имя—Пролетарий" (Александровский). Так же коллективен и облик пролетария, данный Самобытником:

К грозным лишеньям готовый всегда,
С силой в могучих руках неизменной—
Вот он—создатель земного труда
И гражданин всей вселенной.

Пролетарская поэзия, воспевая труд, подчеркивает дерзновенность коллективных усилий человека в его бесконечной борьбе с природой. Эту дерзновенность он признает именно свойством пролетария, строящего „дерзостный башенный мир". „Я выпил сотни солнц. И все мне мало",—говорит о пролетарии Александровский: „я дерзок и упрям". „Мы все возьмем, мы все познаем" (Герасимов). Именно бесстрашие перед каким-угодно посягательством на какие-угодно святыни в пролетарской поэзии выделяется, как черта пролетария („Мы посягнули"—Гастев). „Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы" (Кириллов),—это, конечно, следует понимать не как бессмысленный вандализм, как встретили это заявление некоторые критики, а только как образное выражение признаваемого пролетарскими поэтами дерзновенного, бестрепетного революционного духа пролетария, который не останавливается перед гибелью вчерашних святынь, если это необходимо для строительства новой жизни; это только выражение полного отсутствия фетишизма в его отношении к этим святыням. В области этих тем пролетарская поэзия в новом претворении возрождает мировую поэзию гордого духа типа Байрона (поэзия восходящих классов). Но Манфреды и Каины байронической поэзии индувидуалисты, тогда как гордый и дерзостный дух пролетария всецело выражается в коллективном строительстве масс.

Изображая дерзостное могущество пролетария в труде и борьбе, пролетарская поэзия прибегает нередко к приемам, подобным приемам крестьянской поэзии при изображении мужицкой „ржаной" силы, каков, напр., гиперболизм: „Гигантской гильотиной отрубим шар земной", (Герасимов), „пред ним трепещут боги, немые фетиши, и валятся чертоги, как в бурю камыши" (Шкулев), „воздвигнем купол, как Монблан" (Герасимов) и т. д.

Но в то время как крестьянская поэзия широко использует индивидуалистические образы былинных богатырей вроде Микулы, гиперболизм пролетарской поэзии более современен и, по существу, нисколько не противоречит „чудесам" современной науки и техники. „Снилось мне: зарниц и радуг сотни паровоз привез, свалил на двор. Что ж и радуги,—промолвил плотник,—да и солнце мой возьмет топор" (Казин).—Вовсе не сказка—утилизация солнечной энергии.

С другой стороны, трудовая пролетарская стихия отражается в пролетарской поэзии в виде своеобразного трудового антропоморфизма: „Небесный завод" (Казин), силы природы „на фронте труда" (Герасимов), „утро... взносило красный кирпич" (Казин), „весна-ткачиха у села" (Обрадович), „трудовой день" солнца (Безыменский) и т. д. Трудовое мироощущение—особенность пролетарской поэзии, как таковой, особенность, которая проявляется в ней всюду вплоть до личной лирики любви („Живей, рубанок, шибче шаркай" Казина, „При разгрузке" Александровского и др.). И железные ритмы поэзии Гастева, и своеобразный трудовой символизм Герасимова, и „малиновое сердцебиение" поэзии Казина,—поэзия любого пролетарского поэта не может быть понята целиком теми, кто не соприкасался с ритмами самого труда: их поэзия есть своего рода симфония труда.

Казин превосходно выразил эту трудовую основу пролетарского творчества:

Но как видно, кровь стихов сильнее,
От отца не скроюсь никуда.
Даже в ямбе, даже и в хорее—
Родинка отцовского труда.
Даже и в кипеньи пред работой,
Знать, отцовский норов перенял.
Только то, что звал отец охотой,
Вдохновеньем кличут у меня.

Самая грубость, напряженная тяжеловесность стиха иногда вполне гармонирует с трудовым ритмом пролетарской поэзии и принимает тогда характер своеобразного приема. „Мой грубый и упорный стих, похожий на меня, как тяжкая работа", говорит Малашкин.

Правда, пролетарская поэтическая симфония страдает иногда некоторой отвлеченностью, переходя порой в стихотворные научно-популярные трактаты (напр. у Якубовского). Однако известная степень отвлеченности вызывается

отчасти самым характером темы — масса и ее коллективная трудовая мощь. Следует отметить, что пролетарской поэзии все-таки нередко удается превратить эту отвлеченность в действительно живую и мощную симфонию слов и ритмов (Гастев, Герасимов, Малашкин, Филипченко). С другой стороны, пролетарская поэзия умеет находить в конкретных образах средства для выражения общего, типичного (Казин, Александровский, Безыменский и др.). Кроме того, в период „бури и натиска" Октябрьской революции к ее монументальному стилю как нельзя более подходили рамантически-революционные композиции пролетарской поэзии, от которых она перешла затем к отображению повседневного трудового быта пролетаря.

Взгляд на пролетария, как на единственного строителя „дерзостного башенного мира", отожествление „д е р з о с т н о г о" ч е л о в е к а с п р о л е т а р и е м вытекает из марксистского воззрения на пролетариат, как на единственный в капиталистическом обществе до конца революционный класс, „которому нечего терять, кроме цепей", как на „могильщика" буржуазного мира и как на носителя человека будущего. Поэтому темы об Октябрьской революции разработаны в пролетарской поэзии иначе чем в поэзии крестьянской.

Революция в пролетарской поэзии мыслится исключительно как низвержение буржуазного общества, а не только как водворение политических свобод, иначе она была бы демократическо-революционной поэзией, не более. Эта буржуазно-демократическая революционность нередко сквозит в произведениях пролетарских поэтов дореволюционного периода, но при анализе идеологии п р о л е т а р с к о й поэзии она в счет, конечно, не идет. Пролетариат в его поэзии наделяется мессианскими чертами,— это „Железный Мессия", революция которого есть второе пришествие: „Думали—явится в звездных ризах, в ореоле божественных тайн, а он пришел к нам в дымах сизых, с фабрик, заводов, окраин"· (Кириллов).

Понятно, что пролетарские поэты являются п о с л е д о в а т е л ь н ы м и и восторженными поэтами Октября и Советской власти, установившей диктатуру пролетариата. „Россия проснула в вечность глаза", говорит Герасимов, и как бы в ответ Клюеву на его мечты о Китежеграде заявляет: „Не Китежноградного бога ищут глаза голубиные". Конечно, в пролетарской поэзии нет и следа той двойственности в отношении к Октябрю и его результатам, которая замечается в крестьянской поэзии. Для каждого пролетарского поэта — „как часовой Октябрь огнеликий стоит у входа в солнечные дни" (Александровский). Отсюда тот своеобразный советский патриотизм, который свойствен пролетарскому поэту. „... Ведь лучше быть нищим в Казани, чем в Париже иметь миллиард",— говорит Александровский, а Александр Жаров, комсомольский поэт, выросший уже в условиях революционного советского строя, повторяет: „Мы бережем свой край, как мать ребенка, мы любим свой советский край". Патриотизм даже трактуется, как должное: „Пусть каждый будет словно Минин Советской родины своей" (Герасимов). Этот советский патриотизм, казалось бы, противоречит интернационализму пролетарской поэзии. Однако, он исходит совершенно из другого источника, чем патриотизм буржуазно-националистический. Последний есть патриотизм враждебных буржуазий разных государств, стремящихся захватить друг друга в погоне за наживой. Советская же Россия, говоря словами Садофьева, есть „мать Советов", „Колыбель прекрасных, радостных Веков", „остров очарованный Свободы, Света, набат, бодрящий и сзывающий рабов"; „Ты как Светоч, как Маяк спасительный сверкаешь, волнуя угнетененных чуткие сердца... К восстанью зарубежных братьев призываешь, к разрыву огненно-кровавого кольца", говорит тот же Садофьев. Итак, советская земля есть форпост коммунизма, и любовь к ней, в сущности, есть та же любовь к коммунизму, к утверждению его в интернациональном масштабе. Это патриотизм „социалистического отечества", которое водворится на всем земном шаре, а пока только является „островом" среди капиталистических отечеств.

В связи с этим приобретает другой смысл и славянофильская идея,— ex oriente lux—„ с Востока свет",—которая в разных вариациях живет в русской поэзии, не исключая пролетарской. Самобытник, например, так выражает эту идею.

Страна громов, тебе ли пасть
Под гнетом злобного порыва.
О, нет! Твое призванье — жить,
И в грустных сумерках Европы
К любви и братству проложить
Неумирающие тропы.

Быт Советской России, сложившийся в результате Октября, нашел бо́льшее отражение в поэзии нового поколения пролетарских поэтов, которое народилось уже после революции и вышло из гражданской войны и Нэпа. (Поэты от Безыменского до Светлова. См. стр. 527—568.) Пролетарские поэты старшего поколения были отразителями, главным образом, эпохи „бури и натиска" революции. Эпоха Нэпа у этих поэтов вызвала налет пессимизма и скептицизма.

Герасимов пишет о „черной пене" револю-

ции: „Опять проросло пошлое клеймо, выжженное прошлым на лбах, а рабочих поэтов распяли на фонарных столбах“. Кириллов, воспевший „дни величавей столетий“, скептически задает вопрос о Тверском бульваре—„так будет и впредь через тысячу лет?“ Александровский старается себя утешить: „Верю я—мы грядущее выняньчим на своем трудовом горбу; не беда, если солнце не нынче запоет в золотую трубу“. Однако, в этом самоутешении чувствуется надрыв. Конец революционного романтизма его представители переживали несомненно болезненно, пока не нащупали новых путей творчества.

Темы города и деревни в пролетарской поэзии занимают значительное место и получают иную обработку, чем в крестьянской поэзии, а также и в поэзии символистов и футуристов.

Пролетарская поэзия—детище городов и, конечно, в ней нет к ним той враждебности, которая отличает поэзию крестьян. „Мы каждый день выходим солнце слушать на смуглые ладони площадей“, говорит Александровский. Город „огneликий“, „гордый“ (Кириллов, Александровский, Крайский), „притягивают города магнитные“ (Герасимов). Но в пролетарской поэзии нет того страха перед „городом-вампиром“, как у символистов, ибо город, как говорил Малашкин, обращаясь к пролетариату — „это все, все, что ты держишь и видишь, буйствуя, властвуя, властвуя, движешь“. В отличие от футуристов, которые, по существу, недалеко ушли от символистов в идеологии города, отметив лишь с большей силой его ритмы и шумы, пролетарские поэты вместе с этими ритмами дают ритмы заводов и фабрик, оттеняя могучую революционизирующую роль города, где вмещается та „купель чугуна“, в огне которой закаляется воля пролетариата.

Наоборот, в деревне, в расписной избе Клюева, пролетарские поэты видят „веками сон сугробный, потный, древний“ (Обрадович) и не думают, чтобы из этой избы вышел какой-нибудь „рай“. Спасение деревни, водворение в ней действительного, а не „финифтяного“ рая, придет от культуры того же города, который—„Гранитный на стальном коне“ (Обрадович)—перестроит ее по-новому, раскрыв ей слепые глаза и расширив ее кругозор: „Сотни электрических жал вонзились в сердца избяные и мужичьи. В вековой слепоте окон, закопченных лучинами,—вспыхнули созвездья. Прорезались новые глаза на мир“ (Герасимов).

Таким образом пролетарская поэзия, в отличие от крестьянской, понимает смычку города и деревни, как индустриализацию этой последней, уничтожение ее „слепой“ избы со всем ее косным индивидуализмом и отщепенством от окружающего мира, как приобщение ее к благам города, а не наоборот, дабы у нее „прорезались новые глаза на мир“.

Эти „новые глаза“ отчасти уже показаны теми поэтами, которые являются представителями сельско-хозяйственного пролетариата. Песни Доронина о „трамвае зеленокрылом“ на деревенских полях это не крестьянская струя в пролетарской поэзии, а, наоборот, уже п р о л е т а р с к а я обработка тем с е л ь с к о - х о з я й с т в е н н о г о т р у д о в о г о быта. Недаром Доронин говорит: „Поля, поля, для вас, и з г о р о д с к и х к в а р т а л о в солнце лучистое, сердце принес я“... (Разр. моя. И. Е.).

Город и завод — „это купель чугуна“ и для крестьян, пришедших сюда в обработку. В пролетарской поэзии есть целый ряд произведений, рисующих изменение крестьянской психики в этой купели. „Обрызган искрами металла, крещен в купели чугуна, и вот осталенная стала златосоломная струна“ (Герасимов). У Гастева работница, взгрустнувшая при воспоминании о своем деревенском прошлом, от гудка встрепенулась и слышит призыв: „Не гляди тоскливо в старые сказанья... Смелыми оденься, обогнись мечтами, алые знамена от станка развей“. Живучесть деревенских наслоек в психике крестьянина, ставшего пролетарием, характерна для нашей промышленности, в которой значительное число рабочих еще не порвало связи с деревней. Такой пролетарий часто будет думать: „В кипучей жизни городской я закружусь, но вздохи леса я буду слышать в мастерской. И аромат цветов игривых я сохраню в душе своей, и много дум для сердца милых я унесу с родных полей“ (Тихомиров).

Крестьянские прослойки психики нашего пролетария нашли свое отражение в самой пролетарской поэзии. Эти прослойки сказываются в ней, с одной стороны, в усилении индивидуалистического начала за счет коллективизма, проникающего ее вообще. Это заметно, напр., у Александровского, который сам говорит о себе: „Сколько счастья и путаницы, я какой-то расколотый весь,— синь полей — моя вечная спутница, рев машин—колыбельная песнь... Здесь приводы, моторы и клапаны, там: овраги, пастух Пахом“...

Тоже наблюдается у Тихомирова, Бердникова, Доронина, Шведова и др., многие стихи которых вышли как-будто из-под пера крестьянского поэта. „Златосоломная струна“ чувствуется и в той тяге к полям, которая нередко выражается в пролетарской поэзии: „Поля! я кинул город пыльный, я к вам пришел, мои поля“ (Полетаев). В этой тяге, помимо естественного стремления горожанина на лоно природы, слышится и тоска

о „родных полях“, о которой говорит „Дума работницы“ Гастева и мн. др.

С точки зрения группировок пролетарская поэзия, по существу, представляет единый фронт по отношению к буржуазной и крестьянской поэзии. Однако, пролетарская поэзия все-таки имеет свои внутренние течения, находящиеся в связи с развитием самого пролетариата и пролетарской революции.

Можно наметить три главных течения в пролетарской поэзии. Первое течение открывает петроградский пролеткульт, который вбирает в себя все главные силы, возникшие в дореволюционное время: Гастев, Самобытник, Садофьев, Кириллов, Ионов, Крайский, Бердников, Поморский, Тихомиров и др. Эта группа, полная еще традиций революционно-гражданской поэзии, начинает собой эпоху революционного романтизма в пролетарской поэзии, когда было провозглашено пришествие „Железного Мессии“ (Кириллов), когда дан был первый величавый абрис „Пролетария“ (Самобытник) и впервые в железных ритмах прозвучало строительство „башенного мира“ (Гастев). Московский и провинциальные пролеткульты в первое время, в сущности, примыкают к этому общему течению. Второе течение складывается к 1920 г.— это группа „Кузница“; и, наконец, третье течение — ряд молодых пролетарских и комсомольских поэтов, об‘единившихся в конце 1922 г. вокруг группы „Октябрь“. Эти два течения, сменившие первое, являются в настоящее время основными течениями пролетарской поэзии, вполне определившими свои взгляды на задачи творчества и развившими их в форме деклараций.

Группа „Кузницы“ оформилась в 1920 г., когда кружок пролетарских писателей, вышедших из Московского Пролеткульта, влился во вновь образованный в этом же году Литературный Отдел Наркомпроса и начал выпускать при нем журнал „Кузница“, название которого и перешло потом на самый кружок этих писателей. Основное ядро „Кузницы“ составили Московские пролеткультовцы—В. Александровский, Василий Казин, С. Обрадович, Николай Полетаев, Семен Родов, бывшие главными сотрудниками „Гудков“ в 1919 г., а также Михаил Герасимов, Владимир Кириллов, вышедший из Петроградского Пролеткульта, Иван Филипченко, Н. Ляшко, Гр. Санников и др. Начав с небольшого кружка, который выступил со скромной декларативной статьей в 1-м номере „Кузницы“, подписанной анонимно „Редакция“, „Кузница“ мало-помалу становится в центре развития пролетарской литературы. В 1921 г. она выпускает свою первую еще небольшую декларацию, помещенную в 7 номере ее журнала и уже более отчетливо и полно раскрывающую основные взгляды кружка. Работа „Кузницы“ над теоретическим и практическим оформлением этих взглядов растет, она впитывает в свой состав все новых и новых членов, выдвигает целый ряд талантливых художников слова и, действительно, в значительной степени оправдывает свое наименование. В 1923 г. в 186-м номере „Правды“ появляется уже обширная декларация, в которой широкими штрихами подведены итоги той теории пролетарского искусства, которая теоретически и практически развертывалась и переживалась в „Кузнице“ в течение всего предшествующего периода ее развития.

С момента своего возникновения „Кузница“ всецело примкнула к марксизму и коммунизму, имея в своем составе многих членов РКП (б). В первом декларативном выступлении „Кузницы“—в упомянутой статье от редакции— прямого указания на партийное устремление еще нет. Здесь только высказываются в образных выражениях основные положения марксизма о переходе от анархического буржуазного мира к организованному коллективизму и о роли в этом переходе пролетариата, который „в напряженной борьбе с классовым врагом-эксплуататором строит кузницу нового свободного общества“ и который „вырывает у капиталистического мира материальную культуру и высшими техническими приемами кует новые высшие формы жизни в соответствии со своей классовой своеобразной натурой“. Редакционная статья подчеркивает, что дух коллективизма в новой высшей организации общества, идущего на смену буржуазному, пропитывает „все поры новой жизни“, а не только „в экономической области“. Коммунизм статья рассматривает, как „первое проявление коллективизма грядущей пролетарской культуры“. В декларации „Кузницы“ 1921 г. отношение к коммунизму выражено лишь косвенно и попутно. В декларации 1923 г. это отношение принимает уже вполне определенную формулировку: „Кузница“ признает себя за „единственное“ об‘единение“, стоящее всецело на программе революционного авангарда рабочего класса и РКП“. В то же время и основные положения марксизма находят в новой декларации более расширенное изложение, включая учение о диалектике, о пролетарской революции и о „скачке в царство свободы“.

В редакционной статье „Кузница“ пока мыслит себя лишь как „одно из неразрывно-связанных отделений великой общественной пролетарской кузницы“ и ставит себе скромные цели, пока чисто учебного характера. „Вчера

мы ковали новую жизнь, — говорит статья, — в „основном“ материальном отделении, сегодня стремимся „надстроить“ ее новое содержание стройными, живыми словесными образами. И подобно тому, как в материальном отделении новую форму из нового материала лучше и скорее выкуешь, зная, где и как ударить по материалу вообще, так и в поэтическом мастерстве мы должны набить руку в высших организационных и технических приемах и методах (разрядка моя. И. Е.), и только тогда наши мысли и чувства вкуем в оригинальные поэтические формы, создадим оригинальную пролетарскую поэзию“. Итак, „Кузница“ вначале взглянула на себя только как на школу в самом элементарном смысле и пока еще не заявляла никаких претензий на приоритет не только в русской поэзии вообще, но и в пролетарской — в частности.

Декларация 1921 г., в сущности, стоит еще на той же позиции, лишь конкретнее определяя задачи, а также и материал поэтической „учебы“. „Наш лозунг — изучение и преодоление всех предшествующих нам художественных школ для новых достижений и для создания искусства, отвечающего идеалам коммунистического общества“. Хотя декларация и заявляет, что „в процессе художественного творчества, обусловленного всей совокупностью элементов новой жизни, пролетарские поэты приобретают свои оригинальные методы и приемы“, но в то же время признает, что „путь пролетарской литературы идет в сторону создания своих методов и приемов творчества через усвоение всех технических достижений искусства в прошлом и настоящем“. (Разр. моя. И. Е.) Однако, декларация 1921 г. уже выдвигает пролетарскую литературу на первое место: „Признавая, что пролетарская литература, как наиболее молодая, далеко не безупречна в совершенстве формы, мы все же утверждаем, что это единственная и подлинная литература зачинающейся коммунистической эры, способная развиться в великое общечеловеческое искусство для жизни, во имя жизни и творчества гармонично прекрасного человека“. (Разр. моя. И. Е.) На ряду с этим декларация 1921 г. выражает свое отрицательное отношение к символизму, футуризму, имажинизму и проч. течениям не пролетарского искусства, рассматривая их как „показатель разложения буржуазного общества“ и полагая, что „идеология этих течений, основанная на крайнем индивидуализме и пренебрежении к общественным идеалам, враждебна коллективистическому сознанию пролетариата, исполненному могучей динамики действия и революционного романтизма“. Поэтому декларация не считает возможным положить в основу пролетарского художественного творчества ни одно из современных художественных течений и, с другой стороны, заключить пролетарскую литературу в целом, представляющую явление идеологически-классового порядка, в каком-либо художественном течении. Но при всем своем отрицании не пролетарского искусства, декларация 1921 г., как мы видели, все же стоит за их изучение и преодоление и за усвоение „всех технических достижений искусства в прошлом и настоящем“. Таким образом, декларация 1921 г. знаменует собой еще продолжение подготовительного периода „Кузницы“ и ее оборонительный характер.

Декларация 1923 г. положила конец этому периоду: „Кузница“ становится в боевой порядок и переходит от учебы и обороны в наступление по всему фронту. Самый стиль декларации, характеризующийся повышенным настроением и плакатно-красочным тоном, как нельзя более гармонирует с новой боевой тактикой „Кузницы“ и действительно вполне оправдывает то образное название декларации, которое имеется в ней самой: „и мы возвышаем свой голос и поднимаем красный флаг платформы — декларации пролетарского искусства“ (разр. моя. И. Е.). „Кузница“ уже не мыслит себя скромной школой ученичества в пролетарской поэзии. Наоборот, она уже „осознает себя ударным отрядом на передовых позициях идеологического и художественного фронта“ (разр. моя И. Е.), имеющим не только местное, но и всесоюзное и даже международное значение: „Группа „Кузница“ в организационной и творческой работе сплачивает ряды рабочих писателей СССР и выковывает основное ядро единого пролетарского искусства в целях международного об'единения кузнецов рабочего искусства всех стран“. Эта „ударность“ работы „Кузницы“ всецело связана с „делом укрепления диктатуры и осуществления рабоче-крестьянской демократии в путях к коммунистическому обществу“.

Соответственно новому боевому порядку, „Кузница“ пересматривает и свои взгляды на все течения непролетарской поэзии. От критического преодоления, изучения и усвоения она переходит к сплошному отрицанию и ниспровержению современного буржуазного искусства. Символизм, футуризм и имажинизм об'являются „осужденными историей“, как „единоутробные вскормленцы капиталистического строя“. Отрицательное отношение к ним декларации 1921 г. находит в новой платформе резкое и более раз-

работанное выражение: „Символизм был порожден страхом упадочного буржуазного общества перед революцией завтрашнего дня. Он всегда знаменует оборону, защиту и никогда—нападение. Он, как инок в келье, одновременно ненавидит и благоговеет. Футуризм вырос из крайнего, гипертрофически развитого и в последнем счете сложившегося интеллигентского индивидуализма. Футуризм значило—смертницизм, будущий мертвецизм. Для него итти вперед—итти к собственной гибели, стоять на месте—значит окопаться в крепости техницизма и всяческой заумности. Отступать — некуда. Имажинизм — явление последних предсмертных конвульсий старого мелкобуржуазного общества (1918 г.), у которого осталось времени только на аналогию, бессвязную образологию происходящему“. Техника и тематика буржуазного искусства третируются, как „искусство мертвецкой“: „техника искусства, его изобразительные средства давно уже сделались самоцелью у художников предсмертной агонии капитализма. Пишутся громадные поэмы исключительно, чтобы выявить „ритм“; делаются стихотворения ради „небывалой“ рифмы; извергаются фонтаны строф, вызванивающие „аллитерацию“, „образ“ звука; строятся пьесы — удивить трепаком образного языка. Дробятся размеры (ямб, хорей и т. д.), дробится строчка стиха на $^1/_2$ строчки; $^1/_2$ строчки на $^1/_4$ строчки и т. д. Слова дробятся на слоги и пишутся один под другим, слоги делятся на отдельные буквы. Мир, из которого черпается литературный материал,— это неслыханный культ индивидуализма, близкого к умопомешательству, порнография, физиологические отправления, плохо прикрытая революционной фразой барковщина „серапионов“, бессмысленные выкрики „слов с чужими брюхами“ и т. п.. В итоге „вчерашнее искусство слова выродилось во всеобщее уродство и бессильно коснуться рабочего класса как рука трупа пожать руку живому“. И „Кузница“, посадившая себя в 1920 г. на школьную скамью в качестве прилежного ученика для преодоления и усвоения всех достижений прошлого, теперь, очевидно, закончив этот курс, принимает на себя роль могильщика буржуазного искусства, выражая это в следующих энергичных словах: „И мы подымаем тяжелый рабочий молот заколотить наглухо дверь этой жуткой „храмины“, мы вбиваем последний гвоздь в крышку этой раскрашенной гробницы искусства“.

„Кузница“ ниспровергает буржуазное искусство не только на основании факта его оскудения и распада. В основу этого ниспровержения она кладет теоретический фундамент, который совсем не был разработан в первой редакционной статье и едва намечен в декларации 1921 г. Этим фундаментом служат основные положения марксизма о диалектическом развитии природы и общества, о пролетариате, как могильщике капиталистического строя и о смене форм общества путем социальной революции. „Смена форм общества определяет формы искусства“. Из этих общих положений декларация и подходит к отрицанию искусства прошлого: „Художники, откристализированные дореволюционным бытием, бессильны оформить творческий материал, вывернутый землетрясением Октябрьской революции. Для глыб грандиозных событий, созданных с любовью и энтузиазмом множествами, нет у этих художников собственного мировосприятия, мироема. И нет соответственных орудий обработки, словесной техники, стиля. Стиль вообще — это не только внешняя маска произведения, за которой таится дух содержания, не только раковина, в которой прячется, как улитка, бытие и быт, не только почерк класса, где все открыто и ничего скрыть нельзя, это—живой волеобраз сращенных, органически законченных множеств класса. Буржуазные и мелкобуржуазные писатели в прошлом не имели связи с пролетариатом, чужды его практике, его устремлениям, его идеологии. А стиль—это класс“.

Отрицая буржуазное искусство, декларация 1923 г. провозглашает целую теорию пролетарского искусства. Прежде всего, декларация 1923 г., так же, как и декларация 1921 г., отрицает лозунг „искусство для искусства“: „Пролетариату искусство так же необходимо, как армия, транспорт, фабрики и заводы... Освобожденное от служения целям забавы и эксплоатации буржуазным классом, оно делается особым зрячим орудием организации грядущего коммунистического общества“.

Краткая формула декларации 1921 г. „искусства для жизни, во имя жизни и творчества гармонично-прекрасного человека“ в новой декларации развертывается в целую систему, которая провозглашает „искусство, как здоровый, согласованный с самим собой и окружающей социальной средой организм, формирующий кристаллы художественных потребностей“. Художественное творчество декларация рассматривает, как „функцию общественной идеологии, эмоциологии, психики вообще“, на базе общественной структуры с ее экономическим фундаментом и социально-политическими, психологическими и идеологическими надстройками. Отсюда —„труд и борьба за организацию коммунистического общества — первоосновы рабочего класса и первоосновы нашего творчества,— говорит декларация.—Воздух для его дыхания—это массы. Связь

с ними — открытые окна в психологическую лабораторию художника". Необходимость этой связи вытекает также из того взгляда на практическую деятельность пролетариата, который выражается в декларации формулой: „поэзия—это практика пролетариата". „Класс Октября, — говорится в декларации,— вздыбил социальную практику рабочего человечества на головокружительные высоты, откуда видно, что делать завтра, сделанное сегодня и вчера,— обратив эту практику в поэзию. Взгромождены горные вершины строительного материала; этаж за этажем вскинуты невиданные перестройки начал новой жизни, затканные в подмостки и леса; черные провалы разрушенных суеверий и всяческой дикости; кольцо огня, накалившее до-красна горизонты небосклона и орудийный грохот товарищеской защиты своего рабочего государства. Этот ежедневный творческий труд, ежечасное приспособление мирных условий к себе и приспособление себя, как строителя, к ним, это изумительное, виртуозное мастерство организовать, разрушать, эта практика созидать и есть поэзия пролетариата".

Об'ем и характер связи художника со своим классом характеризуется в декларации формулой: „художник—медиум своего класса". „Каково мирочувствие класса, таково и мироношение его художника. Каков мироем пролетариата, таков и мироем его функции — художника... Пролетарское искусство — это призма, где концентрируется лицо класса, зеркало, куда рабочие массы смотрятся на себя, на ими пройденное и созданное, на созидаемое и грядущее". Этим взглядом на роль художника, как медиума определяются цели и задачи художественного творчества, которые сводятся к следующему: 1) „осознать и выявить образ строителя коммунистического общества", т.-е. пролетариата; 2) „выковать революционные типы нового человека; 3) „поднять оруднем трудового слова девственную целину, на котором он взращивает условия нового существования", т.-е. показать новый быт, „красную действительность", при чем 4) „показать этот новый быт не кинематографически, не жестикулятивно, методами „Великого Немого", по-„серапионовски", бездушно,— но пронизать штурмом чувства и мысли, установить аккумуляторы для собирания, пока разрозненных, но уже включенных воль и сознаний в революционное жизнестроительство"; 5) „дать художественные образы научного революционно-марксистского миропонимания"; 6) „художественно разрушить буржуазную идеологию наследственных переживаний первобытного собственника"; 7) „подвести итоги революции" и 8) „наметить пути будущего".

Таковы цели и задачи пролетарского искусства. Этим определяются его содержание и форма, которые взаимно обусловлены: „Бытие подсказывает и определяет форму и само показывается и определяется ею. Содержание угадывает изобразительные средства и само разгадывается и изображается ими". Форма и содержание должны быть синтетически об'единены: „Стихии творческого материала и стихии 1) ритма, 2) композиции и 3) смысловая — должны быть единым органическим целым. И далее: 1) картина произведения, 2) его пафос, напряженность процесса, 3) его музыка, словестный звукозвон— должны составлять единый органический образ и его атмосферу,—будь то поэма, драма, роман, небольшое стихотворение". При этом „творчество должно захватывать не точкоподобные пятна жизни, а всю ее площадь". Не находя в упадочном искусстве „закатной буржуазии" соответствующих такому масштабу и содержанию пролетарского искусства средств изобразительной техники, „Кузница", однако, рекомендует искать их в прошлом—„в мировых литературах восходящих к жизни и власти исторических классов", а также „в жизни нашей эры Октября". „Мы — против бессодержательности и бессюжетности. Мы—против пустозвонства, стихачества, рифмачества. Мы—против словесных бездушных фокусов. Мы — против индивидуалистических мигов и настроений", — так заявляют „Кузнецы", добавляя при этом: „У пролетариата слишком здоров организм и крепки нервы, чтобы обращать внимание на эти миги,— когда перед ним стоят века"...

Соответственно цели и задачам художественного творчества и характеру класса, которому оно служит, пролетарское искусство „Кузница" представляет себе как „искусство большого полотна, большого стиля", как „монументальное искусство". „Класс коллективного единодушия, всеобщего товарищества, рабочего содружества в труде, борьбе и поражении; класс единых интересов, чувств, переживаний,—от практических мелочей до взлетов к вершинам идеалов,—класс монолит, из которого история выгранила монумент Мемнона, возвещающий зарю нового дня; такой класс творит искусство только по своему образу и подобию. Его особенный язык, многозвучный, многокрасочный, многообразный, богатством своего словаря выявляя бытие от пласта темного био-зоологического существования до пласта сложнейших представлений и величественных идей,—способствует своей простотой, ясностью, точностью, могуществу большого стиля".

Итак, школа „учебы" кончилась, об'явлено искусство большого монументального стиля. Более того, „Кузница" уже находит возможным

отметить, что „пролетарское творчество, освобождаясь от влияния упадочного искусства нашего времени, крепнет и все теснее связывается красными нитями с трудящимися и втягивает в сферу своего влияния не только пролетарские круги, но и примыкающие к революции мелкобуржуазные слои“, что „формы многих литературных течений уже испытывают на себе воздействие пролетарского искусства“ и что даже пробуют ему подражать, иногда с успехом. „Кузница“ положительно относится к „попутчикам“ пролетарского искусства и в связи с этим выражает недовольство тем, что „некоторые товарищи-публицисты из наших рядов, привыкшие дирижировать оглоблей, часто по недосмотру вредят первым, но уже заглушающим сорную траву, всходам нового искусства“. Здесь „Кузница“, очевидно, обращается к группе пролетарских писателей, об'единившихся вокруг журнала „На Посту“ и начавших резкую критику как „попутчиков“, так и самой „Кузницы“.

„Кузница считает свое литературное положение настолько окрепшим, что не „боится принимать в свою среду и обработку“ всех поэтов, писателей, художников, музыкантов, „кто тяготеет к пролетариату, его устремлениям и идеологии“, в первую очередь крестьянских писателей. „Ядро „Кузницы“ крепко. Кузница углубляется и расширяется, молотов у диктатуры пролетариата хватит на всех“.

Провозглашая искусство „большого полотна“ и „большого стиля“, „Кузница“, однако, повидимому, мыслит его как искусство г р я д у щ е г о, но еще не нынешнего и тем более прошлого дня.

В прошлом, как говорит декларация, пролетариат „не имел собственного художника, а стоял перед глазами художника сочувствующего“. Но все-таки „давно уже из недр капитализма проростала алая поросль“ пролетарского искусства во всех странах, хотя бы в лице „художников-сочувствующих“. Пролетарские поэты и писатели „пришли как-то вдруг вместе со своим классом“ после революции 1905 г.

Искусство настоящего,— в условиях Нэпа,— несмотря на отмеченный в декларации рост и влияние пролетарского творчества, рисуется в ней мрачными красками. „Нэп, как этап революции, говорится в декларации,—оказался в окружении искусства, похожего на искусничанье горилл. Художник-обезьяна как бы передразнивает своего предшественника, создавшего вдохновенно и в соответствии со своим временем непосредственно необходимое. В наши дни ненужное, пустое подражание, холодное жонглирование порожними формами ставится в задачу дня—оживить упадочным техницизмом, вдохнуть жизнь в мумию искусства. На все это отпускаются средства. Ведется агитация. Рабочая молодежь, прорвавшаяся к знанию и художественному творчеству, в недоумении. Белинских нет. Над пустыней искусства—сумерки. И мы возвышаем свой голос и поднимаем красный флаг платформы — декларации пролетарского искусства“.

Таков тот „флаг“, который был выкинут „Кузницей“ в 1923 г. На нем „Кузница“ и написала свое художественное credo с большим воодушевлением и в возвышенном стиле, который можно назвать блестящим, несмотря на то, что его немного портит оттенок некоторой напыщенности и превыспренности, отдающий пророческим и мессианским духом, совсем несвойственным м а т е р и а л и с т и ч е с к о й по существу, п р а к т и ч е с к о й основе декларации, вытекающей из материалистичности пролетариата, искусство которого она провозглашает. Однако стиль декларации и его пафос являлись в 1923 г. до известной степени анахронизмом: декларация дышит тем революционным романтизмом, который, как мы видели, был столь характерен для пролетарской поэзии в эпоху громовых раскатов Октября и который в условиях Нэпа опустил свои крылья. Недаром, декларация с таким трагическим жестом обрушилась на „пустыню“ искусства эпохи Нэпа. Самая повышенность пафоса декларации, превращающая ее в какую-то теоретическую оду в ритмической прозе, говорит о некотором надрыве, об отвращении от действительности, о романтическом тумане, мешающем „кузнецам“ трезво и бодро посмотреть в глаза действительности, чтобы яснее, проще и практичнее определить очередные задачи искусства. Если бы декларация появилась в эпоху „sturm und drang“ революции, она была бы современна ей по стилю. Революционные будни требовали других подходов к задачам искусства. Время „флагов“ миновало. Наступила пора упорной повседневной работы над созданием того „искусства большого полотна“, которого жаждет декларация.

Внутри „Кузницы“ намечались процессы, которые показывали, что в идеологической области пролетарской поэзии происходило брожение, раскалывающее ее представителей на лагери. В 1923 году выходят из состава „Кузницы“ такие ее члены, как В. Кириллов, Мих. Герасимов, В. Александровский (впоследствии вернувшийся) и др.

С другой стороны, назвав себя „е д и н с т в е н н ы м об'е д и н е н и е м рабочих писателей, стоящим всецело на программе революционного авангарда и РКП“, „Кузница“, однако, допустила ошибку. Как раз ко времени выхода

декларации 1923 г. образовалась еще группа пролетарских писателей, которая, считая себя „частью пролетарского авангарда“, тем не менее, энергично заявила о своем существовании и начала играть заметную роль в организации пролетарских писателей. Это была группа „Октябрь“, во главе которой стали Семен Родов, вышедший из „Кузницы“, Г. Лелевич, Безыменский и др.

„Идеологическая и художественная платформа“ [1]) группы „Октябрь“, принятая в качестве платформы Московской Ассоциацией Пролетарских писателей, резко отличается от декларации „Кузницы“, прежде всего, своим практически деловым тоном: это не „красный флаг“, не воззвание, исполненное пророческого гнева и пафоса, а ряд спокойно-суховатых тезисов и практических мер.

Декларация „Кузницы“ стремится построить общую теорию пролетарского искусства и ее социологическое обоснование. Это делается в традиционной форме манифеста подобно тому, как это делали и литературные кружки из других лагерей (футуристы, имажинисты, леф и т. д.). Платформа „Октября“ этой целью не задается. Она лишь стремится к тому, чтобы „ввести определенную систему“ в пролетарскую литературу. Потребность в этой системе, с точки зрения платформы „Октября“, созрела в результате тех условий, которые сложились после Октябрьской революции и по окончании гражданской войны. Платформа, прежде всего, указывает, что Октябрьская революция, во-первых, начала собою „эпоху социалистических революций, являющуюся переходом от классового к бесклассовому, коммунистическому обществу“ и, во-вторых, установила „в России диктатуру пролетариата при системе Советов, что только и дает пролетариату возможность стать организатором и переустроителем общества во всех отношениях“, в частности, „пролетарская литература, как движение, только в результате Октябрьской революции получила необходимые условия для своего выявления и развития“. Однако, возможности, открывшиеся пролетариату после Октябрьской революции, встречают при своем осуществлении ряд серьезных препятствий, особенно в области идеологической. „Оформив в процессе классовой борьбы,—говорится в платформе,—революционно-марксистское понимание в области экономики и политики, пролетариат в остальных областях еще не вполне освободился от многовекового идейного воздействия со стороны господствовавших классов“ (разрядка моя. И. Е.). Затем: „по окончании гражданской войны и в процессе углубления борьбы на экономическом фронте, выдвинулся фронт культурный, особенно важный в условиях Нэпа и начавшегося идеологического наступления буржуазии“ (разр. моя. И. Е.). В частности, на литературном фронте это общее условие осложняется новыми опасностями: „Культурная отсталость русского пролетариата, вековой гнет буржуазной идеологии, упадочная полоса русской литературы последних лет и десятилетий перед революцией,—все это, вместе взятое, влияло, влияет и создает возможность дальнейшего влияния буржуазной литературы на пролетарское творчество. Кроме того, на нем не могло не сказаться и влияние идеалистической мелко-буржуазной революционности, обусловленное стоящей перед российским пролетариатом параллельной задачей завершения буржуазно-демократической революции. В силу этих условий пролетарская литература до сих пор неизбежно носила и часто носит эклектический характер, как в области идеологии, так, следовательно, и в области формы“. (Разр. везде моя. И. Е.) Таким образом, в связи с новым культурным фронтом перед пролетариатом, во-первых, вообще „встает, в качестве первоочередной, задача строительства своей классовой культуры, а, следовательно, и своей художественной литературы“, как „могучего средства глубокого воздействия на чувственные восприятия масс“, а, во-вторых, в частности, „с началом планомерного социалистического строительства во всех областях методами Нэп'а и с переходом РКП (б.) от агитации к систематической и глубокой пропаганде в широких пролетарских массах, выявилась необходимость и в пролетарскую литературу ввести определенную систему“, к которой, как сказано выше, и стремится „Октябрь“.

Группа „Октябрь“ полагает, что для создания такой системы необходима единая идеологическая и формальная художественная программа, как „основа дальнейшего развития пролетарской литературы“. Однако, в противоположность „Кузнице“, провозглашающей законченную платформу, „Октябрь“ считает, „что такая программа окончательно оформится в процессе практической творческой работы и борьбы на идеологическом фронте“. Поэтому „Октябрь“ берет за основу своей работы лишь ряд исходных положений о художественной литературе, могущих служить в дальнейшем материалом для построения цельной программы.

[1]) См. ж-л „На посту“, № 1 за 1923 г.

В этих положениях много общего с декларацией „Кузницы“. Так, раскрывая понятие пролетарской литературы, платформа „Октября“ говорит: „Пролетарской является такая литература, которая организует психику и сознание рабочего класса и широких трудовых масс в сторону конечных задач пролетариата, как переустроителя мира и создателя коммунистического общества“; вместе с тем эта литература, „оставаясь глубоко классовой“, „в процессе распространения и укрепления диктатуры пролетариата и приближения к коммунистическому обществу... все более влияет на остальные слои общества, этим самым выбивая последнюю почву из-под ног буржуазной литературы“. Это определение выражает в более конкретной форме тот же взгляд на пролетарское искусство, как на „зрячее орудие“ класса, который высказан и „Кузницей“.

Также как и „Кузница“, „Октябрь“ рассматривает пролетарскую литературу, как антипод буржуазной, и отмечает обреченность этой последней, с ее мистикой, проповедью „искусства для искусства“ и т. д. Подобно „Кузнице“, платформа „Октября“ признает основой пролетарского творчества революционно-марксистское понимание, а в качестве материала — „современную действительность, творцом которой является пролетариат, а также революционную романтику жизни и борьбы пролетариата в прошлом и его завоевания в перспективе грядущего“. Как и „Кузница“, „Октябрь“ выдвигает задачу „создания широких полотен, монументальных произведений с развернутым сюжетом“, т.-е. искусство „большого стиля“. Но „Октябрь“ при этом подчеркивает, что выполнение этой задачи возможно „лишь при условии, когда на ряду с лирикой, господствовавшей последнее пятилетие в пролетарской литературе, в основу будет положен эпический и драматический подход к творческому материалу“.

Признавая, подобно „Кузнице“, взаимную обусловленность содержания и формы, — „содержание и форма — диалектические антитезы: содержание определяет форму и художественно оформляется в ней“, — группа „Октября“, однако, „утверждает п р и м а т содержания“ (разр. моя. И. Е.).

В отличие от „Кузницы“, которая предлагает искать изобразительные средства лишь в искусстве восходящих классов прошлого, платформа „Октября“ полагает, что „разнообразие форм классовой борьбы в переходный период требует от пролетарского писателя разработки самых различных тем, что ставит его перед необходимостью в с е с т о р о н н е г о использования художественных форм и приемов прозы и поэзии, созданных п р е д ы д у щ е й и с т о р и е й л и т е р а т у р ы“ (разр. моя. И. Е.). Так как это использование об'является всесторонним, то платформа подчеркивает, что „группа не пойдет по пути увлечения какой-либо одной художественной формой и размежевания по формальному признаку, по которому до сих пор размежевывались буржуазные литературные школы, что по существу является перенесением идеализма и метафизики в процесс литературного творчества“.

Тем не менее, отношение „Октября“ к искусству „восходящих классов“ совершенно тождественно с отношением „Кузницы“, так как и его платформа признает, „что литературные школы декаданса раздробили на составные элементы единые по существу художественные формы, созданные в эпохи исторического восхождения господствовавших классов, и продолжают это дробление до мельчайших частиц, выделяя какой-нибудь из этих элементов в самодовлеющий принцип“. Это обозначает, что образцы синтетического искусства следует всетаки искать в прошлом, именно, у восходящих классов.

С другой стороны, „Октябрь“ считается с „фактом“ и „с опасностью дальнейшего влияния“ на пролетарское творчество школ декаданса. Поэтому „Октябрь“ „в принципе“ отвергает: а) „вырождение понятия творческого образа в самодовлеющий раздробленный живописный орнамент (имажинизм)“; б) „выделение слова-ритма, как такового, в самоцель, в результате чего художник часто уходит в область чисто словесных, не имеющих общественного смысла упражнений, выдавая их за настоящие художественные произведения (футуризм)“ и в) „фетишнрование звука, возникшее в период упадка буржуазии и выросшее на почве нездоровой мистики (символизм)“, и стоит: а) „за единый, цельный динамический образ, развивающийся на протяжении всего произведения, в зависимости от его общественно-необходимого содержания“; б) „за цельный ритм, организованно-развивающийся в зависимости от развития содержания художественного произведения в едином творческом образе“ и в) „за органическое слияние звуковой стороны художественного произведения, с творческим образом и ритмом“. Только беря предмет художественного произведения в целом, — говорит платформа, — в его конкретном значении и в процессе закономерного развития, можно достигнуть исторически наивысшего художественного синтеза“. Это по существу та же „трехмерная площадь творческого материала“, о которой говорит и „Кузница“.

Подводя итог, платформа „Октября“ говорит: „Таким образом, задачей группы является не культивирование форм, существующих в буржуазной литературе или эклектически привнесенных оттуда в пролетарскую, а разработка и выявление новых принципов и типов формы путем практического овладения старыми литературными формами и преобразование их новым классово-пролетарским содержанием, а также путем критического осмысливания богатого опыта прошлого и произведений пролетарской литературы, в результате чего должна создаться новая синтетическая форма пролетарской литературы“.

Это стремление к „синтетической форме“, к „монументальному“ стилю свойственно не в меньшей степени и „Кузнице“, и, в конце концов, выходит, что в области теории и практики пролетарского творчества между обоими течениями принципиальной разницы нет.

Также нет принципиальной разницы и в содержании творчества той и другой группы. Если в „Кузнице“ преобладала до сих пор „революционная романтика“, то ведь и „Октябрь“ против этой романтики, как мы видели, ничего не имеет. Различие можно отметить разве лишь в том, что поэты из группы „Октябрь“ нередко романтически разрабатывают темы из периода революционных будней, тогда как поэты „Кузницы“ отразили революционную романтику эпохи борьбы за новую власть. С другой стороны, и „Кузница“, при всем ее эмоционально-обостренном отношении к Нэпу, начинает выходить из полосы чисто эмоционального, а не идеологического кризиса на путь овладения Нэпа творческим сознанием, подобно тому, как это делают и члены „Октября“.

Поэтому обращение Безыменского к „Поэтам „Кузницы“ (стр. 527): „Прекрасно петь революции, как невесте, миллионы гимнов и железопсалмов“ и т. п., — во-первых, уже начинает приобретать лишь исторический, а не злободневный интерес, а во вторых, и сам Безыменский и его сотоварищи посвятили и той же „невесте“, и „космосу“ и т. д. не один „миллион“ таких же гимнов и псалмов.

Разницу между двумя группами единой по существу пролетарской поэзии следует искать скорее не в идеологии, а в литературной политике. Группа „Октябрь“ устами Безыменского [1]) заявляет: „Хотим быть коммунистами, ведущими работу партии в области художественной литературы“, и при всем ее желании преодолеть формы всей „предшествующей истории литературы“ все-таки относится к не пролетарскому искусству и, в частности, к литературным „попутчикам“ более нетерпимо, чем „Кузница“, сыпавшая громы и молнии, на буржуазное искусство. Итак, политика, а не идеология корень разногласий „Кузницы“ и „Октября“. Но и в этой области после всероссийского совещания пролетарских писателей, в январе 1925 года, начинают сглаживаться углы и морщины.

Таковы основные черты главнейших течений пролетарской поэзии. Как справедливо отмечает платформа „Октября“, на пролетарской поэзии сказывается влияние тех сложных условий, которые мешают очищению ее от всех элементов идеологии и психологии непролетарского характера. Но это очищение, несомненно, усиливается и пролетарская поэзия, действительно, сделала значительные шаги к монументальному искусству, о котором она мечтает. Многие произведения Демьяна Бедного, Гастева, Герасимова, Александровского, Кириллова, Казина, Обрадовича, Малашкина, Филипченко, Безыменского — войдут как первые монументальные камни в будущее грандиозное здание пролетарского искусства. Литературному молодняку уже теперь есть чему поучиться у своих старших соратников по литературному фронту, даже не обращаясь к „восходящим классам“.

И. С. Ежов.

[1]) См. „На Посту“, № 4, стр. 63.

АНТОЛОГИЯ

ПРЕДТЕЧИ СИМВОЛИЗМА
и
РАННИЕ СИМВОЛИСТЫ

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ.

◆ ◆ ◆

У царицы моей есть высокий дворец,
О семи он столбах золотых,
У царицы моей семигранный венец,
В нем без счету камней дорогих.

И в зеленом саду у царицы моей
Роз и лилий краса расцвела,
И в прозрачной волне серебристый ручей
Ловит отблеск кудрей и чела.

Но не слышит царица, что шепчет ручей,
На цветы и не взглянет она:
Ей туманит печаль свет лазурных очей,
И мечта ее скорби полна.

Она видит: далеко, в полночном краю,
Средь морозных туманов и вьюг,
С злою силою тьмы в одиночном бою
Гибнет ею покинутый друг.

И бросает она свой алмазный венец,
Оставляет чертог золотой
И к неверному другу,—нежданный пришлец,—
Благодатной стучится рукой.

И над мрачной зимой молодая весна—
Вся сияя склонилась над ним
И покрыла его, тихой ласки полна,
Лучезарным покровом своим.

И низринуты темные силы во прах,
Чистым пламенем весь он горит
И с любовию вечной в лазурных очах
Тихо другу она говорит:

„Знаю, воля твоя волн морских не верней,
„Ты мне верность клялся сохранить,—
„Клятве ты изменил, но изменой своей
„Мог ли сердце мое изменить?“

◆ ◆ ◆

Уходишь ты, и сердце в час разлуки
Уж не звучит желаньем и мольбой;
Утомлено годами долгой муки,
Ненужной лжи, отчаянья и скуки,
Оно сдалось и смолкло пред судьбой.

И как среди песков степи безводной
Белеет ряд покинутых гробов,
Так в памяти моей найдут покой холодный
Гробницы светлых грез моей любви бесплодной,
Невыраженных чувств, невысказанных слов.

И если некогда над этими гробами
Нежданно прозвучит призывный голос твой,
Лишь отзвук каменный застывшими волнами
О той пустыне, что лежит меж нами,
Тебе пошлет ответ холодный и немой.

ПОСВЯЩЕНИЕ К НЕИЗДАННОЙ КОМЕДИИ.

Не жди ты песен стройных и прекрасных,
У темной осени цветов ты не проси!
Не знал я дней сияющих и ясных,
А сколько призраков недвижных и безгласных
Покинуто на сумрачном пути.

Таков закон: все лучшее в тумане,
А близкое иль больно, иль смешно.
Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано.

Звучи же смех свободною волною,
Негодования не стоят наши дни.
Ты, муза бедная, над смутною стезею
Явись хоть раз с улыбкой молодою
И злую жизнь насмешкою незлою
Хотя на миг один угомони.

◆ ◆ ◆

Под чуждой властью знойной вьюги
Виденья прежние забыв,
Я вновь таинственной подруги
Услышал гаснущий призыв.

И с криком ужаса и боли
Железом схваченный орел—
Затрепетал мой дух в неволе
И сеть порвал и в высь ушел.

И на заоблачной вершине,
Пред морем пламенных чудес
Во всесияющей святыне
Он загорелся и исчез.

◆ ◆ ◆

Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

Все, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творит,
И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.

◆ ◆ ◆

Бескрылый дух, землею полоненный,
Себя забывший и забытый бог...
Один лишь сон,—и снова окрыленный
Ты мчишься ввысь от суетных тревог.

Неясный луч знакомого блистанья,
Чуть слышный отзвук песни неземной,—
И прежний мир в немеркнущем сияньи
Встает опять пред чуткою душой.

Один лишь сон,—и в тяжком пробужденьи
Ты будешь ждать с томительной тоской
Вновь отблеска нездешнего виденья,
Вновь отзвука гармонии святой.

L'ONDA DAL MAR' DIVISA.

Волна в разлуке с морем
Не ведает покою,
Ключем ли бьет кипучим,
Иль катится рекою,—
Все ропщет и вздыхает,
В цепях и на просторе,
Тоскуя по безбрежном,
Бездонном синем море.

◆ ◆ ◆

В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам.
Боролася заря с последними звездами,
Еще летали сны—и схваченная снами
Душа молилася неведомым богам.

В холодный белый день дорогой одинокой,
Как прежде, я иду в неведомой стране.
Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь, и как еще далеко,
Далеко все, что грезилося мне.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я итти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами
Весь пламенеющий победными огнями
Меня дождется мой заветный храм.

◆ ◆ ◆

Земля-владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.

В полуденных лучах такою негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и многошумный лес.

И в явном таинстве вновь вижу сочетанье
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.

◆ ◆ ◆

(Посв. В. Л. Величко).

Пора весенних гроз еще не миновала,
А уж зима пришла,
И старость ранняя нежданно рассказала,
Что жизнь свое взяла.

И над обрывами бесцельного блужданья
Повис седой туман,
Душа не чувствует бывалого страданья,
Не помнит старых ран.

И воздух горный радостно вдыхая,
Я в новый путь готов,
Далеко от цветов увянувшего мая,
От жарких летних снов.

В АЛЬПАХ.

Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой...

Зыбкую насыпь надежд и желания
Смыло волной голубой.

Синие горы кругом надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души над землей поднимаются,
Но не покинут земли.

В берег надежды и в берег желания
Плещет жемчужной волной,
Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой.

ОСЕННЕЮ ДОРОГОЙ.

Меркнет день. Над усталой, поблекшей землей
Неподвижные тучи висят.
Под прощальным убором листвы золотой
И березы, и липы сквозят.

Душу обняли нежно-тоскливые сны,
Замерла бесконечная даль;
И роскошно-блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.

И как будто земля, отходя на покой,
Погрузилась в молитву без слов,
И спускается с неба невидимый рой
Бледнокрылых, безмолвных духов.

◆ ◆ ◆

Бедный друг! Истомил тебя путь,
Темен взор, и венок твой измят,
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я любя;
Только имя мое назовешь—
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле,—
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

◆ ◆ ◆

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами—
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий—
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете—
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

◆ ◆ ◆

Вижу очи твои изумрудные,
Светлый облик встает предо мной.
В эти сны наяву, непробудные,
Унесло меня новой волной.

Ты поникла, земной паутиною
Вся опутана, бедный мой друг,
Но не бойся: тебя не покину я,—
Он сомкнулся, магический круг.

В эти сны наяву, непробудные,
Унесет нас волною одной.
Вижу очи твои изумрудные,
Светлый облик стоит предо мной.

МИГ.

(Памяти А. Ф. Аксаковой).

Опять надвинулись томительные тени
Забытых сердцем лиц и пережитых грез,
Перед неведомым склоняются колени,
И к невозвратному бегут потоки слез.

Не об утраченных: о нет, они вернутся,—
Того мгновенья жаль, что сгибло навсегда,
Его не воскресить, и медленно плетутся
За мигом вечности тяжелые года.

Иль эта мысль обман, и в прошлом только тени
Забытых сердцем лиц и пережитых грез?
Перед неведомым склоняются колени,
И к невозвратному бегут потоки слез.

НА ПОЕЗДЕ УТРОМ.

(Посв. В. П. Гайдебурову).

Воздух и окошко, добытые с боя...
Желтая береза между темной ели,
А за ними небо светло-голубое
И хлебов грядущих мягкие постели.

С призраком дыханья паровоз докучный
Мчится и грохочет мертвыми громами,
А душа природы с ласкою беззвучной
В неподвижном блеске замерла над нами.

Тяжкому разрыву нет конца ужели?
Или есть победа над враждою мнимой,
И сойдутся явно в благодатной цели
Двигатель бездушный с жизнью недвижимой.

ОКО ВЕЧНОСТИ.

„Да не будет тебе бо-
зи инии, разве мене".

Одна, одна над белою землею
Горит звезда,
И тянет вдаль эфирною стезею
К себе—туда.

О, нет, зачем? В одном недвижном взоре
Все чудеса,
И жизни всей таинственное море,
И небеса.

И этот взор так близок и так ясен,—
Глядись в него,
Ты станешь сам—безбрежен и прекрасен—
Царем всего.

◆ ◆ ◆

Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи,—
Кто-то здесь... Мы вдвоем,—
Прямо в душу глядят лучезарные очи
Темной ночью и днем.

Тает лед, расплываются хмурые тучи,
Расцветают цветы...
И в прозрачной тиши неподвижных созвучий
Отражаешься ты.

Исчезает в душе старый грех первородный:
Сквозь зеркальную гладь
Видишь, нет и травы, змей не виден подводный,
Да и скал не видать.

Только свет да вода. И в прозрачном тумане
Блещут очи одни,
И слилися давно, как роса в океане,
Все житейские дни.

◆ ◆ ◆

Как в чистой лазури затихшего моря
Вся слава небес отражается,
Так в свете от страсти свободного духа
Нам вечное благо является.

Но глубь недвижимая в мощном просторе
Все та же что в бурном волнении,
Могучий и ясный в свободном покое
Дух тот же и в страстном хотении.

Свобода, неволя, покой и волненье
Проходят и снова являются,
А он все один и в стихийном стремленьи
Лишь сила его открывается.

◆ ◆ ◆

Нет, силой не поднять тяжелого покрова
Седых небес...
Все та же вдаль тропинка вьется снова,
Все тот же лес.

И в глубине вопрос — вопрос единый
Поставил бог.
О, если б ты хоть песней лебединой
Ответить мог.

Весь мир стоит застывшею мечтою,
Как в первый день.
Душа одна и видит пред собою
Свою же тень.

ИММАНУ-ЭЛЬ.

Во тьму веков та ночь уж отступила,
Когда, устав от злобы и тревог,
Земля в об'ятьях неба опочила,
И в тишине родился С-нами-бог.

И многое уж невозможно ныне:
Цари на небо больше не глядят,
И пастыри не слушают в пустыне,
Как ангелы про бога говорят.

Но вечное, что в эту ночь открылось,
Несокрушимо временем оно
И Слово вновь в душе твоей родилось,
Рожденное под яслями давно.

Да! С нами бог,—не там в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, теперь,—средь суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами бог.

EX ORIENTE LUX.

„С Востока света, с Востока силы!“
И, к вседержительству готов,
Ирана царь под Фермопилы
Нагнал стада своих рабов.

Но не напрасно Прометея
Небесный дар Элладе дан.
Толпы рабов бегут, бледнея,
Пред горстью доблестных граждан.

И кто ж до Инда и до Ганга
Стезею славною прошел?
То македонская фаланга,
То Рима царственный орел.

И силой разума и права —
Всечеловеческих начал —
Воздвиглась Запада держава,
И миру Рим единство дал.

Чего ж еще не доставало?
Зачем весь мир опять в крови?
— Душа вселенной тосковала
О духе веры и любви!

И слово вещее не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.

И, разливаяся широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С Востока Запад примирил.

О, Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

ПАНМОНГОЛИЗМ.

Панмонголизм! Хоть слово дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины божией полно.

Когда в растленной Византии
Остыл божественный алтарь,
И отреклися от Мессии
Иерей и князь, народ и царь,

Тогда он поднял от Востока
Народ безвестный и чужой,
И под орудьем тяжким рока
Во прах склонился Рим второй.

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И все твердят льстецы России:
Ты—третий Рим, ты—третий Рим.

Пусть так! Орудий божьей кары
Запас еще не истощен.
Готовит новые удары
Рой пробудившихся племен.

От вод малайских до Алтая
Вожди с Восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.

Как саранча неисчислимы
И ненасытны как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.

О, Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Смирится в трепете и страхе
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть,

Н. МИНСКИЙ.

◆ ◆ ◆

Еще я не люблю,— но, как восток зарею
Уже душа моя печалью занялась,
И предрассветною, стыдливою звездою
Надежда робко в ней зажглась.

Еще я не люблю,— но на тебя невольно,
С чего б ни начинал, свожу я разговор,
И сам не знаю я, отрадно мне иль больно
Встречать задумчивой твой взор.

Еще я не люблю,— но полный тайны сладкой,
Не так, как до сих пор, гляжу на божий свет.
Еще я не люблю,— но уж томлюсь загадкой:
Ты друг, полюбишь или нет?

◆ ◆ ◆

Не месяц за его печаль и красоту,
Не солнце за его порфиру золотую,
Я полюбил падучую звезду,
Я полюбил небес изгнанницу больную.

Среди надменных звезд, сверкавших без числа,
Горевших, как венцы, струившихся, как реки,
Она слезой по небу потекла,
И в этот миг ее я полюбил навеки.

О, жаркая слеза полуночи немой,
Упавшая на грудь холодного эфира,—
Куда, куда, об'ята вечной тьмой,
Ты, одинокая, летишь пустыней мира?

Мой Гений плачущий, прикованный к земле,
Тебе во след глядит с молитвой сокровенной:
О, если б и ему блеснуть во мгле
И жаркою слезой упасть на грудь вселенной!

◆ ◆ ◆

В страданьях гордость позабыв,
Я гнул колени пред тобою
И длил униженной мольбою
Давно свершившийся разрыв.
В какой-то призрачной надежде
Шептал я нежные слова,
Так много значившие прежде,
Теперь понятные едва.

Но между тем как я устами
Взывал о жалости к тебе,
В мечтах молился я судьбе,
Чтоб ты не тронулась мольбами,
Чтоб горе бурное зажгло
Мой дух, коснеющий в покое,
Чтоб чувство, все равно какое,
Хоть раз всю душу потрясло,
Чтоб опьянел я, чтоб забылся
От гнета вечной пустоты!

Судьбе недаром я молился:
Моим мольбам не вняла ты.

◆ ◆ ◆

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Легкий ветер в кустах вдруг в веселии пьяном
Полетит над землей ураганом...

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Звезды станут недвижно средь темного свода,
И висеть будет ночь без исхода...

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Мое сердце безумья любви ужаснется
И от счастья и муки порвется...

РОМАНС.

Прости навек. Без слез и без упрека
В последний раз гляжу я на тебя,
Как в первый день, покорный воле рока,
Тебя люблю и ухожу, любя.

С тобой простясь, до гроба одинока,
Моя душа состарится, скорбя.
С тобой простясь, душа умрет до срока.
Я ухожу, быть может, жизнь губя.

Но вместе быть я не могу с тобою.
В свою любовь всю душу я вложил.
И бог, людей ревнуя, запретил,
Чтобы душа слилась с чужой душою.

Я ухожу, склоняясь пред судьбою,
Лишь оттого, что слишком я люблю.

◆ ◆ ◆

Заветное сбылось. Я одинок,
Переболел и дружбой и любовью.
Забыл—и рад забвенью, как здоровью,
И новым днем окрашен мой восток.

Заря! Заря! Проснувшийся поток
Мне голос шлет, подобный славословью.
Лазурь блестит нетронутою новью,
И солнце в ней—единственный цветок.

Сегодня праздник. Примиренный дух
Прощается с пережитой невзгодой.

Сегодня праздник. Просветленный дух
Встречается с постигнутой природой.

Сегодня праздник. Возрожденный дух
Венчается с небесною свободой.

◆ ◆ ◆

Нет муки сладострастней и больней,
Нет ядовитей ласки, жгучей жала,
Чем боль души, которая устала
И спит в гробу усталости своей.

Бессильная, она судьбы сильней.
Кристальным льдом отрава мысли стала.
Разрешена в созвучии финала
Мелодия безумий и страстей.

Закрыв глаза, она меж сном и явью
Лежит, бесстрастна к славе и бесславью,
И смерть сама не в силах ей грозить.

Когда до срока сердце отстрадало,
Всей вечности могилы будет мало,
Чтоб горечь краткой жизни усыпить.

МОЙ ДЕМОН.

Нет, никогда с тех пор, как мрачные созданья
Сомнений и тоски тревожат дух людей
Гордыней гневною иль смехом отрицанья,
Или отравою страстей,—

С тех пор, как мудрый Змий из праха показался,
Чтоб демоном взлететь к надзвездной вышине,—
Доныне никому он в мире не являлся
Столь мощным, страшным, злым, как мне...

Мой демон страшен тем, что пламенной печати
Злорадства и вражды не выжжено на нем,
Что небу он не шлет угроз и проклятий.
И не глумится над добром.

Мой демон страшен тем, что, правду отрицая,
Он высшей правды ждет страстней, чем серафим
Мой демон страшен тем, что, душу искушая,
Уму он кажется святым.

Приветна речь его и кроток взор лучистый,
Его хулы звучат печалью неземной.
Когда-ж его прогнать хочу молитвой чистой,
Он вместе молится со мной...

УТЕШЕНИЕ.

Оно не в книгах мудреца,
Не в сладких вымыслах поэта,
Не в громких подвигах бойца,
Не в тихих подвигах аскета.

Но между тем, как скорби тень
Растет, ложась на все святое,—
Смотри: с востока, что ни день,
Восходит солнце золотое.

И каждый год цветет весна,
Не зная думы безотрадной,
И, солнца луч впивая жадно,
Спешат на волю семена.

И всходы тайной силой пучит,
И вскоре листья рождены,
И ветер ласковый их учит
Шептать название весны.

Душа свершила круг великий.
И вот, вернувшись к детским снам,
Я вновь, как праотец мой дикий,
Молюсь деревьям и звездам.

◆ ◆ ◆

Быть может, мир прекрасней был когда-то,
Быть может, мы отвержены судьбой.
В одно, друзья, в одно я верю свято,
Что каждый век быть должен сам собой.

Нет, за свою печаль, свою тревогу
Я не возьму блаженства прошлых дней.
Мы, отрицая, также служим богу,
Как наши предки — верою своей.

Пускай мы пьем из ядовитой чаши.
Но если бог поставил миру цель,
Без нас ей не свершиться. Скорби наши —
Грядущих ликований колыбель.

Мои сомненья созданы не мною,
Моя печаль скрывается в веках.
Знать, вера предков родилась больною
И умереть должна у нас в сердцах.

Из рук судьбы свой крест беру смиренно,
Сомнений яд хочу испить до дна.
Лишь то, чем мы живем, для нас священно—
И пусть придут иные времена!

МОЛИТВА.

Прости мне, боже, вздох усталости.
Я изнемог
От грусти, от любви, от жалости,
От ста дорог.

У моря, средь песка прибрежного
Вот я упал —
И жду прилива неизбежного,
И ждать устал.

Яви же благость мне безмерную
И в этот час
Дай увидать звезду вечернюю
В последний раз.

Ее лучу, всегда любимому,
Скажу: „прости"
И покорюсь неотвратимому,
Усну в пути.

КТО БОГА УЗРИТ...

Кто бога узрит, тот умрет.
А бог везде: в песчинке малой,
В звезде, чей недвижим полет,
В живой душе, в душе усталой.

Кто бога узрит, тот умрет.
Кто зряч, тот видит только бога.
Пред ним, как стража у порога,
Смерть день и ночь стоит и ждет.

Кто бога узрит, тот умрет.
С моих очей завеса спала.
Среди слепых один я тот,
Кто видит цели и начала.

Кто бога узрит, тот умрет.
Я — тот, кто смерть постиг при жизни,
Кто грозный праздник божьей тризны
В себе и в мире познает.

В ОЛИВКОВОЙ РОЩЕ.

На серебре зари, на дали нежно-синей
Листва олив сплелась в прозрачные шатры.
И зелень их светла, как предвечерний иней,
Сквозит, как кружево, и тает, как пары.

Она слилась в одно своею тенью бледной,
И раньше, чем заря, все ярче и мертвей,
Погасла за горой с тревожностью бесследной,
Уже разлился мир средь масличных ветвей.

И роща спит давно. Когда же в мрак сребристый
Случайно долетит вечерний луч иль звук,
Он в дым и в тишину преобразится вдруг:

Далекой меди звон, потоков голос чистый,
Призывы робкие из тьмы незримых гнезд.
Прощальный лепет птиц и первый трепет звезд.

◆ ◆ ◆

Перед луною равнодушной,
Одетый в радужный туман,
В отлива час волной послушной,
Прощаясь, плакал океан.

Но в безднах ночи онемевшей
Тонул бесследно плач валов,
Как тонет гул житейских слов
В душе свободной и прозревшей.

ПЕСНЯ.

Сказал я в час полночный:
Весь мир—тюрьма одна,
Где в келье одиночной
Душа заключена.

Томится узник бледный,
И рядом с ним—другой.
Страданья их бесследны,
Безрадостен покой.

Одних безумье губит,
Других тоска грызет.
Но есть и те, кто любит,
Кто любит, тот поет.

Я тот, кто петь умеет
В унынии ночей,
В чьем сердце песня зреет
Без воли, без лучей.

О, знай, мой друг далекий,
Коль слышишь песнь мою:
Я — узник одинокий,
Для узников пою.

СЕРЕНАДА.

Тянутся по небу тучи тяжелые,
Мрачно и сыро вокруг.
Плача, деревья качаются голые...
Не просыпайся, мой друг!
Не разгоняй сновиденья веселые,
Не размыкай своих глаз.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь раз.

Счастлив, кто спит, кому в осень холодную
Грезятся ласки весны.
Счастлив, кто спит, кто про долю свободную
В тесной тюрьме видит сны.
Горе проснувшимся! В ночь безысходную
Им не сомкнуть своих глаз.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь раз.

В ДЕРЕВНЕ.

Я вижу вновь тебя, таинственный народ,
О ком так горячо в столице мы шумели.
Как прежде, жизнь твоя—увы—полна невзгод,
И нищеты ярмо без ропота и цели
Ты все еще влачишь, насмешлив и угрюм.
Та ж вера детская и тот же древний ум;
Жизнь не манит тебя, и гроб тебе не страшен
Под сению креста, вблизи родимых пашен.

Загадкой грозною встаешь ты предо мной,
Зловещей, как мираж среди степи безводной.
Кто лучше: я иль ты? Под внешней тишиной
Теченья тайные и дно души народной
Кто может разглядеть? О, как постигнуть мне,
Что скрыто у тебя в душевной глубине?
Как мысль твою прочесть в твоем покорном взоре?
Как море, темен ты: могуч ли ты, как море?

Тебя порой от сна будили, в руки меч
Влагали и вели, куда?—ты сам не ведал.
Покорно ты вставал... Среди кровавых сеч
Не раз смущенный враг всю мощь твою изведал.
Как лев бесстрашный, ты добычу добывал,
Как заяц робкий, ты при дележе молчал...
О, кто же ты, скажи: герой великодушный,
Иль годный к битве конь, арапнику послушный?

ПОЭТУ.

Не до песен, поэт, не до нежных певцов!
Ныне нужно отважных и грубых бойцов.
Род людской пополам разделился.
Закипела борьба,— всякий стройся в ряды,
В ком не умерло чувство священной вражды.
Слишком рано, поэт, ты родился!

Подожди,— и рассеется сумрак веков,
И не будет господ, и не будет рабов,—
Стихнет бой, что столетия длился.
Род людской возмужает и станет умен,
И спокоен, и честен, и сыт, и учен....
Слишком поздно, поэт, ты родился!

ГИМН РАБОЧИХ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша сила, наша воля, наша власть.
В бой последний, как на праздник, снаряжайтесь
Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть.

Станем стражей вкруг всего земного шара
И по знаку, в час урочный, все вперед.
Враг смутится, враг не выдержит удара,
Враг падет, и возвеличится народ.

Мир возникнет из развалин, из пожарищ,
Нашей кровью искупленный новый мир.
Кто работник, к нам за стол! Сюда, товарищ!
Кто хозяин, с места прочь! Оставь наш пир!

Братья-други! Счастьем жизни опьяняйтесь!
Наше все, чем до сих пор владеет враг.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Солнце в небе, солнце красное — наш стяг!

ПЕРЕД ЗАРЕЮ.

Приближается утро, но еще ночь.
Исаия, гл. 21, 12.

Не тревожься, недремлющий друг,
Если стало темнее вокруг,
Если гаснет звезда за звездою,
Если скрылась луна в облаках,
И клубятся туманы в лугах:
Это стало темней — пред зарею....

Не пугайся, неопытный брат,
Что из нор своих гады спешат
Завладеть беззащитной землею,
Что бегут пауки, что, шипя,
На болоте проснулась змея:
Это гады бегут — пред зарею....

Не грусти, что во мраке ночном
Люди мертвым покоятся сном,
Что в безмолвии слышны порою
Только глупый напев петухов
Или злое ворчание псов:
Это — сон, это — лай пред зарею...

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ.

ТЕМНЫЙ АНГЕЛ.

О, темный ангел одиночества,
Ты веешь вновь,
И шепчешь вновь свои пророчества:
„Не верь в любовь.

Узнал ли голос мой таинственный?
О, милый мой,
Я—ангел детства, друг единственный,
Всегда с тобой.

Мой взор глубок, хотя не радостен,
Но не горюй:
Он будет холоден и сладостен,
Мой поцелуй.

Он веет вечною разлукою,—
И в тишине
Тебя, как мать, я убаюкаю.
Ко мне, ко мне!"

И совершаются пророчества,
Темно вокруг.
О, страшный ангел одиночества,
Последний друг,

Полны могильной безмятежностью
Твои шаги.
Кого люблю с бессмертной нежностью,
И те—враги!

1895.

◆ ◆ ◆

И хочу, но не в силах любить я людей:
Я чужой среди них; сердцу ближе друзей —
Звезды, небо, холодная, синяя даль
И лесов, и пустыни немая печаль...
Не наскучит мне шуму деревьев внимать,
В сумрак ночи могу я смотреть до утра
И о чем-то так сладко, безумно рыдать,
Словно ветер мне брат, и волна мне сестра,
И сырая земля мне родимая мать...
А меж тем не с волной и не с ветром мне жить.
И мне страшно всю жизнь не любить никого,
Неужели навек мое сердце мертво?...
Дай мне силы, господь, моих братьев любить!

1887.

ПОЭТ.

Сладок мне венец забвенья темный,
Посреди ликующих глупцов,
Я иду отверженный, бездомный,
И бедней последних бедняков.

Но душа не хочет примиренья,
И не знает, что такое страх;
К людям в ней—великое презренье,
И любовь, любовь в моих очах:

Я люблю безумную свободу!
Выше храмов, тюрем и дворцов
Мчится дух мой к дальнему восходу,
В царство ветра, солнца и орлов!

А внизу, меж тем, как призрак темный,
Посреди ликующих глупцов,
Я иду отверженный, бездомный
И бедней последних бедняков.

1894.

ПОЭТУ НАШИХ ДНЕЙ.

Молчи, поэт, молчи: толпе не до тебя.
До скорбных дум твоих кому какое дело?
Твердить былой напев ты можешь про себя,
Его нам слушать надоело..

Не каждый ли твой стих сокровища души
За славу мнимую безумно расточает,—
Так за глоток вина последние гроши
Порою пьяница бросает.

Ты опоздал, поэт: нет в мире уголка,
В груди такого нет блаженства и печали,
Чтоб тысячи певцов об них во все века,
Во всех краях не повторяли.

Ты опоздал, поэт: твой мир опустошен,—
Ни колоса—в полях, на дереве— ни ветки;
От сказочных пиров счастливейших времен
Тебе остались лишь об'едки...

Попробуй слить всю мощь страданий и любви
В один безумный вопль; в негодованьи гордом
На лире и в душе все струны оборви
Одним рыдающим аккордом,—

Ничто не шевельнет потухшие сердца,
В священном ужасе толпа не содрогнется
И на последний крик последнего певца
Никто, никто не отзовется!

1884.

◆ ◆ ◆

И вновь, как в первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Как будто в мире нет страданья,
Как будто в сердце нет греха.

Не надо мне любви и славы.
В молчаньи утренних полей
Дышу, как дышат эти травы.
Ни прошлых, ни грядущих дней

Я не хочу пытать и числить:
Я только чувствую опять,
Какое счастие—не мыслить,
Какая нега—не желать.

1896.

ГОЛУБОЕ НЕБО.

Я людям чужд и мало верю
Я добродетели земной:
Иною мерой жизнь я мерю,
Иной, бесцельной красотой.

Я верю только в голубую.
Недосягаемую твердь.
Всегда единую, простую
И непонятную, как смерть.

О, небо, дай мне быть прекрасным,
К земле сходящим с высоты,
И лучезарным и бесстрастным,
И всеоб'емлющим, как ты.

1894.

СТАРОСТЬ.

Чем больше я живу—тем глубже тайна жизни,
Тем призрачнее мир, страшней себя я сам,
Тем больше я стремлюсь к покинутой отчизне,
К моим безмолвным небесам.

Чем больше я живу—тем скорбь моя сильнее
И неотзывчивей на голос дальних бурь,
И смерть моей душе все ближе и яснее,
Как вечная лазурь.

Мне юности не жаль: прекрасней солнца мая
Мой золотой сентябрь, твой блеск и тишина.
Я не боюсь тебя, приди ко мне, святая,
О, Старость, лучшая весна!

Тобой обвеянный, я снова буду молод
Под светлым инеем безгрешной седины,
Как только укротит во мне твой мудрый холод
И боль, и бред, и жар весны.

◆ ◆ ◆

Люблю иль нет,—легка мне безнадежность:
Пусть никогда не буду я твоим,
А все-таки порой такая нежность
В твоих глазах, как будто я любим.

Не мною жить, не мной страдать ты будешь,
И я пройду как тень от облаков;
Но никогда меня ты не забудешь,
И не замрет в тебе мой дальний зов.

Приснилась нам неведомая радость,
И знали мы во сне, что это сон...
А все-таки мучительная сладость
Есть для тебя и в том, что я—не он.

◆ ◆ ◆

Так жизнь ничтожеством страшна,
И даже не борьбой, не мукой,
А только бесконечной скукой
И тихим ужасом полна,
Что кажется—я не живу,
И сердце перестало биться,
И это только наяву
Мне все одно и то же снится.
И если там, где буду я,
Господь меня, как здесь, накажет,—
То будет смерть—как жизнь моя,
И смерть мне нового не скажет.

МОЛЧАНИЕ.

Как часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умею,
Я только радуюсь, страдаю и молчу:
Как будто стыдно мне—я говорить не смею.

И в близости ко мне живой души твоей
Так все таинственно, так все необычайно,—
Что слишком страшною божественною тайной
Мне кажется любовь, чтоб говорить о ней.

В нас чувства лучшие стыдливы и безмолвны
И все священное об'емлет тишина:
Пока шумят вверху сверкающие волны,
Безмолвствует морская глубина.

◆ ◆ ◆

И снилось мне: заря туманная,
В полях густеющая мгла,
И сосен кровь благоуханная—
Светлотекущая смола.

И кто-то мне родимым голосом
Все то же на ухо твердит,—
Так в сентябре несжатым колосом
Пустая нива шелестит.

Но тайна слов тех не разгадана...
Гори, последний свет, гори,
И смолью сосен, дымом ладана
Курнсь, кадильница зари!

◆ ◆ ◆

Опять горит меж темных сосен
Весны вечерняя звезда,
И всех увядших милых весен
Мне вспоминается чреда.

И пусть тоскую неутешней
С весною каждою, но есть
В дыханьи первом неги вешней
Для сердца слышащего весть.

И пусть вся жизнь — глухая осень;
Ведет в правдиво-лживом сне
Меня чреда увядших весен
К неувядающей весне.

◆ ◆ ◆

Затихших волн сиянье бесконечно
Под низким, жарким солнцем декабря.
Прозрачно все и так нетленно-вечно,
Как мотылек в обломке янтаря.

Багровых скал в бездонной чаше синей
Волшебное сомкнулося кольцо.
У ног моих ночной седеет иней,
И дышит зной полуденный в лицо.

О, зимних дней уютная короткость,
В очаровании застывший лес,
И хвойных игл недвижимая четкость
В неиз'яснимой ясности небес.

О, райская, блаженная пустыня,
Где и доднесь, как древле, сходит бог,
Где все — одна любовь, одна святыня —
Уже и здесь нездешнего залог.

И пусть на миг,— но сердце не забудет
Того, что ныне сердцем я постиг.
И знаю: там уже навеки будет,
Что здесь на миг.

Эстерель-Аге 1910.

НОЯБРЬ.

Бледный месяц — на ущербе,
Воздух звонок, мертв и чист,
И на голой, зябкой вербе
Шелестит увядший лист.

Замерзает, тяжелеет
В бездне тихого пруда,
И чернеет, и густеет
Неподвижная вода.

Бледный месяц на ущербе
Умирающий лежит,
И на голой черной вербе
Луч холодный не дрожит.

Блещет небо, догорая,
Как волшебная земля,
Как потерянного рая
Недоступные поля.

1895.

РОДНОЕ.

Далеких стад унылое мычанье
И близкий шорох свежего листа...
Потом опять глубокое молчанье...
Родимые, печальные места!

Протяжный гул однообразных сосен,
И белые, сыпучие пески...
О, бледный май, задумчивый как осень!..
В полях затишье, полное тоски...

И крепкий запах молодой березы,
Травы и хвойных игл, когда порой,
Как робкие, беспомощные слезы,
Струится теплый дождь во тьме ночной.

Здесь — тише радость и спокойней горе,
Живешь как в милом и безгрешном сне.
И каждый миг, подобно капле в море,
Теряется в бесстрастной тишине.

1896.

◆ ◆ ◆

Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу:
Я слишком слаб; в душе—ни веры, ни огня...
Святая ненависть погибнуть за свободу
Не увлечет меня:

Пускай шумит ручей и блещет на просторе,—
Струи бессильные смирятся и впадут
Не в бесконечное, сверкающее море,
А в тихий, сонный пруд.

1887.

НЕ НАДО ЗВУКОВ.

Дух божий веет над землею.
Недвижен пруд, безмолвен лес;
Учись великому покою
У вечереющих небес.

Не надо звуков: тише, тише,
У молчаливых облаков
Учись тому теперь, что выше
Земных желаний, дел и слов.

1895.

◆ ◆ ◆

Кроткий вечер тихо угасает
И пред смертью лаской немой
На одно мгновенье примиряет
Небеса с измученной землей.

В просветленной, трогательной дали,
Что неясна, как мечты мои,—
Не печаль, а только след печали,
Не любовь, а только тень любви.

И порой в безжизненном молчаньи,
Как из гроба, веет с высоты
Мне в лицо холодное дыханье
Безграничной, мертвой пустоты...

1887.

◆ ◆ ◆

В сияньи бледных звезд, как в мертвенных очах—
Неумолимое, холодное, бесстрастье;
Последний луч зари чуть брезжат в облаках,
Как память о минувшем счастьи.

Безмолвным сумраком полна душа моя:
Ни страсти, ни любви с их сладостию мукой,—
Все замерло в груди... лишь чувство бытия
Томит безжизненною скукой.

1887.

ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ.

О Винчи, ты во всем—единый:
Ты победил старинный плен.
Какою мудростью змеиной
Твой страшный лик запечатлен!

Уже, как мы, разнообразный,
Сомненьем дерзким ты велик,
Ты в глубочайшие соблазны
Всего, что двойственно, проник.

И у тебя во мгле иконы
С улыбкой Сфинкса смотрят вдаль
Полуязыческие жены,—
И не безгрешна их печаль.

Пророк, иль демон, иль кудесник,
Загадку вечную храня,
О, Леонардо, ты—предвестник
Еще неведомого дня.

Смотрите вы, больные дети,
Больных и сумрачных веков:
Во мраке будущих столетий
Он не понятен и суров,—

Ко всем земным страстям бесстрастный.
Таким останется навек—
Богов презревший, самовластный,
Богоподобный человек.

1895.

САКЬЯ-МУНИ.

По горам, среди ущелий темных,
Где ревел осенний ураган,
Шла в лесу толпа бродяг бездомных
К водам Ганга из далеких стран.
Под лохмотьями худое тело
От дождя и ветра посинело;
Уж они не видели два дня
Ни приютной кровли, ни огня.
Меж дерев, во мраке непогоды,
Что-то там мелькнуло на пути:
Это храм—они вошли под своды,
Чтобы в нем убежище найти.
Перед ними на высоком троне—
Сакья-Муни, каменный гигант.
У него в порфировой короне—
Исполинский чудный бриллиант.

Говорит один из нищих: „Братья,
Ночь темна, никто не видит нас,
Много хлеба, серебра и платья
Нам дадут за дорогой алмаз.
Он не нужен Будде: светят краше
У него, царя небесных сил,
Груды бриллиантовых светил
В ясном небе, как в лазурной чаше“...
Подан знак, и вот уж по земле
Воры тихо крадутся во мгле.
Но когда дотронуться к святыне
Трепетной рукой они хотят,—
Вихрь, огонь и громовой раскат,
Повторенный откликом в пустыне,
Далеко откинул их назад.
И от страха все окаменело....
Лишь один, спокойно-величав,
Из толпы вперед выходит смело.
Говорит он богу: „Ты неправ.
Или нам жрецы твои солгали,
Что ты кроток, милостив и благ,
Что ты любишь утолять печали
И, как солнце, побеждаешь мрак.
Нет, ты мстишь нам за ничтожный камень,
Нам, в пыли простертым пред тобой,
Но, как ты, с бессмертною душой.
Что за подвиг сыпать гром и пламень
Над бессильной жалкою толпой...
О, стыдись, стыдись, владыка неба,
Ты воспрянул, грозен и могуч,
Чтоб отнять у нищих корку хлеба.
Царь царей, сверкай из темных туч,
Грянь в безумца огненной стрелою,—
Я стою, как равный, пред тобою
И, высоко голову подняв,
Говорю пред небом и землею:
Самодержец мира, ты неправ“.
Он умолк — и чудо совершилось:
Чтобы снять алмаз они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой венчанной до земли.
На коленях, кроткий и смиренный,
Пред толпою нищих — царь вселенной,
Бог, великий бог лежал в пыли.

◆ ◆ ◆

„Христос воскрес“ — поют во храме;
Но грустно мне... Душа молчит:
Мир полон кровью и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.
Когда б он был меж нас и видел,
Чего достиг наш славный век:
Как брата брат возненавидел,
Как опозорен человек,
И если б здесь в блестящем храме
„Христос воскрес“ он услыхал,
Какими б горькими слезами
Перед толпой он зарыдал!

Пусть на земле не будет, братья,
Ни властелинов, ни рабов,
Умолкнут стоны и проклятья
И стук мечей, и звон оков,—
О лишь тогда, как гимн свободы,
Пусть загремит: „Христос воскрес“
И нам ответят все народы:
„Христос воистину воскрес!“

1887.

ИВАН КОНЕВСКОЙ.

К П. П. КОНРАДИ.

Ты прав— не века сын, я чую лишь отзвучья
На мертвую тоску иль на живую страсть.
Нет, сын цветущего, как сад, благополучья
Судьбам неведомым обрек себя иа часть.

Гроза таинственная вечно идет мимо.
Я чутким трепетом всечасно возбужден.
Струятся дрожь, озноб в крови неутомимой.
Чуть замер в сердце дух,—уж вновь он возрожден.

И вся вселенная—на лоне вертограда.
Так тайно, жутко все, уютно, верно мне.
В траве и в сенях—цвет, и влага, и прохлада;
А пламя, тьма грозы—вдали, в глухой стране.

7 апреля 1901.

◆ ◆ ◆

Я не любил. Не мог всей шири духа
В одном лице я женском заключить.
Все ловит око, все впивает ухо,
И только так смогу в любви почить.

Когда б, простясь с возлюбленною девой,
Вперил я взор в роскошный неба свод,
Иль в сень широколиственного древа,
Иль в душу, вещую, как рокот вод,—

Простер бы к ним стремительно об'ятья,
Во мне б не девы образ уж царил;
Но девы лик и сны вселенной—братья:
К единому все диву я парил.

Так—обнимусь я с женской красотою,
Но через миг—с горой или ручьем,
Но душно составлять одно с четою,
Скорбя в разлуке с частным бытием.

Нет—естество свое стремясь раздвинуть,
В него рассвету, полдню и звездам,
И всем людским порывам дам я хлынуть,
Впитаю их—и все пребуду сам.

5 июля 1897. Петербург.

ПРИПЕВ.

А земля идет, и солнце светит,
То скупясь, то щедрясь на тепло.
Кто заветный ход вещей отметит,
Кто поймет, откуда все пришло?

И в реках струи живые стынут,
И в реках же тает нежный лед.
Кто те люди, что перстом нас двинут—
И ускорен будет вечный ход?

Тут—зима, а там—вся нега лета.
Здесь иссякло все,—там—сочный плод.
Как собрать в одно все части света?
Что свершить, чтоб не дробился год?

Не хочу я дольше ждать зимою.
Ждать с тоской, чтоб родилась весна,
Летом жить лишь с той мольбой немою,
Чтоб была и осень суждена.

Не хочу, томлюся, и живу я,
И живу я все ж, надеюсь век,
И, вздыхая, жизни не порву я:
Плачь, а втайне тешься, человек!

31 января 1899. Петербург.

ОТГОЛОСКИ.

Le pays de mon rêve...
Verlaine.

Я прохожу меж вас, неслышный и незримый.
О боже, от меня как все вы далеки!
И жму я руки всем—и протекают мимо
Таких различных душ живые тайники.

В несбыточных странах, обширных и уютных,
Я дух свой позабыл, и где его сыскать?
Ужель отдаться играм проблесков минутных,
Ужель махнуть рукой, и вне себя порхать?

Друзья, я вас люблю, но чужды вы безмерно
Вот несколько уж лет я вашим миром жил,
Что ж—сердце старое всему осталось верно.
Что было родиной, чем я не дорожил.

Мне кажется порой, что снова в путь далекий
Направлюсь я, в тот край, где дышат города,
Где лентой голубой развиты рек притоки,
Где—горы грозные и кроткие стада.

Меж ясных мудрецов и полных тайн поэтов
Там, в теплый летний день, я сяду на холме,
И много я приму от этих мест приветов,
Прохладой веявших в младенческом уме.

Так я вкушу опять от сладости врожденной,
Твоей, о вольный и преданий полный край!
Так и всегда, воображеньем огражденный,
Вокруг меня свои пределы простирай.

Февраль—март 1899.

ТИХИЙ ДОЖДЬ.

О дождь, о чистая небесная вода,
Тебе сотку я песнь из серебристых нитей.
Грустна твоя душа, грустна и молода.
Теченья твоего бессменна череда,
Исходишь на меня ты, как роса наитий.

Из лона влажного владычных облаков
Ты истекаешь вдруг, столь преданно-свободный,
И устремишь струи на вышины лесков,
С любовию вспоишь головки тростников—
И тронется тобой кора земли безводной.

В свежительном тепле туманистой весны
Ты—чуткий промысл о растущем тайно жите.
Тебе лишь и в земле томленья трав слышны.
О чистая вода небесной вышины,
Тебе сотку я песнь из серебристых нитей.

Весна. 1899.

В ПОДНЕБЕСЬИ.

Софии И. Станек.

Вот, с поморьями, морями, островами,
Небо, словно мир весь, надо мной.
По раздолиям его, над деревами,
Носится коней табун шальной.

Белоснежные развеялися гривы,
Мчатся вплавь по синим озерам.
Гонит ветер их, погонщик их ретивый,
К отдаленным облачным горам.

А с земли ковыль широкий шум доносит,
Сосен устремляются стволы—
И все в тот же край табун лихой уносит,
В край, где реют белые валы.

12 июля 1897. Гора Inselberg.

С ХОЛОДНОЙ ВОЛИ.

Что за окнами волнуется?
Это—воздух, это снег...
И давно уж сердцу чуется
Тихих, быстрых облак бег.

Сердце ноет, как безумное,
Внемля жизни в небесах,
И безмолвно, многодумное,
Стоя долго на часах.

Вон из груди оно просится,
Внемля ветру, облакам,
В те пространства, где разносится
Зов их к морю и рекам,—

От уныний человечества
В жизнь погоды мировой,
В бесконечное отечество
И моей души живой.

11 марта 1899.

НЕДОУМЕНИЕ.

Когда явленья бьются и играют,
Когда стремится ветер, вьется дым,
Ужель мой дух тогда не умирает
И он не то, что перед ним?

Он тот же, иль себя уж он не знает,
Ни сам себя, ни тверди голубой,
И нет всего, что дух лишь заклинает,
Заворожен собой?

В торжественно-обманное мгновенье,
Когда завесы ветхие спадут,
Настанет ли навеки откровенье.
Иль снова дни уйдут?

Июнь. 1899.

ОСЕННИЕ ГОЛОСА.

II.

Убийственный туман сгустился над столицей.
И ноют, смерть в себе тая, сердца, дома.
Сцепились всюду колесница с колесницей.
И цвет земли погиб, а далека зима.

Удел наш—нищета, уродство и бессилье.
Высасывает кровь из нас сырая мразь.
И Скука распластать губительные крылья
С Тоской седой вослед идут, не торопясь.

Зачем ты здесь, мой дух, в кровн глухих страданий,
О ты, что веруешь в блаженство горячо?
Властителен, как царь, строитель славных зданий,
Ты вражьей силе дал ломать свое плечо.

Ты—в мире демонов, зловонных и холодных,
И в их руках теперь—теснящая судьба.
Но сущий—ты один, создатель чар природных
И тех же демонов, чтоб с ними шла борьба.

С беспечностью косясь на призрачное тело,
Что́ в слякоть немощью своей меня влечет,
Прозрящий взор летит к блаженному пределу,
Где радужная жизнь в глуби теней течет.

А тут же, близ меня—я знаю—есть собратья
Которым нем юдоли покаянный плач.
Он небылица: в нас ведь—бытия заклятье.
Из смертной сей земли вперед! Наш свет горяч.

Сентябрь 1899.

ОТРЕЧЕНИЕ.

Посвящено А. Н. Г.

Да, все бегут часы, но уж не так, как прежде:
И светы радуют, и волны дум растут;
Но места нет в душе единственной надежд
Восторги первой страсти не взойдут.

Ты там же все вдали, о легкая, как пламя,
И мощная, как плоть густых, сырых дубрав.
С тобой расстались мы широкими словами,
И мысли зов и воли суд мой прав.

Я не создатель, нет—я только страстный голос,
Могу я жаром обаятельным дохнуть.
Но жизнь моя, увы! на части раскололась,
И иногда не дышит грудь ни чуть.

5 ноября 1899.

ЗАТИШЬЕ.

Как я люблю тоску свободы,
Тоску долов, тоску холмов
И в своенравии погоды
Покой садов, покой домов!

И дней ручьи луками вьются,
И так играет с ними свет.
И в берега озеры бьются,
А море дальний шлет ответ.

В странах безвестных, небывалых
Идет война, гуляет мор—
Страстей, страданий, страхов шалых,
Любви и гнева древний спор.

Но я люблю их шум протяжный,
Призывный, призрачный их шум.
Их проницает помысл влажный,
Их созерцает яркий ум.

Нет душных снов в ночах безвольных,
В привольи дня курю я сны,
Что́, средь пустынь моих юдольных,
Из сердца мысли рождены.

16 июня 1900. Rauharanta.

ИЗ ДРУГОГО МИРА.

И вот опять звонит тот колокол глухой,
Что слышал столько раз я в воздухе полдневном,
А я лежу, хриплю, поверженный, нагой,
В недуге мерзостно-волшебном.

Что хочешь ты сказать, о, колокол живой,
О, вещий колокол, набат богослуженья?
Да, бей тревогу, бей, над жалкой наготой,
Дошедшей до пределов униженья.

Великий страж судьбы, гремишь ты: с нами бог!
Как тот нежданный глас, что грянет над веками.
И не поймет мудрец, а голос будет строг,
Но благ перед пустынными песками.

Между 2 и 13 февралем 1899.

ПО ПРАВУ РОЖДЕНИЯ.

Среди старинных зал, по матовым паркетам,
Где дремлют по стенам поблекшие холсты,
Блуждаю часто я в раздумии, согретом
Негаснущим теплом наследственной мечты.

Мне снятся пращуры, столь полные преданий,
Облюбовавшие то творчество веков,
Что созидалось там, в земле великих зданий,
Под белым пламенем нетленных облаков;

Но что-то душам благородным их сказало,
Внушило чувство их покоев родовых —
И убрана стена блистательного зала
Наследием племен отживших, но живых.

Привет вам, мужи достославных поколений,
Служители полков, служители земли!
Лишь пред иконами склоняли вы колени,
А перед обществом вы только честь блюли.

В тиши угодия вы чудно возрастали,
Как чужеземный плод, возросший в парниках,
В столицах стройными палатами блистали,
Где в кружеве носился бал, как в облаках.

И кто почил вдали, под иебом виноцветным,
Близ мраморных террас и благостных холстов;
Кто—в дебрях и степях, в гнезде своем заветном—
И принесли на гроб из парка сонм цветов.

Пойми же, селякин, без племени, без роду,
С тобой пойду я в лес, заслушаюсь дроздов
Я так же, как и ты молюся на природу,
И пить ее млеко бегу из городов.

Но не понять тебе, бездомному, нагому,
Какой есть у меня торжественный приют,
Где я причастен достоянью дорогому,
Святому золоту, что мне отцы куют.

1898.

АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ.

НАЧАЛО НОВОЙ ЗЕМЛИ.

Я стал снова младенцем, зима миновала,
И на мокрых дорогах дышало весной,
До зари моя радость меня пробуждала
И рука раскрывала глаза и смежала
И я слышал в постели, как звон над водой.

Я был сын земли—матери и все шумы земли
Были так мне знакомы, как дите колыбель·
И опять я глядел, как в черты дорогие,
И со мной говорила березка родная
И еще оголенные ясни и ель.

И ходил я в союзе великом всемирном,
С каждым другом, как раб одной жизнью дышал,
Для меня ты одел всем сиянием пирным
Мое сердце и небо и выступы скал.

И опять было быстро и легко мое тело
И в груди проходила в мой город Весна,
Под окном же река и звенела, и пела.
И я встал, помолясь, от глубокого сна.

Но кругом подымались темничные стены
И над всем, что любил я, таилась зима
И снаружи нигде не видиелось измены...

◆ ◆ ◆

Я вернусь к вам, поля и дороги родные,
Вы года, что как други всегда окружали меня.
С утра дней я стремился к вам, реки живые,
Но суровые люди, слепая стихия
Уносили меня от небесного дня.

Но однажды я вырвался из толпы нелюдимой
И бежал к тем рекам моим—верным, любимым·

Я ходил средь лесов в простоте и свободе,
Я не думал, как люди глядят на меня.
Мне приют был готов в самом низком народе,
Сестры-птички в лесах примечали меня.

Рано утром однажды открыл мне Он двери,
Возлюбленным громко и тайно назвал,
Мы пошли в твои горы и юные звери
Нас встречали, склонясь у подножия скал.

Я вернусь к вам пути и дни, мне святые,
Я вернусь к вам, скорбя и живя и любя,
Все хвалы, все сокровища наши земные
И всю праведность также отдам за Тебя.

Я покрою себя золотым одеяньем,
Возвратит мне блистанье сестрица весна,
Я оденусь навек белизной и блистаньем
И весеннего выпью с друзьями вина.

Этот город боролся с моей чистотою.
С моей верой боролись и лучшие их,
И потом же они посмеялись над мною,
Заключили меня в тесных тюрьмах своих.

Зато выслушай, город—я тебе об'являю:
Смертью дышут твой мрак и краса твоих стен.
И тюрьму и твой храм наравне отвергаю,
В твоем знаньи и вере одинаков твой плен.

ПРИМИРЕНЬЕ С ЗЕМЛЕЙ И ЗВЕРЯМИ.

Мир и мир горам, мир и мир лесам,
Всякой твари мир об'являю я.
И идут уже зайцы робкие,
Песня им люба, вразумительна.
Загорелись огнем все былиночки,
Струи чистые в родниках подымаются,
За рекой песня чистая разглашается:
То горят в лучах камни дикие
И поют свою песню древнюю,
Ту ли думушку вековечную,
Испокон веков необ'явленную.
Песню братскую принимаю я...
Вот у ног моих козы горные,
Лижут руки мои лоси глупые...

Ай, вы, звери мои, вы свободные!
Путь у каждого неизведанный,
Вы идите своим ли одним путем.
Только мирную человечью речь принимайте!
Вот, медведи, вам мирный заговор:
Вы не трогайте жеребеночка,
Пощадите крестьянскую животинушку...
Ай, вы, змеи ползучие, подколодные!
Вы не жальте нас на родных полях,
Недосуг болеть да крестьянствовать в пашню жаркую.
Все примите мир—слово крепкое:
Чтоб отныне ли даже до веку,
С нами праздновать воскресение!
Чтоб ветра текли только тихие
Волки прыткие на своих местах застоялись бы,
Чтоб былиночек понапрасному не обидели,
Чтоб трава расти не росла в тот день,
Чтоб в согласный день согласились все
Погрузиться в глубокое размышление!
На один только день эта заповедь:
Вновь растет трава укрепленная.
Мир и мир людям, мир и мир зверям,
Начинают работу совместную и вселенскую,
Но работа та животворная,
Не погибнет нигде и сухой листок,
Не сломает никто даже веточки.

◆ ◆ ◆

Вы деньки ли мои—деньки тихие неприметные,
Вы деньки мои—братцы милые, други верные,
Каждый день ровно голуби над тюремным
окошком моим подымаетесь,
Волю божию исполняете.
Вы деньки мои—реки чистые и спокойные.
Вы часы мои—речки горные,
Вы минуточки—родники придорожные
Вы, как камни прекрасные многоценные,
Вы за что еще мне дарованы?
Как младенца, меня озаряете!
Вы деньки мои—братья твердые неизменные,
Вы идете дорогами неизменными,
Каждый час, каждый миг у вас неизменные
Вы, как ангелы, меня озаряете,
Осените меня, братья ангелы, света крыльями,
Осени меня, ангел вечера,
Светом внутреннейшим, неземным крылом.

◆ ◆ ◆

Прощайте, птички, прощайте, травки,
Вас не видать уж долго мне.
Иду в глубокие темницы,
В молитвах буду и постах.
Иду в глубокие темницы,
В молитвах буду и постах.

Я друг был всякой твари вольной
И всякую любить желал,
Я поднял примиренья знамя,
Я об'явил свободу вам.
Я поднял примиренья знамя,
Я братьями скотов считал.

Но вы живите и молитесь
Единому творцу веков,
Благовестите мир друг другу
И не забудьте обо мне.
Благовестите мир друг другу
И не забудьте обо мне.

Прощайте птички, прощайте травки,
Вас не видать уж долго мне,
Иду в глубокие подвалы,
В молитвах буду и постах.
Иду в глубокие подвалы,
В молитвах буду и постах.

◆ ◆ ◆

Чаща лесная,
Где бродят отшельники
— Радость моя!

Из песен Будды-Гаутамы.

Мир вам, о горы!
Молчанье ночи
— Сила моя.
Молитва единая,
Имя единое
— Скала моя.
Чаща лесная,
Где бродят отшельники,
— Радость моя.
Где прыгают зайцы,
Где горные козы,
— Земля моя.
Сны и виденья—
Призраки мира
И мир невещественный
— Борьба моя.
Цепи, дороги,
Тюрьмы, свобода
— Судьба моя.
Рубище странника,
В нем алмаз драгоценный
— Тайна моя.

◆ ◆ ◆

ДОЧЕРИ НАРОДА.

Ликуй от радости, дочь народа,
Торжествуй, дочь Ерусалима!
Ибо сокрушил Господин врага твоего
И расторг ярмо твое.
Господин твой, бог твой, среди тебя.
Уже более не увидишь зла!

Из ветхозаветных пророков.

Ты ломала руки в смертельной тоске,
Ты глядела прямо в глаза мои,
Ты спросила меня „где торжество?"
Господин твой, бог твой, среди тебя.
Уже более не увидишь зла!

Все стояли кругом в той же страшной тоске
И взглянул я прямо в лицо твое.
Я сказал тебе: „Есть страна торжества.
„Там в пляске священной кружатся века!
„Весь мир колесницей стремится к нему!"

Там царство свободных, царство святых!
Из радости в радость, из жизни в жизнь
Проходят они и ты среди них.
Из радости в радость, из жизни в жизнь
Проходят они и мы среди них.

Я увидел все это в глазах твоих,
Ты увидела это в глазах моих.
Господин твой бог твой среди тебя,
Уже более не увидишь зла.

НА НАПЕВ: „ВСТРЕТИМСЯ ЛИ МЫ С ТОБОЮ?"

Встретимся ли мы с тобою
Над чудной, над чудной рекой?
Там с неумолкаемой хвалою
Иисусу мы будем служить.

Берега реки покрыты цветами
И звезды небес дрожат в реке.
Там между струями и между звездами
Подымаются души к небесной стране.
Да, мы встретимся...

Между нами и рекою
Путь непроходимый был,
Но сколь тяжкою ценою
Агнец нам его открыл.
Да, мы встретимся....

По тернию он шел и кровью
Означен был малейший шаг его.
Где пала кровь, цветы с любовью
И с верой возрасли в него.
Да, мы встретимся...

Там собирать будем алые розы,
Что расцветали, где падала кровь.
Там донесется к нам вместе с ветрами
Голос Отца бесконечных миров.

Да, мы встретимся с тобою
Над чудной, над чудной рекой.
Там с неумолкаемой хвалою
Иисусу мы будем служить

ЖАЛОБА БЕРЕЗКИ ПОД ТРОИЦЫН ДЕНЬ.

Под самый под корень ее подрезал он,
За вершинку ухмыляясь брал,
С комля сок как слеза бежал,
К матери сырой земле бежал.
Глядеть на зеленую-то радостно,
На подкошенную больно жалобно.

Принесли меня в жертву богу неведомому,
Срубили в начале светлой весны,
Продали в великий праздник весны.
Все порадовались листве моей,
Никто не помог жалобе моей,
Каждый ухмыляясь подходил,
Каждый насмехаясь говорил.

◆ ◆ ◆

Не унывай, не унывай, душа моя,
Уповай, уповай на Вечного.
Ты видишь, Господин, печаль мою,
Ты кого пришлешь утешить меня
Иль ангела иль архангелов
Иль Сам сойдешь, Владыка мой?

А я овца твоя заблудшая
От твоего стада осталась я.
Меня враги изловляют,
На свои пути наставляют
И свои сети расставляют
И своими сетьми уловляют.

О бог живой избавитель,
Избавь меня от тех сетей.
От тех сетей из вражеских,
Заставь меня любить тебя
Наставь меня на путь твою,
На путь твою на истину.

СИМВОЛИСТЫ и ПОЭТЫ,
СВЯЗАННЫЕ с СИМВОЛИЗМОМ.

К. БАЛЬМОНТ.

◆ ◆ ◆

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры, в едином взоре,
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце.
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ.

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, —
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утомленье, глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада,—
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделала ей незаслуженно-больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

ОСЕНЬ.

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее,
И от птичьего крика
В сердце только грустнее.

Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море.
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро Осень проснется
И заплачет спросонья.

РОДНАЯ КАРТИНА.

Стаи птиц. Дороги лента.
Повалившийся плетень.
С отуманенного неба
Грустно смотрит тусклый день.
Ряд берез, и вид унылый
Придорожного столба.
Как под гнетом тяжкой скорби
Покачнулася изба.
Полусвет и полусумрак, —
И невольно рвешься вдаль,
И невольно давит душу
Бесконечная печаль.

ЗАРОЖДАЮЩАЯСЯ ЖИЗНЬ.

Еще последний снег в долине мглистой
На светлый лик весны бросает тень,
Но уж цветет душистая сирень,
И барвинок, и ландыш серебристый.

Как кроток и отраден день лучистый,
И как приветна ив прибрежных сень.
Как будто ожил даже мшистый пень,
Склонясь к воде, бестрепетной и чистой,

Кукушки нежный плач в глуши лесной
Звучит мольбой тоскующей и странной.
Как весело, как горестно весной, —

Как мир хорош в своей красе нежданной,
Контрастов мир, с улыбкой неземной,
Загадочный под дымкою туманной.

МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР.

Мечтательный вечер над лесом дышал безмятежно.
От новой Луны протянулась лучистая нить,
И первые звезды мерцали так слабо и нежно.
Как будто бы ветер чуть слышный их мог погасить.
И было так странно, и были так сказочны ели,
Как мертвая сталь, холодела поверхность реки.
О чем-то невнятном, о чем-то печальном без цели,
Как будто бы пели над влажным песком тростники.
И в бледном об'ятьи две тени родные дрожали.
И каждой хотелось в другой о себе позабыть,
Как будто бы можно в блаженстве не ведать печали,
Как будто бы сердце людское способно любить!

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА.

Золотая звезда над Землею в прорстанстве летела
И с Лазури на сонную Землю упасть захотела.
Обольстилась она голубыми земными цветами,
Изумрудной травой и шуршащими в полночь листами.
И, раскинувши путь золотой по Лазури бездонной,
Полетела, как ангел—как ангел преступно-влюбленный.
Чем быстрей улетала она, тем блистала яснее,
И горела, сгорала, в восторге любви пламенея.
И, зардевшись блаженством, она уступила бессилью,
И, Земли не коснувшись, рассыпалась яркою пылью.

ЗАЧЕМ?

Господь, господь, внемли, я плачу, я тоскую,
Тебе молюсь в вечерней мгле.
Зачем ты даровал мне душу неземную —
И приковал меня к земле?
Я говорю с тобой сквозь тьму тысячилетий.
Я говорю тебе, творец,
Что мы обмануты, мы плачем, точно дети,
И ищем: Где же наш Отец?
Когда б хоть миг один звучал твой голос внятно,
Я был бы рад сиянью дня,
Но жизнь, любовь, и смерть — все страшно, непонятно,
Все неизбежно для меня.
Велик ты, господи, но мир твой неприветен,
Как все великое, он нем.
И тысячи веков напрасен, безответен
Мой скорбный крик: „Зачем? Зачем?“

ВСЕЛЕНСКИЙ СТИХ.

Мы каждый час не на Земле земной,
А каждый миг мы на Земле небесной.
Мы цельности ие чувствуем чудесной,
Не видим Моря, будучи волной.

Я руку протянул во мгле ночной
И ощутил не стены кельи тесной,
А некий мир, огромный, бевтелесный.
Горит мой разум в уровень с Луной.

Подняв лицо, я Солнцу шлю моленье,
Склонив лицо, молюсь душой Земле.
Весь Звездный мир—со мной как в хрустале.

Миры поют, я голос в этом пенье,
Пловец я, но на звездном корабле.
Из радуг льется звон стихотворенья.

◆ ◆ ◆

Все мне грезится Море да Небо глубокое,
Бесконечная грусть, бевграничная даль,
Трепетание звезд, их мерцанье стоокое,
Догорающих тучек немая печаль.

Все мне чудится вздох камыша почернелого,
Глушь родимых лесов, заповедный ватон,
И над озером пение лебедя белого,
Точно сердца несмелого жалобный стон.

УХОДЯЩИЕ ТЕНИ.

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневиое светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

С ВЫСОКОЙ БАШНИ.

С высой башни
На мир гляжу я.
С железной башни
За ним слежу я
Несется Ветер,
Несется Ветер,
Несется Ветер.
Кругом бушуя.

Что́ миг текущий,
Что́ день вчерашний,
Что́ вихрь бегущий,
Как зверь, над пашней,
Бегущий мимо,
Неуловимо,
Как гроздья дыма,
Вкруг стройной башни.

На мир всегдашний
Светло гляжу я,
С высокой башни
За ним слежу я.
И влится Ветер,
Кружится Ветер,
И мчится Ветер,
Кругом бушуя.

ЛЕБЕДЬ.

Заводь спит. Молчит вода зеркальная.
Только там, где дремлют камыши,
Чья-то песня слышится печальная,
Как последний вздох души.

Это плачет лебедь умирающий,
Он с своим прошедшим говорит,
А на небе вечер догорающий
И горит и не горит.

Отчего так грустны эти жалобы?
Отчего так бьется эта грудь?
В этот миг душа его желала бы
Невозвратное вернуть.

Все, чем жил с тревогой, с наслаждением,
Все, на что надеялась любовь,
Проскользнуло быстрым сновидением,
Никогда не вспыхнет вновь.

Все, на чем печать непоправимого,
Белый лебедь в этой песне слил,
Точно он у озера родимого
О прощении молил,

И когда блеснули звезды дальние,
И когда туман вставал в глуши,
Лебедь пел все тише, все печальнее,
И шептались камыши.

Не живой он пел, а умирающий,
Оттого он пел в предсмертный час,
Что пред смертью, вечной, примиряющей,
Видел правду — в первый раз,

ЧАЙКА.

Чайка, серая чайка с печальными криками носится
Над холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы
Так полны безграничной тоской?

Бесконечная даль. Неприветное небо нахмурилось.
Закурчавилась пена седая на гребне волны.
Плачет северный ветер, и чайка рыдает, безумная,
Бесприютная чайка из дальней страны.

БАЮШКИ-БАЮ.

Спи, моя печальная,
Спи, многострадальная,
Грустная, стыдливая,
Вечно молчаливая.
Я тебе спою
Баюшки-баю.

С радостью свидания
К нам идут страдания.
Лучше — отречение,
Скорбь, самозабвение.
Счастия не жди,
В сердце не гляди.

В жизни кто оглянется,
Тот во всем обманется,
Лучше безрассудными
Жить мечтами чудными.
Жизнь проспать свою.
Баюшки-баю.

Где-то море пенится,
И оно изменится,
Утомится шумное,
Шумное, безумное.
Будет под луной
Чуть дышать волной.

Спи же, спи, печальная,
Спи, многострадальная,
Грустная, стыдливая,
Птичка боязливая.
Я тебе пою
Баюшки-баю.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ.

Липы душистой цветы распускаются...
Спи, моя радость, усни!
Ночь нас окутает ласковым сумраком,
В небе далеком зажгутся огни,
Ветер о чем-то зашепчет таинственно,
И позабудем мы прошлые дни,
И позабудем мы муку грядущую...
Спи, моя радость, усни!

Бедный ребенок, больной и застенчивый,
Мало на горькую долю твою
Выпало радости, много страдания.
Как наклоняется нежно к ручью
Ива плакучая, ива печальная,
Так заглянула ты в душу мою,
Ищешь ответа в ней... Спи! Колыбельную
Я тебе песню спою!

О, моя ласточка, о, моя деточка,
В мире холодном с тобой мы одни,
Радость и горе разделим мы поровну,
Крепче к надежному сердцу прильни,
Мы не изменимся, мы не расстанемся,
Будем мы вместе и ночи и дни.
Вместе с тобою навек успокоимся...
Спи, моя радость, усни!

◆ ◆ ◆

◆ ◆ ◆

Не буди воспоминаний. Не волнуй меня.
Мне отраден мрак полночный. Страшен светоч дня.

Был и я когда-то счастлив. Верил и любил.
Но когда и где, не помню. Все теперь забыл.

С кем я жизнь свою размыкал? И зачем, зачем?
Сам не знаю. В сердце пусто. Ум бессильный нем.

Дождь струится беспощадный. Ветер бьет в окно.
Смех беспечный стих и замер, — далеко давно.

Для чего ж ты вновь со мною, позабытый друг?
Точно тень, встаешь и манишь. Но темно вокруг.

Мне не нужен запоздалый, горький твой привет.
Не хочу из тьмы могильной выходить на свет.

Нет в душе ни дум, ни звуков. Нет в глазах огня.
Тише, тише. Засыпаю. Не буди меня.

ГРУСТЬ.

Внемля ветру, тополь гнется, с неба дождь осенний льется,
Надо мною раздается мерный стук часов стенных,
Мне никто не улыбнется, и тревожно сердце бьется,
И из уст невольно рвется монотонный грустный стих.
И как тихий дальний топот, за окном я слышу ропот,
Непонятный странный шопот — шопот капель дождевых.
Отчего так ветру скучно? Плачет, ноет он докучно,—
И в ответ ему стозвучно капли бьются и бегут,
Я внемлю, мне так же скучно, грусть со мною неразлучна,
Равномерно, однозвучно рифмы стройные текут,
В эту пору непогоды, под унылый плач Природы
Дни, мгновенья, точно годы — годы медленно идут.

ДОЖДЬ.

В углу шуршали мыши,
Весь дом застыл во сне.
Шел дождь, и капли с крыши
Стекали по стене.

Шел дождь, ленивый, вялый,
И маятник стучал.
И я душой усталой
Себя не различал.

Я слился с этой сонной
Тяжелой тишиной.
Забытый, обделенный,
Я весь был тьмой ночной.

А бодрый, как могильщик,
Во тьме тревожа мрак,
В стене жучок-точильщик
Твердил: „Тик-так. Тик-так".

Равняя звуки точкам,
Началу всех начал,
Он тонким молоточком
Стучал, стучал, стучал.

И атомы напева
Сплетаясь в тишине,
Спокойно и без гнева
„Умри" твердили мне.

И мертвый, бездыханный,
Как труп задутых свеч,
Я слушал в скорби странной
Вещательную речь.

И тише кто-то, тише,
Шептался обо мне.
И капли с темной крыши
Стекали по стене.

БЕЛЫЕ БЕРЕЗЫ.

Эти белые березы
Хороши.
Хороши.
Где же милый? В сердце слезы
Утиши.
Поспеши.
Или больше он не хочет?
И алмаз
Мой погас?
Вот кукушка мне пророчит
Близкий час.
Смертный час.
Или нет мне поцелуя.
Милый мой!
Милый мой!
Если из лесу пойду я,—
Не домой.
Не домой.
Быть с тобою, или в землю.
Там, в сырой,
Пламень скрой.
Там в могиле, тайну скрою,
Милый мой!
Милый мой!

СРАЗУ.

Ты мне понравилась так сразу оттого,
Что ты так девственно-стыдлива и прекрасна,
Но за стыдливостью, и сдержанно, и страстно,
Коснулось что-то сердца твоего.

В твои глаза взглянув, я вижу в зыбком взоре,
Что страсть была тебе знакома и близка.
Ты легкая волна, играющая в море,
Ты тонкий стебель нежного цветка.

Дыханьем ветерка, в заветное мгновенье,
Нарушена была твоя немая тишь,
Но было так легко его прикосновенье,
Что ты его едва-едва таишь.

Мне все же чудится, что ласки поцелуя
Ты ясно слышала, и знаешь сладость их,
И я, увидя зыбь глубоких глаз твоих,
Тебя люблю, желая и ревнуя.

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ.

Мы говорим на разных языках.
Я свет весны, а ты усталый холод.
Я златоцвет, который вечно молод,
А ты песок на мертвых берегах.

Прекрасна даль вскипающего моря,
Его простор играющий широк.
Но берег мертв. Измыт волной песок.
Свистит, хрустит, с гремучей влагой споря.

А я живу. Как в сказочных веках,
Воздушный сад исполнен аромата.
Поет пчела. Моя душа богата.
Мы говорим на разных языках.

ИГРАЮЩЕЙ В ИГРЫ ЛЮБОВНЫЕ.

Есть поцелуи—как сны свободные,
Блаженно-яркие, до исступления.
Есть поцелуи— как снег холодные.
Есть поцелуи—как оскорбление.

О, поцелуи—насильно данные,
О, поцелуи—во имя мщения!
Какие жгучие, какие странные,
С их вспышкой счастия и отвращения!

Беги же с трепетом от исступленности,
Нет меры снам моим, и нет названия.
Я силен—волею моей влюбленности,
Я силен дерзостью—негодования!

Я ВОЛЬНЫЙ ВЕТЕР.

Я вольный ветер, я вечно вею,
Волную волны, ласкаю ивы,
В ветвях вздыхаю, вздохнув немею,
Лелею травы, лелею нивы.

Весною светлой, как вестник мая,
Целую ландыш, в мечту влюбленный,
И внемлет ветру лазурь немая, —
Я вею, млею, воздушный, сонный.

В любви неверный, расту циклоном,
Взметаю тучи, взрываю Море,
Промчусь в равнинах протяжным стоном
И гром проснется в немом просторе.

Но снова легкий, всегда счастливый,
Нежней, чем фея ласкает фею,
Я льну к деревьям, дышу над нивой,
И, вечно вольный, забвеньем вею.

МЕЖ ПОДВОДНЫХ СТЕБЛЕЙ.

Хорошо меж подводных стеблей!
Бледный свет. Тишина. Глубина.
Мы заметим лиш тень кораблей,
И до нас не доходит волна.

Неподвижные стебли глядят,
Неподвижные стебли растут.
Как спокоен зеленый их взгляд,
Как они бестревожно цветут.

Безглагольно глубокое дно,
Без шуршанья морская трава.
Мы любили когда-то давно,
Мы забыли земные слова.

Самоцветные камни. Песок.
Молчаливые призраки рыб.
Мир страстей и страданий далек.
Хорошо, что я в Море погиб.

ЛЕСТНИЦА ЛЮБВИ.

Только бы встречаться.
Только бы глядеть.
Молча сердцем петь.
Вздрогнуть и признаться.
Вдруг поцеловаться.
Ближе быть, обняться.
Сном одним гореть.
Двум в одно смешаться.
Без конца сливаться.
И не расставаться,—
Вместе умереть.

В МОЕМ САДУ.

В моем саду мерцают розы белые,
Мерцают розы белые и красные,
В моей душе дрожат мечты несмелые,
Стыдливые, но страстные.

Тебя я видел только раз, любимая,
Но только раз мечта с мечтой встречается.
В моей душе любовь непобедимая
Горит и не кончается.

Лицо твое я вижу побледневшее,
Волну волос, как пряди снов согласные,
В глазах твоих признанье потемневшее,
И губы, губы красные.

С тобой познал я только раз, любимая,
То яркое, что счастьем называется.
О, тень моя, бесплотная, но зримая,
Любовь не забывается.

Моя любовь—пьяна, как гроздя спелые,
В моей душе—звучат призывы страстные,
В моем саду—сверкают розы белые
И ярко, ярко-красные.

БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ.

Будем как Солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному, к доброму, к злому
Ярко стремимся мы в сне золотом.
Будем молиться всегда неземному
В нашем хотеньи земном!

Будем как Солнце всегда-молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,
Воздух прозрачный и все золотое.
Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое,
Будь воплощеньем внезапной мечты!
Только не медлить в недвижном покое,
Дальше, еще, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое.
В Вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как Солнце, оно—молодое,
В этом завет Красоты!

ЗАВЕТ БЫТИЯ.

Я спросил у свободного Ветра:
Что мне сделать, чтоб быть молодым.
Мне ответил играющий Ветер:
„Будь воздушным, как ветер, как дым!"

Я спросил у могучего Моря,
В чем великий завет бытия.
Мне ответило звучное Море:
„Будь всегда полнозвучным, как я!"

Я спросил у высокого Солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари.
Ничего не ответило Солнце,
Но душа услыхала: „Гори!"

◆ ◆ ◆

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Мое единое отечество—
Моя пустынная душа.

С людьми скучаю до чрезмерности,
Одно и то же вижу в них.
Желаю случая, неверности,
Влюблен в движение и в стих.

О, как люблю, люблю случайности.
Внезапно взятый поцелуй,
И весь восторг— до сладкой крайности,
И стих, в котором пенье струй.

Я НЕ ЗНАЮ МУДРОСТИ.

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите, плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!

АККОРДЫ

В красоте музыкальности,
Как в недвижной зеркальности,
Я нашел очертания снов,
До меня не рассказанных
Тосковавших и связанных,
Как растенья под глыбою льдов.

Я им дал наслаждение,
Красоту их рождения,
Я разрушил звенящие льды.
И, как гимны неслышные,
Дышат лотосы пышные
Над пространством зеркальной воды.

И в немой музыкальности,
В этой новой зеркальности,
Создает их живой хоровод.
Новый мир, недосказанный,
Но с рассказанным связанный,
В глубине отражающих вод.

ГАРМОНИЯ СЛОВ.

Почему в языке отошедших людей
Были громы певучих страстей?
И намеки на звон всех времен и пиров,
И гармония красочных слов?

Почему в языке современных людей
Стук ссыпаемых в яму костей?
Подражательность слов, точно эхо молвы,
Точно ропот болотный травы?

Потому, что когда, молода и горда,
Между скал возникала вода,
Не боялась она прорываться вперед,
Если станешь пред ней, так убьет.

И убьет, и зальет, и прозрачно бежит,
Только волей своей дорожит.
Так рождается звон для грядущих времен,
Для теперешних бледных племен.

◆ ◆ ◆

Я—изысканность Русской медлительной речи
Предо мною другие поэты—предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.
Я—внезапный излом,
Я—играющий гром,
Я—прозрачный ручей,
Я—для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переклички лесные зеленого мая,
Все пойму, все возьму, у других отнимая.
Вечно-юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я—изысканный стих.

РУЧЕЕК.

Ручеечек, ручеек,
Ты как ниточка идешь.
Под тобой блестит песок,
Весел ты, хоть не глубок,
Ручеечек, ручеек,
Ты уходишь и поешь.

Словно девушка-дитя,
В малом зеркальце твоем,
Кудри в косы заплетя,
Травка смотрится, блестя.
С ней, журчанием шутя,
Ты идешь своим путем.

Вьются пчелы меж стеблей,
Прогудит мохнатый шмель, —
Ты бежишь скорей, скорей.
Вдруг неволя—средь камней.
Вспенясь, звонче, веселей,
Зажурчишь ты: „Мель, мель, мель!“

Нет, не смогут голыши
В мель сложиться ручейку,
В травяной, в лесной глуши,
Он, исполненный души,
Сам себе поет: „Спеши“
И змеится по песку.

Может, он впадет в реку,
С ней до Моря дотечет,
Будет льнуть там к челноку.
Может, он в своем леску
Будет течь под крик: „Ку-ку“,
Что кукушка людям шлет.

Может, к мельнице придет,
Но уж ниточку свою
Он до цели доведет.
Он не медлит, он не ждет.
К колесу, блеснув, польет,
Закрутит свою струю.

Не широк ты, ручеек,
Не глубок ты,—ну так что ж!
Всем—свой разум, всем—свой срок,
Ты прекрасен был, чем мог.
Ручеечек, ручеек,
Ты бежишь и ты поешь.

СНЕЖИНКА.

Светло-пушистая,
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную,
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в безвестную
Страну низринула.

В лучах блистающих
Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
Сохранно-белая.

Под ветром веющим
Дрожит, взметается,
На нем, лелеющем,
Светло качается.

Его качелями
Она утешена,
С его метелями
Крутится бешено.

Но вот кончается
Дорога дальная,
Земли касается
Звезда кристальная.

Лежит пушистая,
Снежинка смелая.
Какая чистая,
Какая белая!

ЗОРЯ-ЗОРЯНИЦА.

Заговор.

Зоря-Зоряница,
Красная Девица,
Красная Девица, полуночница.
Красные губы,
Белые зубы,
Светлые кудри, светлоочница.
Все ли вы, Зори,
В красном уборе,
С кровавыми лентами, рдяными?
Вечно ли крови,
Встари и внови,
Розами быть над туманами?
Зоря-Зоряница,
Красная Девица,
Будь ты моею защитою,
От вражией силы,
Довременной могилы,
И от жизни, тоскою повитою.
По какому наитью
Рудожелтою нитью
Ты иглой золотою, проворною,
Вышиваешь со славой,
Пеленою кровавой,
Свой узор над трясиною черною?
Чудо-девица,
Зоря-Зоряница,
Зоря-Зоряница, прекрасная!
Хочется ласки,
Мягкости в краске.
Будет уж, искрилась красная.
Нить, оборвись,
Кровь, запекись,
Будет нам, уж будет этой алости.
Или ты, Зоря,
Каждый день горя,
Так и не узнаешь нежной жалости?

НАШ ТАНЕЦ.

Наш танец, наш танец — есть дикая пляска,
Смерть и любовь.
Качанье, завязка — шептанье, развязка,
Наш танец, наш танец, когда ж ты устанешь, и будет безмолвие вновь?
Несказанность слов, неизношенность чувства, теченье мгновений без скрипа минут,
Цветов нераскрытость, замкнутые очи, красивость ресниц и отсутствие пут.
Завесы бесшумные бархатной Ночи, бездонность затонов и свежесть глубин,
И тихая, тихая нежность, нежнее, чем стоны свирели и плач мандолин.
Наш танец, наш танец — от края до края, наш зал сновиденный — небесная твердь,
Любовь нас уводит,— о, злая, о, злая!—и манит нас добрая, добрая Смерть.

АГНИ.

Красные кони, красные кони, красные кони — кони мои.
Ярки их гривы, вьются извивы, пламенны взрывы, ржут в забытьи.
Ржут, что есть мочи; дрогнули ночи, конские очи—молнийный свет.
Спят водоемы; будут им громы, рухнут хоромы вышних примет.
Жаркие кони, яркие кони, жаркие кони—кони мои.
Топнут о камень—топнут — и пламень вырос и взвился проворней змеи.
Звонки подковы, златы и новы, пышны покровы красных попон.
В Мире — вещанье, капель жужжанье, резвое ржанье, хохот и стон.
Белый—рождаясь, красный—взметаясь, весь расцвечаясь в пропастях дня,
Я у порога Мрака-Зловрога. Знаешь ты бога? Видишь меня?

ВЕСЕННИЙ КЛИЧ.

(1917, 1 марта, Москва).

Река, ломая зимний лед,
Зальет крутые берега.
Чтоб стали пышными луга,
Весна порвала водомет.
Веселый час, лети вперед!

В ком сердце живо, тот поймет,
Что вся Россия в этот час
Весною вольною зажглась,
И сердце к сердцу пламя льет.
Призывный клич, спеши вперед!

А если есть еще оплот,
Где мощь тюремная туга,
Рука с рукою—на врага,
В нас воля действия поет.
Вперед, душа! И меч, вперед!

РАБОЧИЙ ПОЭТУ.

(1920, 15—28 января).

Ты слишком долго был среди моих врагов,
Ты улыбался им, иль, может быть, их женам,
Когда я слушал звук—не песни, звон оков,
И начинал борьбу, и отступал с уроном.

Ты был на ступенях венчанной высоты,
И лишь по временам сходил в мои подвалы.
Быть может, я могу пропеть себя, как ты,
Но, чтобы песню спеть, нам нужен праздник алый.

Забудь все прошлое и перестрой мечту.
Пусть были хороши дворцы и Пирамиды,
Но их сверкания качали темноту,
Их основание лелеяло обиды.

Я больше не хочу, согнувшись над станком,
Слепить свои глаза; два зеркала такие,
Где зрели чрез века и молния и гром,
И счастья я хочу, коль счастливы другие.

Но я тебя пойму, лишь обратись ко мне
Всей вольностью души, всем заревом хотенья.
Мы косы новые куем в живом огне,
Приди со мной ковать, свежее будет пенье.

В пыланьях пламени мы новый строим дом,
Где каждый—светлый гость при равенстве усилья,
На основании он высится крутом.
Начнем же наш полет,—у нас обоих крылья!

В. ГОФМАН.

У МЕНЯ ДЛЯ ТЕБЯ.

У меня для тебя столько ласковых слов и созвучий.
Их один только я для тебя мог придумать любя.
Их певучей волной, то нежданно крутой, то ползучей,
Хочешь, я заласкаю тебя?

У меня для тебя столько есть прихотливых сравнений —
Но возможно ль твою уловить, хоть мгновенно, красу?
У меня есть причудливый мир серебристых видений—
Хочешь, к ним я тебя унесу?

Видишь, сколько любви в этом нежном, взволнованном взоре?
Я там долго таил, как тебя я любил и люблю.
У меня для тебя поцелуев дрожащее море, —
Хочешь, в нем я тебя утоплю?

1902.

ВДВОЕМ.

Лежу. Забылся. Засыпаю.
Ты надо мною сидишь, любя.
Я не гляжу, но вижу, знаю —
Ты здесь, я чувствую тебя.

Я повернусь — и разговоры
Мы, улыбаясь, поведем,
И наши слившиеся взоры
Блеснут ласкающим огнем.

И ты, ко мне прижавшись нежно,
Моих волос густую прядь
И шаловливо, и небрежно,
И тихо будешь разбирать.

И сев ко мне, на ложе друга,
С лучистой нежностью очей,
Ты будешь петь мне песни юга,
Напевы родины своей.

И утомленно-полусонный
Следить я буду без конца
Волненье груди округленной.
Томленье смуглого лица.

1902.

СЫН ГОРОДА.

Мих. Пантюхову.

Und wenn du lange
in einen Abgrund blickst,
blickt der Abgrund auch
in dich hinein.

Nietzsche.

Пойду к тому, который слышит,
Хотя придавленный в борьбе, —
Который также трудно дышит,
Сын города! пойду к тебе!

Ты весь какой-то бледнолицый,
Учуявший тяжелый груз...
Ты тоже быть мечтаешь птицей,
И с солнцем празднуешь союз!

Но ты уж понял всю победность
Окаменелых этих стен.
И оттого в тебе и бледность,
И ненасытность перемен.

Твои усталые беседы —
Бессильно-мертвенный полет.
Но в них тревожно светят бреды
Предвосхищаемых высот.

Ты обессилен и недужен
В превозмоганьях и борьбе.
И оттого-то ты мне нужен.
Сын города! пойду к тебе!

В КЕЛЬЕ.

Упорный дождь. Пригнулись сосны,
И стонут тонкие стволы.
И меркнет мир, глухой и косный,
В захватах властвующей мглы.

Упорный дождь. Но в тихой келье
Я—затворенный властелин.
И мне покорствует веселье
Моих рассудочных глубин.

Я мир эфиров темно-синий
И неожиданных зарниц,—
Презрел для вычерченных линий,
Умом означенных границ...

Я не пойду в поля и рощи,
Пригнуться к шелестам травы,
Пить беспредельность светлой мощи,
Пить ликованья синевы.

И темный Город, гулкий Город
Я также вольно превозмог,
Где мир разорван и распорот
Зияньем криков и тревог.

Не блеск послушных механизмов,
Не мягкий шелест темных рощ,—
Но цепь упругих силлогизмов,
Ума отчетливая мощь.

Ума упорные усилья
И озарения минут—
Мои восторги и воскрылья,
Меня смущенного влекут!...

И вот, в мерцаньи тихих келий,
Под мглой затянутых небес,
Я—бражник, жаждущий веселий!
Я—схимник, жаждущий чудес!

В ЦЕРКВИ.

Во храме затуманенном мерцающая мгла.
Откуда-то доносятся, гудят колокола.
То частые и звонкие, то точно властный зов,
Удары полновесные больших колоколов.

Торжественны мерцания. Безмолвен старый храм.
Зловеще тени длинные собрались по углам.
Над головами темными молящихся фигур
Покров неверных отсветов и сумрачен и хмур.

И что-то безнадежное нависло тяжело,
Тревожно затуманивши высокое стекло.
И потому так мертвенен убор парчевых риз,
И потому все люди тут угрюмо смотрят вниз.

Есть это безнадежное в безжизненных святых,
В их нимбах желто-дымчатых, когда-то золотых.
И в лицах умоляющих пригнувшихся людей,
И в шляпках этих впившихся, безжалостных гвоздей...

И ты, моя желанная, стоишь здесь в уголке.
И тоненькая свечечка дрожит в твоей руке.
Вся выпрямившись девственно, беспомощно тонка,
Сама ты—точно свечечка с мерцаньем огонька.

О, милая, о, чистая, скажи, зачем ты тут,
Где слышен бледным грешникам зловещий ход минут.
Где все кладут испуганно на грудь свою кресты,
Почуя близость вечности и ужас пустоты.

Где свет едва мерцающий чуть дышит наверху.
Где плачут обреченные давящему греху.
Где прямо и доверчиво стоишь лишь ты одна,
Но тоже побледневшая и вдумчиво-грустна.

Скажи, о чем ты молишься? О чем тебе грустить?
Иль, может, ты почуяла таинственную нить,
Что душу обхватила мне обхватом цепких трав,
С твоею непорочностью мучительно связав.

О, милая, прости меня за мой невольный грех,
За то, что стал задумчивым твой непорочный смех,
Что вся смущаясь внемлешь ты неведомой тоске,
Что тоненькая свечечка дрожит в твоей руке,

Что ближе стали грешники, собравшиеся тут,
Ловящие испуганно зловещий ход минут,
Кладущие безропотно на грудь свою кресты,
Почуя близость вечности и ужас пустоты.

У ОЗАРЕННОГО ОКОНЦА.

Как прежде ярко светит солнце
Среди сквозящих облаков.
Озарено твое оконце
Созвучной радугой цветов.

Скользя по облачкам перистым,
Бежит испуганная тень,
И на лице твоем лучистом—
Изнемогающая лень.

Ах, я в любви своей неволен...
Меж нами—ласковый союз.
Но ты не знаешь, что я болен,
Безумно болен... и таюсь.

Ты вся, как этот свет и солнце,
Как эта ласковая тишь.
У озаренного оконца
Ты озаренная сидишь.

А я тревожен, я бессилен...
Во мне и стук, и свист, и стон.
Ты знаешь город—он так пылен?
Я им на век порабощен.

Ах, я в любви своей не волен...
Меж нами—ласковый союз.
Но ты же знаешь, что я болен,
Безумно болен... и таюсь.

БОЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ.

Я хочу, чтоб прошедшее было забыто.
За собой я огни потушу.
И о том, что погибло, о том, что изжито,
Я тебя никогда не спрошу.

Наше счастье больное. В нем грустная сладость.
Наше счастие надо беречь.
Для чего же тревожить непрочную радость
Так давно ожидаемых встреч.

Мне так больно от жизни. Но как в светлое счастье,
Ты в себя мне поверить позволь.
На груди твоей нежной претворить в сладострастье
Эту тихую, тихую боль.

Пусть не будет огня. Пусть не будет так шумно.
Дай к груди головою прилечь.
Наше счастье больное. Наше счастье безумно.
Наше счастие надо беречь.

1906.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ.

Листья осенние желтого клена,
Кружитесь вы надо мной.
Где же наряд ваш, нежно-зеленый,
Вам подаренный весной?

Брошены вы, как цветы после бала,
Как после пира венки,
Словно поношенный хлам карнавала,
Изодранный весь на куски.

Вы отслужили, и вы уж ненужны,
Презренный, растоптанный сор,
Ваш жаркий багрянец, осенне-недужный,
Мой только радует взор.

Прах позабытый умолкшего пира,
Где разрушено все, разлито,
Листья, вы образ безумного мира,
Где не ценно, не вечно ничто.

Где все мгновенно и все—только средство
В цепи безумий звено,
Где и весна, и светлое детство
Гибели обречено.

Листья, вы будите скорбь без предела
Жаром своей желтизны,
Вы для меня ведь—любимое тело
Так рано умершей весны.

Как же могу я легко, как другие,
Вас растоптавши, пройти,
Желтые листья, листья сухие
На запыленном пути?

1907.

ФЕДОР СОЛОГУБ.

ЧОРТОВЫ КАЧЕЛИ.

В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает чорт качели
Мохнатою рукой.

Качает и смеется.
Вперед, назад,
Вперед, назад.
Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И чорт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
Вперед, назад,
Вперед, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От чорта томный взгляд.

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
— Попался на качели,
Качайся, чорт с тобой. —

В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
— Попался на качели,
Качайся, чорт с тобой. —

Я знаю, чорт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозящий взмах руки.

Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах.
Качай же, чорт, качели,
Все выше, выше... ах!

◆ ◆ ◆

О, смерть! я твой. Повсюду вижу
Одну тебя, — и ненавижу
Очарования земли.
Людские чужды мне восторги,
Сраженья, праздники и торги,
Весь этот шум в земной пыли.

Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, робкой, лживой,
Отринул я издавна власть.
Не мне, обвеянному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мне к ногам ее упасть.

Не мне итти на пир блестящий,
Огнем надменным тяготящий
Мои дремотные глаза,
Когда на них уже упала,
Прозрачней чистого кристалла,
Твоя холодная слеза.

◆ ◆ ◆

Вот у витрины показной
Стоит, любуясь, мальчик бедный.
Какой он худенький и бледный,
И некрасивый, и больной!

Блестят завистливо и жадно
Его широкие глаза.
Порой сверкнет на них слеза,
И он вздыхает безотрадно.

Вот нагляделся он, идет.
Вокруг него шумит столица.
Мечтаний странных вереница
В душе встревоженной растет.

◆ ◆ ◆

Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг?
Зову тебя давно. Бессонными мечтами
Давно замкнулся я в недостижимый круг, —
И только ты один, легчайшими руками
Ты разорвешь его, мой тайный, дальний друг.

Я жду, и жизнь моя темна, как смутный бред,
Толпятся чудища перед заветным кругом,
И мне грозят они, и затмевают свет,
И веют холодом, печалью да испугом.
Мне тяжко без тебя, вся жизнь моя, как бред.

Сгорает день за днем, за ночью тлеет ночь,—
Мерцает впереди непостижимым светом
Гора, куда взойти давно уж мне невмочь.
О, милый, тайный друг, поверь моим обетам,
И посети меня в тоскующую ночь.

◆ ◆ ◆

Где ты делась, несказанная
Тайна жизни, красота?
Где твоя благоуханная,
Чистым светом осиянная,
Радость взоров, нагота?

Хоть бы в дымке сновидения
Ты порой явилась мне,
Хоть бы поступью видения
В краткий час уединения
Проскользнула в тишине!

◆ ◆ ◆

Чиста любовь моя,
Как ясных звезд мерцанье,
Как плеск нагорного ручья,
Как белых роз благоуханье.

Люблю одну тебя,
Неведомая дева,
Невинной страсти не губя
Позором ревности и гнева.

И знаю я, что здесь
Не быть с тобою встрече:
Троя украшенная весь
От здешних темных мест далече.

А мой удел земной —
В томленьях и скитаньях,
И только нежный голос твой
Ко мне доносится в мечтаньях.

◆ ◆ ◆

Из мира чахлой нищеты,
Где жены плакали и дети лепетали,
Я улетал в заоблачные дали
В об'ятьях радостной мечты.
И с дивной высоты надменного полета
Преображал я мир земной,
И он сверкал передо мной,
Как темной ткани позолота.
Потом, разбуженный от грез
Прикосновеньем грубой жизни,
Моей мучительной отчизне
Я неразгаданное нес.

◆ ◆ ◆

Запах асфальта и грохот колес,
Стены, каменья и плиты...
О, если б ветер внезапно донес
Шелест прибрежной ракиты!

Грохот на камнях и ропот в толпе, —
Город не хочет смириться.
О, если б вдруг на далекой тропе
С милою мне очутиться!

Ясные очи младенческих дум
Сердцу открыли бы много.
О, этот грохот, и ропот, и шум,—
Пыльная, злая дорога!

◆ ◆ ◆

Просыпаюсь рано.
Чуть забрежил свет,
Темно от тумана, —
Встать мне или нет?
Нет, вернусь упрямо
В колыбель мою, —
Спой мне, спой мне, мама:
— Баюшки-баю!

Молодость мелькнула,
Радость отнята,
Но меня вернула
В колыбель мечта.
Не придет родная, —
Что ж, и сам спою,
Горе усыпляя:
— Баюшки-баю!

Сердце истомилось.
Как отрадно спать!
Горькое забылось,
Я — дитя опять.
Собираю что-то
В голубом краю,
И поет мне кто-то:
— Баюшки-баю!

Бездыханно, ясно
В голубом краю.
Грезам я бесстрастно
Силы отдаю
Кто-то безмятежный
Душу пьет мою.
Шепчет кто-то нежный:
— Баюшки-баю!

Наступает томный
Пробужденья час.
День грозится темный,
Милый сон погас.
Начала забота
Воркотню свою,
Но мне шепчет кто-то:
— Баюшки-баю!

◆ ◆ ◆

В поле не видно ни зги.
Кто - то зовет:—Помоги!
Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?

Кто-то зовет в тишине:
Брат мой, приблизься ко мне!
Легче вдвоем.
Если не сможем итти,
Вместе умрем на пути,
Вместе умрем!—

◆ ◆ ◆

Келья моя и тесна, и темна.
Только и свету, что свечка одна.

Полночи вещей я жду, чтоб гадания
Снова начать,
И услыхать
Злой моей доли вещания.

Олово, ложка да чаша с водой, —
Все на досчатом столе предо мной.

Олово в ложке над свечкой мерцающей
Я растоплю
И усыплю
Страх, мое сердце смущающий.

Копоть покрыла всю ложку мою,
Талое олово в воду я лью.

Что же пророчит мне олово?
Кто-то стоит
И говорит:
— Взял же ты олова, — злого, тяжелого!

Острые камни усеяли путь,
Меч изостренный вонзился мне в грудь.

◆ ◆ ◆

Над бузумием шумной столицы
В темном небе сияла луна,
И далеких светил вереницы,
Как виденья прекрасного сна.

Но толпа проходила беспечно,
И на звезды никто не глядел,
И союз их, вещающий вечно,
Безответно и праздно горел.

И один лишь скиталец покорный
Подымал к ним глаза от земли,
Но спасти от погибели черной
Их вещанья его не могли.

◆ ◆ ◆

Передрассветный сумрак долог,
И холод утренний жесток.
Заря, заря! раскинь свой полог,
Зажги надеждами восток.

Кто не устал, кто сердцем молод,
Тому легко перенести
Передрассветный долгий холод
В истоме раннего пути.

Но кто сжимает пыльный посох
Сухою старческой рукой,
Тому какая сладость в росах,
Завороженных тишиной!

◆ ◆ ◆

Для чего в этот пасмурный день
Вдохновенье венчало меня?
Только смутная тень
На душе от порочного дня.

И напрасно кипит напряженно мечта, —
Этот мир и суров и нелеп:
Он — немой и таинственный склеп
Над могилой, где скрыта навек красота.

Над могилой лампада горит, —
Но к чему мне ее вопрошающий свет,
Если каменным холодом плит
Умерщвленный кумир мой бездушно одет?

◆ ◆ ◆

На Ойле далекой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.
На Ойле далекой и прекрасной
Песней сладкогласной и согласной
Славит все блаженство бытия.

Там, в сияньи ясного Маира,
Все цветет, все радостно поет.
Там, в сияньи ясного Маира,
В колыханьи светлого эфира,
Мир иной таинственно живет.

Тихий берег синего Лигоя
Весь в цветах нездешней красоты.
Тихий берег синего Лигоя —
Вечный мир блаженства и покоя,
Вечный мир свершившейся мечты.

ЕЛИСАВЕТА.

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Но нет ответа, мне нет ответа
На страстный зов.
В стране далекой Елисавета,
В стране отцов.

Ее могила, ее могила
В краю ином.
Она скончалась. Ее могила —
Ревнивый дом.
Победа смерти не победила
Любви моей.
Сильна могила, ее могила,
Любовь сильней.

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Слова завета, слова завета
Не нам забыть.
С тобою вместе, Елисавата,
Нам надо быть.

Расторгнуть бремя, расторгнуть бремя
Пора пришла.
Земное злое растает бремя,
Как сон, как мгла.
Земное бремя,— пространство, время,—
Мгновенный дым,
Земное, злое расторгнем бремя,
И победим!

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне.
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Тебя я встречу в блистаньи света,
Любовь моя.
Мы будем вместе, Елисавета,
И ты, и я.

◆ ◆ ◆

По тем дорогам, где ходят люди,
В часы раздумья не ходи,—
Весь воздух выпьют людские груди,
Проснется страх в твоей груди.

Оставь селенья, иди далеко,
Или создай пустынный край,
И там безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.

◆ ◆ ◆

То не слезы,— только росы, только дождь.
Не раздумье — только тени темных рощ,
И не радость—только блещет яркий змей,—
Все же плакать и смеяться ты умей!

Плоть и в свете неподвижна и темна,
Над огнями бездыханна, холодна.
В темном мире неживого бытия
Жизнь живая, солнце мира — только Я.

ГИМНЫ РОДИНЕ.

1.

О, Русь! в тоске изнемогая,
Тебе слагаю гимны я.
Милее нет на свете края,
О, родина моя!

Твоих равнин немые дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышат небеса.
Среди болот, в бессильи хилом,
Цветком поникшим и унылым
Восходит бледная краса.

Твои суровые просторы
Томят тоскующие взоры
И души, полные тоской.
Но и в отчаяньи есть сладость.
Тебе, отчизна, стон и радость,
И безнадежность, и покой.

Милее нет на свете края,
О, Русь, о, родина моя.
Тебе, в тоске изнемогая,
Слагаю гимны я.

2.

Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылых приговоров
Я не боюсь и не стыжусь.

И все твои пути мне милы.
И пусть грозит безумный путь
И тьмой, и холодом могилы,—
Я не хочу с него свернуть.

Не заклинаю духа злого,
И, как молитву наизусть,
Твержу все те ж четыре слова:
„Какой простор! Какая грусть!“

3.

Печалью, бессмертной печалью
Родимая дышит страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.

Свобода победы ликует
В чужой лучезарной дали,
Но русское сердце тоскует
Вдали от родимой земли.

В безумных, напрасных томленьях
Томясь, как заклятая тень,
Тоскует о скудных селеньях,
О дыме родных деревень.

◆ ◆ ◆

Люби меня ясно, как любит заря,
Жемчуг рассыпая и смехом горя.
Обрадуй надеждой и легкой мечтой,
И тихо погасни за мглистой чертой.

Люби меня тихо, как любит луна,
Сияя бесстрастно, ясна, холодна.
Волшебством и тайной мой мир освети,—
Помедлим с тобою на темном пути.

Люби меня просто, как любит ручей,
Звеня и целуя, и мой, и ничей.
Прильни и отдайся, и дальше беги.
Разлюбишь, забудешь,—не бойся, не лги.

ЧЕЛНОК.

В прозрачной тьме прохладный воздух дышит.
Вода кругом, но берег недалек.
Вода челнок едва-едва колышет,
И тихо зыблет легкий поплавок.

Я—тот, кто рыбу ночью тихо удит
На озере, обласканном луной.
Мне дрозд поет. С чего распелся? Будит
Его луна? Иль кто-нибудь иной?

Смотрю вокруг. Как весело! Как ясно
И берег, и вода,— луна и мне
Все улыбается, и все прекрасно.
Да уж и мне не спеть ли в тишине?

НА ВОЛГЕ.

Плыву вдоль волжских берегов.
Гляжу в мечтаньях простодушных
На бронзу яркую лесов,
Осенней прихоти послушных.

И тихо шепчет мне мечта:
— Кончая век уже недолгий,
Приди в родимые места,
И догорай над милой Волгой.—

И улыбаюсь я, поэт,
Мечтам, сложивший много песен,
Поэт, которому весь свет
Для песнопения стал тесен.

Скиталец вечный, ныне здесь,
А завтра там, опять бездомный.
Найду ли кров себе и весь,
Где положу мой посох скромный?

ПО ПЕСКАМ ПУСТЫНЬ.

Облака плывут и тают,
Небеса горят, сияют,
Растворяют облака.
Солнце к отдыху стремится.
Ясный свет его струится,
Безнадежный, как тоска.

Темный странник, в край далекий,
И край неведомых святынь,
Прохожу я, одинокий,
По пескам немых пустынь.

И за пыльными столбами
Напряженными глазами
Различаю ту страну,
Где я радостно усну.

◆ ◆ ◆

Зачем любить? Земля не стоит
Любви твоей.
Пройди над ней, как астероид,
Пройди скорей.

Среди холодной атмосферы
На миг блесни,
Яви мгновенный светоч веры
И схорони.

◆ ◆ ◆

Алый мак на желтом стебле—
Папиросный огонек.
Синей змейкою колеблясь,
Поднимается дымок.

Холодея, серый пепел
Осыпается легко.
Мой приют мгновенно-тепел,
И ничто не глубоко.

Жизнь, свивайся легким дымом!
Ничего уже не жаль.
Даль в тумане еле зрима, —
Что надежды! Что печаль!

Все проходит, все отходит,
Развевается, как дым;
И в мечтаньях о свободе,
Улыбаясь, отгорим.

◆ ◆ ◆

Не доживу до светлых дней,
Не обрету тебя, свобода,
И вдохновенного народа
Я не увижу. В мир теней,
Как от пустого сновиденья,
Я перейду без сожаленья
И без тоски. Но все же я
Из темных недр небытия
Хотел бы встать на час единый,
Перед всемирною кончиной
Изведать ясность жития.

◆ ◆ ◆

Самый ясный праздник года —
День, когда несет в народ свобода
Первомайский милый цвет.
Развевающимся ало
Знаменам Интернационала
Утро года шлет привет.

Высоко поднявши знамя,
Проходите дружными рядами
С грозным вызовом судьбе.

Разделение — лукаво.
Лишь в одном свое найдешь ты право,—
В единеньи и борьбе.

17 апреля 1917 г.

◆ ◆ ◆

Народ торжественно хоронит
Ему отдавших жизнь и кровь,
И снова сердце стонет,
И слезы льются вновь.

Но эти слезы сердцу милы,
Как мед гиметских чистых сот.
Над тишиной могилы
Свобода расцветет.

22 марта 1917 г.

◆ ◆ ◆

Есть вдохновенье и любовь
И в этой долго-длимой муке.
Люби трудящиеся руки
И проливаемую кровь.

Из пламени живого слитый,
Мы храм торжественный творим,
И расточается, как дым,
Чертог коснеющего быта.

14 апреля 1915 г.

◆ ◆ ◆

В тени аллей прохлада,
Нарядны господа,
А за оградой сада
Голодная нужда.

Глядит на бойких деток
Мальчишка водонос,
В одну из узких клеток
Решетки всунув нос.

На жесткие каменья
Потом ему итти,
Томления терпенья
В груди своей нести.

Мучительно мне видеть
Неравенство людей,
И горько ненавидеть
И взрослых и детей.

8 июня 1895 г.

◆ ◆ ◆

Небо рдеет.
Тихо веет
Теплый ветерок.
Близ опушки
Без пастушки
Милый пастушок.

Где ж подружка?
Ах! пастушка
Близко, за леском,
Вдоль канавки
В мягкой травке
Бродит босиком.

И овечки
Возле речки
Дремлют на лужку.
Знаю, Лиза
Из каприза
Не идет к дружку.

Вот решился
И спустился
К быстрой речке он.
Ищет тени,
По колени
В струи погружен.

Еле дышит
Лиза, — слышит
Звучный лепет струй.
Друг подкрался
И раздался
Нежный поцелуй.

Славить радость,
Ласки сладость,
Где найду слова?
До заката
Вся измята
Мягкая трава.

28 апреля 1921 г.

◆ ◆ ◆

Тирсис под сенью ив
Мечтает о Нанетте,
И голову склонив,
Выводит на мюзетте:
Любовью я, — тра, та, там, та, — томлюсь.
К могиле я, — тра, та, там, та, — клонюсь.

И эхо меж кустов,
Внимая воплям горя,
Не изменяет слов,
Напевам томным вторя:
Любовью я, — тра, та, там, та, — томлюсь.
К могиле я, — тра, та, там, та, — клонюсь.

И верный пес у ног
Чувствителен к напасти,
И вторит, сколько мог
Усвоить грубой пасти:
Любовью я, — тра, та, там, та, — томлюсь.
К могиле я, — тра, та, там, та, — клонюсь.

Овечки собрались, —
Ах, нежные сердечки! —
И вторить принялись,
Как могут петь овечки:
Любовью я, — тра, та, там, та, — томлюсь.
К могиле я, — тра, та, там, та, — клонюсь.

Едва от грусти жив
Тирсис. Где ты, Нанетта?
Внимайте, кущи ив!
Играй, взывай, мюзетта:
Любовью я, — тра, та, там, та, — томлюсь.
К могиле я, — тра, та, там, та, — клонюсь.

10 июня 1921 г.

З. ГИППИУС

СОНЕТ.

Не страшно мне прикосновенье стали
И острота и холод лезвия.
Но слишком тупо кольца жизни сжали
И, медленные, душат как змея.
Но пусть развеются мои печали,
Им не открою больше сердца я...
Они далекими отныне стали,
Как ты, любовь ненужная моя!

Пусть душит жизнь, но мне уже не душно.
Достигнута последняя ступень.
И, если смерть придет, за ней послушно
Пойду в ее безгорестную тень:
Так осенью, светло и равнодушно,
На бледном небе умирает день.

1894.

БЕССИЛИЕ.

Смотрю на море жадными очами,
К земле прикованный, на берегу...
Стою над пропастью — над небесами,—
И улететь к лазури не могу.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок бог — но не могу молиться,
Хочу любви — и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю,
Я вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю —
И только для нее не знаю слов.

1893.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ.

Мне мило отвлеченное:
Им жизнь я создаю...
Я все уединенное,
Неявное люблю.

Я — раб моих таинственных,
Необычайных снов...
Но для речей единственных
Не знаю здешних слов..

1896.

ИДИ ЗА МНОЙ.

Полуувядших лилий аромат
Мои мечтанья легкие туманит.
Мне лилии о смерти говорят,
О времени, когда меня не станет.

Мир — успокоенной душе моей.
Ничто ее не радует, не ранит.
Не забывай моих последних дней,
Пойми меня, когда меня не станет.

Я знаю, друг, дорога не длинна,
И скоро тело бедное устанет.
Но ведаю: любовь, как смерть, сильна.
Люби меня, когда меня не станет.

Мне чудится таинственный обет...
И, ведаю, он сердца не обманет,—
Забвения тебе в разлуке нет!
Иди за мной, когда меня не станет.

1895.

УЛЫБКА.

Поверьте, нет, меня не соблазнит
Печалей прежних путь давно пройденный.
Увы! душа покорная хранит
Их горький след, ничем не истребленный.

Года идут, но сердце вечно то же.
Ничто для нас не возвратится вновь,
И ныне мне всех радостей дороже
Моя неразделенная любовь.

Ни счастья в ней, ни страха, ни стыда
Куда ведет она меня — не знаю...
И лишь в одном душа моя тверда:
Я изменяюсь, — но не изменяю.

1907.

ТЫ ЛЮБИШЬ?

Был человек. И умер для меня.
И, знаю, вспоминать о нем не надо,
Концу всегда, как смерти, сердце радо,
Концу земной любви — закату дня.

Уснувшего я сберегу покой.
Да будет легкою земля забвенья!
Распались тихо старой цепи звенья...
Но злая жизнь меня свела — с тобой.

Когда бываем мы наедине —
Тот, мертвый, третий — вечно между нами.
Твоими на меня глядит очами
И думает тобою — обо мне.

Увы! в тебе, как и, бывало, в нем,
Не верность — но и не измена...
И слышу страшный, томный запах тлена
В твоих речах, движениях, — во всем.

Безогненного чувства твоего,
Чрез мертвеца в тебе — не принимаю;
И неизменно-строгим сердцем знаю,
Что не люблю тебя, как и его.

1896.

ЛЮБОВЬ — ОДНА.

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь—одна.

Мы негодуем, иль играем,
Иль лжем — но в сердце тишина.
Мы никогда не изменяем:
Душа одна — любовь одна.

Однообразно и пустынно.
Однообразием сильна
Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

Лишь в неизменном — бесконечность,
Лишь в постоянном—глубина.
И дальше путь, и ближе вечность,
И все ясней: любовь одна.

Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа — верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна.

1896.

НЕЛЮБОВЬ.

Как ветер мокрый, ты бьешься в ставни,
Как ветер черный, поешь: ты мой!
Я древний хаос, я друг твой давний,
Твой друг единый,—открой, открой!

Держу я ставни, открыть не смею,
Держусь за ставни и страх таю.
Храню, лелею, храню, жалею
Мой луч последний—любовь мою.

Смеется хаос, зовет безокий:
Умрешь в оковах,—порви, порви!
Ты знаешь счастье, ты одинокий,
В свободе счастье—и в Нелюбви.

Охладевая, творю молитву,
Любви молитву едва творю...
Слабеют руки, кончаю битву,
Слабеют руки... я отворю!

1907.

КАМЕНЬ.

Камень тела давит дух,
Крылья белые, шелестящие,
Думы легкие и творящие...
Давит камень тела — дух.

Камень тела душит плоть,
Радость детскую, с тайной свитую
Ласку быструю и открытую...
Душит камень тела — плоть.

Камню к камню нет путей.
Мы в одной земле — погребенные,
И собой в себе — разделенные...
Нам друг к другу нет путей.

1907.

ДНЕМ.

Я ждал полета и бытия.
Но мертвый ястреб — душа моя.
Как мертвый ястреб, лежит в пыли,
Отдавшись тупо во власть земли.
Разбить не может ее оков.
Тяжелый холод — земной покров.
Тяжелый холод в душе моей,
К земле я никну, сливаюсь с ней.
И оба мертвы, — она и я.
Убитый ястреб — душа моя.

1904.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО.

Две нити вместе свиты,
Концы обнажены.
То „да“ и „нет“,—не слиты,
Не слиты—сплетены.
Их темное сплетенье
И тесно, и мертво.
Но ждет их воскресенье,
И ждут они его.
Концов концы коснутся—
Другие „да“ и „нет“,
И „да“ и „нет“ проснутся,
Сплетенные сольются,
И смерть их будет—Свет.

1901.

НЕПРЕДВИДЕННОЕ.

1913 г.

По слову извечно-сущего
Бессменен поток времен.
Чую лишь ветер грядущего,
Нового мига звон.

С паденьем идет, с победою?
Оливу несет, иль меч?
Лика его я не ведаю,
Знаю лишь ветер встреч.

Летят не здешними птицами
В кольцо бытия, вперед,
Миги с закрытыми лицами...
Как удержу их лет?

И в тесности, в перекрестности,—
Хочу, не хочу ли я –
Черную топь неизвестности
Режет моя ладья.

ПЬЯВКИ.

Там, где заводь тихая, где молчит река,
Липнут пьявки черные к корню тростника.

В страшный час прозрения, на закате дней,
Вижу пьявок, липнущих и к душе моей.

Но душа усталая мертвенно тиха.
Пьявки, пьявки черные жадного греха!

ЧАСЫ СТОЯТ.

Часы остановились. Движенья больше нет.
Стоит, не разгораясь, за окнами рассвет.

На скатерти холодной неубранный прибор,
Как саван белый, складки свисают на ковер.

И в лампе не мерцает блестящая дуга...
Я слушаю молчанье, как слушают врага.

Ничто не изменилось, ничто не отошло;
Но вдруг отяжелело, само в себе вросло.

Ничто не изменилось, с тех пор как умер звук.
Но точно где-то властно сомкнули тайный круг.

И все, чем мы за краткость, за легкость дорожим —
Вдруг сделалось бессмертным, и вечным—и чужим.

Застыло, каменея, как тело мертвеца....
Стремленье — но без воли. Конец — но без конца.

И вечности безглазой беззвучен строй и лад.
Остановилось время. Часы, часы стоят!

1902.

ПАУКИ.

Я в тесной келье — в этом мире.
И келья тесная низка.
А в четырех углах — четыре
Неутомимых паука.

Они ловки, жирны и грязны.
И все плетут, плетут, плетут...
И страшен их однообразный
Непрерывающийся труд.

Они четыре паутины
В одну, огромную, сплели.
Гляжу — шевелятся их спины
В зловонно-сумрачной пыли.

Мои глаза — под паутиной.
Она сера, мягка, липка.
И рады радостью звериной
Четыре толстых паука.

1903.

НЕСКОРБНОМУ УЧИТЕЛЮ.

Иисус, в одежде белой,
Прости печаль мою!
Тебе я дух несмелый
И тяжесть отдаю.
Иисус, детей надежда!
Прости, что я скорблю!
Темна моя одежда,
Но я тебя люблю.

1901.

ВОЗЬМИ МЕНЯ.

Открой мне, боже, открой людей!
Они твои ли, твое ль созданье,
Иль вражьих плевел произрастанье?
Открой мне, боже, открой людей!

Верни мне силу, отдай любовь.
Отдай ночные мои прозренья,
И трепет крыльев, и озаренья...
Отдай мне, боже, мою любовь.

И в час победы—возьми меня.
Возьми, о, жизни моей Властитель,
В твое сиянье, в твою обитель,
В твое забвенье возьми меня!

1904.

К НЕЙ.

О, почему тебя любить
Мне суждено неодолимо?
Ты снишься мне, иль, может быть,
Проходишь где-то близко, мимо,

И шаг твой дымный я ловлю,
Слежу глухие приближенья...
Я холод риз твоих люблю,
Но трепещу прикосновенья.

Теряет бледные листы
Мой сад, тобой завороженный..
В моем саду проходишь ты, —
И я тоскую, как влюбленный.

Яви же грозное лицо!
Пусть разорвется дым покрова!
Хочу, боюсь — и жду я зова...
Войди ко мне. Сомкни кольцо.

1905.

ШУТКА.

Не слушайте меня, не стоит: бедные
Слова я говорю; я — лгу.
И если в сердце знанья есть победные, —
Я от людей их берегу.

Как дети, люди: злые и невинные,
Любя, умеют оскорблять.
Они еще не горные — долинные...
Им надо знать, — но рано знать.

Минуют времена узаконенные...
Заветных сроков ждет душа.
А до времен, молчаньем утомленные,
Мы лжем, скучая и — смеша.

Так и теперь, сплетая речь размерную,
Лишь о ненужностях твержу,
А тайну грозную, последнюю и верную —
Я все равно вам не скажу.

1905.

14 ДЕКАБРЯ.

Ужель прошло — и нет возврата?
В морозный день, заветный час,
Они, на площади Сената,
Тогда сошлися в первый раз.

Идут навстречу упованью,
К ступеням зимнего крыльца..
Под тонкою мундирной тканью
Трепещут жадные сердца.

Своею молодой любовью
Их подвиг режуще-остер,
Но был погашен их же кровью
Освободительный костер.

Минули годы, годы, годы...
А мы все там, где были вы.
Смотрите, первенцы свободы:
Мороз на берегах Невы!

Мы — ваши дети, ваши внуки...
У неоправданных могил,
Мы корчимся все в той же муке,
И с каждым днем все меньше сил.

И в день декабрьской годовщины
Мы тени милые зовем.
Сойдите в смертные долины,
Дыханьем вашим — оживем.

Мы, слабые, — вас не забыли,
Мы восемьдесят страшных лет
Несли, лелеяли, хранили
Ваш ослепительный завет.

И вашими пойдем стопами,
И ваше будем пить вино...
О, если б начатое вами
Свершить нам было суждено!

14 декабря 1909. СПБ.

БЕЗ ОПРАВДАНЬЯ.

М. Г—му.

Нет, никогда не примирюсь.
Верны мои проклятья.
Я не прощу, я не сорвусь
В железные об'ятья.

Как все, пойду, умру, убью,
Как все—себя разрушу,
Но оправданием—свою
Не запятнаю душу.

В последний час, во тьме, в огне,
Пусть сердце не забудет:
Нет оправдания войне!
И никогда не будет.

И если это божья длань—
Кровавая дорога—
Мой дух пойдет и с ним на брань,
Восстанет и на бога.

1915.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ.

ПАМЯТНИК.

Sume superbium...
Horatius.

Мой памятник стоит, из строф созвучных сложен.
Кричите, буйствуйте — его вам не свалить!
Распад певучих слов в грядущем невозможен,—
Я есмь и вечно должен быть.

И станов всех бойцы, и люди разных вкусов,
В каморке бедняка, и во дворце царя,
Ликуя назовут меня — Валерий Брюсов,
О дружбе с дружбой говоря.

В сады Украйны, в шум и яркий сон столицы,
К преддверьям Индии. на берег Иртыша, —
Повсюду долетят горящие страницы,
В которых спит моя душа.

За многих думал я, за всех знал муки страсти.
Но станет ясно всем, что эта песнь — о них,
И, у далеких грез в неодолимой власти,
Прославят гордо каждый стих.

И, в новых звуках, зов проникнет за пределы
Печальной родины, и немец, и француз
Покорно повторят мой стих осиротелый,
Подарок благосклонных Муз.

Что слава наших дней? — случайиая забава!
Что клевета друзей? — презрение хулам!
Венчай мое чело, иных столетий Слава,
Вводя меня в всемирный храм.

Июль. 1912.

ТВОРЧЕСТВО

Тень не созданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски
В звонко-звучной тишине
Вырост́ают, словно блестки
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне.
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень летаний
На эмалевой стене.

1894.

◆ ◆ ◆

Гаснут розовые краски
В бледном отблеске луны;
Замерзают в льдинах сказки
О страданиях весны.
От исхода до завязки
Завернулись в траур сны,
И безмолвием окраски
Их гирлянды сплетены.
Под лучами юной грезы
Не цветут созвучнй розы
На куртинах пустоты,
А сквозь окна снов бессвязных
Не увидят звезд алмазных
Усыпленные мечты.

ЮНОМУ ПОЭТУ.

Юноша бледиый со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый примн: не живи настоящим,
Только грядущее—область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Трети храни: поклоняйся искусству,
Только ему безраздумно, бесцельно.

Юноша бледный со взором смущеиным!
Если ты примешь монх три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

1896.

СОНЕТ К ФОРМЕ.

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев живут потом века
В отточенной и завершенной фразе.

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.

Пускай мой друг, открывши том поэта,
Упьется в нем и прелестью сонета
И буквами спокойной красоты.

1894.

ОТРАДЫ.

Знаю я сладких четыре отрады.
Первая — радость в сознании жнть.
Птицы, и тучи, и призраки — рады,
Рады на миг и для вечности быть.

Радость вторая — в огнях лучезарна!
Строфы поэзин — смысл бытия.
Тютчева песни и думы Верхарна,
Вас, — поклоняясь, — приветствую я.

Третий восторг — то восторг быть любимым:
Ведать бессменно, что ты не один.
Связаны, скованы словом незримым,
Двое летим мы над страхом глубин.

Радость последняя — радость предчувствий,
Знать, что за смертью есть мир бытия.
Сны совершенства! в мечтах и в искусстве
Вас, — поклоняясь, — приветствую я.

Радостей в мире таинственно много,
Сладостна жизнь от конца до конца.
Эти восторги — предвестие бога,
Это — молитва на лоне Отца.

1900

ТЕНИ ПРОШЛОГО.

Осенний скучный день. От долгого дождя
И камни мостовой и стены здаиий серы;
В туман окутаны безжизненные скверы,
Сливаются в одно и небо и земля.

Близка в такие днн волна небытия,
И нет в моей душе ни дерзости ни веры.
Мечте не унестись в живительные сферы,
Несмело, как сквозь сон, стихи слагаю я.

Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встает забытый мнр и дней, и слов, и лиц.
Есть много светлых дум, погибших, погребенных,

Как странно вновь стоять у темных их гробниц
И мертвых заклинать безумными словами!
О, тени прошлого, как властны вы над нами!

1898.

◆ ◆ ◆

Лежу на камне, солнцем разогретом,
И отдаюсь порывам теплым ветра.
Сверкают волны незнакомым светом,
В их звучном плеске нет родного метра.

Смотрю на волны; их неверных линий
Не угадав, смущен их вечной сменой...
Приходят волны к нам из дали синей,
Взлетают в брызгах, умирают пеной.

Кругом сверканье, говор н движенье,
Как будто жизнь, с водой борьба утесов...
Я не пойму, в чем тайный смысл волненья,
А морю не понять моих вопросов.

1898.

◆ ◆ ◆

В борьбе с весной редеет зимний холод.
Сеть проволок свободней и нежней,
Снег, потемневший, сложен в кучи, сколот,
Даль улицы исполнена теней.

Вдали, вблизи — все мне твердит о смене:
И стаи птиц, кружащих над крестом,
И ручеек, звеня, бегущий в пене,
— И женщина с огромным животом.

1900.

◆ ◆ ◆

Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое,
Что месяц, гость небес, заглянет к нам в окно,
Что грохот города нарушит все ночное,
И будет счастье тьмы меж зорь схоронено.

Мне грустно оттого, что завтра ты с другими
Смешаешься в одной вскипающей волне,
И будешь между них, и будешь вместе с ними,
И хоть на краткий миг забудешь обо мне...

О, если б быть одним в высокой, строгой башне,
Где ламп кровавый свет затеплен навсегда,
Где вечно только ночь, как завтра—день вчерашний,
И где-то без конца шумит, шумит вода!

Отторжены от всех, от'яты от вселенной,
Мы были б лишь вдвоем, я — твой, ты — для меня!
Мы были б, как цари над вечностью мгновенной,
И год сменял бы год, как продолженье дня.

1901.

Я.

Мой дух не изнемог во мгле противоречий,
Не обессилел ум в сцепленьях роковых.
Я все мечты люблю, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих.

Я возносил мольбы Астарте и Гекате,
Как жрец, стотельчих жертв сам проливал я кровь,
И после подходил к подножиям распятий
И славил сильную, как смерть, любовь.

Я посещал сады Ликеев, Академий,
На воске отмечал реченья мудрецов;
Как верный ученик, я был ласкаем всеми,
Но сам любил лишь сочетанья слов.

На острове Мечты, где статуи, где песни,
Я исследил пути в огнях и без огней,
То поклонялся тем, что̀ ярче, что̀ телесней,
То трепетал в предчувствии теней.

И странно полюбил я мглу противоречий,
И жадно стал искать сплетений роковых.
Мне сладки все мечты, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих...

1899.

З. Н. ГИППИУС.

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.

Когда же в белом саване
Усну, пускай во сне
Все бездны и все гавани
Чредою снятся мне.

1901.

РАНЬШЕ УТРА.

Я знаю этот свет неумолимо-четкий,
И слишком резкий стук пролетки в тишине,
Пред окнами контор железные решетки,
Пустынность улицы, не дышащей во сне.

Ночь канула в года, свободно и безумно.
Еще горят огни всех вдохновенных сил;
Но свежий утренник мне веет в грудь бесшумно,
Недвижные дома—как тысячи могил.

Там люди-трупы спят, вдвоем и одиноко,
То навзничь, рот открыв, то ниц — на животе.
Но небо надо мной глубоко и высоко,
И даль торжественна в открытой наготе!

Два равных мира есть, две равные стихии:
Мир дня и ночи мир, безумства и ума,
Но тяжки грани их — часы полуночные,
Когда не властен свет и расточилась тьма.

С последним чаяньем, свою мечту ночную
Душа стремится влить в пустые формы дня,
Но тщетно я борюсь и тщетно я колдую:
Ты, день, могучий враг вновь покоришь меня!

1902.

◆ ◆ ◆

Красное небо за окнами тьмится,
Отблеск багровый дает паровоз.
Тихой, вечерней усталостью тьмится
Отблеск недавних восторгов и слез.

Полно, давно ли, дрожа от истомы,
Жадно сжимал я трепещущий труп!
Помню я вздохи и стоны истомы,
Кольца волос и уступчивость губ.

Солнце давно отсверкало и село,
К нам проникая сквозь завес окна...
Словно твое истомленное тело
В окна вагона видна мне луна...

1901.

◆ ◆ ◆

День вечерел. Мы были двое.
Ф. Тютчев.

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи,
Над померкшим старым Кельном
Золотые нимбы света,
В этом храме богомольном—
Взоры нежные твои...

Где-то пели, где-то пели
Песню милой старины.
Звуки, ветром тиховейным
Донесенные, слабели,
И сливались, там, над Рейном,
С робким ропотом волны.

Мы любили! Мы забыли,
Это вечность или час!
Мы тонули в сладкой тайне,
Нам казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
В стройных строфах пел про нас!
1904.

В СКЛЕПЕ.

Ты в гробнице распростерта в миртовом венце.
Я целую лунный отблеск на твоем лице.

Сквозь решетчатые окна виден круг луны.
В ясном небе, как над нами, тайна тишины.

За тобой, у изголовья, венчик влажных роз,
На твоих глазах, как жемчуг, капли прежних слез.

Лунный луч, лаская розы, жемчуг серебрит,
Лунный свет обходит кругом мрамор старых плит.

Что ты видишь, что ты помнишь в непробудном сне?
Тени темные все ниже клонятся ко мне.

Я пришел к тебе в гробницу через черный сад,
У дверей меня лемуры злобно сторожат.

Знаю, знаю, мне не долго быть вдвоем с тобой!
Лунный свет свершает мерно путь свой круговой.

Ты — недвижна, ты прекрасна, в миртовом венце.
Я целую свет небесный на твоем лице.
1905.

БЕССОННИЦА.

Луна стоит над призрачной горой;
Неверным светом залита окрестность;
Ряд кипарисов вытянулся в строй;
Их тени побежали в неизвестность.

Она проснулась и глядит в окно...
Ах, в полночь все странней и идеальней!
Как давит бедра это полотно,
Как мало воздуха в знакомой спальне!

Она молчит, и все молчит вокруг,
Портьеры, дверь, раздвинутые ставни.
И рядом спит ее привычный друг,
Знакомый, преданный, любовник давний.

Он рядом спит. Чернеет борода
И круг кудрей на наволочке белой.
Он равномерно дышит, как всегда;
Под простыней простерто прямо тело.

Луна стоит. Луна ее зовет
В холодные, в свободные пространства.
В окно струится свет, и свет поет
О тайной радости непостоянства.

Встать и бежать... Бежать в лучах луны,
По зелени, росистой, изумрудной,
На выси гор, чтоб сесть в тени сосны,
И плакать, плакать в тишине безлюдной!

Под простыней тревожно дышит грудь,
Мечты влекутся в даль и в неизвестность,
Луна плывет, и льет живую ртуть
На сонную, безмолвную окрестность.

СУМЕРКИ.

Горят электричеством луны
На выгнутых, длинных стеблях;
Звенят телеграфные струны
В незримых и нежных руках;

Круги циферблатов янтарных
Волшебно зажглись над толпой,
И жаждущих плит тротуарных
Коснулся прохладный покой.

Под сетью пленительной-зыбкой
Притих отуманенный сквер,
И вечер целует с улыбкой
В глаза—проходящих гетер.

Как тихие звуки клавира —
Далекие ропоты дня...
О, сумерки! милостью мира
Опять упоите меня!
1906.

КОТОРЫЙ РАЗ.

Опять весна. Знакомый круг
Замкнут—который раз!
И снова зелен вешний луг,
В росе—вечерний час.

Смотрю — как месяц в темный пруд—
В зрачки любимых глаз,
Уста к устам, дрожа, прильнут...
Прильнут — который раз!

И будет миг, как долгий сон,
Качать, баюкать нас.
Я странно счастлив, я влюблен ..
Влюблен! — который раз?

И в стройных строфах вновь мечты
Поют — который раз!
А месяц смотрит с высоты —
Веков холодный глаз.

1907.

ГРУСТНЫЙ ВЕЧЕР.

Грустный сумрак, грустный ветер, шелесты в дубах.
Вспоминает вечер о далеких снах.

Ветер шепчет, шепчет грустно чье-то имя мне.
Звездам бесприютно в черной вышине.

Ты же ветер, гость осенний, все мечты унес.
В сумраке, как тени, образы берез.

Сумрак никнет, душу вяжет, вечер спит, я сплю.
В тишине кто скажет тихое: люблю!

Черен сумрак, ветер умер, умер гул в дубах.
В тишине что думать о погибших снах!

1907.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ.

Октавы.

Не все ль равно, была ль ты мне верна?
И был ли верен я, не все равно ли?
Не нами наша близость решена,
И взоры уклонить у нас нет воли.
Я вновь дрожу, и снова ты бледна,
В предчувствии неотвратимой боли.
Мгновенья с шумом льются, как поток,
И страсть над нами взносит свой клинок.

Кто б нас ни создал, жаждущих друг друга,
Бог или Рок, не все ли нам равно!
Но мы — в черте магического круга,
Заклятие над нами свершено!
Мы клонимся от счастья и испуга,
Мы падаем, — два якоря на дно!
Нет, не случайность, не любовь, не нежность,—
Над нами торжествует—Неизбежность.

1908.

◆ ◆ ◆

Прощаю все,—и то, что ты лгала мне
Губами алыми, дарами долгих ласк,
Что вместо хлеба мне давала камни,
Что на руках цепей я слышал лязг;

И то, что мной целованное тело
Бросала ты лобзаниям других,
И то, что сделать лживым ты хотела
Мой праведный, мой богомольный стих!

Прощаю все, — за то, что были алы
Твои, всечасно лгавшие уста,
Что жгли меня твоих грудей овалы,
Что есть в твоем лице одна черта;

Еще за то, что ласковым названьем
Ты нежила меня, в час темноты;
За то, что всем томленьям, всем страданьям
Меня обречь умела только ты!

◆ ◆ ◆

В полях забытые усадьбы
Свой давний дозирают сон.
И церкви сельские, простые,
Забыли про былые свадьбы,
Про роскошь барских похорон.

Дряхлеют парки вековые
С аллеями душистых лип.
Над прудом, где гниют беседки,
В тиши, в часы вечеровые,
Лишь выпи слышен зыбкий всхлип.

Выходит месяц, нежит ветки
Акаций, нежит робость струй.
Он помнит прошлые затеи,
Шелк, кружева, на косах сетки,
Смех, шопот, быстрый поцелуй.

Теперь все тихо. По аллее
Лишь жаба, волочась, ползет,
Да еж проходит осторожно...
И все бессильней, все грустнее
Сгибаются столбы ворот.

Лишь в бурю, осенью, тревожно
Парк стонет громко, как больной,
Стряхнуть стараясь ужас сонный...
Старик! жить дважды невозможно:
Ты вдруг проснешься, пробужденный
Внезапно взвизгнувшей пилой!

◆ ◆ ◆

Большой дорогой, шоссе открытым,
Широкой шиной вздымая пыль,
Легко несется автомобиль.

Смеемся рощам, дождем омытым,
Смеемся далям, где темен лес,
Смеемся сини живых небес!

Поля, пригорки, луга, долинки,
Внезапно — церковь, изб темный ряд,
Мелькают лица, столбы летят. .

И на подушках мы в лимузинке,
Куря беспечно, бесплодный взор
Бросаем бегло на весь простор....

◆ ◆ ◆

На сухой осине серая ворона,
Поле за оврагом, отдаленный лес,
Серый молочайник у крутого склона,
Мухомор на кочке, вздутый, словно бес.

Грустно, нелюдимо, пусто в мире целом,
Колеи дороги поросли травой,
Только слабо в небе, синевато-белом,
Виден дым далекий, верно, над избой.

Взором утомленным вижу в отдаленьи
Разноцветный веер недожатых нив,
Где-то есть жилище, где-то есть селенье,
Кто-то здесь, в просторах, уцелел и жив...

Или я чужой здесь, в этой дикой шири,
Одинок, как эта птица на суку,
Говорящий странник в молчаливом мире,
В даль полей принесший чуждую тоску?...

◆ ◆ ◆

Как птицы очковой змеей, очарованы,
Поднять мы не смеем измученных рук,
И, двое, железами давними скованы
Мы сносим покорно медлительность мук.

Всегда предо мною улыбка поблекшая
Когда-то горевших, как пурпуром, губ.
Ты никнешь в оковах, сестра изнемогшая,
И я неподвижен, как брошенный труп.

Привстать бы, сорвать бы оковы железные,
И кольца и цепи! и вольными вновь
Бежать в дали синие, в сумерки звездные,
Где ставит алтарь свой меж сосен Любовь!

Со смехом упасть там на мхи потемневшие,
Об'ятья святые, как детям, сплести, —
Забыть эти муки, как сны отлетевшие,
Как камни на прежнем, пройденном пути!

Я знаю, исчезнет тоска нестерпимая
При веянье первом прохлады лесной,
И снова ты станешь былая, любимая,
И я на колени склонюсь пред тобой!

Но воля бессильна, как птица бескрылая,
И залиты руки тяжелым свинцом.
Ты никнешь, в слезах, ненавистная, милая,
В оковах железных мы никнем вдвоем...

ОФЕЛИЯ.

Офелия пела и гибла,
И пела, сплетая венки,
С цветами венками и песней
На дно опустилась реки.
А. Фет.

Ты не сплетала венков Офелии,
В руках не держала свежих цветов;
К окну подбежала, в хмельном веселии,
Раскрывала окно, как на радостный зов!

Внизу суетилась толпа безумная,
Под стуки копыт и свистки авто,
Толпа деловая, нарядная, шумная,
И тебя из толпы не видел никто.

Кому было дело до лика странного,
Высоко, высоко, в чужом окне!
Чего ж ты искала, давно желанного,
Блуждающим взором, внизу, на дне?

Никто головы не поднял, — и с хохотом
Ты кинулась вниз, на пустой гранит.
И что-то упало, с тяжелым грохотом,
Под зовы звонков и под стук копыт.

Метнулась толпа и застыла, жадная,
Вкруг бедного тела, в крови, в пыли...
Но жизнь шумела, все та же, нарядная,
Авто и трамваи летели вдали.

В РЕСТОРАНЕ.

Вспоминаю под жалобы скрипки,
В полусне ресторанных огней,
Ускользающий трепет улыбки —
Полудетской, желанной, твоей.

С тихим вальсом, знакомо печальным,
В темный парк ускользают мечты.
Липы дремлют в наряде венчальном,
И во мгле улыбаешься — ты.

Этот вальс, этот зов, эти звуки —
Возвращает и годы и дни.
Я целую дрожащие руки,
Мы—во сне, мы—в тени, мы—одни.

Вижу вызовы дерзкого взгляда,
Вижу алые губы, как кровь...
Ах, не надо, не надо, не надо,
Душу снова качает любовь.

Неподвижны у стойки лакеи,
Искры брыжжет вино и хрусталь...
Мы идем по вечерней аллее
В непостижно-прозрачную даль.

Все бежалостней жалобы скрипки,
Все безумней взлетают смычки...
Ивы темные нежны и гибки
Над луной потемневшей реки.

ПОДРУГИ.

Три женщины, грязные, пьяные,
Обнявшись, идут и шатаются.
Дрожат колокольни туманные,
Кресты у церквей наклоняются.

Заслышавши речи бессвязные,
На хриплые песни похожие,
Смеются извозчики праздные,
Сторонятся грубо прохожие.

Идут они, грязные, пьяные,
Поют свои песни, ругаются...
И горестно церкви туманные
Пред ними крестами склоняются.
1895.

ПРЕДЧУВСТВИЕ.

В лицо осенний ветер веет. Колос,
Забытый в поле, клонится дрожа.
Меня ведет заросшая межа
Средь озимей. За речкой веер полос.

В воспоминаньях тонкий, черный волос,
Упавший на лицо. Глаза смежа,
Я помню, как мои мечты кружа,
Звенел в тиши негромкий, нежный голос.

Ужели осень? Даль полей пуста.
Последний мотылек над нивой сжатой
Напрасно грезит опьяниться мятой.

Но почему вдыхает май мечта?
И почему все громче, откровенней
О счастьи шепчет вздох глухой, осенний?

НОЧНОЕ ОДИНОЧЕСТВО.

Возвысила ночь свою черную голову,
Созвездьями смотрит на море и сушу,
И, в волны пролитому, яркому олову
Вверяю ночную, бездомную душу,

Мечта моя! челн в беспредельности кинутый!
Качают тебя огне-синие дали.
Заброшены весла, уключины вынуты,
Со скрипом ненужные реи упали.

Не надо руля и косматого паруса!
Прочь, прежние гавани, берег знакомый!
А волны вздымают за ярусом ярусы,
И водные шире и шире об'емы.

Мечта моя! челн в роковой беспредельности!
Ты дышишь соленым дыханием влаги,
Ты счастлив бродячим восторгом бесцельности,
В часы, когда дремлют у пристаней флаги.

Душа моя вверена зыбкому олову,—
До утра той связи святой не нарушу!
А ночь подняла свою черную голову,
Созвездьями смотрит на море и сушу.

ДОЖДЬ В ГОРОДЕ.

Дождь окрасил цветом бурым
Камни старой мостовой.
Город хмур под небом хмурым,
Даль — за серой пеленой.

Как в стекле, в асфальте влажном
Стены, облака и я.
Чу! бежит, с журчаньем важным,
Пенно-желтая струя.

Глухо пусты тротуары,
Каждый дом и нем и глух...
Дождь над миром деет чары,
Дождь заклятья шепчет вслух.

Как черны верхи пролеток,
Лакированных дождем!
— Промелькнули двух кокоток
Шляпы под одним зонтом.

КОНЬ БЛЕД.

И се конь блед и сидящий на нем, имя ему Смерть.
Откровение. VI, 8.

I.

Улица была — как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.

Вывески, вертясь, сверкали переменным оком,
С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и щелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,
Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле—души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.

II.

И внезапно—в эту бурю, в этот адский шопот,
В этот воплотившийся в земные формы бред,
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топот,
Заглушая гулы, говор, грохоты карет.
Показался с поворота всадник огнеликий,
Конь летел стремительно и стал с огнем в глазах.
В воздухе еще дрожали—отголоски, крики,
Но мгновенье было—трепет, взоры были—страх!
Был у всадника в руках развитый длинный свиток,
Огненные буквы возвещали имя: Смерть...
Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,
В высоте над улицей вдруг разгорелась твердь.

III.

И в великом ужасе, скрывая лица,—люди
То бессмысленно взывали: „Горе! с нами бог!“
То, упав на мостовую, бились в общей груде...
Звери морды прятали, в смятеньи, между ног.
Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей,—с восторгом бросилась к коню,
Плача целовала лошадиные копыта,
Руки простирала к огневеющему дню.
Да еще безумный, убежавший из больницы,
Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:
„Люди! Вы ль не узнаете божией десницы!
Сгибнет четверть вас—от моря, глада и меча!“

IV

Но восторг и ужас длились — краткое мгновенье.
Через миг в толпе смятенной не стоял никто:
Набежало с улиц смежных новое движенье,
Было все обычным светом ярко залито.
И никто не мог ответить, в буре многошумной,
Было ль то виденье свыше или сон пустой.
Только женщина из зал веселья, да безумный,
Все стремили руки за исчезнувшей мечтой.
Но и их решительно людские волны смыли,
Как слова ненужные из позабытых строк.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили.
Был неисчерпаем яростный людской поток

1903—1904.

ГОРОДУ.

Паря властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты—чарователь неустанный,
Ты—неслабеющий магнит.

Драконом, хищным и бескрылым,
Засев,- ты стережешь года,
А по твоим железным жилам
Струится газ, бежит вода.

Твоя безмерная утроба
Веков добычей не сыта,—
В ней неумолчно ропщет Злоба,
В ней грозно стонет Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для женщин, для картин, для книг.

Но сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов—орду,
И шлешь вождей на митинг черный:
Безумье, Гордость и Нужду!

И в ночь, когда в хрустальных залах
Хохочет огненный Разврат,
И нежно пенится в бокалах
Мгновений сладострастных яд,—

Ты гнешь рабов угрюмых спины,
Чтоб, исступленны и легки,
Ротационные машины
Ковали острые клинки.

Коварный змей, с волшебным взглядом!
В прыве ярости слепой,
Ты нож, с своим смертельным ядом,
Сам подымаешь над собой.

К МОЕЙ СТРАНЕ.

Моя страна! Ты доказала
И мне и всем, что дух твой жив,
Когда, почуяв в теле жало,
Ты заметалась, застонала,
Вся—исступленье, вся—порыв.

О, страшен был твой недвижимый,
На смерть похожий, черный сон!
Но вдруг пронесся гул Цусимы,
Ты задрожала вся, и мнимый
Мертвец был громом пробужден.

Нет, не позор бесправной доли,
Не зов непризванных вождей,
Но жгучий стыд, но ярость боли
Тебя метнули к новой воле
И дали мощь руке твоей!

И как недужному, сквозь бреды,
Порой мелькают имена,—
Ты вспомнила восторг победы,
И то, о чем сказали деды:
Что ты великой быть—должна!

Пусть ветры вновь оледенили
Разбег апрельский бурных рек:
Их жизнь—во временной могиле,
Мы смеем верить скрытой силе,
Ждать мая, мая в этот век!

1910.

КАМЕНЩИК.

— Каменщик, каменщик, в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?
— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик, с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?
— Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие годы
Кто ж проведет в ней без сна?
— Может быть сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна.

— Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй.
Тех он. кто нес кирпичи!
— Эй, берегись! под лесами не балуй...
Знаем все сами, молчи!

1901.

ГРЯДУЩИЕ ГУННЫ.

Топчи их рай, Аттила.
Вяч. Иванов.

Где вы. грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.

На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

Поставьте. невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколосите веселое поле
На месте тронного зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, —
Вы во всем неповинны, как дети!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы,
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

И что́, под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных творений?

Бесследно все сгибнет, быть может,
Что́ ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

1905.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Протянута лентой бесцветной и плоской,
Прорезала Францию узкой полоской.
Все мертво на ней: ни двора, ни куста;
Местами—два-три деревянных креста,
Местами— развалины прежних строений,
Да трупы, да трупы - тела без движений!

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
И справа и слева, на мили, на мили,—
Валы и окопы ее обтеснили.
С них рушатся гулко, и ночью и днем,
Удары орудий, как сумрачный гром,
И мерно сверкают под эти раскаты
То белые вспышки, то свет розоватый.

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Прошла, разделила две вражеских рати,
И стала дорогой вражды и проклятий.
Сменяются дни; но, настойчиво, вновь
Здесь блещут штыки, разливается кровь,
И слушают люди, сгрудясь в миллионы,
Лязг сабель, свист пуль и предсмертные стоны.

30 ноября 1914. Варшава.

ПИРШЕСТВО ВОЙНЫ.

Война здесь прошла, прокричала
Стальными глотками пушек.
В руке дома изломала,
Как вязку хрустнувших сушек.

Вот там, за сырым перелеском,
Гости Войны сидели,
Она забавляла их блеском
Пускаемых к небу шрапнелей.

Смерть сестру пригласила: „Участвуй“,
Ей сказала, „как старшая, в пире!“
Подавались роскошные яства,
Каких и не видели в мире.

Были вина и хмельны и сладки;
Их похваливал Бой-собутыльник.
Обильные пира остатки
Скрывает теперь чернобыльник.

День и ночь продолжался праздник,
Вкруг, от браги багряной, все смолкло...
Только кто ж из гостей, безобразник,
Перебил в дальних окнах стекла?

Кто, шутник неуместно грубый,
Подпалил под конец чертоги?
И теперь торчат только трубы
Обгорелые, - вдоль дороги.

4 декабря 1914. Брезины—Варшава.

СЕРП И МОЛОТ.

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот.

Мы землю вновь вспоим трудом,
Меч вражий будет вновь расколот:
Не даром мы, блестя серпом,
Взметнули дружно мощный молот.

Но смело, мысль, в такие дни
Лети за грань, в планетный холод.
Вселенский серп сев истин жни,
Толщ тайн дроби, вселенский молот!

Мир долго жил! Довольно лжи!
Как в осень, плод поспелый золот!
В единый сноп, серп, нас вложи.
В единый цоколь скуй нас, молот!

Но вечно светом вешних верб
Дух человека свеж и молод.
Точи для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот.

НАМ ПРОБА.

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба — голод, холод, тьма,
Жизнь вкруг свистит льдяной метелью,
День к дню жмет горло, как тесьма.

Что ж! Ставка — мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет: „Отдохнуть бы!“
Лжец, кто, дрожа, вздохнет: „Нет сил!“

Кто слаб, в работе грозной гибни!
В прах, в кровь топчи любовь свою!
Чем крепче ветр, тем многозыбней
Понт в пристань пронесет ладью.

В час бурн ропот — вопль измены,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань как гранит, влей пламя в вены,
Вдвинь сталь пружин, как сердце, в грудь.

Строг выбор: строй, рази — иль падай!
Нам нужен — воин, кормчий, страж.
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит, тот — не наш!

Гордись, хоть миги жгли б как плети,
Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что, в свете молний, мир столетий
Иных ты, смертный, видеть мог!

К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Все вперед, за грань, за преграды
Алым всадником — мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом встает
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дробишь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков.

Отважный! яростно прянув,
Ты взвил потревоженный прах.
Оседает гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все, и пророк и незоркий,
Глаза обратив на восток,
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке
Видят твой огненный скок.

Там взыграв, там кляня свой жребий,
Встречает в смятеньи земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

ИНВЕКТИВА.

Еще недавно, всего охотней
Вы к новым сказкам клонили лица.
Уэллс, Джек Лондон, Леру и сотни
Других плели вам небылицы.

И вы дрожали, и вы внимали
С испугом радостным, как дети,
Когда пред вами вскрывались дали
Земле назначенных столетий.

Вам были любы—трагизм и гибель,
Иль ужас нового потопа,
И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа?

И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность:
Из круга жизни, из мира прозы
Мы вброшены в невероятность.

Нам слышны громы: то—вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый.

В обломках троны; над жалкой грудой
Народы видят надпись: „бренность!"
И в новых ликах живой причудой
Пред нами реет современность.

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено в дыму и гуле.
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?

Что ж не спешите вы в вихрь событий—
Упиться бурей грозно-странной?
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
Мечта была мила, как дальность,
И только в книгах да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

1919.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ.

ДУХ.

L'Amor che muove il Sole e l'altre stelle.
Dante, Parad. XXXIII.

Над бездной ночи Дух, горя,
Миры водил Любви кормилом;
Мой дух, ширяясь и паря,
Летел во сретенье светилам.

И бездне—бездной отвечал;
И твердь держал безбрежным лоном;
И разгорался, и звучал
С огнеоружным легионом.

Любовь, как атом огневой,
Его в пожар миров метнула;
В нем на себя Она взглянула—
И в Ней узнал он пламень свой.

РУССКИЙ УМ.

Своеначальный, жадный ум,—
Как пламень, русский ум опасен:
Так он неудержим, так ясен,
Так весел он—и так угрюм.

Подобный стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть;
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.

Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.

LA SELVA OSCURA

Nel mezzo del cammin di nostre vita...
Dante.

Все горы, за грядой гряда;
Все черный, старый лес.
Светлеет ночь. Горит звезда
В дали святой небес.

О, дольний мрак! О, дольний лес!
И ты — вдали — одна...
Потир земли, потир небес
Испили мы до дна.

О, крест земли! О, крест небес!
И каждый миг—„прости"!
И вздохи гор, и долго —лес,
И долго—крест нести!

MISSA SOLENNISS, БЕТХОВЕНА.

В дни, когда святые тени
Скрылись дале в небеса,
Где ты внял, надзвездный гений,
Их хвалений голоса?

В дни, как верных хор великий,
Разделенный, изнемог,
Их молитв согласны лики
Где подслушал ты, пророк?

У поры ли ты забвенной,
У грядущей ли исторг
Глас надежды неизменной,
Веры мощь, любви восторг?

Но и в оны веки лира
Псалмопевная царя
Не хвалила Агнца Мира
Столь всевнятно говоря!

Ибо ты в сем громе пирном,
В буре кликов, слез и хвал
Слиться с воинством эфирным
Человечество созвал.

ВЕЧНЫЕ ДАРЫ.

Верь тому, что сердце скажет!
Нет залогов от небес.
Жуковский (по Шиллеру)

По бледным пажитям забвения—
Откуда, странники? куда?..
Святые вейте дуновения!
Гори, невставшая звезда!

Пасомы Целями родимыми,
К ним с трепетом влечемся мы--
И, как под солнцами незримыми,
На встречу им цветем из тьмы.

Беззвучно плещущими Летами
Бог разградил свои миры;
Но сердца вещими приметами
Хранимы вечные дары.

Кто знал тебя, о, челн отчаянья!—
Тому пророчила любовь:
„Я вновь твоя на бреге чаянья—
Тобой угаданная вновь!"

ДОВОЛЬНО!

Satis vixi vel vitae vel gloriae
C. Julius Caesar.

Ты сердцу близко, Солнце вечернее,
Не славой нимба, краше полуденной,
Но тем, что коней огнегривых
К Ночи стремишь в неудержном беге.

„Помедли", молит тучка багряная;
„Помедли", долы молят червленые:
Мир отягчен лучистым златом,
Боготворит твой покой победный.

И горы рдеют, как алтари твои;
И рдеет море влажными розами,
Сретая ко́ней огнегривых:
Ты ж их стремишь в неудержном беге.

И мещешь в мир твой пламя венцов твоих,
И мещешь в мир твой пурпур одежд твоих:
Венец венцов тебе довлеет —
Счастия легкий венец: „Довольно".

НЕПОГОДНАЯ НОЧЬ.

За серооблачными мглами
Блуждает молний тусклый бег
Как птица белая, крылами
Бьет Непогода в темный брег.

Слепит и кажет день мгновенный,
Как в истощенные бразды
Всей хлынут ширью светлопенной
Широкодольные гряды.

Над мо̀лом гребней перекатных
Стоит прибой седым бугром;
И вторит, в реве вод обратных,
Громам пучины горний гром.

МГЛА.

Снежный саван пал на обрывы скал,
И по тернам нагорным—снег.
И в безднах из мглы чуть брезжут валы,
Опеняя незримый брег.

И глубинная мгла до Земли досягла,
И Твердь низошла к Земле.
И, как остров — один меж бездонных пучин —
Она тонет в единой мгле.

Океан и Твердь—как рожденье и смерть;
И Земля—о, горький сон!..
И ветра вой,—и в безднах прибой,—
И по тернам нагорным—стон...

И реет порой, как духов рой,
Стая чаек чрез туман;
И садится на брег, и—как сеяный снег —
На родимый падет Океан.

НА МИГ.

День пурпур царственный дает вершине снежной
На миг: да возвестит божественный восход!
На миг сзывает он из синевы безбрежной
Златистых облаков вечерний хоровод

На миг растит зима цветок снежинки нежной.
И зиждет радуга кристально-яркий свод.
И метеор браздит полнощный небосвод,
И молний пламенник взгорается, мятежный...

И ты, поэт, на миг земле печальной дан!
Но миру дольнему тобою мир явленный
Мы зрели, вечностью мгновенной осиян,—

О, Пушкин! чистый ключ, огнем запечатленный
Мечей, ревнующих к сынам юдольных стран!—
И плачем вечно мы в тоске неутоленной...

ПОД ДРЕВОМ КИПАРИСНЫМ.

Под тем ли под древом кипарисным
Алые цветики расцветали.
„Не прети же Ты, Мати, мне младу
Алые цветики собирати,
Красные веночки сплетати,
Древо кипарисно украшати!"
— „Ты нарви, нарви Матери, Чадо,
Набери Мне семь цветиков алых,
Положи Мне на самое сердце:
Не семь цветиков алых на сердце —
Семь точатся капель алой крови
Из груди, седмижды прободенной".

КРИНИЦА.

Чисты воды ключевые,
Родники — струи живые;
В темном лесе — студенец.
В тихой сенинце прохлада;
Над криницею лампада
Золотит Христов венец.

В райском поле — огородец,
Цвет лазоревый — колодец.
Говорит с душой Христос:
„Наклонися у криницы,
Зачерпни Моей водицы
Полон емкий водонос".

ЛЮБОВЬ.

Мы — два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночного бора;
Мы — два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела!

Мы — два коня, чьи держит удила
Одна рука, — одна язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

Мы — двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почиет Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы — Сфинкс единый оба.
Мы — две руки единого креста.

ПОЭТЫ ДУХА.

Снега, зарей одеты
В пустынях высоты,
Мы — Вечности обеты
В лазури Красоты.

Мы — всплески рдяной пены
Над бледностью морей.
Покинь земные плены,
Воссядь среди царей!

Не мни: мы, в небе тая,
С землей разлучены: —
Ведет тропа святая
В заоблачные сны.

ПРОЗРАЧНОСТЬ.

Прозрачность! купелью кристальной
Ты твердь улегчила — и тонет
Луна в среброзарности сизой.
Прозрачность! ты лунною ризой
Скользнула на влажные лона;
Пленила дыхания мая
И звук отдаленного лая
И призраки тихого звона.
Что полночь в твой сумрак уронит,
В бездонности тонет зеркальной.

Прозрачность! колдуешь ты с солнцем
Сквозной раскаленностью тонкой
Лелея пожар летучий;
Колыша под влагой зыбучей,
Во мгле голубых отдалений,
По мхам малахитным узоры;
Граня снеговерхие горы
Над смутностью дольних селений;
Простор раздражая звонкий
Под дальним осенним солнцем.

Прозрачность! воздушною лаской
Ты спишь на челе Джоконды,
Дыша покрывалом стыдливым.
Прильнула к устам молчаливым —
И вечностью веет случайной;
Таящейся таешь улыбкой,
Порхаешь крылатостью зыбкой,
Бессмертною, двойственной тайной.
Прозрачность! божественной маской
Ты реешь в улыбке Джоконды.

Прозрачность! улыбчивой сказкой
Соделай видения жизни,
Сквозным — покрывало Майи!
Яви нам бледные рай
За листвою кущ осенних;
За радугой легкой — обеты;
Вечерние скорбные светы
За цветом садов весенних!
Прозрачность! божественной маской
Утишь изволения жизни.

ДОЛИНА — ХРАМ.

Звезда зажглась над сизой пеленой
Вечерних гор. Стран утренних вершины
Встают в снегах, убелены луной.
Колокола поют на дне долины.

Отгулы полнсгласны. Мглой дыша,
Тускнеет луг. Священный сумрак веет.
И дольняя звучащая душа,
И тишина высот — благоговеет.

УВЕНЧАННЫЕ.

Мне грезятся тропы
Молитвенных феорий
И смятые нагорий
Священные луга;
И легкие стопы
Пророческих веселий,
Дыханием свирелей
Возвеянные ноги —
За черные пороги
Летящие снега.

Мне грезятся уста
Немого умиленья;
Любви напечатленья,
Неведомой доселъ;
Смарагдиные места
Таинственных радений;
Древа боговидений;
Холмы лобзаний зёмных,
И пламень врат тюремиых,
И боговещий хмель!

Мне грезятся чела,
Венчанные цветами;
Вновь гордые, цветами
Увитые чела;
Святые вновь чела
Прекрасных поколений!
Их сонм — как сонм олений
У струй, в огнях денницы!
Их очи — как зеницы
Воззревшего орла!

ОБНОВЛЕНИЕ.

Вл. Н. Ивановскому.

Братия, едина только вечность,
И в земном не верьте одному!
Множественна дольная конечность.
Дня равна и ночи быстротечность:
Ночь—за днем, но свет сменяет тьму.

Юность — новь; и кто изменчив — молод.
Знайте мед и горечь — умирать!
Вечно жив, в ком вечен жизни голод.
Зверь и змей линяют в жар и холод:
О, учитесь Фениксом сгорать!

Дух себе лишь верный не стареет,
Но, как солнце древнее всех утр,
Неподвижно-юным вечереет.
Диск горит, меж тем как нив не греет
Седины воздушной перламутр.

ПЕСНИ ДАФНИСА.

I.

ЦИКАДЫ.

Цикады, цикады!
Луга палящего,
Кузницы жаркой
Вы ковачи!
Молотобойные,
Скрежетопильные,
Звонко-гремучие
Вы ковачи!
Любят вас Музы:
Пением в узы
Солнечной дрёмы,
Пьяной истомы
Куйте лучи —
В час, когда Дафнис не спит, а Пан грезит под облаком зноя:

Цикады, цикады!
Моря слепящего
Мглы среброзаркой
Плавьте мечи!
Сéребро в знойные
Горны плавильные
Сыпьте в кипучие,
Плавьте в печи!
Сéребро белы:
Куйте мне стрелы
Томных пыланий,
Пьяных желаний,
О, ковачи, —
Под теревинфом смолистым, где сонно раскинулась Хлоя!..

Цикады, цикады!
Полдня калящего,
Кузницы яркой
Вы ковачи!
Молоты стройные,
Скрежеты сильные,
Зноя трескучие
Вы трубачи!
Музам вы любы:
Куйте мне в трубы
Сладостной славы
Сéребра сплавы,
Злата лучи —
Под теревинфом победы, где с Дафнисом — томная Хлоя!

ВИНОГРАДНИК ДИОНИСА.

Виноградник свой обходит, свой первоизбранный, Дионис;
Две жены в одеждах темных — два виноградаря — вслед за ним.
Говорит двум скорбным стражам — двум виноградарям — Дионис:
„Вы берите, Скорбь и Мука, ваш, виноградари, острый нож;
Вы пожните, Скорбь и Мука, мой первоизбранный виноград!
Кровь сберите гроздий рдяных, слезы кистей моих золотых —
Жертву нег в точило скорби, пурпур страданий в точило нег;
Напойте влагой рьяной алых восторгов мой ярый Граль!“

LA LUNA SOMNAMBULA.

Луна течет во сне. О, не дыши — молчи!
Пусть дышат и дрожат и шепчутся лучи,
Пусть ищут и зовут и в дреме легкоперстой,
Как сон, касаются души твоей отверстой.

Спит непробудно мир и лунный ловит сон:
Луна зовет; Луну — зовет Эндимион
Во сне... Пусть соловей один поет разлуку:
Он не разбудит чар; он спит и внемлет звуку.

Полна всечувственным исканьем тишина.
Молчи: в душе дрожит Эолова струна,
Отзывная Луне, — к ней чутко простирает
Прерывный бледный стон, тоскует, замирает...

Как эхо близкое, душа, отлучена,
Таится... Близится, и льнет, и льнет Луна:
И, ей отронута, душа звенит и млеет
И сонный поцелуй, бессонная, лелеет.

ОСЕНЬЮ.

Ал. Н. Чеботаревской.

Рощи холмов, багрецом испещренные,
Синие, хмурые горы вдали...
В желтой глуши на шипы изощренные
Дикие вьются хмели.

Луч кочевой серебром загорается...
Словно в гробу, остывая, Земля
Пышною скорбию солнц убирается...
Стройно дрожат тополя

Ветра порывы... Безмолвия звонкие...
Катится белым забвеньем река...
Ты повилики закинула тонкие
В чуткие сны тростника.

ЛЕБЕДИ.

Лебеди белые кличут и плещутся...
Пруд — как могила, а запад — в пыланиях...
Дрожью предсмертною листья трепещутся, —
Сердце в последних сгорает желаниях!

Краски воздушные, повечерелые
К солнцу в невиданных льнут окрылениях ..
Кличут над сумраком лебеди белые, —
Сердце исходит в последних томлениях!

За мимолетно-отсветными бликами
С жалобой рея пронзенно-уныло͡ю,
В лад я пою с их вечерними кликами —
Лебедь седой над осенней могилою...

ЖЕЛЕЗНАЯ ОСЕНЬ.

Где огневой поры
Червленéц любезный?
О, золотой игры
Конец железный!

Дол потемнел и смур.
Как оружья, ржавы
С холма, где стебель бур,
Я вижу дубравы.

Легли весны бойцы
В сечи бесполезной.
Где хмель и где венцы
На тризне железной?

Как харалужный строй,
Утесов отвесы,
Грозя, мелькнут порой
Из-за хмурой завесы.

ЭПОД.

Лист, глух, истлел. Средь почернелых тростников
Болот могильная вода.
Там смерть живых и там отживших навсегда
В дубовой роще стариков.

Грабитель-ветер ходит в их хоромах, нищ
Их корчей костенеет крик.
По бору сосен перезвон и переклик...
Луч — вспышка дымных пожарищ.

И важны сосны, как на валком корабле
Матросы в чернокосмый шквал.
И ластится, как ворог-муж, свинцовый вал
Со взморья к стынущей земле.

И снег, внезапно, колыбельный, — как покой
Как отдых легкий после бурь!
И тихий свет, в отливах фольги... И лазурь
Играет с черною рекой...

То—там. А здесь—длиннее тень маслин и, срок
Не долог солнц на дне долин.
Мир разноли́к, но час один; и срок один
Нам, чадам дня, отчислил Рок.

НЕДВИЖНОЕ.

Минувшее меркнет и стынет,
Иль светится маревом дальным;
Наплывом пахучим нахлынет,
Напевом домчится печальным.

За островом остров — в туманах:
Там призраки пленные плачут...
За островом остров — в туманах
Нам дали свиданий означат.

Недвижное ждет нас уныло;
И, круг завершая пловучий,
Мы снова, — где встанет, что было, —
Причалим под ивой плакучей.

НА ЧУЖБИНЕ.

Мое томление, светила темной ночи,
Вы видите! В стране родной,
Когда я возводил с земной надеждой очи
На вас, цари судьбы земной?

Житейское оставив попеченье,
О вечном, о достойном вас
Я с вами говорил. А ныне, в заточенье,
Вопрос единый к вам: придет ли воли час?

Гляжу на вас с тоскою суеверной —
И детски жду:
Услышанных молитв увижу ль признак верный—
Падучую звезду?

ЗАГОРЬЕ.

Здесь тихая душа затаена в дубравах
И зыблет колыбель растительного сна;
Льнет лаской золота к волне зеленой льна,
И ленью смольною в медвяных льется травах.

И в грустную лазурь глядит осветлена, —
И медлит день тонуть в сияющих расплавах,
И медлит ворожить на дремлющих купавах
Над отуманенной зеркальностью луна.

Здесь дышится легко, и чается спокойно,
И ясно грезится; и все, что в быстрине
Мятущейся мечты нестрого и не стройно,

Трезвится, умирясь в душевной глубине,
И, как молчальник-лес под лиственною схимої,
Безмолвствует с душой земли моей родимой.

НЕВЕДОМОЕ.

Осень... Чуть солнце над лесом привстанет,
Киноварь вспыхнет, зардеет багрец.
По ветру гарью сладимой потянет...
Светлый проглянет из облак борец:
Озимь живая, хмурая ель —
Стлань парчевая — бурая прель...

Солнце в недолгом бореньи стомится —
Кто-то туманы прядет да прядет,
Бором маячит, болотом дымится,
Логом струится, лугом бредет, —
По перелесьям пугает коня, —
Темным безвестьем мает, стеня...

ОБ-ОН-ПОЛ.

Серебряно-матовым вырезом горы
Об-он--пол обстали озеро мрачное...
В заповедное, родное, прозрачное
Уходят взоры!

На берег, обвеянный смутою хмурой,
Плюют буруны бешеной пеною...
Долго ли ведаться сердцу с изменою
Подо мглой понурой?

Над лугом поблеклым деревья клонимы
Бесснежною вьюгой — зябкие, голые...
Там, в ясных зазубринах,— пурги веселые.
Глубокие зимы!

В ЛЕПОТУ ОБЛЕЧЕСЯ.

М. М. Замятиной.

Как изваянная, висит во сне
С плодами ветвь в саду моем — так низко...
Деревья спят — и грезят? — при луне;
И таинство их жизни — близко, близко...

Пускай недостижимо нам оно,—
Его язык немотный все ж понятен:
Им нашей красотой сказать дано,
Что мы — одно, в кругу лучей и пятен.

И всякой жизни творческая дрожь
В прекрасном обличается обличье;
И мило нам раздельного различье
Общеньем красоты. Ее примножь! —

И будет мир, как этот сад застылый,
Где внемлет все согласной тишине:
И стебль, и цвет Земле послушны милой;
И цвет, и стебль прислушались к Луне.

ОСЕНЬ.

Что́ лист упавший — дар червонный;
Что́ взгляд окрест — багряный стих...
А над парчою похоронной
Так облик смерти ясно-тих.

Так в золотой пыли заката
Отрадно изнывает даль;
И гор согласных так крылата
Голуботусклая печаль.

И месяц белый расцветает
На тверди призрачной — так чист!...
И, как молитва, отлетает
С немых дерев горящий лист...

НЕБО — ВВЕРХУ, НЕБО — ВНИЗУ.

Разверзнет Ночь горящий Макрокосм,—
И явственны небес иерархии.
Чу, Дух поет, и хоровод стихии
Ведут, сплетясь змеями звездных косм.

И Микрокосм в ночи глухой нам внятен:
Мы слышим гул кружащих в нас стихий,—
И лицезрим свой сонм иерархий
От близких солнц до тусклооких пятен.

Есть млечный путь в душе и в небесах;
Есть множество в обеих сих вселенных:
Один глагол двух книг запечатленных

И вес один на двойственных весах.
Есть некий Он в огнях глубин явленных;
Есть некий Я в глубинных чудесах.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ.

Мира день шестой — тогда и ныне,
И не создан человек досель.
День седьмой — в почиющей святыне
Вечного всезрящий хмель,

Избранным дано вкушать мгновенья
От его высоких благостынь:
Но, что́ в небе — вёсен дуновенье,
Долу — осеней полынь.

Исполненья осени победной —
Лишь плоды стесненности долин.
Собирай же свой избыток бедный,
Вертограда властелин!

„Ты богат,"—поет багрец прощальный;
„Ты счастлив,"—поет кристальный луч...
И торопит жизни пир печальный
Свежий гонщик черных туч.

ИЗ ДАЛЕЙ ДАЛЕКИХ.

Л. Ю. Бердяевой.

Пустынно и сладко и жутко в ночи
Свирельная нота, неотступно одна,
Плачет в далях далеких... Заунывно звучи,
Запредельная флейта, голос темного дна!

То Ночь ли томится, или шепчет кровь
(Ах, сердце — темница бессонных ключей!),—
Твой зов прерывный вернул мне вновь
Сивиллинские чары отзвучавших ночей.

Тоскуя, ловил в неземной тишине
Неразгаданный стон мой младенческий слух,
И душа, как сомнамбула, шла в полусне
Чуткой ощупью вслед... И светочь тух...

Море, темное море одно предо мной...
Чу, Сирена ль кличет с далеких камней?...
„Вспомни, вспомни", звучит за глухой волной,—
Берег смытых дней, плач забытых теней".

МОСКВА.

А. М. Ремизову.

Влачась в лазури, облака
Истомой влаги тяжелеют.
Березы никлые белеют,
И низом стелется река.

И Город-марево, далече
Дугой зеркальной обойден, —
Как солнца зарных ста знамен —
Ста жарких глав затеплил свечи.

Зеленой тенью поздний свет,
Текучим золотом играет;
А Град горит и не сгорает,
Червонный зыбля пересвет.

И башен тесною толпою
Маячит, как волшебный стан,
Меж мглой померкнувших полян
И далью тускло-голубою:

Как бы, ключарь мирских чудес,
Всей столпной крепостью заклятий
Замкнул от супротивных ратей
Он некий талисман небес.

СФИНКСЫ НАД НЕВОЙ.

Волшба ли ночи белой приманила
Вас маревом в полон полярных див,
Два зверя-дива из стовратных Фив?
Вас бледная ль Изида полонила?

Какая тайна вам окаменила
Жестоких уст смеющийся извив?
Полночных волн немеркнущий разлив
Вам радостней ли звезд святого Нила?

Так в час, когда томят нас две зари
И шепчутся лучами, деля чары,
И в небесах меняют янтари, —

Как два серпа, под'емля две тиары,
Друг другу в очи — девы иль цари —
Глядите вы, улыбчивы и яры.

КОЛИЗЕЙ.

Как тяжкий гулок свод, и мрак угрюм и густ!..
Вхожу: луна сребрит истлевшие громады.
Как впадины очей потухнувших, аркады
Глядят окрест. Все спит. Простор арены пуст...

И мнится: древний род Неронов и Локуст
Наполнил чуткий мрак... Теснятся мириады.
Незримо-зоркие, на мне лежат их взгляды.
Беззвучный слышен плеск, и клик безгласных уст...

Что жадным трепетом, как в дни кровавых оргий,
Волнует их прилив под бледною луной?
Куда вперен их взор? Чтó движет их восторги?..

На светлом поприще чья тень передо мной?..
Взгляну ль назад, тоской и ужасом об'ятый?..
Крест виден на тени, и на кресте — Распятый...

ЛЕТА.

Страстной чредою крестных вех,
О сердце, был твой путь унылый!
И стал безлирным голос милый,
И бессвирельным юный смех.

И словно тусклые повязки
Мне сделали безбольной боль;
И поздние ненужны ласки
Под ветерком захолмиых воль.

В ночи, чрез терн, меж нами Лета
Прорыла тихое русло,
И медлит благовест рассвета
Так погребально и светло.

ТИХАЯ ВОЛЯ.

О, как тебе к лицу, земля моя, убранства
Свободы хоровой! —
И всенародный серп, и вольные пространства
Запашки трудовой!..

В живой соборности и Равенство и Братство
Звучат святей, свежей, —
Где золотой волной вселенское богатство
Сотрет рубцы межей...

О, как тебе к лицу, земля моя, величье
Смиренное жены,
Кормящей грудию, — и кроткое обличье
Христовой тишины, —

Чтоб у твоих колен семьей детей родимых
Теснились племена...
Баюкай тихо, песнь,—лелей в браздах незримых
Святые семена!

1905.

ЯЗВЫ ГВОЗДИНЫЕ.

Сатана свои крылья раскрыл, Сатана,
Над тобой, о родная страна!
И смеется, носясь над тобой, Сатана,
Что была ты Христовой звана:

„Сколько в лесе листов, сколько в поле крестов:
Сосчитай прогвожденных христов!
И Христос твой — сором: вот идут на погром—
И несут его стяг с топором“...

И ликует, лобзая тебя, Сатана:
Вот, лежишь ты красна и черна;
Что гвоздиные свежие раны — красна,
Что гвоздиные язвы — черна.

1906.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ.

МОИ СЛОВА.

Мон слова — жемчужный водомет,
Средь лунных снов, бесцельный, но вспененный,—
Капризный птицы лет,
Туманом занесенный.

Мои мечты — вздыхающий обман,
Ледник застывших слез, зарей горящий, —
Безумный велнкан,
На карликов свистящий.

Моя любовь — призывно-грустный звон,
Что зазвучит и улетит куда-то, —
Неясно-милый сон,
Уж виданный когда-то.

1901.

СОЛНЦЕ.

Автору „Будем как Солнце".

Солнцем сердце зажжено.
Солнце — к вечному стремительность.
Солнце — вечное окно
В золотую ослепительность.

Роза в золоте кудрей.
Роза нежно колыхается.
В розах золото лучей
Красным жаром разливается.

В сердце бедном много зла
Сожжено и перемолото.
Наши души — зеркала,
Отражающие золото.

1903.

◆ ◆ ◆

Звон вечерний гудит, уносясь
В вышину. Я молчу, я доволен.
Светозарные волны, искрясь,
Зажигают кресты колоколен.

В тучу прячется солнечный диск.
Ярко блещет чуть видный остаток.
Над сверкнувшим крестом дружный визг
Белогрудых счастливых касаток.

Пусть туманна огнистая даль —
Посмотри, как все чисто над нами.
Пронизал голубую эмаль
Огневеющий пурпур снопами.

О, что значат печали мои!
В чистом небе так ясно, так ясно...
Белоснежный кусок кисеи
Загорелся мечтой виннокрасной.

Там касатки кричат, уносясь.
Ах, полет их свободен и волен...
Светозарные волны, искрясь,
Озаряют кресты колоколен.

1902.

В ПОЛЯХ.

Солнца контур старинный,
Золотой, огневой,
Апельсинный и винный
Над червонной рекой.

От воздушного пьянства
Онемела земля.
Золотые пространства,
Золотые поля.

Озаренный лучом, я
Спускаюсь в овраг.
Чернопыльные комья
Замедляют мой шаг.

От всего золотого
К ручейку убегу —
Холод ветра ночного
На зеленом лугу.

Солнца контур старинный,
Золотой, огневой,
Апельсинный и винный
Убежал на покой.

Убежал в неизвестность.
Над полями легла,
Заливая окрестность,
Бледносиняя мгла.

Жизнь в безвременье мчится
Пересохшим ключом:
Все земное нам снится
Утомительным сном.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Мы с тобой молчали, опираясь
На седые мраморные урны.
Тучкой срезан и в волнах купаясь,
Снова падал в Вечность диск пурпурный,

Красных звезд изысканные ткани
Начертав на водных хризолитах,
Озаряя каменные грани
На могильных, мхом одетых плитах.

Кто-то вновь, знакомый, на Пегасе
С песней милой в высях быстро мчался:
В голубом, темнеющем атласе
Снежным облачком, купаясь, расплывался.

Будто арф эоловых стенанья
Прозвучали: это были
Вихревые трепетанья
Золотых, звенящих крылий.

КЛАДБИЩЕ.

Осенне-серый меркнет день.
Вуалью синей сходит тень.
Среди могил, где все — обман,
Вздыхая, стелется туман.
Береза желтый лист стряхнет.
В часовне огонек блеснет.
Часовня заперта. С тоской
Там ходит житель гробовой.
И в стекла красные глядит,
И в стекла красные стучит.

Умерший друг, сойди ко мне:
Мы помечтаем при луне,
Пока не станет холодна
Кровавокрасная луна.

В часовне житель гробовой
К стеклу прижался головой...
Кровавокрасная луна
Уже печальна и бледна...

ОЖИДАНИЕ.

Посв. С. М. Соловьеву.

Как невозвратная мечта,
Сверкает золото листа.

Душа полна знакомых дум.
Меж облетающих аллей
Призывно-грустный, тихий шум
О близости священных дней.

Восток печальный мглой об'ят.
Над лесом, полные мечты,
Благословенные персты
Знакомым заревом стоят.

Туманный, краснозолотой
На нас блеснул вечерний луч
Безмирно-огненной струей
Из-за осенних, низких туч.

Душе опять чего-то жаль.
Сырым туманом сходит ночь.
Багрянный клен, кивая вдаль,
С тоской отсюда рвется прочь.

И снова шум среди аллей
О близости священных дней.

1901.

НА ЗАКАТЕ.

Бледно-красный, весенний закат догорел.
Искрометной росою блистала трава.
На тебя я так грустно смотрел.
Говорил неземные слова.

Замерла ты, уйдя в бесконечный простор.
Я все понял. Я знал, что расстанемся мы.
Мне казалось — твой тающий взор
Видел призрак далекой зимы.

Замолчала... А там степь цвела красотой.
Все, синея, сливалось с лазурью вдали.
Вдоль заката тоскливой мечтой
Догоревшие тучки легли.

Ты, вставая, сказала мне: „Призрак... обман...“
Я поник головой. Навсегда замолчал.
И холодный, вечерний туман
Над сырыми лугами вставал.

Ты ушла от меня. Между нами года.
Нас с тобой навсегда разлучили они.
Почему же тебя, как тогда,
Я люблю в эти серые дни?

1901.

ОБ'ЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ.

Посвящается дорогой матери.

Сияет роса на листочках.
И солнце над прудом горит.
Красавица с мушкой на щечках,
Как пышная роза, сидит.

Любезная сердцу картина!
Вся в белых, сквозных кружевах
Мечтает под звук клавесина...
Горит в золотистых лучах

Под вешнею лаской фортуны
И хмелью обвитый карниз,
И стены. Прекрасный и юный
Пред нею склонился маркиз

В привычно-заученной роли,
В волнисто-седом парике,
В лазурно-атласном камзоле,
С малиновой розой в руке.

„Я вас обожаю, кузина!
„Извольте цветок сей принять“...
Смеются под звук клавесина
И хочет кузину обнять.

Уже вдоль газонов росистых
Туман бледно-белый ползет.
В волнах фиолетово-мглистых
Луна золотая плывет.

1903.

ПРОМЕНАД.

Красотка летит вдоль аллеи
В карете своей золоченой.
Стоят на запятках лакеи
В чулках и в ливрее зеленой.

На кружевах бархатной робы
Все ценные камни сияют.
И знатные очень особы
Пред ней треуголку снимают.

Карета запряжена цугом...
У лошади в челке эгрэтка.
В карете испытанным другом
С ней рядом уселась левретка.

На лошади взмыленно-снежной
Красавец наездник промчался;
Он, ветку акации нежной
Сорвав на скаку, улыбался.

Стрельнул в нее взором нескромно...
В час тайно условленной встречи,
Напудренно-бледный и томный, —
Шепнул ей любовные речи...

В восторге сидит онемелом...
Карета на запад катится...
На фоне небес бледно-белом
Светящийся пурпур струится.

Ей грезится жар поцелуя...
Вдали очертаньем неясным
Стоит неподвижно статуя,
Охвачена заревом красным.

ДРУЗЬЯМ.

Н. И. Петровской.

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

Не смейтесь над мертвым поэтом,
Снесите ему венок.
На кресте и зимой, и летом
Мой фарфоровый бьется венок.

Цветы на нем побиты.
Образок полинял.
Тяжелые плиты!
Жду, чтоб их кто-нибудь снял.

Любил только звон колокольный
И закат.
Отчего мне так больно, больно!
Я не виноват.

Пожалейте, придите;
На встречу венком метнусь.
О, любите меня, полюбите —
Я, быть может, не умер, быть может, проснусь—

Вернусь...

1907. Париж.

ОТЧАЯНЬЕ.

Бегу. Хрустит веселый лед.
Но сердце — сердце льдяный слиток.
Ночная вьюга пусть ревет,
Пусть развернет свой бледный свиток.

Двойник мой гонится за мной.
Он на заборе промелькает,
Скользнет по хладной мостовой
И, удлинившись, вдруг истает.

Душа, смирись! Молчи! Замри!
Слепят глаза сырые хлопья.
Вонзают в небо фонари
Лучей наточенные копья.

Вперед! Вперед! Погибших дней
Осталась песня недопета.
И пляшут газовых огней
На скользких плитах брызги света.

НА УЛИЦЕ.

Произительный хохот пролетки
На мерзлой гремит мостовой.
Прижался к железной решетке,
Прижался — поник головой.

Уж вихри в нахмуренной тверди
Волокна ненастные вьют.
И клены в чугунные жерди
Багряными листьями бьют.

На серый, бесчувственный камень,
Лишь стужей октябрьской пахнет,
Кустарник червонный свой пламень,
Как слезы застывшие, льет.

Сшибаются, пляшут, закрыли
Окрестности с воплем мольбы —
Холодной, отравленной пыли
Взлетают сухие столбы.

Сквозь пыльные, желтые клубы
Бегу, распустивши свой зонт.
И дымом фабричные трубы
Плюют в огневой горизонт.

МЕЛАНХОЛИЯ.

Глухая ночь, но в ресторан
Идут разряженные феи.
Блистает зал. Поет орган.
Стоят надменные лакеи.

Средь ярких комнат я, как тень,
Брожу в волокнах дымной сети.
Уж скоро, скоро белый день
Ударит светом в окна эти,

Пересечет перстами гарь,
На зеркалах блеснет алмазом.
Еще темно. В окне фонарь
Глядит из мрака желтым глазом.

Глухая ночь. И все ушли.
Погасла лампа. Запах гари.
Над головой — вдали, вдали
Звучат обрывки страстных арий.

Я отдохну. Я жил в тоске,
Ночной души не обнаружив.
И вот скользят на потолке
Огни гирляндой бледных кружев.

Остановились. И на миг
Все озарилось странным светом.
И вижу, — в зеркале двойник
Стоит застывшим силуэтом.

ОТЧАЯНЬЕ.

З. Н. Гиппиус.

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространства пади и разбейся
За годом мучительный год.

Века нищеты и безволья!
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: —

Туда, на равнине горбатой,
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой под'ятой
В косматый свинец облаков,—

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И в ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков,—

Туда, где смертей и болезней
Лихая прошла колея,—
Исчезни в пространство, исчезни
Россия, Россия моя!

1908.

НА РЕЛЬСАХ.

Кублицкой-Пиоттух.

Вот ночь своей грудью прильнула
К семье облетевших кустов.
Во мраке ночном утонула
Там сеть телеграфных столбов.

Застыла холодная лужа
В размытых краях колеи.
Целует октябрьская стужа
Обмерзшие пальцы мои.

Привязанность, молодость, дружба
Промчались — развеялись сном.
Один... Многолетняя служба
Мне душу сдавила ярмом.

Ужели я в жалобах слезных
Ненужный свой век проволочу?
Улегся на рельсах железных,
Затих: притаился — молчу.

Зажмурил глаза, но слезою —
Слезой увлажнился мой взор.
И вижу: зеленой иглою
Пространство сечет семафор.

Блеснул огонек, еле зримый,
Протяжно гудит паровоз.
Взлетают косматые дымы
Над купами чахлых берез.

1904. Москва.

ПУТЬ.

Измерили верные ноги
Пространств разбежавшихся вид.
По твердой, как камень, дороге
Гремит таратайка, гремит.

Звонит колоколец невнятно.
Я болен — я нищ — я ослаб.
Колеблются яркие пятна
Вон там разоравшихся баб.

Меж копен озимого хлеба,
На пыльный, оранжевый клен
Слетела из синего неба
Чета ошалелых ворон.

Под кровлю взойти да поспать бы,
Да сутки поспать бы сподряд.
Но в далях деревни, усадьбы
Стеклом искрометным грозят.

Чтоб бранью сухой не встречали,
Жилье огибаю, как трус,
И дале, и дале, и дале
Вдоль пыльной дороги влекусь.

1906. Дедово.

ВЕСЕЛЬЕ НА РУСИ.

Как несли за флягой флягу —
Пили огненную влагу.

Д'накачался —
Я.
Д'наплясался —
Я.

Дьякон, писарь, поп, дьячек
Повалили на лужок.

Эх!
Людям — грех.
Эх — курам смех!

Трепаком-паком размашисто пошли: —
Трепаком, душа, — ходи-валяй-вали:

Трепака да на лугах,
Да на межах, да во лесах —

Да обрабатывай!

По дороге ноги-ноженьки туды-сюды пошли,
По дороженьке вали-вали-вали —

Да притопатывай!

Что там думать, что там ждать:
Дунуть, плюнуть — наплевать:

Наплевать да растоптать:
Веселиться, пить, да жрать.

Гомилетика, каноника —
Раздувай-дува-дувай, моя гармоника!

Дьякон пляшет
— Дьякон, дьякон —
Рясой машет
— Дьякон, дьякон...
Что такое
— Дьякон, дьякон —
Что такое, дьякон, смерть?

— „Что такое? То и это:
Носом — в лужу, пяткой — в твердь"...

. . . .

Раскидалась в ветре, — пляшет —
Полевая жердь:

Веткой хлопающей машет
Прямо в твердь.

Бирюзовою волною
Нежит твердь.

Над страной моей родною
Встала Смерть.

1906. Сер. Колодезь.

ТЕЛЕГРАФИСТ.

С. Н. Величкину.

Окрестность леденеет
Туманным октябрем.
Прокружится, провеет
И ляжет под окном,—

И виовь взметнуться хочет
Большой кленовый лист.
Депешами стрекочет
В окне телеграфист.

Служебный лист исчертит.
Рукамн колесо
Докучливое вертит,
А в мыслях — то и се.

Жена болеет боком,
А тут — не спишь, не ешь,
Прикованный потоком
Летающих депеш.

В окне кустарник малый.
Окинет беглый взгляд —
Протянутые шпалы
В один тоскливый ряд,

Вагон, тюки, брезенты,
Да гаснущий закат...
Выкидывает ленты,
Стрекочет аппарат.

В лесу сыром, далеком
Теряются пески,
И еле видным оком
Мерцают огоньки.

Там путь пространства чертит...
Руками колесо
Докучливое вертит;
А в мыслях — то и се.

Детишки бьются в школе
Без книжек (где их взять!):
С семьей прожить легко ли
Рублей на двадцать пять:—

На двадцать пять целковых—
Одежа, стол, жилье.
В краях сырых, суровых
Тянись, житье мое!—

Вновь дали мерит взором:—
Сырой, осенний дым
Над гаснущим простором
Пылит дождем седым.

У рельс лениво всхлипнул
Дугою коренник,
И что-то в ветер крикнул
Испуганный ямщик.

Поставил в ночь над склоном
Шлагбаум пестрый шест:
Ямщик ударил звоном
В простор окрестных мест.

Багрянцем клен промоет—
Промоет у окна.
Домой бы! Дома ноет,
Без дел сидит жена,—

В который раз, в который,
С надутым животом!...
Домой бы! Поезд скорый
В полях вопит свистком;

Клокочут светом окна—
И искр мгновенный сноп
Сквозь дымные волокна
Ударил блеском в лоб.

Гремя, прошли вагоны.
И им пропел рожок.
Зеленый там, зеленый,
На рельсах огонек....—

Стоит он на платформе,
Склонясь во мрак ночной,—
Один, в потертой форме,
Под стужей ледяной!

Слезою взор туманит.
В костях озябших — лом.
А дождик барабанит
Над мокрым козырьком.

Идет (приподнял ворот)
К дежурству — изнемочь.
Вдали уездный город
Кидает светом в ночь.

Всю ночь над аппаратом
Он пальцем в клавишь бьет.
Картонным циферблатом
Стенник ему кивнет.

С речного косогора
В густой, в холодный мрак
Он видит — семафора
Взлетает красный знак.

Вздыхая, спину клонит;
Зевая над листом,
В небытие утонет,
Затянет вечным сном.

Пространство, время, бога
И жизнь, и жизни цель—
Железная дорога,
Холодная постель.

Бессмыслица дневная
Сменяется иной—
Бессмыслица дневная
Бессмыслицей ночной.

Листвою желтой, блеклой,
Слезливой, мертвой мглой
Постукивает в стекла
Октябрьский дождик злой.

Лишь там на водокачке
Моргает фонарек.
Лишь там в сосновой дачке
Рыдает голосок.

В кисейно-нежной шали
Девица средних лет
Выводит на рояли
Чувствительный куплет.

1906 — 1908. Сер. Колодезь.

ПОЭТ.

Ты одинок. И правишь бег
Лишь ты один — могуч и молод—
В косматый дым, в атласный снег
Принять вершин священный холод.

В горах натянутый ручей
Своей струею серебристой
Поет — тебе: и ты — ничей—
На нас глядишь из тучи мглистой.

Орел вознесся в звездный день
И там парит, оцепенелый.
Твоя распластанная тень
Сечет ледник зеркально-белый.

Закинутый самой судьбой
Над искристым и льдистым пиком,
Ты солнце на старинный бой
Зовешь протяжным, вольным криком.

Полудень: стой — не оборвись,
Когда слетит туманов лопасть,
Когда обрывистая высь
Разверзнет под тобою пропасть.

Но в море золотого льда
Падет бесследно солнце злое.
Промчатся быстрые года
И канут в небо голубое.

1904. Москва.

УКОР.

Кротко крадешься креповым трэном,
Растянувшись, как дым, вдоль паркета;
Снеговым, неживым манекеном,
Вся в муар серебристый одета.

Там народ мой — без крова; суровый
Мой народ в униженье и плене.
Тяжелит тебя взор мой свинцовый.
Тонешь ты в дорогом валансьене.

Я в полях надышался свинцами.
Ты — кисейным, заоблачным мифом
Пропылишь мне на грудь кружевами,
Изгибаясь стеклярусным лифом.

Или душу убил этот грохот?
Ты молчишь, легкий локон свивая.
Как фонтан, прорыдает твой хохот,
Жемчуговую грудь изрывая.

Ручек матовый мрамор муаром
Задымишь, запылишь. Ты не слышишь?
Мне в лицо ароматным угаром
Веер бледнопуховый всколышешь.

Сер. Колодезь.

УТРО.

Рой отблесков. Утро: Опять я свободен и волен.
Открой занавески: в алмазах, в огне, в янтаре
Кресты колоколен. Я болен? О, нет—я не болен,
Воздетые руки горе на одре — в серебре.

Там в пурпуре зори, там бури—и в пурпуре бури.
Внемлите, ловите: воскрес я — глядите: воскрес.
Мой гроб уплывет — золотой в золотые лазури.
Поймали, свалили; на лоб положили компресс.

1907. Москва.

НОЧЬ.

Сергею Соловьеву.

Как минул вешний пыл, так минул страстный зной.
Вотще покоя ждал: покой еще не найден.
Из дома загремел гульливою волной,
Волной разымчивой летящий к высям Гайден.

Презрительной судьбой обидно уязвлен,
Надменно затаишь. На тусклой, никлой, блеклой
Траве гуляет ветр; протяжным вздохом он
Ударит в медных хат мрачнеющие стекла.

Какая тишина! Как просто все вокруг!
Какие скудные, безогненные зори!
Как все, прейдешь и ты, мой друг, мой бедный друг.
К чему ж опять в душе кипит волнений море?

Пролейся, лейся дождь! Мятись, суровый бор!
Древес прельстительных прельстительно вздыханье.
И дольше говорит и ночи скромный взор,
И ветра дальний глас, и тихое страданье.

1907. Петровское.

РАЗУВЕРЕНЬЕ.

Муни.

Как нам уйти от терпких этих болей?
Куда нести покой разуверенья?
Душе еще моей — доколь, доколе
Холодных дум холодные волненья?

Душа горит и плачет невозбранно;
Земля — мертва: пройдут и не ответят.
Но — там, смотри: там, где заря, — туманно.
Там, где заря, — иные земли светят...

Тому не верь, чем яснятся те земли.
Ни щедрости, ни пышной благостыне.
Ты здесь пребудь до века: здесь отныне
Ты покорись, душа: ты долгий мрак приемли.

Да будет он! И в ночь склонись послушно
У тихого бассейна. Час настанет:—
И водомет своей струей воздушно,
Струей своей, как некий призрак, встанет.

Бесследна жизнь. Несбыточны волненья.
Ты — искони в краю чужом, далеком...
Безвременную боль разуверенья
Безвременье замоет слезным током.

1907. Москва.

„ДА НЕ В СУД ИЛИ ВО ОСУЖДЕНИЕ"...

Как пережить и как оплакать мне
Бесценных дней бесценную потерю?

Но всходит ветр в воздушной вышине.
Я знаю все. Я промолчу. Я верю.

Душа: в душе весной весна...
Весной весна,—и чем весну измерю?

Чем отзовусь, когда придет она?
Я промолчу — не отзовусь... Но верю.

Не оскорбляй моих последних лет.
Прейдя, в веках обиду я измерю.

Я промолчу. Я не скажу — нет, нет.
Суров мой суд. Как мне сказать: „Не верю"?

Текут века в воздушной вышине.
Весы твоих судеб вознес, — и верю.

Как пережить и как оплакать мне
Бесценных дней бесценную потерю?

1907. Москва.

БУРЯ.

Безбурный царь! Как встарь, в лазури бури токи:
В лазури бури свист и ветра свист несет,
Несет, метет и вьет свинцовый прах, далекий,
Прогонит, гонит вновь; и вновь метет и вьет.

Воскрес: сквозь сень древес—я зрю—очес мерцанье:
Твоих, твоих очес сквозь чахлые кусты.
Твой бледный, хладный лик, твое возликованье
Мертвы для них, как мертв для них воскресший: ты.

Ответишь ветру—чем? как в тени туч свинцовых
Вскипят кусты? Ты—там: кругом—ночная ярь.
И ныне, как и в старь, восход лучей багровых.
В пустыне ныне ты: и ныне, как и встарь.

Безбурный царь! Как встарь, в лазури бури токи,
В лазури бури свист и ветра свист несет—
Несет, метет и вьет свинцовый прах, далекий:
Прогонит, гонит вновь. И вновь метет и вьет.

1908, Москва.

НОЧЬЮ НА КЛАДБИЩЕ.

Кладбищенский убогий сад
И зеленеющие кочки.
Над памятниками дрожат
Потрескивают огонечки.

Над зарослями из дерев,
Проплакавши колоколами,
Храм яснится, оцепенев
В ночь вырезанными крестами.

Серебряные тополя
Колеблются из-за ограды,
Разметывая на поля
Бушующие листопады.

В колеблющемся серебре
Бесшумное возникновенье
Взлетающих нетопырей,—
Их жалобное шелестенье.

О, сердце тихое мое,
Сожженное в полдневном зное,—
Ты погружаешься в родное,
В холодное небытие.

1908. Москва.

АСЕ.

Едва яснеют огоньки.
Мутнеют склоны, долы, дали.
Висят далекие дымки,
Как безглагольные печали.

Из синей тьмы летит порыв...
Полыни плещут при дороге.
На тучах — глыбах грозовых—
Летуче блещут огнероги.

Невыразимое — нежней...
Неотразимое — упорней...
Невыразимы беги дней,
Неотразимы смерти корни.

В горючей радости ночей
Ключи ее упорней бьются:
К кипучей сладости очей
Мерцаньем маревным мятутся.

Благословенны: — жизни ток,
И стылость смерти непреложной,
И — зеленеющий листок,
И — ветхий корень придорожный.

ВОЙНА.

Разорвалось затишье грозовое.
Взлетает в высь громовый вопль племен.
Закручено все близкое, родное,
Как столб песков вдали иных времен.

А я?.. А я?.. Былое—без ответа...
Но где оно? И нет его... Ужель?..
Невыразимые, зовут иных земель
Там волны набегающего света.

РОДИНЕ.

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия—
Безумствуй, сжигая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины,—
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

Не плачьте: склоните колени
Туда — в ураганы огней,
В грома серафических пений
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез—
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро,—
Кипи фосфорически бурно
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия—
Мессия грядущего дня!

РОДИНЕ.

В годины праздных испытаний,
В годины мертвой суеты—
Затверденей алмазом брани
В перегоревших углях — ты.

Восстань в сердцах, сердца исполни!
Произростай наш край родной
Неопалимой блеском молний,
Неодолимой купиной.

Из моря слез, из моря муки
Судьба твоя — видна, ясна:
Ты простираешь ввысь, как руки,
Свои святые пламена —

Туда,—в развалы грозной эры,
И в визг космических стихий,—
Туда, — в светлеющие сферы,
В грома летящих иерархий.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Мы—ослепленные, пока в душе не вскроем
Иных миров знакомое зерно.
В моей груди отражено оно.
И вот—зажгло знакомым, грозным зноем.

И вспыхнула, и осветилась мгла.
Все вспомнилось — не поднялось вопроса:
В какие-то кипящие колеса
Душа моя, расплавясь, протекла.

1914. Арлесгейм.

АНТРОПОСОФИИ.

Твой ясный взгляд, я в нем себя ловлю,—
В нем необ'емлемое вновь об'емлю:
Себя, отображенного — люблю,
Себя, отображенного — приемлю.

Твой ясный взгляд: с ним утопаю я,
Исполненный покоя и блаженства,—
В огромные просторы бытия,
В огромные просторы совершенства.

Нас соплетает солнечная мощь,
Исполненная солнечными снами...
И наши души, как весенний дождь,
Оборвались слезами между нами.

Горенье, пенье, озаренье глаз
Пучинами мерцающими молний,—
Горенье, пенье, озаренье глаз:—
Все ярче, ослепительней, огромней.

И „ты“ и „я“ — перекипевший сон,
Растаявший в невыразимом свете...
Мы встретились — за гранями времен
Счастливые, обласканные дети...

1918. Москва.

АНТРОПОСОФИИ.

Над ливнем лет,
Над тьмою туч
Ты — светлый свет
И — летний луч.

Как вешний яд
Неотразим!
И ясный взгляд
Невыразим!

Живой алмаз
Блестит из глаз:—
Алмазит даль,
Поит печаль.

Мой вешний свет,
Мой светлый цвет,—
Я полн Тобой,
Тобой — Судьбой.

1918.

Ю. БАЛТРУШАЙТИС.

УТРЕННЯЯ ПЕСНЬ.

Великий час! Лучистая заря
Стоцветный веер свой раскрыла на востоке,
И стаи птиц, в сиянии паря,
Как будто плещутся в ее живом потоке...

И звук за звуком, дрогнув в тишине,
Над лесом, над рекой, над нивой тучной,
Стремится к небесам, синеющим в огне,
Смеется и зовет из глубины беззвучной...

В росистый круг земли, раскрывшийся, как чаша,
Что пенное вино, струится знойный день,
И каждый холм — на празднество ступень,
И каждый миг—обет, что радость жизни—наша!

БЕСПЕЧНОСТЬ.

Мой день певуче-безмятежен,
Мой час, как облачко, плывет
И то, что вечер неизбежен,
Меня к унынью не зовет...

В лесу ли вихрь листвой играет,
Иль мчит поток волну свою,—
Все, все мой дух вооружает
Живым доверьем к бытию...

Мой путь — по божьему указу—
Светло направлен в ширь долин,
Где ясен мир, привольно глазу,
Где я с мечтой своей один...

Все выше солнце — тень короче,—
И пусть затем скудеет зной,
Еще не скоро холод ночи
Дохнет безвестной тишиной...

Когда же золотом и кровью
Заблещет вечер в небесах,
Я с тихим жаром и любовью
Благословлю дорожный прах...

И в час, когда волна дневная
Отхлынет прочь, за край земли,
Мой дух заманит тьма ночная
В глубины звездные свои...

TAEDIUM VITAE.

Все тот же холм... Все тот же замок с башней.
Кругом все тот же узкий кругозор...
Изгиб тропы мучительно - всегдашней...
Пустынный сон бестрепетных озер...

И свет, и тень, без смены и движенья,
В час утра—здесь, в истомный полдень—там,
Все сковано в томительные звенья,
С тупой зевотой дремлет по местам...

Лесной ручей, скользя, дробясь о скалы,
Журчит докучно целый божий день...
Изведан в часе каждый вздох усталый,
Знакома в жизни каждая ступень!

И каждый день, свершив свой круг урочный,
Вверяет сердце долгой тишине,
Где только дрогнет колокол полночный,
Да прокричит сова наедине...

И что ни ночь, в тоске однообразной—
Все та же боль медлительных часов,
Где только шорох, смутный и бессвязный,
Меняет глубь одних и тех же снов...

И скорбно каждый в сердце маловерном,
Следя за часом, жаждет перемен,
Но льется день в своем движеньи мерном,
Чтоб обнажить зубцы все тех же стен...

И вновь, тоскливо, с четкостью вчерашней,
Невдалеке, пустынный видит взор
Все тот же холм, все тот же замок с башней,
Один и тот же узкий кругозор...

НА ПОРОГЕ НОЧИ.

В вечерней мгле теряется земля...
В тиши небес раскрылось мировое,
Где блещет ярче пламя бытия,
Где весь простор — как празднество живое!

Восходят в высь, в великий храм ночной,
Недвижных туч жемчужные ступени,
И тяжко нам на паперти земной,
Сносить тоску изведанных мгновений...

Со всех сторон ночная даль горит,
Колебля тьму пред взором ненасытным...
Весь божий мир таинственно раскрыт,
Как бездна искр, над сердцем беззащитным...

Живой узор из трепетных огней
Сплетает ночь на ризе златотканной,
И страшно сердцу малости своей,
И горек сон и плен земли туманной!

Для нас — земля последняя ступень...
В ночных морях она встает утесом,
Где человек, как трепетная тень,
Поник, один, с молитвенным вопросом...

ДЕТСКИЕ СТРАХИ.

В нашем доме нет затишья...
Жутко в сумраке ночном,
Все тужит забота мышья,
Мир не весь окован сном.

Кто-то шарит, роет, гложет,
Бродит, крадется в тиши,
Отгоняет и тревожит
Сладкий, краткий, мир души!

Чем-то стукнул ненароком,
Что-то грузно уронил...
В нашем доме, одиноком,
Бродят выходцы могил.

Всюду вздохи — всюду тени,
Шепот, топот, звон копыт...
Распахнулись окна в сени
И неплотно вход закрыт...

Вражьей силе нет преграды...
Черным зевом дышит мгла,
И колеблет свет лампады
Взмах незримого крыла...

ОСЕНЬЮ.

Брожу один усталым шагом
Глухой тропинкою лесной...
Певучий шелест над оврагом
Уже не шепчется со мной...

Синеют дали без привета...
Угрюм заглохший круг земли...
И, как печальная примета,
Мелькают с криком журавли...

Плывет их зыбкий треугольник,
Сливаясь с бледной синевой...
Молись, тоскующий невольник,
Свободе доли кочевой!

ОТЧИЗНА.

Я родился в далекой стране,
Чье приволье не знает теней...
Лишь неясную память во мне
Сохранило изгнанье о ней...

Знаю... Замок хрустальный стоял,
Золотыми зубцами горя...
И таинственный праздник сиял,
И цвела, не скудея, заря...

Помню, помню в тяжелом плену
Несказанно-ласкательный звон,
Что гудел и поил тишину,
И баюкал мой трепетный сон...

И средь шума забот и вражды,
Где я, в рабстве, служу бытию,
Лишь в мерцаньи вечерней звезды
Я утраченный свет узнаю...

Оттого я о дали родной,
Так упорно взываю во мгле,—
Оттого я, в тоске неземной,
Бесприютно влачусь по земле.

ВЕЧЕР.

Подходит сумрак, в мире все сливая,
Великое и малое в одно...
И лишь тебе, моя душа живая,
С безмерным миром слиться не дано...

Единая в проклятии дробленья,
Ты в полдень — тень, а в полночь — как звезда,
И вся в огне отдельного томленья,
Не ведаешь покоя никогда...

Нам божий мир — как чуждая обитель,
Угрюмый храм из древних мшистых плит,
Где человек, как некий праздный зритель,
На ток вещей тоскующе глядит...

БЕДНАЯ СКАЗКА.

Тихо пело время... В мире ночь была
Бледной лунной сказкой ласкова, светла...

В небе было много ярких мотыльков,
Быстрых, золотистых, майских огоньков...

Искрами струился месяц в водоем,
И в безмолвном парке были мы вдвоем...

Ты и я, и полночь, звездный свет и тьма
Были как созвучья вечного псалма...

И земля и небо были, как венец,
Радостно замкнувший счастье двух сердец...

Онемело время... В мире вновь легла
Поздняя ночная тишь и полумгла...

Искрились пустынно звезды в тишине,
И пустынно сердце плакало во мне...

Был, как сон могильный, скорбен сон долин,
И в заглохшем парке плелся я один.

На глухих дорогах мертвенно белел,
Пылью гробовою, бледный лунный мел...

В небе было много белых мотыльков,
Медленных, холодных, мертвых огоньков...

ВОСХОЖДЕНИЕ.

А. Скрябину.

Плетусь один безлюдным перевалом,
Из света в свет — сквозь свет от вечных стен...
Неизреченно пламя в сердце малом,
И тайный жар в душе неизречен!

Мгновения — как молнии... В их смене
Немеет вздох отдельности во мне...
И в смертной доле выше нет ступени,
И ярче нет виденья в смертном сне!

Ни жалобы, ни боли своевольной...
Ни ига зыбкой радости людской...
Лишь кроткий свет молитвы безглагольной,
И знание без мысли, и покой...

И снова дух, как пилигрим опальный,
Восходит в храм пророческой Молвы,
Где ширь земли — как жертвенник венчальный,
Под звездным кровом бога синевы,—

И где, вне смерти, тает в кротком свете,
В жемчужных далях бездны золотой,
Вся явь вещей и бренный труд столетий,
Как легкий дым кадильницы святой...

ПРИЗЫВ.

А. Скрябину.

Сквозь пыль и дым, и шум и звон,
Взвивайся, Дух, прервав свой сон,—

И, весь — дыхание зари,
Над смертным жребием пари!

Над суетой сердец людских
И чахлою любовью их,

Над всем, что — горечь, трепет, бой,
Теряйся в бездне голубой,

И в синеве, где меркнет цвет,
Где ни луны, ни солнца нет,—

У зыбкой грани смертных дней,
За рубежом ночных теней,

Увидишь Ты запретный край,
Где зреет звездный урожай,—

И, только пламя, только дух,
Рождаясь вновь, рождаясь вдруг,

Войдешь, тоскуя и любя,
Во храм Изгнавшего тебя!

ПРОБУЖДЕНИЕ.

Светает близь... Чуть дышит даль, светая...
Встает туман столбами, здесь и там...
И снова я — как арфа золотая,
Послушная таинственным перстам...

И тайный вихрь, своей волною знойной,
Смывает бред ночного забытья,
В мой сонный дух, в мой миг еще нестройный,
То пурпур дум, то пурпур грез струя...

И длятся — длятся отзвуки живые,
Возникшие в запретной нам дали,
Чтоб дрогнуть вдруг, волшебно и впервые,
Как весть из рая, в жребии земли...

И вот мой дух, изгнанник в мире тленья,
Бессменный раб изменчивых теней,
Тоскующе, слезами умиленья
Встречает сказку родины своей...

КОМАРЫ.

Пляшет в меркнущем пожаре
Рой вечерних комаров...
Сколько в мире бренной твари,
Богом замкнутых миров.

Как и я, служа мгновенью,
Протянувшись в высь столбом,
Вьются мошки легкой тенью
В небе бледно-голубом...

Пусть все тем же смертным бредом
Ослепил их беглый миг,
Но их жребий мне неведом,
Как и жребий дней моих...

Только вижу вечер сонный
И печаль стоячих вод,
Где толчется ослепленно
Комариный хоровод...

Только знаю, что до срока
Длиться суетной игре,
Устремленной одиноко
К догорающей заре...

КАРУСЕЛЬ.

В час пустынный, в час мятели,
В легком беге карусели,
В вихре шумном и лихом,
В вечер зимний, в вечер серый,
Мчатся дамы, кавалеры,
Кто — в карете, кто — верхом...

Зыбля прах, взрывая иней,
Князь с маркизой, граф с княгиней,
То четою, то сам-друг,
Длинной цепью, пестрой ротой,
Кто в раздумье, кто с зевотой,
Пробегают малый круг...

И поет им беспрерывно
Зов шарманки заунывной,
Хриплой жалобой звеня...
И от песни однозвучной
Часто-часто, в час докучный,
Рыцарь валится с коня...

Часто-часто рвутся звенья,
Иссякает нить забвенья
И скудеет свет в очах,
Но вплетенных в вихрь случайный
Строго гонит ворот тайный,
Им невидимый рычаг...

П. СОЛОВЬЕВА (ALLEGRO).

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Ты ведаешь, что день был шумно-зноен
И горный путь — тяжел,
Что плакала душа, но дух мой был спокоен,
Как в вышине орел.
Что вечером я тот же неизменный,
Как в яркий полдня час,
И так же для меня горит огонь вселенной
Во тьме любимых глаз.

ПЫЛЬ ВЕКОВ.

Ф. Сологубу.

Моя душа вместить не в силах
Вечерних веяний тоски.
О неоплаканных могилах
Пустынно шепчут ей пески.
Об утомлении великом
Ей говорят кресты путей,
Пред ней невинно-страшным ликом
Встают страдания детей.
Каким смирю я заклинаньем
Рожденный от начала страх?
И утолю каким молчаньем
Весь крик, пронесшийся в веках?
К моим унылиям все строже,
Как с ядовитых лепестков
Ты в душу мне свеваешь, боже,
Всю скорбь земли, всю пыль веков!

НЕРАЗРЫВНО.

З. Гиппиус.

Чем ледяней и ближе дышит смерть,
Тем жарче алость поцелуя,
И стонет страсть в надгробном аллилуиа.
В земных водах мерцает твердь.
И не дышал бы страстно вешний цвет
Так сладко, если б смерти жало
По осени плодам не угрожало:
Без тени смертной—страсти нет.

НОВЫЙ СОН.

Все, чем, сгорая, душа томится,
Все жизни вещие слова—
Все это в вечность, как сон, умчится,
И мы с тобою — сон божества.
Но помни, друг мой, что в нашей власти
Нарушить темный любви закон
И, умирая, из светлой страсти
Создать великий и новый сон.

ПРИБЛИЖЕНИЕ.

Когда недуг меня объемлет,
Я не ропщу на трудный путь:
Так чутко сердце жизни внемлет
И так легко назад взглянуть
На завершенные печали,
На отошедшие года.
Так слышно все, о чем молчали
И замолчали навсегда.
Душа, как поздний час, покорна.
Ее огонь прохладно-чист,
И жизни ткань, многоузорна,
Спадает, как осенний лист.

БЕЗВЛАСТНЫЙ.

Месяц в дыханье морозном
Слева на небо мое
Всходит, и взглядом угрозным
Блещет его лезвие.
Месяц, грозить ты устанешь:
Сердце покорно судьбе.
Если и справа ты взглянешь,
Я не поверю тебе.

ВЕСНОЙ.

Заплакал снег, и тени синие
От черных тянутся стволов,
Досказана вся сказка инея,
Слышнее звон воскресных слов.

Поля, снегами напоенные,
Чернеют влажно здесь и там.
Уводят дали просветленные
К недостижимым рубежам.
Быть может, ждет меня заветное,
Как землю — вешние дожди.
И шепчут шорохи рассветные:
„Быть может, ждет, — иди, иди!“

ОТ СОЛНЦА.

„Видишь, — иль мне это кажется,—
Лед на реке голубей?“
„Скоро весна нам расскажется
Плеском разливных зыбей“.
„Слышишь ли зовы невнятные
Там, высоко от земли?“
„Это летят к нам обратные,
Чуя весну, журавли“.
„Помнишь?...“ — „Не помню, не ведаю:
Мысли от солнца темны“.
„Скажешь?...“ — „Без слова изведаю,
Дай мне дождаться весны“.

СТАРЫЙ МОНАСТЫРЬ.

Зубцами белая ограда,
Прорезы узкие бойниц,
У стен зеленая прохлада,
Кресты и мраморы гробниц.
Широкоствольная аллея,
Корней извилистый узор.
В закатном золоте алея,
Сомкнулся лиственный шатер.
Гуденье пчел отягощенных,
Медвяный вздох цветущих лип.
Из келий, к саду обращенных,
Оконниц ветхих робкий скрип.
Здесь жизни горести и страхи
Заключены, без жал, без слов.
И дни проходят, как монахи,
Под мертвый гул колоколов.

ЛЮДИ.

Идут. Без веры и без воли.
Толпа проходит за толпой.
В улыбках столько скрытой боли,
И, как рыданье, смех тупой.
Идут, идут, проходят мимо.
Бледнеют ночи, блекнут дни,
Надежды нет: неумолимо
Они и вместе — и одни.
И я один. Я не умею
Развеять этот тусклый чад.
Я воплотить в словах не смею
Того, о чем они молчат.
Гляжу в их лица долгим взглядом,
В душе от жалости светло,
Вот, мы близки... но тех, кто рядом,
Жизнь разделяет, как стекло.

В БЕЗУМНЫЙ МЕСЯЦ МАРТ.

Вячеславу Иванову.

В безумный месяц март я родился на свет,
И в этой жизни мне нигде покоя нет.
И борется весна в душе моей с зимой,
И весел громкий смех, а стих печален мой.
То дьявол душу мне темнит крылом своим,
То вижу лик отца, как смелый серафим.
— Любовь и смерть,—всегда единый мой ответ...
В безумный месяц март я родился на свет.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ.

Снег последний плывет за окном
И столбы его ветер шатает.
Снег, с тобой мы безумны вдвоем,
Мы весенней дорогой идем,
Наша жизнь, наша радость растает.
Весть печали несут журавли,
Тленьем веет от жарких томлений...
Все зачатья весенней земли
Заменить никогда б не могли
Мне восторг белоснежных видений.
Пусть же плачет над нами капель,
Нашу гибель весеннюю чуя,
Дай мне стон и полет свой, метель,
Как снега в дни предвешних недель,
Быть безумным и белым хочу я.

БОЛЬ.

Липы неслышно роняют
В сумерках вздохи медвяные,
В небе цветы увядают
Тускло-багряные.

Знаю, безвластна могила,
Смерть пред воскресшим смиряется...
То, в чем душа изменила,
Не повторяется.

В ОСЕННЕМ САДУ.

Тишина золотовейная в осеннем саду,
Только слышно, как колотят белье на пруду,
Да как падает где-то яблоко звуком тугим,
Да как шепчется чье-то сердце тихо с сердцем моим.

ТИШИНА.

З. Н. Гиппиус.

В снегах голубых умирают дневные сияния,
И к небу стремятся вершины молитвенных елей.
Восставшему сердцу становятся внятны молчания,
И стон его гаснет, как вздох отлетевших метелей.
Душа загорелась от искр неизведанной нежности.
Пусть жизнь изменила, пусть дни ее вновь изменяют,
Я верен один средь теней вечереющей снежности,
И строгие ели крестами меня осеняют.

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ.

ПОСЕЩЕНИЕ ДИОНИСА.

Тайный гость в венке из винограда
В полночь постучался у окна:
Отвори мне, юная менада,
В дом впусти ночного пришлеца.

Я устал, оборваны сандальи,
Вся в пыли на посохе лоза,
И полны желанья и печали
Отрока бессонные глаза.

С сердцем, полным ужаса и дрожи,
Грудь и губы устремив ко мне,
Ты не спишь на знойном, смятом ложе,
Свесив ногу в кованном ремне.

Как и я, ты зажжена любовью,
Очи вожделением горят,
И пылает жертвенною кровью
Алых уст и персей виноград.

Встань, возьми потир из кипариса,
Тайный пир для гостя приготовь,
И насыть лобзаньем Диониса
Темную, взволнованную кровь.

Нежная, в венке из роз и хмеля,
Свой хитон на части разорви,
Пей мой взор, исполненный веселья,
Светлого безумья и любви.

В дверь стучу. Тебя, тебя мне надо.
Я устал от долгого пути.
Отвори мне, юная менада,
И порог лобзаньем освяти.

ВЕНЕРА И АНХИЗ.

Охотник задержал нетерпеливый бег,
Внезапно позабыв о луке и олене.
Суля усталому пленительный ночлег,
Богиня ждет его на ложе томной лени.

Под поцелуями горят ее колени,
Как роза, нежные и белые, как снег.
Струится с пояса источник вожделений,
Лобзаний золотых и потаенных нег.

Свивая с круглых плеч пурпуровую ризу,
Киприда падает в об'ятия Анхизу,
Ее обвившему, как цепкая лоза.

И, плача от любви, с безумными мольбами,
Он жмет ее уста горящими губами,
Ее дыханье пьет и смотрит ей в глаза.

АПОЛЛОН С КИФАРОЙ.

Зачем, с душой неутоленной
Весельем Зевсовых пиров,
Я приведен под твой зеленый
Приветно шелестящий кров?

Припав лицом к коре холодной,
Целую нежные листы,
И вновь горят любви бесплодной
Несовершенные мечты.

Как зелени благоуханье
Мучительно душе моей,
Как сладость твоего дыханья
Струится с лавровых ветвей!

Но ствол не затрепещет гибкий
И не зардеет лист. В тиши
Чуть слышен стон твоей улыбкой
Навек отравленной души.

Былой тоской, любовью старой
Душа больна. Уныл, суров,
Один, с печальною кифарой,
Брожу, тоскуя, средь лесов.

◆ ◆ ◆

Ты взманила к вешним трелям,
Воззывающая вновь
Дни, когда, хмелен апрелем,
Я вверял лесным свирелям
Запевавшую любовь.

Для моей мечты бездомной
Дверь былого отперта;
Ты склонилась в неге томной...
Взор зеленый, голос дремный,
Лепестковые уста.

Снова счастья отголоски
Внятны сердцу моему:
Ты, дитя в простой прическе,
Резво мчишься, где березки
Вниз сбегают по холму.

Словно льдина раскололась
От весеннего огня...
Золотится зыбкий волос,
И звенит свирельный голос,
Призывающий меня.

◆ ◆ ◆

Весенний ливень, ливень ранний
Над парком шумно пролился,
И воздух стал благоуханней,
И освеженней древеса.

Какая нега в ветке каждой!
Как все до малого стебля,
О, как одной любовной жаждой
Трепещут люди и земля.

Как дев, горящих, но несмелых,
Сжимают юноши сильней
На влажном мху, между дебелых
Дождем намоченных корней.

Готов я верить в самом деле,
Вдыхая влагу и апрель,
Что первый раз меж трав и елей
Я вывелся, как этот шмель.

В лучах со скудною травою
Брожу, болтаю сам с собой,
Топча желтеющую хвою,
Целуя воздух голубой.

Но тень длинней, в саду свежее,
Сквозь ели розовеет луч,
И, потупляясь и краснея,
Ты мне дверной вручаешь ключ.

◆ ◆ ◆

Последний луч бледнеет, догорая,
Последний шум стихает. Мы одни.
Твои уста, в которых сладость рая,
Пророчат мне безоблачные дни.

Пускай к тебе прильну я, умирая,
Ты мне шепнешь: я здесь, с тобой: усни.
Твои уста, в которых сладость рая,
Пророчат мне безоблачные дни.

Ты здесь, со мной. Вдали иного края
Уже мерцают первые огни.
Твои уста, в которых сладость рая,
Пророчат мне безоблачные дни.

1912. Июль. Боголюбы.

◆ ◆ ◆

Коснись рукой до струн, презренных светом,
Тебя одну когда-то певших струн.
Верни мне дни, когда я был поэтом,
Дай верить мне, что я, как прежде, юн.

Моей любви, взлелеянной годами,—
Ты видишь, видишь — мне скрывать не в мочь,
Ах, где она, кипящая звездами,
Осенняя, сияющая ночь?

С небес звезда срывалась за звездою.
Мы шли вдвоем... ты руку мне дала...
А цветники дышали резедою,
И ночь была прозрачна и светла.

Сребрилися под твердью голубою,
Деревья блеклые не шелестя.
Я о любви не говорил с тобою...
Что говорить? Ведь ты была дитя.

Верни же мне те золотые грезы,
В твоих лучах я расцветаю вновь,
Ты вся — весна, ты вся — как запах розы,
Как старое вино — моя любовь.

Я пред тобой притворствовать не в силах,
Ты — так светла... О, если б я угас
У нежных ног невинных, милых, милых,
В сиянии любимых узких глаз.

ОСЕНЬ.

Как скоро ты прошла и отшумела,
Любви прекрасная весна!
Пустеет сад и скрылась Филомела,
Все ночи певшая у моего окна.

Все, все прошло. И рощи молчаливы,
И пруд заглох. На берегу один
Корзину из прибрежной ивы
Плетет убогий селянин.

Уже мороз сребрит скудеющие долы,
И от селений синий дым
Восходит ввысь. Поют, поют Эолы
По рощам золотым.

Молчи, душа, молчи! Любови
И песен, и ночей прошла пора.
Пустынны небеса. Сверкает пруд. В дуброве
Гудят удары топора.

Морозен воздух, звуки гулки...
О, осень светлая, блести, блести!
Простите, томные полнощные прогулки!
И девы - розы, все прости!

Где поцелуи, клятвы и измены?
Утех любви быстротекущий сон?
Увяли вы, цветы моей Климены,
В лесах шумит пустынный Аквилон.

◆ ◆ ◆

Лазурью осени прощальной
Я озарен. Не шелохнут
Дубы. Застывший и зеркальный
Деревья отражает пруд.

Ложится утром легкий иней
На побледневшие поля.
Одною светлою пустыней
Простерлись воды и земля.

В лесу неслышно реют тени,
Скудея, льется луч скупой,
И радостен мой путь осенней
Пустынно блещущей тропой.

◆ ◆ ◆

Сияньем, золотым и алым,
Исходит запад. Я — один,
В вечерний час в лесу опалом,
Средь зачарованных вершин.

Чу! детский крик и лай собаки
Донесся из деревни вдруг.
Как в сумеречном полумраке
Разделен и малейший звук!

Мечта в былом без боли бродит,
И от хрустальной вышины
На сердце и на землю сходит
Очарованье тишины.

НОВГОРОД.

Ветер легкий, тиховейный,
Парус зыбля без труда,
Гонит к пристани лодейной
Иноземные суда.

Сколько шлюпок даль примчала!
Первый луч едва блеснул,
Как уж слышен скрип причала
И заморской речи гул.

Моряков синеют блузы,
Возрастают плеск и шум,
С громом выгружены грузы,
Дружно опорожнен трюм.

Запад гордый, запад вольный,
Веселы твои гребцы,
Здесь — и Любек, и Стекольный,
И Ганзейские купцы.

Блещут волны голубые,
И гостям заморским нов,
Новгородская София,
Звон твоих колоколов.

Разрывая все оковы,
Гордо главы возноси,
Самовластный и торговый
Город Западной Руси.

Ты не знаешь, как далече
В сумрак будущих веков
Твоего лихого веча
Властный достигает зов.

С правдою Востока споря,
Ты науки поднял стяг,
Предприимчивый, как море,
Гордый, западный моряк!

Новгород богат. На деле
С ним бороться не легко...
И над Ильменем запели
Гусли нежные Садко.

ГОРОД СОВРЕМЕННЫЙ.

Над руинами храмов, над пеплом дворцов, академий,
Как летучая мышь, отенившая крыльями мир,
Ты растешь, торжествуя, глумясь над преданьями всеми,
Город - вампир!

Полный сладких плодов, цветодевственный рог изобилья
Скрыла Гея-Земля. Небо пусто давно, а под ним —
Только визги машин, грохотание автомобиля.
Только сумрак и дым.

Опаляя деревья и вызов бросая лазури,
Просит крови и жертв огнедышащий зверь - паровоз.
Целый мир обезумел, и рухнуть великой культуре
В довременный хаос.

Пролагая дорогу грядущему князю Хаоса,
Неустанны властители знаний, искусств и труда.
Содрогаются стержни, стремительно кружат колеса,
Все летит. Но куда?

Что за странных сияний, доселе неслыханных звуков,
Диких образов полон себе предоставленный мир?
Где же песни, молитвы? Ты создан из визгов и стуков,
Город - вампир!

Горе, горе живым! Горе юности, силе, здоровью!
Раскаленная челюсть, дыхание огненных губ
Прикоснулось к народу: трепещущей плотью и кровью
Упивается труп.

Небеса безответны, и людям сострадает природа.
И детей, как бывало, земные сосцы не поят.
Кто-то хитрый и тайный пускает по жилам народа
Разлагающий яд.

Город, город проклятый! во скольких, во скольких вагонах
Ежедневно везут безответно покорных судьбе
И быков, и свиней, и младенцев, и дев, обреченных
На закланье тебе.

Сколько жизней прекрасных стихия твоя растоптала.
Сколько лиц отцвело, сколько сильных угасло умов,
Затерявшись средь банков, контор — алтарей капитала —
И публичных домов.

Расцветет ли любовь, где под грохот железных орудий
Изнуренные девушки в темный влачатся вертеп
Отдавать упыриным лобзаньям бесплодные груди
За каморку и хлеб!

Где и ночи, и дни, побледневший и весь исхудалый,
Надрывается мальчик средь вечно гудящих машин
И, родных вспоминая, на зорьке, холодной и алой,
Тихо плачет один.

Город, город проклятый! где место для каждого дома
Чистой кровью народа и потом его залито!
Вавилон наших дней, преступленья Гоморры, Содома
Пред твоими — ничто.

Торжествуй, торжествуй надо всем, что великого было
И справляй свой кощунственный братоубийственный пир!
Час грядет: ты услышишь дыхание Иммануила,
Город - вампир!

АЛЕКСАНДР БЛОК.

◆ ◆ ◆

Ночь теплая одела острова.
Взошла луна. Весна вернулась.
Печаль светла. Душа моя жива.
И вечная холодная Нева
У ног сурово колыхнулась.

Ты, счастие! Ты радость прежних лет!
Весна моей мечты далекой!
За годом год... Все резче темный след,
И там, где мне сиял когда-то свет,
Все гуще мрак... Во мраке — одиноко —

Иду — иду — душа опять жива,
Опять весна одела острова.

◆ ◆ ◆

Навстречу вешнему расцвету
Зазеленели острова.
Одна лишь песня недопета,
Забылись вечные слова...

Душа в стремленьи запоздала,
В пареньи смутном замерла.
Какой-то тайны не познала,
Каких-то снов не поняла...

И вот — в завистливом смущеньи —
Глядит — растаяли снега,
И рек нестройное теченье
Свои находит берега.

◆ ◆ ◆

Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.
Ночь распростерлась надо мной
И отвечает мертвым взглядом
На тусклый взор души больной,
Облитой острым, сладким ядом.
И тщетно, страсти затая,
В холодной мгле передрассветной
Среди толпы блуждаю я
С одной лишь думою заветной:
Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.
Январь 1898. С.-Петербург.

◆ ◆ ◆

Медлительной чредой нисходит день осенний,
Медлительно крутится желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист —
Душа не избежит невидимого тленья.

Так, каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист, кружится,
Все кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.
5 января 1900.

◆ ◆ ◆

Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом,
А в сердце, замирая, пел
Далекий голос песнь рассвета.
Рассвета песнь, когда заря
Стремилась гаснуть, звезды рдели,
И неба вышние моря
Вечерним пурпуром горели!..
Душа горела, голос пел,
В вечерний час звуча рассветом,
Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом.
18 мая 1899.

SERVUS — REGINAE.

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой — слуга; порою — милый;
И вечно — раб.

14 октября 1899.

◆ ◆ ◆

Последний пурпур догорал,
Последний ветр вздохнул глубоко,
Разверзлись тучи, месяц встал,
Звучала песня издалека.

Все упованья юных лет
Восстали ярче и чудесней,
Но скорбью полнилась в ответ
Душа, истерзанная песней.

То старый бог блеснул вдали,
И над зловещею зарницей
Взлетели к югу журавли
Протяжно плачущей станицей.

4 августа 1900.

◆ ◆ ◆

Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?

Настежь ворота тяжелые!
Ветром пахнуло в окно!
Песни такие веселые
Не раздавались давно!

С ними и в утро туманное
Солнце и ветер в лицо!
С ними подруга желанная
Всходит ко мне на крыльцо!

3 октября 1901.

◆ ◆ ◆

И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.
Вл. Соловьев.

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Все в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — *тоскуя* и *любя.*

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901. С. Шахматово.

◆ ◆ ◆

Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске, и в мольбе,
Зеленею, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе.
Теплый ветер пройдет по листам —
Задрожат от молитвы стволы,
На лице, обращенном к звездам —
Ароматные слезы хвалы.
Ты придешь под широкий шатер
В эти бледные сонные дни
Заглядеться на милый убор,
Размечтаться в зеленой тени.
Ты одна, влюблена и со мной,
Нашепчу я таинственный сон,
И до ночи — с тоскою, с тобой,
Я с тобой, зеленеющий клен.

31 июля 1902.

◆ ◆ ◆

Все на земле умрет — и мать, и младость,
Жена изменит и покинет друг.
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядясь в холодный и полярный круг.

Бери свой челн, плыви на дальний полюс
В стенах из льда — и тихо забывай,
Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый край.

И к вздрагиваньям медленного хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было *здесь* ей ничего не надо,
Когда *оттуда* ринутся лучи.

1902.

◆ ◆ ◆

Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных,
Ни лета зрелого, ни молодой весны.
Они прошли — светло и беспокойно,
И вновь придут — они землей даны.

Мне жаль, что день *великий* скоро минет,
Умрет едва рожденное дитя.
О, жаль мне, друг,— грядущий пыл остынет,
В прошедший мрак и в холод уходя!

Нет, хоть в конце тревожного скитанья
Найду пути и не вздохну о дне!
Не омрачит заветного свиданья
Тому, кто *здесь* вздыхает обо мне.

27 июля 1901.

ФАБРИКА.

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

24 ноября 1903.

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ.

Марии Павловне Ивановой.

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул — и поезд в даль умчало.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — все больно.

1910.

◆ ◆ ◆

В голубой далекой спаленке
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Все, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоем — туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая,
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла,
И, как время, безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спаленке —
Синий сумрак и покой,
Оттого, что карлик маленький
Держит маятник рукой.

4 октября 1905.

БОЛОТНЫЙ ПОПИК.

На весенней проталинке
За вечерней молитвою — маленький
Попик болотный виднеется.

Ветхая ряска над кочкой
Чернеется
Чуть заметною точкой.

И в безбурности зорь красноватых
Не видать чертенят бесноватых,
Но вечерняя прелесть

Увила вкруг него свои тонкие руки...
Предзакатные звуки,
Легкий шелест.

Тихонько он молится,
Улыбается, клонится,
Приподняв свою шляпу.

И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу.
Перекрестит и пустит гулять:
— Вот, ступай в родимую гать.
— Душа моя рада
— Всякому гаду
— И всякому зверю
— И о всякой вере.
И тихонько молится,
Приподняв свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За больную звериную лапу,
И за римского папу.—

Не бойся пучины тряской,
Спасет тебя черная ряска.

17 апреля 1905. Пасха.

СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ.

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он — немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла,
Хозяйка ищет — нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что в вас толку!
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка — душа...

НЕЗНАКОМКА.

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
„In vino veritas!“ кричат.

И каждый вечер, в час назначенный,
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие, бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

Озерки. 24 апреля 1906.

ПЛЯСКИ СМЕРТИ.

2.

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть черверть века—
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь—начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

НА ОСТРОВАХ.

Вновь оснеженные колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой—с пленной—с ней.

Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту,

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечей в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Все только—продолженье бала,
Из света в сумрак переход...

◆ ◆ ◆

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла,
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

1908.

◆ ◆ ◆

О, я хочу безумно жить:
Все сущее—увековечить,
Безличное—вочеловечить,
Не сбывшееся—воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый.
Пусть задыхаюсь в этом сне,—
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

◆ ◆ ◆

О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Все призрак, все метрвец, в лучах мечты.

И ты уйдешь. И некий саван белый
Прижмешь к губам ты, пребывая в снах.
Все будет сном: что ты хоронишь тело,
Что ты стонешь три ночи в головах.

Упоена *красивыми* мечтами,
Ты укоризны будешь слать судьбе.
Украсишь ты нежнейшими цветами
Могильный холм, приснившийся тебе.

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день, и в день сороковой
Неузнанной, *красивой*, нежною,
Такой ведь ты искала?—Да, такой.

Когда же грусть твою погасит время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не теми...
И ты *простой* возжаждешь красоты.

И он придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от *неземного* сна.
И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой новый друг,
В тот самый миг, когда твой смех жемчужный
Ему расскажет, что прошел *недуг*.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг—очнешься: пусто; нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь—меня!

Как исступленно ты протянешь руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

1913.

СЕДОЕ УТРО.

Утро туманное, утро седое...
Тургенев.

Утреет. С богом! По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебрянные кольцы,
И я—который раз под ряд—
Целую кольцы, а не руки...
В плече, откинутом назад,—
Задор свободы и разлуки,
Но, еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взгляд, как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра
Я находил не в этом взгяде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... „До свиданья"...
И звякнул о браслет жетон
(Какое-то воспоминанье)...
Я, молча, на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле...
Что ж на прощанье ей скажу?..
— Прощай, возьми еще колечко.
— Оденешь рученьку свою
— И смуглое свое сердечко
— В серебряную чешую...
— Лети, как пролетала, тая,
— Ночь огневая, ночь былая...
— Ты, время, память притуши,
— А путь снежком запороши.

◆ ◆ ◆

Не уходи. Побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.

Дым от костра струею сизой
Струится в сумрак, в сумрак дня,
Лишь бархат алый алой ризой,
Лишь свет зари—покрыл меня.

Все, все обман, седым туманом
Ползет печаль угрюмых мест.
И ель крестом, крестом багряным
Кладет на даль воздушный крест...

Подруга, на вечернем пире,
Помедли здесь, побудь со мной.
Забудь, забудь о страшном мире,
Вздохни небесной глубиной.

Смотри с печальною усладой,
Как в свет зари вползает дым.
Я огражу тебя оградой—
Кольцом из рук, кольцом стальным.

Я огражу тебя оградой—
Кольцом живым, кольцом из рук.
И нам, как дым, струиться надо
Седым туманом—в алый круг.

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ.

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или — каменным путем влекомый
Нищий, распевающий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званый,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Много нас — свободных, юных, статных
Умирает, не любя...
Приюти ты в далях необ'ятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Июль 1905. Рогачевское шоссе.

РУСЬ.

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почиешь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.

Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

Где буйно заметает вьюга
До крыши — утлое жилье,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвее.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины...

Так — я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету
И в лоскутах ее лохмотнй
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Подолгу песни распевал.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Жнвую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот, она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь.
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснусь.

24 сентября 1906.

РОССИЯ.

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет,—
Не пропадешь, не сгинешь ты
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну, что ж? Одной заботой боле,—
Одной слезой река шумней,
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

1908.

НОВАЯ АМЕРИКА.

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степямн
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?

Утопая в глубоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами — кресты, да кресты...

Только ладан твой синий и росный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —
Шопотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванулся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнулся,
Словно дьякон взмахнул орарем...

А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горючей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это — стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон.
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной — без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, — и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

На пустынном просторе, на диком
Ты все та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

1913.

◆ ◆ ◆

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой, от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз под ряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А, воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне... —
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

1914.

◆ ◆ ◆

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога
На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далеко,
Весело плывут.
Только нас с собою
Верно не возьмут.

Декабрь 1904.

◆ ◆ ◆

Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.
Кто-то крикнул: — Будь прославлен!
Кто-то шепчет: — Не забудь!

Рядом пал, всплеснув руками,
И над ним сомкнулась рать.
Кто-то бьется под ногами,
Кто — не время вспоминать...

Только в памяти веселой
Где-то вспыхнула свеча.
И прошли, стопой тяжелой
Тело теплое топча...

Ведь никто не встретит старость —
Смерть летит из уст в уста...
Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...

Что же, громче будет скрежет,
Слаще боль и ярче смерть!
И потом — земля разнежит
Перепуганную твердь.

Январь 1905.

ПОЖАР.

Понеслись, блеснули в очи
Огневые языки,
Золотые брызги ночи,
Городские мотыльки.

Зданье дымом затянуло,
Толпы темные текут...
Но вдали несутся гулы,
Светы новые бегут...

Крики брошены горстями
Золотых монет.
Над вспененными конями
Факел стелет красный свет.

И, крутя живые спицы,
Мчатся вихрем колесницы,
Впереди — скакун с трубой
Над испуганной толпой.

Скок по камню тяжко звонок,
Голос хриплой меди тонок,
Расплеснулась, широка,
Гулкой улицы река.

На блистательные шлемы
Каплет снежная роса...
Дети ночи черной — где мы?..
Чьи взвывают голоса?...

Нет, опят погаснут зданья,
Нет, опять он обманул, —
Отдаленного восстанья
Надвигающийся гул...

Декабрь 1906.

◆ ◆ ◆

Тропами тайными, ночными,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит *времен величье*
И *розоперстая судьба!*
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плечь!
Все, все — да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!

1907.

◆ ◆ ◆

З. Н. Гиппиус.

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье,—
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

1914.

СКИФЫ.

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.
Владимир Соловьев.

Мильоны — вас. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет и губит!

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним все — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные об'ятья!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет,— нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый Гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918.

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ.

EGO.

Я — слабый сын больного поколенья
И не пойду искать альпийских роз,
Ни ропот волн, ни рокот ранних гроз
Мне не дадут отрадного волненья.

Но милы мне на розовом стекле
Алмазные и плачущие горы,
Букеты роз увядших на столе
И пламени вечернего узоры.

Когда же сном об'ята голова,
Читая грез я повесть небылую,
Сгоревших книг забытые слова
В туманном сне я трепетно целую...

ЛИСТЫ.

На белом небе все тусклей
Златится горняя лампада,
И в доцветании аллей
Дрожат зигзаги листопада.
Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...

О, неужели это ты,
Все то же наше чувство страха?
Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца, и нет начала
Тебе, тоскующее *я?*

У ГРОБА.

В квартире прибрано. Белеют зеркала.
Как конь попоною, одет рояль забытый.
На консультации вчера здесь Смерть была
И дверь после себя оставила открытой.
Давно с календаря не обрывались дни,
Но тикают еще часы его с комода,
А из угла глядит, свидетель агоний,
С рожком для синих губ, подушка кислорода.

В недоумении открыл я мертвеца...
Сказать, что это я... весь этот ужас тела...
Иль Тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица?

ЧТО СЧАСТЬЕ?

Что счастье? Чад безумной речи?
Одна минута на пути,
Где с поцелуем жадной встречи
Слилось неслышное прости?

Или оно в дожде осеннем?
В возврате дня? В смыканьи вежд?
В благах, которых мы не ценим
За неприглядность их одежд?

Ты говоришь... Вот счастья бьется
К цветку прильнувшее крыло,
Но миг — и в высь оно взовьется
Невозвратимо и светло.

А сердцу, может быть, милей
Высокомерие сознанья.
Милее мука, если в ней
Есть тонкий яд воспоминанья.

ДВОЙНИК.

Не я, и не он, и не ты.
И то же что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

В сомненьи кипит еще спор,
Но слиты незримой четою,
Одной мы живем и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.

Горячешный сон волновал
Обманом вторых очертаний,
Но чем я глядел неустанней,
Тем ярче себя ж узнавал.

Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...

И в мутном круженьи годин,
Все чаще вопрос меня мучит:
Когда, наконец, нас разлучат,
Каким же я буду один?

В ОТКРЫТЫЕ ОКНА.

Бывает час в преддверьи сна,
Когда беседа умолкает,
Нас тянет сердца глубина,
А голос собственный пугает,

И в наростающей тени
Через отворенные окна,
Как жерла, светятся одни,
Свиваясь, рыжие волокна.

Не Скуки ль там Циклоп залег,
От золотого зноя хмелен,
Что розовея уголек
В закрытый глаз его нацелен?

ИДЕАЛ.

Тупые звуки вспышек газа
Над мертвой яркостью голов,
И скука черная зараза
От покидаемых столов,

И там среди зеленолицых,
Тоску привычки затая,
Решать на выцветших страницах
Постылый ребус бытия.

ИЮЛЬ.

II.

Палимая огнем недвижного светила,
Проклятый свой урок отлязгала кирьга,
И спящих грабаров с землею сколотила,
Как ливень черные, осенние стога.

Каких-то диких сил последнее решенье,
Луча отвесного неслышный людям зов,
И абрис ног худых меж чадного смешенья
Всклокоченных бород и рваных картузов.

Не страшно ль иногда становится на свете?
Не хочется ль бежать, укрыться поскорей?
Подумай: на руках у матерей
Все это были розовые дети.

АВГУСТ.

II.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СВЕТ В АЛЛЕЕ.

О, не зови меня, не мучь!
Скользя бесцельно, утомленно,
Зачем у ночи вырвал луч,
Засыпав блеском ветку клена?

Ее пьянит зеленый чад,
И дум ей жаль разоблаченных,
И слезы осени дрожат
В ее листах раззолоченных,—

А свод так сладостно дремуч,
Так миротворно слиты звенья
И сна, и мрака, и забвенья...
О, не зови меня, не мучь!

СЕНТЯБРЬ.

Раззолоченные, но чахлые сады,
С соблазном пурпура на медленных недугах,
И солнца поздний пыл в его коротких дугах,
Невластный вылиться в душистые плоды.

И желтый шелк ковров, и грубые следы,
И понятая ложь последнего свиданья;
И парков черные, бездонные пруды,
Давно готовые для спелого страданья...

Но сердцу чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в завороженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили,
Волнует вкрадчивый осенний аромат.

ЕЩЕ ОДИН.

И пылок был, и грозен День,
И в знамя верил голубое,
Но ночь пришла, и нежно тень
Берет усталого без боя.

Как мало их! Еще один
В лучах слабеющей Надежды
Уходит гордый паладин:
От золотой его одежды

Осталась бурая кайма,
Да горький чад... воспоминанья
. . . .
Как обгорелого письма
Неповторимое признанье.

ТРАКТИР ЖИЗНИ.

Вкруг белеющей Психеи
Те же фикусы торчат,
Те же грустные лакеи,
Тот же гам, и тот же чад...

Муть вина, нагие кости,
Пепел стынущих сигар,
На губах — отрава злости,
В сердце — скуки перегар...

Ночь давно снега одела,
Но уйти ты не спешишь:
Как в кошмаре, то и дело
„Алкоголь или гашиш?“

А в сенях, поди, не жарко:
Там, поднявши воротник,
У плывущего огарка
Счеты сводит гробовщик.

ДЕКОРАЦИЯ.

Это — лунная ночь невозможного сна,
Так уныла, желта и больна
В облаках театральных луна;

Свет полос запыленно-зеленых
На бумажных колеблется кленах.

Это — лунная ночь невозможной мечты...
Но недвижны и странны черты:
— Это маска твоя или ты?

Вот чуть-чуть шевельнулись ресницы...
Дальше... вырваны дальше страницы.

ОПЯТЬ В ДОРОГЕ.

Когда высоко под дугою
Звенело солнце для меня,
Я жил унылою мечтою,
Минуты светлые гоня...

Они пугливо отлетали,
Но вот приблизлся мой звонок:
И где же вы, златые дали?
В тумане — юг, погас восток...

А там стена, к закату ближе,
Такая страшная на взгляд...
Она все выше... Мы все ниже...
„Постой-ка, дядя!“—„Не велят“.

ТОСКА МИМОЛЕТНОСТИ.

Бесследно канул день. Желтея, на балкон
Глядит туманный диск луны, еще бестенной,
И в безнадежности распахнутых окон,
Уже незрячие, тоскливо-белы стены.

Сейчас наступит ночь. Так черны облака...
Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
Там все, что прожито — желанье и тоска,
Там все, что близится — унылость и забвенье...

Здесь вечер, как мечта: и робок, и летуч,
Но сердцу, где ни струн, ни слез, ни ароматов,
И где разорвано и слито столько туч...
Он как-то ближе розовых закатов.

Ялта. Лето. 1904.

СТАРАЯ ШАРМАНКА.

Небо нас совсем свело с ума:
То огнем, то снегом нас слепило,
И ощерясь, зверем, отступила
За Апрель упрямая зима.

Чуть на миг сомлеет в забытьи —
Уж опять на брови шлем надвинут,
И под наст ушедшие ручьи,
Не допев, умолкнут и застынут.

Но забыто прошлое давно,
Шумен сад, а камень бел и гулок,
И глядит раскрытое окно,
Как трава одела закоулок.

Лишь шарманку старую знобит,
И она в закатном мленье Мая
Все никак не смелет злых обид,
Цепкий вал кружа и нажимая.

И никак, цепляясь, не поймет
Этот вал, что не к чему работа,
Что обида старости растет
На шипах от муки поворота.

Но когда б и понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь,
Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого, что петь нельзя не мучась?..

ЧЕРНЫЙ СИЛУЭТ.

Сонет.

Пока в тоске растущего испуга
Томиться нам живя еще дано,
Но уж сердцам обманывать друг друга
И лгать себе хладея суждено;

Пока, прильнув сквозь мерзлое окно,
Нас сторожит ночами Тень недуга,
И лишь концы мучительного круга
Не сведены в последнее звено,—

Хочу ль понять, тоскою пожираем,
Тот мир, тот миг с его миражным раем...
Уж мига нет — лишь мертвый брезжит свет...

А сад заглох... и дверь туда забита...
И снег идет... и черный силуэт
Захолодел на зеркале гранита.

О НЕТ, НЕ СТАН.

О нет, не стан, пусть он так нежно-зыбок.
Я из твоих соблазнов затаю,
Не влажный блеск малиновых улыбок,
Страдания холодную змею.

Так иногда в банально-пестрой зале,
Где вальс звенит, волнуя и моля,
Зову мечтой я звуки Парсифаля
И тень, и Смерть над маской короля...

. . . .

Оставь меня. Мне ложе стелет Скука.
Зачем мне рай, которым грезят все?
А если грязь и низость только мука
По где-то там сияющей красе...

Вологда. 19 мая.

ОКТЯБРЬСКИЙ МИФ.

Мне тоскливо. Мне не в мочь,
Я шаги слепого слышу:
Надо мною он всю ночь
Оступается о крышу.

И мои ль, не знаю, жгут
Сердце слезы, или это
Те, которые бегут
У слепого без ответа.

Что бегут из мутных глаз
По щекам его поблеклым,
И в глухой полночный час
Растекаются по стеклам...

NOX VITAE.

Отрадна тень, пока крушин
Вливает кровь в хлороз жасмина...
Но... ветер... клены... шум вершин
С упреком давнего помина...

Но... в блекло-призрачной луне
Воздушно-черный стан растений,
И вы, на мрачной белизне
Ветвей тоскующие тени!

Как странно слиты сад и твердь
Своим безмолвием суровым,
Как Ночь напоминает Смерть
Всем, даже выцветшим покровом.

А все ведь только что сейчас
Лазурно было здесь, что нужды?
О, тени, я не знаю вас,
Вы так глубоко сердцу чужды.

Неужто ж точно, боже мой,
Я здесь любил, я здесь был молод,
И дальше некуда?.. Домой
Пришел я в этот лунный холод?

МУЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ.

Едва пчелиное гуденье замолчало,
Уж ноющий комар приблизился звеня...
Каких обманов ты, о сердце, не прощало
Тревожной пустоте оконченного дня?

Мне нужен талый снег под желтизной огня,
Сквозь потное стекло светящего устало,
И чтобы прядь волос так близко от меня,
Так близко от меня, развившись, трепетала...

Мне надо дымных туч с померкшей высоты,
Круженья дымных туч, в которых нет былого,
Полузакрытых глаз и музыки мечты,

И музыки мечты, еще не знавшей слова...
О, дай мне только миг, но в жизни, не во сне,
Чтоб мог я стать огнем, или сгореть в огне!

ТОСКА ВОКЗАЛА.

О, канун вечных будней,
Скуки липкое жало...
В пыльном зное полудней
Гул и краска вокзала...

Полумертвые мухи
На забитом киоске,
На пролитой известке
Слепы, жадны и глухи.

Флаг линяло-зеленый,
Пара белые взрывы,
И трубы отдаленной
Без отзыва призывы.

И эмблема разлуки
В обманувшем свиданье—
Кондуктор однорукий
У часов в ожиданье...

Есть-ли что-нибудь нудией,
Чем недвижная точка,
Чем дрожанье полудней
Над дремотой листочка...

Что-нибудь, но не это...
Подползай — ты обязан;
Как ты жарок, измазан,
Все равно — ты не это!

Уничтожиться, канув
В этот омут безликий,
Прямо в одурь диванов,
В полосатые тики!...

ЧЕРНАЯ ВЕСНА.

(Тает).

Под гулы меди — гробовой
Творился перенос,
И, жутко задраи, восковой
Глядел из гроба нос.

Дыханья что ли он хотел
Туда, в пустую грудь?..
Последний снег был темно-бел
И тяжек рыхлый путь.

И только изморозь, мутна,
На тление лилась,
Да тупо Черная Весна
Глядела в студень глаз —

С облезлых крыш, из бурых ям,
С позеленелых лиц...
А там, по мертвенным полям
С разбухших крыльев птиц...

О люди! Тяжек жизни след
По рытвинам путей,
Но ничего печальней нет,
Как встреча двух смертей.

Тотьма. 19 мая 1906.

ПЕТЕРБУРГ.

Желтый пар Петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где вы и где мы,
Знаю только, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни иам дал чародей,
Да Неву буро - желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета!

А что было у нас иа земле,
Чем вознесся орел наш двухглавый,
В темных лаврах гигант на скале,—
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь,
Да сознанье проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чара весенней мечты,
Там отрава бесплодных хотений.

ЛИРА ЧАСОВ.

Часы не свершили урока,
А маятник точно уснул,
Тогда распахнул я широко
Футляр их,— и лиру качнул.

И грубо, лишенная мира,
Которого столько ждала,
Опять по тюрьме своей лира,
Дрожа и шатаясь пошла...

Но вот уже ходит ровнее,
Вот найден и прежний размах...
. . . .
О, сердце! Когда леденея
Ты смертный почувствуешь страх,

Найдется ль рука, чтобы лиру
В тебе также тихо качнуть,
И миру, желанному миру,
Тебя, мое сердце, вернуть?

Я ЛЮБЛЮ.

Я люблю замирание эхо
После бешеной тройки в лесу,
За сверканьем задорного смеха
Я истомы люблю полосу.

Зимним утром люблю надо мною
Я лиловый разлив полутьмы,
И, где солнце горело весною,
Только розовый отблеск зимы.

Я люблю на бледнеющей шири
В переливах растаявший цвет...
Я люблю все, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

◆ ◆ ◆

В небе ли меркнет звезда,
Пытка ль земная все длится;
Я не молюсь никогда,
Я не умею молиться.

Время погасит звезду,
Пытку ж и так одолеем...
Если я в церковь иду,
Там становлюсь с фарисеем.

С ним упадаю я нем,
С ним и воспряну ликуя...
Только во мне-то зачем
Мытарь мятется тоскуя...

DECRESCENDO.

Из тучи с тучей в безумном споре
Родится шквал,—
Под ним зыбучий в пустынном море
Вскипает вал.

Он полон страсти, он мчится гневный,
Грозя брегам.
А вслед из пастей за ним стозевный
И рев и гам...

То, как железный, он канет в бездны
И роет муть,
То, бык могучий, нацелит тучи
Хвостом хлестнуть...

Но ближе... ближе, и вал уж ниже,
Не стало сил,
К ладье воздушной, хребет послушный
Он наклонил...

И вот чуть плещет, кружа осадок,
А гнев иссяк...
Песок так мягок, припек так гладок:
Плесни, — и ляг!

СИЗЫЙ ЗАКАТ.

Близился сизый закат,
Воздух был нежен и хмелен
И отуманенный сад
Как-то особенно зелен.

И о Незримой твердя
В тучах таимой печали
В воздухе, полном дождя,
Трубы так мягко звучали.

Вдруг — точно яркий призыв,
Даль чем-то резко раз'ялась:
Мягкие тучи пробив,
Медное солнце смеялось.

ДВА ПАРУСА ЛОДКИ ОДНОЙ.

Нависнет ли пламенный зной,
Иль пенясь расходятся волны,
Два паруса лодки одной,
Одним и дыханьем мы полны.

Нам буря желанья слила,
Мы свиты безумными снами,
Но молча судьба между нами
Черту навсегда провела.

И в ночи беззвездного юга,
Когда так привольно - темно,—
Сгорая коснуться друг друга
Одним парусам не дано...

ГАРМОНИЯ.

В тумане волн и брызги серебра
И стертые эмалевые краски...
Я так люблю осенние утра
За нежную невозвратимость ласки!

И пену я люблю на берегу,
Когда она белеет беспокойно...
Я жадно здесь, покуда небо знойно,
Остаток дней туманных берегу.

А где-то там мятутся средь огня
Такие ж *я*, без счета и названья,
И чье-то молодое за меня
Кончается в тоске существованье...

СРЕДИ МИРОВ.

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, что я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,—
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

ВЕСЕННИЙ РОМАНС.

Еще не царствует река,
Но синий лед она уж топит;
Еще не тают облака,
Но снежный кубок Солнцем допит...

Через притворенную дверь
Ты сердце шелестом тревожишь...
Еще не любишь ты, но верь:
Не полюбить уже не можешь...

ТОСКА МЕДЛЕННЫХ КАПЕЛЬ.

О капли в ночной тишине,
Дремотного духа трещотка:
Дрожа набухают оне
И падают мерно и четко.

В недвижно-бессонной ночи
Их лязга не ждать не могу я:
Фитиль одинокой свечи
Мигает и пышет тоскуя.

И мнится, я должен таясь
На странном присутствовать браке,
Поняв безнадежную связь
Двух тающих жизней во мраке.

СЕСТРЕ.

А. Н. Анненской.

Вечер. Зеленая детская
С низким ее потолком,
Скучная книга немецкая,
Няня в очках и с чулком.

Желтый, в дешевом издании,
Будто я вижу роман...
Даже прочел бы название,
Если б не этот туман.

Вы еще были Алиною
С розовой думой в очах,
В платье с большой пелериною,
С серым платком на плечах...

В стул утопая коленами,
Взора я с Вас не сводил,
Нежные с тонкими венами
Руки я Ваши любил.

Слов непонятных течение
Было мне музыкой сфер,
Где ожидал столкновения
Ваших особенных *р*...

В медном подсвечнике сальная
Свечка у няни плывет...
Милое, тихо-печальное,
Все это в сердце живет...

ГАРМОННЫЕ ВЗДОХИ.

Фруктовик. Догорающий костер среди туманной ночи под осень. Усохшая яблоня. Оборванец на деревяжке перебирает лады старой гармоники. В шалаше на соломе разложены яблоки.

Под яблонькой, под вишнею
Всю ночь горят огни, —
Бывало выпьешь лишнее,
А только ни-ни-ни.

. . . .

Под яблонькой кудрявою
Прощались мы с тобой,—
С Японскою державою
Предполагался бой.

С тех пор семь лет я плаваю,
На шапке „Громобой",—
А вы остались павою,
И хвост у вас трубой...

. . . .

Как получу, мол, пенцию,
В Артуре стану бой,
Не то, так в ревиденцию
Закатимся с тобой...

. . . .
. . . .

Зачем скосили с травушкой
Цветочек голубой?
А ты с худою славушкой
Ушедши за гульбой?...

. . . .

Ой, яблонька, ой, грушенька,
Ой, сахарный миндаль,—
Пропала наша душенька,
Да вышла нам медаль!...

. . . .

На яблоне, на вишеньке
Нет гусени числа...
Ты стала хуже нищенки,
И вскоре померла.

Поела вместе с листвием
Та гусень белый цвет...

. . . .

Хоть нам и все единственно,
Конца японцу нет.

. . . .
. . . .

Ой, реченька желты-пески,
Куплись в тебе другой...
А мы уж, значит, к выписке...
С простреленной ногой...

. . . .
. . . .

Под яблонькой, под вишнею
Сиди да волком вой...
И рад бы выпить лишнее,
Да лих карман с дырой...

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН.

ПЕЩЕРА.

Сперва мы спим в пурпуровой Пещере,
Наш прежний лик глубоко затая:
Для духов в тесноту земного бытия
Иные не раскрыты двери.

Потом живем... Минуя райский сад,
Спешим познать всю безысходность плоти;
В замок влагая ключ, слепые, в смертном поте,
С тоской стучимся мы назад...

О, для чего с такою жадной грустью
Мы в спазмах тел палящих ищем нег,
Устами льнем к устам и припадаем к устью
Из вечности текущих рек?

Нам путь закрыт к предутренней Пещере:
Сквозь плоть нет выхода — есть только вход.
А кто-то, за стеной, волнуется и ждет...
Ему мы открываем двери?

Не мы, а он возжаждал видеть твердь!
И наша страсть—полет его рожденья...
Того, кто в ласках тел не ведал утоленья,
Освобождает только смерть.

СОЛНЦЕ.

Святое око дня, тоскующий гигант!
Я сам в своей груди носил твой пламень пленный,
Пронизан зрением, как белый бриллиант,
В багровой тьме рождавшейся вселенной.

Но ты, всезрящее, покинуло меня,
И я внутри ослеп, вернувшись в чресла ночи.
И вот простерли мы к тебе — истоку Дня —
Земля свои цветы и я — слепые очи.

Невозвратимое! Ты гаснешь в высоте,
Лучи призывные кидая издалека.
Но я в своей душе возжгу иное око
И землю поведу к сияющей мечте!

ПОЛЫНЬ.

Костер мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.

В гранитах скал — надломленные крылья.
Под бременем холмов — изогнутый хребет.
Земли отверженной — застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!

Дитя ночей призывных и пытливых,
Я сам — твои глаза, раскрытые в ночи
К сиянью древних звезд, таких же сиротливых,
Простерших в темноту зовущие лучи.

Я сам — уста твои, безгласные как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень,
Незрячий и немой, бескрылый как и ты.

О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн — останутся во мне.

◆ ◆ ◆

Над зыбкой рябью вод встает из глубины
Пустынный кряж земли: хребты скалистых гребней,
Обрывы черные, потоки красных щебней—
Пределы скорбные незнаемой страны.

Я вижу грустные торжественные сны—
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гекзаметры волны.

И парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею таинственною дрожью
Ветров тоскующих и дышащих зыбей.

Путем назначенным дерзанья и возмездья
Стремит мою ладью глухая дрожь морей,
И в небе теплятся лампады Семизвездья.

ОСЕНЬЮ.

Рдяны краски,
Воздух чист;
Вьется в пляске
Красный лист, —
Это осень,
Далей просинь,
Гулы сосен
Веток свист.

Ветер клонит
Ряд ракит,
Листья гонит
И вихрит
Вихрей рати
И на скате
Перекати —
Поле спит.

Воды мутит
Гомит гам,
Рыщет, крутит
Здесь и там —
По нагорьям,
Плоскогорьям,
Лукоморьям
И морям.

Заверть пыли
Чрез поля
Вихри взвили,
Пепеля;
Чьи-то руки
Напружили,
Точно луки,
Тополя.

В море прянет, —
Вир встает
Воды стянет,
Загудет,
Рвет на части
Лодок снасти,
Дышит в пасти
Пенных вод.

Ввысь, в червленый
Солнца диск —
Миллионы
Алых брызг!
Гребней взвивы,
Струй отливы,
Коней гривы,
Пены взвизг...

ВЕНЕЦИЯ.

Резные фасады узорные зданья
На алом пожаре закатного стана
Печальны и строги, как фрески Орканья,—
Горят перламутром в отливах тумана...

Устало мерцают в отливах тумана
Далеких лагун огневые сверканья...
Вечернее солнце, как алая рана...
На всем бесконечная грусть увяданья.

О пышность паденья, о грусть увяданья!
Шелков Веронеза закатная Кана,
Парчи Тинторето... и в тучах мерцанья
Осенних и медных тонов Тициана...

Как осенью листья с картин Тициана
Цветы облетают... Последнюю дань я
Несу облетевшим страницам романа,
В каналах следя отраженные зданья...

Венеции скорбной узорные зданья
Горят перламутром в отливах тумана.
На всем бесконечная грусть увяданья
Осенних и медных тонов Тициана.

◆ ◆ ◆

Парижа я люблю осенний, строгий плен,
И пятна ржавые сбежавшей позолоты,
И небо серое, и веток переплеты—
Чернильно-синие, как нити темных вен.

Поток все тех же лиц,—одних без перемен,
Дыханье тяжкое прерывистой работы,
И жизни будничной крикливые заботы,
И зелень черную и дымный камень стен.

Мосты, где рельсами ряды домов раз'яты,
И дым от поезда клоками белой ваты,
И из-за крыш и труб — сквозь дождь издалека

Большое Колесо и Башня-великанша,
И ветер рвет огни и гонит облака
С пустынных отмелей дождливого Ла-Манша.

В ЦИРКЕ.

Андрею Белому.

Клоун в огненном кольце.
Хохот мерзкий, как проказа.
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза.

Лязг оркестра; свист и стук.
Точно каждый озабочен
Заглушить позорный звук
Мокро-хлещущих пощечин.

Как огонь подвижный круг.
Люди — звери, люди — гады,
Как стоглазый, злой паук,
Заплетают в кольца взгляды.

Все крикливо, все пестро...
Мне б хотелось вызвать снова
Образ бледного, больного,
Грациозного Пьеро,

В лунном свете с мандолиной
Он поет в своем окне
Песню страсти лебединой
Коломбине и луне.

Хохот мерзкий, как проказа;
Клоуи в огненном кольце.
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза.

◆ ◆ ◆

В зеленых сумерках, дрожа и вырастая,
Восторг таинственный припал к родной земле,
И прежние слова уносятся во мгле,
Как черных ласточек испуганная стая.

И арки черные и бледные огни
Уходят по реке в лучистую безбрежность.
В душе моей растет такая нежность!..
Как медленно текут расплавленные дни...

И в первый раз к земле я припадаю,
И сердце мертвое, мне данное судьбой,
Из рук твоих смиренно принимаю,
Как птичку серую, согретую тобой.

◆ ◆ ◆

Я люблю усталый шелест
Старых писем, дальних слов...
В них есть запах, в них есть прелесть
Умирающих цветов.

Я люблю узорный почерк —
В нем есть шорох трав сухих.
Быстрых букв знакомый очерк
Тихо шепчет грустный стих.

Мне так близко обаянье
Их усталой красоты...
Это дерева Познанья
Облетевшие цветы.

◆ ◆ ◆

Я к нагорьям держу свой путь
По полынным лугам, по скату,
Чтоб с холма лицо обернуть
К пламенеющему закату.

Жемчугами расшит покров
И венец лучей над горами —
Точно вынос Святых Даров
Совершается в темном храме.

Вижу к небу в лиловой мгле
Возносящиеся ступени...
Кто-то сладко прильнул к земле
И целует мои колени.

Чую сердца прерывный звук
И во влажном степей дыханьи
Жарких губ и знакомых рук
Замирающие касанья.

Я ли в зорях венчанный царь?
Я ли долу припал в бессильи?
Осеняют земной алтарь
Огневеющие воскрылья...

ОНА.

В напрасных поисках за ней
Я исследил земные тропы
От Гималайских ступеней
До древних пристаней Европы.

Она забытый сон веков,
В ней несвершенные надежды.
Я шорох знал ее шагов
И шелест чувствовал одежды.

Тревожа древний сон могил,
Я поднимал киркою плиты...
Ее искал, ее любил
В чертах Микенской Афродиты.

Пред нею падал я во прах,
Целуя пламенные ризы
Царевны Солнца Таиах
И покрывало Моны-Лизы.

Под гул молитв и дальний звон
Склонялся в сладостном безсильи
Пред ликом восковых Мадонн
На знойных улицах Севильи.

И я читал ее судьбу
В улыбке внутренней зачатья,
В улыбке девушек в гробу,
В улыбке женщин в миг об'ятья.

Порой в чертах случайных лиц
Ее улыбки пламя тлело,
И кто-то звал со дна темниц,
Из бездны призрачного тела.

Но неизменна и не та
Она сквозит за тканью зыбкой,
И тихо светятся уста
Неотвратимою улыбкой.

◆ ◆ ◆

Любить без слез, без сожаленья,
Любить, не веруя в возврат...
Чтоб было каждое мгновенье
Последним в жизни. Чтоб назад
Нас не влекло неудержимо,
Чтоб жизнь скользнула в кольцах дыма,
Прошла, развеялась... И пусть
Вечерне-радостная грусть
Обнимет нас своим запястьем.
Смотреть, как тают без следа
Остатки грез, и никогда
Не расставаться с грустным счастьем,
И, подойдя к концу пути,
Вздохнуть и радостно уйти.

АНГЕЛ МЩЕНИЯ.

Народу Русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!
Я в раны черные—в распаханную новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.
И голос мой—набат. Хоругвь моя,—как кровь.
На буйных очагах народного витийства,
Как призраки взращу багряные цветы.
Я в сердце девушки вложу восторг убийства
И в душу детскую—кровавые мечты.
И дух возлюбит смерть, возлюбит крови алость.
Я грезы счастия слезами затоплю.
Из сердца женщины святую выну жалость
И тусклой яростью ей очи ослеплю.
О, камни мостовых, которых лишь однажды
Коснулась кровь! Я ведаю ваш счет.
Я камни закляну заклятьем вечной жажды,
И кровь за кровь без меры потечет.
Скажи восставшему: я злую едкость стали
Придам в твоих руках картонному мечу!
На стогнах городов, где женщин истязали,
Я „знаки Рыб“ на стенах начерчу.
Я синим пламенем пройду в душе народа,
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я: „свобода!“,
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: „Завет мой — Справедливость!“
И враг прочтет: „Пощады больше нет...“
Убийству я придам манящую красивость.
И в душу мстителя вопьется страстный бред.
Меч справедливости — карающий и мстящий—
Отдам во власть толпе... И он в руках слепца
Сверкнет стремительный, как молния разящий—
Им сын заколет мать, им дочь убьет отца.
Я каждому скажу: „Тебе ключи надежды,
Один ты видишь свет. Для прочих он потух“.
И будет он рыдать и в горе рвать одежды,
И звать других... Но каждый будет глух.
Не сеятель сберет колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.

1906 Париж.

РОССИЯ.

(1915).

Враждующих скорбный гений
Братским вяжет узлом,
И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе!
Пребудь смиренной и бедной—
Верной своей судьбе.

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветленной
Всей красотой земли.

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.

Сильна ты не здешней мерой,
Не здешней страстью чиста,
Не утоленною верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое...

17 августа 1915. Биарриц.

СТЕНЬКИН СУД.

Н. Н. Кедрову.

У великого моря Хвалынского,
Заточенный в прибрежный шихан,
Претерпевый от змия горынского,
Жду вестей из полунощных стран.
Все ль как прежде сияет — несглазена
Православных церквей лепота?
Проклинают ли Стеньку в них Разина
В воскресенье в начале поста?
Зажигают ли свечки, да сальные
В них заместо свечей восковых?
Воеводы порядки охальные
Все ль блюдут в воеводствах своих?
Благолепная, да многохрамая...
А из ней хоть святых выноси.
Что-то чую приходит пора моя
Погулять по Святой по Руси.

Как бывало казацкая, дерзкая
На Царицын, Симбирск, на Хвалынь—
Гребенская, Донская да Терская
Собиралась ватажить Сарынь.
Да на первом, на струге, на „Соколе"
С полюбовницей пленной княжной,
Разгулявшись, свистали да цокали,
Да неслись по-над Волгой стрелой.

Да как кликнешь сподрушных - приспешников:
— „Васька - Ус, Шелудяк, да Кабан!
Вы ступайте пощупать помещиков,
Воевод да попов, да дворян.
Позаймитесь-ка барскими гнездами,
Припустите к ним псов полютей!
На столбах с перекладиной гроздами
Поразвесьте собачьих детей".

Хорошо на Руси я попраздновал:
Погулял, и поел, и попил,
И за все, что творил неуказного,
Лютой смертью своей заплатил.
Принимали нас с честью и с ласкою,
Выходили хлеб-солью встречать,
Как в священных цепях да с опаскою
Привезли на Москву показать.
Уж по-царски уважили пыткою:
Разымали мне каждый сустав
Да крестили смолой меня жидкою
У семи хоронили застав.

И как вынес я муку кровавую,
Да не выдал казацкую Русь,
Так за то на расправу на правую
Сам судьей на Москву ворочусь.
Рассужу, развяжу — не помилую—
Кто хлопы, кто попы, кто паны...
Так узнаете: как пред могилою,
Так пред Стенькой все люди равны.
Мне к чему царевать да насиловать,
А чтоб равен был всякому—всяк.
Тут пойдут их голубчиков миловать,
Приласкают Московских собак.

Уж попомнят, как нас по Остоженке
Шельмовали для ихних утех.
Пообрубят им рученьки-ноженьки:
Пусть поползают людям на смех.
И за мною не токмо что драная
Голытьба, а казной расшибусь—
Вся великая, темная, пьяная,
Окаянная двинется Русь.
Мы устроим в стране благолепье вам, —
Как восставши из мертвых с мечом,—
Три угодника — с Гришкой Отрепьевым,
Да с Емелькой придем Пугачом.

22 декабря 1917.

ЮРИЙ ВЕРХОВСКИЙ.

ДАФНИС.

Вячеславу Иванову.

Как пышно зелены, как радостно цветущи
На пастбищах моих разметанные кущи!
Как мягко ложе мхов! Я жду, спеши сюда,
Наида нежная! покинь свои стада:
Росистый легок путь по роще предвечерней.
О, дай мечте моей взноситься легковерней!
Спадает ярый зной; дневным трудам земли
Отдохновение Зефиры принесли;
Одна душа моя исходит нежным зовом:
Ко мне! Царицею ль грядешь в венке дубовом,
В слепящем пурпуре — из веси золотой,
Как я зову тебя тревожною мечтой?
Ах, нет! Любви моей — убранства грез не надо.
Из тихой рощицы, как резвая менада,
Ты выйдешь, милая, знакома и проста,
Одеждою твоей да будет — красота.

ДОМИК.

In diesem Hause wohnte mein Schatz.
Heine

В этом доме ты, мой друг, жила.
Как его я полюбил за это!
Я и в светлый день его любил—
С васильками на раскрытых окнах,
С этим милым и простым уютом,
С белизной накрытого стола;
Я любил его и в тихий вечер:
Так, с прогулки поздней возвращаясь,
Мне бывало радостно увидеть
Мирной лампы свет за занавеской
И на белом поле тень твою.

Только быстрой, радостной толпою
Убежали дни — и без тебя
Я любил твой милый домик — странный,
Без цветов, без занавесей светлых,
Со слепыми стеклами окошек,
И с безмолвной грустью о тебе.
Но — как скоро насмеялись люди
Над моею светлою печалью
Я услышал в доме голоса,
Я увидел в окнах чьи-то лица,
Занавески с пестрыми цветами—
И уж ночью в темных пятнах окон
Я не мог следить своей мечты
И, шепча, твой образ в них лелеять...

И теперь я не иду туда—
К дому тихому — к мечте — к тебе...
Только редко издали взгляну—
И, вздыхая, никну головою.

◆ ◆ ◆

„И это все?“ сказала ты,
Склонив померкшие черты,
В ответ на то, что вихрем счастья
Казалось в буре сладострастья.

„И это — все?“ — Туман покрыл
Сиянье радужное крыл.
Я медлил, пред тобой склоненный—
Угасший вдруг и опаленный.

◆ ◆ ◆

Как упоительны поблекшие цветы
С их тонким и скупым печальным ароматом!
В разуверении, на гранях пустоты
Не можешь позабыть о сне любви крылатом.
Тихонько падают на землю лепестки;
Но их сбираешь ты — и жадное дыханье
Впивает медленно томление тоски
И страсти неземной в земном благоуханье.

ТИФЛИС.

Люблю брести один по улице Тифлиса,
Где строгий обелиск немого кипариса
Темнеет, недвижим на белизне стены,
И в знойную лазурь стремит столетий сны.

Но более люблю пробраться понемногу
Из городских теснин — на вольную дорогу,
Где встречу буйволов, волочащих арбу,
Верблюдов порожнем — нестройную гурьбу—
И смуглых путников с живой гортанной речью;
А может, ни одну мне душу человечью
Судьба счастливая навстречу не пошлет—
И ветер гулевой беспечный свой полет
Помчит навстречу мне меж серыми скалами
И — нежно-теплыми и полными волнами,
Всей роскошью садов — дыханьем миндаля
Повеет на душу весенняя земля.

ЗВЕЗДА.

Ты в очи мне язвительно глядишь.
Вокруг тебя — простор, и тьма, и тишь.
Ты холодна, спокойна и светла,
Не ведаешь земных добра и зла.
Но почему, прекрасная, коришь?
Вокруг тебя — простор, и тьма, и тишь.

Не ты ль была прекрасна — и добра?
Как в первый миг влекла твоя игра!
Ты видишь ли мой тусклый огонек?
А возле я — и мал, и одинок;
Со мой — тоска; и ложь, и боль — во мне,
Здесь—в полутьме, здесь—в тесной тишине...

Нет! Ты чужда томленью моему,
Не для меня прорезываешь тьму,
И для земли — хоть землю видишь ты—
Как злобы нет, так нет и доброты:
Вся такова, как и в веках была,
Ты — холодна, спокойна и светла.

◆ ◆ ◆

И бездна нам обнажена...
Тютчев.

О, ночь державная! В таинственное лоно
Меня прими, о ночь! прими: я твой, я твой.
От века я к тебе стремился неуклонно
И ныне преклонен покорной головой.

Не страх в душе дрожит; но сладостная жуть.
Я чую бездну тьмы, вздыхающую глухо;
Я смутно трепещу и жажду потонуть—
И обрету купель для страждущего духа.

◆ ◆ ◆

Ты мне сказал, что соловьи поют—
Вот тут, в лесах, над пышной вешней Волгой!
И зыблется от песен ночью долгой
Их густолистный, радостный приют.
Ты мне сказал, — но плыли мы тогда
На бешено шумевшем пароходе;
Взметенная наперекор природе,
Мешала слышать пенная вода.
Но слышал ты! А как я жаждал их—
Над Волгою на вешней вольной воле,
Вещающих неслыханный дотоле
И вековечный — полнозвучный стих.

◆ ◆ ◆

Люби всегда мечту: вон облако плывет,
Янтарно-млечною клубится пеленою.
О, подыми свой лик, следи, следи со мною
Медлительный полет.

Навстречу светлому—расширь без страха вежды
То—дух с кропильницей витает в вышине.
Мани его к себе: то край в голубизне
Белеющей одежды.

В полдневной ясности торжественного дня
Взлелеяна земля небесными послами—
Уж тихий светлый дождь, едва шумя крылами,
Нисходит на меня.

◆ ◆ ◆

Заветный миг отдохновенья
К тебе слетал ли иногда,—
Чтоб вдруг распались жизни звенья
И отзвучали без следа?
Погасли дел и снов узоры,
И мысль — укрощена — молчит;
Не слышит слух, не видят взоры
И время в жилах не стучит.
Но, вдруг услышав жизни шорох,
Ты не пытайся сохранить
И пустоту в незрячих взорах,
И в мыслях — порванную нить.

ГОДОВЩИНА.

Уходит жизнь, а ты не замечаешь,
Как перешел один, другой рубеж.
„Где ж молодость? Все обольщенья—где ж?"—
И ты чудес еще, как прежде, чаешь.

Да, верь и жди. Еще придут они
И поздние твои украсят дни.
Но их ли ты венчаешь годовщиной,
И их ли мнишь в грядущем досягнуть?
Для странника звездою ни единой
Не светится—всезвездный млечный путь.

◆ ◆ ◆

Зачем, паук, уходишь торопливо
Ты по столу от взора моего?
Иль то, что мне таинственно и живо,
Давно тебе обычно и мертво?

Другой паук когда-то постоянно
Великого маэстро навещал
И, поместясь к нему на фортепьяно,
Всего себя он звукам посвящал.

И, одинок, любил его Бетховен.
Его давно воспел другой поэт.
Не потому ль уходишь хладнокровен,
Что гения в моих напевах нет,—

Что, даже приманить тебя желая,
Сейчас пою уж петое давно,
Что чар полна всегда душа живая,
Но жизнь зачаровать не всем дано?

◆ ◆ ◆

Мой отдыхает ум, и сердце вечереет
И тени смертные нисходят на меня.
Кн. Вяземский.

Вон—черных воронов на бледном небе стая
Зловещим облаком шумящим и живым;
Но тает, смутная, и молкнет улетая,
И расплывается, и уплыла, как дым.

И мгла нежнейшая плывет, курится, реет;
И просветляется стыдливой тайной даль;
Как небо, и душа спокойно вечереет;
Слеза ль затеплилась? Вечерняя звезда ль?

И жизнь померкшая младенчески невинна;
Земное небеса тенями облекли;
Все в них слиянное покоится, едино
И с близостью небес, и с легкостью земли.

◆ ◆ ◆

Зачем душа чего-то ищет
Без устали, опять и снова,
Когда рассудок вновь освищет
И новоявленное слово?
Уроки грустного былого
Рассыпались сухою пылью,
Полетов зыбкая основа
Яснеет вновь надежной былью.

Так отдавалась изобилью
Лазури, и тепла, и света,
Да я усилие усилью,
Душа Икара, в мощь одета:
Последняя, скупая мета
Мечты безмерной и бескрайной
На радужном пути поэта
Покрыта облачною тайной.

Б. А. КРЖЕВСКОМУ.

Чем усладить печальный наш досуг?
Преданьями отеческого крова:
Ведь осеняла нас одна дуброва
Пред очагом науки, милый друг.

Там волшебство магического слова
Всемирно го цвела, как рай, вокруг
И душу всю овеивало вдруг
Цветением бессмертного былого.

Не даром и теперь, в годину бед
Истосковавшееся сердце наше
Найдет ли пристань, старой книги краше?

Да сладостней, ведь, ничего и нет,
Как пить столетние живые строки—
Одной извечной красоты уроки.

АКМЕИСТЫ и ПОЭТЫ, СВЯЗАННЫЕ с АКМЕИЗМОМ.

Н. ГУМИЛЕВ.

СОНЕТ.

Как конквистадор в панцыре железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном
Растет туман... но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в мою звезду,
Я, конквистадор в панцыре железном.

И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца
И, может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую.

ЖИРАФ.

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

◆ ◆ ◆

У меня не живут цветы,
Красотой их на миг я обманут,
Постоят день, другой, и завянут.
У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут,
Только хохлятся скорбно и глухо,
А на утро — комочек из пуха...
Даже птицы здесь не живут.

Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грузные томы,
Сторожат вековые истомы,
Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,
Помню, был и горбатым, и нищим...
... Торговал за проклятым кладбищем
Мне продавший их букинист.

МЕЧТЫ.

За покинутым, бедным жилищем,
Где чернеют остатки забора,
Старый ворон с оборванным нищим
О восторгах вели разговоры.

Старый ворон в тревоге всегдашней,
Говорил, трепеща от волненья,
Что ему на развалинах башни
Небывалые снились виденья.

Что в полете воздушном и смелом
Он не помнил тоски их жилища
И был лебедем нежным и белым,
Принцем был отвратительный нищий.

Нищий плакал бессильно и глухо,
Ночь тяжелая с неба спустилась,
Проходившая мимо старуха
Учащенно и робко крестилась

СТАРИНА.

Вот парк с пустынными опушками,
Где сонных трав печальна зыбь,
Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь.

Вот дом, старинный и некрашенный,
В нем словно плавает туман,
В нем залы гулкие украшены
Изображением пейзан.

Мне суждено одну тоску нести,
Где дед раскладывал пасьянс
И где влюблялись тетки в юности
И танцовали контреданс.

И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и темная,
Незолотая старина.

...Теперь бы кручи необорные,
Снега серебряных вершин
Да тучи сизые и черные
Над гулким грохотом лавин!

ФАРФОРОВЫЙ ПАВИЛЬОН.

Среди искусственного озера
Поднялся павильон фарфоровый;
Тигриною спиною выгнутый,
Мост яшмовый к нему ведет.

И в этом павильоне несколько
Друзей, одетых в платья светлые,
Из чаш, расписанных драконами,
Пьют подогретое вино.

То разговаривают весело,
А то стихи свои записывают,
Заламывая шляпы желтые,
Засучивая рукава.

И ясно видно в чистом озере —
Мост вогнутый, как месяц яшмовый,
И несколько друзей за чашами,
Повернутых вниз головой.

ИНДЮК.

На утре памяти неверной
Я вспоминаю пестрый луг,
Где царствовал высокомерный
Мной обожаемый индюк.

Была в нем злоба и свобода,
Был клюв его, как пламя, ал,
И за мои четыре года
Меня он остро презирал.

Ни шоколад, ни карамели,
Ни ананасная вода
Меня утешить не умели
В сознаньи моего стыда.

И вновь пришла беда большая
И стыд и горе детских лет:
Ты, обожаемая, злая —
Мне гордо отвечаешь: „Нет!"

Но все проходит в жизни зыбкой—
Пройдет любовь, пройдет тоска,
И вспомню я тебя с улыбкой,
Как вспоминаю индюка!

Я И ВЫ.

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.

И умру я не на постели
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

ДЕРЕВЬЯ.

Я знаю, что деревьям, а не нам,
Дано величье совершенной жизни.
На ласковой земле, сестре звездам,
Мы — на чужбине, а они — в отчизне.

Глубокой осенью в полях пустых
Закаты медно-красные, восходы
Янтарные окраске учат их, —
Свободные, зеленые народы.

Есть Моисеи посреди дубов,
Марии между пальм... Их души, верно,
Друг другу посылают тихий зов
С водой, струящейся во тьме безмерной.

И в глубине земли, точа алмаз,
Дробя гранит, ключи лепечут скоро,
Ключи поют, кричат — где сломан вяз,
Где листьями оделась сикомора.

О, если бы и мне найти страну,
В которой мог не плакать и не петь я,
Безмолвно поднимаясь в вышину
Неисчислимые тысячелетья!

СЛОВО.

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, под'яремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества
И как пчелы в улье опустелом
Дурно пахнут мертвые слова.

РАБОЧИЙ.

Он стоит пред раскаленным горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.

Все товарищи его заснули,
Только он один еще не спит,
Все он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит.

Кончил, и глаза повеселели.
Возвращается. Блестит луна.
Дома ждет его в большой постели
Сонная и теплая жена.

Пуля, им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву,
Кровь ключем захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

И господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек.

ПЕРСИДСКАЯ МИНИАТЮРА.

Когда я кончу наконец
Игру в cache-cache со смертью хмурой,
То сделает меня творец
Персидскою миниатюрой.

И небо, точно бирюза,
И принц, поднявший еле-еле
Миндалевидные глаза
На взлет девических качелей.

С копьем окровавленным шах
Стремящийся тропой неверной
На киноварных высотах
За улетающею серной.

И ни во сне, ни наяву
Невиданные туберозы,
И сладким вечером в траву
Уже наклоненные лозы.

А на обратной стороне,
Как облака Тибета, чистой,
Носить отрадно будет мне
Значок великого артиста.

Благоухающий старик,
Негоциант или придворный,
Взглянув, меня полюбит вмиг
Любовью острой и упорной.

Его однообразных дней
Звездой я буду путеводной,
Вино, любовниц и друзей
Я заменю поочередно.

И вот когда я утолю
Без упоенья, без страданья
Старинную мечту мою
Будить повсюду обожанье.

КАНЦОНА ВТОРАЯ.

И совсем не в мире мы, а где-то
На задворках мира, средь теней.
Сонно перелистывает лето
Синие страницы ясных дней.

Маятник старательный и грубый,
Времени непризнанный жених,
Заговорщицам секундам рубит
Головы хорошенькие их.

Так пыльна здесь каждая дорога,
Каждый куст так хочет быть сухим,
Что не приведет единорога
Под уздцы к нам белый серафим.

И в твоей лишь сокровенной грусти,
Милая, есть огненный дурман,
Что в проклятом этом захолустьи
Точно ветер из далеких стран.

Там, где все сверканье, все движенье,
Пенье все, — мы там с тобой живем.
Здесь же только наше отраженье
Полонил гниющий водоем.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО.

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни с'есть, ни выпить, ни поцеловать—
Мгновение бежит неудержимо
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены итти все мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем,
И ничего не зная о любви,
Все ж мучится таинственным желаньем.

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья.

Так век за веком — скоро ли господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

СЛОНЕНОК.

Моя любовь к тебе сейчас — слоненок,
Родившийся в Берлине, иль в Париже
И топающий ватными ступнями
По комнатам хозяина зверинца.

Не предлагай ему французских булок,
Не предлагай ему кочней капустных,
Он может с'есть лишь дольку мандарина
Кусочек сахару или конфету.

Не плачь, о нежная, что в тесной клетке
Он сделается посмеяньем черни,
Чтоб в нос ему пускали дым сигары
Приказчики под хохот мидинеток.

Не думай, милая, что день настанет,
Когда, взбесившись, разорвет он цепи
И побежит по улицам и будет,
Как автобус, давить людей вопящих.

Нет, пусть тебе приснится он под утро
В парче и меди, в страусовых перьях,
Как тот, Великолепный, что когда-то
Нес к трепетному Риму Ганнибала.

ВСТУПЛЕНИЕ.

[К книге „Шатер“].

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламя и дымы,
О тебе, моя Африка, шопотом
В небесах говорят серафимы.

И твое раскрывая Евангелье,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думают ангеле,
Что приставлен к тебе, безразсудной.

Про деянья свои и фантазии
Про звериную душу послушай,
Ты, на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.

Обреченный тебе, я поведаю
О вождях в леопардовых шкурах,
Что во мраке лесов за победою
Водят полчища воинов хмурых;

О деревнях с кумирами древними,
Что смеются улыбкой недоброй,
И о львах, что стоят над деревнями
И хвостом ударяют о ребра.

Дай за это дорогу мне торную
Там, где нету пути человеку,
Дай назвать моим именем черную
До сих пор неоткрытую реку.

И последнюю милость, с которою
Отойду я в селенья святые,
Дай скончаться под той сикоморою,
Где с Христом отдыхала Мария.

СУЭЦКИЙ КАНАЛ.

Стаи дней и ночей
Надо мной колдовали,
Но не знаю светлей,
Чем в Суэцком канале,

Где идут корабли,
Не по морю, по лужам,
Посредине земли
Караваном верблюжьим.

Сколько птиц, сколько птиц
Здесь на каменных скатах,
Голубых небылиц,
Голенастых, зобатых!

Виден ящериц рой
Золотисто-зеленых,
Словно влаги морской
Стынут брызги на склонах.

Мы кидаем плоды
На ходу арапчатам,
Что сидят у воды.
Подражая пиратам.

Арапчата орут
Так задорно и звонко
И шипит марабут
Нам проклятья вдогонку.

А когда на пески
Ночь, как коршун, посядет,
Задрожат огоньки
Впереди нас и сзади;

Те красней, чем коралл,
Эти зелены, сини...
Водяной карнавал
В африканской пустыне.

С отдаленных холмов,
Легким ветром гонимы,
Бедуинских костров
К нам доносятся дымы.

С обвалившихся стен
У изгибов канала.
Слышен хохот гиен,
Завыванья шакала.

И в ответ пароход,
Звезды ночи печаля,
Спящей Африке шлет
Переливы рояля.

НИГЕР.

Я на карте моей, под размеренной сеткой
Сочиненных для скуки долгот и широт,
Замечаю, как что-то чернеющей веткой,
Виноградною узкою веткой ползет!

И вокруг города, словно ряд виноградин,
Это Бусса, и Гомба, и царь Тимбукту,
Танец странных имен, что для сердца отраден,
Что пьяней африканских акаций в цвету.

Но не верю, не верю я, справлюсь по книге:
Ведь должны же пределы и тупости быть!
Нет, написано Нигер... О, царственный Нигер,
Вот как люди посмели тебя оскорбить!

Ты торжественным морем течешь по Судану,
Бьешься с хищною стаей сахарских песков,
Дышишь полною грудью в лицо океану,
С середины твоей не видать берегов!

На тебе, словно бисер на яшмовом блюде,
Расписные, узорные пляшут ладьи,
И в ладьях величавые черные люди
Восхваляют благие деянья твои.

Бегемотов твоих розоватые рыла
Над водой, словно купы мясистых цветов,
И винты пароходов твои крокодилы
Разбивают ударом могучих хвостов.

Ты, как бог этих стран, благодушен и редко
Выше облака пенные вносишь холмы,
И тебя-то простой виноградною веткой
Напечатать на картах осмелились мы!

Я тебе, о мой Нигер, готовлю иную,
Небывалую карту, отраду для глаз,
Я широкою лентой парчу золотую
Положу на зеленый и нежный атлас.

Снизу, влево, пусть ляжет осколок рубина,—
Это край позабытых железных богов,
Что валяются в грозных ущельях Бенина
Меж слоновых клыков и людских черепов.

Вправо, выше, где вольные степи Сокото,
Шерсть пантеры и пулю я рядом нашью,
Здесь прекрасны сраженья, привольны охоты,
Хорошо здесь скитаться копью и ружью.

Дальше крупный опал, прихотливо мерцая
Затаенным в нем красным и синим огнем,
Мне так сладко напомнит мечети Сонгаи
И султана сонгайского праздничный дом.

И жемчужиной дивной отмечен мной будет
Сердце Африки, город чудес — Тимбукту,
Где встречается тот, кто сидит на верблюде,
С тем, кто правит рулем на тяжелом плоту.

Здесь впервые вздыхает легко и глубоко
Запыленный, пустыней измученный гость,
Приезжающий пестрые ткани Марокко
Обменять на рабов и слоновую кость.

Он глядит, как фонтаны исполнены неги,
Как пылает на солнце банановый лист,
И—он знает, сюда не придут туареги,
Не хлыстнет этих стен их пронзительный свист.

Я создам эту карту, и верно поэты—
Этот город поэтов и пальм, Тимбукту,
Лунной ночью почувствуют тайно, что где-то
Звон их лютней ответную будит мечту.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

I.

Серебром холодной зари
Озаряется небосвод,
Меж Стамбулом и Скутари
Пробирается пароход.
Как дельфины, пляшут ладьи,
И так радостно солоны
Молодые губы твои
От соленой свежей волны.
Вот, как рыжая грива льва,
Поднялись три большие скалы—
Это Принцевы Острова
Выступают из синей мглы.
В море просветы янтаря
И кровавых кораллов лес,
Иль то розовая заря
Утонула, сойдя с небес?
Нет, то просто красных медуз
Проплывает огромный рой,
Как сказал нам один француз,—
Он ухаживал за тобой.
Посмотри, он идет опять
И целует руку твою...
Но могу ли я ревновать,—
Я, который слишком люблю?...
Ведь всю ночь, пока ты спала,
Ни на миг я не мог заснуть,
Все смотрел, как дивно бела
С царским кубком схожая грудь.
И плывем мы древним путем
Перелетных веселых птиц,
Наяву, не во сне плывем
К золотой стране небылиц.

II.

Сеткой путанной мачт и рей
И домов, сбежавших с вершин,
Поднялся пред нами Пирей,
Корабельщик старый Афин.
Паровоз упрямый, пыхти!
Дребезжи и скрипи вагон!
Нам дано наконец прийти
Под давно родной небосклон.
Покрывает июльский дождь
Жемчугами твою вуаль,
Тонкий абрис масличных рощ
Нам бросает навстречу даль.
Мы в Афинах. Бежим скорей
По тропинкам и по скалам:
За оградою тополей

Встал высокий мраморный храм,
Храм Палладе. До этих пор
Ты была не совсем моя.
Брось в расселину луидор—
И могучей станешь, как я.
Ты поймешь, что страшного нет,
И печального тоже нет,
И в душе твоей вспыхнет свет
Самых вольных божьих комет.
Но мы станем одно вдвоем
В этот тихий вечерний час,
И богиня с длинным копьем
Повенчает для славы нас.

III.

Чайки манят нас в Порт-Саид,
Ветер зной из пустыни донес,
Остается направо Крит,
А налево милый Родос.
Вот широкий Лессепсов мол,
Ослепительные дома.
Гул, как будто от роя пчел,
И на пристани кутерьма.
Дело важное здесь нам есть,—
Без него был бы день наш пуст,—
На террасе отеля сесть
И спросить печеный лангуст.
Ничего нет в мире вкусней
Розоватого их хвоста,
Если соком рейнских полей
Пряность легкая полита.
Теплый вечер. Смолкает гам.
И дома в прозрачной тени,
По утихнувшим площадям
Мы с тобой проходим одни,
Я рассказываю тебе,
Овладев рукою твоей,
О чудесной, как сон, судьбе,
О твоей судьбе и моей.
Вспоминаю, что в прошлом был
Месяц черный, как черный ад,
Мы расстались и я манил
Лишь стихами тебя назад.
Только вспомнишь — и нет вокруг
Тонких пальм, и фонтан не бьет,
Чтобы ехать дальше на юг,
Нас не ждет большой пароход.
Петербургская злая ночь;
Я один, и перо в руке,
И никто не может помочь
Безысходной моей тоске.
Со стихами грустят листы,
Может быть, ты их не прочтешь...
Ах, зачем поверила ты
В человечью, скучную ложь?
Я люблю, бессмертно люблю
Все, что пело в твоих словах,
И скорблю, смертельно скорблю
О твоих губах-лепестках.
Яд любви и позор мечты!
Обессилен, не знаю я—
Что же сон? Жестокая ты
Или нежная и моя?

Февраль 1920.

ПЬЯНЫЙ ДЕРВИШ.

Соловьи на кипарисах и над озером луна,
Камень черный, камень белый, много выпил я вина,
Мне сейчас бутылка пела громче сердца моего:
Мир лишь луч от лика друга, все иное тень его!

Виночерпия взлюбил я не сегодня, не вчера,
Не вчера и не сегодня пьяный с самого утра.
И хожу и похваляюсь, что узнал я торжество:
Мир лишь луч от лика друга, все иное тень его!

Я бродяга и трущобник, непутевый человек,
Все, чему я научился, все забыл теперь навек,
Ради розовой усмешки и напева одного:
Мир лишь луч от лика друга, все иное тень его!

Вот иду я по могилам, где лежат мои друзья,
О любви спросить у мертвых неужели мне нельзя?
И кричит из ямы череп тайну гроба своего:
Мир лишь луч от лика друга, все иное тень его!

Под луною всколыхнулись в дымном озере струи,
На высоких кипарисах замолчали соловьи,
Лишь один запел так громко, тот, не певший ничего:
Мир лишь луч от лика друга, все иное тень его!

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ТРАМВАЙ.

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен..
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.

И, промелькнув у оконной рамы,
Бросил нам вслед пытливый взгляд
Нищий старик, — конечно тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет.

Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят — зеленная, — знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.

В красной рубашке с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь в ящике скользком, на самом дне.

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху ковер ткала́,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла!

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренною косой
Шел представляться императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.

И сразу ветер знакомый и сладкий
И за мостом летит на меня,
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравьи
Машеньки и панихиду по мне.

И все ж навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ.

ЮХАНО.

Рано - рано из тумана прорезаются леса;
Едет Юхано на лодке, с лодкой движется леса.
Гладь озерная недвижна, берега как пояса.

Коренастый, низколобый, преисполнен тучных сил,
Едет Юхано на лодке, едет тихо, загрустил:
Нету милой, нет любимой, никого я не любил.

Зазвенели колокольчики с далеких берегов:
Это Тильда выгоняет на поля своих коров.
Как-то мальчик ее белый этой осенью здоров?

Долетел до лодки, хриплый, с берегов собачий лай:
Лает Вахти, сторож Айны... Ну-ка, сердце, вспоминай,
Кто там мальчика качает в колыбели, баю-бай?

Всколыхнулась громко рыба в прибережных тростниках.
Это едет Маэстина, в лодке стоя на ногах;
Едет бросить в воду сети; тяжело ей на сносях.

Гладь озерная недвижна, берега как пояса.
Едет Юхано на лодке, с лодкой движется леса.
Нету милой, нет любимой, где ты девушка - краса!

ТАР.

Тар мой властный, огнеокий,
Ты разбил мою ладью.
Я принес тебе высокий
Череп пива, сердце птицы и кутью.

Тар мой грозный! Ты нещаден,
Ты угнал мои стада.
Я принес мозги всех гадин,
Нет им счета, сколько пота и труда!

Тар всевластный, вечно-гневный,
Ты убил невесту дочь.
Я зажег костер полдневный,
Жег быков, не тронув мяса, день и ночь.

Тар, о жадный! Самой сильной
Ты лишил меня жены.
Жертвы я не знал всесильней:
Вылил кровь седьмого сына у сосны.

Тар, на помощь! Чьей же властью
Стали дни мои пусты?
Жрал ты жертвы полной пастью,
Ты без сердца — или все это не ты.

ЯРИЛА.

Отточили кремневый топор,
Собрались на зеленый ковер,
Собрались под зеленый шатер.
Там белеется ствол обнаженный,
Там белеется липовый ствол.
Липа, нежное дерево, липа—
Липовый ствол
Обнаженный.

Впереди, седовласый, космат,
Подвигается старый ведун.
Пережил он две тысячи лун,

Хоронил он топор.
От далеких озер
Он пришел.
Ему первый удар
В белый ствол.

Вот две жрицы десятой весны
Старику отданы.
В их глазах
Только страх,
И, как ствол, их белеют тела.
Так бела
Только — нежное дерево — липа.

Взял одну и подвел,
Опрокинул на ствол,
Привязал.
Просвистел топором—
Залился голосок
И упал.
Так ударился первый удар.

Подымали другие за ним
Тот кровавый топор,
Тот кремневый топор.
В тело раз,
В липу два,
Опускали.

И кровавился ствол,
Принимая лицо.
Вот черта — это нос,
Вот дыра — это глаз.
В тело раз,
В липу два.
Покраснела трава,
Заалелся откос,
И у ног
В красных пятнах лежит
Новый бог.

ДОЖДЕВИК.

Дождик вешний, реденький
Город окропил.
Гнется нищий седенький
На углу без сил.

— Ты куда, откудова,
Старичок, скажи!
— С неба белогрудого,
С голубой межи.

— Кто же с неба дальнего
В город попадет?
— Не смущай печального!
Видишь: дождь идет.

— А о чем печалится
Дождевик седой?
— Скоро ль мук убавится
У земли святой.

ВЕСНА.

Монастырская.

Звоны - стоны, перезвоны,
Звоны - вздохи, звоны - сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело:
Мать игуменья велела.
У ворот монастыря
Плачет дочка звонаря:

Ах, ты поле, моя воля,
Ах, доро́га дорога́!
Ах, мосток у чиста поля,
Свечка чиста четверга!

Ах, моя горела ярко,
Погасала у него.
Наклонился, дышит жарко,
Жарче сердца моего.

Я отстала, я осталась
У высокого моста.
Пламя свечек колебалось,
Целовалися в уста.

Где ты, милый, лобызанный,
Где ты, ласковый такой!
Ах, пары весны, туманы,
Ах, мой девичий спокой!

Звоны - стоны, перезвоны,
Звоны - вздохи, звоны - сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело.
Мать игуменья велела
У ворот монастыря
Не болтаться зря.

ВЕСНА.

Городская.

Вся измучилась, устала,
Мужа мертвого прибрала,
Стала у окна.
Высоко окно подва́ла,
Грязью стекла закидала
Ранняя весна.

Подышать весной немножко,
Поглядеть на свет в окошко:
Ноги и дома;
И по лужам разливаясь,
Задыхается, срываясь,
Алая кайма.

Ноют руки молодые,
Виснут слезы горевые,
Темнота от мук.
Торжествует, нагло-четок,
Конок стук и стук пролеток,
Деревянный стук.

Высокое озеро,
Синее озеро,
Молча лежит.
Зелено-косматое,
Спячкой измятое,
В воду глядит.

Белые волосы,
Длинные волосы
Небо прядет—
Небо без голоса,
Звонкого голоса,
Молча прядет.

ОСЕННИЦА.

Вот неделю, две недели
Дождик капает, идет:
Желто-желтые капели,
Рыжий, бурый, красный лет.

Побелела куропатка,
Лес осыпанный сквозит:
Лодка, белая касатка,
В желтой заводи стоит.

Зелененький, зелененький, весенний мой лесок!
Любименький, любименький, кудрявый мой дружок!
Под ельником, под ельником, на мягком, мягком мху
Не я ль внизу томилася, а солнце наверху!

Рукавицы шерстяные
Жарким летом начала,
В эти руки ледяные
Белым утром отдала.

По утрам мороз белеет,
Скоро выпадет снежок.
Сердце зиму костенеет,
На весну придет дружок.

Зелененький, зелененький, весенний мой лесок,
Любименький, любименький, кудрявый мой дружок!
Под ельником, под ельником на мягком, мягком мху
Не я ль внизу раскинуся, а солнце наверху!

ЗНОЙ.

Не воздух, а золото,
Жидкое золото
Пролито в мир.
Скован без молота,
Жидкого золота
Не движется мир.

МЕТЕЛЬ.

Замети меня метелями,
Белой вьюгой закрути,
Вьюжной песней утоми,
Чтоб за елями, под елями
В белоснежный сон уйти—
Только сон не отыми.

Все взяла, на ветер кинула:
На, пляши, гуди, мети,
Замети, убей, уйми!
Косы белые раскинула,
Пляшешь, душишь, отпусти!
Руки - вихри разойми.

РОЖЬ.

Давно ль по этим косогорам
Ты, пахарь, правил тяжкий плуг—
И вот над рожью стал дозором
Луны июньской полный круг.

Недвижен колос полуночный,
И стихнул всякий звук полей.
Схоронен труд на срок зарочный
Во власть торжественных стеблей.

Что зреет? Голод, стыд и муки,
Иль русский праздник — урожай?
Жалей, земля, родные руки
И черным годом не сражай!

НИЩАЯ.

Нищая Тульской губернии
Встретилась мне на пути.
Инея белые тернии
Стали венок ей плести.

День был морозный и ветренный.
Плакал ребенок навзрыд.
Думал я: первенец жертвенный
Правду о мире кричит.

Молвил я: бедная, бедная!
Что ж, прими мой пятак...
Даль расступилась бесследная,
Канула нищая в мрак.

Гнется дорога горбатая.
В мире подветренном дрожь.
Что же ты, Тула богатая,
Зря самовары куешь?

Что же ты, Русь нерадивая,
Вьюгам бросаешь детей?
Ласка твоя прозорливая
Сгинула где без вестей?

Или сама ты заброшена
В тьму, маету, нищету,
Горе, незвано - непрошено
Треплет твою красоту?

Ну-ка, вздохни по-старинному,
Злую помеху свали,
Чтобы опять по-былинному
Силы твои расцвели!

◆ ◆ ◆

Алексею Ремизову.

Звериный цесарь, нежити и твари
Ходатай и заступник пред людьми!
Скажи, в каком космическом пожаре
Ты дух свой сплавил с этими костьми?

Старообрядца череп, нос эс-эра,
Канцеляриста горб и дьяковы персты.
Нет, только Русь — таинственная эра—
Даст чудище, родимое, как ты.

◆ ◆ ◆

О. Э. Мандельштаму.

Он верит в вес, он чтит пространство,
Он нежно любит материал.
Он вещества не укорял
За медленность и постоянство.

Строфы послушную квадригу
Он любит,— буйно разогнав, —
Остановить. И в том он прав,
Что в вечности покорен мигу.

◆ ◆ ◆

Так, без конца, сидеть и прясть
То шерсть снегов, то зелень весен,
То старым смерть, то юным страсть —
Такой удел, как стыд, не сносен.

Не верю в Парок я седых!
Одна у каждой жизни Парка:
Я сам ползу во мхах земных
Иль в звездах загораюсь ярко.

◆ ◆ ◆

Ворвался вихрь, развеял пепел
Письма, сожженного письма.
Быть может, это ты сама?
Сама, сама! Он, быстр и тепел,

Неудержим, как ты, ворвался,
Сам распахнул мое окно.
И там, где было все темно,—
Во мне — восторг разбушевался.

◆ ◆ ◆

Я днем люблю какую-то дикарку
С дрожащим и несытым ртом,
С зубами дикими и кровью жаркой,
С покатым и широким лбом.
И днем мне кажется, что с нею, пьяной,
Я об руку всю жизнь пройду
Дорогою, всегда от солнца рдяной,
В живом, как зарево, бреду.
Но вечером, когда на миг смолкает
В людском звериное, а тьма
Еще неслышимо вокруг летает,
Уходит ярость от меня сама.
Я нахожу в себе такие струны,
Какие в ангелах и детворе
Почти божественно и юно
Поют на утренней заре.

Тебя я вечером люблю. В сияньи
Твоих забывчивых и черных глав,
Где вспыхивает вдруг страданье,
Где гневный загорается алмаз.
И выгнутых искусством поколений
Люблю тоску твоих бровей
И у ресниц замученные тени
Неведомых твоих страстей.

РУСЬ.

Медведя на цепи водила,
Сама сидела на цепи
И в голову себе гвоздила
Одно проклятое: терпи.

Гнила в пещерах и колодах,
Крутила мощи, в срубах жглась,
И род от рода, год от года
Влипала в темноту и грязь.

Мечтая о небесном рае,
В смердящем ужилась гробу.
В бунтах разнузданных сгорая,
Царя носила на горбу.

Петлю затягивая туже,
Сама тащилась на убой
И бубенцом цветистых дужек
Бранилась с ведьмою судьбой.

А все, что было молодого
дерзкого — огонь мирской —
В татарье всучивала слово,
Душила пьяною тоской.

О, ведь и я любил так слепо
Колоколов вечерний звон,
Монастыря седую крепость,
Черницы поясной поклон.

И ладан сказок несуразных,
И тлен непротивленья злу,
И пенье нищих безобразных,
И сон угодника в углу.

Как много сил распалось прахом,
Растлилась дубовья в труху!
Довольно кланялись мы плахам,
Иконостасу и греху!

Пусть с кровью мы сдираем ветошь,
Но мы сдерем ее с себя.
В алмазы гаснут глыбы света,
Стекляшку молоты дробят.

Пусть грузен труд, и взмахи грубы,
И в песнях славы слышен вой.
Живые ставят жизни срубы,
В могилу валит, что мертво!

В провалах страшного распада
Восстали вихри новых звезд.
Ушедшая под землю падаль
Пророчит богатырский рост.

Раздвинуты границы мира.
Былое небылью ушло.
О, ведь и мне жилось так сиро,
Теперь так буйно и светло!

СУМЕРКИ.

Пусть мы погибнем миллионами,
Но огласим века победным зовом.
Знаменами, в сраженьях опаленными,
Мы возвестим о мирозданьи новом.

Мы строим. Мы творим. Мы совершители.
И никогда никто не уничтожит
Первотвердынь трудящейся обители
И праздника, что нами буйно прожит.

Настали будни. Сумерки нахлынули.
Кому доверить знамя огневое?
Праправнуку ль, потомку, внуку, сыну ли,
Иль всемеро дальнейшему, иль вдвое?

Миг — время. И грядет, грядет возмездие
За обреченными упорным шагом,
К зениту поднимая алозвездие,
Обетованье мирового блага.

Земля кишит рабами угнетенными.
И все восстанут лютым мироломом —
Серпами, молотами, веретенами
Себе трудиться и мирским хоромам.

Как угадать победы час сквозь марево?
Приблизить всход, таимый алой новью?
Борьбой, борьбой за мировое зарево
И гибнущих в борьбе нетленной кровью.

КРАСНАЯ АРМИЯ.

Изнуренные, голодные,
Но свободные,
Как буря,
Разбивая фронты в прах,

Вея пламенем в лазури,
С красным молотом в руках,
Вы идете,
Рота к роте,
К легиону легион,
Как неслыханный циклон.

Вас ничто не остановит,
Не удержит вас никто.
Глупый враг вас тщетно ловит,
Словно солнце в решето.

И напрасно в хищной злобе
Золотой ярится пес:
Будут все в одном сугробе,
Кто над вами меч занес.

Будут все в одной могиле,
Кто на вас склубился в мгле.
Неизбежной вашей силе
Нет отпора на земле.

Всюду, где бросают зерна,
Где грохочут молотки,
Ваш призыв, как гром, упорный,
Бьет насильникам в виски.

В душных хижинах на Ганге,
В топях рисовых болот
Ваши огненные фланги,
Ваши крылья, ваш полет.

Изнуренные, голодные,
Но свободные,
Как буря,
Разбивая фронты в прах,
Вея пламенем в лазури,
С красным молотом в руках,
Вы идете,
Рота к роте,
К легиону легион,
Как неслыханный циклон.

КОФЕ.

Тебя сбирала девушка нагая
По зарослям благоуханной Явы.
Как ящерицу, дико обжигая,
Ей кожу рыжей сделал луч кудрявый

Замучена полуденной работой,
К работнику, такому же нагому,
Она бежала в лунное болото
К сплетенному из вешних прутьев дому.

И там кричали, радуясь, как дети,
Что труд прошел, а ночь еще продлится,
Показывая на жемчужном свете
Блестящие от долгой ласки лица.

С утра британец с ремешковой плеткой
У пристани следил за упаковкой
Клейменных ящиков и кровью кроткой
Окрашивал тугую плетку ловко.

Потом с валов могучих океана
Корабль срезал бунтующую пену,
Пока в каюте мягкой капитана
Купцы высчитывали вес и цену.

До пристани, закутанной в туманы,
Томились, гордо засыхая, зерна.
А там, на Яве, кровяные раны
На девушке горели, рыже-черной.

Вот отчего, когда кипит в фарфоре
С отливом золотистым черный кофе,
В мозгу встает желаний буйных море,
Душа тоскует вдруг по катастрофе.

Взорвать Европу! Снять с дикарской воли
Бесстыдство злое купли и продажи!
Плетей не надо для цветов магнолий,
Не надо солнцу океана стражи.

Отмстить за бешенство бичей ременных!
Пусть хищники в туман уйдут кровавый!
Да здравствует свобода угнетенных
Во всех краях, как на болотах Явы!

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ.

◆ ◆ ◆

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Все большое далеко развеять,
Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю,
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели—
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

◆ ◆ ◆

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Темная звериная душа:

Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.

SILENTIUM.

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Покойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день
И пены бледная сирень
В мутно-лазоревом сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

◆ ◆ ◆

В огромном омуте прозрачно и темно
И томное окно белеет;
А сердце, отчего так медленно оно
И так упорно тяжелеет?

То всею тяжестью оно идет ко дну,
Соскучившись по милом иле,
То, как соломинка, минуя глубину,
Наверх всплывает без усилий.

С притворной нежностью у изголовья стой
И сам себя всю жизнь баюкай,
Как небылицею, своей томись тоской
И ласков будь с надменной скукой.

◆ ◆ ◆

Смутно-дышащими листьями
Черный ветер шелестит,
И трепещущая ласточка
В темном небе круг чертит.

Тихо спорят в сердце ласковом,
Умирающем моем
Наступающие сумерки
С догорающим лучом.

И над лесом вечереющим
Встала медная луна;
Отчего так мало музыки
И такая тишина?

◆ ◆ ◆

В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся, высокие, дугой.

И с укрепленного архангелами вала
Я город озирал на чудной высоте.
В стенах Акрополя печаль меня снедала,
По русском имени и русской красоте.

Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное — Флоренция в Москве.

И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне — явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.

1916.

КАЗИНО.

Я не поклонник радости предвзятой,
Подчас природа — серое пятно,—
Мне, в опьяненьи легком, суждено
Изведать краски жизни небогатой.

Играет ветер тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И бездыханная, как полотно,
Душа висит над бездною проклятой.

Но я люблю на дюнах казино,
Широкий вид в туманное окно
И тонкий луч на скатерти измятой;

И, окружен водой зеленоватой,
Когда, как роза, в хрустале вино,—
Люблю следить за чайкою крылатой!

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОФЫ.

Н. Гумилеву.

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припеке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна,—как броненосец в доке,—
Россия отдыхает тяжело.

А над Невой — посольство полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства крепкая порфира,
Как власяница грубая, бедна.

Тяжка обуза северного сноба—
Онегина старинная тоска;
На площади сената — вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка...

Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.

Летит в туман моторов вереница;
Самолюбивый, скромный пешеход—
Чудак Евгений — бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!

◆ ◆ ◆

В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа.
Нам пела Шуберта родная колыбель.
Шумела мельница, и в песнях урагана
Смеялся музыки голубоглазый хмель.

Старинной песни мир — коричневый, зеленый,
Но только вечно молодой,
Где соловьиных лип рокочущие кроны
С безумной яростью качает царь лесной.

И сила страшная ночного возвращенья,
Та песня дикая, как черное вино:
Это двойник, пустое привиденье
Бессмысленно глядит в холодное окно.

АДМИРАЛТЕЙСТВО.

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в темной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали, воде и небу брат.

Ладья воздушная и мачта - недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота — не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.

Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек.
Не отрицает ли пространства превосходство,
Сей целомудренно построенный ковчег?

Сердито лепятся капризные медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря;
И вот разорваны трех измерений узы,
И открываются всемирные моря.

◆ ◆ ◆

О временах простых и грубых
Копыта конские твердят.
И дворники в тяжелых шубах
На деревянных лавках спят.

На стук в железные ворота
Привратник, царственно ленив,
Встал и звериная зевота
Напомнила твой образ, скиф!

Когда с дряхлеющей любовью,
Мешая в песнях Рим и снег,
Овидий пел арбу воловью,
В походе варварских телег.

ДЕКАБРИСТ.

— Тому свидетельство языческий сенат—
Сии дела не умирают!
Он раскурил чубук и запахнул халат,
А рядом в шахматы играют.

Честолюбивый сон он променял на сруб
В глухом урочище Сибири,
И вычурный чубук у ядовитых губ,
Сказавших правду в скорбном мире.

Шумели в первый раз германские дубы.
Европа плакала в тенетах.
Квадриги черные вставали на дыбы
На триумфальных поворотах.

Бывало голубой в стаканах пунш горит.
С широким шумом самовара
Подруга рейнская тихонько говорит,
Вольнолюбивая гитара.

— Еще волнуются живые голоса
О сладкой вольности гражданства!
Но жертвы не хотят слепые небеса:
Вернее труд и постоянство.

Все перепуталось и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Все перепуталось и сладко повторять
Россия, Лета, Лорелея.

1917.

◆ ◆ ◆

Мне холодно. Прозрачная весна
В зеленый пух Петрополь одевает,
Но, как Медуза, невская волна
Мне отвращенье легкое внушает.
По набережной северной реки
Автомобилей мчатся светляки,
Летят стрекозы и жуки стальные,
Мерцают звезд булавки золотые,
Но никакие звезды не убьют
Морской воды тяжелый изумруд.

TRISTIA.

Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.
Жуют волы и длится ожиданье—
Последний час вигилий городских,
И чту обряд той петушиной ночи,
Когда, подняв дорожной скорби груз,
Глядели в даль заплаканные очи
И женский плач мешался с пеньем муз.

Кто может знать — при слове расставанье,
Какая нам разлука предстоит?
Что нам сулит петушье восклицанье,
Когда огонь в акрополе горит?
И на заре какой-то новой жизни,
Когда в сенях лениво вол жует,
Зачем петух, глашатай новой жизни,
На городской стене крылами бьет?

И я люблю обыкновенье пряжи;
Снует челнок, веретено жужжит.
Смотри: навстречу, словно пух лебяжий,
Уже босая Делия летит.
О, нашей жизни скудная основа!
Куда как беден радости язык!
Все было встарь. Все повторится снова.
И сладок нам лишь узнаванья миг.

Да будет так: прозрачная фигурка
На чистом блюде глиняном лежит,
Как беличья распластанная шкурка,
Склонясь над воском, девушка глядит.

Не нам гадать о греческом Эребе;
Для женщин воск,—что для мужчины медь.
Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано, гадая, умереть.
1918.

◆ ◆ ◆

Я наравне с другими
Хочу тебе служить,
От ревности сухими
Губами ворожить.
Не утоляет слово
Мне пересохших уст,
И без тебя мне снова
Дремучий воздух пуст.

Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И сам себя несу я,
Как жертву, палачу.
Тебя не назову я
Ни радость, ни любовь,
На дикую, чужую
Мне подменили кровь.

Еще одно мгновенье,
И я скажу тебе,
Не радость, а мученье
Я нахожу в тебе.
И словно преступленье
Меня к тебе влечет
Искусанный в смятеньи
Вишневый, нежный рот.

Вернись ко мне скорее,
Мне страшно без тебя,
Я никогда сильнее
Не чувствовал тебя.
И все, чего хочу я,
Я вижу наяву.
Я больше не ревную,
Но я тебя зову.
1920.

◆ ◆ ◆

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи,
На головах царей божественная пена—
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам, одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

◆ ◆ ◆

Сегодня дурной день,
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень—
Мрачней гробовых плит.

Мелькающих стрел звон
И вещих ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.

Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клеть,
И яростный гимн грянь,
Бунтующих тайн медь!

О, маятник душ строг,
Качается глух, прям,
И страстно стучит рок
В запретную дверь к нам...

АННА АХМАТОВА.

РЫБАК.

Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед.
Едкий, душный запах дегтя,
Как загар, тебе идет.

И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.

Даже девочка, что ходит
В город продавать камсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.

Щеки бледны, руки слабы,
Истомленный взор глубок,
Ноги ей щекочут крабы,
Выползая на песок.

Но она уже не ловит
Их протянутой рукой,
Все сильней биенье крови
В теле, раненом тоской.

ВЕЧЕРОМ.

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: „Я верный друг!"
И моего коснулся платья.
Как непохожи на об'ятья
Прикосновенья этих рук.

Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных.
Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
„Благослови же небеса:
Ты первый раз одна с любимым".

1913. Март.

◆ ◆ ◆

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня.

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз,
А в груди моей уже не слышно
Трепетания стрекоз.

Ах! Не трудно угадать мне вора,
Я его узнала по глазам.
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам.

1914. Январь.

◆ ◆ ◆

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводненья в городе боялись.

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине — нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость—

Затем, что воздух был совсем не наш
А как подарок божий — так чудесен,
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

1914. Январь.

◆ ◆ ◆

Каждый день по новому тревожен,
Все сильнее запах спелой ржи,
Если ты к ногам моим положен,
Ласковый, лежи.

Иволги кричат в широких кленах.
Их ничем до ночи не унять.
Любо мне от глаз твоих зеленых
Ос веселых отгонять.

На дороге бубенец зазвякал—
Памятен нам этот легкий звук.
Я спою тебе, чтоб ты не плакал,
Песенку о вечере разлук.

1913.

◆ ◆ ◆

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти господа моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

1913. Осень.

◆ ◆ ◆

Слаб голос мой, но воля не слабеет,
Мне даже легче стало без любви.
Высоко небо, горный ветер веет,
И непорочны помыслы мои.

Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется иглой.

Так прошлое над сердцем власть теряет,
Освобожденье близко, все прощу,
Следя, как луч взбегает и сбегает
По влажному весеннему плющу.

1912.

◆ ◆ ◆

Ты письмо мое, милый, не комкай,
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоем пути.

Не гляди так, не хмурься гневно,
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королевна,
И уже не монашенка я. —

В этом сером будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче об'ятье,
Тот же страх в огромных глазах.

Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи,
И его в твоей бедной котомке
На самое дно положи.

1912.

◆ ◆ ◆

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты, в своих путях всегда уверенный,
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально - благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Отчего же бог меня наказывал,
Каждый день и каждый час?
Или это ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?

1912. Май. Флоренция.

◆ ◆ ◆

Вечерние часы перед столом.
Непоправимо белая страница.
Мимоза пахнет Ниццей и теплом,
В луче луны летит большая птица.

И, туго косы на ночь заплетя,
Как будто завтра нужны будут косы,
В окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.

Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда мое он имя произносит.

1913. Лето.

◆ ◆ ◆

Память о солнце в сердце слабеет,
Желтей трава,
Ветер снежинками ранними веет
Едва, едва.

Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть лучше, что я не стала
Вашей женой.

Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? — Тьма?
Может быть! За ночь прийти успеет
Зима.

◆ ◆ ◆

Вере Ивановой-Шварсалон.

Туманом легким парк наполнился,
И вспыхнул на воротах газ.
Мне только взгляд один запомнился
Незнающих, спокойных глаз.

Твоя печаль, для всех неявная,
Мне сразу сделалась близка,
И поняла ты, что отравная
И душная во мне тоска.

Я этот день люблю и праздную,
Приду, как только позовешь.
Меня, и грешную, и праздную,
Лишь ты одна не упрекнешь.

◆ ◆ ◆

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу — зренье,
Или актеру — голос и движенье,
А женщине прекрасной — красоту?

Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены — и это знаем сами —
Мы расточать, а не копить.

Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И безразличие толпы.
1915.

◆ ◆ ◆

В. С. Срезневской.

Вместо мудрости — опытность, пресное,
Неутоляющее питье.
А юность была — как молитва воскресная...
Мне ли забыть ее?

Столько дорог пустынных исхожено
С тем, кто мне не был мил,
Столько поклонов в церквах положено
За того, кто меня любил...

Стала забывчивей всех забывчивых,
Тихо плывут года.
Губ нецелованых, глаз неулыбчивых
Мне не вернуть никогда.
1913.

◆ ◆ ◆

М. Лозинскому.

Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!
Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье
И снова голосом серебряным олень
В зверинце говорит о северном сияньи.
И я поверила, что есть прохладный снег
И синяя купель для тех, кто нищ и болен,
И санок маленьких такой неверный бег
Под звоны древние далеких колоколен.
1912.

◆ ◆ ◆

Я слышу иволги всегда печальный голос,
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.

И стройных жниц короткие подолы,
Как флаги в праздник, по ветру летят.
Теперь бы звон бубенчиков веселых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд.

Не ласки жду я, не любовной лести
В предчувствии неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы.
1917. Лето.

◆ ◆ ◆

Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на десять лет,
Но все-таки тебе я рада.

Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами:
Вот эта синяя тетрадь —
С моими детскими стихами.

Прости, что я жила скорбя
И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.

1915.

◆ ◆ ◆

От любви твоей загадочной,
Как от боли, в крик кричу,
Стала желтой и припадочной,
Еле ноги волочу.

Новых песен не насвистывай,
Песней долго ль обмануть,
Но когти, когти неистовей
Мне чахоточную грудь,

Чтобы кровь из горла хлынула
Поскорее на постель,
Чтобы смерть из сердца вынула
Навсегда проклятый хмель.

1918. Июль.

◆ ◆ ◆

Долгим взглядом твоим истомленная,
И сама научилась томить.
Из ребра твоего сотворенная,
Как могу я тебя не любить?

Быть твоею сестрою отрадною
Мне завещано древней судьбой
А я стала лукавой и жадною
И сладчайшей твоею рабой.

Но когда замираю, смиренная,
На груди твоей снега белей,
Как ликует твое умудренное
Сердце — солнце отчизны моей!

1921.

◆ ◆ ◆

О, жизнь без завтрашнего дня,
Ловлю измену в каждом слове,
И убывающей любови
Звезда восходит для меня.

Так незаметно отлетать,
Почти не узнавать при встрече,
Но снова ночь. И снова плечи
В истоме влажной целовать.

Тебе я милой не была,
Ты мне постыл. А пытка длилась,
И, как преступница, томилась
Любовь, исполненная зла.

То словно брат. Молчишь, сердит,
Но если встретимся глазами,—
Тебе клянусь я небесами,
В огне расплавится гранит.

1921.

◆ ◆ ◆

Чугунная ограда,
Сосновая кровать.
Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать.

Постель мне стелят эту
С рыданьем и мольбой;
Теперь гуляй по свету,
Где хочешь, бог с тобой.

Теперь твой слух не ранит
Неистовая речь,
Теперь никто не станет
Свечу до утра жечь.

Добились мы покою
И непорочных дней...
Ты плачешь — я не стою
Одной слезы твоей.

1921.

◆ ◆ ◆

Зажженных рано фонарей
Шары висящие скрежещут,
Все праздничнее, все светлей
Снежинки, пролетая, блещут.

И, ускоряя ровный бег,
Как бы в предчувствии погони,
Сквозь мягко падающий снег
Под синей сеткой мчатся кони.

И раззолоченный гайдук
Стоит недвижно за санями,
И странно ты глядишь вокруг
Пустыми светлыми глазами.

1919.

◆ ◆ ◆

Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.
За стеною слышен стук зловещий—
Что там, крысы, призрак или вор?

В душной кухне плещется водою,
Половицам шатким счет ведет,
С глянцевитой черной бородою
За окном чердачным промелькнет—

И притихнет. Как он зол и ловок,
Спички спрятал и свечу задул.
Лучше бы поблескиванье дул
В грудь мою направленных винтовок.

Лучше бы на площади зеленой
На помост некрашенный прилечь
И под клики радости и стоны
Красной кровью до конца истечь.

Прижимаю к сердцу крестик гладкий:
Боже, мир душе моей верни!
Запах тленья обморочно-сладкий
Веет от прохладной простыни.

1921.

◆ ◆

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж — палач, а дом его тюрьма.

Но видишь ли! Ведь я пришла сама;
Декабрь рождался, ветры выли в поле,
И было так светло в твоей неволе,
А за окошком сторожила тьма.

Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.

Теперь во мне спокойствие и счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно — мил
За то, что в дом свой странницу пустил.

1921.

◆ ◆ ◆

Проводила друга до передней,
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово—
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

Царское Село.

◆ ◆ ◆

Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно каюты
На зеленую волну.
Иль на палубе в ненастье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем,
Но, предчувствуя свиданье,
С тем, кто стал моей звездою,
От соленых брызг и ветра
С каждым часом молодеть.

1917.

◆ ◆ ◆

Н. Г. Чулковой.

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.

И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

1915.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Далеко в лесу огромном,
Возле синих рек,
Жил с детьми в избушке темной
Бедный дровосек.

Младший сын был ростом с пальчик,—
Как тебя унять,
Спи, мой тихий, спи мой мальчик,
Я дурная мать.

Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.

Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.

УЕДИНЕНИЕ.

Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,
И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен.
Строителей ее благодарю,
Пусть их забота и печаль минует.
Отсюда раньше вижу я зарю,
Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А недописанную мной страницу—
Божественно спокойна и легка—
Допишет Музы смуглая рука.

1914.

ПЕСНЯ О ПЕСНЕ.

Она сначала обожжет,
Как ветерок студеный,
А после в сердце упадет
Одной слезой соленой.

И злому сердцу станет жаль
Чего-то. Грустно будет.
Но эту легкую печаль
Оно не позабудет.

Я только сею. Собирать
Придут другие. Что же!
И жниц ликующую рать
Благослови, о боже!

А чтоб тебя благодарить
Я смела совершенней,
Позволь мне миру подарить
То, что любви нетленней.

1916.

ПАМЯТИ 19 ИЮЛЯ 1914.

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.

Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня.
Закрыв лицо, я умоляла бога
До первой битвы умертвить меня.

Из памяти, как груз отныне лишний,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей — опустевшей — приказал всевышний
Стать страшной книгой грозовых вестей.

1916.

◆ ◆ ◆

Н. Рыковой.

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес.

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам,
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

1921.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ.

◆ ◆ ◆

Визжат гудки. Несется ругань с барок —
Уже огни в таверне зажжены.
И, вечера июльского подарок,
Встает в окошке полукруг луны.

Как хорошо на пристани в Марсели
Тебя встречать, румяная луна.
Раздумывать — какие птицы сели
На мачту. За бутылкою вина.

Глядеть, как шумно роются колеса
„Септимии“, влачащие ее,
Как рослая любовница матроса
Полощет в луже — грубое белье.

Шуршит прибой. Гудки визжат упрямо,
Но все полно — такою стариной,
Как будто палисандровая рама
И дряхлый лист гравюры предо мной.

И кажется, — тяжелой дверью хлопнув,
Сэр Джон Фарфакс — войдет сюда сейчас—
Закажет виски — и, ногою топнув,
О страиствиях своих начнет рассказ.

◆ ◆ ◆

Настанут холода,
Осыпятся листы—
И будет льдом — вода.
Любовь моя, а ты?

И белый, белый снег
Покроет гладь ручья
И мир лишится нег...
А ты, любовь моя?

Но с милою весной
Снега растают вновь.
Вернутся свет и зной—
А ты, моя любовь?

◆ ◆ ◆

Я не любим никем! Пустая осень!
Нагие ветки, средь лимонной мглы.
А за киотом дряхлые колосья
Висят пропылены и тяжелы.

Я ненавижу полумглу сырую
Осенних чувств и бред гоню, как сон.
Я щеточкою ногти полирую
И слушаю старинный полифон.

Фальшивит нежно музыка глухая
О счастии несбыточных людей
У озера, где, вод не колыхая,
Скользят стада бездушных лебедей.

ВАЗА С ФРУКТАМИ.

Тяжелый виноград и яблоки, и сливы —
Их очертания отчетливо нежны—
Все оттушеваны старательно отливы.
Все жилки тонкие под кожицей видны.

Над грушами лежит разрезанная дыня,
Гранаты смуглые сгрудились перед ней;
Огромный ананас кичливо посредине
Венчает вазу всю короною своей.

Ту вазу, вьющимся украшенную хмелем,
Ваяла эллина живая простота:
Лишь у подножия к пастушеским свирелям
Прижаты мальчиков спокойные уста.

◆ ◆ ◆

Ах, небосклон светлее сердолика:
Прозрачен он и холоден и пуст.
Кровавится среди полей брусника,
Как алость мертвых уст.

Минорной музыкой звучат речные струи,
Скользят над влагой тени лебедей.
А осени немые поцелуи
Все чаще, все больней.

◆ ◆ ◆

Ночь светла и небо в ярких звездах.
Я совсем один в пустынном зале;
В нем пропитан и отравлен воздух
Ароматом вянущих азалий.

Я тоской неясною измучен
Обо всем, что быть уже не может.
Темный зал — о, как он сер и скучен!—
Шепчет мне, что лучший сон мой прожит.

Сколько тайн и нежных сказок помнят,
Никому поведать не умея,
Анфилады опустелых комнат
И портреты в старой галлерее.

Если б был их говор мне понятен!
Но, увы, — мечта моя бессильна.
Режут взор мой брызги лунных пятен
На портьере выцветшей и пыльной.

И былого нежная поэма
Молчаливей тайн иероглифа.
Все бесстрастно, сумрачно и немо.
О, мечты — бесплодный труд Сизифа!

◆ ◆ ◆

Снег уже пожелтел и обтаял,
Обвалились ледяшки с крыльца.
Мне все кажется, что скоротаю
Здесь нехитрую жизнь до конца

В этом старом помещичьем доме'
Где скрипит под ногами паркет,
Где все вещи застыли в истоме
Одинаковых медленных лет.

В сердце милые тени воскресли,
Вспоминаю былые года,—
Так приятно в вольтеровском кресле
О былом повздыхать иногда

И, в окно тихим вечером глядя,
Видеть легкие сны наяву,
Не смущаясь сознанью, что ради
Мимолетной тоски — я живу.

◆ ◆ ◆

Из облака, из пены розоватой
Зеленой кровью чуть оживлены
Сады неведомого халифата
Виднеются в сиянии луны.

Там меланхолия, весна, прохлада
И ускользающее серебро.
Все очертания такого сада
Как будто страусовое перо.

Там очарованная одалиска
Играет жемчугом издалека
И в башню к узнику скользит записка
Из клюва розового голубка.

Я слышу слабое благоуханье
Прозрачных зарослей и цветников
И легкой музыки летит дыханье
Ко мне, таинственное, с облаков.

Но это длится только миг единый:
Вот снова комнатная тишина,
В горошину кисейные гардины
И Каменноостровская луна.

◆ ◆ ◆

Уже бежит полночная прохлада
И первый луч затрепетал в листах
И месяца погасшая лампада
Дымится, пропадая в облаках.

Рассветный час! Урочный час разлуки
Шумит влюбленных приютивший дуб,
Последний раз соединились руки,
Последний поцелуй холодных губ.

Да! Хороши классические зори,
Когда валы на мрамор ступеней
Бросает взволновавшееся море,
И чайки вьются и дышать вольней!

Но я люблю лучи иной Авроры,
Которой расцветать не суждено:
Туманный луч, позолотивший горы,
И дальний вид в широкое окно.

Дымится роща от дождя сырая,
На кровле мельницы кричит петух,
И, жалобно на дудочке играя,
Бредет за стадом маленький пастух.

◆ ◆ ◆

Над морем северным холодный запад гас,
Хоть снасти дальние еще пылали красным.
Уже звучал прибой и гальционы глас
Порывом осени холодным и ужасным.

В огромное окно с чудесной высоты
Я море наблюдал. В роскошном увяданьи,
В гармонии валов жило и пело ты,
Безумца Тернера тревожное созданье.

В тумане грозовом дышалось тяжело...
Вдруг слава луниая, пробившись, озарила
Фигуру рыбака и парус, и весло,
И яростью стихий раздутое ветрило!

◆ ◆ ◆

Есть в литографиях старинных мастеров
Неиз'ясннмое, но явное дыханье,
Напев суровых волн и шорохн дубов,
И разноцветных птиц на ветках колыханье.

Ты в лупу светлую внимательно смотри
На шпаги и плащи у старомодных франтов,
На пристань, где луна роняет янтари,
И стрелки серебрит готических курантов.

Созданья легкие искусства и ума,
Труд англичаннна, н немца, и француза!
С желтеющих листов глядит на нас сама
Беспечной старины улыбчивая муза.

ПЕТЕРГОФ.

Опять заря! Осенний ветер влажен,
И над землею, за день не согретой,
Вздыхает дуб, который был посажен
Императрицею Елизаветой.

Как холодно! На горизонте дынном
Трепещет диск тускнеющим сияньем.
О, если бы застыть в саду пустынном
Фонтаном, деревом иль изваяньем!

Не быть влюбленным и не быть поэтом
И, смутно грезя мучившим когда-то,
Прекрасным рисоваться силуэтом
На зареве осеннего заката ..

◆ ◆ ◆

Столица спит. Трамваи не звенят
И пахнет воздух ночью и весною.
Адмиралтейства белый циферблат
На бледном небе кажется луною.

Лишь изредка по гулкой мостовой
Протопают веселые копыта,
И снова тишь, как будто над Невой
Прекрасная столица позабыта.

И навсегда сменилась тишиной
Жизнь буйная и шумная когда-то
Под тусклою недвижною луной
Мерцающего сонно циферблата.

Но отсветы стального багреца
Уже растут, пронзая дым зеленый
Над статуями Зимнего Дворца
И стройной Александровской колонной.

Неясный шум, фабричные гудки
Спокойствие сменяют постепенно,
На серых волнах царственной реки
Все розовей серебряная пена.

Смотри — бежит и исчезает мгла
Под солнечною светлой колесницей,
И снова жизнь, шумна и весела,
Овладевает Невскою столицей.

ПАВЛОВСКИЙ ОФИЦЕР.

Был пятый час утра, и барабанный бой
Сливался с музыкой воинственно-манерной,
Он вел гвардейский взвод н видел пред собой
Деревья, мелкий снег и Замок Инженерный.

Желтела сквозь туман ноябрьская заря,
И ветер шелестел осенними шелками.
Он знал, что каждый день летят фельд'егеря
В морозную Сибирь, где звон над рудниками.

Быть может, этот час отмеченный судьбой,
И он своих солдат неправильно расставил
И гневно ждет его с трясущейся губой
На взмыленном коне самодержавный Павел.

Сослать немедленно! Вот царственный приказ!
И скачет ад'ютант с развернутой бумагой
К нему. А он стоит, не поднимая глаз,
С запятнанным гербом и сломанною шпагой.

— „Здорово, молодцы!“ Ответный крик в ушах,
Курносое лицо сквозь частый снег мелькнуло.
До завтра—пронесло! И отлетает страх
С торжественной волной приветственного гула.

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ.

◆ ◆ ◆

Нет, ты не говори: поэзия—мечта,
Где мысль ленивая игрой перевита,

И где пленяет нас и дышит легкий гений,
Быстротекующих снов и нежных утешений.

Нет, долго думай ты и долго ты живи,
Плачь, и земную грусть, и отблески любви,

Дни хмурые, утра, тяжелое похмелье,
Все в сердце береги, как медленное зелье,

И, может, к старости тебе настанет срок
Пять-шесть произнести как бы случайных строк,

Чтоб их в полубреду потом твердил влюбленный,
Растерянно шептал на казнь приговоренный.

И чтобы музыкой глухой они прошли
По странам и морям тоскующей земли.

1919.

◆ ◆ ◆

День был ранний и молочно-парный.
Ин. Анненский.

Так тихо поезд подошел,
Пыхтя, к облезлому вокзалу,
Так грустно сердце вспоминало
Весь этот лес и частокол.

Все то же. Дождик поутру,
Поломанные георгины,
Лохмотья мокрой парусины
Все бьются, бьются на ветру,

А на цепи собака воет,
И выбегает на шоссе...
Здесь, правда, позабыли все,
Что было небо голубое.

Лишь помнит разоренный дом,
Как смерть по комнатам ходила,
Как черный поп взмахнул кадилом
Над полинявшим серебром.

И сосны помнят. И скрипят,
Совсем, как и тогда скрипели,—
Ведь к ночи ранние метели
Уж снегом заметали сад.

Сухую позолоту клена
Октябрь по улицам несет,
Уж вечерами на балконах
Над картами не слышен счет.

Но грамофон поет! И трубы
Завинчены, и круг скрипит,
У попадьи ли ноют зубы
Иль околоточный грустит.

Вертись, вертись! Очарованьям
И призракам пощады нет.
И вереи божеским сказаньям
Аяксов клоунский дуэт.

Но люди странны,—им не больно
Былые муки вспоминать
И хриплой музыки довольно,
Чтоб задыхаться и рыдать.

Был век... Иль, правда, вы забыли,
Как, услыхав ночной гудок,
Троянские суда отплыли
С добычей дивной на восток,

Как, покидая дом и стены,
И голубой архипелаг,
На корабле кляла Елена
Тяжелой верности очаг.

ЛЕТОМ.

Опять брожу. Поля и травы,
Пустой и обгорелый лес,
Потоки раскаленной лавы
Текут с чернеющих небес.

Я ненавижу тьму глухую
Томительных июльских дней,
О дальней родине своей,
Как пленник связанный, тоскую

Пусть камни старой мостовой
Занесены горячей пылью,
И солнце огненные крылья
Высоко держит над Невой,

Но северная ночь заплачет,
Весь город окружит кольцом,
И Всадник со скалы поскачет
За сумасшедшим беглецом...

Тогда на миг, у вечной цели,
Так близко зеленеет дно,
И песни сонные в окно
Несут ленивые свирели.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ.

Вот, под окном идут солдаты
И глухо барабаны бьют.
Смотрю и слушаю... Когда-то
Мне утешенье принесут?

Окно раскрыто, полночь скоро,
А там—ни тьмы, ни ветерка,
Там—Новгород, престольный город,
И Волхов, синяя река.

Письма не будет... Знаю, знаю.
Писать ведь письма не легко!
Зачем гармоника играет
Так поздно, и недалеко?

Последний нонешний денечек,
Последние часы мои...
Все ближе смерть. И все короче
Томительные к ней пути.

◆ ◆ ◆

Звенели, пели. Грязное сукно,
И свечи тают. „Ваша тройка бита.
Позвольте красненькую. За напиток
Не беспокойтесь". И опять вино,

И снова звон. Ложится синий дым.
Все тонет — золото, окно и люди,
И белый снег. По улицам ночным
Пойдем, мой друг, и этот дом забудем.

И мы выходим. Только я один,
И ветер воет, пароходы вторят.
Нет, я не Байрон, и не арлекин,
Что делать мне с тобою, сердце—море?

Пойдем, пойдем .. Ни денег, ни вина.
Ты видишь небо, и метель, и трубы?
Ты Музу видишь, и уже она
Оледенелые целует губы.

1916.

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ.

Звенит гармоника. Летят качели.
„Не шей мне, матерь, красный сарафан".
Я не хочу вина. И так я пьян.
Я песню слушаю под тенью ели.

Я вижу город в голубой купели,
Там белый Кремль—замоскворецкий стан,
Дым, колокольни, стены, царь-Иван,
Да роза и чахотка на панели.

Мне грустно, друг. Поговори со мной.
В твоей России холодно весной,
Твоя лазурь стирается и вянет.

Лежит Москва. И смертная печаль
Здесь семячки лущит, да песню тянет,
И плечи кутает в цветную шаль.

1917.

◆ ◆ ◆

Жизнь! Что мне надо от тебя,—не знаю.
Остыла грусть, младенчества удел.
Но так скучать, как я теперь скучаю,
Бог милосердный людям не велел.

И если где-нибудь живет и дышит
Тот, кто навек назначен мне судьбой,
Что ж не приходит он ко мне, не слышит,
Еще не ослабевший голос мой?

Лишь два огромных, черных, тусклых глаза
И два огромных, траурных крыла
Тень бросили от синих гор Кавказа
На жизнь мою и на мои дела.

1920.

БОЛЕЗНЬ.

В столовой бьют часы. И пахнет камфорой,
И к утру у висков еще яснее зелень.
Как странно вспоминать, что прошлою весной
Дымился свежий лес и вальдшнепы летели.

Как глухо бьют часы. Пора нагреть вино
И поднести к губам дрожащий край стакана
А разлучиться всем на свете суждено,
И всем ведь кажется, что беспощадно рано.

Уже не плакала и не звала она,
И только в тишине задумчиво глядела
На утренний туман, и в кресле у окна
Такое серое и гибнущее тело.

1916.

М. ЗЕНКЕВИЧ.

◆ ◆ ◆

Пары сгущая в алый кокон, —
Как мудрый огненный паук,
Ткет солнце из цветных волокон
За шелковистым кругом круг.

И тяжким тяготеньем сбиты,
И в жидком смерче сгущены,
Всего живущего орбиты
И раскаленны и красны.

И ты, мой дух слепой и гордый,
Познай, как солнечная мгла,
Свой круг и бег алмазно - твердый
По грани зыбкого стекла.

Плавь гулко в огненном удушьи
Металлов жидкие пары
И славь в стихийном равнодушьи
Раздолье дикое игры!

ЗЕМЛЯ.

О мать Земля! Ты в сонме солнц блестела,
Пред алтарем смыкаясь с ними в круг,
Но струпьями, как Иову, недуг
Тебе изрыл божественное тело.

И красные карбункулы вспухали
И лопались и в черное жерло
Копили гной, как жидкое стекло,
И щелями зияя, присыхали.

И на пластах застывших изверженья
Лег сгустками запекшись кремнезем,
Где твари — мы плодимся и ползем,
Как в падали бациллы разложенья.

И в глубях шахт, где тихо спит руда,
Мы грузим кровь железную на тачки
И бередим потухшие болячки
И близим час последнего суда...

И он пробьет! Болезнь омывши лавой,
Нетленная, восстанешь ты в огне,
И в хоре солнц в эфирной тишине
Вновь загремит твой голос величавый!

МЕТАЛЛЫ.

Дремали вы среди молчанья,
Как тайну вечную сокрыв
Все, что пред первым днем созданья
Узрел ваш огненный разлив.

Но вас от мрака и дремоты
Из древних залежей земли
Мы святотатцы - рудометы
Для торжищ диких извлекли.

И огнедышащие спруты—
Вертите щупальцы машин
И мерите в часах минуты,
А в телескопах бег пучин.

И святотатственным чеканом
На отраженьях божьей мглы
Сверкают в золоте багряном
Империй призрачных орлы.

Но тяжкий грохот ваших песен
Поет без устали о том,
Что вы владык земли, как плесень,
Слизнете красным языком;

Что снова строгий и печальный
Над хаосом огня и вод
Дух — созидатель изначальный —
Направит легкий свой полет!

ЧЕЛОВЕК.

К светилам в безрассудной вере
Все мнишь ты богом возойти,
Забыв, что темным нюхом звери
Провидят светлые пути.

И мудр слизняк, в спираль согнутый,
Остры без век глаза гадюк,
И в круг серебряный замкнутый,
Как много тайн плетет паук!

И разлагают свет растенья,
И чует сумрак червь в норе...
А ты — лишь силой тяготенья
Привязан к стынущей коре.

Но бойся дня слепого гнева:
Природа первенца сметет,
Как недоношенный из чрева
Кровавый безобразный плод.

И повелитель Вавилона,
По воле бога одичав,
На кряжах выжженного склона
Питался соком горьких трав.

Стихии куй в калильном жаре,
Но духом, гордый царь, смирись
И у последней слизкой твари
Прозренью темному учись!

В ЗООЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ.

Г. П. Федотову.

Ловя сирен далекие оттулы,
От голода в изнеможеньи злом
Лежат недвижно серые акулы,
Как бабочки, проткнуты под стеклом.

И разомкнули тучные удавы
Колец волшебных блещущий извив,
Как бы во сне — желудочной отравой
Проглоченную жертву не сварив.

И повествуют о веках размытых,
Как железняк о пламенных мирах,
Кровь мамонтов из дебрей ледовитых,
Их мускулов, волос тяжелый прах...

Но что для глаз слепых и равнодушных
Божественных гармоний пестрота,
Земных, наземных, водных и воздушных —
Всех фаун мощных слепки и цвета!

И только дети шумно на свободе
Меж чучел и витрин гурьбой снуют,—
Не так, как мы, причастные природе,
Пред ней восторг неложный унесут.

Они — с животной жизнью материнства
Глухую связь порвавшие едва —
Одни поймут нам скрытое единство
Живой души, тупого вещества!

МЯСНЫЕ РЯДЫ.

А. Ахматовой.

Скрипят железные крючки и блоки,
И туши вверх и вниз сползать должны.
Под бледною плевой кровоподтеки
И внутренности иссиня-черны.

Все просто так. Мы—люди, в нашей власти
У этой скользкой смоченной доски
Уродливо-обрубленные части
Ножами рвать на красные куски.

И чудится, что в золотом эфире
И нас, как мясо, вешают Весы,
И также чашки ржавы, тяжки гири,
И также алчно кровь лижут псы.

И как и здесь, решающим привеском
Такие ж жилистые мясники
Бросают на железо с легким треском
От сала светлые золотники...

Прости, господь! Ужель с полдневным жаром,
Когда от туш исходит тяжко дух,
И там, как здесь, над смолкнувшим базаром,
Лишь засверкают стаи липких мух?

НА ОБРЫВЕ.

Вдруг золотом нездешних ослеплений
Пред царством тьмы на несколько минут
Умастились стволы сырых растений,
Обрыв и купола, и жадно пьют
Лиловые сползающие тени
Прозрачный пурпур — блеск небесных руд.

Не так томит коса железных пыток
У солнечных, в крови скользящих спиц,
И чудится, что жизни преизбыток —
Избыток смерти, и у двух цариц
Один и тот же пламенный напиток
И золото победных колесниц.

НИТИ ПАРОК.

Скрыв под рудой самоцветной, под иодистой влагой хрустальной,
От утомленных стихий ярость их древней борьбы,
Ткут неподвижные Парки, владычицы тьмы безначальной,
Людям, титанам, богам — ткань непреложной судьбы.

Но на ладонях их черствых — зачатые силою косной—
Золотом зыбким горят нежные нити... К чему?
Иль лишь затем, чтоб в Аиде, крупинкою золотоносной
В темных волнах проблистав, снова сокрыться во тьму?

В СТЕПИ.

Словно синий жар в печи
Под железною заслонкой —
Душны мглистые лучи,
И сквозь воздух жаркий, звонкий
Блещут красной перепонкой
Крылья тучной саранчи.

И как мокнущий лишай
Пыльной выжженной пустыни,
Посреди сухой полыни
Сочно вздулся молочай.

Ночью ж взмахами крыла
Глухо плещутся зарницы,
Слушая, как точит мгла
Золотой налив пшеницы.

◆ ◆ ◆

И нас — два колоса несжатых —
Смогла на миг соединить
В степи на выжженных раскатах
Осенней паутины нить.

И мы — два пышных пустоцвета —
Следили вместе, как вдали
Средь бледно - золотого света
Чернели клином журавли...

Но к ночи кочевая связь,
Блеснув над коноплей, бурьяном,
С межи заглохшей поднялась
В огне ненастливо - багряном.

И страшен нам раскат пустынный,
И не забыть нам никогда,
Как робко нитью паутинной
Ласкала стебель наш слюда!

РАССВЕТ.

О предрассветный, воспетый Бодлэром
И Брюсовым час,
Когда лиловеют с сумраком серым
Орбиты глаз!

Уже проститутки с улиц скрылись;
Притоны пусты.
И сипло сирены вдали развылись...
Разводят мосты.

И мнится, что тени в закоулках неловко,
Толкаясь, торопясь,
Спускают в саване труп с веревкой
В жидкую грязь.

И вещая зачатого дня нелепость
И сутолку лиц,
Над черной водой зажигает крепость
Огнистый шпиц.

СУМРАЧНЫЙ БОГ.

Сумрачный бог многоцветного мира,
Творческий дух, не познавший себя,
Мчусь я по гуще тягучей эфира,
Сонную волю на токи дробя.

И обнажая, как череп раскрытый,
Огненно - липкую жижу мозгов,
Стиснутый обручем темной орбиты,—
Солнцами вою в зигзагах кругов.

Чутко лелея душой остеклевшей
Тусклых туманностей мутные сны,
Чую, как пульс, под корой закосневшей
Пламенный вихрь золотой целины.

В жажде неплодной живого зачатья
Тщетно, тоскуя, тогда я хочу
В девах - планетах для мук и распятья
Дать воплотиться цветному лучу.

Но отклоняемый силою злобной,
В небе раскинув лучистый послед,
Вдруг низвергаюсь из тьмы их утробной
Красным ублюдком змеистых комет.

◆ ◆ ◆

Подсолнух поздний догорал в полях,
И, вкрапленный в сапфировых глубинах,
На легком вное нежился размах
Поблескивавших крыльев ястребиных.
Кладя пределы смертному хотенью —
Казалось — то сама судьба плыла
За нами по жнивью незримой тенью
От высоко скользящего крыла.
Как этот полдень — пышности и лени
Исполнена, ты шла, смиряя зной.
Лишь платье билось пеной кружевной
О гордые и статные колени.
Да там в глазах под светлой оболочкой,
На обреченного готовясь пасть,
Средь синевы темнела знойной точкой,
Поблескивая, словно ястреб,— страсть.

ВЛАДИМИР НАРБУТ.

ВОЛК.

Живу, как вор, в трущобе одичавший,
впивая дух осиновой коры
и перегноя сонные пары,
и по ночам бродя, покой поправши.
Когда же мордой заостренной вдруг
я воздух потяну и—хлев овечий
попритчится в сугробе недалече,—
трусцой перебегаю мерзлый луг,
и под луной, щербатой и холодной,
к селу по-за ометами крадусь.
И снега, в толщь прессованного, груз
за прясла стелет синие полотна.
И тяжко жмутся впалые бока,
выдавливая выгнутые ребра,
и похоронно воет пес недобрый:
он у вдовы—на страже молока.
„Не спит, не спит проклятая старуха!"
Мигнула спичка, желтый встал зрачок.
Чу!
Звякнул наст..
Как будто чей прыжек...
— Свернулось трубкой, в инее все, ухо...

ГАДАЛКА.

Слезливая старуха у окна
гнусавит мне, распластывая руку:
— Ты век жила и будешь жить—одна,
но ждет тебя какая-то разлука.
Он, кажется, высок и белоус.
Знай: у него на стороне—зазноба...
На заскорузлой шее—низка бус:
Так выгранить гранаты и не пробуй!
Зеленые глаза—глаза кота,
скупые губы—сборками поджаты;
с землей роднится тела нагота,
а жилы—верный кровяной вожатый.
Вся закоптелая, несметный груз
годов несущая в спине сутулой,—
она напомнила степную Русь
(ковыль да таборы), когда взглянула.
И земляное злое ведовство
прозрачно было так, что я покорно
без слез, без злобы—приняла его,
как в осень пашня—вызревшие зерна.

ГОРШЕЧНИК.

В кляксах дегтя шаровары у горшени
и на выпуск полосатая рубаха;
пояс — узкий ремешок.
А в пышном сене—
за соломенной папахою папаха.
Златом льющейся, сверленою соломой
гнезда завиты: шершавый и с поливой,
тот—для каши, тот—с утробой, щам знакомой,
тот—в ледник—для влаги, белой и ленивой.
Хрупко-звонкие, как яйца, долговязы,
дутые, спесивые горшки-обжоры—
нежатся на зное, секущем алмазы
на захлестнутые клевером просторы.
А за клевером пшеницы наливное
желтое-прежелтое сухое поле
рясным шорохом кузнечикам на зное
пособляет гомонить о ясной доле...
Вперевалку, еле двигая рогами,
мордою тупою и зобатой выей—
мерно тащатся волы над колеями,
и глаза их—луны синие, живые.
Деревянное ярмо квадратной рамой,
ерзая, затылок мшистый натирает...
Господи!
Как и пред Пасхой, тот же самый
колокольчик в небе песню повторяет!...
Вьется-плачет жаворонок-невидимка
(ты ль то, ангелок серебряно-крылатый?);
он—и над полями, он—и над заимкой,
он—и над колодцем, у присевшей хаты.
Скрипнул воз.
— „Горшки, горшки",—скороговоркой,
женщине веснущатой, в короткой юбке,
молвит человек, оглядываясь зорко,
и плюет сквозь зубы, покопавши в трубке.
А волы жуют широкими губами
(тянут деловито мокрую резину),
проверяя ребра вялыми хвостами
у горожи редкой—перед жердью длинной.

АРХИЕРЕЙ.

Натыкаясь на посох высокий, точеный,
с красноватой ребристою рыбьей головкой,
строго шествует он под поемные звоны:
понамарь тормошит вислоухие ловко.
Городской голова, коренастый и лысый
(у него со лба на нос стекают морщины),
и попы, облеченные в крепкие ризы,—
благочинный вертлявый, как весь из пружины,
и соборный брюхатый (ужели беремен?),—
заседатель суда, запятая-подчасок,—
все за ним, все за ним.
Бесшабашная темень
распылила по улице курево красок.
В кумаче да в китайке, забыв про сластены,
про возки, причитанья—торговки нахрапом
затирают боками мужчин.
А с плетенной
галлереи аптеки глядят эскулапы.
И скрипит мостовая от поступи дюжей,
и слюдой осыпается колотый воздух.
И в середке лавины, как в бане.
Снаружи—
босоногим подросткам—без роздыха роздых.
А в хвосте—на тяжелых горбатых колесах,
будто Ноев ковчег, колымага с гербами:
точно в гроб она прячет владыку и посох,
и в нутре ее пахнет сухими грибами.
Уж гречихой забрызганы чалые кони,
все же сунут развалину.
Угол и—церковь.
У, гадюкой толпа закрутилась: ладони
прикурнула колдобина, кисть исковеркав.
И жужжанье, и колокол—умерли оба,
только тонкие губы разверзлись и—слово
синеватые выжали десна.
Как проба,
в них засела частица огрызка гнилого.
И увяла рука.
И вверху зазвонили:
проглотила соборная пасть камилавку.
Завизжала старуха в чепце: придавили.
А на репчатой шее, как клещ, бородавка.

РОССИЯ.

Щедроты сердца не разменяны,
и хлеб—все те же пять хлебов,
Россия Разина и Ленина,
Россия огненных столбов!
Бредя тропами незнакомыми
и ранами кровоточа,
лелеешь волю исполкомами
и колесуешь палача.
Здесь, в меркнущей фабричной копоти,
сквозь гул машин вопит одно:
— И улюлюкайте, и хлопайте
за то, что мне свершить дано!
А там—зеленая и синяя,
туманно-алая дуга
восходит над твоею скинией,
где что ни капля, то серьга.
Бесслезная и безответная!
Колдунья рек, трущоб, полей!
Как медленно, но всепобедная
точится мощь от мозолей.
И день грядет и—молний трепетных
распластанные веера
на труп укажут за совдепами
на околевшее Вчера.
И Завтра... веки чуть приподняты,
но мглою даль заметена.
Ах, с розой девушка—Сегодня!
Ты—
обетованная страна.

Воронеж. 1918

КОБЗАРЬ.

Опять весна, и ветер свежий
качает месяц в тополях...
Стопой веков—стопой медвежьей—
протоптанный, оттаял шлях.
И сердцу верится, что скоро,
от журавлей и до зари,
клюкою меряя просторы,
потянут в дали кобзари.
И долгие застонут струны
про волю в гулких кандалах,
предтечу солнечной коммуны,
поимой потом на полях.
Тарас, Тарас!
Ты, сивоусый,
загрезил над крутым Днепром:
сквозь просонь сыплешь песен бусы
и „Заповіт'а" серебром...
Косматые нависли брови,
и очи карие твои
гадают только об улове
очеловеченной любви.
Но видят, видят эти очи
(и слышит ухо топот ног!),
как селянин и друг-рабочий
за красным знаменем потек.
И сердцу ведомо, что путы
и наши, как твои, падут,
и распрямит хребет согнутый
прославленный тобою труд.

Харьков. 1920.

БАСТИЛИЯ.

Мы не забыли, как в садах Пале - Рояля
И у кафе Фуа ты пламенно громил
Разврат Людовика, о Де-Мулен Камилл,
Как дым Бастилию окутал, день вуаля!
Сент - Антуанское предместье наша память,
Как раковина жемчуг, помнит и хранит,
И ненавистен башен спаянный гранит,
Возлегший, чтоб глухим венком позор обрамить.
Но пали, пали королевские твердыни:
Аристократа опрокинул санкюлот!
О, Франция!
О, времени тяжелый лет!
О, беднота воинственная, где ты ныне?
Одряхший мир—в параличе, и участили
События набухший кровью пульс его.
А в недрах зреет—зреет мести торжество
И гибелью грозит последней из Бастилий.
Так.
Рухнет и она.
От пролетарской пули
Кипит и пенится вселенская заря.
И сменим Двадцать Пятым Октября
Четырнадцатое Июля!

◆ ◆ ◆

России синяя роса,
Крупичатый, железный порох,
И тонких сабель полоса,
Сквозь вихрь свистящая в просторах,—
Кочуйте, Мор, Огонь и Глад—
Бичующее Лихолетье:
Отяжелевших век огляд
На борозды годины третьей.
Но каждый час, как вол упрям,
Ярмо гнетет крутую шею;
Дубовой поросли грубее,
Рубцуется рубаки шрам;
И, желтолицый печенег,
Сыпняк, иззябнувший в шинели,
Ворочает белками еле
И еле правит жизни бег...
Взрывайся, пороха крупа!
Свисти, разящий полумесяц!
Россия — дочь!
Жена!
Ступай—
И мертвому скажи: — „Воскресе".
Ты наклонилась, и ладонь
Моя твое биенье чует,
И конь крылатый, молодой
Тебя выносит — вон, из тучи...
1919 г., Харьков.

В ЭТИ ДНИ.

Дворянской кровию отяжелев,
Густые не полощутся полотна,
И (в лапе меч), от боли корчась, лев
По киновари вьется благородной.
Замолкли флейты, скрипки, кастаньеты,
И чуют дети, как гудит луна,
Как жерновами стынущей планеты
Перетирает копья тишина.
— Грядите, сонмы нищих и калек,
(Се голос рыбака из Галилеи)!
Лягушки кожей крытый человек
Прилег за гаубицей короткошеей.
Кругом косматые роятся пчелы
И лепят улей медом со слюной.
А по ярам добыча волчья — сволочь,—
Чуть ночь, обсасывается луной...
Не жить и не родиться б в эти дни!
Не знать бы маленького Вифлеема!
Но даже крик: распни его, распни! —
Не уязвляет воиного шлема,
И, пробираясь чрез пустую площадь,
Хромающий на каждое плечо,
Чело вечернее прилежно морщит
На Тютчева похожий старичок.

М. ЛОЗИНСКИЙ.

БЕЛАЯ НОЧЬ.

Горят отдаленные шпили
Вечерних и светлых соборов,
И медля, и рея в сияньях,
Нисходит к зеркальным каналам
Незримая в воздухе ночь.

Печаль о земле озарили
Моря просветленных просторов,
И нам, в наших смутных блужданьях,
Так радостно — сердцем усталым,
Усталой мечтой изнемочь...

Безумная ночь опустилась
Над пепельно-нежной Невою,
И крылья торжественных ростров,
И легкие мачты — как тени,
Как сны, отраженные в снах.

И все, что прошло, только снилось,
Мы снова, как дети, с тобою,
Мы — светлый, затерянный остров
В спокойных морях сновидений,
Мы — остров на светлых волнах.

1908.

МЫСЛЬ.

Воззвал ли бог миров кочующих узоры
Иль призрак Имени сплетеньем их творим,—
То свиток, манием развернутый моим.
Мой возглас разбудил дремавшие просторы.

И этот день кругом мои пролили взоры,
И, ярко сплавивши грядущее с былым,
Я — и костер, и свет, и уходящий дым,
И в вечности моей плачет несутся хоры.

Я видел этот мир. Он был лишь отблеск мой.
В моей груди звучал твой голос золотой,
Твой, солнце, колокол, в торжественности синей.

Я только миг дышал. Но только он — живой.
Я мыслил, человек, в сияющей пустыне,
И следом огненным — я не прейду отныне.

1909.

В ОТВЕРЖЕННЫХ САДАХ.

Алмазный помысел, венец жестоких дней,
Пустынно вознося сквозь мглу очарований,
Я прохожу один обителью теней,
В садах отверженных, в садах воспоминаний.

Здесь сердце я несу дорогою безлюдной,
А синий, синий зной томит миры цветов.
Проходят облака толпою многочудной,
Проходят веянья незримых голосов.

Укоров нежащих исполненные речи,
Которые струит дневная тишина,
Мучительно - святые имена,
Звучавшие давно, далече...

И все пьяней сады, все глуше бархат сонный,
И я теряюсь в нем, сам у себя в плену,
Я — соблазненный дух, в свои глаза влюбленный,
Я жадным отзвуком в своей дали тону

Или я сам себя теряю
И, смутный, расплесну пустынной жертвы дар,
И брошусь в этот зной, в беспламенный пожар,
К вам, голоса мои, к мучительному раю!

1910.

СМЕРТЬ.

На белых крыльях всходит зной.
Каленый шар гремит в зените.
С изнемогающей душой
Сплелись светящиеся нити.

Заглушена, из'язвлена
Сетями зыбкими пустыни,
В последний час глядит она
В сапфир небес бездонно-синий.

Но медлит огненный паук,
Тая, как яд, ее кончину,
И, с высоты, все новых мук
Прядет тугую паутину..

1907.

◆ ◆ ◆

Безконечною тоскливостью
Льются дни и ночи.

Быль земли давно рассказана
Речью однозвучной.

Торопливой теплясь живостью,
Смотрят в вечность очи.

Мне моя душа навязана,
Как недуг докучный.

1909.

РАЙ.

О, серебро небес, о, свет вечерних окон,
Неумолимый звон над умираньем дней!
Как снова ясен рай, призывный рай огней,
И как он холоден, как призрачно далек он!

Отверженный мой дух еще горит и ждет,
Но вера прежняя все глуше, все минутней.
А он, насмешливый, холодный рай высот,
Все об одном звенит серебряною лютней!

1908.

ЛУННЫЙ ДЫМ.

Луна над дымными морями
Взнесла высоко факел свой,—
И время стало тишиной
И умирает над волнами.

Моя душа — седой покров
Испепеленного былого,
Лишь призрак дыма ледяного
У непонятных берегов.

Она исчезнет, ветхим дымом,
И привиденья серых трав
Все будут влечься, жить устав,
К лучам луны неумолимым.

1909.

ПЕТЕРБУРГ.

Здесь утра трудны и туманны,
И все во льду, и все молчит.
Но свет торжественный и бранный
В тревожном воздухе сквозит.

Но сердце знает: в доле знойной,
В далеком, новом бытии
Мы будем помнить, город стройный,
Виденья вещие твои,

И нам светивший, в жизни бедной.
Как память ветхая слепцов,
В небесном дыме факел бледный
Над смутным берегом дворцов.

1912.

ПЕТРОГРАД.

Как в призванных сердцах—провиденье судьбы,
Есть в вечных городах просветы роковые,—
Костры далекие, скрижали огневые,
Над дымом времени нетленные гербы.

Ты в ветре рвущемся встречаешь лет столетий,
Мой город, властелин неукротимых вод,
Фрегатом радостным отплывший на рассвете
В моря без имени, в пустынный переход.

И, мертвый, у руля, твой кормчий неуклонный,
Пронизан счастием чудовищного сна,
Ведя свой верный путь, в дали окровавленной
Читает знаменья и видит письмена.

◆ ◆ ◆

Я из земных годин не верен ни одной.
Здесь даже мудрый час истлеет и обманет.
Но я люблю дышать далекою весной,
Чья зелень зашумит, когда меня не станет.

Уже не воин дня, еще не став землей,
Я буду в смертном сне внимать безумству жизни,
Молчавшей столько лет, чтоб гимн заветный свой
Пропеть, блаженствуя, на этой бедной тризне.

И будет синий день прозрачен и высок,
Как сердце зодчего, когда к высотам храма,
Над пламенем лампад, немыслимый цветок,
Восходит в первый раз дыханье фимиама.

НЕ ЗАБЫВШАЯ.

Анне Ахматовой.

Еще свою я помню колыбель,
И ласково земное новоселье,
И тихих песен мимолетный хмель,
И жизни милой беглое веселье.

Я отдаюсь, как краткому лучу,
Неярким дням моей страны родимой.
Я знаю — есть покой, и я хочу
Тебя любить и быть тобой любимой.

Но в душном сердце — дивно и темно,
И ужас в нем, и скорбь, и песнопенье,
И на губах, как темное пятно,
Холодных губ горит напечатленье.

И слух прибоем и стенаньем полн,
Как будто вновь, еще взглянуть не смея,
Я уношу от безутешных волн
Замученную голову Орфея.

1912.

МОЛЧАНИЕ.

Мир торжественной ночи, гасящий огни запоздалые,
Безначальному, вечному, звездному лону времен!
Вы звучите еще, о, мои песнопенья усталые,
Но все реже, и реже, и все заглушенней ваш звон.
Мир торжественной ночи, гасящей огни запоздалые!

В изначальном безмолвии тонут пространства безбрежности.
Все — вдали, все — навек, все — единый недвижный покой.
Исчезают, как дым, и кощунственный голос мятежности,
И движенье, и жизнь, и полудня обман голубой.
В изначальном безмолвии тонут пространства безбрежиости.

О, полюбим всей волей великую радость молчания!
Надо жить, надо ждать, чтобы свет безотрадный иссяк.
Рухнет черным копьем пепелящая молния знания,
И сухие глаза захлеснет ослепительный мрак.
Лишь полюбим всей волей великую радость молчания.

1907.

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

УТРО.

Свежеет смятая подушка.
Лежу, не открывая глаз,
А деревянная кукушка
Прокуковала восемь раз.
Косым лучем у двери зала,
Пылясь, ложится ранний день.
Натягиваю одеяло—
Такая солнечная лень!
Да как уснешь! Навстречу блеску
Ресницы тянутся давно,
И ситцевую занавеску
Колышет свежее окно.

ГОСТИ.

Опять неугомонная гитара,
И красный фельдшер с чувством, не спеша,
Поет „Камин", а в недрах самовара
Урчит самодовольная душа.
Две барышни смеются „по секрету",
Воркуя над червонным королем.
Читаешь прошлогоднюю газету,
Рассматриваешь плюшевый альбом.
А там, в беседке, розан из батиста,
Лукавые ресницы уроня,
Целует длинного семинариста,
И шепчет: „не сомни меня!"

ИМЕНИНЫ.

Давно переступают кони,
Луна встает из-за полей,
Но бесконечны на балконе
И шумны проводы гостей.
Со свечками и фонарями
Весь дом выходит на крыльцо,
И за стеклянными дверями
Мелькнуло милое лицо.
В холодный сумрак за колонной,
Пока не увидал никто,
Скользнешь ты девочкой влюбленной,
Накинув второпях пальто.
Порывистый, невольно грубый,
На этих старых ступенях,
Прохладные целую губы
И звезды в ласковых глазах,
И венчик полевой ромашки
(К чему нарядные цветы?)
К моей студенческой фуражке,
Смеясь, прикалываешь ты.

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС.

Что может быть милей и проще,—
Когда еще прозрачен май,
К березовой причалить роще
И пить в тени вечерний чай!
В густой траве дымятся чашки—
Благоухающий огонь—
И золотистые букашки
Щекочут теплую ладонь.
Так нежно, со стаканом чая,
В струистой синеве костра,
Склоняется ко мне — не знаю—
Любимая или сестра.
И кажется, что это Счастье
Встает, спускается к реке.
А белое мелькает платье
Как облако в березняке.

◆ ◆ ◆

О, прорезь глаз наискосок,
И легкость шубки серебристой,
И бархат капора, и льдистый,
Мутнее золота, зрачок!

Как пчелы, губы на ветру
До капли выпьют вдохновенье,—
Я и улыбкой не сотру
Их горькое напечатленье.

Все буду помнить Летний Сад,
Да вазу, гордую, как дева,
На красном цоколе, налево
От входа, где орлы скрипят.

1920.

◆ ◆ ◆

В пасмурное воскресенье
Встанешь поздно поутру,
Мятным чаем и вареньем
Лечишь зимнюю хандру.

Отзвонили на погосте,
Надо собираться в гости,
И скрипят перед крыльцом
Сани крытые ковром.

Снова белая дорога
Под полозьями звенит,
Снова тайная тревога
С пьяным сердцем говорит,

И сквозь мутное веселье
Шаркунов и бубенцов
Кружит голову похмелье
Неоконченных стихов.

Вот приеду — на рояле
Запишу карандашом
И прочту их в темной зале,
Как останемся вдвоем.

МАНОН ЛЕСКО.

Легкомысленности милый гений,
Как с тобою дышется легко.
Без измен, без нежных приключений
Кем бы ты была, Манон Леско?

Бабочка, ты вся в непостоянстве,
„Завтра" — вот единый твой закон, —
Роскоши, тюрьмы, почтовых странствий
Пестрый и неверный „фараон":

О, как трогательно ты любила!
Сердце на холодном острие
Не тебе ль пылавшим подносила'
Шпага кавалера де-Грие

И от поцелуя к поцелую
Розой ты тянулась, горяча?
Вот и я люблю тебя такую,
С родинкой у левого плеча.

Как не зачитаться вечерами,
Если в душном воздухе теплиц
Пахнет старомодными духами
С этих легкомысленных страниц!

1920.

◆ ◆ ◆

— „В те времена дворянских привилегий
Уже не уважали санкюлоты.
Какие-то сапожники и воры
Прикладом раздробили двери спальни
И увезли меня в Консьержери.

Для двадцати-двухлетнего повесы
Невыгодно знакомство с гильотиной,
И я уже припомнил „Pater Noster",
Но дочь тюремщика за пять червонцев
И поцелуй мне уронила ключ.

Как провезли друзья через заставу,
Запрятанного в кирасирском сене,
В полубреду — рассказывать не стоит.
А штык национального гвардейца
Едва не оцарапал мне щеки.

Купцом, ветеринаром и аббатом
Я странствовал. Ниспровергал в тавернах
Высокомерие Луи Капета,
Пил за республику, как друг Конвента—
(Тогда еще все знали Мирабо).

Хотел с попутчиком бежать в Вандею,
Но мне претит мятежное бесчинство,
Я предпочел испанскую границу,
Где можно подкупить контрабандистов
И миновать кордонные посты.

И вот однажды, повстречав карету...
(Что увлекательнее приключений,
Которые читаешь, словно, в книге?),
Увидел я... Благодарю Вас, внучка,
Какое превосходное вино!"

1921.

◆ ◆ ◆

На палубе разбойничьего брига
Лежал я, истомленный лихорадкой,
И пить просил. А белокурый юнга,
Швырнув недопитой бутылкой в чайку,
Легко переступил через меня.

Тяжелый полдень прожигал мне веки,
Я жмурился от блеска желтых досок,
Где быстро высыхала лужа крови,
Которую мы не успели вымыть
И отскоблить обломками ножа.

Неповоротливый и сладко-липкий
Язык заткнул меня, как пробка флягу,
И тщетно я ловил хоть каплю влаги,
Хоть слабое дыхание бананов,
Летящее с Проклятых Островов.

Вчера, как выволокли из каюты,
Так и оставили лежать на баке,
Гнилой сухарь сегодня бросил боцман
И сам налил разбавленную виски
В потрескавшуюся мою гортань.

Измученный, я начинаю бредить,
И снится мне, что снег идет в Бретани,
И Жан, постукивая деревяжкой,
Плетется в старую каменоломню,
А в церкви слепнет узкое окно.

ФУТУРИСТЫ И ПОЭТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ФУТУРИЗМОМ

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН.

САМОГИМН.

Меня отронит Марсельезия,
Как президентного царя!
Моя блестящая поэзия
Сверкнет, как вешняя заря!
Париж и даже Полинезия
Вздрожат, мне славу воззаря!

Мой стих серебряно-брильянтовый
Живителен, как кислород.
— О, гениальный! О, талантливый!—
Мне возгремит хвалу народ.
И станет пить ликер гранатовый
За мой ликующий восход.

Пусть на турнирах славоборчества
Стиха титаны и кроты
Берлинства, Лондонства, Нью-Иорчества
Меня сравить раскроют рты:
Я — я! Значенье эготворчества—
Плод искушенной Красоты.

1912.

ПРОЛОГ.

„Вы идете обычной тропой,—
Он к снегам недоступных вершин".
Мирра Лохвицкая.

I.

Прах Мирры Лохвицкой осклепен,
Крест изменен на мавзолей,—
Но до сих пор великолепен
Ее экстазный станс аллей.

Весной, когда себя ломая,
Пел хрипло Фофанов больной,
К нему пришла принцесса мая,
Его окутав пеленой...

Увы! — Пустынно на опушке
Олимпа грезовых лесов...
Для нас Державиным стал Пушкин,—
Нам надо новых голосов!

Теперь повсюду дирижабли
Летят, пропеллером ворча,
И ассонансы, точно сабли,
Рубнули рифму сгоряча!

Мы живы острым и мгновенным,—
Наш избалованный каприз:
Быть ледяным, но вдохновенным,
И что ни слово — то сюрприз.

Не терпим мы дешевых копий,
Их примелькавшихся тонов
И потрясающих утопий
Мы ждем, как розовых слонов...

Душа утонченно черствеет,
Гнила культура, как рокфор...
Но верю я: завеет веер!
Как струны, брызнет сок амфор!

Придет Поэт — он близок! близок!—
Он запоет, он воспарит!
Всех муз былого в одалисок,
В своих любовниц претворит.

И, опьянен своим гаремом,
Сойдет с бездушного ума...
И люди бросятся к триремам,
Русалки бросятся в дома!

О, век Безразумной Услады,
Безлистно-трепетной весны,
Модернизованной Эллады
И обветшалой новизны!...

„Дылицы". 1911. Лето.

Я — КОМПОЗИТОР

Я — композитор: под шум колес
Железно-дорожных—
То Григ, то Верди, то Берлиоз,
То песня острожных.

Я — композитор: ведь, этот шум
Метрично-колесный
Рождает много певучих дум
В душе монстриозной.

Всегда в лазори, всегда в мечтах,
Слагаю молитвы.
Я — композитор: в моих стихах—
Чаруйные ритмы.

Ст. Вруда, поезд. 1912.

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ.

Дорогому К. М. Фофанову.

Весенний день горяч и золот,—
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова—я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен.

Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на „ты"...
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!

Скорей бы—в бричке по ухабам!
Скорей бы—в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам,
Как друга, целовать врага!

Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

1911. Апрель.

ПЛЯСКА МАЯ.

„В могиле—мрак, в об'ятьях—рай.
Любовь—земли услада!.."
Ал. Будищев.

Вдалеке от фабрик, вдалеке от станций,
Не в лесу дремучем, но и не в селе—
Старая плотина, на плотине танцы,
В танцах поселяне, все навеселе.

Покупают парни у торговки дули,
Тыквенное семя, карие рожки.
Тут беспопья свадьба, там кого-то вздули,
Шопоты да взвизги, песни да смешки.

Точно гул пчелиный—гутор на полянке:
— Любишь ли, Акуля?.—„Дьявол, не замай!.."
И под звуки шустрой, удалой „тальянки"
Пляшет на плотине сам царевич Май.

Разошелся браво пламенный красавец,—
Зашумели липы, зацвела сирень!
Ветерок целует в губы всех красавиц,
Май пошел вприсядку в шапке набекрень.

Но не видят люди молодого Мая,
Чувствуя душою близость удальца,
Весела деревня, смутно понимая,
Что царевич бросит в пляске два кольца.

Кто поднимет кольца—жизнь тому забава!
Упоенье жизнью не для медных лбов!
Слава Маю, слава! Слава Маю, слава!
Да царит над миром Солнце и Любовь!

1910.

РУССКАЯ.

Кружевеет, розовеет утром лес,
Паучок по паутинке вверх полез.

Бриллиантится веселая роса;
Что за воздух! Что за свет, что за краса!

Хорошо гулять утрами по овсу,
Видеть птичку, лягушенка и осу,

Слушать сонного горлана-петуха,
Обменяться с дальним эхом: „ха-ха-ха!"

Ах, люблю бесцельно утром покричать,
Ах, люблю в березах девку повстречать,

Повстречать и, опираясь на плетень,
Гнать с лица ее предутреннюю тень,

Пробудить ее невыспавшийся сон,
Ей поведать, как в мечтах я вознесен,

Обхватить ее трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни как-нибудь!

1910. Февраль.

ПОВРАГА.

У вдавленного в лес оврага,
Стремясь всем головы вскружить,
Живет неведная поврага,
Живет, чтобы живя, вражить.

То шлет автомобильной шине
Пустобутыльное стекло
То ночь, подвластную вражине,
Нажнть снежино иаголо.

То заблуждает сердце девье
И — заблужденная — блудит,
То валит вялые деревья
И — ворожбовая — вражит...

Сраженная вражиней Драга
Вздрожала дрогло в дряблой мгле...
Пока божит, вража, поврага,
Не будет дружно на земле...

Петроград. Январь. 1916.

НА МОТИВ ФОФАНОВА.

Я чувствую, как падают цветы
Черемухи и яблони невинных...
Я чувствую, как шепчутся в гостиных,—
О чем? О ком?... Не знаю, как и ты.

Я чувствую, как тают облака
В весенний день на небе бирюзовом,
Как кто-то слух чарует полусловом...
И чей-то вздох... И чья-то тень легка...

Я чувствую, как угасает май,
Томит июнь, и золотятся жатвы...
Но нет надежд, но бесполезны клятвы!
Прощай, любовь! Мечта моя, прощай!

1911. Май.

СОНЕТ.

Любви возврата нет, и мне как будто жаль
Бывалых радостей и дней любви бывалых;
Мне не сияет взор очей твоих усталых,
Не озаряет он таинственную даль...

Любви возврата нет,—и на душе печаль,
Как на снегах вокруг осевших, полуталых.
— Тебе не возвратить любви мгновений алых:
Любви возврата нет,—прошелестел февраль.

И мириады звезд в безводном океане
Мигали холодно в бессчетном караване,
И оскорбителен был их холодный свет!

В нем не было былых ни ласки, ни участья...
И понял я, что нет мне больше в жизни счастья.
Любви возврата нет!...

Гатчина. 1908.

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ.

Синематограф.

Элегантная коляска, в электрическом биеньи,
Эластично шелестела по шоссейному песку;
В ней две девственные дамы, в быстро-темпном упоеньи,
В ало-встречном устремленьи—это пчелки к лепестку.

А кругом бежали сосны, идеалы равноправий,
Плыло небо, пело солнце, кувыркался ветерок,
И под шинами мотора пыль дымилась, прыгал гравий,
Совпадала с ветром птичка на дороге без дорог...

У ограды монастырской столбенел зловеще инок,
Слыша в хрупоте коляски звуки „нравственных пропаж“...
И, с испугом отряхаясь от разбуженных песчинок,
Проклинал безвредным взором шаловливый экипаж.

Хохот, свежий, точно море, хохот, жаркий, точно кратер,
Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер.
Шелестел молниеносно под колесами фарватер,
И пьянел, вином восторга, поощряемый шоффер...

1910.

„ВИКТОРИЯ РЕГИЯ“.

Наша встреча — Виктория Регия:
Редко, редко в цвету...
Да и после нее жизнь — элегия
И надежда в мечту.

Ты придешь, — изнываю от неги я,
Трепещу на лету.
Наша встреча — Виктория Регия:
Редко, редко в цвету!...

1909.

НЕЛЛИ.

Константину Олимпову.

В будуаре тоскующей нарумяненной Нелли,
Где под пудрой молитвенник, а на ней Поль де-Кок,
Где брюссельское кружево... на платке из фланели!—
На кушетке загрезился молодой педагог.

Познакомился в опере и влюбился, как юнкер.
Он готов осупружиться, он решился на все.
Перед нею он держится, точно мальчик, на струнке
С нею в парке катается и играет в серсо.

Он читает ей Шницлера, посвящает в коктэбли,
Восхвалив авиацию, осуждает Китай.
И, в ревнивом неверии, тайно метит в констэбли...
Нелли нехотя слушает,—„лучше ты покатай".

„Философия похоти!..." Нелли думает едко:
„Я в любви разуверилась, господин педагог...
О, когда бы на „Блерно" поместилась кушетка!
Интродукция—Гауптман, а финал—Поль де-Кок!"

„Дылицы". 1911.

КАРЕТКА КУРТИЗАНКИ.

Каретка куртизанки, в коричневую лошадь,
По хвойному откосу спускается на пляж.
Чтоб ножки не промокли, их надо окалошить,
Блюстителем здоровья назначен юный паж.

Кудрявым музыкантам предложено исполнить
Бравадную мазурку. Маэстро, за пюпитр!
Удастся ль душу дамы восторженно омолнить
Курортному оркестру из мелодичных цитр?

Цилиндры солнцевеют, причесанные лоско,
И дамьи туалеты пригодны для витрин.
Смеется куртизанка. Ей вторит солнце броско.
Как хорошо в буфете пить крем-де-мандарин!

Зачем же дело стало?—к буфету, черный кучер!
Гарсон, сымпровизируй блестящий файв-о-клок...
Каретки куртизанки опять все круче, круче,
И паж к ботинкам дамы, как фокстерьер, прилег...

„Дылицы". 1911.

ШАМПАНСКИЙ ПОЛОНЕЗ.

Шампанского в лилию! Шампанского в лилию!—
Ее целомудрием святеет оно.
Mignon с Escamillio! Mignon с Escamillio!...
Шампанское в лилии — святое вино.

Шампанское в лилии журчащее, искристо—
Вино, упоенное бокалом цветка.
Я славлю восторженно Христа и Антихриста
Душой, обожженною восторгом глотка!

Голубку и ястреба! Ригсдаг и Бастилию!
Кокотку и схимника! Порывность и сон!
В шампанское лилию! Шампанское в лилию!
В морях Дисгафмонии — маяк Унисон!

1912. Октябрь.

ЭГОПОЛОНЕЗ.

Живи, Живое! Под солнца бубны
Смелее, люди, в свой полонез!
Как плодоносны, как златотрубны
Снопы ржаные моих поэз!

В них водопадят Любовь и Нега,
И Наслажденье, и Красота!
Все жертвы мира во имя Эго!
Живи, Живое! — поют уста.

Во всей вселенной нас только двое,
И это двое — всегда одно:
Я и Желанье! Живи, Живое!—
Тебе бессмертье предрешено!

Веймарн. 1912.

НЕВЫРАЗИМАЯ ПОЭЗА.

Невыразимо грустно, невыразимо больно
В поезде удаляться, милое потеряв...
Росно зачем в деревьях? В небе зачем фиольно?
Надо ли было в поезд? Может быть, я не прав?

Может быть, только плакать было бы проще, лучше
Перед такой страдальной, точно всегда чужой?...
Нежно письмо оскорблю, только когда ж получишь
Эту цепочку строчек, спаянную душой?

Бело ночеет поле, и от луны в нем мольно,
Филины—пассажиры, и безпощаден пар...
Невыразимо грустно! Невыразимо больно!
Хочется мне вернуться, но позади—кошмар!...

Веймарн. 1913. Июль.

МОИ ПОХОРОНЫ.

Меня положат в гроб фарфоровый
На ткань снежинок яблоновых,
И похоронят (...как Суворова...)
Меня, новейшего из новых.

Не повезут поэта лошади,—
Век даст мотор для катафалка.
На гроб букеты вы положите:
Мимоза, лилия, фиалка.

Под искры музыки оркестровой,
Под вздох изнеженной малины—
Она, кого я так приветствовал,
Протрелит полонез Филины.

Всем будет весело и солнечно,
Осветит лица милосердье..
И светозарно-ореолочно
Согреет всех мое бессмертье!

1910.

ЗАРЕЮ ЖИЗНИ.

Зарею жизни я светом грезил,
Всемирным счастьем и вечным днем!
Я был так пылок, так смел, так весел,
Глаза горели мои огнем.

Мир рисовался—прекрасен, дивен.
Прожить—казалось—я мог шутя...
Зарею жизни я был наивен,
Зарею жизни я был дитя!

Закатом жизни порывы стихли,
Иссякли силы и жар погас,
Мне жаль сердечно, не знаю,—их ли,
Погибшей грезы ль, но—близок час.

Он, ироничный, пробьет бесстрастно,
Я улетучусь, тоской об'ят...
Зарею жизни—все в жизни ясно!
Закатом жизни—всему закат!

1907.

В. ХЛЕБНИКОВ.

ОДИНОКИЙ ЛИЦЕДЕЙ.

И пока над царским селом
Лилось пенье и слезы Ахматовой,
Я, моток волшебницы разматывая,
Как сонный труп влачился по пустыне,
Где умирала невозможность.
Усталый лицедей
Шагая на пролом
А между тем курчавое чело
Подземного быка в пещерах темных
Кроваво чавкало и кушало людей.
В дыму угроз нескромных
И волей месяца окутан,
Как в сонный плащ вечерний странника,
Во сне над пропастями прыгал
И шел с утеса на утес.
Слепой я шел пока
Меня свободы ветер двигал
И бил косым дождем.
И бычью голову я снял с могучих мяс и кости
И у стены поставил:
Как воин истины я ею потрясал над миром:
Смотрите, вот она!
Вот то курчавое чело! которому
пылали раньше толпы!
И с ужасом
Я понял, что я никем не видим:
Что нужно сеять очи,
Что должен сеятель очей! итти.

◆ ◆ ◆

Мне мало надо!
Краюшку хлеба
И каплю молока.
Да это небо,
Да эти облака!

ЗАКЛЯТИЕ СМЕХОМ.

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеянствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О рассмешищ надсмеяльных — смех усмейных смехачей!
О иссмейся рассмеяльно смех надсмейных смеячей!
Смейево, Смейево,
Усмей, осмей, смешики, смешики—
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь смехачи!
О, засмейтесь смехачи!

СУТЕМКИ, СУВЕЧЕР.

Зазовь.
Зазовь манности тайн.
Зазовь обманной печали,
Зазовь уманной устали.
Зазовь сипких тростников.
Зазовь зыбких облаков.
Зазовь водностных тайн.
Зазовь.

◆ ◆ ◆

Помирал морень, моримый морицей
Верен в веримое верицы.
Умирал в морильях морень
Верен в вероча верни.
Обмирал морея морень.
Верен веритвам Вераны
Приобмер моряжски морень
Верен верови верязя.

◆ ◆ ◆

(корни: чур... и чар...)

Мы чаруемся и чураемся.
Там чаруясь, здесь чураясь
То чурахарь, то чарахарь
Здесь чуриль, там чариль.
Из чурыни взор чарыни.
Есть чуравель, есть чаравель.
Чарари! Чурари!

Чурель! Чарель!
Чареса и чуреса.
И чурайся и чаруйся.

◆ ◆ ◆

(Нега — неголь...)

Неголи легких дум
Лодки направили к легкому свету.
Бегали легкости в шум,
Небыли нету и нету.
В тумане грезобы
Восстали грезоги
В туманных тревогах
Восстали чертоги.
В соногах-мечтогах
Почил он, почему у черты.
В чертогах-грезогах
Почил он, почему у мечты.
Волноба волхвобного вира,
Звеноба немобного яра,
Ты все удалила, ты все умилила
О тайная сила,
О кровная мара.
В яробе немоты
Играли и журчали
Двузвонкие мечты
Будутные печали.
Хитрая нега молчания,
Литая в брегах звучания.
— Птица без древа звучание,
— О взметни свои грустилья,
Дай нам на небо взойти,
Чтобы старые постылья
Мы забыли, я и ты!
Веязь сил молодых,
Веязь диких бледных сил,
Уносил в сон младых,
В сон безмерно голубых...
За осокой грезиных лет
Бегут струи любины
Помнит, помнит человек
Ковы милой старины.
Знает властно-легкий плен.
Знает чары легких мен,
Знает цену вечных цеи.
Поюнности рыдальных склонов,
Знаюнности сияльных звонов
В венок скрутились,
И жалом многожалым
Чело страдальное овили.
И в бездумном играньи играний
Расплескались яри бываний!
Нежец тайностей туч,
Я в сверкайностях туч.
Пролетаю, летаю, лечу.
Улетаю, летаю, лечу.
В умирайнах тихих тайн
Слышен голос новых майн.
Я звучу, Я звучу...
Сонно-мнимой грезы неголь,
Я — узывностынь мечты.
Льется, льется пленность брегов,
Вьются дети красоты.
Сумная умность речей
Зыбко колышет ручей
Навий налет на ручей
— Роняет,
— Ручей белых нежных слов,
Что играет
Без сомнения, без оков.
— О яд ненаших мчаний в поюнность высоты
И бешенство бываний в страдалях немоты
В думком мареве о боге
Я летел в удел зари...
Обгоняли огнебоги,
Обгоняли жарири.
Обожелые глаза!
Омирелые власа!
Овселеннелая рука!
Орел сумеречных крыл
Землю вечером покрыл.
„Вечер сечи ведьм зари“,
Прокричали жарири.
Мы уселись тесным рядом.
Видеть нежить люди рады.
1907.

ЧЕРНЫЙ ЛЮБИРЬ.

Я смеярышня смехочеств
Смехистелинно беру
Нераскаяниых хохочеств
Кинь злооку — губирю.
Пусть гопочичь, пусть хохотчичь
Гопо гоп гопоней

Словом дивных застрекочет
Нас сердцами закипей
В этих глазках ведь глазищем
Ты мотри, мотри за горкой
Подымается луна!
У смешливого Егорки
Есть звенящне звена.
Милари зовут так сладко
Потужить за лесом совкой
Ай! Ах на той горке
Есть цветочек куманка заманка.

НЕ ШАЛИТЬ!

Эй молодчики — купчики!
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у иас,
В соболях - рысаках
Чтоб катались глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть — буду петь
Доном - Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые уструги,
Кто со мною — в полет?
А со мной - мои други!

1922. Февраль.

Святче божнй!
Старец бородой сед!
Ты скажи, кто ты?
Человек ли еси,
Ли бес?
И что — нмя тебе?
И холмы отвечали:
Человек ли еси
Ли бес?
И что — имя тебе?
Молчал.
Только нес он белую книгу
Перед собой
И отражался в синей воде.
И стояла на ней глаголица старая,
И ветер волнуя бороду,
Мешал итти
И несть книгу.
А стояло в ней:
„Бойтесь трех ног у коня
Бойтесь трех ног у людей!"
Старче божий!
Зачем идешь?
И холмы — отвечали:
Зачем идешь!
И какого ты роду - племени
И откуда—ты?
Я оттуда, где двое тянут соху,
А третий сохою пашет
Только три мужика в черном поле!
Да тьма воронов.
Вот пастух с бичом
В узлах чертики—
От дождя спрятались.
Загонять коров помогать ему они будут.

БОЕВАЯ.

Радой Славун, родун Славян,
Не кажи, не кажи своих ран!
Расскажи, расскажи про ослаби твои,
Расскажи, раскажи как заслави твои полонила волна неми с запада яростно бьющей...
Расскажи, расскажи, как широкое плесо быловой рекн замутилось-залилось наплывом-наливом влияний иных:
Иной роди, ииой крови, нной думи, иных речей, иных бытей.—
— Инобытн.
Я и сам бы сказал, я и сам рассказал,
Протянул бы на запад клянущую руку, да всю горечь свою, да все яды свон собнраю, чтоб кликнуть на запад и юг свою весть, свою веру, свой яр и свой клич,
Свой гневный, победный, воинственный клнч:
„Напор славы единой и цельной на немь!"
По солонь, слава. За солнцем, друзья, — на запад за солнечным ходом под прапором солнца идемте, друзья, — на запад за солнечным ходом.
— Победная славь да идет.
Да шествует!
Пусть в веках иреках раздается тот пев:
„Славь идет! Славь идет! Славь восстала..."
Пусть в веках иреках раздается запев:
„Славь идет! Славь идет! Славь восстала!"

ОСЕННЯЯ.

Собор грачей осенний,
Осенняя дума грачей.
Плетня звено плетений,
Сквозь ветер сон лучей.
Бросают в воздух стоны
Разумные уста.
Речной воды затоны,
И снежный путь холста!
Три девушки пытали
Чи парень я, чи нет?
А голуби летали,
Ведь им немного лет.
И всюду меркнет тень.
Ползет ко мне плетень.
Нет!

◆ ◆ ◆

Тайной вечери глаз
Знает много Нева.

Здесь спасителей кровь
Причастилась вчера
С телом севера в черном булыжнике.

На ней пеплом любовь
И рабочих и умного книжника.

Тайной вечери глаз
Знает много Нева
У чугуиных коней
У суровых камней
Дворца Строгонова.

Из засохших морей
Берега у реки
И к могилам царей
Ведут нить пауки
Лишь зажжется трояк
На вечерних мостах
Льется красным струя
Поцелуй на устах.

16 февраля 1921.

◆ ◆ ◆

Эта осень такая заячья
И глазу границы не вывести
Робкой осени и зайца пугливости.
Окраскою желтой хитер
Осени желтой житер.
От гривы до гребли
Всюду мертвые листья и стебли
И глаз остановится слепо, не зная чья
Осени шкурка или же заячья.

◆ ◆ ◆

Еще ра̀з, еще ра̀з,
Я для Вас
Звезда.
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи
И звезды.
Он разобьется о камни
О подводные мели.

Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне.
Вы разобьетесь о камни
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной.

◆ ◆ ◆

Детуся! Если устали глаза быть широкими,
Если согласны на имя „браток“
Я, синеокий клянуся,
Высоко держать вашей жизни цветок.

Я ведь такой же, сорвался я с облака,
Много мне зла причиняли
За то что не этот,
Всегда не людим,
Везде не любим.
Хочешь мы будем, брат и сестра,
Мы ведь в свободной земле свободные люди,
Сами законы творим, законов бояться не надо
И лепим глину поступков.
Знаю, прекрасны вы, цветок голубого.
И мне хорошо и внезапно
Когда говорите про Сочи
И нежные ширятся очи.
Я сомневавшийся долго во многом.
Вдруг я поверил навеки
Что предначертано там,
Тщетно рубить дровосеку!

Много мы лишних слов избежим.
Просто я буду служить вам обедню
Как волосатый священник с длинною гривой.
Пить голубые ручьи чистоты
И страшных имен мы не будем бояться.

◆ ◆ ◆

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы с нею в ногу шагая
Беседуем с небом на ты.

Мы, воины, смело ударим
Рукой по суровым щитам,

Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там.

Пусть девы споют у оконца
Меж песен о древнем походе,
О верноподанном Солнца
Самосвободном народе.

19 апреля 1917.

ЕЛЕНА ГУРО.

ЕДКОЕ.

Пригласили! Наконец-то пригласили.
Липы зонтами, — дачка...
Оправляла ситцевую юбочку.

. . . .

Уже белые платьица мелькали,
Уж косые лучи хотели счастья.
Аристончик играл для танцев.
Между лип,
Словно крашеный, лужок был зеленый!
Пригласили: можно веселиться.
Танцовать она не умела
И боялась быть смешной, — оступиться.
Можно присесть бы с краешка,—
Где сидели добрые старушки.
Ведь и это было бы веселье:
Просмотреть бы целый вечер, — чудный вечер
На таких веселых подруг!
„Сонечка!“ Так просто друг друга „Маша!“ „Оля!“.
Меж собой о чем-то зашептались—
И все вместе убежали куда-то!

. . . .

Не сумела просто веселиться:
Слишком долго была одна.
Стало больно, больно некстати...
Милые платьица, недоступные...
Пришлось отвернуться и заплакать.
А старушки оказались недобрые:
И неловко, — пришлось совсем уйти

ДЕТСКАЯ ШАРМАНОЧКА.

С ледяных сосулек искорки,
И снежинок пыль...
А шарманочка играет
Веселенькую кадриль.
Ах, ее ободочки
Обтерлись немножко!
Соберемся все под елочкой:
Краток ночи срок;
Коломбина, Арлекин и обезьянка
Прыгают через шнурок.
Высоко блестят звезды
Золотой бумаги
И дерутся два паяца,
Скрестив шпаги.
Арлекин поет песенку:
— Далеко, далеко за морем
Круглым и голубым
Рдеют апельсины
Под месяцем золотым.
Грецкие орехи
Серебряные висят;
Совушки фонарики
На ветвях сидят.
И танцует кадриль котенок
В дырявом чулке,
А пушистая обезьянка
Качается в гамаке.
И глядят синие звезды
На счастливые мандарины
И смеются блесткам золотым
Под бряцанье мандолины.

◆ ◆ ◆

Звездочка
Высока.
Она блестит, она глядит, она манит,
Над грозным лесом
Она взошла.
Черный грозный лес,
Лес стоит.
Говорит: — в мой темный знак,
Мой темный знак не вступай!
От меня возврата нет—
Знай!
За звездой гнался чудак
Гнался...
Где нагнать ее
Не отгадал...
Не нагнал—
И счастлив был,—
За нее,
За нее пропал!

◆ ◆ ◆

Дождики, дождики,
Прошумят, прошумят.
Дождики — дождики, ветер — ветер
Заговорят, заговорят, заговорят—
Журчат.

◆ ◆ ◆

Струнной арфой
— Качались сосны,
Где свалился палисадник.
У забытых берегов
И светлого столика,—
Рай неизвестный,
Кем-то одушевленный.
У сосновых стволов
Тропинка вела,
Населенная тайной,
К ласковой скамеечке,
Виденной кем-то во сне.
Пусть к ней придет
Вдумчивый, сосредоточенный,
Кто умеет любить, не знаю кого,
Ждать, — не зная чего,
А заснет, душа его улетает
К светлым источникам
И в серебряной ряби
Веселится она.

ИЮНЬ—ВЕЧЕР.

Как высоко крестили дальние полосы, вершины—
Вы царственные.
Расскажи, о чем ты так измаялся
Вечер, вечер ясный!
Улетели в верх черные вершины—
Измолились высоты в мечтах,
Изошли небеса, небеса...
О чем ты, ты изомлел-измаялся
Вечер — вечер ясный?

◆ ◆ ◆

Пролегала дорога в стороне,
Не было в ней пути.
Нет!
А была она за то очень красива!
Да, именно за то...
Приласкалась к земле эта дорога,
Так прильнула, что душу взяла.
Полюбили мы эту дорогу
На ней поросла трава.
Доля, доля, доляночка!
Доля ты тихая, тихая моя.
Что мне в тебе, что тебе во мне?
А ты меня замучила!

СЛОВА ЛЮБВИ И ТЕПЛА.

У кота от лени и тепла разошлись ушки.
Раз'ехались бархатные ушки.
А кот раски... — ис...
На болоте качались беловатики.
Жил был
Ботик - животик
Воркотик
Дуратик
Котик пушатик,
Пушончик,
Беловатик,
Кошуратик—
Потасик...

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ.

КТО Я.

Я — КТО — я —
Я — вроде утроветра
по втуманах долине
будь березкой
я обниму — покачаю.

Я — КТО я —
Я — вроде небожаворонка
над втишине полями
СЛУШАЙ ЧУТКО
Я звеню солнцелучами.

Я — КТО я —
Я — вроде яркоплатка
на с ягодами девушке
пой со мной
Я ПЕСНЕПЬЯНСТВУЮ.

ВОДОТРАЖАЛИ.

Горастояль
наберегонебе —
наберегонебе
Горастояль.
РыбаКИдали
сетИЗлодок —
сетИЗлодок
рыбаКИдали.
кострыогнятся
под сосноскрипами —
под сосноскрипами
кострыогнятся.
рекачелится
задымьюпадь —
задымьюпадь
рекачелится.
воданебится
небоводится —
небоводится
воданебится.

ЛЕЧУ.

Лечу над озером
Летайность совершаю
Летивый дух
Летит со мной.
Летвистость в мыслях
Летимость отражаю —
Леткий взор глубок
Летверен и устойчив
Летокеан широк.
Летистинная радость
Летисто улетать
Летиною весной.

ЦИА-ЦИНТЬ.

Циа-цинц-цвилью-ций —
Цвилью-ций-ций-тюрль-ю —
День-деньской по березнику звонкому
Как у божиих райских дверей
Или как у источника радостей
Слышен пташек лесных голоса.
Цвилью-ций-ций-тюрль-ю —
Сквозь густых зеленистых кудрей
Голубеют глаза-небеса.
Я лежу на траве. Ничего не таю
Ничего я не знаю — не ведаю
Только знаю свое — тоже песни пою
Сердце - душу земле отдаю
Тоже радуюсь, прыгаю, бегаю.
Циа-цинц-цвилью-ций.
Над моей головой
Пролетел друг летающий мой
Эй, куда —
И ответа не жду я — пою.
Солнце алмазными лентами
Грудь мою жжет
Доброе солнце меня бережет.

ЧУРЛЮ-ЖУРЛЬ.

Звенит и смеется
Солнится весело льется
Дикий лесной журчеек
Своевольный мальчишка:
Чурлю-журль
Чурлю-журль.
Звенит и смеется
И эхо живое несется
Далеко в зеленой тиши

Корнистой глуши:
Чурлю-журль
Чурлю-журль.
Звенит и смеется
Отчего никто не проснется
И не побежит со мной
Далеко в разгулье:
Чурлю-журль
Чурлю-журль.
Смеется и солнится
С гор несет песню
И не видит лесная лесинка
Низко нагнулась над ним
И не слышит цветинка
Песню ответную
Еще зовно зовет:
Чурлю-журль
А чурлю-журль.

ПОКУРИМ ЧТО ЛИ.

Елене Бучинской. Четко талантливо Вы исполняете словопластику моих стихов.

Эй, мои дни денечки—
Тарелка с ягодами—
На полянах девки
Жаворонки певки.
Режь. Ешь. Пей. Дери.
Подарочки дари.
Персидские платочки
Лодочки - шатры.
На берегу свечерочки
С подружками лужайки
Звенят дни денечки—
Песни провожайки.
Гармонь ладнорядка
Махорочка — пенечки
Эхх! — Покурим.

В КРЫМУ КОФЕ.

На берегу над морем
В кофейне Черибан
Сижу я с черным горем
Пью черный кофе — жбан.
А рядом весь вз'ерошенный
Бродячий музыкант
Сидит, как гость непрошенный
И смотрит на стакан.
В стакане зелье странное—
Качается крыльцо—
На руке трехгранное
Рубинное кольцо.
Мы оба молчаливые
Одной судьбой живем
И каждый день тоскливые
В кофейне кофе пьем.
Под нами море морится
В лазурных даленях
А в сердце горе горится
Как солнце в зеленях.

РАЗВЕСЕНЬЕ.

Развеснились весны ясные
На весенних весенях—
Взголубились крылья майные
Заискрились мысли тайные
Загорелись незагасные
На росистых зеленях.
Зазвенело сердце зовами
Поцелуями бирюзовыми—
Пролегла дорога дальняя
Лучистая
Пречистая.
Стая
Хрустальных ангелов
Пронеслась в вышине.
Уронила
Весточку — веточку
Мне.

НА КАМСКОМ ПАРОХОДЕ.

Борису Григорьеву — жду из страны Картинии твой корабль.

На белом Камском пароходе
Когда стою я на носу,
Я чую в плавном мерном ходе
Свое вознесенное несу.

Над головою чайки снежат
От солнца крыльями теня
И нежно мысли мудро нежат
Как ветки Троицына дня.

На берегах костры дымятся
Рыбацкий то зовет приют
Сердце хочет вдруг подняться
Найти душе святой уют.

Направо горы — луга налево
А перед нами путь вперед
Кругом разливные напевы
Кругом Российский наш народ.

Деревни — села и посады,
Часовни и монастыри
И мнятся Разина засады
И дружны песни исстари.

И я свой кубок поднимаю
И улыбаюсь друзьям - врагам
Куда я еду сам не знаю
К какнм пристану берегам.

Ведь все равно сколь ни проси я,
Судьба случайностям верна
Кругом мой дом — моя Россня—
Моя стихийная страна.

ЕДУ ДОМОЙ.

Осоргину — будем помнить
сердцем Каму.

В разлив весеиний в Пермь на пароходе
Я возвращаюсь в город мой—
Я весь в своем родном народе—
Я еду лето жить домой.

Я счастьем слишком избалован
Во славе славной я размяк—
Сегодия снова я взволнован—
Сегодня снова я пермяк.

Кругом поля, река — и горы
И беспредельные леса—
И деревянные заборы
Наивно-ярки небеса.

И все так мило, звонко, просто
Пермь дожила до диво - дня
До изумительного роста—
До революции. И до меня.

ГРУСТИННИЦА.

А. Коонен — Вашей пласти-
ческой солнцевейности.

О не грусти грустинница
У грустного окна—
В небе льет вестиниица
Весеннится луна.
Цветут дороги бросиые
Качаются для гроз—
Твои ресницы росные
Венчаются для слез.
А розы в мае майные
В ветвинностях близки
Желанья не утайные
Девинности тоски.
Пойми покой томительный
В Мерцании огней—
Вино свирели длительно
Перед лампадой дней.
В твою ли девью келию
Мне грешному войти—
Ведь все равно к веселию
Мне не найти пути.
О не грусти грустинница—
Я тоже одинок—
Томись и спи невинница
Жених твой грустноок.

ЗВЕНИ.

Эй расцветай — пока нескошена
С цветами алыми трава
Звени пока не огорошена
Отчаянная голова.
Ведь все равно какая просится
Девушка любить босой—
Расти травой пока не скосится
Роса стальной косой.

ВОДА ВЕЧЕРНЯЯ.

С крутого берега смотрю
Вечернюю зарю
И сердцу весело внимать
Лучей прощальных ласку
И хочется скорей поймать
Ночей весенних сказку.
Тиха вода и стройно лес
Затих завороженный,
И берег отраженный
Уносит в мир чудес.
И ветер заплетающий
Узоры кружев верб—
На синеве сияющнй
Золоторогий серп.

ОСЕНЬЮ.

С. В. Виноградову с любовью
без берегов.

Опрокинутая лоханка —
Осеннее небо.
Хмурые люди—
Об'едки картофеля
Корки арбуза и огурцов

Мокрые носы и усы.
Взлохмаченный я у окна
Плююсь и думаю,
Ломая руки:
— Где-то на изгибном берегу моря
Золотится песок
Отражая солнцень.
И может быть ищет девушка
Ясного рыцаря.
И зовет перебирая камушки
Радугой из песни глаз
Из песни четырех крыл
На восходе гордых лебедей.
— Туда бы — Туда —
Встрепенуться
К стройному берегу.
Надавить что ли
Умным лбом на стекло—
Рассердиться —
Крикнуть извозчика на вокзал
Взять билет
Пермь — Севастополь.
А там корабли
Знают пути.
Ту-ту-ту-т-т.

ВОЛЖСКИЕ ВОЛНЫ.

1.

Эй, сермяжный народ, голытьба!
Распахни на распашку сердца:
Вся в руках удалая судьба
Постоять за себя — молодца.
Эй, сучи рукава!
Враг дождется невдолге—
Затрещит голова
Во разгулье на Волге.

2.

Эх,—ну и пропадай ты, башка кумачовая,
Счастье мое за друзей пропадать,
Не золото любим мы — душу холщовую,
Да чтоб червонная была борода,
Да кистень, да печоночный ножик,
Да песни за чаркой застолицы.
И будем пластаться — на чорта похожи—
Пока братская сила у Вольницы...
Эй, вы, гусляры, заводи голоса!
Грянем мы песню раскатом,
А ты, рулевой, распускай паруса,—
Будь нам другом веселым и братом,
Знай раскачивай — обозначивай,
Ух и вот н на-налей вина—
Инна-инай-и-на.

ПОЭМА РЕВОЛЮЦИИ ДУХА.

Взметайте, миры,
Осужденные вечностью,
Свой искрометный огонь—
Взлетайте, орлы,
Взлетайте, орлы,
Увлеченные млечностью,
Ко мне на ладонь.

Я горю неизбывным пожаром
Мирового строительства
Во славу престольности—
Пора владеть Земным Шаром
Революционного Правительства
Единой Раздольности.

Разве дело скрывается в том,
Чтоб поэмы писать на бумаге?
Или чтоб бог был один и был горд.
Я кричу и стучу в человеческий дом
Ради вольной отваги—
Эй, бунтуй, солнцевеющий Город.

Настало чудесное:
Первый празднуем праздник,
И каждый поет: мира часть я
Земное — небесное—
Сегодня все эшафоты - казни
Украшены цветами счастья.

Мы — боги, мы — люди, а не консервы.
Бросайте огонь в агонию—
Ткните в один канат нервы,
Влейте души в одну симфонию.
Сбылась красота бирюзовая.
Есть на небо лестница—
Вы слышите, как ради зова я
Весь стал Истина-Провозвестница.

Дух могуч — непреложен и дюж,
Ищите у него милосердия—
Семья пролетарская — фабрика Душ—
Дорога Бессмертия.
Довольно от гнета ухать—
Долой барское тупорылье—
(Дайте купцам пол мести).
Восславляйте силу великого Духа—
Надо всенародное вольнокрылье
Вознести! Вознести! Вознести!

В. МАЯКОВСКИЙ.

УТРО.

Угрюмый дождь скосил глаза.
А за
решеткой
четкой
железной мысли проводов —
перина.
И на
нее
встающих звезд
легко оперлись ноги.
Но ги-
бель фонарей,
царей
в короне газа,
для глаза
сделала больней
враждующий букет бульварных проституток.
И жуток
шуток
клюющий смех —
из желтых
ядовитых роз
возрос
зигзагом.
За гам
и жуть
взглянуть
отрадно глазу:
раба
крестов
страдающе-спокойно-безразличных
гроба
домов
публичных
восток бросал в одну пылающую вазу.

ВЫВЕСКАМ.

Читайте железные книги!
Под флейту золоченной буквы
полезут копченые сиги
и золотокудрые брюквы.

А если веселостью песьей
закружат созвездия „магги“ —
бюро похоронных процессий
свои проведут саркофаги.

Когда же, хмур и плачевен,
загасит фонарные знаки,
влюбляйтесь под небом харчевен
в фаянсовых чайников маки!

ЗА ЖЕНЩИНОЙ.

Раздвинув локтем тумана дрожжи,
цедил белила из черной фляжки,
и бросив в небо косые вожжи,
качался в тучах седой и тяжкий.

В расплаве меди домов полуда,
дрожанья улиц едва хранимы,
дразнимы красным покровом блуда,
рогами в небо вонзались дымы.

Вулканы бедра за льдами платий,
колосья грудей для жатвы спелы.
От тротуаров с ужимкой татей
ревниво взвились тупые стрелы.

Вспугнув копытом молитвы высей,
арканом в небе поймали бога
и, ощипавши, с улыбкой крысьей,
глумясь, тащили сквозь щель порога.

Восток заметил их в переулке,
гримасу неба отбросили выше
и, выдрав солнце из черной сумки,
ударил злобно по ребрам крыши.

А ВСЕ-ТАКИ.

Улица провалилась, как нос сифилитика.
Река — сладострастье, растекшееся в слюни.
Отбросив белье до последнего листика,
сады похабно развалились в июне.

Я вышел на площадь,
выжженный квартал
надел на голову, как рыжий парик.
Людям страшно — у меня изо рта
шевелит ногами непрожеванный крик.

Но меня не осудят, но меня не облают,
как пророку, цветами устелят мне след.
Все эти провалившиеся носами знают:
Я — ваш поэт.

Как трактир, мне страшен ваш страшный суд!
Меня одного сквозь горящие здания
проститутки, как святыню, на руках понесут
и покажут богу в свое оправдание.

И бог заплачет над моею книжкой!
Не слова — судороги, слипшиеся комом;
и побежит по небу с моими стихами под мышкой
и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым.

КОЕ-ЧТО ПРО ПЕТЕРБУРГ.

Слевают слезы с крыши в трубы,
в руке реки чертя полоски;
а в неба свисшиеся губы
воткнули каменные соски.

И небу — стихши — ясно стало:
туда, где моря блещет блюдо,
сырой погонщик гнал устало
Невы двугорбого верблюда.

КОФТА ФАТА.

Я сошью себе черные штаны
из бархата голоса моего.
Желтую кофту из трех аршин заката.
По Невскому мира, по лощеным полосам его
профланирую шагом Дон-Жуана и фата.

Пусть земля кричит, в покое обабившись:
„Ты зеленые весны идешь насиловать!“
Я брошу солнцу, нагло осклабившись:
„На глади асфальта мне харашо грассировать!“

Не потому ли, что небо голубо,
а земля мне любовница в этой праздничной чистке,
я дарю вам стихи, веселые, как би-ба-бо,
и острые и нужные, как зубочистки!

Женщины, любящие мое мясо, и эта
девушка, смотрящая на меня, как на брата,
закидайте улыбками меня, поэта, —
я цветами нашью их мне на кофту фата!

НАТЕ!

Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулок,
Я — бесценных слов мот и транжир.

Вот вы мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных щей;
вот вы женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.

Все вы на бабочку поэтиного сердца
взгромоздитесь грязные в калошах и без калош.
Толпа озвереет, будет тереться,
ощетинит ножки стоглавая вошь.

А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется — и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам,
я — бесценных слов транжир и мот.

ШУМИКИ, ШУМЫ И ШУМИЩИ.

По эхам города проносят шумы
на шопоте подошв и на громах колес,
а люди и лошади — это только грумы,
следящие линии убегающих кос.

Проносят девоньки крохотные шумики.
Ящики гула пронесет грузовов.
Рысак прошуршит в сетчатой тунике.
Трамвай расплещет перекаты гроз.

Все на площадь, сквозь туннели пассажей,
плывут каналами перекрещенных дум,
где мордой перекошенный, размалеванный сажей
на царство базаров коронован шум.

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ СКАЗКА.

Стоит император Петр Великий
думает
— запирую на просторе я!
а рядом
под пьяные клики
строится гостиница Астория.

Сияет гостинница,
за обедом обед она дает.
Завистью с гранита снят
слез император.
Трое медных слазят
тихо,
чтоб не спугнуть сенат.

Прохожие устремились войти и выйти.
Швейцар в поклоне не уменьшил рост.
Кто-то
рассеянный
бросил
„Извините"
наступив нечаянно на змеин хвост.

Император
лошадь и змей
неловко
по карточке
спросили гренадин.
Шума язык не смолк немея.
Из пивших и евших не обернулся ни один.

И только
когда
над пачкой соломинок,
в коне заговорила привычка древняя,
толпа сорвалась криком сломана:
— „Жует.
Не знает, зачем они.
Деревня".

Стыдом овихрены шаги коня.
Выбелена грива от уличного газа.
Обратно
по Набережной
гонит гиканье
последнюю из петербургских сказок.

И вновь император
стоит без скипетра.
Змей.
Унынье у лошади на морде,
и никто не поймет тоски Петра,
узника,
закованного в собственном городе.

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ.

Жил да был на свете кадет.
В красную шапочку кадет был одет.

Кроме этой шапочки, доставшейся кадету,
ни черта в нем красного не было и нету.

Услышит кадет — революция где-то —
шапочка сейчас же на голове кадета.

Жили припеваючи за кадетом кадет,
и отец кадета, и кадетов дед.

Поднялся однажды пребольшущий ветер,
в клочья шапченку изорвал на кадете

И остался он черный. А видевшие это
волки революции сцапали кадета.

Известно какая у волков диэта.
Вместе с манжетами сожрали кадета.

Когда будете делать политику дети,
не забудьте сказочку об этом кадете.

ГИМН ОБЕДУ.

Слава вам, идущие обедать, миллионы!
И, уже успевшие наесться, тысячи!
Выдумавшие каши, бифштексы, бульоны
и тысячи блюдищ всяческой пищи.

Если ударами ядр
тысячи Реймсов разбить удалось бы —
попрежнему будут ножки у пулярд,
и дышать попрежнему будет ростбиф!

Желудок в панаме! Тебя ль заразят
величием смерти для новой эры?!
Желудку ничем болеть нельзя,
кроме аппендицита и холеры!

Пусть в сале совсем потонут зрачки,
все равно их зря отец твой выделал:
на слепую кишку хоть надень очки,
кишка все равно ничего б не видела.

Ты так не хуже! Наоборот,
если б рот один без глаз, без затылка —
сразу могла б поместиться в рот
целая фаршированная тыква.

Лежи спокойно, безглазый, безухий,
с куском пирога в руке,
а дети твои у тебя на брюхе
будут играть в крокет.

Спи, не тревожась картиной крови
и тем, что пожаром мир опоясан —
молоком богаты силы коровьи,
и безмерно богатство бычьего мяса.

Если взрежется последняя шея бычья
и злак последний с камня серого,
ты, верный раб твоего обычая,
из звезд сфабрикуешь консервы.

А если умрешь от котлет и бульонов,
на памятнике прикажем высечь:
„Из стольких-то и стольких-то котлет миллионов
твоих — четыреста тысяч".

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ.

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание,
отобрав с полсотни —
самые важные! —
служащие расходятся на заседания.

Заявишься: —
„Не могут ли аудиенцию дать?
Хожу со времени она".
— „Товарищ Иван Ваныч ушли заседать —
об'единение Тео и Гукона".

Исколесишь сто лестниц.
Свет не мил.
Опять:
„Через час велели притти вам.
Заседают:
покупка склянки чернил
Губкооперативом".
Через час:
ни секретаря,
ни секретарши нет —
голо!
Все до 22-х лет
на заседании комсомола.

Снова взбираюсь, глядя на ночь,
на верхний этаж семиэтажного дома,
„Пришел т. Иван Ваныч?"
— „На заседании
А-бе-ве-ге-де-кома". —

Вз'яренный
на заседание
врываюсь лавиной,
дикие проклятья дорогой изрыгая, —
и вижу:
сидят людей половины.
О, дьявольщина!
Где же половина другая?
„Зарезали!
Убили!"
Мечусь оря. —
От страшной картины свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
„Оне на двух заседаниях сразу.
В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится разорваться!
До пояса здесь,
а остальное
там".

С волнения не уснешь.
Утро раннее.
Мечтой встречаю рассвет ранний:
О хоть бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!

СЕБЕ ЛЮБИМОМУ ПОСВЯЩАЕТ ЭТИ СТРОКИ АВТОР.

Четыре.
Тяжелые, как удар.
„Кесарево кесарю — богу богово".
А такому
как я
ткнуться куда?
Где для меня уготовано логово?

Если б был я
маленький,
как великий океан,
на цыпочки б волн встал.
Приливом ласкался к луне бы.
Где любимую найти мне
такую, как и я?
Такая не уместилась бы в крохотное небо!

О если б я нищ был!
Как миллиардер!
Что деньги душе?
Ненасытный вор в ней.
Моих желаний разнузданной орде
Не хватит золота всех Калифорний.

Если б быть мне косноязычным,
как Дант
или Петрарка!
Душу к одной зажечь!
Стихами велеть истлеть ей!
И слова
и любовь моя
триумфальная арка —
пышно
бесследно пройдут сквозь нее
любовницы всех столетий.

О если б был я
тихий,
как гром,
ныл бы,
дрожью б об'ял земли одряхлевший скит.
Я
если всей его мощью
выреву голос огромный —
кометы заломят горящие руки
бросятся вниз с тоски.

Я бы глаз лучами грыз ночи,
о если б был я
тусклый
как солнце.
Очень мне надо
сияньем моим поить
земли отощавшее лонце!

Пройду,
любовищу мою волоча.
В какой ночи
бредовой,
недужной
какими Голиафами я зачат
такой большой
и такой ненужный.

НАДОЕЛО.

Не высидел дома.
Анненский, Тютчев, Фет.
Опять
тоскою к людям ведомый,
иду
в кинематографы, в трактиры, в кафе.

За столиком.
Сияние;
надежда сияет сердцу глупому.
А если за неделю
так изменился россиянин,
что щеки сожгу огнями губ ему.

Осторожно поднимаю глаза;
роюсь в пиджачной куче.
„Назад,
наз-зад,
назад!"
Страх орет из сердца.
Мечется по лицу безнадежен и скучен.

Не слушаюсь.
Вижу,
вправо немножко,
неведомое ни на суше, ни в пучинах вод
старательно работает над телячьей ножкой
загадочнейшее существо.

Глядишь и не знаешь, ест или не ест он.
Глядишь и не знаешь: дышит или не дышит он.
Два аршина безлицего розоватого теста:
хоть бы метка была в уголочке вышита.

Только колышатся спадающие на плечи
мягкие складки лоснящихся щек.
Сердце в исступлении,
рвет и мечет:
„Назад же!
Чего еще?"

Влево смотрю.
Рот разинул.
Обернулся к первому и стало иначе:
для увидевшего вторую образину
первый—
воскресший Леонардо да-Винчи.

Нет людей.
Понимаете
крик тысячедневных мук?
Душа не хочет немая итти;
а сказать кому?

Брошусь на землю,
камня корою
в кровь лицо изотру, слезами асфальт омывая.
Истомившимися по ласке губами тысячью
поцелуев покрою
умную морду трамвая.

В дом уйду.
Прилипну к обоям, —
где роза есть нежнее и чайнее?
Хочешь —
тебе,
рябое,
прочту „Простое как мычание"?

Для истории:

Когда все расселятся в раю и в аду,
земля итогами подведена будет,
помните:
в 1914 году
из Петрограда исчезли красивые люди.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ.

(Пушкино, Акулова Гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской ж. д.).

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы —
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце ало.
И, день за днем;
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И, так однажды разозлясь,
что в страхе все поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
„Слазь!
довольно шляться в пекло!"
Я крикнул солнцу:
„Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!"
Я крикнул солнцу.
„Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела, заходить,
ко мне
на чай зашло бы".
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне
по доброй воле,
само,
раскинув луч — шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось,
дух переведя,
заговорило басом:
„Гоню обратно я огни,
впервые с сотворенья,
ты звал меня?
Чаи гони,
гони, поэт, варенье!"
Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
„Ну что ж,
садись, светило!"
Чорт дернул дерзости мои
орать ему —
сконфужен
я сел на уголок скамьи,
боюсь — не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась —
и степенность
забыв —
сижу, разговорясь
с светилом, постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела Роста,
а солнце:
„Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
светить
легко?
— Поди, попробуй!
А вот идешь —
взялось итти,
идешь — и светишь в оба!"
Болтали так до темноты —
до бывшей ночи, то-есть.
Какая тьма уж тут?
на ты
мы с ним, совсем освоясь.
И скоро
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:

„Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдем, поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду, солнце, лить свое,
а ты — свое
стихами“.
Стена теней,
ночей тюрьма,
под солнц двустволкой пала;
стихов и света кутерьма —
сияй во что попало!
Устанет то, —
и хочет ночь
прилечь
тупая сонница, —
Вдруг — я
во всю светаю мочь —
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
я солнца!

БРАТЬЯ ПИСАТЕЛИ.

Очевидно не привыкну
сидеть в Бристоле
пить чаи
построчно врать я,
опрокину стаканы,
влезу на столик:
„Слушайте,
литературная братия.

Сидите,
глазенки в чаишко канув.
Вытерся от строчения локоть плюшевый.
Подымите глаза от недопитых стаканов.
От косм освободите уши вы.

Вас,
прилипших
к стене,
к обоям,
милые,
что вас со словом свело?
А знаете,
если не писал,
разбоем
занимался Франсуа Виллон.

Вам,
берущим с опаской
и перочинные ножи,
красота великолепнейшего века вверена вам:
из чего писать вам?
Сегодня
жизнь
в сто крат интересней
у любого помощника присяжного поверенного.

Господа поэты,
неужели не наскучили
пажи,
дворцы,
любовь,
сирени куст вам?
Если
такие как вы
творцы —
мне наплевать на всякое искусство.

Лучше лавочку открою.
Пойду на биржу.
Тугими бумажниками растопырю бока.
Пьяной песней
душу выржу
в кабинете кабака“.

Под копны волос проникнет ли удар?
Мысль
одна под волосища вложена:
„Причесываться? Зачем же?
На время не стоит труда,
а вечно
причесанным быть
невозможно“.

ПРИКАЗ ПО АРМИИ ИСКУССТВА.

Канителят стариков бригады
канитель одну и ту ж.
Товарищи!
На баррикады!
баррикады сердец и душ.
Только тот коммунист истый,
кто мосты к отступлению сжег.
Довольно шагать, футуристы,
в будущее прыжок!
Паровоз построить мало —
накрутил колес и утек.
Если песнь не громит вокзала,
то к чему переменный ток?
Громоздите за звуком звук вы
и вперед,
поя и свища.
Есть еще хорошие буквы:

эР.
Ша.
Ща.
Это мало построить парами,
распустить по штанине канты,
Все совдепы не сдвинут армий,
если марш не дадут музыканты.
На улицу тащите рояли,
барабан из окна багром!
Барабан,
рояль раскроя ли,
но чтоб грохот был.
Чтоб гром.
Это что — корпеть на заводах,
перемазать рожу в копоть
и на роскошь чужую
в отдых
осовелыми глазками хлопать.
Довольно грошевых истин.
Из сердца старое вытри.
Улицы наши кисти.
Площади наши палитры.
Книгой времени
тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицы, футуристы,
барабанщики и поэты!

РОССИИ.

Вот иду я,
заморский страус,
в перьях строф, размеров и рифм.
Спрятать голову глупый стараюсь
в опереньe звенящее врыв.

Я не твой, снеговая уродина.
Глубже
в перья душа уложись!
И иная окажется родина,
вижу
выжжена южная жизнь.

Остров зноя.
В пальмы овазился.
„Эй
дорогу!“
Выдумку мнут;
и опять
до другого оазиса
вью следы песками минут.

Иные жмутся
— уйти б
не кусается ль. —
Иные изогнуты в низкую лесть.
„Мама,
а мама,
несет он яйца?“
„Не знаю душечка.
Должен бы несть“.

Ржут этажия.
Улицы пялятся.
Обдают водой холода.
Весь истыканный в дымы и в пальцы
переваливаю года.

Что ж бери меня хваткой мерзкой!
Бритвой ветра перья обрей.
Пусть исчезну
чужой и заморский
под неистовства всех декабрей.

ВОЙНА ОБ'ЯВЛЕНА.

„Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!“
И на площадь, мрачно очерченную чернью,
багровой крови пролилась струя!

Морду разбила кофейня,
зверьим криком багрима:
„Отравим кровью игры Рейна!
Громами ядер на мрамор Рима!“

С неба, изодранного о штыков жала,
слезы звезд просеивались, как мука в сите,
и подошвами сжатая жалость визжала:
„Ах пустите, пустите, пустите!“

Бронзовые генералы на граненом цоколе
молили: „Раскуйте и мы поедем!“
Прощающейся конницы поцелуи цокали,
и пехоте хотелось к убийце — победе.

Громоздящемуся городу уродился во сне
хохочущий голос пушечного баса,
а с запада падает красный снег
сочными клочьями человечьего мяса.

Вздувается у площади за ротой рота,
у злящейся на лбу вздуваются вены:
„Постойте, шашки о шелк кокоток
вытрем, вытрем в бульварах Вены!“

Газетчики надрывались: „Купите Вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!“
Из ночи, черно очерченной чернью,
багровой крови лилась и лилась струя.

ОДА РЕВОЛЮЦИИ.

Тебе,
освистанная,
осмеянная батареями,
тебе,

из'язвленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
„О".
О звериная!
О детская!
О копеечная!
О великая!
Каким названьем тебя еще звали?
Как обернешься еще двуликая?
Стройной постройкой,
грудой развалин?
Машинисту,
пылью угля овеенному,
шахтеру, пробивающему толщи руд,
кадишь,
кадишь благоговейно,
славишь человечий труд.
А завтра
Блаженный
стропила соборовы
тщетно возносит пощаду моля —
твоих шестидюймовок тупорылые боровы
взрывают тысячелетия Кремля.
Слава.
Хрипит в предсмертном рейсе.
Визг сирен придушенно тонок.
Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после
пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе обывательское
— о будь ты проклята трижды! —
и мое
поэтово
— о четырежды славься благословенная! —

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Мы идем —
революционной лавой!
Над рядами
флаг пожаров ал.
Наш вождь
миллионоглавый
Третий Интернационал.

В стены столетий
воль вал
бьет Третий
Интернационал.

Мы идем.
Рядов разливу нет истока.
Волгам красных армий нету устья.
Пояс красных армий
к западу
с востока
опоясав землю
полюсами пустим.

Нации сети.
Мир мал.
Ширься Третий
Интернационал.

Мы идем.
Рабочий мира
слушай!
Революция идет.
Восток в шагах восстаний.
За Европой
океанами пройдем, как сушей.
Красный флаг
на крышах нью-йоркских зданий.

В новом свете
и в старом
ал
будет
Третий
Интернационал.

Мы идем.
Вставайте цветнокожие колоний!
Белые рабы империй —
встаньте!
Бой решит —
рабочим властвовать у мира в лоне
или
войнами зверели антанте.

Те
или эти.
Мир мал.
К оружию,
Третий
Интернационал!

Мы идем
миры разделать рассм.
Свалят нас —
за нами

миллион других.
Будет герб вселенной —
Серп,
огнем играя,
перекрещен с молотом радугой дуги.

Выше лейте
песни вал,
да здравствует
Третий
Интернационал!

ЛЕВЫЙ МАРШ.

(Матросам).

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ Маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй синеблузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там,
за горами горя,
солнечный край непочатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат нанятой,
стальной изливаются леевой —
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

НАШ МАРШ.

Бейте в площади бунтов топот!
Выше гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.

Дней бык пег.
Медленных лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.

Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — наши песни.
Наше золото — звенящие голоса.

Зеленью ляг луг,
выстели дно дням.
Радуга дай дуг
лет быстролетным коням.

Видите скушно звезд небу!
Без него наши песни вьем.
Эй Большая Медведица! требуй,
чтоб на небо нас взяли живьем.

Радости пей! Пой!
В жилах весна разлита
Сердце бей бой!
Грудь наша медь литавр.

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ.

ФАБРИКА.

Верть колес, осей; гармонизация аккорда
Дуговой фонарь лунит у стены.
Я пришел из клеточек и созвездий города.
На мне кепка и сальные штаны.
Брошу в оси вопросы и росчерки.
Здесь каждый фонарь изумительно желт.
Трауриы на телегах ломовые возчики,
А оттуда не пускает железный болт.
Там спички в пачки, доски потрескивают,
Ремни мнутся на лясканьи колес,
И плачут котлы, пламенем поблескивая,
Плотными каплями нефтяных слез.
А вечером выйдут, закопченые, на берег,
И, сплевывая в воду, закачаются домой,
А с той стороны созвездья двоюродных фабрик
Проблильянтят воду златорваной бахромой.

В ОКТЯБРЕ.

В октябре есть привкус спирта.
Обведен самый дальний увал.
Твердый лес после летнего флирта
Золотые кольца сковал.
Неподвижна воздуха глыба.
Холод ошеломил поля.
Облако проплывает, как рыба,
Плавниками не шевеля:
У меня румянец тунеядца
И вязаный шарф до ушей.
И хочется вслух рассмеяться
Над серьезью речных голышей.
И воздух дрогнет, как струнка,
Расколется легче стекла,
А легкая, плоская лунка
Продавит озер зеркала.

ВЕРБЛЮД.

На шали зарева закатного кургана,
На серебре степного блюда—
Молчание верблюда.
Светло степное ветряное пойло.
Мхом обволок клокастый войлок
Пуды усталого мяса.
По колеям небесного сосуда
Аэролит протрясся.
Верблюд пойдет на утро вязко
Вращать чигирь.
На ироничном рте болтается увязка,
В копытах — гул булыжных гирь.
Верблюд, беги! А то придет погонщик,
Плевком колючим плюнет кнут.
На зареве зари верблюжий выгиб тоньше.
Горбы с курганами обнимутся, уснут.

АТАКА.

Кусаются ружья.
За каждым бугром — солдат.
В поле так пусто, как в зале дворцовых палат.
Люди—камни, сырые и неуклюжие.
Может быть, умерли? Может быть, нет их,
В полушубки одетых?
Вдруг это комья земли
Легли
И смертельно иззябли?...
Взмах рук
Вдруг.
Скачок неуклюжий.
Зык сабли.
Ляскнула тысяча ружей.
Рванулись шинели
Под благовест звонкой шрапнели.
Шопот. Суконный потоп...
По блеску, крику, знаку
В атаку!
Сердце настежь. В атаку! Упрямо
В атаку! Все ближе. В атаку!
Лоб расколот... Мама!
К ружейному звяку
Рвота пушек.
На глину, скользя на штыки
Под пенье свинцовых мушек.
Зрачками в зрачки.
Телом на тело. Ладонью в красное...
Ликованье последнее, страстное,
Звонкое, цепкое, липкое...

Злоба каплет с штыка под сопение шибкое,
Под пудовый удар кулака...
Отходили, упорствуя.
Кусались, клубились в кустарнике.
Стала теплою глина черствая,
Как хлеб из пекарни.
Тепловатым причастьем насытили
Отощавший желудок полей.
И опять каменея
На шершавой ладони земли
Залегли
Победители.

НОЧЬ. ПЕКИН.

Зеленозвездое тысячеточье.
В иероглифах мифа бархат.
Драконью кожу распяли ночью
Над мыком города - монарха.
Зубами стен назои скрипок,
Жуя, перегрызают жилы.
Из язв харчевен тучный выпах
Гангреной пищи обложил.
И апельсины фонарей
Чудовно зреют у дверей.
Посевы звезд взойти мерещатся.
Оцепенело неба в стуже лицо.
По древесине века резчица
Грызет и грезит полночь-жужелица.
Гвоздей звездящих, сыпких бус ли
Набрызган мраку емкий ковшик.
Ночной торговли ноют гусли,
Шушуки спален проколовши.
Зызыгнут гэонгом звонари.
Багрея, зреют фонари.
И если голову закину,
Увижу — время с донным звоном
Вращает небосвод Пекина
Торжественный, как свод законов.

1921.

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПЕСНЯ.

Трубы заводов, грянъте
Маршем на нашем пути!
С солнцем на красном банте
Молодо нам итти.

Товарищи, стройся в колонны!
По сердцу равняйте шаг!
Сегодня над маем зеленым
Алейся, рабочий флаг!

На первый май из края в край,
Труда солдат, ряды смыкай!
Знамена вей! Сердца взломай!
Рабочий май!

Сегодня машинам не топать.
Пускай отдохнут станки.
Отрем трудовую копоть
Ладонью железной руки.

Настежь глаза раскроем,
И песни наших рядов
Забьют океанским прибоем
В улицы всех городов.

На первый май из края в край,
Труда солдат, ряды смыкай!
Знамена вей! Сердца взломай!
Рабочий май!

Каждой угрозе вражьей
Крикнем: Смотри! Не тронь!
Товарищ! Крепись на страже!
Жги, мятежей огонь!

Земля — наша вольная площадь.
Мы — королей короли.
В небе над нами полощут
Красных знамен патрули.

На первый май из края в край,
Труда солдат, ряды смыкай!
Знамена вей! Сердца взломай!
Рабочий май!

1920.

Р. К. С. М.

От отцов мы узнали—
Не взорвав — не пройдешь.
За нами! За нами!
Всей земли молодежь.
Отцам грянем:
— Готовы. Идем.
Старье таранить
Октябрьским путем.
Одинаковы речи
Станка и деревни.
Мы все — Октябревичи.
Мы все — Октябревны.
Комсомол. Береги
Государство рабочих.
Эй, враги!
Руки прочь!
Нас не трожь!

Сердца — динамит. Слышишь: бурлят они;
Четок, приказ по советской орлятне.
Всем! Всем! Всем!
Ряды крепче смыкай молодежь.
Р. К. С. М.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ.

I.

Железными резервами
Мы выросли везде.
Клянемся, будем первыми
В строю, в бою, в труде.

Врагов труда валить в размол
Вставай, всемирный комсомол.

Мы — Молодая Гвардия,
Непобедимый стан.
Мы — Молодая Гвардия
Рабочих и крестьян.

Мы знаем цену пота,
Неволи и пинка,
Мы выросли, работая
У плуга и станка.

Над каждою трущобою
Наш вольный зов звенит,
Упорною учебою
Грызем наук гранит.

Не нам бояться боя—
Винтовка нам родня.
Ведем мы за собою
Всемирный молодняк.

Когда же мир расколется,
Рванет команда — в строй,
Сомкнутся комсомольцы
В шеренги брат с сестрой.

Версальское базарище
Давно пора в трубу.
Германские товарищи,
Штыком решай борьбу!

II.

Окончены дискуссии.
В руке винтовку сжав,
От Бадена до Пруссии
Жги порох мятежа.

Настали дни восстания,
Пора хрустеть костям.
Да здравствует Германия
Рабочих и крестьян!

НИКОЛАЙ АСЕЕВ.

ТЕРЦИНЫ ДРУГУ.

Б. Пастернаку.

Мы пьем скорбей и горечи вино
И у небес не требуем иного,
Зане свежит и нудит нас оно.

Оратаи и сеятели слова
Мы отдыху не предаемся. Здесь
Мы не имеем пристани и крова.

Но прошумит воскреснувшая весь,
Слив голоса в зазеленевшем клнче,
И здесь она, бессмертная поднесь —

Вернувшаяся в долы, Беатриче!
И радости смиренной и простой
Мы слышим отзвукн в старинной притче.

Дерзай поэт! Недолгой немотой
Ответствуют небесные пространства.
Пей вешних трав целительный настой,

Да радостно твое пребудет пьянство.
Когда ж стихом взыграет вдруг оно, —
Стиху довлеет царское убранство.

Режь злых цепей томящее звено,
Спадет, спадет гремучая окова!
Мы пьем скорбей и горести вино

И у небес — не требуем иного.

◆ ◆ ◆

Закат онемелый трепещет
И сбывшийся день беспокоен;
Там стрелы последние мещет
Израненный воин.
Эфир опустелый недвижен,
И внемлю безмолвью...
Там окна столпившихся хижин
Покрыты кровью.
А ночь от восточного склона
Недвижными машет крылами:
Дыхание темного лона
Над нами.

◆ ◆ ◆

З. Б.

Листья липовых скверов попрежнему свежи
И безмолвно опять бытие,
Но закинуты в небо прозрачные мрежи,
В небе — бедное сердце мое.

Ах, бывалое небо яснее и ближе
И бесценнее день ото дня;
Ты далеко в проклятом, безумном Париже
Навсегда забываешь меня!

Значит сердце напрасно сияло и билось,
Значит было давно суждено,
Чтобы ты от меня далеко затворилась
В пансионе M-me Robino?

Эти дни, они также останутся близки.
Все, что будет, предстанет — как сон,
Лишь на сердце моем, на глухом обелиске,
Врежет числа давнишних времен.

ФАНТАСМАГОРИЯ.

Н. С. Гончаровой.

Летаргией бульварного вальса
Усыпленные лица подернув,
В электрическом небе качался
Повернувшийся солнечный жернов;
Покивали, грустя, манекены

Головами на тайные стражи:
Опрокинулись тучами стены,
Звезды стали, стеная, в витражи!
Над тоскующей каменной плотью,
Простремглавив земное круженье.

Магистралью на бесповоротье
Облаками гремело забвенье;
Под бичами крепчающей стужи
Коченел бледный знак Фаренгейта,
И безумную песенку ту же
Выводила полночная флейта.

ЕЩЕ И ОСЕНИ НЕ БЛИЗКО.

Еще и осени не близко,
Еще и свет гореть — не связан,
А я прочел тоски записку,
Потерянную желтым вязом.

Не уроню такого взора,
Который — прах, который — шорох.
Я не хочу земного сора,
Я никогда не встречу сорок.

Когда ж зевнет над нами осень,
Я подожгу над миром косы,
Я посажу в твои зеницы
Такие синие синицы.

ЧЕРЕЗ ГРОМ.

Как соловей, расцеловавший воздух,
Коснулись дни звенящие твои меня,
И я ищу в качающихся звездах
Тебе узор красивейшего имени.

Я может сердцем до тла изолган:
Вот повторяю слова — все те же,
Но ты мне в уши ворвалась Волгой,
Шумишь и машешь волною свежей;

Мой голос брошен с размаху в пропасть,
Весь в черной пене качает берег,
Срываю с сердца и ложь и робость,
Твои повсюду сверкнули серьги!

По горло волны! Пропой еще чем
Тебя украсить, любовь и лебедь.
Я дней, закорчившихся от пощечин,
Срываю нынче ответы в небе!

◆ ◆ ◆

Троица! Стройся, кленовая лень
В явственнный, праздничный, солнечный день.
Троица! Пляшут гневливо холмы,
Там, где истлели ковыль и калмык.

Великодушье — удел моряка,
Великодушьем душа далека,
Ты, даровавший мне жаркую речь,
Дай мне у ног и устать и прилечь!

Брошенной тростью, дорожной клюкой,
В камень звенящей под сильной рукой.
Мы этими ветками ум обогнем,
Следя за весенним взошедшим огнем.

1914.

НОЧНОЙ ПОХОД.

Вере Станевич.

Горькие в сердце — миндалины...
В черном небе зеркал
Нежной звездою вспыхнул блистательный
Взвитый тобой бокал.

Кинута, кинута жизни гостиница;
За миллионы миль,
Бешено вздрогнув, за полночь кинется
Воющий автомобиль.

Взрежет изглубья вздохами мерными,
Ветром исполнит путь;
Ты капитаном станешь над верными:
Некому нас вернуть!

Губы твои во мрак зароются...
Но — поворот руля,
Низкие горы вдали откроются —
Это — опять земля!

КРЕМЛЕВСКАЯ СТЕНА.

I.

Тобой очам не надивиться,
Когда, закатами увит,
На богатырской рукавице
Ты — кровью вычервленный щит!

И эти царственные грани,
Под'емля древний голос свой,
Ведут мой дух в былые брани,
В разгул утехи громовой.

И мнится: к плачущему сыну
Склонясь, лукавый Калита
Поет грядущую былину
Необоримого щита.

II.

И мнится: шумною ратью
Поем и цедим вино;
И все — крестовые братья,
И все стоим за одно.

Но вдруг — в разгаре пирушки,
В ответ на далекий рев —
Протяжно завоют пушки
С зеленых твоих валов.

И пурпур — башни оближет,
Ты встанешь — странно светла.
В тот час мне горло пронижет
Замолкнувшая стрела.

◆ ◆ ◆

Ой, в пляс, в пляс, в пляс!
Есть князь, князь, князь—
Светлоумный, резвоногий,
Нам его послали боги.

Ой, ясь, ясь, ясь!
Есть князь, князь, князь!
Как твой первый бег,
Буди быстр весь век.

Как ты всех упрежал,
Пред тобою кусты
Под покровом тьмы
Преклонялися,

А до нас добежал,
Светлоликий ты,—
Пред тобою мы
Рассмеялися.

Ой, в пляс, в пляс, в пляс!
Есть князь, князь у нас —
Светлоликий, резвоногий,
Нам его послали боги.

ПЕРУНЬЯ ПЕСНЯ.

Перуне, Перуне,
Перуне могучий,
Пусти наши стрелы
За черные тучи.

Чтоб нам бы вернулись
Певучие стрелы,
На каждую выдай
По лебеди белой.

Чтоб витязь бы ехал
По пяди от дому,
На каждой бы встретил
По туру гнедому.

Чтоб вихрились струны,
Чтоб искрились очи:
Похвалим Перуна,
Владетеля мочи.

ПЕСНЯ СОТЕН.

Тулумбасы, бей, бей,
Запороги, гей, гей!
Запороги-вороги—
Головы не дороги.

Доломаны — быстрь, быстрь,
Похолоним Истрь, Истрь,
Хоролужье паново
Переметим наново.

Чубовье раскрутим,
Разовьем хоругвь путем,
А тугую сутемь—
Раньше света разметем!

То ли не утеха ли,
Соловейко-солоду,
То ли не порада ли,
Соловейко-солоду—

По грудям их ехали
По живому золоту,
Ехали не падали
По глухому золоту.

Соловее вей, вей,
Запороги, гей, гей
Запороги-вороги —
Головы не дороги!

ПЛЯСКА.

Под копыта казака
Грянь брань, гинь вран—
Киньтесь бровн на закат—
Ян, Ян, Ян, Ян!

Копья тлеют на западе
У вражьего лика,
Размочалься, лапоть
Железного лыка.

Закружи кунтуши,
Горячее вейло,
Из погибшей души
Ясного Ягейла.

Закачался туман
Не над булавою,
Закачал наш пан
Мертвой головою.

Перепутались дни,
Раскатились числа,
Кушаком отяни
Души наши, Висла.

Времени двоякого
Пыль дымит у Кракова
В свисте сабель, в блеске пуль
Пляшет круль, пляшет круль.

КОГДА ЗЕМНОЕ.

Когда земное склонит лень,
Выходит стенью тени лань,
С ветвей скользит, белея, лунь,
Волну сердито взроет линь,

И чей-то стан колеблет стон,
То может пан, а может пень...
Из тины тень, из сини сон.
Пока на Дон не ляжет день.

СТАЛЬНОЙ СОЛОВЕЙ.

Со сталелитейного стали лететь
Крики кровью окрашенные...
Стекало в стекольных, и — падали те,
Слезой поскользнувшись страшною.

И был соловей — живой соловей,
Он бил о таком и об этаком;
О небе горящем в его голове,
О мыслях ползущих по веткам.

Он думал: крылом — весь мир обовью:
Весна ведь куда ни кинешься...
Но велено было вдруг соловью
Запеть о стальной махинище.

Напрасно он, звезды опутав, гремел
Серебряными канатами,
Махина вставала прямей и прямей
Пред молкнущими пернатыми.
И стало тогда соловью невмочь
От сердце ожегшей одуми...
Ему захотелось в одно ярмо
С гудевшими всласть заводами.

И вот, — пополам распилив пилой,
Вонзивши в недвижную форму лом,
Увидели — кем был в середке живой,
Свели его к точным формулам.

Пускай весь мир остальной
Глядится в небесную щелку,
А наш соловей стальной,
А наш зоревун стальной
Уже начинает щелкать.
Того ж, кто не видит проку в том,
Кто смотрит на ветки выше,
Таким мы охлынем рокотом,
Что он и своих не услышит!

Мир ясного свиста льни,
Мир мощного треста льни,
Звени и бей без умолку!
Он стал соловьем стальным,
Он стал соловьем стальным,
А чучела — ставьте на полку.

1922.

В 1915 Г.

Серп на ущербе притягивает моря.
И они взойдут на берег; шелками хлюпая,
Вот, волн вам их ропот покоряя,
Привидится эскадра белотрубая.
Герб серба сорвала слишком грубая
Рука. Время Европу расшвырять.

Пусть рушатся камни зданий в огне,
Пусть исказится за чертою черта
Поношенной морды мира. Божьего гнева
Я слышу голос у каждого рта.
Страны ли стали вам дороги? Слышите, больше их нет:
Дания — знак с колокольни. Бельгия — выстрел с борта.

Матерой материк в истерике,
Пули изрешетили его дочерей черепа,
Скоро уже — вы не верите—
Вам, вам, вам выступать—
Только стальной Америки
Выдвинется презрительная губа.

РОССИЯ ИЗДАЛИ.

Три года гневалась весна,
Три года грохотали пушки.
И вот — в России не узнать
Пера и голоса кукушки!

Заводы весен, песен, дней,
Отрите каменные слезы:
В России — вора голодней,
Земные груди гложет озимь.

Россия — лен, Россия — синь,
Россия—брошенный ребенок,
Россию сердце возноси
Руками песен забубенных.

Теперь там зори поднял май,
Теперь там груды черных пашен,
Теперь там — голос подымай —
И мир другой тебе не страшен.

Теперь там мчатся ковыли
И говор голубей развешан,
И ветер пену шевелит
Восторгом взмыленных черешен!

Заводы! Слушайте меня!
Готовьте пламенные косы:
В России всходят зеленя
И бредят бременем покоса!

СЕГОДНЯ.

Сегодня — не гиль позабытую разную
О том, как кончался какой-то угодник,
Нет! Новое чудо встречают и празднуют—
Румяного века живое „сегодня".

Грузчик, поднявший смерти куль,
Взбежавший по неба дрожащему трапу,
Стоит в ореоле порхающих пуль,
Святым протянув закорузлую лапу.

Его не снесете в червонном киоте,
Пред ним не заставишь вас петь аллилуя,—
Он встанет сегодня в смертельной зевоте,
На рану кровавыми сгустками плюя,

И в новое небо пропеллером ввинчен
Собою засеет он синюю пустошь,
С тобою, с тобой, мое звонкое нынче,
В твой рай трудовой я войду, если пустишь.

Совет ветвей, совет ветров,
Совет весенних комиссаров
В земное черное нутро
Ударил огненным кресалом.

И от ночного рубежа
Шар отвалился огнелицый,
И гул и трепет пробежал
По навзничь падавшим столицам.

И разом ринулась земля,
Расправив пламенную гриву,
Грозить, сиять и изумлять
Неверивших такому взрыву.

И каждый ветренный посыл
За каждым новым рухом грома
Свивал, срывал, сбивал, косил,
Что встарь оледенила дрема.

И каждый падавший удар
Был в эхе взвит неумолканном:
То гор горячая руда
По глоткам хлынула вулканным.

И зазмеился день земной
Во тьме миров зарей прорытой,
—„Сквозь ночь, сквозь мир, со мной, за мной,"—
Был крик живой метеорита.

Пускай не слышим, как летим,
Но если сердце заплясало, —
Совет весны неотвратим:
Над нами красное кресало.

1920.

СЕРГЕЙ БОБРОВ.

ЗА МОСКВОЙ.

Башенки больничного сада,
Заброшенный завод,
Поломанная ограда,
Далекий пароход.

И холод земной пустыни,
Как говоры горных трав!
Погрузись в простор темносиний
От былых и знакомых отрав.

Забыть, забыть обо всем,
Умереть с холодным деньком!

Прими же днесь мои пени,
Неясная мира весна,
Успокой страстный бег мгновений,
Весенняя волна.

Забыть, забыть обо всем,
Умереть с холодным деньком!

— Не видно башенок сада,
Угрюмо повис мост —
Холодная отрада!
Холодные блески звезд.

ПРЕДЧУВСТВИЕ.

Сергею Раевскому.

Цветет земля рукою нежной музы! —
Качнется над водами очерет.
На яблоню взлетит звеня удод,
А над рекою тянут черногузы; —
И с ней поют и пену мечут шлюзы,
И комаров мятется хоровод,
И пышнолиственный ведут черед
Зеленые фонтаны кукурузы;
Там топот отразит певучий мост,
Турбина мельницы ведет извивы;
А здесь ютится у родимой нивы
Господней нивой серенький погост —
И кто-то говорит мне издалека,
Что и к нему приду я одиноко.

ОСЕННИЕ ПЕЧАЛИ.

Н. Н. Асееву.

Там, в садах лазури холодной,
Звенят, улетая, стрижи.

Ты о скорби нашей свободной
Расскажи.

Нас осыпали пурпуром клены,
Мы одни.

Как далекие смутные звоны
Наши тихие, бедные дни.

Там зеленые тянутся тучки
Над закатным огнем,
Над сгорающим днем.

Протяни мне холодные ручки,
Мы теперь отдохнем.

Там устали безмолвные тучки,
Отдохнем.

Осень, 1911. Петровский парк, у дворца.

LES BIENFAITS DE L'AMOUR.

Старинные опять зовут прогулки!
Будь милым снова, незабытый друг —
Вот брошены дорожки, закоулки
И скошенный нас принимает луг.

Не повторять прекрасные сонеты,
Не слез узнать неотвратимый путь
Идем сюда; — вот дальних птиц приветы
И радости ты не избудешь, грудь.

Посещены места далекой встречи,
Узор тропинок нами не забыт,—
Орешники твои ласкают плечи.
Приветно небо меж ветвей горит.

Вот парк с подстриженными деревами,
Разваливающийся павильон...
Беспечно бьет узорными крылами
Смеющийся и легкий летний сон.

РАБ.

Я раб греха.
Вл. Соловьев.

О, в этом топоте и шепоте
Все новое здесь для меня:
Шум площади и эти лошади
И бешеная пляска дня.

Как сон, как сон вы, пальмы милые,
Поля и хижины мои
И хищники ширококрылые,
И рек тяжелые струи. —

Цепями режущими сдавленный
Перед толпой я обнажен —
Я — солнцем яростным отравленный,
И всем, что было — явь и сон!

Сосед с прогорклыми оливками
Протягивает руку мне.
И мысли пробегут обрывками
В буитующей нетишине, —

И странен знак сторожу поданный —
И я бледнею от стыда:
Обманом пойманый и проданный
Иду, иду. — куда? куда?

ОЧАРОВАНИЕ.

Не разбивается ли всегда усталое
сердце под чуждым небом?
Новалис.

Пурпуровый свод отразишь
Во мрак плывущею душою,
Приветишь шепчущий камыш
Над уходящею водою;

И жаль забытого, и жаль
Дней расточенных на чужбине:
Но все горит любовь - печаль
В родной своей, в родной пустыне.

И сердце, стклянный шар, горит
И алыми дарит стрелами,
И тайно милое молчит,
Следя за тихими листами.

И все же в сновиденьях дней
И сердце застывает, ноя,
Когда расскажет Одиссей
О странствиях у Алкиноя.

САД.

Вот Маша Штальбаум, дочь
очень почтенного советника.
Т. Гофман.

Не проснется, не услышит
Старый сад,
Лишь земля стыдливо дышит,
Звезды яркие горят.

Радость в сердце милом, старом,
В тихой звоннице звонит,
Стелется весенним паром
И тропинками бежит.

На траве седой сияет
Серебристый лед,
Ясный месяц освещает
Той дорожки поворот.

И бросает на ограду
Живоносные лучи,—
Проходи теперь по саду,
Улыбайся и молчи.

И трепещущей рукою
Ручку милую обняв,
Ты иди тропой одною
Меж снегов и мертвых трав.

А весна — бежит, играет,
Примечает жемчуга,
Смертной лаской ласкает
Истомленные снега
И подснежники роняет
На поемные луга.

Март 1912.

АЛМАЗНЫЕ ЛЕСА.

Алмаз, на нас снесенный тучей,
Слезой алмазною расплавь! —
В душе свободной и могучей
Зреет спокойно солнца явь.

Ты, сердца явленное чудо! —
Жизнь, ты, как красная роса; —
А на вершинах острогрудых
Дремлют алмазные леса.

Уходишь ты к сапфирной выси
По сей возвышенной тропе,
А там, на черном кипарисе,
На граней сумрачном столпе:

Сияй, сияй, не обветшая!
Лучи из-за моря летят,—
Жизнь страстная и голубая!
Тебя, приникшую, поят —

Сердцекружительных парений
Приникни к чаше на заре:
Выспрь излетающих борений
И застывающих горе.

◆ ◆ ◆

Благословлял земные долы,
Не веря и не зная их;
И над пустыней бился голой,
Как я, измученный мой стих.

Он благодарственной судьбою
Меня на крылья уносил —
И над рекою голубою
Я будто нежный нектар пил,—

Но жизнь спокойно обряжалась
На чуждый, мне невидный пир
И быстрым взлетом поднималась
В уклончивый и странный мир.

Так неужели ты расторгнешь
Дней недоверчивых стезю!
Обманом новым не наполнишь
Душу дрожащую мою.

21 февраля.

◆ ◆ ◆

Над глубиною небосклона
Уже не чуждая страна!
Душа — какого перезвона
Напоена, упоена.

Как виснет, тянет, отлетает
Свод невозможно голубой,
Как — обольститель! — изжигает
Он дух, стесненный сердцем мой.

Иль первых листьев золотеет
Обетование: — „опять!“ —
Как улетает, холодеет
Земли пленительная гладь.

Дай сердце мне! ужель устами,
Кому восторг — тебя хвалить,
Приму ночей такое пламя,
Такую трепетную нить.

Несись, избыток жизни чудный,
Обетований глубина!
За глубиною изумрудной
Уже не чуждая страна.

◆ ◆ ◆

Вниз по весне летели птицы,
Благовествуя свой полет;
И ты — не можешь не гордиться,
Когда весна тебя найдет;

Когда, клубясь холодным смрадом,
Нагрянет улиц перезвон
И сонным обуяет адом
Его постылый, бедный сон; —

Тогда бы хорошо — на крыше
Поставить ветреный шалаш,
Глядеть спокойнее и тише,
Рассматривая воздух наш;

Потом, по жолобу скользнувши,
Прильнувши к жестяной трубе,
Дрожать, ослепнувши, уснувши,
Не помня о своей судьбе, —

Мне бы — заснуть, заснуть! — высоко
И мчаться воздухом иным:
Волну весеннего потока
Приветить образом живым.

◆ ◆ ◆

Как вазочка — было сердце!
Как вазочка с мертвым цветком,
А звезды цвели высоко
Утешным и тонким сном,
А уста беззвучно шептали
О чем-то — и все не о том!

Да, ведь больше не было силы
И рот не разверзся: — сказать,
Что в прошлом — одни могилы
Мне приходится вспоминать, —

И что же мог рассказать я,
Когда я был — один,
Когда был всегда покинут
Печалям рассказанных годин! —

Печаль — не моя, чужая
Смотрела мне в глаза,
И пристально вздохнувши,
Указывала — небеса:

Там тихо рыдала и пела,
И пела, и пела сквозь слез,
И в дальние дали глядела —
И ширился голос, и рос —

И сказывала мне (певица),
Что нужно перетерпеть,
Что теперь уж немного осталось
Грустить, беспокоиться, петь.

Но разве я узнаю
(Ах, нет — никогда!)
Зачем так горько плачет
Далекая звезда...

◆ ◆ ◆

Слабеющими очами
Обнимать этот тонкий взор,
Склониться мне над ночами,
Уплыть в таинницы гор.

Сердце! не ты ли, не ты ли
Привело на этот путь,
Как мы с тобою жили,
Чтобы раз один легко взглянуть,

Чтобы раз один голубоокой
Лазурью светилась ночь, —
Чтобы краткой волною, нежной
Унесло и вабыло — прочь.

◆ ◆ ◆

Судьбы чужой прекрасная преграда
Нам яснится за дольней немотой;
Но личный мир один, один с тобой,
И им осветится блаженная награда.

Крестальною и звонкой каплей яда
Вонзится крыл порыв за гранью той! —
Но зов земли блистательной мечтой
Укажет, как поет моя отрада.

Любовь моя! все грани, жизнь и сон,
Который некогда был озлащен,
И некогда, как фейный дар, оставлен, —

А жизнь — алмаз и синяя заря;
И будет сон, как некий червь, раздавлен,
И примут нас не сущие моря.

ДЕНЬСКОЕ МЕТАНИЕ.

На столе колокольчики и жасмины,
Тютчев и химера с Notre Dame.
Да, но в душе годины, как льдины,
И льдины, как разломанный храм.

Ты войдешь в комнату. — Да, все то же:
Море потолка и ящерица - день;
Жизни пустынное ложе
Трепет и тень.

Принимай же холодную ласку эту —
Васильков и жасмина;
Тебе, поэту,
Одна, все одна горюет година.

1913.

КОНЕЦ СРАЖЕНИЯ.

Воздушная дрожь — родосский трактор.
О, темь, просветись, лети!
Земля дрожит, как раненый аллигатор,
Ее черное лицо — изрытая рана.

Валятся, расставляя руки, —
Туже и туже гул и пересвист,
Крики ломают брустверы,
Ржанье дыбится к небу.

О, сердце, крепче цепляйся
Маленькими ручками за меня!
Смотри: выбегают цепи
В полосы бризантного огня.

И чиркают пули травою;
Еще минута — и я буду убит.
Вчера контузило троих, сегодня... что такое?
Нечего и вспоминать, это я — просто так.

Но сегодня — какое то странное...
И даже... Однако, позвольте, где же я? —
Ведь вниз уносится земли полоса —
В мрак! в мрак!
— Да этого быть не может!
Это просто так.

1914.

БОРИС ПАСТЕРНАК.

ПОЭЗИЯ.

Поэзия, я буду клясться
Тобой, и кончу, прохрипев:
Ты не осанка сладкогласца,
Ты — лето, с местом в третьем классе,
Ты — пригород, а не припев.

Ты — душная, как май, Ямская,
Шевардина ночной редут,
Где тучи стоны испускают
И врозь по роспуске идут.

И в рельсовом витье двоякя,
— Предместье, а не перепев —
Ползут с вокзалов во-свояси
Не с песней, а оторопев.

Отростки ливня грязнут в гроздьях
И долго, долго, до зари
Кропают с кровель свой акростих
Пуская в рифму пузыри.

Поэзия, когда под краном
Пустой, как цинк ведра, трюизм,
То и тогда струя сохранна,
Тетрадь подставлена — струись!

1922.

ОПРЕДЕЛЕНЬЕ ПОЭЗИИ.

Это — круто налившийся свист,
Это — щелканье сдавленных льдинок,
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьев поединок.

Это — сладкий, заглохший горох,
Это — слезы вселенной в лопатках,
Это — с пультов и с флейт — Figaro
Низвергается градом на грядку.

Все, что ночи так важно сыскать
На глубоких купаленных доньях,
И звезду донести до садка,
На трепещущих, мокрых ладонях.

Площе досок в воде — духота.
Небосвод завалился ольхою.
Этим звездам к лицу б хохотать,
Ан вселенная — место глухое.

ПРЕДЧУВСТВИЕ.

Камень мыло унынье,
Всхлипывал санный ком,
Гнил был линючий иней,
Снег был с полным дуплом.

Шаркало. Оттепель, харкая,
Ощипывала фонарь,
Как куропатку кухарка,
И город был гол, как глухарь.

Если сползались сани
И расползались врозь,
Это в тумане фазаньим
Перьям его ползлось,

Да, это им хотелось
Под облака, под стать —
Их разрыхленному телу
Черное — небу постлать.

БЛИЗНЕЦ НА КОРМЕ.

Константину Локс.

Как топи укрывает рдест,
Так никнут над мечтою веки...
Сородичем попутных звезд
Уйду однажды и навеки.

Крутой мы обогнем уступ
Живых, заночевавших криптий,
Моим глаголом, пеплом губ
Тогда найденыша засыпьте.

Уж пригороды — позади.
Свежо... С звездой попутной дрогну.
Иные тянутся в груди,
Иные — вырастают стогна.

Наложницы смежилась грудь,
И полночи обогнут профиль,
Колышется, коснеет ртуть
Туманных станов, кранов, кровель.

Тогда, в зловещей полутьме,
Сквозь залетейские миазмы,
Близнец мне виден на корме,
Застывший в безвременной астме.

◆ ◆ ◆

Мне снилась осень в полусвете стекол,
Терялась ты в снедающей гурьбе.
Но, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.

Припомню ль сон, я вижу эти стекла
С кровавым плачем, плачем сентября;
В речах гостей непроходимо глохла
Гостиная ненастьем пустыря.

В ней таял день своей лавиной рыхлой
И таял кресел выцветавший шелк,
Ты раньше всех, любимая, затихла,
А за тобой и самый сон умолк.

И — пробужденье. День осенний темен,
И ветер — кормчим увозимых грез.
За сном, как след роняемых соломин,
Отсталое паденье берез,

Но в даль отбытья, в даль летейской гребли
Грустя, грустя, гляжу я, блудный сын,
И подберу, как брошенные стебли,
Пути с волнистым посвистом трясин.

ПАМЯТИ ДЕМОНА.

Приходил по ночам
В синеве ледника от Тамары,
Парой крыл намечал,
Где гудеть, где кончаться кошмару.

Не рыдал, не сплетал
Оголенных, исхлестанных, в шрамах.
Уцелела плита
За оградой грузинского храма.

Как горбунья дурна,
Под решеткою, тень не кривлялась.
У лампады зурна
Чуть дыша, о княжне не справлялась.

Но сверканье рвалось
В волосах и, как фосфор, трещали.
И не слышал колосс,
Как седеет Кавказ за печалью.

От окна на аршин,
Пробирая шерстинки бурнуса,
Клялся льдами вершин:
Спи, подруга, лавиной вернуся.

ПЛАЧУЩИЙ САД.

Ужасный! — Капнет и вслушается,
Все он ли один на свете,
Мнет ветку в окне, как кружевце,
Или есть свидетель.

Но давится внятно от тягости
Отеков — земля ноздревая
И слышно: далеко, как в августе,
Полуночь в полях назревает.

Ни звука. И нет соглядатаев.
В пустынности удостоверясь,
Берется за старое — скатывается
По кровле, за желоб, и через.

К губам поднесу, и прислушаюсь,
Все я ли один на свете,
Готовый навзрыд при случае,
Или есть свидетель.

Но тишь. И листок не шелохнется,
Ни признака зги, кроме жутких
Глотков и плесканья в шлепанцах,
И вздохов, и слез в промежутке.

◆ ◆ ◆

Душистою веткой машучи,
Впивая впотьмах это благо,
Бежала на чашечку с чашечки
Грозой одуренная влага.

На чашечку с чашечки скатываясь,
Скользнула по двум, и в обеих —
Огромною каплей агатовою
Повисла, сверкает, робеет.

Пусть ветер по таволге веющий,
Ту капельку мучит и плющит,
Цела, не дробится, их две еще,
Целующихся и пьющих.

Смеются и вырваться силятся
И выпрямиться, как прежде,
Да капле из рылец не вылиться,
И не разлучатся, хоть режьте.

БАЛАШОВ.

По будням медник подле вас
Клепал, лудил, паял,
А впрочем — масла подливал
В огонь, как пай к паям.

И без того душило грудь
И песнь небес: „твоя, твоя"
И без того лилась в жару
В вагон, на саквояж.

Сквозь дождик сеялся хорал
На гроб и в шляпы молокан,
А впрочем — ельник подбирал
К прощальным облакам.

И без того взошел, зашел
В больной душе, щемя, мечась,
Большой, как солнце, Балашов
В осенний ранний час.

Лазурью июльскою облит,
Базар синел и дребезжал,
Юродствующий инвалид
Пиле, гундося, подражал.

Мой друг, ты спросишь, кто велит,
Чтоб жглась юродивого речь?
В природе лип, в природе плит,
В природе лета было жечь.

◆ ◆ ◆

Больной следит. Шесть дней подряд
Смерчи беснуются без устали,
По кровле катятся, бодрят,
Бушуют, падают в бесчувствии.

Средь вьюг проходит рождество.
Он видит сон: пришли и подняли.
Он вскакивает: „Не его ль"?
(Был зов. Был звон.) Не новогодний ли?

Вдали, в Кремле гудит Иван,
Плывет, ныряет, зарывается.
Он спит. Пурга, как океан
В величьи — тихой называется.

ФУФАЙКА БОЛЬНОГО.

От тела отдельную жизнь, и — длинней
Ведет, как к груди непричастный пингвин,
Бескрылая кофта больного, — фланель:
То каплю тепла ей, то лампу придвинь.

Ей помнятся лыжи. От дуг и от тел,
Терявшихся в мраке, от сбруи, от бар
Валило! Казалось — сочельник потел!
Скрипели, дышали езда и ходьба.

Усадьба и ужас, пустой в остальном:
Шкафы с хрусталем и ковры, и лари.
Забор привлекало, что дом воспален.
Снаружи казалось у люстр плеврит.

Снедаемый небом, с зимою в очах,
Распухший кустарник был бел, как испуг.
Из кухни, за сани, пылавший очаг
Клал на снег огромные руки стряпух.

◆ ◆ ◆

Мне в сумерки ты все — пансионеркою,
Все — школьницей. Зима. Закат лесничим
В лесу часов. Лежу и жду, чтоб смерклося,
И вот — айда! Аукаемся, кличем.

А ночь, а ночь! Да это ж ад, дом ужасов!
Проведай ты, тебя б сюда пригнало!
Она — твой шаг, твой брак, твое замужество,
И тяжелей дознаний трибунала.

Ты помнишь жизнь? Ты помнишь стаей горлинок
Летели хлопья грудью против гула,
Их вихрь крутил, кутя, валясь прожорливо
С лотков на снег, их до панелей гнуло!

Перебегала ты! — Ведь он подсовывал
Ковром под нас салазки и кристаллы!
Ведь жизнь, как кровь, до облака пунцового
Пожаром вьюги, озарясь, хлестала!

Движенье помнишь? Помнишь время? Лавочниц?
Палатки? Давку? За разменом денег
Холодных, звонких,—помнишь, помнишь давешних
Колоколов предпраздничных гуденье?

Увы, любовь! Да, это надо высказать!
Чем заменить тебя? Жирами? Бромом?
Как конский глаз, с подушек, жаркий, искоса,
Гляжу, страшась бессонницы огромной.

Мне в сумерки ты будто все с экзамена,
Все — с выпуска. Чижи, мигрень, учебник.
Но по ночам! Как просят пить, как пламенны
Глаза капсюль и пузырьков лечебных!

1918 — 1919.

◆ ◆ ◆

Косых картин, летящих ливмя
С шоссе, задувшего свечу,
С крюков и стен срываться к рифме
И падать в такт не отучу.

Что в том, что на вселенной — маска?
Что в том, что нет таких широт,
Которым на зиму замазкой
Зажать не вызвались бы рот?

Но вещи рвут с себя личину,
Теряют власть, роняют честь,
Когда у них есть петь причина,
Когда для ливня повод есть.

1922.

В ЛЕСУ.

Луга мутило жаром лиловатым,
В лесу клубился кафедральный мрак.
Что оставалось в мире целовать им?
Он весь был их, как воск на пальцах мяк.

Есть сон такой, — не спишь, а только снится,
Что жаждешь сна; что дремлет человек,
Которому сквозь сон палит ресницы
Два черных солнца, бьющих из-под век.

Текли лучи. Текли жуки с отливом,
Стекло стрекоз сновало по щекам.
Был полон лес мерцаньем кропотливым,
Как под щипцами у часовщика.

Казалось, он уснул под стук цыфири,
Меж тем, как выше, в терпком янтаре,
Испытаннейшие часы в эфире,
Переставляют, сверив по жаре.

Их переводят, сотрясают иглы,
И сеют тень, и мают и сверлят
Мачтовый мрак, который ввысь воздвигло,
В истому дня, на синий циферблат.

Казалось, древность счастья облетает.
Казалось, лес закатом снов об'ят.
Счастливые часов не наблюдают,
Но те, вдвоем, казалось, только спят.

1917.

СПАССКОЕ.

Незабвенный сентябрь осыпается в Спасском.
Не сегодня ли с дачи с'езжать вам пора?
За плетнем перекликнулось эхо с подпаском
И в лесу различило удар топора.

Этой ночью за парком знобило трясину.
Только солнце взошло, и опять — наутек,
Колокольчик не пьет костоломных росинок,
На березах несмытый лиловый отек.

Лес хандрит. И ему захотелось на отдых,
Под снега, в непробудную спячку берлог.
Да и то, меж стволов, в почерневших обводах,
Парк зияет в столбцах, как сплошной некролог.

Березняк перестал ли линять и пятнаться,
Водянистую сень потуплять и редеть?
Этот — ропщет еще, и опять вам — пятнадцать,
И опять, о дитя, о куда нам их деть?

Их так много уже, что не все ж—куралесить.
Их, что птиц по кустам, что грибов за межой.
Ими свой кругозор уж случалось завесить,
Их туманом случалось застлать и чужой.

В ночь кончины, от тифа сгорающий комик
Слышит гул: гомерический хохот райка.
Нынче в Спасском, с дороги, бревенчатый домик
Видит, галлюцинируя, та же тоска.

1918.

◆ ◆ ◆

Чирикали птицы и были искренни,
Сияло солнце на лаке карет,
С точильного камня не сыпались искры,
А — сыпались, — гасли, в лучах сгорев.

В раскрытые окна на их рукоделье
Садились, как голуби, облака.
Они замечали, — своды похудели,
Заборы — заметно, кресты — слегка.

Чирикали птицы. Из школы на улицу,
На тумбы ложилось, хлынув волной,
Немолчное пенье и щелканье шпулек,
Мелькали косички и цокал челнок.

Не сыпались искры, а — сыпались, — гасли.
Был день расточителен; над школой свежей
Неслись облака, и точильщик был счастлив,
Что столько на свете у женщин ножей.

◆ ◆ ◆

Пара форточных петелек,
Февраля отголоски,
Пить, пока не заметили,
Пить вискам и прическе!

Гул ворвался, как шомпол.
О, холодный, сначала бы!
Бурный друг мой, о чем бы?
Воздух воли и — жалобы?!

Что за смысл в этом пойле?
Боже, кем это мелятся,
Языком ли, душой ли,
Этот плеск, эти прелести?

Кто ты, март? — Закипал же
Даже лед, и обуглятся,
Раскатясь, экипажи
По свихнувшейся улице!

Научи, как ворочать
Языком, чтоб растрогались,
Как тобой этой ночью
Эти дрожки и щеголи.

1919.

ОСЕНЬ.

I.

С тех дней стал над недрами парка сдвигаться
Суровый, листву леденивший октябрь.
Зарями ковался конец навигации,
Спирало гортань и ломило в локтях.

Не стало туманов. Забыли про пасмурность.
Часами смеркалось. Сквозь все вечера
Открылся, в жару, в лихорадке и в насморке
Больной горизонт — и дворы озирал.

И стынула кровь. Но, казалось, не стынут
Пруды, и — казалось, с последних погод
Не движутся дни, и казалося, — вынут
Из мира прозрачный, как звук, небосвод.

И стало видать так далеко, так трудно
Дышать, и так больно глядеть, и такой
Покой разлился, и настолько безлюдный,
Настолько беспамятно звонкий покой.

1916.

II.

Потели стекла двери на балкон.
Их заслонял заметно - зимний фикус.
Сиял графин. — С недопитым глотком
Вставали вы, веселая на выказ —

— Смеркалась даль, — спокойная на вид —
— И дуло в щели, — праведница ликом, —
И день сгорал, давно остановив
Часы и кровь, в мучительно великом

Просторе долго, без конца горев
На остриях скворешниц и дерев,
В осколках тонких ледяных пластинок,
По пустырям, и на ковре в гостиной.

1916.

◆ ◆ ◆

Я не знаю, что тошней:
Рушащийся лист с конюшни,
Или то, что все в кашне,
Все в снегу, и все в минувшем.

Что, пентюх, головотяп,
Там меж листьев, меж домов там
Машет галкою октябрь
По каракулевым кофтам.

Треск ветвей — ни дать ни взять,
Сушек с запахом рогожи,
Не растряс бы вихрь — связать,
Упадут, стуча, похоже.

Упадут в морозный прах,
Ах, похоже, спозаранок
Вихрь берется трясть впотьмах
Тминной вязкою баранок.

1919.

◆ ◆ ◆

Воздух дождиком частым сечется,
Поседев, шелудивеет лед.
Ждешь: вот-вот горизонт и очнется
И — начнется. И гул пойдет.

Как всегда, расстегнув нараспашку
Пальтецо и кашне на груди,
Пред собою погонит неспавших
Очумелых птиц впереди.

Он зайдет и к тебе и, развинчен,
Станет свечный натек колупать
И зевнет и припомнит, что нынче
Можно снять с гиацинтов колпак.

И шальной, шевелюру ероша,
В замешательстве смысл темня,
Ошарашит тебя нехорошей
Глупой сказкой своей про меня.

1918.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Воздух седенькими складками падает.
Снег припоминает мельком, мельком:
Спатки — называлось, шопотом и патокою
День позападал за колыбельку.

Выйдешь и мурашки разбегаются и ежится
Кожица, бывало, — сумки, дети,—
Улица в бесшумные складки ло́жится
Серой рыболовиой сети.

Все, бывало, складывают: сказку о лисице,
Рыбу пошвырявшей с возу,
Дерево, сарай, и варежки, и спицы,
— Зимний изумленный воздух.

А потом поздней, под чижиком, пред цветиками,
Не сложеньем что ли с воли,
Дуло и мело, не ей, не арифметикой ли
Подирало столик в школе?

Зуб, бывало, иоет: мажут его, лечат его,
В докторском глазу ж — безумье
Сумок и снежков, линованное, клетчатое
С сонными каракулямн в сумме.

Та же нынче сказка, зимняя, Мурлыкина,
На бегу шурша метелью по газете,
За барашек грив и тротуаров выкинулась
Серой рыболовной сетью.

Ватная, примерзлая и байковая, фортковая
Та же жуть берез безгнездых
Гарусную ночь чем свет за чаем свертывает,—
Зимний изумленный воздух.

1918.

КРЕМЛЬ В БУРАН КОНЦА 1918 ГОДА.

Как брошенный с пути снегам
Последней станцией в развалннах,
Как полем в полночь, в свист и гам,
Бредущий через силу в валяных,

Как пред концом, в упаде сил
С тоски взывающий к метелице,
Чтоб вихрь души не угасил,
Как тьмой последней все застелется,

Как схваченный за обшлага
Хохочущею вьюгой нарочный,
Ловящей кисти башлыка,
Здоровающеюся в наручнях,

А иногда! — А иногда,
Как пригнанный канатом накороть
Корабль, с гуденьем, прочь к грядам
Срывающийся чудом с якоря,

Последней ночью, несравним
Ни с чем, какой-то странный, пенный весь
Он, Кремль, в оснастке стольких зим,
На нынешней срывает ненависть. —

И грандиозный, весь в былом,
Как визьонера дивинация,
Несется грозный, напролом,
Сквозь неистекший в девятнадцатый.

Под сумерки к тебе в окно
Он всею медью звонниц ломится,
Боится, видно, — год мелькнет,—
Упустит и не познакомится.

Остаток дней, остаток вьюг,
Сужденных башням в восемнадцатом,
Бушует, прядает вокруг,
Видать — не наигрались насыто.

За морем этих непогод
Предвижу, как меня, разбитого,
Ненаступивший этот год
Возьмется сызнова воспитывать.

◆ ◆ ◆

Нас мало. Нас может быть трое
Донецких, горючих и адских
Под серой бегущей корою
Дождей, облаков и солдатских
Советов, стихов и дискуссий
О транспорте и об искусстве.

Мы былн людьми. Мы эпохи.
Нас сбило, н мчит в караване,
Как тундру под тендера вздохн
И поршней и шпал порыванье.
Слетимся, ворвемся и тронем,
Закружимся вихрем вороньим,

И — мимо! — Вы поздно поймете.
Так, утром ударивши в ворох
Соломы — с момент на намете,—
Ветр вечеи затем в разговорах
Идущего бурно собранья
Деревьев над кровельной дранью.

1921.

ИМАЖИНИСТЫ И ПОЭТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИМАЖИНИЗМОМ.

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ.

ЭСТРАДНАЯ АРХИТЕКТОНИКА.

Мы последние в нашей касте
И жить нам недолгий срок.
Мы коробейники счастья,
Кустари задушевных строк!

Скоро вытекут на смену оравы
Не знающих сгустков в крови,
Машинисты железной славы
И ремесленники любви.

И в жизни оставят место
Свободным от машин и основ:
Семь минут для ласки невесты,
Три секунды в день для стихов.

Со стальными, как рельсы, нервами
(Не в хулу говорю, а в лесть!)
От двенадцати до полчаса первого
Буду молиться и есть!

Торопитесь же, девушки, женщины,
Влюбляйтесь в певцов чудес,
Мы пока последние трещины,
Что не залил в мире прогресс!

Мы последние в нашей династии,
Любите же в оставшийся срок
Нас, коробейников счастья,
Кустарей задушевных строк!

Сентябрь 1918.

СОДЕРЖАНИЕ ПЛЮС ГОРЕЧЬ.

Послушай! Нельзя же такой безнадежно суровой,
Неласковой!
Я под этим взглядом, как рабочий на стройке новой,
Которому: протаскивай!
А мне не протащить печаль сквозь зрачок.
Счастье, как мальчик
С пальчик,
С вершок.
Милая! Ведь навзрыд истомилась ты:
Ну, так оторви
Лоскуток милости
От шуршащего платья любви!
Ведь даже городовой
Приласкал кошку, к его сапогам пахучим
Притулившуюся от вьюги ночной.
А мы зрачки свои дразним и мучим.
Где-то масленница широкой волной
Затопила засохший пост
И кометный хвост
Сметает метлой
С небесного стола крошки скудных звезд.
Хоть один поцелуй. Исподтишечной украдкой,
Как внезапится солнце сквозь серенький день. Пойми:
За спокойным лицом, непрозрачной облаткой,
Горький хинин тоски!
Я жду, когда рот поцелуем завишнится
И из него косточкой поцелуя выскочит стон,
А рассветного неба пятишница
Уже радужно значит сто.
Неужели же вечно радости об'едки?
Навсегда ль это всюдное „бы"?
И на улицах Москвы, как в огромной рулетке,
Мое сердце лишь шарик в руках искусных судьбы.
И ждать, пока крупье, одетый в черное и серебро,
Как лакей иль как смерть, все равно быть может,
На кладбищенское зеро
Этот красненький шарик положит!

Октябрь. 1915.

КАТАЛОГ ОБРАЗОВ.

С. Зарову.

Дома —
Из железа и бетона
Скирды.
Туман —
В стакан
Одеколона
Немного воды.
Улица аршином портного
В перегиб, в перелом.
Издалека снова
Дьякон грозы — гром.
По ладони площади — жилки ручья.
В брюхе сфинкса из кирпича

Кокарда моих глаз,
Глаз моих ушат.
С цепи в который раз
Собака карандаша
И зубы букв со слюною чернил в ляжку бумаги.
За окном водостоков краги,
За окошком пудами злоба
И слово в губах, как свинчатка в кулак.
А семиэтажный гусар небоскреба
Шпорой под'езда звяк.

Август 1919.

ДИНАМАС СТАТИКИ.

Б. Эрдману.

Стволы стреляют в небо от жары
И тишина вся в дырьях криков птичьих.
У воздуха веснушки мошкары
И робость летних непривычек.

Спит солнечный карась вверху,
Где пруд в кувшинках облаков и не проточно,
И сеет зерна тени в мху
Шмель — пестрый почтальон цветочный.

Вдали авто сверлит у полдня зуб
И полдень запрокинулся неловок...
И мыслей муравьи ползут
По пням вчерашних недомолвок.

Июль 1919. Сокольники.

КООПЕРАТИВЫ ВЕСЕЛЬЯ.

Н. Эрдману.

Душа разливается в поволжское устье,
Попробуй, переплыви!
А здесь работает фабрика грусти
В каждой строке любви.

А здесь тихой вонью издохшей мыши
Кадят еще и еще,
И даже крутые бедра мачиша
Иссохли, как чорт знает что.

А здесь и весна сиротливой оборванью
Слюнявит водостоки труб.
И женщины мажут машинною ворванью
Перед поцелуем клапаны губ.

А чтоб в этой скучище мелочной
Оправдаться, они говорят,
Что какой-то небесный стрелочник
Всегда и во всем виноват.

Давайте, докажем, что родились мы в сорочке,
Мы поэты, хранители золотого безделья,
Давайте устроимте в каждой строчке
Кооперативы веселья.

В этой жизни, что тащится как Сахарой верблюдище
Сквозь какой-то непочатый день,
Мы даже зная об осени будущей
Прыгнем сердцем прямо в сирень.

Прыгнем, теряя из глотки улыбки,
Крича громовое На!
Как прыгает по коричневой скрипке
Вдруг лопнувшая струна.

Январь 1919.

РИТМИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ.

Какое мне дело, что кровохаркающий поршень
Истории сегодня качнулся под божьей рукой,
Если опять грустью изморщен
Твой голос, слабый такой?!

На метле революций на шабаш выдумок
Россия несется сквозь полночь пусть!
О если б своей немыслимой обидой мог
Искупить до дна твою грусть!

Снова голос твой скорбью старинной дрожит,
Снова взгляд твой сутулится, больная моя!
И опять небывалого счастья чертя чертежи,
Я хочу населить твое сердце необитаемое!

Ведь не боги обжигают людское раздолье!
Ожогам горяч достаточно стих!
Что мне, что мир поперхнулся болью,
Если плачут глаза твои, и мне не спасти их?

Открыть бы пошире свой паршивый рот,
Чтоб песни развесить черной судьбе,
И приволочь силком, вот так, за шиворот,
Несказанное счастье к тебе!

Март 1918.

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ.

◆ ◆ ◆

Есенину.

Утихни, друг. Прохладен чай в стакане.
Осыпалась заря, как августовский тополь.
Сегодня гребень в волосах —
Что распоясанные кони,
А завтра седина, как снеговая пыль.

Безлюбье и любовь истлели в очаге.
Лети по ветру стихотворный пепел!
Я голову — крылом балтийской чайки
На острые колени
Положу тебе.

На дне зрачков ритмическая мудрость —
Так якоря лежат
В оглохших водоемах,
Прохладный чай (и золотой, как мы)
Качает в облаках сентябрьское утро.

Ноябрь 1920.

◆ ◆ ◆

Сергею Есенину.

На каторгу пусть приведет нас дружба,
Закованная в цепи песни.
О день серебряный
Наполнив века жбаи
За край переплесни.

Меня всосут водопроводов рты,
Колодезы рязанских сел — тебя
Когда откроются ворота
Наших книг
Певуче петли ритмов проскрипят.

И будет два пути для поколений:
Как табуны пройдут покорны строфы
По золотым следам Мариенгофа
И там, где оседлав, как жеребенка месяц,
Со свистом проскакал Есенин.

ТУЧЕЛЕТ.

Иннаф.

1.

Из черного ведра сентябрь льет
Туманов тяжесть
И тяжесть вод.
Ах, тучелета
Вечен звон
О неба жесть.

2.

Язык
Не вяжет в стих
Серебряное лыко,
Ломается перо — поэта верный посох.
Приди и боль разуй. Уйду босой.
Приди, чтоб увести.

3.

Благодарю за слепоту.
Любви игольчатая ветвь
Ты выхлестнула голубые яблоки.
Сладка мне темь закрытых зябко век,
Незрячие глаза легки.
Я за тобой иду.

4.

Рука младенческая радости
Спокойно крестит
Белый лоб.
Дай в веру верить.
То, что приплыло
Теряет всяческую меру.

Август 1920.

◆ ◆ ◆

Василию Каменскому.

Эй! Берегитесь — во все концы
В пожарища алые головни...
Кони! Кони! Колокольчики, бубенцы,
По ухабам, ухабам, ухабам дровни.

Кто там кучер? Не надо кучера!
Какая узда и какие возжи!..
Только вольность волью сердце навьючила,
Только рытвинами и бездорожьем.

Удаль? — Удаль.— Да еще забубенная,
Да еще соколиная, а не воронья!
Бубенцы, колокольчики, бубенчите ж, червонные!
Эй вы, дьяволы!.. Кони! Кони!

ЗАСТОЛЬНАЯ БЕСЕДА.

4.

И числа, и места, и лица перепутал,
А с языка все каплет терпкий вздор.
Мозг дрогнет
Словно русский хутор
Затерянный среди лебяжьих крыл.
А ветер крутит,
Крутит,
Крутит,
Вылизывая ледяные плеши —
И редким гребнем не расчешешь
Сегодня снеговую пыль.

— На Млечный Путь
Сворачивай ездок,
Других по округу
Дорог нет.

5.

Не туча — вороньи перья
Черным огнем твердь пламенят.
Знаете ли почему? Потому что: октябрь сразил
Смертями каркающую птицу.

Где ты Великая Российская Империя,
Что жадными губами сосала Европу и Азию,
Как два белых покорных вымени?..

Из ветрового лука пущенная стрела
Распростерла
Прекрасную хищницу.

Неужели не грустно вам?
Я не знаю — кто вы, откуда, чьи?..
Это люди другие, новые,—
Они не любили ее величья.

Нет, не приложу ума
Как воедино сольются
Вытекшие пространства.

Смиренно на Запад побрело с сумой
Русское столбовое дворянство.

Многая лета,
Многая лета,
Многая лета
Здравствовать тебе — Революция.

Январь 1921.

◆ ◆ ◆

Каждый наш день — новая глава Библии.
Каждая страница тысячам поколений будет Великой
Мы те, о которых скажут:
— Счастливцы в 1917 году жили.
А вы все еще вопите: погибли!
Все еще расточаете хныки!
Глупые головы,
Разве вчерашнее не раздавлено, как голубь
Автомобилем,
Бешено выпрыгнувшим из гаража?!

◆ ◆ ◆

Ивану Старцеву.

Даже грязными, как торговок
Подолы,
Люди, люблю вас.
Что нам, мучительно-нездоровым,
Теперь
Чистота глаз
Савонароллы,
Изжога
Благочестия
И лести,
Давида псалмы,
Когда от бога
Отрезаны мы,
Как купоны от серии.

◆ ◆ ◆

Толпы, толпы, как неуемные рощи,
В вороньем клекоте, —
Кто-то бога схватил за локти
И бросил под колеса извозчику.

Тут и тут кровавые сгустки,
Площади, как платки туберкулезного, —
В небо ударил копытами грозно
Разнузданный конь русский.

Архангелы гневно трубы пригубили:
— Небесное воинство на азиатскую волю!
Артиллерия била по Метрополю,
Выкусывая клочья из Врубеля.

„Второго Христа пришествие"...
Зловеще: „Антихриста окаянного"...
На перекрестках, углах горланно:
— Вечерние, вечерние известия!

Хлюпали коня подковы
В жиже мочи и крови...
В эти самые дни в Московии
Родился Саваоф новый.

МАРШ РЕВОЛЮЦИЙ.

Конь революций буйно вскачь
Верст миллионы в пространствах рвы,
Каждый волос хвоста и гривы —
Знамя восстаний, бунта кумач.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы снарядов.

Плечи в плечи Север и Юг,
Свяжем души в один моток,
Буйно пляшет на стягах заря;
Плечи в плечи Запад и Восток,
Брюхо шпорам режь ездок.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы снарядов.

Плечи в плечи Север и Юг,
Западу подал Восток знак,
Плечи в плечи, за рядом ряд,
Ровен и грозен шеренг шаг,
Старому на шею петлей кушак.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы снарядов.

Плечи в плечи Север и Юг,
Вражьему стану свинца плевок,
Ярче костров сердца горят,
Плечи в плечи Запад и Восток,
Бурю воет каждый гудок.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы снарядов.

Конь революций буйно вскачь,
Верст миллионы в пространствах рвы,
Каждый волос хвоста и гривы
Знамя восстаний, бунта кумач.

АЛЕКСАНДР КУСИКОВ.

◆ ◆ ◆

Я люблю осенние дорожки,
Золотые в золотом лесу,
Когда солнце, щурясь осторожно,
Бросит бледной меди полосу.

Я люблю ваш треск сокрытых сучьев,
Хрупкий треск запрятанный в листву —
И над вами будто к торжеству
Проплывают розовые тучи.

Виден уж угрюмых лодок ряд,
Скоро встреча, скоро милый взгляд.
Я спешу к условленной сторожке,

К той, над спящим озером, внизу.
По осенней, золотой дорожке
Я тебе любовь свою несу.

◆ ◆ ◆

Катятся слезки... окошко плачет,
В багровых листьях аллея —
Я один на покинутой даче
Мелькнувшие дни лелею.

Хмуро сторож сидит у калитки —
Мы вдвоем с ним покинуты всеми.
На беседке повисли нитки,
На клумбах рассыпано семя.

Вымерли рыбки в фонтане,
Укутаны розы рогожей...
Может быть, никогда не настанет
То, чему я молился,
Боже!

Ежась свернулись дорожки,
Будто никто на них не-был...
Плачет рябое окошко,
В капельках падает небо.

◆ ◆ ◆

Я пред тобой смиренно опущу ресницы,
Чтоб замолить моих страданий раны.
Я буду перелистывать души моей страницы —
Священного Корана.

Ты кроткий в облаках, быть может, ты услышишь
Мою молитву дня.—
Мой коврик жемчугом, слезами сердца вышит,
Услышь меня.

1918.

◆ ◆ ◆

Грустным тупозвоном в пятносинь потемок
Разбросался дождь по лужицам булавками.
Дрогнет и стучится мне в окно котенок —
Предосенний ветер — с перебитой лапкою.

Зачитаю душу строками Корана.
Опьяню свой страх евангельским вином —
Свою жизнь несу я жертвенным бараном
И распятым вздохом, зная об ином.

Знаю, что в нигде-то, в семьнебесной дали,
Мое имя шепчет звездный Зодиак.
Вот в туда мне вечность кузнечики сковали,
Стрекотаньем кузню свято затая.

Дрогнущий котенок, — предосенний ветер
Мне в окно стучится с перебитой лапкою.
В пятносинь потемок, в предвечернем свете
Вколотил я тайну в лужицу булавками.

13 декабря 1919.

◆ ◆ ◆

В асфальтовый скрежет злобы,
В витрины безводных озер,
Я тысячи раз перепробовал
Продрать свой прищуренный взор.

Но кто природнит бедуина
К заветам фабричных труб,—
Даже месяц с пропревшей тины
Скалит желчно свой медный зуб.

На плетне моих дум нагорных
Сердце поет петухом,—
Вот он, мой бред упорный
О счастьи каком?

3 января 1920.

ГОРОД.

На граненой ладони гранитного города
В железных об'ятиях рельс переулки,
Трамваи хромая бегают скоро там
Стук и грохот колес разносится гулкий.

В янтавры асфальта копыта топали,
Выбивая улице марш свой четкий.
С грудью впалой худые тополи
На бульварах чахли от городской чахотки.

В судорге бледные лица носились,
Сбивая друг друга в бешеном такте.
Гудки надрывались, выкрикнуть силясь
Свое проклятье гранитной шахте.

Туман вз'ерошил седые волосы,
Скрывая в локонах быстрый авто.
На углах раскричались афишным голосом
Тумбы в ярком рекламном пальто.

Подперли небо фабричные трубы
И хрипло с богом о чем-то спорят —
А сверху огромные слюнявые губы
Тротуары лижут и плюют на город.

◆ ◆ ◆

От пробудности ласточек — до пробудности сов
Я треножу коней, моих дум табун.
Кто с груди моей сбросит незримый засов? —
Ржаньем плачется сердце — нагорный стригун.

Я взлететь не могу — ветер крылья задул,
Я уплыть не могу — перебито весло...
Мне бы только вернуться в родимый аул,
Семь небес затрепещут от стрел моих слов.

С утрощебета ласточки — до прозренья совы
Я треножу коней, золотистых коней,—
Не к добру моей грусти в безлунье завыть
Псом, предвестником смерти, ненужных затей.

15 декабря 1919.

◆ ◆ ◆

Уносился день криком воронья,
Предвечерний час недвижного дрожанья,
В этот час совы свой табун храня,
Познавал я мир в перекличном ржанье.

В этот час всего: — грохота, тиши,
Хаоса, бессмертья, умиранья,
Я познал, что не пронзить души,
И смертельно душу не изранить.

Раскололся шар огненно-литой,
Расплескалась кровь огромного граната —
Облак — белый конь в сбруе золотой —
Умирал в бою гремящего заката.

7 февраля 1920.

◆ ◆ ◆

Пробежал по небу черной тучей конь,
Потерял подкову золотую он.
Ляснула подкова, в небе дрогнул звон,
Под копытом искрой выблеснул огонь.

Это кто-то в небе выронил звезду,
Это полумесяц выпал из-за туч.
Мрачный всадник ночи дергает узду
В тьму бесстрашно скачет дерзок и могуч.

◆ ◆ ◆

Качанье ряби, облак тощий,
Зрачком умершим день застыл,
И грусть — березовая роща —
Роняет желтых слов листы.

Они улягутся в тропинки
Моих осенних первых строк
И буквы хрупкие пылинки
Озолотят свой перескок.

Чирикнут рифмы воробьями
С горбатых крыш стихов моих...
О, ты душа, зеркальный пламень
Все отраженья затаи!

Март 1920.

◆ ◆ ◆

Рюрику Ивневу.

Мои мысли повисли на коромысле —
Два ведра со словами молитв.
Меня бог разнести их выслал,
Я боюсь по дороге пролить.

Я хочу быть простым и маленьким,
Пойду по деревне бродить,
В зипуне и растоптанных валенках
Буду небо стихами кадить.

И, быть может, никто не заметит
Мою душу смиренных строк —
Я пройду, как печальный ветер
По пути без путей и дорог.

◆ ◆ ◆

Тоска на плетне лошадиным черепом
Скалит зубы сквозь просинь в осеннюю даль.
Я не в горах затерялся ущельями
И не в страхе желанном блуждает печаль.

То смиренной молитвой, то раскатным проклятьем
Я бегущую тучу бессильно ловлю...
Стучись мое сердце — трепещущий дятел,
Слезное небо в ресницах проклюй.

Разве арба проскрипит по Арбату,
Разве душу порадует ржаньем табун.
В аул бы родимый, к вершинам горбатым...
О, мысль, на чужбине — крылатый скакун!

22 октября 1919.

◆ ◆ ◆

Притти оттуда,
И уйти в туда,
Опять притти,
Опять уйти,
И снова...
О, бред мучительный „в куда"
О, недосказанное слово!

Ночь Ариман и День Ормузд —
Бессмертна смерть в бою вращений,
А сердце затаенный груз
Слепых, блуждалых предрешений.

В скворешник глаз зрачков скворцы
Все тащат с солнц и с лун соломки,
Но им из золотой ворсы
Гнезда лучистого не скомкать.

И мне семь неб не растаскать,
Не перегрызть мне звезд орешки...
И поднебесная тоска,
И взор заплаканный скворешник.

Но палочкой земной оси
Я покачу экватор обручем
В неразгаданную синь,
Прямо в синь,
В туда,
В заоблачье.

26 июля 1919.

ПОЭТЫ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С ОПРЕДЕЛЕННЫМИ ГРУППАМИ.

К. М. ФОФАНОВ.

◆ ◆ ◆

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные;
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.
И цветы, опьяненные росами,
Рассказали ветрам сказки нежные —
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.
И земля, под весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу безумно влюбленную.
И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные!

◆ ◆ ◆

Прекрасна эта ночь с ее красой печальной,
С ее мечтательным, болезненным лицом.
О, если б жизнь цвела, как этот отблеск дальний
Померкнувшей зари на небе голубом!
О, если б дум моих неверное теченье,
Как эти облака, стремились вглубь небес:
Какое б подарил тебе я вдохновенье,
Какой бы мир открыл, мир красок и чудес!
Но жизнь моя темна, и дума безотрадна;
Как облетелый сад, пуста моя душа,
И ходит ветер в нем стремительно и жадно,
И гнет вершины лип, порывисто дыша.
Я не пущу тебя в мой сад осиротелый,—
Там осень, там туман, а здесь перед тобой
Сияние весны и этот отблеск белый
        Лазури голубой.

◆ ◆ ◆

Вечерняя звезда, звезда моей печали,
Зажглася и горит меж дымных облаков,—
Навстречу ей огни земные заблистали,—
Огни труда, молений и пиров.
Но не для них мучительно и властно
В моей душе мечта пробуждена;
Земная ложь с мечтами не согласна
И песнями не тешится она.
Меня влечет звезда моей печали,
И песни ей пою я в полусне,
Ее лучи мне тайну нашептали
Иных огней в волшебной стороне,—
Иных огней — на алтаре небесном
Пылающих измученным очам
Земных борцов сияньем неизвестным,
Лишь в смутных снах являющимся нам...

ОСЕНЬЮ.

Снова крепким ароматом отцветающего лета,
Словно ласкою забытою, пахнуло мне в лицо.
День осенний смотрит отблесками мертвенного света
И осыпал желтым листом, точно трауром, крыльцо.

С тихой жалобой и лаской и с мольбою покаянной
Я хотел склонить бы голову на любящую грудь,
Как склоняет ива ветки в пруд холодный и туманный,
Чтоб пред долгою разлукой о себе ему шепнуть.

Как осенний день, окутано туманами грядущее,
Назревающими соками развенчанной весны.
Только совесть — это солнце, это око вездесущее —
Смотрит с грустною улыбкой из сердечной глубины.

1897.

НЕБО И МОРЕ.

Ты — небо темное в светилах,
Я — море темное. Взгляни:
Как мертвецов в сырых могилах,
Я хороню твои огни.

Но если ты румяным утром
Опять окрасишься в зарю,—
Я эти волны перламутром
И бирюзою озарю;

И если ты суровой тучей
Нахмуришь гневную лазурь,—
Я подыму свой вал кипучий
И понесусь навстречу бурь...

◆ ◆ ◆

Мой друг, мой нежный друг, люблю тебя — зову,
И в сердце у меня как солнце ты сияешь...
И если ты со мной — и если ты ласкаешь,
Боюсь, что нежный сон недолог наяву...

Но если ты вдали — стремлюся за тобой,
Печальной памятью черты твои лаская...
Так ива грустная, склоняясь над волной,
Лобзает облака зардевшегося мая...

ОСЕНЬ.

Уж холодом веет осенним,
И мнится, вершины шумят:
Мы плащ зеленеющий сменим
На ярко пурпурный наряд.

И мнится — цветы, увядая,
Друг другу прощальный поклон
Шлют, молча головки склоняя,
Как в день роковых похорон.

И вечер осенний так кроток,
И грусть его сердцу мила,
Как свет из больничных решеток,
Как дыма кадильного мгла.

Природа устала,— и скоро
Ко сну ее склонит недуг,
Но жизнь суетная для взора,
Для сердца все то же вокруг.

Со стуком проехали дровни,
На улице стало-темней,—
И запах кофейной жаровни
Пахнул из открытых сеней.

Там цепь фонарей потонула
В дали, отуманенной сном,
Там ранняя лампа мелькнула
В окне красноватым пятном.

И в темной аллее бульвара
Под вечер разлуки немой
Гуляет унылая пара,
Шумя несметенной листвой.

◆ ◆ ◆

Еще повсюду в спящем парке
Печально веет зимним сном,
Но ослепительны и ярки
Снега, лежащие ковром.

Их греет солнце... Скоро, скоро
Под лаской девственных лучей
Стремглав помчится с косогора
Весною созданный ручей.

И, торжествуя, счастьем новым,
Любовью новой веселя,
Травой и запахом сосновым
Вздохнет усталая земля.

В РОЩЕ.

Раннею весною роща так тиха,
Веет в ней печалью, смутною кручиною,
И сплелися ветками, словно паутиною,
Белая береза, серая ольха.

Дремлет в вязкой тине неподвижный пруд,
Дремлют камни старые, желтым мхом покрытые,
И в тени под соснами, солнцем позабытые,
Перелески синие медленно цветут.

Если на закате вспыхнут небеса,—
Роща оживает под лучами алыми,
И блестит рубинами, и горит опалами
На траве и мохе ранняя роса.

И кружит воронкой мошек черных рой,
И косые тени, пылью осребренные,
Охраняют молча ветки, преклоненные
Над землею, веющей сыростью грибной.

◆ ◆ ◆

Белый снег мутнеет в блеске;
Все теплее день от дня,—
И звучней сквозь занавески
Канареек трескотня.

Веет негой воздух сладкий,
И журчит волна снегов
Над поставленною кадкой
Из железных желобов.

За решоткою ограды,
У оттаявших кустов,
Скачут, оттепели рады,
Стаи резвых воробьев.

В мутных сумерках,— бульваром
Проходя, я вижу вновь
По очам и юным парам
Пробужденную любовь.

Мне взгрустнулось... Что такое?
Как душа моя полна!..
Здравствуй, солнце молодое,
Здравствуй, юность и весна!

◆ ◆ ◆

Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов,
К нам летит весна из дальних
Из полуденных краев.

В зеленеющем уборе
Млеют темные леса,
Небо блещет, точно море,
Море — точно небеса.

Сосны — в бархате зеленом,
И душистая смола
По чешуйчатым колоннам
Янтарями потекла.

И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком
Похристосовался ландыш
С белокрылым мотыльком.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ.

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем;
Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком.

Пронеслась гроза над рощею;
Поднялся туман с равнин.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.

Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.
После бурь весна безгрешнее,
Как влюбленная душа.

Вспышкой жизнь ее сказалася;
Ей любить пришла пора —
Засмеялась... разрыдалася...
И умолкла до утра!..

1892.

ОДУВАНЧИК.

Обветрен стужею жестокой
Еще лес млеет без листвы,
Но одуванчик златоокий
Уже мерцает из травы.
Он юн — и силы молодые
В нем бродят тайною игрой;
Питомец поля, он впервые,
Лобзаясь, встретился с весной.
И смотрит он в часы восхода,
Как ходят тучи в высоте,
Как пробуждается природа
В своей весенней наготе.

А в дни сверкающего лета,
Когда все пышный примет вид —
И темной ризою одета
Дубрава важно зашумит,
Смотря на шумные вершины,
На злаки нив и цвет долин,
Он будет ждать своей кончины
Под пыльным венчиком седин.
Тогда зефир, в полях играя,
Иль молодые шалуны
Его коснутся седины —
И он умрет, питомец мая;
Он разлетится, исчезая
Как вздох, прощальный вздох весны!

12 мая 1888. Гатчино.

НА ДЕРЕВЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ.

У косогора за деревней,
Где деды лапотки плетут,
Есть, окружен оградой древней,
Последний праотцев приют.

Там ивы, тощи и горбаты,
Семьею грустной расцвели,
Могилы, временем пожаты.
Не всех жнецов уберегли.

Страдальцы спят, без хмеля пьяны;
Забыты горе и мечты.
Как были серы их кафтаны,
Так ныне серы их кресты.

Душа скорбит, тоской об'ята...
Вдруг — безымянные холмы...
Здесь разве брат отыщет брата,
Как милый образ в царстве тьмы?..

Здесь воздух полн очарований,
И в этой чуткой тишине
Как будто тысячи молчаний
Кипят и плещутся извне.

Да лист сухой, спадая с клена,
Прошелестит, к земле припав,
Да прогудит, как эхо стона,
Пчела-работница из трав.

С весною силою волшебной
Жизнь вызывает теплота...
Вон там пушистой почки вербной
Белеет кокон у креста.

Пригретый — лопнул кокон нежный,
И пестрокрылый мотылек
Вспорхнул, и путь его безбрежный
Так лучезарен, так широк!

Из надмогильного покрова
Не пресмыкаться, а летать,
Он возродился к жизни снова,
Стал вольной волею дышать.

О, если б то же возрожденье
Вам, отошедшим, было вновь...
И сердце плачет от волненья,
Но плачет молча, как любовь...

◆ ◆ ◆

Мысли мятежные,
Нет вам забвения
В мире, страдающем
Жаждой стремления.

Гордо подыметесь
К небу свободному,
Шумно опуститесь
К морю холодному.

Молнией вспыхнете,
Скалы изроете;
Чрево земное,
Как книгу, раскроете!

Звездами блещете,
Тучами таете,
Тайны нескромные
Разоблачаете!

Но за пределами
Мира заочного
Не успокоите
Сердца порочного;

Не разгадаете,
Мысли мятежные,
Страсти кипучие —
Тайны безбрежные!

И отчужденные
Светом живущего,
В мраке потонете
Сна всемогущего!..

1893.

МИР ПОЭТА.

По шумным улицам, в живой толпе народа,
В вертепах праздничных разврата и гульбы,
Среди полян кладбищ, где гневная природа
Венчает зеленью гробы;

Во мраке темных рощ, в кудрявой чаще леса,
Где мягко бродит тень от сосен и берез,
Где звонче хрустали эфирного навеса
При вспышке майских гроз.

У тихоструйных вод, где тощую осоку
Лобзает беглых волн обманчивый прибой,
В пустынях, где земля завистливому оку
Грозит небесною стеной,

И там, где скаты гор в бессмертном изваяньи
Застыли навсегда под божеской рукой,—
Везде поэт, как царь, как гордый царь в изганьи,
Томится мощною душой...

Он носит мир в душе прекраснее и шире,
Над ним он властвует, как вдохновенный бог,
А здесь, в толпе людской, в слепом подлунном мире
Он только раб тревог...

И душно здесь ему, и больно пресмыкаться...
Он любит солнце грез, он ненавидит тьму,
Он хочет властвовать, он хочет наслаждаться
Не покоряясь ничему.

Он хочет взмахом крыл разбить земные цепи,
Оставить мрак земной в наследие глупцам...
Со стрелами зарниц блуждать в небесной степи
И приобщаться к божествам!

ДУША ПОЭТА.

Таинственный сумрак
В глубокой пещере;
Там гении неба
И хищные звери.

Там веет цветами
Забытого рая;
Там сырость могилы
И бездна земная.

Там два есть колодца
С кристальной водою:
С премудростью здравой
И с ложью больною.

Сквозь стены пещеры
Жизнь дико рокочет;
Ворваться не смеет,
Замолкнуть не хочет.

Когда же в ней вспыхнут
Лучами лампады,—
Скрываются в норы
И змеи, и гады.

Пещера сияет,
Как храм величавый,
И небо в ней блещет
Нетленною славой.

Узорами радуг
Свивается плесень
И слышатся звуки
Торжественных песен.

Июнь 1897.

ДВА ГЕНИЯ.

Их в мире два — они как братья,
Как два родные близнеца,
Друг друга заключив в об'ятья,
Живут и мыслят без конца.

Один мечтает, сильный духом
И гордый пламенным умом.
Он преклонился чутким слухом
Перед небесным алтарем.
Внимая чудному глаголу
И райским силам в вышине,—
Он как земному произволу
Не хочет покориться мне.

Другой для тайных наслаждений
И для лобзаний призван в мир.
Его страшит небесный гений,
Он мой палач и мой вампир.
Они ведут свой спор старинный,
Кому из них торжествовать;
Один раскроет свиток длинный,
Чтоб все былое прочитать.
Читает гибельные строки —
Темнит чело и взоры грусть;
Он все — тоску мою, пороки,
Как песни, знает наизусть,
И все готов простить за нежный
Миг покаянья моего,—
Другой, холодный и мятежный,
Глядит как демон на него.
Он не прощает, не трепещет,
Язвит упреками в тиши
И в дикой злобе рукоплещет
Терзанью позднему души.

◆ ◆ ◆

К тебе, у твоего порога,
Я постучался, ангел мой,
Но ты гостил тогда у бога,
В его ложнице голубой.
Ты ткал воздушные одежды
Из радуг, солнца и луны.
Мою любовь, мои надежды,
Мои заоблачные сны!

И, грустью новой опечален,
Вернулся я с твоих высот,—
Бродить среди земных развалин,
Во мраке горя и забот.
И встретил гения иного,—
Он был не ты; угрюм и зол,
Не зная неба золотого,
Сквозь гром и пламень он пришел!

Он завладел душой моею,—
Земного торжища дитя,
И вновь молиться я не смею,
И вновь не смею жить шутя.
Как тень, блуждаю я над бездной
Без упованья и мечты.
Но ты покинул мир надзвездный,
Ко мне воззвал из суеты!

С небес принес свои скрижали,
Вещая проповедь добра,—
Но я в борьбе, но я в печали,—
Не мне сияние утра!
Меня слепят твои одежды,
И улетают, смущены,
Моя любовь, мои надежды,
Мои заоблачные сны!

М. А. ЛОХВИЦКАЯ (ЖИБЕР).

СПЯЩИЙ ЛЕБЕДЬ.

Земная жизнь моя — звенящий
Невнятный шорох камыша.
Им убаюкан лебедь спящий,
Моя тревожная душа.

Вдали мелькают торопливо
В исканьях жадных корабли.
Спокойно в заросли залива,
Где дышит грусть, как гнет земли.

Но звук, из трепета рожденный,
Скользнет в шуршаньи камыша, —
И дрогнет лебедь пробужденный,
Моя бессмертная душа.

И понесется в мир свободы,
Где вторят волнам вздохи бурь,
Где в переменчивые воды
Глядится вечная лазурь.

◆ ◆ ◆

В кудрях каштановых моих
Есть много прядей золотистых, —
Видений девственных и чистых
В моих мечтаньях огневых.

Слилось во мне сиянье дня
Со мраком ночи беспросветной, —
Мне мил и солнца луч приветный,
И шорох тайн манит меня.

И суждено мне до конца
Стремиться вверх, скользя над бездной,
В тумане свет провидя звездный
Из звезд сплетенного венца.

◆ ◆ ◆

Мой тайный мир — ристалище созвучий
На высотах свободной красоты.
Гудит их спор, то — властный и могучий,
То — чуть звенящий, сладостно - певучий,
То — как щиты, что бьются о щиты.

Мои мечты — лучистые виденья,
Стряхнувшие земной тяжелый прах.
Как фимиам небесного кажденья—
Они парят к вершинам возрожденья
На розовых и голубых крылах.

Моя душа — живое отраженье
О небесах тоскующей земли.
В ней — ярких звезд лучистые вторженья,
В ней — чистых жертв благие всесожженья,
В ней лавр и мирт победно расцвели.

◆ ◆ ◆

Я — жрица тайных откровений.
Во тьме веков мне брежжит день.
В чудесной были воплощений,
В великой лестнице рождений —
Я помню каждую ступень.

Я — жрица откровений тайных,
Слежу за цепью роковой
Моих путей необычайных,
Не мимолетных, не случайных,
Но предначертанных Судьбой.

Я — откровений тайных жрица,
И мир — пустыня для меня,
Где стонут жертва и убийца,
Где страждущих белеют лица
В геене крови и огня.

◆ ◆ ◆

Ты изменил мне, мой светлый гений,
В полете ярком в живой эфир.
Моих восторгов, моих стремлений
Унес с собою блаженный мир.

Нет больше звуков, нет больше песен,
Померкло солнце над тьмой земной:
По острым скалам — угрюм и тесен —
Змеится путь мой — передо мной.

Хочу я грезить о счастье новом,
Хочу я вспомнить о дне былом, —
Но кто-то, скорбный, в венце терновом,
Мне веет в душу могильным сном.

◆ ◆ ◆

Если б счастье мое было вольным орлом,
Если б гордо он в небе парил голубом, —
Натянула б я лук свой певучей стрелой,
И живой или мертвый, а был бы он мой!

Если б счастье мое было чудным цветком,
Если б рос тот цветок на утесе крутом, —
Я достала б его, не боясь ничего,
Сорвала б и упилась дыханьем его!

Если б счастье мое было редким кольцом
И зарыто в реке под сыпучим песком, —
Я б русалкой за ним опустилась на дно, —
На руке у меня заблистало б оно!

Если б счастье мое было в сердце твоем, —
День и ночь я бы жгла его тайным огнем,
Чтобы, мне без раздела навек отдано,
Только мной трепетало и билось оно.

„МЕРТВАЯ РОЗА".

Я „мертвая роза", нимфея холодная,
Живу, колыхаясь на зыбких волнах,
Смотрюсь я, как женщина, в зеркало водное,
Как нимфа, скрываюсь в речных камышах.

Разбросив, как волосы, листья зеленые,
Блещу я во мраке жемчужной звездой;
На мне серебрятся лучи отдаленные,
Влюбленного месяца свет молодой.

Но песнь соловьиная, песня победная,
Меня не обвеет небесной тоской.
Я „мертвая роза", бесстрастная, бледная,
И мил мне, и дорог мой гордый покой.

Над венчиком белым, цикады отважные,
Напрасно в ревнивый вступаете бой, —
Для вас лепестки не раскроются влажные,
Останется мертвым цветок роковой.

Летите к фиалкам, где влага росистая
Сверкает призывно алмазами слез.
Я „мертвая роза", я лилия чистая,
Я нежусь в сияньи серебряных грез.

ЭЛЕГИЯ.

Я умереть хочу весной,
С возвратом радостного мая,
Когда весь мир передо мной
Воскреснет вновь, благоухая.

На все, что в жизни я люблю,
Взглянув тогда с улыбкой ясной, —
Я смерть свою благословлю —
И назову ее прекрасной.

5 марта 1893.

ПЕСНЬ ЛЮБВИ.

Хотела б я свои мечты,
Желанья тайные и грезы
В живые обратить цветы, —
Но... слишком ярки были б розы!

Хотела б лиру я иметь
В груди, чтоб чувства, вечно юны,
Как песни, стали в нем звенеть, —
Но... порвались бы сердца струны!

Хотела б я в минутном сне
Изведать сладость наслажденья, —
Но... умереть пришлось бы мне,
Чтоб не дождаться пробужденья!

1889.

ГИМН ВОЗЛЮБЛЕННОМУ.

Пальмы листьями перистыми
Чуть колеблют в вышине;
Этот вечер снами чистыми
Опьяняет душу мне.

За горами темно-синими
Гаснет радужный закат;
Ветер, веющий пустынями,
Льет миндальный аромат.

Грозный там, в стране загубленной,
Он притих на склоне дня...
Мой желанный, мой возлюбленный,
Где ты?... Слышишь ли меня?

Помня клятвы незабытые —
Быть твоею иль ничьей,
Я спешу к тебе, залитая
Блеском розовых лучей.

Тороплюсь сорвать запястия,
Ожерелье отстегнуть...
Неизведанного счастия
Жаждет трепетная грудь, —

Сбросить бремя жизни тягостной,
Прах тернистого пути.
О мой светлый, о мой радостный,
Утомленную впусти!

Я войду в чертог сияющий,
Где, на ложе мирт и роз,
Ты покоишься, внимающий
Лепетанью райских грез.

Выну масти благовонные,
Умащу твою главу,
Поцелую очи сонные,
Грезы райские прерву.

Я войду в твой храм таинственный,
Ласки брачные готовь.
Мой прекрасный, мой единственный,
Утоли мою любовь!

◆ ◆ ◆

Я жажду наслаждений знойных
Во тьме потушенных свечей,
Утех блаженно-беспокойных,
Из вздохов сотканных ночей.

Я жажду знойных наслаждений,
Нездешних ласк, бессмертных слов,
Неописуемых видений,
Неповторяемых часов.

Я наслаждений знойных жажду,
Я жду божественного сна,
Зову, ищу, сгораю, стражду,
Проходит жизнь, — и я одна!

◆ ◆ ◆

Я люблю тебя, как море любит солнечный восход,
Как нарцис, к воде склоненный, — блеск и холод сонных вод.
Я люблю тебя, как звезды любят месяц золотой,
Как поэт — свое созданье, вознесенное мечтой.
Я люблю тебя, как пламя — однодневки-мотыльки,
От любви изнемогая, изнывая от тоски.
Я люблю тебя, как любят звонкий ветер камыши,
Я люблю тебя всей волей, всеми струнами души.
Я люблю тебя, как любят неразгаданные сны:
Больше солнца, больше счастья, больше жизни и весны.

◆ ◆ ◆

Люблю тебя со всем мучением
Всеискупающей любви! —
С самозабвеньем, с отречением...
Поверь, пойми, благослови.

Не отступала, не роптала я.
Что смерти страх? Что жизни гнет?
Люблю! — пока душа усталая
Огнем любви не изойдет.

МОЯ ЛЮБОВЬ.

В венке цветущем вечных былей
Бессмертный лавр — любовь моя!
То — белизна саронских лилий,
То — отблеск ангельских воскрылий,
То — блеск нагорного ручья.

Она пройдет свой путь кремнистый —
Непобедима и верна —
Как шорох нивы золотистой,
Как вздох волны, живой и чистой,
Как снов полночных тишина.

Во тьме незнанья и сомненья
Алмазный луч — любовь моя!
То — белых горлиц опереньє,
То — звезд серебряное пенье
О довершеньи бытия.

МОЙ САД.

Юный мой сад и цветущ, и богат,
Розы струят в нем живой аромат,
Яркие, — будто раскрытые жадно уста,
Матово-бледные, — девственных плеч красота,
Чуть розоватые, — щек заалевшихся цвет,
Есть и другие, — которым сравнения нет.

Нет им сравненья, но дышат они и цветут,
В зное томятся — и бури, как счастия, ждут.
. . . .
Вихри, сомните махровые венчики роз!
Тучи, несите им громы сверкающих гроз!
Жгите их, молнии, чистым небесным огнем, —
Пусть отживают весенним ликующим днем! —
В полном расцвете, без жалких утрат,
Пусть умирает и гибнет мой сад!

Кольцом неверным
Сомкнуты звенья,
В движеньи мерном
Покой забвенья.
В огне созвучий,
В живом стремленьи —
И трепет жгучий,
И утоленье.

В ПОЛЕВЫХ ЦВЕТАХ.

Мне донесся в час заката
Аромат твоих кудрей;
Ты меня любовью брата
Оживи и отогрей.

Приходи на луг цветистый,
Где бесшумно под ногой
Дрок струится золотистый
Благовонной пеленой.

Где меж крестников гвоздики
Блекнет, сломленный борьбой,
В цепких листьях павилики
Колокольчик голубой.

Там, над ложем красной кашки,
С гулким звоном вьется шмель,
Желто-белые ромашки
Стелют мягкую постель.

Там зыбучим покрывалом
Травы сонные цветут,
Там печальным, там усталым
Зреет ласковый приют.

Будь мне другом иль влюбленным,
Но безмолвствуй о любви,
Поцелуем исступленным
Светлых снов не отрави.

Дай забыться в грезах чистых
И, проснувшись поутру,
Разбуди в цветах росистых —
Не подругу, а сестру.

В ВАЛЬСЕ.

Огонь созвучий,
Аккордов пенье,
О, вальс певучий,
Мое забвенье.
Ты льнешь украдкой
Мечтою ложной,
Ты — отдых сладкий
Души тревожной.

В САДУ НАД БЕЗДНОЙ.

Был труден путь. Был зноен день.
До полдня длилось восхожденье,
И, вот, обещанная сень
Пред нами встала, как виденье.

И мы вошли в нагорный сад,
Где, разрастаясь в изобильи,
Жасмины пряные кадят,
Меж роз и мирт сияют лилии.

Врата златые заперты.
Нам сладко млеть в благоуханьи.
Под нами — травы и цветы.
Над нами — лавры и латании.

Но полдень пышет здесь огнем, —
В саду, повиснувшем над бездною.
Богиня властная есть в нем, —
Земной кумир — с короной звездною.

Мы служим ей — как божеству,
Несем ей гимны и каждения
В горячих снах и наяву —
стихийных бурях наслаждения.

Мы ей поем, мы ей кадим,
Светло-блаженные, как гении.
И наши души, будто дым,
Исходят в медленном томлении.

Мы служим ей — как божеству.
Нам снятся жуткие виденья.
И львы, желтея сквозь листву,
Лежат на страже пробужденья.

СОЮЗ МАГОВ.

1.

ЖРЕЦ СОЛНЦА.

Великий Маг стоял на львиных шкурах,
Весь пламенем заката озаренный,
Одетый пышно в пурпур и виссон;
На голове священная тиара,

Златой убор египетских царей,
Венчала смоль и серебро кудрей;
Гирлянды лавра, царственно спадая
С могучих плеч, спускались до земли;
В руке его блистал, как луч полдневный,
Магический несокрушимый жезл;
А на руке, как символ высшей власти,
Горел огнями перстень Соломона,
Алел рубин в оправе золотой.

Над ним легко, из перьев ястребиных,
Незримою вращаемы рукой,
По воздуху качались опахала.
Так он стоял. И жертвенник пред ним
Струил благоуханье кинамона
И ладана, и красного сандала.
Так он стоял, — служителем добра,
Пред алтарем всерадостного Солнца, —
И светел был, и дивен лик его!

2.

ЖРИЦА ЛУНЫ.

Но в час, когда слабеет дня влиянье,
К нему вошла я жрицею Луны.
Как дым мое белело одеянье...
Был бледен лик... Шаги — едва слышны.

Тройной змеей сверкало ожерелье:
Все — лунный камень, жемчуг и алмаз.
Я принесла ему на новоселье
Земную грусть, небесное веселье, —
Полынь и дрок*), расцветшие для нас.

Благоуханьем сладостным алоэ
Его мечты я властно вознесла
В мой мир, где слито доброе и злое,
Где вечно-сущим кажется былое —
Вне времени, как вне добра и зла.

Открыв чела жемчужное убранство,
Я подняла туманную фату.
В моих очах нашел он постоянство,
В улыбке — вечность, в мыслях — чистоту.

И, вот, запели арфы в отдаленье,
Как будто сильф провеял по струнам.
Двух гордых душ — желанье и томленье,
Двух чуждых сил — воззванье и стремленье
Слились в один бессмертный фимиам.

И гимны Солнцу были позабыты...
О, свет неверный! Женственные сны!
К нему вошла я жрицею Таниты —
И он познал могущество Луны.

*) Растения, посвященные Луне.

ЗАВЕТ ДЬЯВОЛА.

(На мотив гримуара XV-го века „Chante le grimoire“).

Ты хочешь власти? — Будет власть.
Лишь надо клад тебе украсть.
Ты руку мертвую зажги —
И мертвым сном уснут враги.
Пока твой факел будет тлеть,
Иди, обшарь чужую клеть,
Для чародея нет преград, —
Пой гримуар, найдется клад!

Ты другом в сердце уязвлен?
Тебя страдать заставил он?
Ты плачешь кровью, потому —
Что отомстить нельзя ему?
Но Я с тобой. Ночной порой
Ты книгу черную открой,
Для чародея нет забот,
Пой гримуар — твой друг умрет!

Жена чужая хороша?
О ней болит твоя душа?
Ты не заспишь, ты не запьешь
Ее пленительную ложь?
Но пусть другой скорбит о ней,
Влачит до гроба тягость дней,
Для чародея нет забот,
Пой гримуар — она придет!

◆ ◆ ◆

Ляг, усни. Забудь о счастии
Кто безмолвен — тот забыт.
День уходит без участия,
Ночь забвеньем подарит.

Под окном в ночном молчании
Ходит сторож, не стуча.
Жизнь угаснет в ожидании,
Догорит твоя свеча.

Верь, не дремлет Провидение,
Крепко спят твои враги.
За окном, как символ бдения,
Слышны тихие шаги.

Да в груди твоей измученной
Не смолкает мерный стук,
Долей тесною наученный,
Сжатый холодом разлук.

Это — сердце неустанное
Трепет жизни сторожит.
Спи, дитя мое желанное,
Кто безмолвен — тот забыт.

МАТЕРИНСКИЙ ЗАВЕТ.

Моему сыну Евгению.

Дитя мое, грядущее туманно,
Но все в тебе, от самых юных лет,
Неодолимо, властно, непрестанно
Мне говорит, что будешь ты — поэт.

Дитя мое, узка моя дорога,
Но пред тобой свободный ляжет путь.
Иди, иди в сады живого бога
От аромата вечного вдохнуть!

Там, высоко, на девственной вершине,
Где, чуть дымясь, почили облака,
Растет цветок, нетронутый доныне,
Взыскуемый, как в прежние века.

Пусть говорят, что путь твой — путь безумных,
От вечных звезд лица не отврати.
Для пестрой лжи услад и оргий шумных
Не отступай от гордого пути.

Пусть говорят, что сны твои обманны.
Дитя мое, и жизнь, и смерть — обман.
Иди, иди в лазурные туманы!
За ним, за ним, цветком небесных стран!

Найдешь его — и узришь мир безбрежный
У ног своих! — Но помни и внемли:
Тогда, мой сын, сойдя с вершины снежной,
Неси твой дар в святую скорбь земли.

УТРЕННИЙ ГИМН.

Слышишь, как птицы щебечут в саду? —
Мчится на розовых крыльях рассвет.
В тихом саду я блаженство найду,
Влажных ветвей ароматный привет.

Слышишь дрожанье пурпуровых струн? —
Алой зари колесница плывет.
День возрожденный прекрасен и юн,
Грез обновленных воздушен полет.

Властно ликующий гимн зазвучал.
Властному зову душою внемли.
Это — мгновенье великих начал!
Это слиянье небес и земли!

ПЕРЕД ЗАКАТОМ.

Люблю я блеклые цветы
Фиалок поздних и сирени,
Полу-намеки, полу-тени
Повитой дымкой красоты.

Душа тревожная больна
И тихим сумраком об'ята,
Спокойной прелестью заката
Грядущим сном упоена.

Что озарит огнем надежд?
Повеет радостью бывалой?
Заставит дрогнуть взмах усталый
Моих полузакрытых вежд?

Ничто. Ничто. Желаний нет.
Безвольно замерли моленья.
Смотрю с улыбкой утомленья
На жизнь, на суету сует.

Сокрыт туманом горный путь.
Стихает грусть, немеют раны.
Блажен, блажен покой нирваны, —
Уснуть... исчезнуть... утонуть...

ОСЕННИЙ ЗАКАТ.

О свет прощальный, о свет прекрасный,
Зажженный в высях пустыни снежной,
Ты греешь душу мечтой напрасной,
Тоской тревожной, печалью нежной.

Тобой цветятся поля эфира,
Где пышут маки небесных кущей.
В тебе слиянье огня и мира,
В тебе молчанье зимы грядущей.

Вверяясь ночи, ты тихо дремлешь
В тумане алом, в дали неясной.
Молитвам детским устало внемлешь, —
О свет прощальный, о свет прекрасный!

ВОСТОЧНЫЕ ОБЛАКА.

Идут, идут небесные верблюды,
По синеве вздымая дымный прах.
Жемчужин-слез сверкающие груды
Несут они на белых раменах.

В вечерний час, по розовой пустыне,
Бесследный путь оставив за собой,
К надзвездной Мекке, к призрачной Медине
Спешат они, гонимые судьбой.

О, плачьте, плачьте! Счет ведется строго.
Истают дни, как утренний туман, —
Но жемчуг слез в сокровищницу бога
Перенесет воздушный караван.

Н. ЛЬВОВА.

◆ ◆ ◆

Загорелись, заблестели яркой радугой снега.
Заиграли, зазвенели в переливах жемчуга.
В легкой дымке онемели полусонно берега.

Кем-то брошены на щеки лепестки багряных роз.
В отдалении, за нами, цепь серебряных берез.
Нить неведомых мечтаний протянул, смеясь, мороз.

Руки вместе, взоры вместе, быстро-быстро мы скользим...
Что мы можем? Что мы смеем? Что так жадно мы хотим?
Над какой угрюмой бездной с нашей тайной мы летим?

Дальше! Дальше! Все забыто. Только взгляд горит тоской,
Только смех звучит так жутко. Только смех — совсем чужой.
В этот миг нас только двое. В этот миг — лишь ты со мной.

В чуждых далях распустился яркий рдеющий цветок.
Кто-то понял чей-то робкий, нежно брошенный намек...
Знаю, знаю, нас не минет страсти яростный поток!

Но пока еще свободны, быстро мчимся в царстве грез.
След на льду змеится лентой. На щеках мерцанье роз.
И смеется еле слышно над бегущими мороз.

◆ ◆ ◆

Я дома... Дверь закрыта плотно...
Весенний дождик за окном
Стихает звонко, беззаботно,
И тишина растет кругом.

И так мне страшно, так мне душно
В невозмутимой тишине...
Лишь ты со мной, мой стих послушный,
Один, неизменивший мне!

Ты вновь со мной тревожной ночью,
Как верный страж, как чуткий друг...
И сны сбываются воочью,
И все былое близко вдруг.

И я, с улыбкою участья,
Переживаю нежно вновь
Мое безрадостное счастье —
Мою ненужную любовь.

◆ ◆ ◆

Ты проходишь мимо, обманувший,
Обманувший, не желая лгать...
В этот вечер, сумрачный и душный,
Вспоминая наш восторг минувший,
Я тебя не в силах проклинать.

Может быть и я лгала невольно:
Все мы лжем в об'ятьях темноты.
Все мы лжем улыбкой богомольной,
Цепью ласк мы давим слишком больно
Нашей грезы хрупкие цветы.

Так простимся нежно, без упреков,
Будем ждать и верить: впереди
Много разгадаем мы намеков,
Много новых вспыхнет нам востоков,
Много солнц зажжется нам... Прости!

◆ ◆ ◆

Я нынче светлая, Я нынче спокойная,
Нежная, нежная...
Душа моя нынче, как стих твой, стройная,
Как сон — безмятежная.

И небо серое, осенне-тоскливое,
Ветра рыдание —
Мне радостны, радостны... Вся я — счастливая,
Вся я — сверкание.

Мое падение — встречаю улыбкою,
Славлю страдание...
Ах, я павилики веточка гибкая
В миг увядания!

◆ ◆ ◆

За детский бред, где все казалось свято,
Как может быть святым лишь детский бред,
За сон любви, слепительный когда-то,
За детское невидящее „нет",
Которым все, как ясной сталью сжато,—
Ты дашь за все, ты дашь за все ответ!

Ты помнишь сад, где томно пахла мята,
Где колыхался призрачный рассвет?...
В твоем саду все стоптано, все смято,—
За детский бред!

Что ж плачешь ты, как над могилой брата?
Чего ж ты ждешь?.. Уже не блещет свет,
И нет цветов... О, вот она — расплата
За детский бред!

◆ ◆ ◆

Весенний вечер, веющий забвеньем,
Покрыл, печально, плачущее поле.
И влажный ветер робким дуновеньем
Нам говорит о счастьи и о воле.

Вся отдаюсь томительным мгновеньям,
Мятежно верю зову вечной Воли:
Хочу, чтоб ты горел моим гореньем!
Хочу иной тоски и новой боли!

Немеет ветра вздох. Уснуло поле,
Грустя над чьим-то скорбным заблужденьем,
Пророча муки, тихий дождь струится...

Но сладко ждать конца ночной неволи
Под плач дождя: слепительным виденьем
Наш новый день мятежно загорится!

◆ ◆ ◆

Изжелта-зеленые березы
Зашумели ласково и нежно.
На глазах — непрошенные слезы,
На душе — по-детски безмятежно.

Примиренно все опять приемлю,
Вновь целуя сладко, без печали
Влажно-зеленеющую землю
И уста, что мне так часто лгали.

15 апреля 1913.

◆ ◆ ◆

Смеешься, шутишь целый день,
А вечером — одна.
И в сердце сумрачная лень
И тишина.

И в сердце смутный-смутный зов
Давно забытых дней.
И мерный шаг грозящих снов
Слышней, слышней.

И сердце тихо-тихо ждет,
Когда вонзится меч
В безмолвной бездне вечных вод
Погасших встреч...

И, острие за острием,
Из темной тишины
Встают — и жгут живым огнем
Былые сны.

Вот бледный очерк чьих-то уст,
Вот чьих-то глаз волна...
А мир кругом — так странно пуст,
И ты — одна!

◆ ◆ ◆

Белый, белый, белый, белый,
Беспредельный белый снег...
Словно саван помертвелый —
Белый, белый, белый, белый —
Над могилой прежних нег.

Словно сглаженные складки
Не надеванной фаты...
Мир забыл свои загадки,
Мир забылся грезой сладкой
В ласке белой пустоты.

Ни движенья... Ни томленья...
Бледный блеск и белизна...
Всех надежд успокоенье,
Всех сомнений примиренье —
Холод блещущего сна.

◆ ◆ ◆

Сердце плачет безнадежное
о весне.
Сердце помнит что-то нежное
в полусне,
Сердце ловит зовы дальние,
звон луны,
Серебристые, хрустальные,
чары-сны.
Сны сплетают нити длинные
и зовут.
Где-то улицы пустынные
жутко ждут.
Ночь застыла, удивленная..
мы вдвоем.
Мы безвольно, утомленные,
вдаль идем.
Подплывает сказка жгучая,
как прибой,
То грозя, как смерть могучая,
то с мольбой.
Но в струях бездонной нежности
жжет печаль,
Веет призрак безнадежности,
жалит сталь,
И с тоскою бесконечною
мы молчим...
Думы вьются быстротечные,
вьется дым,
Сердце плачет, неизменное,
о весне,
Но она горит, нетленная,
лишь во сне.

1911.

◆ ◆ ◆

Я плачу одна над стихами Верлэна...
О том, что забыли Вы светлую дачу,
О том, что ушли Вы из нежного плена,
Я плачу.

Но все же небрежным письмом вновь назначу
Свиданье. Не вечно же длится измена!
Пасьянс мне пророчит любовь и удачу.

В изогнутой вазочке вянет вербена...
Ах, все увядает!.. Раскрыв наудачу
В дни счастья прочитанный томик Верлэна —
Я плачу.

◆ ◆ ◆

Со всех сторон протянуты к нам руки!
Со всех сторон слышна жестокая мольба,
И на кресте извечном страстной муки
Распять нас могут все, как римляне — раба!

Все правы, все! взглянуть в глаза — и грезы,
Желанием своим коснуться душ — и тел...
Что можем мы, надломленные розы?
Быть распинаемой — позорный наш удел.

Но, против воли, мы, клонясь, как стебель гибкий,
На каждый знойный зов бросаем отзыв свой.
И всем мы отдаем лобзанья и улыбки,
Не в силах устоять пред жаждою — чужой...

О, если бы порвать кошмар наш упоенный,
Отдаться лишь любви, как нежащей волне!
И бросить наше „нет!“ желаний тьме бездонной,
И бросить наше „да!“ лазурной вышине.

◆ ◆ ◆

Нам лишь бледные намеки в хмурой жизни суждены,
Лишь нечеткие, больные, неразгаданные сны.

Лишь несмелыми штрихами затушеванная даль,
Лишь порыв — бессильный, вялый, и печаль, печаль, печаль...

Те, что будут, разгадают нам приснившиеся сны.
Запоют — нам непонятный, но уж слышный гимн весны.

Из штрихов сплетут улыбку пробужденной красоты
И зажгут порыв, как факел, в храме радостном мечты.

Ярче зори заиграют в беспредельности небес...
Все — кто знает, кто не знает,— все поймут язык чудес.

Мы — предтечи дальней жизни — мы пройдем, как бред, как тень,
Но на скорбной нашей тризне загорится вечный день!

М. КУЗМИН.

◆ ◆ ◆

Где слог найду, чтоб описать прогулку,
Шабли во льду, поджаренную булку
И вишен спелых сладостный агат?
Далек закат, и в море слышен гулко
Плеск тел, чей жар прохладе влаги рад.

Твой нежный взор, лукавый и манящий, —
Как милый вздор комедии звенящей,
Иль Мариво капризное перо,
Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий, —
Мне кружат ум, как „Свадьба Фигаро".

Дух мелочей, прелестных и воздушных,
Любви ночей, то нежащих, то душных
Веселой легкости бездушного житья!
Ах, верен я, далек чудес послушных,
Твоим цветам, веселая земля!

◆ ◆ ◆

Ничего, что мелкий дождь смочил одежду:
Он принес с собой мне сладкую надежду.

Скоро, скоро этот город я покину,
Перестану видеть скучную картину.

Я оставшиеся дни, часы считаю,
Не пишу уж, не гуляю, не читаю.

Скоро в путь, — так уж не стоит приниматься.
Завтра утром, завтра утром собираться!

Долгий путь ты мне не сносен и желанен,
День от'езда, как далек ты, как ты странен!

И стремлюсь я, и пугаюсь, и робею,
В близость нежной встречи верить я не смею.

Промелькнут луга, деревни, горы, реки,
Может быть, уж не увижу их во веки.

Ничего-то я не вижу и не знаю, —
Об очах, устах любимых лишь мечтаю.

Сколько нежности в разлуке накоплю я —
Столь сильнее будет сладость поцелуя.

И я рад, что мелкий дождь смочил одежду;
Он принес с собой мне сладкую надежду.

ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ.

Сегодня целый день пробуду дома;
Я видеть не хочу чужих людей,
Владеет мною грустная истома,
И потерял я счет несчастных дней.

Морозно, ясно, солнце в окна светит,
Из детской слышен шум и смех детей;
Письмо, которому он не ответит,
Пишу я тихо в комнате своей.

Я посижу немного у Сережи,
Потом с сестрой, в столовой, у себя —
С минутой каждой Вы мне все дороже,
Забыв меня, презревши, не любя.

Читаю книгу я, не понимая,
И мысль одно и то же мне твердит:
„Далек зимой расцвет веселый мая,
Разлукою любовь кто утвердит?"

Свет двух свечей не гонит полумрака,
Печаль моя — упорна и тупа.
И песенку пою я Далайрака
„Mon bien aimé, hélas, ne reviens pas!"

Вот ужин, чай, холодная котлета,
Ленивый спор домашних — я молчу;
И совершив обрядность туалета,
Скорей тушу унылую свечу.

УТЕШЕНИЕ.

Я жалкой радостью себя утешу,
Купив такую ж шапку, как у Вас;
Ее на вешалку, вздохнув, повешу,
И вспоминать Вас буду каждый раз.

Свое увидя мельком отраженье,
Я удивлюсь, что я не вижу Вас,
И дорисует вмиг воображенье
Под шапкой взгляд неверных, милых глаз.

И проходя случайно по передней,
Я вдруг пленюсь несбыточной мечтой,
Я обольщусь какой-то странной бредней:
„Вдруг он приехал, в комнате уж той".

Мне видится знакомая фигура,
Мне слышится Ваш голос — то не сон —
Но тотчас я опять пройду понуро,
Пустой мечтой на миг лишь обольщен.

И залу взглядом обведу пустую:
Увы, стеклом был лживый тот алмаз!
И лишь печально отворот целую
Такой же шапки, как была у Вас.

◆ ◆ ◆

Сижу, читая я сказки и были,
Смотрю в старых книжках умерших портреты.
Говорят в старых книжках умерших портреты:
„Тебя забыли, тебя забыли"...

— Ну, что же делать, что меня забыли,
Что тут поможет, старые портреты? —
И спрашивал: что поможет, старые портреты,
Угрозы ли, клятва ль, мольбы ли?

„Забудешь и ты целованные плечи,
Будь, как мы, старым влюбленным портретом:
Ты можешь быть хорошим влюбленным портретом
С томным взглядом, без всякой речи".

— Я умираю от любви безмерной!
Разве вы не видите, милые портреты? —
„Мы видим, мы видим", — молвили портреты,
„Что ты—любовник верный, верный и примерный!"

Так читал я, сидя, сказки и были,
Смотря в старых книжках умерших портреты,
И не жалко мне было, что шептали портреты:
„Тебя забыли, тебя забыли".

МАСКАРАД.

Кем воспета радость лета:
Роща, радуга, ракета,
На лужайке смех и крик?
В пестроте огней и света,
Под мотивы менуэта,
Стройный фавн главой поник.

Что белеет у фонтана
В серой нежности тумана?
Чей там шопот, чей там вздох?
Сердца раны лишь обманы,
Лишь на вечер те тюрбаны —
И искусствен в гроте мох.

Запах грядок прян и сладок,
Арлекин на ласки падок,
Коломбина не строга.
Пусть минутны краски радуг,
Милый, хрупкий мир загадок,
Мне горит твоя дуга!

РАЗГОВОР.

Маркиз гуляет с другом в цветнике,
У каждого левкой в руке,
А в паринке,
Сквозь стекла видны ананасы.

Ведут они интимный разговор,
С улыбкой взор встречает взор,
Цветной узор
Пестрит жилетов нежные атласы.

„Нам дал приют китайский павильон!"
В воспоминанья погружен,
Умолкнул он,
А тот левкой вдыхал с улыбкой тонкой.

— Любовью Вы, мой друг, ослеплены,
Но хрупки и минутны сны,
Как дни весны,
Как крылья бабочек с нарядной перепонкой.

Вернее дружбы — связь, поверьте мне:
Она не держит в сладком сне,
Но на огне
Вас не томит желанием напрасным.

„Я дружбы не забуду никогда —
Одна нас единит звезда;
Как и всегда
Я только с Вами вижу мир прекрасным!"

Слова пустые странно говорят,
Проходит тихо окон ряд,
А те горят,
И не видны за ними ананасы.

У каждого в руке левкоя цвет,
У каждого в глазах ответ,
Вечерний свет
Ласкает платья нежные атласы.

ЛЮБВИ УТЕХИ.

К рассказу С. Ауслендера: „Вечер у г-на де-Севираж“.

„Plaisir d'amour ne dure qu'un moment,
Chagrin d'amour dure toute la vie“.

Любви утехи длятся миг единый,
Любви страданья длятся долгий век.
Как счастлив был я с милою Надиной,
Как жадно пил я кубок томных нег!

Но ах! не долго той любови нежной
Мы собирали сладкие плоды:
Поток времен, несытый и мятежный,
Смыл на песке любимые следы.

На том лужке, где вместе мы резвились,
Коса скосила мягкую траву;
Вснки любви, увы! они развились,
Надины я не вижу наяву.

Но долго после в томном жаре нег,
Других красавиц звал в бреду Надиной.
Любви страданья длятся долгий век,
Любви утехи длятся миг единый.

1906. Ноябрь.

БИСЕРНЫЕ КОШЕЛЬКИ.

1912. Сентябрь.

1.

Ложится снег... Печаль во всей природе.
В моем же сердце при такой погоде,
Иль в пору жарких и цветущих лет
Печаль все о тебе, о мой корнет,
Чью прядь волос храню в своем комоде.

Так тягостно и грустно при народе,
Когда приедет скучный наш сосед!
Теперь надолго к нам дороги нет!
Ложится снег.

Ни смеха, ни прогулок нет в заводе,
Одна нижу я бисер на свободе:
Малиновый, зеленый, желтый цвет, —
Твои цвета. Увидишь ли привет?
Быть может, ведь и там, в твоем походе
Ложится снег!

1912.

2.

Я видела, как в круглой зале
Гуляли вы, рука с рукой;
Я слышала, что вы шептали,
Когда, конечно, вы не ждали,
Что мной нарушен ваш покой.

И в проходной, на геридоне,
Заметила я там письмо!
Когда вы были на балконе,
Луна взошла на небосклоне
И озарила вас в трюмо.

Мне все понятно, все понятно,
Себя надеждой я не льщу!..
Мои упреки вам не внятны?
Я набелю румянца пятна
И ваш подарок возвращу.

О, кошелек, тебя целую;
Ведь подарил тебя мне он!
Тобой ему и отомщу я:
Тебя снесу я в проходную
На тот же, тот же геридон!

◆ ◆ ◆

Когда мне говорят: „Александрия“,
я вижу белые стены дома,
небольшой сад с грядкой левкоев,
бледное солнце осеннего вечера
и слышу звуки далеких флейт.

Когда мне говорят: „Александрия“,
я вижу звезды над стихающим городом,
пьяных матросов в темных кварталах,
танцовщицу, пляшущую „осу“
и слышу звук тамбурина и крики ссоры.

Когда мне говорят: „Александрия“,
я вижу бледно-багровый закат над зеленым морем
мохнатые мигающие звезды
и светлые серые глаза под густыми бровями,
которые я вижу и тогда,
когда не говорят мне: „Александрия!“

◆ ◆ ◆

Солнце, солнце,
божественный Ра-Гелиос,
тобою веселятся
сердца царей и героев,
тебе ржут священные кони,
тебе поют гимны в Гелиополе;
когда ты светишь,
ящерицы выползают на камни,
и мальчики идут со смехом
купаться к Нилу.
Солнце, солнце,
я — бледный писец,
библиотечный затворник,

но я люблю тебя, солнце, не меньше,
чем загорелый моряк,
пахнущий рыбой и соленой водою,
и не меньше,
чем его привычное сердце
ликует
при царственном твоем восходе
из океана,
мое трепещет,
когда твой пыльный, но пламенный луч
скользнет
сквозь узкое окно у потолка
на исписанный лист
и мою тонкую желтоватую руку,
выводящую киноварью
первую букву гимна тебе,
о Ра-Гелиос солнце!

◆ ◆ ◆

Ах, покидаю я Александрию
и долго видеть ее не буду!
Увижу Кипр, дорогой Богине,
увижу Тир, Эфес и Смирну,
увижу Афины — мечту моей юности,
Коринф и далекую Византию
и венец всех желаний
цель всех стремлений —
увижу Рим великий! —
все я вижу, но не тебя!
Ах, покидаю я тебя, моя радость,
и долго, долго тебя не увижу!
Разную красоту я увижу,
в разные глаза насмотрюся,
разные губы целовать буду,
разным кудрям дам свои ласки,
и разные имена я шептать буду
в ожиданьи свиданий в разных рощах.
Все я увижу, но не тебя!

1905—1908.

◆ ◆ ◆

У печурки самовары,
Спит клубком сибирский кот.
Слышь: „Меркурий" из Самары
За орешником ревет.

Свекор спит. Везде чистенько.
Что-то копоть от лампад!
„Мимо сада ходит Стенька".
Не пройтиться ли мне в сад?

Круглы сутки все одна я.
Растегну тугой свой лиф...
Яблонь, яблонька родная!
Мой малиновый налив!

Летом день — красный, да долгий.
Пуховик тепло томит.
Что забыла там, за Волгой?
Только теткин тошный скит!

◆ ◆ ◆

Снега покрыли гладкие равнины,
Едва заметен санок первый след,
Румянец нежный льет закатный свет,
Окрася розою холмов вершины.

Ездок плетется в дальние путины,
И песня льется, песня прошлых бед, —
Простой и древний скуки амулет, —
Она развеет ждущие кручины!

Зимы студеной сладко мне начало,
Нас сочетала строгая пора.
Яснеет небо, блекнет покрывало.

Каким весельем рог трубит: „пора!"
О, друг мой милый, как спокойны мысли!
В окне узоры райские повисли.

◆ ◆ ◆

Моей любви никто не может смерить,
Мою любовь свободе не учи!
Явись, о смерть, тебе лишь можно вверить
Богатств моих злаченые ключи!
Явись, о смерть, в каком угодно виде:
Как кроткий вождь усопших христиан,
Как дух царей, плененный в пирамиде,
Как Азраил убитых мусульман!
Мне не страшна, поверь, ничья личина,
Ни слез моих, ни ропота не жди,
Одна лишь есть любовная кручина,
Чтоб вызвать вновь из глаз сухих дожди.
Коль хочешь ты, слепая, униженья,
Бесслезных глаз позорящий ручей, —
Яви мне вновь его изображенье,
Верни мне звук прерывистых речей!
„Помедли, смерть!" скажу тогда я глухо,
„Продлись, о жизнь!" прошепчет жалкий рот,
Тогда-то ты, без глаз, без слов, без слуха,
Ответишь мне: „я победила. Вот!"

◆ ◆ ◆

„Проходит все, и чувствам нет возврата",
Мы согласились мирно и спокойно, —
С таким сужденьем все выходит стройно,
И не страшна любовная утрата.
Зачем же я, когда Вас вижу снова,
Бледнею, холодею, заикаюсь,
Былым (иль не былым?) огнем терзаюсь,
И нежные благодарю оковы?
Амур — охотник все стоит на страже,
Возвратный тиф — опаснее и злее.
Проходит все, моя любовь — не та же,
Моя любовь теперь еще сильнее.

◆ ◆ ◆

Смирись, о сердце, не ропщи:
Покорный камень не пытает,
Куда летит он из пращи,
И вешний снег бездумно тает.
Стрела не спросит, почему
Ее отравой напоили;
И немы сердцу моему
Мои ль желания, твои ли.
Какую камень цель найдет?
Врагу иль другу смерть даруя,
Иль праздным на поле падет, —
Все с равной радостью беру я.
То — воля мудрого стрелка,
Плавильщика снегов упорных,
А рана? рана — не жалка
Для этих глаз, ему покорных.

◆ ◆ ◆

Не вешних дней мы ждем с тобою,
А ждем осенних, ясных дней,
Когда опять свиданье с ней
Нас свяжет радостью тройною.

Очищен позднею грозою,
Свежей свод неба и синей,
Не вешних дней мы ждем с тобою,
А ждем осенних, ясных дней.

Полюбим осенью златою
Еще нежней, еще сильней.
Скорее, солнце, спламеней
И кроткой засветись порою!
Не вешних дней мы ждем с тобою.

◆ ◆ ◆

Такие дни — счастливейшие даты.
Последний холод, первое тепло.
Смотрю не через пыльное стекло:
Собаки лают, учатся солдаты.

Как хлопья закоптелой, бурой ваты,
Буграми снег, а с крыш давно стекло..
Но почему так празднично светло?
Или весны не видел никогда ты?

Весну я знаю и любил немало,
Немало прошумело вешних вод,
Но сердце сонное не понимало.

Теперь во мне проснулось все, — и вот
Впервые кровь бежит по сети вен,
Впервые день весны благословен!

1916.

◆ ◆ ◆

Я встречу с легким удивленьем
Нежданной старости зарю.
Ужель чужим огнем горю?
Волнуюсь я чужим волненьем?
Стою на тихом берегу,
Далек от радостного бою,
Следя лишь за одним тобою,
Твой мир и славу берегу.
Теперь и пенного России
По новому впиваю вновь
И вижу только чрез любовь,
Что небеса так детски сини.
Бывало, плача и шутя,
Я знал любовь слепой резвушкой,
Теперь же в чепчике, старушкой,
Она лишь пестует дитя.

1915.

◆ ◆ ◆

Все тот же сон, живой и давний,
Стоит и не отходит прочь:
Окно закрыто плотной ставней,
За ставней — стынущая ночь.
Трещат углы, тепла лежанка,
Вдали пролает сонный пес...
Я встал сегодня спозаранку
И мирно мирный день пронес.
Беззлобный день так свято долог!
Все — кроткий блеск, и снег, и ширь.
Читать тут можно только Пролог
Или Давыдову Псалтирь.
И зной печной в каморке белой,

И звон ночной издалека,
И при лампадке нагорелой
Такая белая рука!
Размаривает и покоит,
Любовь цветет проста, пышна,
А вьюга в поле люто воет,
Вьюны сажая у окна.
Занесена пургой пушистой,
Живи, любовь, не умирай:
Настал для нас огнисто-льдистый,
Морозно-жаркий, русский рай!
Ах, только б снег, да взор любимый,
Да краски нежные икон!
Желанный, неискоренимый,
Души моей давнишний сон!

1915. Август.

ЛЕТНИЙ САД.

Н. А. Юдину.

Пропало славы обветшалой
Воспоминанье навсегда.
Скользнут в веках звездою шалой
И наши годы, господа.
Где бабушкиных роб шуршанье,
Где мелкий дребезг нежных шпор
И на глазах у всех свиданье,
Другим невнятный разговор?
Простой и медленной прогулкой
В саду уж не проходит царь,
Не гонит крепость пушкой гулкой
Всех франтов к устрицам, как встарь.
Лишь у Крылова дремлют боины,
Ребячий вьется к небу крик,
Да липы так же благовонны,
И дуб попрежнему велик.
Демократической толпою
Нарушен статуй странный сон,
Но небо светится весною,
А теплый ветер, тот же он!
Ты сам устроил так, о боже,
Что сердце (так слабо оно)
Под пиджаками бьется то же,
Что под камзолами давно.
И весь проспект большой аллеи
Вымеривая в сотый раз,
Вдруг остановишься, краснея,
При выстреле прохожих глаз.
Но кто же знает точный час
Для вас, Амура-чародея,
Всегда нежданные затеи?

1916.

ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ.

Сквозь чайный пар я вижу гору Фузий,
На желтом небе золотой вулкан.
Как блюдечко природу странно узит!
Но новый трепет мелкой рябью дан.
Как облаков продольных паутинки
Пронзает солнце с муравьиный глаз,
А птицы — рыбы, черные чаинки,
Чертят лазури зыблемый топаз!
Весенний мир вместится в малом мире:
Запахнут миндали, затрубит рог,
И весь залив, хоть будь он вдвое шире,
Фарфоровый обнимет ободок.
Но ветка неожиданной мимозы,
Рассекши небеса, легла на них, —
Так на страницах философской прозы
Порою заблестит влюбленный стих.

1917.

АССИЗИ.

Месяц молочный спустился так низко,
Словно рукой его можно достать.
Цветики милые братца Франциска,
Где же вам иначе расцветать?
Умбрия, матерь задумчивых далей,
Ангелы лучшей страны не видали.

В говоре птичьем — высокие вести,
В небе разводы павлинья пера.
Верится вновь вечеровой невесте
Тень благовещенья в те вечера.
Лепет легчайший — господне веленье —
Льется в разнеженном благоволеньи.

На ночь ларьки запирают торговцы,
Сонно трубит с холма пастух,
Блея, бредут запыленные овцы,
Розовый час, золотея, потух.
Тонко и редко поет колокольня:
„В небе привольнее, в небе безбольней“.

Сестры сребристые, быстрые реки,
В лодке зеленой сестрица луна,
Кто вас узнал, не забудет во веки, —
Вечным томленьем душа полна.
Сердцу приснилось преддверие рая,—
Родина всем умиленным вторая.

БОРИС САДОВСКОЙ.

СТУДЕНЧЕСКИЙ САМОВАР.

Чужой и милый! Ты кипел недолго,
Из бака налитый слугою номерным,
Но я любил тебя как бы из чувства долга
И ты мне сделался родным.
Вздыхали фонари на розовом Арбате,
Дымился древний звон, и гулкая метель
Напоминала мне о роковой утрате;
Ждала холодная постель.
С тобой дружил узор на ледяном окошке,
И как-то шли к тебе старинные часы,
Варенье из дому и в радужной обложке
Новорожденные „Весы".
Ты вызывал стихи, и странные рыданья,
Неразрешенные, вскипали невзначай,
Но остывала грудь в напрасном ожиданьи,
Как остывал в стакане чай.
Те дни изношены, как синяя фуражка,
Но все еще поет в окне моем метель,
Попрежнему я жду; как прежде, сердцу тяжко,
И холодна моя постель.

САМОВАР В МОСКВЕ.

Люблю я вечером, как смолкнет говор птичий,
Порою майскою под монастырь Девичий
Отправиться, и там, вдоль смертного пути,
Жилища вечные неслышно обойти.

Вблизи монастыря есть домик трех-оконный,
Где старый холостяк, в прошедшее влюбленный,
Иконы древние развесил на стенах,
Где прячутся бюро старинные в углах.
Среди вещей и книг, разбросанных не втуне,
Чернеются холсты Егорова и Бруни,
Там столик мраморный, там люстра, там комод.

Бывало самовар с вечерен запоет,
И начинаются за чашкой разговоры
Про годы прежние, про древние уборы,
О благолепии и редкости икон,
О славе родины, промчавшейся как сон,
О дивном Пушкине, о грозном Николае.

В курантах часовых, в трещотках, в дальнем лае
Мерещится тогда дыханье старины,
И воскрешает все, чем комнаты полны.
В картинах, в грудах книг шевелятся их души.
Вот маска Гоголя насторожила уши,
Вот ожил на стене Кипренского портрет,
Нахмурился Толстой и улыбнулся Фет,
И сладостно ловить над пылью кабинетной
Былого тайный вздох и отзвук незаметный.

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ.

Заборы, груды кирпича,
Кривые улицы, домишки
И за собором каланча
С уснувшим сторожем на вышке.

Здесь сорок лет что год один.
Не знают люди перемены,
Как рамки выцветших картин,
Смиренно кроющие стены.

А в поле, там где млеет ширь
И рожь колышется волнами,
Хранит кладбище монастырь,
Приосененный тополями.

И здесь такой же мирный сон.
Как сладко спится позабытым!
Лишь луч порой, упав на клен,
Играет зайчиком по плитам.

1905.

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Полдневный зной настал. Дорога нелегка.
Несу с усилием слабеющее тело,
Как будто голову мне давят облака,
Как будто подо мной земля отяготела.

По листьям золотым отцветшая весна
К долине сумрачной низводит путь отлогий.
Иду, и ни любовь, ни радости вина
Не озаряют дум божественной тревогой.

Любить? Но женщины ничтожны как цветы,
А наслаждение напрасной длится мукой:
В чужих об'ятиях мгновения пусты
Взлелеянные холодом и скукой.

На книги ли взгляну: как скучные пески
Пыль библиотеки, иссохшее болото,
Где мысли старые кричат, как кулики,
Но валится ружье и тяжела охота.

Перегорев душой, я время провожу
В уютной праздности; ни весел, ни печален,
В пустыне легких дней, как ветер я брожу,
Стучась под окнами чужих счастливых спален.

Мой идеал покой. О, если б я встречал
Все ночи в комнате лазоревой и мирной,
Где б вечно на столе томился и журчал
На львиных лапках самовар ампирный!

◆ ◆ ◆

Смотрю и слушаю вокруг.
Сбежал в овраг. Вздымаюсь бодро.
С березы свесился паук,
Полет стрижей пророчит ведро.

Где над провалами кусты
Взнеслись в огне зари последнем,
С лицом Весны мелькнула ты,
Зовя к вечерним синим бредням.

Орешник чертит небосвод,
Кривится в плясе недвижимом;
Сгорая, облако плывет
И тихо стынет синим дымом.

Жуков гуденье, мошек звон,
Весенних птиц ночные взмахи,
Все на меня со всех сторон.
Стою, дрожа в священном страхе.

И ты! Опять, повсюду ты!
Но явь слилась с дремотной бредней.
Лишь искривленные кусты
Чертят во мгле зигзаг последний.

1907.

◆ ◆ ◆

Не любовь ли нас с тобою
В санках уличных несла
В час, когда под синей мглою
Старая Москва спала?

Не крылатый ли возница
Гнал крылатого коня
В час, когда спала столица,
Позабыв тревогу дня?

Помню иней над бульваром,
В небе звездные рои.
Из-под черной шляпы жаром
Губы веяли твои.

У часовни, подле кружки,
Слабый огонек мигнул.
Занесенный снегом Пушкин
Нам задумчиво кивнул.

На углу у переулка
Опустелый ждал под'езд.
Пронеслись трамваи гулко.
Были нежны взоры звезд.

Под веселый свист метели
Месяц серебрил Москву.
Это было в самом деле.
Это было наяву.

1911.

МОРЮ.

Безмолвны, ширятся и настигают волны.
Хоть чайки жалобно предчувствуют грозу,
Но волны все струят, задумчивости полны,
Меж изумрудами лазурь и бирюзу.

Даль серомглистая туманным дышит паром.
И волнам смены нет, и дали нет конца.
О море вещее! Твоим стихийным чарам
Не воскресить живого мертвеца!

Впервые твой простор открылся жадным взглядам.
Когда предвестьем дня, торжественно-счастлив,
К поющим, пляшущим, ликующим Наядам
Пурпурного огня бежал живой разлив.

Заря! Но взвыла темь и помертвели воды.
Валы в кипящей мгле разверзли черный склеп.
И пусть в грядущих днях сиянием свободы
Вновь озарилась даль, я сердцем глух и слеп.

Ты в смене волн и дней, как я, безвластно море,
Уж в далях дышащих темнеет твой чертог,
И скоро грозный бог в грохочущем просторе,
Нахмурясь затрубит в тяжелый рог.

1910.

И. А. БУНИН.

В АЛЬПАХ.

На высоте, на снеговой вершине,
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни. Быть может и доныне
Снега хранят мой одинокий след.

На высоте, где небеса так сини,
Где радостно сияет зимний свет,
Глядело только солнце, как стилет
Чертил мой стих на изумрудной льдине.

И весело мне думать, что поэт
Меня поймет. Пусть никогда в долине
Его толпы не радует привет!

На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в вечерний час сонет
Лишь для того, кто на вершине.

1901.

РОДИНА.

Под небом мертвенно-свинцовым
Угрюмо меркнет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.

Один туман молочно-синий,
Как чья-то кроткая печаль,
Над этой снежною пустыней
Смягчает сумрачную даль.

1896.

В ФЕВРАЛЕ.

А. М. Жемчужникову.

Свежеют с каждым днем и молодеют сосны,
Чернеет лес, синеет мягко даль,—
Сдается, наконец, сырым ветрам февраль,
И потемнел в лощинах снег наносный.

На гумнах и в саду по-зимнему покой
Царит в затишье дедовских строений,
Но что-то тянет в зал, холодный и пустой,
Где пахнет сыростью весенней.

Сквозь стекла потные заклеенных дверей
Гляжу я на балкон, где снег еще навален,
И голый, мокрый сад теперь мне не печален,—
На гнезда в сучьях лип опять я жду грачей.

Жду, как в тюрьме, давно желанной воли,
Туманов мартовских, чернеющих бугров,
И света, и тепла от белых облаков,
И первых жаворонков в поле!

1892.

◆ ◆ ◆

Могилы, ветряки, дороги и курганы —
Все смерклось, отошло и скрылося из глаз.
За дальней их чертой погас закат румяный,
Но точно ждет чего вечерний тихий час.

И вот идет она, Степная Ночь, с востока...
За нею синий мрак над нивами встает...
На меркнущий закат, грустна и одинока,
Она задумчиво среди хлебов идет.

И медлит на межах, и слушает молчанье...
Глядит вослед зари, где в призрачной дали
Еще мерещутся колосьев очертанья
И слабо брезжит свет над сумраком земли.

И полон взор ее, загадочно-унылый,
Великой кротости и думы вековой
О том, чтó ведают лишь темные могилы,
Степь молчаливая, да звезд узор живой.

1894.

◆ ◆ ◆

Как светла, как нарядна весна!..
Погляди мне в глаза, как бывало,
И скажи: отчего ты грустна?
Отчего ты так ласкова стала?

Но молчишь ты, слаба, как цветок...
О, молчи! Мне не надо признанья:
Я узнал эту ласку прощанья,—
Я опять одинок!

1899.

◆ ◆ ◆

Отдохни, — еще утро не скоро,
Ночь из тихих лесов не ушла.
Под навесами сонного бора —
Предрассветная теплая мгла.

Еще ранние птицы не пели;
Чуть сереют вверху небеса,
Влажно-зелены темные ели,
Пахнет летнею хвоей роса...

И пускай не светает подольше!
Этот медленный путь по лесам,
Эта ночь — не воротится больше,
Но легко пред разлукою нам...

Колокольчик в молчании бора
То замрет, то опять запоет...
Тихо ночь по долинам идет...
Отдохни, — еще утро не скоро.

1900.

◆ ◆ ◆

Нынче ночью кто-то долго пел.
Далеко скитаясь в темном поле,
Голос грустной удалью звенел,
Пел о прошлом счастье и о воле.

Я открыл окно и сел на нем.
Ты спала... Я долго слушал жадно...
С поля пахло рожью и дождем,
Ночь была душиста и прохладна.

Что́ в душе тот голос пробудил,
Я не знаю... Но душа грустила,
И тебя так нежно я любил,
Как меня когда-то ты любила.

1899.

◆ ◆ ◆

Счастлив я, когда ты голубые
Очи поднимаешь на меня:
Светят в них надежды молодые —
Небеса безоблачного дня.

Горько мне, когда ты, опуская
Темные ресницы, замолчишь:
Любишь ты, сама того не зная,
И любовь застенчиво таишь.

Но всегда, везде и неизменно
Близ тебя светла душа моя...
Милый друг! О, будь благословенна
Красота и молодость твоя!

1898.

ОДИНОЧЕСТВО.

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один — без жены...

Сегодня идут без конца
Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вослед:
„Воротись, я сроднился с тобой!"
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

ДЯДЬКА.

За окнами — снега, степная гладь и ширь,
На переплетах рам — следы ночной пурги...
Как тих и скучен дом! Как с'ежился снегирь.
От стужи за окном. — Но вот слуга. Шаги.

По комнатам идет седой костлявый дед,
Несет вечерний чай: „Опять глядишь в углы?
Небось, все писем ждешь, депеш да эстафет?
Не жди. Ей не до нас. Теперь в Москве — балы"

Смутясь, глядит барчук на строгие очки,
На седину бровей, на розовую плешь...
— Да нет, старик, я так... Сыграем в дурачки,
Пораньше ляжем спать... Каких уж там депеш!

ДВОРЕЦКИЙ.

Ночник горит в холодном и угрюмом
Огромном зале скупо и темно.
Дом окружен зловещим гулом, шумом
Столетних лип, стучащихся в окно.

Дождь льет всю ночь. То чудится, что кто-то
К крыльцу под'ехал... То издалека
Несется крик... А тут еще забота:
Течет сквозь крышу, каплет с потолка.

Опять вставай, опять возись с тазами!
И все при этом скудном ночнике
С опухшими и сонными глазами,
В подштаниках и ветхом сюртучке!

ДАЧА.

Открыты окна. В белой мастерской
Следы от'езда: сор, клочки конверта.
В углу стоит прямой скелет мольберта,
Из окон тянет свежестью морской.

Дни все светлей, все тише, золотистей —
И ни полям, ни морю нет конца.
С корявой, старой груши у крыльца
Спадают розовые листья.

ОТТЕПЕЛЬ.

Еще и холоден и сыр
Февральский воздух, но над садом
Уж смотрит небо ясным взглядом,
И молодеет божий мир.

Прозрачно-бледный, как весной,
Слезится снег недавней стужи,
А с неба на кусты и лужи
Ложится отблеск голубой.

Не налюбуюсь, как сквозят
Деревья в лоне небосклона,
И сладко слушать у балкона,
Как снегири в кустах звенят.

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что́ в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.

Она повсюду разлита,—
В лазури неба, в птичьем пеньи,
В снегах и вешнем дуновеньи,—
Она везде, где красота.

И, упиваясь красотой,
Лишь в ней дыша полней и шире,
Я знаю, — все живое в мире
Живет в одной любви со мной.

1901.

БЕЗ МЕНЯ.

Настанет день — исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно,
И море ровной синевой
Манить в простор пустынный свой.

СКВОЗЬ ВЕТВИ.

Осень листья темной краской метит:
Не уйти им от своей судьбы!
Но светло и нежно небо светит
Сквозь нагие черные дубы,

Что-то неземное обещает,
К тишине уводит от забот —
И опять, опять душа прощает
Промелькнувший, обманувший год!

ПЕСНЯ.

Я—простая девка на баштане,
Он — рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.

Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худа.
Утопает белый парус в море —
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь — с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

ПОЛЮС.

Свой дикий чум среди снегов и льда
Воздвигла Смерть. Над чумом — ночь полгода.
И бледная Полярная звезда
Горит недвижно в бездне небосвода.

Вглядись в гигантский призрак. Это Смерть.
Она сидит близ чума, устремила
Незрячий взор в полуночную твердь —
И навсегда звезда над ней застыла.

ДОМА.

Ночь тепла, светла и золотиста,
Месяц встал и замер над гумном,
Все уснуло. Темен тихий флигель.
Степь и небо видны за окном.

За окном по лопухам чернеет
Тень от крыши; дальше, на кусты
И на жнивье, лунный свет ложится,
Как льняные белые холсты.

Далеко на севере Капелла
Блещет семицветным огоньком,
И оттуда, с поля, тянет ровным,
Ласковым полуночным теплом.

Сладко этой лаской упиваться,
Сладок отдых ночью... Ночь светла,
Все вокруг как прежде: хутор, поле...
Все как было. Только жизнь прошла.

НА ДАЧЕ.

Луна еще прозрачна и бледна.
Но розовеет пепел небосклона —
И золотится берег. Уж видна
Тень от узорной туйи у балкона.

Пойдем к обрывам. Млеющей волной
Вода переливается. И вскоре
Из края в край под золотой луной
Затеплится и засияет море.

Ночь будет ясная, веселая. Вдали,
На рейде — две турецких бригантины
Вот поднимают парус. Вот зажгли
Сигналы — изумруды и рубины.

Но ветра нет. И будут до зари
Они дремать и медленно качаться,
И будут в лунном свете фонари
Глазами утомленными казаться.

В ПОРТУ.

Огромный, красный, старый пароход
У мола стал, вернувшись из Сидмея.
Белеет мол, и, радостно синея,
Безоблачный сияет небосвод.

В тиши, в тепле, на солнце, в изумрудной
Морской воде, склонясь на левый борт,
Гигант уснул. И спит пахучий порт,
Спят грузчики. Белеет мол безлюдный.

В воде прозрачной виден узкий киль,
Весь в ракушках. Их слой зелено-ржавый
Нарос давно... у Суматры, у Явы,
В Великом океане... в зной и штиль.

Мальчишка-негр в турецкой грязной феске
Висит в бадье, по борту, красит бак —
И от воды на свежий красный лак
Зеркальные восходят арабески.

И лак блестит под черною рукой,
Слепит глаза... И мальчик - обезьяна
Сквозь сон поет... Простой напев Судана
Звучит в тиши всем чуждою тоской.

НА ВИНОГРАДНИКЕ.

На винограднике нельзя дышать. Лоза
Пожухла, сморщилась. Лучистый отблеск моря
И белизна шоссе слепят огнем глаза,
А дача на холме, на голом косогоре.

Скрываюсь в дом. О, рай! Прохладно и темно,
Все ставни заперты... Но нет, и здесь не скрыться:
Прямой горячий луч блестит сквозь щель в окне—
И понемногу тьма редеет, золотится.

Еще мгновение — и приглядишься к ней,
И будешь чувствовать, что за стеною — море,
Что за стеной — шоссе, что нет нигде теней,
Что вся земля горит в сияющем просторе!

РОЗЫ ШИРАЗА.

Пой, соловей! Они томятся:
В шатрах узорчатых мимоз,
На их ресницах серебрятся
Алмазы томных крупных слез.

Сад в эту ночь — как сад Ирема.
И сладострастна, и бледна,
Как в шахнизир, тайник гарема,
В узор ветвей глядит луна.

Белеет мел стены неясно,
Но там, где свет, его атлас
Горит так зелено и страстно,
Как изумруд змеиных глаз.

Пой, соловей! Томят желанья.
Цветы молчат—нет слов у них:
Их сладкий зов — благоуханья,
Алмазы слез — покорность их.

СТАМБУЛ.

Облезлые худые кобели
С печальными, молящими глазами —
Потомки тех, что́ из степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Был победитель славен и богат
И затопил он шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьград,
И предался, как сытый лев, покою.

Но дни летят, летят быстрее птиц!
И вот уже в Скутари на погосте
Чернеет лес, и тысячи гробниц
Белеют в кипарисах, точно кости.

И прах веков упал на прах святынь,
На славный город, ныне полудикий,
И вой собак звучит тоской пустынь
Под византийской ветхой базиликой;

И пуст Сераль, и смолк его фонтан,
И высохли столетние деревья...
Стамбул, Стамбул! Последний мертвый стан
Последнего великого кочевья!

КАРАВАН.

Звон за оградой, нежный, полусонный,
Звон бубенцов подобен роднику:
Течет, течет... Листва и цвет лимонный,
Чуть золотясь, склонились к гамаку.

Давно затих базар неугомонный.
Луна сквозь сад сияет по песку. .
Они идут под лепет однотонный.
Вожак прилег на жесткую луку.

Вот потянуло ветром — и свежее
Вздохнула ночь... Как сладко спать в седле,
Прильнув лицом к верблюжьей теплой шее!

Луна зашла. Поет петух в Рамлэ.
И млечной синью горы Иудеи
Свой зыбкий кряж означили во мгле.

В СКУТАРИ.

Шипит и не встает верблюд,
Ревут, урчат бока скотины.
— Ударь ногой. Уже поют
В рассвете алом муэззины.

Стамбул жемчужно - сер вдали,
От дыма сизо на Босфоре,
В дыму выходят корабли
В седое Мраморное море.

Дым смешан с холодом воды,
Он пахнет медом и ванилью,
И вами, белые сады,
И кизяком, и росной пылью.

Выносит красный самовар
Грек из кофейни под каштаном,
Баранов гонят на базар,
Проснулись нищие за ханом...

Пора итти, глядеть весь день
На зной и блеск, и все к востоку,
Где только птиц косая тень
Бежит по выжженному дроку.

Август 1912.

ПОМПЕЯ.

Помпея! Сколько раз я проходил
По этим переулкам! — Но Помпея
В апрельский день скучней пустых могил,
Мертвей и чище нового музея.

Я ль виноват, что все перезабыл:
И где кто жил, и где какая фея
В нагих стенах, без крыши, без стропил,
Шла в хоровод, прозрачной тканью вея!

Я помню только грубые следы,
Протертые колесами в воротах,
Туман долин, Везувий и сады.

Была весна. Как мед в незримых сотах,
Я в сердце жадно, радостно копил
Избыток сил — и только жизнь любил.

КОНЬ СВЯТОГОРА.

В чистом поле, у камня Ала́тыря,
Будит конь Святогора-бога́тыря:
Грудью пал на колчан Святогор.
Ворон по полю плавает, каркая.
Свет-заря помутнилася жаркая.
Месяц встал на полночный дозор.

Ой, не спит Святогор, — притворяется!
Конь легонько копытом касается
До плеча в золоченой резьбе:
„Я ль не сытый пшеницею яровой?
Я ль не крытый попоною жаровой?
Мне ль Ивана носить на себе?"

В чистом поле, у камня Алàтыря,
Светит месяц по шлему богàтыря:
Принял божию смерть Святогор.
Конь вздыхает, ревет по-звериному:
Он служил господину единому!
А Иван распахнул бел-шатер:

Он ползет по росе, подкрадается,
Он татарином диким гоняется,
Он за гриву хватает коня.
Ночь за ночью идет, ворон каркает,
Ветром конь вкруг Алатыря шаркает,
Стременами пустыми звеня.

Анакапри. 8 марта 1913.

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ.

Едет стрелок в зеленые луга,
В тех ли лугах осока да куга,
В тех ли лугах все чемёр да цветы,
Вешней водою низы налиты.
Белый Олень, Золотые Рога!
Ты не топчи заливные луга.

Прянул Олень, увидавши стрелка,
Конь богатырский шатнулся слегка.
Плеткой стрелок по Оленю стебнул,
Крепкой рукой самострел натянул.
Да опустилась на гриву рука:
Белый Олень; погубил ты стрелка!

— Ты не стебай, не стреляй, молодец,
Примешь ты скоро заветный венец.
В некое время сгожусь я тебе,
С луга к веселой приду я избе:
Тут и забавам стрелецким конец —
Будешь ты дома сидеть, молодец.

Стану, Олень, на дворе я с утра,
Златом рогов освечу поддвора,
Сладким вином поезжан напою,
Всех особливей невесту твою:
Чтоб не мочила слезами лица,
Чтоб не боялась кольца и венца.

1 августа 1912.

КАИН.

Баальбек воздвиг в безумии Каин.
Сирийск. предания.

Род приходит, уходит,
А земля пребывает вовек...
Нет, он строит, возводит
Храм бессмертных племен — Баальбек.

Он — убийца, проклятый,
Но из Рая он дерзко шагнул.
Страхом Смерти об'ятый,
Все же первый в лицо ей взглянул.

Жадно ищущий бога,
Первый бросил проклятье ему.
И достигнув порога,
Пал, сраженный, увидевши — тьму.

Но и в тьме он восславит
Только Знание, Разум и Свет —
Башню Солнца поставит,
Вдавит в землю незыблемый след.

И глаза великана
Красной кровью свирепо горят,
И долины Ливана
Под великою ношей гудят.

Синекудрый, весь бурый,
Из пустыни и зноя литой,
Опоясан он шкурой,
Шкурой льва золотой и густой.

Он спешит, он швыряет,
Он скалу на скалу громоздит,
Он дрожит, умирает...
Но творцу отомстит, отомстит!

ВАСИЛИЙ КОМАРОВСКИЙ.

◆ ◆ ◆

Тишиною, умершей зарею,
Еще полн успокоенный дом.
И серебряно-светлой порою
Ночь приходит и меркнет кругом.

Выхожу и стою у порога.
Мне дышать холодно и легко.
Снег синеет. Темнеет дорога.
И деревья молчат глубоко.

Вижу — тают последние тени
У сиренево-сизых берез.
Дар ненужный — смотрю — на ступени
Ветер черные сучья принес.

И над садом я вижу небрежно,
Поднялась и стоит, как тогда,
И глядит, одиноко и нежно,
Голубая, живая звезда.

1905.

◆ ◆ ◆

В. М. Дешевову.

Со всех сторон, морозный, и зыбучий,
Ночной простор со всех сторон хрустит.
И в пыль снегов мешая дым колючий
Широкие напевы шелестит.

И по стезям извилистого следа,
Впрягая пса в узорчатый ремень,
Пустынен бег кочевий самоеда,
Голодных стад безрадостная тень.

И к берегам лиловым океана,
Где черных волн блуждающий пустырь,
Молвою вод, пургою урагана,
Несет свой вздох угрюмая Сибирь.

И холодней незыблемого снега,
Синее льда, и Лены холодней,
Полярных стран скучающая нега,
Сверкает ночь блистанием кремней.

1910.

СЕНТЯБРЬ.

Внезапной бурею растрепана рябина
И шорохом аллей,
Вчерашнего дождя осыпались рубины
На изморозь полей.

И снова солнечный, холодный, и приятный,
И день, и блеск садов.
И легкой зелени серебряные пятна
В прозрачности прудов.

Морского воздуха далекое дыханье
Как ранняя весна.
Глав позолоченных веселое сверканье.
Безлюдье. Тишина.

Пусть это только день, и час, или мгновенье,
Пусть это день один,
И в тонком воздухе я чую дуновенье,
И холод первых льдин.

Но солнце катится, и сердце благодарно,
В короткие часы,
За желтый мед листвы, и полдень светозарный,
И ясный звон косы.

Церера светлая сегодня отдала мне
И запахи смолы,
Все эти серые и розовые камни,
И мокрые стволы.

Царское Село. 1912.

В НЕМЕЦКИХ ГОРАХ.

I.

О страннике, одетом в плащ зеленый,
Расплакалась апрельская тоска.
Грустят снега. И сыростью влюбленной
В еловый лес спустились облака.

Сквозит туман. И в чермных котловинах
Стоит форель в стеклянной глубине.
И с каждым днем, все выше, гривой львиной,
Взлетает солнце в золотом огне.

Ты, Рюбецаль, над горной стороною
Раскатистым копытом простучи,
И, промелькнувши челкой вороною,
Шальной поток внезапно протопчи!

1910.

II.

ПЕСНЬ СЛУЖАНКИ.

Пускай почтарь трубит с высоких козел,
Летит письмо в открытое окно,
Но Фихте Вам всю душу заморозил
И Вам весна и осень — все равно?

Звучат ручьи — бессонны, неустанны,
Зеленым светом тлеют светляки.
Взойдет луна. Кругом цветут каштаны
И девушки — мы собрались в кружки.

Всем христианам новое стремленье
От глубины души дает весна.
В такие дни Ваш холод — преступленье...
Но господин барон, как сатана?

1911.

РЫНОК.

Д. Н. Кардовскому,
на заданную им тему.

Здесь груды валенок и кипы кошельков,
И золото зеленое копчушек.
Грибы сушеные, соленье, связки сушек,
И постный запах теплых пирожков.

Я утром солнечным выслушивать готов
Торговый разговор внимательных старушек:
В расчеты тонкие копеек и осьмушек
Так много хитрости затрачено — и слов.

Случайно вызванный на странный поединок,
Я рифму праздную на царскосельский рынок,
Проказницу, недаром приволок.

Тут гомон целый день стоит, широк и гулок.
В однообразии тупом моих прогулок,
В пустынном городе — веселый уголок.

1911.

◆ ◆ ◆

„В стране, где гиппогриф веселый льва
Крылатого зовет играть в лазури..."
Н. Гумилев.

Гляжу в окно вагона-ресторана:
Сквозь перья шляп и золото погон
Горит закат. Спускается фургон,
Классической толпой бегут бараны.

По виноградникам летит вагон,
Вокруг кудрявая цветет Тоскана,
Но кофеем плеснуло из стакана,
С окурками смешался эстрагон...

Доносятся слова: Барджелло, Джотто,
Названья улиц, книжные остроты.
О форуме беседует педант.

Вот Фьезоле. Cuique — свой талант:
И я уже заметил профиль тонкий
Цветочки предлагающей девченки.

1913.

◆ ◆ ◆

И ты предстала мне, Флоренция,
Как многогрешная вдова,
Сжимающая индульгенцию,
Закутанная в кружева.

Его костер как будто курится!
Как будто серая зола
Все эти своды, эти улицы,
Все эти камни обмела.

Звеня узорными уздечками
По ним спускался и сверкал,
Дразня бесстыдными словечками,
Неугомонный карнавал.

И будто здесь Саванаролою
Навеки радость проклята...
Над мертвою Прокридой голою
Дрожат молитвенно уста!

1913.

◆ ◆ ◆

Как Цезарь жителям Алезии
К полям все доступы закрыл,
Так дух забот от стран поэзии
Всех, в век железный, отградил.
Валерий Брюсов.

Как древле — к селам Анатолии
Слетались предки — казаки,
Так и теперь — на Капитолии
Шаги кощунственно-тяжки.

Там, где итти ногами босыми,
Благословляя час и день,
Затягиваюсь папиросою
И всюду выбираю тень.

Бреду ленивою походкою
И камешек кладу в карман.
Где над редчайшею находкою
Счастливый плакал Винкельман!

Ногами мучаясь натертыми,
Накидки подстилая край,
Сажусь — а здесь прошел с когортами
Сенат перехитривший Кай...

Минуя серые пакгаузы
Вздохну всей полнотою фибр.
И с мутною водою Яузы
Сравню миродержавный Тибр!

1913.

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.

Я начал, как и все — и с юношеским жаром
Любил и буйствовал. Любовь прошла пожаром,
Дом на пѐске стоял — и он не уцелел.
Тогда, мечте своей поставивши предел,
Я Питер променял, туманный и угарный,
На ежедневную прогулку по Бульварной.
Здесь в дачах каменных—гостеприимный кров
За революцию оснротевших вдов.
В беседе дружеской проходит вечер каждый.
Свободой насладись—ее не будет дважды!
Покоем лечится примерный царскосел,
Гуляет медленно, избавленный от зол,
В аллеях липовых скептической Минервы.
Здесь пристань белая, где Александр Первый,
Мечтая странником исчезнуть от людей,
Перчатки надевал и кликал лебедей,
Им хлеба белого разбрасывая крошки.
Иллюмнинация не зажигает плошки,
И в бронзе иеказист великий лицеист.
Но здесь над Тютчевым кружился „ржавый“ лист,
И, может, Лермонтов скакал по той аллее?
Зачем же, как и встарь, а может быть и злее,
Тебя и здесь гнетет какой-то тайный зуд? —
Минуты, и часы, и месяцы—ползут.
Я знаю: утомясь опять гнездом безбурным,
Скучая до́сугом своим литературным,
Со страстью жадною я душу всю отдам
И новым странностям, и новым городам.
И в пестрой суете, раскаяньем томимый,
Ведь будет жаль годов, когда я, нелюдимый,
Упорного труда постигнув благодать,
Записывал стихи в забытую тетрадь...

1912.

◆ ◆ ◆

Шумящие и ветреные дни!
Как этот воздух пахнет медом!
Насыщенное теплым медом,
О, лето позднее и ветреные дни!

В недоуменьи первых встреч
Какая нежная суровость...
Жечь эту мудрую суровость
В перегорании преображенных встреч?

Среди прохладно-синих трав
Восторг и грустные улыбки!
Восторг и белые улыбки
В прикосновении прохладных, синих трав?

Хочу над бледным этим лбом
Волос таинственную пышность,
Твою таинственную пышность
Хочу поцеловать над бледным этим лбом!

1913.

ЮРИЙ СИДОРОВ.

◆ ◆ ◆

Опять, опять огонь повсюду.
Огонь палящий и немой...
Я долго поклонялся чуду,
Но чистота — удел не мой.

И снова в безднах сладострастья
Я вижу быстрый лет теней —
И рад без сил навек упасть я
В пучину дьявольских огней.

Лазурь зажглася перед взором,
Ее затмил мой гордый смех,
Я упиваюсь вновь позором
Порочных и больных утех.

Опять тлетворный дым курений
Тяжелым ветром нанесло,
И вечных мук и наслаждений
Ждет бесконечное число.

Раскинув голые колена
На темный бархат алтаря,
Меня зовет моя Елена.
Пылай, зловещая заря!

Я гибну — гибну, так хотел я.
Нет, так позволила она,
На алтаре двух сжатых тел я
Молюсь тебе, брат, Сатана.

И ты не знал, был сотворенным,
И ты погиб, как гибну я.
Своим паденьем упоенный,
Я знаю, ты позвал меня.

К САМОМУ СЕБЕ.

Мне вновь молчать велело время наше,
И снова роком старым суждено
Восторга и любви священное вино
Хранить в душе, как в драгоценной чаше.

В недвижном я и мертвенном покое,
Безмолвно жду, пока минует час,
И гасит блеск полузакрытых глаз
Презрение холодное и злое.

ЭЛЕГИЯ.

Когда меня молитвы дивным светом
Жизнь озарит, я все молюсь тогда,
Зачем господь создал меня поэтом
И не дал мне посильного труда.
Всю скорбь судьбы и мертвенную скуку,
И боль страстей, отраву тайных слез,
И вечную грядущую разлуку
Как я легко, как вольно перенес.
Лишь быть, как все. Не ведаю: настанет
Иль нет, обманет злобно вновь
Тот миг, когда уже до смерти ранит
В последний раз последняя любовь?..

ОЛЕОГРАФИЯ.

Верхом вдоль мельничной плотины,
Спустив поводья, едет лорд:
Фрак красный, белые лосины
И краги черные ботфорт.

А рядом в синей амазонке
Миледи следует, склонив
Свой стан затянутый и тонкий,
Кругом ряды зеленых ив.

Там вдалеке за темным парком
Сверкает замок белизной,
И в блеске пурпурном и ярком
Уходит солнце на покой.

Все светом розовым залито;
Безмолвно погасает день,
И звякнет лишь порой копыто
О подвернувшийся кремень.

КАРУСЕЛЬ.

Весь в бисере и арабесках
Шатер твой черный, карусель.
Горит и вьется на подвесках
Златою нитью канитель.

Сигнал — и вот волной певучей
Ударил яростный орган,
Повсюду звон, огонь летучий
И засверкавший ураган.

Летит она, как вихрь блестящий,
Музыкой легкою звеня,
В искристый круг свой, уносящий
Пыль позументного огня.

В восторге детском и невинном
Кружусь, и мнится мне, для всех
Слилися в торжестве едином
Теперь веселье, жизнь и смех.

МИНУТА.

Какая странная отрада
В исходе лета, ясным днем
Среди зеленых кленов сада
Сидеть с Алиною вдвоем.

Откинувши рукав кисейный,
Как ей досадно поправлять
Рукою тонкой и лилейной
Волос отбившуюся прядь.

Кругом покой, рой мушек вьется,
А голубая твердь чиста,
Рисуясь в ней, не шелохнется
Зигзаг кленового листа.

Приносится зефирным током
Благоуханье поздних роз.
Там, в водоеме неглубоком,
Чуть слышен стук хрустальных слез.

Горит огнем лазурным урна,
Вся синих васильков полна,
И бьет минута, пусть одна,—
Не веришь больше в мощь Сатурна.

ЛОЖЕ.

Гляжу, любимая, с тоскою безнадежной,
С больной тоской гляжу я на постель твою
Под нежной кисеей, сквозной и белоснежной,
И горе старое лелею и таю.

Не я, другой взойдет к тебе на это ложе,
Другого обожжет девичья нагота,
Огнем, святым огнем, к благоуханной коже
Другой прижмет свои иссохшие уста.

Когда ликующий, невыносимый трепет,
Как легкий вихрь, взовьет, взовьет обоих вас,
Угадываю я его виновный лепет
И томный блеск твоих полузакрытых глаз.

Кровь оросит потом одежд измятых ткани,
И он внезапно, вдруг и странно замолчит,
И музыка твоих подавленных рыданий
Псалмом молитвенным над ложем прозвучит.

Невеста и жена... С последнею любовью
С невыразимой безнадежною тоской
Перекрестил постель, склонился к изголовью.
Покров владычицы да будет над тобой!

ВСТРЕЧА.

Бродя по городской пустыне,
Зачем теперь я, разлюбя,
В фотографической витрине
Случайно увидал тебя?

Прижат сверкающею кнопкой,
В картоне сереньком портрет
Зачем мне шлет улыбкой робкой
Свой упрекающий привет?

И ты ничуть не изменилась,
Все так же тонки кисти рук,
И в кружева все та ж вцепилась
Брошь — бриллиантовый паук.

Но мягкий блеск печали тайной
В твоих глазах — он разве был?
Там шум толпы и гул трамвайный,
А я перед стеклом застыл.

Стою, пройдет, толкнет прохожий,
Стою, не в силах отойти.
Слепой ли рок, иль промысл божий
С тобою свел? Шепчу: прости!

РАДУГА.

Горит сверкающее знамя,
Моей души последний стяг,
Благоухающее пламя,
Обетованье вечных благ.

И ветер острым, нежным свистом
Трубит в хрустальные рога,
Царит, парит в эфире чистом
Твоя нетленная дуга.

Сквозной, синеющий простор
Горит стоцветными огнями.
Опять взметнула ты над нами
Свой ясный, блещущий восторг.

◆ ◆ ◆

Забылся я в радостных грезах,
Открылась весенняя сонь,
Так весело в нежных березах
Завился зеленый огонь.

Зеленый и светлый мерцает
Он ясным просветом своим,
И тихо над ним проплывает
Сверкающий, розовый дым.

Ужель это тихое пламя
И эти простые мечты—
Твое многоцветное знамя,
Твои неземные цветы?

УТРО.

Кто видел утро городское
И кто любил его, как я,
Тот знает, прячется иное
За пестрой ширмой бытия.

Вот зацветает нежной сказкой
На небе бледная заря,
И голубой, печальной краской
Рожок мерцает фонаря.

И, отражаясь на заборах,
Вдруг загорелся алый блеск.
Трамваев первых острый шорох,
Растущий гул, начальный плеск.

И каждый путник верит чуду,
Забыв глухой, ночной обман,
А в улицах стоит повсюду
Прозрачный, розовый туман.

ОЛЬГЕ.

Развешаны по тонкоствольной роще
Сквозные, золотые кружева,
И кажется красивее и проще,
Как шелк, как темно-серый шелк, трава.

И нити серебристой паутины
Горят и гаснут — и опять горят:
Прилепятся на миг к стволу осины
И, оторвавшись, вновь, блестя, летят.

Сверкает нежно лезвием сапфирным
В зеленом небе тонкий серп луны...
О, сердце, успокоенным и мирным
Пребудь среди осенней тишины!

СТАНСЫ.

О, детство, — золотая погремушка!
Ребенок прозвенит, смеется и счастлив,
И чуткие два розовые ушка
Внимают сей веселый перелив.

А юность с арфой многострунной сходна,
Так звучен и красив ее напев,
В нем отразились полно и свободно
Лобзания и пени нежных дев.

Но вот когда утихнет чувства ярость,
Как вечный спор в душе добра и зла, —
Над человеком загудят, о, старость,
Твои тяжелые колокола.

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ.

К МУЗЕ.

Я вновь перечитал забытые листы,
Я воскресил угасшее волненье,
И предо мной опять предстала ты,
Младенчества прекрасное виденье.
В былые дни, как нежная подруга,
Являлась ты под кров счастливый мой
Делить часы священного досуга.
В атласных туфельках, с девической косой,
С улыбкой розовой, и легкой, и невинной,
Ты мне казалась близкой и родной,
И я шутя назвал тебя кузиной.
О муза, милая! Припомни тихий сад,
Тумана сизого вечерние куренья,
И тополей прохладный аромат,
И первые уроки вдохновенья!
Припомни всё: жасминные кусты,
Вечерние мечтательные тени,
И лунный серп, и белые цветы
Над озером склонявшейся сирени...
Увы, дитя! Я жаждал наслаждений,
Я предал всё: на шумный круг друзей
Я променял священный шум дубравы,
Венок твой лавровый, залог любви и славы,
Я, безрассудный, снял с главы своей —
И вот стою один среди теней,
Разуверение — советчик мой лукавый,
И вечность — как кинжал над совестью моей!

1910.

В МОЕЙ СТРАНЕ.

Посв. Муни.

Мои поля сыпучий пепел кроет.
В моей стране печален страдный день.
Сухую пыль соха со скрипом роет,
И ноги жжет затянутый ремень.

В моей стране — ни зим, ни лет, ни весен
Ни дней, ни зорь, ни голубых ночей.
Там круглый год владычествует осень,
Там — серый свет бессолнечных лучей.

Там сеятель бессмысленно, упорно,
Скуля, как пес, влачась, как вьючный скот,
В родную землю втаптывает зерна —
Отцовских нив безжизненный приплод.

А в шалаше — что делать? Выть да охать,
Точить клинок нехитрого ножа,
Да тешить женщин яростную похоть,
Царапаясь, кусаясь и визжа.

А женщины, в игре постыдно блудной,
Открытой всем, все силы истощив,
Беременеют тягостно и нудно
И каждый год родят, не доносив.

В моей стране уродливые дети
Рождаются, на смерть обречены.
От их отцов несу вам песни эти, —
Я к вам пришел из мертвенной страны.

◆ ◆ ◆

Один, среди речных излучин,
При кликах поздних журавлей,
Сегодня снова я научен
Безмолвной мудрости полей.

И стали мысли тайней, строже,
И робче шелест тростника.
Опавший лист в песчаном ложе
Хоронит хмурая река.

КОЛЬЦА.

1.

Я тебя провожаю с поклоном,
Возвращаю в молчаньи кольцо.
Только ветер настойчивым стоном
Вызывает тебя на крыльцо.

Ты уходишь в ночную дорогу,
Не боясь, не дрожа, не смотря.
Ты доверилась темному богу?
Не возьмешь моего фонаря?

Провожу тебя только поклоном.
Ожесточено сердце твое!.
Ах, в часовне предутренним звоном
Отмечается горе мое.

2.

Велишь — молчу. Глухие дни настали!
В последний раз ко мне приходишь ты.
Но различу за складками вуали
Без милой маски милые черты.

Иди, пляши в бесстыдствах карнавала, —
Твоя рука без прежнего кольца,
И Смерть вольна раскинуть покрывало
Над ужасом померкшего лица.

ДОЖДЬ.

Я рад всему: что город вымок,
Что крыши, пыльные вчера,
Сегодня, ясным шелком лоснясь,
Свергают струи серебра.

Я рад, что страсть моя иссякла.
Смотрю с улыбкой из окна;
Как быстро ты проходишь мимо
По скользкой улице, одна.

Я рад, что дождь пошел сильнее,
И что в чужой под'езд зайдя,
Ты опрокинешь зонтик мокрый
И отряхнешься от дождя.

Я рад, что ты меня забыла,
Что выйдя из того крыльца,
Ты на окно мое не взглянешь,
Не вскинешь на меня лица.

Я рад, что ты проходишь мимо,
Что ты мне все-таки видна,
Что так прекрасно и невинно
Проходит страстная весна.

1908.

ДОСАДА.

Что сердце? Лань. А ты стрелок, царевна.
Но мне не пасть от полудетских рук,
И промахнувшись, горестно и гневно
Ты опускаешь неискусный лук.

И целый день обиженная бродишь
Над озером, где ветер и камыш,
И резвых игр, как прежде, не заводишь,
И песнями подруг не веселишь.

А день бежит, и доцветают розы
В вечерний, лунный, в безысходный час, —
И, может быть, рассерженные слезы
Готовы хлынуть из огромных глаз.

1911.

СТАРИННЫЕ ДРУЗЬЯ.

... Заветный храм витий.
Валерий Брюсов.

О, милые! Пурпурный мотылек
Над чашечкой невинной повилики,
Лилейный стан и звонкий ручеек, —
Как ласковы, как тонки ваши лики!

В весенний день — кукушки дальней клики,
Потом — луной овеянный восток,
Цвет яблони и аромат клубники! —
Ваш мудрый мир как нежен и глубок!

Благословен ты, рокот соловьиный!
Как хорошо опять, еще, еще
Внимать тебе с таинственной кузиной,

Шептать стихи, волнуясь, горячо,
И в темноте, над дремлющей куртиной,
Чуть различать склоненное плечо!

◆ ◆ ◆

Жеманницы былых годов,
Читательницы Ричардсона!
Я посетил ваш ветхий кров,
Взглянул с высокого балкона

На дальние луга, на лес,
И сладко было мне сознанье,
Что мир ваш навсегда исчез,
И с ним его очарованье.

Что больше нет в саду цветов,
В гостиной — нот на клавесине,
И вечных вздохов стариков
О матушке-Екатерине.

Рукой не прикоснулся я
К томам библиотеки пыльной,
Но радостен был для меня
Их запах, затхлый и могильный.

Я думал: в грустном сем краю
Уже полвека все пустует.
О, пусть отныне жизнь мою
Одно грядущее волнует!

Блажен, кто средь разбитых урн,
На невозделанной куртине,
Прославит твой полет, Сатурн,
Сквозь многозвездные пустыни!

1912.

ЭЛЕГИЯ.

Взгляни, как наша ночь пуста и молчалива:
Осенних звезд задумчивая сеть
Зовет спокойно жить и мудро умереть, —
Легко сойти с последнего обрыва
В долину кроткую.
Быть может, там ручей,
Еще кипя, бежит от водопада,
Поет свирель, вдали пестреет стадо,
И внятно щелканье пастушеских бичей.
Иль, может быть, на берегу пустынном
Задумчивый и ветхий рыболов,
Едва оборотясь на звук моих шагов,
Движением внимательным и чинным
Забросит вновь прилежную уду...
Страна безмолвия! Безмолвно отойду
Туда, откуда дождь, прохладный и привольный,
Бежит, шумя, к долине безглагольной...
Но может быть — не кроткою весной,
Не мирным отдыхом, не сельской тишиной,
Но памятью мятежной и живой
Дохнет сей мир — и снова предо мной...
И снова ты! а! страшно мысли той!

Блистательная ночь пуста и молчалива.
Осенних звезд мерцающая сеть
Зовет спокойно жить и умереть.
Ты по росе ступаешь боязливо.

1908.

ЗИМА.

Как перья страуса на черном катафалке,
Колышутся фабричные дымы.
Из черных бездн, из предрассветной тьмы
В иную тьму несутся с криком галки.
Скрипит обоз, дыша морозным паром,
И с лесенкой на согнутой спине
Фонарщик, юркий бес, бежит по тротуарам...
О, скука, тощий пес, взывающий к луне!
Ты — ветер времени, свистящий в уши мне!

1913.

ДУША.

О, жизнь моя! За ночью — ночь. И ты, душа, не внемлешь миру.
Усталая! К чему влачить усталую свою порфиру?

Что жизнь? Театр, игра страстей, бряцанье шпаг на перекрестках,
Миганье ламп, игра теней, игра огней на тусклых блестках.

К чему рукоплескать шутам? Живи на берегу угрюмом.
Там, раковины приложив к ушам, внемли плененным шумам, —

Проникни в отдаленный мир: глухой старик ворчит сердито,
Ладья скрипит, шуршит весло, да вопли — с берегов Коцита.

1909.

◆ ◆ ◆

За окном — ночные разговоры,
Сторожей певучие скребки.
Плотные спусти, Темира, шторы,
Прочитай мне про моря, про горы,
Про таверны, где в порыве ссоры
Нож с ножом скрещают моряки.

Пусть опять селенья жгут апахи,
Угоняя тучные стада,
Пусть блестят в стремительном размахе
Томагавки, копья и навахи —
Пусть опять прихлынут к сердцу страхи,
Как в былые, детские года!

Я устал быть нежным и счастливым!
Эти песни, ласки, розы — плен!
Ах, из роз люблю я сердцем лживым
Только ту, что жжет огнем ревнивым,
Что зубами с голубым отливом
Прикусила хитрая Кармен!

1915.

РАЙ.

Вот, открыл я магазин игрушек:
Ленты, куклы, маски, мишура...
Я заморских плюшевых зверушек
Завожу в витрине с раннего утра.

И с утра толпятся у окошка
Старички, старушки, детвора...
Весело — и грустно мне немножко:
День за днем, сегодня как вчера.

Заяц лапкой бьет по барабану,
Бойко пляшут мыши впятером.
Этот мир любить не перестану,
Хорошо мне в сумраке земном!

Хлопья снега вьются за витриной
В жгучем свете желтых фонарей...
Зимний вечер, длинный, длинный, длинный!
Милый отблеск вечиости моей!

Ночь настанет — магазин закрою,
Сосчитаю деньги (я ведь не спешу!),
И, накрыв игрушки легкой кисеею,
Все огни спокойно погашу.

Долгий день припомнив, спать улягусь мирно,
В колпаке заветном,— а в последнем сне
Сквозь узорный полог, в высоте сафирной
Ангел златокрылый пусть приснится мне.

1913.

СТАНСЫ.

Святыня меркнущего дня,
Уединенное презренье,
Ты стало посещать меня,
Как посещало вдохновенье.

Живу один, зову игрой
Слова романсов, письма, встречи,
Но горько вспоминать порой
Свои лирические речи!

Но жаль невозвратимых дней,
Сожженных дерзко и упрямо, —
Душистых зерен фимиама
На пламени души моей.

О, радости любви простой,
Утехи нежных обольщений!
Вы величавей, вы священней
Величия души пустой...

И хочется упасть во прах,
И хочется молиться снова,
И новый мир создать в слезах,
Во всем — подобие былого.

1908.

◆ ◆ ◆

Со слабых век сгоняя смутный сон,
Живу весь день, тревожим и волнуем,
И каждый вечер падаю, сражен
Усталости последним поцелуем.

Но и во сне душе покоя нет:
Ей снится явь, тревожная, земная,
И собственный сквозь сон я слышу бред,
Дневную жизнь с трудом припоминая.

1914.

ПУТЕМ ЗЕРНА.

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему итти путем зерна.

1917.

ШВЕЯ.

Ночью и днем надо мною упорно,
Гулко стрекочет швея на машинке.
К двери привешена в рамочке черной
Надпись короткая: „Шью по картинке .

Слушая стук над моим изголовьем,
Друг мой, как часто гадал я без цели:
Клонишь ты лик свой над трауром вдовьим,
Иль над матроской из белой фланели?

Вот, я слабею, я меркну, сгораю,
Но застучишь ты — и в то же мгновенье,
Мнится, я к милой земле приникаю,
Слушаю жизни родное биенье...

Друг неизвестный! Когда пронесутся
Мимо души все былые обиды, —
Мертвого слуха не так ли коснутся
Взмахи кадила, слова панихиды?

1917.

АНЮТЕ.

На спичечной коробке —
Смотри-ка — славный вид:
Кораблик трехмачтовый
Не двигаясь бежит.

Не разглядишь, а верно —
Команда есть на нем,
И в тесном трюме, в бочках,
Изюм, корица, ром.

И есть на нем, конечно,
Отважный капитан,
Который видел много
Непостижимых стран.

И верно — есть матросик,
Что мастер песни петь
И любит ночью звездной
На небеса глядеть...

И я, в руке господней,
Здесь, на его земле,—
Точь в точь как тот матросик
На этом корабле.

Вот и сейчас, быть может,
В каюте кормовой
В окошечко глядит он
И видит нас с тобой.

1918.

БЕЗ СЛОВ.

Ты показала мне без слов,
Как вышел хорошо и чисто
Тобою проведенный шов
По краю белого батиста.

А я подумал: жизнь моя,
Как нить, за божьими перстами
По легкой ткани бытия
Бежит такими же стежками.

То виден, то сокрыт стежок,
То в жизнь, то в смерть перебегая...
И, улыбаясь, твой платок
Перевернул я, дорогая.

1918.

◆ ◆ ◆

Когда б я долго жил на свете,
Должно быть, на исходе дней
Упали бы соблазнов сети
С несчастной совести моей.

Какая может быть досада,
И счастья разве хочешь сам,
Когда нездешняя прохлада
Уже бежит по волосам?

Глаз отдыхает, слух не слышит,
Жизнь потаенно хороша,
И небом невозбранно дышит
Почти свободная душа.

1921.

ПРОБОЧКА.

Пробочка над крепким иодом!
Как ты скоро перетлела!
Так вот и душа незримо
Жжет и раз'едает тело.

1921.

◆ ◆ ◆

Слепая сердца мудрость! Что ты значишь?
На что ты можешь дать ответ?
Сама томишься, пленница, и плачешь:
Тебе самой исхода нет.

Рожденная от опыта земного,
Бессильная пред злобой дня,
Сама себя ты уязвить готова, —
Как скорпион в кольце огня.

1921.

БУРЯ.

Буря! Ты армады гонишь
По разгневанным водам,
Тучи вьешь и мачты клонишь,
Прах под'емлешь к небесам.

Реки вспять ты обращаешь,
На скалы бросаешь понт,
У старушки вырываешь
Ветхий вывернутый зонт.

Вековые рощи косишь,
Градом бьешь посев полей, —
Только мудрым не приносишь
Ни веселий, ни скорбей.

Мудрый подойдет к окошку,
Поглядит, как бьет гроза, —
И смыкает понемножку
Пресыщенные глаза.

1921.

◆ ◆ ◆

Горит звезда, дрожит эфир,
Таится ночь в пролете арок.
Как не любить весь этот мир,
Невероятный Твой подарок?

Ты дал мне пять неверных чувств,
Ты дал мне время и пространство,
Играет в мареве искусств
Моей души непостоянство.

И я творю из ничего
Твои моря, пустыни, горы,
Всю славу солнца Твоего,
Так ослепляющего взоры.

И разрушаю вдруг шутя
Всю эту пышную нелепость,
Как рушит малое дитя
Из карт построенную крепость.

1921.

ЭЛЕГИЯ.

Деревья кронверкского сада
Под ветром буйно шелестят.
Душа взыграла. Ей не надо
Ни утешений, ни услад.

Глядит бесстрашными очами
В тысячелетия свои,
Летит широкими крылами
В огнекрылатые рои.

Там все огромно и певуче,
И арфа в каждой есть руке,
И с духом дух, как туча с тучей,
Гремят на чудном языке.

Моя изгнанница вступает
В родное, древнее жилье
И страшным братьям заявляет
Равенство гордое свое.

И навсегда уж ей не надо
Того, кто под косым дождем
В аллеях кронверкского сада
Бредет в ничтожестве своем.

И не понять мне бедным слухом,
И косным не постичь умом,
Каким она там будет духом,
В каком раю, в аду каком?

1921.

АВТОМОБИЛЬ.

Бредем в молчании суровом,
Сырая ночь, пустая мгла.
И вдруг — с каким певучим зовом
Автомобиль из-за угла!

Он черным лаком отливает,
Сияя гранями стекла,
Он в сумрак ночи простирает
Два белых ангельских крыла.

И стали здания похожи
На праздничные стены зал,
И близко возле нас прохожий
Сквозь эти крылья пробежал.

А свет мелькнул и замаячил,
Колебля дождевую пыль...
Но слушай: мне являться начал
Другой, другой автомобиль.

Он пробегает в ясном свете,
Он пробегает белым днем,
И два крыла на нем, как эти,
Но крылья черные на нем.

И все, что только попадает
Под черный сноп его лучей,
Невозвратимо исчезает
Из утлой памяти моей.

Я забываю, я теряю
Психею светлую мою,
Слепые руки простираю
И ничего не узнаю:

Здесь мир стоял, простой и целый,
Но с той поры, как ездит тот
В душе и мире есть пробелы,
Как бы от пролитых кислот.

1921.

БАЛЛАДА.

Сижу, освещаемый сверху,
Я в комнате круглой моей.
Смотрю в штукатурное небо
На солнце в шестнадцать свечей...

Кругом — освещенные тоже —
И стулья, и стол, и кровать.
Сижу и в смущеньи не знаю,
Куда бы мне руки девать.

Морозные белые пальмы
На стеклах беззвучно цветут.
Часы с металлическим шумом
В жилетном кармане идут.

О, косная, нищая скудость
Безвыходной жизни моей!
Кому мне поведать, как жалко
Себя и всех этих вещей?

И я начинаю качаться,
Колени обнявши свои,
И вдруг начинаю стихами
С собой говорить в забытьи.

Несвязные, страстные речи!
Нельзя в них понять ничего,
Но звуки правдивее смысла,
И слово сильнее всего.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается в пенье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвие.

Я сам над собой вырастаю,
Над мертвым встаю бытием:
Стопами в подземное пламя,
В текущие звезды — челом.

И вижу большими глазами, —
Глазами, быть может, змеи —
Как пению дикому внемлют
Несчастные вещи мои.

И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идет,
И кто-то тяжелую лиру
Мне в руки сквозь ветер дает.

И нет штукатурного неба
И солнца в шестнадцать свечей:
На гладкие черные скалы
Стопы опирает Орфей.

1921.

ОБЕЗЬЯНА.

Была жара. Леса горели. Нудно
Тянулось время. На соседней даче
Кричал петух. Я вышел за калитку.
Там, прислонясь к забору, на скамейке
Дремал бродячий серб, худой и черный.
Серебряный тяжелый крест висел
На груди полуголой. Капли пота
По ней катились. Рядом, на заборе,
Сидела обезьяна в красной юбке
И пыльные листы сирени
Жевала жадно. Кожаный ошейник,
Оттянутый назад тяжелой цепью,
Давил ей горло. Серб, меня заслышав,
Очнулся, вытер пот и попросил, чтоб дал я
Воды ему. Но чуть ее пригубив, —
Не холодна ли, — блюдце на скамейку
Поставил он. И тотчас обезьяна,
Макая пальцы в воду, ухватила
Обеими руками блюдце.
Она пила, на четвереньках стоя,
Локтями опираясь на скамью.
Досок почти касался подбородок,
Над теменем лысеющим спина
Высоко выгибалась. Так, должно быть,
Стоял когда-то Дарий, припадая
К дорожной луже, в день, когда бежал он
Пред мощною фалангой Александра.
Всю воду выпив, обезьяна блюдце
Долой смахнула со скамьи, привстала
И — этот миг забуду ли когда? —
Мне черную, мозолистую руку,
Еще прохладную от влаги, протянула...
Я руки жал красавицам, поэтам,
Вождям народа — ни одна рука
Такого благородства очертаний
Не заключала! Ни одна рука
Моей руки так братски не коснулась!
И видит бог, никто в мои глаза
Не заглянул так мудро и глубоко,
Воистину — до дна души моей.
Глубокой древности сладчайшие преданья
Тот нищий зверь мне в сердце оживил,
И в этот миг мне жизнь явилась полной,
И мнилось — хор светил и волн морских,
Ветров и сфер мне музыкой органной
Ворвался в уши, загремел, как прежде,
В иные, незапамятные дни.

И серб ушел, постукивая в бубен.
Присев ему на левое плечо,
Покачивалась мерно обезьяна,
Как на слоне индийский магараджа.
Огромное малиновое солнце,
Лишенное лучей,
В опаловом дыму висело. Изливался
Безгромный зной на чахлую пшеницу.

В тот день была об'явлена война.

1919.

СТАРУХА.

Запоздалая старуха,
Задыхаясь, тащит санки.
Ветер, снег.
А бывало-то! В Таганке!
Эх!
Растегаи — легче пуха,
Что ни праздник — пироги,
С рисом, с яйцами, с визигой...
Ну, тянись, плохая, двигай!
А кругом ни зги.
— Эй, сыночек, помоги!

Но спешит вперед прохожий,
Весь блестя скрипучей кожей.
И во след ему старуха
Что-то шепчет, шепчет глухо,
И слаба-то, и пьяна
Без вина.

Это вечер. Завтра глянет
Мутный день, метель устанет,
Чуть закружится снежок...
Выйдем мы,— а у ворот
Протянулась из сугроба
Пара ног.
Легкий труп, окоченелый,
Простыней покрывши белой,
В тех же саночках, без гроба,
Милицейский увезет,
Растолкав плечом народ.
Неречист и хладнокровен
Будет он,— а пару бревен,
Что везла она в свой дом,
Мы в печи своей сожжем.

1919.

ВАКХ.

Как волшебник прихожу я
Сквозь весеннюю грозу.
Благосклонно приношу я
Вам азийскую лозу.

Ветку чудную привейте,
А когда настанет срок,
В чаши чистые налейте
Мой животворящий сок.

Лейте женам, пейте сами,
Лейте девам молодым.
Сам я буду между вами
С золотым жезлом моим.

Подскажу я песни хору,
В светлом буйстве закружу,
Отуманенному взору
Дивно все преображу.

И дана вам будет сила
Знать, что скрыто от очей,
И ни старость, ни могила
Не смутят моих детей.

Ни змея вас не ужалит,
Ни печаль — покуда хмель
Всех счастливцев не повалит
На зеленую постель.

Я же — прочь, походкой резвой,
В розовеющий туман,
Сколько бы ни выпил — трезвый,
Лишь самим собою пьян.

1921.

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ.

ПУСТЫННИК.

Полуднем пламенным, средь каменных долин,
Где тонко вьется нить безводного Кедрона,
Сбивая посохом горячий щебень склона,
Он тихо шествует, безвыходно один.

Присев в пустой тени иссушенных маслин,
Томительно глядит в просторы небосклона,
И в пепел древних глаз, в бездонное их лоно
Роняет яблоки незримый райский крин.

И в глину твердую втыкая грузный посох,
Он вновь идет путем, хрустящим на откосах,
Пустыню вечную отпечатлев в глазах.

И рыжим золотом под этим бледным небом
Плывет верблюжья шерсть на согнутых плечах,
Там, где Фавор прилег окаменелым хлебом.

СПИНОЗА.

Они рассеяны. И тихий Амстердам
Доброжелательно отвел им два квартала,
И желтая вода отточного канала
В себе удвоила их небогатый храм.

Ростя презрение к неверным племенам,
И в сердце бередя невынутое жало,
Их боль извечная им руки спеленала
И быть едиными им повелела там.

А нежный их мудрец не почитает Тору,
С эпикурейцами он предается спору
И в час, когда горят светильники суббот,

Он, наклонясь к столу, шлифует чечевицы,
Иль мыслит о судьбе и далее ведет
Трактата грешного безумные страницы.

◆ ◆ ◆

Худенькие пальцы нижут бисер —
Голубой, серебряный, лимонный;
И на желтой замше возникают
Лилии, кораблик и турчанка.

Отвердел и веским стал мешочек,
Английская вдернута бичевка;
Загорелым табаком наполнить,—
И какой ласкающий подарок!

Но вручен он никому не будет:
Друга нет у старой институтки;
И в глазах, от напряженья красных,
Тихие слезинки набегают.

И кисет хоронится в шкатулку,
Где другие дремлют вышиванья,
Где отцовский орден и гравюра:
Кудри, плащ и тонкий росчерк: Байрон.

1919.

РУКОПИСИ ПУШКИНА.

Как нежны, как надрывно милы
И этот пыльный аромат,
И порыжелые чернила,
И росчерков округлый ряд.

В сияньи Крымских побережий,
В Михайловской тиши,— один,—
Размашистые эти мрежи
Сплетал мой вечный властелин.

Как выскажу? И слов мне мало:
Здесь, где моя легла слеза,
Его рука перебегала
И медлили Его глаза.

И эти влажные напевы
Неистлеваемым зерном
Вздымают золотые севы
На поле выжженном моем.

ДЕРЖАВИН.

Он очень стар. У впалого виска
Так хладно седина белеет,
И дряхлая усталая рука
Пером усталым не владеет.

Воспоминания... Но каждый час
Жизнь мечется, и шум тревожит.
Все говорит, что старый огнь погас,
Что век Екатерины прожит.

Вот и вчера. Сияют ордена,
Синеют и алеют ленты,
И в том дворце, где медлила Она
Мелькают шумные студенты.

И юноша, волнуясь и летя,
Лицом сверкая обезьяньим,
Державина, беспечно как дитя,
Обидел щедрым подаяньем.

Как грянули свободные слова
В равненьи н сцепленьи строгом
Хвалу тому, чья никла голова,
Кто перестал быть полубогом.

Как выкрикнул студенческий мундир
Над старцем, смертью оснянным,
Что в будущем вскипнт, взметнется пир,
Куда не суждено быть званным...

Бессильный бард, вернувшнйся домой,
Забыл об отдыхе, о саде,
Присел к столу н взял, было, рукой,—
Но так и не раскрыл тетради.

1918.

◆ ◆ ◆

Квадратный стол прнкрыт бумагой,
На ней — чернильное пятно.
И веет предвечерней влагой
В полуоткрытое окно.

Стакан топазового чая,
Дымок сигары золотой,
И журавлей витая стая
Над успокоенной рекой.

Бесстрастная стучит машинка,
Равняя стройные слова.
А в поле каждая былинка
Неувядаемо жива.

И вечер я приемлю в душу,
Безвыходно его люблю.
Так люб и океан — на сушу
Закинутому кораблю.

1917.

◆ ◆ ◆

Прибой на гравии прибрежном
И парус, полный ветерком,
И трубка пенковая с нежным
Благоуханным табаком.

А сзади в переулках старых
Густеют сумерки. Столы
Расставлены на тротуарах.
Вечерний чай. Цветов узлы.

Черешен сладостные груды.
Наколки кружевные дам.
И мягкнй перезвон посуды
Аккомпанирует словам.

И так доступно измененье
Девятисот на восемьсот,
Где жизнь застыла без движенья,
И время дале не идет.

И радостью волнует райской,
Что впереди — свершенья лет,
И что фонтан Бахчисарайский
Лишь будет в будущем воспет.

1917.

◆ ◆ ◆

Вон парус виден. Ветер дует с юга.
И, значит, правда: к нам плывет
Высокогрудая турецкая фелюга
И золотой тяжелый хлеб везет.

И к пристани спешим друг друга обгоняя:
Так сладко вскрыть мешок тугой,
Отборное зерно перебирая
Изголодавшейся рукой.

И опьяненные сказанья возникают
В Тавриде нищей — о стране,
Где злаки тучные блнстают,
Где гроздья рдяный сок роняют,
Где апельсины отвисают,
Где оседает золото в руне.

Придет поэт. И снова Арго старый
Звон подвига в упругий стих вольет.
И правнук наш, одеян смутной чарой,
О нашем времени томительно вздохнет.

1919.

КОНСТАНТИН ЛИПСКЕРОВ.

МУЗА.

Ты музу звездную свою
Одень в халат атласный, новый,
Пролей душистую струю
На поясок ее парчевый.

Ее чела благую гладь
Ты обведи чалмою белой
И научи ее плясать
Ты на цыновке пропотелой.

Ее, в ком божия гроза,
Ты научи земному пенью,
Ты подведи лукавой тенью
Ее нездешние глаза.

И шелк шуршащий волоча,
Струну царапая дутара,
Она, как сладостный бача,
Пройдет вдоль пестрого базара, —

И где он сводами покрыт —
Она, спасенная от зною,
Купцов и нищих соблазнит
Своей земною красотою,

Чтоб иногда бренча струной,
Там над ковром шумливой чайной,
Пленять их звездной глубиной
И тишиной необычайной.

АЗИЯ.

Азия — желтый песок и колючие желтые травы...
Азия — розовых роз купы над глиной оград...
Азия — кладбище Битв, намогилье сыпучее Славы...
Азия — желтый песок и колючие желтые травы,
Голубая мечеть, чьи останки, как смерть, величавы,
Погребенный святой и времен погребальный обряд;—
Азия — розовых роз купы над глиной оград...
Азия — желтый песок и колючие желтые травы,
Узких улиц покой, над журчащими водами сад...
Азия — розовых роз купы над глиной оград,
Многопестрый базар, под чалмою томительный взгляд,
Аромат истлеваний и ветер любовной отравы;—
Азия — желтый песок и колючие желтые гравы...
Азия — розовых роз купы над глиной оград...

Самарканд.

◆ ◆ ◆

Зачем опять мне вспомнился Восток!
Зачем пустынный вспомнился песок!
Зачем опять я вспомнил караваны!
Зачем зовут неведомые страны!
Зачем я вспомнил смутный аромат,
И росной розы розовый наряд!
Как слитно-многокрасочен Восток!
Как грустен нескончаемый песок!
Как движутся размерно караваны!
Как манят неизведанные страны!
Как опьяняет юный аромат,
И росной розы розовый наряд!
Моей мечты подобие — Восток,
Моей тоски подобие — песок,
Моих стихов подобье — караваны,
Моих надежд — неведомые страны,
Моей любви подобье — аромат
И росной розы розовый наряд!
Вот почему мне помнится Восток,
Вот почему мне видится песок,
Вот почему я слышу караваны,
Вот почему зовут скитаться страны,
Вот почему мне снится аромат,
И росной розы розовый наряд.

ВЕРБЛЮДЫ.

Тюками скрыв косматые горбы,
С хребтами вы сливаетесь пустыни.
Вы с древних дней блуждаете доныне,
Вдоль жарких стран, библейские рабы.

Неспешен шаг. В размерной качке лбы.
Что тощим, вам, трав тучных благостыни!
Лишь острие обветренной полыни
Порой висит с оттянутой губы.

Который век, покорные подпругам,
Вы, словно дни, идете друг за другом?
И нет костям белеющим конца.

Плывучие виденья постоянства!
Вы ритмом жизни мерите пространства
Минут земных и вечности творца.

КАЛИФ БОЛЬНОЙ.

Персидской арфой, лютнею Дамасской
Напрасно услаждаете мой слух.
Мне горько ныне. Сумрачен мой дух.
Мир грустною представился мне сказкой.

Не разожжете пламень,— он потух,—
Вы, юноши, вы, жены, нежной пляской.
Шелка меня не радуют окраской,
И для поэта пышного я глух.

Душа моя болит от созерцаний.
Пусть ветер тихий тихо из-за тканей
Мои ресницы трогает и грудь.

Заснуть! Забыться! Большего не надо.
Мечта моя, предстань, Шехерезада,
Промолви в утешенье что-нибудь!

НОЧЬ.

Синеет ночь над розами Багдада,
И к Тигру месяц клонится уже.
Чернеет на разбойничьем ноже
Кровь путника. Вздымается прохлада.

Среди ковров, как жемчуг лучший клада,
Таятся жены, снявши ферадже.
На кровле раб грустит о госпоже.
Синеет ночь. Безмолвствует ограда.

В тьме узкий свет. Там весело наверно.
Звучит сааз лениво и размерно...
Вот в тишине собак далекий вой...

Вот на тюрбан сквозь щель упали светы:
То сам Гарун, купцом переодетый,
Скользит с Масруром улицей кривой.

ЧЕРНИЛЬНЫЙ ПРИБОР.

В раздумьи вынь в предсумрачном тумане
Чернильный из-за пояса прибор.
Взгляни. тростник достаточно ль остер,
Пергамент схож ли с утром в гюлистане?

Слагай напев о слишком стройном стане,
О юности, о скатах древних гор,
О родине, о том, как лунный взор
Скользил на проходящем караване.

Твой друг ушел, и жаркий умер день,
Но стих сбирает канувшего тень.
Он — словно нард, оставшийся от пира,

В нем аромат, как вздох росистых чащ.
И плавный строй подобен строю мира:
Он так же вечен, так же преходящ.

МУРАВЬЮ.

Холмов и луговин просвечена трава
И очерк дымчатый не движется березы.
Далеко за́ полем еще проходят грозы,
Но жар уже вступил в медвяные права.

С цветка татарника стекают сонно слезы.
И жгут меня лучи. В тумане голова.
Платона с Ведами сливаются слова
И расплываются параграфы Спинозы.

За выгибы корней ты принял мой рукав,
Ученый муравей? Ну что ж, ползи. Ты прав.
По мне спокойные свершая переходы:

Сегодня ты открыл мне тайну бытия,
Философ маленький, решивший просто: я —
Часть обычайная единственной Природы.

ПЕСЕНКИ ШИРМАМЕДДА.

3.

Скоро время дождей. Золотые летят мотыльки.
Ты в багровом покрове под черной фатою мелькнула
Как тебя не узнать: чьи шаги так размерно легки?
Скоро время дождей. Золотые летят мотыльки.
Скоро ты за купцом в сад, что лег широко у реки,
Как добыча, войдешь под разгул многолюдного гула
Скоро время дождей. Золотые летят мотыльки.
Ты в багровом покрове под черной фатою мелькнула.

СОКРОВИЩА ЖИЗНИ.

Чтобы в шатре бытия полюбить все сокровища жизни,
Надо шатер приподнять и взглянуть на мгновение в ночь.
Многое надо терять нам, печаль надо ведать на тризне,
Чтобы в шатре бытия полюбить все сокровища жизни.
Чтобы отчизну любить — в далях надо грустить об отчизне,
Чтобы уста полюбить — прикасаться к ним надо не мочь.
Чтобы в шатре бытия полюбить все сокровища жизни,
Надо шатер приподнять и взглянуть на мгновение в ночь.

ВСЕ СПЕШИ ПОЛЮБИТЬ.

Все спеши полюбить, ибо все преходяще и тленно.
Всех спеши полюбить, ибо люди проходят, как сон.
Кто вблизи от тебя, тот не будет с тобой неизменно.
Все спеши полюбить, ибо все—преходяще и тленно.
Ты врага обними. Пусть вражда отлетает мгновенно.
Как обнимешь его, если скажут, что он схоронен?
Все спеши полюбить, ибо все преходяще и тленно.
Всех спеши полюбить, ибо люди проходят, как сон.

ПРОХОДИТ ДЕНЬ...

Проходит день. Минутен легкий мир.
Прозрачны краски призрачного света.
Воздушнее напева легких лир
Уходит все, как эхо, тая где-то.

Вдыхая утро сладостного лета,
Не жалуюсь, что я, как прежде, сир.
Звучит мне голос вечного завета:
Проходит день. Минутен легкий мир.

Луч золотит поверженный кумир,
Которому мечта моя пропета.
Лазурный свод — безмолвия потир.
Прозрачны краски призрачного света.

Небрежно лира пальцами задета,
Забыты складки тягостных порфир.
Моя мечта, которой тишь согрета,
Воздушнее напева легких лир.

Блаженный час. Блаженный мудрый мир.
В нем нежный звук желанного ответа.
Все то, что зыблил жизни шумный вир
Уходит все, как эхо, тая где-то.

Что смертный зов! Что ложь его навета.
Мир — легкий призрак, легкий, как эфир,
Как легкое мечтание поэта.
Но что же, друг! За краткий сядем пир:
Проходит день.

◆ ◆ ◆

Каждый день это — день последний,
Каждый день это — первый день.
Вспомяни золотые бредни,
Золотую увидев сень.

Посмотри, как спокойно о земь
Задевает летящий лист.
Как молитвенно всходит озимь!
Как младенческий ветер чист!

Как над шумным янтарным долом
Тишины серебрится сень!
Мудрым стань ты и стань веселым,
Как осенний, блаженный день!

◆ ◆ ◆

Земля и облако, и ветки,
И солнце в розовой дали.
Я в гамаке. В зеленой сетке
Меня качающей земли.

И сердца стук, и листьев лепет,
Ветров напев, мечта моя,
Качанье трав,— единый трепет,
Клубок единый бытия.

Как необычна обычайность!
Как туч изменчивы поля!
Какая легкая случайность
И я, и небо, и земля!

ПЕСНЯ УТРЕННЯЯ.

В розовых перьях фламинго
Тихо спускается к пруду,—
Воспоминание это
В душу сошло о тебе.

Заголубевшие горы
Ясные подняли грани,—
Путь бирюзовый стремленья:
Я ожидаю тебя.

Белые голуби в небе
Хлопают пламенем крыльев,—
Это мое нетерпенье
Мчится навстречу тебе.

Нежно-зеленые стебли
В росах колышатся сонно,—
С их благовонием сходен
Утренний вздох о тебе.

СОФИЯ ПАРНОК.

◆ ◆ ◆

Полувесна и полуосень!
В прорыве мутных облаков
Плывет задумчивая просинь.
Во влажных далях лес лилов.

Прибита ветром к придорожью
Листа осеннего руда,
И точно холод ходит дрожью
По зябкой тихости пруда.

Но вспыхнет зной не в этом небе ль?
В листве не этих ли дубрав?
Уж юный зеленеет стебель
В сединах прошлолетних трав.

◆ ◆ ◆

Закат сквозь облако течет туманно-желтый,
И розы чайные тебе я принесла.
В календаре опять чернеет знак числа
Того печального, когда от нас ушел ты.

С тех пор луна цвела всего двенадцать раз,
Двенадцать раз она, расцветши, отцветала,
Но сколько милых уст, но сколько милых глаз
С тех пор закрылось здесь, в ночах и днях, устало.

Иду. Бесцелен путь и мой напрасен шаг,
И на щеках моих так жалко-праздны слезы.
Все минет навсегда. Минутен друг и враг,
Как это облако вдали, как эти розы.

◆ ◆ ◆

Кипящий звук неторопливых арб
Просверливает вечер сонно-жаркий.
На сене выжженном, как пестрый скарб,
Лежат медноволосые татарки.

Они везут плоды. На конских лбах
Лазурных бус позвякивают кисти.
Где гуще пурпур — в вишнях ли, в губах?
Что, — персик или лица золотистей?

Деревня: тополя в прохладе скал,
Жилища и жаровни запах клейкий.
Зурна заныла, — и блеснул оскал
Татарина в узорной тюбетейке.

ФРИДРИХУ КРУППУ.

Сонет.

На грани двух веков стоишь ты, как уступ,
Как стародавний грех, который не раскаян,
Господней казнию недоказненный Каин,
Братоубийственный, упорный Фридрих Крупп!

На небе зарево пылающих окраин.
На легкую шинель сменяя свой тулуп,
Идет, кто сердцем щедр и мудро в речи скуп —
Расцветов будущих задумчивый хозяин...

И ядра — дьявола плуги — взрывают нови,
И севом огненным рассыпалась шрапнель...
О, как бы дрогнули твои крутые брови

И забродила кровь, кровавый чуя хмель!
Но без тебя сверкнул, и рухнул, и померк
Тобой задуманный чугунный фейерверк.

◆ ◆ ◆

В земле бесплодной не взойти зерну,
Но кто не верил чуду в час жестокий? —
Что возвестят мне Пушкинские строки?
Страницы милые я разверну.

Опять, опять „Ненастный день потух",
Оборванный пронзительным „но если"!
Не вся ль душа моя, мой мир не весь ли
В словах теперь трепещет этих двух?

Чем жарче кровь, тем сердце холодней,
Не сердцем любишь ты, — горячей кровью.
Я в вечности, обещанной любовью,
Не досчитаю слишком многих дней.

В глазах моих веселья не лови:
Та, третья, уж стоит меж нами тенью.
В душе твоей не вспыхнуть умиленью,
Залогу неизменному любви, —

В земле бесплодной не взойти зерну,
Но кто не верил чуду в час жестокий? —
Что возвестят мне Пушкинские строки?
Страницы милые я разверну.

◆ ◆ ◆

Узорами заволокло
Мое окно. — О, день разлуки! —
Я на шершавое стекло
Кладу тоскующие руки.

Гляжу на первый стужи дар
Опустошенными глазами,
Как тает ледяной муар
И расползается слезами.

Ограду перерос сугроб,
Махровей инеем и пушистей,
И садик, как парчевый гроб,
Под серебром бахром и кистей...

Никто не едет, не идет,
И телефон молчит жестоко.
Гадаю — нечет или чет? —
По буквам вывески Жорж Блока.

В ТОЛПЕ.

Ты вошла, как входили тысячи,
Но дохнуло огнем из дверей,
И открылось мне: тот же высечен
Вещий знак на руке твоей.

Да, я знаю, кольцо Венерино
И твою отмечает ладонь:
Слишком поступь твоя размерена,
Взгляда слишком померк огонь,

И под пудрой лицо заплакано,
На губах, под румянами, кровь, —
Да, сестра моя, вот так она
Зацеловывает — любовь!

◆ ◆ ◆

Увидеть вдруг в душе другой
Такой же ужас, ночь такую ж, —
Ах, нет! Нет, ты не затоскуешь
Моей запойною тоской.
Как хорошо, что ты воркуешь,
Как голубь, под моей рукой!

Ты, как на солнце, греешь пух...
Да не прожжет тебя мой трепет,
Пусть мимо мчит и не зацепит
Твоей души мой темный дух,
И в час мой смертный пусть твой лепет
Последним звуком примет слух.

◆ ◆ ◆

Паук заткал мой темный складень
И всех молитв мертвы слова,
И обезумевшая за день
В подушку никнет голова.

Вот так она придет за мной, —
Не музыкой, не ароматом,
Не демоном темнокрылатым,
Не вдохновенной тишиной, —

А просто пес завоет, или
Взовьется взвизг автомобиля
И крыса прошмыгнет в нору.
Вот так! Не добрая, не злая,
Под эту музыку жила я,
Под эту музыку умру.

◆ ◆ ◆

Эолийской лиры лишь песнь заслышу,
Загораюсь я, не иду — танцую,
Переимчив голос, рука проворна, —
Музыка в жилах.

Не перо пытаю, я струны строю.
Вдохновенною занята заботой:
Отпустить на волю, из сердца вылить
Струнные звоны.

Не забыла, видно, я в этой жизни
Незабвенных нег незабвенных песен,
Что певали древле мои подруги
В школе у Сафо.

◆ ◆ ◆

И впрямь прекрасен, юноша стройный, ты:
Два синих солнца под бахромой ресниц,
И кудри темноструйным вихрем,
Лавра славней, нежный лик венчают.

Адонис сам предшественник юный мой!
Ты начал кубок, ныне врученный мне, —
К устам любимой приникая,
Мыслью себя веселю печальной:

Не ты, о, юный, расколдовал ее.
Дивясь на пламень этих любовных уст,
О, первый, не твое ревниво, —
Имя мое помянет любовник.

ЛЕОНИД ГРОССМАН.

ЯЗЫКОВ.

И мы кистями винограда
Разукрашаем жизни крест...

Как виночерпий льет бурлящей влаги
По звонким чашам пенистый поток,
Так он кропил ковер узорных строк
Рубиновыми брызгами малаги.

Но в час молитв виденья древней саги
Вели его на дремлющий Восток,
Где сквозь миражи, пальмы и песок
Влачились пастухи, жрецы и маги.

Тяжелым вретищем библейской тьмы
Трагическая муза затянула
Блудящие огни в чаду корчмы

И в буйный звон застольного разгула
Вдохнула громозвучные псалмы —
Сампсонов гнев и скорбь царя Саула.

ДЕНИС ДАВЫДОВ.

Я тем же пламенем, как Чингис-Хан, горю.

В хмельной толпе отчаянных рубак,
Под звонкий говор пуншевых стаканов,
Ты зажигал чесменских ветеранов
Своим стихом, курчавый весельчак!

Поэт, стратег, сатирик и казак,
По льду болот вожатый партизанов,
Ты целым вихрем пестрых доломанов
Бросал свои полки в огонь атак.

По лагерям, в манежах эскадронных,
Средь топота дивизий легкоконных,
Кидаясь в бой, стреляя и рубя,

Везде носился ты, герой Бриенский,
Победным витязем! Таким тебя
Парадной кистью написал Кипренский.

КОЗЛОВ.

И ночь моя полна Сияной...

Гвардейский щеголь, ветренник салонов,
Танцор и сноб, средь бальной суеты
Он обновил проклятьем слепоты
Тернистый путь Гомеров и Мильтонов.

Когда веленьем жертвенных законов
Пред ним померкли книжные листы,
В безмолвную пустыню темноты
Повеял легкий лет вечерних звонов.

Под тяжким покрывалом черных дней
Изведал он, что в скорби жизнь звучней,
И загорелся поздними строками.

Всем зовам близкий, всем лучам чужой,
Ночной балладник с мертвыми зрачками,
Ослепший бард с прозревшею душой.

ЖУКОВСКИЙ.

Светит месяц, дол сребрится,
Мертвый с девицею мчится...

В дворцовой келье песенник Ундины
Вычерчивал таинственный офорт,
Где ужас лунным призраком простерт
Над башнями готической руины.

Он видел мир, где бродят капуцины,
Гомункулы родятся из реторт,
И вьется ураган бесовских орд
У виселиц заклятой котловины.

Но сын турчанки полюбил Восток,
Реченья мудрых в арабесках строк,
Слова любви в персидском фолианте,

И вкрадчивые шелесты поэм,
Где брачной лаской тешится Рустем
И в пламени блуждает Дамаянти.

БОРАТЫНСКИЙ.

Болящий дух врачует песнопенье..

Остановись, прохожий! Здесь лежит
Один из тех, кто, рано жизнь оплакав,
Брел вдоль цветущих кущ и зрелых злаков,
Унынием, как трауром, повит.

Он в этот мир вступил, как в темный скит.
В своих угрюмых вкусах однпаков,
Любил он черепа массонских знаков
И бледных ангелов надгробных плит.

Но благосклонной музой одаренный,
Он горечь дум струил в свой стих граненный,
Как едкий пепел в стройный мавзолей.

О, путник, загорись молитвой жаркой,
Чтоб он обласкан был печальной Паркой
Средь асфоделей Орковых полей.

ДЕЛЬВИГ.

В смиренную хижину любят слетаться Камены...

Баронский герб в наследственном кольце
Не пробудил воинственных усилий
В потомке праздном рыцарских фамилий,
Ленивом и задумчивом певце.

С улыбкой на рассеянном лице
Он брел тропой, где шествовал Виргилий,
И розы Феокритовых идиллий
Выращивал в Лицейском Мудреце.

Пусть позабыты строфы анфологий,
И бледный очерк их, и стих нестрогий,
Но память нам преданье донесла

Об этой жизни краткой и безбурной,
О первых музах Царского Села
И плаче Пушкина над ранней урной.

ПУШКИН.

Пришли мне Essais de Montaigne—
четыре синих книги на длинных
моих полках.

Н. Н. Пушкиной, 1835.

Был полдень жизни. Тени залегли
На обликах Петра и Дон-Жуана.
Напев Бахчисарайского фонтана
И чумный пир, смолкая, отошли.

Скончался Дельвиг. В пропасти земли
Ушел Вильгельм из невского тумана,
И страсть кавалергардского шуана
Уже смутила сердце Натали.

Но он, еще не чувствуя обиды,
Устав на буйных празднествах Киприды,
Был тих и прост. В покое зрелых сил,

Не веря в страсть, заздравных чаш не пеня,
Он терпкое вино сомненья пил
Из синих книжек мудрого Монтэня.

МАРИЭТТА ШАГИНЯН.

ЧАС НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ.

Минуты поздних сожалений,
Что в этом мире горше вас?
Какая скорбь, какие пени
Вернут невозвратимый час?

В сознаньи радостен и долог,
Он, мнится, вечен сквозь года;
Но миг,— и вот задернут полог
Меж ним и нами навсегда.

И мы у первозданной щели,
У пасти времени,— клянем,
Что не сумели, не успели
Всего себя отметить в нем.

И сердце мысль одна тревожит,
Один укор терзает нас:
Он по иному был бы прожит,
Когда б вернуть ушедший час.

О, смертный, бойся страшной казни,
Вина из чаши не пролей,—
И совершенней, глубже, связней,
Себя в своем запечатлей.

1911.

ПОЛНОЛУНИЕ.

Кто б ты ни был,— заходи, прохожий.
Смутен вечер, сладок запах нарда...
Для тебя давно покрыто ложе
Золотистой шкурой леопарда.

Для тебя давно таят кувшины
Драгоценный сок, желтей топаза,
Что добыт из солнечной долины,
Из садов горячего Шираза.

Розовеют тусклые гранаты,
Ломти дыни ароматно вялы;
Нежный персик, смуглый и усатый,
Притаился в вазе, запоздалый.

Я ремни спустила у сандалий,
Я лениво расстегнула пояс...
Ах, давно глаза читать устали,
Лжет Коран, лукавит Аверроэс!

Поспеши... круглится лик Селены;
Кто б ты ни был,— будешь господином.
Жарок рот мой, грудь белее пены,
Пахнут руки чебрецом и тмином.

Днем чебрец на солнце я сушила,
Тмин сбирала, в час поднявшись ранний...
В эту ночь — от Каспия до Нила —
Девы нет меня благоуханней!

ВЕТЕР В СТЕПИ.

Гудит трава за розовым плетнем,
Под ветром степь, как море, ходит зыбко,
И в небесах, изнеможденных днем,
Зареяла кровавая улыбка.

Закат багров; к утру пророчит он,
Как продолженье чьей-то сказки давней,
Свист ковыля, трубы зловещий стон,
Треск черепиц и стук разбитой ставни.

Под вой ветров, повязана платком,
Гляжу, прищурясь, в даль из-под ладони:
Клубится ль пыль? Зовет ли муж свистком
В степи коней? Не ржут ли наши кони?

Вой, ветер, вой! Степям моим пророчь,
Под свист твоей неугомонной пляски,—
Без устали, без сна, всю эту ночь,
Как судорга, взвивающие ласки!..

ЧУЖАЯ.

Л. К. Лепинь.

Луна как розовый орех.
Темней вина небесный полог.
За этот краткий, вольный грех
Не будет гнев Аллаха долог!

Цветет миндаль в моем саду,
Мой господин давно в Багдаде...
Ты захотел,— и я иду,
Печальный брат, к твоей ограде.

К чему ж теперь, замедлив шаг,
Ты стережешь ночные звуки?
Сюда, за шелковый кушак,
Вложи трепещущие руки!

Не бойся: темен ночи кров,
Земле не счесть цветов и злаков..
И для любви, как для цветов,
Час благосклонно-одинаков.

ЖАЛОБА.

Волну окликнула волна,—
И вот она уже далече...
Ах, не на радость им дана
Их кратковременная встреча!

Грустит у ног, грустит прибой
И плещет жалобнее птички...
А мы, не так ли мы с тобой
Сошлись на миг для переклички?

И, растворяясь в широте
Земных забот и недосуга,
Зовем, зовем, как волны те,—
Но всё отходим друг от друга...

О, эта боль! О, этих встреч
Незабываемая рана!
О, как мне сердце уберечь
От новой веры — и обмана?

ФЛЕЙТА.

Вольфингу.

Попрежнему сладостны весны,
А осень тиха и пуста...
И грустною сыростью росной
Душа, как цветы, налита.

Краснеет в полях кукуруза,
Давно в янтаре виноград.
От сладкого, спелого груза
Погнулся желтеющий сад.

На башне старинной куранты
Зари совершают обход,
С балкона следят музыканты,
Когда подойдет пароход.

То смолкнут, то жалобой чьей-то,
Как грустная горлица,— вновь
Воркует унылая флейта
Про осень, про боль, про любовь...

МОЛИТВА.

Уж ночь. Земля похолодела,
С горы торопятся стада
И у господнего предела
Моргнула первая звезда.

Там, в голубой исповедальне,
Ночной монах зажег свечу...
За нашу встречу, друг мой дальний,
Слова молитвы я шепчу.

Блаженный ветер, пролетая,
Колышет кружево дерев...
— Душа, как чаша налитая,
Полна тобою до краев.

К АРМЕНИИ.

С какой отрадой неустанной,
Молясь, припоминаю я
Твоих церквей напев гортанный,
Отчизна дальняя моя!

Припоминаю в боли жгучей,
Как очерк милого лица,—
Твои поля, ручьи и кручи,
И сладкий запах чебреца...

Веленью тайному послушный,
Мой слух доныне не отвык
Любить твой грустно-простодушный,
Всегда торжественный язык.

И в час тоски невыразимой,
Приют последний обретя,
Твое несчастное дитя
Идет прилечь к тебе, к родимой...

Я знаю, мудрый зверь лесной
Ползет домой, когда он ранен.
Ту боль, что дал мне северянин,—
О, залечи мне, край родной!

В. ЗОРГЕНФРЕЙ.

КЛАДБИЩЕ.

1.

Прошлой ночью злобно пела вьюга,
Снег сковал густую зелень елей.
Поутру пришла моя подруга,
Принесла венок из иммортелей.

Вся в снегу железная решетка,
Вся в снегу встречает солнце утра,
На морозе ласково и четко
Расцветают краски перламутра.

Ты с креста стряхнула легкий иней
И венок к распятью прикрепила.
Зацвела под снежною пустыней
И вздохнула тихая могила.

Уходя, ты крест поцеловала...
Миг свиданья беден был и краток,
Но на влажном зеркале металла
Детских губ остался отпечаток.

3.

Я побежден неведомою силой,
Я приношу невидимому дань.
Проходят дни. Над скорбною могилой
Сплетает время призрачную ткань.

Мой прах истлел. Враждебные стихии
Разрушили могильную плиту.
Венки из роз, поблекшие, сухие,
Истлели, прикрепленные к кресту.

Я слышу: путник бродит меж холмами,
Минувшего отыскивая весть,
И надпись, полустертую годами,
Припав к земле, пытается прочесть.

И не найдя ответного призыва,
В могильных снах прозрев свою судьбу,
Встает с земли и думает тоскливо
Об имени уснувшего в гробу.

НЕВЕДОМОМУ БОГУ.

За гранями узорного чертога
Далеких звезд, невидимый мирам,
В величии вознесся к небесам
Нетленный храм неведомого бога.

К нему никем не найдена дорога,
Равно незрим он людям и богам,
Им, чьи судьбы сомкнулись тесно там,
У алтаря неведомого бога.

За гранью звезд воздвигнут темный храм.
Судьбы миров блюдет он свято, строго,
Передает пространствам и векам.

И много слез, и вздохов тяжких много
К нему текут. И смерть — как фимиам
Пред алтарем неведомого бога.

1904.

◆ ◆ ◆

Приходит, как прежде, нежданно —
Будить от тяжелого сна,
И новая радость желанна,
И новая боль не больна.

Но платья темнее надеты,
И тени длинней от ресниц,
И в пристальном взоре просветы
Лиловых, закатных зарниц.

Коснется рукою жемчужной,
Фиалками глаз ворожит —
И маятник никнет, ненужный,
И время, жестокое, спит.

Молчания я не нарушу,
Тебе отдаю я во власть
Мою воспаленную душу,
Мою неизбытую страсть.

Дышать твоим ровным дыханьем,
И верить твоей тишине,
И знать, что последним прощаньем
Придешь ты проститься ко мне.

В тот час, когда ужас безликий
Расширит пустые зрачки,
Взовьешься из черной, из дикой,
Из дикой и черной тоски.

Возникнешь в дыму песнопений,
Зажжешься надгробной свечой,
И станешь у смертных ступеней —
Стеречь мой последний покой.

◆ ◆ ◆

Горестней сердца прибой и бессильные мысли короче,
Ярче взвивается плащ и тревожнее дробь кастаньет.
Холодом веет от стен, и сквозь плотные пологи ночи
Мерной и тяжкой струей проникает щемящий рассвет.

Скоро зажгут на столах запоздалые низкие свечи,
Взвизгнет румынский смычок, оборвется ночная игра.
Плотный блондин в сюртуке, обольщающий мягкостью речи,
Вынет часы, подойдет и покажет на стрелки: Пора!

Ветер ворвался и треплет атлас твоего покрывала.
В тесном проходе у стен отразят и замкнут зеркала
Тяжесть усталых колонн и тоску опустевшего зала,
Боль затуманенных глаз и покорную бледность чела.

Гулко стучит у под'езда, трепещет и рвется машина,
Мутные пятна огней на предутреннем чистом снегу.
К запаху шелка и роз примешается гарь от бензина,
Яростно взвоет рожок и восход заалеет в мозгу.

Будут кружиться навстречу мосты и пруды и аллеи,
Ветер засвищет о том, что приснилось, забылось, прошло.
В утреннем свете—спокойнее, чище, бледнее —
Будем смотреть в занесенное снегом стекло.

Что же, не жаль, если за ночь поблекло лицо молодое,
Глубже запали глаза и сомкнулся усмешкою рот —
Так загадала судьба, чтобы нам в это утро слепое.
Мчаться по краю застывших, извилистых вод.

Скоро расступятся ели и станет кругом молчаливо,
Вяло блеснут камыши и придвинется низкая даль,
Берег сорвется вперед, в снеговые поляны залива...
Так загадала судьба. И не страшно. Не нужно. Не жаль.

НАД НЕВОЙ.

Поздней ночью над Невой,
В полосе сторожевой
Взвыла злобная сирена,
Вспыхнул сноп ацетилена.

Снова тишь и снова мгла.
Вьюга площадь замела.

Крест вздымая над колонной,
Смотрит ангел окрыленный
На забытые дворцы,
На разбитые торцы,

Стужа крепнет. Ветер злится.
Подо льдом вода струится.

Надо льдом костры горят,
Караул идет в наряд.
Провода вверху гудят:
Славен город Петроград!

В нише темного дворца
Вырос призрак мертвеца,
И погибшая столица
В очи призраку глядится.

А над камнем, у костра,
Тень последнего Петра —
Взоры прячет, содрогаясь,
Горько плачет, отрекаясь.

Ноют жалобно гудки.
Ветер свищет вдоль реки.

Сумрак тает. Рассветает.
Пар встает от желтых льдин,
Желтый свет в окне мелькает.
Гражданина окликает
Гражданин:

— Что сегодня, гражданин,
На обед?
Прикреплялись, гражданин,
Или нет?

— Я сегодня, гражданин,
Плохо спал:
Душу я на керосин
Обменял.

От залива налетает резвый шквал,
Торопливо наметает снежный вал—
Чтобы глуше еще было и темней,
Чтобы души не щемило у теней.

1920.

◆ ◆ ◆

Еще скрежещет старый мир,
И мать еще о сыне плачет,
И обносившийся жуир
Еще последний смокинг прячет,

А уж над сетью невских вод,
Где тишь—ни шелеста ни стука—
Всесветным заревом встает
Всепомрачающая скука.

Кривит зевотою уста
Трибуна, мечущего громы,
В извивах зыбкого хвоста
Струится сплетнею знакомой,

Пестрит мазками за окном,
Где мир, и Врангель, и Антанта,
И стынет масляным пятном
На бледном лике спекулянта.

Сегодня то же, что вчера.
И Невский тот же, что Ямская,
И на коне, взамен Петра,
Сидит чудовище, зевая.

А если поступью ночной
Проходит путник торопливо,
В ограде Спаса на Сенной
Увидит он осьмое диво:

Там, к самой паперти оттерт
Волной космического духа,
Простонародный русский чорт
Скулит, почесывая ухо.

Октябрь 1920.

◆ ◆ ◆

Вот и все. Конец венчает дело.
А, казалось, делу нет конца.
Так покойно, холодно и смело
Выраженье мертвого лица.

Смерть еще раз празднует победу
Надо всей вселенной—надо мной.
Слишком рано, Я ее об'еду
На последней, мертвой, на кривой.

А пока что, в колеснице тряской
К Митрофанью скромно путь держу.
Колкий гроб окрашен желтой краской,
Кучер злобно дергает вожжу.

Шаткий конь брыкается и скачет,
И скользит, разбрасывая грязь,
А жена идет и горько плачет,
За венок фарфоровый держась.

— Вот и верь, как говорится, дружбе:
Не могли в последний раз придти!
Говорят, что заняты на службе,
Что трамваи ходят до шести.

Дорогой мой, милый мой, хороший,
Я с тобой, не бойся, я иду...
Господи, опять текут калоши,
Простужусь, и так совсем в бреду!

Господи, верни его, родного!
Ненаглядный, добрый, умный, встань!
Третий час на Думе. Значит снова
Пропустила очередь на ткань.—

А уж даль светла и необ'ятна,
И слова людские далеки,
И слились разрозненные пятна,
И смешались скрипы и гудки.

Там, внизу, трясется колесница
И, свершая скучный долг земной,
Дремлет смерть, обманутый возница,
С опустевшим гробом за спиной.

НИКОЛАЙ АШУКИН.

ПОСОХ.

Как дымы зимние тоскливо,
Влачится, тлея, жизнь моя,
Но я не плачу сиротливо
В тоске бездомного житья.

Я подружился с бездорожьем,
С необозримостью болот,
И о прекрасном мире божьем
Печальник-ветер мне поет.

В тоске любви, в тоске свободы
Не раз я плакал и стенал,
Но тлели дни, влачились годы,—
Я цену многому узнал.

Гасил я злое искушенье
Над темной глубью быстрых рек,
Учась высокому смиренью
У встречных нищих и калек.

Я полюбил немые дали,
Молчанье строгое скитов,
И чутко слушал, как звучали
Мне шелест трав и шум лесов.

С дорожным посохом, сумою,
У тихих Светлоярских вод,
Дыша блаженной тишиною,
Я думал там найти исход.

Но дни, как дни, в дорожной смене
Летели медленней, быстрей,
И был я тот же, в том же плене
Своих сомнений и страстей.

И понял я, что—путник жадный—
Напрасно тороплюсь итти:
Мне светлый ток воды прохладной
Не скрасит тяготы пути.

Но если жизнь моя—дорога
В обитель светлых горних стран,
Мой пыльный посох—дар от бога—
В удел мне не напрасно дан...

20 мая 1914. Ярославль.

ШКАТУЛКА С МУЗЫКОЙ.

Люблю наивно с музыкой шкатулки,
Их нежных песенок хрусталь;
Как светлые осенние прогулки,
Они баюкают печаль.

В их музыке, как бисер рассыпаясь,
Звенит надломленная грусть, —
Люблю я слушать их, позабываясь,
Хотя все знаю наизусть.

Таится странное очарованье
В их музыке: все об одном
Звенит тоска, поют воспоминанья,
Переливаясь серебром.

Былых надежд и лиц мелькают тени,
Сквозь лепет зазвеневших грез.
Так сладостна их нежность повторений
И горечь закипевших слез...

АНГЕЛ.

Ив. Ив. Белоусову.

Звезд узор старинный в синей вышине.
Вечер длинный, длинный тает в тишине.

Слышу отдаленный колокольный звон,
Памятью бессонной светло окрылен.

В переулке снежно, скрип шагов певуч,
А в душе так нежно светит звездный луч.

Смолкли будней толки, скучные слова,
В окнах блещут елки—сказки Рождества.

Под звездой лучистой, с бахромы ветвей,
Ангел золотистый смотрит на детей.

— Ангел светлый, милый, мне напомнил ты
Все, что в детстве было, а теперь—мечты...

Я стою печальный. Ты—другой в окне,
Ты, теперь сусальный,—таешь на огне...

ГОРОДОК.

В дремотной скуке сонные лабазы,
В зной протянулась каланча.
Томит обрывок полумертвой фразы...
Пустая площадь горяча.

На окнах плотные закрыты ставни,
Полдневный город—неживой,
И в дреме тяжкой и тоскливой камни
На раскаленной мостовой...

Бредет юродивый, звеня клюкою,
Собак остервенелых зля,
И стынет пыльный ветер над рекою,
Стеклянных волн не шевеля...

◆ ◆ ◆

Короче дни и сумерки синее,—
Благословляю, осень, твой приход,
В саду, где в золотой парче аллеи,
Гуляет ветер и поет, поет...
Сегодня ночью в трубах завывало
По-зимнему, а утром был мороз.
Все, все по-старому. И, как бывало,
В душе—осенний ритм осенних грез.
В уюте кельи тихой вечерами
Опять зовет к себе забытый труд;
Бумаги, книги старыми друзьями
Глядят. Дороже и милей уют.
Жду не дождусь зимы, когда туманней
Синеет сумрак тихий за окном.
Когда, как милый гость, и вечер ранний,
Осыпанный пушистым серебром...
Как весело потрескивают печи,
Встречая голос зазвеневших вьюг,
И мы ведем с тобою, милый друг,
За чаем нескончаемые речи...

◆ ◆ ◆

Е. Е. Яшнову.

Октябрь. Стоит давно пустою дача.
Закрыты ставни. В парке хмурый сон.
Как заунывен ветра жалкий стон!
Дожди хоронят лето, горько плача...

Голодная, ощипанная кошка,
Блестя огнем зеленых зорких глаз,
Проходит мимо дачи много раз,
Царапается в ставню у окошка.

Мяукает. Глаза ее застыли,
Горят лесной звериною тоской.
Слинял на шее бантик голубой.
Уехали... а кошку позабыли...

Одну оставили... Под лопухами
Она забилась,—умирать пора!
И стынет дождь, как капли серебра,—
Жестоко дышит осень холодами...

МОГИЛА.

Ах, поцелуй мне был прощальный
Когда настал жестокий час...
Из песни „Могила“.

Я помню май и город пыльный
И ночи белые мои.
Когда, как благовест умильный,
Я слушал лепеты любви.

И садик помню я укромный
И белых яблонь лепестки,
В тиши беседки полутемной
Пожатье маленькой руки.

Я в сердце все храню ревниво
И даже—тот жестокий час,
Когда печально-сиротливо
Мой вечер медленный погас.

Я помню поцелуй прощальный
Ее—белее полотна.
Когда над нами серп хрустальный
Светло затеплила весна.

Свою любовь еще поныне—
Сквозь годы—я не погасил,
Но милую в часы уныний
Я сердцем темным схоронил.

И если вспомню я, что было,
Клонясь усталой головой,
Мне грезится ее могила,
Поросшая глухой травой.

Над ней душистых лип услада
И ночью пенье соловья,
Неугасимая лампада,
Как верная любовь моя...

Апрель 1914. Москва.

ПЕТР ЗАЙЦЕВ.

В ПУТИ.

Андрею Белому.

Ночной, холодный ветер.
Метель. А я—в пути.
Я знаю: Дом Твой светел,
Но как его найти?

Кругом немое поле.
Над полем стынет ночь.
Мне ль, в этой снежной воле
Метелью занемочь!

В душе дрожат и светят,
Звездятся грусть и боль;
Кто нищих, нас приветит,
О сердце, мой король?

Иду. А ночь пустая.
Лишь там, вдали светло.
Там тихо рассветает
Тайное Село.

В лицо мне плещет вьюга,
Но пламенней лучи.
И тайный голос друга
Зовет, звенит в ночи.

Звенит и воскрешает
Старинное мое,
Звенит и заглушает
Земное бытие.

Я вижу: Дом Твой светел.
Я в нем Тебя найду!
Пусть бьет в лицо мне ветер,—
Я слышу! Я иду!

◆ ◆ ◆

Испуганной бьется птицей
В небесных силках звезда.
Так сердце умеет биться,
Когда обманет мечта.

Звезда в небесной неволе,
В мешке голубой тюрьмы,
И сердце в колодце боли,
Под белой повязкой мольбы.

Один зеленеет стебель—
Жребий—звезде и мне:
Ей—птицею биться в небе,
Мне—горько петь на земле.

◆ ◆ ◆

О грусть моя, белая вьюга,
Синий вечер, мой звездный брат!
Над уснувшей моей подругой
Потемнел золотой закат.

Ветер плещет в лицо мне: поздно,
Но тревожно звенит мой стих.
И один я считаю звезды,
В небесных подвалах моих.

Скупец, расточивший жизни
Драгоценный, сияющий дар.
Развернись же и звонко взвизгни
Судьбы веселый пожар!

Распляшется в пьяной качуче
Сожженое счастье мое
И легкой, пугливой тучей
Помчится догнать ее.

О брат мой, любимый вечер,
Уйми вьюгу белую грусть.
Я в твои золотые свечи
Отсиявшей звездой прольюсь.

УМИРАЮЩИЙ ДЕНЬ.

Благодарю тебя, брат мой, день.
Твое лобзанье еще на мне.

А. Добролюбов.

Мальчик бледный от усталости,
Тихий изнемогший день,
Умоляет вас о жалости—
Раненый стрелой олень.

О заре с туманной свежестью
В утренних сияньях рос—
Он вздохнул с последней нежностью,
Просияв звездами слез.

Ангелом закатной гибели
Он от жизни отречен.
Но вы, милый, кто бы ни были,
Вам свой свет вручает он.

День—преображенный мученик,
Близок милый твой конец!
Но звездами ли падучими
Над тобой взнесен венец?

НА РАССВЕТЕ.

На звенящем рассвете
Лазурного дня
Сосны гулом зеленым
Встречают меня,
Словно резвые дети,
Звеня...

Пахнет свежей и влажной
Травой.
И пугливая птица
Вспорхнет
Над моей головой,
Свистя протяжно...
И снова безгласно
И звонко, и тихо в лесу.
Небо сине и ясно,
Бесстрастно...

Пусть в мире огромном
И темном
Вскипают громовые битвы.
Я здесь—в звонком сердце несу
Золотистому утру молитвы.

ЛЕТО 1914 ГОДА.

Земля умирала от зною,
И зноем дымились леса,
И застило синею мглою,
Дрожащею мглой небеса.

Горели засохшие травы,
Крутился безветренный зной,
И в воздухе душном отравы
Текли раскаленной волной.

А там, в недоступной лазури,
Воздушный дрожал океан—
Играли грядущие бури,
Громовый рыдал ураган.

И встали кровавые зори
Над пламенным сердцем земли.
И реки студеного горя
По жаркой земле потекли.

КОРАБЛЬ.

О. Э. Озаровской.

Бесценный и какой тяжеловесный!
Груз, тесно сложенный в глубоком трюме,
Несет, послушный воле капитана,
Сквозь бурный океан неизмеримый
К безвестной дальней пристани корабль.

Ветр северный, морей пастух угрюмый,
Бичами гонит волны, и они
Бросаются, оскаливая пасти,
На палубу взмывают и, срываясь,
Бьют лапами когтистыми в борта.

Корабль дрожит от их прыжков тяжелых,
И, пьян от бури, трудный путь свершает.
Высокие трещат и гнутся мачты,
И бегают проворные матросы,
Работая в запутанных снастях.

Бьет с севера соленый, влажный ветер,
Тяжелые, измученные птицы
Летят, распластываясь над волнами,
И режут груди серые о мачты...
Корабль сквозь бурю движется—вперед...

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА.

ПТИЦЕЛЕТ.

В лазури — спешный птицелет,
В лесах — соборованье золотом.
Мой дух земной страшится - ждет
Под вскинутым осенним молотом.

Печалясь вянут тополя,
Но птицам облачность раздвинута!
Больная, нищая земля
Для гнезд лазоревых покинута...

Над головой шуршанье крыл —
Летят и ловкие и валкие...
— А ты, мой разум, много ль сил —
В тебе, чтоб сторгнуть страхи жалкие?

Ужель тебя своей судьбой
Скитальцы воздуха не радуют?...—
Птенец жемчужноголубой
К моим ногам внезапно падает.

Застыл агатовый глазок
В тоске мертвеющей усталости,
А птичий рой далек, высок
Над ним пронесся чуждый жалости.

Застыть и мне средь нив-пустынь?
Иль гласом осени приказано,
Дерзнуть-взлететь в Святую Синь,
С которой древле сердце связано?!

Увы! Мой дух страшится, ждет...
Как жажду, жажду детской веры я!
Над головой эфиромет
Вздымают крылья желтосерые.

◆ ◆ ◆

Холодно... Кутаюсь в белый пуховый платок...

В мрачном саду скорбно никнет беседка нагая,
Пурпурный плющ ее бросил одну, увядая.
Зябнет. Тоскует. Шлет красному другу упрек.

Холодно... Кутаюсь в белый пуховый платок...

Печь веселится, искрит пересветом обои.
В мрачном саду умирают покорно левкои.
Грустный паук вьет последний, лучистый моток.

Холодно... Кутаюсь в белый пуховый платок...

Нет его... Нет. Согревал, но огня не дождался.
Красным устал быть... Ушел... Побледнев, оторвался.
Сердце тоскует. Шлет дальнему другу упрек...

Холодно... Кутаюсь в белый пуховый платок...

К ТУЧАМ.

Матери.

Тучи белые и черные мои,
Вы идите, тучи вешние, домой,
Лягте, тучи, в дали теплые свои
Пред студеною серебряной зимой.

Сжат мой колос, скошен красный мой цветок.
Полно Ладе вас, небесные, доить!
Нежным пальцем дождевой молочный ток
Из тяжелых ваших выменей давить...

Я озябла в красоте нагой своей,
Вся закуталася в рыжих волосах,
Заломила хворостинку подлинней
И гоню вас, словно стадо, в небесах.

Под ногами — золотые дерева.
Под босыми — пустыри да журавли...
Уводи своей дорогой, синева,
Стадо Ладино далече от земли!

Вы идите же, коровушки мои,
За далекий, огневой, осенний лес,
Киньте пастбища привольные свои
Средь лазоревых и розовых небес.

К РОСАМ.

Росы, росинки,
Жемчужинки,
Девичьи слезки,
Сыпьтесь на березки,
Сыпьтесь на осинки,
Росы, росинки!

Это — я, Лада,
Звездам рада:
От радости плачу,
Слезы свои прячу
Не в ларцы резные —
В травы луговые.

Плакать дольше —
Жемчуга больше.
Коль от веселья,
Будет ожерелье,
Коли же от счастья,
Будут и запястья.

Слезы, слезинки,
Жемчужинки,
Росы ночные,
Вас кладу в цветы я.
Вас кладу в былинки,
Росы, росинки!

◆ ◆ ◆

Здравствуй, ты погибель моя девья, неминучая!
Льнет ко мне громовник, огневой любовью мучая.
Злая, безответная в руках его лежу,
Маленькая, белая от жарких рук дрожу.

Понапрасну руки те слезами я окапала,
Понапрасну тонкими ногтями исцарапала,
Я ль не хоронилась, не таилась, не блюлась?
Я ли, Лада красная, добром ему далась?

Выдали, нет, выдали глаза меня зеленые...
Засияли в логове, как месяцы влюбленные.
Засияли радостно — а ныне не глядят...
Видно, ослепил он их, златой склонивши взгляд.

Предали, ах, предали меня уста румяные...
Улыбнулись в зелени, как розаны духмяные.
Улыбнулись сладостно — теперь же веют вздох...
Видно, поцелуями настиг он их врасплох.

Изменили руки мне, об'ятия раскинувши,
Изменили волосы, покров свой разодвинувши,
Изменила сила вся, веселость, стыд и страх,
И кругом измена мне: в лесах, лугах, зверях.

Так и погибаю я средь грохота и золота,
Бородою ласковой плечо мое исколото,
В теле нежном девичьем разымчивая боль...
От палючей молоньи, от ярых ласк его ль?

Здравствуй, полюбовник мой, безжалостный и пламенный!
Все на белом свете сотворил ты новым для меня.
Преданная, мудрая в глаза твои гляжу,
Розовая, слабая от счастия дрожу.

ПАСХАЛЬНАЯ.

С. Т. Коненкову.

Голубые — в поднебесье — купола
Зачинают всеми звездами блестеть,
Золотые — в тишине — колокола
Зачинают с перезвонами гудеть.
И расходятся по зелени лугов
Бирюзовая студеная вода,
Песни девичьих высоких голосов
И овечьи, и гусиные стада.
Зачинаю в хороводе я ходить,
Плат мой — белый, синий, синий — сарафан,
Зачинает меня юныш мой любить,
Ликом светел, духом буен, силой пьян.
На лице моем святая красота
Рассветает жарким розовым лучем,
А по телу молодая могота
Разливается лазоревым ручьем!

ОСЕНЬ.

Идут дожди серебряные, рясные.
Быть урожаям богатым!
Пашни рудые, златые и красные
Скатерти стелют по скатам.

Нет соловьев уже, тут еще — чижики,
Машут крылами ветрянки.
Пахнут разымчиво яркие рыжики,
Боровики и поганки.

В алых повойниках бабы веселые
Все запасаются слетьем:
Рубят кочны голубые, тяжелые,
Прячут орехи по клетям.

Девки румяные треплют на солнышке
Льна золотистые мочки,
Сладко грызут на засидках подсолнушки
В долгие, черные ночки.

А на задах мужиками матерыми
Режутся жирные свиньи.
Огненный хмель заплелся над просторами
Вязью сусальной над синью.

РЕКА.

Мчат облаков белобокие челны
Вольной, гулливой, рыбачьей ватагой.
В розовых отмелях бурые волны
Бродят, как в липовых ковшиках брага.

В волнах ныряют под парусом лодки,
В волнах на веслах ползут плоскодонки,
Идут беляны, стройны и неходки,
Идут буксиры, проворны и звонки.

И проплывают баржи смоляные,
Полные тягостным тысячным грузом:
Есть дровяные тут, есть нефтяные,
С хлебом и рыбой, с углем и арбузом

А с берегов на речные просторы
Пристани смотрят, махая флажками,
Нагромоздив под навесом заторы
Кожи с кулями, рогожи с мешками.

С оползней смотрят туда же лачужки,
Ярко - червонные в свете захода,
Древние, древние смотрят старушки
Вниз за бурлящей кормой парохода.

Светятся звезд фонари голубые
С мачт на небесных невидимых барках.
В ярах песчанистых волны рябые
Бродят, как мед в позолоченных чарках.

ЗНАХАРКА.

Погост. Пролетают пугливо
Златистые крылья зарниц.
Кресты и дуплистые ивы...
Унылое уханье птиц...

Не зная ночами покою,
Она из села приплелась,
Горбатая, с толстой клюкою,
С огнями зелеными глаз.

Ее голова уж трясется,
В лице — бородавок не счесть.
Она корешком запасется
И будет давать его есть.

От грыж, огневиц и трясавиц,
Для чар, приворотов и ков,
Испортит румяных красавиц,
Отравит седых стариков.

Сбирает. К ней старая кошка
Прижалася острым ребром,
И скрылась Жар - птица сторожко,
Махнув золотистым пером.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА.

ЗИМА.

Мы вспоминаем тихий снег,
Когда из блеска летней ночи
Нам улыбнутся старческие очи
Под тяжестью усталых век.
Ах, ведь и им, как в наши дни,
Казались все луга иными.
По вечерам в волнисто-белом дыме
Весной тонули и они.
В раю затепленным свечам
Огни земли казались грубы.
С безумной грустью розовые губы
О них шептались по ночам.
Под тихим пологом зимы
Они не плачут об апреле,
Чтобы без слез отчаянья смотрели
В лицо минувшему и мы.
Из них судьба струит на нас
Успокоенье мудрой ночи, —
И мне дороже старческие очи
Открытых небу юных глаз.

◆ ◆ ◆

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн богослов.

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916.

◆ ◆ ◆

Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь.
Целую Вас — через сотни
Раз'единяющих верст.

Я знаю, наш дар — неравен,
Мой голос впервые — тих.
Что вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, —
Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас — через сотни
Раз'единяющих лет.

12 февраля 1916.

СТИХИ К БЛОКУ.

3.

Ты проходишь на Запад Солнца
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель заметает след.

Мимо окон моих — бесстрастный —
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою — не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое,
Поцелую вечерний снег. —

Там, где поступью величавой,
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий - святые славы —
Вседержитель моей души.

2 мая 1916.

◆ ◆ ◆

Отмыкала ларец железный,
Вынимала подарок слезный, —
С крупным жемчугом перстенек,
С крупным жемчугом.

Кошкой выкралась на крыльцо,
Ветру выставила лицо,
Ветры веяли, птицы реяли,
Лебеди — слева, справа — вороны...
Наши дороги — в разные стороны.

Ты отойдешь — с первыми тучами,
Будет твой путь—лесами дремучими, песками горючими.
Душу — выкличешь,
Очи — выплачешь.

А надо мною — кричать сове,
А надо мною — шуметь траве...

Москва. Январь 1916.

◆ ◆ ◆

К озеру вышла. Крут берег.
Сизые воды в снег сбиты,
На голос воют. Рвут пасти —
Что звери.

Кинула перстень. Бог с перстнем!
Не по руке мне, знать, кован!
В серебро пены кань, злато,
Кань с песней.

Ярой дугою — как брызнет!
Встречной дугою — млад-лебедь
Как всполохнется, как взмоет
В день сизый!

6 февраля 1916.

◆ ◆ ◆

Погоди, дружок!
Не довольно ли нам камень городской толочь?
Зайдем в погребок,
Скоротаем ночь.

Там таким — приют,
Там целуются и пьют, вино и слезы льют,
Там песни поют,
Пить и есть дают.

Там в печи — дрова,
Там тихонечко гуляет в смуглых пальцах нож...
Там и я права,
Там и ты хорош.

Там одна — темней
Темной ночи, и никто-то не подсядет к ней.
Ох, взгляд у ней!
Ох, голос у ней!

22 октября 1916.

◆ ◆ ◆

На базаре кричал народ,
Пар вылетал из булочной.
Я запомнила алый рот
Узколицей певицы уличной.

В темном — с цветиками — платке,
— Милости удостоиться —
Ты, потупленная, в толпе
Богомолок у Сергий-Троицы.

Помолись за меня, краса
Грустная и бесовская,
Как поставят тебя леса
Богородицей хлыстовскою.

27 июня 1916.

◆ ◆ ◆

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может — пьют вино,
Может — так сидят,
Или просто рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Не от свеч, от ламп чернота зажглась, —
От бессонных глаз.

Крик разлук и встреч
Ты, окно в ночи!
Может сотни свеч,
Может, три свечи...
Нет и нет уму
Моему покоя
— И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

23 декабря 1916. Москва.

НАДЕЖДА ПАВЛОВИЧ.

◆ ◆ ◆

Ты возникаешь предо мной,
О, муза, ангел мой убогий,
И пыль клубится по дороге,
И ветер ходит вышиной...

Но кто поймет очарованье
Твоих по-детски крупных рук
И складку губ, таящих звук
Неисцелимого страданья?

1914—1921.

◆ ◆ ◆

Извечную печаль таит в себе природа,
О, смуглый лик луны над вырезом дерев
И звезд едва мерцающий посев
На черноземе тучном небосвода,

И белый камень в серебре полей,
Невыразимые таящий думы,
И моря шум тревожный и угрюмый,
И слезы на листве упругой тополей!

И, если ветерка проносится дыханье,
Как эхо музыки незримых сфер,
Лишь призрачный господствует размер
Над хаосом неясным содроганья.

И музыка сама — не есть ли только звук
Косноязычных слов, невоплотимых мук
Первоначального молчанья?

◆ ◆ ◆

Наталии Николаевне
Миловидовой.

... И в печке лег огонь крестом...
О чем, о чем поют дрова?
Взгляни — забудешь обо всем
И закружится голова

И лестницею золотой
Уходят угли в глубь жерла,
И тень мелькнула... Друг, постой,
Тебя узнать я не смогла.

И ходит синий огонек
По притухающим углям,
И весь теплый ветерок
По волосам и по щекам...

◆ ◆ ◆

Как прежде закатом окна горят,
Как прежде поет подо льдом вода;
Но тот, кто любил и весну и закат,
Тот не пройдет здесь никогда.

А сердцу нужен единственный сон:
Талый снег, облака в огне,
И ушедший друг (он давно прощен),
Но этот сон не приснится мне.

◆ ◆ ◆

Летит, качается вагон,
Поскрипывают буфера,
И тот, кто в этот час влюблен,
Был незнаком вчера.

Счастливая моя метель,
Воздушный, белый хмель...
Была душа и нет души...
Снежок, лети. Снежок шурши.

И тот, кто в этот час влюблен,
Забудет обо всем...
Лети мой поезд под уклон,
Греми глухим мостом.

Жизнь унеси и оглуши.
Была душа и нет души.

◆ ◆ ◆

Ни о чем он, ни о ком он,
В легких листьях птичий гомон...
Слышишь шорох быстрых крыл?..

Будь и ты таким! — ведь просто!
Ночью сосчитаешь до ста,
И заснул, и все забыл...

◆ ◆ ◆

О. Д. Форш.

Покой и труд. Безумия страстей
Великопостный день не знает,
И белым голубем над родиной моей
Высокий, чистый звук слетает.

А небо все в серебряном огне,
А небо все в таком простом сиянье,
Что стыдно тосковать и плакать мне
И даже помнить о страданье...

◆ ◆ ◆

Берегом, берегом, с разбегу,
Туда, где в буране ослепли дома,
Где в день и в поле осыпается снегом
Зимних дерев буревая кутерьма!
В домике старого лесничего
Жарко топят печь.
От говора огня, как от говора птичьего
Ни ходить, ни сесть, ни лечь.
И поет огонь
О том,
Что метельный конь
За окном.
На узде коня
Алая звезда,
Что уедешь среди дня,
Не вернешься никогда.
И куда уносит конь—
Нам не знать,
Только мертвую ладонь
Кто-то будет целовать.
Только кто-то пропоет:
„Упокой".
Только путь наш заметет
Снегом и тоской...
В домике старого лесничего
В очаге одна зола,
У окошка его нищего
Снеговая дышит мгла.
Конь далеко ускакал.
Кто уехал – тот пропал.

◆ ◆ ◆

Клавдии Невлениновой.

Смотри, я измучена городом смерти и славы
И прямо в лицо мне дохнула ночная земля,
А где-то заря молодая одела высокие главы,
Свинцовые главы, стрельчатые башни Кремля...

Сестра моя! Полнятся звонами ветки тугие,
Я знаю, — ударит Иван свысока, — а за ним
Серебряной лестницей в небо уходят другие,
И тысяча тысяч свечей, мы идем, мы горим.

Я этого сна не могу позабыть с полуночи,
Дышу этим сном, вспоминаю, томлюсь и люблю,
И смотрятся в душу московские синие очи
И черное небо в родимом краю.

У ПАМЯТНИКА ГОГОЛЯ.

Молчи! Молчи, мой черный Гоголь!
Спины тебе не разогнуть!
Смеялся ты и плакал много ль,
Российский измеряя путь?

Какою мечтою сердце мучишь,
В какой дали ты видишь сон,
Когда летит от сизой тучи
Московский перекрестный звон?

Когда учебною стрельбою
В комки горячий воздух сбит
И вздрагивает под тобою
Пустынной площади гранит,

Все сумрачней, все безлюбовней,
Следишь ты нашей жизни дым, —
На ведовской твоей жаровне
Мы, души мертвые, горим.

НАТАЛИЯ КРАНДИЕВСКАЯ.

◆ ◆ ◆

Не окрылить крылом плеча мне правого,
Когда на левом волочу грехи.
О, господи,— я знаю от лукавого
И голод мой, и жажда, и стихи.

Не ангелом-хранителем хранима я,—
Мечта-кликуша за руку ведет,
И купина твоя неопалимая
Не для меня пылает и цветет.

Кто говорил об упоеньи вымысла?
Благословлял поэзии дары?
Ах, ни одна душа еще не вынесла
Бесследно этой дьявольской игры!

◆ ◆ ◆

Для каждого, есть в мире звук,
Единственный, неповторенный.
Его в пути услышишь вдруг
И, дрогнув, ждешь, завороженный.

Одним звучат колокола
Воспоминанием сладчайшим,
Другим — звенящая игла
Цикад над деревенской чащей.

Поющий рог, шумящий лист,
Органа гул, простой и строгий,
Разбойничий, недобрый свист
Над темной полевой дорогой.

Шагов бессонный стук в ночи,
Морей тяжелое дыханье,
И все струи, и все ключи
Пронзают бедное сознанье.

А мне одна поет краса!
То рокоча, то замирая,
Кристальной фуги голоса
Звенят воспоминаньем рая.

О, строгий, солнечный уют!
Я слышу в звуках этих голых
Четыре ангела поют,—
Два огорченных, два веселых.

1916.

◆ ◆ ◆

Фаусту прикидывался пуделем,
Женщиной к пустыннику входил,
Простирал над сумасшедшим Врубелем
Острый угол демоновых крыл.

Мне ж грозишь иными приворотами,
Душу испытуешь красотой,
Сторожишь в углах перед киотами
В завитке иконы золотой.

Закипаешь всеми злыми ядами
В музыке, в преданиях, в стихах,
Уязвляешь голосами, взглядами,
Лунным шаром бродишь в облаках.

А когда наскучит сердцу пениться,
Косу расплету ночной порой,—
Ты глядишь из зеркала смиренницей—
Мною, нечестивою, самой.

1919.

◆ ◆ ◆

День прошел, да мало толку!
Потушили в зале елку.
Спит, забытый на верхушке,
Ангел, бледный от луны.
Золотой орешек с елки
Положу я под подушку,—
Будут радостные сны.

В час урочный скрипнет дверца,—
Это сон взойдет и ляжет
К изголовью моему.
— Спи, мой ангел,— тихо скажет.
Золотой орешек-сердце
Положу на грудь ему.

◆ ◆ ◆

Как высказать себя в любви?
Не доверяй зовущим взглядам.
Знакомым сердце не зови
С тобою бьющееся рядом.

Среди людей, в мельканьи дней,
Спроси себя: кого ты знаешь?
Ах, в мертвый хоровод теней
Живые руки ты вплетаешь!

И кто мне скажет, что ищу
У милых глаз в лазури темной?
Овеяна их тишью дремной,
О чем томительно грущу?

Хочу ли тайной жизни реку
В колодцы светлые замкнуть?
О, если б ведать трудный путь
От человека к человеку!

БОЛЕЗНЬ.

Покрой мне ноги теплым пледом,
И рядом сядь, и руку дай,
И будет с ласковым соседом
Малиновый мне сладок чай.

Пускай жарок, едва заметный,
Гудит свинцом в моей руке,—
Я нежности ветхозаветной
Прохладу чую на щеке.

Все меньше слов, все меньше силы,
Я вздохом говорю с тобой,
И словно воздух льется в жилы,
Невыразимо голубой!

1919.

◆ ◆ ◆

Над дымным храпом рысака
Вздымает ветер облака.

В глухую ночь, в туманы, в снег
Уносит сани легкий бег.

Ни шевельнуться, ни вздохнуть,—
Холодный воздух режет грудь.

Во мраке дачи и сады,
И запах снега и воды.

О, пожалей, остановись,
Уйми коней лихую рысь.

Но тверже за спиной рука,
Все громче посвист ямщика,

Все безнадежней, все нежней
Звенят бубенчики коней,—

И сумасшедшая луна
В глазах твоих отражена.

◆ ◆ ◆

С севера — болота и леса,
С юга—степи, с запада—Карпаты,
Тусклая над морем полоса —
Балтики зловещие закаты.

А с востока — дали, дали, дали,
Зори, ветер, песни, облака,
Золото и сосны на Урале,
И руды железная река.

Ходят в реках рыбы-исполины,
Рыщут в пущах злые кабаны,
Стонет в поле голос лебединый,
Дикий голос воли и весны.

Зреет в небе, зреет, словно колос,
Узкая медовая луна...
Помнит сердце, помнит! Укололось
Памятью на вечны времена.

Видно, не забыть уж мне до гроба
Этого хмельного пития,
Что испили мы с тобою оба,
Родина моя!

Париж. Декабрь 1920

◆ ◆ ◆

Полынь, трава степной дороги,
Твой горький стебель—горьче слез.
Церковный запах, нежный, строгий,
Так далеко меня унес.

Дышу тобой, и вот пьяна я,
Стою у пыльного куста...
О, горечь русская, степная,
И тишина, и широта!..

МАРИЯ ШКАПСКАЯ.

◆ ◆ ◆

Как много женщин ты ласкал
и скольким ты был близок, милый.
Но нес тебя девятый вал
ко мне с неудержимой силой.
В угаре пламенных страстей,
как много ты им отдал тела.
Но матерью своих детей
Ты ни одной из них не сделал.
Какой святой тебя хранил?
Какое совершилось чудо?
Единой капли не пролил
ты из священного сосуда.
В последней ласке не устал
и до конца себя не отдал.
Ты знал? О, ты наверно знал,
что жду тебя все эти годы.
Что вся твоя и вся в огне,
полна тобой, как медом чаша.
Пришел, вкусил и весь во мне,
и вот дитя — мое, и наше.
Полна рука моя теперь,
мой вечер тих и ночь покойна.
Господь, до дна меня измерь, —
я зваться матерью достойна.

◆ ◆ ◆

О, тяготы блаженной искушенье,
соблазн неодолимый зваться „мать“
и новой жизни новое биенье
ежевечерне в теле ощущать.
По улице идти как королева,
гордясь своей двойной судьбой.
И знать, что взыскано твое слепое чрево
и быть ему владыкой и рабой,
и твердо знать, что меч господня гнева
в ночи не встанет над тобой.
И быть как зверь, как дикая волчица,
неутоляемой в своей тоске лесной,
когда придет пора отвоплотиться
и стать опять отдельной и одной.

◆ ◆ ◆

Быть бы тебе хорошей женою,
матерью детям твоим.
Но судил мне господь иное,
и мечты эти — дым.
По суровым хожу дорогам,
по путанным тропинкам иду.
По пути суровом и строгом
ненадолго в твоем саду.
Рву цветы и сочные злаки,
молюсь имени Твоему.
Но ворчат за стеной собаки:
— Чужая в дому.
А как жаль оставить тебя за стеною...
Слезы в глазах — как дым...
Как бы я хотела быть твоей женою
И матерью детям твоим.

◆ ◆ ◆

О, сестры милые, с тоской неутолимой,
В вечерних трепетах и в утренних слезах,
С такой мучительной, с такой неукротимой,
С несытой жадностью в опущенных глазах,

Ни с кем не вяжут вас невидимые нити,
И дни пустынные истлеют в мертвый прах.
С какою завистью вы, легкие, глядите
На мать усталую, с ребенком на руках.

Стекает быстро жизнь, без встречи, но в разлуке.
О, бедные, ну как помочь вам жить,
И темным вечером в пустые ваши руки
Какое солнце положить?

БИБЛИЯ.

Ее на набережной Сены
В ларце старуха продает,
И запах воска и вербены
Хранит старинный переплет.
Еще упорней и нетленней

Листы заглавные хранят
И даты нежные рождений
И даты трудные утрат.
Ее читали долго, часто,
И чья-то легкая рука
Две-три строки Экклезиаста
Ногтем отметила слегка.
Склоняюсь к книге. Вечер низок.
Чуть пахнет старое клише.
И странно делается близок
Моей раздвоенной душе
И тот, кто счел свой каждый терний,
Поверив, что господь воздаст,
И тот, кто в тихий час вечерний
Читал Экклезиаст.

ПОКОЙ.

Есть в русской природе усталая нежность.
Бальмонт.

Мне снятся русские кладбища
В снегу, по зимнему чисты,
В венках стекляиных ветер свищет
И гнет усталые кресты.

Переступивших и достойных
Равняет утренняя мгла,
И так смиренно, так спокойно,
Так много грусти и стекла!

Прилечь, притихнуть, стать, как инеей,
Как этот хрупкий, скрипкий снег,
И белых туч на кровле синей
Следить прозрачный легкий бег.

И знать, что скорби и волненья
Сквозь этот снеговой покой
Не тронут скорбного успенья
Своею цепкою рукой.

◆ ◆ ◆

В маленькой заклеенной загадке,
В розовом конвертике с подкладкой,
С маркой двадцатипятисантимной,
Пишут мне печально и интимно,
Что Володя думает жениться,
Но поедет летом за границу,
Чтоб со мною повидаться снова,
Что сильна, должно быть, власть былого.
Добавляют также осторожно,
Что жена его совсем ребенок,
В мужа без ума влюбленный,
Что ее сломить легко и просто можно.
Чувствую их острые намеки,
Страх и опасенья, чтобы мой далекий
Вновь не стал бы близким и безвластным.
Пишут мне, как женщине опасной.
Верен их расчет и очень-очень тонок.
Но того не знают,
Что не львица светская, — ребенок
Проведет с письмом всю ночь, рыдая,
И о ней, страдающей украдкой,
Не напишут никому интимно
В розовом конвертике с подкладкой,
С маркой двадцатипятисантимной.

СЕРДЦЕ В ВАТКЕ.

Положу свое сердце в ватку,
Как кладут золотые браслеты.
Пусть в суровой за счастье схватке
Не следит суеверно приметы.
На победу надежды шатки,
Неудачу пророчат ответы.
Положу свое сердце в ватку,
Как кладут золотые браслеты.

ЕКАТЕРИНА ВОЛЧАНЕЦКАЯ.

◆ ◆ ◆

Лед взломало .. Не в весеннюю пору бурливую —
В непогодные осени дни...
Что ж не слышу я птицу пугливую?—
Прилетай, взвейся выше над нивою,
Громче песню запой, чтоб на тающем снеге
Поднялись молодые побеги.
А над мчащим потоком
Солнце смотрит взволнованным оком,
Как ломается льдина за льдиною,
К морю дальнему стаей плывет лебединою,
И в раздольи великом
Чайки кружат с произительным криком,
И на круче, над стынущим бором,
Кто-то жадно следит немигающим взором
За раскованным духом
И упрямым, коснеющим слухом
Внемлет крику, и гулу, и пенью
И надеется снова
Разостлать ледяного покрова
Цепенящие путы...
Но стремительно каждой минуты
Огневое паденье,
Слишком быстро теченье,
Слишком долго мы были безмолвными,
Слишком золото солнце над волнами;
Лед взломало.

Октябрь 1917—1918.

◆ ◆ ◆

В эти дни особенно радостно слушать,
Что Христос родился в яслях,
Гладил ослика шелковистые уши,
А звезды над ним загорались и гасли.

На солнечной улице ребятишек чумазых
Учил обычным детским потехам,
Играл с овцами, а быков черноглазых
Хватал за рога с счастливым смехом;

Потом возвращался в хижину жалкую,
Спать ложился с сонными глазками,
У постельки садилась Мария с прялкою
Его баюкать наивными сказками.

И рос он, маленький, умным, послушным,
Но был, наверно, большим проказником,—
Любил босиком бегать по лужам,
А сандалии надевал только по праздникам.

◆ ◆ ◆

Вячеславу Иванову.

Воскрес Великий Пан; смеясь, на нивы
Сбегает тень от шелеста дубов,
Воздушней лет бездумных облаков,
И у гнезда голубки говорливы,

Ласкает ветр священные оливы,
Таинственней роптание ручьев,
Прозрачней мгла весенних вечеров
И трепетней восхода переливы.

Увиты гроздьями, вакханки пляшут,
Поет свирель, и радостный Эрос
Пасет в лугах золоторогих коз,
И, теплым молоком наполнив чашу,
В ней омочив румяные уста,
Склонясь, поит и Вакха, и Христа.

◆ ◆ ◆

Андрею Белому.

Всходило сердце, полное любви,
Ночные мысли, вспыхивая, гасли;
Живую душу, пеленой обвив,
Как дар Христу, я положила в ясли;
Над ней с улыбкой руку протянул,
Благословил и отдал на распятье.
Иду встречать безгрешную весну,
Смирив желанье грешного об'ятья;
Не зная ласк, растут мои слова,
И ум, и сердце ширятся бескрайно;
А надо мной, по-старому жива,
Священная, сквозная синева,
Налитая неизреченной тайной.
Не зная ласк, в себя приемлю мир,
И „я“ свое я растворяю в мире,
Горящий мозг — мой голубой эфир,

И мысли-звезды теплятся в эфире;
Но выше звезд и шире синевы
Лучится сердце солнечною пылью;
Моя слеза — на стебельках травы,
Моя улыбка — в золоте листвы,
И ветра вздох мои вздымает крылья.

◆ ◆ ◆

Хочется любви, простой и бесхитростной,
Красных огоньков настурции на окошке;
Выбежать за ворота в платье ситцевом,
В белом платке с голубыми горошками;
На шею повесить янтарные бусы,
Пестрою лентой связать волосы,
Встретить милого, с кудрями русыми,
Карими глазами и звонким голосом.
И можно отдать все мировые трагедии,
Которыми книги поэтов наполнены,
За простую радость — любовь встретить
Под вечер за воротами, грызя подсолнухи.

◆ ◆ ◆

Желтокрылых мотыльков шальная стая
Забегает плясовою вереницей;
Я люблю, когда огонь стихи читает,
Перелистывая каждую страницу,
И на каждой загибает уголки,
Ярким ногтем оставляя жгучий след,
Расцветают золотые лепестки,
Раскрывается невиданный букет;
Он увянет, окрылившийся едва,
В голубых огнях трепещущей свирели...
Загорайтесь же и мысли, и слова
Так, как некогда в душе моей горели!

◆ ◆ ◆

На обрывистом, песчаном берегу
В ночь безлунную я звезды стерегу,
И подслушанные сказки тростника
Чертит посохом пастушеским рука;
Пастуха ночного сладок мне удел:
Одинокий жук над ухом прогудел,
Всколыхнулась рыба сонная в пруду,
Затенила туча яркую звезду,
И ночница мягко-режущим крылом
Круг таинственный обводит над селом:
Жадно пьют луга молочную росу ..
До утра стада лучистые пасу.

◆ ◆ ◆

Сердце—разыгравшийся школьник,
Прыгает сильней и живее;
Снова плывет треугольник
Журавлей,
Снова закон непреложный
Дарует амнистию.
Оттого что большой художник
Взял солнечные кисти;
Ливнем весенним обмоет,
Просушит на вербе ласковой,
И на ушко ей
Расскажет чудесные сказки;
А непросохшие вытрет
Краем облака изумленного;—
Вот почему на синей палитре
Золотое и зеленое.

ЗИМА.

Есть радость тайная в сгорании,
И сладость „вспышек“ огневых;
О пробужденья, слишком ранние!
И набережная Невы,

Исакий, строгий и таинственный,
Мистическая полумгла,
Где у колонн, тебе, единственный,
Я в первый раз свечу зажгла.

А после, на ступенях паперти,
Когда печаль была острей,
Следила, как на снежной скатерти
Ложились пятна фонарей;

И, над оснеженными плитами,
Глубоко мщенье затая,
Прижата медными копытами,
Дрожала медная змея.

Петроград.

ВАРВАРА БУТЯГИНА.

В ВЕСНЕ.

Образа, тишина и подвижники,
Вам зимою псалом мой пропет.
На веселом просохшем булыжнике
Нахожу прошлогодний мой след.

Наши души — озера проточные:
Все втечет и уйдет через сны.
У ребенка с глазами цветочными
Покупаю на грошик весны.

И фиалки волной аметистовой
Ароматом врастают в ладонь.
День весенний к молитве неистовой
Надевает цветную фелонь.

И иду я с глазами раскрытыми.
Ветер, дни мои все распыли.
Только слышно, как бьется под плитами
Пробужденное сердце земли.

◆ ◆ ◆

Золотую паутину выткал
На лугу узор кувшинок желтых.
Разве сдержит белая калитка,
Если всю желанием оплел ты?

Я шаги рассыпала по скату,
Для меня сегодня—день медовый.
Наберу пригоршнями я мяту,
Буду плавать в запахе сосновом.

А потом, забыв о дне и часе,
Обниму тебя рукою смуглой.
И костер заката ночь погасит
И задует золотые угли.

ЛАНЬ.

Осень — пятнистая лань с золотыми рогами —
В чащах и просеках бьет золоченым копытом.
В чуткой тревоге поводит большими глазами
В воздухе, листьями взрытом.

Взглянет направо,—и лист на кусте покраснеет
Брызнут рубинами раненых ягод кровинки.
Ветер—осенний метельщик—разместь не успеет
Нить протореиной тропинки.

Взглянет налево,—и листья в тревоге взметнутся.
Воздух потянет,—и в роще запахнет грибами.
Все до конца из далеких углов отзовутся,
Робко приблизятся сами.

Ночью луна умиранью мешает лучами.
Тихо светила проходят по звездным орбитам.
Слышишь? Пятнистая лань с золотыми рогами
Бьет золоченым копытом.

ВЕСНА.

По ясным дням своей походкой шаткой
Ушла зима в пробитый солнцем срок,
И сладко слышать, сбросивши перчатки,
На зябких пальцах теплый ветерок.

Куда итти, чтоб путь был тих и звезден?
А в воздухе чуть слышен аромат,
И сумерок сиреневые гроздья
Над городом оттаявшим висят.

Опять в душе взволнованно и хрупко
Встает мечта о дальних парусах,
А память — белокрылая голубка —
Воркует мне о невозвратных днях.

Куда скользну по скату золотому?
А с каждым днем все звонче и нежней
Кладет закат в вечернюю истому
Пригоршни бус и розовых камней.

ЛЕСНОЙ СКИТ.

Я заточу себя в скиту,
Где за стеной не светят главы,
Найду замшенную плиту
И положу молитву в травы.

Молиться буду не крестом,
А тем, что я целую землю
В затишье скрытом и простом.
И все кругом тогда задремлет.

Концом павлиньего пера,
А листья будут все качаться,
Тебя, мне снившийся вчера,
Впишу в мои лесные святцы.

И будет миг мой тих и прост,
Когда в вечерний воздух клейкий
Взойдет на колокольню звезд
Монах в серебряной скуфейке.

СКИТ.

Забытый скит над прудом сонным.
Заросший травами погост.
В воротах — стертые иконы,
И в каждом дне — великий пост.

Колодезь на священном месте.
Дрожащий мостик через ров.
И благовест протяжный крестит
Клобук поникших вечеров.

А бор ветвей зеленый трепет
Вливает в чашу тишины,
Душой ничьей он жадно не пит,
Хоть бродят тени у стены.

Не пустят в скит лесную сказку
Затворы розовых оград.
И молит пруд в зеленой ряске
О свете месячных лампад.

ОСЕННЕЕ КОЛЬЦО.

Ранняя осень. Хрупкие дни.
В роще березовой желтые пни.
Мхи бархатистые. Пурпур брусник
Каплями крови к травинкам приник.

В бронзовых ветках висят хрустали —
Первые слезы уставшей земли.
В грезовой ясности — светлый закон.
Ветер в осеннюю хрупкость влюблен.

Ветер осенней воздушности рад.
Ветер танцует с листвой листопад.
В быстром полете травинку прижал,
Помнить о ней до весны обещал.

Вся золотая в закатных лучах,
В мягком платке на озябших плечах,
Девушка в роще, в густой синеве
С пальца кольцо потеряла в листве.

ГРЕХ.

Вечер-сверчок притаился в углу, за киотом.
Лик потемневший в печаль неизбытую канул.
Кто-то стучит. Но не стану я спрашивать „кто там?“
Кто-то стучит, но с колен ни к кому я не встану.

Жемчуг на ризе—крупинки нетающих градин.
Длинные тени упали от ветки еловой.
Ночью тобою с груди моей крестик украден.
Жаркой молитвой должна я вымаливать новый.

Месяц в окне голубую лампадку затеплил.
Белые четки, взойдя, уронил к аналою
Счастье мое я найду ли в разметанном пепле?
Счастье мое, что кувшинкой цвело золотою?

В темный киот от звезды перешла позолота.
Скоро заря упадет плащаницей багряной.
Кто-то стучит. Но не стану я спрашивать „кто там?“
Кто-то стучит, но с колен и к тебе я не встану.

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА.

◆ ◆ ◆

Остроконечные чернеют в небе крыши;
Спит город тяжким сном.
Шаги мои быстры, и сердце бьется тише.
Вот и знакомый дом.

Да. Окна пестрые, и на стене распятье,
И сад в левкоях сплошь.
Повсюду веянье незримой благодати.
Ты, милый, здесь живешь.

У запертых дверей я громко постучала
Три раза, словно встарь.
Ты вышел медленно, походкою усталой,
Неся в руке фонарь.

Ты на меня взглянул внимательней и строже
И не узнал меня.
Сказал: „Нехорошо людей во сне тревожить,
Вам разве мало дня?“

◆ ◆ ◆

Он сказал: „Прощайте, дорогая,
Может быть, я больше не приду“.
По аллее я пошла, не зная,
В Летнем я саду или в аду.

Тихо, пусто. Заперты ворота,
Но зачем теперь итти домой?
Меж деревьев черных — белый кто-то
Бродит, спотыкаясь, как слепой.

Вот подходит ближе. Встала рядом
Статуя, сверкая при луне,
На меня взглянула белым взглядом,
Голосом глухим сказала мне:

„Хочешь, поменяемся со мною?
Каменное сердце не болит.
Каменной ты станешь, я — живою.
Встань сюда, возьми мой лук и щит“.

„Хорошо, — согласно я сказала, —
Вот мое пальто и башмаки“.
Статуя меня поцеловала.
Я взглянула в белые зрачки.

Губы шевелиться перестали
И в груди не слышу теплый стук.
Я стою на белом пьедестале,
Щит в руках и за плечами лук.

Утро... С молоком проходят бабы;
Дети и чиновники спешат;
Звон трамваев, дождь и ветер слабый
И такой обычный Петроград.

Господи!.. И вдруг мне стало ясно:
Мне любимого не разлюбить,
Каменною стала я напрасно,
Камень будет дольше тела жить.

А она уходит, напевая,
В рыжем клетчатом пальто моем.
Я стою, холодная, нагая,
Под осенним проливным дождем.

◆ ◆ ◆

Январская луна. Огромный снежный сад.
Неслышно мчатся сани.
И слово каждое, и каждый новый взгляд
Тревожней и желанней.

Как облака плывут! Как тихо под луной!
Как грустно, дорогая!
Вот этот снег, и ночь, и ветер над Невой
Я вспомню умирая.

◆ ◆ ◆

С луны так сладостно и верно веет
Торжественным предчувствием любви.
Но верить радости печаль не смеет.
Печальных, господи, благослови!

Качая крылья, пролетает птица,
Благоуханно дышит резеда,
Любовь и радость могут только сниться.
Не видела тебя я никогда.

И все напрасно здесь, на этом свете.
Когда-нибудь найдешь ты мой портрет,
— Кто это? — спросишь ты. Тебе ответят,
Кто я была и что меня уж нет.

Задумаешься ты и тихо скажешь:
— Вот эту женщину я б мог любить...
Я знаю—это будет, знаю даже,
Что ты потом уж не захочешь жить.

◆ ◆ ◆

Под окном охрипшая ворона
Глухо каркнула. Взошла луна.
Город спит. Ни шороха, ни звона.
И не сплю теперь лишь я одна.

И теперь тебе, я знаю, снится,
Что ты в комнате своей сидишь,
Смотрят со стены родные лица,
И тебя оберегает тишь.

Вот вхожу к тебе я рыжей кошкой,
Мягкою, пушистою, большой.
Вспрыгнула бесшумно на окошко,
Зорко наблюдая за тобой.

Как иголки, ранят злые взгляды
Немигающих зеленых глаз,
И ты знаешь, нет тебе пощады:
Все окончится теперь, сейчас.

Не уйти тебе от кошки рыжей —
С рыжей женщиной ты был жесток.
Вот я подползаю ближе, ближе,
Вот сейчас я сделаю прыжок!

РОБЕРТ ПЕНТЕГЬЮ.

Возле церковной ограды дом,
Живет в нем веселый могильщик Том
С женой своей Ненси и черным котом.
Если поют колокола, —
Новая к богу душа отошла —
Роет могилу веселый Том,
Мертвому строит уютный дом.

Вечером как-то могилу он рыл.
Было уж поздно, и солнце зашло.
Тому нестрашно между могил,
Могильное любит он ремесло.
Окончив работу, идет он домой,
Вполне довольный своей судьбой.
В сумерках зимних блеснули огни,
Словно мерцанье церковных свеч.
Том прошептал: — Господь, сохрани!
Вдруг он услышал людскую речь.
Кто-то зовет его: — Том, эй, Том!
В страхе он оглянулся кругом.
На свежей могиле уселись в ряд
Девять котов, и глаза их горят.
Том закричал: — Кто меня зовет?
— Я, — отвечает огромный кот.
Шляпу могильщик снимает свою:
Никогда не мешает вежливым быть.
— Чем, сэр, могу я вам служить?
— Скажите Роберту Пентегью,
Что Молли Грей умерла.
Не бойтесь, вам мы не сделаем зла. —
И с громким мяуканьем девять котов
Исчезли в темной чаще кустов.

Ненси пряжу прядет и Тома ждет,
Сонно в углу мурлычет кот.
Том, вбегая, кричит жене:
— Ненси, Ненси, что делать мне?
Роберту Пентегью я должен сказать,
Что Молли Грей кончила жизнь свою,
Но кто такой Роберт Пентегью?
И где я могу его сыскать? —
Тут выскочил черный кот из угла
И закричал: — Как? Молли Грей умерла?
Прощайте. Пусть бог вам счастье пошлет...
И прыгнул в окошко черный кот.

Динь-дон, динь-дон, динь-динь-дон,
Похоронный утром несется звон.
Десять юношей в черных плащах
Белый гроб несут на плечах.
— Кого хоронят? — Том спросил
У Сэма, уборщика могил.
— Никто не слыхал здесь раньше о ней,
Зовется она Молли Грей.
И юношей этих не знаю совсем, —
Ответил Тому уборщик Сэм.
И плюнул с досады. А Том молчал.
Ни слова Сэму он не сказал.

Я слышала в детстве много раз
Простонародный этот рассказ,
И пленил он навеки душу мою:
Ведь я тоже Роберт Пентегью,
Прожила я так много кошачьих дней,
Когда же умрет моя Молли Грей?

ВЕРА ИНБЕР.

◆ ◆ ◆

Как тонка минут бегущих нить,
Как широк поток сегодня млечный.
Я готова душу погубить,
Лишь бы этот вечер длился вечно.

Скатерть, словно саван холодна,
Как лампада чист бокал хрустальный...
Запах роз и белого вина,
Все это прекрасно и печально.

Звезды, бледность твоего лица,
Все это печально и прекрасно.
Наши столь несхожие сердца
Бьются упоительно-согласно.

◆ ◆ ◆

Как уйти от этой жизни милой,
Где поют дожди под звездной сеткой,
Где деревья самой тонкой веткой,
Словно держат сердце снежной силой?

Как оставить соль, вино и злаки,
И огонь в камине ночью зимней?
Как оставить (господи, прости мне)
Лапы толстые моей собаки?

Как уйти, укрыться вечной тенью,
В час, когда над морем солнце жгуче?
Друг, скажи, что вечно жить — не лучше.
Друг мой, научи меня смиренью.

◆ ◆ ◆

Ты помнишь Геную? Прогулки по утрам,
И шляпы на ослах, и запах лука,
И то, как, неприятно было нам,
Что в розовом дворце теперь контора Кука?

Как зол лакеев был ареопаг
В кафэ еще неубранном и сонном!
Над русским консульством знакомый флаг
Приветствовали мы поклоном...

И как мы не уехали едва
За бедным эмигрантом в Чили,
Как путали мы деньги и слова,
И как друг друга там любили.

◆ ◆ ◆

Волна без пены. Солнце без огня.
Зайчата на сырой полянке.
Как это чуждо мне, южанке,
Как это странно для меня.

В недоумении я чту весны чужой
Мне непонятные красоты:
Стыдливое цветенье хвой
И зори бледные, как соты.

Но как меня томит и гложет
Мечта о небе синего синей!
И северной весне в душе моей
Созвучья нет и быть не может.

◆ ◆ ◆

Шелестя сухими злаками,
Подымая синий дым,
Осень с рыжими собаками
Рыщет по садам пустым.

Вслед летят, свистя и гикая,
Листья с мохом и корой,
Осень, хищная и дикая,
Воздух нюхает сырой.

В утро злое и ненастное
Инеем дохнет земля,
И лисицу, лето красное,
Осень выгонит в поля.

И с борзыми одичалыми
Приступая к дележу,
Обагрит ручьями алыми
Обнаженную межу.

◆ ◆ ◆

Ты проходишь, ты ищешь, ты жаждешь плениться,
Ты пленяешься издалека.
Я же вишне подобна, надклеванной птицей:
Я сладка и горька.

После лета, слежу в облаках и туманах
Зарожденье осеннего дня.
Если ищешь плодов безупречно-румяных,
Не трогай меня.

Значит, это не ты, предназначенный роком,
Кто придет из-за гор и морей,
Чтоб упиться моим опороченным соком,
Горечью сладкой моей.

◆ ◆ ◆

Такой покой, как будто выпал снег,
А за окном всего лишь день осенний.
Прекрасен туч неторопливый бег,
И запах сада полон томной лени.

Да не обманет нас осенний рай,
Да не смутят нас шалости и вздохи!
Дни осени — большие скоморохи:
Как ты в любовь, сентябрь играет в май.

Ты как сентябрь, таишь незримый молот.
Но я не задержу свою ладью,
Предпочитая благородный холод
Искусно подогретому питью.

◆ ◆ ◆

Что суетные мысли и слова,
Как сердцу тосковать иль ненавидеть,
Когда прозрачность неба такова,
Что можно ангела увидеть;

Когда над городом воздушный ток
Приобретает плавную летучесть,
И моря край отчетливо-далек,
И даже смертных, нас, прекрасней участь;

Когда в витринах: куклы голова,
Плоды и книги, золото и ткани, —
Как бы теряют тяжесть вещества
От чьих-то нам невидимых касаний.

◆ ◆ ◆

Больному солнцу выйти лень,
Хотя давно трубили зорю.
Как хорошо в осенний день
Собраться в путь к родному морю.

И мил мне даже дождь косой,
Затем, что я безмерно рада:
Я возвращусь к себе домой
Как раз к началу листопада.

Там будет воздух чист и прян
Под безконечно-синим сводом.
И вас, несчастных северян,
Я пожалею мимоходом.

◆ ◆ ◆

Хорош воскресный день в порту весной:
Возня лебедок не терзает слуха,
На теплом камне греется, как муха,
Рабочий, оглушенный тишиной.

Я радуюсь тому, что я одна,
Что я не влюблена и не любима,
Что не боюсь я солнцем быть палима,
И стать смуглей кофейного зерна.

Что я могу присесть легко на тюк,
Вдыхать неуловимый запах чая,
Ни на один вопрос не отвечая,
Ничьих не пожимая нежно рук.

Что перед сном смогу я тихо петь,
Потом сомкну, как девственница, вежды,
И поутру нехитрые одежды
Никто не помешает мне надеть.

◆ ◆ ◆

Тяжелознойные лучи легли
На пышные фруктовые сады,
Преобразуя горький сок земли
В сладчайшие плоды.

От солнца ал, серебрян от луны,
Тяжелый персик тянется в уста,
И груши упоительно-бледны
Под зонтиком листа.

Внимая пенью пчел, глаза закрыв,
Под старым деревом лежи и жди:
Подует ветр, и хлынут спелых слив
Лиловые дожди.

Чем глубже лето — тем пышнее сад;
Клонится до земли живой венец,
И царь плодов — кудрявый виноград
Явился наконец.

◆ ◆ ◆

Сердце мое и душа ждут,
Чтобы их закат наступил.
В старости есть чистота и уют
Голубиных крыл.

Томила меня и томит теперь
Любовь к одному — грех.
Старость — это тихая дверь,
За который любят всех.

Старость — это желтый висок
С прядкою белых волос.
Старость это пуховый платок
С запахом слез.

◆ ◆ ◆

Месяцы нас разделили,
Я даже не знаю, где ты,
Какие снега или пыли
Заметают твои следы.

Город большой или дом лишь
Замыкают твое бытие,
И помнишь ты или не помнишь
Самое имя мое?

◆ ◆ ◆

Жил да был на свете еж,
Круглый и колючий,
Так что в руки не возьмешь,
Не пытайся лучше.

Забияка был тот еж,
Лез ко всякой роже;
Он на щетку был похож
И на муфту тоже.

У ежа с такой душой
Друг был закадычный,
Поросенок небольшой,
Но вполне приличный.

— Я да ты, да мы вдвоем,—
Еж кричит, бывало,
— Целый свет перевернем,
И того нам мало!—

Но однажды еж вошел...
В кухне пахло тленом...
И приятеля нашел
Он уже под хреном.

Еж воскликнул, слезы лья:
— Как ужасны люди!
Лучший друг, почти свинья,
И лежит на блюде...

С той поры стал еж скромней,
(Вот так перемена!)
И боится он людей,
И боится хрена.

А теперь скажу вам все ж
По секрету, тихо:
Это вовсе был не еж —
А ежиха.

Октябрь 1921 г. Одесса.

ТАК БУДЕТ.

Закономерно, чередою длинной,
Пойдут года —
И в город-сад, асфальтово-пчелиный,
Сольются города.

В нем будут розы на стеклянных крышах,
Но мы, увы,
Его уж не увидим, не услышим —
Ни я, ни вы.

Но все же так легко себе представить
И вам, и мне
Зеленый город в солнечной оправе
В ничьей стране.

Там памятник на площади крылатой
Поставлен так,
Что солнце сыплет золото заката
На бронзовый пиджак.

Туда приходят маленькие дети,
Счастливые на вид.
И улыбаются в закатном свете
Тому, кто там стоит.

И мать, подняв ребенка на ступени
И за лучом следя,
Негромко произносит: — Это — Ленин,
Мое дитя.

ЕЛИЗАВЕТА ПОЛОНСКАЯ.

ПЕСЕНКА.

Выпал снег. Застыла речка.
Зябнут лапки у котят.
Рыжий котик топит печку, —
Славно искорки трещат.
Посидим, сыночек, тише:
Видишь — хвостик... И глазок...
Это серенькие мыши
Подошли на огонек.
И моргая усом черным,
Словно гость из дальних стран,
К месту теплому проворно
Подкатился таракан.
И его пугать не надо,
Никого из них не тронь.
Ведь и мы сегодня рады,
Что на свете есть огонь.
Даже Муза-недотрога
Встала около меня.
Потеснись, дитя, немного,
Дай ей место у огня.

◆ ◆ ◆

Широкий двор порос травой.
Беленая стена.
У двора дремлет часовой.
Безделье. Тишина.

Пылает солнце в вышине,
Унынье летних дней;
И свет на каменной стене
Горит еще больней.

Когда же вечер снизойдет
На зелень черепиц
И легких ласточек полет
Мелькнет в тени бойниц, —

Какой-нибудь споет солдат,
Обиженный судьбой,
О том, что нет пути назад
Для нас, для нас с тобой.

СКАЗКА.

Уходила мама коза
В лес по очень важному делу,
Целовала козляток в глаза,
Возвращалась, в окошко глядела.

Вот глаза в переулке блестят...
Ходит волк возле самого дома;
Притворяется, манит козлят,
Точит зубы и ждет, как знакомый.

Будем крепче дверь затворять, —
Никакой нас волк не обманет;
Только ты возвращайся опять!
Скоро ночь в переулке настанет...

Нет огня и стучит пулемет.
Каждый шаг, словно ниточка, тонок...
Где-то милую маму ждет
Самый маленький белый козленок.

◆ ◆ ◆

Что мне за дело, кстати иль некстати...
Пускай люблю и пусть не любит он!
Пусть серп и молот грозною печатью
На горизонте дней напечатлен!

Зеленый полумесяц мне дороже,
Шехерезады сказочный восток. —
Там женщина к возлюбленному может
Старуху верную заслать под вечерок.

Она придет и скажет: — „Гость красивый,
Твой черный глаз красавицу пронзил.
Болезнь тяжка и будет справедливо,
Чтоб тот, кто ранил, рану исцелил“.

Вы поглядите взглядом любопытным
Продолговатых и смущенных глаз,
Но тайное уже не будет скрытым,
И я дождусь, и я увижу вас.

Я вас куплю за пятьдесят червонцев, —
Клянусь аллахом! — славная цена!
А над Невой пускай восходит солнце,
Над городом, где буйствует война.

1-Е ФЕВРАЛЯ.

В поминовенный день я не приду, отец,
Туда, где мертвые оставлены живыми;
Враждебно место мне и страшен мне мертвец,
И бога твоего я потеряла имя.

На непокрытый пол, без обуви, согбен,
Не сядет с нами гость, как для молитвы надо.
Мужчины в доме нет, и, как велит закон,
В знак траура никто не совершит обряда.

Но в зеркале моем тебя я узнаю, —
Не тень бескрылую нездешнего предела, —
Родную кровь, отец, живую плоть твою,
И ты живешь во мне, душа моя и тело.

Бессмертен ты во мне: я сыну передам
Усмешку, голос, взгляд, ресниц густые тени,
И глаз косой разрез, что переходит к нам
От матери твоей, от дальних поколений.

◆ ◆ ◆

Мягкой губкой, теплой водой
Мыла я запыленные ножки,
Загоревшие в солнечный зной,
Топотуньи, веселые крошки.

А теперь ты, как загнанный зверь,
В земляные кроешься норы,
И тебя по канавам теперь
Валит сон, беспокойный и скорый.

Иль не стало в нашей стране
Сыновьям нашим должного места,
Что мы отдали их войне
И дали им смерть в невесты?

Но тебя от меня не возьмет
Грохот тысячи тысяч орудий;
Все я чувствую слабый твой рот
На моей опустевшей груди.

◆ ◆ ◆

Не странно ли, что мы забудем все:
Зальдевшее ведро с водой тяжелой,
И скользкую панель, и взгляд
Украдкою на хлеб чужой и черствый.

Так женщина, целуя круглый лобик
Ребенка, плоть свою, не скажет, не припомнит,
Что содрогалась в напряженьи страшном,
В мучительных усилиях рожденья.

Но грустно мне, что мы утратим цену
Друзьям смиренным, преданным, безгласным:
Березовым поленьям, горсти соли,
Кувшину с молоком, и небогатым
Плодам земли, убогой и суровой.

И посмеется внучка над старухой,
И головой лукаво покачает,
Заметив, как заботливо и важно
Рука сухая прячет корку хлеба.

◆ ◆ ◆

О, Революция, о Книга между книг!
Слепили кровь и грязь высокие страницы
И, как набат, звучит твой яростный язык,
Но нет учителя и некому учиться.

Не в зареве домов за письменным столом,
На черной площади, под барабанным боем
Мы книгу грозную, как знамя, понесем,
Но святотатственно ее мы не раскроем.

Какая истина в твоей неправде есть?
Пустыня странствия нам суждена какая?
Сквозь мертвые пески, сквозь Голод, Славу, Месть
Придем ли наконец к вратам небесным рая?

Но все уже ровно. Блистательной судьбы
Не избежать стране, тобой благословенной.—
О как счастливы мы! Как нищи! Как слабы!
Счастливей не было и нет во всей вселенной!

АННА РАДЛОВА.

АНГЕЛ ПЕСНОПЕНИЯ.

А. А. Смирнову.

Спокойное и страстное лицо
Опалено неслабым здешним солнцем,
И острых крыл неслышен был полет,
Он подходил и руки холодели,
И хмельная кружилась голова.
И, как дитя, что родила я в муках,
Так в муках вырывалась наша песня,
Моя, его, — не знаю, но касанье
С усталостью блаженной вспоминала.
В постели по утрам лежала дольше,
Читала другу новые стихи.
Вечернего не называла гостя
И глаз его не знала о ту пору.
Теперь, не оттого ли, что любовь
Я оттолкнула, как толкают камень,
Что по дороге пыльной, жаркой, белой,
Вонзаясь, ранит странниковы ноги,
А может быть, лишь оттого, что солнце
Здесь ближе к ласковой моей земле,
И птицы есть с коронами, и гордый,
И злой растет здесь кактус, Ангел Песни,
Мой строгий и единый ныне друг
Так ясен стал и нежен, как бывает
С любимою сестрою старший брат.
Мы долго на песке лежим у моря,
Когда ж полуденный спадает жар,
В камнях змеиные мы гнезда ищем,
Студеную пьем воду ключевую,
А ночью поздно по саду мы бродим
И головой к прохладному крылу
Я прижимаюсь, и в глазах мы видим
Созвездья милые,—тогда меня
По новому слагать он учит песни.

1917. Лето.

◆ ◆ ◆

Тот день прошел, и очень много дней
Его не смоют скучным повтореньем,
Любовь пустым покажется волненьем,
Бессильной—весть о гибели твоей.

Но злая память будет жечь и мучить
И в лунный виноградник приведет,
Увижу острый, неживой полет
Гомеровой любимицы певучей,

И небо млечное, моих врагов,
Сообщиков безрадостной любови,
И час, когда твоей прслушна крови,
Я четких не замедлила шагов.

◆ ◆ ◆

Мы из города слепого
Долго, долго ждем вестей.
Каждый день приносит снова—
Нет ни вести, ни гостей.

Может быть, наш город темный
В темном море потонул,
Спит печальный, спит огромный
И к родному дну прильнул.

Александрова колонна
Выше всех земных колонн,
И дворец, пустой и сонный,
В сонных водах отражен.

Все, как прежде. Только ныне
Птицу царскую не бьют,
Не тоскует мать о сыне,
Лихолетья не клянут.

Спят любимые безбольно,
Им не надо ждать и жить,
Говорить о них довольно—
Панихиду б отслужить.

1917. Декабрь.

◆ ◆ ◆

Полынь-звезда взошла над нашим градом,
Губительны зеленые лучи.
Из-за решетки утреннего сада
Уж никогда не вылетят грачи.
О, не для слабой, не для робкой груди

Грозовый воздух солнц и мятежей,
И голову все ниже клонят люди,
И ветер с моря горше и свежей.
Родимым будет ветер сей поэту,

И улыбнется молодая мать—
— О, милый ветер, не шуми, не сетуй,
Ты сыну моему мешаешь спать.

Весна 1919.

◆ ◆ ◆

Под знаком Стрельца, огненной медью
Расцветал единый Октябрь.
Вышел огромный корабль
И тенью покрыл столетья.
Стало игрушкой взятье Бастилии,
Рим, твои державные камни—пылью.
В жилах победителей волчья кровь.
С молоком волчицы всосали волчью любовь.
И в России моей, окровавленной, победной
или пленной,
Бьется трепетное сердце вселенной.

Весна. 1920.

◆ ◆ ◆

Т. М. Персиц.

Не нужен нам покой тысячелетний,
Афинский мрамор, Дантовы слова,
На площадях, политых кровью, дети
Играют, и растет плакун-трава.
Пожрало пламя книги, боль и радость,
Веселая гроза, кружись и пой!
Из рук твоих мы пьем забвенья сладость,
Бездумный и единственный покой.

Весна. 1920.

ПОТОМКИ.

Валериану Чудовскому.

И вот на смену нам, разорванным и пьяным,
От горького вина разлук и мятежей,
Придете твердо вы, чужие нашим ранам,
С непонимающей улыбкою своей.
И будут на земле расти дубы и розы,
И укрощенными зверьми уснут бунты,
И весны будут цвесть и наступать морозы
Чредой спокойною спокойной простоты.
Неумолимая душа твоя, потомок,
Осудит горькую торжественную быль,
И будет голос юн и шаг твой будет звонок
И пальцы жесткие повергнут лавры в пыль,
Эпический покой расстелет над вселенной,
Забвения верней, громадные крыла,
Эпический поэт о нашей доле пленной
Расскажет, что она была слепа и зла.
Но, может быть, один из этой стаи славной
Вдруг задрожит слегка, услышав слово кровь,
И вспомнит, что навек связал язык державный
С великой кровию великую любовь.

Ноябрь 1920.

◆ ◆ ◆

Безумным табуном неслись года—
Они зачтутся Богом за столетья —
Нагая смерть гуляла без стыда,
И разучились улыбаться дети.
И мы узнали меру всех вещей,
И стала смерть единственным мерилом
Любови окрыленной иль бескрылой
И о любови суетных речей.
А сердце—горестный „Титаник“ новый
В Атлантовых почиет глубинах,
И корабли над ним плывут в оковах,
В бронях тяжелых и тяжелых снах.
Земля, нежнейшая звезда господня,
Забвенья нет в твоих морях глухих,
Покоя нет в твоих садах густых,
В червонных зорях,—но в ночи бесплодной
Взлетает стих, как лезвие, холодный.

Лето. 1920.

◆ ◆ ◆

Черным голосом кричала земля,
Меченосный ангел говорил поэту о чуде,
Били и бились, убивали и падали люди,
И на земле не осталось ни одного стебля.
От голода, от ветра ли закружились звезды,
Люди, звери, птицы, деревья и фонари,
И не стало ни утренней, ни вечерней зари,
Только черный, свистящий и режущий воздух.
Сердце кружилось, как гудящий волчок,
Оторвалась звезда и навстречу летела,
Острым алмазным краем мне сердце задела,
Брызнула кровь и тысячедневный исполнился срок.
От головокруженья дрожат ноги,
Я снова на пыльной, на белой дороге,
Верстовые столбы, пастухи и стада,
И к тверди прибита восточная звезда.

Май 1921.

АННА БАРКОВА.

* * *

Не жалей колоколов вечерних,
Мой неверящий, грустный дух.
Побледневший огонек задерни,
Чтобы он навсегда потух.

На плиты храма поздно клониться.
На победные башни посмотри.
Ведь прекрасные девы-черницы
Не прекраснее расцветшей зари.

Отрекись от ночной печали,
Мой неверящий, грустный дух.
Слышишь: трижды давно прокричал
Золотистый вещун-петух.

Не жалей колоколов вечерних,
Ты иную найдешь красу
В руках загрубелых и верных,
Что, сгорая, солнце несут.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ.

Предвечерний городской бульвар,
Предвечерняя душа моя,
На вершинах у берез пожар.
И скрипит старая скамья.

Кто идет в конце аллеи, там?
Волосы печально развились,
Узнаю ее по волосам
И глазам, опущенным вниз.

Из страны неведомой и дальной
Ты, глаза предавши тишине,
Распустивши волосы печальные,
В предвечерний час идешь ко мне.

Я боюсь бессильем заразиться,
Не касайся слабою рукой.
Берегись и ты испепелиться,
Заболеть грозною тоской.

Песенку последнюю послушай
О твоих угаснувших днях.
Опечаль в последний раз мне душу,
А потом уйди, оставь меня!

Предвечерний городской бульвар,
Ласка грустная ее волос, —
И закатный медленный пожар
На вершинах тихих у берез.

3 Мая 1921.

ГРЯДУЩАЯ.

Я чую, чую — дышат миллионы
На миллионах трепетных планет
И шлют земле, творящей и смятенной,
Своей сестре, торжественный привет.

Сольемся со вселенной беззаветно
В один любовный вечный поцелуй!
В пространствах человечество несметно
И разделилось на милльоны струй.

Бросаюсь я в вселенские об'ятья
Из-за оград наскучивших земных.
Милльоном рук стремлюсь миры обнять я,
Милльонами сердец проникнуть в них.

Мне тесно за стеной любви отдельных.
Я в ласках нежный космос утомлю.
Страдающих земных и запредельных
Единою любовью я люблю.

Я, мать, я, мать несметных человечеств,
Впиваю в сердце солнц вселенских свет
И возлагаю радостно на плечи
Я бремена страдающих планет.

ЧЕРНЫЙ ПЛАТОК.

Я надену черный платок,
Его до бровей надвину
И встану на тот уголок
И потешу мою кручину.

Еще издали я замечу
Брови строгие, яркий румянец,
И знакомые шаг и плечи,
Сердце бросится в трепетный танец.

Он пройдет, меня не заметит,
А я его взглядом окину,
И что-то на миг осветит,
Приголубит мою кручину.

Побреду я за ним украдкой.
Снег не выдаст меня, пожалеет...
О, с какой пугливостью сладкой
Я буду взглядом его лелеять.

Он захлопнет калитку. Я вздрогну
И, прижавшись к воротам, застыну.
Он не слышит, как в светлые окна
Зазвенела моя кручина.

ПРОКАЖЕННАЯ.

Одинока я. прокаженная,
У безмолвных ворот городских,
И молитвенно славит нетленное
Тяжкозвучный каменный стих.
Дуновенье заразы ужасной
Отвращает людей от меня.
Я должна песнопения страстные
Песнопеньями вечно сменять.
Темноцветные горькие песни
В эти язвы пустили ростки.
Я священные славлю болезни
И лежу у ворот городских.
Это тело проказа источит,
Растерзают сердце ножи;
Не смотрите в кровавые очи:
Я вам издали буду служить.
Моя песнь все страстней и печальней
Провожает последний закат
И приветствует кто-то дальний
Мой торжественно-грустный взгляд.

УМНАЯ СОБАЧКА.

На веревочке я сердце водила.
Оно было умной собачкой:
Исправно, послушно служило
Довольное скромной подачкой.

Я с ним небрежно играла,
Я над ним смеялась звонко.
Оно меня забавляло,
Как игривая юркая болонка.

А теперь... Как больно, как больно!
Потоки крови из раны.
Удивляюсь, смущаюсь невольно: —
Как все это странно, как странно.

Послушная собачка взбесилась,
Перегрызла веревочку злобно,
Глубоко мне в тело вцепилась...
Вот тебе и сердце удобное.

ДУРОЧКА.

Я сижу одна на крылечке, на крылечке,
И стараюсь песенку тинькать.
В голове бегает, кружится человечек
И какой-то поворачивает винтик.

Я слежу вот за этой серенькой птичкой...
Здесь меня не увидит никто.
Человечек в голове перебирает вещички,
В голове непрестанное: ток, ток.

— Это дурочка, — вчера про меня шепнули.
И никто не может подумать о нем.
Ах, чудесная птичка! Гулиньки, гули!
Человечек шепчет: подожги-ка свой дом.

Голова болит из-за тебя, человечек.
Какой вертлявый ты, жужжащий! Как тонок!
Вытащу тебя, подожгу на свечке,
Запищишь ты, проклятый, как мышонок.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ.

Величанный в литургиях голосистыми попами,
С гайдуком, со звоном, с гиком мчится в страшный Петербург,
По мостам, столетьям, верстам мчится в прошлое, как в память,
И хмельной фельд'егерь трубит в крутень пустозвонных пург.

Самодержец Всероссийский... Что в нем жгло? Какой державе
Сей привиделся курносый и картавый самодур?
Или скифские метели, как им приказал Державин,
Шли почетным караулом вкруг богоподобных дур?

Или, как звездой Мальтийской, он самой судьбой отравлен?
Или каркающий голос сорван только на плацу?
Или взор остервенелый перекошен в смертной травле?
Или пудренные букли расплясались по лицу?

О, еще не все разбито! Бьет судьбу иная карта!
Встанет на дыбы Европа ревом полковых музык!
О, еще не все известно, почему под вьюгой марта
Он Империи и Смерти синий высунул язык!

ЛОНДОН 1666.

Какой надо мной и над ней Трибунал?
Любил, потому что душа горбуна
Есть Театр Мирового Сраженья.
Рассудит чума, кто бедняк и кто лорд,
Попы разбегутся, — я Чорта и Норд
Приглашу отпевать мою Дженни.

Вот если бы в Лондоне встать на мосту,
Звенеть моей жизнью былой в темноту,—
Завопит темнота воровская,
Горбом моим гордо взгорбатится мост,
И стихнут, как Дженни, все тысячи звезд,
Мои мокрые кудри лаская.

Друзья! Да святится названье Чумы!
И сколько бы джина ни выпили мы
В нашей траурной трагикомедии,—
Вконец изодрав кружевной воротник,
Воспрянет мой призрак от кубков и книг
На воззванье Вестминстерской меди.

МОСКВА.

От сердца города до Земляного Вала,
До Воробьевых Гор на мостовых плотах
Росла огнем Москва, пожаром пировала
Без шапки, с домрою, в заплатанных портах.

На дыбу загнаны, сугробами зажаты
В Рождественских ночах, жгли слабую звезду
Ватаги ряженых, козлы, да медвежата,
И снег им вызведил оконную слюду.

Где клиньями бород, крича, мотали смерды,
И фряжское вино в кружалах глотки жгло,
Где в желтом блеске свеч смуглы, жестокосерды
Монахи и цари дышали тяжело;

Где с трех углов Кремля, в торговых средоточьях
Языки медные меж облак разбросав,
Рвались колокола; где флорентийских зодчих
Синели замыслы в стропилах и лесах,—

Там вновь гудят они слаще и гуще меда —
Вожак, и Голодай, и Лебедь, вся их рать.
Там вновь сбирается звонарь и царь Феодор
О Византийской лжи над градом поборать.

ВОЛГА.

По горячим следам, по горелым местам,
Мимо вод и густых облаков,
Между баканов белых и красных. А там
Плеск и узкие косы песков.

И опять пристаней сатанеющих гам,
И над каждой голодной душой —
Та же смерть, что грядет по крутым берегам
В рыжих язвинах, с кладью большой.

И как лязганье землечерпалок — оркестр
Эшелонов. И встали столбом
Только призраки верст водяных. И окрест
Дремлют полдни в огне голубом.

И на лбах у холмов, на руках у дорог,
На речных полноводных губах
Та же смерть, что грядет. И поет ее рог
В телеграфных косящих столбах.

И горячая соль, и горючий мазут,
Скот, и скалы песков, и тоска
Гибнут, гибнут и гибнут. И дальше ползут
Бичевой бурлаков облака.

КАМА.

Несло овечьим, человечьим, вьючным
И вечным. Напирало облаками.
Шли сосны многотрубным и беззвучным
Органом. Шли, как память, вверх по Каме.

Шли сосны вверх, как память: верст пятнадцать
В теченье часа. Шли, чтоб только сгинуть.
Ночь подымалась. Не могла подняться.
Легли века ей на крутую спину.

И знали сосны: быть Россией лень им.
И знала ночь: итти ей без ночлегов.
Несло на слом — войной, переселеньем,
Мордвою мертвой, плачем печенегов.

Несло на слом, ломилось промыслами,
В сонных каютах пели Красный Каспий,
Байкал и Каторгу. Несло о славе,
О юности, осуществленной наспех.

Истлели кости, кольца, кубки, камни.
Шли сосны вверх, как затяжное горе.
Задушенным, глухонемым алканьем
Лежал закат на голом плоскогорье.

НА РОЖДЕНИЕ МЛАДЕНЦА.

Дитя! Понимаешь ты? Вот он, твой мир — златотронная школа,
Расплавленный глобус на вахте, скелеты и чучела тьмы,
Будь смелым, будь нищим, и жадно сквозь щель бредового раскола
Разлейся в глаза первым встречным и мертвым заройся в умы.

Не тьма за окном подымалась, не время над временем стлалось —
Из мрака растущее тельце несли пеленать в паруса.
Твоя колыбель — целый город и вся мировая усталость.
Твоя колыбель развалилась, — подымем тебя на леса.

Рожденный в годину расплаты,— о тех, кто платил, не печалься,—
Расчет платежами был красен: недаром на вышку ты влез.
Недаром от Волги до Рейна, под легкую музыку вальсов,
Под гром императорских гимнов, под огненный марш марсельез.

Матросы, ткачи, рудокопы, шпионы, застрельщики, вестники,
Полки, корпуса Белой Расы друг друга зовут из-за гор,
В содружестве бурь всенародных и в жизни и в смерти ровесники.
Недаром, недаром, недаром меж вами немой договор.

Так слушай смиренно все правды, вещанные в том договоре:
Тебя обступили три века шкафами нечитанных книг,
Ты маленький их барабанщик, векам выбивающий зори;
Весь Космос твой друг огнекосмый, твой верный и равный двойник.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ.

◆ ◆ ◆

Когда в веках скудеет звук свирельный,
Любовь встает на огненном пути.
Ее встревоженное сердце — пчельник,
И человеку некуда уйти.

К устам припав, высасывают пчелы
Звериное тепло, под чудный гуд.
Гляди, как этот мед тяжел и золот —
В нем грусть еще нецеловавших губ.

Роясь в семнадцатом огромным роем,
Любовь сошла. В тени балтийских мачт,
Над оловом Фонтанок или Моек
Был вскрик ее, а после женский плач.

О, как сердца в такие ночи бились
Истории куранты тяжелы.
И кто узнает розовую пыльцу
На хоботке прореявшей пчелы?

◆ ◆ ◆

Остались — монументов медь,
Парадов замогильный топот.
Грозой обломанная ветвь,
Испепеленная Европа!

Поникла гроздь и в соке — смерть.
Глухи теперь Шампани вина.
И Вены тлен, Берлина червь —
Изглоданная сердцевина.

Вердэнских иль карпатских язв
Незарастающие плеши.
Посадит кто ветвистый вяз,
Дабы паломника утешить?

В подземных жилах стынет кровь,
И колосится церковь смерти.
И все слабей, все реже дробь
Больного старческого сердца.

О грустный куст, ты долго цвел
Косматой грудью крестоносца,
Звериным рыком карманьол,
И на Психее каплей воска.

Светлица девичья! Навек
Опустошенная Европа!
Уж человечества ковчег
Взмывают новые потопы.

Урал и Анды. Темный вождь
Завидел кровли двух Америк.
Но как забыть осенний дождь,
Шотландии туманный вереск?

◆ ◆ ◆

Ветер летит и стенает,
Только ветер. Слышишь — пора!
Отрекаюсь, — трижды отрекаюсь
От всего, чем я жил вчера.
Это не трепет воскрылий архангела,
Не господь — Саваоф гремит —
Это плачет земля многопамятная
Над своими лихими детьми.
Сон отснился. Взыграло жестокое утро,
Души пустыри оголя.
О, как небо чуждо и пусто!
Как черна родная земля!
Вот мы сами и паства и пастырь.
Только земля нам осталась —
На ней ведь любить, рожать, умирать
Трудным плугом, а после могильным заступом
Ее черную грудь взрезать.
Золотые взломаны двери.
С тайны снята печать.
Принимаю твой крест, безверье,
Чтобы снова и снова алкать.
Припадаю, лобзаю черную землю.
О, как кратки часы бытия!
Мать моя, светлая, бренная,
Ты моя! ты моя! ты моя!

Коктебель. 1920.

◆ ◆ ◆

Уж сердце снизилось и как!
Как легок лет земного вечера!
Я тоже глиной был в руках
Неутомимого Горшечника.

И каждый оттиск губ и рук,
И каждый тиск ночного хаоса
Выдавливали новый круг
Пока любовь не показалася.

И набежавший жар обжег
Еще невыгнутые выгнбы,
И то, что было вздох и бог,
То стало каменною книгою.

И кто-то год за годом льет
В уже готовые обличия
Любовных пут тягучий мед
И желчь благого еретичества.

О, костенеющие дни,—
Я их не выплеснеу, и вот они!
Любви обжиг дает гранит,
И ветер к вечеру немотствует.

Живи, пока не хлынет смерть,
Размоет эту твердь упрямую,
И снова станет перстью персть,
Любовь — неповторимым замыслом.

◆ ◆ ◆

Взвился рыжий, ближе! ближе!
И в осенний бурелом
Из груди России выжег
Даже память о былом.

Он нашел у двоеверки,
Глубоко погребено,
В бурдюке глухого сердца
Италийское вино.

На костре такой огромной,
Оглушающей мечты
Весело пылают бревна
Векового Калиты.

Нет, не толп суровый ропот,
А вакхический огонь
Лижет новых протопопов
Просмоленную ладонь.

Страшен хор задорных девок:
Не видать в ночи лица,
Только зреют грозди гнева
Под овчиною отца.

Раз'яренная Россия!
Дых — угрюмый листобой,
В небе косы огневые,
Расплетенные судьбой.

Но из глаз больших и серых
Из засушливых полей
Высекает древний Эрос
Лиры слезный водолей.

РОССИИ.

Смердишь, распухла с голоду, сочатся кровь
и гной из ран отверстых.
Вопя и корчась, к матери-земле припала ты.
Россия, твой родильный бред они сочли
за смертный,
Гнушаются тобой, разумны, сыты и чисты.
Бесплодно чрево их, пустые груди каменеют.
Кто древнее наследие возьмет?
Кто разожжет и дальше понесет
Полупогасший факел. Прометея?
Суровы роды, час высок и страшен.
Не в пене моря, не в небесной синеве,
На темном гноище, омытый кровью нашей,
Рождается, иной великий век.
Уверуйте! его из наших рук примите!
Он наш и ваш — сотрет он все межи.
Забытая, в полунощной столице,
Под саваном снегов таилась жизнь.
На краткий срок народ бывает призван
Своею кровью напоить земные борозды —
Гонители к тебе придут, отчизна,
Целуя на снегу кровавые следы.

Коктебель. 1920.

◆ ◆ ◆

Ты Канадой запахла, Тверская.
Снегом скрипнул суровый ков-бой.
Никого, и на скрип отвечает
Только сердца чугунного бой.

Спрятан волота слиток горячий.
Часовых барабанная дробь.
Ах, девченки под мехом кошачьим
Тяжела загулявшая кровь!

Прожужжали мохнатые звезды,
Рукавицей махнул и утих.
Губы пахнут смолой и морозом.
От любви никому не уйти.

Санки — прямо в метельное небо.
Но нельзя оглянуться назад,
Где все ближе и ближе средь снега
Кровянеют стальные глаза.

Дух глухого звериного рая
Распахнувшейся шубкой обжег.
А потом пусть у стенки оттает
Голубой предрассветный снежок.

◆ ◆ ◆

Наши внуки будут удивляться,
Перелистывая страницы учебника:
„Четырнадцатый... семнадцатый... девятнадцатый...
Как они жили?.. бедные!.. бедные!..“
Дети нового века прочтут про битвы,
Заучат имена вождей и ораторов,
Цифры убитых
И даты.
Они не узнают, как сладко пахли на поле брани розы,
Как меж голосами пушек стрекотали звонко стрижи,
Как была прекрасна в те годы
Жизнь.
Никогда, никогда солнце так радостно не смеялось,
Как над городом разгромленным,
Когда люди, выползая из подвалов,
Дивились: есть еще солнце!..
Гремели речи мятежные,
Умирали ярые рати.
Но солдаты узнали, как могут пахнуть подснежники
За час до аттаки.
Вели поутру, расстреливали...
Но только они узнали, что значит апрельское утро.
В косых лучах купола горели,
А ветер молил: обожди! минуту! еще минуту!..
Целуя не могли оторваться от грустных губ,
Не разжимали крепко сцепленных рук.
Любили — умру! умру!
Любили — гори, огонек на ветру!
Любили — о где же ты? где?
Любили, как могут любить только здесь на мятежной и нежной звезде.
В те годы не было садов с золотыми плодами,
Но только мгновенный цвет, один обреченный май!
В те годы не было „до-свиданья“,
Но только звонкое, короткое „прощай“.
Читайте о нас — дивитесь!
Вы не жили с нами — грустите!
Гости земли, мы пришли на один только вечер.
Мы любили, крушили, мы жили в наш смертный час.
Но над нами стояли звезды вечные,
И под ними зачали мы вас.
В ваших очах горит еще наша тоска.
В ваших речах звенят еще наши мятежи.
Мы далеко расплескали в ночь, и в века, в века
Нашу угасшую жизнь.

Март 1919.

◆ ◆ ◆

Весна снега ворочала,
Над золотом Москвы
Шутя шумела клочьями
Внезапной синевы.
Но люди шли с котомками,
С кулями шли и шли,
И дни свои огромные
Тащили как кули.
Раздумий и забот своих
Вертели жернова.
Нет, не задела оттепель
Твоей души, Москва!
Я не забуду очередь,
Старуший вскрик и бред,
И на стене всклокоченный
Невысохший декрет.
Кремля в порфирном нищенстве
Оскал зубов и крест —
Подвижника и хищника
Неповторимый жест.
Разлюбленный, затверженный,
И все ж святой искус,
И стольких рук удержанных
Прощальный жар и хруст.
Но верю — днями дикими
Они в своем плену
У будущего выкупят
Великую весну.
Тогда, Москва, забудешь ты
Обиды всех разлук,
Ответишь гулом любящим
На виноватый стук.

Москва — Рига. Март 1921.

ПИМЕН КАРПОВ.

ЧЕРНЫЙ ЗНАК.

Звездою темною пророка
В подземной копотной избе
Я рос, покорный гнету рока
И жуткой пахаря судьбе.

Предела не было порывам,
Любви неисчерпаем путь!
Я тщетно верил дням счастливым,
От мук не в силах отдохнуть...

Я знал: любви не возвратиться
И радости в глухом краю;
И с песней жаль было проститься
Душе, поломанной в бою...

И плачут славившие прежде
В моей груди колокола,
Что облетели все надежды,
Что прахом молодость прошла!..

Пророчествам и грозам внемля,
Я только песнями живу, —
Рву над главою звезд траву,
А под ногой целую землю...

◆ ◆ ◆

В окно моей лесной избушки
Стучится лютая зима,
И только дым, и только тьма
В моей слепой лесной избушке...

Под лавкой — змеи и лягушки,
Над дверью треплется сума,
Но не страшны моей избушке
Ни мрак, ни лютая зима!...

◆ ◆ ◆

Белый сон над куполами...
Кто-то крыльями взмахнет;
Монастырь колоколами
Утомленно запоет,
Звоном нежно-серебристым
Разольется в небе чистом...

Звезды-вехи, звезды-страны
Хороводами всплывут,
Белоснежные туманы
В край волшебный позовут...
Предвечерней мглы предтечи —
Загорятся в окнах свечи,

Там черница молодая,
Пригорюнившись в углу
Перекрестится вздыхая
И приложится к стеклу:
Розы, ладан — сердце ранят —
В темь сестра глухую канет...

Закачает ель вершиной,
Где лучи звезды остры,
Перевьет зеленой тиной
Омут волосы сестры...
Кто-то дальним перезвоном
Ей приснится над затоном.

ЗАКЛИНАНИЕ РОССИИ.

А. Ганину.

О, золотой ковчег, о, Светлый Град —
Россия от востока до заката!
Светла твоя душа. блаженен взгляд
И сердце бурнопламенное свято.

Любви и жизни сказку, Русь, совиждь
Над светлым огнедышащим востоком.
Глашатаем восстань, и пой, и виждь
Смятение душ всезрящим оком.

В грозе прими и буре Судный День,
Благослови миры мечом крылатым,
Взойди на буйнозвездную ступень
И причастись причастием заклятым.

Но, возмутив в зазвездной глубине
Ключи глухие ярой, древней теми,
Сожги себя на медленном огне
И изойди в неукротимой греми.

Испепелив же сердце, возревнуй
За правду тресвятым и лютым гневом,
И мир, и мглу, и звезды поцелуй
Передзакатным пламенным напевом.

А на закате копья промечи,
Раскатами огня ударь над бездной
И все края, все страны научи
Твоей, о, Русь, науке — пляске звездной.

1918. Курск.

ЗВЕЗДНОКОРМЧИЙ.

Александру Кусикову.

Сторона ли моя окаянная,
Звезднокормчих — хлыстов сторона,
Ты ли, Русь моя обетованная
На пропятие мне отдана?

Заряжу ружье патронами,
Оттечу зазубренный штык
И за пламенными знаменами
Закачусь, бесшабашный мужик!

Сторонитесь, попы долгогривые!
Нипочем теперь мать и отец:
Разгулялось поволье гулливое, —
Понакликало свету конец!...

Только голову жаль забубенную...
Не скули, ты, гнусавый набат,
Будто Русь искромсали крещенную
Штык зазубренный, острый булат!

МОЯ ЖИЗНЬ.

Слава слав тебе, жизнь моя горькая!
Все познал я — о чем мне тужить?
Выйду в дикую степь, что за горкою,
И опять колдуном буду жить.

Накопаю кореньев там ересных,
Щавелиного яду сберу,
И под шум заколдованных вересков
В надкурганном укроюсь бору.

Всю-то жизнь я томился да маялся
О тебе мой отверженный род.
Ты ж в безумстве своем не раскаялся,
И настал он, возмездия год. —

Год, когда за мои же пророчества
Обречен я, святой и палач —
На мучительное одиночество,
На глухой заколдованный плач.

1 Января 1919. Турка.

◆ ◆ ◆

Колдуют розы лунным светом,
В цвету росистые сады,
Поверю ль чарам и приметам
Моей таинственной звезды?

Все, что мое — необычайно,
Все, что загадочно — мое:
И заколдованная тайна,
И всей вселенной бытие.

В лесу шумящем свежим шумом
Поэт и бог мне — каждый лист.
Березам-песням, ивам-думам
Молитвы шлю я, сердцем чист.

Туманы пламенным рассветом
Плывут над зеркалом воды...
Поверю ль чарам и приметам
Моей таинственной звезды?...

1911. Крым.

◆ ◆ ◆

Рюрику Ивневу

Буйнозвездную и грозовую
Я люблю мою сирую землю...
Все: и пытку ее огневую,
И печальную радость приемлю.

Ей и песни, и благословенья,
И проклятья мои, и молитвы —
Отдаю я в слепом исступленьи
За огонь ее, бури и битвы.

Отдаю ей последние силы...
За сохою ей — пот мой кровавый,
Буду страстным певцом до могилы
Торжества ее, мудрости, славы.

Знаю, что обагрю своей кровью
Темноликую мою землю;
Но за это-то, с лютой любовью
Я целую ее и приемлю!

ТИХОН ЧУРИЛИН.

СТАРИННАЯ МЕЛОДИЯ.

В горнице столь милой печечкою белой,
В сумерках чуть виден кто-то за клавиром.
От углов, уж черных, и от печи белой
Веет отошедшим, да, прошедшим миром.

Старый мир струится тихо под перстами,
Старый мир являет внове прелесть звука.
Кто-то за клавиром оживил перстами
Дорогие думы Кавалера Глука.

1909. Крюково.

ПОСЛУШНИЦА.

Вся в черном — легкая на снеговом, на белом,
Идет и черным не пугает белизны.
Идет, послушная, за тихим малым делом.
Идет, не смотрит: явно видит сны.

И тишина с ней, тихой, неотлучно
Идет и бережно отсчитывает миг.
А, рядом, тянется и тянется, докучно,
Железок звяк ключей или вериг.

1908.

РУИНА.

Красный дом — красный дом — красный дом.
Это флюгер скрипит ржаво-рыжий.
И в ответ, да, в ответ — о, с трудом —
Вторит арфа Эола на крыше:
Красный дом... красный дом, красный дом.

Ведь весна! Да, весна, здесь весна —
Ручейки разлилися как речки,
И трава разноцветно росна.
Блеют — где? — по утрам две овечки:
Да, весна... да, весна, да, весна...

Красный дом. Красный дом. Красный дом.
Это дятел долбит по деревьям.
Флюгер с арфою вторят, с трудом.
И несется к весенним кочевьям:

Красный дом, красный дом, красный дом!

1912.

МОЙ ТРАУР.

Иду — цветной веселый сквер
Уж издали благоухает,
И вот — гусарский офицер
Седой, нарядный, — отдыхает.

На лавочке сижу в тени
У плещущего вниз фонтана,
Шумит вода и чуть звенит...
Да, песенки про Калибана.

Вот возле звонко смех вскипел.
Бурлит, бежит ко мне задорно.
Веселье... Если б я умел,
Я веселился б так же, задорно.

Но странный средь цветных фигур,
В руках держу я точно гробик,
Обернутый мной в креп Гонкур
Изящный и печальный томик.

1913.

КОНЕЦ КЛЕРКА.

Перо мое пиши, пиши.
Скрипи, скрипи, в глухой тиши.
Ты, ветер осени, суши
Соль слез моих — дыши, дыши.

Перо мое скрипи, скрипи.
Ты, сердце, силы все скрепи.
Скрепись, скрепись. Скрипи, скрипи,
Перо мое — мне вещь купи.

Веселый час и мой придет —
Уйду на верх, кромешный крот,
И золотой, о злой я мот,
Отдам — и продавец возьмет.

Возьму и я ту вещь, возьму,
Прижму я к сердцу своему.
Тихонько, тихо, спуск сожму,
И обрету покой и тьму.

1913.

КОНЕЦ КИКАПУ.

Побрили Кикапу — в последний раз.
Помыли Кикапу — в последний раз.
С кровавою водою таз
И волосы, его.
Куда-с?
Ведь Вы сестра?
Побудьте с ним хоть до утра.
А где же Ра?
Побудьте с ним хоть до утра
Вы, обе,
Пока он не в гробе.
Но их уж нет и стерли след прохожие у двери.
Да, да, да, да,—их нет, поэт,—Елены, Ра и Мери.
Скривился Кикапу: в последний раз
Смеется Кикапу — в последний раз.
Возьмите же кровавый таз
— Ведь настежь обе двери.

1914.

НОВЫЙ ГОД.

Елочный огарок горит
В моей комнате.
Любезно лар говорит:
Укромно те?
Лар, лар — сиди, молчи.
О чем говорить в ночи
Даже с тобой?
Да. Да. — Бой
Часов пропел два
Раза.
Открылись оба глаза —
И лар
Вновь немой самовар,
А от огарка в комнате — яркий пожар.

СМЕРТЬ ЧАСОВОГО.

У гауптвахты,
Гау, гау, гау — уввв... — ах ты...—
Собака воет глухо, как из шахты.
— Враг ты!
Часовой молодой слушает вой.
Молодой —
Скоро ему домой.
К жене.
А по стене... а по стене... а по стене...
Ползет, ползет, как тень ползет во сне,
— Враг.
Б бабах
— Выстрел — веселый вылетел пламень.
Бах —
Ответ,
Глухой.
Ой —
Светы...
Гаснет, гаснет светлый мой пламень.
Сердце́ твердо, как камень.
Пламень мой... пламень...
Потух, темно.
Снег скрипит... коня провели — к мертвым
Ноо! но...

1914.

В ДЕНЬ РАДОСТИ.

Я смотрю в витрину антиквария
— Там турецкий старый странный пистолет.
Рядом шелк, дощечки для гербария,
И чайничек, которому сто лет.

Да — я думаю — в день радости Прекраснейшей,
— Хорошо взять в руки этот старый пистолет.
И во тьме, на дне, на дне ужаснейшем,
Радостно смертельно побледнеть.

Зазвонят звонками телефонными,
Прибегут, поднимут прежде странный пистолет.
Запечатают печатями коронными.
И останется один поэт.

1914.

МУЗЫКА НА ПАСХУ.

Лад пева храмового,
Лик великого леса-лепа,
Хор громовой нехромого
Хорового солепа.

А пело беспрерывь рокотань-рокотунь,
А тело белое беспрерывь гремело
— О липе, о тополе, о туе
— Гремль белый!

Лилось, лилось, лилось
Солепым солнцем целуясь днесь.
И лев и лань и лось
Веселясь, селились в целом бубие

Будни
— Буде.
Праздник

Возгрянул, грянь, грянь, красник!

22 апреля 1918. Утро.

ВЫВОЗКА ВОЗА.

Золотое голодное волокло —
Холодость, младость: благовест, воск.
И вот, тово, — морок: волоком
        Около выполз воз.
Заварачивай, старче чорт!..
Короче, короче, коростовой: гроба!!
        Черен
Воз, как кости там черные города.

А дороги, родогой родимец: гряяязны.
А людищщи! рогаты, грооозны.
А мы сами, кормилец, — тлим же за ны.

И заныло, заскрипело, запело: хоро-хорррры
И воз—и возец и кости-города:—до горы—да гори!!!

        Апрель 1918.

ВАЛЬС У КОСТРА.

Возле древней реки
Догорает ночной костер.
Вкруг поют, поют, поют мужики.
        И растет странный хор:
— Подошел музыкант бродячий с мандолой.
Подошел горький пьяница голый.
Подошел мещанинишка кволый.
Из кафе — vis-a-vis — перешел стройный сноб с виолой.
        Запела виола. Затрещала сладко мандола.
Хор разлился вослед грустным вальсом: хей-холла...
Завертелись вокруг мещанинишка с пьяницей голым.
— Темп помчался, помчался, помчался.
        Закачался
Пьяный пламень во древней реке.
        Закачался
Огонечек со спичкой в дрожащей руке.
В вальсе, в вальсе огонь закачался.
Во реке, при руке — здесь и там, в фонарях вдалеке,
        — Вдалеке.

        1913. М.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ.

◆ ◆ ◆

Праздничный, веселый, бесноватый
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое желание простое
Освятить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут, —
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

◆ ◆ ◆

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор — золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в перекличке.

Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится,
Но этим черным, сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.

НАСЛЕДИЕ.

Хрустят валежником трущоб медведи,
Обсасывая с лапы кровь и мед;
У нас от солнца, от вина и меди
Звенящих жил, качаясь, мир плывет.

Вскочить, отдавливая ноги спящих
И женщин спутанные волоса, —
Зовут, зовут угаром дымным чащи
Сквозь прадедов глухие голоса.

Шатаясь, мы коней бесценных вьючим,
Сшибаем топорами ворота,
И ветер стонет под ногой могучей,
Отскакивая зайцем вдоль куста!

Берложный бой, где в хрипоте упорной
Душа ломает кости и ревет,
Не избежать мне этой правды черной,
Косматых лап, впитавших кровь и мед!

ЗЕМЛЯ.

Верть и круть, и кресты и гусли,
Колокольный и брашный край,
Буйность, жалость, бесстыдство, грусть ли,
Летом кречета через рай.

Закрутиться, забыться, биться...
За селом взмывает село.
Эй, куда ты, не зверь, не птица?
Чьим огнем тебя, Русь, сожгло?

Закружило амвон кружалом,
Всем мужьям живая жена.
Жизни мало, и силы мало —
Все сначала, и все до дна!

◆ ◆ ◆

Над зеленою гимнастеркой
Черных пуговиц литые львы,
Трубка выжженная махоркой,
И глаза стальной синевы.

Он расскажет своей невесте
О забавной, живой игре,
Как громил он дома предместий
С бронепоездных батарей.

Как пленительные полячки
Присылали письма ему,
Как вагоны и водокачки
Умирали в красном дыму.

Как прожектор играл штыками,
На разбитых рельсах звеня, —
Как бежал он три дня полями,
И лесами — четыре дня.

Лишь глазами девушка скажет,
Кто ей ближе, чем друг и брат,
Даже радость и гордость даже
Нынче громко не говорят.

РАНЕНЫЙ.

Дрожащий не от боли, от испуга.
Безжизненную ногу волоча,
Снимал он под сочувственную ругань
Свою рубаху с потного плеча.

Угрюмый фельдшер равнодушно слушал,
Как бинт шуршал, и губы кверху гнул,
И он пошел — и уносили уши
Мелькнувшей смерти колокольный гул.

И там, где рана — колыхалось пламя,
И ребра зверь неустающий грыз,
И гулкими, зелеными руками
Казались ветви, падавшие вниз.

Все закружилось в нестерпимом свете.
И не понять: то ветер или стон.
Деревья, как танцующие плети
Смеются, бьют его со всех сторон.

... Двуколка прыгала в ночной прохладе,
Шумя бежала черная страна,
И он в поту неудержимо падал
На камни дна, не достигая дна.

◆ ◆ ◆

Потным штыком банку пробил,
Зажевали губы желтое сало,
Он себя и землю любил
И ему показалось мало.

От моря до моря крестил дороги,
Желтое сало как желтый сон,
А запаивал банку такой же двуногий,
Такой же не злой и рябой, как он.

Галдели бабы: зайди пригожий.
Ворчали деды: погоди, погоди.
От моря до моря все было то же,
Как ты ни пробуй, как ни ходи.

Язык по жестянке жадно бегал,
Не знает консервный заморский слуга,
Как можно любить эти комья снега,
Кривые цветы на колючих лугах.

А ударит буря или сабля положит,
Покатится банка, за ней — голова.
Ну, как рассказать, что всего дороже
Живая впитавшая кровь трава.

ПУШКА.

Арнольду Пек-Аменшильд.

Как мокрые, раздавленные сливы
У лошадей раскосые глаза,
Лоскутья умирающей крапивы
На колесе, сползающем назад.

Трясется холм от ужаса, как карлик,
Услышавший циклопью болтовню,
И скоро облачной не хватит марли
На перевязку раненому дню.

Циклоном правит мальчик с канарейку,
Он веселей горящего куста,
Ударную за хвост он ловит змейку, —
Поймает и циклоп загрохотал.

И оба так дружны и так согласны,
Что кончив быть горластым палачом,
Когда его циклопий глаз погаснет —
Он мальчика сажает на плечо.

И лошади их тащат по откосу —
Бездельников — двумя рядами пар,
И мальчик свертывает папироску
Кривую, как бегущая тропа.

◆ ◆ ◆

М. Неслуховской.

Где ты, конь мой, сабля золотая,
Косы полонянки молодой?
Дым орды за Волгою растаял,
За волной седой.

Несыть-брагу, удалую силу
Всю ковшами вычерпал до дна.
Не твоя-ль рука остановила
Бешеных любимцев табуна?

На, веди мою слепую душу,
Песнями и сказками морочь!
Я любил над степью звезды слушать,
Опоясывать огнями ночь.

Не для деревенских частоколов,
Тихопламенных монастырей,
Стал, как ты, я по иному молод,
Крови жарче и копья острей.

Проклянет меня орда и взвоет,
Пусть — ведь ты, как небо, весела.
Бог тебе когда - нибудь откроет,
Почему такою ты была.

◆ ◆ ◆

Когда уйду — совсем согнется мать,
Но говорить и слушать также будет —
Хотя и трудно старой понимать,
Что обо мне рассказывают люди.

Из рук уронит скользкую иглу,
И на щеках заволокнятся пятна —
Ведь тот, что не придет уже обратно,
Играл у ног когда-то на полу.

АНГЛИЯ.

Старый дьявол чистит ногти пемзой,
С меловых утесов вниз плюет,
И от каждого плевка над Темзой
Гулкий выплывает пароход.

Тащится потом, хромая, в гости
К жестокосой, бледнощекой мисс,
И без проигрыша бросает кости
Пальцами увертливее крыс.

Из дубовых вырубать обрубков
Любит он при запертых дверях.
Капитанов с компасом и трубкой
И купцов со счетами в руках.

И они уверенно, нескоро,
В мире побежденном утвердят
Свой уют каюты и конторы,
И дубовых наплодят ребят.

ГЕРМАНИЯ.

Июлем синим набежало время,
В ветвях кочует слив отряд,
Домой вернувшийся солдат
Несет зарю в тяжелом шлеме,
Чтобы отдать садам.

Еще клеймо с короной на плече,
Еще бежит дыхание огня
Нечаянно через сады и сливы,
Еще молчать рукам нетерпеливым
И деревам склоняться у плетня.

Но уже кровью пьяны Лорелеи,
Хрипя на площадях о том,
Что узки временами плац-парки и аллеи,
Под пятым колесом грузовика
Погибнет Лютера спокойный дом.

Пивной ручей — вторая кровь народа
Жжет бороды, но души не бодрит,
Кричат в ушах стальные Лорелеи:
Германский хмель — безумец огородов —
Тягучей силою степей обвит.

А там внизу в осколках красных градин
Куется для последней боли зуб,
Там ждут давно — и если молот Тора
Из зал высоких навсегда украден,
Тот молот Тора там внизу.

САМИ.

1.

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стэком,
Хороший Сагиб у Сами и умный,—
Только Сами не считает человеком.
Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет: спасибо;
Сами греет для бритья ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами —
Сагиб всеведущ, как Вишну,
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами не даром
В Беджапуре был скороходом,
Ноги мальчика бегут по базарам
Все увереннней год от году.

2.

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра
И злой дух кричал в телефоне.
Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,
Гонг надменно сказал об этом,
Только Сами с газетою нету.
И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому,
И чего не случилось ни разу —
Мул некормлен вышел из дому.

3.

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок,
С исцарапанными ногами

Весь в лохмотьях, от голода тонок.
Синяка круглолобая глыба
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
— Где ты был, павиан бесхвостый? —
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечал ему Сами просто: —
— Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше,
Без дорог заблудился в долинах,
Как котенок слепой на крыше.
— Ты рожден, чтобы быть послушным,
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней,
Я властитель твой, обезьяна!

4.

— Тот далекий живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами
И зовут его люди — Лэнни.
Он дает голодным корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком,
Он большой Сагиб перед небом
И совсем не дерется стэком.
Сами из магратского рода,
Но свой род для него уронит —
Для бритья будет греть ему воду,
Бегать с почтой, чистить его пони,
И за службу даст ему Лэнни
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал во вселенной,—
Сами всех Сагибов погубит.

5.

— Где слыхал ты все это, несчастный.
Усмехнулся Сами лукаво:
— Там, где белым бывать опасно:
В глубине Амритсарских лавок.
У купцов весь мир на ладони,
Они знают все мысли судра
И почем в Рохилькенде кони,
И какой этот Лэнни мудрый.
— Уходи, — сказал англичанин.
И Сами ушел с победой,
А Сагиб заперся в своей спальной
И не вышел даже к обеду.

6.

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий
И молился далекому Лэнни,
Непонятному, как иоги,
Что услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птице
Долететь не всегда удалось бы,
Даже птице быстрее зарницы.
И она б от дождей размокла,
Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная Сагибов телега.

7.

Так далеко был этот Лэнни,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами.
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом смазали бедра,
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра,
Будто снова он родился в Амритсаре
И на этот раз человеком,
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стэком.

Д. ТУМАННЫЙ.

ТРИНАДЦАТАЯ НОЧЬ.

Над сонным городом клубы сырого пара,
Смешалась с грязью кровь в тягуче-липкий клей,
Да кое-где вдали над серым тротуаром
Нависли этажи сверкающих углей.

Застыли мертвецы в спокойствии могильном —
Тела случайных жертв, ненужных никому,
И только изредка фонарь автомобильный
Вонзается как нож в сгутившуюся тьму.

И в жутком полусне огромный город бредит,
Порывисто дрожит, стараясь сбросить гнет,
И ахает набат волнами красной меди
И быстро говорит о чем-то пулемет.

Горят миллионы звезд на темно-синей ризе,
Сильней сгустился мрак над лентами аллей...
Тринадцатая ночь... Настал последний кризис.
Пора решить вопрос: кто лучше и сильней!

В отчаяньи дрожат домов - гигантов груди,
Срывается гудок — охрипший и больной,
И снова слышен крик рыдающих орудий,
Плюющих на дома расплавленной слюной.

АПОФЕОЗ СУМАСШЕСТВИЯ.

Свет дневной сменяет электричество,
По паркету комнаты влачась,
Час назад пробило ровно три часа
И опять ползет за часом час.

Показались пешеходы ранние —
Торопиться вечно надо нам...
Жду тебя с душевным замиранием,
Притаясь у темного окна!

Ты придешь, спаситель наш, я верую,
Ты придешь и кончится борьба!
Над садами, площадями, скверами
Прогремит железная труба.

Ты придешь в броне из аллюминия
В тихий час, со стороны реки,
И завеса ночи темносиняя
Разорвется с ревом на куски!

И вода, поднявшись над кварталами
В полусумраке небесных риз,
Проревев над семьями усталыми,
Упадет с последним криком вниз.

И в момент последнего пришествия
Под свистки и дикое — ага!
Мы под черным знаком сумасшествия
Все помчимся к чорту на рога!

. . . .
. . . .

Час назад пробило ровно три часа
И опять идут за часом час.
Свет дневной сменяет электричество,
По уступам комнаты влачась...

АГИТАТОР.

Все тот же очерк той же кэпки
И в летний день и к декабрю —
Солдатский фрэнч — простой и крепкий.
И бахрома потертых брюк.

И красноречья три карата
И веры в дело сто карат:
Так зарождается оратор—
Коммунистический Марат!

Пусть всюду зависть, злость и ропот —
Его душа всегда емка
Для резолюций Агитпропа
И для наказов из МК.

Плывите в прошлое, недели!
Сгорайте, вспыхнув, вечера!
Оратор дней своих не делит
На нынче, завтра и вчера.

Вот утро: в дебрях книжной глуби.
Вот день: езды, собраний, встреч.
Вот вечера: в районном клубе
Всегда продуманная речь.

Снег. Месяц серебристорогий.
Плакаты. Освещенный зал.
И он придет — родной и строгий,
Прищурив сквозь очки глаза.

И, фраз корявых не отделав,
Расскажет, прост и величав,
Про назначенье женотделов
И про здоровье Ильича.

И, на записки отвечая,
Платком стирая пот с лица,
Проглотит пол-стакана чая,
Сося огрызок леденца.

Здесь тают дни, уходят даты,
Здесь — вдохновенье, свет и пот,
Здесь совершает агитатор
Труднейшую из всех работ!

СОНЕТ О СОВЕТСКОМ СЛУЖАЩЕМ.

В углу чугунка, дышащая жаром.
На зеркале — мешки из под пайка.
Диван. Дрова. Кастрюли. С потолка
Свисает лампа бледно-желтым шаром.

Нависли дни мучительным кошмаром:
— „Хлеб вышел весь. Картофель есть пока"...
В душе тоска — вязка и глубока
И тело — как разбитое ударом.

А утром боль от сотен гнойных ран.
В ногах озноб и в голове туман —
Остатки безнаркозного наркоза.

Но мозг сверлит упорное: „итти!"
И он приходит — ровно к десяти
В одну из канцелярий Совнархоза.

ЛЕТЧИК.

Голубая пустыня небес,
Горизонт — лиловеющий лес.

Чернобурая пыль и пески,
И бараки — просторно-низки.

В блеске дня как в прозрачной слюде
Здесь работают сотни людей —

Одного-то (любого из них)
Прославляет сегодня мой стих.

Побуревший от солнца и ветра
Входит каждое утро в барак
Человек в зашнурованных гетрах,
В черной коже тужурки и краг.

Из-под шлема и круглых очков —
Замороженный пламень зрачков.

Тише! Двери барака открыли.
Мерной дрожью дрожит аппарат.
Свист пропеллера. Отблеск надкрылий.
Летчик вросший в сиденье. — „Пора!"

Разве может в ушах поместиться
Этот рокот, и ропот и гром,
Этот крик механической птицы,
Покидающей аэродром?

Павший летчик воспет. Но воспет ли
Тот живой, кто, как сотни других,
Чертит в воздухе мертвые петли
И выводит кривые круги!

.... Бесконечность немыслимой дали —
В эту даль провалилась земля.
(Надавил рулевые педали
И выравнивает фюзеляж).

Путь небесный тяжел и неровен,
В крылья бьется крутящийся ветер;
В жилах пенье взволнованной крови,
А глаза проросли в альтиметр.

Пусть теряется сзади, оторван,
Каждый звук, мимолетный, как сон,
Металлический грохот мотора
Запевает душе в унисон...

... Вниз! Расправить слабеющий мускул!
Вниз! Застыть, на сиденье замлев,
И скользить по воздушному спуску
К непомерно растущей земле!

Полированный диск альтиметра:
— Триста. Двести. Сто с четвертью. Сто!
Нет ни дрожи. Ни крена. Ни ветра.
Стоп. Пробег на колесиках. Стоп!

... И воздух вбирая мехами как,
— Весь в жару, а руки как лед —
Пилот отдает механикам
Неподвижный, немой самолет.

ПРЕДТЕЧИ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЭЗИИ.

М. ГОРЬКИЙ.

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ.

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн об'ятьем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела произает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, — гордый, черный, демон бури, — и смеется и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома,—чуткий демон,—он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

1901.

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ.

I.

Высоко в горы вполз Уж и лег там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...

Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твердый камень...

Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подполз он ближе к разбитой птице и прошипел он ей прямо в очи:

— Что, умираешь?

— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх, ты, бедняга!

— Ну что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

И так подумал: „Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, все прахом будет"...

Но Сокол смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повел очами.

Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущельи темном и пахло гнилью.

И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..

А Уж подумал: „Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!.."

И предложил он свободной птице: — „А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся.

„Быть может, крылья тебя поднимут и поживешь еще немного в твоей стихии“.

И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошел к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошел он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

Волна потока его схватила и, кровь омывши, одела в пену, умчала в море.

А волны моря с печальным ревом о камень бились... И трупа птицы не видно было в морском пространстве...

II.

В ущелье лежа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

—„А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полетам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать все это, взлетевши в небо хоть ненадолго“.

Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он прянул в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

Рожденный ползать — летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмеялся...

„Так вот в чем прелесть полетов в небо! Она — в паденьи!.. Смешные птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укоры? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам все знаю! Я — видел небо... Взлетал в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье — землей живу я“.

И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

Блестело море все в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

„Безумству храбрых поем мы славу!

„Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время—и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

„Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

„Безумству храбрых поем мы песню!..“

1894.

ВАЛАШСКАЯ ЛЕГЕНДА.

В лесу над рекой жила фея.
В реке она часто купалась;
Но раз, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась.
Ее рыбаки испугались...
Но был с ними юноша Марко:
Схватил он красавицу фею
И стал целовать ее жарко.
А фея, как гибкая ветка,
В могучих руках извивалась,
Да в Марковы очи глядела
И тихо чему-то смеялась...
Весь день она Марко ласкала,
А как только ночь наступила —
Пропала веселая фея, —
У Марко душа загрустила...
И дни ходит Марко, и ночи
В лесу над рекою Дунаем,
Все ищет, все стонет: „Где фея?“
А волны смеются: „Не знаем“.
Но он закричал им: „Вы лжете!
Вы сами играете с нею!“
И бросился юноша глупый
В Дунай, чтоб найти свою фею.
Купается фея в Дунае,
Как раньше до Марко купалась;
А Марко уж нету... Но, все же,
О Марко хоть песня осталась.

. . . .

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!

СКИТАЛЕЦ.

ГУСЛЯР.

Гусли звонкие рокочут и звенят,
Про веселье чистой трелью говорят.
Мысли-песни напеваю я струнам,
Вольный ветер их разносит по полям.
Гусли-мысли да веселых песен дар
Дал в наследство мне мой батюшка-гусляр.
Гусляром быть доля выпала и мне —
Веять песни по родимой стороне.
Я иду накинув бедный мой наряд;
Гусли звонкие рокочут и звенят!

Прохожу по полям, по горам,
Напеваю я песни ветрам,
А как выйду на Волгу-реку, —
Отдохнуть прихожу к кабаку.
Там по праздникам пьет и поет,
Веселится рабочий народ.
Как ударю я в струны мои,—
Замолчат над рекой соловьи;
Разливается песня кругом —
Серебром!

Солнце выйдет, смеясь, из-за туч...
И народ-то, как солнце, могуч!
Целовальник мне цедит вина,
Да душа и без чарки полна!
Только длинные струны звенят. —
Говорят!

Ах, и звонко ж гусли медные звенят...
Слышит их владелец каменных палат.
На душе его осенняя пора,
И зовет он молодого гусляра:
„Ты сыграй-ка, песню грустную запой,
Чтоб омыл я душу грешную слезой,
Успокой ты совесть нежную мою,—
Я тебя и накормлю и напою.
Пусть о том, что я народу — друг и брат
Гусли звонкия рокочут и звенят“.

Я вхожу во дворец к богачу
И пропеть ему песню хочу.
Я пою ему, звонко смеясь:
„На душе твоей копоть и грязь;
Не спою тебе песни такой,
Чтоб тебя очищала собой:
Пусть лежит на душе твоей тень,
Песнь свободы не нравится вам,
И звенит она, словно кистень
По пустым головам!“

Земля у нас истощена...
Чего просить у ней?
Бурьян сухой родит она
И ядовитых змей.
Вот — я змеей вползаю к вам
И песней жалю вас.
Я только яд и раны дам,
А муки — бог вам даст.
Я к вам явился возвестить:
Жизнь казни вашей ждет!
Жизнь хочет вам нещадно мстить:
Она за мной идет!
Смеетесь вы, твердя: „Он лжет,
Колючий, как бурьян!“
О, нет! Каков теперь народ,
Таков и я вам дан!

Ах! не кончил этой песенки гусляр,
Не приходит он на людный на базар,
Не видать его в царевом кабаке,
И не слышно звонких песен на реке.
Только видно — у тюремных у ворот
Каждый вечер собирается народ,
А из башни песни льются и гремят
Гусли звонкие рокочут и звенят!

◆ ◆ ◆

Колокольчики-бубенчики звенят,
Простодушную рассказывают быль...
Тройка мчится, комья снежные летят,
Обдает лицо серебряная пыль!

Нет ни звездочки на темных небесах,
Только видно, как мелькают огоньки.
Не смолкает звон малиновый в ушах,
В сердце нету ни заботы, ни тоски.

Эх! Лети, душа, отдайся вся мечте,
Потоните, хороводы бледных лиц!
Очи милые мне светят в темноте
Из-под черных, из-под бархатных ресниц.

Эй вы, шире, сторонитесь, раздавлю!
Бесконечно, жадно хочется мне жить!
Я дороги никому не уступлю,
Я умею ненавидеть и любить...

Ручка нежная прижалась в рукаве...
Не пришлось бы мне лелеять той руки,
Да от снежной пыли мутно в голове,
Да баюкают бубенчики-звонки!

Простодушные бубенчики-друзья,
Говорливые союзники любви,
Замолчите вы, лукаво затая
Тайны нежные, заветные мои!

Ночь окутала нас бархатной тафтой,
Звезды спрятались, лучей своих не льют,
Да бубенчики под кованной дугой
Про любовь мою болтают и поют.

Пусть узнают люди хитрые про нас,
Догадаются о ласковых словах
По бубенчикам, по блеску черных глаз,
По растаявшим слезинкам на щеках

Хорошо в ночи бубенчики звенят,
Простодушную рассказывают быль...
Сквозь ресницы очи милые блестят,
Обдает лицо серебряная пыль...

◆ ◆ ◆

Я хочу веселья, радостного пенья,
Буйного разгула, смеха и острот —
Оттого, что знал я лишь одни мученья,
Оттого, что жил я под ярмом забот.

Воздуха, цветов мне, солнечной погоды!
Слишком долго шел я грязью, под дождем.
Я хочу веселья, я хочу свободы —
Оттого, что был я скованным рабом!

Я хочу рубиться, мстить с безумной страстью —
Оттого, что долго был покорен злым.
И хочу любви я, и хочу я счастья —
Оттого, что не был счастлив и любим!

НОЧИ.

Посвящается А. А. Смирнову.

Ночи мои, ночи!.. Как вы молчаливы!
Темная, — как вы же, — ночь в душе моей.
Мысли, словно звезды, блещут горделиво,
Золотым узором загораясь в ней.

Спит, как зверь усталый, этот мир проклятый,
Вечно мне враждебный... чужд я для него.
В комнате унылой, тишиной об'ятой,
Я и мои мысли — больше никого!

И на тучах скорби, как лучи заката,
Чуть блестит холодный, отраженный свет:
Свет очей, блестевших где-то и когда-то,
Образ, унесенный вихрем долгих лет.
Кажется, что солнце засияло снова,
Мнится, что за креслом та, кого люблю,
От которой скрыл я, не сказав ни слова,
Всю тоску, всю нежность, всю любовь мою.
И на эти строки смотрит образ милый,
Прогоняя тени сердца моего...
К ней я обернулся — в комнате унылой
Я и мои мысли — больше никого!

Близок час рассвета. Звезды в небе тают...
Но темнее стало на душе моей:
Светлый образ милый тихо улетает,
Сердце рвется к свету, вдаль, туда, за ней...
Ночи мои, ночи! Как вы быстротечны,
Темные подруги сердца моего!
Идут дни и годы, а со мною вечно
Только мои мысли — больше никого!

КУЗНЕЦ.

Некрасива песнь моя —
Знаю я!
Не похож я на певца:
Я похож на кузнеца.
Я для кузницы рожден,
Я — силен!

Пышет горн в груди моей:
Не слова, а угли в ней!
Песню молотом кую,
Раздувает песнь мою
Грусть моя!
В искрах я!

Я хотел бы вас любить,
Но не в силах нежным быть —
Нет, я груб!
Ласки сумрачны мои;
Не идут слова любви
С жарких губ.

Кто-то в сердце шепчет мне:
„Слишком прям ты и суров —
Не скуешь ты нежных слов
На огне!

Лучше молот кузнеца
Подними в руке твоей
И в железные сердца
Бей!“

УЗНИК.

Ржавый ключ, как будто зверь,
Мой замок грызет сурово,
И окованную дверь
Затворили на засовы.

В круглой башне я сижу.
Сверху — тусклое оконце:
Из потемок я гляжу,
Как сияет в небе солнце.

Серебрятся облака,
В синем небе тихо тают,
И орел издалека
Свой привет мне посылает.

Он клекочет... В облаках
Смело, гордо реет птица...
Я же брошен здесь во прах,
В эту мрачную темницу.

Я один в руках врагов.
Кто расскажет там, на воле,
Как за братьев и отцов
Честно пал я в чистом поле?

Как в плену окончил путь,
Как меня оковы точат,
Как жестоко ранен в грудь?
„Я скажу“, орел клекочет...

ПЕВЧИЕ.

Могучий хор устал за длинною обедней...
Пропели мы обряд богатых похорон,
Под сводами гремя, растаял звук последний,
И медленно гудит унылый перезвон.

С печальным пением пошли мы по дороге.
За нами катафалк торжественно плывет.
В снегу, иззябшие, скользят и вязнут ноги,
И мрачно мы поем, толпой идя вперед.

Румянит ветер нас, и серебристый иней
Красивой сединой обвил нам волоса.
За гробом все идут, как будто за святыней,
А мы идем вперед, мы — смерти голоса.

О тайне смерти мы живым поем по нотам,
С нуждой и бедностью наш неразлучен труд;
Рабы счастливца мы, кого с таким почетом
И благолепием в фамильный склеп несут.

И вот на кладбище, где липы вековые,
Одеты инеем, хранят покой могил,
Где мрамор стерегут решетки золотые,
Хороним мы того, кто золото любил.

Сверкает всюду снег. Как ризою, покрыты
Пушистой пеленой ограды и кресты,
Деревья старые и каменные плиты...
О, как торжественно уходишь в землю ты!

Наследники твои — твоей кончине рады;
Они воздвигнут здесь тяжелый мавзолей,
Но не придет никто к дверям твоей ограды —
Ты и при жизни был не нужен для людей.

Противно мне итти с твоей наемной свитой
И голос отдавать — не людям, не борьбе,
Не песням радости и битвы, — а тебе,
Мешок, червонцами набитый!

АЛМАЗЫ.

Нас давят! Лежим мы века,
Закованы в тяжкий гранит!..
Гнетут нас и тьма, и тоска;
Не знаем, как солнце горит...

Всегда мы тоскуем о нем...
Живит нас о солнце печаль:
Мы злым засверкали огнем,
И сделались тверды, как сталь!..

ЕВГ. ТАРАСОВ.

◆ ◆ ◆

Ты говоришь, что мы устали,
Что и теперь, при свете дня,
В созданьях наших нет огня,
Что гибкий голос твердой стали
Обвит в них сумраком печали
И раздается, чуть звеня.

Но ведь для нас вся жизнь — тревога...
Лишь для того, чтоб отдохнуть,
Мы коротаем песней путь.
И вот теперь, когда нас много, —
У заповедного порога
Нас в песнях сменит кто-нибудь.

Мы не поэты, мы — предтечи
Пред тем, кого покамест нет.
Но он придет — и будет свет,
И будет радость бурной встречи,
И вспыхнут радостные речи,
И он нам скажет: „Я — поэт".

Он не пришел, но он меж нами.
Он в шахтах уголь достает,
Он тяжким молотом кует,
Он раздувает в горне пламя.
В его руках победы знамя —
Он не пришел, но он придет.

Ты прав, мой друг, — и мы устали.
Мы — предрассветная звезда.
Мы в солнце гаснем без следа.
Но близок он. Из гибкой стали
Создаст он чуждые печали
Напевы воли и труда.

1905.

ВЕСЕННИЕ РУЧЬИ.

Мы, как жаворонки, звонки,
Мы, как змейки, злы и тонки,
Мы стремимся вперегонки
И сплетаемся, журча.
В нашей зябнущей постели
Спать мы больше не хотели —
Дети воющих метелей
И весеннего луча.

Мы извилисты, не прямы,
Нам не страшны пни и ямы.
Мы впиваемся упрямо
В толщи сумрачных снегов.
Мы пророем в них проходы,
Оживим повсюду всходы,
Мы заставим выйти воды
Из угрюмых берегов.

Пусть мы встали слишком рано,
Пусть придут еще туманы —
В нашей песне нет обмана:
Верьте радостным ручьям.
Просыпайтесь все, кто молод,
Все, кто знал мертвящий холод,
Все, кого измучил голод:
Эта песня вам.

НА СЕВЕР.

Наш поезд стремится без устали вдаль,
И плачет под поездом чуткая сталь;
Но сталь не умеет, не может помочь...
И ближе — все ближе—полярная ночь.

Печальна улыбка осенних небес,
Задумчив плывущий пред окнами лес...
Пустынны и грустны за лесом поля,
И к медленной смерти готова земля.

Но радость, уснувшая в тесных стенах,
Воскресла — как некогда — в наших сердцах.
Забыто отчаянье душной тюрьмы,
Где долго томились молчальники — мы.

Наш взор загорается жадным огнем,
Нас солнце приветствует тихим лучом,
И кажется — жизнь целиком впереди,
И яркое что-то ликует в груди.

И многое отдал бы каждый из нас,
Чтоб выйти на вольную волю сейчас,
И там в предзакатной синеющей мгле,
Припасть с поцелуем к забытой земле.

Но в окнах решетки сурово блестят,
Но люди с оружием зорко глядят...
И радость без жалобы гаснет в сердцах,
И в сумерках зреет пред будущим страх.

И поезд наш мчится в безвестную даль,
И стонет под поездом чуткая сталь.
Но сталь не умеет, не может помочь...
И ближе — все ближе — полярная ночь.

◆ ◆ ◆

Сегодня ты вновь принесла мне цветы,
Сестренка моя дорогая,
И с ними — неслышно вспорхнули мечты,
Волнуя меня, увлекая.

Куда — я не знаю. Устало гляжу,
Не верю обманам видений.
Я — тихий и грустный. К цветам подхожу —
Над ними сгущаются тени.

И знаю, что скоро начнут умирать
Вспоенные волей и светом.
И будут сгибаться, и будут дрожать —
И молча умрут пред рассветом.

И знаю: в тот миг, как увянут цветы,
Не вынесши тусклого плена —
Погибнут и милые гости — мечты,
Разбившись о жесткие стены.

А все же — спасибо. Задумалась ночь.
Цветы побледнели от боли.
Прощайте. Усните. Мне нечем помочь:
Я — пленник. Я тоже в неволе.

СКАЗОЧКА.

Были-стояли как-то хоромы,
Жили в хоромах баре-князья.
Были с нуждою век незнакомы,
Были с весельем сытым друзья.

Жили да были с барами рядом,
Жили — кормили бар мужики.
С барами встретясь, пятились задом;
В церкви молились, шли в кабаки.

Долго ли, нет ли, только устали,
Тяжкую ношу сбросить бы с плеч,
Выжечь из сердца думы-печали,
Пьяный, веселый пламень зажечь.

Ну, и пригубили чару веселья,
Вышли в кровавый, пьяный простор.
После не сладко было похмелье.
Было, что было. Быль не укор.

Шло пированье: рушились балки.
Был именинник — красный петух.
С криком метались черные галки,
Яро горели лица старух...

Много работы было тут ломам,
Ветер не сыщет угля в золе...
Незачем, видно, барским хоромам
С избами рядом быть на селе...

1908.

ДЕРЗОСТИ СЛАВА.

Жить в потемках мы устали.
Мы проснулись, мы восстали, —
Слишком долго боя ждали, —
Жаждем жизни молодой.
Прочь, беспомощные страхи,
Глубже взгляды, шире взмахи,
Больше дерзости святой!

Много надо рук упорных,
Чтоб из глыб слепых и черных,
В наших домнах, в наших горнах,
Полосой сверкнул металл.—
Больше страсти, больше жару,
Подставляйте грудь пожару,
Чтоб металлу дать закал.

Выше факел поднимайте,
В душах пламя зажигайте,
Ошибайтесь — но дерзайте!
Пролетит веков гряда,—
Только то, что силой взято,
Будет живо, будет свято,
Будет свято навсегда.

◆ ◆ ◆

Зови лишь того, кто безумен в любви,
Кто сердцем не раб, а бестрепетный воин;
А тех, кто душою трусливо спокоен,—
Оставь, не зови...

Пройди стороной: им дороже всего
Безбурная пристань их жалкого счастья.
А если порою в них вспыхнет участье —
Так что ж из того?

Они нам чужие, им нас не понять.
Они и в порывах расчетливо скупы, —
Пройди стороной: эти люди, как трупы,
Им жизни не знать.

Не знать им, что жить — значит: верить звезде,
Творить беспокойным, сверкающим словом,
Быть чутким, как сталь, и как сталь же суровым,
Быть цельным везде.

А им — только был бы красивый покой;
А им — было б сердце довольно и радо, —
Оставь, не зови их. Не надо, не надо,
Пройди стороной.

◆ ◆

Смеха не надо бояться.
Слишком мы долго молчали,
Слишком отвыкли смеяться —
Смех благородней печали,
Смеха не надо бояться.

Смейтесь же радостным смехом,
Смейтесь и будьте, как дети,
Будьте отзывчивым эхом,
Эхом в горах — на рассвете.
Смейтесь отзывчивым смехом.

Смейтесь в печалях — сквозь слезы:
Слезы желанными станут.
Если далекие грезы
Рано солгут и обманут —
Смейтесь, о, смейтесь сквозь слезы.

Смейтесь светло над врагамн,
Смейтесь, в бою умнрая,
Дрогнут враги перед вами —
Трупы врагов попирая,
Смейтесь светло над врагами.

Смех ваш сердца им отравит
Жгучнм и медленным ядом.
Смех ваш к земле их придавит.
Смейтссь словами и взглядом —
Смех ваш их ядом отравит.

Справьте поминки им — смехом.
Будет с нас темной печали.
В путь — по испытанным вехам!
Слишком мы долго молчали —
Смейтесь безоблачным смехом.

◆ ◆ ◆

Смолкли залпы запоздалые,
Смолк орудий гром.
Чуть дымятся лужн алые,
Спят кругом борцы усталые —
Спят нездешним сном.

Вечер веет над скелетами
Павших баррикад.
Над телами неотпетыми
Гимны скорбными приветами
В сумраке звучат.

Спите, братья, с честью павшие —
Близок судный час,
Спите, робости не знавшие —
Ночь в руках у нас.

Все, что днем у нас разрушено,
Выстроим во мгле.
Жажда битвы не задушена
В раненом орле.

Ночью снова баррикадами
Город обовьем.
Утром свежими отрядами
Новый бой начнем.

Спите, братья и товарищи!
Близок судный час —
На неслыханном пожарище
Мы помянем вас!

◆ ◆ ◆

Злы, полупьяны и сонны с похмелья,
Улицей белой идут,
Песню поют.
В песне веселой не слышно веселья,
Рекруты горькое горе поют.
Горе гасили отравою виииой —
Улицей длинной
Не в ногу идут.

Заспаны, заперты, серы домнишки,
Рано ложатся в постель в городишке.
Где-то далеко обманы огней...
„Черти, ровней!"

Головы клонят на каждом шагу.
Скоро ль дойдут до иочлега?
Алым закатом облита безвыходность снега.
Черная галка на алом снегу.
„Черная галка,
Чистая полянка!
Ты ли, Марусенька
Черноброва"...

Взвизгнет и вырвется черное слово...
„Черти, ровней!"
Сколько уж дией
Гонят и гоият.

Дома старуха свалилась и стонет.
Дома — жена.
„Ты ли, Марусенька
Черноброва,
Чего не ночуешь
Дома?.."

Ноги сковала больная истома,
Голову клонит.
Надо, эх, надо итти, если гонят...
А трудно по рыхлому снегу итти.
И снова, и снова: „Зима

Все дорожки замела,
Все дорожки, все пути"...
Горькой недолюшке
К солнечной волюшке
Негде пройти...

1907.

БУДНИ.

Мы снова покорны.
В темницах заводов,
Средь шума приводов,
У страшных колес,
У дымного горна —
Пламенея, горя от непролитых слез,
Мы снова и снова в работе упорной
Дни за днями сжигаем
И знаем,
Что каждое утро нас гневно разбудит
Упорно зовущий свисток,
И голод нас в толпы угрюмые сгрудит,
И улицей сонной
К пасти бездонной
Тысячью ног
Прошуршим.
Будет усталость в нетвердой походке,
Взвизгами плетки
Кончит свой окрик свисток.
Мы спешим.
Будет размеренность замкнутых будней
Еще неисходней, еще многотрудней,
И скорбь побежденных острей.
Ликуйте, машины, змеитесь, приводы,
Торопите, гоните нескорые годы —
Мы в грохоте вашем еще безрассудней,
Сердца наши в грохоте бьются быстрей.
Сквозь дьявольский скрежет,
В дыму и пыли
Нам радость грядущего заревом брезжит,
Нам заревом брезжит вдали.
Мы ненависть новую бережно копим,
Мы время торопим,
Мы город затопим,
Смену готовим погибшим борцам.
Вы, что сильны, беспощадны, богаты —
Вы нас обсчитали, подобно скупцам.
Мы придем на заре к белоснежным дворцам,
Мы придем на заре за расплатой.
О сильные мира,
О князи и боги,
Видите ль отсветы дальних огней?
День гнева и страсти уже на пороге,
Возмездья секира
Коснулась корней!

◆ ◆ ◆

Женщина и девушка встретились негаданно
В час, когда над городом день уже погас.
Из церквей отворенных струились нити ладана,
Над темными бульварами еще не вспыхнул газ.
Та, что тайну выдала, и та, что не разгадана,
Встретились нечаянно в сумеречный час.

Девушка—вся светлая, вся—радость недоступная,
Невеста нерасцветшая, но близкая к венцу.
Женщина, — румянами скрыла тени трупные,
Что утром расползаются по дряблому лицу.
Девушка и женщина. Святая и преступная.
Жизни не узнавшая и близкая к концу.

Женщина шла медленно, маня, шуршала юбками,
Не прятала в их шелесте контуров ноги.
В сумерках у девушки черты казались хрупкими,
Были торопливыми некрупные шаги.
Женщина продажная и девушка с покупками,
Встретившись нечаянно, взглянули, как враги.

Взглянули, как далекие; но первому движению
Что-то в них ответило, мелькнуло из-под век,
Мелькнуло незнакомое злобе и презрению,
Путы чувств нашептанных кто-то пересек.
Не поняли, не поняли... Чуждые прозрению,
На миг друг другу близкие, далекие навек.

Эта ясноокая, в которой не досказано
Столько слов пленительных, не скучных никогда,
И та, с глазами тусклыми, в которых вся рассказана
Повесть нисхождения, бесстыдства и стыда —
Не поняли, что городом они друг с другом связаны
Что связанными накрепко пребудут навсегда.

Что чем грязней об'ятьями женщина захватана —
Тем чище будет чистая в девичьей красоте.
Тем глаже будет проданной дорога в гроб укатана—
Чем радостнее девушка доверится мечте.
Не поняли. И девушку сеть улиц спрятала.
Женщина уж куплена, исчезла в темноте.

П. Я. (П. ЯКУБОВИЧ-МЕЛЬШИН).

* * *

Как вы, я петь бы мог
Заката пышный блеск,
Луны сребристый рог,
Волны дремотный плеск.
Я также бы нашел
И нужный склад, и слог,
Ко мне б не хуже шел
Дешевый ваш венок!

Но взор прозревший мой
В испуге увидал —
В неволе край родной,
В позоре идеал.
И рай надежд моих
Развеян, как мираж...
Вот отчего мой стих
Так не похож на ваш!

1890.

ГИМН ЛЮБВИ.

Под хохот злорадный могучего зла,
Под стон непогоды мятежной,
Как ландыш укромный, любовь расцвела
В душе боязливой и нежной.
Лазурные грезы ее стерегли
Не добрые феи и гномы,
А стаи шакалов, бродивших вдали,
И злобно роптавшие громы.
Преграды со всех поднимались сторон,
Как сказочных стран великаны,—
Различие веры, враждебность племен,
Людских предрассудков туманы.
Все призраки ада, все духи скорбей
Теснились к ее изголовью;
Но бодрствовал ангел хранитель над ней
С небесной своею любовью!

И пытки самой не страшилась любовь!..
Судьба тогда злей ополчилась:
Друзей наших брызнула чистая кровь,
За нами — тюрьма затворилась.
Томленье разлуки, людская вражда,
При жизни весь ужас могилы...
Без вести живой за годами года,
Убившие лучшие силы...

Ах! часто я чудного демона клял,
Который так долго и жадно
Из сердца всю лучшую кровь выпивал,
Томил и терзал беспощадно.
И звал я отжившею ложью любовь,
В грядущее мысль устремляя;
Но гнев укрощался — и славил я вновь
Ее, как посланницу рая.
И свято я верю, мой друг: победить
Любовь и могила не властна!
Векам она будет далеким светить,
Как греза эдема, прекрасна!

1894.

К РОДИНЕ.

За что любить тебя? Какая ты нам мать,
Когда и мачеха бесчеловечно-злая
Не станет пасынка так беспощадно гнать,
Как ты детей своих казнишь, не уставая?
Любя, дала ль ты нам один хоть красный день?
На наш весенний путь, раскинутый широко,
Ты навела с утра зловещей тучи тень,
По капле кровь из нас всю выпила до срока!
Как враг, губила нас, как яростный тиран!
Во мраке без зари живыми погребала,
Гнала на край земли, в снега безлюдных стран,
Во цвете силы — убивала...
Мечты великие без жалости губя,
Ты, как преступников, позором нас клеймила,
Ты злобой душу нам, как ядом, напоила...
Какая ж мать ты нам? За что любить тебя?

За что — не знаю я, но каждое дыханье,
Мой каждый помысел, все силы бытия —
Тебе посвящены, тебе до издыханья!
Любовь моя и жизнь — твои, о мать моя!
И, чтоб еще хоть раз твой горизонт обширный
Мой глаз увидеть мог, твой серый небосвод,
Сосновый бор вдали, сверканье речки мирной,

И нивы скудные, и кроткий твой народ,
За то, чтоб день один мог снова подышать я
Свободою полей и воздухом лесов,—
Я крест поднять бы рад без стона и проклятья,
Тягчайший из твоих бесчисленных крестов!
В палящий зной, в песке сыпучем по колени,
С котомкой нищего брести глухим путем,
Последним сном заснуть под сломанным плетнем
В жалчайшем из твоих заброшенных селений!..

1890.

◆ ◆ ◆

О, пасынок природы нелюбимой,
Изгнанья край!
Ни голубых озер,
Ни темных рощ: пустынный, нелюдимый,
Грядами гор стесненный кругозор.
Спеша, иду на голую вершину,
В надежде там родной сыскать простор —
Открытый вид на мирную долину,
Иль на густой, в короне снежной, бор.
Забвенья миг... И вот мечтою смелой
В больной душе роскошный создан пир:
Не там ли, там за этой гранью белой,
Лежит и он, отчизны светлый мир?
Вот верх скалы... О, тише, сердце, тише!
Поднялся я — и слезы чуть сдержал:
Ряд новых гор, еще мрачней и выше,
К отчизне путь сурово преграждал!..
Спускалась ночь; кричала где-то птица;
Валился снег на свежий волчий след...
Мечтатель, стой! Прочна твоя темница —
На родину пути отсюда нет!

1894.

◆ ◆ ◆

Не в шуме гроз, не в красоте стыдливой
Румяных зорь мне снится край родной,
Не в блеске дня над опаленной нивой,—
Он снится мне под утреннею мглой.

Густой туман клубится над полями;
Как призрак, бор синеет вдалеке;
Едва блестит за влажными кустами
Отсвет зари в извилистой реке.

Вот сонный пахарь едет в отдаленьи,—
Поник Гнедко, чуть дребезжит соха...
Вот каркнул грач.. И мертвое селенье
Рог огласил тревожный пастуха.

Промчался в даль работы зов бодрящий,
Но солнца лик еще в туманной мгле.
И столько грусти кроткой и щемящей
Везде, во всем — на небе, на земле!

Курган. Январь 1898.

◆ ◆ ◆

Проклятье — ваш удел, безумные века...
Когда отживший мир народы перестроят, —
Не все исчезнет зло, не замолчит тоска,
И язвы новых ран заноют.

Где свет сплошной горел, увидим бездну тьмы;
Победу возгласив, узнаем гнев бессилья
И снова разбивать о душный свод тюрьмы
Мы будем трепетные крылья!

Но и в унынья злом, в ночи без маяка
Ни разум мудреца, ни пылкий дух поэта,
Мечтая и скорбя о днях любви и света,
Не обратятся к вам, проклятые века!

1892.

◆ ◆ ◆

Волна упала, прошумев,
Блеснув, как дивное виденье...
Погибло наше поколенье —
Любовь угасла, замер гнев!

Но так был грозен этот блеск,
Что полночь дрогнула пугливо...
И до поры иной, счастливой
Дойдет волны погибшей плеск!

И волны новые придут
На берег, сумраком повитый,
И жизни острые граниты
Усилий их не разобьют!

1898.

ТИШИНА.

Вечер румяный притих, догорая,
Лист не прошепчет в лесной глубине;
Тучек перистых гряда золотая
В недосягаемой спит вышине.

Тихо мелькнула звезда, и другая...
Ночь надевает свой царский венец .
— Мука, великая мука людская!
Стихла ли ты, наконец?

1899.

ПЕСНЯ ТРУДА.

(Из Бланчарда).

— Братья, нет силы терпеть! Мы устали
Биться за жизнь, эту жизнь нищеты и печали!
Красного солнца хотим мы, душистых цветов,—
Да, это богу угодно, — мы требуем: „Восемь часов!“

Всюду на фабриках, в доках в собраньях взывайте народных:
„Восемь часов для труда! Восемь для сна! Восемь — свободных!“
Наши волы, что пасутся, покончивши труд,
Птицы небесные, звери — счастливей живут.

О, если так... для чего же душа в нас живая?
Сдвинемся, братья, сомкнемся! Всюду, от края до края!
Если молчать будет голос нужды и труда,
Камни немые начнут вопиять от стыда!

Верьте: не темная сила — дух правды и света
Нас призывает стоять, не страшась перед богом ответа.
Тот, кому образ свой вечный с любовью он мог даровать,—
В прахе, как червь бессловесный, не должен лежать!

Пусть же звучит и в полях, и в собраньях народных:
„Восемь часов для труда! Восемь для сна! Восемь—свободных!..“

1898.

* * *

Радость, влюбленная в солнце и смех,
Льнет к золоченым палатам;
Горе людское, в сторонке от всех,
С видом стоит виноватым.

Радость криклива: ей нужен исход,
Ей в одиночестве тесно.
Мышкой пугливою горе шмыгнет,
Скроется в норке безвестной.

В темных подвалах, в мансардах глухих,
Миру незримые, льются
Слезы несчастных, голодных, больных,—
Силы последние рвутся...

Если же к радости шумной с мольбой,
Полною трепетной муки,
Горе людское протянет порой
Тощие, бледные руки,—

Взгляд ему злобный она подарит,
Оскорблена безгранично:
„Что за навязчивый голос и вид!
Горе должно быть прилично“.

1899.

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ.

Грустят поля под бурыми снегами,
Раздетый лес окован мрачным сном...
Нет сил страдать! Как узник за стенами,
Томится мир в затишьи ледяном!
И ночь сошла, как крыша гробовая...
Вдруг, странный шум раздался в тишине,—
Как будто птиц неслась большая стая,
Огромных птиц в незримой вышине.
Сильней, слышней... С тревогою тяжелой
Блуждает взор по темным небесам...
И первый дождь, как молодость веселый,
Могучий дождь ударил по полям!
Как он хлестал! Как налетал он шумно,
За строем строй кидая звонких стрел!
С каким огнем и радостью безумной
Он песнь борьбы, не уставая, пел!
. . . .
Всю ночь, гремя, стихии бушевали...
Под утро смолк нестройных голосов
Сердитый спор; лишь капли лепетали,
Как вздохи умирающих бойцов.
Блеснул рассвет... Где ж бурый снег? Стыдливо,
Как юная невеста под фатой,
Глядит земля с улыбкою счастливой
И льется трепет жизни молодой...

1900.

В ПЛЕНУ.

Душа моя в плену, — в плену у тяжких дум,
У дней без радости, у ночи без рассвета!..
Ни мирный сон полей, ни улиц пестрый шум
Не будят больше в ней созвучного ответа.

Рвануться бы, стряхнуть докучный гнет цепей,
Взмахнуть бы широко орлиными крылами!
Но цепи — где они? Вдоль стен тюрьмы моей
Не ходит часовой с бессонными глазами.

Куда, куда бежать? Пустынен кругозор,
Зной опалил его дыханьем черной скуки...
И солнце, как сквозь дым, бросает мертвый взор,
И призрачны, как сон, и радости, и муки!

Душа моя в плену!.. И грезится в дали
Ей край пленительный, волшебный край свободы,
Где шумный жизни пир, цветущий пир земли,
Кипит, как вешние сверкающие воды...

— Далекой юности блаженные края!
Как все там солнечным залито светом было,
Как сердце верило и пламенно любило
Весну, людей и жизнь...
В плену душа моя!

1900.

У СФИНКСОВ.

Вот они... Дремлют, как встарь, над Невою...
Город вечерней окутался мглою,
Цепью бегут золотой огоньки,
Слышатся мощные всплески реки.

В маленькой шапочке, в кофточке тонкой,
Девушка, с обликом нежным ребенка,
В полосу света бесшумно вошла;
Юноша рядом — со взором орла.

В тень я укрылся за темным гранитом.
Влажного ветра порывом сердитым
Несколько слов до меня донесло.
Он говорил, улыбаясь светло:

„Нет, бескорыстные жертвы не тщетны,
Это сгущается мрак предрассветный,
Грозный девятый вздымается вал,—
Час избавленья желанный настал!..."

Дальше прошли — и в тумане пропали,
Смелые ж звуки все, будто, дрожали,
Сфинксов будя очарованный сон,
В сердце моем отзываясь, как стон.

Вспыхнуло что-то во мраке душевном,
Бурно прошло дуновением гневным...
Словно вперед я сумел заглянуть —
В темную ночь, на грядущий их путь.

В чуждых, пустынных снегах утопая,
Стелется он без конца и без края...
Что там, вдали, так уныло звенит?
Что так душа безутешно болит?

В мертвом краю, в безотрадной разлуке,
Годы потянутся, полные муки,
Полные злобы, бессильных угроз,
Гибели всех упований и грез...

Холодно. Ветер сильнее... Сердито
Плещутся волны о глыбы гранита.
Газ в фонарях задрожал, зашипел...
— Сфинксы, откройте: где скорби предел?

1903.

ЛЕДОХОД.

Берег пустынный опять пробужден —
Свист, гоготанье веселое, стон...
Лед на реке посинелый лежит,
Вздулся сердито и гулко трещит.
Холодно, жутко...
Но радостно-дик
В небе высоком несущийся крик.
„Скоро, уж скоро!" — поют журавли,
— Скоро! — холмы отвечают вдали.
Сердце безумной тревоги полно,
— Скоро! — восторженно вторит оно:
Порваны путы тяжелого сна —
Это шумит молодая Весна!..

Сумерки. Ветер подул верховой.
Лед шевелится внизу, как живой...
Странные думы родятся в уме:
Грозное что-то куется во тьме!..

1903.

„ТУК-ТУК!.."

Он вернулся, мой старый, проклятый кошмар:
Загремела тяжелая дверь —
И опять я один в ненавистных стенах,
Как в ловушку захлопнутый зверь!
Все, как прежде: с тройною решеткой окно
И со сводом глухим потолок...
Тускло светит ночник; в тишине гробовой
Громко кровь ударяет в висок.
Словно кто-то настойчивый злобно тверди :
„Нет возврата! Надеждам конец!
Молчаливою бездной навек отделен
Ты от мира живых, ты—мертвец".

Вдруг я вздрогнул... Прислушаться жадно спешу:
Чу! невнятный, таинственный звук...
Будто кто-то в стене молоточком стучит:
„Кто ты? Кто ты, товарищ? Тук-тук!"

И к холодному камню, дрожа, я приник.
„...Брат! Уж близок последний мой час:
Враг жестокий, не зная пощады, терзал —
Я разбит, но я честь мою спас.
Если родину ты повидаешь опять —
Ей снеси мой прощальный привет,
Братьям милым скажи“...
Молоточек замолк...
Что с тобой мой печальный сосед?
Вот с угрозой в дверях злобно щелкнул „глазок“ —
И вскочил я, как раненый зверь...

. . . .

— Нет, не сдамся, не сдамся я вам, палачи!
Вы могли мое тело сковать,
Но свободную душу бессильны убить.
Не хочу я, не буду молчать!..—

Что-то грудь мне сдавило железным кольцом...
— Ах!.. — и сбросил я тягостный гнет.
То был сон!..
Но от боли я вновь застонал:
На яву тот же ужас гнетет!
Без решеток тюрьма и без каменных стен,
А безмолвие то же вокруг...
Лишь, порой, заглушенный призыв долетит:
„Брат, ты слышишь! Откликнись! Тук-тук!“

1903.

◆ ◆ ◆

День без ясного солнца, без месяца ночь,—
Будто тени, уносятся прочь!
И в толпе, и один, я всегда одинок:
Я — как вырванный с корнем цветок.

Опаленный грозой, тих и сумрачен сад —
Только пни сиротливо торчат.
Не ласкает его мягкий солнечный луч,
Не поит сладко шепчущий ключ...
И в зеленом шатре уж певец не гостит:
Песни спела душа — и молчит!
Дальше, дальше бежит шумной жизни поток...
Я — как вырванный с корнем цветок!

1904.

ЛЕСНЫЕ ТАЙНЫ.

II.

ГОРЕЛЫЙ ЛЕС.

Грустный мир деревьев опаленных,
Черных пней, обугленных стволов...
Вон — дымки еще в вершинах сонных,
Струйки красных хищных языков.
Нет! то рыжих хвой висят лоскутья...
Умер лес, кладбища сон кругом...
Но смотри: все в нежных почках, прутья
Снизу светлым брызнули ключом.
Обвили зеленые листочки
Голый ствол; веселые цветы
Там глядят из обгорелой кочки...
— Здравствуй, жизнь! Сильнее смерти ты!

1907.

ГОЛУБИ.

Тюрьма, как некий храм, я помню, в детства годы
Пленяла юный ум суровой красотой...
Увы! Не царь-орел, не во он, сын свободы,
К окошку моему теперь ле ят порой,
Но стая голубей, смиренников голодных,
Воркуя жалобно, своей подачки ждет,—
Народ, не знающий преданий благородных,
В позорном нищенстве погрязнувший народ!
Эмблема кротости, любимый житель неба,—
О, голубь, бедный раб, тебя ль не презирать?
Для тощего зерна, для жалкой крошки хлеба
Ты не колеблешься свободой рисковать.
Нет! В душу узника ты лишь подбавишь мрака,
Проклятье лишнее в ней шевельнешь на дне...
— Воришка трус и жадный забияка,
Как ты смешон, и как ты жалок мне!

1885.

Г. ГАЛИНА.

РАССВЕТ.

Светает... Но кругом пока еще темно,
И только вдалеке полоска туч алеет:
Там ночь своим кр ылом уже закрыть не смеет
Зари блестящее окно...

Задумчивая тень, бледнея, исчезает,
За ней спешат толпой предутренние сны,
Восходит новый день над царством тишины...
Светает...

◆ ◆ ◆

Лес рубят — молодой, нежно зеленый лес...
А сосны стар е понурились угрюмо,
И полны тягостной неразрешимой думы...
Безмолвные, глядят в нему.о даль небес...
Лес рубят... Потому ль, что рано он шумел?
Что на заре будил уснувшую природу?
Что молодой листвой он слишком смело пел
Про солнце, счастье и свободу?
Лес рубят... Но земля укр ;ет семена;
Пройдут года, и мощной жизни силой
Поднимется берез зеленая стена —
И снова зашумит над братскою могилой!..

ПОГРАНИЧНЫЙ КАМЕНЬ.

Не могильный памятник высокий,
Как утес белеет на пути:
Это — камень вечного „прости",
Пограничный сторож одинокий.
Много, много видел он склоненных
Бледных лиц отверженных людей;
Сквозь тяжелый, мерный звон цепей
Слышал стон страданий затаенных.
И к нему, отчаяньем волнуем,
Человек устами припадал
И родную землю целовал
Ненасытным, жадным поцелуем...
Он исчерчен всюду письменами
И хранит, безмолвен и суров,
Жалкий след последних нежных слов,
Полустертых свежими слезами.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ.

Сняли цепи с орла —
Н. свободу пустили...
Но изранены были
Два могучих крыла:

В тесной клетке неволи
Их поднять он не мог —
Ослабел, изнемог
Он от скорби и боли...

Но горит взор орла —
Клюв острит он для боя...
Нет, раба из героя
Цепь создать не могла!..

ЖИЗНЬ.

На предвечной колеснице
Мчится жизнь в венце из роз..
Блещут огненные спицы
Окровавленных колес...

И спокойною рукою
Сыплет жизнь дары судьбы,
И бегут за ней толпою
Властелины и рабы...

Кто силен — тот побеждает,
Кто упал — не встанет вновь...
И дорогу покрывает
Человеческая кровь...

Заглушает смех рыданье,
С песней слит предсмертный крик...
И над всем царит в сиянье
Равнодушный, вечный лик...

ЖЕМЧУЖИНА.

В ней тихий тусклый свет, как будто сквозь туман,
Сияет матовой загадочной звездою,
Одной из чудных звезд, которых под водою
Хранит так много океан.
Холодных раковин красивая печаль,

Застывшая слезой на стенках перламутра,
Молочно-белая, как бледный отблеск утра,
Чуть серебрящийся сквозь облачную даль...
И этот странный блеск неясных смутных грез
В душе рождает звук тревожный и далекий,
Как будто где-то там, на самом дне глубоко
Звенят жемчужины давно забытых слез...

◆ ◆ ◆

Может быть, это был только радостный сон:
Кто-то светлый открыл мне дорогу мою...
И сказала душа: это он... Это он...
Тот, кого я люблю...

На руках у него след оков и цепей...
И в далеком, холодном краю
Он страдал за других, как Христос за людей—
Тот, кого я люблю...

И давно я все жду... я все жду... он придет...
Я отдам ему душу мою...
И на подвиг любви он меня поведет —
Тот, кого я люблю...

Пусть все это мечта, иль обманчивый сон...
Я о счастьи ином не молю...
Только б с ним умереть, умереть там, где он—
Тот, кого я люблю...

◆ ◆ ◆

Прости меня... Как все, я не могу любить —
Мне ненавистна цепь рабыни терпеливой,
И никогда руке властолюбивой
Моей души не подчинить...
Свободная, она покорна лишь мечте,
Одной своей мечте, прекрасной и далекой, —
Звезде, горящей одиноко
На недоступной высоте...
Прости... Ничья любовь, ничья земная страсть
Цепями оковать души моей не сможет,
Стремленье вечное ее покой тревожит,
И в даль ее влечет таинственная власть.

В ПУТИ.

Какая прелесть в быстром движеньи!
Поезд ли мчится, тройка ль несет —
В немую вечность бегут мгновенья,
Все дальше-дальше, вперед, вперед!..

Тенью минутной люди мелькают —
Не может память их сохранить.
Они наскучить не успевают,
Не успеваешь их полюбить...

Теснятся ели живой стеною
И грустно, грустно мне вслед глядят,
Как будто вместе они со мною,
Раскинув ветви, бежать хотят.

В тумане ночи огни сияют —
В окне далеком горят огни.
Зовут и манят, и обольщают,
И обещают покой они...

Но мимо, мимо их лживой ласки:
Там тесны стены, там сон гнетет...
Нет, лучше птицей нестись как в сказке,
Душой свободной — вперед, вперед!..

◆ ◆ ◆

Солнце греет уже горячо-горячо,
Миновали туман и ненастье...
То еще не весна и не счастье еще,
То — предчувствие счастья...

Распахнуть бы окно, заглянуть бы вперед —
Вдаль, где небо зарею алеет,
Где подснежник, как робкая греза цветет,
И пушистая верба белеет...
Но душа все чего-то боится и ждет,
И рвануться к рассвету не смеет!..

НА ДЮНАХ.

Иду я с тихой думою
По дюнам золотым,
Где волны песнь угрюмую
Поют камням седым,
Где мох бледно-зелеными
Узорами лежит,
И красными колоннами
Сосновый лес горит.
И севера сурового
Печальные цветы,
Там вереска лилового
Раскинулись кусты.
Люблю я эту странную
Немую красоту,
Как милую, туманную
И грустную мечту...
И песню я угрюмую
Холодных волн люблю,
И морю с тихой думою
Несу печаль мою...

Т А Н.

◆ ◆ ◆

Во мраке я пою, средь непробудной ночи...
Кто слышит голос мой, кто есть вблизи живой?
Напрасно я во тьму вперил пытливо очи,
Бессильный гаснет взор пред черной пеленой.

Я поднял высоко протянутые руки...
Кто видит облик мой? Откликнись в этот час!
Кто видит в темноте мои слепые муки,
Будь недруг тот, иль друг, откликнись мне хоть раз!..

Пусть вздох ко мне дойдет, далекий, бесприютный,
Как эхо, даст ответ в зловещей тишине.
Пусть призрак мне мелькнет таинственный и смутный
Иль молния сверкнет в угрюмой вышине...

Во мраке я пою, тревожно, одиноко...
Кто слышит песнь мою? Я славлю яркий свет,
Я славлю луч зари, владычицы востока,
Настойчиво зову сияющий рассвет

Я солнцу гимн пою торжественный и стройный,
И льется песнь моя без устали над мглой.
Я славлю блеск утра, я славлю полдень знойный,
И голос мой звучит молитвенной хвалой.

Я песней той живу. С надеждой чудотворной
Мой голос льется в даль, мой голос рвется ввысь,
Молитвой я дышу сквозь мрак темницы черной...
Кто слышит песнь мою во мраке, отзовись.

Как долго ждать утра? Как долго мне молиться?..
Мой голос изнемог. Во мраке я пою.
Мне тяжело дышать. Безбрежная темница,
Как тесная броня, сдавила грудь мою.

Усталый взор поник в уныньи боязливом,
Уж голос мой дрожит болезненно, как стон.
Звени же, песнь моя, отчаянным призывом,
Буди холодной тьмы оцепенелый сон!..

Взойди, заря, взойди приветно и широко!
Святая дочь утра, развей немую ночь!..
Пусть радостного дня божественное око
Блеснет тебе во след и тьму прогонит прочь.

Развей мою тоску и ужас малодушный,
Мой голос укрепи в слабеющей груди...
Развей немую ночь, могилы сумрак душный!
Владычица небес, взойди, заря, взойди!

НА ПАШНЕ.

Пусть в нескончаемом круге
Этих безбрежных полей
Наши блестящие плуги
Врезали мало колей.

Труд поспевает на диво;
С нами весна за одно,
Дождь распахал наши нивы,
Ветер посеял зерно...

Нас не страшат неудачи,
Засуха, холод и град.
Все наши шире задачи,
Сколько ни ставь им преград.

Осенены небесами,
Свежей напившись росой,
Всходы являются сами,
Новой блистают красой.

Зелени яркие волны
Все застилают поля,
Юною свежестью полны,
Буйную жатву суля.

Тонкие стебли проворно
Тянутся к свету из мглы,
А под землею упорно
Корни сплетают узлы.

Вьются, как гибкие змеи,
Сетью бесчисленных уз,
С каждой минутой теснее
Тайный сплетают союз.

И прогоняя насильно
Стужи злопамятный гнев,
Лето готово обильно
Благословить наш посев.

ГРОЗА И ДУБ.

Гроза пролетела над чащей лесной
При громе бесчисленных труб
И вдруг поразила громовой стрелой
Столетний, развесистый дуб.

И молча, склоняя вершину свою,
Зеленый упал великан,
Как воин, сраженный в кровавом бою
И павший под тяжестью ран.

Но жизни остаток, покинувши ствол,
Упрямо в корнях уцелел
И, скрывшись в холодную землю, нашел
Защиту от вражеских стрел.

И скоро согрет поцелуями дня,
Упившись росою небес,
Побег, зеленея, поднялся из пня,
Поверженный ратник воскрес.

Но отпрыск зеленый хирел и не рос,
Остался и тонок, и слаб,
И гнулся пред каждою прихотью гроз,
Как робкий, трепещущий раб.

ПЕРЕД СМЕРТЬЮ.

Они сами стали копать себе могилу. Генерал подошел к ним, усмехнулся и сказал: „Копайте, ребята? Копайте, копайте! Вы хотели земли, так вот вам земля, а за волей идите на небеса".

„Мы сами могилу копали свою,
Готова глубокая яма;
Пред нею мы все в ряд стоим на краю —
Стреляйте же верно и прямо!

Пусть в сердце ворвется жестокий свинец
И жаркою кровью напьется.
И сердце не дрогнувши примет конец,
Оно лишь для родины бьется".

В ответ усмехнулся старик - генерал:
„Спасибо на вашей работе!
Земли вы хотели — я землю вам дал.
А волю на небе найдете!"

Не смейся, жестокий, коварный старик!
Нам выпала страшная доля,
Но выстрелам вашим ответит наш крик:
„Земля и народная воля!"

Мы начали рано, мы шли умирать,
Но скоро, по нашему следу,
Проложит дорогу товарищей рать;
У вас они вырвут победу.

Как мы, они будут в мундире рабов,
Но сердцем возлюбят свободу,
И мы им закажем из наших гробов:
„Служите родному народу!"

Старик кровожадный ты носишь в груди
Не сердце, а камень холодный!
Вы долго вели нас, слепые вожди,
Толпою немой и голодной.

Теперь вы безумный затеяли бой,
В защиту уродливой власти;
Как хищные волки свирепой гурьбой,
Вы родину рвете на части.

А вы, что пред нами сомкнули штыки,
К убийству готовые братья!
Пускай мы погибнем от вашей руки,
Но вам мы не бросим проклятья.

Стреляйте вернее, готовься, не трусь!
Кончается наша неволя!
Прощайте, ребята! Да здравствует Русь!
„Земля и народная воля!".

◆ ◆ ◆

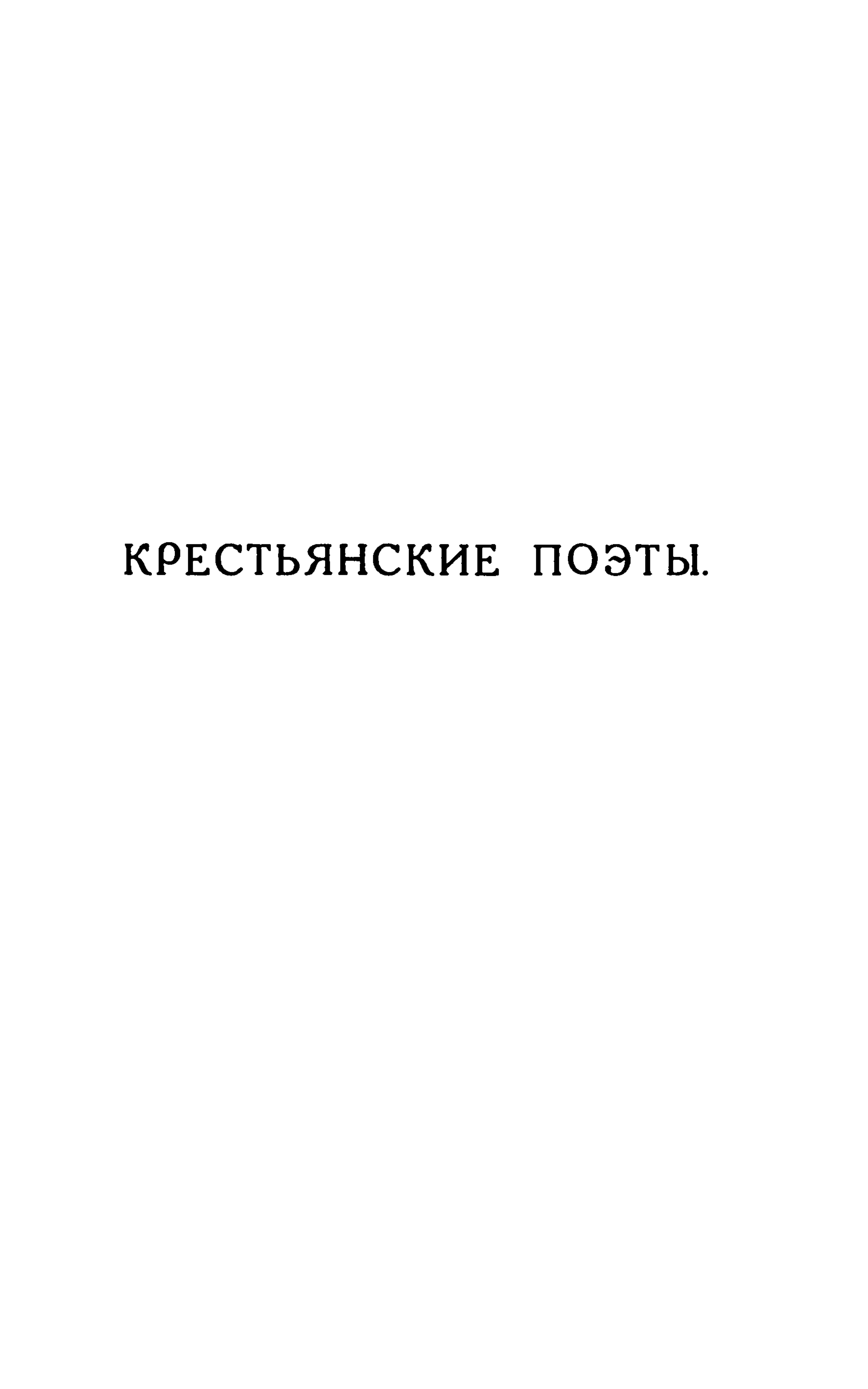
Ты хочешь знать заветной тайны слово,
И жизни цель, и смысл ее задач,
Поднять хоть край туманного покрова?
Плачь, скорбно плачь, в тиши безмолвно плачь!

Быть может, слез источники живые
Еще кипят на дне твоей души;
Оставь свои вопросы роковые...
Плачь, скорбно плачь, безмолвно плачь в тиши!

Что мир тебе? — огромная темница.
Твой сторож — страх, судьба — слепой палач.
Настанет час, и жребий твой свершится...
Оплачь его, в тиши один оплачь!

Что жизнь твоя? Раздумья миг бесплодный
Меж двух немых зияющих пучин;
Вокруг нее клубится мрак холодный...
Свою судьбу оплачь в тиши один!

Но не ищи, не требуй жадно света,
Загадку мглы изведать не спеши!
Настанет час, дождешься ты ответа..
Плачь, скорбно плачь, безмолвно плачь в тиши!.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОЭТЫ.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ.

◆ ◆ ◆

Владимиру Кириллову.

1.

Мы — ржаные, толоконные,
Пестрядинные, запечные,
Вы — чугунные, бетонные,
Электрические, млечные.

Мы — огонь, вода и пажити,
Озимь, солнца пеклеванные,
Вы же тайн не расскажете
Про сады благоуханные.

Ваши песни — стоны молота,
В них созвучья — шлак и олово; —
Жизни дерево надколото,
Не плоды на нем, а головы.

У подножья кости бранные,
Черепа с кромешным хохотом;
Где же крылья ураганные,
Поединок с мечным грохотом?

На святыни пролетарские,
Гнезда вить, слетелись филины;
Орды книжные, татарские,
Шестернею не осилены.

Кнут и кивер аракчеевский,
Как в былом, на троне буквенном.
Сон Кольцовский, терем Меевский
Утонули в море клюквенном.

Ваша кровь водой разбавлена
Из источника бумажного,
И змея не обезглавлена
Песней витязя отважного.

Мы — ржаные, толоконные,
Знаем Слово алатырное,
Чтобы крылья громобойные
Вас умчали во всемирное.

Там изба свирельным шоломом
Множит отзвуки павлинные...
Не глухим, бездушным оловом
Мир связать в снопы овинные.

Воск, с медынью яблоновою, —
Адамант в словостроении,
И цвести над Русью новою
Будут гречневые гении.

Я обещаю вам сады..
К. Бальмонт.

Вы обещали нам сады
В краю улыбчиво-далеком,
Где снедь — волшебные плоды,
Живым питающие соком.

Вещали вы: „Далеких зла
Мы вас от горестей укроем,
И прокаженные тела
В ручьях целительных омоем“.

На зов пошли: Чума, Увечье,
Убийство, Голод и Разврат,
С лица — вампиры, по наречью —
В глухом ущелье водопад.

За ними следом Страх тлетворный
С дырявой Бедностью пошли, —
И облетел ваш сад узорный,
Ручьи отравой потекли.

За пришлецами напоследок
Идем неведомые Мы, —
Наш аромат смолист и едок,
Мы освежительней зимы.

Вскормили нас ущелий недра,
Вспоил дождями небосклон
Мы — валуны, седые ке ы
Лесных ключей и сосе

◆ ◆ ◆

Наша радость, счастье наше
Не крикливы, не шумны,
Но блаженнее и краше.
Чем младенческие ны.

В серых избах, в казематах,
В нестерпимый крестный час,
Смертным ужасом об'ятых
Не отыщется меж нас.

Мы блаженны, неизменны,
Веря любим и молчим,
Тайну Бога и вселенной
В глубине своей храним.

Тишиной безвестья живы,
Во хмелю и под крестом,
Мы — жнецы вселенской нивы
Вечеров уборки ждем.

И хоть смерть косой тлетворной
Нам грозит из лет седых:
Он придет нерукотворный,
Век колосьев золотых.

ПАХАРЬ.

Вы на себя плетете петли
И навостряете мечи.
Ищу вотще: меж вами нет ли
Рассвета алчущих в ночи.

На мне убогая сермяга,
Худая обувь на ногах,
Но сколько радости и блага
Сквозит в поруганных чертах.

В мой хлеб мешаете вы пепел,
Отраву горькую в вино,
Но я, как небо, мудро-светел,
И не разгадан, как оно.

Вы обошли моря и сушу,
К созвездьям взвили корабли,
И лишь меня—мирскую душу,
Как жалкий сор пренебрегли.

Работник господа свободный
На ниве жизни и труда,
Могу ль я вас, как терн негодный,
Не вырвать с корнем навсегда?

ГОЛОС ИЗ НАРОДА.

Вы—отгул глухой, гремучей,
Обессилевшей волны,
Мы—предутренние тучи,
Зори росные весны.

Ваши помыслы — ненастье,
Дрожь и тени вечеров,
Наши—мерное согласье
Тяжких времени шагов.

Прозревается лишь в книге
Вами мудрости конец, —
В каждом облике и миге
Наш взыскующий Отец.

Ласка матери-природы
Вас забвеньем не дарит,—
Чародейны наши воды
И огонь многоочит.

За слиянье нет поруки,
Перевал скалист и крут,
Но бесплодно ваши стуки
В лабиринте не замрут.

Мы, как рек подземных струи,
К вам незримо притечем,
И в безбрежном поцелуе
Души братские сольем.

◆ ◆ ◆

В морозной мгле, как око сычье,
Луна дозорщица глядит;
Какое светлое величье
В природе мертвенной сквозит.

Как будто в поле, мглой об'ятом,
Для правых подвигов и сил,
Под среброткнанным, снежным платом,
Прекрасный витязь опочил.

О, кто ты, родина? Старуха?
Иль властноокая жена?
Для песнотворческого духа
Ты полнозвучна и ясна.

Твои черты январь-волшебник
Туманит вьюгой снеговой,
И схимник-бор читает требник,
Как над умершею тобой.

Но ты во век неуязвима
Для смерти яростных зубов,
Как мать, как женщина, любима
Семьей отверженных сынов.

На их любовь в плену угрюмом,
На воли пламенный недуг,
Ты отвечаешь бора шумом,
Мерцаньем звезд да свистом вьюг.

О, изреки: какие боли,
Ярмо какое изнести,
Чтоб в тайники твоих раздолий
Открылись торные пути?

Чтоб, неизбывная доселе,
Родная сгинула тоска,
И легкозвоннее метели,
Слетала песня с языка?

◆ ◆ ◆

Ты все келейнее и строже,
Непостижимее на взгляд...
О, кто же, милостивый боже,
В твоей печали виноват?

И косы пепельные глаже,
Чем раньше, стягиваешь ты,
Глухая мать сидит за пряжей—
На поминальные холсты.

Она нездешнее постигла,
Как ты, молитвенно строга...
Блуждают солнечные иглы
По колесу от очага.

Зимы предчувствием об'яты
Рыдают сосны на бору;
Опять глухие казематы
Тебе приснятся ввечеру.

Лишь станут сумерки синее,
Туман окутает реку,—
Отец, с веревкою на шее,
Придет и сядет к камельку.

Жених с простреленною грудью
Сестра, погибшая в бою —
Все по вечернему безлюдью
Сойдутся в хижину твою.

А Смерть останется за дверью,
Как ночь—загадочно темна.
И до рассвета суеверью
Ты будешь слепо предана.

И не поверишь яви зрячей,
Когда торжественно в ночи,
Тебе за боль, за подвиг плача—
Вручатся вечности ключи.

◆ ◆ ◆

Я надену черную рубаху,
И во след за мутным фонарем,
По камням двора пройду на плаху
С молчаливо ласковым лицом.

Вспомню маму, крашеную прялку,
Синий вечер, дрему паутин,
За окном ночующую галку,
На окне любимый бальзамин,

Луговин поемные просторы,
Тишину обкошенной межи,
Облаков жемчужные узоры
И девичью песенку во ржи:

Узкая полосынька
Клинышком сошлась,—
Не во время косынька
На две расплелась,

Развилась по спинушке,
Как льняная плеть,—
Не тебе детинушке
Девушкой владеть.

Деревца вилавого
С маху не срубить, —
Парня разудалого
Силой не любить.

Белая березынька
Клонится к дождю ..
Не кукуй, загозынька,
Про судьбу мою...

Но прервут куранты крепостные
Песню-думу боем роковым...
Бред души! То заводи речные
С тростником поют береговым.

Сердца сон кромешный, как могила!
Опустил свой парус рыбарь-день,
И слезятся жалостно и хилэ
Огоньки прибрежных деревень.

◆ ◆ ◆

Есть на свете край обширный,
Где растут сосна да ель,
Неисследный и пустынный,—
Русской скорби колыбель.

В этом крае тьмы и горя
Есть забытая тюрьма,
Как скала на глади моря,
Неподвижна и нема.

За оградою высокой
Из гранитных серых плит
Пташкой пленной, одинокой
В башне девушка сидит.

Злой кручиною об'ята,
Все томится, воли ждет,
От рассвета до заката,
День за днем, за годом год.

Но крепки дверей запоры,
Недоступно страшен свод,
Эхо дикого простора
В каземат не донесет.

Только ветер перепевный
Шепчет ей издалека:
„Не томись, моя царевна,
Радость светлая близка.

За чертой зари туманной,
В ослепительной броне,
Мчится витязь долгожданный
На вспененном скакуне".

ЗАВЕЩАНИЕ.

В час зловещий, в час могильный,
Об одном тебя молю:
Не смотри с тоской бессильной
На восходную зарю.

Но верна словам завета,
Слезы радости утри,
И на проблесски рассвета
Торжествующе смотри.

Не забудь за далью мрачной,
Средь волнующих забот,
Что взошел я новобрачно
По заре на эшафот;

Что, осилив злое горе,
Ложью жизни не дыша,
В заревое пало море
Огнекрылая душа.

◆ ◆ ◆

В златотканные дни Сентября
Мнится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ладан куря,
Над твоей опустелой избушкой.

Ветер-сторож следы старины
Заметает листвой шелестящей.
Распахни узорочье сосны,
Промелькни за березовой чащей!

Я узнаю косынки кайму,
Голосок с легковейной походкой...
Сосны шепчут про мрак и тюрьму,
Про мерцание звезд за решеткой,

Про бубенчик в жестоком пути,
Про седые бурятские дали...
Мир вам, сосны, вы думы мои,
Как родимая мать, разгадали!

В поминальные дни Сентября,
Вы сыновнюю тайну узнайте,
И о той, что погибла любя,
Небесам и земле передайте.

◆ ◆ ◆

Любви начало было летом,
Конец—осенним Сентябрем.
Ты подошла ко мне с приветом
В наряде девичьи-простом.

Вручила красное яичко,
Как символ крови и любви:
Не торопись на Север, птичка,
Весну на Юге обожди!

Синеют дымно перелески,
Настороженны и немы,
За узорочьем занавески
Не видно тающей зимы.

Но сердце чует: есть туманы,
Движенье смутное лесов,
Неотвратимые обманы
Лилово-сизых вечеров.

О, не лети в туманы пташкой!
Года уйдут в седую мглу —
Ты будешь нищею монашкой
Стоять на паперти в углу.

И, может быть, пройду я мимо,
Такой же нищий и худой...
О, дай мне крылья херувима
Лететь незримо за тобой!

Не обойти тебя приветом,
И не раскаяться потом...
Любви начало было летом,
Конец—осенним Сентябрем.

ОЖИДАНИЕ.

Кто-то стучится в окно:
Буря ли, сучья ль ракит?
В звуках текущих ровно
Топот поспешных копыт.

Хижина наша мала,
Некуда гостю пройти;
Ночи зловещая мгла
Зверем лежит на пути.

Кто он? Седой пилигрим?
Смерти костлявая тень?
Или с мечом Серафим,
Пламеннокрылый, как день?

Никнут ракиты, шурша,
Топот, как буря растет...
Встань, пробудися, душа,—
Светлый ездок у ворот!

◆ ◆ ◆

Вы деньки мои — голуби белые,
А часы — запоздалые зяблики,
Вы почто отлетать собираетесь,
Оставляете сад мой пустынею.

Аль осыпалось красное вишенье,
Виноградье мое приувянуло,
Али дубы матерые, вечные,
Буреломом, как зверем, обглоданы.

Аль иссякла криница сердечная,
Али веры ограда разрушилась,
Али сам я—садовник испытанный
Не возмог прикормить вас молитвою.

Проворкуйте, всевышние голуби,
И прожубруйте, дольние зяблики,
Что без вас с моим вишеньем станется:
Воронью оно в пищу достанется.

По отлете ж последнего голубя
Постучится в калитку дырявую
Дровосек с топорами да пилами,
В зипунище, в лаптищах с оборами.

Час за часом, как поздние зяблики,
Отлетает в пространство глубинное,..
Чу! как няни сверчковая песенка
Прозвенело крыло голубиное.

БРАТСКАЯ ПЕСНЯ.

Поручил ключи от ада
Нам Вселюбящий стеречь,
Наша крепость и ограда—
Заревой палящий меч.

Град наш тернием украшен,
Без кумирен и палат,
На твердынях ствeтлых башен
Братья - воины стоят.

Их откинуты забрала,
Адамант—стожарный щит,
И ни ад, ни смерти жало
Духоборцев не страшит.

Кто придет в нетленный город,
Для вражды неуязвим,
Всяк собрат нам, стар и молод,
Земледел и пилигрим.

Ада пламенные своды
Разомкнуть дано лишь нам,
Человеческие роды
Повести к живым рекам.

Наши битвенные гимны
Буреветрами звучат...
Звякнул ключ гостеприимный
У предвечных, светлых врат.

СЛЕЗНЫЙ ПЛАТ.

Не пава перо обронила,
Обронила мать солдатская платочек,
При дороженьке слезный утеряла.
А и дождиком плата не мочит,
Подкопытным песком не заносит...
Шел дорогой удалый разбойник,
На платок, как на злато, польстился —
За корысть головой поплатился.
Проезжал посиделец гостиный,
Потеряжку почел за прибыток —
Получил перекупный убыток...
Пробирался в пустыню калика,
С неугасною свеченькой в шуйце,
На устах с тропарем перехожим;
На платок он умильно воззрился,
Величал его честной слезницей:
„Ай же плат, много в устье морское
Льется речек, да счет их известен,
На тебе ж, словно рос на покосе,
Не исчислить болезных слезинок!
Я возьму тебя в красную келью
Пеленою под Гуриев образ,
Буду Гурию-Свету молиться
О солдате в побоище смертном,—
Чтобы вражья поганая сабля
При замашке закал потеряла,
Пушки-вороны песенной думы
Не вспугнули бы граем железным,
Чтоб полесная яблоня-песня,
Чьи цветы плащаницы духмянней,
На Руси, как веха зеленела,
И казала бы к раю дорогу!“

◆ ◆ ◆

Я сгорела молоденька без огня,
Без присухи сердце высушила,
Уж как мой-то муж недобрый до меня,
Не купил мне-ка атласного платка,
А купил, злодей, коровушку —
Непорядную работушку!..

Лучше пуд бы мне масла купил,
Подрукавной муки бы мешок,—
Я бы повязь с япанечкой продала,
На те деньги бы стряпейку наняла,
Стряпея бы мне постряпывала,
Я б младешенька похаживала,
Каблучками приколачивала:

Ах, вы, красные скрипучи каблучки,
Мне-ка не с кем этой ноченькой легчи —
Нету деда, родной матери с отцом,
Буду ночку коротати с муженьком!
Муженечек на перинушке лежит,
А меня, младу, на лавочку валит,
Изголовьицем ременну плеть кладет,
Потничком велит окутаться:

„Уж ты спи, моя лебедушка, усни,
Ко полуночи квашонку раствори,
К петухам парную баню истопи,
К утру-свету лен повыпряди,
Ко полудню вытки белые холсты,
К сутеменкам муженьку сготовь порты,
У портищ чтоб были строчены рубцы,
Гасник шелковый с кисточкою,
Еще пугвица волжоная"...
Молода жена — ученая.

ПОСАДСКАЯ.

Не шуми, трава шелкова,
Бел-призорник, зарецвет,
Вышиваю для милова
Левантиновый кисет.

Я по алу левантину
Расписной разброшу стег,
Вышью Гору Соколину,
Белокаменный острог.

Неба ясные упеки
Наведу на уголки,
Бирюзой занижу реки,
С Беломорьем — Соловки.

Оторочку на кисете
Литерами обовью:
„Люди с титлою", „Мыслете",
Об'явилося: „Люблю".

Ах, недаром на посаде
Грамотеей я слыву...
Зелен-ветер в палисаде
Всколыхнул призор-траву.

Не клонись, вещунья-травка,
Без тебя вдомек уму:
Я — посадская чернавка,
Мил жирует в терему.

У милого — кунья шуба,
Гоголиной масти конь,
У меня — сахарны губы,
Косы чалые в ладонь.

Не окупит мил любови
Четвертиной серебра...
Заревейте на обнове
Расписные литера!

Дорог камень бирюзовый,
В стег мудреный заплетись,
Ты, муравонька шелкова,
Самобранкой расстелись.

Не завихрился бы в поле
Подкопытный прах столбом,
Как проскачет конь гоголий
С зарнооким седоком.

◆ ◆ ◆

Изба — богатырица,
Кокошник вырезной,
Оконце, как глазница,
Подведено сурьмой.

Кругом земля-землища
Лежит, пьяна дождем,
И бора-старичища
Подоблачный шелом.

Из-под шелома строго
Грозится туча-бровь...
К заветному порогу
Я припадаю вновь.

Седых веков наследство,
Поклон вам, труд и пот!..
Чу, песню малолетства
Родимая поет:

Спородила я сынка-богатыря
Под потокою на сиверке,
На холодном полузимнике,
Чтобы дитятко по матери пошло,
Не удушливато в летнее тепло,
Под морозами не зябкое,
На воде-луде не хлябкое!

Уж я вырастила сокола-сынка
За печным столбом на выводе,
Чтоб не выглядел Старик-Журавник,
Не ударил бы черемушкой,
Не сдружил бы с горькой долюшкой!

◆ ◆ ◆

Галка-староверка ходит в черной ряске,
В лапотках с оборой, в сизой подпояске.
Голубь в однорядке, воробей в сибирке,
Курица ж в салопе — клеванные дырки.
Гусь в дубленой шубе, утке ж на задворках
Щеголять далося в дедовских опорках.

В галочьи потемки, взгромоздясь на жёрдки,
Спят, нахохлив зобы, курицы-молодки;
Лишь петух-кудесник, запахнувшись в саван,
Числит звездный бисер, чует травный ладан.

На погосте свечкой теплятся гнилушки,
Доплетает леший лапоть на опушке,
Верезжит в осоке проклятый младенчик...
Петел ждет, чтоб зорька нарядилась в венчик.

У зари нарядов три-девять укладок...
На ущербе ночи сон куриный сладок:
Спят монашка-галка, воробей-горошник...
Но едва забрезжит заревой кокошник —
Звездочет крылатый трубит в рог волшебный:
„Пробудитесь, птицы, пробил час хвалебный!
И, пернатым брашно, на бугор, на плёсо,
Рассыпает солнце золотое просо!“

◆ ◆ ◆

От кудрявых стружек тянет смолью,
Духовит, как улей, белый сруб.
Крепкогрудый плотник тешет колья
На слова медлителен и скуп.

Тепел паз, захватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шоломок.
Будут рябью писаны подзоры
И лудянкой выпестрен конек.

По стене, как зернь, пройдут зарубки:
Сукрест, лапки, крапица, рядки,
Чтоб избе-молодке в красной шубке
Явь и сон мерещились — легки.

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щепа, как письмена:
Запоет резная пава с крылец,
Брызнет ярь с наличника окна.

И когда оческами кудели
Над избой взлохматится дымок —
Сказ пойдет о Красном Древоделе
По лесам, на запад и восток.

◆ ◆ ◆

Есть горькая супесь, глухой чернозем,
Смиренная глина и щебень с песком,
Окунья земля, травяная медынь,
И пегая охра, жилица пустынь.

Меж тучных, глухих и скудельных земель
Есть Матерь-земля, бытия колыбель,
Ей пестун Судьба, вертоградарь же бог.
И в сумерках жизни к ней нету дорог.

Лишь дочь ее, Нива, в часы бороньбы,
Как свиток являет глаголы Судьбы, —
Читает их пахарь, с ним некто Другой,
Кто правит огнем и мужицкой душой.

Мы внуки земли и огню родичи,
Нам радостны зори и пламя свечи,
Язвит нас железо, одежд чернота,—
И памяти нашей лишь радуг цвета.

В кручине по крыльям, пригожих лицом
Мы „соколом ясным“ и „павой“ зовем.
Узнайте же ныне: на кровле конек
Есть знак молчаливый, что путь наш далек.

Изба — колесница, колеса — углы,
Слетят серафимы из облачной мглы,
И Русь избяная — несметный обоз! —
Вспарит на распутья взывающих гроз...

Сметутся народы, иссякнут моря,
Но будет шелками расшита заря,—
То девушки наши, в помнинок векам,
Расстелют ширинки по райским лугам.

◆ ◆ ◆

Вылез тулуп из чулана
С летних просонок горбат:
Я у татарского хана
Был из наряда в наряд.

Полы мои из Бухары,
Род растягайный ведут,
Пазухи — пламя Сахары
В русскую стужу несут.

Помнит моя подоплека
Желтый Кашмир и Тибет,
В шкуре овечьей востока
Теплится жертвенный свет.

Мир вам, Ипат и Ненила,
Печь с черномазым горшком!
Плеск звездочетного Нила
В шорохе слышен моем.

Я — лежебок из чулана
В избу зазимки принес...
Нилу, седым океанам,
Устье — запечный Христос.

Кто несказанное чает,
Веря в тулупную мглу,
Тот наяву обретает
Индию в красном углу.

◆ ◆ ◆

На божнице табаку осьмина,
И раскосый вылущенный Спас,
Не поет кудесница-лучина
Про мужицкий сладостный Шираз.

Древо песни бурею разбито,—
Не Триодь, а Каутский в углу,
За окном расхлябанное сито
Сеет копоть, изморозь и мглу.

Пучит печь свои печурки-бельма:
„Я ослепла, как скорбящий дед“...
Грезит парень стачкой и Палермо,
Президентом, гарком кастаньет.

Сказка — чушь, а тайна — коршун серый,
Что когтит, как перепела, ум.
Облетел цветок купальской веры
В слезный рай, в озимый древний шум!

Кто-то черный, с пастью яро-львиной,
Встал на страже полдней и ночей.
Дед, как волхв, душою пестрядиной,
Загляделся в хляби дум-морей.

Смертны волны львиного поморья,
Но в когтисто-жадной глубине
Серебрится чайкой тень Егорья
На бурунном, гибельном коне.

„Страстотерпец, вызволь цветик-маков!—
Китеж-град ужалил лютый гад“...
За пургой же Глинка и Корсаков
Запевают: „Расцветай, мой сад!..“

ПЕСНЬ СОЛНЦЕНОСЦА.

Три огненных дуба на пупе земном,
От них мы три жолудя-солнца возьмем:

Лазоревым — облачный хворост спалим,
Павлиньим — грядущего даль озарим,

А красное солнце — миллионами рук
Подымем над Миром печали и мук.

Пылающий кит взбороздит океан,
Звонарь преисподний ударит в Монблан,

То колокол наш — непомерный язык,
Из рек бичеву свил Архангелов лик.

На каменный зык отзовутся Миры,
И демоны выйдут из адской норы,

В потир отольются металлов пласты,
Чтоб солнца вкусили народы-Христы.

О, демоны-братья, отпейте и вы
Громовых сердец, поцелуйной молвы!

Мы, рать солнценосцев, на пупе земном
Воздвигнем стобашенный, пламенный дом;

Китай и Европа, и Север, и Юг
Сойдутся в чертог хороводом подруг;

Чтоб бездну с Зенитом в одно сочетать:
Им бог — восприемник, Россия же — мать.

Из пупа вселенной три дуба растут:
Премудрость, Любовь и волхвующий Труд...

О, молот-ведун, чудотворец-верстак,
Вам ладон стиха, в сердце сорванный мак;

В ваш яростный ум, в многострунный язык,
Я пчелкою-рифмой, как в улей, проник,

Дышу восковиной, медынью цветов,
Сжигающих Индий и Волжских лугов!..

Верстак — Назарет, наковальня — Немврод,
Их слил в песнозвучье родимый народ:

„Вставай, подымайся“ и „Зелен мой сад“ —
В кровавом окопе и в поле звучат...

„Вставай, подымайся“ — старуха поет,
В потемках телега и петли ворот;

За ставней береза и ветер в трубе
Гадают о вещей народной судьбе...

Три жолудя-солнца досталися нам —
Засевный подарок взалкавшим полям:

Свобода и Равенство, Братства венец —
Живительный выгон для ярых сердец;

Тучнейте, отары голодных умов,
Прозрений телицы и кони стихов!

В лесах диких грив, звездных рун и вымян
Крылатые боги раскинут свой стан,

По струнным лугам потечет молоко,
И певчей калиткою стукнет Садко:

„Пустите Баяна — Рублёвскую Русь,
Я Тайной умоюсь, а Песней утрусь,

По честному пиру отвешу поклон,
Румянее яблонь и краше икон:

Здравствуешь, Волюшка-мать,
Божьей Земли благодать,
Белая Меря, Сибирь,
Ладоги хлябкая ширь.

Здравствуйте, Волхов-гусляр,
Степи Великих Бухар,
Синий Моздокский туман,
Волга и Стенькин курган!

Чай стосковались по мне,
Красной, поддонной весне,
Думали — злой водяник
Выщербил песенный лик?

Я же — в избе и в хлеву
Ткал золотую молву;
Сирин мне вести носил
С плах и бескрестных могил.

Рушайте ж лебедь-судьбу,
В звон осластите губу,
Киева сполох-уста
Пусть воссияют, где Мста.

Чмок городов и племен
В лике моем воплощен,
Я — песноводный жених,
Русский, яровчатый стих!"

КРАСНАЯ ПЕСНЯ.

Распахнитесь, орлиные крылья,
Бей, набат, и гремите, грома,—
Оборвалися цепи насилья
И разрушена жизни тюрьма!
Широки черноморские степи,
Буйна Волга, Урал златоруд,—
Сгинь, кровавая плаха и цепи,
Каземат и неправедный суд!

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами, —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Пролетела над Русью жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица наша Землица,—
Вольный хлеб мужику уроди!
Сбылись думы и давние слухи,—
Пробудился народ-Святогор;
Будет мед на домашней краюхе,
И на скатерти ярок узор.

За землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Хлеб да соль, Костромич и Волынец,
Олончанин, Москвич, Сибиряк!
Наша Волюшка — божий гостинец —
Человечеству светлый маяк!
От Байкала до теплого Крыма
Расплеснется ржаной океан...
Ослепительней риз серафима
Заревой Святогоров кафтан.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Ставьте ж свечи мужицкому Спасу.
Знанье — брат и Наука — сестра,—
Лик пшеничный, с брадой солнцевласой,—
Воплощенье любви и добра!
Оку Спасову сумрак несносен,
Ненавистен телец золотой;
Китеж-град, ладан Саровских сосен —
Вот наш рай вожделенный, родной.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами, -
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Верьте ж, братья, за черным ненастьем
Блещет солнце — господне окно;
Чашу с кровью — всемирным причастьем
Нам испить до конца суждено.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

ЛЕНИН.

Есть в Ленине Керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в Поморских Ответах.

Мужицкая ныне земля,
И церковь — не наймит казенный,
Народный испод шевеля
Несется глагол краснозвонный.

Нам красная молвь по уму,—
В ней пламя цветенье сафьяна;
То Черной Неволи Басму
Попрала стопа Иоанна.

Борис — златоордный мурза,
Трезвонит Иваном Великим,
А Лениным — вихрь и гроза
Причислены к Ангельским ликам.

Есть в Смольном потемки трущоб
И привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С останками Руси великой.

„Куда схоронить мертвеца" —
Толкует удалых ватага...
Поземкой пылит с Коневца,
И плещется взморье-баклага.

Спросить бы у тучки, у звезд,
У зорь, что румянят ракиты...
Зловещ и пустынен погост,
Где царские бармы зарыты.

Их ворон-судьба стережет
В глухих преисподних могилах...
О чем же тоскует народ
В напевах татарско-унылых?

◆ ◆ ◆

Россия плачет пожарами,
Варом, горючей золой,
Над перинами, над самоварами,
Над черной, уездной судьбой.

Россия смеется зарницами,
Плеском вод, перелетом гусей,
Над чертогами и темницами,
Над грудой разбитых цепей.

Россия плачет распутицей,
Листопадом, серым дождем,
Над кутьею и Троеручицей
С кисою, с пудовым замком.

Россия смеется бурями,
Блеском молний, обвалами гор,
Над столетьями, буднями хмурыми,
Где седины и мысленный сор.

Над моею заклятой тетрадкою,
Где за строчками визг бесенят...
Простираюсь перед укладкою
И слезам и хохоту рад.—

Там, Бомбеем и Ладогой веющий,
Притаился мамин платок.
О твердыни ларца пламенеющий
Разбивается смертный поток.

И над Русью ветвится и множится
Вавилонского плата кайма...
Возгремит, воссияет, обожится
Материнская вещая тьма.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

◆ ◆ ◆

Мариенгофу.

Я—последний поэт деревни,
Скромен в песнях досчатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый.
Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья - кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

◆ ◆ ◆

О, Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в златой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

За ним с снегов и ветра
Из монастырских врат
Идет, одетый светом,
Его середний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край,
И выбрал кличку — Клюев,
Смиренный Миколай.

Монашьи мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчётны склоны гор.
Но даже с тайной бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц,
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь—
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

◆ ◆ ◆

Душа грустит о небесах,
Она не здешних нив жилица,
Люблю когда на деревах
Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.

Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорости глазами,
Как эти листья в глубину.

◆ ◆ ◆

Пойду в скуфейке, светлый инок,
Степной тропой к монастырям;
Сухой кошель из хворостинок
Повешу за плечи к кудрям.

Хочу концы земли измерить
По отуманенной росе,
И в счастье ближнего поверить
На взбороненной полосе.

Иду. В траве звенит мой посох,
В лицо махает шаль зари;
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел,
Одной лишь думой мыслю я:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Трудом земного бытия.

С улыбкой радостного счастья
Иду в другие берега,
Вкусив бесплотного причастья,
Молясь на копны и стога.

◆ ◆ ◆

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И как снег лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук.
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты—песня и мечта,
Все ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи,
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

◆ ◆ ◆

Дождик мокрыми метлами чистит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охапками листьев, —
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой волы,
Животами, листвой хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человечьих ног.

Русь моя! Деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай,
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин,
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост.

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад.
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченых черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветр,
Плюй спокойно листвой по лугам.
Не сотрет меня кличка: поэт,—
Я и в песнях, как ты, хулиган.

◆ ◆ ◆

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То наверно был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто-часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
— Ничего! Я споткнулся о камень...
Это к завтраму все заживет.

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая, словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг.
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
— Ничего! Я споткнулся о камень....
Это к завтраму все заживет.

◆ ◆ ◆

Я обманывать себя не стану.
Залегла забота в сердце мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я, и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околодку,
В переулках, каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин.
В глупой страсти сердце жить не в силе.
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею.
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану,—
Прояснилась омуть в сердце мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном.
Оттого прослыл я скандалистом.

ВОЛЧЬЯ ГИБЕЛЬ.

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты как ветер затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город! Ты в схватке жестокой
Окрестил нас, как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же! Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче-колко,
Это песня звериных прав.
Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки..
Вдруг прыжок... и двуногова недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу.
Как и ты, я отвсюду гонимый
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты, я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражской крови
Мой победный смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу...
Все же песнь отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

◆ ◆ ◆

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце напилось иной
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь. багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь,
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг.
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна сестра и друг
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

◆ ◆ ◆

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком.
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст,
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь.
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

◆ ◆ ◆

То не тучи бродят за овином
И не холод.
Замесила божья матерь сыну
Колоб.

Всякой снадобью она поила жито
В масле
Испекла и положила тихо
В ясли.

Заигрался в радости младенец,
Пал в дрему.
Уронил он колоб золоченый
На солому.

Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слезы душу голубую
Божью.

Говорила божья матерь сыну
Советы,
Ты не плачь, мой лебеденочек,
Не сетуй.

На земле все люди человеки
Чада.
Хоть одну им малую забаву
Надо.

Жутко им меж темных
Перелесиц,
Назвала я этот колоб
— Месяц.

◆ ◆ ◆

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба—старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному двору;
Сквозь синь стекла желтоволосый отрок
Лучит глаза на галочью игру.

Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зеленая из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгинувшем в ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рощам
Щербленый лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,
Целует клюв нахохленой совы.

Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема,
Дорога белая узорит скользкий ров...
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

◆ ◆ ◆

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягнёночек кудрявый месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога,—
И кажется с тропы далекой
Водá качает берега.

А степь под пологом зеленым
Кадит черемуховый дым.
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.

О, сторона ковыльной пущи,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.

◆ ◆ ◆

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

О, Русь, малиновое поле,
И синь, упавшая в реку.
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить—
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

КОРОВА.

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.

Сердце не ласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.

Не дали матери сына,
Первая радость невпрок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.

Скоро на гречневом свее,
С той же сыновней судьбой,
Свяжут ей петлю на шее
И поведут на убой.

Жалобно, грустно и тоще
В землю вопьются рога...
Снится ей белая роща
И травяные луга.

◆ ◆ ◆

Л. И. Кашиной

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О, тонкая березка,
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил—печальный
Твой предосенний шум.

И мне в ответ березка:
— О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зеленя.
За голые колени
Он обнимал меня.

И так, вдохнувши глубко,
Сказал под звон ветвей:
— Прощай, моя голубка,
До новых журавлей.

◆ ◆ ◆

Пахнет рыхлыми драченами,
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою —
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

◆ ◆ ◆

Р. В. Иванову.

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень, рыжая кобыла, чешет гриву.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным,

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

◆ ◆ ◆

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою.
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналоя
Воробей псалтирь читает.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов, как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели,
И кричат ему: „Осанна!“

◆ ◆ ◆

Заглушила засуха засевки,
Сохнет рожь и не всходят овсы.
На молебен с хоругвями девки
Потащились в комлях полосы.

Собрались прихожане у чащи,
Лихоманную грусть затая.
Загузынил дьячишко лядащий:
„Спаси, господи, люди твоя“.

Открывались небесные двери,
Дьякон бавкнул из кряжистых сил:
„Еще молимся, братья, о вере,
Чтобы бог нам поля оросил“.

Заливались веселые птахи,
Крапал брызгами поп из горстей,
Стрекотуньи-сороки, как свахи,
Накликали дождливых гостей.

Зыбко пенились зори за рощей,
Как холстины ползли облака.
И туманно по быльнице тощей
Меж кустов ворковала река.

Скинув шапки, молясь и вздыхая,
Говорили промеж мужики:
—Колосилась-то ярь не плохая,
Да сгубили сухие деньки.

На коне—черной тучице в санках
Билось пламя-шлея... Синь и дрожь...
И кричали парнишки в еланках:
—Дождик, дождик, полей нашу рожь!

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ.

Вот она суровая жестокость,
Где весь смысл страдания людей.
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью по утру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как желтый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп овин.
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.

А потом их бережно без злости
Головами стелят по земле,
И цепами маленькие кости
Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома—это тоже плоть.
Людоедке мельнице зубами
В рот суют те кости обмолоть.

И из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.

Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмянный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишек.

И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого, что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

ТОВАРИЩ.

Он был сыном простого рабочего,
И повесть о нем очень короткая.
Только и было в нем, что волосы, как ночь,
Да глаза голубые, кроткие.

Отец его с утра до вечера
Гнул спину, чтоб прокормить крошку;
Но ему делать было нечего,
И были у него товарищи: Христос да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мух не слышала,
А Христос сидел на руках у Матери
И смотрел с иконы на голубей под крышею.

Жил Мартин, и никто о нем не ведал.
Грустно стучали дни, словно дождь по железу.
И только иногда за скудным обедом
Учил его отец распевать марсельезу.

„Выростешь, — говорил он, — поймешь...
Разгадаешь, отчего мы так нищи!“
И глухо дрожал его щербатый нож
Над черствой горбушкой насущной пищи.

Но вот, под тесовым
    Окном —
Два ветра взмахнули
    Крылом;
То с вешнею полымью
    Вод
Взметнулся Российский
    Народ...

Ревут валы,
Поет гроза!
Из синей мглы
Горят глаза.

За взмахом взмах,
Над трупом труп;
Ломает страх
Свой крепкий зуб.

Все взлет и взлет,
Все крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник...

И вот кому-то пробил
Последний, грустный час...
Но верьте, он не сробел
Пред силой вражьих глаз!

Душа его, как прежде,
Бесстрашна и крепка,
И тянется к надежде
Бескровная рука.

Он не задаром прожил,
Недаром мял цветы;
Но не на вас похожи
Угасшие мечты...

Нечаянно, негадано,
С родимого крыльца,
Донесся до Мартина
Последний крик отца.

С потухшими глазами,
С пугливой синью губ,
Упал он на колени,
Обняв холодный труп.

Но вот приподнял брови,
Протер рукой глаза,
Вбежал обратно в хату
И стал под образа.

—„Исус, Исус, ты слышишь?
Ты видишь? Я один.
Тебя зовет и кличет
Товарищ твой Мартин!

Отец лежит убитый.
Но он не пал, как трус.
Я слышу он зовет нас,
О, верный мой Исус.

Зовет он нас на помощь,
Где бьется русский люд.
Велит стоять за волю,
За равенство и труд!..“

И ласково приемля
Речей невинных звук,
Сошел Исус на землю
С неколебимых рук.

Идут рука с рукою,
А ночь черна, черна!..
И пыжится бедою
Седая тишина.

Мечты цветут надеждой
Про вечный, вольный рок.
Обоим нежит вежды
Февральский ветерок.

Но вдруг огни сверкнули...
Залаял медный груз.
И пал, сраженный пулей,
Младенец Исус.

Слушайте:
Больше нет воскресенья!
Тело его предали погребенью:
Он лежит
На Марсовом
Поле.

А там, где осталась Мать,
Где Ему не бывать
Боле,
Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит лапой луну...

Ползет Мартин по полу:
„Соколы вы мои, соколы,
В плену вы,
В плену!“
Голос его все глуше, глуше,
Кто-то давит его, кто-то душит,
Палит огнем.

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
Рре-эс-пуу-ублика!“
1917. Март. Петроград.

НА РОДИНЕ.

А. Сахарову.

Я посетил родимые места,
Ту сельщину, где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовою вышкой
Взметнулась колокольня без креста.
Как много изменилось там
В их мирном неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.

Отцовский дом не мог я распознать;
Приметный клен уж под окном не машет,
И на крылечке не сидит уж мать,
Кормя цыплят крупитчатою кашей.

Стара, должно быть, стала...
Да, стара.
Я с грустью озираюсь на окрестность.
Какая незнакомая мне местность.
Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы высокий, серый камень,—
Здесь кладбище.
Подгнившие кресты,
Как будто в рукопашной мертвецы,
Застыли с распростертыми руками.

По тропке, опершись на подожок,
Идет старик, сметая пыль с бурьяна.
„Прохожий! Укажи, дружок,
Где тут живет Есенина Татьяна?"
— Татьяна? Гм... Да вон за той избой.
А ты ей что? Сродни?
Аль, может, сын пропащий?
„Да, сын, но что, старик, с тобой?
Скажи мне:
Отчего ты так глядишь скорбяще?"

— Добрò, мой внук,
Добрò, что не узнал ты деда.
„Ах, дедушка, ужели это ты?"

И полилась печальная беседа
Слезами теплыми на пыльные цветы.

. . . .

— Тебе, пожалуй, скоро будет тридцать...
А мне уж девяносто... скоро в гроб.
Давно пора бы было воротиться.—
Он говорит, а сам все морщит лоб.
— Да... время!..
Ты не коммунист?
„Нет".
— А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!
Вчера иконы выбросили с полки.
На церкви комиссар снял крест.
еперь и богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам —
Может пригодится...
Пойдем домой—ты все увидишь сам.

И мы идем, топча межой кукольни,
Я улыбаюсь пашням и лесам,
А дед с тоской глядит на колокольню.

. . . .

„Здорово, мать! Здорово!"
И я опять тяну к глазам платок.
Тут разрыдаться может и корова,
Глядя на этот бедный уголок.
На стенке календарный Ленин.
Здесь жизнь сестер,
Сестер, а не моя,—
Но все ж готов упасть я на колени,
Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи... Женщина с ребенком,
Уже никто меня не узнает.
По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.
Ах, милый край! Не тот ты стал, не тот.
Да уж и я, конечно, стал не прежний.
Чем мать и дед грустней и безнадежней,
Тем веселей сестры смеется рот.
Конечно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир... люблю мою семью...
Но отчего-то все-таки с поклоном
Сажусь на деревянную скамью.
„Ну, говори, сестра"...

И вот сестра разводит,
Раскрыв, как библию, пузатый „Капитал",
О Марксе, Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно, как шустрая девчонка
Меня во всем за шиворот берет...

По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

ПАВЕЛ РАДИМОВ.

ПСАЛОМ ЗАЧАЛА.

Благослови, господь, мой подвиг песнопенья!
Огонь пылающий вложи в мои уста.
Где только станешь ты — сияет красота,
Ты взор свой обратишь — сбываются веленья.

Текут века времен... Людские поколенья
Уходят в прах земли. Их дни, как жизнь листа.
Дохнет осенний хлад, и роща вся пуста, —
Лишь кроет золото замерзшие коренья.

Но ты зовешь весну, — и дерево ветвями
Шумит и песнь поет престолу твоему.
Твой луч дарует жизнь, рассеяв злую тьму.

Полночный мрак небес ты осветил огнями...
Ты воззови из тьмы моей души стремленья...
Благослови, господь, на подвиг песнопенья!

◆ ◆ ◆

О полях, что пьянятся от вешнего солнца,
И о криках с небес журавлей, я пою,
Об отсветах в ручье золотого червонца,
О зеленой осоке, склоненной к ручью.

И о том, что у жизни так радости много
И простора пьянящих зеленых полей...
Знаю сердце свое: родилась в нем тревога
О мирах неизвестных, о радостном солнце,—
Родилась в нем тревога под крик журавлей.

◆ ◆ ◆

Душа, душа моя! Куда влекут призывы
Весенних голосов над талыми снегами.
Скворцов вечерний свист, и в поле переливы
Ядреных зеленей, и песни над буграми?

Сбегающих ручьев потоки торопливы.
Блести, гуди, струя, кружися под мостками,
На ласковой груди неси барашки ивы,
Буди уснувший ум воскресшими мечтами!

Следи, беспечный взор, за облаком летучим!
Овей, загорный ветр, меня крылом пахучим —
На все слагает стих теперь душа моя.

Ты, сердце, веселись, приветствуй жизни радость:
Да здравствует любовь и с ней златая младость—
Роскошные дары земного бытия.

◆ ◆ ◆

Взойдешь ты, ночь, на синем небосклоне,
Вздрогнешь звездой над лесом темным, мглистым,
Курения цветов вэнесутся на уклоне,
Дохнут луга туманом серебристым,

Светляк во мглу свой бриллиант уронит,
Горя любви желанием лучистым,
И перепел во ржи зовет и стонет...
Все ярче звезд огневые мониста,

Все краше ночь томительно-немая,
Все шире даль неведомой равнины...
И песнь моя звучит, благословляя

Поля мои и скаты и долины.
Светится, ночь, лучами огневыми,
Светись, душа, мечтами молодыми!

◆ ◆ ◆

Вечерней грусти сны витают над полями,
Слова моих речей печальны и больны.
Багряная листва сквозит меж тополями,
И внятно слышен зов осенней тишины.

Опять царицей — скорбь, и ветры — королями.
Владычество лучей неласковой луны.
С мятущихся ветвей срываясь хрусталями,
Дожди навеют мне томительные сны.

И мгла ночей в окно так жутко, близко станет...
Настойчивей, слышней калитка заскрипит.
То не ко мне придут. Никто уж не обманет.

Мою любвь, как ты... Но грудь моя болит...
Прижался я к стеклу, а голова в огне...
О, улыбнись тогда и вспомни обо мне!

ОСЕННЯЯ ОКТАВА.

Какая скорбь вокруг! Туманы нависают
Угрюмой пеленой над зеленью полей,
И вихри, разметав осенний лист, срывают
Багрянец и парчу последнюю с ветвей.
Как грустно! За бугром лишь чья-то песнь рыдает,
Да стонет о былом аллея тополей.
Скликаясь, журавли плывут в небес просторе,
А за рекой встает седеющее горе.

◆ ◆ ◆

Молчанья поля не нарушу,
Пройду неслышно. Ночь бледна.
Кому открою пустую душу?
Душа пустая кому нужна?

Я знаю: ночью в дальнем поле
Брат опечаленный идет.
Скорбит устало в ночь о воле,
Души пустой несет он гнет.

Мой брат, я здесь! В ночном просторе
Скорбит душа в полетах дум,
Ответа ищет в звездном хоре.
Но тьма сурова, мрак угрюм.

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Зеленая вечерняя звезда
Уже взошла.
Опять весна. Опять бежит вода.
Трепещет мгла.

И вновь растерянный вперяю взор
В немую даль.
И снова зимний тяготит укор,
И сердцу жаль,—

Жаль, что прожить в изменах суждено
Всему, всегда.
А в небе беспристрастно, холодно
Дрожит звезда.

◆ ◆ ◆

Когда белеется в полях гречиха,
Как первый снег цветы ее былинок,
Когда царит покой в колосьях тихо,
Лишь жук гудит, сронив пыльцу с тычинок.

Выходит на межу с детьми зайчиха
В час сумерек, в траве среди росинок
Горит светляк, в ручье, как рыбье Лихо
Шагает цапля — мест болотиых инок.

Тогда мечта поет о тихих грезах
Моей любви, о снах вечерних лета,
Тогда мне слышится в лесных березах

Песнь иволги, тогда к ногам поэта
Ссыпает лепестки свои калинник,
И сторожит поля куст-чубарнинник.

ЛЕТО.

УТРО.

Рассеялась, как дым, ночная мгла.
Бледнея, звезды ясный лик скрывают.
Восход зари все петухи села
Приветом велегласно возвещают.

Какая алая заря пришла!
На небе облака, зардевшись, тают.
Проснулось и село. Из-за угла
Амбара бабы стадо выгоняют.

Косясь на шутки бойких молодух.
Идет седой, маститый вождь — пастух.
Его зипун прорехами богат,

В руках, как жезл, огромная дубина.
За ним ревет, мычит на разный лад
Спешащая на бедный корм скотина.

◆ ◆ ◆

Светлым дозором белой денницы
Разубраны листья. Цветы оросились.
Солнцем разбужены спавшие птицы.
В речке узоры лучей заискрились.

Встал, весь всклокочен. Заспанным взором
Он в небо уперся: пора на охоту!
В чащу, где птицы бранилися хором,
Гикнув, ушел, скрылся в зелень-ворота.

Самка проснулась — сдернула шкуру,
Зевнув, потянулась — открылась, нагая.
Рог позлативши убитому туру,
Солнце упало, звеня и сверкая.

◆ ◆ ◆

Задремало в реке. Молчаливо в степи.
На кургане растут лишь полынь, да репьи.
Над курганом зажглась одиноко звезда.
Облаков понависнула в небе гряда.

На молитву пора: выходи и молись,
Полю чистому, ветру, звезде поклонись
И отцу: он в кургане зарыт средь долин.
Приготовь ему мясо на вечный помин.

Задремало в реке. Леший гать сторожит.
На молитве дикарь одиноко стоит.
Полю, ветру, звезде ночью молится он...
Смутно в вечность уходит над ним небосклон.

ПОХОРОНЫ.

Осенних дней пора! Твой скучен небосклон,
Безжизненны поля, где лишь полынь кивает
Летящим журавлям; где сборище ворон
Грачей, в их перелет, горланьем провожает.

Печалями томит и колокольный звон,
Унылый и больной он душу надрывает
Картиной грустною мужицких похорон.
Вон там они идут: кадилом поп бряцает,

Гнусавит пономарь, запутавшись в псалмах
И в прядях длинных косм, шнурочком перевитых.
Шагают мужики. Старухи в шушунах,
Ладонью подперев морщины щек изжитых,
Взирают: как вдова обряды соблюдет,
И как проголосит, и сколько слез прольет.

СТАРУХА ЗА ПРЯЛКОЙ.

Бьет полночь колокол. В избе ночник горит.
На борове печном столпились тихо тени
От головы седой. Веретено жужжит,
То на пол упадет, то вскочит на колени.

Старуха все прядет. В углу, меж тряпок, сит,
Махоток с молоком, искатель приключений,
Невзрачной масти кот доесть кусок спешит.
В углу блеет ягнок, толкаясь мордой в сени.

В ответ из хлева мать ему печально вторит...
Вот в сборе вся семья, да внучка на печи.
Старуха все прядет, сама с собой гуторит,

От ночника бегут, колеблися, лучи,
И тень у притолки испуганная жмется,
И колесо гудит, и голова трясется.

СТОЙЛО.

Тяжек полуденный зной, изливаемый небом жестоким:
Оводы жалят коров, вьется столбом мошкара.
Мухи с зеленым брюшком пересохший навоз облопили.
Медленным взмахом хвоста бык отгоняет врагов.
Дремлет понурое стадо. Взмесили уютную тину
Свиньи, забравшися в пруд. Овцы-же в кучу сошлись.
Спит и пастух, закрываясь от жара овчинною шубой,—
Высунув жаркий язык, дышит собака над ним.

ПОЙЛО.

Всякая дрянь напихалася за день в большую лоханку:
Тут кожура огурцов, корки, заплесневший хлеб;
В желтых помоях, из щей образуемых с мыльной водою,
Плавает корнем наверх вялый обмусленный лук;
Рядом лежит скорлупа и ошметки от старой подошвы,
Сильно намокнув в воде, медлено идут ко дну.
Всклянь налилася лоханка, пора выносить поросятам:
В темном они катухе подняли жалобный визг.
Старая баба Аксинья, в подтыканной кверху поневе,
Взявши за ушки лохань и, понатужась, несет.
Вылила вкусное пойло она поросятам в корыто.
Чавкают, грузно сопят, к бабе хвосты обратив.

ВЕСНА.

Враз кукарекнул петух на плетне, и задорному кличу
Вторит с дороги другой, зоб понатуживши вмиг.
Оба певца, горлопаня, под ветер хвосты распустили,
Вихорь, с бугра налетев, створку в воротах открыл.
Виден весь двор мужика Агафона: омшанник, закуты
Для лошадей и коров, с дверцами все, катухи.
Овцы глядятся гурьбою сквозь дранки набитой решетки,
Мордою мерин гнедой ткнулся в телегу. Об ось
Чешет заржавленный бок отлежавшийся за зиму боров.
Куры в соломе клюют выбитый колос пустой.
К ним воробьи налетели, просыпались стаей с застрехи,
Подняли щебет такой, что и скворцу не стерпеть,
Он лишь с вчерашнего дня домовничает в новой скворешне,
Хитрый резьбой Агафон вывел над нею князек,
Полочку вместо крылечка приделал и прутик засунул,
Поднял на длинном шесте певчему гостю жилье.
„Эк разливается птица!"—промолвил хозяйке хозяин:—
„Значит весна напрямки к нам на деревню пришла".
Баба, помои плеснув и поневу спустив над коленкой,
Поторопилась быстрей с шайкой в избу войти.
А Агафон, засучив рукава, что есть силы ударил
Вилами в жирный навоз, пласт отрывая сырой.

МОЛОТИЛКА.

Стуком стучит, громыхает нутром и плюется мякиной
Прямо в плетень барабан, хрустая сноп за снопом.
Павлов, старик, припускает рукою умелою колос.
Ходит ремень на валу черной и длинной змеей.
Ровно состав шестерни перестукивает обороты.
Около риги, стоптав круг на полынном пару,
Ходят два мерина, кнут терпеливо снося от Ивана,
Парня пятнадцати лет, в шапке русых кудрей.
Тянут они за повертку усердно и след катяхами,
Сбитыми точно ядро, стелют под ноги себе.
Подле растет непомерно гора перемятой соломы.
Два мужика на цепах носят вязанки, как воз.
Баба, на тело покрепче, поверху омет уминает,
Вилами чешет с боков, точно волосья свои.
В риге работа в разгаре: старуха Устинья в обмотках
На голове и руках, чтоб пропылиться не всей,
От барабана солому сгребает. Под зубьями льется
Сплавом шуршащим зерно, ворох в сторонке растет,—
Это лопатой Никитка, смышленый подросток, ровняет.
В угол мякина летит, в рот попадет и в глаза.
Фенька-солдатка, как ведьма теперь почернела, румянец
Скрылся под пылью густой, только белки на лице.
Вот рассмеялась при деле, на Клима зубами сверкнула.
Тот же, снимая снопы, свяслом ее подстегнул,
Да и на девок прикрикнул, пускай подождут баловаться:
Солнце на полдень взойдет, остановиться тут след.

ПОСИДЕЛКИ.

Дверь то-и-дело раскрыта. С мороза, как белой овчиной
Кто половицу прикрыл, пар заклубится на миг.
Девки свои пятиклинки до верху на коник сложили,
В платьях кумачных сидят, ситцем пропахла изба.
Парни тулуп не снимают, лишь шарф раскрутили на шее,
Против на лавке они все разместились подряд.
Около печки столпились гурьбой детвора да подростки,
Три молодушки сошлись,—лясы чтоб всласть поточить,
Низко старуха, вся древность, над темной печуркой склонилась,
Стар человек, а и то любит любовь подсмотреть.
Тут же теперь дружка с дружкой по горенке ходят,
Песня как только велит, крепко целуют в уста.
Вот она, Проска Брызгалова, девка—одно загляденье,
Белое кипень лицо, бровь почернее сурьмы,
Вся зарумянилась, стыдно ей стало, а вместе приятно:
Перед народом честным и посредине избы
Яков Карябин, завидный жених, богатей он, целует,
Смотрит в глаза ее так, что пропади голова!

ПАШНЯ.

Гром прогремел стороною, лягушки в пруде раскричались.
Крупный, как белый горох, дождь застучал по траве.
Дальний порядок села занавесился частою сеткой.
Миг,—и ушло на поля облако дымом седым.
Снова разведрился день, и сверкает зеленой щетиной
С красною былкой в корню озимей пестрый ковер.
— Быть урожаю!—решили тогда же в беседе на бревнах
В голос один мужики,—время с сохой поспешить.
Утром, чуть-чуть жаворонок запел над полынной межою
И, трепыхаясь, в зенит выше и выше пошел,
Поле пестрело народом: шагая прямой бороздою,
Пахарь за лошадью шел, звякал палицей в сошник.
Рядом лукошко с овсом перекинув на ленте суровой,
Сеятель в землю бросал горстью наотмашь зерно.
Возле телег молчаливо собаки дремали и лаем
Не нарушали почин важного сельского дня.
Только грачи, из ночевки с церковных берез подымаясь,
Кракали в небе пустом, после за пахарем шли.
Следом за ними стрижи прилетели, и долго их стая,
Воздух пронзая крылом, реяла на вышине.
Знать, и они захотели почтить земледельца работу,
Ревностый пахаря труд, дело святое земли.

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ.

ОСЕНЬ.

У деревни вдоль тропинок
В старой роще над лужком
Ходит тихий грустный инок,
Подпираясь подожком.

Вкруг него стоят березы
Все в щебечущих синицах...
А роса в лесу, как слезы,
На серебряных ресницах.

Что за звон в его лукошке?
Это падают с осинок
Бусы, кольца и сережки,
Бисер утренних росинок.

Опустилась непогода
Над опавшими ветвями. .
Лес — как грозный воевода
С опаленными бровями...

Скатный жемчуг скромный инок
Красным девушкам собрал
— По родителям поминок —
Да дорогой растерял.

КОЛДУНОК.

В облаках заревой огонек,
Потухает туманный денёк.

Повернула дорога во мглу...

По селу
Идет колдун в онучах,
В серых тучах...

Борода у него — мелкий дождичек,
В бороде у него — дуга-радуга,
А в руках подожок-подорожничек!—
Собрался, старина, видно надолго...

На прощанье махнул колдунок
Над притихшим селом костылем
Пошатнулся окольный тынок,
Быстрым зайцем шмыгнул ветерок,
Закричал, закачал ковылем:

— Идет колдун в онучах,
В онучах — в серых тучах!

Догорел в облаках огонек,
Умер в поле денёк...

ХОРОМЫ ЛАДЫ.

Старый Дед меж толстых кряжей
Клал в простенки пух лебяжий,
Чтоб резные терема
Не морозила зима.

Он причудливым узором
Окна в небе обводил,
Обносил кругом забором,
Частой вербой городил.

Повалил он много яров
Золоченым топором,
И поныне от ударов
В синем небе — эхо — гром.

Весь он, весь оброс в мозоли,
Облысел, старик, облез...
Пот со лба катился в поле,
Под овраг да в темный лес.

Долго грохот раздавался,
Сколько строил — молод был,
Сколько стар был — любовался
И кругом хором ходил.

Старый Дед оставил внучке
Все копленое добро —
Шелки, злато, серебро...
На тот свет пошел в онучке.

ЗИМА.

По-за-лугу у крылечка
Льется Речка-Быстротечка:
Берега ее убраны
В янтари и жемчуга! —

В голубой ея пучине,
Весь в цветах речных и тине,
Озаренный теремок,

На двери, как на листочке,
Две щеколды — рыбьи щечки
Да серебряный замок.

Крыша вздернута, как уши,
Окна смотрят, как глаза,
У светелки — боковуши,
В окнах яхонт, бирюза.

По-за-лугу у крылечка
Льется Речка-Быстротечка:
Берега ее убраны
В янтари и жемчуга! —

Дремлет месяц на оконце,
Под князьком сияет солнце,
Облака висят, как пух,
Звезды с матицы пылают,
А по терему гуляет
Золотой певун — петух!..

Колыхаясь, приседая,
На жемчужном берегу
Пляшет старица седая
Вся в сосульках и снегу!..

ПЕСНЯ О СИДНЯХ.

Ой, вы, сидни, старцы-старичи!
Спали кудри старцам на плечи!

А на кудрях венцы царские,
Великанские, бухарские

Горят камнями лучистыми,
Бирюзами — аметистами!

Гром их будит — кличет на ухо,
Да забиты уши наглухо,

Завалены плечи камнями,
Поросли лесами давними:

И шумят леса дремучие,
И стоят в лесах под тучею

Ели пиками зелеными,
А дубы меж пик — знаменами!

Ой, вы, сидни, старцы — старенъки,
На очах растут кустарники,

А в кустах ехидна злючая
Пьет с очей слезу горючую:

А и очи — с грустью, с кротостью,
Обведены очи пропастью,

Тьмою темною, провалами!
А уста приперты скалами!..

ДЕДОВА ПЕСЕНКА.

Боронил дед заранья
Под весенний гром,
Рано рожь-боярыня
Вышла из хором!..
Пред ея палатою
С горы под уклон
Вывел рать кудлатую
Полководец-лен!
Лен, мой лен!
Мой зеленый лен!

Зорил с заряницею,
Сеял из кошла,
Рожь с княжной-пшеницею
На гумно пришла!
Гости меж овинами,
Шапки на бекрень!
Здравствуй лен с новинами,
С бражкою ячмень!
Лен, мой лен!
Ой, зеленый лен!

Заварит дед солоду
На весь белый свет —
Пелось, пилось смолоду:
Ой-ли, люли, дед!
Не твоя ли пашенка
Средь поля пуста,
Пашенка-монашенка,
Пустырь-сирота!
Лен, мой лен!
Ой-ли, люли, лен!

МЕСЯЦ.

Месяц, месяц, встань за ивой,
Мне в разлуке тяжело!..
Друг весенний, луч пугливый,
Вместе выйдем на село!..

Постучися у крылечка,
Глянь на милую мою,
Я ж у церкви недалечко
В темных липах постою...

Ночь по небу звезды кружит,
Свежим полем шелестит —
Ах, о чем, о чем же тужит
И о ком она грустит...

Посвети ей на колечко,
Просияй в его кремне —
Может выйдет на крылечко,
Может вспомнит обо мне!..

Отвернется, не ответит,
Не изменится в лице —
Пусть у милой месяц светит
Одиноко на крыльце!..

◆ ◆ ◆

Я все пою — ведь я певец,
Не вывожу пером строки,
Брожу в лесу, пасу овец
В тумане раннем у реки...

Прошел по селам дальний слух
И часто манят на крыльцо,
И улыбаются в лицо
Мне очи зорких молодух.

Но я печаль мою таю
И в певчем сердце тишина
И так мне жаль печаль мою,
Не зная кто и где она,..

И, часто слушая рожок,
Мне говорят: „Пастух, пастух!"
Покрыл мне щеки смуглый пух
И полдень брови мне ожог.

И я пастух, и я певец,
И все гляжу из под руки:
И песни, как стада овец
В тумане раннем у реки...

◆ ◆ ◆

Осенний день прозрачно стынет,
Звеня охотничьей трубой...
Прощаюсь я с весною синей,
С тобой и с далью голубой...

Склонилась синева над чащей,
И очи сини и строги,
И в чаще тающей, шуршащей —
Как бы дыханье и шаги..

То, насторожившись верхушки,
В прохладе слушает и ждет
И тихо кружит по опушке
Берез умолкший хоровод.

И лишь одна, как над могилой,
В необлетевший рдяный куст
Нагие руки уронила,
И тонких пальцев горький хруст

И так торопится кому-то
Листком, всколыхнутым едва,
С вершины, ветром изогнутой,
Сказать последние слова.

◆ ◆ ◆

Стал голос хриплый, волос грубый
И грузны руки, как кряжи,
А у тебя все те же губы
И за ресницей — как во ржи.

От этой непосильной лямки
Уж еле переводишь дух,
А тут в глазах играют ямки,
И в ямках золотится пух.

И так завидно, что улыбка
Не сходит с твоего лица,
Когда ты клонишься над зыбкой,
Поешь в полутени светца.

И будешь петь ты так же нежно,
Какая б ни прошла гроза:
За пологом пророс подснежник,
Цветут душистые глаза!.

◆ ◆ ◆

Ты умирать сбираешься так скоро,
И я с тревогой слушаю тебя.
Страшусь я смерти, как ночного вора,
Во всех, во всем златую жизнь любя.

И жду я, — вот в ночи придет громила
С отмычкою от тела и души,
И смеркнет облик дорогой и милый,
И я останусь один в тиши.

Меж тем, глянь утром: против на погосте,
Как в молоке, в цвету плывут кусты,
И гонят из-за них лихую гостью
Руками распростертыми кресты.

◆ ◆ ◆

У меня в избенке тесной
Пес лохматый гложет кость.
Я ж пою со страху песню,
Что придет чудесный гость.

Верба шапку ниже клонит,
За прясло выходит ель.
За рекой к вечерне звонят,
За рекой поет свирель.

Да пройдет он только мимо,
В окна стукнет только раз
В одинокий, в нелюдимый,
В огневой вечерний час.

Не войдет он, не прогонит
Не позванную беду —
Только на ходу уронит
Под окно мое звезду.

От звезды свечу затеплю
За вечерье сяду с ней:
И вода ли, песня, хлеб ли
Станут слаже и вкусней.

Буду я сидеть за свечкой;
Вспоминать и не жалеть.
Будет петь сверчок за печкой,
И в избе моей светлеть.

Посветлеет моя хата,
Потеплеет мой кафтан,
И не страсть, что пес лохматый
Воет у ворот в туман.

◆ ◆ ◆

Монастырскими крестами
Ярко золотеет даль,
За прибрежными кустами
Спит речной хрусталь.

За чудесною рекою
Вижу: словно дремлет Русь,
И разбитою рукою
Я крещусь, крещусь.

Вижу: скошенные нивы,
По буграм седой костырь,
Словно плакальщицы, ивы
Склонены в пустырь.

По лесам гуляет осень,
Мнет цветы, стряхает лист.
И над нею синь и просинь,
И синичий свист.

Та же явь и сон старинный,
Так же высь и даль слились;
В далях, в высях журавлиный
Оклик: берегись!

Край родной мой (все как было!)
Так же ясен, дик и прост,—
Только лишние могилы
Сгорбили погост.

Лишь печальней и плачевней
Льется древний звон в тиши
Вдоль долин родной деревни
На помин души,—

Да заря крылом разбитым,
Осыпая перья вниз,
Бьется по могильным плитам
Да по крышам изб...

УЛЮСЬ.

Улюсь, Улюсь, лесная речка,
Ты увела меня в леса,
С одной веревочной уздечкой,
С луконцем звонкого овса.

Вчера коня ловил, ловил я:
Хотел с полос возить снопы
И вот забрел по чернобылью
На невозвратные тропы.

Меж кочек шуркнули дорожки.
И я один, и не боюсь.
Ой, сколько пьяники, морошки
По мху разбросила Улюсь.

И словно манит тонкой кистью
Черемухи росяный куст,
И слышится мне шорох листьев
И шопот человечьих уст:

Останься здесь, сбери бруснику,
Малину в сумку собери,
Да помолись златому лику
Неугасающей зари.

Здесь на тебя былые предки
Глядят, склонивши седины,
И в думы их вплелися ветки
И в быль незгаданные сны.

Здесь до зари у тихой речки
Горит всю ночь звезда-огонь.
А для твоей простой уздечки
Пасется золотистый конь.

Здесь сквозь туман синеют села,
Пылает призрачная Русь.
Останься ж здесь в плену веселом
В лесу, у голубой Улюсь.

М. ПРАСКУНИН.

В ПОЛЕ.

Шуршит земля, сверкают плуги,
Как пух, ложится борозда.
А вот и первая звезда
Зажглась в лазури на досуге.

Упруго конь сгибает ноги;
Кряхтит хомут, скрипят гужи...
Чу! Беззаботные стрижи
Нырнули с песней в пыль дороги...

В далекой хижине под рощей
Блеснул и скрылся огонек;
Упал последний пены клок
С коня на куст полыни тощей.

Пришла с зарей прохлада-дрема;
Ложится в борозды роса,
И верит пахарь в чудеса
Весны, труда и чернозема...

ПАХАРЬ.

Мерно качая мочальной уздой,
Старая кляча идет бороздой.
Пахарь на ветхую соху
Грудью налег: под сермягой худой
Места не стало и вздоху.

С детства к работе бедняга привык;
С силой сгибает колени мужик,—
Помощь нужна и гнедому.
С шопотом лезет убогий сошник
В выжженный пласт чернозема.

Солнце целует и нежит поля...
Пахарю в лапти набилась земля,
С'ехала шапка на ухо,—
Даром не дастся судьбе бобыля
Черного хлеба краюха.

В воздухе дружно звенят голоса,
Времени нет заглянуть в небеса:
Там не про нас позолота,—
Просит на каждую пядь полоса
Крови мужицкой и пота.

ПРЯХА.

Полночь. Дует вьюга с поля.
Гребень к донцу льном поник;
Словно пряхи горькой доля,
Еле светит мой ночник.

Ноют кости в юном теле;
Чуть лишь песню затяну,—
Вмиг косматые метели
Хлещут снегом по окну.

Думы клонят к изголовью...
Где ты канул, сладкий сон?
Прясть наказано свекровью
Два десятка веретен.

Чу, скрипят в углу палати,
Хрипиет кашель мужика;
А кругом в убогой хате
Бродит копоть ночника.

Пальцы пухнут... кровь. . мозоли...
Нитка вьется, длится труд;
За окошком вихри в поле
Веретенами снуют.

Стонет ветер у калитки,
Плачет вьюга у крыльца;
Знать, и там суровой нитке
Нет желанного конца.

НА ЛУГУ.

Голоса гармоник звонки,
Закипает в жилах кровь...
Не спускает глаз с бабенки
Ненавистная свекровь.

Не дает колдунья ходу,—
За спиной торчит карга.
А кругом кайма народу
Да зеленые луга;

В вышине над речкой, пенясь,
Зноем дышат облака.
Не пойти ли, подбоченясь,
Хороводом трепака?

Но куда девать малютку,—
Виснет камнем на руках...
Чу, как вихорь, прибаутку
Закрутил сосед Малах...

Полетели четко, звонко
Речи-стрелы к камышу.
Эй, кума, держи ребенка,—
Нет терпенья, попляшу!

ИЗ НОЧНОГО.

Дремлют осины за ригой,
Ветер прилег за углом.
Месяц червонной ковригой
Круто повис над селом,

Словно царапнула когтем
Небо до рощи звезда.
Пахнет по новому дегтем
В пальцах корявых узда.

Еле бреду из ночного,
Лапти набухли росой,—
Сладко без мысли и слова
К хатам итти полосой.

Искрится сизая озимь
Слева за гривой ракит,
Звонко ударила о земь
Пара упругих копыт.

Льются хрустальные краски
Новой околице в пасть...
Скоро ли будут подпаски
Песни жалейками прясть.

ВЕЧЕРОМ.

За ригой—след бродяги-волка,
Сугроб сравнялся с пеленой.
Полна глубокая кошолка
Душистым сеном за спиной.
Стою у прясла на дорожке
И думы разные таю,
А месяц, кованные рожки,
Курчавит бороду мою.
Напрял в березах иней шелка
В конце усадьбы у двора,—
И жалко мне бродягу-волка
В пустыне белого ковра.

ПРАЗДНИК.

Сброшен хлам с могучих плеч,
Бодро смотрит в степи око...
С шумом вешнего потока
Спорит радостная речь.
Сброшен хлам с могучих плеч.

Гроб пророков ныне пуст,—
В прах разбит у входа камень...
Не погас под спудом пламень
Палачом сомкнутых уст,—
Гроб пророков ныне пуст.

Ткань зари — у всех наряд,
Крепче меди — грудь и чресла...
Если Русь от сна воскресла,—
Будет пир у ней богат.
Ткань зари у всех наряд.

Приходите все, кто юн,
К нам на праздник, — хватит браги.
Мы теперь цари и маги
Хмельных песен, звонких струн,—
Приходите все, кто юн!

ПЛОТНИКИ.

После долгой черной ночи,
Мутных сказок, жутких снов
Загорелись наши очи
Ярче синих васильков.

Звонко, весело под зноем
Топоры роняют стук...
Мы красивый терем строим,
Не сочтешь мозольных рук.

Крепко пахнут бревна медом,
Как янтарь на них смола...
Чу! Опять под небосводом
Гомонят колокола.

Рад артели день напевный,
От работы виден толк:
Завтра в тереме царевна
Станет прясть зеленый шелк.

Пусть топор при каждом взмахе
Мечет щепки в облака...
Будут новые рубахи
И любовь у мужика.

СЕМЕН ФОМИН.

РОДОСЛОВНАЯ.

Фома — мой прадед, был оратаем,
Хлебообильною кромой,
А бабушка моя горбатая —
Господня странница с сумой.

Отец прадедовские полосы
Пахал и добывал оброк,
По праздникам, примаслив волосы,
Басил молитвы, как дьячок.

А дед у пекла раскаленного
Варил хрусталь... И вот от них,
Как от источника бездонного,
Журчит бесхитростный мой стих.

Поля родные — это плоть моя,
А там, в путях, моя душа,
Где за толпой, пестря лохмотьями,
Водила бабка малыша.

1918.

ОТ ЗЕМЛИ.

Быть бы мне с рожком от'явленным подпаском,
Полдневать на солнце у озерных чаш,
Распевать под всплески волн лесные сказки,
Вить из хвой и прутьев маленький шалаш.

Запускать стрелу из лука в ястребенка,
Под луной на жеребенке гнать в ночной,
Хохотать в лесу и кликать эху звонко,—
Но судьбою брошен жребий мне иной.

Оторвался я от пуповины пашен,
От твоих сосцов, земля, родная мать,
И пошел по свету смелым и бесстрашным
С вольной волей радость новую искать...

1919.

НАД ОМУТОМ.

Все воскресло в грозных громах.
Блещет бора бахрома.
Запах лип, берез, черемух
Веет с шумного холма.

Тихий омут. Всплески рыбок.
Золотой рябит извив.
Ветер тепл, игрив и зыбок
У наклонных пышных ив.

В зеленях, на хворостине,
Вздрогнул с посвистом кулик.
Как в кувшинках небо сине!
Как в тиши здесь Мир велик!

На траву я бросил книги
В брызги росного огня.
Прочь, души моей вериги!
Книга — Жизнь вокруг меня.

1918.

В БЕЛУЮ НОЧЬ.

Заглянул в окно я ночью белой:
За сиренью—все сиренево кругом;
Закивал мне месяц изомлелый
Сквозь рассеянные тучи над селом.

На столбах и пряслах, вдоль прогона,
Дремлют ласточки, щебеча на восток.
Про цветущий сад запел влюбленно
В пышной зелени проснувшийся рожок.

Звучно жаворонок над полями
Залюлюкал и поднялся высоко...
Из окна молюсь я словно в храме,
На душе моей лазурно и легко.

1917.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА.

Вижу Лик Твой осиянный,
Слышу голос Твой вдали,
В красках, в звуках первозданной
Багровеющей земли.

В алом мареве заката
Лес зарделся Купиной;
Я обрел здесь место свято, —
Слился с радостью земной

Золотыми языками
Плещет в небо лес листвой.
В тихом пламе, с облаками,
Мать-Природа, весь я твой!

Пусть потухло небо... Млечность
Ленту бисера зажгла.
Не страшна немая вечность:
Путь живой душа нашла!

Сентябрь 1916.

Снова, странник я бездомный,
Лучезарный встречу день
За рекой, каймой поемной,
С вольной песней деревень.

Там, где запах ржи и меда
Пьет земля из тихих вод,
В алом трепете восхода
Я сольюсь с тобой, народ.

1918.

ВСТРЕЧА.

В пыльном зное, за проселком,
Золотая зыбь и дрожь.
Зашуршала сизым шелком
Созревающая рожь.

Сном младенца млеет вечер
В томных вздохах сонных трав.
Вспомнил радость первой встречи,—
Проблуждаю до утра!..

То же веянье полыни,
Тот же крик перепелов
И в зардевшейся пустыне
Караваны облаков.

И во ржи, как будто, белый
Взмыл платок с цветной каймой,
И, казалось, вновь ты пела
На далекий оклик мой...

Но манящая улыбка
И черты твоих ресниц
И звенящий голос зыбкий —
Скрылись в отблеске зарниц.

Буду петь я в этот вечер
О колосьях спелой ржи,
О мелькнувшей нашей встрече
За проселком, у межи...

1919.

ЗОВ ЗЕМЛИ.

Я из города слепого
Выйду к солнцу, на поля.
Чашей неба голубого
Причасти меня, земля.

Нет молитвенней и краше
В море хлеба схимных хат,
Где за зноем сизых пашен
Сосны ладаном кадят.

В СЕЛЕ.

Идут вальяжно, с перевалочкой,
Селом к обедне мужики,
И, путь ощупывая палочкой,
Бредут слепые старики.

Гудит, как шмель, дьячок на клиросе,
Валит и грудится народ,
Налево девки расцветилися,
Направо парни прут вперед.

И рявкнул дьякон буйным голосом
Под гулкий купол в перезвон,—
Бурей копен огумных волосы
Забултыхались на амвон.

А в окна, в легком дуновении,
Струится запах лип и ржи,
И — „к жизни! к жизни!“ — в звонком пении
Взывают резвые стрижи.

ПО ЯРОСЛАВСКОМУ ШОССЕ.

Словно в детском самокате
Я качу то вверх. то вниз.
Юность, вспыхни на закате!
Сердце, в радости проснись!

Мой рыдван тяжел и трясок,
Но зато душа легка,—
Уж не ты ли в море красок
Реешь в виде мотылька?

Помню — маленьким мальчишкой
В монастырь я шел с толпой
И бросал сосновой шишкой
В купол неба голубой.

И сейчас все те же горы
И все таже глубь небес,
Лишь узывчивей просторы
Да звончей сосновый лес.

ПАХАРИ.

У распаханных полос мы,
Ждем весну мы на бору.
Облаков багряных космы
Разметались на ветру.

Смолкли снежные бураны,
Сон промчался горевой.
Зачернелися курганы
По откосам, в звоне хвой.

Что земле людское горе?
Что нам, пахарям, печаль?
Замарило на Егорья —
Рвется сердце ввысь и вдаль!

Выезжай-ка, брат Микула,
Зерна в землю разбросай,—
Жизнь об'ятья распахнула,
Забурлил наш тяглый край!

1918.

В ДЕРЕВНЕ.

По ухабам еду ночью я в телеге.
Крикнул в тьму — сорвал с души своей запрет,
Лес червонцами осыпал в тряском беге,
Эхо дрогнуло и ухнуло в ответ.

Наяву, а будто длинный сон я вижу,
Вспоминаю лета солнечные дни...
— Эй, кати быстрей, кляченка, где поближе,
От деревни до деревни, на огни!..

Как тих закат и как дремотно
Заколыхались в поле ржи.
Иду один я беззаботно
Тропинкой узкой вдоль межи.

С цветущих лип пахнуло медом,
Вокруг свежо и зелено.
Срываю колос мимоходом,
Вкушаю спелое зерно.

Вот старая родная хата,
В кругу берез заросший пруд.
На купырях, в лучах заката,
Золотострунный тихий гуд.

Отец бьет косы у сарая.
Турлычит за лесом рожок.
Не надо мне иного рая,
Чем этот мирный уголок!

И опять ущелье... Вижу: бисер звездный
Разметала рокотливая река.
Ах, я знаю этот путь... Над вечной бездной,
Рано ль, поздно ли, сомкнутся берега!

Но всегда мила мне глушь родного края:
Расцветет рассвет, павлиний сизый хвост,—
Побреду с отцом я к риге и сараю,
Зазвенит былиной дедовский погост!

1917—1918.

◆ ◆ ◆

Разбитая икона —
Истерзанная Русь,
Душа моя взбурлена,
Я на тебя молюсь.

Пред заревом багряным
Твой замер скорбный лик.
К твоим припал я ранам
И тайну вдруг постиг.

Ты — сказка, ты — былина
В мерцаньях вечных звезд.
Прости меня, как сына,—
Над прошлым ставлю крест.

Я верю и не верю,
Приемлю и страшусь.
Разверзлись Миру двери —
Иной предстала Русь!

Под пеплом в огневице
Ты встала, ожила,
Ты — притча во языцех,—
С Востока свет зажгла!

1918.

АЛЕКСАНДР ШИРЯЕВЕЦ.

◆ ◆ ◆

На чужбине невеселой
Эти песни я пою.
Через горы, через долы
Вижу родину свою:

Жегули в обновах вешних,
Волга... Улица села...
В церковь, солнышка утешней,
Ты лебедкою плыла...

— Не найти нигде чудесней
Русых кос и синих глаз!
Из-за них Кольцовской песней
Заливался я не раз...

Я ушел... я ждал иного,
Не к сохе влеклась рука...
И уплыл... А ты с крутого
Мне махала бережка...

На сторонке чужедальней
Позабыть тебя не мог...
Снится грустный взгляд прощальный,
Вижу беленький платок...

Что сулит мне воля божья?
Ворочусь ли я назад?
— Пусть к родимому Поволжью
Песни звонкие летят!

УТРО.

Свирель рассвета заиграла,
Ночь поплелась в свой тихий дом,
А солнце весело орало
На пароходе голубом...

Стряхнули горы сон старинный,
Туманный прояснился взгляд...
Шумят кудрявые вершины,
Червонцы солнца к ним летят..

С красавы-барки песня мчалась,
Раскинул день победный стан..
А солнце с Волгой обнималось —
Веселый ухарь-капитан!

ГРОЗОВОЕ.

В гулкие гулы,
Уткою
Солнце нырнуло,
Скрылось пугливо...
Громами вольными
Мерится высь!

Громовые грохоты!
Удалые хохоты!
Грозовая вольница
Громыхает, гонится!

Молнии жуткие
С красной расшивы
Красными кольями
В берег впились!

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ГЛАС.

Щупал девок я, ластился к бабам,
Матершинничал в три этажа.
Поволокут по загробным ухабам,
Чтоб поджарить меня, как стрижа.

Заартачившись у сковородки,
Завоплю я, ругнувшись зело:
— Отпустите — катнуться на лодке,
На денек только — в наше село!

Взгромыхает Архангельский глас:
— Не годишься ни в ад ты, ни в рай!
Убирайся-ка, парень, от нас!
Щупай девок, гармонь раздувай!

БУРЛАК.

Уплыву, как только вспенится
Волга—матушка-река!
У бродяг душа не пленница,
Не дрожит у кошелька!

Любо петь мне песни смелые.
Что поет по Волге голь,
Двинуть весла в гребни белые!
— Эх, зазноба, не неволь!

Уноси быстрей, кормилица,
Наши барки и плоты!
Глядь и ветер принасилится.—
Будет меньше маяты...

Не меня ль краса румяная
Манит с берега рукой?..
Да милей мне воля пьяная!
Обручился я с рекой!

МОЛОДЕЦКИЙ КУРГАН.

(Сказ).

Ты жила в скиту замшелом,
Все молилась, ладан жгла.
Он охотником был смелым
Из приволжского села.

Нес он с песней диких уток,
Позабыла, где свеча...
С развеселых прибауток
Стала ярче кумача...

Соловьи в лесу скликались,
Разливался вешний мед...
И ушла ты, не печалясь,
От своих святых ворот

К песням аховым, к шиханам...
Повенчались без венцов...
Стал охотник атаманом,
Кликнул голь со всех концов...

За шелками, за коврами,
Для тебя он уплывал...
Как любились вечерами!
Что за песни он певал!

В ночь, над Волгой звездоокой
Разгорался буй-костер,
Днем маячил издалека
Алый бархатный шатер...

Заглянуло к вышке Лихо,
Быль иная зацвела...
Белотелая купчиха
Мила-друга отняла...

Ты дозналась про смутьяну,
И за смертную тоску,
Ночью, сонного с кургана
Опрокинула в реку;

И сама метнулась с кручи
За изменником в простор...
И зовут курган дремучий
Молодецким — с этих пор...

СТАРЬ.

Месяц, глянь ушкуйным оком!
Кистенем стальным взмахни!
Понесусь я быстрым скоком
На татарские огни.

Надо мной воронья стая
Зачернеет — ждет беда.
Предо мною Золотая
Пораскинется Орда.

— Ой, летите, стрелы злые,
В басурманские шатры!
Нам хвататься не впервые
За мечи и топоры!

Я рубиться лихо стану,
Сдвинет враг со всех сторон,
И, иссеченного, к хану
Отведут меня в полон.

Долго-долго, дни и ночи
Будут лязгать кандалы.
Будет сниться терем отчий,
Волги буйные валы.

Запылит с Руси дружина,
На Орду ударит вскачь,—
Я опять на волю хлыну
Для удач и неудач...

Час настанет, и на склоны
Упаду я из седла,
Как вопьется в грудь со стоном
Закаленная стрела...

АТАМАНОВА ЗАЗНОБА.

Нет утехи, нет спокоя
С той поры, как мой родной
Закатился с голытьбою
К понизовью на разбой...

Где простились, вкруг да окол
Все брожу я у реки...
— Ах, неужто сгибнет сокол
С той ли вражеской руки!

Ночью снится взгляд прощальный,
Клич могутный... стон... пальба,
Да железный звон кандальный,
Да два висельных столба...

И взбегаю на бугры я,
Где разгульник поклялся:
Не метнутся ль заревые
С понизовья паруса?..

ВОЛГЕ.

Тускнеет твой венец алмазный,
Не выкнет с посвистом жених...
Все больше пятен нефти грязной —
Плевки Горынычей стальных...

Глядишь, старея и дряхлея,
Как пароходы с ревом прут,
И голубую телогрею
Чернит без устали мазут...

А жениха все нет в доворе...
Роняет известь едкий прах...
Плывешь ты с жалобою к морю,
Но и оно — в плевках, в гудках...

КЛИЧ.

На кургане, в шапке-зорнице
Стенька встал разгульно-смел,
Молодецкую он вольницу
Кликал, звонницей гудел:

— Гей-эй-эй!..

Собирайся-ка, голь перекатная,
Шалый сброд!
Будут гульбища, подвиги ратные, —
Русь зовет!

Хватай ножи с пистолями!
Гульнем по вольной воле мы!

Не дам народ в обиду я!
Айда тягаться с Кривдою!

— Гей-эй-эй!..

Нет житья от боярства от чванного,
Воевод!
Всех достанет рука атаманова,
Всех уймет!

Не дам народ в обиду я!
Айда тягаться с Кривдою!

Хватай ножи с пистолями!
Гульнем по вольной воле мы!

— Гей-эй-эй!..

Царь не видит, в палатах все тешится,
Спозарань...
А и нам, братцы, время потешиться!
Грянь-ка, рвань!

Хватай ножи с пистолями!
Гульнем по вольной воле мы!

Не дам народ в обиду я!
Айда тягаться с Кривдою!

...Так бросал слова смутьянные
Разин, взявшись за пистоль,
И ватагою буянною
На курган валила голь...

Не леса шумят кудрявые,
То повольники шумят;
Помыкает всей оравою
Колдовской, зовущий взгляд...

Зацвели ладьи узорные!
Песни, посвисты и гул!
Загляделись выси горные
На диковинный загул!

Не с того ли крика шалого
Волга вспенила сильней?..
Любо Стеньку разудалого
Уносить далекой ей!

ГАДАНИЕ.

Месяц скатною жемчужиной
Засветился над горой.
— Выйди, званый, выйди, суженый!
Правду, зеркальце, открой!

Крестик снят... Одна я в горнице,
Ставлю свечи у зеркал...
— Кто покажется затворнице:
Стар иль молодец-удал?..

Вот и полночь... Жутко... Слышу я,
Как хохочет, весела,
Нечисть страшная под крышею,
Пляс бесовский завела...

Кто-то тянется и корчится,
Метит лапою обнять...
— Убежала бы, да хочется
О заветном разузнать...

Месяц скатною жемчужиной
Льет узорные лучи.
— Выйди, званый, выйди, суженый!
Сердце, сердце, не стучи!

МУЖИКОСЛОВ.

V.

Накрываются тучею-схимою
Вышний Пастырь, а звезды кудесно-ярки.
— Вот встают они праотцы, деды, отцы мои —
Мужики, мужики, мужики!

— Всласть поели немного вы ситного,
Пиво ячное, мед протекли мимо ртов...
За лихое тягло, за судьбу челобитную,
Быть вам, быть окол райских кустов!

VI.

— Тяти! Деды!
Лапотники,
Пахотники,
Чернокостники-смерды!

А кто с Альпийских лысин
Свистнул
На весь мир?..
— Вы!
— Вы!

Кто песенных
Жар-Птиц метнул по свету?—
— Вы!
— Вы!
Печальники,
Кабальники,
Безвестники —
Смерды!..

X.

... — Мамыньки! Баушки!
Арины Родионовны!
Зацапанные барами—
Блунями
Для соромной забавушки!
Рано вас сгорбило
Буднями
Черными!

Радости видано много ли?!..
Не вы ли
Поили
Песнями, сказами ярыми
Пушкиных, Корсаковых, Гоголей!
А самим—оплеухи, пинки,
Синяки,
Да могилки незнаемые, убогие!..

XI.

Распалилась мужицкая дума!
Чу: засеченных смертный крик!
Брызжут искры костра Аввакума,
Слышу Разина грозный зык!

— Эй, Ивана Великого вышка,
Разнеси-ка пожарче звон!
— Да не я ли Отрепьев Гришка?
Только я не отдам свой трон!

XII.

— Пьянчуги,
Святые угодники,
Муромцы, Пугачи, Ермаки,
Юродные, буйноголовые—
Други!
Сродники!
Сродники!
Бью челом вам я,
Бью челом!

XIII.

— Крест ли, меч ли возьму,—не знаю,
Помолюсь кому—невдомек!
Только в каждом—душа родная!
Каждый с лаской меня берег:
Для чего?..
Да не выпрыгни, сердце!
— Знаю! Понял!—не блажь, не бред!
— Душегубцы и страстотерпцы,
На холопский гляньте Рассвет!

МИХ. АРТАМОНОВ.

ЯРМАРКА.

Распахнулись шатры - балаганы
На зеленом нарядном лугу.
Я средь площади бзарной стану,
Затеряюсь в нарядном кругу.
Не уйти мне от звона, от гула —
Тайна блещет влекущая в нем.
Колесо карусель развернула,
Загорелся стеклярус огнем.

Размалеванный клоун вышел, —
Смехом встречен каждый шаг,
На парусиновой крыше
Треплется алый флаг —

Подходи, налетай,
Пятаки припасай —
Залезай, не зевай —
Заходи!
Где - то там, далеко, впереди
Рассмеялась гармонь,
Рассыпая напевный огонь.

Шум и смех, пересмех, толкотня...
Заберусь на резного коня,—
Закружи, унеси ты меня,
Пересмех заревой, толкотня!

Катится, катится,
Хватит, спохватится,
Дрогнет, забьется,
Смех разольется,
Снова спохватится, —
Снова покатится
Звон перезвонный —
Ярмарки звон...

На гулянке — зеленом лугу
У парней зазвенели тальянки,
Заплелись в хороводном кругу
Парни с девками тут, на гулянке.
Ночь развесила в небе огни.
Над шатрами дробятся они;
Заплетается сказка во мгле
На цветистой нарядной земле.

◆ ◆ ◆

Растяну меха гармони,
Да нажму я на баса...
Вы развейтесь на прогоне,
Золотые голоса.
Звонче, звонче, переборы,
Пойте звонкие лады,—
Выйдет милая на горы,
Прибежит из слободы.
Ой, ты, Волга — крутогорье,
Берега — зеленый сад, —
Разгони шалое горе,
Вороти тоску назад.
Ах, я ласков с милой буду,
Всю ей душу расскажу,
Все-то, все ей раздобуду,
Всех нарядней обряжу...
Все сдается — скрытна стала:
Все-то ходит стороной,
Да грустна, не как бывало,
Да нерадостна со мной.
Все-то, все достану милой,
Принесу моей любви,
Только будь, как раньше было,
Только ласку прояви.
Вижу слободу-заречье —
В окнах теплится огонь,
Я взмахну ремень на плечи,
Трону звонкую гармонь.
Ах, моя гармонь-двухрядка,
Звонки клапаны-ряды!
Я пройду ли вдоль порядка,
Вдоль заречья-слободы...
Знаю: выбежит на горы,
Знаю: встретится краса.
Звонче пойте, переборы,
Золотые голоса...

СВАТЫ.

Хлопья белые летят,
Запорошив крыши хат,
По дорожкам, по проселочкам
Бубенчики звенят.

В звонком беге
Бубны звонки;
Кони мчатся,
Тает след.
Едут сваты
Вперегонки
На смотрины
В мясоед.

Вот проехали село,
Снова стали далеки,
В белополье заливаются
Бубенчики-звонки.

Уж едва
Заметны кони,
Посреди белых
Полей.
Сваты, сваты,
Не спешите,
Поверните
Лошадей!

Ходят девки по избам,
Ходят, песенки поют,
Да заслышались бубенчики —
На улицу бегут.

При бантах,
При лентах сбруя,
Колокольчик
Звон кует.
Едут сваты,
Важеваты, —
К чьим воротам
Поворот?..

◆ ◆ ◆

Яблонька зеленая
Цветом убрана...
Я, приговоренная,
Мучаюсь бес сна.

Ах, зачем вы стаяли,
Белые снега?..
Я ему, другая ли
Стала дорога?

Ах, снежинки талые,
Ах, тоска, тоска!..
Так ли целовала я
Милого дружка?

Шли с беседы темною
Ночкою не раз.
Дума, дума скромная
На душе зажглась.

Клятвою церковною
Он божился мне,
Речи полюбовные
Слышала одне.

Ах, трава - травинушка,
Травка зелена,—
Я ли, сиротинушка,
Вяну у окна!

◆ ◆ ◆

Ломкие хрусталинки
На вешние проталинки
Падают со звонами.
Пятнами зелеными,
Кое - где глядится
Травка - луговица
С голубыми тенями,
Дымами весенними,..
Солнцем зацелованы,
Но еще закованы
В талые снега, —
Стелются луга.
А вдали за дымами,
Над землей носимыми,
Уж весна цветняная,
Уж весна румяная
Чудится в гудении,
В тихом дуновении
Теплых ветерков.

◆ ◆ ◆

Гаснет малиновый
Запад вдали.
Скорбные тени—
На землю легли.

Жуток орудий
Предутренний гул...
Там, где малиновый
Свет потонул —

Храмы — не храмы,
Дома — не дома...
Землю покрыла
Холодная тьма.

Город ли, лес ли,
В болоте ли гать —
Черною ночью
Никак не понять.

Словно сковала нас
Черная сталь,
Тихо без шороха
Движемся в даль.

Зори-зарницы
В небе дрожат:
Скорбной Галиции
Села горят.

КРАСНЫЙ ЛИК.

I.

Растворяйтесь, ворота, звоните, храмы,
Лейся, звон, со всех колоколен.
Велик и волен в своем восстаньи
Народ воскресший, что был бездолен.

Вейтесь, флаги, ленты, знамена!
В красный цвет разрядись, столица!
В толпе мятежной и в гуле звона
Идут озаренные счастьем лица.

Порыв в них, сила! Они создали
И этот город, дворцы и башни,
Они сковали дворцы из стали...
Это народ, раб вчерашний!

Распахнитесь, двери, растворяйтесь, ворота,
Кипи, город, в красном лике.
Пожарно-алы флагов взлеты.
Могуч, свободен народ великий!

II.

Растворяйтесь, ворота, из домов каменных,
Выходи, народ, на площади красные!
С гулом великим, в ропоте пламенном
Встает улица, сегодня властная.

Нарядилась улица, запрудилась знаменами,
В красном гуле потонули здания.
Мятежными криками, стоголосыми звонами
Кипит народ, творец восстания.

ОКРАИНА.

I.

В тихую ночь вырывается резкий и гулкий
Дальний свисток. Оживают вдали корпуса.
Тихо калитки стучат; отдаваясь в пустом переулке,
Будто чужие,—звучат утомленных людей голоса.

Фабрика гулко ворота свои растворила,
Сторож, зевая, отоит с фонарем у ворот.
Темная ночь — неприветное время — покрыла
Жизнь одинокую, жизнь неизжитых забот.

Табельщик сонный привычной рукой отмечает
Номер за номером, как автомат - монумент.
Цементный корпус при звонах шагов оживает,
Тысячи лампочек вспыхнули сразу, в момент.

— Эй, торопись! За работу берись!
Живо к машинам, станкам становись!
Нечего медлить, к колесам, станкам!
Время! Не время раздумывать нам!
Смену за сменой протянем весь век:
Та же машина и ты, человек!

II.

В городе сон. За полумраком черным
Слышится гул и фабричный тряс.
Шум сливается с звоном соборным.
Четыре часа било сейчас.

В отдали зарево ало вьется,
Трубы дымят, горят корпуса.
Здесь не даром жизнь достается
Людям, вставшим в четыре часа!

Третьи свистки полошат зори...
В корпус! В корпус!.. Пора в корпуса!
Ночь идет. Но затлеет вскоре
Огненных зорь вдали полоса.

Окраина встала, но город спит,—
Город безмолвием черным покрыт.

ПЕТР ОРЕШИН.

ДУЛЕЙКА.

В камышах шишикает шишига:
— Не купайся, сгинешь за копейку!
Дал шишиге хлеба я ковригу,
А шишига мне дала дулейку.

На дулейке только заиграю,—
Все поля, вздохнув, заколосятся.
Потемнеет нива золотая,
Зашуршит, и сны ей тут приснятся.

Позабудут странники убоги
Долгий путь к угоднику Миколе.
Соберутся, сядут при дороге
Во широком златозвонном поле.

Я возьму чудесную дулейку,
Заиграю звонким переливом.
Ой, ходила туча-лиходейка
По родным невыхоженным нивам.

Ой, гуляли буйные ватаги,
Русь ковали в тяжкие оковы.
Русь вязали пьяные от браги
По полям опричники царевы!

Ой, томились пойманные птахи
По родному радостному краю.
Отрубали голову на плахе
Всенародно парню-краснобаю!

Ой, взгляните, люди, за покосы:
Не столбы ли виселицы видно?
Ой, не волк ли пил господни росы,
Не седой ли плакался ехидно?

Зашумело вызревшее просо,
Распахнула зорюшка шубейку.
Положивши голову на посох,
Хвалят слезно странники дулейку.

В камышах шишикает шишига:
— Не купайся, сгинешь за копейку!
Дал шишиге хлеба я ковригу,
А шишига мне за то — дулейку.

1917.

КВАСОК.

Я знаю шорохи и звоны
Колосьев, зреющих во сне,
Душистой ржи полу-поклоны
Моей родимой стороне.

Дорог изгибы мне знакомы,
Испытан жатвы знойный день.
Люблю я золото соломы
На крыше русских деревень.

Люблю зеленые отавы,
Ряды серпов и светлых кос.
Бродяги-ветра звон кудрявый
Среди серебряных берез.

Люблю веселый смех мужичий
На темном пахотном лице.
И старый дедовский обычай
И посиделки на крыльце.

Люблю за то, что скоро в хаты
Ворвется новая пора.
И будет скошено и сжато
Сереброкудрое вчера.

Люблю проснуться спозаранок,
Когда в заре все небо сплошь,
И мимо розовых ветрянок
Войти в заутреннюю рожь.

Под звон косы полягут волны
Снопов кудрявых на току,
И славно будет в полдень знойный
Хлебнуть крестьянского кваску.

О, край родной, как ты чудесен:
Ржаная степь, ржаной народ,
Ржаное солнце, и от песен
Землей и рожью отдает!

1913—1922.

ВЕЧЕР.

Спят петухи под соломенной вышкою,
Некому склюнуть с дороги зерно.
В поле закашлялся странник одышкою,
К избам спустился, постукал в окно.

Вечер прокапал соседнюю рощицу.
Замер собачий за избами вой.
Только одна золотая полощется
Зорька над черной вдали полосой.

Вышла к крыльцу молодуха с подойником.
Сели за ужин: пирог с молоком.
Месяц в степи растянулся покойником,
Светит в тумане серебряным лбом.

К лесу придвинулась сутемень синяя,
Чмокает ветер губами дорог.
Грусть — как в степи позолота осенняя,
Радость — веселый в окне огонек.

1917.

ЗОЛОТАЯ СОХА.

Плохо жнется, плохо косится,
И лежат ряды неровные.
Знать бы, скоро ли износятся
На душе обиды кровные?

Тяжко в пору нам покосную,
Весь до косточки сломаешься.
Ах, зачем ты, жизнь несносная,
К нам как мачеха ласкаешься!

Темен лес, темнее — хижины,
Злой тоской-соломой крытые.
Не судьбой ли мы обижены,
В чистом поле позабытые?

Есть у нас тропинка алая,
Путь-дороженька заветная.
Есть головушка удалая,
Сила-удаль несусветная.

Мы поспорим с злыми чарами,
С колдовством, судьбой и холодом.
Будут нищие боярами,
Медный грош червонным золотом.

Обрастет густыми травами
Вековечная кручинушка.
И пойдет гулять заставами
С золотой сохой детинушка.

1913.

ДУМКА.

Наши песни не допеты
Пляски не доплясаны.
Мы разуты и раздеты,
Лыком опоясаны.

Я засеял бы полоску,
Руки не отрублены.
Мы земли родной отброски,
Мы навек загублены.

Я узнал бы все науки,
Присказки мудреные.
Мы сидим, сложивши руки,
Счастьем обойденные.

Я покрыл бы наши хаты
Жестью либо золотом.
Сшил бы я чапан богатый,
Бросил бы распоротый.

Мы ли солнышком согреты,
Шелком опоясаны?
Наши песни недопеты,
Пляски недоплясаны.

1913.

ДЕРЕВЕНСКИЙ УЧИТЕЛЬ.

В селеньях, где шумят колосья
И сохнут избы на буграх,
Идет он рожью, льном и просом,
В простой рубашке и в очках.

Прозрачна даль. Туман не застит
Тропы зеленой поворот.
И он идет, влюбленный в счастье,
В лесные зори и в народ.

Раздвинет пальцами спросонка
Камыш зеленый кое-где.
И отразится бороденка
В заколыхавшейся воде.

Туман упал, но мысли ясны,
Они горят, как зорный куст.
Какой-то парень не напрасно
Снял пред учителем картуз.

И ветер треплет кудри эти—
Желтее скошенного льна.
На избы темные в рассвете
Заря упала, как волна.

Напрасно старые судачат,
Не им итти в далекий путь.
Веселым смехом глаз ребячьих
Полна учителева грудь.

В очках, он зарослью исконной
Ведет в грядущие века.
Весной через камыш зеленый
Уйдет из берегов река!

1918.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

Полон воз хозяйства скудного
От стола до чугуна.
День-другой пути нетрудного
И — счастливая страна.

Через силу тянет сивая
По селу скрипучий воз.
— Но-о, кобылка, но-о, ленивая,
Помоги тебе Христос!

По бокам лачуги бедные,
Кто-то смотрит из окон.
Нарядился в брони медные
За погостом небосклон.

Вот и церковку проехали,
Проползла по телу дрожь.
На тоску ли, на утеху ли,
Ты нас, сивушка, везешь?

Топчет сивая копытами,
Звонок скрип сухих колес.
Чуть ползет полями взрытыми
По дороге низкий воз.

Где-то наша жизнь счастливая,
Жизнь без скорби и без слез?
— Но-о, кобылка, но-о, ленивая,
Помоги тебе Христос!

1913.

БЕГЛЯНКА.

В белом ситцевом платочке
По проталинке пройдусь.
На раз'езжанном мосточке
Погрущу и помолюсь.

Погрущу по той березке,
Что срубили на заре.
За чужой уйду повозкой,
Оглянусь на той горе.

Ветер теплый, шелковистый
Обоймет меня в груди.
Загорится золотистый
Перелесок впереди.

Вздрогнут тонкие перила,
Заколышется мосток.
Я не даром полюбила
Эти избы и лесок.

Заплету по-сельски косу,
Ленту алую вплету.
Где-то стукнули колеса,
Оживили пустоту.

Ах, зачем я полюбила
Холод каменных домов! —
Деревушка засветила
Пару светлых огоньков.

Я пойду в одном платочке,
По проталинке пройдусь.
На раз'езжанном мосточке
Вся слезами обольюсь!

1913.

В ХОРОВОДЕ.

Вейтесь, кудри, вейтесь круче,
Шитый ворот, расстегнись.
Ты подвинься, лес дремучий,
Бор зеленый, расступись.

Ближе, девки-косоплетки,
Я за вами, вы ко мне.
За лихой моей чечеткой
Не поспеть моей струне.

Пойте, струны, бейте, струны,
Звон гитары — сердца дрожь.
Приголубь нас, вечер лунный,
Спрячь в нескошенную рожь.

Мой кафтан — кафтан не новый.
Грубой кожи сапоги.
Ты раздвинься, лес сосновый,
Спеть запевку помоги.

У меня рубаха бела,
Самотканного холста.
Мать женить меня хотела,
Да мошна моя пуста.

Но за то как поцелую,
Вспыхнет девичья щека.
В ночь такую голубую
Зададим мы трепака!

Ближе, девушки, сходитесь,
Ближе, красные, ко мне.
Вы лебёдками пройдитесь,
Я ударю по струне!

1914.

ПЕСНЯ ВЕСЕЛОГО СТЕКОЛЬЩИКА.

Я хожу из проулка в проулок.
— Вот кому вставить в раму стекло?
С Волги льдом голубым потянуло.
На душе, как на Волге, светло.

Я вставляю везде, без разбора,
Только крикни: стекольщик! — я тут.
За Саратовом Лысые Горы
К небесам, точно к матери, льнут.

Из окна мне рукой замахала
Чернобровая краля: войди!
Мне с разбитыми окнами стало
Тяжело, беспросветно в груди.

Вставь быстрей, чтобы с Волги не дуло,
Чтобы горница розой цвела!—
И задорно мне в очи взглянула,
И так близко ко мне подошла.

Вставлю,—молвил. И вынул цветное
Из подставки стекло. А она:
— Нет, мне стеклышко нужно простое,
Чтобы в доме была тишина!

Тут ее уговаривать стал я,
Пел, и слезы катились из глаз.
Ветер с Волги меж нами растаял,
Подружил без копеечки нас.

От красавицы вышел хмельной я,
На душе, как на зорьке, светло.
Вставил стеклышко я не простое,
Ярко-красное вставил стекло.

А потом, как и прежде, шатался
Мимо настежь раскрытых ворот.
И, как прежде, опять дожидался,
Когда кто-нибудь вдруг позовет!

КОМИССАРКА.

Ехал я в Колено за товаром,
Ехал я в торговое село.
Утром рано пламенным пожаром
Солнце в рощу темную легло.

Гнал я лошадь звонкой хворостиной,
Всю неделю снился мне базар.
День слетал на крыльях лебединых
И за рощей потухал пожар.

Еду, еду,— солнечно и жарко.
Степь да море да ржаная даль.
Теще - дуре насулил подарков
И жене—узорчатую шаль.

В ночь проехал сорок три оврага,
Сорок три невзорванных моста.
Рано утром пегая коняга
Запросила пойла и овса.

Завернул в фабричный я поселок,—
Знать такая молодцу судьба.
Средь пушистых сосенок и елок
Там цветет кирпичная труба.

Солнце. Полдень, тягостно и жарко.
Дал коняге я овса мешок.
Тут меня степная комиссарка
Зазвала в брусяный теремок.

Много видел кос я и косичек,
Серых глаз и синих поволок.
Но от взора той степной мужички
Глаз моих я оторвать не мог.

Пили чай в березовой аллее.
Дул я в блюдце, да и дуть устал.
У мужички — сахарная шея,
У степной — медовые уста.

Стало жарко, весело и жарко.
Снял армяк я, ворот расстегнул.
Русь моя, степная комиссарка —
Сон степной — не ветер ли надул?

Добрый ветер! Время не помеха.
Красный сон бурьяном не порос.
Помню я... в Колено не доехал
И жене подарков не привез!

1917.

НОВАЯ РУСЬ.

Как, Русская Земля, ты не похожа
На свой портрет — на дедов и отцов.
Там — пахотная, лапотная рожа,
Тут — европейское подбитое лицо!

В страну чудес, товарищи и други,
Закинут наш степной сермяжий взор.
И снится каждой полевой лачуге
Чудесный край — железный Нью-Иорк!

В лесах легли шоссейные дороги,—
Пусть не легли, но видят так глаза.
Чудесное в душе, как брага в кадке, бродит,
И тужимся язык свой развязать!

Пойди, заставь теперь любую бабу
Из поскони наткать себе рубах,
Когда все избы, исполкомы, штабы,
Плетни форсят в московских кумачах!

Поди, наври о лешем иль о боге,
О сыне божьем сказку поведи,
Когда в любой соломенной берлоге
Свой сочинитель, свой поэт сидит.

Нередко вижу в солнечной истоме
Костыль дорожный, бабий сарафан,
В телеге — парень, дремлет на соломе,—
Не снится ли ему аэроплан?

Пусть пахнет каждый угол самогоном,
Кадят попы и лаются кусты,
Но каждым взглядом, вздохом потаенным,
Деревня ищет новой красоты.

Безумствует гармонь: кружись и смейся!
Гармонь звенит: жена иль не жена?
На рукаве любом красноармейца
Горят в серпе иные письмена.

Лес, поле, степь, чреда болот,— все то же,—
Березок просинь, тени облаков,
Но, Русь родная, как ты не похожа
На свой портрет — на дедов и отцов!

1922.

СИВКА-БУРКА.

Ужель не вывезет гнедая
Страдой навьюченную кладь
Туда, где дышит голубая
Приснившаяся благодать?

Мы, пахари всея России,
Впряглись не даром в этот воз.
И пар, весенних дней синее,
От мокрых вихрится волос.

Борьба и горечь в каждом взгляде
Й боль всесветная и страх
И радость,— тягостною кладью
На русских взмыленных плечах.

Ужель не вывезет родная?
Заря в глазах—рукой подать.
Я верю: даже мировая
Ржаным плечам под силу кладь.

Мы не останемся в обиде.
— Не надо неба, дай земли!
И как отрадно бы увидеть
Пожары там, где мы прошли.

Коняга, выворотив ноги,
Храпит, и огненно в ноздре.
И кожа содрана в дороге,
И шея длинная в заре...

Ужель не вывезет, гнедая?
Но все равно мне. Я горжусь
Тобой, коняга мировая,
Всю землю сдвинувшая Русь!

1923.

ПАСТУХ.

На пегом бугре, обзаветрен и сух,
В ряднине, без шапки веселый пастух.

Дожди отзвенели и ясно кругом,
Высокие зори дружат с пастухом.

Под песню волынки тучнеют стада,
Под песню рябит по озерам вода.

Встает под туманами новая Русь,
Отпела волынка последнюю грусть.

От красных заводов не копоть и вонь, —
Как гроздья рябины ветвится огонь.

Разгульней над рожью свирели рожка,
Плывут лебедями вдали облака.

Ой, вихорь - народко, натужься, ударь, —
В могиле российский лежит государь.

Купецкую дочку целует пастух,
Обнимет — займется купеческий дух!

Стада к голубому припали ключу.
Уж степь засветила на кочке свечу.

Захлюпали ведьмы губами болот,
По озеру солнце на отдых идет.

Напились, наелись и дремлют стада.
По зорям в тумане плывут города.

Закат над полями — широкая печь,
Колосья — ряднина с обветренных плеч.

Пастух на пригорке. За лесом — река.
В реке золотые плывут облака.

1918.

МИКУЛА.

Мы верим: Вселенную сдвинем!
Уж мчится сквозь бурю и гром
В распахнутой настежь ряднине
Микула на шаре земном.

Микула—широкой дорогой
С дубиной на красный пожар,
Чтоб вышибить вон из под бога
Земли загоревшийся шар!

И вольно Микуле отныне
Златым кистенем на ходу
С высокой небесной твердыни
Сшибать за звездою звезду!

Недаром Земля всколыхнула
Просторов и дней глубину.
Недаром селянин-Микула
Снял с неба кошелку-луну

И бросил ее через плечи
С ряднином своей заодно,
Чтоб красному ветру навстречу
Горстями рассыпать зерно!

Глядите вы, спящие ныне:
Уж мчится сквозь бурю и гром
В распахнутой настежь ряднине
Микула на шаре земном!

ВЕЛИКОРОСС.

В полях, в степи, по мокрым балкам,
Средь рощ, лесов, озер и рек,
В избе с котом, с лежанкой, с прялкой,—
Понятен русский человек.

Мужик: поля, леса и степи,
Запашка, сев, страда, покос.
Как дуб в лесу, растет и крепнет
В снопах ржаной великоросс.

Душа — скирды седой соломы,
Заря в степи да рожь в мошне.
Ростут и пухнут исполкомы
Скирдами в русской стороне.

Весной — соха, возня с загоном,
Хлеб в осень, пузо в кушаке.
И тянет сытым самогоном
Изба в родном березняке.

Но крепок на ноги сохатый,
Как лес, как пашня, как загон.
И тешится с землей брюхатой
По веснам, точно с бабой, он.

За урожай какого бога
Благодарить? — ведь так привык.
И вкруг навьюченного стога
Зеленый ходит лесовик.

А завтра, с первою метелью
За неотесанным столом,
Отпившись квасом от похмелья,
На суд собрался исполком.

Сопит, везет такую тягу,
Во век такой не подымал.
И языком, язык — коряга,
Скоблит...ин-тер-на-цио-нал.

Не русский дух! И вдруг решает:
Какой там бог!—махнул рукой.
И тяжко дышит грудь ржаная.
Снегами, волей и тоской.

Глухая степь. Летят метели.
Но день в заре и в голубом.
За шорохом сосны и ели
Шумит сермяжный исполком.

Он — сила страшная, ржаная.
Ржаной мужик — сама земля.
Не даром в годы урожая
Снопами пахнет от Кремля!

1922.

КРАСНОАРМЕЙЦЫ.

Как витязи, вошли в порядок
Суровых над оврагом изб.
И вместо стареньких двухрядок
В поля оркестры ворвались.

Звенел раздольно голос чей-то,
Взрывая утренний туман.
Гудели трубы, пели флейты
И гулко ухал барабан.

Вошли, сложили в козла ружья,
Махоркой выслезили глаз.
И смехом радостным и дружным
Сухая улица зажглась.

Квартиру заняли для штаба.
На ставень красные флажки.
В походный лагерь вышли бабы,
Ребята, девки, мужики.

В траве горели медью трубы,
Слезилось солнце по штыкам.
Ах, бабьи губы, эти губы
Понравились здоровякам.

Степенно пахари беседу
Вели про Волгу и Кавказ.
А девки молока к обеду
Краскомам дали в добрый час.

Весь день краскомы и солдаты
Храпели, сытые, в снопах.
Всех баб мужья загнали в хаты,
Все двери в избах на крюках.

Но вечер бросил занавеску
Зеленых сумерек, и вот
Ползут меж хижин к перелеску
Девахи в красный хоровод.

На утро рано, с петухами,
Ушла воинственная рать,
И бабы, хлопая дверями,
Не вышли милых провожать.

ПОРТНОВСКАЯ.

Я сегодня заострился, как игла,
Я сегодня засиделся до огня.
Ночь рукав свой темно-синий подняла.
Ночь созвездием осыпала меня.

Мне заказ сегодня дали не простой:
Сшить в одну семью разбросанных людей.
И мне радостно махать моей иглой.
Дело светлое закончить поскорей.

В ком душа сегодня в дырах — приходи,
Я заштопаю, заштопаю, зашью.
Бейся, сердце, сердце красное в груди,
Дай испить до дна—до дна!—мечту мою!

Много, много в двацать первой мастерской
Над работою согнулось дюжих спин.
Душу радует веселый дружный бой
Наших швейных, наших огненных машин!

Тра-та-та да тра-та-та да тра-та-та!
Будто сердце—расходившийся челнок.
Нитки красные, как красная мечта,
Сил довольно, чтобы дело кончить в срок.

Мы—портные! Мы—творцы златых миров.
Мы к Востоку Запад радостно пришьем.
Мы идем под сенью солнечных шатров,
В вихре красном, в рдяном вихре мировом!

Тра-та-та! быстрей, быстрей ходи, челнок!
Будь уверенней веселая игла!
Нам работу нашу надо кончить в срок,
Чтобы жизнь вся красным садом расцвела!

БРОДЯГА.

Текут луга зеленой брагой,
Просторно мысли и глазам.
Охотно буду я бродягой,
Свистать в два пальца по полям.

А тень моя по желтой ниве
Идет, ломаясь и скользя.
И жить я не хочу счастливей,
И не могу, да и нельзя.

В обнимку с ветром и дорогой
Иду, пока цыганка-тень,
От этой жизни быстроногой
Устав, не сядет под плетень.

От браги вольностью хмелею,
Душа, как поле, широка.
Ватаг разнузданных пьянее,
Плетутся в небе облака.

Но им с плетня в два пальца свистну:
— Ко мне!—и пусто над селом.
Лишь ветер в хмаре серебристой
Кадит обкошенным бугром.

В два пальца свистну,—и не чудо ль?—
Слетятся звезды к шалашу.
Как брагу, волжескую удаль
По деревням я разношу.

На красный свист придут ватаги
Лесов, озер и мутных рек,
И пахарь в дедовой сермяге
И мать убивший человек.

Я выведу их в край чудесный.
Куда?—Одно дано мне знать:
На том же месте даже лесу
Давно наскучило стоять.

Веселым пòсвистом рассею
Туман,—и дальше побегу...
Свист ветра—синь, мой свист краснее
Брусники спелой на снегу!

1923.

П. БОРИСОВ.

◆ ◆ ◆

На полынных на межах,
По звериному простору,
Мы росли в косматых пнях
С диким сердцем, с тяжким взором.

Время путь скрывало наш
Злою чащей - буреломом;
Разносило наш шалаш,
Подступало к сердцу комом.

Но призывами трубы
Кто-то крикнул нам отважный:
Распрямляйтеся горбы!
Подымайся люд сермяжный!

Распоясывай кушак,
К чорту рваную сермягу!
Наш хозяин-весельчак
Заварил хмельную брагу.

И уселись за столом
Мы, как званные гости...
Ночь-Яга хрипит кругом
И бормочет в дикой злости.

По весеннему лучу
Прокричав веселой птицей,
День ударит по плечу
Злую бабу рукавицей;

Поднесет вино гостям
В золотом блестящем блюде;
Запоют по деревням
Песни гусли-самогуды.

От полей—полевики,
Обвенчанные с сохою;
От лесов—лесовики,
Прокопченные смолою;

Подинмаются, растут,
Кроют лаптями по полю...
Выходи-ка к нам на суд
Кто тут крадет нашу волю?..

Суд наш будет прав и скор:
Навались дружнее, братцы!..
Погляди-ка, темен бор
Золотые вынес святцы.

А и весел будет пир
В шумном споре, в буйном смехе;
Прогремит на целый мир
Богатырская потеха.

Сентябрь 1920.

◆ ◆ ◆

Опять просторы хмурятся,
Опять хрустят пески;
Средь ночи злобно щурятся
Ночные кабаки.

Тоска грозит разбойником,
А ветер-скоморох
Пиликает гармоникой
На гульбищах дорог.

Рукою треплет пьяною
За косы робких хат,
И свищет над курганами
Лихой разбойник хват.

Кабацкою сиделкою
Была ты долго, Русь,
И пьяною горелкою
Пропахла твоя грусть.

Души колодцы темные
Не вскрыли мужики;
Я слышу, ночи черные
Сжимают кулаки.

Под песню залихватскую
Кабацкий длится пляс,
Но злобой азиатскою
Горят раскосы глаз.

Я рос под песни шалые
И под гудошный гром
И за тобой, усталая,
На гульбище ночном.

Толпа разноголосая
Шумит пьяным-пьяна.
И льется в ночь белесую
Тоска пьяней вина.

Меха хрипят от ярости,
Гармоника, не рвись!
Никто не знает жалости,
И ты, любовь, уймись.

Под топот и под гиканье
Я стану песни петь,
Но будет песня дикая
Безжалостна, как плеть.

Чтоб сердце вскрылось трудное
Колодцем-глубиной,
Просторы непробудные
Гоняются за мной.

И песен стаей злобною
Затравленный, в кровн,
Спою, спою надгробную
Замученной любви.

Апрель 1921.

СЕЛЬСКИЙ БОГ.

Стихает жаркая работа,
В полях шагает тишина,
Скрипит последняя забота
С возов у дымного гумна.
Заковыляли к лесу тучи,
Как богомолки, чуть видны,
И кто-то там в бездонной круче
Уж засветил фонарь луны.
То бог, под кашель свой скрипучий,
Засунув за пояс топор,
В лаптях, в разорванных онучах
Заботливо обходит двор.
Не спит всю ночь, сторожит нивы,
Спускаясь с неба вниз во мглу,
На пустырях шуршит крапивой,
Бредет незримый по селу.
Глядит в окошко каждой хаты,
Сложивши руки козырьком,
И ряса старая в заплатах
Смешно болтается на нем...
Пробравшись тихим закоулком,
Не раз заместо сторожей
Он гонит колоколом гулким
Полет тоскующих ночей.
Покуда в ночь далекий петел
Не бросит свой победный крик,
Все обойдет и все заметит,
О всем дознается старик.
Стеной доверчивой и зыбкой
К нему склоняются овсы,
Он из подола им с улыбкой
Бросает пригоршни росы...
Склонясь, подымет стебель тонкий
Травы примятой в жаркий день,
Где по деревне, где сторонкой
Всю ночь маячит его тень.
Бредет запыленной дорогой,
Бормочет что-то сам с собой
И лишь подчас кому-то строго
Грозит дорожною клюкой.

ПЕСНЯ СТРАННИКА.

Замусолил вечер вновь
Неба черствую краюшку:—
Поле — мой сегодня кров,
Стог — знакомая подушка.

Оставляли ночевать,
Только летом душно в хате:
Тут такая благодать,
Что не надо и полати.

Загугукает сова,
Как потерянная кошка.
Меж кустов едва-едва
Омут светится окошком.

Месяц плавает в воде,
Точно ковшик золоченый,
В тростниковой бороде
Все гудит комар верченый.

Ай, вы мошки, спать пора!
Солнце завтра встанет рано;
Разбрелися со двора
Сивогривые туманы.

На заре в ракитов куст
Солнце вытряхнет волосья.
Встану с солнцем, помолюсь,
Разотру в руке колосья.

Много ль надо старику:
Побираюсь понемножку,
Знают старую клюку
Все тропинки, все дорожки.

Рад прожить хоть сотню лет,
Всех и бед, — что ноют ноги!
Примелькался белый свет,
Как знакомая дорога.

Апрель 1921.

МЕТЕЛЬ.

В темном поле, под навесом
Стукотня со всех сторон,
О зубчатый гребень леса
Кто-то чешет белый лен.

Осердясь, покашляв глухо,
Занавесивши окно,
На полях опять старуха
Спозаранку ткет рядно.

Леса старая овчина
Греет старческий хребет,
Месяц дымною лучиной
То погаснет, то блеснет;

Осердясь, челнок проворный
Извивается вьюном...
Ах, недавно, ночью черной
Забралися воры в дом.

Не забыть старухе кражи:
Опустела вовсе клеть,
А не мало надо пряжи
Русь сермяжную одеть!

И скрипят тревожно блоки,
Вот работушка пришла:
Полотенца, наволоки
Забелели без числа.

Берда ходят, как живые,
От станка трясется дом,
И полотна верстовые
Так и хлопают кругом.

Эй, прохожий, где дорога,
Щупай лучше костылем;
Попадешь к старухе строгой
Так и с'ездит челноком.

Закрывай хозяйка двери,
Чай, ведь месяц не апрель,
От Калуги и до Твери
Вьется белая кудель.

1921.

КЛИКУША.

Ах, сегодня снова вечер жуткий,
Одиноко, страшно меж людей.
Убегу от них я на минутку
На простор полей.

Вот потухли вещие зарницы
И опять, опять они зажглись,
В темном небе злые тени - птицы
Снова понеслись.

Все растет, все ширится тревога,
На душе опять знакомый гнет.
Отчего так жутко, страшно, строго
Этот мир живет?

В страхе бьются, шелестят и бьются
Над водою стаи тростников,
Тучи в небе ширятся, несутся,
Точно ряд гробов.

В теле снова, снова яд отравы,
Вред безумный, буйные мечты,
Как тревожно шевелятся травы,
Травы и цветы.

И опять, опять помчались птицы,
На меня все ближе, все быстрей.
Ах, бежать бы вольной кобылицей
Меж родных полей.

Громко ржать и мчаться без дороги,
Мять траву, цветы копытом мять,
Чтоб свою тоску, свою тревогу
Обскакать...

◆ ◆ ◆

Цвети, цвети, мой синий день,
Мечтой взволнованная пажить,
Покуда на лесной плетень
Усталый вечер томно ляжет.

И, как пастух, что свой распас
Сгоняет вновь к родимой веси,
Так я закончу в этот час
Свои размывчатые песни.

Спокоен, радостен и прост
Уйду к молчанью и покою,
Не буду слышать шопот звезд,
Не стану плакать под луною.

А в поле будет, как теперь,
В тревоге рваться ветер пьяный,
Голодный жаловаться зверь,
Шептаться дикие бурьяны.

И на деревне мужики
С тяжелой думой, как колода,
Мечтать под бременем тоски
Про первобытную свободу,

И про раздолье диких мест,
Овеянных звериным ревом,
Где колокольный никнет крест
Забытым, непонятным словом.

ПАВЕЛ ДРУЖИНИН.

ПОЭТ.

В груди сырой землицы
Нащупав жесткий след,
Иду с своей кошницей
Бродяга и поэт.

Взрощенный мудрым соком
Седого ивняка,
Смотрю я кротким оком
На брата-мужика.

О, как же, как оставлю
Соломенный мотив!—
Тебя пою и славлю
В посконных ризах нив.

На желтые дороги
И пот и слезы лью,
И твой простор убогий,
Как плоть свою, люблю,

Твою и жизнь, и раны—
Чумазые поля,—
Ни на какие страны
Не променяю я.

Твоей дышу я болью
И медом горьких трав,
К ломтю ржаному с солью
Неистово припав.

И нежно повторяя
В стихах „мужик" и „Русь",
Я по родному краю
И плачу и смеюсь.

БРОДЯЖЬЯ ВОЛЯ.

Не сумею и не отважусь
Ни голубить тебя ни бить,
Как меня за тоску бродяжью
Не сумела ты полюбить.

Наша дружба—одно приличье,
Настоящее мы таим.
Не отдам я свое мужичье,
Не поступишься ты своим.

Мерить жизнь нам, но разной мерой,
Разно верить и разно ждать
И за наши друг другу веры
Ничего мы не можем дать.

Ничего не могу давно я
От души тебе предложить,
Оттого, что мое родное
Назовешь ты всегда чужим.

Оттого, что и сам не буду
Одновременно я желать—
Никогда никакому чуду
За грехи наши не бывать.

Не сумею и не отважусь
Ни голубить тебя ни бить,
Как меня за тоску бродяжью
Не сумели ты полюбить.

ПАХАРЬ.

Весь взлохмаченный, вз'ерошенный,
Мятой пахнущий мужик.
По тебе, моей нескошенной,
Всю-то жизнь я протужил.

По тебе, моей невспаханной,—
Радость, кровь моя и пот,—
Всю-то жизнь свою проахал я
В половодье у ворот.

Сколько раз ты мной исхожена—
Знаю я да кляча-конь.
Как в огонь душа положена
В эту жестокую ладонь.

Каждой былкой, каждым колосом
Жил и думал замлероб.
Побелели с горя волосы,
Изворщился мудрый лоб.

Вместе с красною рубахою
Износилось тело—тень.
Но наивна вера пахаря,
Как от века первый день.

И, томясь кровавой битвою—
С нежной кротостью в поля
Я, как встарь, иду с молитвою
Целовать тебя, земля.

◆ ◆ ◆

Где же удаль твоя золотая,
Где веселый разымчивый смех?
Вьется воронов черная стая
Над глазницами тонких застрех.

На полях и на выгонах тихо —
Ни коровки, ни ржанья коня...
И глядит пучеглазое Лихо
Из-за каждого голого пня.

Не бубнит вечерами гармошка—
Зачерствела от Нуды земля.
Вьется пыльною лентой дорожка
По изглоданным солнцем полям...

От селенья к селенью клюкою
Голод щупает жесткую твердь,
И костлявою желтой рукою
Сеет черную, жуткую смерть.

По деревням разнузданным вором,
Вихрем гребень лихой заломив —
Днем и ночью безглазым дозором
С диким хохотом носится тиф.

Сохнут-вянут покорно былинки
Люди—горькая травка-полынь...
И творит по усопшим поминки
Молчаливая кроткая синь.

1921.

РОДНОЕ.

Осенний день бредет без цели,
В посконной свитке пастушок,
Играя нежно на свирели
В свой деревянный посошок.

И голос мягкий, голос тонкий
Звенит и плачет по полям...
Не о тебе ль, моя сторонка,
Не о тебе ль, моя земля!

О, милый край! Родная скука!
Озимок рыхлая постель!
Я узнаю тебя без звука,
Моя живая колыбель.

Все та же гладь, все те же росы,
И как же может быть не та
В твоих полях простоволосых
Моя ковыльная мечта.

И как же, как еще иначе
Белоголовый пастушок
Среди полей твоих заплачет
В свой деревянный посошок!

СИДЕЛКИ.

Ф. Д. Дружинину.

Надышали в избе, словно в бане,
От жары в лампе тухнет огонь,
Залихватским припевом мотани
Подмывает трехрядка - гармонь.

Смех и шутки налево, направо,
Лущат семечки с легкой руки...
Жмутся парни к девчонкам лукаво,
Зубоскалят в дверях мужики.

Вот гармонь загудела басами,
Волосами тряхнул гармонист...
Ой, не ветер играет с лесами,
Не осенний волочится лист,—

Скоком девки ударились в танцы,
Заходила изба ходуном.
Разгорелися щеки румянцем
У молодушек-баб под окном.

Зашептались по лавкам ребята:
— Почему не пройтись заодно.
Разве денежка наша щербата?
Разве удали нам не дано?..

И пошли—зачастили вприсядку,
Аж ухваты в углу говорят...
Знайте, девки, мол, нашу ухватку,
Знайте наших веселых ребят...

Режет воздух каналья-гармошка,
Про потеху и пляс говоря.
А к замызганным стеклам окошка
Красной рожей прильнула заря...

◆ ◆ ◆

По тропинке узенькой,
По тропинке кривенькой
Ходит милый Кузенька
Каждый вечер с ливенкой.

Ходит, тилиликает.
Брынь да брынь, гармошечка,
Любу нежно кликает—
— Выглянь из окошечка.

Выходила Любочка
На тропинку павушкой,
Замочила юбочки
Об росу, о травушку.

Ах, роса-погубушка,
Для чего ты выпала,
Для чего ты Любушку
С головою выдала...

Утром мать родимая
На нее ругалася:
Где ты, дочь любимая,
С кем ты ночью шлялася?..

Не Кузьму ли лапала—
Беса лупоглазого...
И весь день проплакала
Люба черноглазая...

СТАРУХА.

Горбатая, поджарая—
Морщин комочек бросовый.
Слиняла кофта старая
И сарафан дикосовый.

Идет и спотыкается,
Сидит — губами шмокая.
Должно быть, вспоминается
Дороженька далекая.

Прошедшее-минувшее,
Вчерашнее, но дальнее,
Как в омут утонувшее
Колечко обручальное.

Не целый век старухою,—
Колдуньей, греховодницей,
Была и молодухою,
Красавицей и модницей.

Носила и с оборками,
Носила и с воланами,
Гуляла и с Егорками,
Играла и с Иванами...

Готовила приданое
С надеждами медовыми.
Цвело лицо румяное
Бобульками вишневыми.

Все думалось, мечталося..
Но где же время оное?
Лицо в комочек сжалося,
Как яблоко печеное.

Потухли глазки вострые,
Забавные, затейные.
Порвались юбки пестрые
И платьица кисейные...

Слиняла кофта старая
И сарафан дикосовый...
Горбатая, поджарая—
Комок ненужный, бросовый,—

Идет и спотыкается,
Сидит, губами шмокая,
И все ей вспоминается
Дороженька далекая...

ЛЮБКА.

Пьет глазами зелеными Любка
Жирный, вкусный весенний сок.
Раздувается красная юбка,
Трепыхаясь у голых ног.

В пеклеванных веснушках личико,
Облупился от ветра нос,
И торчит на затылке косичка,
Словно тонкий крысиный хвост.

Станет Любка когда-нибудь бабой,
Будет мужу чинить портки.
А теперь, вот сейчас, коль могла бы—
Поиграла бы в городки.

И в штанишках бы вместо юбчонки,
Да ворчит почему-то мать,
Что нельзя, мол, ей, Любке, девченке,
В ребятишьи игры играть.

И у Любки поэтому скука,
Но короткая, с ноготок,—
И опять влюблена она в кукол
И в грошовый пестрый платок.

Хороша ее красная юбка
И нигде такой юбки нет,—
Улыбается глупая Любка,
Пьет глазами весенний свет.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

По дороге в снег жасминовый,
Зацелованный пургой,
Рассыпает звон малиновый
Колокольчик под дугой.

Пузырем тулуп и валенки
Растопырились в санях.
Тычет рожки месяц маленький
То в оглобли, то в меня.

Лезет блажь такая в голову
От дороги, от тоски.
Плавят звезды в небе олово
И играют в казанки.

Вороной храпит и бесится...
В белом инее—хомут...
Скушно, скушно с рыжим месяцем
В чистом поле одному.

Поднеси ковшом, Медведица,
Бражки сладкой и хмельной,
Может быть, скорей доедется
С песней дикой и шальной!

АПРЕЛЬ.

Перестал дурить и хмуриться
В поле кряжистый буран,
Расстегнула наша улица
По-весеннему кафтан.

Пухнут снежные проталинки,
На реке ломает лед.
С красной песней на завалинке
Солнце водит хоровод.

Греют ясные, румяные
Лаской девичьей лучи,
И горланят, будто пьяные,
За околицей грачи.

Краше смотрят избы хмурые—
Ободрил весенний дух.
Ходит гоголем за курами
С важным коканьем петух.

Словно в чашицу бездонную
Льется с неба синева,
Умывается червонная
Прошлогодняя трава.

Ребятишек над полянами,
Лица радостью горят,
И цветными сарафанами
Бабы улицы пестрят...

А у изб, на пни изнанкою
Распроставши армяки,
С деловитою осанкою
Ладят плуги мужики.

ГРУБАЯ ПОЭМА.

Кувалдой с просонок могуче
Шарахнет по крышам рассвет,
Для грубой, простой и кипучей
Встает знаменитый поэт.

Топорщится синяя блуза
На крепких и ладных плечах.
В капоте камлотовом муза
Готовит на примусе чай.

Вот прыснул холодной из чашки,
Тряпицею вытер лицо
И шагом размеренным, тяжким
Ритмически давит крыльцо.

Пока там чего, а до чая—
Нырнет в позевающий двор...
И шмякает хряско в сарае
В корявый обрубок топор.

Полено к полену со звоном
Рифмуются четко дрова,
Пока не придут за Антоном,
Не скажут: готов „самовар".

А дальше—рассчитано в точку,
Годами заверен расчет:
Простится со спящею дочкой,
С женою, и прямо—в завод.

Натянутся мускулы туго,
В лице—вдохновения ток.
Размашистым ямбом упруго
Стучит и поет молоток.

Поет и звенит под тисками
Металла малиновый звон.
Железными тянет руками
Железные строки Антон.

Впивается гордо и немо
В стальную страницу творец...
А к вечеру смотришь—поэма,—
Последний удар—и конец.

Поставлена круглая точка,
Пропели на отдых часы—
И дома веселая дочка
Теребит отца за усы.

В капоте камлотовом муза
Готовит на примусе чай.
Топорщится синяя блуза
На крепких и ладных плечах.

А утром по крышам могуче
Шарахает снова рассвет,
Для грубой, простой и кипучей
Встает знаменитый поэт.

ИВАН МОРОЗОВ.

РУСЬ.

I.

Даль родная, даль дремучая,
Ширн пашеи, выси гор...
Не возьмет рука могучая,
Не окинет гордый взор!..

Уперлись гиганты стройные
Головою в небеса —
Величавые, спокойные,
Заповедные леса;

Мирно зреет рожь атласная,
Бурно плещутся моря...
Гой, ты, Русь моя прекрасная,
Дух и мощь богатыря!..

Но поймет ли гость непрошенный
Твой порыв и дух живой —
В полосе ветрами скошенной
И в кручине вековой?!..

Там, где, бедствием гонимая,
Ты в заплатах и в пыли,
Вижу я в тебе, родимая,
И богатства корабли.

Вижу я тебя — забитую,—
Но всегда в тебе я чту
И размах, и силу скрытую,
И горячую мечту,

Ширь, как реку многоводную,
Удаль мощную твою...
Для тебя я песнь свободную,
Задушевную пою.

Я пою и крепко верую
В твой незыблемый оплот:
Под твоей сермягой серою
Сила буйная живет.

Не страшна ей доля черная,—
Зноя и холод нипочем,—
Не она ль, в труде упорная,
Горы двигает плечом?!..

Грянет песню — мир колышется,
Забывается печаль,
И в родном напеве слышится
Вера в солнечную даль...

Гой, красавица дородная,
Необ'емлемая ширь!
Русь живая, Русь народная,
Разве ты не богатырь?!..

II.

По тебе — моя истома,
По тебе — моя тоска;
Сердцу грусть твоя знакома,
Песнь разгульная близка.

С ранних лет до дней заката
Ты — моя, и я — весь твой;
Для меня мила и свята
Ты и в жизни горевой:

В каждой бедной деревушке,
В каждой хилой полосе,
И в бревенчатой избушке,
И в затерянной красе.

Я с тобою вместе плачу,
Вдохновляюсь и молюсь,
И ропщу на неудачу,
И беспечно веселюсь;

Сыт твоею скудной пищей
На глухом своем пути...
Русь родная, я — твой нищий,—
Обогрей и приюти!..

РУБЯТ ЛЕС.

Вырубают лес развесистый без времени-поры:
Целый день в лесу безжалостно сверкают топоры.
Глухо стонут ели стройные и падают дубы,
Как пред деспотом разгневанным послушные рабы.
Ветер песню похоронную-прощальную поет,
Тихо плачет над деревьями, подняться их зовет:
-- „Подымайтесь, белоствольные березы и дубы,
Пробудите мощь бывалую и силы для борьбы,

Заплетайте ветви частые колючею стеной,
Выступайте грудью смелою в глуши своей родной
И стеною неприступною закройте все пути,
Чтобы в чащу непроходную никто не мог пройти!..“
Но лежат и не шелохнутся гиганты - дерева,
Лишь шуршит над ними, плачется зеленая трава,
Вспоминая их минувшие загубленные дни...
А вокруг торчат недвижные, бесформенные пни...

ЛЕН.

Ах ты, лен, ты мой батюшка седенький,
Дай-ка я расчешу тебе бороду!
И зачем же ты маленький-реденький
Ни к селу уродился ни к городу!..

Сколько дум я заветных лелеяла,
Сколько пота потратила кровного,—
Ведь сама я, сама тебя сеяла,
Дожидалась высокого, ровного...

Нынче летом, чуть зоренька алая
Опояшет восток позолотою,
Словно ранняя пташка, вставала я —
Проводила весь день за работою;

А как небо вечерними красками
После долгого дня загоралося,
Я твоими дремотными глазками
Уходя, как дитя, любовалася, —

На твою ли рубашку зеленую
Все глядела я с думою скрытою:
Чтоб не знали меня утомленною,
Не видали—нуждою забитою...

Только вышел ты маленький - реденький
Да сдружился—на грех—с повиликою...
Ах ты, лен, ты мой батюшка седенький!
Над тобой ли я горе размыкаю?!..

ЛЕТНИМ ВЕЧЕРОМ.

Занялась заря - красавица вдали,
Солнце скрылось за откосами,
Гимны вечеру запели соловьи
И цветы умылись росами.

Прокричали за рекою кулики...
Дышит вечер негой сладкою...
С ветерком береговые тростники
Разговор ведут украдкою...

Темным пологом с задумчивых небес
Ночь спускается над нивами...
Дружно птички убаюкивают лес
Громких песен переливами...

Отдыхай, моя тоскующая грудь,
Вплоть до утра светлозарного:
Хорошо на вольном воздухе уснуть
От тревоги дня кошмарного!..

Отдохни до светлой утренней зари
В чары вечера влюбленная...
Завтра в поле грянут песню косари,
Зашумит трава зеленая!..

Изумрудами рассыплется роса,
И сквозь ночи тени бледные
Заалеют на востоке небеса,
Солнце выглянет победное...

И природа заликует, запоет,
Лаской солнца оживленная,
Нас к труду и к новой жизни призовет,—
Отдохни же, грудь больная, от забот,
В чары вечера влюбленная!

ПЕСНЯ.

Расплетается волнистая коса,
Выпадает лента белая...
Полоса ль моя, родная полоса,
Сиротинка запустелая!

На тебе ль, моя полосынька, не рожь,
А бурьян зеленый стелется...
Вся-то, вся-то нынче в осень молодежь
Выйдет замуж да поженится;

Только я одной останусь вековать—
Горемыка беспризорная...
Не дает мне вольных песен распевать
Думая злая, дума черная:

Не погонится никтс за сиротой,
Никому-то я не нужная...
Ах, кому-то будет перстень золотой,
Ожерельице жемчужное?...

Только мне-то, сиротинке горевой,
Все задумано, загадано:
Под навесом—узел петли роковой,
В церкви—дым душистый ладана.

ПРОЛЕТАРСКИЕ ПОЭТЫ.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

◆ ◆ ◆

Мысль изреченная есть ложь
Тютчев

Бывает час: тоска щемящая
Сжимает сердце... Мозг — в жару...
Скорбит душа... Рука дрожащая
Невольно тянется к перу...

Все то, над чем в часы томления
Изнемогала голова,
Пройдя горнило вдохновения,
Преображается в слова.

Исполненный красы пленительной,
И буйной мощи, и огня,
Певучих слов поток стремительный
Переливается, звеня.

Как поле, рдеющее маками,
Как в блеске утреннем река,
Сверкает огненными знаками
Моя неровная строка.

Звенит ее напев рыдающий,
Гремит призывно-гневный клич.
И беспощаден взмах карающий
Руки, поднявшей грозный бич.

Но — угасает вдохновение,
Слабеет сердца тетива:
Смирив нестройных дум волнение,
Вступает трезвый ум в права.

Сомненье точит жала острые,
Души не радует ничто.
Впиваясь взором в строки пестрые,
Я говорю: не то, не то...

И, убедясь в тоске мучительной,
Косноязычие кляня,
Что нет в строке моей медлительной
Ни мощи буйной, опьянительной,
Ни гордой страсти, ни огня,

Что мой напев — напев заученный,
Что слово новое — старо,
Я — обессиленный, измученный
Бросаю в бешенстве перо!

1909.

◆ ◆ ◆

Чудных три песни нашел я в книге родного поэта.
Над колыбелью моею первая песенка пета,
Над колыбелью моею пела ее мне родная,
Частые слезы роняя, долю свою проклиная.
Слышали песню вторую тюремные низкие своды.
Пел эту песню не раз я в мои безотрадные годы.
Пел и цепями гремел я, и плакал в тоске безысходной,
Жаркой щекой припадая к железу решетки холодной.
Гордое сердце вещует: скоро конец лихолетью.
Дрогнет суровый палач мой, песню услышавши третью.
Ветер споет ее буйный в порыве могучем и смелом
Над коченеющим в петле моим опозоренным телом.
Песни я той не услышу, зарытый во рву до рассвета!
— Каждый найти ее может в пламенной книге поэта.

1910.

БРАТУ МОЕМУ.

Порой, тоску мою пытаясь превозмочь,
Я мысли черные гоню с досадой прочь,
  На миг печали бремя скину,—
Запросится душа на полевой простор,
И, зачарованный мечтой, рисует взор
  Родную милую картину:

Давно уж день. Но тишь в деревне у реки:
Спят после розговен пасхальных мужики,
  Утомлены мольбой всенощной.
В зеленом бархате далекие поля,
Лучами вешними согретая, земля
Вся дышит силою живительной и мощной.
На почках гибких верб белеет нежный пух.
Трепещет ласково убогая ракитка.
И сердцу весело, и замирает дух,
И ловит в тишине дремотной острый слух,
  Как где-то стукнула калитка.
Вот говор долетел, — откуда, чей, бог весть!
Сплелися—сочный бас и голос женский тонкий, —
Души восторженной привет — о Чуде весть,
И поцелуй, и смех раскатистый и звонкий.
Веселым говором нарушен тихий сон,
Разбужен воздух бодрым смехом.
И голос молодой стократно повторен

По всей деревне гулким эхом.
И вмиг все ожило! Как в сказке, стали вдруг —
Поляна, улицы и изумрудный луг
Полны ликующим народом.
Скликают девушки замедливших подруг,
Вот—с песней—сомкнут их нарядно-пестрый круг
И правит солнце хороводом!
Призывно-радостен торжественный трезвон,
Немых полей простор бескрайный напоен
Певцов незримых звучной трелью.
И, набираясь сил для будущих работ,
Крестьянский люд досуг и душу отдает
Тревогой будничных забот
Неомраченному веселью.

... О, брат мой! Сердце мне упреком не тревожь!
Пусть краски светлые моей картины—ложь!
Я утолять хочу мой скорбный дух обманом!
В красивом вымысле хочу обресть бальзам
Невысыхающим слезам,
Незакрывающимся ранам.
1909.

„ЛЕНА".
4 АПРЕЛЯ 1912 ГОДА.
(Ленский расстрел рабочих).

Жена кормильца - мужа ждет,
Прижав к груди малюток-деток.
— Не жди, не жди, он не придет:
Удар предательский был меток.
Он пал, но пал он не один:
Со скорбным, помертвелым взглядом
Твой старший, твой любимый сын
Упал с отцом убитым рядом.
Семья друзей вкруг них лежит, —
Зловещий холм на поле талом!
И кровь горячая бежит
Из тяжких ран потоком алым.
А солнце вешнее блестит!
И бог злодейства не осудит!
— О, братья! Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!
1912.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА.

Мы—пожара всемирного пламя,
Молот, сбивший оковы с раба.
Коммунизм—наше красное знамя,
И священный наш лозунг—борьба.
Против гадов, охрипших от воя,
Пожиравших все наши труды,
Для последнего страшного боя
Мы сомкнем трудовые ряды.

Кто честен и смел, пусть оружье берет!
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Наших братьев погибших миллионы,
Матерей обездоленных плач,
Бедняков искалеченных стоны —
Скажут нам, где укрылся палач.
Пусть же знают, укрывшись в палаты,
Кто служил золотому тельцу,
Что настал час жестокой расплаты
Кулаку и банкиру-дельцу.

Кто честен и смел, пусть оружье берет!
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Всем насильникам воли народной,
Всем, кормившимся нашим трудом,
Всем, кому был статьею доходной
И завод, и молитвенный дом,
Всем, чьих прибылей ради разбойных,
Наша кровь и текла, и течет,—
Умиравшие, гнившие в войнах,
Неоплатный пред'явим мы счет.

Кто честен и смел, пусть оружье берет!
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Нам грозят еще гнусные гады.
Но уж пробил последний их час,
И не будет в бою им пощады,
Им, не знавшим пощады для нас.
Пусть не знают бойцы состраданья,
Чтобы враг обмануть нас не мог.
На развалинах старого зданья
Возведем мы наш светлый чертог.

Кто честен и смел, пусть оружье берет!
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Никакая на свете работа
Для мозолистых рук не страшна.
Но ничья от народного пота
Не разбухнет уж больше мошна.
Хищный плут будет жадничать втуне,
Не набьет он своих сундуков.
В трудовой пролетарской коммуне
Нет богатых и нет бедняков!

Кто честен и смел, пусть оружье берет!
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Против общего злого вампира,
Против шайки попов и господ,
Встаньте все пролетарии мира,
Обездоленный черный народ!
Встаньте, рыцари нового строя!
Встаньте, дети великой нужды,
Для последнего страшного боя
Трудовые смыкайте ряды!

Кто честен и смел, пусть оружье берет!
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

РАБОЧИЙ ГИМН.

Su, fratelli, su, compagne.

Встаньте, братья, встаньте, сестры!
В строй, бойцы с стальным закалом!
Уж горит на стяге алом
Солнца Будущего свет.
В кабале и в униженьи
Мы клялись бороться смело,
Средь борцов за наше дело
Для измены места нет.
Для того ль из злой неволи
Вырван Труд детьми Труда,
Чтобы цепи рабской доли
Вновь надеть нам? — Никогда!
Никогда!

Шахты, фабрики, заводы
Гнули нас, ломали спину.
Нас, как вьючную скотину,
В плуг впрягали господа.
Те, по чьей мы воле гибли,
Оставляли нас без хлеба
И сулили... милость неба
После Страшного Суда.
Для того ль из злой неволи
Вырван Труд детьми Труда,
Чтобы цепи рабской доли
Вновь надеть нам? — Никогда!
Никогда!

Гнет проклятый капитала
Обрекал нас всех на муки,
Принуждая наши руки
Поднимать чужую новь.
Пусть же плуг и молот вольный
Средь людей вражду погасят!
Пусть же нашу жизнь украсят
Справедливость и любовь!
Для того ль из злой неволи
Вырван Труд детьми Труда,
Чтобы цепи рабской доли
Вновь надеть нам? — Никогда!
Никогда!

Наша сила—в единеньи.
В одиночку каждый—парий.
Сердце мира—пролетарий,
Мы—вселенной рычаги!
Все, что есть — созданье наше.
Мы разрушим, мы отстроим.
Так вперед же бодрым строем!
Пусть погибнут все враги!
Для того ль из злой неволи
Вырван Труд детьми Труда,
Чтобы цепи рабской доли
Вновь надеть нам? — Никогда!
Никогда!

Нам враги — не иностранцы:
Богачам нужны границы.
Мы ж, свободные, как птицы,
Перестроим шар земной:
Смерть об'явим царству смерти,
Смерть господской камарилье!
Меч насилья — на насилье!
Лозунг наш: война с войной!
Для того ль из злой неволи
Вырван Труд детьми Труда,
Чтобы цепи рабской доли
Вновь надеть нам?—Никогда!
Никогда!

Проклят тот, кто пир справляет,
Если есть в минуты эти
Хоть один бедняк на свете,
Потерявший хлеб и кровь!
Проклят смех, пока осталась
Хоть одна слезинка в мире!
Трижды проклят, кто о мире
Речь ведет в тисках врагов!
Для того ль из злой неволи
Вырван Труд детьми Труда,
Чтобы цепи рабской доли
Вновь надеть нам? — Никогда!
Никогда!

Сестры наши и подруги
По работе и по ранам,
Вы, отдавшие тиранам
Красоту и кровь свою,
Не ласкайте подлых трусов,
Подхалимов барской шайки!
Рать без крепкой братской спайки
Дрогнет в первом же бою!

Для того ль из злой неволи
Вырван Труд детьми Труда,
Чтобы цепи рабской доли
Вновь надеть нам? — Никогда!
Никогда!

Коль не ложь, не злая шутка —
Вера в равенство и братство,—
Если бунт—не святотатство,—
Не безумие — борьба,
Укрепляйте, братья, сестры,
Власть труда над капиталом!
Уступить врагу хоть в малом —
Трусость жалкого раба!
Для того ль из злой неволи
Вырван Труд детьми Труда,
Чтобы цепи рабской доли
Вновь надеть нам? — Никогда!
Нет, никогда!! Нет, никогда!!
Никогда!!

КАПИТАЛ.

Да не будут тебе бози инии разве мене.

Любуясь дивною картиной,
Рабы, склонитесь предо мной!
Своей стальною паутиной
Опутал я весь шар земной.
Я — воплощенье капитала.
Я — повелитель мировой.
Волшебный блеск и звон металла —
Мой взгляд и голос властный мой.

Тускнеют царские короны,
Когда надену я свою.
Одной рукой ломая троны,
Другой—я троны создаю.
Моя рука чертит законы
И отменяет их она.
Мне все „отечества“ загоны,
Где скот—людские племена

Хочу—пасу стада в долинах,
Хочу—на бойню их гоню.
Мой взмах—и области в руинах,
И храмы преданы огню.
Средь всех твердынь моя твердыня
Стоит незыблемой скалой.
Храм биржевой—моя святыня,
Конторский стол—мой аналой.
Мое евангелье—балансы,
Богослужение—„игра“,
Дары священные – финансы.
Жрецы мои- бухгалтера.

Я в этом храме—жрец верховный,
Первосвященник ваш и вождь.
Свершая подвиг мой духовный,
Я золотой сбираю дождь.

Мои сокровища несметны,
Их не отдам я без борьбы.
Да будут вечно ж безответны
Мной усмиренные рабы!
Да будут святы им ступени,
Где жду я жертвы их трудов!
Да склонят все они колени,
Целуя прах моих следов!

ПРОВОДЫ.

(Красноармейская песня).

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

„А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать. страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой
Не ленился!“
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
„Не скулите вы по мне
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозеи,
Чтоб осталось от Москвы,
От Расеи?

Все пошло б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю;

Сел бы барин на земле
Злым Малютой.
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс —
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку:

С Красной армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом,

Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою,—

Не кровавый, пьяный рай
Мироедский,—
Русь родная, вольный край,
Край советский!"

Свияжск. 1918.

КУБАНСКАЯ ПЕСНЯ.

За славною за Кубанью рекой
Не глыбушка снегу белого
Она забелелася,
В чистом поле тело молодецкое
Оно завиднелося.
Казачья песня.

Над славною над Кубанью рекой
Вьется чайка белая.
Едет берегом казак молодой,
Головушка смелая.
Чайка белая—киги, ох, киги!—
Плачет-убивается.
Под казаком на четыре ноги
Конек спотыкается.
— „Уж ты конь ли, ты мой конь вороной,
Надбавь прыти-силушки!
Умчи меня от станицы родной,
От верной могилушки.
Под тобой ли, ты мой конь вороной,
Камыш густой клонится.
Как за мной ли с подлецом - старшиной
Погонюшка гонится.
Как погонюшка та—всадники,
Старые станичники,
Офицеры да урядники,
Лютые опричники.
На меня за то оскалила пасть
Челядь атаманская,
Что мне дорога народная власть
Рабоче-крестьянская,
Что народу я хочу послужить,
Стать за власть Советскую,
В бою голову готов положить,
Эх, да молодецкую!"

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ.

Левой! Правой! Левой! Правой!
Через горы и леса!
Иль погибнем мы со славой,
Иль покажем чудеса!
Против вражьего напора
Ощетиним мы штыки,
Люду бедному опора
Наши красные полки.

Грозной силой, черноземной,
Сокрушим мы всех господ:
Против банды их наемной
Трудовой идет народ.
В кровожадного бандита
Мы вонзим свои штыки,
Люду бедному защита
Наши красные полки.

За свою мы бьемся долю,
Барской власти не бывать.
Смерть тому, кто нашу волю
Хочет в цепи заковать.
Против вражьего напора
Ощетиним мы штыки,
Люду бедному опора
Наши красные полки.

Кулаку, попу, банкиру,—
Всем, кто кровью нашей пьян,
Поубавит спеси-жиру
Власть рабочих и крестьян.

В кровожадного бандита
Мы вонзим свои штыки,
Люду бедному защита
Наши красные полки.

Зря терять нам время неча.
Не напрасно враг спешит.
Боевая наша встреча
Вековой наш спор решит.
Против вражьего напора
Ощетиним мы штыки,
Люду бедному опора
Наши красные полки.

Выше взвейся, наше знамя.
Не согнися, штык стальной!
Пролетарских бунтов пламя
Охватило шар земной.
В кровожадного бандита
Мы вонзим свои штыки,
Пролетариям защита
Наши красные полки.

Кровной спаянные спайкой
Со всемирной голытьбой,
За нее мы с вражьей шайкой
Поведем последний бой!
Против вражьего напора
Ощетиним мы штыки,
Люду бедному опора
Наши красные полки!

1919.

ПЕСНЯ ДЕДА СОФРОНА.

Ты играй, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
Ду-ду, ду-ду!
А я, старенький, иду, я все иду.
Я все иду,—
По дорожкам, по проселочкам плетусь,
Плетусь, плетусь...
Приюти меня, прими, родная Русь,
Родная Русь!
Побреду я от деревни до села,
И до села,
Зазвоню я, дед, во все колокола,
Колокола.
Ой, ты медь, ты медь певучая, гуди,
Гуди, гуди.
Всю Рассеюшку набатом разбуди,
Да разбуди.
Как я гряну во все сорок сороков.
Да сороков,—
Как я кликну на Москве всех батраков,
Всех батраков:
Гей, ты черный люд, рабочий, трудовой,
Люд трудовой,
Встань за вольную отчизну головой,
Встань головой!
Лютый ворог стал ногой в родной земле,
В родной земле!
Гей, не быть—не быть нам, братцы, в кабеле,
Да в кабале!
Не потерпим вновь татарской злой поры,
Лихой поры.
Гей, точите-ко вы, братцы, топоры,
Да топоры!
А чтоб вышли ваши косы все остры,
Да все остры, —
Чтоб готовы были вы зажечь костры,
Зажечь костры,
И по первой по тревоге боевой,
Да боевой,
Заградить себя стеною огневой,
Да огневой.
То-то вороги заскачут! Их-ха-ха!
И эх-ха-ха!
Как мы красного им пустим петуха,
Да петуха.
Гей, ты Русь, ты Русь родная, вольный край,
Наш вольный край,
Боевую свою силушку сбирай,
Да собирай!

Ты дуди, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
Ду-ду, ду-ду!
А я, старенький, проселками иду.
Иду, иду!..
Ге-ей!!..

1918.

КОММУНАРЫ.

Ни достатка, ни порядка;
Ходит сам не свой Касьян:
У Касьяна есть лошадка,
Нету плуга и семян.

У Емели дует в щели.
С горя, бедный, будто пьян:
Плуг есть старый у Емели,
Нет лошадки и семян.

Злая грусть берет Нефеда,
Дед клянет весь белый свет:
Семена нашлись у деда,
Нет лошадки, плуга нет.

Повстречал Касьян Нефеда,
Подошел к ним Емельян.
Слово за слово—беседа
Завязалась у крестьян.

— Ох-ти, брат, не жизнь, а горе.
— Я вот стал совсем моща.—
Все на том сошлися вскоре:
С горем биться сообща.

Что у всех имелось втуне,
То теперь слилось в одно:
Есть ***коммуна***, а в коммуне —
Плуг, лошадка и зерно.

Дед с Касьяном поле пашет,
С ними спаянный трудом,
Молотком Емеля машет,
Подновляя общий дом.

Труд не в труд, одна утеха,
Стал милее божий свет.
— Братцы, счастья и успеха
Коммунарам мой привет!

1919.

ГУЛИМДЖАН [1]).

(Национальный гимн социал-духанщиков).

Чхеидзе и Церетелли обратились к Антанте с просьбой о помощи против большевиков.
Из газет.

В Александровском садам
Музыкам игрался.
И т. д.
Известная песенка

Мы садился на ишак
И в Париж гулялся.
Клеманса, такой чудак,
Очень нам смеялся.
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Весь Кавказ мы за ляржан [2])
Продаем умело.

— „Тьфу!“—смеялся Клеманса,—
„Не было печали!“
Мы ему в два галаса
Гулимджан кричали:
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Честь и совесть за ляржан
Продаем мы смело!

Ллойд Джорджданья дверь открыл
В кабинет случайно,
Мы с Чхеидзем гаварыл:
— „Рады чрезвычайно!“
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Мы Баку вам за ляржан
Уступаем смело!

Закричали мы: „ай-ай!“
С невеселым физий:
„Ради бога присылай
Поскорей дивизий!“
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Продадим вам за ляржан
Душу мы и тело!

Ленин сжарит шашлыку
С наших демократий,
Он имеет на Баку
Пребольшой симпатий.
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Наш Тифлис—один духан!
Покупайте смело!

Ллойд Джорджданья отвичал:
— „Тронут вашим горем,
Наш английский флот помчал
Нашим Черным морем!“
Гулимджан! Гулимджан!
Нам какое дело?
Нас коварство англичан
Вовсе не задело.

— „Мени тенкс!“—„Мерси боку!“
— „Можем обещаться,
Что английский наш Баку
Будет защищаться!“
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Мы Баку вам за ляржан
Уступаем смело!

Независимый Тифлис
Тут нам об‘являлся.
Мы кричали: браво! бис!
И назад гулялся!
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Весь Кавказ мы за ляржан
Продаем умело!

Исполнили: Церетелли и Чхеидзе

Записал Демъян Бедный.

---

[1]) По радио одной из наших армий в феврале 1920 года это стихотворение было передано в Тифлис, тогда еще меньшевистский.
Радио-телеграфисты Грузии были столь к нам расположены, что приняли „радио-стихотворение“ и ответили:
— „Ура!! .. Привет Демьяну Бедному!
Завтра выпьем за его здоровье!“

[2]) Деньги.

„УМНИЦА".

— „Ни капли гордости аль совести. Эх ты!"
Ворчал свинье Кудлай: „Есть разные скоты,
Но ты, по-истине, особая скотина:
Тебя не оскорбить ни словом, ни пинком.
Наплюй тебе в глаза, умоешься плевком.
Скажи, пожалуйста: опричь тебя на ком
Гуляет часто так хозяйская дубина?"
— „Эх-ма!"
Хавронья хрюкнула: „Большого ты ума.
Не даром ребра видно.
Ну, малость и побьют. Подумаешь: обидно!
Бокам, чай, больно да спине?
При чем же совесть тут? Голубчик, да по мне
Так, право, все равно: что бита, что не бита.
Не гнали б только от корыта!"
Свинья, а в ней ума какая бездна скрыта.

БУНТУЮЩИЕ ЗАЙЦЫ.

Взбежавши на пригорок,
Зайчишек тридцать-сорок
Устроили Совет.
— „Житья нам, братцы, нет".
— „Беда. Хоть с мосту в воду".
— „Добудемте права!"
— „Умремте за свободу!"

. . . .

От смелых слов у всех кружилась голова.
Но только рядышком шелохнулась трава,
Как первый, кто кричал: „за волю в землю лягу!"
С пригорка задал тягу.
За ним все зайцы, кто-куда,
Ай-да!

Зайчиха с заинькой под кустиком сидела.
— „Отти-мне, без тебя уж стала тосковать,
Ждала тебя, ждала: глаза все проглядела.
Договорились, что ль, в Совете вы до дела?"
— „Договорилися. Решили бунтовать!"

О бунте заячьем пошли повсюду толки.
Не говоря уж о лисе,
Теперь, поди, хвосты поджали звери все,—
А больше всех, понятно, волки?!

1912.

КЛАРНЕТ И РОЖОК.

Однажды летом
У речки, за селом, на мягком бережку
Случилось встретиться пастушьему рожку
С кларнетом.
— „Здорово!"—пропищал кларнет.
— „Здорово, брат",— рожок в ответ:
„Здорово!
Как вижу—ты из городских...
Да не пойму: из бар, аль из каких?"
— „Вот это ново",—
Обиделся кларнет: „Глаза вперед протри,
Да лучше посмотри,
Чем задавать вопрос мне неуместный.
Кларнет я, музыкант известный.
Хоть, правда, голос мой с твоим немного схож,
Но за талант я свой в места какие вхож?!
Сказать вам, мужикам, и то войдете в страх вы.
А все скажу, не утаю:
Под музыку мою
Танцуют, батенька, порой князья и графы!
Вот ты свою игру с моей теперь сравни:
Ведь, под твою—быки с коровами одни
Хвостами машут!"
—„То так",—сказал рожок: „нам графы не сродни.
Одначе, помяни:
Когда-нибудь они
Под музыку и под мою запляшут!"

1912.

КЛОП.

Жил-был на свете клоп. И жил мужик Панкрат.
Вот как-то довелось им встретиться случайно.
Клоп рад был встрече чрезвычайно;
Панкрат — не слишком рад.
А надо вам сказать: судьба свела их вместе —
Не помню точно — где,
Не то в суде,
Не то в присутственном каком-то важном месте.
Кругом — чины да знать. Нарядная толпа
Изнемогает в кривотолках.
Панкрат и без того сидел, как на иголках,—
А тут нелегкая несет еще клопа!
Взобравшись ловко по обоям
К Панкрату на рукав, клоп этаким героем
Уселся на рукав и шарит хоботком.
От злости наш Панкрат позеленел весь даже:
— „Ах, чорт, и ты туда же
Кормиться мужиком!"
И со всего размаху
Хлоп дядя по клопу свободною рукой.

Мир праху
И вечный упокой.

Читатель, отзовись: не помер ты со страху?
А я — ни жив, ни мертв. Наморщив потный лоб,
Сижу, ужасною догадкой потрясенный:
Ну, что, как этот клоп —
Казенный?

1913.

СВЕЧА.

— „Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко... Волга...
Взбесилась, видит бог. И потонуть недолго.
А не потонем — все равно
Водой промочит все зерно".
Приказчик мечется, хлопочет,
А Пантелей Ильич, уставя в небо взор,
Дрожащим голосом бормочет:
— „Святители! Раззор!
Чины небесные, архангелы и власти!
Спасите от лихой напасти!
Я добрым делом отплачу...
Сведу в лампадах пуд елею...
Под первый праздничек свечу
Вот с эту мачту закачу...
И сотельной не пожалею!"
То слыша, говорит приказчик Пантелею:
— „Ты это что ж, Ильич? Про мачту-то... всурьез?
Да где же ты свечу такую раздобудешь?"
— „Молчи, дурак, — умнее будешь!"
Хозяин отвечал сквозь слез:
„Дай только вымолить скорей у неба жалость,
Чтоб я с моим добром остался невредим,—
А там насчет свечи мы после... поглядим...
Укоротим, пожалуй, малость!"

1912.

ГИПНОТИЗЕР.

Помещик некий был изрядным фантазером:
Задумал стать гипнотизером,
Добыл из города два воза нужных книг,
Засел за них, читал не две, не три недели,—
Едва ль не целый год, и, наконец, достиг
Желанной цели:
Любого мужика мог усыпить он вмиг,
Да слуги барина к тому ж гневить не смели,
Так стоило ему явиться средь двора,
Как бабы, мужики и даже детвора
Валились наземь и храпели.
— „Вот ум! Вот голова!"
Пошла про нашего затейника молва
Среди помещиков-соседей:
„Подумать лишь, хитрец каков!
Не надо больше тумаков:
Почище найдена управа на медведей!"
(То бишь. на мужиков).
И в первый праздничек соседи мчат к соседу.
Но пир гостям — не в пир, беседа — не в беседу,
И преферанс — не в преферанс!
Им гипнотический подай скорей сеанс.
Без лишней канители
Желанью общему хозяин уступил:
Емелю-конюха в два слова усыпил.
Все гости онемели!
Хозяин, между тем, из сонного Емели
Что хочет, то творит —
— „Емеля", — говорит,—
„Глянь, становой в деревню мчится!"
Мужик томится:
— „Ой... братцы... ой...
Разбой!.."
— „Постой,
Никак, ошибка!
Не разглядел я, виноват.
К нам едет думский депутат!"
У мужика — улыбка:
— „Вот будет рада... попадья...
Стал депутатом... поп Илья!"
Поповским голоском запел хозяин: — „Чадо,
Скажи, чего первей просить для паствы надо.
Когда в столице буду я?"
И стоном вырвалось у бедного Емельки:
— „Проси... земельки!"
— „А про помещиков ты, вражий сын, забыл!?"
Тут гости сгоряча вскричали в общий голос.
Емеля взвыл.
Стал у Емели дыбом волос,
И, засучив по локоть рукава,
Такие наш мужик понес слова,
Что гости с перепуга
Полезли друг на друга!

Скажу я господам иным
(Здесь места нет угрозам):
Мужик чувствителен всегда к своим занозам.
Не прикасайтеся к его местам больным,
Хоть он и под тройным
Гипнозом!

1912.

ОСЛЫ.

Не рядовой осел, не пустобай-оратор,
Словам которого, кто хочет, тот перечь, —
Осел сановнейший, делец-администратор
В собрании ослов держал такую речь:
— „Друзья! Мы все живем в периоде ослином.
Хотел бы знать я: кто, наш славный род хуля,
Осмелится сказать, что для ослов земля
Сошлася клином?
Ослы прошли везде, куда ни посмотри.
Ослы теперь—предмет и зависти и злобы.
Кого и чествуют и жалуют цари?
Кто нынче—первые особы?
Кто все великие и малые послы?
Кто — все приказные чины и воеводы?

Все — если не ослы,
То близкой к ним породы!
Но... здесь я подхожу к печальнейшему „но",
Высокородные отцы и патриоты,—
В нем—зло, таящее грядущих бед зерно,
Несчастье, ставшее для нас уже давно
Предметом горестной тревоги и заботы:
Одолевает нас незнатная родня.
Ослы в опасности! Породу их грязня,
Из сел и деревень, улусов и аулов
В их круг втирается тьма лошаков и мулов.
Не достает еще, — храни нас бог! — коня.
Отцы! В минувший с'езд избрали вы меня,
Чтоб в сферах правящих добыл я повеленье
Об утверждении особых прав и льгот
В ослином поколенье.
Добыл я все. И вот
Моих хлопот
Осуществленье:
На теплые места, на всякий важный пост
Пройдет лишь наш прирост,
Ослы—без подмеси, в которых каждый атом
Заверен нашим аттестатом.
И первый суд сейчас произнесете вы.
Вот перед вами строй любезных наших деток".
(Шум. Крики: „Господи!" — „Красавцы!" —
„Прямо львы!")
Правофланговый!
— „Гы!"
— „Молчи!.. Осел-трехлеток!..
Судите сами".
— „Гы"
— С чего начнем?"
— „С хвоста!"
— „Не хвост, а красота!"
— „Как будто слишком длинный?"
— „Хвост — истинно ослиный!"
— „А уши, уши каковы?"
— „Из-за ушей совсем не видно головы!"
— „Позвольте, главное совсем и позабыто:
Копыто как?"
— „Хоть напоказ.
Вот полюбуйтесь. В самый раз.
Как есть, ослиное копыто!
— „Ура!.. Качать мальца!"
— „Поставить на овес!"—
Вскричали судьи все приятно и согласно,
Как сто немазанных колес:
— „Экзамен выдержан прекрасно!"

1913.

Хотя в былые дни для знатного осла
Открыты были все карьеры,
А революция ослов порастрясла.—
Однако ж их еще осталось — свыше меры.

О ДОХЛОЙ КОБЫЛЕ.

(История, на истинном происшествии основанная).

Извозчик чмокал: —„Но! Но - но!
У, язва! Чтоб тебя..."
Но тощая кобыла
Былую прыть давным-давно,
Давным-давно забыла.
Шажком кой-как плелась она
И, наконец, утомлена
Поездкою—не так уж длинной—
Свалилась на Неглинной.
Ушел седок, извозчика браня.
Куда-то вслед за ним, судьбу свою кляня,
Извозчик на себе увез пустые дроги,
А кляча мертвая осталась средь дороги.
Мир праху твоему,
Ненужная уж больше никому.
Ненужная? Не тут-то было!
Какой тут к чорту прах и мир!
За клячу дохлую вступили в спор—Главжир,
Центроутиль, Главкость, Главшерсть, Главмыло...
Сначала Главков пять иль шесть,
А после—трудно перечесть.
В Высовнархоз вошла с докладом Химоснова,
Решали что-то там, перерешали снова,
Потом вернули весь доклад
Назад
Для исправленья
И направленья
„По принадлежности"—в Центральный Химотдел.
Но той порой Главтук—он дохлой клячи тоже
Не проглядел:
— „Статья такая-то, стотысячный раздел..."
—„Но это же подвох!" Шум поднялся в Главкоже.
А Наркомздрав послал запрос в Наркомвнудел.
Что заварилось, правый боже!
Кобыла дохлая лежит на мостовой...
Никто, никто о ней не думал, о живой,
А дохлая—она для всех дороже!
Заволновалась вся Москва,
А по районам всем пошла такая склока,
Что, отложив стихи и Брюсова и Блока,
Москвы излюбленный глава,
Тишайший Каменев, в порядке крайне срочном
Быв вынужден созвать Московский весь Совет,
Рек с изумлением в собраньи полномочном:
—„Слух ходит, что в Москве порядка, дескать, нет,-
Что третий месяц на исходе,
Как в ошарашенном народе
Догадки всякие плодя,
Служа источником тревоги,
У самого Кремля,—к ТЕО не доходя—
Кобыла дохлая лежит среди дороги!"
Совет весь загудел, что надо внесть запрос:

— „Чего же смотрит Наркомпрос?“
— „У театрального отдела
Кобыла околела!..“
Когда же выплыло, что, сверх такой беды,
Из-за кобылы той средь Главков нелады,
Заволновались депутаты,
Пошли горячие дебаты:
Кому, когда, куда кобылу убирать?
Как помирить враждующие Главки?
Ведь не на улице ж кобылу раздирать.
В ход были пущены и шпильки, и булавки,—
Неслися выкрики: холера! тиф! чума!
Немало было тут проявлено ума
И боевого пыла.
К порядку призваны звонком,
Все под конец сошлись на выходе таком
— „Ввиду того, что дохлая кобыла
На территории лежит,
Которая принадлежит
Московскому Совету,
Перевести кобылу эту
С Неглинной улицы“... Не помню уж, куда.
Неважно, в веденье Главжира иль Главмыла,—
Не в этом суть, а в том, что дохлая кобыла—
Искали—не нашли!—пропала без следа.
Хоть в розысках ее сто ведомств подвизалось,
Ведя из-за нее ожесточенный спор,
Но на Неглинной до сих пор
Кобыльей косточки нигде не оказалось.
В Москве другой уже, вновь избранный, Совет,
Но Главки злой враждой пылают, как пылали.
Не о кобыле спор, о той, которой нет,
А спор идет о том: кобыла то была ли?
Но на допросе в ВЕ-ЧЕ-КА
Каких-то два отпетых смельчака
(Держать их надо на примете!)
Они, однакоже, клялися всем на свете:
— „Кобыла дохлая была!
И на Неглинной,—да, к Воздвиженке с угла,—
Лежала две иль три недели,
Пока ее собаки всю не с'ели!“

Вот узел. Разрубить его каким мечом?
Рубите, кто горазд. А я здесь не при чем!

ЭП!..

Кто говорит: передышка.
Кто говорит : карачун.
Кто говорит: старой жизни отрыжка.
Кто говорит: новой жизни канун.

Выдался вечер погожий.
Тройка летит по Тверской.
Кучер-то, кучер какой краснорожий!
Весело окрик звучит кучерской:
— „Эп! Сторонися, прохожий“!...
Эп!..
Эп!!..
Крик бесшабашный, на что-то похожий:
— „Нэп! Сторонися, прохожий!..
Нэп!!..“

Публика... Батюшки-светы!
Шику-то сколько, беда!
Барыни эвона как разодеты!..
Подняли головы вновь господа.
Ярко блестит магазея.
Выставка в каждом окне.
Публика топчется, жадно глазея.
Все расхватает... По всякой цене!..
— „Эп! Сторонися, прохожий!..
Эп!
Эп!!..“
Крик бесшабашный, на что-то похожий:
— „Нэп! Сторонися, прохожий!..
Нэп!!..“

Соболь, фальшивые блестки...
Слой из румян и белил...
Роскошь и бедность... Девицы... Подростки...
Густо „панельный товар“ повалил.
Всем — по одежке дорожка:
Этим — в шикарный „Ампир“,
Этим туда, где не шелк, а рогожка,
В темный вонючий, сивушный трактир.
— „Эп! Сторонися, прохожий!..
Эп!..
Эп!!..“
Крик бесшабашный, на что-то похожий:
— „Нэп! Сторонися, прохожий!
Нэп!!..“

Кружев прозрачная пена...
Ножек приманчивый взлет.
— „Митя... Нам море теперь по колена...
Всю, брат, Расею возьмем в переплет!..
Митя... Поедем к цыганам!..“
— „Тройкою?..“
— „Тр-рой-ку скарей!!..“
— „Нищие... Чорт их несет к ресторанам...
Клянчат, мерзавцы, у каждых дверей!“
— „Эп! Сторонися, прохожий!
Эп!
Эп!!..“
Крик бесшабашный, на что-то похожий:
— „Нэп! Сторонися прохожий!
Нэп!!..“

Дробь выбивают копыта
Взмыленных, быстрых коней.
Отзвук ли это минувшего быта?
Иль первоцвет наступающих дней?
Выдался вечер пригожий.
Тройка летит по Тверской.

Кучер-то, кучер какой краснорожий!
Весело окрик звучит кучерской:
- „Эп! Сторонися, прохожий!
Эп!
Эп!!..“
Окрик разгульный, на что-то похожий:
- „Нэп! Сторонися, прохожий!
Нэп!!..“

БОГОМОЛКА.

Монаси — чины ангельстии

У лавры Троицкой, в слободке,
Монах повадился ходить к одной молодке.
Муж со двора, монах—во двор.
Зачем? Нескромный разговор.
Одначе, как-то муж все шашни обнаружил
И, сцапав в добрый час духовного отца,
Уж так-то, так его утюжил:
С того и с этого конца!
То видя, всплакалась соседка-богомолка:
— „Стой, стой, безбожник! Стой! С ума сошел, Миколка!
Не тронь священного лица!“
— „Так я ж накрыл его с женою, шельмеца!“
— „Накрыл его с женой... Подумаешь: причина!
Да ты б еще ценил, что, может, через год
Вдруг женка даст тебе приплод, —
И от кого приплод, пойми ты, дурачина:
От ангельского чина!“

Вот с богомолкою подобной и толкуй.
Не дай господь такой обзавестись хозяйкой!
Заладит, что ни день, „*Исаия, ликуй!*“
С монахом снюхавшись, с Исайкой!

КАТАВАСИЯ.

— „Ой, набат!“ — И млад и стар
К церкви ринулся.
— „Где горит?“ — „Куда пожар
Перекинулся?“

Вот у церкви толпа.
— „Ка-та-ва-сия!“
Дьякон Кир тузит попа
Афанасия.

— „За подвохи получи,
За ехидные!“
— „Сам ты стибрил калачи
Панихидные!“

Перешел, взъярившись, поп
К нападению,
Изловчился: Кира — хлоп
По видению.

Кир попа пнуть сапогом
Покушается.
— „Го-го-го!“ — народ кругом
Потешается.

„Наше дело — сторона, —
Мы — свидетели.
А цена-то вам одна,
Благодетели!“

Друг-товарищ! Дай ответ
Во спасение:
Будет служба или нет
В воскресение?

Е. НЕЧАЕВ.

ГУДОК.

В годы детства гуд призывный
На работу в ранний час
В простоте своей наивной
Проклинал я сотни раз.

Чуть светок, а он застонет,
Загудит; проснется мать,
На работу нас погонит:
— Чу! гудок — пора вставать!

Да пора, а встать нет мочи,
Спишь, как мертвый иногда,
Гноем слепленные очи,
Слух отсутствует — беда.

Тяжела судьба малютки
Непосильного труда,
Ведь часов по двадцать в сутки
Мы работали тогда.

На жаре, в чаду и пыли,
Проработав этот срок,
Полумертвыми мы были:
Шли домой, не чуя ног.

От работы ныли руки,
От побоев—голова;
Слух терзали шума звуки,
Брани едкие слова.

А за что? Свидетель небо,
Мы платили за гроши,
За кусок скорузлый хлеба,
Соком тела и души.

В полусне нам есть давали
И чумазым и в поту,
За столом мы засыпали
С недожеванным во рту.

Но теперь иное дело:
Сброшен гнет с мозольных плеч;
От побой не ломит тело
И не жжет по суткам печь.

И сирены гуд призывный
Не навойлив и тягуч,
Обладая силой дивной,
Гармоничен и певуч.

1919.

УТРО.

Утро вспыхнувшим пожаром
Лучевой ковер плетет,
Гута дышит знойным жаром
Ртами окон и ворот.

Ей не внятны шопот бора,
Нежнопевность тополей,—
Смех ядреный, разговоры
Слушать бабушке милей.

Стеклодувы отдохнули,
Тишь разгулом расцвела,
Блещут огненные пули
Разноцветного стекла.

Мастера на лица строги,
Отирая жаркий пот,
От залоги до залоги
Не отходят от работ.

Молодежь, как в диком танце,
Закружилась веселей,
Осиянная румянцем
Стеклоплавильных печей.

Позабыты дни былые
Неизбывчивой тоски,
Речи пламенны, живые,
Песни бодры и звонки.

1920.

ВНУКУ.

Да, милый внук, житейский путь
Не сплошь усеян васильками.
Иди по нем не как-нибудь,
Но осторожными шажками.

Я был рабочим боевым.
Пускай теперь похож на клячу.
Недаром рано стал седым,
С горбом верблюдицы в придачу.

Ведь и во мне горела кровь,
Мечты сменялися мечтою.
Надежда, вера и любовь
Не разлучалися со мною.

Шел умереть у баррикад
В лице отважного героя,
Но не себе искал наград
Среди отчаяниого боя.

Я бедность знаю с давних пор,
Меня лишенья не встревожат,
Пока держать кирку, топор
Рука мозолистая может.

Нет, я боролся за детей,
За них лез в пекло головою,
Чтоб было им итти светлей
Моей дорогой трудовою.

Чтобы властители земли
На них отечески смотрели
И без препятствий помогли
Достигнуть лучезарной цели.

И замысл наш не звук пустой,
Работа даром не пропала.
В лучах свободы золотой
Теплей и радостнее стало.

Да, не легко далась она.
Кровищи выглотала реки
И, блага райского полна,
Осталась властвовать вовеки.

И вот, мой друг, идя вперед,
С огнем в груди, дорогой знанья,
Цени других тяжелый пот
И не скупись на состраданье.

Бездушных, гордых, пошлых, злых
И в орденах мы многих знали,
Но, верь, мы не боялись их,
А, презирая, проклинали.

Пусть будешь ты простой мужик,
И нудью вынянчен большою,
Но докажи, что ты велик
Не только силой, но душою.

ПЕСНЯ НЕВОЛЬНИКА.

Ряд бесчисленных лет богатырский народ
За тюремной стеной, изнывая, живет
И не видит конца тяжкой муки своей. .
А у прочных железных дверей
Бессердечный привратник стоит,
Зорко выход тюрьмы сторожит...

Если б солнцем я был, что лучом золотым
Светит ласково добрым и злым,
Разгоняя вокруг непроглядную тьму,
Жизнь и радость даруя всему,—
Я бы свет благотворный разлил
И тюремщика ум озарил.

Если б был я певцом дней весны молодой,
Что встает с предрассветной зарей,
И с чарующей песней стремясь в небеса,
Пробуждает луга и леса,—
Я бы дивную песню сложил,
Я бы чувства его разбудил!

Если б был я цветком ароматных полей,
Что пленяют красою своей,
Даже тех, кто не ведает братской любви,
Обагряющих руки в крови,—
Я б дыханьем его опьянил,
Я бы душу его воскресил!

Если б был я не жалким, забитым рабом,
А могучим, бесстрашным орлом,—
Улетел бы я ввысь из удушливой мглы
И о гребень зубчатой скалы
Сильным взмахом распущенных крыл
Я б позорные цепи разбил!

◆ ◆ ◆

Хоть ты уже не та, что в годы молодые,
На утре светлых дней промчавшейся весны:
Угас румянец щек и очи голубые
Былых волшебных чар навеки лишены.
Высокое чело изрезали морщины,
Согнулся гибкий стан, и локон черный твой
Покрыли серебром глубокие кручины,
Речь гордая звучит болезненной тоской.
Хоть ты уже не та... но все же в час свиданья
Случайного с тобой на склоне наших дней,
Отрадно вспомянуть минувшие страданья
За вольное житье, за лучшее людей...
И мысленно итти по избранной дороге,
Где ожидали нас и подвиг и гроза;
Сильнее дышит грудь от радостной тревоги,
И искрятся росой весеннею глаза...

1894.

Ф. ШКУЛЕВ.

Я КОММУНИСТ.

Люблю я зори, воздух чистый
И голубые небеса,
Журчанье речки серебристой,
Родные нивы и леса.

Люблю желанную свободу,
Немую тишь и бури свист,
Погожий день и непогоду...
Я коммунист, я коммунист.

Люблю трудящегося брата
В полях, в заводе за станком,
И в ранний час, и в час заката
С высоко поднятым челом.

Пусть черен он, костюм в заплатах,
Зато душой, как солнце чист,
Пред ним живущие в палатах
Пигмеи все... Я коммунист.

Люблю я знанье, ясность мысли,
Полет стремительной мечты:
В глубь океана, в даль ли, в высь ли,
В лазурь, иль в бездну темноты.

Люблю стремленье к идеалу,
Пусть этот путь тяжел, кремнист,
Грозит порою кровью алой, —
Не страшно мне... Я коммунист.

Люблю мозолистые руки,
Орлиный взгляд и смуглость щек,
Металла звон, свирели звуки,
В союзе плуг и молоток.

Народа труд я воспеваю.
На свете труд, как солнце, чист,
Богатство, леность презираю...
Я коммунист, я коммунист!

1919.

КУЗНЕЦЫ.

1.

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы к счастию ключи!..
Вздымайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи!

Мы светлый путь куем народу,
Мы счастье родине куем...
В горне желанную свободу
Горячим закалим огнем.

Ведь, после каждого удара,
Редеет тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает.

1906.

РАБОЧИЙ.

Он смугл, могуч и плотен,
Из бронзы пара рук,
Средь красочных полотен
Он любит алый звук.

Он с воротом открытым
Ваятель у станка,
Стальные в порох плиты
Дробит его рука.

В груди могучей пламень,
Кипящая руда,
И воля, буря, камень,
Всесильна и тверда.

Пред ним трепещут боги,
Немые фетиши,
И валятся чертоги,
Как в бурю камыши.

1905.

ТКАЧ.

Стучи, стучи, машина,
Ныряй, ныряй, челнок...
Еще высоко солнце
И долог мой денек.
Шумят, жуют приводы,
Куда ты ни взгляни,
И тянется основа,
Как жизненные дни.
Кругом в угаре едком

Все пляшет и дрожит,
И день рабочий скучный
Так медленно бежит.
Давно устали руки,
Болит, мозжит спина,
А дела еще много,
И жизнь еще длинна...
Тревожно сердце бьется,
Летят все думы прочь,
Одно на ум приходит:
Скорей бы отдых, ночь!
Пот крупным градом льется
И с груди, и с лица,
И тянется основа,
Как время, без конца.
Стучи, стучи, машина,
Ныряй, ныряй, челнок...
Еще высоко солнце,
И долог мой денек!

1900.

ПЕСНЬ, РОЖДЕННАЯ В НЕВОЛЕ...

Песнь, рожденная в неволе,
И прекрасна и сильна:
Всем о горькой, тяжкой доле
Говорит собой она.

Эта песня зарождалась
Среди мрачных рудников
И, как эхо, повторялась
У голодных бедняков.

Эта песня долетала
К нам из тюрем, крепостей...
То огнем она пылала,
То тоска звучала в ней...

Песнь, рожденная в неволе,
И прекрасна и сильна:
Всем, кто жаждет лучшей доли,
Сердце жжет собой она.

1906.

ВЕЛИКАН.

Много было великанов
В пору старых, славных лет,
Ими все гордились в мире,
Весь дивился белый свет.

Говорят про них былины,
Песни звучные поют...
А ведь эти великаны
И сейчас у нас живут.

Загляните в чисто поле:
Кто на ниве за сохой
День без устали шагает
Разрыхленной бороздой?

Кто, как перышком, махает
На лугу стальной косой?
Кто с „Дубинушкой“ по Волге
Тянет баржу бичевой?

Кто тяжелою кувалдой
И чугуи, и сталь дробит?
Кто из недр земли холодной,
Точно пух, извлек гранит?

Кто железные дороги
Нам провел до дальних стран?—
Это наш родной, могучий
Трудолюбец - великан.

1905.

Я ХОТЕЛ БЫ...

Я хотел бы маем быть, цветущем маем,
Грезою лучистой, птицей заповедной,
И парить над краем, сердцу милым краем,
С чистою любовью, с песнею победной.

Я хотел бы солнцем быть, горячим солнцем,
И согреть все души, размягчить черствины,
И блеснуть зарницей, кованным червонцем,
Нарядить цветами степи и долины.

Я хотел бы ветром, ветром полуденным,
Быть и облететь бы милую сторонку
И судьбой гонимым, счастьем обойденным,
Спеть о новой жизни, к нам грядущей, звонко.

Я хотел бы сказкой быть, заветной сказкой,
Полной содержаньем современной были,
И напомнить людям, позабывшим ласки,
Что любовь и братство злобой заменили.

1904.

АЛЕКСЕЙ ГАСТЕВ.

ПЕРВЫЙ ЛУЧ.

Чуть раздались, приоткрылись облака седой зимы,
Зовы верхние мятежные услышали вдруг мы.
Улыбнулись, заискрились солнца раннего лучи,
В снег сбежали и разбились блеском пурпурной парчи.
И поднялись люди кверху от тоскующей земли,
Забуянили надежды окрыленные вдали.
О, не скоро, не так скоро к нам весна с небес придет,
Нет, не скоро хоры песен светлых с моря приведет.
Но поверьте: мы натешимся, взовьемся, полетим,
Хороводы мы с гирляндами цветными закружим,
Мы забрызжем, мы затопим весь цветами старый мир,
К солнцу, звездам слышен будет наш бескрайный, хмельный пир,
Мы согреем, мы осветим, мы зажжем всю жизнь весной,
Мы прокатимся, промчимся по земле шальной волной,
Мы ударим!
Приударим!
Мы по льдинам,
По твердыням,
Мы... Да что тут говорить?—
Беспощадно зиму будем мы разить и хоронить!

Я ЛЮБЛЮ...

Я люблю вас, пароходные гудки,—
Утром ранним вы свободны и легки,
Ночью темной вы рыдаете, вы бьетесь от тоски.

Я люблю тебя, убогий, грязный трюм,
Этот бешеный подвальной жизни шум,
То мятежный, то, как омут, зол-угрюм.

Я люблю тебя, суровая корма:
Стоном песен рулевых ты вся полна,
Но голубит и ласкает тебя вольная волна.

Я люблю и вечно хмурую трубу,
Что все смотрит — не насмотрится в судьбу,
Мрачно думает, вздыхает про борьбу.

Но всех больше полюбил я вас, сигнальные огни:
В буре, в шторме вы гуляете одни,
С горизонтов нелюдимых всем видны.

Эх, — подымутся напасти злой воды,
Мы помрем, подохнем с голода, с нужды,
Онемеют все гудочки от беды,

Трюм затихнет, похоронит мятежи,
Руль согнется, хоть держи иль не держи,
Пароход погибнет в море мутной лжи.

Но огни сигналов наших будут биться на волнах,
Потухать... но на отчаянных челнах,
Умирать... но как призывный светлый взмах.

Все забудется, все можно потопить,
Можно в глубях наше судно все сгноить,
Не устанут только люди говорить,

Что смеялися огни над злым бичом,
Не хотели сдаться буре ни по чем
И метались перед смертью в море пламенным мечом!

ДУМА РАБОТНИЦЫ.

Я сегодня утром по полю гуляла,
Дожидалась в травке, как пробьет гудок.

Я в тропинках дивных счастье все искала.
Я в овражках чудный сорвала цветок.

Думала, мечтала, зорьку вопрошала,
Не опять ли к нивкам брошенным пойти?

Так в душе легко бы, вольно бы мне стало,
Так легко бы счастье давнее найти.

Но пути-дороженьки все-то позабыты,
Старый дом разрушен, сломан и сожжен,
Милые речушки, прудики разрыты,
Сон мой детский, ранний, жизнью погребен.

Загулял, забегал, зазвонил призывно,
Застонал надрывным голосом гудок:
Встань скорей, работай быстро, непрерывно,
Заведи сверлильный, чистенький станок.

Ну, и не печалься, не гляди тоскливо
В старые сказанья, заглуши их стон,
А беги к надеждам новым торопливо,
Живо откликайся на машинный звон.

Ты укрась машины свежими цветами,
Лаской, нежной грезой отумань, обвей.
Смелыми оденься, обогнись мечтами,
Алые знамена от станка развей.

МЫ РАСТЕМ ИЗ ЖЕЛЕЗА.

Смотрите! — Я стою среди них: станков, молотков, вагранок и горн и среди сотни товарищей.

Вверху железный кованный простор.

По сторонам идут балки и угольники.

Они поднимаются на десять сажен.

Загибаются справа и слева.

Соединяются стропилами в куполах и, как плечи великана, держат всю железную постройку.

Они стремительны, они размашисты, они сильны.

Они требуют еще большей силы.

Гляжу на них и выпрямляюсь.

В жилы льется новая железная кровь.

Я вырос еще.

У меня самого вырастают стальные плечи и безмерно сильные руки. Я слился с железом постройки.

Поднялся.

Выпираю плечами стропила, верхние балки, крышу.

Ноги мои еще на земле, но голова выше здания.

Я еще задыхаюсь от этих нечеловеческих усилий, а уже кричу:

— Слова прошу, товарищи, слова!

Железное эхо покрыло мои слова, вся постройка дрожит нетерпением. А я поднялся еще выше, я уже наравне с трубами.

И не рассказ, не речь, а только одно, мое железное, я прокричу:

„Победим мы!“

ГУДКИ.

Когда гудят утренние гудки на рабочих окраинах, это вовсе не призыв к неволе. Это песня будущего.

Мы когда-то работали в убогих мастерских и начинали работать по утрам в разное время.

А теперь, утром, в восемь часов, кричат гудки для целого миллиона.

Теперь мы минута в минуту начинаем вместе.

Целый миллион берет молот в одно и то же мгновение.

Первые наши удары гремят вместе.

О чем же поют гудки?

— Это утренний гимн единства!

БАШНЯ.

На жутких обрывах земли, над бездною страшных морей выросла башня, железная башня рабочих усилий.

Долго работники рыли, болотные пни корчевали и скалы взрывали прибрежные.

Неудач, неудач сколько было, несчастий!

Руки и ноги ломались в отчаянных муках, люди падали в ямы, земля их нещадно жрала.

Сначала считали убитых, спевали им песни надгробные. Потом помирали без песен прощальных, без слов. Там, под башней, погибла толпа безымянных, но славных работников башни.

И все ж победили... и внедрили в глуби земли тяжеленные, плотные кубы бетонов-опор.

Бетон, это — замысел нашей рабочей постройки, работою, подвигом, смертью вскормленный.

В бетоны впились, в них вросли, охватили огнем их железные лапы-устои.

Лапы взвились, крепко сцепились железным об'ятьем, кряжем поднялися кверху и, как спина неземного титана, бьются в неслышном груде-напряженьи и держат чудовище-башню.

Тяжела, нелегка эта башня земле. Лапы давят, прессуют земные пласты. И порою как будто вздыхает сжатая башней земля; стоны несутся с низов, подземелья, сырых необ'ятных подземных рабочих могил.

А железное эхо подземных рыданий колеблет устои и все об умерших, все о погибших за башню работниках низкой железной октавой поет.

На лапы уперлись колонны, железные балки, угольники, рельсы.

Рельсы и балки вздымаются кверху, жмутся друг к другу, бьют и ловят друг друга, на мгновенье как будто застыли крест-на-крест в борьбе и опять побежали все выше, вольнее, мощнее, друг друга тесня, отрицая и снова прессуя стальными креплеными.

Высоко, высоко разбежались, до жути высоко, угольники, балки и рельсы; их пронзил миллион раскаленных заклепок, — и все, что тут было ударом отдельным, запертым чувством, восстало в гармонии мощной порыва единого... сильных, решительных, смелых строителей башни.

Что за радость подняться на верх этой кованной башни! Сплетенья гудят и поют, металлическим трепетом бьются, дрожат лабиринты железа. В этом трепете все — и земное, зарытое в недра, земное и песня к верхам, чуть видным, задернутым мглою верхам.

Вздохнуть, заслепиться тогда и без глаз посмотреть и почувствовать музыку башни рабочей: ходят тяжелыми ходами гаммы железные, хоры железного ропота рвутся и душу зовут к неизведанным, большим, чем башня, постройкам.

Их там тысячи. Их миллион. Миллиарды... рабочих ударов гремят в этих отзвуках башни железной.

Железо — железо!.. гудят лабиринты.

В светлом воздухе башня вся кажется черной, железо не знает улыбки: горя в нем больше, чем радости, мысли в нем больше, чем смеха.

Железо, покрытое ржавчиной времени, это — мысль вся серьезная, хмурая дума эпох и столетий.

Железную башню венчает прокованный, светлый, стальной — весь стремление к дальним высотам — шлифованный шпиль.

Он синее небо, которому прежние люди молились, давно разорвал, разбросал облака, он луну по ночам провожает, как странника старых, былых повестей и сказаний, он тушит ее своим светом, спорит уж с солнцем...

Шпиль высоко летит, башня за ним, тысяча балок и сеть лабиринтов покажутся вдруг вдохновенно легки, и реет стальная вершина над миром победой, трудом, достиженьем.

Сталь, это — воля труда, вознесенного снизу к чуть видным верхам.

Дымкой и мглою бывает подернут наш шпиль: это черные дни неудач, катастрофы движенья, это ужас рабочей неволи, отчаянье, страх и безверье...

Зарыдают сильнее тогда, навзрыд зарыдают октавы тяжелых устоев, задрожит, заколеблется башня, грозит разрушеньем, вся пронзенная воплями сдавшихся жизни тяжелой, усталых... обманутых... строителей башни.

Те, что поднялися кверху, на шпиль, вдруг прожгутся ужасным сомненьем: башни, быть может, и нет, это только мираж, это греза металла, гранита, бетона, это — сны. Вот они оборвутся... под нами все та же бездонная пропасть— могила...

И, лишенные веры, лишенные воли, падают вниз.

Прямо на скалы... На камни.

Но камни, жестокие камни...

Учат!

Или смерть, или только туда, только кверху, — крепить и ковать, и клепать, подыматься и снова все строить, и строить железную башню.

Пробный удар ручника...
Низкая песня мотора...
Говор железный машины...

И опять побежали от тысячи к тысяче токи. И опять миллионы работников тянутся к башне. Снова от края до края земного несутся стальные каскады работы, и башня, как рупор-гигант, собирает их в трепетной песне бетона, земли и металла.

Не разбить, не разрушить, никому не отнять этой кованной башни, где слиты в единую душу работники мира, где слышится бой и отбой их движенья, где слезы и кровь уж давно претворились в железо.

О, иди же, гори, поднимайся еще и несись еще выше, вольнее, смелее!

Пусть будут еще катастрофы...

Впереди еще много могил, еще много падений.

Пусть же!

Все могилы под башней еще раз тяжелым бетоном зальются, подземные склепы сплетутся железом, и на городе смерти подземном ты бесстрашно несись.

И иди,
И гори,
Пробивай своим шпилем высоты,
Ты, наш дерзостный, башенный мир!

„МЫ ПОСЯГНУЛИ".

Кончено! Довольно с нас песен благочестия!

Смело поднимем свой занавес. И пусть играет наша музыка.

Шеренги и толпы станков, подземные клокоты огненной печи, под'емы и спуски нагруженных кранов, дыханье прикованных крепких цилиндров, рокоты газовых взрывов и мощь, молчаливая пресса, — вот наши песни, религия, музыка.

Нам когда-то дали вместо хлеба молот и заставили работать. Нас мучили... Но, сжимая молот, мы назвали его другом, каждый удар прибавлял нам в мускулы железо, энергия стали проникала в душу, и мы, когда-то рабы, теперь посягнули на мир!

Мы не будем рваться в эти жалкие выси, которые зовутся небом. Небо — создание праздных, лежачих, ленивых и робких людей.

Ринемтесь вниз!

Вместе с огнем и металлом, и газом, и паром нароем шахт, пробурим величайшие в мире туннели, взрывами газа опустошим в недрах земли непробитые страшные толщи. О, мы уйдем, мы зароемся в глуби, прорежем их тысячью стальных линий, мы осветим и обнажим подземные пропасти каскадами света и наполним их ревом металла. На многие годы уйдем от неба, от солнца, мерцания звезд, сольемся с землей: она в нас, и мы в ней.

Мы войдем в землю тысячами, мы войдем туда миллионами, мы войдем океаном людей! Но оттуда не выйдем, не выйдем уже никогда... Мы погибнем, мы схороним себя в ненасытном беге и трудовом ударе.

Землею рожденные, мы в нее возвратимся, как сказано древним, но земля преобразится: запертая со всех сторон— без входов и выходов!— она будет полна несмолкаемой бури труда; кругом закованный сталью земной шар будет котлом вселенной, и когда, в исступлении трудового порыва, земля не выдержит и разорвет стальную броню, она родит новых существ, имя которым уже не будет человек.

Новорожденные не заметят маленького, низкого неба, потерявшегося во взрыве их рождения, и сразу двинут всю землю на новую орбиту, перемешают карту солнца и планет, создадут новые этажи над мирами.

Сам мир будет новой машиной, где космос впервые найдет свое собственное сердце, свое биение.

Он несется...

Кто остановит пламя тысячи печей-солнц, кто ослабит напор и взрывы раскаленных атмосфер, кто умерит быстроту маховиков - сатурнов?

Планеты бешено крутятся на своих осях, как моторные якоря-гиганты. Их бег не прервать, их огненные искры не залить.

Космос несется...

Он не может стоять, он родится и умирает и снова родится, растет, болеет и опять воскресает и гонится дальше...

Он достигает, он торжествует!..

— Упал. упал!

Тонет... Отчаялся...

Но огонь плавит все, даже тоску, даже сомнение, даже неверие.

И снова жизнь, клокотанье, работа!

Будет время, — одним нажимом мы оборвем работу во всем мире, усмирим машины. Вселенная наполнится тогда радостным эхом труда, и неизвестно, где рожденные аккорды зазвучат еще о больших, незримо и немыслимо далеких горизонтах.

И в эту минуту, когда, холодея, будут отдыхать от стального бега машины, мы всем мировым миллиардом еще раз, не то божески, не то демонски, еще сильнее, еще безумнее посягнем!

МОЯ ЖИЗНЬ.

Велика в прошлом, бесконечна в будущем жизнь моя.

Много столетий я не запомнил. Помню лишь, когда ходил закованный и был привязан к тюрьме моей — работе.

Это я двести лет тому назад бил и разбивал машины. Это я, еще весь человеческий, восстал против холодных недругов своих. Я отдал тогда всю страсть свою этому железному единоборству; я тогда призывал богов на помощь себе и все же в борьбе потерял не одну голову. Я отчаивался тогда и бросался на отточенные резцы машин, крошил их, но и сам бился в тисках металла.

Это я сто лет назад залил улицы мировых городов своей кровью и развертывал знамена со словами восстания и мести.

Это я же бился потом и терзал свое собственное тело по ту и по эту сторону границ.

И теперь опять я, и уже как будто вновь рожденный, иду и строю. Все проходит через мои руки и орудия. Создаю виадуки, дороги, машины, микроскопы. Через пульс моего станка и штрих моей пилы я ощущаю самые сокровенные мысли.

Я — носитель беспощадного резца познания.

Всюду иду со своим молотом, зубилом, сверлом. По всему миру... Шагаю через границы, материки, океаны. Весь земной шар я делаю родиной.

Стою перед рабочим домом в Берлине. Стою и восторгаюсь: вот мой громадный, мой тяжелый, неуклюже-сильный дом. И все в нем мое: и входная арка с высеченным молотом, который рвется из камня и просит песни, и наковальня на столе секретаря, и шеренги товарищей, идущих взад и вперед.

Вхожу в кооператив в Манчестере и дрожу от радости: мое. Рожденное вдали, но по созвучию с моим, близким.

Я под сводами парижской Биржи Труда, прокопченной и черной. Сначала чужая, выстроенная на чужие, нерабочие деньги, она стала наша, и ее прокопченные стены сделались символом надорванной усталой силы.

Несчастие... Яма, могила... На юге Африки взрыв. Тысяча жертв. Это — удар, это... мне удар... в самое сердце.

Бездымные шахты, покрытые пеплом... Это — на краю света, памятник моему раненому, моему мировому сердцу.

Умерло мое вчера, несется мое сегодня, и уже бьются огни моего завтра.

Не жаль детства, нет тоски о юности, а только — вдаль.

Я живу не годы.

Я живу сотни, тысячи лет.

Я живу с сотворения мира.

И я буду жить еще миллионы лет.

И бегу моему не будет предела.

МЫ ИДЕМ.

Мы падали. Нас поражали.

Но в муках отчаянных все-ж мы кричали:

„Мы явимся снова, придем".

Серые дни поползли по земле.

Попрятались красные зори, забыты надежды, был выжжен сомненьем порыв.

То яростно бился о камни, то черной тоской залегал по долинам ветер — бездомный скиталец; таился и жался измученный.

Но все-ж, собирая последние силы, он вихрем взвивался в заснувшие выси, тучи ленивые в миг разрывал и показывал солнце; падал стремглав он опять с вышины, буйно туманы в низинах кружил и свистом пронзительным даль прорезал: „Мы явимся снова, придем!"

Кутали землю, как трауром черным, душили тяжелые ночи.

Шарила в царстве своем, разгулялась костлявая смерть. Плакал дождем постоянно рассвет, в саванах белых все шли без конца вереницы... Злые и жадные тени кружились над жертвой, ее поругали. Вздох проносился предсмертный, глубокий, глаза потухали... Но блеском последним все ж тьму прожигали: „Мы явимся снова, придем!"

А на том берегу пировали. Там — танцы, безумно веселые танцы. На чьих-то могилах воздвигнуты новые замки. Музыка в диком угаре неслась: „Он умер, он умер. Не встанет".

Пьяный разгул увлекал... Увлекал до бессилья. Пир истомил их, устали они. Мирно, покойно дремали.

Совсем безмятежное, тихое утро...

Вдруг с наших, казалось, умерших постов, началась перекличка: барабанили зорю.

Музыка замков дала перебой: „Нет, не придет, не воскреснет".

Дала перебой и затихла. Совсем замерла ожиданьем... А с нашего берега звонко неслось: „Мы снова, мы снова идем. Мы прямо с работы, мы с душных заводов, чумазые, с шахт и из темных подвалов. И прямо на светлый ваш пир".

Светало... На замках тревожно играли и бились ночные огни. А по небу шла, расходилась, как вольная песня, заря, то тихо верха облаков зажигала надеждой, то дерзким пожаром рвалась, огнем обнимала холодное небо.

Идем мы и дышим мятежной отвагой. Просятся, рвутся, летят и поют переливы восторженных слов.

Мы идем! Нам нельзя не итти; встали мрачные тени недавних разбитых бойцов; поднялися живые предаиья былого — сраженные раной отцы.

Мы за ними.

Совсем впереди, и сильней, и отважней, чем мы, зашагали пришедшие в жизнь молодые борцы. А вот наши подруги — друзья по станку. В руках они счастье свое дорогое — детей — принесли. И смотрите: от груди едва оторвался ребенок, а делает радостный взгляд к небесам, вольные всплески рученок, к новому миру он рвется.

И идем, и бежим, и несемся громадой своей трудовой.

Нас ничто не страшит: мы пути по пустыням, по дебрям проложим.

По дороге — река... Так мы вплавь! По саженям... отмахивать будем и гребнистые волны разрежем.

Попадутся леса... Мы пронижем и лес своим бешеным маршем!

Встретятся горы... До вздохов последних, до самых отчаянных рисков к вершинам пойдем. Мы возьмем их!

Мы знаем, — заколет в груди... Но великое с болью дается. Для великого раны не страшны. До вершин доберемся, возьмем их!

Но выше еще, еще выше! — В победном угаре мы с самых высоких утесов, мы с самых предательских скал ринемся в самые дальние выси!

Крыльев нет?

Они будут! Родятся... во взрыве горячих желаний.

О, идемте, идем!

Уже — в прошлом осенняя, дикая, пьяная ночь. Впереди — залитая волшебною сказкой, вся в музыке тонет, вся бьется, как юное счастье — свобода.

Идем!

ВСТРЕЧА.

Медленно...

Ох, грузно мы движемся.

С нами весь скарб наш —

Сто поездов с кандалами.

Погреба пыток.

Озеро гнилого пота.

Собрали всю кровь, опоясали землю и провели кровавый экватор.

Трупный смрад миллионных кладбищ с нами.

Прекрасные, великие командиры мира. Мы все торжественно несем с собой.

Вот улики.

Встать! Суд идет.

— Монахи. Попы. Проповедники.

Ваше слово.

Входите.

Ваш конвой из страшных чертей оставьте.

Херувимы, чудотворцы, немедленно в огненные ризы, в огненные крылья. И марш на небо.

— Монахи. Пузатые архиереи, ваше слово.

Молчите?

— Приговор: в огороды, на сбор картошки.

— Императоры, большие, маленькие, живые, мертвые, наследники, короли, принцы.

Все в золотую шеренгу.

Кто из вас способен к нам, чернорабочие:

Плата по тарифу.

— Финансисты, империалисты, дипломаты.

Это вы начали человеческую мясорубку.

Вот они восемь миллионов могил двадцатого века.

Вот восемь миллионов кандидатов харкают кровью.

Глядите, вот миллионы сумасшедших.

К ответу!

Мы в черном, мы злые, мы зверски решительны.

— На кухню,--чистить и подметать отбросы.

А-а-а-а...

Вы испугались?

Вы в новом белье.

Вы приготовились к расстрелу.

Ну, так знайте.

Начнем.

Наделаем триста тысяч глупостей.

Миллион ошибок.
Тысячу раз растеряемся по-детски.
Мы сотни раз явимся на торжественное обрание и прожжемся сомнением.
И опустим руки.
И снова кверху.
Мы будем окружены своими...
И попробуем голод превратить в праздник.
— Чтобы не пикнуть.
Ни слова...
Иначе мы опять вас разжалуем из чернорабочих в монахи, императоры, дипломаты.
И скажем:
Вот.
Поезда с кандалами.
Погреба пыток.
Озера пота.
Кровавый пояс земли.
И кладбища, кладбища.
Все перед вами.
Не мигайте.
И ждите.
Год.
Два.
Десять лет.
Но включим машину и без сожаленья загремим фортиссимо.

ВЫХОДИ.

В этот город — сто железных дорог.
Мы высадимся сразу.
На дома, на заводы, на колонны,
Все соедииим вместе.
Будет дом в три миллиона жителей.
Наверху зажжем неистовый жертвенник:
Факела,
Урагано-печи,
Прожекторо-пожары.
П-пах. Сразу потушим.
Ослепим материки...
Трехмиллионный дом, утонувший во мраке, взорвем.
И заорем в трещины и катакомбы:
Выходи железный.
Выходи же бетонный.
Высотой в версту.
Нога его — броненосец.
Ступня его — как Везувий.
Глаза его — домны.
Руки его — виадуки.
Иди.
И молча,
Ни звука.
Тяжеленными бродами.
Прогуляйся по свету.
Твой путь:
Европа, Азия, Тихий океан, Америка.
Шагай и топай средь ночи железом и камнем.
Дойдешь до уступа,
Это Атлантика.
— Гаркни.
Ошарашь их.
Океаны залязгают, брызнут к звездам.
Миссиссипи обнимется с Волгой.
Гималаи ринутся на Кордильеры.
— Расхохочись!
Чтоб все деревья на земле встали дыбом и из холмов выросли горы.
И не давай опомниться.
Бери ее безвольную.
Меси ее, как тесто.

МИХАИЛ ГЕРАСИМОВ.

◆ ◆ ◆

Я, отрок, рос в железном храме,
Свечей горел стальной кристалл.
Я видел в прокопченной раме
Виденье звездного креста.

Как жертвенник неугасимый,
Доменный пылал колосс.
Явился в горне лик незримый
В сияньи огненных волос.

В одеждах пламени и дыма,
Шелками шлака шелестя,
Огнем и верою палима,
Мечом и знаменем блестя

Молниевидным жалом
Пронзила покой,
Неумолимо сердце сжало
Испепеляющей рукой.

Согбенную расправил спину,
Мгновенно волю закалил,
Свое я сердце с силой вынул,
В тисках железных опилил.

И с этих пор в нее влюбленный
Всей глубью тайною души,
Ее я голос слышу в звонах
Неумолкающих машин.

Ее глаза—в блистаньи стали,
Улыбка—в скачущем луче.
Тоскующее сердце стало
Калиться в пламени печей.

Ты—знаменем кроваво-красным
Благословившая меня.
Я стал баян восстаний властных,
Поэт железа и огня!

◆ ◆ ◆

Я пришел с „Вешними зовами“
И цистерной буквенных зерн,
Громовыми песнями новыми
Вдувать потухающий горн.

Рассеял солнечное семя
В глыбы синих блуз,
„Железных цветов“ беремя
Сбросил светлый груз.

Я писал на листах котельных,
Макал в вагранку трубу,
Меня лишь птицы хмельные
Звали в даль голубую.

Земля зельями тлений
Была еще напоена,
Но вот расцвел мой „Завод весенний“,
Мимозой и маем душа пьяна.

Солнце светлой лапой
В ветви ржавых труб.
Железные жолуди капал
Огненный дуб.

От шлака корявые строки
Рашпилем сердца пилил,
Солнечный свиток соки
В чернила мои пролил.

Когда с „Монной Лизой“
В осенних туманах брел,
Сжигая звездные ризы,
„Октябрь“ мой маем расцвел.

Я растопил кровью железной
Пласты залежалых слов.
Черпай, черпай чудесный
Колчедан чеканных стихов!

Я не один, нас много, много
С поэмами на „Фронт труда“
Выходим огненной дорогой,
Где пламенеют города.

И над полями тощими,
Где раньше чахли пустыри,
Прорастают стальными рощами
Красные богатыри.

Мельканья молний смелых
Над лесом труб и голов,
Это—стрелы
Наших огненных строф.

◆ ◆ ◆

Я—не нежный, не тепличный,
Не надо меня ласкать.
Родила на заводе зычном
Меня под машиною мать.

Пламень жгучий, хлесткий
Надо мной свисал,
Я электрическую соску
Губами жадно присосал.

В стальной колыбели качался,
Баюкал бодрый гудок.
У ног загорелых плескался
Неугасающий грудок.

Динамо, как волк над люлькой,
Скалил огненный клык,
Металл расплавленный булькал,
Клубился вой и рык.

Заматерелая ругань
Шестерен и валов—
В них звучал мне голос друга
И материнский зов.

Только люди в синем сыном звали,
Я запомнил навеки ласковый лик,
Смеясь, игрушки давали:
Цилиндры, шатун, маховик.

Когда подрос и с тачкой
Мог один гулять,
Дали ружье, патронов пачку—
И пошли с баррикад стрелять.

Я—не тепличный, не хрупкий,
Опален пороховым огнем,
Борьбы горящие кубки
Хлебнул октябрьским днем.

◆ ◆ ◆

Ты весь закованный во брони,
А дымом в небо вознесен,
Туда, где заревые кони,
Где тает твой железный звон.

Зачем в зарю твои зарницы
Взлетают призраком седым.
Звезд золотистые ресницы
Отравный раз'едает дым.

Гляжу на них в решетку рамы
Сквозь пыль и кружево тенет,
Как вольны золотые храмы—
Судьба к станку их не пригнет.

Напрасно к ним горю любовью,
Горячий сдерживаю плач.
Труба—облитый ржавой кровью
И преградивший вход палач.

Моя душа—ночная искра,
Из дыма отлетев на миг,
Кружит, кружит меж звезд и быстро
Угасший опускает лик.

◆ ◆ ◆

Работы нет, брожу бродягой
По терниям чужой земли.
А сердце колючей бодягой
В шоссейной кружится пыли.

Живое тело голод гложет,
Бьет ливень ледяной клюкой,
У замкнутых ворот прохожий
Стою с протянутой рукой.

Иду тропами неизменными,
Песок прибрежный прилипает,
Лишь море лепестками пенными
Мои лохмотья осыпает.

За гроздью винограда вором
Лезу на чужие зады,
А тут без терний и заборов
Мои раскинулись сады.

Стихов пылающих мимозами.
Серебряным звоном миндаля,
И ритмов скачущими козами
Мои усеяны поля.

Ищу ночами, в дни туманные
Какой-то небывалый клад,
А тут потоки караванные—
Богатства от моих палат.

Иду в столицы и селения,
Качаюсь в каменной волне,
И слышу золотые пения
Сокровищ, спрятанных во мне.

В плесканьи зорь и крыльях птицы,
В лепете павилик,
Ищу железные страницы
Никем не зарожденных книг.

ОСЕНЬЮ.

Вот осень в шорохах и звонах
Тоскливо бродит по селу,
По перелескам красных кленов
Туман мохнатый зыбит мглу.

Рябин зализывает раны
И умирающих берез
Он окровавил лапы рдяно
О раны листопадных лоз.

Осенний вечер горько сгорбил
Коленопреклоненный сад,
И сколько неизбывной скорби
В соломенных морщинах хат.

Кадимый клубами тумана,
Осин рыдает хоровод.
Лишь ярко на груди кургана
Веселый искрится завод.

Природа всхлипывает тихо
Над блеклой плащаницей ив,
А он посвистывает лихо,
Багрянца шапку заломив.

Грозит во тьме трубы высокий
Железно-мускульный кулак,
Вагранок огненные щеки
Зыбучий раздувают мрак.

Как ярки золотые бронн,
Как бодро льется стали звон,
Как пламенна на черном фоне
Резьба сияющих окон!

Огнем труда сердца согреты,
Все мускулы волнует дрожь,
Как ветерок горячим летом
В полях животворящих рожь.

Пускай туман клубится зыбкий,
Печаль полей ползет без сил,
Мы видим — огненной улыбкой
Завод ненастье опалил.

◆ ◆ ◆

Завод вонзил два рога
В седое брюхо туч,
От раненого бога
Сочнтся красный луч.

Он с облачной перины,
Пронзенный, без ребра,
Спустил свой лик старинный
В окладах серебра.

Лазоревый и горний
Упал в машинный ад,
Мы переплавим в горнах
Серебряный оклад.

Мы в шахтовых туннелях
Глухую грудь земли,
Чтоб кровью закипела,
До сердца просверлим.

Мы брызнем красной лавой
Из наших синих вен,
Вздыбим бунтарской славой
Униженных с колен.

Довольно ныть и плакать
И горбить горы спин,
С России сбросил лапоть
Советский исполин.

Мы брызнем динамитом
На тихие поля,
Пусть прогремит гранитом
Восставшая земля.

Ночей полярных оси
Пожаром обольем,
Бомбой землю бросим
С кометным фитилем.

Огнем залижем тучи,
Разбухшие в слезах,
Осколками пронижем
Святые небеса.

Мы — красные пророки,
В грядущие века,
Завод железнорогий
Вонзили в облака.

ЗАВОД ВЕСЕННИЙ.

Веет от горна вербеной,
Белый пламень — спелый лен,
Снежный пар клубится пеной,
Воздух пеньем напоен.

Волны возгласов сирены,
Хрупкий шорох шестерен,
Горн, как стог горящий сена,
Светом горным озарен.

Гроздья розовых кораллов
Лепит застывая шлак,
В чернокаменных кристаллах
Огоньков дрожащий мак.

Грозовым пронизан током,
Вскинул крылья маховик,
В небе солнечном, высоком
Домны озаренный лик.

Звоны бронзы, медных сосен.
Воронено блещет сталь,
Тут и там мелькает просинь, —
Блуз замасленных эмаль.

Гулкий водопад приводов
Буйно засверкает вдруг,
Вскидывая к стеклам сводов
Миллионы крепких рук.

Пепел серебристой пылью
Всколосился и потух,
Горн отряхивает с крыльев
Искр златоалый пух.

Клекот меди и железа,
Смелый свист в ветвях стропил,
Крик в листах стального леса,
Песни жизни, песни сил.

Сколько звона, сколько пений,
Птица искра - мысль зовет.
Как люблю тебя, весенний,
Искропламенный завод!

В КУПЕЛИ ЧУГУНА.

От хат соломенных селений,
Где жизнь смирением горда,
На грозный зов сиренных пений
Пришли в стальные города.

Был каждый в пламя горна брошен,
Кипящей сталью опален,
Кандальным звоном обострожен,
Железным пеплом опылен.

Обвенчан факелом завода,
Его зарницей озарен,
Обласкан музыкой приводов,
Орлиной дробью шестерен.

Обрызган искрами металла,
Крещен в купели чугуна,
И вот осталенною стала
Златосоломная струна.

Как сон смиренная забыта
Преклонновыйная межа,
Душа горящая облита
Звенящим валом мятежа.

Завод как водопад жестокий,
Струится медь, чугун, руда,
Электропламенные токи
В стальные мускулы труда.

Стал каждый пламенным баяном
Кующих звонов, красных струн,
Грозововскрыленным титаном,
Зари Грядущего — трибун.

ПЕСНЯ О ЖЕЛЕЗЕ.

В железе есть стоны,
Кандальные звоны
И плач гильотинных ножей;
Шрапнельные пули
Жужжаньем плеснули
На гранях земных рубежей.

В железе есть зовы
Звеняще - грозовы,
Движенье чугунное масс;
Под звоны металла
Взбурлило, восстало,
Заискрилось в омутах глаз.

В железе есть чистость,
Призывность, лучистость
Мимозово - нежных ресниц;
Есть флейтовы трели,
Зажглись и сгорели
В улыбках восторженных лиц.

В железе есть нежность,
Игривая снежность,
В шлифованном — светит любовь;
Закатная алость,
Порыв и усталость,
В изломе заржавленном—кровь.

В железе есть осень,
Холодная просинь
В заржавленных ветках сосны,
Есть знойное лето,
Миражем одето,
Горячим цветеньем весны.

В железе есть жгучесть,
Мятежность, певучесть
У скал раздробленной волны,
Напевность сирены
В кипучести пены,
Где тела изгибы вольны.

В железе есть ковкость,
Проворность и ловкость
Есть в танцах мозолистых рук;
Есть ток в наших жилах,
В звенящих зубилах,
Вагранками спаянный круг.

В железе есть сила —
Гигантов взрастила
Заржавленным соком руда;
Железною ратью
Вперед, мои братья,
Под огненным стягом труда!

МЫ.

Мы все возьмем, мы все познаем,
Пронижем глубину до дна.
Как золотым цветущим маем
Душа весенняя пьяна!

Нет меры гордому дерзанью:
Мы — Вагнер, Винчи, Тициан.
Мы новому музею - зданью
Воздвигнем купол как Монблан

В кристаллах мрамора Анжело.
И все, чем дивен был Парнас,
Не то ли творческое пело,
Что током пробегает в нас?

Воспитывали орхидеи,
Качали колыбели роз,
Не мы ли были в Иудее,
Когда любви учил Христос?

Мы клали камни Парфенона
И исполинских пирамид,
Всех Сфинксов, храмов, Пантеонов
Звенящий высекли гранит.

Не нам ли на горе Синая,
В неопалимой купине,
Как солнце Красный стяг сияя
Явился в буре и огне.

Мы все возьмем, мы все познаем,
Пронижем неба бирюзу.
Как сладко пить цветущим маем
Животворящую грозу!

ТРУБА.

Труба, как посох исполина
В его мозолистой руке,
Через моря, через долины
Он с ним шагает налегке.

Его шагов стальную силу
Ковали долгие века,
Его порыв не угасила
Войны кровавая рука.

Рожденный под полярным кругом,
Могуч, лучист и закален,
Как водопад над вешним лугом,
Так он стремительно волен.

В пути великом многолик он,
И жезл в его руке — труба,
Его многоязыким кликом
Встречают пленники труда.

Трубой заводской искры сеет
В сердца рабочих и крестьян,
Мы знаем — пламя скоро взреет
Над далью чужеземных стран.

Разлей над миром свет рубина,
Подобно огневой реке.
Труба, как факел исполина,
В железном сжата кулаке.

МИНИН.

Как вольно над Москвой-рекою
Взлетают вешние стрижи.
А Минин с поднятой рукою
Стоит у роковой межи.

Глядит на главы золотые,
На эти раны лобных мест,
Россия, как в года седые,
Пригвождена на красный крест.

Он слышит колокола вече
Огнемерцающий набат.
Как волны возгласы и речи
Толпы у каменных палат.

Он видит в зареве кольчуги, —
Как встарь, богатыри встают
И на мечи, серпы и плуги
Стальные мускулы куют.

Народ восстал из диких хижин,
Из недр одебренных лесов,
И каждый, подвигами движим,
Летит на веча вольный зов.

Рабочих волн прибой чудесен,
Краснеет стягами земля,
И сколько силы, сколько песен
У стен зазубренных Кремля!

Грохочут труб заводских зовы,
Рабочих рек гудящий вал.
Пред каждым горном Минин новый
В железном пламени восстал.

Победно грани рабства минем,
Смелей рубинный стяг развей,
Пусть каждый будет, словно Минин
Советской родины своей!

Вот солнце красный марш запело,
Звенит лучистой тетивой,
Стрижей мелькающие стрелы
Поют над каждой головой.

◆ ◆ ◆

Мы кричим:
Нет, не легко распались
Каменные верпги Кремля!
Раны и опухоль не опали,
И в кровавых подтеках земля.
Не листопадными бульварами
Иссечено тело Москвы
И предместий,
То кнутовыми язвами старыми
Сочится до каменных костей.
Еще много безликого,
Разлагаясь,
Копошится по гранитным нарам,
И колокол Ивана Великого
В непогодь стонет о старом.
В'елась в мясо и душу гангрена
Неизлечимой болезни,
Раз'едает ржа заводскую сирену
Даже на Красной Пресне.
Нетрудно и по коже прелой
Навести румяна,
Заклеить пластырем раны!
И нарывы старого тела.
Нет, довольно мазать иодом
Дома и людскую кожу,
Коммуна, четвертым годом
Бери хирургический нож!
Не бинты бумажные на раны
Ленин приклеивать станет,
Только из электрической ванны
Русь обновленной воспрянет!

◆ ◆ ◆

Я вижу пламенные ризы,
В них дымный город облачен,
Он молниями сквозь пронизан,
Закован в орудийный звон.

Летят как демоны гранаты,
Весь город ими окрылен,
Их пляской здания об'яты
Скрипучий испускают стон.

Зияют жутко в крышах раны,
И ребра сломанных стропил.
Дома—как будто великаны,
На землю павшие без сил.

Горит и тает город мертвый,
Пустыни улиц—без людей.
Лишь сотни трупов распростерты
На красных плитах площадей.

Бушуют огненные волны,
Вздымаясь в ропоте глухом
На черный остов колокольни
С поникшим гальским петухом.

ОСЕНЬ В ОКОПАХ.

В окопах кажется печальней
Осенний златокудрый лик
И золото березки дальней
И тихий лепет павилик.

Жужжанье-шелест мушки синей
На светлом острие штыка.
И аромат могильных пиний
Как-будто льется свысока.

Над разоренною долиной,
Над кладбищем знакомых мест
Я вижу плавно журавлнный
Колышется в лазури крест.

Ласкающим благословеньем
Далекой матери родной
Их крик преображенным пеньем
Растет и тает надо мной.

Кровавый клен мне шепчет: „милый",
Он тихой грустью озарен,
Над незасыпанной могилой
Листвой осенней плачет он.

Окопы—скорбь в пустынном поле.
Чело морщинистое нив,
Я не могу смотреть без боли
На змеевидный ваш извив.

К КУРГАНАМ.

Синичка милая, бездумная
В окно влетела, как стрела,
И от стола, где книги умные,
К курганам мысли увела.

Их возвышенья, словно головы,
Уснули на степной груди.
Река извивная из олова
Орлу лепечет — не буди!

И он вскрылил в пространства синие,
Парит, от солнца изнемог,
Там облаков белеет скиния,
Смеется сам лазурный бог.

Цветами белыми оснежены
Переливают ковыли.
Весною стрепеты разнежены
Купались в голубой пыли.

Кусты черемух дароносицы
Цветов плеснули дивий мед.
Душа пчелой из улья просится,
Стряхнула вьюг колючий лед.

Синичка светлая, бесшумная —
В окно впорхнула сичева.
Я позабыл страницы умные,
Все изреченья и слова.

◆ ◆ ◆

Люблю часы, когда на землю
Нисходит синяя роса,
Недремлющие чутко внемлют
Фиалок влажные глаза.
В воздухе улыбкой стынет
Последний и прощальный луч,
А солнце—золотая дыня
На черноземе туч.
С завода вольный и без блузы
Лечу в небесные бахчи,
Где звезд серебряных арбузы
И гроздья млечные алчи.
Лечу, лечу, свободный путник,
Зарею плечи окрыля,
И все таинственней, уютней
Земля и звездные поля.
Хочу я с млечной пылью слиться,
Сиять в космических лучах.
Душа, как стрельчатая птица,
Вонзилась в небо сгоряча.
Застыв в заре, так чутко внемлю
Земли далеким голосам.
Люблю часы, когда на землю
Нисходит ясная роса.

◆ ◆ ◆

В кровь зацелован топкой жаркой,
Измят об'ятьями котла,
Выскакиваю из кочегарки
Под палубные вымпела.

Как чудесно и напевно
Поют текучие поля.
Море—голубая царевна—
Нервно дышит у руля

Вижу косы в лунном инее,
Ресниц испуганных мельканье.
Моя возлюбленная в синем
Пришла на первое свиданье.

Мне так невыразимо сладки
Об'ятья влажные твои,
Твои светящиеся складки
Огонь зеленый напоил.

Впиваюсь в девственные губы,
Тону в бездонной глубине.
Лишь сердце трепыхалось грубо
На убаюканной волне.

Забыл я трюм и кочегарку
И угля черное лицо,
Фантазия по жилам жарко
Текла расплавленным свинцом.

◆ ◆ ◆

Такою радостной и хрупкой
Влетела на заводский двор,
Но вот — испуганной голубкой
Глядишь на бешеный мотор.

Он мечет голубые искры,
Рычит, как небывалый зверь,
А за тобой легко и быстро
Захлопнули стальную дверь.

С неиссякаемою верой
Рубиновый струила свет.
Горячий дым горючей серой
Все перекрасил в желтый цвет.

Поблекли пурпур и рубины,
У горнов вся завяла ты,
А некто золотой дубиной
Разбил высокие мечты.

В жилете банковом насильник
Тебя с насмешкой целовал,
Твой заревеющий светильник
Из поднятой руки сорвал.

И вот, как все, ты в клетке тоже,
Напрасна юная слеза!
Что день печальнее и строже
Твои весенние глаза.

Такая светлая и с пеньем
Ты прилетела к нам в тюрьму,
Теперь печальным привиденьем
Я не узнал тебя в дыму.

◆ ◆ ◆

Я подарю сиамского котенка
С глазами синими, как бирюза,
Он взглянет ласково и тонко
В твои усталые глаза.

Он промурлычет песню юга,
Где зори пьяны, как вино.
Где бронзосмуглая подруга
Плетет из тубероз венок.
Где хрупким золотом мимозы
Обвита пряная земля,
Седые не скуют морозы
Благоуханные поля.
Зима в цветах, земля бесснежна,
Не хрустнет ледяной песок.
Стекает из бананов нежный,
На солнце искрящийся сок.
И выше пальм взнеслись лианы,
Мелькает стрельчатая лань,
А плющ—весь масляный и пряный,
Повис, как золотая ткань...
Люби сиамского котенка,
Но на груди не дай уснуть:
Он остро прокогтит и тонко
Твою мечтательную грудь.

◆ ◆ ◆

Когда в душе все сновиденья
Куда - то отлетают вдруг,
Тебе внезапные моленья
Я приношу, далекий друг.

Я покидаю город звонкий,
Иду в простор немых полей,
Где образ призрачный и тонкий
Подруги плачущей моей.

Там влажною от слез щекою
Ласкаю белую кору
И прядь зеленую беру
Своею грубою рукою.

Вздрогнув весь от сладкой боли,
Молитву странную шепча,
Когда погаснет в дальнем поле
Зари венчальная свеча.

А ты затихнешь, как живая,
Немую грусть мою поймешь
И, ветку нежно нагибая,
Слезу ненужную смахнешь.

◆ ◆ ◆

Море безумствует, море хохочет,
Грудью могучею взмыть оно хочет
К громокипящим тучам.
Волны взбегают по кручам,
Волны хватают гранит,
Камень о камень звенит.
Сотни зеленых, мелькающих рук
В безднах морских прорываются вдруг.
Рвут и когтят одинокий маяк,
Тянут огонь в леденеющий мрак.
В небе распластано черное знамя,
С блеском кровавым
Вонзается пламя —
Руки изломанных молний
Падают в небо и волны.
Рвутся знамена клубящихся тучь.
Смыт с корабля потухающий луч—
Бурею сброшен последний фонарь,
Бродит во тьме он безумный,
Как встарь.
В гневе оборваны все паруса,
Клочья развеяла злобно гроза,
Струнами мачты и снасти звенят,
Волны крылатые бьют и кричат...
Маяк не смежит светлый взор,
Маяк как сеятель упорно
Бросает золотые зерна
На моря вспаханный простор.

◆ ◆ ◆

Березы севера все звонче
Всхлипывают и рыдают,
Ветер обнаженье кончив
Лохмотья мне в лицо кидает.

Качаясь, плачут горькой песней,
Но просеки меж них чисты,
И все нежней и бестелесней
Рой отлетающей листвы.

На умирающих березах
Как остро зеленеет мох.
Как допевают птицы в лозах,—
От них бы отлететь не мог.

Моя душа подбитой птицей
На пиках вздыбленных ветвей.
В осенний перелет стремится
Под тихий посвист журавлей

◆ ◆ ◆

Разбухли пашни, словно тучи,
Дымят горбатые поля,
И жирно смазала онучи
Как деготь черная земля.

Кричу худой, уставшей кляче —
Уперлась в грязь, хоть не кричи,
В овражках снег последний плачет,
И бродят черные грачи.

Грачи по снегу, что монахи,
Гуляют чинно и галдят,
Парнишка в продранной рубахе
Гоняет по холмам телят.

Свистит на кочке рыжий суслик,
За ним упала узко тень.
Ручьи — серебряные гусли —
Звенят немолчно ночь и день.

Светлыми весна глазами
Глядит из пашни на село,
И над горбатыми полями
Опять сиянье расцвело.

ТАИНСТВО ПОСЕВА.

Город,
Прочисть труб каменные уши
И таинство посева слушай.

Весна, весна,
Как страстно она во мне горит
Каждой веткой, каждой пушинкой.
Я чую ее огненной наседкой,—
Белое яйцо земли
Она согрела
Под красным крылом зари.
Лопается скорлупа льдов
И тает в снежнице.
Тут и там
По полям
Проклевываются
Зеленые ресницы.

Я — пыльный мужик,
Но я сильно живу.
Я вижу вскрытые жилы,
В них вскипает
Черная кровь земли,
Кипит и лижет
Мой плуг, лапти
И вороные копыта
Под солнцем вешним
Над пашнею взрытой.
Ни коня вороного ни гривы
Не вижу над черною нивой.
За взмахом взмах.
Нас взмыла и движет
Незримая сила простая.
Мы плывем
Под вздутыми парусами рубах.
Плещут черноопенные
Гребни борозд.
Все растворилось,
Все растояло —
Люди, скотина,
Птичьи стаи.
И я упорно растаял
Над бездною черной,
Растекся на миллионы десятин
Темных как ночь.
В морщинах борозд и пылинках,
В нечислимых почках,
Былинках и зародышах —
Тайное зачатие сил во мне
И каждом камне.
Так ясно и просто.
Земляные лучи по венам струятся
И птицы поют во мне.
Пузырится черноземная пена,
А в ней
Осколки огней,
Искры и звезды —
Золотые зерна
Разбрызганной пшеницы и проса, —
Огненный дождь семян!
Я весь пронизан весенним светом
И соком солнца напоен.
Хрустя в зубастых кустах,
Тает снежная кутья,
И под гребнями борон
В черных бородах борозд.

По незримым дорогам
Радостно выходит один
И многие.
Единым взмахом
По всей России
И дальше, за океаны,
Разбрызгивают лианами рук
Миллионы золотых радуг
Со вспышками мускульной силы.
Капли пота и семян.
Звени и журчи,
Зерно за зерном,
Резче капай
С мозолистой лапы
Сгущенные лучи солнца!
А кони чешут и чешут
Стальными гребнями борон
Душистые пряди
Черноземных полос
И рыжесуглинковые косы.
В голубом
Дружным голубем плещет
Ворон зимнестужных дум.
Пульс солнца чаще, чаще,
Пьяны я и оне

Из котловинной чаши
Пьем снежное вино.
Пронизана таинством величья
И журчаньем птичьих пений,
Купалась моя душа мужичья
В черноземной пене.
То к солнцу взносила сила,
То снежинкой таяла она,
То жеребенком резвилась
В черно - золотых волнах.

Город,
Открой ушей каменные зевы
И внемли таинствам посева.

ПЕСНЯ УТРЕННИХ ЗОРЬ.

Петушиные песни —
Утренние гудки над селом,
Зорька колышет
Розовым крылом.
Песнь от насеста
Ярка и остра,
Вспыхивает лепестками костра.
Плеснул петушиный смех
В соломенную бороду
Растрепанных застрех.
Бодрой улыбкой застряла
С золотой гребенкой заря.
Гордо петушиные песни горят.
Гудки вперебой говорят:
В снах не блуждай,
Пробуждайся, народ.
Солнце выходит из огненных ворот.
Гудит величавое мычанье
Под навесами соломенных колоколов,
Подойников журчанье,
Всплески голосов и слов.
Музыка доения,
Дождь молока —
Неумолкающее пение.
Пенятся облачные крынки.
Серебряный подойник облаков
Молочные капли звезд пролил...
И все ку ачевей твоя косынка
Над темной юбкою земли.

Не тебя ли ждал я, милая,
У заревешних ворот,
Пока ты огненными вилами
Вспарывала сумерек смуглый живот?
Не мои ли слезы росой
Вылились из черной ночной головы,
А теперь, перед звонко поющей косой,
Радостно смеются под ногою босой
На зеленых ресницах травы.

Нахохлившийся рыдван проснулся,
Зевнул
И сочно расхохотался в рыжей пыли,
Где пестрыми букетами
Стада расцвели,
Где озеру роскосому
Лепечет влюбленно ручей;
Вызванивают косами,
Под золотыми смолянками лучей.
Искрится сила в непомерных взмахах.
Заря, косари
И солнце в красных рубахах.
А по кудрявым кустам спозаранок,
В посконной юбке невеста,
Хлюпко месит розовое тесто
Ноздреватого тумана.

Слышим утренние песни
И петушиные гудки над селом,
Где зорька колышет
Огненным крылом.

ЧУЧЕЛО.

Косое в плечах
Трепыхалось лохматое чучело на бахчах.
Птицей былинного поверья
Волоча по земле всклокоченные перья.
В ненастье и ведро,
Походкой нетвердой,
На одной ноге,
Прикованное,
Устало шагало в даль.

В тучах ухало,
Ухало на земле,
Вспугнутое, на пугало
Садилось воронье.
Грозовые тучи
Мучили чучело.
Под зловещими зарницами,
Нагруженное черными птицами дум,
Испуганное чучело
Вкось рвалось.

В бурю, когда тучи
Грозой пучило
И покалывало огненное жало,
Чучело было не страшно,
А жалко над пашней.
Привыкли твари.
В бурю пугало также дрожало
Осенним листом,
На горизонте зарев
Маяча черным крестом.

Трепыхался оратор на трибуне,
Над плешинами арбузных голов,
Они стабунились
И глотали лохмотья слов.
Слушали, но души дремали.
Баржей покачивалось
В дымных волнах зало,
Нагруженное тушами,
Те, кому голодом
Животы не вспучило,
Смеялись:—Смотрите, смотрите,
Какое глупое чучело!

В бурю лохмотья метались
Над далью,
Как прикованные птицы.
Поскрипывали деревянные ключицы.
Гром и стук,
Тысячи рук
Молитвенно к небу воздеты,
Черною пеною вскипают лохмотья,
Как душа поэта.
Никло чучело ниц
В безысходном горе —
Кто-то выколол
Соломенные глаза,
А внизу бушевало
Черноземное море,
И вверху громыхали
Телами туч
Нагруженные воза.

Но были и светлые дни.
Дни птичьего пенья,
Когда солнце горит и не стынет,
Арбузы и дыни
Зажигали огни,
Огни своего цветенья.
Июньские ночи
Не знают ненастья,
Чужда им немочь и вьюга,
Во все безгрозное небо
Зори розовые руки
Протягивают друг к другу.
Дыни горят
Каплями застывших слез,
Золотых слез счастья,—
Их накапала утренняя заря.
Плети ползут по земле,
Они плывут
По лиловым волнам борозд,
Гребут веслами лапчатых листьев
Через камни
В палевую даль.
С деревьев свисают
Черные гроздья дроздов,
Зовет их завязь —
Зеленые бомбочки
С разорвавшимся цветом
Застывшего пламени.

Стремглавный вихрь
Из далей,
Клыки оскалив,
Рвал смело
Истощенное голодом
Лохматое тело.
Сочились соломенные раны,
Сукровицей зари
Истекая в белые дали.
Зимние бураны
Снежною солью поят.
Дни и ночи
На забытых бахчах
Черным волчонком
Стонет и бьется
Лохматая душа моя.

Мне странно видеть странников,
Что выстроились в ряд,
Подсолнухов-избранников,
Их нимбы и наряд,
Их пламень златолиственный
Над золотом голов,
Пред литургией истины
Без музыки и слов.
Торжественность не мучила,
В сердцах огонь горит,
И в черной ризе чучело
Пред алтарем зари.
Неслышно плачут стаи,
Ни возгласов, ни пений —
Лишь из кадильниц вылетают
Пламенные птицы цветений.

Косое в плечах,
Трепыхалось лохматое чучело на бахчах,
Над далью полей
И в саду души моей.
Птицей былинного поверья,
Волоча по мозгам
Всклокоченные перья,
В ненастье и ведро
Походкой нетвердой
На одной ноге,
Прикованное,
Под ритм и перебои пульса
Устало шагало в даль.

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.

ИЗ ЦИКЛА „СОКРОВЕННОЕ“.

I.

Весь от города, бывший кожевник,
Юность бросивший в грохот и визг,
Я соскучился по деревне,
По смолистому запаху изб...

На заре, отрываясь от книги,
Под надрывные вопли гудка,
Тосковал по соломенной риге
Сын смоленского мужика...

Подышать бы хлебами, полынью,
Позабыть бы на время „назад“,
Опрокинуть прозрачность синюю
В эти выцветшие глаза.

Я люблю полевую работу,
Мужиков простодушную брань,
О житье разговор по субботам
У дымящихся в роще бань.

После улиц шумных и душных,
После долгой и нудной тоски
Разве можно пройти равнодушно
Мимо клевера и реки?...

Пусть торопятся крылья времени,
Знаю — в зное июльского дня
Эта сладкая грусть по деревне
Ни за что не оставит меня...

IV.

Мне песен в жизни не допеть,—
Их залежи в душе горящей,
В мои ж глаза все злей и чаще
Заглядывает косо Смерть...

Я не ропщу. Я взял свое,—
Привык к толпе, привык к безлюдью,
Я буду прям, когда над грудью
Засвищет меткое копье...

Я понял, что прозрачность глаз
Подернулась предсмертной синью,
И что я мятой и полынью
Дышал в полях последний раз...

Но как не радоваться, что
За днями летними, сухими
Мое затоптанное имя
Не будет вспоминать никто?!..

1922.

◆ ◆ ◆

Сколько счастья и путаницы,
Я какой-то расколотый весь,—
Синь полей — моя вечная спутница,
Рев машин — колыбельная песнь.

Полевые туманы и улицы,
Корпуса и дорожная пыль;
Я могу и смеяться и хмуриться
В звоне леса и в шуме толпы.

Скука схватит жестокими лапами,
А в крови уже солнце снопом;
Здесь: приводы, моторы и клапаны,
Там: овраги, пастух Пахом.

Там все также душиста овчина.
Здесь все тот же магнитный завод,
И вот жизнь, как вода из плотины,
Закружила меня в хоровод.

Так и пусть бестолковая путаница,—
В голове моей радугой дым
Оттого, что синь — моя спутница,
Рев машин — раскаленный гимн.

◆ ◆ ◆

Я стихами по горло сыт,
Очертели мне лунные ночи,
Пусть болотом всосет меня быт,—
Быт крестьянина и рабочего.

Брошу сердце тяжелой гирей
В этот свет, в эту темь, в эту грязь...
Ну, какой же я к чорту лирик,
Если кровь у меня бунтаря.

Ну, какая же радость и польза
О высотах читать и писать,
Если в бородах вши еще ползают,
Если лешие бродят в лесах.

И сказать нужно ярче и проще:
Разве там не болотное дно,
Где рыдает гармоника тощая,
Где режутся в двадцать одно.

Где еще на глухих перекрестках
Чертят ведьмы клюкою круги,
Где в тоскующих бревнах и досках
Нет ни сказок, ни песен других...

Я стихами по горло сыт,
Очертели мне лунные ночи,
Пусть болотом всосет меня быт,—
Быт крестьянина и рабочего.

1924.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Мефистофель, отец мой и брат,
Я люблю Тебя страстно и нежно,
Наше царство — бунтующий ад,
Наше счастье — высоты и бездны.

Даже время затмить не могло
Рот, смеющийся зло и лукаво.
Твой высокий и выпуклый лоб
И в глазах отраженье кровавое...

О, какие бессмертные сны!
И не даром на верного мужа
Имя дьявола и сатаны
Производит панический ужас.

Ты лишь к дерзким приходишь на зов,
Маргарита и Фауст — забава...
Что Тебе все проклятья веков,
Что Тебе мимолетная слава?..

Пусть в крови и душа и ладонь,
Я, с пылающими глазами,
Сквозь мятежный и грозный огонь
Понесу твое имя, как знамя.

1923.

ОСЕНЬ.

Плетутся дни, измученные грузом,
Накатываются ночи тяжело;
Ах, не моя ль мечта опять влачит по лужам
Свое бессильное, разбитое крыло?..

Все чаще вязнет мысль в назойливом вопросе,—
Что выберешь теперь: борьбу или покой?
Я выберу борьбу. Уже старуха-осень
Мне гладит голову трясущейся рукой.

Пусть где-то стерегут меня со злобой кары,
Пусть в волосах все больше серебра,—
Вот этим сердцем, молодым и старым,
Еще так хочется любить и презирать...

Кто сказал, что жизни нет,
Что на улицах ветер бесится? —
Это вечер рассыпал на снег
Серебристые волосы месяца.

За оградой на каждом кусту
Покрывало висит ледяное,—
Это яблони пышно цветут
Обожженные солнечным зноем.

Тишина, отражения, иней,—
Сновиденье уснувшей земли...
Хорошо этой снежною синью
Жажду знойной души утолить

Хорошо у калитки скрипучей
Чутким слухом ловить каждый звук,
Ожиданием сердце измучить
И предчувствием новых разлук.

Наблюдать, как веселое утро
Взбросит солнце мешком на плечо,
Как бесстрастно, спокойно и мудро
Молчаливое время течет...

Отстань, старуха! Жизнь сильнее смерти,
Твоя навязчивость мне не страшна,—
Прислушайся, как звонко бьется сердце,
Как радостно в крови поет весна...

1921.

◆ ◆ ◆

Когда на строгие нахмуренные ели
Сухая изморозь набросит седину,
Как остро чувствуешь, что дни повеселели,
Как предугадываешь новую весну...

Весь день хрустит под сапогами иней,
Весь день лучи косятся на меня;
Какая тишь, какой покой пустыни
В сгорании серебряного дня.

В осинах синь, а луг весь белый, белый;
Душа легка, — ни груза, ни тревог.
И лишь от счастья вздрагивает тело
На перекрестке матовых дорог...

Густеют сумерки. Уже огонь заката
Лесной рябины окровавил куст;
Как хорошо итти весь день куда-то
Под шорох листьев и звенящий хруст...

Надеждино. 1922.

В НОЯБРЕ.

К окну ноябрьский снег налип,
Кружит метель, кружит с полудня,
Но возле оголенных лип
Еще мутнеют сгустки студня...

В трубе нечистых хоровод,
Скрипят сорвавшиеся ставни,
А жирный, золотистый кот
Мурлычет о поре недавней...

Мы оба любим солнца зной
И ночи теплые в июле...
Ты слышишь? Дьявол за стеной
Хохочет в бешеном разгуле...

Тетради, книги на столе
В густой пыли и в беспорядке...
Я буйно весел. В этой мгле
Так хорошо играть бы в прятки...

Призвать малюсеньких гостей,
Подвал наполнить шумом улья,
В разгаре радостных затей
Со смехом прятаться за стулья...

Да! Детство в прошлом... Нужно быть
Зачем-то строгим и серьезным...
Все продолжает ветер выть,
Пугая наказаньем грозным...

Но кто и чем накажет нас?
Все больше на стекле жемчужин.
Садись, кисюк, на стул. Сейчас
Из кухни принесу я ужин.

Нам нечего с тобой терять,
Воспоминать — пустое дело,—
Вдвоем отрадно вечерять
Под завыванье вьюги белой...

Пусть гуще липнет снег к стеклу
И ветер за стенами свищет,—
Рассвет придет. Садись к столу,
Мой милый, ласковый дружище...

1918.

ВЕТЕР.

О, какой же пройдоха расторопный
Этот ветер, свистящий в уши,
Разворачивает снежные копны,
Ледяные постройки рушит.

От равнины земной до небесной
Винтовые лестницы крутит,
Видно здесь ему скучно и тесно
Пролагать по снегам перепутьи.

Сосны сняли пуховые шапки
И закланялись в снежные ноги,
Он же, выхватив игол охапку,
Улетел хохоча без дороги...

— Слушай, пугник! Охай, не охай,
Если слаб, — все равно задушит...
О, какой же беззаботный пройдоха
Этот ветер, свистящий в уши..

1920.

ПРИ РАЗГРУЗКЕ.

Разговаривали в сумерках колеса
Дребезжащих нумерованных телег;
Ты ушла в туман синеволосый
Хоронить застенчивый смех.

Паровозов удушливые всхлипы
Не скребли уж душу тоской,
И тяжелые ящики и кипы
Взгромождались на плечи легко...

Позабыта во рту папироска,
На затылок сдвинут картуз;
Я шатался, как пьяный, по доскам,
На телеги наваливая груз.

— Эй, пусти! Стоишь, как идол!
Еще пять порожних телег...
Ах. какую мне тайну выдал
Сегодня застенчивый смех.

1920.

◆ ◆ ◆

Твоей душе родней и ближе я
В весенний праздник снега таянья,
Когда лучатся косы рыжие
И нет ни в чем, ни в чем раскаянья...

Угрюмой фабрикой плененная,
Гудок лишь только к небу вскинется,
Ты убежишь, в простор влюбленная,
К седой опушке — именининице...

Глаза зажгутся василечками,
В них будет много, много счастия,
Когда найдешь ты между кочками
Подснежники — весны причастие...

Поет душа. Укрытый чащею,
Сквозь дымку вьющуюся вижу я,
Как сладко солнце заходящее
Твои целует косы рыжие...

1918.

◆ ◆ ◆

Глаза любимой не знают грусти,
Глаза любимой ведут на бой...
Сегодня сердце солнце впустит
В свой замок ало-голубой...

Когда кончают станки обедни
И пыль не смыта еще с лица,
Ты мне приносишь воздух летний
И запах жженого свинца...

Глаза любимой пылают жаждой
Распятья на стальном кресте...
Сегодня я, и ты, и каждый
Горит в кровавой высоте...

1919.

ПУТНИК.

Покрыты серой пылью гетры,
Еще немного и привал;
Ни облаков, ни рек, ни ветра
Сегодня путник не встречал...

Усталость связывает ноги,
Отяжелела голова.
Уснуть бы на краю дороги,
Где спит сожженная трава.

Но степь упрямо гонит тело
Туда, где синий небосклон
Одел безбрежность дымкой белой
И погрузился в долгий сон...

Туда, где за степным покоем
Простерся город-исполин,
Где жизнь иным сжигает зноем
Попавших под ярмо машин.

Туда, где бури ежедневны,
Где стяг раскинула Борьба,
Где из настойчивой царевны
Служанкой сделалась судьба.

Вот и курган. Взойдя на гребень,
Устроит путник здесь привал
И будет наблюдать, как в небе
Клубится дымный карнавал.

Как город близкий и далекий
Воткнул в высоты пасти труб,
И вспыхнут вновь румянцем щеки,
Улыбка тронет складки губ.

Здесь его родина. Здесь скоро
Он будет брошен в жаркий бой...
О, огнеликий, гордый город,
Богат ты жертвами. Он — твой.

1918.

ДЕВУШКА ИЗ ДЕРЕВНИ.

Колеблющийся голос не похож
На прежний голос. Смотрит дикой серной.
И сердце глухо, точно ржавый нож
Тупым концом стучит неравномерно.

Как страшно здесь! И вспышки фонарей.
И суетня, и улицы, и крики...
Все снится ей простор родных полей,
Звенящие овсы, душистый мед гвоздики...

И кружится от солнца голова...
Пора косить, хлеба уже созрели...
...Бред. Липкий бред. Вокруг нее Москва
Толпящаяся, жадная до зрелищ...

В глазах круги. Язык тяжел и сух.
Попасть бы на вокзал и там упасть на плиты...
А дни бегут, подобно колесу,
По жизни преждевременно разбитой...

1922.

◆ ◆ ◆

Сквозь остро-сладкий запах липы,
Реки и молодой травы
Я слышу каменные всхлипы
Кургузых площадей Москвы...

Покинувшему город пыльный
Росой уж тяжело дышать,
И скоро скукою ковыльной
Моя отравится душа.

Передо мной, как на экране,
Встают картины прошлых дней,
Когда в осталенной гортани
Я в ярком плавился огне...

Когда из проволоки нервы
Кололи мускульную крепь,
Когда весною двадцать первой
Сжигал я сердце на костре...

Не полюбить мне тихий шорох
Листвы зеленой и травы,—
Я чувствую, что скоро, скоро
Вопьюсь пиявкой в муть Москвы...

С. Баскаково. 1919.

ЗАВОД.

Выли гудки бессвязно,
Золотом небо цвело.
Завод в проулок грязный
Уставил морщинистый лоб.

Капали капли пота
С буро-пепельных крыш,
Отдышкой завод узкоротый
Томился всю ночь от жары.

Выспался сторож хмурый,
Сбросил рваный тулуп.
Разгребали лапами куры
Грязно-сырую золу.

Шли на завод молча,
В землю вперив зрачки.
Долго голосом волчьим
Сонные выли гудки.
1919.

Я.

Я выпил сотни солнц. И все мне мало,
Все мало мне. Но сердце не грустит,
Я никогда не рассыпаю жалоб
По пыльному и долгому пути.

Сегодня—даль, а завтра—плен и скорби,
Сегодня—тьма, а завтра—блеск и зной,
Но никогда своей спины не сгорбил
Я от усталости и тяжести земной.

Снега и пыль, и терпкий запах гари...
Звенят шаги. Я дерзок и упрям.
Я—всеоб'емлющий, чье имя — Пролетарий,
Идущий к новым солнцам и мирам.
1922.

М Ы.

На смуглые ладони площадей
Мы каждый день расплескиваем души,
Мы каждый день выходим солнце слушать
На смуглые ладони площадей...

Что горячее: солнце или кровь?—
Оно и мы стоим на вечной страже,
Но срок придет, и мы друг другу скажем,
Что горячее, — солнце или кровь...

Мы пьем вино из доменных печей,
У горнов страсти наши закаляем,
Мы, умирая, снова воскресаем,
Чтоб пить вино из доменных печей...

У наших девушек бездонные глаза,
В голубизну их сотни солнц вместятся,
Они ни тьмы, ни блеска не боятся ..
У наших девушек бездонные глаза...

На смуглые ладони площадей
Мы каждый день расплескиваем души,
Мы каждый день выходим солнце слушать
На смуглые ладони площадей...
1921.

◆ ◆ ◆

Душа, кричи громче,
Ударь по нервам спящих!—
Время—опытный кормчий
Правит к высотам горящим.

Рви барабан пространство,
Дробите камни, ноги, —
В мире нет постоянства,
Нет повторной дороги.

Мы подняли смерч крылатый,
Взрыли поля чугуном;
Мы требуем полной платы
За столетья, убитые сном.

Мы временно смерть призвали
Гниющее прошлое сжечь...
Наш меч и руки — из стали,
Земля — пепелящая печь.

Вымаливать стыдно пощаду,
Кто мир не приемлет иным,
От жизни уйди за ограду,
Укройся покровом земным.

Душа, кричи громче.
Ударь по нервам спящих!—
Время — опытный кормчий
Правит к высотам горящим.
1919.

◆ ◆ ◆

Мы умеем все переносить,—
Стискивая зубы, мы годами
Пили муть овьюженной Руси
Жадными, прозрачными глазами.

Шлях и степь. Часовня и курган.
Вот что память бережет и холит;
Нас в снегах баюкала пурга
Песнями отчаянья и боли...

Мы смотрели, доверяясь снам,
Как с закатов осыпались перья,
Как слетали с сумерками к нам
Древние сказанья и поверья...

И сжигая взвихренную муть
В огненном кипеньи Революций,
Мне теперь понятно, почему
Мы боимся солнцу улыбнуться...
1921.

◆ ◆ ◆

Дороги без конца. Тоскующие чащи.
И на полях переливающаяся синь...
В рассветный час нет радостней и слаще
Любовных ласк проснувшейся Руси.

Когда спешат к заставам грузовозы,
Поют гудки о святости труда,
Когда заря пылающие розы
Бросает на поля и города...

Там одурманивает запахами клевер,
Здесь песни нескончаемые вьюг...
Я горячо люблю звенящий снегом Север,
Я горячо люблю поющий солнцем Юг...

Как я дрожу от страстного горенья,
Когда проходят в солнечных лучах
Передо мною толпами виденья,
Рассказывая о минувших временах!..

Когда мечты, — на солнце рой пчелиный,
Торжественными песнями звенят,
Какие яркие, огромные картины
Встают перед глазами у меня!..

1921.

◆ ◆ ◆

Верю я, — мы грядущее выняньчим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

Не беда, что на сердце ссадины,
Что расшиблено много лбов,
Скоро к чорту слетят перекладины
Под напором с последних столбов.

Да, еще очень много старого,
Еще голод трясет ва плечо,
Но не наше ли вспыхнуло зарево
Над Европой кровавым мечом!

Что ж бояться, что зубы оскалены
Побежденною ночью на нас? —
Перед нами сияют проталины,
Перед нами смеется Весна.

Напрягайте же разум и мускулы,
Закаляйтесь огнем трудовым,
Чтоб могло Воскресение русское
Воскресением стать мировым.

Мы возьмемся за труд не со стонами,—
В каждом есть сокровенное масс;
Будут звезды веселыми звонами
Перед утром приветствовать нас.

И когда перед нами открытая
Заалеет дорога к Весне,
Будет каждым достаточно выпито
Солнцепесенной радости дней...

Верю я, — мы грядушее выняньчим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

ДВЕ РОССИИ.

I.

Белое ровное поле,
Вешки у длинных дорог;
Сердце от грусти и боли
Я уберечь не мог.

Ветер хохочет и свищет,
Снежный колышется звон;
Кто я: поэт или нищий?
Что ты: мечта или сон?..

Мглистая непогодь злится,
Нет ни начал, ни концов...
В воздухе черная птица
Черное чертит кольцо...

Русь бледнолицая! Где же
Спрятано сердце твое,
Где же упорство медвежье,
Буйства хмельное питье?..

Кто тебя в дьявольской зыбке
Пьяную в сон укачал?
С детства я светлой улыбки
В жизни твоей не встречал...

Сквозь полусумрак неволи
Только и видеть я мог:
Белое ровное поле,
Вешки у длинных дорог...

II.

Покоя северного вестник —
Фонарь желтеет у ворот;
Здесь под гармонику и песни
Грустит оборванный народ...

Гонимый тягостным туманом,
Придешь, и не уйдешь назад,—
Перед наполненным стаканом
Повиснут мутные глаза.

Как быстро тяжелеют ноги...
О, жало жгучее тоски,
Скажи, всегда ль твои дороги
Приводят только в тупики?!..

Простор полей однообразен
И однотонен вой пурги...
Скажи: не бред же Стенька Разин,
Ткачев и тысячи других?...

— Ах, эта жажда всепознанья,
Разбившая оковы сна,—
Узнай, что только из страданья
Родится Новая Страна...

III.

Ну, и пусть на меня опрокинутся
Грязио-мутные волны тоски,—
Не зайдет же душа-нменинница
В придорожные кабаки?!..

Связан я узловыми дорогами,
На которых повесилась Русь,,
На которых трактиры с острогами
Хороиили народную грусть...

О, страна!.. С вековыми устоями,
Под стальными когтями орла,
За отверженными героями
Ты на красную пытку пошла.

Ты пошла умереть под метелями,
Чтобы снова воскреснуть в огне,
И недели текли за неделями
К надвигающейся Весне...

Мне, рожденному в отблесках горна,
Твоя крестная боль не дает
Оглянуться на труп уже черный
У железных, острожных ворот.,.

Ну, и пусть на меня опрокнпутся
Грязно-мутные волны тоски,
Не зайдет же душа-именинница
В заколоченные кабаки?!..

IV.

О, кровавое пламя костра!
О, зовущие крики набата!..
Вы распяли мое Вчера
На расплавленной меди заката.

Я уже перешел черту
Обескровленного ожиданья,—
Если сердце — горящая ртуть,
Значит жизнь — не одно страданье...

Если мне на придушенный стон
Можно смехом жестоким ответить,
Значит знойное завтра — не сон,
Значит солнце тоскует о лете...

Две России качаются в мгле,
И одна из них в зареве пытки,
Для другой, посиневшей в петле,
Вьюга саван серебряный выткет.

Ах, зарыть бы, зарыть пора
Этот труп старушонки горбатой...
О, кровавое пламя костра!
О, зовущие крики набата!..

V.

Похоронные звоны и — радио,
Та же степь, а по ней — грузовоз.
Ветер зарево вытянул радугой
На суглинок промерзших полос...

Что же? Пойте ей вечную память,
Те, кому наслажденьем был сон,
Мы же солнечными глазами
Прозреваем в недра времен.

Мы другую Россию видим
Без метелей, тоски, кабаков;
В каждом юноше — новый Овидий,
В каждом старце — мудрость богов...

Рвутся времени красные кони
Из туманных надорванных пут,
Рвутся в мир, где на огненном троне
Восседает раскованный Труд.

1920.

◆ ◆ ◆

Горе тем, кто ослепли в огне
И завязли в будничной склоке —
Никогда не забыть им о звонкой весне,
О звенящей весне на Востоке...

И когда на шумящие улицы
Робко падает день голубой,
Как мне хочется к ним вернуться
И тащить их вперед за собой...

Чтоб враги бубенцами не брякали,
Улюлюкать не смели на них,
Я хочу быть солнечным якорем
В эти новые трудные дни.

Пусть все старое злобой щерится —
С них довольно кровавых причуд,
Я свое истощенное сердце
Им, как факел зажженный, вручу...

Каждый камень кричит громогласно,
Что он видел в предутреннем сне,
Как Октябрь наездником красным
Пролетел на стальном скакуне...

Будут дни, беззакатное солнце
Нас напоит горячим вином,
Ведь недаром же прошлое гонится
За умчавшимся вдаль скакуном!

Ведь недаром костлявые пальцы
Простирает над нами Вчера,
Все надеясь, что замертво свалится
Красный всадник у солнечных врат!

Никогда, никогда не сольются
День и ночь в одну колею,
Никогда не умрет Революция,
Не окончив работу свою.

Я хочу вам сегодня сказать —
Не пора ль из-под маски испуга
Посмотреть хорошенько в глаза
Без обмана и лжи друг другу?

Не пора ль перестать скулить
На огни из своих подворотен, —
Мы из мглистых туманов пришли
Для великой и трудной работы!..

Верьте мне, близок праздничный час,
Льется солнце по нашим дорогам.
Эта жизнь будет храмом для нас,
Труд — веселым и солнечным богом.

◆ ◆ ◆

Бешено,
Неуемно бешено
Колоколом сердце кричит:
Старая Русь повешена
И мы — ее палачи.

Слава солнечной казни,
Слава корявым рукам,
Кто в себя не вмещает Разина,
Пусть и мне даст кличку: хам.

А я и другие
Железным прыжком — в века,
Нервы — в узлы тугие,
Солнце — в карман и в рукав.

Ничего, если мы сомнем
Каблуками чахлые травы,
Это жизнь запела огнем,
Это жизнь именины правит.

К чорту старый ненужный хлам,
Не волнует, не давит вчерашнее,
И в пути мне совсем не страшно,
Что вдогонку засвищут: хам...

Бешено,
Неуемно бешено
Колоколом сердце кричит:
Старая Русь повешена
И мы — ее палачи.

1923.

◆ ◆ ◆

Ну да, люди все такие,
И я быть таким не стыжусь,—
Тот Нью-Йорк любит, этот —Киев,
Кто в Америку верит, кто — в Русь.

Каждый где-нибудь, чем-нибудь занят,
Солнце пьют и китаец и сарт,
Но ведь лучше быть нищим в Казани,
Чем в Париже иметь миллиард.

Эти степи, что дышут песками,
Эти рощи, что сеют грусть...
Кто же, кто же подимет камень
На мою беззакатную Русь?

Был Октябрь. Было шумно и дымно.
Была осень, а пахло весной...
Никогда не смог бы я выменять
Синеглазый свой край — на иной.

1924.

ИЗ ЦИКЛА „ОКТЯБРЬ“.

I.

Звени, Октябрь, синими снежинками,
Пой шелестом знамен в ликующих сердцах, —
За черными, тяжелыми поминками
Мы будем праздновать свой праздник без конца.

Сегодня в душах — красные гвоздики,
Сегодня в мускулах — железо и гранит:
Как часовой Октябрь огнеликий
Стоит у входа в солнечные дни.

Борьба и Труд всегда и всюду с нами.
О, эти смуглые от солнца близнецы!
Они кричат стальными голосами
О светлой радости во все концы.

Сегодня, о минувшем вспоминая,
Возлюбленный к возлюбленной прильнет,—
Так много жизни с'ела ночь немая,
Так много сил украл минувший гнет...

Звени, Октябрь, синими снежинками,
Пой шелестом знамен в ликующих сердцах, —
За черными, тяжелыми поминками
Мы будем праздновать свой праздник без конца.

1921—1923.

КУЗНИЦА ПРИ ДОРОГЕ.

Вот кузница при дороге
Стоит, как гриб, разбухший под дождем.
Кузнец — Игнат. Уже старик. Безногий,
Дрожащий над ухватом и гвоздем.

Глаза белесые. В заплатанной рубахе.
Уже с утра он под осадой баб.
Кричат, ругаются. Но жизнь — в тяжелом взмахе,
В презрении на высохших губах.

А на полу среди плевков и сора
Заклепка к плугу, зуб от бороны,
Заржавленная, старая рессора
И штык с войны.

Игнат суров. Лицо в угрюмых складках,
Да и тяжел теперь он на под'ем,—
Вот к непогоде колет под лопаткой.
Весь дребезжит. Пора уже на слом.

Но смерть молчит. А жить, так жить у горна.
Неделя, две — и захрустит ледок.
Все также равномерно и упорно
Заходит по подковам молоток.

И кузница стара. Вся на подпорках,
Но и она кряхтит, а не сдает.
Молчит Игнат. Он продымит махоркой
Неделю. Месяц. Может быть и год.

Живет старик, живет. Седеет редкий волос.
Кряхтит и охает. Работает молчком.
Но всю мужицкую соломенную волость
Он держит под железным молотком.

1923.

НА РАБФАКЕ.

Голова переполнена кладью,
Перегрузишь — сорвешься назад.
А у Тони поблескивают радугой
Большие лесные глаза.

Нет, сегодня работать не сможется,—
Голова нагружалась с утра,
И кивает ей ласковой рожицей
Со стены ее маленький брат.

В серой комнате пятеро, пятеро...
Тяжело так работать и жить,—
Ведь хочется вспомнить о матери,
О пьяном запахе ржи...

Не уйдет, — подождет „финансовый“...
Разве памятью убежишь
От далекой затерянной станции,
От плетней и соломенных крыш?

И частенько, разбитая, дряблая,—
Не успеет за книгой засесть, —
Осыпается белая яблоня
Под соловьиную песнь.

Но уже отвыкает от слабости,—
Город стер тишину деревень,
И клокочущим счастьем и радостью
Тоня новый встречает день.

Потому, под тяжелою кладью
(Когда больше вместить нельзя) —
У Тони поблескивают радугой
Большие лесные глаза.

1923.

◆ ◆ ◆

Да, такие бывают напасти,
Что на сердце ложатся как ночь,—
У веселой уборщицы Насти
Умерла в понедельник дочь.

Я частенько захаживал к Вере
И ко мне приходила она;
Палец в рот и станет у двери
Или сядет на стул у окна.

(Знала, знала, что я скучаю:
Угадывала по лицу...) —
— Вера, хочешь сладкого чаю?..
И сквозь острые зубки:
— Хоцу...

А когда я читал о Донбассе,
О финансах, о красном враге,
Приходила и...
— Дядя Вася,
Покацай меня на ноге.

— Сколько лет тебе, Вера?
— Двести...
— Что сегодня?
— Сегодня — вцера...
Сколько раз коротали мы вместе
Незаполненные вечера.

Да, такие бывают напасти,
Что на сердце ложатся как ночь,—
У веселой уборщицы Насти
Умерла в понедельник дочь.

1924.

ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВ.

◆ ◆ ◆

Я подслушал эти песни близких радостных веков
В гулком вихре огнеликих, необ‘ятных городов.
Я подслушал эти песни золотых грядущих дней
В шуме фабрик, в криках стали, в злобном шелесте ремней.
Я смотрел, как мой товарищ золотую сталь ковал, —
И в тот миг Зари Грядущей лик чудесный разгадал:
Я узнал, что мудрость мира — вся вот в этом молотке,
В этой твердой и упорной и уверенной руке.
Чем сильнее звонкий молот будет бить, дробить, ковать,
Тем светлее будет радость в мире сумрачном сиять.
Эти песни мне пропели миллионы голосов,
Миллионы синеблузых, сильных, смелых кузнецов.
Эти песни — зов могучий к солнцу, жизни и борьбе,
Это — вызов непреклонный злобной, тягостной судьбе.

1917.

ПОЭТАМ „КУЗНИЦЫ“.

Жизнь рабочая, ты ли сладка.
Всех ущелий пути твои уже,
За пятак покупали с лотка,
И обед и скудный ужин.

И кому, как не нам, знакома
Дней голодных звериная жуть,
Ночь глухая была домом
И земля — материнская грудь.

Но отрепья бродяги святее
Желтых лап ожиревших гусей.
И от Сены до Енисея
Есть следы от наших ступней.

И в стихи загляделись страны:
Вот Чикаго бетонная мощь,
Вот отлетная грусть океана,
Перезвон кораблиных рощ.

Вот идет пастушок с отарой,
Песнь тиха, а степь широка.
Вот железо цветет под ударом
И на руль налегает рука.

Мы из бездны былого восстали
Огнекрылою бурей стихов,
Но струится в шлифованной стали
Лепестковая нежность слов.

За грядою Карпат и Алтая
Слышен молота песенный бой,
Это спорит жизнь молодая
С шепелявой старухой - судьбой.

Пролетарии и пророки
Мы пришли в предрассветной мгле
Раскаленные выковать строки, —
Светлый гимн грядущей земле.

„ЖРЕЦАМ ИСКУССТВА“.

Нужда и горе — наши ясли,
Подвальный сумрак — колыбель,
Где зори отрочества гасли
И пела вьюжная свирель.

Сирены зычные заводов
Нам рано указали путь
Под сень сурово-гулких сводов,
Где напряженно дышит грудь.

И в неразрывно-слитном хоре,
В размерном беге шестерен,
Мы разгадали чудо-зори —
Сиянье солнечных времен.

И день кровавого восстанья,
Грозу великих мятежей,
Как деву, в брачном одеяньи,
Мы ждали в сумраке ночей.

И час настал. И вихрь громовый
Оковы рабские расторг.
И солнце блеск явило новый,
И души обуял восторг...

Раскрылись радужные дали,
Зарделся ало небосклон,
И наши песни прозвучали
В багряном шелесте знамен.

В покровах синетканной блузы,
В сияньи заревых гвоздик,
Суровый облик нашей музы
Вам непонятен был и дик.

За то, что огненные струны
Смутили лепет слезных лир, —
Вы дали нам названье — „гунны,
Пришедшие разрушить мир".

Да, нам противен звук ненужных
Жемчужно-бисерных стихов,
Узоры вымыслов недужных
И призраки могильных снов.

И нам ли, в бурях закаленным,
Рожденным для великих битв,
Внимать напевам легкозвонным,
Стихирам сладостных молитв.

Ночные филины, кукушки,
Не вы избранники богов,
Он с нами, лучезарный Пушкин,
И Ломоносов и Кольцов...

Певцы труда, певцы машины,
И знаменосцы и бойцы,
Семье трудящихся единой
Готовим звездные венцы.

Мы — миру весть освобожденья,
Мы — буйно-радостная новь,
И, славя смерть и разрушенье,
Поем Вселенскую любовь.

Рожденные бессмертной силой,
Мы не погибнем, не умрем.
И сквозь гроба и мрак могилы
К вратам грядущего придем.

1919.

МЫ.

Мы несметные, грозные легионы Труда.
Мы победили пространства морей, океанов и суши,
Светом искусственных солнц мы зажгли города,
Пожаром восстаний горят наши гордые души.

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: „вы палачи красоты",
Во имя нашего Завтра—сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Мы сбросили тяжесть наследья гнетущего,
Обескровленной мудрости мы отвергли химеры;
Девушки в светлом царстве Грядущего
Будут прекрасней Милосской Венеры...

Слезы иссякли в очах наших, нежность убита,
Позабыли мы запахи трав и весенних цветов.
Полюбили мы силу паров и мощь динамита,
Пенье сирен и движенье колес и валов.

О, поэты-эстеты, кляните Великого Хама,
Целуйте обломки былого под нашей пятой,
Омойте слезами руины разбитого храма —
Мы вольны, мы смелы, мы дышим иной красотой.

Мускулы рук наших жаждут гигантской работы,
Творческой мукой горит коллективная грудь,
Медом чудесным наполним мы доверху соты,
Нашей планете найдем мы иной, ослепительный путь.

Любим мы жизнь, ее буйный восторг опьяняющий,
Грозной борьбою, страданьем наш дух закален.
Все—мы, во всем—мы, мы пламень и свет побеждающий,
Сами себе Божество, и Судья, и Закон.

1917.

ЖЕЛЕЗНЫЙ МЕССИЯ.

Вот он — Спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме приводов, в блеске машин,
В сиянии солнц электрических.

Думали—явится в звездных ризах,
В ореоле божественных тайн,
А он пришел к нам в дымах сизых,
С фабрик, заводов, окраин.

Вот он шагает чрез бездны морей,
Непобедимый, стремительный,
Искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный.

Где прозвенит его властный крик, —
Недра земные вскрываются,
Горы пред ним расступаются в миг,
Полюсы мира сближаются.

Где пройдет—оставляет след
Гулких железных линий,
Всем несет он радость и свет,
Цветы насаждает в пустыне.

Новое солнце миру несет,
Рушит троны, темницы,
К вечному братству народы зовет,
Стирает черты и границы.

Знак его алый—символ борьбы,—
Угнетенных маяк спасительный,
С ним победим мы иго судьбы,
Мир завоюем пленительный.

1918.

◆ ◆ ◆

К нам, кто сердцем молод,
Ветошь веков — долой!
Ныне восславим молот
И Совнарком Мировой.

Боги былые истлели.
Нам ли скорбеть о том?..
Резких пропеллеров трели,
Радио мы воспоем.

Трактором разума взроем
Рабских душ целину,
Звезды в ряды построим,
В вожжи впряжем луну.

Новые дали измерим
Взором прожекторов-глаз,
Мы никому не поверим
В сказочный райский Шираз.

Здесь, на земле будем биться,
В терниях, розах, крови,
Знаем, здесь загорится
Солнце Вселенской Любви.

Что нам до мудрости тощей —
Пепельной пыли веков.
Нашей бунтующей мощи
Нет и не будет оков.

К нам, кто сердцем молод,
Счастье возьмем борьбой,
Ныне восславим молот
И Совнарком Мировой.

ПАМЯТНИК ТРУДА.

Подземный рокот цементовых артерий,
Тяжелый взлет двадцатых этажей,
Как вымыслы причудливых поверий,
Цветенье электрических огней.

Безгласный хор гранитных изваяний,
Застывший гимн тревоги и труда,
Каких веков здесь пресекались грани,
Кем создан, сотворен, когда?

Кто скажет—здесь „мое“ и дерзостно отторгнет
От общей музыки своих усилий ввук.
Здесь тысячи творцов в проклятьях и восторге
Сплели живую вязь из чудотворных рук.

Прислушайся, и ты услышишь внятно,
Как дышат площади и говорит гранит,
На ржавых кирпичах увидишь крови пятна,
Горячий пот на плитах заблестит.

О, памятник Труда, ты величав и вечен,
О, глыбы тяжкие, о, плиты площадей,
Здесь каждый камень огненно отмечен
Бессмертным подвигом неведомых людей.

1921.

ТРУДУ.

Тебя не воспели поэты в одах,
Жрецы не сжигали душистых огней,
Хоть был ты в истории темных водах
Христа и Будды святей.

Славить тех, кто сталкивал лбами,
Народ с народом в безумии войн,
А твоих сыновей, заклеймив рабами,
Стадом позорным вели на убой.

Им—испепелившим поля и селы,
Блеск пантеонов, величье пирамид,
А тебе, одевшему плотью долы,—
Рубцы нагаек, бичи обид.

Ты—чьи мозолистых рук ладони
Землю под'емлют, как мальчик мяч
Смотрел извечно в нужде, в загоне,
На праздности сытой безумный скач.

Тебе ль воздвигать монументов мелочь,
А если и строить,—надо с Монблан,
Чтоб вся история мира пела
О крови и муках безмерных ран.

1921.

9-е ЯНВАРЯ.

Шли, обнимались,
Пели, шли,
Взоры, как свечи,
Жарко цвели.

Праздничек чудный,
Ризы икон,
Правит обедней
Попик Гапон.

Видно обедня
Тут не проста—
В лучших нарядах
Мать и сестра.

Верили в чудо,
Пели, шли.
Только не ждали
Острое: „Пли."

Трах... Оборвалось
„Боже царя"...
Кто-то качнулся
У фонаря.

Взор неподвижный
Страшен и дик,
В снежных сугробах—
Пламень гвоздик.

Улица пьяная
Пляшет свинцом:
Батюшка-царь
Угостил винцом.

Сабли казацкие
Метки, остры:
Брата не стало,
Не стало сестры...

Синие глазки
Малых ребят,
Словно на елку,
В небо глядят.

Внук не забудет
Этот пирок...
Кровушки попил
Русский царек.

25 ОКТЯБРЯ.

Есть дни величавей столетий...
Играй, моя песня, гори!
Этот день осенний светит
Светом неумирающей зари.

Дни брели бродягами хилыми,
Пропадая в тумане и мгле,
Этот встал над седыми могилами
Женихом невесте-земле.

Никогда не забудут потомки
Бурный Смольный с жужжаньем улья,
И сжигавшие страх и потемки —
Пламя слов и костер патруля.

Каждый был на голову выше,
Каждый был окрылен и силен.
Верю: даже созвездия слышат
Этих дней полыхающий звон.

Были пьяны, хмельны без водки,
От зари до зари без сна,
Было новое даже в походке,
В каждом взоре—огонь и весна.

КРАСНЫЙ КРЕМЛЬ.

Паруса золотых куполов,
Мачты древних причудливых башен.
Дремлет быль ураганных веков...
Ты плывешь кумачевым сияньем окрашен,
Осененный грядой парусов.
И плывут над тобой облака,
Словно дальние гости с поклоном,
Чтоб упиться твоим чудодейным звоном,
Над тобою плывут облака.
Нагруженный сокровищем сказочных цен —
Бриллиантами слез и рубинами крови,
Ты купаешься в зареве пен,
Полон мудрости предков и солнечной нови,
Опоясанный панцырем стен.
Ленин, светлый провидец-пилот,
Смотрит зорко прищуренным оком
На игру расплясавшихся вод,
И числит заветные сроки.
А даль величаво цветет.
И радио-птицы летят и летят из открытых бойниц
За моря, океаны и горы,
Где братья в оковах, где ржавые тяжки затворы,
Где лица опущены ниц, —
Там яростней клекот огонь источающих птиц.
И падают, падают слов метеоры-ракеты:
Ловите, ловите дары непомерных щедрот, —
Кометы посланий и звездные строки декретов,
Восстаньте, спешите, вас Кремль краснозвонный зовет...
Израненной Индии стоны
И вопли несметных раскосых рабов
Гнездятся под сенью твоих куполов,
Где молнии бурь начертали вселенной законы.
О, Новая Мекка. О, Ноев Ковчег
Бушующих дней мирового потопа,
В крови и смятеньи Восток и Европа,
Но смел и уверен твой огненный бег.
Плыви, о плыви, златокрылый корабль-исполин,
Уж голубь несет долгожданную ветку спасенья,
И колокол древнего веча с твоих нерушимых вершин
Вещает народам, что близится день Воскресенья.

Паруса золотых куполов,
Мачты древних причудливых башен,
Ты плывешь, кумачевым сияньем окрашен,
К берегам величавых веков.

1920.

МАТРОСАМ.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песнь огневая рубиновых слов.

Вы—солнце, вы—свежесть стихии соленой,
Вы—вольные ветры, вы—рокоты бурь,
В речах ваших звоны, морские циклоны,
Во взорах безбрежность—морская лазурь.

Врагам не прощали вы кровь и обиды
И знамя борьбы поднимали не раз,
Балтийские воды и берег Тавриды
Готовят потомкам пленительный сказ.

Как бурные волны, вы грозно вливались
Во дни революций на Невский гранит,
И кровью орлиной не раз омывались
Проспекты, панели асфальтовых плит.

Открытые лица, широкие плечи,
Стальные винтовки в бесстрашных руках,
Всегда наготове для вражеской встречи,—
Такими бывали вы в красных боях.

Подобно утесам, вы встали, титаны,
На страже коммуны, на страже свобод
У врат лучезарных, где вязью багряной
Сверкает бессмертный Семнадцатый Год.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песня поэта, вам слава веков.

1918.

ВОЖДИ.

Под грузом изнемогшим кораблям
В свирепых штормах легче мили числить,
Чем избранным глядеть в лицо векам,
И в бурях дней дерзать и мыслить.

Квадрат стола — держава, класс, народ,
Глухие цифры, диаграммы, планы,
Движенье цен, провалы, недород,
Вопрос о ближних и далеких странах.

Там прошлое глядит зрачками сов,
А новое — в огне противоречий.
Всех накормить, имея „пять хлебов".
И глубже голова уходит в плечи.

Ползет слепая липкая молва,
Из-за угла — беззубый, древний ропот,
И вот — найти решенья и слова,
Взнуздать стихий табунный топот.

Распутать дней тяжелые узлы,
Многообразию единый выбрать стержень,
Быть струн отзывней, быть металла тверже
И ненавистным не прослыть.

Под грузом изнемогшим кораблям
В свирепых штормах легче мили числить,
Чем избранным глядеть в лицо векам,
И в бурях дней дерзать и мыслить.

1923.

◆ ◆ ◆

Жить страдая и песнями пениться.
Вот что мне суждено на земле.
Ты, душа моя, древняя пленница,
Что ты видишь в бушующей мгле?

Одинокие и бесприютные
Мы приходим на торжище дней,
Где вздымают восторги минутные;
Быстролетные брызги страстей.

И глядим, словно странники дальние,
На игру за оградой чужой.
И опять безысходней, печальнее
Встанет путь одинокий, ночной.

Словно розы, созвездья качаются,
Только им мы с тобою сродни.
Ах, недолго, недолго нам маяться,
Скоро вспыхнут иные огни.

Скоро, скоро желанная вестница
Протрубит нам в серебряный рог,
Золотыми ступенями свесятся
Эти звезды у наших ног.

◆ ◆ ◆

Каждый день по-новому чудесен,
Я всегда взволнован и влюблен —
Сколько в сердце зацветает песен
И сияет дорогих имен.

Видно жил я в мире не напрасно...
О, земля, благословенна будь,
Знал я путь тоскливый и ненастный,
Но и солнечный сиял мне путь.

Видел я пленительные страны,
Голубую глубину морей,
От любви и страсти были пьяны
Эти губы в сумраке ночей.

Что ж ты ропщешь, черная тревога,
О каком еще томишься дне?
У последнего могильного порога
Улыбнусь я солнцу и весне.

◆ ◆ ◆

Весь пронизан солнцем, звоном, пением
И твоею волей, высота,
Как листок, захваченный течением,
Забываю: явь или мечта.

Да и как не позабыть былое мне
В этом буйстве солнца и цветов,
В этом нежно - голубом огне
И зеленом пламени стволов.

Только сны младенчески - хрустальные,
Только звуки заревой игры.
И какие здесь приснятся дальние —
Никогда не бывшие миры.

Вздохи ль моря, или брызги звонкие,
Что вздымает влажная волна,
Или шумы ароматно - тонкие
В закрома бегущего зерна.

Весь пронизан солнцем, звоном, пением,
Обо всем, что было, позабыв,
Слышу, слышу вечное биение,
Вечной жизни солнечный разлив.

РАЗГОВОР СО ЗВЕЗДАМИ.

Когда был я совсем еще маленьким мальчиком,
Вы казались мне взорами ангелов рая,
Я хотел встать на гору и тронуть вас пальчиком,
Я слова вам шептал, засыпая, играя.

Ах, не так уж смешны эти детские грезы,
Вырос я и прочел у поэтов больших
Про алмазы, топазы, небесные розы...
Чем же был я глупей и наивнее их?

И теперь, когда мудрым я стал и суровым,
Полнозвучной, живою игрою стихов
Я хочу говорить и беседовать снова
С вами, звезды мои, в тишине вечеров.

Что я знал в этом мире светлей и чудесней
Ваших мудро-светящих, горящих страниц...
Ах, не сказка, не бред эти звездные песни,—
Из глубин бытия прилетающих птиц.

Нужно быть безнадежно-глухим и тупицей,
Чтоб не видеть открытых в безбрежное врат,—
И не слышать, как звездная сила струится
В поцелуях любви и созвучьях сонат.

И когда я встречаюсь со взором любимой,
Где безумство зачатий и святость игры,—
Вижу ясно: вот там, в беспредельности зримой,
Возникают, кружатся иные миры.

Когда небо беззвездное,—мнится навеки,
Мы придавлены черной, могильной плитой,
Только вами струятся и движутся реки
И цветы орошаются чистой росой.

И когда мое сердце устанет биться
И в земном затеряется страстный напев,—
Верю: там, на полях голубых возродится,
Расцветет и воскреснет мой огненный сев.

РАЗГОВОР С РОЗАМИ.

Древней клятвою, давним обетом
Нам дано нераздельно расти,
Мне без вас не родиться поэтом,
Без меня же и вам не цвести.

Розы, розы, избранницы росные
Зоревого совета цветов,
Пусть проходят глухие и косные
Мимо песенно - алых шатров.

Вот и я... ни одежды, ни золота —
От моих исступленных строк,
Только сердце в крови, но молодо
И лицо всегда на восток.

Говорят, не нужны, не полезны мы,—
Розы праздны, бесцельны мечты...
„Все цветы заменить железными!
И совсем запретить мечты".

Розы, розы, любимые, древние,
Да минует нас чаша сия.
Будут песни еще напевнее,
Будут розы бессмертно сиять.

И недаром в блаженстве и горестях,
Когда мало слез и слов,
Расцветают звездные повести
И поют лепестки цветов...

Древней клятвою, давним обетом
Нам дано нераздельно расти,
Мне без вас не родиться поэтом,
Без меня же и вам не цвести.

РАЗГОВОР С УЧЕНЫМ.

Нет, вы не правы, мудрый мой профессор,
Когда из круга точных слов и мер,
Меня выводите, как праздного повесу,
Творца причуд, фантазий и химер.

Я так же, как и вы—изобретатель, зодчий,
Хотя пишу стихи, а вы трактат,
Но вместе ищем мы путей короче
В сад Человечества—благоуханный сад.

И вот, когда в тиши лабораторий
О тайнах атома вы ставите прогноз,—
Чудесное я вижу в каждом взоре,
В сияньи звезд и дуновеньи роз.

В толпе людей я библии читаю
Неявленных и отзвучавших лет,
Биенье сердца я соединяю
С движеньем солнц, круженнем планет.

Когда ж суровыми, упорными трудами
Вы рабства древнего порвете сеть,—
Всех радуг радостней я загорюсь стихами,
Чтоб вечно вы могли цвести и молодеть.

ЗВЕЗДНЫЙ РЕЙС.

А. С. Неверову.

Как жизнь, как самое красивое,
Что люди ставят напоказ,
Серебролиственными ивами
Снимут звезды в сумрак глаз.

И я гляжу светло встревоженный,
Любовно преданный земле;
Дома, кварталы — все уложено,
Как груз на дальнем корабле.

И мы плывем глухими сферами,
Плывем века, плывем давно,
Горим легендами и верами,
Где ложь и истина — одно.

И только звезды льются звонами...
Как сладко ни очем не знать —
Игрой, случайностью ль, законами
Дано нам мыслить и дышать.

Есть радость крепкая и зримая
И легковейная, как сон...
Плыви, плыви, земля любимая,
Под звездно - синий перезвон.

МОИ ПОХОРОНЫ.

Под звон трамваев я умру,
В сурово-каменном жилище,
Друзья потащат поутру
Меня на дальнее кладбище.

И будет та же суета
И шум на улицах столицы,—
Любовью пьяные уста
И скорбью выпитые лица.

И как всегда, в урочный час,
Расклеят свежие газеты,
И чей-нибудь досужий глаз
Прочтет нелепость о поэте:

„Сей жизни оборвалась нить"...
Иль что-нибудь в таком же роде;
А гроб мой будет важно плыть,
Красуясь празднично в народе.

И на углу грузомотор,
Вдавив в булыжник лапы-шины,
Тревожно пробасит в упор
И окадит толпу бензином.

И так под выкрики сирен
И причитания невесты,
Вдоль тротуаров, лавок, стен
Кортеж проследует до места.

Там кто-нибудь, терзая слух,
Прочувствованной речью тронет,
И кто-нибудь, чужой иль друг,
Слезу, по глупости, уронит.

И только я, для всех незрим,
Исполнен горечи, досады,
Тоскою смертною гоним,
Поспешно выйду за ограду.

И буду долго, долго так,
Бродить, сжигая папиросы,
А вечером, прильнув к устам,
Любимой буду гладить косы.

ЮНОСТЬ.

Пароход причален, ошвартован,
С мачты снижен карантинный флаг.
Вот и берег, добрый берег снова,
Южный вечер, ласковая мгла.

По крутой, качающейся сходне,
Я сбегаю белый, голубой...
Море, море, не тебе сегодня
Эта песнь и сердца перебой.

Шевелит, целует ветер блузу,
В складках,—Яффа, Бейрут и Алжир,
А под блузой, в дружеском союзе,—
Милый Бебель, финики, инжир.

Путь недолог, вот и Молдаванка,
В тихой дреме—старый Дюков сад,
Лебедой поросшая полянка...
Как глаза, глаза ее горят—

О, Рахиль, о, сладкий дух акаций,
Звезды-очи, звезды в вышине.
Шопот речи, шелест прокламаций,
Это было или снилось мне?

Никогда не отцветали зори,
Зори в сердце, зори поутру,
Юность, юность, ты свежа, как море,
И крута, как парус на ветру.

ОТЕЦ.

С. Обрадовичу.

Только утро румяным ветрилом
Зашумит, заиграет в дали,
По высоким лесам и стропилам
Подинмаю я кладь земли.

Тяжелеют, сутулятся плечи,
Но зовет высота: не стой!
И от тяжести, словно от печи
Обливаюсь горячей росой.

И когда нестерпима ноша,
Шаток шаг на крутых мостках,—
Васильковые взоры крошек
Улыбаются там, на лугах.

Не оттуда ли свежестью веет...
Слышу лепет моей детворы,
И усталое тело звереет
И на плечи ложатся миры.

Ах, не это ли мышцами движет
И грядущее кровью кропит.
Вечереет. Спускаюсь и вижу
Дальний блеск мировых стропил.

◆ ◆ ◆

Ее головка в золоте волос,
Как зрелый плод к груди моей припала,
Дышало небо зноем алых роз,
Струились звуки звездного хорала.

Во мне был мир, а мир иной, безбрежный
Я к сердцу прижимал взволнованной рукой;
С любовью, страстью неизбывно-нежной
Я вглядывался в образ дорогой.

В озера глаз, где пышные ресницы,
Как лозы гибкие склонялись к глубине,
И полыхали жаркие зарницы
Ее зрачков на сумрачной волне.

На склоны розовых ланит спадали
Лугами трав распущенные косы
И все ее семнадцать ясных весен
Как ласточки в руках моих дремали.

Вот здесь у сердца жизнь ее струилась,
Вся жизнь с ее таинственной игрой,
С любовью, муками, цветеньем и могилой
Была доступной, близкой и родной.

ДЕВУШКЕ.

Сосуд из солнца, крови и цветов,
Душистая молитва тела,
Предутренняя розовость сосцов.
И эта дремлющая боль зачатья,
Бессмертия немолкнущий фонтан,
Под складками чуть дышащего платья.
О, заиграй жемчужной наготой,
Откинув прочь стыдливости запястья,
Как Афродита пеной золотой...
Вот ты идешь в сиянии лучей,
Владычица законов и страстей.
Струится сад благоуханно-спелый
И веет свежестью безмерный океан,
А я гляжу в восторге онемелый...
О, богородица, поют мои уста,
Роди веселого и буйного Христа.

1922.

НА РОДИНЕ.

Тихий мир дремучих преданий,
Золотое приволье полей,
Колокольчик в вечернем тумане
И колдующий шопот ночей.

Выйдешь в поле и взор цепенеет,
У зеленой заглохшей межи
Материнскою лаской веет
От душистых разливов ржи.

Грезы ль детства с игрою, покосами,
Или юности сон золотой:
Вдруг пахнет ароматными росами
И звенит и поет за рекой.

Окликает знакомым голосом
Тишина перелесков глухих,
А в душе, как в высоком колосе,
Наливается солнечный стих.

НОЧНАЯ ПЕСНЬ.

Предстала ночь воздушна и легка,
В тумане голубом поплыли очертанья
Знакомых зданий, башен... И река
Струится медленно в несознанном сознаньи.

И я гляжу на жизнь ее струи,
В ней ритм веков забылся неизменный
И все дела и помыслы мои
Пред ней склоняются, как некий прах мгновенный.

Мне страшно и светло от радостной красы,
От звездных неводов, закинутых в безмерность,
Сверкает Орион — то вечные часы,
И сладостна мне их незыблемая верность.

Свобода и закон текут в моей крови,
В ней тот же ритм подвластный и раздольный,
Коснуться берегов и смерти и любви
Мне суждено игрою своевольной.

Глядят миры и я гляжу земной —
Знакомые давно во мгле противоречий,
И все ясней встает передо мной,
Такой простой прообраз человечий...

Приду домой и трубку закурю
И в нежности склонюсь над крошкой синеокой,
Щенку дам молока... а в новую зарю,
Быть может, встану злобный и жестокий...

Свобода и закон текут в моей крови,
В ней ритм миров подвластный и раздольный,
Коснуться берегов и смерти и любви
Мне суждено игрою своевольной.

В ГОРОДСКОМ СКВЕРЕ.

Движеньем вздыбленная пыль,
Подстриженные гладко клены,
Тоскливо-будничная быль,
Докучливо-глухие звоны.

Нерасторжимо-тесный круг,—
Дома, чугунные ограды.
Июльский вечер—злой пастух
Сюда согнал людское стадо.

За парой пара,—сколько лиц!
И сколько взоров жадно-зорких,
Вот женщины с походкой птиц,
Сменявших небо на задворки.

В нарядном френче, в звонах шпор,
Петух шагает с пестрой павой,
Как грош истертый разговор,—
Неуловимые отравы.

Старик, изгрызанный тоской,
И неуверенно, несмело,
Влачит, сгибаясь над клюкой,
Худое, немощное тело.

Ни сон, ни явь,—тоскливый бред,
Пустое тусклое томленье...
О, неужели больше нет
Ни радости, ни упоенья?

О город, город, злой вассал,
Ты смотришь с хохотом стозвонным
На этот жалкий карнавал,
В кругу, навек завороженном.

◆ ◆ ◆

Был вечер, как вечер. Кричали моторы,
И звезды свершали свой древний поход.
Шли люди. Смеялись, вели разговоры.
Был месяц июнь, девятнадцатый год.

Дома, как зеваки, затертые давкой,
Столпились, дав выход горбатой Тверской;
У пыльного сквера, где чахлая травка,—
Тоскующий Пушкин поник головой.

Мечтателям грезились пышные замки,
У юношей сладостно млели тела,
Самцы петушились, кудахтали самки,
На время забыв и труды и дела.

Все было так просто,—излишни разгадки,—
И небо и звезды, толпа и поэт.
Все было прилично, все было в порядке,
Так будет и впредь—через тысячу лет?

ВАСИЛИЙ КАЗИН.

◆ ◆ ◆

Мой отец простой водопроводчик.
Ну, а мне судьба судила петь.
Мой отец над сетью труб хлопочет,
Я стихов вызваниваю сеть.

Кровь отца, вскипавшая, потея,
Над сырой задачей чугуна,
Мне теперь для ямба иль хорея
Волноваться отдана.

Но, как видно, кровь стихов сильнее.
От отца не скроюсь никуда.
Даже в ямбе, даже и в хорее —
Родинка отцовского труда.

Даже и в кипеньи пред работой,
Знать, отцовский норов перенял.
Только то, что звал отец охотой,
Вдохновеньем кличут у меня.

Миг — и словно искоркой зацепит,
Миг — и я в виденьях трудовых,
И кипучий и певучий трепет
Сам стряхнет мой первый стих.

Вспыхнет ритма колыханье.
Полыхнет упругий звук —
Близких мускулов дыханье,
Труб чугунный перестук.

А потом, как мастерством взыграю.
Не удам и батьке старику —
То как будто без конца без краю
Строки разгоняю... вдруг и на скаку,
Как трубу, бывает, обрубаю
Стихотворную строку.

Ну, а то — и сам дышу утайкой,
Повинуясь ритму строк своих —
Тихой-тихой гайкой —
Паузой скрепляю стих.

Пауза... и снова, снова строчки
Заиграют песней чугуна:—
Что ни строчка — в трудовой сорочке
Вдохновеньем рождена.

Так вот и кладу я песни - сети...
Многим и не вздумать никогда,
Что живет в искуснике поэте
Сын водопроводного труда.

1923.

ГАРМОНИСТ.

Было тихо. Было видно дворнику,
Как улегся ветер под забор
И позевывал... И вдруг с гармоникой
Гармонист вошел во двор.
Вскинул на плечо ремень гармоники
И, рассыпав сердце по ладам,
Грянул — и на подоконниках
Все цветы поплыли по лугам.
Закачались здания кирпичные,
Далью, далью опьянясь,
Ягодами земляничными
Стала сладко бредить грязь.
Высыпал народ на подоконники —
И помчался каждый, бодр и бос,
Под трезвонами гармоники
По студеному раздолью рос.
Почтальон пришел и зачарованный,
Пробежав глазами адреса,
Увидал, что письма адресованы
Только нивам да лесам.

ОЖИДАНИЕ.

Я ждала, ждала тебя, любимый,
Все глаза влила в окно.
Ой, и длинен, длинен день неугасимый,
Огневое золотое волокно!
Издали клубился,
Вился дым из труб.
Мнилось, не ко мне ли торопился
Твой волнистый темный чуб.
И томленью, нетерпенью слуха
Было слышно, как у двери, вся напряжена,
Глухо
Переминалась тишина.
И тянулась нудная обуза.

Вдруг — и синевы края...
Ближе... блуза... чья-то блуза...
Синяя... твоя... твоя...
Дверь шушукнула, и как во сие я
Сладко затуманилась в сияньи дня.
Подошел... прильнул и ну, синея,
Обнимать и обнимать меня.
Обнимал ты... И со страстью жадной
Я взглянула на тебя и ах! —
Ах, и как я обозналась, ненаглядный —
Это вечер обнимал меня впотьмах.

◆ ◆ ◆

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.
Ой, вейтэсь, осыпайтесь на пол
Вы, кудри русые, с доски!
Ах, вас не мед ли где закапал:
Как вы душисты, как сладки.
О, помнишь ли, рубанок, с нами
Она прощалася спеша,
Потряхивая кудрями
И пышно стружками шурша.
Я в то мгновенье острой мукой
Глубоко сердце занозил,
И после тихою разлукой
Тебя глубоко запылил.
И вот сегодня шум свиданья —
И ты, кудрявясь второпях,
Взвиваешь теплые воспоминанья
О тех возлюбленных кудрях.
Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

◆ ◆ ◆

Я нет-нет и потемнею бровью,
Виноватой памятью томим.
Ты прости меня своей любовью
И своим величием простым.

Только ты одна меня любила,
Ты — завода кровная родня,
Теплая, заботливая сила
От тебя теснилась на меня.

Жизнь гражданской тяжбой волновалась,
Не склонялась жизнь любовь беречь —
Тяжких дней отрядами врывалась
В тихие часы любовных встреч.

Эх, бывало — услыхав тревогу,
Ты срывала нежности порыв
И, оставив строгий след порогу,
На ходу винтовку зарядив,
Своему заводу на подмогу
Ты бежала в гневные ряды.

И, дыша пороховым дыханьем,
Путь марая кровью от следа,
Прибегала вновь и вновь признаньем
Нежила — сердечна и тверда,
И своим певучим дарованьем
Я вливался в гневный ряд труда.

Эх, и надо ж было так случиться,
Что явилась, чуждая, она.
Жаркая походка... Грудь лучится...
Вся — дразнящей страсти целина.

Знай, что был я духом без ответа,
Что не мог я только побороть
Плоть свою, хмельную плоть поэта,
Падкую на сладостную плоть.

И за ней, за чуждой, за красивой
От тебя я, милая, ушел.
Были тщетны все твои призывы,
Даже клич борьбы как сор отмел.

Словно с ней в угоду сладострастью
Пестрый голос прочих чувств затмил...
Ах, силен телесной женской властью
Потерявший силу старый мир!

Что же проку, и смешно, быть может,
Если после, плотью откипев,
Я готов был против самого же
Обратить рядов рабочих гнев.

Полные великого дерзанья,
Улеглись гражданской тяжбы дни...
Кто под лаской твоего признанья
Твоему заводу стал сродни?!

Я нет-нет и потемнею бровью,
Виноватой памятью томим.
Ты прости меня своей любовью
И своим величием простым.

МЕДОВЫЙ СПАС.

Погашен солнечный заход.
И вечер, вечный пчеловод,
Дорогой тихой, зыбко-мглистой,
В одежде свежей и душистой,
Душистый, радостный пришел
И выпустил на небо пчел.
И оживленный, золотой,

Рассыпался пчелиный рой
В небесной чаще васильковой,
И желтый, ясный сок медовый
Налился, снятый с васильков,
В хрустальных сотах облаков.
Темнеет. Синий пчеловод
Царицу старую зовет.
И молчалива, смуглолица,
Глубокодумная царица
В любимый тихий-тихий час
Идет справлять Медовый Спас

◆ ◆ ◆

И ветер вешний, и я
К вечеру так устали.
Мутится голова моя,
Мутятся дали.
Тихой дорогой сырой,
В оторопи озноба,
С набухшей, грузной метлой
Плетемся, плетемся оба.
В памяти — ручей за ручьем
Под солнцем клокочет звонко,
И метем их, метем вдвоем —
Ветер-то, ветер-то — наперегонку!
Металась метла — вдрызг.
И мы метались,
В бисере брызг
Задыхались, задыхались.
И ветер вешний, и я
К вечеру так устали.
Мутится голова моя,
Мутятся дали.

◆ ◆ ◆

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе —
И отговаривается гром
И в воздухе, и в каждом доме.
Кусаю ножницами я
Железа жесткую краюшку,
И ловит подо мной струя
За стружкою другую стружку.
А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка.
Ой, сколько, сколько майских луж —
Обрезков голубого цинка!
Как громко по трубе капе́ль
Постукивает молоточком,
Какая звончатая трель
Гремит по ведрам и по бочкам.

КАМЕНЩИК.

В. Александровскому.

Бреду я домой на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.
Поет он, как выше, выше
Я с ношей красной лез,
Казалось, до самой крыши,
До синей крыши небес.
Глаза каруселью кружило,
Туманился ветра клич.
Утро — тоже взносило,
Взносило красный кирпич.
Бреду я домой на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

НЕБЕСНЫЙ ЗАВОД.

И высок, и широк
Синекаменный завод.
Чу! Порывистый гудок
Пыльным голосом зовет
И спешат со всех концов
В толстых блузах закопченных
Толпы мощных кузнецов,
Ветровым гудком сплоченных.
Все темнее, темнее высь.
Толпы темные сошлись
И проворно
Молний горна
Душным жаром
Разожгли
И раскатистым ударом
Ширь завода потрясли.

ПЕСЕНКА.

Ветер начал. Я ему попутно
Подтянул случайным голоском,
Солнышко втянулось и уютно
Мы запели песенку втроем.

Ветер заливался голосом быстрым,
Я его старался слить со мной,
Солнышко рассыпало звончатые искры.
Увлекало песенку весной.

Шли и пели, пели по дороге,
Пели трое о сердечном, о своем,
И у каждого таяли, таяли тревоги,—
Потому что песенку пели втроем.

◆ ◆ ◆

Давю такого не было лентяя!
Такого солнца! Желтый лежебок...
Подумайте: до самого до мая
Замешкать, задержать снежок.
И лишь один протеплен переулок,
Где так душисто дымится грунтозем,
Как будто бы, не потушив, с огнем —
Тут солнце бросило окурок.

ДЯДЯ ИЛИ СОЛНЦЕ.

Цветут глаза, и слух, и дух цветет, впивая
От каждой твари сочный, пестрый звон.
Но кто родней — мой дядя ли Семен
Сергеевич, иль это солнце мая?
Он очень мил, мой дядюшка портняжка,
Сердечный, вечный самогонки друг,
Зимой и летом пышущий так тяжко,
Что позавидует утюг.
Он шумный пьяница, но великолепен
Теплынью искренней его нелепый шум —
То вкусной руганью ослепит,
То взбрызнет шуточки изюм.
И как чудесны дядюшкины руки,
Когда, жалея мой влюбленный пыл,
Он мне так ревностно разглаживает брюки,
Чтоб я глазам любимой угодил.
И этих рук сердечное движенье
Ложится родинкой в моей груди.
Вдруг—солнце! Солнышко... Звени, гуди,
Малиновое сердцебьенье!

Сочится солнце с картуза,
Стучится искрами в глаза
И веселится солнце мая
Красней бубнового туза,
Страстией гармоники играя,
Струится, брызжется весной,
И по губам и по карманам
Струится праздником румяным.
И я глотаю сочный звон —
Ах, дядюшка, скажи, родной, —
Не то ли солнце стало мной,
Не то ли сам я солнцем пьяным!
Как много жизни бьет в груди!
Ах, дядюшка, хоть отцеди
На следующее поколенье!
Звени, звени, гуди, гуди,
Малиновое сердцебьенье!..

Цветут глаза, и слух, и дух цветет, впивая
От каждой твари сочный, пестрый звон.
Но кто родней — мой дядя ли Семен
Сергеевич, иль это солнце мая?

◆ ◆ ◆

Маленький, маленький по тротуарам
Я шагаю, рассыпаю теплый звон,
Толкает меня лучистым жаром
Голубой плечистый небосклон.

Шагает со мной небосклон плечистый,
Толкает в маленькое мое плечо,
Толкает в плечо, но и сердце лучится,
Лучится и сердце горячо.

А мимо мчится вагон, за вагоном...
— Милый лучистый — не отставай —
Ах, как не хочется разлучиться с небосклоном,
Одному, маленькому вскочить на трамвай.

С О Н.

Из поэмы „Побег“.

За дверями мгла, а сам — в истоме,
Сам в истоме, да в такую мглу —
Не пошел домой, а в новом доме
Сладко растянулся на полу.
Так душисто пахли половицы.
И трудом и домом опьянен,
Стал дремать, и скоро мне ресницы
Засмолил цветистый сон.
Снилось мне: зарниц и радуг сотни
Паровоз привез, свалил на двор.
— Что ж, и радуги, — промолвил плотник,—
Да и солнце мой возьмет топор.
Пусть томятся радуги, зарницы
По родимым небесам своим,
Если радостные светлицы
На земле мы выстроить хотим.

◆ ◆ ◆

Привычка к спичке — искорка привычки
К светилам истинным. Но спичка мне люба
Не менее — и потому люба,
Что чую я обличий переклички,
Что чую: в маленьком обличьи спички
Таится мира пестрая судьба.

— Чирк, и зарумянится
Скрытница огня,
Солнышка племянница,
Солнышка родня.
Деревянным запахом
Полыхнет лесам,
Улыбнется фабрикам,
Дальним корпусам.

Случается: бреду в ночном тумане,
Бреду в тумане плотно одинок
И, как ребенок, вспомнивший о маме,
Я просияю и взлучусь лесами,
Лесами, корпусами, небесами,
А небеса и сами
Взлучатся дальними мирами —
Когда нечаянно в кармане
Чуть громыхнет неполный коробок.

◆ ◆ ◆

Не могу держать спокойно плечи,
Мимо ветхих зданий проходя.
Слышу скорбный шепот человечий
И тревогу каждого гвоздя.

Слышу зыбь глухого распаденья
И знакомый обморочный тлен —
И трудолюбивые виденья
Расщепляют плоть ущербных стен.

Осыпая пыль, взрывая звуки —
То скребя, то каменно стуча,
Шевелятся, лезут, рвутся руки
Сквозь рябую старость кирпича.

И шумит горячее дыханье,
И вскипая бьет прибоем пот,
Кирпичи расходятся — и вот
Пред глазами каменное зданье —
Тьмой рабочих обликов встает:

— Мы давно зарыты все в могиле.
Но ушли с земли не без следа,
Мы себя тугим огнем труда
В стройный облик зданья воплотили,
Зданьем жили долгие года.
Жизнь неслась, как прежде, перед нами...
Мы могли о прошлом не тужить —
Крепкими, большими этажами
Были рады жизни мы служить.
Но теперь мы снова пред могилой:
Время так и точит зданье вспять,
Время так и хочет бренной силой
Плоть камней и плоть людей раз'ять.
Время и дождем, и ветром точит...
Стал со стен срываться смертный бред —
Налетит на стены ветер ночи,
И в стенах качаясь забормочет
Смертным бредом твой сосед.

Слышу скорбь родной рабочей речи
И, как будто с ветра иль с дождя,
Я и сам качаюсь, вдаль бредя...
Не могу держать спокойно плечи,
Мимо ветхих зданий проходя.

1924.

◆ ◆ ◆

Всплеск удивленья, трепет вдохновенья
Рассудком вылудил железной хватки век;
Людей по цехам этот век рассек —
И вместо задушевного волненья
Профессией повеял человек.

Придет пора и, может быть, остудит
Последки вдохновения у нас,
Житейской сметкою его, как бред, осудит,
И каждый каждого встречать охотней будет
По знакам вывесок, чем по сиянью глаз.

Жизнь и теперь у вывесок в затменьи:
Коснется Мозер иль Буре зрачков,
И, позабыв о грезах, о влюбленьи,
У часового мастера в сердцебиеньи
Мы склонны слышать только бой часов.

И не опомнимся, не взропщем и не взыщем:
О, неужель для винтиков, гвоздков,
Которых и глазами-то не сыщем,
Мы рождены вот с этим даром слов,
С лицом, сияющим сознательным величьем,
И с пышным именем властителей миров.

И кривды вывесок знать в именах не чаем,
Гордимся духа творческим лучом
Средь косных звезд — и нет, не замечаем,
Как унижением свой мудрый род сечем,
Что человека кличем Ильичом,
А чуть звезда — Сатурном величаем.

И, может быть, на косность звездных вех
И мы вступили: трепет вдохновенья
Рассудком вылудил железной хватки век,
Людей по цехам этот век рассек,
И вместо задушевного волненья
Профессией повеял человек.

С. ОБРАДОВИЧ.

◆ ◆ ◆

В полночь осенью мать родила.
Пьян отец был, и пел, и плакал.
Осень трезвонила во все колокола,
Мгла была черною плахой.

Заворочался сонный дом:
Был мой крик торжествующе-звонок
Говорят — смеялись жильцы с отцом,
Как срывал я тряпье пеленок.

Не качали ручьи полей,
Не от солнца я, не от бора:
Как запыленный воробей
Билась жизнь моя под забором.

И лохматый, цепкий, всегда наготове,
Недоверчиво и зло
Долго на жизнь мою хмурил брови
С помойки чертополох.

Я шептал ему, что отцовскую ношу
Как пеленки с плеч сорву,
И крик из гранита брошу
В беззаборную синеву.

Он в туманах сгнил и зачах;
Жизнь моя затерялась в толпе,
Жизнь моя затерялась в ночах,
Чтоб о солнце звенеть и петь...

◆ ◆ ◆

Вспомнилось...
Сумрак. Угол.
Плесень. Верстак. Паук.
И сквозь угар и ругань —
Образ застывших мук.

О, ненавидел тебя я,
Черный угрюмый Спас:
Лишь пред тобою родная
Плакала в поздний час.

Улица — зверь многоногий —
Жутко урчит с утра;
Ночью вползает с дороги
В окна безглазый страх

Часто, охвачен тоскою,
Я уходил в поля:
Сонным ковала покоем
Сердце мое земля.

Ранней зарей из подвала
Вызвал заводский гуд:
Каплями — потной и алой —
Благословил я Труд.

Ржавыми шестернями
Жалобы той же тоски.
Долгими тусклыми днями
Меряли жизнь гудки.

Но в трудовой колыбели
К сроку в набатный звон
Юные думы созрели.
Там и мой стих рожден.

1918.

БУЛЬВАР.

Был вырублен вчера бульвар.
Вокруг толпились пни убого,
Как нищие, растеряв слова,
Пред равнодушною дорогой.

Был стар бульвар, и глух, и дряхл.
И вспомнилось... давно, когда-то,
Он первый повстречал в дверях
Меня в лохмотьях и заплатах.

И чахлой травкою припал
К такому ж чахлому в ладони.
Змеилася, шурша, толпа;
Железные ржали кони...

И в первый день, когда гроза,
Рыча, шатала темный город,
Он неизведанным простором
В ребячьи заглянул глаза.

С бульваром был полжизни я
Многоэтажной сдавлен давкой.
Не раз бульварная скамья
Была моей последней ставкой...

Был вырублен бульвар. И чужд
Стал день бетонною угрозой,
Чугунной хваткой вечных узд
И сутолокой грузовозов.

Он, каменные сбросив сны,
Не встретит, зорями изранен,
В толпе, в бензиновом тумане
Туберкулезный всхлип весны...

Толпились пни. Желтели лица.
И никли в листопад лучи,
И громоздились кирпичи
Фундаментом городской больницы.

1923.

ЗАВОД.

I.

Полгода, скованный покоем
И холодом бетонных стен,
Молчал с глубокою тоскою
Над ржавчиной железных тел.

В тумане дней тревожных брошен,
Застыл, подслушивая, как
Октябрь промокшею подошвой
Волочился на площадях.

И дни брели глухой походкой
По настороженной земле.
Манометр цепенел над топкой
На холодеющем нуле.

Лишь тишь машин, заводской глушью
Прохаживаясь не спеша,
Будили стуком колотушек
Полуночные сторожа.

Зимой же вьюга, снежным комом
В забитые ходы стуча,
Рвала приказы Военкома
С морщинистого кирпича.

Стоял суровый, многодумный,
Покорный году, нем и глух...
Все чаще над станком бесшумным
Стальные сети вил паук...

II.

И вот однажды, в день весенний,
Запоры сбросила рука,
И, с свистом взвит, приводы вспенил
Победный бег маховика.

Полгода голодом и мором
Был обессилен, мертв и... вдруг —
Гудят моторы за мотором
Под взмахами сердец и рук.

Вновь огненные рельсы режут
Зубами пил и там и тут;
И там и тут под крик и скрежет
В поту, в чаду, куют-куют.

Чугунные дрожат стропилы:
Был с каждым взмахом крепче взмах,
И о победе пели пилы,
И над вагранками меха
Поддакивали впопыхах.

Вновь полон неуемным звоном,
Над знойным гулом площадей
И над вздыхающим бетоном
Был улыбающийся День.

Раскованный рукою жаркой,
Завод, сжигая немощь лет,
Встал торжествующий и яркий
Весенним солнцем на земле.

◆ ◆ ◆

Над улицею понурою
Гудки вечерние кричат.
Кивает головою хмурою,
За город уходя, закат.

Машинными стальными взмахами
Еще туманит глухо слух,
И вздрагивает под рубахами
Кровь напряженных жгучих рук.

А мысль затянута коростою—
Усталостью восьми часов...
Идем... И на углу, над „Ростою",
Вновь сердце бьет тревогу слов.

И вновь — охваченное ранами,
Водоворотом мятежа,
И взоры вновь над телеграммами
И вспыхивают и дрожат...

Рабочий красный фартук с ворота
Снимает утомленный День.
Но громче разговоры Города
О голоде и о труде.

Над пересудами и толками,
Над паутиной слов и встреч
Победно-огненными токами
От митинга доносит речь...

Взволнованными переулками
И чуткой площадью Борьбы
Шагами твердыми и гулкими
Суровая проходит Быль...

СДВИГ.

„Сдвиг просветленный славя,
Душа не приемлет покоя".
В. Александровский

Это мы, это мы вскинем
Сегодня Грядущему мост!..
Солнце в бездонности синей—
Наш пылающий мозг...

К нам, к станкам, аппаратам!..
Партия мозолистых рук,
Слышишь: верным братом
Отзывается Запад и Юг.

Там, где под бег олений
Северные огни цветут,
О Коммуне, о Марксе, о Ленине
Заговорил Якут.

И Китаец к плечам Урала
Взором раскосым приник:
Интернационала
Поступь завидел старик.

В Америке, Англии, Франции,
В мире звучит о труде
Аппаратами радио-станций
Марсельеза наших сердец.

Бросим зовы в ток Эдиссона:
И Австралии в огне гореть,
Африка знойно-сонная
Впишет в знамена „Со-Ре"...

„Сдвиг просветленный славя",
Старое рушь и жги!
Все низвергающей лавой
В мире наши шаги.

СТАРЫЙ ГОРОД.

Под топотом копыта пыль тоски
Не вьюга ль снежным помелом смахнула?
Не с нею ли с бубенчиком в три дуги
Широкоуличным мчусь разгулом?

Глушь глухоманья... с кольями забор...
С распятьем ржавым и с № домкома,
Нахмурил терем темный взор
Из-под завьюженного шелома.

Окошко, алконостом распустив
Цветные вырезные крылья-ставни,
Грустит, под зингеровский звон грустит
О слезах пролитых на пяльцах давних.

Тишь тупика и — рынка пестрый крик,
И, жарко полыхая стягом алым,
Екатерининский и полинялый
С колоннами фронтон и вновь — тупик;

Овраг... Седым сугробом монмстырь.
И вдруг — Экспресс, Авто и Телеграф.
И тщетно рвутся из их сетей в пустырь
Жар-птицы колокольных глав.

Заросший город в тупиках веках.
Но в говоре слова иных значений:
Стремительное, как полая река,
„Цека", весенне-грозовое „Ленин".

Тревожит крик московских площадей
Твой древний бред и сон сосновый.
Над крепью дедовскою юный день
Векам кладет гранитные основы.

Гнусливым псом уполз тоскливый страх.
Там, где была Голгофой лютой площадь,
На окровавленных камнях
Чугунным монументом встал Рабочий.

Цари, дыбы и — Пугачевский бунт.
Кнут и—в оковах ссыльный двух столетий,
Так быстр до Революций и Трибун
Твой путь от Сказки, Терема и Плети...

ИЗБА.

Веками сон, сугробный, потный, древний,
С метелями под свист сверчка,
Тоска над смутной судьбой деревни,
Проселочная тоска.

Молчит Изба. Подслеповатым оком
Насупилась, натужив слух,
Запахиваяся глубоко
В заиндевелый полушубок вьюг.

Застрех седые сдвинутые брови
Тревожно и тяжело нависли,
И тяжелы и долги, как долог взор коровий,
Ее соломенные мысли.

Сутулится и чутким краем крыши
Подслушивает сквозь вьюжный пляс,
Как за полями грузно город дышит,
Как близится железный лязг.

Подглядывает, как по губернским трактам
Чугунной поступью колес
К селу шагает, громыхая трактор,
Звенит цепями грузовоз.

Гул вьюжный все настойчивей, суровей,
И вдруг — повеяло голубой весной:
В полях волы стальные наготове,
И ждет земля покорною женой;

И так по вешнему пахуч бензин.
На шумный клуб дед променял полати,
Ушел, ушел от воркотни лучин,
С глазастым солнцем сел в соседней хате.

И над бревенчатою дремою,
Избы былинный сон прервав,
Повис поющею струною
Неугомонный Телеграф.

Стара... еще не верит, и в неверьи,
В раздумьи клонит седину:
— Какой дорогою, в какие двери
Встречать невиданную Весну?..

И так, вздыхая, видит долгим взором,
Как, натянув узду, в огне
К ней скачет топями и косогором
Гранитный на стальном коне.

◆ ◆ ◆

На роду суждено измерить
Мутное забытье дорог.
Вновь у каждого наглухо к сердцу двери
И тот же за порогом бог.

И над сердцем, когда-то неистовым —
Чад полупотухшей свечи.
Кто там? Кто в бездорожьи мглистом
О гибели моей кричит?

Горько, родные, горько
Будни под блузой носить.
И не знать, как воркует зорька
И рабочие песни забыть.

Мысль покорным кротом завязла
В будничной вашей норе.
Стисну крик свой. В лохмотьях и в язвах
Буду биться в засовы дверей.

Может быть, кто и впустит,
И тогда-то с грузом тревог,
Дерзаний, надежд и грусти
Будет двое в тумане дорог...

1922.

РЕЙС.

В. Кириллову.

Вновь затерян лебедем прибрежным
Парус рыбака вдали,
И безумней любим мы и нежим
Пыльные берега земли.

Чайка вслед земною болью стонет,
Грусти издали дымок.
Вновь на мускулистые ладони
Груз иных неведанных дорог.

Тишь—и сумеречным приливом вечер;
Волн мерцанье, трепетный закат.
Вихрь—и в шторм шагающий навстречу
Через бездны призрак баррикад.

Вихрь — и в гул под паруса и реи
И любовь земную и покой.
Что ж, что в криках и в крови звереет
Сердце над житейскою волной.

Суждено нам в пристани столетий
Кладь суровую перенесть,
Всем дорогам, всем векам ответить
Крепким и коротким: „Есть!“

1923.

ПОЛДЕНЬ.

Пустыри. Заросшая дорога.
Голуби в синеве в огне.
Сонный булочник у порога,
Сытый кот в запыленном окне.

В революцию играющие дети,
В синь покуривающий завод.
С позабытым бледным флагом ветер
Вьется у заплатанных ворот.

В подворотне пес, а на заборе —
Прошлогодний выцветший плакат:
Бурное пылающее море
И раскованная рука.

Полдень. И в покой полуденный вторгаясь,
В шамканье старух и мостовых,
Вдруг, в лазури изнемогая,
Гаркнет радио из Москвы.

Вихрем голуби, голуби испугом;
Солнце побледнеет на штыке;
У заставы за далеким другом
Стихнет сердце в трепетной руке.

И дозорной цепью по дороге
Телеграфные заведут столбы
Перекличку боли и тревоги
Неоконченной еще борьбы.

1923.

УЗЛОВАЯ.

Степь. Ночь. Муть. Снега.
Вьюжные в муть — стога.

В снегах отчаянием ожесточений
Огромным гробом элеватор глох.
В снегах голодной хваткой губерний
Пальцы рельс — в Узловую дорог.

Волчьим воем шныряли гудки.
Волчьи глаза во все тупики.

Псом обегая сон станционный,
Вьюга поземкой змеиной прочь.
Вздрагивали эшелоны,
Поблескивая топкой в ночь.

И в черный оскал вагонов порой
Бледность зарниц за Узловой.

Это ракеты в степных ночах
Ржавый и обессиленный нож;
Кровью отхаркиваясь и рыча,
Нависало тупое „Даешь!..“

Слякоть. Асфальт. Мешки. Узлы.
Лохмотья. В лохмотьях из полумглы —

Птицы бескрылые—не взлететь в простор,
Угли тлеющие — глаза;
Копошились, вязли, бились в упор,
Задыхаясь, хрипя и грозя.

Оцепенелый и сонный бред:
Кто-то, привстав, шептал об Октябре;

Кто-то в бреду понукал коня;
Рвался, крича, из глухого огня;
Дрожью высохших втянутых скул
К незримому припадал куску.

Комендантская. Комендант. За окном —
Вьюга в сон станционный псом.

Вьюга — прочь, в бездорожьи взвыв...
Стол: телеграммы, письма, приказ;
И над корявым письмом Москвы
Лютая боль загнанных глаз.

Над приказами — комендант на посту.
Но письма — то же в тифозном бреду;

Желтые жутью жгут, крича;
И ртом цынготным коменданту вслед:
— Сыну на саван рубаху с плеча...
— Последний ломоть лебеды на обед...

Степная ночь — ни зги, ни зги...
Мертвые волчьи глаза — в тупики.

Отчаянием ожесточении
Огромным гробом элеватор глох.
Голодной хваткой губерний
Пальцы рельс в Узловую дорог.

И сквозь вьюжную муть, на пятой версте —
Оледенелая груда тел.

Руганью тусклой кому-то грозя,
Ломом и кайлом рубили трупы.
Обезумело и льдисто скользя,
Билось железо о трупы тупо.

А в черный оскал вагонов и лиц —
Бледность оробелых близких зарниц.

Пала ракета в степных ночах —
Ржавый и обессиленный нож;
Кровью отхаркиваясь и рыча,
Никло подрезанное — „Даешь!. “

Полк отступал. Лохмотья, взор
И последний патрон — в упор.

Комендант на посту: хрипом депеш
Изнемогал аппарат.
Был на гул депеш — метели мятеж,
Паровозов ржавый парад;

Чугунно-костлявый парад калек,
Бред и в бреду — смех..

Только — не знали поля, звеня,
Что есть настойчивее кремня:
В погибель втоптать, скрутить, сжать
Голодом, мором, ордой мятежа —

Лишь взор острее насторожен,
И новый в дорогах эшелон.

И вьюжную муть раскромсав — расхлестав
Наказом районов, заводов, застав, —
Поутру к Узловой: как приговор — крик
И гордый шаг родных мостовых.

1923.

В ДОРОГЕ.

Весь день звучат полозья звонкие.
День к вечеру. Черней поля
И жалобней голодный вой волченка
В мятельной зыбке февраля.

Погост... Над сонною деревнею —
Гнетущая глухая тишь...
О, Русь крестьянская!.. Как в сказке древней,
Не ты ль царевной пленной спишь?...

Лачуги-странницы убогие
На неоконченном пути
Застыли средь сугробов вдоль дороги,
Раздумывая, как пройти.

И в сумраке вокруг ни просвета;
Ни просвета, ни огонька.
И сторож за околицей не спросит:
— Дорога к ночи далека ль?..

И вновь пустынными проселками
Звучит напевный бег саней;
И в сердце—грусть по дымному поселку,
Где солнечные дни ценней;

Где синеблузая окраина
На злую силу меч кует;
Где, — верю, Русь,—в борьбе необычайной
Есть пробуждение твое!..

ПОЛУСТАНОК.

Туда!.. туда!.. на Север неустанно!
В водовороте дней взрывать крепить...
И вот — невзрачный тихий полустанок,
Затерянный в глухой степи.

Второй звонок, и третий наготове:
В дороге бурь стоянка не нужна.
Но кто наш бег тоскливым взором ловит
У станционного окна?..

Во взоре—грусть безмолвного простора
И сердце, жаждущее знойных бурь,
Готов»е сменять на шумный город
Степную сонную лазурь...

Стоянка коротка, как взмах зарницы.
Шипенье тормоза... стальная дрожь...
И вновь ковыль, полынь да у станицы
Косынкой желтой веет рожь.

Как сказка: конь с пылающею гривой...
Забытый полустанок... тополя...
И над дорогой — грустный молчалнвый
Далекий уходящий взгляд...

12 июля 1920.

ШАХТЕР.

Полдня, без солнечных улыбок,
С настойчивостью крота,
Сжат, сдавлен черной лапой глыбы,
Дроблю глухую грудь пласта.

Лишь смятое воспоминанье
Еще со мной, во тьме, во мне:
О русом солнце, о журчаньи
Ручья с лучами, о весне.

Окончен деиь. Сигналы к смене...
Под'ем не долог... стоп! и вот —
Как добрый пес, к больным коленям,
Ворча, вечерний ветер льнет.

Идем дорогой почернелой.
Истома отдыха сладка.
Речь коротка. Отяжелела
В плече железная кирка.

Усталостью туманны мысли.
Туманами задымлен взгляд
И на закатном коромысле
В огне повисшая бадья.

Туман в лугах, у черных гор,
Овечьим стадом пал на пахоту,
Где Вечер, сумрачный шахтер,
Идет в полуночную шахту.

Эй, Вечер! Лунною киркой
Рой и дроби руду потемок,
Чтоб, взорванный к утру зарей,
Был Полдень солнечен и емок...

МАТЬ.

Как вялый колос — мускулы и грудь.
По выжженному желтому простору
Весь деиь брела сквозь солнечную муть,
И вот — в асфальтовом тумане город.

Какая боль!.. А в памяти — укором
Взор впалый брошенной избы.
Как каркал над пустой дорогой ворон,
Как будто голым горлом той трубы...

Обугленный стыл запад. Крались тенн.
Пустели сумеречные пути.
Затрепетав бессильно на коленях,
Грудь с криком прикусив, сын стих.

И долго, тупо, почернелым взглядом
Смотрел забор, как грузно в душной мгле
Мать грудью высохшей припала рядом
К морщинистой и высохшей земле.

И билась до утра над сыном полумертвым,
И грудь рвала, свою и грудь земли,
Пылающую в рассвете желтом
Бесплодную сухую грудь земли.

И, проклинающая, не слыхала,
Не знала мать, что глухо вместе с ней
Земля стонала, земля изнемогала
В томительном и знойном сне.

1921.

ОСЕННИЙ ЗВОН.

Над рощей, над глухой слободкой,
Над проседью предзимних дней—
Осенний звон, сухой и четкий,
Все торопливей и шумней.

Где у проселка куст рябины
Горит покинутым костром,
Звенит червонный лист осины
Дорожным долгим бубенцом.

Где опаленной головою
Поникли низко тростники,
Звенит кочующей листвою
Серебряная рябь реки.

Под перекличкой журавлиной,
Под свист синиц, со всех сторон
Звенит осенний переливный
Хрустальный стройный перезвон...

Когда неярко и убого
Туманы озарит заря,
Оледенелою дорогой
Проскачут кони Ноября.

На облучке—старуха Осень,
Широкий путь—во все концы,
В дуге—сияющая просинь,
А под дугою—бубенцы...

И мнится мне: в машинном звоне
И в снежном шелесте ремней—
Все те же кованные кони,
Все тот же звон осенних дней.

◆ ◆ ◆

Сентябрь. В полях — скупые росы,
Печальный журавлиный всхлип.
Заржавленного листопада россыпь
От рощи ветры нанесли;

Заткали лысину дороги
Узором за моим окном,
Облизывая у прохожих ноги
Сухим и желтым языком.

Как взмыленных коней погоней,
Над улицей издалека
До вечера упрямо ветер гонит
В осеннем небе облака.

Порою утро с тихим плачем
Просеет над поселком мглу.
И долго дождевою каплей скачет
Тоска по смутному стеклу.

И к вечеру, такой усталый,
Лохмотья с кровью с плеч сорвав,
Закат поникнет у пустой заставы,
За свалкою, над краем рва.

АПРЕЛЬ.

Сердце в шумном хороводе,
В сердце — песен пышный хмель:
Улицею дымной бродит
В нашем городе Апрель.

Лишь весенним переливом
Прозвучит зарей гудок,—
Торопливо, прихотливо
К маю рядит городок.

У крыльца цветы раскинул,
Птицей в вышине звеня;
Взвил, шутя, худому тыну
Молодые зеленя.

Лишь зарею тихоструйной
Улыбнется поутру,—
Все на помощь: Ветер буйный
Чешет косы дымных труб;

Целый день с метлой лучистой
Солнце—сторож у ворот —
Над струею серебристой
За работою поет.

По карнизу нижет бусы
Голосистая Капель...
Синеглазый, кудрерусый
Бродит городом Апрель.

ТКАЧИХА.

С утра, румяная спросонок,
Весна - ткачиха у села:
Малиновыми перезвонами
Звенит лучистая игла.

И бор над сброшенной сермягой,
И степь за лентою речной—
Зазеленели тканью яркою
Под жаркою ее рукой.

Прошла с громовыми раскатами
И, рассмеявшись ручейком,
Светло-голубеньким цветком
Осыпала овраг лохматый.

А в полосатый ситец поля,
На бурую кайму межи
Вплела узором колокольчики
И васильки в полоску ржи.

И к нам во двор: под хрип мотора,
В углу, где рос чертополох,
Гниль мусора и копоть города
Вдруг одуванчиком прожгло.

Потом ушла, такая тихая...
Лишь прошуршала пыль дорог,
Да ниже пала повилика
Под зноем загорелых ног...

НОВЫЙ ДЕНЬ.

Сумрак утра долгим криком комкая,
Петушиным и чугунным,
Вскинув зорю рыжею котомкою,
Вышел новый День на путь лазурный.

Не прохожим странником и не бродягою,
День златоголовый
С дымным стягом неустанным работягою
Проходил по городам и селам.

Бился в поле, над заводом, над стропилами,
Голубея жаркою рубахой.
Мы с кирками, молотками, пилами,
День же — с тысячелучисто-руким взмахом.

Слава Мускулам!.. За облачную изгородь
Зацепил плечом бетонным Город;
Перед динамитной искрой
Гордые склонились горы.

Ветер—вечный раб, в граните—океаны,
Сталью стонут степи, топи, тундры,
Крепче ж взмах, товарищ неустанный!
Выше взоры полдня, мудрый!

Первый век Труда... Эй, День златоголовый!
О тебе над пыльной книгою годов
Вечность впишет торжествующее слово
На гранитную страницу городов...

ЛЮБОВЬ.

Встретились. Шуршала травами
Ткань в станке сквозь гул и мглу.
Незабудками лукавыми
Цвел электро-мотор в углу.

К рычагу склоненная усталая
Вдрогнула запыленная бровь.
Видели: в чаду затрепетала
Светлым голубем любовь.

Утром радостные вместе шли мы
От полуночных ворот.
Ласково кивал кудрями рыжими
На заре вздыхающий завод.

Только — каждый взор встречной насмешкою,
Каждый шопот - плетью вслед:
— Глупый! над мгновеньями не мешкай!
На земле любви и счастья нет...

Но взревели гневом камни города,
Горечью позора и обид;
За толпой настойчивой и гордой
Стих завод, покинут и забит.

Были дни: от холода и голода
Трепетные прятали слова.
Был за каждым уходящим годом
След дымящийся кровав.

Ржавчиной сочилась по окраинам
Скорбь заводская и тлела новь.
В схватках счет теряли дням и ранам,
Берегли — винтовку и любовь.

И. усталостью охвачен и любовью,
Тело истомленное ласкал:
Видел ту же боль в глазах земную, кровью
Рта зияющий оскал.

И когда родился сын и кротко
Миру посмотрел в глаза,
Знали мы — тяжелою походкою
И над ним прошла гроза.

Но зачатое во чреве тягостных
И кровавых и священных лет
Безболезную любовь и радость
Встретит на раскованной земле.

◆ ◆ ◆

За рекою — город черной грудой.
Так тревожны за рекой огни.
Под горой зловещим долгим гудом
Беспокойная волна звенит.

Осень... Призрачный и лунный вечер.
Ветер в роще как пугливый конь.
Вздрогнули настороженно плечи
И доверчивей твоя ладонь.

Ты тревожна; но в тревоге этой,
В трепете взволнованных ресниц
Я следил пылающего лета
Знойное мерцание зарниц...

Сказано, что день за днем томило;
Листопадом пали листья слов.
Поздней пчелкой сердце льнуло к милой
И без слов звенело и цвело...

12 ноября 1921.

Г. САННИКОВ.

ПОД ГРУЗОМ.

Вечером, когда на закате
Потух лучей перезвон,
Ко мне на тонкие плечи
Взвалился широкий небосклон

До солнца далеко, далеко.
Ночь темна, небоскон тяжел.
С синим грузом
Я по темной дороге пошел.

Заблестев по раскинутой ниве,
Зазвенев по траве в тишине,
Из-за черного леса
Вышел месяц в попутчики мне.

Оба грустные
Шли мы вместе в ночной простор
И о жизни своей одинокой
И о грузе вели разговор.

Словно тень, ветерок предрассветный
Набежал и пропал в тишине.
И приятель мой — месяц бледный —
До конца изнемог в вышине.

За туманами скрылся вечер,
Близок, близок лучистый восход.
Пуще прежнего давит плечи
Голубой широкий небосвод.

Донесу ли до светлого края,
Сдам ли утру синюю кладь.
Изнемогший кричу, взываю —
Солнце, вставай помогать!

ДНИ.

Поэма.

Автору эпиграфа —
...„Поля наступают на завод"
— Н. Ляшко посвящаю.

На каторге дней каторжане,
Под кандальные звоны знамен,
Тачки хребтами тянут
На грани иных времен.

Лишь у синего берега ночи
Свалят день, а на утро опять
Нагруженными тачками грохочут,
Тянут новую кладь.

И от горечи и от боли,
Оттого, что хватка туга,
Чернея цветут мозоли
И на сердце и на руках.

Утро.
Семь часов.
И на смену синей ночи —
На улице
Синяя блуза рабочего.
В завод по дороге исхоженной
Я иду; тяжелеют шаги.
А утро такое пригожее,
Тени так широки.
Улица в звонах и шелестах,
Ветерок волиует даль.
Только — голодными челюстями
Каблуки об асфальт.
А кругом среди пыли пегой
По дороге на торг городской
Телеги, телеги,
Нагруженные мукой.
Оттого ли, что больно хомут
У лошади на груди усталой,
Оттого ли, что жизнь — упрямая ноша,
Вдруг показалось:
Я тоже лошадь.

Звоны алые,
За работой буйно-молодо.
По раскаленному металлу —
Молотом.
И молотом и сердцем ударов бой...
Вдруг
Все всколыхнулось предо мной:
Ослабли руки, грудь,
Узоры пред глазами,
Такая голубая муть —
Пол пьяно зашатался под ногами,
Закружились, тронулись, как солдаты в бой,
Станки,
Товарищи
И молот.

Разгоряченный холод
На теле выступил росой.
А гулы тяжелели...

И скрылось все за пылью пегой,
Только — телеги, телеги
И лошадь с длинною шеей.

Последним ушел с завода,
А сумерки краше утра.
Обессилевший за работой
Я прохладному вечеру рад.
Тяжелеют дремотные плечи,
Как под грузом бреду домой,
И приникиувший к блузе вечер
Умываег меня ветерком.
В тишину уплывают шелесты,
Темнеет спокойная даль,
Только — голодными челюстями
Каблуки об асфальт.

Вот и дом. Из окошек впалых
На мостовую, как слезы, огни.
Подошел и усталый
Задумался у ворот.
Знать ответом на думу мою
Собаки голодный вой
Да в небе краюшка хлеба —
Луной...

И редела ночная муть,
И ложилась по улице тень.
Новый день
Необ'ятен и бел
Рукою рассвета смял тишину
И в небе краюшку с'ел.
И вновь было утро пригожее,
По крышам ползал восход,
Шагали прохожие
На рынок, на завод.
А кругом среди пыли пегой
По дороге на торг городской
Телеги, телеги,
Нагруженные мукой.
Мужики в холстяных зипунишках
В лаптях из древесных лыч,
Провожали излишки,
Заостряя об лошадь бич.

Так у синего берега ночи
Свалят день, а на утро опять
Нагруженными тачками грохочут,
Тянут новую кладь.

И от горечи и от боли,
Оттого, что хватка туга,
Чернея цветут мозоли
И на сердце и на руках.

Но идут и поют в тумане
И видят сиянье времен
На каторге дней каторжане,
Под кандальные звоны знамен.

КУКУШКА.

Кукует в кузнице кукушка
И по чугунному станку
Кует унылую частушку —
Ку-ку, ку-ку...

Лучится утро чистой сталью,
Звенит и вторит молотку.
И тонет звук в глубокой дали
Ку-ку, ку-ку...

И скуку звонкая подружка
Хоронит в кущах на току...
Кукует в кузнице кукушка
Ку-ку, ку-ку.

В ТУ НОЧЬ...

Л. Троцкому.

Я знал железное большое кладбище —
За городом в широком тупике,
Рядами черными стояли паровозы,
Скованные сном.
А перед ними опустелым храмом
Уныло высилось чумазое депо;
Оставив службу, горны потушив,
Ушли рабочие сражаться.
Ушли...
И длинные, пустые тянулись дни;
Не громыхало, не лязгало железо,
Не грохотали молотки.
И только дождь произительный и пестрый
Струится долго, долго и упорно
На это кладбище большое,
На эту мертвую,
Но сумрачно-внушительную мощь.
И вот не помню, видел ли во сне,
Иль это все случилось наяву —
Была осенняя глухая ночь,
Была на кладбище густая тишина.
Безмолвные стояли паровозы
И, темный пыл в себе тая,
Застывшим ужасом железным
В пустые пялились поля.
И вдруг гудок,
Над мертвыми гудок тревожный
Отчаянно заклокотал,
Железный потрясая сон.

Так зверь ревет во мраке ночи,
Когда зовет потерянную самку,
Так зверь ревет... не зверь, —
Так трубачи воинственные
В трубы трубят,
Когда выходит армия в поход.
На трубный зов, иа зов сигнальный,
Тенями чернымн,
Хватаясь
За вспугнутую темноту,
Вдруг всколыхнулись мертвые
Заржавленные паровозы в тупике.
И прорванную ревом тишину
Движением железным наполняя,
Вздохнули грузно.
Пульсируя цилиндрами,
Забил о поршни мощный пар
И регуляторы открылись сами.
И поступью чугунной на рельсы налегая,
Стенаньями
И гулом
И ревом трубным
Покрывая мрак,
Железной армией в чудовищном порядке
Тронулись тревожно паровозы...
Земля вздрагивала,
Ширились, приподымались небеса
И отступающая луна
Озаряла
Железное восстанье паровозов.

В ту ночь —
Рабочие вступили в город.

ЛЕБЕДИНЫЙ ПУТЬ.

Не забыть лебединого дня
И заводских гудков молитвы,
Ты по первому снегу меня
Провожала к метельным битвам.

Трубы клубили дым,
Унося к высоте синеватой,
А над городом голым, седым
Лебедили хлопья ваты.

Закоптелые крыши домов
Покрывались саваном белым.
Ты меня без прощальных слов
Провожала к подвигам смелым.

И мой путь был далек и тих,
Пропадал в синеве мороза.
Почему же в очах твоих
Изумрудно блеснули слезы?

Не забыть лебединого дня
И заводских гудков молитвы.
Ты по первому снегу меня
Провожала к метельным битвам.

Я помню себя очень маленьким.
В нашем доме, где крашеный пол,
Словно в поле цветочек аленький
Мой младенческий крик расцвел.

И слезами радости, как росой животворной,
Оросила меня милая мать.
Сладко было мне тельцем покорным
На руках у ней забываться, засыпать.

И качала меня мать в колыбели,
И пела песню она,
И плыла колыбель, и песня звенела
По волнам голубого сна.

Эта песня тихая нежная
Мне сулила, волнуя грудь,
Не дорогу проезжую,
А свой одинокий,
Одинокий, но светлый путь.

ГРОЗА.

Потемнели высоты горние,
Воздух набух.
Зорь всполохи,
Гром далекий глух.
Словно конь необузданный,
Ветер ретивый
Вдруг
Рванулся
И вскачь по равнинам забил, закопытил, загудел
И хвостом сивым
Взвил
Бурую пыль дорог.
Дрогнули небеса
В огне судорог...
Перекатные гулы
Утонули
В высоте темно-синей.
За полями, в оторопи дубрав
Конь
Скрылся
И по вспаханной равнине
Влажный, влажный звездопад
Звонко покатился.

НИКОЛАЙ ПОЛЕТАЕВ.

МОЙ СТИХ.

В глубоком омуте, на голубых полях,
Где муть яснится, шум утих,
На тихих, на безветренных полях
Родится, и цветет, и зреет стих.

Но чтоб его из глуби той достать,
Я долго жду, пока утихнет омут,
И опускаюсь в немую гладь,
Куда лучу не проглянуть дневному.

И долго там ныряю, и ловлю,
И оправляю в звонкую оправу;
Я берегу мой стих, люблю,
Я не пущу к нему отраву.

Вот почему бряцанье слов немых
Так мало говорит другому,
И только тот сорвет живой мой стих,
Кто в свой нырнет оледенелый омут.

◆ ◆ ◆

Поля! я кинул город пыльный,
Я к вам пришел, мои поля,
Больной, измученный, бессильный,
О тихом отдыхе моля.

Вы щедро льете воздух чистый
В мою отравленную грудь;
Как сладко здесь в траве уснуть,
Внимая птичке голосистой,
Звенящей в синей вышине,
Поющей песню только мне.

Но миг... и грохот безобразный,
И крик, и визг, и звон, и стон,
И голос птички заглушен,
И свод небес стал пыльно-грязный.

И бледные больные лица,
В тумане городского дня,
Вдруг стали бешено носиться,
Как привиденья, близ меня.

Их стон надрывный и визгливый
Меня измучил, оглушил,
Так светлые, родные нивы
Чумазый город задымил.

Поля! я кинул город пыльный,
Я к вам пришел, мои поля,
Больной, измученный, бессильный,
И вы не приняли меня.

В СОКОЛЬНИКАХ.

Посвящаю А...

Я помню беленькое платье,
Подснежник в темных волосах,
И нежных крепких рук пожатье,
И круг туманится в глазах.

Я помню: это было в мае,
Когда кружила карусель;
Зеленой тенью обнимая,
С гулянья увела нас ель.

И ты внезапно побледнела,
Завеленела ель в глазах,
А шаловливый зайчик белый
Запрыгал в темных волосах.

И вот опять я вижу ели,
И глаз колодезную муть,
И нет весеннего веселья,
Нельзя прошедшего вернуть.

Жива ли ты теперь, не знаю,
И не найду в лесу ту ель,
Лишь помню это было в мае,
Когда звенела карусель.

◆ ◆ ◆

Перевешу сапоги на плечи,
Положу в котомку сухарей,
И пойду от раскаленной печи
В беспредельную тоску полей.

Синева и зелень не задушат
Задымленного в огне печей,
Я иду не бор зеленый слушать,
Не звенящий в сумраке ручей.

Я пойду в немытую деревню,
Я пойду к забытому отцу,
Не скулить, не каяться плачевно,
Не кадить корявому лицу.

Я грозой спалю мою деревню,
Я дождем смету тоску с полей,
Чтоб победней, веселей, напевней,
Засверкал и зазвенел ручей.

Чтоб в глаза покорные коровьи
Бросил он серебряную дрожь,
Чтоб пожаром вспыхнула на нови
Золотом бушующая рожь.

Чтоб на месте земляных конурок
Солнечные вздыбились дома,
Чтобы, сбросив бабий плат понурый,
Солнцем захлебнулась синева.

ПЕСНЯ О СОЛОВЬЯХ.

Апрель окреп и потонул в лучах
И бьется голубем ко мне в подвал,
А я хочу вам спеть о соловьях,
О соловьях, которых не слыхал.

Но только двор и синевы кусок,
И грязь цветет, и в золоте ручьи, —
По ним мальчишкой гнал я корабли,
Гнал на коленках, не жалея щек.

И ночью плыл большущий мой корабль,
А я в песках, я на коне скакал,
И утром плесень — солнечная рябь,
И утром не гудок гудел, а выл шакал.

Послушно шли большие на тот вой,
А я к ручьям на двор, на грязь в цветах,
Но это все опять о мостовой,
Ведь я хотел вам спеть о соловьях.

Это раз, но было со мной,
Синева разгорелась кругом,
И под этой под синевой
Только рожь — золотым ковром.

И потом, когда волосы мать
Рассыпала дождем по плечам,
Золотилась рожью кровать
И подвал обливался в лучах.

Вырос я и послушен гудку,
Только ночью жгут губы дня маяту,
Да вверху по тому же кусту
Звезды горсткой сверлят темноту.

На дворе я? Нет в темном пахучем саду,
Полон он соловьев и гремящего сна,
Я в доспехах сверкаю, я рыцарем с нею пройду.
Не помойкой — розами душит весна.

Вот почему, когда окошка сеть
Втянула голубя ко мне в подвал,
Мне хочется о соловьях вам спеть,
О соловьях, которых не слыхал.

ОДОЕВСКИЕ РОЗЫ.

Этот город мучных лабазов
Был театр моих розовых драм,
Полон он пахучих рассказов,
Отдан он полевым ветрам.

В этом городе с главной площади
Кругом поле, воля и сушь.
Там не бродит сырыми рощами
Водяная русалочья чушь.

За кривыми гнилыми заборами
В этом городе груда роз;
Я дышал там ими всеми порами,
Я любил там и креп и рос.

Этот город не сдам никому я.
Станет стражей любовь и рожь,
Из-за Раина поцелуя
За любимую Раину брошь.

Стихнет день там с обозами —
Соловей во всю мочь,
И прохладными розами
Орошается ночь;

Только мрак и зевота,
Только храп лошадей
Да висит позолота
Почерневших церквей.

Это в сумраке душном
Разметалась земля,
Это значит так нужно,
Это спят тополя.

Покосившийся на бок,
Будто слушает дом
Соловьиный припадок,
Соловьиный содом.

И до самой до серой
Петушиной зари
Буду я кавалером
Кавалером де-Грие.

Буду верен приказу
Моей нежной Манон,
Пока двери лабазов
Пьют зарю, как вино.

Этот город мучных лабазов
Был театр моих розовых драм,
Полон он пахучих рассказов,
Отдан он полевым ветрам.

◆ ◆ ◆

Всю ночь весенняя вода
Мне не давала спать сегодня,
И все шумней, все полноводней,
Все исступленней я рыдал.

Как злился я на темный свод,
Где золотые гвозди вбиты;
Казалось, это он мне шлет
Туман сырой и ядовитый.

С расписанного потолка
Он грязь и муть весны смывает,
А нас в туманах потопляет,
Где боль, и злоба, и тоска.

И ослепленный пьяной мглой,
В грязи передвигая ноги,
Усталый ветер, злой, больной
Все мечется, и нет дороги.

Мой мал и робок молоток,
Мне нужен здоровенный молот;
И душный этот потолок
Мной был бы вдребезги расколот,
Чтобы на нас, как частый дождик,
Посыпалися золотые гвозди.

Всю ночь весенняя вода
Мне не давала спать сегодня,
И все шумней, все полноводней
Все исступленней я рыдал.

◆ ◆ ◆

Мой друг, мой легкий воробей,
Водой и солнцем сбитый с толку,
Под гром подвод, в тисках камней
Чирикаешь ты без умолку.

Со мной, с утра глотая грязь,
Жилец помоек и сараев,
Ты не плетешь цветную вязь,
Как я, садам Бахчисарая.

Ты весел, милый воробей,
И здесь, в гнилых садах навоза.
А там жалкует соловей
Над задыхающейся розой.

Ей тяжко красной, молодой
Под тягой рос и лунным душем,
Ей тяжко страстной и одной
Певца невидимого слушать;

Он сладок, как цветенье лип,
Он пеньем только саднит ухо,
А я вцепился б, я бы влип
В ее дурманящее брюхо.

И целовал бы, мял бы, грыз
Живые сладостные губы,
И пал бы с розой пьяный вдрызг,
Как в кабаке поденщик грубый.

Мой милый, легкий воробей,
Ты, как и солнце, друг навоза,
А мне тоска в тисках камней,
Мне нужен сад и губы розы.

ОКТЯБРЬ В ПОДВАЛЕ.

В моем подвале все на месте,
Веками каждый гвоздик вбит,
Вот лампа: старая из жести,
И та же копоть, тот же свет.

Вот в октябре: оттают стены,
И застеклятся в декабре,
И эта жуть, и эти стоны,
В моей тоске, в моей дыре.

Прилип к оборванным обоям,
Не вытащить меня на верх,
И сердце там, с весенним боем,
А в голове: и бред и вихрь.

Все крест в углу и все пугающие,
Звездящиеся глаза,
А я ведь ждал грозу ликующую,
Голубую грозу.

Я бил на Пасху яйца красные
Под бой и звон колоколов,
И разбивались муки крестные
О припомаженность голов

О платья девушек шумливые,
О звонкие их голоса,
О голубые, золотоголовые,
Целующие небеса.

Так что ж теперь тону в кровати,
Тоской и дымом плотно сжат,
Ведь лик уж искажен в киоте,
И стекла дребезжат.

И вот ко мне, и вот опять,
Летит в дыму и на парах,
Мой голубой, мой золотой,
Мой неожиданный октябрь.

Он обоймет, он расшибет,
Веками сбитый мой подвал,
И я прочту в глазах ребят,
Что солнца близко не видал.

Что разве вот когда наспех,
Обедать шел в гудках,
Звенел по склянкам жаркий смех,
Пестрел в глазах, в ручьях.

ПЕСНЯ РАЗБИТОГО ПАРОВОЗА.

Забытый слесарями,
Разбитый паровоз,
Я долго за дверями
Депо родного мерз.

Не мчал в немые дали
Слепого ковыля,
На встречу не бежали
Полосками поля.

Не кутал шапкой сивой
Косматых деревень,
Не полз ко мне крапивой
С бугра худой плетень.

Проснитесь, подымитесь;
Зарей я ржаво ржу,
Калите и палите,
Сгоните боль и ржу.

Налейте мне мазутом
Железные бока,
Помчу к родным закутам
Разбойного сынка.

Прорежу зычным свистом
Соломенную грусть,
Чтоб маком в поле мглистом
Зардел полынный куст.

Разрежу мрак глазами
И брызну искры в темь,
Привозными зубами
Взгрызу тугую земь.

И поле разгудится
Сплошное без полос,
И в золоте как жница,
Железный паровоз.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Знамен кровавых колыханье.
На бледно-синих небесах,
Их слов серебряных блистанье
В холодных и косых лучах.

Рядов сплоченных шаг размерный,
И строгость бледно-серых лиц,
И в высоте неимоверной
Гудение железных птиц.

Не торжество, не ликованье,
Не смехом брызжущий восторг,
Во всем холодное сознанье,
Железный, непреложный долг.

7 ноября 1918.

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ.

ПИРУШКА ДЕСЯТИ.

(Группе „Твори")

К нам, кто сердцем молод.
Ветошь веков долой!
В. Кириллов.

В часы, когда недужат камни
И хлещет дождь о космы фонарей,
Я жду друзей... Стучат в глухие ставни;
Навстречу прыгнула обрадованная дверь.

Всех десятеро тут... Удары по железу
В их песнях слышатся и запах кирпичей.
Поют — как трактор землю режет,
Скользят лучи и пыль на плотность их плечей.

О жаркой зелени пахучей нефти,
О черном золоте подземных теремов,
О цынке, стали и глазах невесты,
Как прется на поля толпа седых домов.

Что в глубине души теснятся годы.
От частых гроз лица смуглее медь.
Их десятеро тут, но целые народы
Сквозь их глаза на мир должны глядеть.

Они поют о белой роще пара,
Клокочущей в бока гудящие котлов;
В их песнях слышится и дробь ударов,
И нежность грубая здоровых слов.

У каждого в груди пылающие домны.
Огромный голод — жить: незавязать в узле.
Они поют; ненастной ночью темной
Тепла и солнца много на земле.

ВЕСЕЛЫЙ СТОЛЯР.

Смеюсь, пою, играю
Над грудью верстака;
Рубанок мой икает,
Танцует вскользь рука.

А лак в жестяной кружке
Весь в искорках луча,
Баранчиками стружки
Повисли у плеча.

В головке забубенной
И дымки грусти нет,
На снежной спинке клена
Лежит стола скелет.

Прилаживаю ножки,
Кладу медовый клей.
На окнах солнца рожки
В отливе хрусталей.

Смолистою сосною
Пропах избы навес:
Как будто за спиною
Стоит дремучий лес.

О планках сердцу мнится:
Белей чем милой грудь.
Топор взлетает птицей
В махорочную муть.

За дверью эхо стука
Окликивает дом...
Какая к чорту скука —
Хожу весь ходуном!

ИЗ ОКНА.

В. Л. Львову-Рогачевскому.

Извозчик ругался с продавщицей яблок,
Облезлый мальчик курил „Дюшес",
Над городом тучка блуждающих галок
Искала с криком дорогу в лес.

Заря догорала на штыке армейца,
Лучи золотили разваленный дом,
И сумрак смуглый, как лицо индейца,
Кружил на панели за темным окном.

В милицию молча повели спекулянта,
Бродячая скрипка столпила народ,
С мистическим ужасом словам хироманта
Внимала девица у мутных ворот.

И слышно было: у казармы трубят
Железным голосом из темноты.
А я не верил, что за окнами люди,
Казалось просто: ветер раскачал кусты.

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ.

Сегодня быть веселым надо;
Сегодня жизнь — не как вчера;
Уж золотого листопада
В сугробе тают вечера.

Загаром бронзовым затянут
Смеющийся весенний день,
Мороза роспись в окнах вянет,
Тепла разнеженная тень.

И синий дым навозной кучи
За садом мутным зачадил,
Поголубели яблонь сучья,
На речке сетью выплыл ил.

По белым бусам жидкой вербы
Стрекочут звонко воробьи,
А в потолке лазурном неба
Повисли люстрой журавли.

◆ ◆ ◆

Панель, как серые глаза любимой;
На окнах синь ее волос;
Ее мне выговаривает имя
Хрипенье мерное колес.

В багряные часы заката
Мой взгляд признал ее мельком,
На большевическом плакате
Вслед машет красным полотном.

Потухла даль, закат железится.
Прет воз по сумеркам льняным,
Она глазам над пылью грезится,
Одетой в камни мостовых.

Который раз забывшись, сызнова
Бездумно хочешь в вечер плыть,
Она уж смехом в вожжи брызнула
Из звонко чокнувших копыт.

Гоню к платформе в куче дыма,
Огни таращит паровоз;
Ее мне выговаривает имя
Хрипенье мерное колес.

В МЯТЕЛЬ.

Шел по улице и думал:
Встречу чьи-нибудь слова
Снегом липнущим задуло
В дровнях горбкие дрова.

На углу мотор тигрицей
Взвыл, вскружил и канул вдаль,
Осветил попутно лица
И оттеплившую таль.

А вчера носившим ситцы
Руки жег, чесал мороз,
Нынче к вывеске мостится
Сизым голубем сугроб.

Утром с крыш дымился иней
В остекляненный бульвар,
И на прядь трамвайных линий
Лился солнечный загар.

В вечер вздыбилось ненастье,
Запушило жар зари;
И метет, и крутит, застит
Встречных, окна, фонари.

Все смешалось и поплыло;
Чей-то дом пристыл к руке;
У ворот собака выла,
Злобно скалила клыки.

Пусть мятель панели прудит,
Дверь морозы стерегут,
Шел и верил: завтра будет
Радость солнцем на снегу.

РАЗЛАД.

Сел Андрей на темную скамейку;
Пыльный луч горит на сапоге,
Дым табачный вьется змейкой
У окон, похожих на пакет.

А жена — морщиниста, сутула;
Смотрит строго в мужние глаза
И рукав цветной ее у стула
Опустился на бедро, скользя.

Он ворчит: прожили много,
Брось молиться в сумраки икон;
Будем жить теперь без бога,
В сердце вера — выжженный пистон.

В'елась боль в лицо Натальи,
Взор окреп и чище хрусталя,
Рот шипит горячей сталью:
Жизнь моя, любовь моя!..

Глянул тот из лаковой тужурки,
Заломил фуражку набекрень,
Знает — сердцу бабью жутко,
И ушел на целый день.

А она задумчиво, несмело
Села в тишину открытых рам;
Хорошо скучающее тело
Целовать ласкающим ветрам.

Помнит мужа, всклоченного парня,
С прибаутошной душой;
Всех складнее в воздухе слесарни
Пел, чумазый и смешной.

А теперь он — Комиссар суровый...
Солнце моет светом тополя...
Помоги мне разобраться в нови:
Жизнь моя, любовь моя!..

Воротился ближе к ночи,
Глянул в небо, а в кругу:
Вечер, ломовой извозчик,
Вскинул звездную дугу.

Тихо щелкнул выключатель:
Брызнул свет, не то закат.
„Будь настойчив, в этом счастье“ —
На стене кричит плакат.

И глаза следили зорко:
Как, разбрасывая червонцы,
Над проснувшейся каморкой
Всходит радостное солнце.

ГОЛУБЬ.

Маленькому другу.

Девятнадцатый год, месяц летний;
Помню голод желудок жег.
Ел сухие, как камень, галеты
И жалеть никого не мог.

А напротив пустая стройка,
Мастерские ушли на врага.
В моей комнате тощая койка,
На столе со шнурком наган.

Подо мной этажи, ворота,
И как бочка узкий двор,
Там убили на днях кого-то,
Красным был под ногами сор.

Только голубь, ручной и бойкий
Ворковал на карнизе моем
И летал над пустою стройкой
На соседние крыши днем.

Помню: глаз наметнет на окошко,
Тонким клювом звенит о стекло,
И рука моя вынесет крошки,
Пахнет гарью, а в сердце светло.

Он такой голубой и кроткий,
Голубь синий, как неба край,
Станет утро таким коротким,
Точно сон, промелькнет игра.

Что нам день, другого колючей...
Друг за друга, рука за крыло.
Я на площадь, а голубь в тучи,
В растворенное настежь окно...

Воротился с дежурства рано,
Еще солнце карниз не пекло,
Голубь прыгнул ко мне из тумана,
Как на ветку, на плечи — легко.

Вдруг почуял, намокли руки,
Весь окрасился кровью пух...
А внизу на дворе было глухо,
И от дыма шел горький дух.

Посмотрел, а на крыше мальчишка,
Монтекристо прикрыла нога;
Я поднял, и уставил на вышку
Мой угрюмый и черный наган.

Вижу: мальчик, как солнце, рыжий,
Веснущат, худощав, как лист;
Крикнул я ему: ешь, бесстыжий!
Бросил голубя в темный низ...

А теперь ни в грош разлука,
Никого не жду у окон;
Только крыльями сизого друга
Вечерами цветет небосклон.

ГЕОРГИЙ ЯКУБОВСКИЙ.

ОГНЕПРИПАС КОММУНИСТА.

Цемент Коммуны — мучеников прах,
Их кровь — живые семена огня, —
Не только на камнях
Парижа, Петербурга иль Берлина.—
Сердцами братскими засеянная нива
Везде, где подневолен труд,
Где капитала —
Тяжкая ступня.

Там у станков больные лица
И дети бледные в подвалах,
Страдальческой улыбкой длится
Оскал их мертвенных овалов.
И спины скорченной заботы
И болью скрюченные руки
Под перезвон кандальный строят
Три вехи гнета и борьбы —
Соборы, тюрьмы, скоролеты

Там город —
Хищен и лют,
Зверь сильный
Тяжко пьян,
На перекрестке стальных дорог,
Хрипя, задыхаясь, спеша,
Жует отвердевших усилий
Творог.

Там шумные потоки
Действенного дня —
Улиц каменные жилы,
Кипят кровью
Человеческих жертвоприношений.
То не трубы в траурной саже,
Прицелившись в солнца мишень,
Пронзительно кричат —
Это вопли убиваемых
За грудами баррикад,
В громыханьи колеса
Под тяжестью поклажи
Стенанье,
Придушенные голоса —
Это стонет Индия
К колеснице Британии
Привинченная!

В витринах магазинов
Шуршат зерна кофе —
Черепа черных,
Казненных судом Линча.
Кричат рекламы:
Пейте настойку из негров!
Нежные дамы,
Пейте вино из венгров!

Но знайте,
В хаосе колес,
Кромсающих класс,
На смену казненным
Встают миллионы героев
Непреодолимых масс,
Каждый в сердце не белую лилию
Несет, а могучий огнеприпас —
Братских усилий
Кровь...

1921.

РОДИЛЬНЫЙ КРИК.

Ясным ли днем.
Темной ли ночью,
О, каменщик ярый,
Ты слушаешь медный крик,
Скорбью навьюченный.
Разодранный на-двое
Мир повис на крюке
Нелепо и криво.
Трудны вселенские роды,
Подспудные грозны удары,
Своды коммуны возводит
Эркапе—каменщик ярый,
Тяжки родильные схватки,
Клекот проклятий
Застревает в горле,
Звериные вопли
Рвутся к свету,
А ты — спокоен,
Зодчий - родитель,
Эркапе крепкая,
Эркапе — пекарь
Солнечных миров.

НАД БУЛЬВАРОМ.

Над бульваром фонари —
Как серебряные голуби.
А вдали огней багряных
Раны цедят кровь
В улиц жолобы.
Ноги вязнут в краске мокрой.
Душны волны испарений.
Страсти, силы, напряженья
Проползают над аллеями.
Груды грузных зданий, башен
Высятся трофеями
Вековых с природою сражений.
Лица мертвых,
Павших в битвах,
Спят булыжники
Безмолвной мостовой.
Мир погибшим ротам!
Над затихшим полем битвы
Где-то каркает мотор
Глухо.

ГАЗЕТА.

Ты —
Арфы телеграфной звон,
В твоих струнах
Пропевший день,
Осевший на листах
Простынь бумажных сетью слов,
В них — гул протяжный
Городов,
Полудремота деревень
И даже сон.
Пустынь
Миражный.

Газеты — серые цветы
Всемировой кипучей
Труда немолчной суеты.
Газетный лепесток
Отменно чуток —
Рокочет пеною созвучий
Безмерной сутолоки суток.

Лист газеты —
Звенящий слиток
Всеобщих дел, забот.
В узорах строк —
Волнующий напиток,
Клубящийся поток:
Трудящейся планеты
Неизменный
Круговорот,
Полет мгновенный
Дня и ночи,
Всежизни переменной
Миг.

Газета — громовой рупор,
Гудящий над простором.
Газета — отгул мировой,
Стозвучный хор,
Тяжелый рев
Огромного прибоя
И звуки воя
Сирены
Во мгле тумана.
О, серые
Брызги пены!

В хрустящем шелесте
Газеты —
Гремящих городов
Гроза —
В ней
Кишащих змей —
Бессчетных улиц челюсти
Скрежещут,
Бесчисленные блещут
Острые глаза —
Кошмар тяжелых снов,
И брызжет кровь,
Событий красный сок.
В просветы
Черных строк,
Дрожит решетка слов.

Убийство, ненависть, любовь
Вопят и корчат
Там гримасы.
В полях полос,
Густых рядах колонок —
Толпой личин
Мелькают племена и расы, —
Земля живет,
И пульс колес,
Дрожащих судорожно машин,
Стучит певуч и звонок, —
Труда вселенский хоровод
Могучее рождает эхо,
С рыданьем, смехом,
Проходят массы.
Гудит огульный клич:
К огню! К свету!
Хотим себя и мир постичь,
Весь шар земной — в газету!
Хотим вкусить
Тот спелый плод,
Что вырос и созрел
В путях мучительных развитий.

Вот он — волчок зеленый,
В семье планетных тел,
По трудовой орбите
Вращает склоны,
Кружится, мчит свой лет,
Вперед! Вперед!

ПУТЬ.

От первичиых туманностей,
Первовихрей энергии,
В пространственной мастике
Эфировой тьмы,
Через солнце вулканное
К жизни кипящих океанов
И быту великанских лесов,
По зеленым горам и долинам
Суши, кругом размытой,
Через рытвины беспредельности
И просторы цветущих полей
Праматерь материя
Промчалась на крупе времени,
По камням городских площадей —
К сердцу горячему, страстному,
К солнцу сознанья рабочего,
И,
Страшно дыша,
На
Вспененном своем скакуне,
Над черною бездною вечности,
Вдруг подняла знамя багряное —
Пылающее сердце
Обреченных борцов.

ЗНАК БЕСКОНЕЧНОСТИ.

Труд человека
И труд природы —,
Два мощных русла
В течении безмерном
И грозном —
Двух змей бесконечность,
Обвивших друг друга
Смертельным об'ятием.
Две силы —
Жестокая схватка
Двух крепких борцов,
Тела свои сливших
В горячем сплетеньи
Трепещущих мышц.
Слабеет, слабеет
Могучий отец
В поединке,
Стремительный сын
Побеждает,
Упругую, жаркую силу
Из тела отца поглощая.

Человек — бытие,
Себя осознавшее,
Он силы природы взнуздал
И впряг в колесницу
Своих устремлений,
И мощным вихрем
Работа природы
Вливается в труд его,
Властью творящий
Новую жизнь!

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО.

Пространство
Косное
Непобедимым казалось
Первочеловеку,
Но в бурях ежедневных
Битв с природой
Победы пробил час —
Скрипенье первоколеса
Над миром прозвучало вестью
Грядущих радостных побед.
От скрипа древностной арбы,
От колеса телеги
Шли бои с пространством,
Железо паровоза, сталь трамвая,
Пропеллер и авто
Изрезали пространство,
Искрошили и пепел
Собрали в урну времени.

Трамвая — красные иголки
Стальною ниткой рельс
Сшивают полотнища площадей.
В раздумьи растопырив
Фабричных труб обугленные пальцы,
Глазами воспаленными заводов
Глядит ничком лежащий город,
Как по приказу человека
Свертываются просторы.
Брюхатый ветер просверлив,
Автомобили чокнулись гудками,
И далее метнулись в путь,
Пьянея от вина победной быстроты,
Шинами лаская камень.
Сливалось тело с напряженьем стали,
Вторя бешеной дрожи мотора,
Качались чувства в люльке скорости,
Мысль мчалась верхом

На взнузданном просторе.
Времен смыкались дуги
Букетом солнечных мгновений,
Цепь времени вплеталась в ткань
Преображенного пространства —
Рожденье действенного нового единства
Колесо —
Слияние времени с пространством.

ТКАНИ.

Нас греет не сукно, не ткань,—
Сновальщиков горячие ладони.
О, как тепла рука, легка,
Что претворилась в ткань
В певучем стоне
Дрожащего станка.
С вала на вал
Буря тканей летит
Взнузданных бурь судьбы.
Красная,
Новых основ и начал
Армия нитей согласная.
Ткачиха, ткачи,
Теперь не рабы, —
Оживают под пальцами
Огневые лучи
Крови напрасной
Погибших страдальцев.
В чугунных мускулах
Державы трудовой
Сеть тонких жилок быстро ткут
Прилежные ткачи,
И вспыхивают нервные узлы,
Родных знамен живые пятна —
Горят сургучные печати
На серых документах лет.
Пространства тканные,
Тысячеверстная одежда тел —
Прозрачная воздушная стена
Из солнечных лучей
Меж нами и природой;
Всегда — зимой и летом.
Стена и мягкая дорога
В искусственную жизнь,
В искусственный, искусный рай
Теплично-душных городов.
Но братья воли и труда
Бегут из духоты оранжерейной,
На трудовых окраинах
С простором нив ведут
Свой сговор вековой.
Веселых ситцев вольные тропинки,
Холсты проселочных дорог,
Путь беспредельный приводов
И кожаных фартуков мосты
По морю борьбы и работы
Из жизни древней табора
Их к пристани иной ведут —
В свободы порт.

ИВАН ФИЛИПЧЕНКО.

СЛОВА СЛАВ.

Вижу вас, ветром овеянных, лаской полудня,
Солнцем весны,
Демократии могучей сыны,
Вас, громадные толпы, за городом гулкого будня.

Город в отворы застав,
Ста ворот,
Катит на просторы в мозаике трав
Потоки людские, половодье рабочих,
Энергичных, здоровых, единственных зодчих,
Строящих свое Завтра до страшных высот.

За кольцом его серых стен,
В изумрудной окрестной равнине,
Мая первого, ныне,
Мириады кружатся на празднике бога Труда,
Движеньем волнуемы, зовами смен,
Как всегда,
Друг друга, брат брата,
Подругу подруга и сестру сестра,
Любимый любимую и невесту жених с утра,
Замужнюю муж—опьяняют пляской крылатой.

Оркестры гудят вешней музыкой гроз,
Бурей вздыбленной радой,
Разгуляться в бору меж берез.

Вижу овеянных ветром полудня.
Солнцем весны,
Загорелых, уверенных зодчих страны,
Смелых, смеющихся в лик суетливого будня.

Знаю рабочих всех рас,
Их радость, забавы,
Их сердце, их мускулы, их сухожилья, суставы,
Их мозг, красный пламень, которым пылают леса,
Корабельные мачты в полуночный час.

Знаю, как были затравленней волка, печальнее пса,
Крепостные, невольники, счастья чужого ткачи.
Кузнецы, кустари,
Над кем полыхали бичи,
Взвивались, метались арканы,
А ныне вы с принцами принцы, с царями цари,
С великанами творчества вы великаны.

О, влюбленные в Завтра, вперед!
Сквозь пламенный зной, леденящую стужу,
Сквозь строй со спиною, избитой до мяса,
Переломинами на ребрах,
Пусть кости наружу,
Пусть красная теплая масса,
Пурпурно струясь, заливает глаза.
Нас много, мы выйдем из джунглей недобрых
Мы выйдем, мы выйдем, нам солнце, небес бирюза.

Слава тому, кто на стройке и в сумерках шахты,
Слава матросам, кормчим, ломовикам,
Слава кузнецам, крючникам,
Слава каменщикам, что гранят граниты, смарагды!

Слава ткачам и ткачихам простой парусины,
Блестящего шелка, атласа,
Слава портным и портнихам на магазины,
Слава Тебе, трудящаяся бесконечная масса,
Творящая жизни чудо
Всюду и всюду!

Слава согбенным работой у верстака,
Слава работающим у домен и баков нефти,
За конторкой сводящим безумные числа,
Слава, кто льет шестерни, коромысла,
Слава тому, кто в Баку, кто в Нерехте,
Кто в Петербурге по воле гудка!

Вперед, о, вперед! Завершайте свое полукружье
Сводите железный не иденный круг, —
Союз будет золотом руг,
Союз будет ваше оружье.
Вперед!

1918.

ПРОЛЕТАРИАТУ.

Безумным бегом буря мчится вдаль,
Изгибом гордым запрокинув шею,
Вонзая в небо космы, точно змеи,
Витые кольца, серую спираль.

Бушуют дубы, в дуги гнутся ивы,
Срываются стропила кровель хат,
Табун летит по степи, вздыбив гривы,
Метая ржанье, дикие призывы,
Как труб тревогу, конских горл набат.

И облаков стихийные порывы,
И пыль, как облака, со всех дорог,—
Все в бешенстве, круженьи, пляске фурий,
По голубой сухой лазури
Бежит, не зная, где рубеж, порог.

И вижу я —
На синеву зенита
Властительно врывается орел
В размахе крыл, разгневанно, открыто.
Круги чертя, разревал, распорол
Средину туч, как легкая ладья.
Вдруг крылья в небе распластал
И стал
Недвижно в бурю, точно Знак векам,
Точно символ, явленный полкам
Милльонных масс, кем Шар Земной об'ят.

То образ Твой, титан-пролетариат
Венчанный славой.
То образ Твой, двойник.
Как он Ты величавый,
Как Ты орел велик
В оружии когтистой оторочки,
Как Ты, —
Простерший крылья правоты,
Средь бурь паришь на беспримерной точке.
1918.

С РАБОТЫ.

Посторонитесь, рабочий идет,
Уступите асфальты, к фундаментам станьте,
Дайте дорогу ему, современному Данте,
Пробывшему день
В мытарствах мук, по Кругам Испытанья, как Тот.

Пусть идут,
Кого не растерли зубы стальных шестерен,
Не втащила крючками воронка адского бала,
Не растерла подошва шагов Капитала, —
Идут, чьи облики буры,
Чьи пыльны нагрудники, волосы и картузы,
Чья в извести обувь по мостовой оставляет мазы,
Вот эти все каменщики, маляры, штукатуры,
Вот эти! Вот эта железная, сытая мощью толпа!

Пусть идут свободно, кому не изгрыз черепа
Скрежет завода, глаза не обжег пламень домен,
Рук, ног не сорвал вихрь фабрик немолчных
В дыме и копоти.
Видите блузы,—меж ними ни хмурых, ни желчных,
Слышите смех своевольный, уверенный гомон,
Буйство в бесчисленном топоте,
Неотвратимую быль?

Вот улицей скачет извозчик, веселый бобыль,
Лихач высекает подковами искры из плит мостовой,
Автомобиль в синем облаке пыли и дыма —
Стой, стой!
Идут рабочие, не один из них погиб.

Идут с наростами пыли, как грима,
Из каменоломен — атланты труда,
Гладиаторы глыб,
Жилистые, огрубелые раз навсегда,
Мускулистые, рослые, с добрым оскалом улыб.

Бросив кирки, как кочерги в горн кочегары,
Дичась тротуара,
Толпами идут шахтеры,
Темней эфиопов, обугленней пней на поляне лесной,
Искатели черного золота, горные гномы —
Рады вечернему солнцу, с дневным незнакомы,
Синему небу, прозрачному воздуху рады.

Гуляющих дам, кавалеров каскады,
Свадебный поезд, кортеж погребальный,
Кортеж триумфальный, —
Стой!
И не движься, пока не пройдет толпа за толпой,
Близ вас, мимо вас в глухие концы.

Вы все, кто имеет дворцы,
Небоскребы, особняки,
Магазины, заводы и рудники,
У кого от безделья мигрень,
Посторонитесь, рабочий идет!
Уступите асфальты, к фундаментам встаньте,
Дайте дорогу ему, современному Данте,
Пробывшему день
В мытарствах мук, по Кругам Испытанья, как Тот!
1913.

МАССЫ.

Имя красных масс,
Гулкий труд, огневые дела,
Отовсюду глядят без конца, без числа,
Отовсюду кричат каждый миг, каждый час
На вас.

Гудит по земле это имя в несметных вещах,
В деревьях, камнях и металлах,
В доках, фабриках и арсеналах,
На печатных станках,
В затаенных и страшных глубинах
Книг громадных, прочитанных книг голубиных, —
Буквы имени вещего, золотом кованных касс,
Блещут буквы, — то имя проснувшихся масс.

Поезда в пыланьях чугунные,
Ревущие черные ураганы табунные,
Человечьи кометы,
В полете крылатом колес,
Где вместо ободьев спину корчат рабочие гуины,
Руки вытянув миллионами спиц,
Орут ораньем ослиц
Имя грозное масс,
Чье имя — колосс.

На небе ночном электрический пляс,
Световые рекламы, поэмы света,
Железные вывески, башни, минареты,
И колокольни
При солнце, сверкании молний
Повествуют о имени масс
Демократии всех рас.

О, знают о ней заметно
И земные владыки.
Ее движений яростный шторм и дикие крики
Навсегда свихнут королей короны, царей престолы,
Как волны морские разрушают гранитные молы.

Масса — это горны,
Масса — это домны,
Творящая судорожно, упорно,
Творящая рай неуемно.

Вот гудки заревели вдали
Гимн железный пурпурному утру,
Город спит, чуть шевелятся рынки, —
Но массы уж движутся, пыль раздувая, как пудру,
По улицам и переулкам.

Потоками катятся блузы, косынки,
В бурых фартуках каменщики, печники,
За плечами с котомкой плотники и пильщики,
Маляры с лесом кистей и ведрами в строе гулком.

Вот фабрика, —
Здесь ряды железных ткацких станков,
И ряды женщин — искусных ткачих.
Их руки мелькают в ритм рычагов,
И фигуры в движеньи их.
Глаза зажжены огневою жаждой,
Лица мертвенно-бледны у всех
От горящей перед каждой
Дуги электрического канделябрика, —
Это лихорадочно ткущая фабрика,
Для нужд и немолчных утех.

Одевая все классы,
Как деревья листвою весна,
В одежды из бархата, сукон, шелков, полотна,
Работают женщин массы
С желанием красным.

Вот рабочие толпы
Завода громадного, каменной колбы, —
Средь громадных машин,
Меж стад безразумных, черных чудовищ,
Их колес, ремней рычагов, коромысел, пружин, —
Дружиной рабочих дружин,
Им в утробу вводит груды сокровищ,
Получая предметы обратно чудесней грез.

Вот толпы обугленных лиц, неестественных поз,
В черных шахтах угольных,
В сумерках смольных.
По штольням и штрекам,
По коридорам,
Подобно калекам, —
В ползках, грубо обнажены, каждый простоволос,
Каждый скорчен, скован, с расширенным взором, —
Безумно долбят уголь каменный клином кайла,
Зубом железным кирки.
Багряного света скачки
Освещают лоснящиеся в натужном движеньи тела.

Извлекая солнце
Из черных пластов пропастей,
Шар земной, как пирог начинкою тел и костей,
Сдобряем собой для властительного потогонца.

В каждой кузнице,
Нашей доли союзнице,
Ковачи перед горном
С пурпуром отсвета на изваянных лицах,
На голых руках в размахе молотом черным,
На буйно изогнутых спинах и выпуклых мышцах, —
На наковальнях, точно глыбах железных,
Мощно куют.

Бешено бьют
В белый, скорченный, грубый металл,
Искры кружатся, как метеоры полуночей звездных,
Лязги грызутся, шипят, точно челюсти тысяч жал.

Недра дрожат,
Дико ухают бездны от буйных усилий,
От адских ударов по каменной миле за милей
В беспросветных раскроях земли.
Недра стонут, скрежещут, визжат.

И гудит земли расстоянья любая верста,
И все спины людские согбены, напружены вын,
Учащенно дышат запекшиеся уста.

Гудят мостовые,
Горла черные копей,
Недра гор, города, полушарий кора
По Америке, Азии, Африке и Европе,
На востоке и западе, севере, юге — и всюду,
В содроганьи безумного зуда,
С утра до утра.

Всюду за молотом молот без устали бьет,
Свой идеал энергично кует,
Демократия кует.
Массы куют,
Массы упорно долбят,
Рвут из гранита, из стали и золота льют, —
Под заглушенный красный набат
Счастье векам, — о, хвала!

Массы куют себе долю орла,
Плавят себя в тиглях века
В единого сверхчеловека,
Стать титаническим сердцем н мозгом, и станут.
Пред горном железа, пронизанное огнем до-бела,
Железо на наковальнях, — оно не обманет.

1914.

ПРАЗДНИК СОЛНЦА.

Медь надменная — не клекоты орла,
Бронзы брань, — не звон призывный,
Переливный,
Колоколен не гудят колокола,
Оковала гул металла ночи мгла.

Бубны бьют
И трубят трубы, —
Звуки вольны, остры, грубы,
Клубы вьют, живые клубы,
Звон куют, восторг куют.

В гимнах гулких
Славят солнце, землю, зелень,
Цвет равнин, былинки каменных расселин,
День кружат на площадях и в переулках,
У раскрытых окон шумного бессонного завода,
Над задымлениою фабрикой, где сумрачные лица
Скрыты жутко вековым гранитом свода,
Спины гнут за вереницей вереница.

Без раздумья и без страха,
Пусть шахтеры сложат острые кирки,
Пусть ткачи оставят шумные станки,
Кузнецы отбросят молоты сразмаха,
Пусть гудки
Свой звон тоски
Сдержат властно, как джигиты карабаха

Трубят трубы,
Вьются флаги, точно огненные гривы,
Ветер зыбит,
Ветер кромсает их буйные порывы
В час багряный, когда мрак отвсюду выбит.
Мир на праздник встал любовно и краснво.

Клич гремит — сомкнуться, слиться,
Морем масс, в себя влюбленных,
Опьяненных, исступленных,
По полям, лугам разлиться.

Эй, трудящиеся толпы, величавы и пестры,
Там воочью,
Там нам ночью
Заблестят небес костры,
Дрогнут груди страстной мочью, опускаясь на ковры

Триста дней не видя солнца,
Триста дней себя не видя,
Ныне выйдя
В день весенний, ослепительней червонца,
На просторы, — кругозору надо юных научить.

В сердце солнце нам стучит,
Солнце встало, солнце встало, —
От велика и до мала,
Всех согреет, олучит,
Как бывало.

Всюду зелень, солнце юга,
Всюду злато,
Всюду злато,
Брат за брата,
Друг за друга, друг за друга.

Так скликайтесь,
Так смыкайтесь,
Для веселья, для игры, —
В русла улиц на асфальты
Нас певцы, баяны, скальды
Поведут на луг, в шатры,
На просторы,
Тешить взоры,
На траве свершать пиры.

1916.

◆ ◆ ◆

Кабак и храм, религия и пьянство,
Разгул и литургия на вине,
Века в безумном танце окаянства,
Века веков на трудовой спине.

Ослабиет храм — кабак остепенится,
Храм торжествует — пляшут кабаки,
Дрожат за половицей половица,
Хрипят, как горла, стонами тоски.

Здесь пьют, чтоб заглушить угрозы ада
В руках попов, страшнее рук Малют,
За ропот на судьбу в отрепьях стада,
За жалобу, что Лазаря поют.

Пьют — заглушить отчаянье бессилья,
Что королями Братства идеал
В крови затоплен н развеян пылью.
Царит кармана яростный оскал.

И в храм бегут безудержно и дико,
Полицией гонимые с дорог,
Полицией безжалостной владыкой:
Вам, простецы,
Тюрьма иль Бог.

Дороги мира, толп ловцы,
Все части света,
Все концы,
Пустыни, острова, — все это
Движеньем темным разогреты.

Мужчины, женщины, юнцы, —
В костелы, храмы, пагоды, мечети
Бегут по окончании работ.
Не отдохнув, не смыв соленый пот
За столько гробовых тысячелетий.
Им помогает бог голодным быть,
Обремененным, голым и разутым.
Их крови чистой огненную нить
Высасывать бесчеловечным спрутам
Благоволит родившимся в „сорочке".

Бегут они, бегут по одиночке
И толпами яремные рабы,
Дугою вскинув брови, сморщив лбы,
Перекошены болью, стыдом без конца,
Вместо одежд на плечах оболочки
Старых лохмотьев неподпоясанных, рваных,
Бурей разметаны волосы, порваны горем сорочки
Обреченные, в ранах,
Зрячего нет между ними, преступника, вора, глупца,
Нет остановки, нет поворота в стороны или назад,
Всюду пустыня для них, не цветет ни единый сад,
Тучи над головою и громы „Отца".

За мужскими, толпы ничуть не уменьшены,
Спешат женщины
Исступленно, подверженные экстазам,
С глазами, запавшими в глубь глазниц
Вдохновенно горящих лиц,
Изможденные, с грудью засохшей плоской, узким тазом,
В платочках, босые, беременные, с волосами жидкими,
Состаревшиеся, поблекшие очень рано,
Пытаемы всеми пытками, —
К Евангелию, Алкорану
Забвенья бегут испить, алкоголя
Эти толпы задавленной женской доли.

И иная печали печальней картина:
От обеден в пасть кабакам,
Утомил обещаньями райскими храм,
Потянула водка на отдых за полы, невинно.
Бегут одни смело, искусной повадкой,
Идут другие с запинкой, раздумьем, шатко,
Третьи стремятся украдкой.

Оглядываясь широко глазами, точно за ними погоня,
Гром разразился, в спину целится молния, —
В дыме, огне
Литургию иную свершать на вине.

А те, кому душу, как свечку, задули,
Кто на ад наплевал, на рай рукою махнул,
Кому стал совсем непосилен труд,
Те на перекрестках сладострастно, зазывно ржут,
Окликают прохожих, доступностью жгут,
Судорожно поводя для показа
Прекрасными чреслами, толстыми крупами,
Снуют вереницами, группами,
Даря обещанье один, и два, и три, и четыре раза,
До семи.
О только возьми, возьми.

Сплетясь в одно звено
По наемному согласью,
Поровняет, мешая с грязью,
Нас вино.

Мы будем одно — и двое,
Нас свалит вино огневое,
Его из нашего хлеба курят
И труда,
Нас захлестывает губительный яд
Года.

Чтобы с голоду нам не дохнуть,
Как скот, шеи раним за хлеб,
Нет работы — тюремный склеп,
Умереть, ослепнуть, оглохнуть.
Чтоб изжить пламень мук — бога молим,
Чтоб усталость изжить — водку пьем, —
Душу вымотали чужим полем,
Силу—фабрикой, шахта наш дом.

В рудниках, где все, все проклято,
Каторжане несметностью масс,
Добываем сребро и злато
На храмы, на иконостас.
Извлекаем сребро и злато
Покупать рабов королям.

Но раздастся удар набата
И спрут златоглавый — храм
Размокнет свои щупальцы кольца —
О, тогда ни единого богомольца
Не останется там.

1913.

ЗЕМЛЯ.

Миллионы солнц во мглах тебя вскормили,
Орбитой плыть толкнули тьмы систем,
Тьмы тем
Законов на тебе застыли,
Любой — поэма мировых поэм.

Ты из безмерной голубой утробы,
Вселенной дочь, родная плоть ее,
Взяла и жизнь, и тайну бытия,
Тысячелетий малые микробы.

Тебя кольцом торжественным кортежа.
Плывущих плавно золотых светил,
Мать окружила, словно сонмом сил,
Роев роями, и любя, и нежа.

Земля, Земля,
Комок сгущенной грязи,
Средь золотых нулей ты - вид нуля,
Средь пламенных кружащихся планет.
Я на коленях в неземном экстазе
Тебе молюсь, твой сын, поэт.

Из века в век стреми свой лет,
Вперед, вперед,
Вперед!

Вертись, вертись, вертись стремглав,
Извивом вихря, вихрем слав,

Вдыхая день,
Дыша в лазурь,
В ночную тень,
Ночную хмурь.

Весь купол твой,
И звездный блеск,
И золотой
Луны гротеск.

Ты в грудь зажала
С первых дней
Блеск металла,
Блеск камней,
В чресла пламень непогасный,
Пламень властный, всех властней.

В дымке синей, как облаке гарусном,
Как в подвенечном уборе невеста,
Но уже недра в пылании яростном,
Ты за века ни единого жеста,
Ломаных линий, орбите верна,
Вертишься плавно
Вкруг светлого фавна,
Вкруг Солнца, любовница, Солнца жена.

Вот вы,
В просторах немой синевы.

Ты, выгибаясь, каля свои соки,
Горячая, нежная в миг материнства,
В минуну отдачи, святого бесчинства,
Даришь ему грудь, свои смуглые щеки,
И алчное тело, летя по арбите,
А солнце в гамак, в золотистые нити,
В лучи уловляя, близит себя,
Всей касаясь, границ не терпя.

Двести дней, двести суток всечасно
Любовник безумный насыщает тебя
Страстно.

Двести дней и ночей, двести суток,
Ты в полотнища зелени шелковых трав
С крапинками незабудок,
Как в тунику одета для светлых забав,
Для прохлад обнажив на могучих бедрах
Полоску в белоснежьи альпийском, кавказском.
Рождаешь, плодишь в напряжениях бодрых,
И нет былям числа, твоим песням и сказкам
Нет конца и не будет во веки веков!

Слышится гул голосов ураганных
В исполинских диких лесах,
Необузданный буйный взмах
Валов в океанах,

В изумрудных бескрайных степях
Страстное ржанье коней, кобылиц,
Мычанье призывное юных телиц.

В пустынях песчаных, выжженных солнцем до тла,
Раздается рев рыжегривого льва,
Вой шакала, волка из рва,
Жалоба, радость, хула.

Вот, — чу!
Слышится клекот орла,
Лебедя крик, раскат соловья,
Звон арфы, рыдания скрипки,
Дробь моноплана, простертого в небе крыла,
И песня поэта, безумная песня моя,
Исступленная, без улыбки.

Кружись, Земля, стреми свой лет
За веком век вперед,
Вперед!
Стремглав, стремглав, стремглав, стремглав,
Вращайся вихрем, вихрем слав.

1915.

МАТЬ.

Все, все, что видишь ты,
Что в мире, все твое!

На всем твои черты,
Твоей руки печать,
Ты — бытие,
Ты мир в себе таишь, о, мать!

Тысячелетий рать, века веков
Ты вырастила без поводырей.
Мать матерей,
И мать земных сынов.

Лицо земли, что смугло от загара,
Ее высокая, напрягшаяся грудь,
Ее утроба, знающая нудь
И радость, и властительные чары,—
Земля — прообраз твой.

Ты вспомни села, города, их буйства,
Свет электрический и молньи телеграфа,
Машины и дворцы, и статуи искусства,
Толстого слово и поэмы Сафо.

Взгляни на бесконечные поля,
На пашни черные, где сеятели бродят,
На нивы в золоте, где в такт косами водят,
На мостовые с гулом дрогаля,
Проникни в шахты, фабрики, заводы,
В любую комнату ребенка и отца,
В простую душу, душу мудреца,
В вещь незаметную, — свои увидишь роды.

Мир человеческий, мир выковал мужчина,
Дала мужчину ты, как сына.
Пламенем неуемным,
Неукротимым, как стихия огня,
В конвульсиях страсти дрожа и стеня,
Насыщаясь желаньем застенчивым, томным,
Ты на ложе скромном,
Во мраке дразнящем, густом,
Рот прикрыт другим, обжигающим ртом,
Грудь обнаженная
Прикрыта другою грудью, завороженною,
Не отцветая, цветешь, горишь, не сгорая,
Целомудрием бьешься, безудержьем блуда.

А вот крики по всей земле от края до края,
Вестники чуда,
От зари до зари раздаются в ушах.
То крик рожениц
В дворцах, кибитках, лачугах и шалашах,
Как на кострах, на мучительных ложах,
Как на жертвенниках Тела и Крови святые сосуды,
Матерей утробы святые,
Жизни рождают на века молодые,
Жизни для смен поколений прохожих
Всюду и всюду.

Я вижу матерей в ночи у колыбелей,
Склоненных преданно над личиками малюток.
Пусть гаснут лампы, пусть и петухи пропели,
Пусть мрак сдвигается неумолим и жуток:

Они влюбленно,
Они бессонно,
Баюкать будут, пока уснет
Их нежный крошка,
Рассвет в окошко
Для них нежданно зарей блеснет.

Вот матери кормят грудных ребятишек,
Окруженные стаей подростков-детей,
С головой одуванчика светлых полей,
С глазами зверьков, милых мышек.
Вижу затихших, внимательных,
Зачарованных сказкой,
Тайны разглаской.
На маму глядят суевернее всех суеверных,
Перезвон слыша слов обаятельных,
Слов нежных, уверенных, мерных.

Вижу, как матери учат молиться детей.
Так учили пророков, подростка Иисуса,
Франциска и Гуса,
Каляева и Гарибальди,
И всех, кто погиб под ударом плетей
На асфальте,
На виселице за свободу, равенство, братство.

Нет больше богатства,
О, мать,
Нет больше искусства, как дитя воспитать!

Художник, скульптор, композитор, поэт и философ,
Архитектор, актер
Напрягают и руки, и взор,
И мозг гениальный в разрешеньи вопросов,
В минуты прозрения, творить, создавать, —
А мать,
А великая мать?

Как творит, как трудится она,
Какие прозрения,
Какие видения,
Воплощает в ребенке она.
Сколько дней и ночей проводит без сна,
Сколько дум, вдохновений о нем и о нем!

О, женщина-мать,
Что страсть и любовь спаяла огнем,
В них себя растворив навсегда и опять!
Твой ребенок — бессмертная слава,
Живая скульптура, картина, поэма живая,
Он — слово, симфония, жизнь огневая,
Он — истина в'яве,
Он — Все!

Ты и он,
Ты и он — единое,
Заковать вас железом, цепей паутиною
Удастся ль кому, когда каждый на бой снаряжен
За счастье и право,
За небывалое,—
За диктатуру алую.

Так привет твоей страсти, любви ненасытной
Напряженным грудям, неистовству чресел,
Привет всем, кто нежен, кто весел,
Здоров первобытно,
Кто мудр,
Всем привет!

1915.

САЛОМЕЯ.

Как лань, легка,
Стройна, как Саломея,
Тебя века
Я ждал, надежды не имея.

И ты пришла, ее живой двойник,
Мой голос прозвенел и вспыхнул крик:

Как выразить огромность этих глаз,
Где бьется пламень, бьется черный грех,
Немой экстаз
И гулкий дерзкий смех!

Красив твой нос,
Красней кораллов губы,
Внезапней молний, гибельны сугубо.
Лишь матерью целованные губы.

Строг, сдержан, как допрос,
Как ос медвяный сот,
Как горн горяч твой рот,
И неразгадан, как твоя судьба.

А мрамор гордого крутого лба
Пылает мыслью, как зарей стремнина,
В провалах мозга оргия и месса,
То Нина,
Смуглый сфинкс и поэтесса.

Твой стан
Стройнее обелиска.
— Будь хан,
Я буду одалиска,

Нет, нет,
Я буду Саломея,
Поэт,
Я пляскою сумею
Тебя, сурового пророка,
Предтечу Слова, как орган,
Тебя, безумец Иоанн,
Влюбить и умертвить до срока.

В тебе, бессмертном иноверце,
Зажечь безудержь огневую
Я к пляске обнажила сердце.
Эх! Вкруговую!

Нина! О, Нина!
О, Саломея!
Звон окарино!
Арфы звончее!

Волосами, как смоль, ты прикрыта, прикрыта,
И крылом покрывала, крылом покрывала,
Как прекрасна, прекрасна, чиста, не изжита,
Ни мало, ни мало, ни мало.

Знать голова моя будет на блюде,
Ты уже вертишься в огненном танце,
Два факела пламени — твои груди,
Два гребня пожара — страсти восстанцы.

Как спицы мелькают ног легких лодыжки,
Как крылышки ступни, и вся ты — улыбка,
Движенья истомны, нежны и зыбки.
Глядите, о, люди, монахи-плутишки,

На гибкость, упругость, грацию стана,
На дивные линии девственных чресел,
Танец пьянит, и все огненно пьяны.
И каждый неистов, каждый весел.

Волосами, как смоль, ты прикрыта, прикрыта,
И крылом покрывала, крылом покрывала,
Сама же ты танцем не сыта.
Бис!
Сначала, сначала, сначала!

Знать голова моя будет на блюде,
Снова ты кружишься в огненном танце,
Два факела пламени -- твои груди.
Два гребня пожара—страсти восстанцы.
В минуту любви для меня роковую.
Эх! Вкруговую!

1915.

СЕРГЕЙ МАЛАШКИН.

МУСКУЛЫ.

Дмитрию Малашкину.

О, мне ли в гулкой тишине,
Поэту радости и солнца,
У неоткрытого оконца
Все за поэмами Шенье
О белых лебедях вздыхать,
Сентиментальничать, мечтать...
О, мне ли в гулкой тишине
Считать все пятна на луне!..

Я вижу: мимо милых сел,
По пажитям земли родной,
Гудя, жужжа, как рои пчел.
Бросая радостью, тоской,
Восстаньем, ужасом пожара,
Во все концы земного шара
Бегут и дни и ночи
Из жил рабочих
Телеграфов провода...

О, мне ли в гулкой тишине
Считать все пятна на луне
И вас не видеть, провода!..

Я вижу: гений предо мной
Луга, леса, поля и степи
Опутал в рельсы, словно в цепи
Своею мощною рукой...
По этим рельсам взад, вперед
Быстрее все из года в год,
Свистками разрезая тишь,
Бегут в Москву, Берлин, Париж,
Чикаго и другие города
Из мускулов рабочих поезда...

О, мне ли в гулкой тишине
Считать все пятна на луне
И вас не видеть, поезда!

Я вижу: чудища столиц
В металл закованного мира
На черном дыме у надира
Под стаею стальною птиц
Трубя грубо
В трубы,
Гудят,
Кричат
Криком красным с огненных страниц...

О, мне ли в гулкой тишине
Считать все пятна на луне
И гула не слыхать столиц!

Я вижу: в Лиссабоне, Риме,
Берлине, Вене, Петрограде,
Чикаго, Лондоне, Царьграде,
Кидая к небу клубы дыма,
Буйствуя неудержимо,
Сгустки мускулов рабочих
Дни и ночи
По металлу,
По закалу
Молотами бьют,
Солнце новое куют,
Жизнь куют,
Куют!

О, мне ли в гулкой тишине,
Поэту радости и солнца,
У неоткрытого окнца
Все за поэмами Шенье
О белых лебедях вздыхать,
Сентиментальничать, мечтать...
О, мне ли в гулкой тишине
Считать все пятна на луне!..

Я должен видимые мной
Все телеграфов провода,
Все поезда и города,
Бетон, железо, камень, медь,
Гул восстаний и пожара,
Буйство мускулов, удары
Буйно гимнами воспеть.

О, мне ли в гулкой тишине
Считать все пятна на луне!

◆ ◆ ◆

Держа в зубах мундштук солидной трубки,
Глядя с тоской на облака,
Что мчатся вдаль издалека,
Не слыша „подтабак" и капитана с рубки.

Я думаю: как хорошо,
Как хорошо
Побыть высоко на луне
И с облаками грустью поделиться
И с ними в путь-дороженьку пуститься.

Я думаю. Но в лунной тишине,
Смеясь лукаво мне
Сказал
В глаза
Февраль из-за спины седого Января:
— „Поэт Малашкин, не шали,
Не вольнодумствуй легкомысленно и зря,
А лучше пой про Голубые корабли,
Что издали
Огнями яркими горя
К тебе плывут“.

„К тебе плывут!“
Услыша это выронил из зуб мундштук
И запустил в карманы кисти рук
И, словно важный капитан,
Свой выставя вперед
Живот,
Я стал смотреть сквозь порванный туман
Вдаль.

Вдали
Под красно-голубыми небесами
Шумя знаменами, как парусами,
Поют родные корабли
О братстве, о любви.

МЫ.

I.

После работы тяжелой, упорной,
Мускулам всюду и вечно покорной,
Когда
С ног не обита пыль, руда,
Теплы на теле капли пота,
С лиц не сбежала дня забота,
Свежи ожоги железа и горна,
Ссадины спин не подсохли,
Ссадины рук не подсохли,
Нас буйных, достойных гимнов и слав,
Жадно дома, небоскребы застав
Зажимали в чердаки - гроба,
В подвалы - погреба,
Где нам зрачками загноившихся глаз
Ночи читали приказ,
За приказом приказ:
— „Песен веселых не петь,
Песен своих не иметь!“
Зажатые в гроба,
Погреба —
В сгустки мускулов, капли пота,
Где предков, создавших роскошные залы,
Дворцы, музеи, золота скалы,
Гулкие фабрики, церкви, соборы,
Тюрьмы и тюрем заборы,
Стаи птиц, что под солнцем парят высоко,
Бархат, шелка и трико,
Жала горла веками рвота, —
Мы воздух полей не вдыхая,
Кашля кровью, перхая,
Бога моля и ругаясь сплеча,
Солнца не видя, не видя луча,
В мраке шурша, точно мыши,
Видели трубы и крыши,
Черного дыма полотна,
Пыль, паутины волокна,
Наши жилы на пальцах столбов,
Ноги прохожих, фундамент домов,
Мусора ямы, отбросы металла,
Ватер-клозеты, откуда моча,
Тихо-лениво сочилася с запахом кала, —
В такой обстановке — в гробах,
Погребах,
Где нам пряжу пряла мгла,
Где нам плесень стен цвела,
Мы, битые веками труда,
Тобою, Нужда,
Владеющие богатством — шрамами на теле,
Не смыкая порой малокровные очи
В душные от кашля душного ночи,
Песен своих не имея,
Гимнов своих не имея,
Неумело,
Несмело,
Пели песни чужие,
Пели гимны чужие,
Благодетелей наших,
О страдании нашем,
Неиспытанном ими...
После песен и гимнов, в постелях,
В пропитанных потом и плотью постелях,
В бледные губы,
В синие губы,
Целуя,
Бессчетно целуя
Жен малокровных от пищи плохой и ударов труда,
Векового труда,
Мы крепко любили,
Больно любили,
И прижимая к себе, кость о кость ударяя,
Ударяя,
Делали в муках экстаза и вдохновений
Новые мускулы,
Крепкие мускулы,
Для новых, невиданных зданий, строений
И вдохновений.

В сырости, плесни,
Мы жили,
Хотя и чужие, но все же мы пели песни,
Любили,
Росли
И росли!

1916.

ПРОЛЕТАРИАТУ.

Небо огромный сапфирный потир
Льет из зенита пречистую кровь,
Бога любовь
Рдяными каплями в трепетный мир
Камня, бетона, железа и стали,
Что у Тебя на руке, как на гибкой спирали
Рдея пожаром, как глобус тяжелый, лежит
В пальцах Твоих, кружась, громокипит...

Слава труду.
Мышцам играющим слава.
Слава в металл перелившим руду.
Слава хватившим в набат,
Слава Тебе, творец Пролетариат!

Видишь на глобусе Ты
Улиц растущих орбиты, домов,
Кольца сверкающих рельс, проводов,
Парков, бульваров деревья, цветы,
Дыма полотна, что ветер кружит
Властно, кидая кусками в поля,
Где между нив в ржавых струпьях земля,
Где, как нарывы, глядят корпуса рудников
Потом и кровью веков...
Это все, все, что Ты держишь и видишь.
Буйствуя, властвуя, властвуя движешь,
Ты, выбиваясь веками из сил,
В мраке, под солнцем не зная границ,
Создал из мускулов, сгустков и мышц
Собственных нервов, нервущихся жил...

Сгусткам мускулов слава.
Жилам сверкающим слава.
Нервам, орбитам глаз слава
Ржавым нарывам шахт слава.
Слава тебе, своеволий набат.
Слава Тебе, творец Пролетариат!

Видишь на глобусе Ты
В улицах, сдавленных жадно домами,
Гулко ревущих, гудящих громами,
Кружится вихрем восстанья набат,
Рвутся снаряды в огне баррикад,
Лязгают дула дымящихся ружей,
Мнутся от бури деревья, цветы,
Века красоты,
Валятся главы церквей, образа
В теплые, в темно-кровавые лужи,
Где поднимая безумно глаза,
Глубже вдыхая восстанье, как жизни бальзам,
Грубо, бросая проклятье прошедшим векам,
Корчатся мускулы, к солнцу стремясь...

Видишь на глобусе Ты,
Как в полях
Возле шахт, рудников,
Изб бедняков
Острые косы
Режут покосы,
Режут поля,
Дальше кидая знамена - ножи
На рубежи
Царств,
Государств —
В круг их сзывая играть в мятежи.

Слава Московии — столице столицам.
Слава знаменам — пылающим лицам.
Слава тебе, своеволий, восстаний набат
Слава Тебе, гений Пролетариат!

1918.

◆ ◆ ◆

Музыка. Бьют барабаны.
Трубы победно трубят.
Меди зазывной
Призывной
Буйствует буйно набат.
Музыка. Бьют барабаны.
Трубы победно трубят...

Массы несметные, полные бури, отваги,
Выше вздымая к лазури багряные флаги,
Горе столетий поправ,
Позабыв,
С заревом зорь от застав,
Точно единый порыв,
Движутся медленно, гулко
В улицы и переулки
Центра, кидая призыв:
— „Други, вперед! На зенит!
Пойте! Пусть песнь громозвенит!“

Музыка. Бьют барабаны.
Трубы победио трубят.
Медн зазывиой
Призывной
Буйствует буйно набат.
Музыка. Бьют барабаны.
Трубы победно трубят...

Массы все ближе и ближе к трибуне подходят.
Город бетонный от топота гулкого ног,
Струны стальные колебля, что в дали уходят,
Гулко поет в акведуки, поет и в железные трубы,
Точно Гомер, всей вселенной и просто и грубо
Весь погружаясь в восторг.
Зданья кричат. Открываются двери и окна.
В куртки, костюмы и платья убравшись прозрачные,
Брачные,
Путаясь в знойного, жгучего солнца волокна,
Новые братья навстречу любезно выходят,
Новые сестры навстречу влюбленно выходят
С алыми, рдяными лентами через плечо
В ногу, в плечо,
Песнями, гимнами славя себя горячо,
Буйство масс окрыленных,
В солнце влюбленных,
Центр замыкая собою в кольцо.

Музыка. Бьют барабаны.
Трубы победно трубят.
Меди зазывной
Призывной
Буйствует буйно набат.
Музыка. Бьют барабаны.
Трубы победно трубят...

Массы на площади. Празднество. Шум. Ликованье.
Братья любимые, сестры в минуты свиданья,
Фабрики, молоты, сверла забывши и муки,
Взяли смелее друг друга за грубые руки,
Зная глубоко, что каждый для каждого друг,
Крепко смыкаются возле трибуны вокруг
Братства — коммуны — союз круговой неразрывный
И, торжествуя под гулы набата,
Меди призывной,
Ленина ждут, что любезнее брата,
Радостно, буйно,
Солнцами глаз улыбаясь, с трибуны
Всем им расскажет словами Мессии:
О коммунизме Советской России,
О мировом торжестве пролетариата...

Музыка. Бьют барабаны.
Трубы победно трубят.
Меди зазывной
Призывной
Буйствует буйно набат,
Музыка. Бьют барабаны.
Трубы победно трубят...

◆ ◆ ◆

О, города, из сгустков мускулов моих,
Вы слушая мой грубый и упорный стих,
Похожий на меня, как тяжкая работа,
Со стен соча за каплей каплю крови, пота,
Зрачками злых, стоячих глаз,
Хрипя, гримасничая мне,
Как скаред свечкой сатане,
Восстанием грозите каждый час.

О, города! О, города!
Я сам рожден в огне труда,
Я сам иду туда,
Туда,
Где русский, немец, венгр, француз и остальные братья
Жестоко бросили тиранам вековым свое проклятье,
На век, скрепив себя мозолями, нарушили рубеж
И, как один, от полюса до полюса подняли свой мятеж.
Я в мятеже восстания, как черные враги,
Не буду на столбе, не буду распят на кресте,
А радостно войду под меченосные круги,
Зори родной и Солнца нового, идущего,
Мозолей, братства величавого, грядущего
И буду славы, гимны петь, молиться красоте,
И с братьями по шрамам, по векам нужды, работы,
По крепким мускулам — стальным, по каплям крови, пота,
Вперед,
Вперед
Итти!

О, города!
В пути и радости и горя,
Нужды, упорного труда,
В кругу рабочей бедноты,
Ревущей яро, точно море,
Я так же, как она, цветы
Изысканного чувства
Ломать все буду,
Но, не теряя своего сознанья
В бою, в огне великого восстанья
В венок невидимый искусства,
Ковать поэмы не забуду...
О, города!
Что капли пота?
Что мне восстанье?
Вы видите на лбу моем
Не только капли пота,
Слова восстанья,
Глубокие морщины,
Что выжжены огнем
Труда,
Страданья,
Но буйное желанье
Быть в мятеже, творить всемирное восстанье.

РОССИИ.

В Твоей мозолистой руке
Зажат не грубо грубый камень,
А факел, что кидая пламень,
Даль освещает вдалеке,
Все непройденные пути,
Моря, озера, реки, зелень,
Цветы, бурьян сырых расселин,
Где злобно месть тая в груди,
Шипя, клубится злая мгла,
Надрывно бьет в колокола
Наотмашь сброшенного зла.
Глядя на пламя рдяное Твое,
Из изб, от каждого села,
Не слыша колоколен зла,
Без цели к цели весело,
Как Волга в грозовое море,
Неся строенья и помет,
Твой сын, влача веков все горе,
Гудя как первый вешний гром,
Пылая ситцевым огнем,
Безумно буйствуя идет —
Вперед.

Идет и на пути своем
Усадьб, дворцов роскошных зданья
Рукой жестокого восстанья
Ломает яро, жжет огнем,
Вздымая дым и прах столбом
К лазури красно-огневой;
А скарб, что многие века
В перстнях бездельника рука
Копила жадно в кладовой,
Он мнет своим движеньем,
Как сор пустой,
Без жалости и сожаленья.
А после ужаса, погрома
Усадьб, амбаров и дворцов,
Увода кровных жеребцов
Идет в поля, куда влекома
Давно была душа его,
Припасть к пластам родной земли,
Что от рождения веками
Своими грубыми руками,
Питая потом и слезами,
Взрывал с молитвою любви.

О, Русь! Глядя на сына Твоего,
Вдыхая гул его трудов,
Я бросился, как вихрь, на зов,
Как он, безумно разрушать,
Как он, без цели добивать
Наотмашь сброшенное зло,
Что в жизни прошлой каждый час
Давило, мучило и жгло
Нас!

„БУДЕТ ГРОЗА".

Спотыкались, бежали ветра,
Гнали туманы как пену,
Нагибали дерев веера,
Орали и выли про Лену...

А Лена,
Дни и ночи,
Ласкаясь к крутым берегам,
Зарывала валежник костей;
Дни и ночи
Золотой промывала песок
(Он от пота и крови краснел),
Билась волнами, гудела,
Ревела —
Кидала погибших слова:
— „Проклятье врагам!"
И предсмертное —
— „Ленин!"

Спотыкались, бежали ветра,
По полям, по лугам, по горам,
Нагибали дерев веера,
Повторяли: „Проклятье врагам!"
И предсмертное —
— „Ленин!"

Выходили деревни и села,
Храня поротый шомполом зад,
На бояр-белоручек поля,
Где превращались в скотину,
Гнули голову, спину
Под удары кнута и дубья
И кривили цынгою изглоданный рот,
Посылая боярам из рода в род:
— „Проклятье!"
И от сердца любимое —
— „Ленин!"

Спотыкались, бежали ветра,
Нагибали дерев веера,
Кидали боярам: „Проклятье!"
И от сердца любимое —
— „Ленин!"

На Буге, в Карпатах,
Где воды по камням шумят,
Где шакалы воют, шипят,
Цепляясь за ветки и лапы
Буков и бронзовых сосен,
Из могил поднимались скелеты,
Собирались со свистом на митинг,
На котором пять весен
Смотрели глазами пустыми,
Стучали костями, как в кастаньеты,
Грозили —
— И в „Бога", и в „Мать", и в бездонную „Твердь"
—„. . . . . !"

На Буге, в Карпатах
Под гул канонады пять весен,
Цепляясь за ветки и лапы
Буков и бронзовых сосен,
Костями стуча, как в кастаньеты,
Словаков, германцев, мадьяр,
Россейцев, румынов, болгар,
Плясали, кружились скелеты
И в пляске, играя пустыми глазами,
Вздымая искрами жар,
В бездонную „Твердь",
Трясли кулаками:
— „Царям!
— „Королям!
— „Банкирам!
— „Смерть!!"
И предсмертное —
— „Ленин!"

Спотыкаясь, бежали ветра,
Нагибали дерев веера,
Повторяли скелетов слова:
— „Ленин!".

Это было давно! А сейчас?
Сейчас:
Успокоилась бурная Лена,
Деревни и села
Не гнут свою голову, спину,
Не представляют собою скотину,
Не чешут поротый шомполом зад;
В Карпатах не пляшут скелеты,
Не стучат костями, как в кастаньеты.

Только со всех материков,
На Кремль устремляя глаза,
Гремит переклик бедняков:
— „Будет гроза!"
— „Будет гроза!"
И от сердца победное —
— „Ленин!".

Бегут, спотыкаясь, ветра,
Срывают туманы как пену,
Ломают дерев веера,
Орут, повторяют слова:
— „Будет гроза!"
— „Будет гроза!"
И от сердца победное —
— „Ленин!".

1923.

◆ ◆ ◆

Ветр набежал, закрутил налегке
Пыль накаленную в кольца,
Крыши погладил в селе,
Зыбь серебра растерял по реке,
Бросился через окольца
Навеселе,
Гудя, шелестя,
Свистя
Вдали, не видя преград, рубежа,
Как неизменный посланник грозы, мятежа...

Ветр набежал,
Убежал.
Грузно за ним, не спеша,
Яро громами дыша,
Мглою влача по земле,
Молнью играя во мгле,
Туча к зениту ползла,
Дождик в кувшине несла.

Туча достигла зенита,
Вылила дождик в нечастое сито.

Туча дождик пролила,
Стала цвета — полотна,
И свободно и легко,
Не вздыхая глубоко
Побежала клочьями руна
Далеко.

Ветр набежал, закрутил налегке
Перья куриные в кольца,
Крыши погладил в селе,
Зыбь серебра растерял по реке.
Бросился через окольца
Навеселе,
Гудя, шелестя,
Свистя
Вдали, не видя преград, рубежа,
Как неизменный посланник покоя после грозы, мятежа.

Ветр набежал.
Убежал.
Стало тихо,
Тихо.

Туча клочьями руна
Загромоздила горизонт.
Солнце над тобой, моя страна,
Развернула золотой горячий зонт.

ОСЕНЬ.

Бледнее стала синева небес,
Быстрее стали облака,
Смелее зашумел крапленый лес,
Заволновалася река.

Не видя солнца, видя неба синь,
Да ветром тронутую тишь,
Зашамкала в полях пустых полынь,
Забегала, волнуясь, мышь.

Минуя мышь, полынь, поля,
Тоску отчаянную дней,
Летит на юг — в далекие края,
Угольник острый журавлей.

Но я не оторвусь от осени,
Я, на ущербе октября,
Гляжу на горизонта просини,
Где загорается заря.

Гляжу и верую: получит день
Невиданный моя страна,
Перед которым в прошлом только тень
Из лучших лучшая весна...

Пускай небес бледнее синева,
Пускай быстрее облака,
Пускай храпит полынь, листва, трава,
Пускай волнуется река,
Пускай летят, тоскуя, журавли,
Все дальше от моей земли,

Но я от осени не оторвусь,
Я к сердцу осени прижмусь
И буду в синь ее очей смотреть
И гимны огненные петь.

◆ ◆ ◆

На ущербе хмуром Октября
Ночь восстанием дышала.
Загоралась красная заря,
Поднимала копья-жала.

А на кровь зари из дымных хат
Русь, ликуя, выходила,
Надо Мглою в кованный набат,
Точно оглашенный, била.

◆ ◆ ◆

Жестоко путаясь в дым паровоза,
Как в волны ритм безрадостного метра,
Ветвями гибкими моя береза
Бередит струны стонущего ветра.

От стона струн в моих глазах туманно
Мне кажется, в израненной отчизне
Опять, опять загадочно и странно
Ведет себя седая Тьма на тризне.

Она, шипя зменными словами,
Коммуны факел потушить стремится
И жадно ядовитыми зубами
Глубоко в мускулы желает впиться.

И все, что создали, трудясь у горна,
Убрали красно-рдяными венками,
Она грозит жестоко и упорно
Разбить в куски костлявыми руками.

Жестоко путаясь в дым паровоза,
Как в волны ритм безрадостного метра,
Ветвямн гибкими моя береза
Бередит струны стонущего ветра.

◆ ◆ ◆

Еще не пели зорю певни,
Шурша висела марта ночь,
Я вышел в поле из деревни,
Чтоб сон тяжелый превозмочь.

Я вышел тихо. Надо мною
Дымились звездно небеса.
И позади и предо мною
Во мгле дремали голоса...

Но мне не больно! Сердце верит:
С зарею сгниет ночи Мгла,
Откроет утро Солнцу двери
И зазвонит в колокола.

Услыша звоны, всколыхнется
Земли дремотная душа,
И к груди Солнца прикоснется
Она любовно и спеша.

А я, как только грянут певни,
Ручьи проснутся ото сна,
Пойду с весельем по деревне
Кричать: Весна! Пришла Весна!

САМОБЫТНИК.

НАША ПЕСНЯ.

Поднимаясь с могучего дна,
Загораясь безумной тревогой,
Путь тернистый проходит она
И выходит в одежде убогой...
Мысль свободная в ней — без конца,
Вместо образов гордых — намеки.
Еще в песне родного певца
Не раскованы вольные строки.
Еще песне дорога одна
С нашей долей забитой сурово:
Если вольная жизнь — не вольна,
То куется и вольное слово...
И тому, кто склоняться привык
Пред высоким созданьем искусства,
Нашей песни суровый язык
Не постигнуть заветного чувства.
Только тот, кто сквозь слезы и гнет
Сохранил в своем сердце порывы,
В наших робких напевах поймет
И тоску, и порыв, и призывы,
И ту силу, что горным ручьем
Сквозь оковы в ней бешено рвется,
И ту песню, что вольным певцом
На заре вольной жизни споется.

НА ПОСТУ.

Мы звезды в сумраке глубоком, —
Едва мерцаем и горим,
Но на посту своем высоком
Мы неизменно сторожим.

Порой алмазным, дружным светом
Свой темный полог обольем,
То с первой песней, вольно спетой,
В глухую бездну упадем.

Но в силу тайного обета
Всю ночь не гасим мы огня,
Всю ночь родная ширь согрета
Надеждой солнечного дня.

И он придет, мы это знаем.
Светило мощное взойдет!
И мы, свободные, растаем
Средь голубых своих высот.

ПРОЛЕТАРИЙ.

Крепкие руки, хлеб да вода,
С скарбом убогим мешок неизменный,—
Вот он творец мирового труда
И гражданин всей вселенной!..

С этим именьем он версты идет...
Ночи несется в вагоне трясучем,
Через моря, океаны плывет
С пламенем в сердце могучем.

Может быть, в вечном пути за трудом
Жить на чужбине ему приведется —
Станет родимым скитальческий дом,
Родиной — даль назовется...

В шахтах, заводах чужих городов
Грезы о детстве растают без цели...
И не увидит вовеки он вновь
Места своей колыбели!..

К грозным лишеньям готовый всегда,
С силой в могучих руках неизменной —
Вот он — создатель земного труда —
И гражданин всей вселенной...

ПОСЛЕ РАБОТЫ.

После ужина в каморке бедной,
Сбросив дня тяжелые вериги,
Сядет он при свете лампы бледной
За свои пленительные книги.

За стеною без конца тревожит
Смех и плач беспечных ребятишек,
Но ничто тогда отвлечь не может
Жадной мысли от любимых книжек.

И пройдут сомкнутыми рядами
Дети общей и суровой доли,
С их борьбой и старыми вождями,
Что ведут рабочих к светлой воле.

И, склонясь в томительной дремоте,
Полный дум и грез, он тихо ляжет,
Завтра утром на своей работе
Он о них друзьям своим расскажет.

В ЗАВОДЕ.

Ярким солнцем блещет утро, синей далью небосвода,
Ветер зеленью колышет, краски утра так нежны...
Но суровым хмурым людям, в сводах сумрачных завода,
Эти солнечные ласки — краски утра — не нужны...

Там во власти капитала, как в тюрьме, томятся люди,
Стерегут их неизменно камни стен и ряд машин...
С детских дней они забыли вольный вздох свободной груди,
Шум задумчивого леса, ширь безбрежную равнин...

Целый день стучат колеса, вкруг ремни шипят, как змеи,
Тут тяжелый молот ходит, там, как зверь, визжит пила...
Каждый шаг здесь осторожен. Здесь незримые злодеи
Притаились, ждут добычу из-за каждого угла...

Вот раздался стон и замер, утонув в раскате шума.
Вот угрюмою толпою чей-то труп там пронесли.
Об деревне ли родимой бедняка сгубили думы?
Иль гремящие машины ложный шаг подстерегли?

В смятой груди нет ответа... На губах темнеют пятна
Алой крови... бледны губы... веки спущены у глаз...
Только тихо, умирая, прошептал он еле внятно:
„Тот будь проклят, кто рабами в этой жизни сделал нас!“

В ЛЕСУ.

Шумит над нами полог хвойный,
Как сотни радостных знамен,
А воздух ласковый и знойный
Смолой душистой напоен.

Сюда ж, друзья, под свод чудесный!
Войдем толпой в сырую тень:
Потом не раз в каморке тесной
Мы вспомним ярко этот день.

Пусть нашей жизни гул обычный
На миг заглушит вольный бор,
Стопой входите ж непривычной
На мшистый бархатный ковер.

Садитесь вольно вкруговую,
Зеленый бор — сильней шуми!
И нашу песню хоровую
Раздольным эхом прогреми!

Пусть город в сумраке угрюмом
Полубольной внимает нам:
Что мы придем с заветным шумом
К унылым горнам и станкам.

Что мы в мечтах о лучшей доле
На миг забыли плен машин,
И дружно песнь поем о воле
Под шум рокочущих вершин.

РАБОЧИЙ КЛУБ.

В раскатах будничного гула
Мне отдых сладкий мил и люб.
Недаром сердце потянуло
В родной очаг — рабочий клуб.

Сегодня там огромный митинг:
Колчак разбит на Иртыше...
Какие песни загремите
В моей взволнованной душе?..

О, в тихом зале, тихо рея,
Забрезжит Красный Петроград
В просторах страждущей Кореи,
В огне парижских баррикад...

Кто жаждет солнечных сверканий
Сквозь гист кровавого дождя,
За мной!.. И гул рукоплесканий
Покроет старого вождя.

А после — шум и разговоры:
— Билеты? Есть. А кто поет?
— Антанту ждут переговоры...
— Эх, увеличить бы паек!

— Борьба и творчество — наш лозунг!
— Ты прав, да, трудно воевать.
Но, не изранив рук, и розу
В саду весеннем не сорвать...

— Семейство здесь? Давно в деревню
Отправил, горе с лишним ртом...
Беседа музыки напевной
Вокруг рокочет, а потом...

К буфету двинется, качая
Меня, толпа, чтоб в свой черед
Добыть стакан несладкий чая
И скромный, скромный бутерброд.

Но грянет музыка, и дальний
Утихнет гул в живой волне...
А я в задумчивой читальне
Один останусь в тишине,

Чтоб у забытого мольберта,
Достав заветную тетрадь,
Под гул далекого концерта
Стихи для „Правды" набросать.

ЗАВЕТ.

Нужно быть прямым, суровым
И стойким до конца.
И, как боец, могучим словом
Воспламенять сердца.

Нужно быть бесстрашным коммунаром;
Час битвы — впереди...
И перед вражеским ударом
Не отклонять груди.

Нужно знать, что даром не дается
Над темной жизнью власть,
Нужно знать, что, может быть, придется
Сраженным в битве пасть...

Нужно даль бесстрашным взором мерить
Сквозь грозные года
И, умирая, беззаветно верить
В бессмертие труда.

К ВОССТАНИЮ!

Волнуемый, как океан безбрежный,
Я вам кричу в час битвы роковой:
Откликнитесь на призыв мой мятежный,
Вы, с детства обожженные грозой!..

Я младше всех, но в пламени пожара
Окреп мой дух для новых битв и ран.
Для грозного, последнего удара
Сбирайтесь, угнетенные всех стран!

Горит весь мир в об'ятиях железных,
А новый мир — в восстании труда.
Всех ваших сил, всех ваших душ мятежных,
Смыкайте огневые провода!

О, если молот ваш в тревоге повседневно
Заставил шар земной испуганно дрожать,
Ужель у вас не хватит силы гневной,
Чтоб рабские оковы разорвать...

Волнуемый, как океан безбрежный,
Я вам кричу, сжимая свой клинок:
К восстанию! И в стан ваш зарубежный
Бросаю ран моих пылающий венок!

РОССИЯ.

Страна родная! В грозный год
На грани, кровью разогретой,
И ты сверкнула в свой черед
Новорожденною кометой.

В твоем крещеньи огневом
Гремят серебряные трубы,
И разбудил машинный гром
В полях бревенчатые срубы...

Советов кованная власть
Горит, как солнце, горделиво.
Страна громов, тебе ли пасть
Под гнетом злобного порыва?

О, нет! Твое призванье — жить
И в грустных сумерках Европы
К любви и братству проложить
Неумирающие тропы.

Напрасно бешенством врагов
Куется злобная стихия,—
Горит средь северных снегов
Воспламененная Россия.

РЕВОЛЮЦИЯ.

I,

Тебе б гигантским, тяжким ломом
Дробить унылой жизни льды
И поднимать мятежным громом
Суровых пахарей труды.

Тебе б дождей веселых бусы
Рассыпать на землю любя...
Но робкие душою трусы
Позорно предали тебя.

Идя с опущенным забралом,
В борьбе кружась, как муравьи,
Они пред гордым капиталом
Склоняли головы свои.

И лживым, сумрачным покровом
Тебя сковали на заре,
Но ты рванулася и снова
Весной запахло в Октябре.

II.

Не ты ль на злобные утесы
Взметнула гневные полки?!
Как волны, движутся матросы
И мечут гром броневики.

Дрожит земля победным гимном,
Аврора гордый шлет снаряд,—
И падает надменный Зимний
К ногам рабочих и солдат.

А ты в лицо стальным декретом
Бросаешь весело врагам:
— Я вновь жива, вся власть Советам,
Вся власть мозолистым рукам.

Да будет дух твой вечно молод,
Как в море пенистый прибой,—
А в стяге Красном над тобой
Горят, как солнце, серп и молот.

◆ ◆ ◆

В раздумьи сумрачном сверкающие мысли
Поют о солнечном, победном, огневом.
На испытующем железном коромысле
Мы ведра полные надежды донесем.

Кто жаждал воли, жизни и отваги,
Уста к волшебным ведрам приложи,
Напейся вволю чудотворной влаги,
Она прошла сквозь горные кряжи.

Она прошла сквозь вечное богатство
Души не тронутой, не рабской никогда.
В ней воля светлая и равенство и братство
Под знаменем свободного труда.

О, пусть еще остатки туч нависли
И в них гремит грозы последний гром,
В раздумьи сумрачном сверкающие мысли
Поют о солнечном, победном, о живом.

КРАСНЫЙ ЦВЕТОК.

Были сомненья ей дики —
Полной огня и тревог...
Помню — любила гвоздики
Красный цветок.

Каждый увидеть в собраньи
С этим цветком ее мог,
В шутку ей дали названье
„Красный цветок“...

Раз непогодной порою
Злобный постиг ее рок:
Был у нас вырван тюрьмою
Красный цветок.

Ссылки угрюмой и строгой
Путь был суров и далек...
Тихо стал вянуть в дороге
Красный цветок.

Вьюгой овеянный снежной,
Север далекий жесток —
Снегом засыпан был нежный
Красный цветок...

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ.

Было жутко в сумраке тоскливом:
Узкий двор внезапно потемнел.
Но лишь миг, — и бешеным порывом
Крупный дождь по стеклам зазвенел...

Из щелей проржавленной трубишки
Так и брызжет светлая волна!
С громким криком мчатся ребятишки,
Зеленеет гордо бузина...

Только здесь, в моей каморке душной,
Расцветает плесень мокрых стен.
Кто-то злобный, к солнцу равнодушный,
Стережет мой ненавистный плен.

Кто-то, полный тайного презренья,
Веет скорбным сумраком могил
И не слышит буйного
В мощном сердце раскаленных сил.

Эх, сорву я ветхие затворы
И окно широко распахну!
Полюблю безбрежные просторы,
Встречу сердцем вольную весну!

ТУЧИ.

Как враги крадутся тучи
К бездне неба голубой,
Темных глыб немые кручи
Злобно встали над землей.

Злобно встали, придавили
Грудью черной, как свинцом,
Солнце ясное закрыли
Серым пепельным лицом.

Шапкой черною одеты,
Пригорюнились поля,
Травы шепчут: „солнце, где ты?"
Грустно стебли шевеля...

Только лес, в бою упорном,
Дерзко с тучами шумит
И один на фоне черном
Зеленеет и блестит.

Буйной зелени ватаги
Он врагу немолчно шлет
И, исполненный отваги,
Брата старшего зовет:

„Гой-ты, брат мой, ветер смелый,
Грудью мощною вздохни!
Черный полог онемелый,
Словно море, всколыхни!

Злобу дикую, глухую
Унеси за край земной
И другую, голубую
Ширь раскинь ты надо мной!

Будет утро — я с мечтами
В блеске солнечном проснусь,
Ярко-красными стволами,
Как огнями, загорюсь.

Ты тогда, о, брат могучий,
Будешь сказки мне шептать
И в листве моей пахучей
Дрожью вольной пробегать".

В МУЗЕЕ.

Кругом мундиры, лица сытых дам.
Гербы и пыль. Мне скучно, как в гробнице.
Моя душа давно крылатой птицей
Умчалась в даль заветных панорам.

Вот бурлаки по волжским берегам
Идут с тоской. Закован труд в темнице.
Поет батрак о проданной девице
И стон идет по барским деревням.

Но вспыхнули отплатные года.
Мятежный Разин, вольницы орда...
Как много их, как радости в них редки...

Вот светлый луч пронзил раздумий ветки;
Я понял все... Я — гражданин труда,
И предо мной мои проходят предки!..

ДЕТСТВО.

Ребенком беспредельного простора
Не знал я на суровой полосе...
Любил я в своей сумрачной красе
И трепетную травку у забора,
И пыльную канавку у шоссе...

С отрепанною книжкой „Дон-Кихота"
В кустарнике, как в солнечной норе,
Я прятался в забытом пустыре,
А гулкие фабричные ворота
Меня подстерегали на заре...

И краткие ребяческие годы,
Как ласковые взоры василька,
Увяли в остром окрике гудка,
Развеяли их каменные своды
Да рокот беспокойного станка...

Но в бурях своей жизненной тревоги
Не раз мне вспоминалися черты:
Печальная канавка и цветы,
Кустарник на заброшенной дороге
И детские угрюмые мечты...

СВИДАНИЕ.

Все горячей и сокровенней
Свиданья солнечная цель,
А дождик ласковый, весенний
Кропит походную шинель.

В домах отворенные окна,
Толпится весело народ.
А радость светлые волокна
Мне в сердце ткет: она придет...

О, неужель в размолвке странной
Мы разойдемся, как враги?..
Звучат, звучат во мгле туманной
Ее знакомые шаги.

По лужам дождь запрыгал шибко,
Качнулись тополей листы.
Как светлый луч твоя улыбка,
В руках прощальные цветы.

Как хорошо родимым взглядом
Рассеять сумрак впереди...
А утром боевым отрядом
Шагать с надеждою в груди.

И на полях грозы военной,
За волю проливая кровь,
Хранить в душе, как дар бесценный,
Твою улыбку и любовь.

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ.

ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ.

Поэтов ярче и счастливей и бессмертней нас—
Наша планета еще никогда не рождала...
Нашими устами песнь несметных масс
Величьем небывалым впервые зазвучала.

Мы—вестники Грядущей новой Красоты,
Мы — Поступь, мы — Дыханье иных Веков Прекрасных...
Мы — сердце, мозг трудящихся, их лучшие цветы,
Мы — слитность Мировая, Труда стремлений властных.

Мы вышли первыми, и первыми смело идем —
На зов иных времен, сомкнуто-тесным строем...
Гнетущих лет наследье сжигаем Творческим огнем,
Узорные, Светлые зданья Грядущего строим...

Мы первыми стали на страже у главных Дверей
Имена наши будут в других повторяться...
Никто не минует проложенных нами Путей,
Тайком никому мимо нас не пробраться.

В царство Грядущего, как лучшие из всех,
От масс достойно избраны их первыми Депутатами...
Вселенная примет и признает только тех,—
Которые к Ней явятся с Нашими Мандатами.

УТРЕНЯЯ МОЛИТВА.

В предрассветный, тихий, чуткий час,
На окраинах гигантов-городов,
Пробуждая, призывая Многоликого Творца,—
Раздается, мерно льется, льется, льется
Голос властный возбужденных,
Грозно-буйных и клокочущих паров...
Голос — пенье слитно-стройно-хоровое,
Торжествующих гудков...

Рея, плавая, стучится в груди легионов масс,
Разрывая сна дурманящий покров,
Бодрость льет в отзывно-гордые сердца...
В даль, и в ширь, и в высь несется...
Напевая миллиардам угнетенных —
О восстаниях, победах, о падении оков...
Гимном пламенным встречая солнце ярко-огневое
Новых радостных Веков...

. . . .

Ночь бледнеет,
Тьма редеет,
Брезжит свет...
Чу... молитва,
Зов на Битву,
Гимн Труду..
Просыпаюсь,
Одеваюсь,
Звонкий след...
Гул, ворота,
На работу
Я —иду...

. . . .

Нет призывней, полновластней,
Чище, пламенней, звучней,
Вдохновенней, и прекрасней,
И победней, и вольней —
Ранней, утренней молитвы слитно-стройных голосов,
В бой зовущих, тьму пугающих, ликующих гудков...

Пенью трепетно внимая,
Песнь деревни вспоминаю:

Нудно-сонные напевы
Колокольного хваленья,—
Богу лени, мести, гнева,
Зла, покорности, смиренья,
Дряхло-старому, глухому, побелевшему, как мел,
На седьмой день засыпая, опочившему от дел...

Пенью трепетно внимая,
Мудрость Мира постигаю:

Хор гудков — Язык вселенной,
Гимн — Единства, гимн — Труда,
Пробужденье Мысли пленной,
Сердца к сердцу — провода,
Человеку-Богу песня — Победителю, Борцу,
Созидателю-Титану, неустанному Творцу...

Июль 1917.

ПРОБУЖДЕНИЕ.

Черный дьявол клятвой ложной
Цепенил мою страну...
Звон кандальный, звон тревожный
Пел, пугая тишину...

Чу... гудок протяжным криком
В битву с дьяволом зовет.
Я — мятежный, многоликий —
Из села пришел в завод.

Много бурных дней прожито,
Ковы дьявола разбиты,
Сетка сброшена с лица.

Стук плывет... Маячит пламень...
Бьет копытами о камень —
Конь проклятый у крыльца.

Май 1912.

У СТАНКА.

Стружка вьется, стружка тянется, ползет,
Удлиняясь, как разлука, как печаль...
А резец идет — смеется и поет
И, целуя, обнажает деву-сталь...
Шестерни, шкивы вращаются, снуют...
А в груди моей под танец шестерней —
Два желанья, два Начала спор ведут...
Слышу голос мягким шелестом ремней:
„О, мечтатель, вольнодумец, о поэт!
Не затем ли уж родился ты на свет,
Чтоб всю жизнь в заводе мучиться, терпеть,
И прикованным к машине умереть?
За окном — весна... блеск солнца... красота...
Тут туманит взор — грязища, темнота.
Там ласкает слух певцов пернатых хор,
Тут машин-чудовищ грохот-разговор...
Он упреки, он проклятие отцов...
С ним сливаяся, рыдает скрип резцов.
Там — деревья... от цветов там — аромат...
Тут бессменно — сталь, железо, дым и смрад.
Тут все вертится, танцует и дрожит,
Воет, лязгает, гремит, стучит, жужжит...
И вот тут-то, как прикован, день-деньской —
Неотлучно у станка ты, в мастерской...
Ум мутится... спину ломит... грудь болит...
А смотри, как солнце ласково глядит,
Как приветливо целует, радость льет,
Дразнит, манит и настойчиво зовет:
В степь безбрежную, на волю, на простор,
На зеленый, на цветистый на ковер...
К морю звучному, — к играющим волнам,
В горы!.. Выше... ближе к Солнцу! к небесам!"

. . . .

Хором звуков зачарован, убежден,—
Проклинаю плен завода, стали звон,
К солнцу, к морю, в горы, к воле я лечу...
Счастья светлого и радости хочу.
Ведь открыт же к наслажденью путь всегда
Угнетателям, живущим без труда...
Им, жиреющим, все можно, все дано...
Что же мне-то, кроме муки, суждено?
Иль в заводе пулеметы лишь ковать?
„Для чего они?" — сын спросит, — что сказать?
Не сказать же, что в них зреет виноград,
И тебя же им, быть может, угостят?...
Сердце бьется, гнев клокочет, гнев кипит...
А в ушах немолчно тот же зов звенит:
„Видишь ли, невольник-парнй, блеск какой... .
Ты томишься у машины в мастерской..."

. . . .

Замечтался, в высь умчался, запарил...
Не заметил, кто станок остановил.
Окрик!.. Мастер... Вновь включаю самоход,
Вновь танцует звуков стройный хоровод...
Но пророча, напевая о другом,
Криком стали, смелым, властным языком:
„Разгони мечтаний хмельный хоровод,
Не кляни станки, машины и завод.
Ты пришел сюда от солнечных полей,
Где рабом яремным был у палачей.
Тут клянешь ты в бой сзывающий металл,
Там под розгами помещика стонал...
Тут тебе ремни о солнце говорят,
Там, страдая, солнца свету был не рад [1]).
Тут твой пращур в горы, в степь тебя позвал,
Там в степи ты — под телегой ночевал... [2])
Там, покорный, одиноко ты бродил,
Тут завод вас всех в союз соединил.
Там душил тебя протяжный, жуткий сплин,
Тут зовет к Свободе говор-стук машин...
Там священник верой ложной цепенил,
Тут завод твое мышленье пробудил.
Бодрость, Веру, Гнев, Протест вливает в грудь
И выводит на огнистый, чистый путь...
Тут поймешь и жизни Смысл, и жизни Цель.
Тут Стремлений и Восстаний всех — Купель...
Лишь прислушайся, пойми язык машин:
Ты—Мессия, ты — Грядущий Властелин!..
Ты в союзе с паром, сталью и огнем
Овладеешь шаровидным кораблем...
Будет черный враг тобою побежден,
Мир оправдан, и омыт, и обновлен..."

. . . .

На призывы двух различных голосов
Я качался, словно маятник часов;
В первом сердцу что-то нежное звучало,
Во втором Труда Победное Начало...
Предо мною разветвились два пути:
Иль к Былому, иль к Грядущему итти...
Колебался, не решался много дней,
Рассуждал, который радостней, светлей...

---

[1]) Вторая часть строки перефраз. Некрасова „Размышл. у пар. под'езда".
[2]) Тоже.

Автор

А когда вполне обдумал, обсудил —
На второй, на путь к Грядущему вступил...
И пошел к Борьбе, к Свободе, Вдаль, Вперед!..
Полюбил Купель Стремлений всех — Завод.

Апрель 1913.

СЛУШАЙ.

Шагай, мелькай за ротой рота!
Печатай тяжкий четкий шаг...
Там, у второго поворота —
Отрава в дедовских ковшах.

А горечь древняя знакома:
„До боли ясен долгий путь“...
— Так слушай голос Военкома,
Чтобы с дороги не свернуть!

И пусть у каждого привала
Все неотвязней и нежней
Зовет веселый круглый малый:
„Добро пожаловать ко мне.

В мой светлый дом входите смело,
Я приготовил вам давно
Там молодое бабье тело,
Ночлег и крепкое вино“...

Людская слабость всем знакома,—
Магнитно тянет торный путь...
— Эй, слушай голос Военкома,
Чтобы с дороги не свернуть!

А если жгуч избыток силы
И ждать возлюбленной невмочь,—
То всенародно изнасилуй
Его изнеженную дочь!

Тогда поймет веселый малый:
Крепка ль железная узда,
И горяче ль заполыхала
Пятиконечная звезда.

И конь истории не вскочит
Вдруг своенравно на дыбы,—
Коль повода в руке рабочей
И знаки скрытницы судьбы.

И путь короче вдвое, втрое,
И тяжесть времени легка...
Качай же сердце мировое,
Качай, мозольная рука!

Всем крепость мускулов-знакома,
Куда ж ведет далекий путь?..
— Эй, слушай голос Военкома,
Чтобы с дороги не свернуть!

Раскрыть заклятые ворота,
На всех заклятых рубежах,—
Смелей, смелей за ротой рота,
Печатай тверже четкий шаг!..

РОССИИ.

О, мать моя любимая! О, мать Советов!
О, колыбель прекрасных, радостных Веков!
Ты — остров очарованный Свободы, Света,
Набат, бодрящий и сзывающий рабов.

Ты из оков монгольско-азиатских ханских,
Державно-царских крепостнических цепей,
Об'ятий страстных революции мещанской —
Пришла к Коммуне воплощеньем лучших дней...

Как Светоч, как Маяк спасительный сверкаешь,
Волнуя угнетенных чуткие сердца...
К восстанью зарубежных братьев призываешь,
К разрыву огненно-кровавого кольца.

Одна, без помощи, без смены, неустанно,
Геройски борешься с тиранами всех стран...
Как обручем стальным насилья и обмана,
Теснимая врагами, полужива от ран...

Я слышу, как стучится в грудь твою тревога,
И вижу на лице усталости печать...
Но шаг, лишь шаг один, намеченной дорогой,
И час пробьет — тебя с Победою венчать...

Пусть медлят за чертой... Затишье пред грозою...
Прислушайся, пойми, что взрыв неотвратим...
Следи за молнии змеистою стрелою,
Смотри—пороховой ползет, клубится дым...

Сгущенный воздух электричеством насыщен,
И каждая страна — клокочущий вулкан...
Я чувствую, что скоро будет путь расчищен
К Братству угнетенных всех племен и стран...

О, мать моя, я слышу Марсельезы пенье,
И мерный отдаленный стук и гул шагов...
Я вижу баррикады... Несметных масс движенье...
Царей, банкиров трупы... Обрывки кандалов...

Я вижу — дали красным заревом пылают,
То миллиарды флагов и знамен парят...
Под ними гордо, смело, победно в Мир вступает,
Всемирный наш Товарищ — Пролетариат.

Он движется лавиной, Мира Властелином,
На вселенский праздник, светлый, братский Пир...
А пахнущий молитвой, мхом и нафталином,
Филином на Солнце смотрит старый мир.

Взметнулось в высь хрустально-мраморное зданье:
Трудящихся великий, Мировой Совет...
Ты там, любимый Председатель заседанья,
Тобой земля гордится, вращаясь меж планет.

Я вижу, вся земля цветами обрядилась...
Все дышит радостью и творческим трудом...
Убийства, ненависть, страданья прекратились,
Земля — Единства, Братства и Довольства Дом.

Любуйся на себя моим тончайшим зреньем,
Я — сын твой, брат и муж, твой воин и певец.
Твой чуткий слух, и взор, и чувства, и стремленья...
Ты в сердце у меня — милльонами сердец...

Я их биеньем слитным — Вечность измеряю,
И чувствую движенье иных эпох, времен...
В созвучьи чутких струн — бессмертье постигаю,
Всемирное единство наречий и племен...

Страна моя любимая! ты кровью истекаешь,
Но братьев, запоздавших на помощь, не клянешь...
Ты—сердце пролетарское, ты чувствуешь, ты знаешь,
Встает Властитель Мира, которого ты ждешь.

Страна моя, мужайся! Последние мгновенья,
С часов бесстрастно-точных, в прошлое бегут...
За ними — Мировое Восстанье и Движенье,
Победа и Свобода торжественно идут...

О, колыбель Коммуны! еще одно усилье,
И Солнце Жизни Новой заблещет над землей...
Восстанием сверженье всемирной камарильи —
Встретишь ты, как должное, рожденное тобой.

ЖУТКОЕ УПРЯМСТВО.

Вращайся дней веретено,
Пряди вскуделенную пряжу,—
Ведь узел жизни все равно
Руками цепкими развяжем.

Ослабнут руки, ну и что ж,
Перегрызать зубами будем,
Лишь только память потревожь
Мускулистым лобастым людям...

Лишь только за живое тронь,
Лишь занеси над горлом ножик,—
Пробьем какую хочешь бронь
И табуны годов стреножим!

Потом потомкам повода
И стремя наших дней оставим...
И этой сказкой навсегда
Упрямство жуткое прославим.

И так, крутись, веретено,
Пряди вскуделенную пряжу,
Твой крепкий узел все равно,
Распутывая, развяжем...

Я. БЕРДНИКОВ.

РУСЬ.

В нужде гонимая веками,
Томясь в оковах злых, не ты ль,
Гремя стозвонно кандалами,
Шла, опираясь на костыль?..

В лаптях, в оборванной сермяге,
Полна страданий и утрат,
Ты утопала в горькой влаге
От городов до хмурых хат.

Твой бог дремал в далеких тучах,
Коснел в безмолвии простор,
А на костях твоих могучих
Судьбы решался приговор.

Но дни пришли... И в миг суровый
Ты, сбросив с плеч ярмо вериг,
Взорлила к солнцу жизни новой
И окрылила красный сдвиг.

Во мгле народных суеверий
Движеньем бурь, под лязг мечей,
Ты распахнула тюрем двери,
Смела тиранов, палачей.

И там, где люди, изнывая,
Стонали, падая во мрак,
Не ты ли, Русь моя родная,
Зажгла Немеркнущий Маяк?...

◆ ◆ ◆

Алеет ширь!.. Смолкают бедствий стоны:
Уже гремит восставшая земля.
Попрали мы кровавые законы
И властно стали у руля.
Закалены в горниле огнеликом,
Мы дышим силою железа и труда.
Покорны бури нам в движении великом,
Пучины вод, гиганты города.
Наш братский мир огнем и сталью спаян...
Сошлися мы под камни и металл
Из душных нор, с оборванных окраин,
Чтоб раздробить зловещий капитал.
Чтоб озарить свободой мир безбрежный,
Разрушить гнет, сжигая мрак огнем,
Как океан, мы лавою мятежной
Из недр земных до солнца доплеснем...
Мы смерть несем тиранам и владыкам...
Мы дышим силою железа и труда.
Покорны бури нам в движении великом,
Пучины вод, гиганты города...

В ДОРОГЕ.

Еду в поле на телеге я...
Моросит дождем денек...
В душу просится элегия...
Ц-но!.. Бодрей шагай конек!..

Тянет ветер, небо хмурится,
Позолотой манит лес...
За рекой деревня курится,
Виден мельницы навес...

Точно в горе, сердцу близкие,
С затаенною мечтой,
Покривились хаты низкие,
Смотрят в дали сиротой...

Вон и церковка виднеется,
Значит, путь мой недалек..
Эх, как пашня зеленеется!..
Ц-но!.. Бодрей шагай, конек!

◆ ◆ ◆

Темнеет день, теплом лаская взоры,
И шепчет вечеру: „Прощай, мой алый брат“..
И вновь целует он безбрежные просторы
И догорающий над соснами закат.

Иду один, без думы и тревоги,
Смотрю, как над вершиной гор
Из облачной седой берлоги
Выходит месяц на дозор.

Молчат поля... Лишь сосны вековые
Мне эхом отвечают вдруг...
Как будто бы старик-туман все выел
И навсегда замкнул он жизни круг.

И все ползет, ползет к лучам багрянным,
Впиваясь бородой в цветную грудь полян.
Он космами зализывает раны,
Глотает медленно озера и бурьян.

Но с буйного пожарища, где вечер
От алости закатной пьян,
Крылатый, зеленокудрый ветер,
Свистя, шарахнулся в туман.

Скрипят воза в проселочной дороге,
И машет мельница обглоданным крылом,
А в кудри месяца на берегу отлогом
Мычит коровами родимое село.

И вновь передо мной всплывают детства годы...
С завалиной вихрастая изба,
Под окнами хмельные хороводы
И дробный пляс и хохот резвых баб.

Вот бабушка за прялкой у божницы...
Горит ночник, жужжит веретено,
А в ставни дряхлая метелица стучится
И пальмами узорится окно.

Закрыв глаза, дрожу под серой шубой
И мысленно смотрю, как в лунной полумгле,
Метлой вздымая пыль, оскалив грозно зубы,
Колдунья с дьяволом летит на помеле...

. . . .

Село, село, мне близкое когда-то,
С пастушьей дудкою и с песней ямщика,
В твоих полях, в малиновом закате
Я вижу новые грядущие века.

◆ ◆ ◆

Нет в комнате моей забавы прихотливой,
Ни пышных роз, ни люстры, ни картин:
Вот табурет, да столик сиротливый,
А по углам—узоры паутин.

В ней, как Яга, со мною днем и ночью
Колдунья хмурая—проклятая нужда..
Пробьют часы полночному урочью,
И вновь она поет мне песнь труда.

И целый день под грозный лязг металла,
Под шум ремней сную я, точно тень,
В тисках нужды... А ночь в чаду подвала,
Вдали от нив и мирных деревень...

ИЗБА.

Не зазывает в гости сваху,
„Лучину“ с „Долей“ не поет:
Ей поминальную рубаху
Деревня возрожденьем ткет.

Я верю: яростней и пуще
Над нею возгремит гроза.
Заглянут в глубь веков грядущих
Озерно-синие глаза.

Поверий Спасовых проказу
От буйной бури не сберечь.
Не шепчет внукам древних сказок
С палатями старуха-печь.

Испепелит святые лики,
Божницу и резной киот,
И выйдет на простор великий,
Свершив Октябрьский поворот...

ЛЕТНИЙ ВЕТЕР.

Любуясь жизнью вольною,
То пляшет у межи,
То с песнею раздольною
Купается во ржи.

Купается, целуется
С цветами да с травой,
То свищет, то волнуется
Над ширью полевой.

Иль бурею могучею
Взметнется в небеса,
И мчится в даль за тучею –
За горы и леса...

ЗИМА.

То дохнет она морозами,
То взметнется вдруг метелями—
И шумит, гудит над елями,
Стонет, мчится за обозами.

То затянет поседелая
С вьюгой песни голосистые,
Расстилая ткани белые
На поляны серебристые.

То замолкнет и любуется
Перелесками, равнинами;
С ярким солнышком целуется.
Блещет синими долинами.

А. КРАЙСКИЙ.

ИЗ НОЧИ В ДЕНЬ.

I.

Как преступник, прикованный к тачке,
Каждый день на работу ходил..
— Отдохнуть бы, как нищий подачки,
У судьбы беспощадной просил.

Уж мерещился крюк да веревка,
Но случайно открылись глаза:
На заводе росла забастовка,
На душе загоралась гроза.

II.

Сломили нас скоро: солдат привели,
Схватив кой-кого, посадили...
А нас... нас простили!—веревки сплели
И снова к станкам привинтили!

И снова вопросы: так что ж впереди?
Могила? Хозяйская милость?
И злоба в больной, истомленной груди
Копилась, копилась, копилась...

III.

Это был не взрыв негодованья,
Не мольба, не вызов, не протест...
Это был—конец тупым страданьям
И над Молохом разбитым—крест!

Как река, прорвавшая запруду,
Как могучий, горный водопад,
Закипел, запенился повсюду...
Вольный всем и радостный набат.

МЫ—ОДНО.

Я и ты... Громче, сердце, стучи!
Пусть два слова сольются в одно,
В наше сердце, глубокое дно,
Вольной воли запали ключи.

Капля к капле—шумит водопад,
Камень к камню—сверкает дворец,
Сердце к сердцу—и брызнет свинец,
Загудит, загрохочет набат...

Звонкий звук в золотое звено
Сердце с сердцем на веки сольет.
Вот он, слышите, слышите бьет:
Мы одно, мы одно, мы одно...

ВПЕРЕД!

Развалин груды в дыму пожарищ
Лежат на пройденном пути...
Туда... обратно?... Назад... товарищ,
Нельзя пойти!

Налево—пропасть... Направо—волны
Водоворотом,
А впереди...
Кто скажет—что там?
Но веры полный—
Иди!

Зари не видно?..—Глаза ослепли.
Но сердце видит, но сердце ждет...
Попутный ветер знамена треплет...
Вперед!

◆ ◆ ◆

Белый снег от красной крови
Побурел, как здание дворца.
Ночь одела траур вдовий,
Сын сменил убитого отца.

Но не ангел белый и крылатый
Вел теперь его во тьме дорог,—
Теплой кровью матери и брата
В этот день забрызганный платок.

Ночь одела траур вдовий,
Сын сменил убитого отца,
Сын запомнил, сколько детской крови
Пролилось у Зимнего дворца.

И в затишьи чернокрылой ночи
Силу гневную он медленно растил,
Чтобы тот платок в крови рабочей
Высоко над миром вознести.

КРИК ЖЕЛЕЗНЫЙ

На площадке было ветрено и тесно,
А трамвай, как бешеный, гудел.
Кто-то тайный, неизвестный
На меня из сумрака глядел,

Зажигал невидимой рукою
Фонарей блестящих черепа,—
На панелях буйною рекою
Разливалась пестрая толпа.

Освещались на мгновенье чьи-то лица,
Пропадали где-то позади...
Пропадайте. Не остановиться
Нам... Лети, трамвай, звени, гуди!

Дальше, дальше, в неизвестность, в бездну,
В черный омут призрачных огней,
Чтобы бросить вызов, бросить крик железный
О приходе светозарных дней.

ГРАНИ ГРЯДУЩЕГО.

Н. В.

Из гордых городов — аэропланы,
Стальная стая солнечных стрекоз,
В надзвездные миры, в неведомые страны
Живой колеблющийся мост.
Энергия труда по радио лучится,
Как аромат весны... Впивай ее, впивай!..
Слепые небеса — разбитая божница,
Земля зеленая — обетованный рай,
Земля — наполненное счатьем блюдце
Для жаждущих влюбленной влаги губ...
Пусть все сердца одним биеньем бьются!..
Венки лавровые на шпиль фабричных труб!

◆ ◆ ◆

Луна — лицо покойника,
Зеленый свет — тоска.
У города-разбойника
Я в каменных руках.

Могильны чары лунные,
Под ними он застыл
Навеки, но чугунные
Мне двери не открыл.

И вот, по мертвым улицам
Один, один брожу,
Дома, как свод, сомкнулися, —
Ключей не нахожу.

Луна — лицо покойника,
Зеленый свет — тоска...
У города-разбойника
Я в каменных руках.

ВОЛШЕБНЫЙ ГОРОД.

На громады, уснувшие клочьями ватными,
Черная ночь опустилась,
Электричество тусклыми, мутными пятнами
В липком тумане светилось.

Вырывало из мглы ореол серебристый
И куски омертвелых строений,
Озарив на мгновенье знакомые лица,
Превращало в неясные тени.

Словно звезды, в молочном тумане сверкали
Голубые сигналы трамваев.
Улыбаясь мелькали, вдали пропадали,
За собою сердца увлекая.

Перепутались слезы с нескромною шуткой
И с новеллой Боккачио — требник...
Даже ночью осенней, туманной и жуткой
Ты пленителен, город-волшебник.

ФИАЛКИ.

Фиалки продаются на улице...
Там, где скомкано все, как на свалке,
Там, где трубы фабричные курятся,
Продаются фиалки.

Так странно видеть цветики
На улице шумной и пыльной,
Среди расчетливой арифметики
И езды автомобильной!

Найдутся ли здесь покупатели?
До фиалок ли улице дикой?
Но смотрит на цветы внимательно
Девушка бледная, тихая...

Подходит... И рукою дрожащей
Выбирает синий букетик...
В липкой тине столицы кипящей.
Где Венера раскинула сети,

Где гетеры играют весталок...
— Есть еще светлые люди!
Фиалок, фиалок, фиалок!
Трезвоньте, кричите о чуде!

БЕССМЕРТИЕ.

Кто скажет: „я достиг“, тот — труп окаменелый,
Кто вымолвит: „довольно!..“ — тот умрет...
Бессмертен взлет безумный, дерзкий, смелый,
Вперед, всегда вперед, без отдыха — вперед!
Бессмертно бурное, стихийное движенье;
Бессмертна мысль, горящая огнем,
Огнем желания, восторга, вдохновенья,
Горячим, трепетным, сверкающим огнем...
Желаньям нет конца, восторгам нет предела:
Еще, еще узнать... еще, еще постичь...
Кто скажет: „я достиг“, тот—труп окаменелый,
Его не шевельнет кипящей жизни клич!

ЛЮБОВЬ.

Словно бисером, солнце панели
Осыпало, лаская людей...
Это было в веселом апреле
На одной из больших площадей.

Ты меня, одинокого, взглядом
Озарила, как солнце, вдруг...
И пошел я с тобою рядом,
Словно старый, испытанный друг.

Я не помню, о чем говорили...
Я не знаю, куда мы шли...
Мы во взглядах признанья открыли,
Мы в улыбках ответы нашли.

И когда я домой возвращался,
Все кружилось и пело, звеня,
Каждый встречный чему-то смеялся,
Каждый камень смотрел на меня!

Словно девичьи щеки, краснели
Стекла окон в закате лучей...
Это было в веселом апреле,
Накануне бессонных ночей!

СОНЕТ.

Н. В.

Над пропастью не стой В пучину не гляди, —
Она сильней магнита тянет,
Взглянувший в бездну камнем канет
И пропадет. Будь мудрым, отойди.

Но сердце вскрикнуло от радости в груди, —
Как сладкий грех влечет к запретной Грани! —
Взглянуть, узнать. — Пускай заманит,
Пусть пропаду, но пропаду один.

И вот перейдена заветная стена...
И ужаса и радости полна,
Всегда изменчива и неизменна,

Бездонная, бескрайняя страна,
Моей души живая глубина,
Будь проклята и будь благословенна!

ВЕСЕННЕЕ.

От угрюмых, серых, сумрачных камней,
От холодных электрических огней,
Из неволи душных, тесных городов
Я уйду в раздолья вольные лугов...
Упаду я на зеленую траву,
Землю матушку родную обниму,
Сладким запахом весенним надышусь,
Ярким солнцем налюбуюсь, нагляжусь.
Нагляжусь, да улыбнусь, да запою
Про свободную, про родину мою!

УЛЫБКИ СОЛНЦА.

I.

Страдали долго,—страдать не будем —
В свободном мире нельзя страдать...
Забудем слезы, печаль забудем,
Улыбки солнца начнем искать.

Улыбки солнца—в знаменах красных,
В согласных гимнах свободных масс,
В листках зеленых, в цветках атласных...
Улыбки солнца—в сердцах у нас!

— В сердцах, смутивших седого бога,
В сердцах, разбивших холодный лед...
Улыбки солнца... Их много, много...
т о любит жизнь, тот их найдет!

НА ЗАРЕ.

Зарево зорь над землею усталой,
В небе лазоревом — алое пламя...
Солнце свои авангарды прислало,
Солнце раскинуло красное знамя.

Птицы в кустах встрепенулись, запели,
Глазки раскрыли цветы, улыбаясь;
Черные ели светлели, алели,
В розовом воздухе томно купаясь.

Знают цветы, и деревья, и птицы:
Солнце взойдет над землею усталой,
Красное солнце пронзили зарницы...
Солнце свои авангарды прислало!

АЛЕКСАНДР ПОМОРСКИЙ.

ЦВЕТЫ ВОССТАНИЯ.

Цветы восстания мы бросим вам в сердца!
Колен мы не согнем с молитвой,
Не пощадим ни бога, ни жреца,
Мы, озаренные великой битвой.

Цветы восстания взволнуют мир
И в вечность превратят мгновенья...
Цветы восстания разбудят струны лир,
Вселят в них жизнь и вдохновенье.

И, как набат грядущей красоты
В багровом зареве мятежного волненья,
Раскинут радуги цветы
Свобод и возрожденья!

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ.

Улицы тревожно молчаливы,
Улицы угрюмы и немы...
Лишь огней зовущих переливы
Задрожали в безднах полутьмы.
Крепко заперты железные ворота,
Блещет звезд далеких бледный путь,
А в дворцах ползет и никнет что-то,
Словно там живет ночная жуть...

Может быть, к немому изголовью
Смерть с улыбкой тихо подойдет.
Тротуары обагрятся кровью
Для услады белых и господ...
Может быть, уставшему народу
Предрекут кровавую судьбу,
И вчера рожденную свободу
Приведут к позорному столбу..

Город мертв. Молчанье гробовое.
Страшен блеск мерцающих домов.
Грустно мне, и нет в душе покоя,—
Давит сердце сумрачный покров.

ГОРОДУ.

Чудовище с горящими глазами,
Железо-каменный, недремлющий дракон...
Ты нас сдавил железными тисками
И в грозный вой перековал наш стон.

Надеждой светлою, мечтами голубыми
От пашен и лесов ты отрываешь нас,
Склоняясь у станка, со взглядами больными,
Мы узнаем твой огненный рассказ.

Мы слушаем тебя, а сами строим дамбы,
Скрепляем в гавани упавшие столбы...
Ты сам себе слагаешь дифирамбы,
А нам кричишь, что мы—твои рабы.

Да, мы—рабы твои. Мы родились рабами.
Но каждый камень твой—наш неостывший пот...
Борьба зовет... В ее великом храме
Ничтожен и смешон твой блудный хоровод...

Молчи, тиран, увенчанный глупцами,
Дракон с обезображенным челом!
Ты будешь наш. Пред скорбными рабами
Ты сам падешь униженным рабом!..

РАБОЧИЙ ДВОРЕЦ.

На темных могилах, из щебня Былого,
Из смеха и слез изнуренных сердец,
Мы, гордые, строим,—мы, гордые, строим,
Мы строим Рабочий Дворец.
Нас бодрость волнует. Крепки наши руки.
Мы знаем, как строить, хоть ночь так темна,
И камень за камнем,—и камень за камнем,
Встает за стеною стена...
Над нами нахмурилось темное небо...
Усталый упал не один наш боец...
Мы, гордые, строим—мы, гордые, строим,
Мы строим Рабочий Дворец.
Он встанет в тумане ночей молчаливых,
Как солнце, разрежет миражи судьбы,
Железною ратью придем мы, придем мы,—
Без слез, без цепей,—не рабы...
Смелее, товарищ, не бойся кошмара!..
И, кто бы ты ни был, за нами иди!..
И, если ты веришь, в восходы ты веришь,
То камень в основу клади!
На темных могилах, из праха Былого,
Из крови и слез изнуренных сердец,—
Мы, гордые, строим,—мы, гордые, строим.
Мы строим Рабочий Дворец.

ФОНАРЩИК.

Меркнет город. В далях зыбких
Тени стелет полумгла...
Очертанья зданий гибких
Ночь неслышно унесла...
Осень холодом тумана
Гасит свет больной зари,
Нынче вечером он рано
Зажигает фонари.
Лентой звездною и длинной
От движения руки,
Словно дивные рубины,
Загораются рожки.
Им туманов мрак не страшен,
Ночь сырая не страшна.
Сквозь ряды домов и башен
Цепь их светлая видна.
Он стремится торопливо
К фонарю от фонаря.
Перед ним дрожит пугливо
Восходящая заря.

◆ ◆ ◆

Ранние всходы, цветы придорожные!
Тусклого севера грезы тревожные...
Грустно взошли вы из топи болотной,
К ней поднялись с игрой мимолетной,
Смело всползли по оврагам, обрывам,
В сумраке сером, недвижно-тоскливом.
Вечно забытые солнцем высоким,
Вы расцветаете в цепкой осоке,
Рветесь к свободе, рветесь к простору,
В синие дали, к кудрявому бору.
Дети окраины, сказки тумана,
Иль вы угаснете скорбно и рано
В сумраке бледном, печальном, тоскливом,
Силы отдав беззаветным порывам,
Или—в стремлении счастье найти—
К солнцу вы грудью пробьете пути!

◆ ◆ ◆

Я вернулся вчера из простора полей,
Робкий ландыш завял на груди у меня.
В серебристом мерцаньи пугливых огней
Я забыл о сияньи весеннего дня.
Я окно отворил в чутко-дремлющий двор:
Ночь неслышно ползла в бездне стен,
Звезды мне прошептали безумный укор,
Что свободу сменил я на плен.
Да, я снова в плену неподвижных громад,
Песни города в сердце несу;
Близ меня, надо мной, вновь машины гудят,
Но мечтой я в кудрявом лесу.
Я вчера задремал под напевы шмелей,
Под высокой сосной, в блеске яркого дня.
Я вернулся с тоской из простора полей,
Робкий ландыш завял на груди у меня.

НА ПРОГУЛКЕ.

Я устал, измученный тюрьмою,
Темных дум столпились облака...
Каждый день вползает с тишиною
В душу мне беззвучная тоска.
Шаг тоски, неслышный и негулкий,
Ткет раздумья черное кольцо,
Но в окне соседнем на прогулке
Мне мелькнуло девичье лицо.
Улыбались ласково приветно
Голубые очи-васильки,
Словно ждали радости ответной,
Озаряя сердца уголки.
Кто она? Чей это образ кроткий,
Блеск далеких безмятежных глаз?
Эх, проклятые мертвящие решетки
Долгим пленом истомили нас!
Кто она? Пусть, чем я не рискую,
Как ни злится мрачный часовой,
Ей привет с улыбкою пошлю я,
Осиянной светлою мечтой...

ПОД ПРАЗДНИК.

Я иду домой окраиной
По камням шагами гулкими,
Где луна, сверкнув нечаянно,
Пропадает за проулками;
Там, где фабрики угрюмые
Поглотили дымом здания,
Где мы, девушки, не думая,
Продаемся в цепи раиние...
Я под праздник кофту вымою,
Платье выберу по вкусу я,
И, смеясь, вплету любимую
Ленту в косы темнорусые;
Шею смугло-загорелую
Уберу в кораллы алые,
Приколю я розу белую —
Много раз о ней мечтала я.
Тени грез, мечты несхожие
В дымке голубой сливаются...
Чем, скажи мне, не пригожа я?
Чем, скажи, я не красавица?

Н. С. ТИХОМИРОВ.

БРАТЬЯ.

Мы с тобой родные братья:
Я—рабочий, ты—мужик,
Наши крепкие об'ятья —
Смерть и гибель для владык.

Я кую, ты пашешь поле,
Оба мы трудом живем,
Оба рвемся к светлой воле,
С бою каждый шаг берем.

Я сверлю земные недра.
Добываю сталь и медь,
Награжу тебя я щедро
За твои труды и снедь.

Наши руки мощью дышут,
Наши груди крепче лат,
Наши очи местью пышут,
Постоим за брата брат!

Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие об'ятья —
Смерть и гибель для владык.

В СЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ.

Пусто в храме, свечи тонкие
Тихо плачут у икон,
И дьячка глаголы громкие
Замирают у колонн.

Потускнели и угодники,
Смотрят мрачно и грозят,
Что де люди-греховодники
Нос свечами не коптят.

Поп с кадилом бродит, хмурится,
Заплетается, ослаб,
Ладан бледно еле курится
Для десятка темных баб.

В полумгле вздыхает староста:
Касса „богова“ пуста.
„Православные, пожалуйста“...
Шепчут черные уста.

ДЕРЕВЕНСКИЙ КУЛАК.

Под горшок подстрижен волос,
Словно яблоки глаза,
Баритонный зычный голос:
Ну, подумаешь, гроза.

Пальцы с черными ногтями,
Ястребиный красный нос,
Сапожищи с бураками,
Настоящий кровосос.

И, пыхтя от об'яденья,
Прется в Божий храм медведь,—
Крякнув громко, без стесненья,—
Рожа красная, что медь.

Подойдя к свечному „богу“,
Поздоровался кивком,
Покрестяся чинно, строго,
Вынул денежку с коньком.

Встал на самом видном месте,
Свечку толстую зажег,
С становым молились вместе, —
Был у них единый „бог“.

По пути зашел к соседу,
За гроши скупил овес,
Вел цветистую беседу,
Что добру учил Христос.

И потом с довольной рожей
Пообедал. Сыт и пьян.
Вот он, раб смиреный божий,
Царь измученных крестьян.

В ПОЛЕ.

Рожь звенит, волнуется, вздыхает,
Утопая в золоте лучей,
Серп в руке жнеи серебряный сверкает.
Смех звенит, что скачущий ручей.

Васильки целуются украдкой
С васильками нежными, грустя,
Небо ясное раскинулось палаткой;
У межи играет резвое дитя.

Под серпом хрустит солома золотая,
Гладь колосьев трепетно дрожит;
Без разгибу жнет крестьянка молодая,
Лента красная в косе ее горит.

Грудь высокая колышется волною
Под рубашкой белою, что снег,
Рожь - кормилица стоит вокруг стеною,
Слышен скрип невидимых телег.

В ПУТЬ.

Опять увижу город пьяный
С тяжелым грохотом колес;
Прощай же, взор зари румяной,
И мирный звон крестьянских кос.

Прощай, деревня, дом родимый,
Тенистый садик и гумно,
И лес сосновый, молчаливый,
Ночей прозрачных волокно.

Все скроет дымная завеса...
В кипучей жизни городской
Я закружусь, но вздохи леса
Я буду слышать в мастерской.

И аромат цветов игривых
Я сохраню в душе своей,
И много дум для сердца милых
Я унесу с родных полей.

ЗАВОД.

Вот он — мощный, грозный, пьяный...
Ярким пурпуром горит,
Он затмил закат багряный...
Гордо в синь небес глядит.

Сыплет яркие червонцы
Искр, смеющихся грозой,
Перед ним бледнеет солнце...
Величав гигант стальной.

Он глядит огневым взглядом
Ночью темною вперед,
Боевым гордясь нарядом...
Дышит страстно и поет.

От котлов, машин гремучих
Стонут стены, пляшет сталь.
От горнов, мехов певучих
Не пойду в цветущую даль.

Этот грохот, дым и скрежет
Закружил меня в волнах,
Глух мой сказкой красной нежит,
Гонит жуткий рабский страх.

Вот он — витязь грозный, смелый —
Разбросал косматый дым,
Огнеликий, закоптелый,
Свищет с рокотом глухим.

ТКАЧИХА.

Скачут, бешено ныряя
По основам, челноки,
Ниткой тонкою играя,
Говорят, поют станки.

Душно, шумно, паутиной
Затянуло потолки,
Пахнет красками, холстиной,
Брезжут тускло огоньки.

Наклонясь над тканью пестрой,
Смотрит девушка, поет.
Взгляд горит, вперяясь остро,
Ткань смеется и ползет.

А в окно весенний ветер
Веет лаской и теплом,
И крадется робко вечер,
Голубым взмахнув крылом,

И ткачиха в буйном громе
Раз'яренных шестерен
С грустью вспомнила о доме:
Видит синий небосклон,

Поле, мельница, овины,
Лес сосновый, избы, даль,
По реке кружатся льдины....
В сердце девушки печаль.

И забилось сердце птицей:
Воли, солнца просит грудь.
Там, за каменной столицей,
Вьется змейкой светлый путь.

Но гудок обрезал грезы
Мощным ревом, что мечом,
И ткачиха, спрятав слезы,
Вышла с радостным лицом

И слилась с толпой гремучей,
Тесно спаянной борьбой,
Вдохновляясь песней жгучей,
Местью вспыхнув огневой.

ПОД ГУДЕНЬЕ СТАНКОВ.

Под гуденье немолчных станков
Я слагаю стихи буревые;
Под удары стальных молотков
Струны стонут, поют золотые.

Грудь волнений кипучих полна,
Слышу музыку в рокоте пьяном,
Рвется звуков певучих волна,
Мысль несется степным ураганом.

Все я обнял раскрытой душой,
Льется песня под рокоты стали...
За высокой заводской стеной
Много горя и жуткой печали.

Но, влюбленный в упругий металл,
Сын завода не знает кручины,
Впереди за вершинами скал
Развернулись цветные равнины.

Я пройду, где никто не ходил,
Без боязни, уверенный в силе,
Я давно свою робость разбил,
Закалился в бунтарном горниле.

Смейтесь, песни, под пляску станков,
Замыкайтесь в червонные звенья,
Мне послышался клекот орлов,
Моря буйного страстное пенье.

РУССКОМУ БОГАТЫРЮ.

В заплатном зипуне, с кляченкой захудалой
Корпел мужик над узкой полосой,
В худых лаптях, лохматый, с грудью впалой
Он песню пел за матушкой-сохой.

Ты всех кормил, окованный цепями,
И умирал голодный под ярмом,
Ты землю пропитал кровавыми слезами,
О воле ты мечтал и веке золотом.

Ты гнил в тюрьме, на каторге в Сибири,
На плаху шел, оковами звеня...
Великий наш народ, страдал ли кто так в мире?
Ты жил века во мраке без огня.

Но красный меч прорезал с гневом тучи,
Ударил гром, проснулся богатырь,
И царский трон разбит рукой могучей...
Справляет Русь свободы красный пир.

ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Загуляла седовласая пурга,
В дымке ночи зазвенели жемчуга,
Под окошком злая ведьма голосит
И воротами со злобою скрипит;
Оборвала ставню с петель, хохоча,
Машет шалью серебристою с плеча,
Забегает за овины и поет,
Что метлою путь-дороженьку метет,
И бросается волчицею в окно,
Тянет тонкое льняное волокно.

ВЕСНА.

Растопило солнце знойное
Почерневшие снега,
Рек движение разбойное
Захлестнуло берега.

Робко смотрит травка юная,
Тянет к солнцу стебелек,
Лес застыл, о чем-то думая...
Сыплет золото денек.

У скворешен, опьяненные,
Целый день свистят скворцы,
Воробьи кричат бездомные,
Гнезда вьют грачи - купцы.

В маревом просторе нежные
Колокольчики звенят,
Что за гости к нам заезжие
С юга теплого летят.

Льются, падают пугливые
Звуки страстные и мрут,
Журавли галдят сонливые,
А лягушки будят пруд.

Муравьи ползут, торопятся,
Все проснулось, рвется жить...
Сердце радо, крикнуть хочется,
И охота всех любить.

ИЛЬЯ ИОНОВ.

КОЛОКОЛ.

Я—медный колокол. Когда то на горах
Я звоном утренним будил в долу селенья,
Теперь на дне пруда, засыпанный в песках,
Покрытый тиною, лежу я без движенья.

Я помню—в поздний час, когда в глубоком сне
Забылись старый лес и жители долины,
Ударил гулкий гром в полночной тишине,
И вспенились в горах потоки и стремнины.

Блеснули молнии на небе грозовом,
Столетние дубы по склонам загудели
И, с тяжким грохотом, как Божий бич, кругом
Широким пламенем долины заалели.

Я вздрогнул, зазвенел, незримою рукой
Качнулся раз, другой и мощною волною
Понесся говор мой над огненной землей,
И слился звоном я с бунтующей грозою.

Язык тяжелый мой, как бешеный, в бока
Звенящим боем бил и сверху в пламень дольний,
Как в наводнение бурливая река,
Стекал призывный звон с высокой колокольни.

Как призрак сказочный качался я, смеясь,
На скрепах вековых, над пропастью бездонной,
А вверх по склонам полз и ширился, змеясь,
Пожар, как хищный зверь,—мой факел похоронный.

И вспыхнули леса, и своды, и столбы,
И петли лопнули, и грянул я с вершины...
Катясь я прозвенел—как сладок гул борьбы,—
Вдруг захрипел, умолк и вот я в царстве тины,

Недвижим я и нем... На дне стоячих вод
Давно ржавею я, тоскуя одиноко,
И только иногда, при шуме непогод,
Как старый инвалид, вздыхаю я глубоко.

Московск. централ.

ИЗ ПЕСЕН ССЫЛЬНОГО.

I.

Ни решеток, ни стражей угрюмых.
Не чернеет ружье за стеной.
Отчего же тюремные думы
Неотступно со мной?

Дали сини за Леной холодной,
Весел ельник на склонах горы,
Из-под снега травой прошлогодней
Зеленеют бугры.

Осторожно по влажной елани
Прохожу змеевидной тропой.
Птичий гомон, вершины в тумане:
Пахнет скорой весной.

Но как больно взгрустнулось... Свобода!
Вот она предо мною теперь,
Отчего же, как в прежние годы,
Та же крепкая дверь

Видишь, заперта ржавым засовом,
И, как в небе заката огни,
Догорают под гнетом суровым
Одинокие дни.

Ни решеток, ни стражей угрюмых,
Не чернеет ружье за стеной,
Отчего же тюремные думы
Неотступно со мной?

◆ ◆ ◆

В крепких пальцах судьбы
Я согнувшийся лук,
И готов для борьбы,
Для приятия мук.
Близок радостный миг
Моего торжества,
Вольной радости крик
Припасла тетива.
Буду грозен и смел,
Если в душный покой
Сноп сверкающих стрел
Я спущу огневой,
Буду низок, как трус,
Буду жалким рабом,
Если только сломлюсь
Полусгнившим прутом.
Эй, судьба! Посильней
Натяни же меня,
Чтобы стрелы светлей
Засверкали, звеня.

НА ЗАВОДЕ.

Взметнулись к потолку стальные лапы кранов,
На тросах приподняв готовый паровоз,
И, кажется, сейчас взлетит он, гордо канув
В сплетеньях галлерей, приводов и колес,

Горят холодных солнц бесчисленные дуги,
На бронзе мускулов рождая бликов рой...
И плавны и легки, как рати древней струги,
Вагранки носятся пылающей змеей.

У рельс, как муравьи, напружась, копошатся
Чудес невиданных бесстрашные творцы...
И руки крепкие уверенно ложатся
На черных рычагов горячие концы.

Великий, вечный труд! Хвала тебе, омывший
Росой своею нас в горниле заводском
И властиою рукой в одно биенье сливший
И сердца тихий стук, и наковальни гром.

Быть может, кто-нибудь под тяжестью удара
Падет средь грохота и говора станков,
Но тем дружнее мы усильем мышц и пара
В земное претворим узоры пышных снов.

Под пенье острых сверл и свист локомотива
Мы труд упорный наш согласно доведем
До той поры, когда под звук иных мотивов
По новому пути мы к новому пойдем.

РОССИЯ.

По ниве жизни конь крылатый
Волочит тяжко красный плуг,
За ним с трудом идет оратай,
Коня и плуга верный друг.

Дымится пена под шлеею,—
Земля упорна и суха,
Но под железною рукою
Рвут пашню жадно лемеха.

Храпит и гнется конь упрямый,
Что шаг, то хвощ иль лебеда,
Но все ж ложится прямо, прямо
За бороздою борозда.

За ним с берестяным лукошком,
С боков отмеченным звездой,
Великий сеятель сторожко
Идет нехоженой тропой.

Грозит им небо ежечасно
И мечет молнию—копье,
И с криком злобным и опасным
Кружит над ними воронье.

Но конь могучий и крылатый,
Сверкая пеной, все идет,
И все упорнее оратай
Свой острый красный плуг ведет.

КРАСНЫЙ КОРМЧИЙ.

Владимиру Ильичу Ленину.

Руками сжав штурвал железный,
На красной вышке броневой
Стоит и держит путь свой звездный
Мятежный, гордый рулевой.

Горбами вздулись смоляные
Под ветром свежим паруса...
Смешались с плеском волн стальные
Команды красной голоса.

Плывут к земле обетованной
Язоны наших славных дней,
И блещет им в дали туманной
Колхида прелестью своей.

Глаза горят у рулевого...
Надвинув серый капюшон,
Колосса он ведет стального
Под тяжкий град со всех сторон.

Упорных рук не опуская
В мечтах о вольности морей,
Не спит команда боевая
У огненосных батарей.

Фрегат ли, бриг бежит навстречу,
Пылая жалкою враждой,
Он гибнет сразу в жаркой сече
И прочь уносится волной.

Гроза сменяется грозою,
То в тучах небо, то ясно,
Но неизменною рукою
Все управляется судно.

Уже над водною пустыней
Сверкнув, как выстрел, с корабля
Прогрохотал в просторе синем
Многоязычный крик—„Земля!“

Завыли зычные сирены,
Как чайки взмыли вымпела,
Дождавшись светлой перемены,
Заря свободная взошла.

И кормчий, светом озаренный,
По успокоенным волнам
Повел стальные легионы
К далеким, чудным берегам.

ГРЯДУЩЕЕ.

Над миром светлым и свободным,
Горнилом вечного труда,
Горит огнем международным
Красноармейская звезда.

Ее лучи неугасимы,
Алеют словно сквозь туман,
И к ней, как древле пилигримы,
Идут рабочие всех стран.

С нубийцем черным породнился
Крестьянин волжских берегов,
И братски в гул единый слился
Напев различных языков.

Один над всеми стяг багряный,
И все во власти тех же чар:
Вражды и злобы истуканов
Испепелил святой пожар.

Горят сверкающие знаки:
Колосья, молот и серпы,
И словно огненные маки,
Пестреют дети средь толпы.

Конца не видно караванам
Великих рыцерей труда,
К чьим многолетним тяжким ранам
Коснулась лаской осиянной
Красноармейская звезда.

КОММУНИСТЫ.

Посвящаю членам Российской
Коммунистической Партии.

Стремясь к одной великой цели,
Не знаем страха мы в борьбе,
Лишь мы в годину бед посмели
Непрекор пойти судьбе.
Когда на нас враги точили
Исподтишка свои ножи,
Мы святотатственно разбили
Законов древних рубежи.
Под знамя наше мы собрали
Семью коммуны трудовой
И путь великий начертали
Резцом по карте мировой.
Тот путь далек... Пусть будет круче
К вершинам солнечным под'ем,
Сквозь холод, мрак, туман и тучи
Мы факел красный пронесем.
Уж видно с вышек наших башен:
Перешагнув через моря,
Над гладью иноземных пашен
Зажглась восстания заря.
Меж Нью-Иорком и Москвою
Бежит певучая волна
И невидимкою-рукою
Стальные пишет письмена:
„Во имя общей братской доли,
Вы, пролетарии всех стран
Порывом мощным твердой воли
Сомкните свой великий стан.
Грядите в помощь коммунарам,
Рубите рабства кандалы,
Пусть старый мир одним ударом
Сметут мятежные валы“.
Подхвачен клич за океаном,
Раздался первый гулкий звон,
Вот-вот суровым ураганом
Восстанет гордый Альбион.
Мы не одни... Глядите, братья,
Горит за морем тот же герб:
Переплелись в одном об'ятьи
Колосья, молот, плуг и серп.

БЕРЛИН.

Еще от ран Германия страдает,
Еще дымится кровь на мостовых,
Но барыши Берлин уже считает
И жнет хлеба не сеяв для других.

Горят огни Аполло и Маскотты,
Торгаш кутит в закрытых кабаках,
И, выгодно устроив обороты,
Он алкоголем заливает страх.

А там, вдали, до вод багровых Рейна,
Где пики труб вонзились в небеса,
Там, на равнинах Рурского бассейна,
Еще видна кровавая роса.

Она горит... Цветы грядущей мести,
Впитав ее, таинственно растут...
Бьет грозный час, когда илот предместий
Начнет творить свой справедливый суд.

И в этот раз ворота Бранденбурга
Не остановят красный вал труда:
Велик пример мятежный Петербурга,
Узду царей порвавший навсегда.

О, пусть скользят бесшумно лимузины,
Пусть фейерверк веселия горит...
Жестокий бой на улицах Берлина
Спор разрешит.

Берлин. 1920.

Е. БРАЖНЕВ (Е. А. ТРИФОНОВ).

БУЙНЫЙ ХМЕЛЬ.

Нас гонит бич судьбы по дикому безлюдью,
И брагой непробудных снов—
Холодной, темною и неподвижной мутью
Душа налита до краев.

Но в той стране, где брежжит день в тумане,
Да по ночам гудит метель,
Растет в том месте буйный хмель страданий,
Растет страданий горький хмель.

И жгучий лист с его соцветий черных
Жизнь соберет для таинств чудотворных
И в душу бросит дрожжи новых сил—

Могучий яд животворящих пыток,
Чтоб в ароматный пурпурный напиток
Сок застоявшийся души перебродил.

◆ ◆ ◆

Острог не спит. Он вечно наготове,
Припал к земле и зорко стережет.
Теперь он сыт от мук и крови
И новых жертв лениво ждет.

Все тайны грязных нор, вся мерзость камер темных,
Привычек мертвые цветы...
Зловещий лик тюрьмы в углах своих укромных
Не скроет гнусные черты.

Зловонная лахань у самого порога,
Халат заношенный, истлевший на плечах,
Тела, исчахшие до срока,
И голод в сумрачных глазах.

И самый воздух здесь насыщен испареньем,
Протравлен ядом нищеты,
И мозг, иссушенный неволей и лишеньем,
Родит безумные мечты.

Как будто торопясь, заглянет луч печальный,
Но не осветит он мою тюрьму.
И не смолкает звон кандальный...
Да я давно привык к нему.

И точно язвами из‘еденные стены,
И темный низкий потолок...
Уж сколько долгих лет, как часовой без смены,
Стоит наш каторжный острог...

С двойной решеткою окно в глубокой нише.
Молчит глухая дверь. И сыро и темно.
А сердце горькое, — все тише,
Все безнадежнее оно!

◆ ◆ ◆

Как прежде, все кругом. Все тот же тесный двор
И вечный лязг цепей и гам тюрьмы нестройный.
Но что же так в груди легко и беспокойно,
Так сини небеса, так звонок птичий хор?

И ненасытно так зачем опять смотрю
На этот вольный мир под небом лучезарным?
О, дни апрельские! Я сердцем благодарным
Их жаркому раздумью подарю.

Принес уж ветер мне пахучий дар тайги,
И солнце в кельи к нам не раз уже смотрело.
Кудрявая трава кой-где зазеленела...
То первых теплых дней несмелые шаги.

Под окнами моя крылатая родня,
Моих питомцев сизых стая.
По небу — облаков гирлянда золотая...
Такие дни как праздник для меня!

Душа какою-то решимостью полна,
Недостижимое становится возможным,
И нетерпеньем сладким и тревожным
Она взволнуется до дна!

И дышится легко и весь я — как в хмелю.
Я с тихой лаской былое вспоминаю
И снова трепетно чего-то ожидаю
И негодую и люблю!

И неспокоен я, как пламя на ветру,
Как море в светлый час прилива,
И в этот жаркий миг рука нетерпеливо
Уж тянется к перу!

Я в строфы мерные вдохну мои мечты,
Зажгу в них искры дум, как луч в прозрачной влаге,
И горстью полною рассыплю по бумаге
Простые и печальные цветы.

НОЯБРЬ.

Свинцовой мглою седая хмара
Одела небо как дым пожара.
Порывы ветра в смятеньи диком
И рвут и мечут с мятежным криком.

И хлопья снега в безумной пляске
Кружатся в вихре морозной пыли,
Как духи ночи в волшебной сказке,
Беснуясь, небо собой закрыли.

Я помню: — так же в безумьи гнева
Метель гасила тоску покоя.
В мятежных звуках ее напева
Терялись стоны и клики боя.

А вьюга злилась и, пламенея,
Кидала небу свои проклятья.
Но нам привольней дышалось с нею,
Мы с нею были — родные братья!

Мы были дерзки, мы горды были,
Мы были вольны, как ветер моря,
И ярость бури мы полюбили
И с ней братались в ее просторе!

Пора минула — опали крылья,
И не видать нам уж вольной воли...
А буря гневно, собрав усилья,
Все спорит с небом в широком поле!

◆ ◆ ◆

Я приду, когда забрежжит свет,
В голубую пору ожиданья.
Из ледяной страны сурового изгнанья
Принесу товарищам привет.

К вам приду я раннею весной...
Братья, ваш я волей непреклонной!
Я вырастил в душе, страданьем окрыленной,
Дерзкой веры лотос золотой.

Я увижу тихие поля,
Лес кудрявый, вольные дороги...
И все мечты мои, вскормленные в остроге,—
О тебе, родимая земля!

Я в душе своей не схороню
Жгучий шрам пережитых страданий.
Трагический венок своих воспоминаний
Подарю я радостному дню.

Всю тоску томительных часов
Вспомню в песне страстной и унылой.
И пригодятся кровь моя и силы
Делу братьев, братьев-бедняков!

С ним свяжу я прошлое свое,
Черный след отчаянья и муки...
И удержать сумеют эти руки
В грозный миг тяжелое ружье!

В КАРЬЕРЕ.

Тени стали расплывчаты. Стали медленней мерные взмахи
Тяжелее кайла в утомленной руке,
Вытрем потные лица рукавом арестантской рубахи.
Стали тени расплывчаты на горячем песке.

Тусклый отсвет горит на штыках нашей дремлющей стражи.
Теплым пламенем рдеют золотистые груды земли.
Мы долбим грудь земную. И чернеют зубчатые кряжи
В голубой озаренной дали.

Мы долбим грудь земли и поем про суровый наш жребий,
И про волю поем под удары кайлы,
Про любовь и борьбу, про леса и широкие степи, —
И так жалобно в лад нам звенят кандалы.

Тени стали расплывчаты. Горы тонут в синеющем прахе.
Сизый пепел на склонах, чуть заметны ложбины во мгле.
Вытрем потные лица рукавом арестантской рубахи.
Стали тени расплывчаты на горячей земле.

СЕМЕН РОДОВ.

БАРАБАНЩИКИ-ПОЭТЫ.

Что слово — штык, что стих—граната,
Но расцветет словесный сад,
И песнями пролетариата
Пути вселенной запестрят.

„Пролетарские поэты", 1919 г.

Мы, барабанщики-поэты, —
Садовники земли;
С полымем рассвета
Росы песен принесли.

И легли они пахуче
На кровавый скат полей,
Где, багровы и летучи,
Расцветают маки дней.

Пусть и свянут дни и годы,
Но за ними песни вслед—
То как стон глухой невзгоды,
То как гром лихих побед.

Не совсем они исчезнут,
Не бесследно отзвучат.
Нет! Они цветут и в безднах,
И из Прошлого горят.

И опять, в борьбе суровой
Ободряя к битве Труд,
Всем идущим к жизни новой
Наш завет передают:

Время для песен — пой,
Время для битвы — в бой,
С песнями мир строй
Стальной
Строй.

Мы, барабанщики-поэты,—
Садовники земли.
Много песен, много спето,
А неспетые сочли?

Те потяжелей... Пали зерна —
И вот, и вот они взойдут
И над холмом годины черной
Возговорит листвою Труд

И звуки вызреют плодами
И скаплют с песенных ветвей
Над солнцевыми городами
И быль, и боли наших дней.

И притекут они, как реки,
В пустыни выжженных сердец
И припадет к ним в ближнем веке
Красы вольнолюбивый жнец.

Он в перебое их учует
Сердец великих перебой.
Что мы, по всей земле кочуя,
Выбарабанивали за борьбой:

Время для песен — пой,
Время для битвы — в бой.
С песнями мир строй
Стальной
Строй.

18 июля 1921.

◆ ◆ ◆

Заря золотая и — красная
Качали мою колыбель.
Запевай, моя жизнь не напрасная,
Про радость и горе в борьбе.

Пеленали пределы восточные
Тебя в искрометный наряд.
Скоро сукна набросит полночные
На плечо тебе темный закат.

Ты звездою увенчана утренней,
Но сожнет ее выплывший серп.
Все приемли и радостью внутренней
Освети примиренный ущерб.

Все прими, ничего не утаивай:
Ни любви, ни добра и ни зла.
Мир велик и любим! И мечта его,
Как бесскорбное детство светла.

Заря золотая и — красная
Качали мою колыбель.
Запевай, моя жизнь не напрасная,
Победную песню в борьбе.

24 февраля 1921.

БЕЙ ТРЕВОГУ.

Бей тревогу, старый,
Бей, барабан.
Соединяйтесь, пролетарии
Всех стран!

Рабочие, под знамя.
Часовые, на пост.
Охраняйте заложенный нами
К Грядущему мост.

В буре налажен,
Кровью скреплен,
Пусть перед натиском вражьим
Высится он.

В грохоте бедствий трясется,
Злобой омыт,
Пусть не сорвется,
Пусть он вовеки стоит.

Рабочие, под знамя.
Часовые, на пост.
Охраняйте заложенный нами
К Грядущему мост.

Полумертвое Прошлое прет,
Лезет из брешей и скважин.
Дразнит припадочный рот
Языком вражьим.

Прошлому в горло — штыком,
В темя — гранатой.
Пусть знает, какая за нашим станком
Ему приготовлена плата.

Бей тревогу, старый,
Бей, барабан.
Соединяйтесь, пролетарии
Всех стран!

18 июля 1921.

ПЕРЕБЕЖКА ЗАРНИЦ.

Наши дни — раз'яренная конница
По могильным курганам веков
И, пришпоренная, вихрем гонится
За далеким огнем маяков.

Над отвесами и над обрывами,
Где из пропастей тянется жуть,
Машет пламенем — красными гривами,
Стелет дымом нетоптанный путь.

Бьет в нагробные плиты копытами,
Высекает громовый огонь;
Он полощется лавами взвитыми
По следам безудержных погонь.

Пламя с пламенем отсветом вяжется,
Подымается, падает ниц,—
И народам пробуженным кажется
Огневой перебежкой зарниц.

1920.

СНЯТИЕ ПАМЯТНИКА.

Три молота разом размеренный взлет
Срезают о крепкие ломы,
И щебнем разбрызганный воздух поет,
Звенит, как стекло, и рокочет, как громы.

Отскочат, вопьются, идут в глубину.
Заляжет в забоинах порох...
А около злоба язвит вышину
И стелется страх шопотливый и шорох.

И каждый прохожий, похожий на дым
Над пеплом недавних пожарищ,
Бочком обернется к гранитам крутым
И шепчет: „Ужо тебе будет, товарищ!"

Но так же рабочие сверенный взлет
Срезают о крепкие ломы,
И щебнем разбрызганный воздух поет,
Звенит, как стекло, и рокочет, как громы.

1919.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ.

Солнце в медные литавры,
Рощи в флейты, поле в рог
Нас приветствуют усталых
С ожесточенных дорог.

Боронили зубья молний
Сытый кровью чернозем,
Засевали злые пашни
Мы телами и свинцом.

Кто остался, тот наполни
Каждый день тугим трудом,
Чтобы к жертве злой, вчерашней
Снова не был ты влеком.

Чтобы каждый плуг в ходу был,
За работою — станки,
Чтоб менялся лик вселенной
Под творящий взмах руки.

Мы годов тяжелых убыль
На избыток повернем,
Мы найдем в природе пленной
Новой мощи силоем.

Солнце в бубен, рощи в флейты,
А поля в весенний рог
Нас приветствуют усталых
С ожесточенных дорог.

16 февраля 1921.

◆ ◆ ◆

У дыма утра есть оттенок
Прозрачности и чистоты,
Когда крадется ночь вдоль стенок
Под бледным взором высоты
И лапами лохматых щеток
Разметывает с улиц пыль
И в стук по чугуну трещеток
Волочится ее костыль.

Растягивая в дым зевоту
И с плеч домов откинув сон,
На полногрузную работу
Город встает под гам и звон.
Но птичьи голоса и хоры
Задавит ястребом гудок
И стрекотом стальным моторы
Ворвутся в уличный поток.

И дым другой — густой и смрадный
От фабрик и заводов взмыт
И виснет тучей безотрадной
Над шарканьем нагретых плит.
Не он ли тяжкое дыханье,
О, человечество, твое
И безысходного страданья
Встревоженное бытие?

Встревоженное не за тем ли,
Чтоб сквозь веков смолистый сруб
На задохнувшуюся землю,
Проросшую лесами труб,
Миров раскрытые пространства
Пролили ток прозрачных струй
И нас коснулся — постоянства
Навек целящий поцелуй?!

1921.

С ВОКЗАЛА.

Был вышвырнут толпой, обласкан
Мешками, скулами, платками,
И площади захватанная тряска
Металась гулом под ногами.

Хлестнул хаос теловорота,
Шмелиный гуд был вязко-тяжек.
Качнул в глаза мне кто-то
Сияньем золотистой пряжи.

Дым самоваров, запах булок,
Мешки рассыпались, рыжея,
И длинную вытягивает шею
К червятнику людскому переулок.

А в уши били с перебоем,
Нулями колотились цены
И глаз завистливым запоем
Голов поблескивала пена.

К плечам и к шее клейко липнет
Слизь жадности слюнявой
И кажется: весь мир погибнет
Вот в этой растревоженной канаве.

Локтями разгребаю толпы,
Плечом всплываю на простор.
За мною пыль струею желтой,
А синь — струею в тусклый взор.

Он оживает, дышит жадно
И видит: в дали неоглядной
Манит завод рукою дымной,
Зовет гудок мятежным гимном.

И тверже шаг, грудь дышит смело
И будто грязь с души и тела
Смывает бодрый, трудовой
Гуд мостовых и фабрик вой.

10 апреля 1921.

Г. ЛЕЛЕВИЧ.

В СМОЛЬНОМ.

I.

С испугом пялит старый Смольный
Глаза своих несчетных ламп.
Глядят с усмешкой недовольной
Ряды вельмож из старых рам.

Бурлит в каналах коридоров,
Как океан, людской хаос,
И мерит всех сверлящим взором
Застывший часовой-мастрос.

И кто-то, дряблый и сутулый,
К окну угрюмому прильнув,
Внимает пушечному гулу
И ловит залпов трескотню.

И вспышкой взгляда раздвигая
Людское море пред собой,
Герольд невиданного рая
И зачинатель мировой, —

Гранитен, светел неизменен,
Как рулевой средь бурных вод,
Еще вчера опальный Ленин
К трибуне медленно идет.

II.

Немая тьма октябрьской ночи
Сквозь окна силится вползти,
Но Смольный пламенный клокочет,
Гудит, волнуется, блестит.

Присев в сторонке на кушетке,
Обдумывает сложный план, —
Как волк, бессильный в прочной клетке,—
Трепещущий и бледный Дан.

И, отстегнув шинели ворот,
С приказом срочным в рукаве
Несется посланец с „Авроры“
Назад — к надувшейся Неве.

А рядом, львиною прической
К стеклу оконному склонясь,
В минутном обмороке — Троцкий,
Три ночи не смыкавший глаз.

Под окнами, пугая вышкой —
Усталый сгорбленный старик, —
Страдая гулкою одышкой,
Хрипит угрюмый броневик.

И вдаль по телеграфным струнам
Летит известье в вышине:
„Сегодня красная коммуна
Родилась в буре и огне“.

КОММУНЭРА ОБ АГИТАТОРЕ.

Окончив бурный митинг на заводе,
Где он толпу, как старый кормчий, вел,
Сквозь тьму и вой осенней непогоды —
Глубокой ночью он домой пришел.

Издерганный, голодный, утомленный,
Он на кровать свалился, сам не свой.
Как вдруг звонок тревожный телефона
Захохотал над сонной головой.

В ряду казарм, не удержав ни пункта,
Ему звонит дрожащий военком,
Что взвился флаг беесмысленного бунта
Над темным и обманутым полком.

И по глухим заснувшим переулкам
Его промчал с хрипением мотор,
Туда, вперед, навстречу залпам гулким,
Туда, где бунт ползет из тайных нор.

И вот казарм угрюмые громады
Блеснули жутко бельмами огней...
Он видит море шашек и прикладов
И чей-то труп—внизу, у ступеней.

Один прыжок на стол окровавленный,
И полилась прерывистая речь,
А вкруг—мятеж, слепой и раз‘яренный,
И головы, отхваченные с плеч.

И торопясь привычный агитатор
Метал слова в ревущую орду,
И кто-то речь покрыл похабным матом
И плюнул пулей в красную звезду.

И выстрела грохочущие звуки
Вдруг оборвали жаркие слова.
На липкий стол, с глухим зловещим стуком,
Пробитая упала голова.

Но это недосказанное слово
Всех обожгло, волнуясь и дрожа,
И в первый раз прикрикнули сурово
Бойцы на атаманов мятежа.

И в день, когда над черным катафалком
Прощальных флагов реял красный шелк,
За гробом шел, забыв свой ропот жалкий,
Под красным знаменем мятежный полк.

МАШИНИСТ.

Глаза усталостью ранены,
Но силы труд не расшиб.
И орден красного знамени
К замасленной блузе пришит.

Идет, кряжистый, чумазый,
Раскачиваясь на ходу.
По дороге с красоткой черноглазой
Перекинется шуткой вдруг.

А дома минутки в покое,
Без дела не посидит.
Приучил его бронепоезд
Быть всегда впереди.

Сколько раз от шальных ударов,
Из-под ураганного огня,
Невредимым сквозь вой снарядов
Бронепоезд он угонял!

В дни, когда острозубый голод
Грыз рабочих, свиреп и крут,
Сколько раз в голодающий город
Он стрелою мчал продмаршрут!

Оттого - то—усталостью раненый—
Не согнул он стальной души,
И орден красного знамени
К замасленной блузе пришит.

ПОЭТ.

Поэтам „Молодой Гвардии“
посвящаю.

В общежитии закуренном рабфака,
За посыпанным крошками столом
Много клякс он сегодня накапал,
Много строчек пустил на слом.

Пусть привычней дратва и шило,
Чем бумага, перо и стихи!
Разве даром революция спешила
Чутким слухом одарить глухих?

Пусть рука от работы заскорузла,
И ногтям не знаком маникюр!
Разве даром рабочая блуза
Выходила в октябрьский штурм?

Может быть, перечеркнутые строчки
Завтра грянут по Оби и Неве,
Что пришел он, поэт-рабочий,
Пролетарский мастер-певец.

Может быть, Бухарин в восторге
Посвятит ему четкую статью,
И профессор Петр Семенович Коган
Растянет критический этюд.

А пока в общежитии рабфака,
Над заваленным книгами столом
Много клякс он в волненьи накапал,
Много строчек пустил на слом.

ИЗ ДОРОЖНОГО БЛОК-НОТА.

Покорно разлеглись поля,
Открыв серпу ржаные груди...
Разгоряченная земля
Свой лоб вспотевший ветром студит...

Проселком меж смиренных нив,
Не зная вихревого бега,
Крестьянин, голову склонив,
Бредет устало за телегой.

Бредет и спит, бредет и спит,
В зените солнце спит бессильно.
Под мерным шлепаньем копыт
Лениво спит проселок пыльный.

И вдруг, улегшуюся пыль
Взвихрив белеющею тучей,
Из города автомобиль
Промчался молнией летучей.

И сквозь бензиновый туман,
Окутавши машину буркой,
Мелькнули—в кобуре наган
И складки кожаной тужурки.

Дрожат поля, как от пальбы,
И свист сирены резко-тонок...
И мигом взвилась на дыбы
Кобыла тощая спросонок.

Едва сдержав ее полет,
Дрожит проснувшийся крестьянин
И с перепуга крестит рот,
Бензинным дымом одурманен.

А там — в неезжанность дорог
Авто несется без оглядки,
И впереди, как в лихорадке,
Дрожит алеющий флажок.

ПО ВОЕННО-ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГЕ.

Мне в уши бьет немолчный говор вод,
Немолчный, мощный, мрачный шум потока,
А над волной широко и высоко
Зеленый склон извилисто ползет.

Чуть изогнув атласные бока,
Он льстиво льнет: ни дать, ни взять—приятель!
Но, вырвавшись из бархатных об'ятий,
Строй серых скал рванулся в облака.

И, в клубы туч зарывшись головой,
Бросает взгляд бестрепетный и лютый...
Так мы спешим на пост наш боевой
Из липких лап бессильного уюта.

ЗИМА.

Врагам не до потехи —
Поднялась кутерьма.
Зима сменяет вехи,
Сама зима.

Хозяйственной работой
Старушка занялась,
Взялася за болота,
Туманы, слякоть, грязь.

И от ожогов стужи,
Куда ни погляди,
Оледенели лужи,
Оснежились дожди.

По всем речным просторам
Пускай хоть паровоз.
Недаром комгосором
Заведует мороз.

Искусен, юрок, ловок
Покрыл мостами свет,
Не клянча ассигновок,
Не составляя смет.

И агитпроп недаром
Морозу был вручен;
Ведь даже белым барам
Носы окрасил он.

Чтоб глаз заплывший нэпа
Рабочих не слепил,
Витрины он свирепо
Узором залепил.

А снег, в труде упорен,
Усердием богат,
В полях для хлебных зерен
Построил белый склад.

Работайте примерно,
Крепите синий лед,
Из РКИ, наверно
Ревизия придет.

Как ни вертись, ни щелкай —
Работу всю сполна
Проверит комсомолка
Весна.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

ЗАВОД СЛОВА.

Сбросим, бросим
Гниющую осень
Старого
Слова „поэт“!
Этого имени нет!
Мира восставшего зарево
Стерло все краски утонченной кисти.
Сорваны
Жизни засохшие листья,
Порваны
Клочья
Былого
И тьмы:
Выросли мы, —
Рабочие
Слова:

Наша душа — завод.
Сердце — живая вагранка.
Мысли — шуршащий привод.
Стих — наша форма иль гранка.
Новые зодчие
Будут
Готовы.
Слышите гуды,
Рабочие
Слова?
Слышите жизни зовущую ноту:
— Эй, на ра-бо-ту-у-у-у...

Фабрика жизни все даст на завод нам.
Руды
И груды
Сырья
Двинет по нервам - дорогам свободным.
Нет во вселенной старья!
Все, что рассказано, все, что изжевано,
Снова мы
Новым
Скуем, —
Скажем железным, несказанным словом,
Высветим нашим огнем.
Все принимаем мы в новый завод!
Бурю — и струйку змеящихся вод,
Краски зари — и Октябрьских Зорей,
Каплю — и море,
Сдвиги Истории,
Горе
И радость детей,
Свист плетей,
Толпы восставших,
Павших
Гробницы,
Пот и усталость на душах и лицах,
Звонкий
Ребенка
Ликующий смех, —
Все — и всех.

Всюду из жизни берем свой узор мы —
В царстве и Света и Тьмы.
Наши размеры и рифмы и формы
Многообразны, как мы.

Гей, за работу, Рабочие Слова!
Пустим станки наши в ход!
Будем готовыми снова и снова
Двигать могучий завод.

ПОЭТАМ „КУЗНИЦЫ“.

Хорошо:
Не пели о ножках Милицы.
Воспели идущих по баррикадному пути.
А вы попробовали
В отделении милиции
Революцию найти?
Хорошо планеты
Перекидывать как комья!
Электропоэмами космос воспеть.
А вот сумейте
В каком-нибудь предгублескоме
Зарю грядущего разглядеть!
Прекрасно петь
Революции, как невесте,
Миллионы гимнов и железопсалмов.
А знаете ли вы,
Какие в Резинотресте
Окопы рыли
Против врагов?!
Смешно не видеть

Красной Армии,
Не видеть молний
Октябрьской грозы.
А вот воспойте красноармейца в казарме,
имя Революции добивающего азы!
Вкушайте соки
Культуры грядущей!
(Не меньше моря один глоток!)
А чем вам дорог простой и сущий
Какой-нибудь крестьянин,
Сморкающийся в платок?
Пишите сотни „Поэм о собаке",
Но дайте одну хоть
О человеке живом.
Возьмите любого Федю на Рабфаке,
Который будет
Нашим завтрашним днем!
Довольно неба
И мудрости вещей!
Давайте больше простых гвоздей.
Откиньте небо! Отбросьте вещи!
Давайте землю
И живых людей.

Март 1923.

ГРЯДУЩЕМУ ПОЭТУ

Ты не поймешь меня, о брат мой,
Ты не поймешь мои стихи...
Я в них умчу тебя обратно
В миры разнузданных стихий.

Как быть могло, чтоб ты, когда-то
Пред ними был и нищ и слаб?
Как быть могло, чтоб горсть богатых
Кормил трудом миллиардный раб?

Как быть могло, чтоб мир-калека
Воизал кровавый острый нож
Не в грудь земли, а... человека?!!
...О нет, мой брат, ты не поймешь...

Но ты поймешь живую душу
Того, кто видел цель в борьбе,
Того, кто жег, того, кто рушил, —
Чтоб сделать первый шаг — к тебе.

Он телом слаб — но он железный...
Он ростом мал — но он титан.
Он человек — но не исчезнет
В нем мощной Мысли Великан.

Не вырвет прочь рука Историй
Борьбы гигантской красный лист.
Не сможет смыть столетий море
Всю силу слова: — Коммунист.

ТИПОГРАФИЯ ЖИЗНИ.

Посвящается
Владимиру Ильичу
Ленину.

I.

Страны земли — это кассы набора.
Каждая клеточка — город.
Буквы и знаки в них — каждый из нас.
Там, на верхушках огромнейших касс,
Буквы большие скрываются в клетках.
Только лишь золото прячет от метких
Цепко хватающих жизненных рук
Сотни немногие толстеньких букв.
Там же, внизу, розбросались повсюду
Сотни миллионов свинцового люда,
Втиснутых в камеры жизни животной,
Горем захватанных, грязных и потных.
Вот она, вот она, клеточка — город!

Страны земли — это кассы набора.

II

История Времен — наборщица судьбы.
Настал ей нужный час, с верстатками Борьбы
Она вдруг подошла и встала у набора.
Железною рукой
Людской
Взрыхлила ворох
И стала набирать внутри у каждой кассы
Из груд свинцовых букв, как сталь, литые массы.
И мощные слова оттиснул каждый ряд:
— Мы — рыцари Труда, Мы — Пролетариат. —
Но разны были все ж верстатки их Борьбы...

История Времен — наборщица судьбы.

III.

Великий Метранпаж с прищурившимся взглядом
Поставил первый ряд на гранку Октября,
И сдвинулись моря
Песчинок той громады,
Которой имя — Труд, которой имя — Мы.
Из недр свинцовой тьмы
На гранках Волн к Свету
Могучей и стальной
Душой
Они сплелись
И на листе земли
Вселенскую газету
В машине красных битв оттиснули собой.
А у машины той
В часы ее движенья,
То двигая ее, то властным мановеньем

Прервав на нужный миг ее могучий ход,
Стоял все время тот,
Кто был рожден Громадой,—
Великий Метранпаж, с прищурившимся взглядом.

IV.

И сочетала та великая газета
Названье на развернутых листах:
Всемирная Республика Советов —
С огнистою душою: — К р а с о т а.

ПЯТЬ ПЕСЕН ЧЕЛОВЕКА.

ПЕРВАЯ.

Солнце! Наш огненный лебедь!
Годы века увезут!
Будет бездельничать в небе!
Много есть дела внизу.

Будет ленивую спину
Шара земного калить!
Время настало в машину
Силу огнистую влить.

Мы Коммунизма орлята
С волей железной в груди.
Солнце! Бери регулятор!
А не захочешь — дадим!

В связке лучи твои свяжем,
Пустим их пламенный ток,
Место тебе мы укажем, —
Смело берись за станок.

Будешь от века до века
Двигать машиновый лес...
Гей, послужи человеку,
Красный рабочий небес!

ВТОРАЯ.

Ветер. конь неудержимый,
Распластался, как всегда.
Стой, летящий, стой! Пришли мы
Взять тебя на повода.

Удила тебе мы вложим,
В сотнях седел полетим...
Мы твои направим вожжи
Лишь куда мы захотим.

Путь тебе отрезать в поле
Только мы дерзнуть могли.
Будь конем у новой воли
Новой радостной земли!

ТРЕТЬЯ.

Каплями - искрами мечет
Мощная водная даль, —
Словно из доменной печи
Вытекла жидкая сталь.

Вылившись бурно на камень,
Формы не хочет она.
Морем, ручьями, реками
Плещет свободно волна.

Небо играет с ней в жмурки,
Ветер ведет хоровод...
В руслах пуховых, как в бурке,
Прячутся плечи у вод...

Дважды на пурпурном ложе
Красятся воды в заре...
Бу дет!—Конец мы положим
Праздной, ленивой игре!

Море и реки направим
Мы по иному пути, —
Двигать громады заставим,
Горы железа нести.

Белым, расплавленным углем
Пищу движенью дадим,
Силой чудовищной ухнем,—
Сделаем все, что хотим.

Каплями красного пота
Мы не играли в борьбе.
Все мы возьмем на работу!
Все покорим мы себе!

ЧЕТВЕРТАЯ.

Эй, земля, дрожи пред мощью
Новых солнечных людей.
Вышла смело рать рабочья
На простор твоих полей.

Мы сады взрастим в пустыне,
С толщей дебрей вступим в бой...
Наша воля не остынет
Пред гигантскою борьбой.

Между гор межи прорубим,
Сотни гор совсем снесем,
Если надо — взрежем глубь их, —
Раз пошли мы — мы пройдем!

сеть дорог тебя оденем,
Пустим чудо - поезда
И из праха, как виденья,
Выйдут наши города.

В грудь твою мы путь пророем...
Мы весь мир своим трудом
Завоюем, перестроим,
Вздыбим, врежем и — возьмем.

Мост воздушный перекинем
К Марсу! В царство всех планет!
Покоряйся блузам синим
Эй, земля! — Исхода нет.

ПЯТАЯ.

Вот оно, царство Свободы!
В жизни мы видим мечту!
Людям подвластна природа,
Люди творят красоту.

Души, как вереск, сухие
В прошлом исчезли навек.
Правит землею стихия
Только одна — Человек.

В жизни живой, многоликой
Мира Идей и Труда
Этой стихии великой
Не исчерпать никогда.

ТРУДОВОЙ ДЕНЬ.

Подымая багровый шишак,
Солнце рвет свои черные путы
И идет, и идет, не спеша,
Завоевывать землю будто.

Город брызнул сиренным дождем
И дрожит, как будто испуган.
А ведь — шельма! — ведь только и ждет,
Что сигнала учителя - друга.

Вот он пальцем, к земле протянувшимся,
Угрожает тому, кто спит
И срывает с земли проснувшейся
Покрывало ночной тоски.

(... Не тоска ли всю ночь таскать
По кроватям и мысли и тело!?
Не тоска ли, скажи, не тоска
По ночам ничего не делать!?...)

Солнце сияло шишак зари,
Засучилось, взялось за дело,
А за полдень — смотри - ка, смотри! —
За работой, как мы, вспотело,

Перед ночью стал медленней шаг.
На шабаш алый знак подавая,
Солнце снова надело шишак
И пыхтит, пыхтит, отдуваясь.

Вышла злая бездельница ночь,
В небесах сторожей посадила
И погнала работника прочь
Черной лапой — в затылок.

— — —

... Не хочу, не могу без солнца!
Ночью мысли мои запрут...
Эх, пришла бы такая бессонница,
Чтобы все — и всегда — за труд.

1920.

О ШАПКЕ.

Троцкому.

Молодежи.

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию Мировую найти.

— — —

Кто о женщине. Кто о тряпке.
Кто о песнях прошедших дней...
Кто о чем.
А я — о шапке,
Котиковой,
Моей.

Почему в ней такой я гордый?
Не глава ведь под ней, а лучи!

Потому, что ее
По ордеру
Получил.

. . . .

В девятнадцатом, в Киев, на отдых,
Я, усталый, приехать смог,
И покою два дня лишь отдав,
На третий — в окопы лег.

Мы, голодные, жизнь творили!
Но знали: есть голод-волк.
В этот день мы без пуль покорили
Восставший девятый полк...

Да, о шапке...
И вот оттуда
Голодранцем в Москву приперх
И в Цека получил, как чудо,
Ордер
„На головной убор".

Ордер этот
В охапку.
В Распределитель путь.

Получил я там — летом! —
Шапку
Котиковую,
Не какую-нибудь...

. . . .

И теперь вот, сейчас, сегодня
Мимо салом заплывших витрин
Я шагаю, знаменем подняв
Шапку военных годин.

И теперь, что-нибудь покупая,
Выбирая ли, роясь в вещах,
Я об ордере прежнем мечтаю
И новых, идущих днях.

И прочтя бюллетень о банкноте
Или весть о борьбе биржевой,
Я гляжу на восторженный котик
С думой грозовой:

Пусть катается кто-то на форде,
Проживает в десятках квартир...

Будет день:
Мы пред'явим
Ордер
Не на шапку —
На мир.

Март 1923.

ДВА.

Серый. Клетчатый. Полотняный.
Драный, Невзрачный такой.
Нежно взят сухопарой няней —
Рукой.

Книги лекции. Повесть „Неделя".
Энгельс. „Правда". Чертеж. Бутерброд.
Строки: ... — Будь коммунистом на деле...
... Многопольный севооборот...

И
Кожаный. Черный. Блестящий.
Монограммы. Камешек голубой.
Важно пухлую руку тащит
Собой.

Чеки. Акции. Деньги. Пробы.
Счет за ужин. За двухспальную постель...

— — —

Два обличья. Две утробы.
Тот портфель. И это портфель.

Февраль 1923.

КОММУНИСТ.

Революцию делайте.
Пуговицы пришивайте.
Л. Троцкий.

Мне лишь кажется,
что это существует.
Фихте.

Вышел, иду и знаю,
С кем и куда иду.
Каждым из дней хватаю
Завтрашний день за узду.

Вытянул в мир с завода
Рук мускулистых рои.
Знаю: веков поводья
Будут мои.

Знаю: придется не мало
Маленьких дней пройти.
Вышел с гудком, запевалой,
В десятилетья пути.

Знаю я каждое место,
Где мне ступить и чем:
Волисполкомом, трестом,
Армией — или ничем.

Знаю оружье любое:
Штык, Совнарком, или горн.
С ними пройду я с боем
Встречные толщи гор.

Знаю, где враг клейкий:
Знаю, где солнце и муть:
Пальцами каждой ячейки
Щупаю верный путь.

Знаю свои пожитки.
Знаю беду на дому:
Пуговицу ль на нитке,
Топи бумаг или тьму.

Вытянул в мир с завода
Рук мускулистых рои.
Знаю: веков поводья
Будут мои.

Знаю: пройду не мало
Маленьких дней и бед.
Знаю мой стяг алый.

Знаю, что кто-то сосед,
Мой же удар изведав,
Все принимает за вымысел.
Все:
И страну
Советов
И
Картошку на примусе.

Февраль. 1923.

ПАРТБИЛЕТ.

Есть старенькие, старенькие мамы...
Пусть мы в борьбе сжигаем наши дни,
Они вдруг в памяти, наполненной громами,
Мелькнут как чуждые, но теплые огни.

И вспомнится тогда не матерь Санкюлотов,
Несущая сама винтовку и плакат,
А та, кому страшней, чем сто переворотов,
Что непослушный сын
Не выпил молока...

— — —

Мама —
Она не становится хуже
С соской ли ты, с бородой ли.
Вечно в глазах ее мечется ужас
Перед сыновнею долей.

Мама —
Она постоянно грустит
И убивается вечно.
Ей не понять, что иные пути
Сотнями солнц расцвечены...

Помню, как много доставил ей мук я
В дебрях мальчишеских лет.
Помню, как с братом из детского лука
Расстреливал царский портрет.

Помню, как я об'явил голодовку,
А голодать мне лишь час пришлось.
(Так я впервые провел забастовку
За пачку отобранных папирос...)

Помню, я вырос, — а мама рыдала:
— Мальчик за книжкою ночи не спал...
Но перестала, узнав, что читал я
Трезвую книгу
„Капитал"...

— — —

О, мама, мама, где твои примочки!
От трезвой книги протрезви скорей!
Ведь становился я от каждой строчки,
От слова каждого пьяней.

И вот теперь за повод дней берусь я,
За повод дней, что раньше нас влекли,
Иду на мир — и на тебя, мамуся,
Я, пьяный радостью властителей земли.

Но с тех же пор... как ноют грудь и плечи!
Я, бывший мальчиком самой весны резвей
И пьяный юностью, простою, человечьей,
От строк безжалостых навеки протрезвел.

И вот умею я все видеть так, как надо,
Лучами глаз своих пронзить любой покров:
Провидеть в фабрике—веков грядущих радость,
Увидеть в золоте — сочащуюся кровь...

И знаю: не один за повод дней берусь я.
Тьма тем фабричных рук их к солнцу повели.
Иду, иду на мир — и на тебя, мамуся,
Я, трезвый мудростью властителей земли.

— — —

И вот. недавно,
Заехал к маме
Из нового, ячейкиного дому.
Милыми, старческими глазами
Глянул в глаза мне тихонький омут.

Те же у матери радости, беды...
— Хлеб вздорожал, и посуда, и нитки...
Только подчас мой отец за обедом
Говорит о высокой политике.

Мама вновь: молоко, яички...
Только буркнет мельком иногда:
— Знаешь, сын? Я сама большевичка,
Коммунисткой же быть... никогда!

Или вдруг просияет надеждой.
В уголке где-нибудь сидит
Над моею драной одеждой,
Бубнит:

— Капитал ты читал, — не нажил.
Ну, и не наживешь, поверь.
Но дорога тебе не одна же?
Побыл в партии — будет теперь...

Приезжай к нам, сыночек милый,
Убил ты ведь целых семь лет.
Приедешь – варить будем мыло...
Брось... билет!

И однажды, при помощи брата,
Выкрала мой партбилет
И, его в закоулок запрятав,
Расцвела, как маков цвет.

Я же, дерзкий, голову старую
К мощной прижал груди:
— Мама, ты слышишь ли эти удары?
Что там гудит?

Я глядел ей вослед, ушедшей...
Ну, что ей увидеть, слепой?
Наверно, сочтет сумасшедшим...
Пьяным собой...

Не понять ей, старенькой маме,
Пятнышку в нашей борьбе,
Что ношу партбилет не в кармане, —
В себе.

Апрель 1923.

ПАРТБИЛЕТ № 224332.

Весь мир грабастают рабочие ручищи,
Всю землю щупают — в руках чего-то нет...
— Скажи мне, Партия, скажи, чего ты ищешь?
И голос скорбный мне ответил:
— Партбилет...

Один лишь маленький... а сердце задрожало,
И в сердце вздрогнула последняя тропа.
Вчера я только лишь в руках держала,
Но смерть ударила — и партбилет упал.

Эй, пролетарии! Во все стучите двери!
Неужли нет его, и смерть уж так права?..
Один лишь маленький, один билет потерян,
А в теле Партии зияющий провал...

Я слушал Партию и боль ее почуял,
Но сталью мускулов наполнилась рука.
— Эй, слышишь, Партия? Тебе! Тебе кричу я!
Тебя приветствует рабочий от станка.

Пусть сердце сдавлено и боль неимоверна,
Тебе на помощь я пошлю милльонный вал.
Вал пролетариев под знаком Коминтерна
Заполнит в Партии зияющий провал.

А первый — я иду. Я — из страны Советов.
Эй, слышишь, Партия?.. Даю тебе обет:
Пройдут лишь месяцы — сто тысяч партбилетов
Заменят Ленинский потерянный билет.

24 января 1924.

БОЕВАЯ ЛЕНИНСКАЯ.

Труд, труби.
Труд, труби.
Труд, труби
В трубу.

Бей, барабан.
Бей, барабан.
Бей, барабан,
Борьбу.

Жалких слов бесстыдную ораву
Враг наш выбросил,
Радость жуя.
Эй, пролетарии! Грянемте славу,
Славу Ленину,
Свергающему буржуа.

Знаем мы, что Ленинское сердце
В каждом восставшем рабочем живет.
Мы еще увидим
Ленина в красноармейце,
Штык вонзающем
В панский живот.

Мы его увидим
В траурной мессе,
Мессе о каждом свергнутом короле.
Или в рабе,
Сжигающем поместье
На потрясаемой в битве земле.

Ленин жив,
Во вражеской брани,
В каждой стачке, в уличной борьбе,
Мы его увидим
В каждом восстаньи,
В каждой битве под знаком РКП.

Если б знали — бились лбом бы
Сотни ноющих ныне подлиз.
Ох, как грохнут буйные бомбы,
Волей Ленина
Брошенные в капитализм!

Сколько Лениных, сколько знакомых,
Сколько живых Ильичей
Во всесветных наших Ревкомах,
Завоеванных
Без
Речей.

Ныне он — ленинизм — в рабкоре
Или в пониженных ценах сапог...
Будет день:
Сегодняшнее горе
В радость Революции выльет Восток.
Ныне он — в работающем тресте,
В деле смычки, в мелочи любой!

Будет день:
Вселенское поместье
Мы построим нашей борьбой.

Ныне Ленин
Молнией и громом
На бесхозяйственность в наших рядах,
Завтра он
Всемирным Совнаркомом
Подымает Ленинский стяг.

Пролетарии! Слезы льются?
Вдаль глядите:
Вам крича,
Машет Ленин:
— Всемирную Революцию
Воздвигай
Над гробом Ильича!

Пой, греми рабочим восстаньем!
Болью боль — борьба борьбой.
Это мы сегодня с тобой
Боевую
Ленинскую грянем:

— Труд, труби,
Труд, труби.
Труд, труби
В трубу.

Бей, барабан.
Бей, барабан.
Бей, барабан,
Борьбу.

27 января 1924.

ВЕСЕЛЫЙ МАЛЯР.

Сгребаю ворох белых масок
В это ясное, свежее ведро.
Глядите-ка, сколько новых красок,
Принес я в кадках и ведрах!

Любуйтесь, любуйтесь моей красильней,
Где солнце — мой сторож зоркий!
Я белое небо выкрасил синей,
Красной мазнувши для зорьки.

Притоптав полотно на земле усталой,
Черные полосы с серым фоном.
Мажу туда и сюда, как попало...
Кисти — колеса. Мазки — со звоном.

Целую зиму в клетке висели
Звонковеселые стуки...
Что за радость! Что за веселье!
Руки чешутся, руки!

Сею зеленую, словно в посеве.
Всеми зараз мажу хлестко.
Ну-ка, плесну на вот эти деревья
Лаково белой известкой!

Вот оно, счатье! Вот где живу я!
Все выливаю из кадок.
Крашу природу и душу живую
Сонмом стоцветных радуг.

Я не злюсь, если белые пятна
Ветер игривый на небо дунет,
Нет, говорю, не пойти на попятный
Старой седой колдунье.

Ты говоришь: Весна?

Самая и есть.
Она.

1921.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ.

Огненнодышащий пахарь
В тучу вонзил свой лемех,
В черной небесной рубахе
Синих наделал прорех.

Замер раскатистый хохот,
Ветер унес свой свисток.
Врезали красные сохи
Плотный последний комок.

Кончено. В небе все чисто.
Пахарь, покончив с трудом,
Весело щелкнул лучистым
Тысячехвостным кнутом.

ПРИШЕДШЕМУ.

Время Грядущему кинуло зов
Сердцем, впервые ударившим звонко.
Здравствуй, здравствуй, первый крик ребенка!..
Голос из глубины веков.

Кричи, жизнь, кричи громко!
Это новое слово твоей новой повести.
О, сделай, сделай эту душу такой емкой,
Чтобы могла твою ненависть и любовь вместить.

Века! Наполните глубину этой чаши!
Кладите свою мудрость под ноги идущему,
Чтобы легче ему было по ступенькам вашим
Итти на путях к высотам Грядущего.

И пусть на ступеньках кровь распятых масс
Узорами рдяными липнет!
Не в них ли, не в ней ли Бебель и Маркс
И Красная Роза и Либкнехт?

Пришел — так шагай. Пусть зовет тебя жизнь
Всегда впереди, на красной трибуне.
А если надо, — иди и ложись
Последней ступенькой к Коммуне.

30 декабря 1920.

ПТИЦЫ.

Сегодня утром, сын мой крошка
Играл звездой из кумача
И, обернувшись, за окошком
Увидел важного грача.

С восторгом вытянув рученку
С зажатой красною звездой,
Он бросился грачу вдогонку
И — „птиця“... — вымолвил с тоской.

Что, улетел? Зачем же злиться?
Не надо, Львенок мой, не плачь...
Не каждый грач бывает птицей,
А птица каждая — не грач.

Замолк мой сын. И птицей - взглядом
Окинул лица дальних стран:
В окне моторною цикадой
Застрекотал аэроплан.

1922.

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ.

ВЕЧЕР.

Стихли солнца золотые вихри,
Тонут в сумрак неуклюжих гор.
Неугомонное сердце, затихни,
Слушай звездопадный разговор!,.

Ну, о чем, о чем распелись звезды
В синей, парусинной вышине?
Тише, тише, на подошвах гвозди,
Не шурши, шершавая шинель:

Видишь—в небе праздник Красной горки:
Подмигиванье, пляски и игра,
И радость, как в деревне на вечерках,
И как у комсомольцев вечера!..

Полно, звезды, стыдливо скрываться,
Хорониться за облачный дым!"
Сколько лет вам? — А мне — восемнадцать!
Хорошо погулять с молодым!

Хорошо ночами за околицу
Выходить навстречу теплым дням,
И всю жизнь веселым комсомольцем
Шествовать по солнечным путям!

ФАБЗАВУЧ.

Забился май над головой,
Лучи сочат огонь певучий,
А я, плененный синевой,
Шагаю в школу фабзавуча.

Поклон косматого отца
И солнце полевого мая
До каменного крыльца
Меня заботливо провожают...

Солнце клонится устало,
Ладонью треплет по плечу:
— Учись, в потемках посвечу,
Теплом, теплом озолочу,
Коль будешь ты, как я хочу,
Квалифицированный малый.

Крепись, расти, мой дорогой,
Мужай в закалке заревой!

В глаза, процветшие травой,
Горячий звон металла брызнет.
Эх, будешь ты мастеровой
Развертывающейся жизни.

Далек тот май. А каждый миг
Запомнился мне до точки.
Люблю с собой, как с грудой книг,
Беседовать в одиночку.

И в новый май припоминать
Кивок отцовского поклонца,
И занести к себе в тетрадь
Слова заботливого солнца:

„Учись, учись: весь разум свой,
Всю мощь на мир разбрызни!
И будешь ты мастеровой
Развертывающейся жизни!"...

Пусть бьется май над головой—
Сегодня он так полнозвучен!...
А я, простившись с синевой,
Шагаю в школу фабзавуча!

МАРШ

Из поэмы „Комсомолец".

Нам не дано имени,
Детям станков и околиц!
Имя мое — легион!
Имя мое — комсомолец!

Жизнь моя — крепнущий свод.
Ну - ка,
Взорви, попробуй!
Сердце мое — завод,
Мозг мой — рабфак, учеба!

В схватке: ни шага назад!
Мира немые загадки
Молньями мыслей пронзят
Выродки Ленинской складки!

Армия комсомолят —
Это — даешь — и баста!!!
Надо леса и поля
В руки стальные сграбастать!

Надо позиции звезд
Аэропланами вздыбить!
Парус крепи, матрос,
За океанские зыби!

Нам не дано имен,
Детям станков и околиц.
Имя мое — легион!
Имя мое — комсомолец!

◆ ◆ ◆

Смейся, ветер! Бродяга, смейся,
Агитируй в лугах, хвастун!
Ты не пробовал красноармейцем
Годы стоять на посту?

Ты кричал по лесам: Р-рев-волю-ция!.
И вздымал в поднебесье флаги.
А я—в изодранных бутцах
Шагал из лагеря в лагерь.

На моих пропрелых обмотках
Ядовито гнездилась зараза.
Ну, а ты обнимал красотку
Где нибудь у кудлатого вяза?..

Ты умел, подгулявши лихо,
В стекла гнать удар за ударом.
А я, изглоданный тифом,
Валялся на грязных нарах!

Ты, небось, не придешь, не оденешь,
Когда я задрожу в лихорадке?
А знаешь ли, что у меня Юденич
Пулей застрял в лопатке?..

Ладно, ветер! Гуляй и смейся,
Песни мельницам пой, хвастун!
Ты не пробовал красноармейцем
С винтовкой стоять на посту!..

◆ ◆ ◆

Скоро,
Скоро, скоро мы
В полосе малых дел
Будем мастерами и монтерами
В отдыхе, забавах и труде!

Пусть извилинами и уклонами,
Но дойдем до стройки стройных дней.
Скоро молодыми робинзонами
Мы засеем целину степей!

Скажут:
„Инженеры, разукрасьте вы,
Зашлифуйте в берега Оку!"
И — готово:
Молодые Гастевы
Радостно на стройку потекут!

Скажут:
„Ветер виснет на акации",—
Мы его — швейцаром при дверях!
А по селам электрификацией
Захлестнем мы мельничный размах!

Будем мы, мы будем первыми,
Кто поставит трактор у межи!
Мастерами и инженерами
Выйдем скоро,
Скоро выйдем в жизнь!..

НАШ ПРАЗДНИК.

О. Тарханову.

Над поселком дымным, над столицей,
Над толпой кудлатых деревень
Свежестью расписанного ситца
Запылал обрадованный день.

Ветер песни площадями носит.
Дождь голов — и улица тесна!..
В небесах — тоскующая осень,
На земле — бурливая весна!

К западу склонившимся укором,
Зовом расплескавшись на лету,
Либкнехта ужаленные взоры
Солнцем над трибунами цветут.

Этих глаз негаснущая вера
И сердец неугомонный бой
Под крылом кумачным Коминтерна —
Зарево свободы мировой!..

И пока на неба край покатый
Вечер темнорусый не пришел,
Разливайтесь, песни и плакаты:
Расцветай, Всемирный Комсомол!

МЫ БЕРЕЖЕМ СВОЙ КРАЙ.

Работнице Викторовой.

Шаги дробят весенний воздух звонко,
В сердцах — готовность. По дорогам — май...
Мы бережем свой край, как мать ребенка,
Мы любим выстроенный нами край!

Все это так: жиреет рынок.
Хиреет рубль. Растет банкнот.
Везде — с недружелюбной миной —
Неумолимый хозрасчет...

Где—дни театров, ресторанов, гонок.
Где—еле-еле на табак
И часто на трамвай недостает „лимона"...
Все это так.

Но стоило какому-то Керзону
Коснуться алчным голосом груди,—
Сказали: — Вынем сердце на патроны,
Но не дадимся, не сдадим!

Вскипели в гневе улицами бурно
И каждый взгляд тревогою зацвел...
— Нам дорог, нам до боли дорог Мурман,
Как дороги и Тула, и Орел!..

Шаги дробят весенний воздух звонко,
В сердцах готовность. По дорогам—май...
Мы бережем свой край, как мать ребенка,
Мы любим свой советский край!

Июнь 1923.

КОМСОМОЛКА.

До четырех — за иголкой:
Шьешь на армейцев белье.
Радость моя — Комсомолка,
Сердце мое!..

Будут дни: синеволосым вечером
Я рассыплю шелк твоих кудрей.
Буду гладить голубые плечи,
Как мальчишкой гладил голубей!

Выйдут дни: и грубым я не буду,
Выращу соцветья нежных слов,
Переплавлю огневую удаль
В звонкую, крылатую любовь!..

Но теперь —
В работе без умолка —
Ты уйдешь, как только вспыхнет день...

Радость моя —
Комсомолка —
Друг мой в борьбе и труде!..

ЛИБКНЕХТ.

Если юность борьбою кипит,
Раскаленною грудью не никнет, —
Кто сказал,
Что Либкнехт убит?
Кто сказал, что не с нами Либкнехт?!.

Голос Карла не кончил звучать,
Не умолк баррикадный рупор.
Как поверить и как понять
То, что Либкнехта сделали трупом?

То, что залили кровью рот,
А глаза запушили пеплом?..
Разве был девятнадцатый год?
Нет.
Не верьте. Такого не было!

Вот смотрите:
Под огненный дождь
Вышел кто-то, чтоб пасть под ударом.
Чем на Либкнехта он не похож?
Тем, что он не зовется Карлом?..

Ну так что ж?
Оттеняет Берлин
Это имя другим перезвоном.
Кто сказал, что Либкнехт — один,
Если Либкнехтов — миллионы!..

Вот они:
В пулеметный дождь
Держат бой, запыляясь дымом.
Вот она — молодежь, молодежь,
Окрыленная знаменем КИМ'а!

Это юность борьбою кипит,
Раскаленною грудью не никнет.
Кто сказал, что Либкнехт убит?
Кто сказал,
Что не с нами Либкнехт?!

СПРОСОНЬЯ.

Утром, над краем моей подушки,
Каждый день, как спросонья встряхнешь головой,
Александр Сергеевич Пушкин
Улыбается, кудрявый, живой...

Будто с Тверской, с пьедестала
Он от кого-то услышал мельком
Про Конгресс Интернационала,
Про свободу, Совет, Совнарком!...

Пушкин, в любимой твоей отчизне,
Где гарцовали Онегин и Ленский,
Светят иначе миллионы жизней...
В дружбе станка и страды деревенской!

Думал ты, что в проклятьях и славе
Серп в колосьях, в огне молоток
Над Московским заводом возглавят
Мирового восхода Восток?!..

Долго, склонившись к моей подушке,
Когда веет кругом тишиной,
Александр Сергеевич Пушкин
Разговаривает со мной...

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ.

◆ ◆ ◆

День уйдет, утихнет город,
Улыбнется месяц за окном.
Каждый раз в такую пору
Я сижу задумчив за столом.

Месяц, месяц, ты любимец ночки,
Будь хорошим, подскажи,
Как в стихов размеренные строчки
Сердце мне свое вложить.

Не ответит месяц на мои вопросы,
Самому придется разрешить.
Вьется дым кудрявый папиросы,
Я сижу задумавшись в тиши.

А пока гуляет ночка
До утра по улицам пустым,
Я кусочки сердца в виде строчек
Положу на белые листы.

ПОТЕРЯННЫЙ ПОДАРОК.

Правда, нет ли, — но говорили,
Что, когда на свет я вылезал
Черев мать, деревня подарила
Мне полевые синие глаза.

Но не гонял в ночное я коней,
И не гулял с ребятами в лесах,
Я провел все детство на окраине,
Где стоят большие корпуса.

Покалякать завсегда охотницы,
Завсегда ласкаяи хваля, —
Мне в глаза заглядывали работницы,
Вспоминая избы и поля.

Рос я парнем славным и простым,
Телом в городе,—в деревне сердцем.
Я любил поля, тропинки и кусты,
Так любил, что даже и не верится.

На заводе говорливом, черном,
Где гремит машинная гроза,
Зацелованный огнями горнов,
Потерял я синие глаза.

Да недолго о потерянных тужил,
Дал завод мне — серые, стальные.
Умер в сердце у меня мужик
И увидел зори я иные.

На дни и годы жизненных путей
Стал смотреть совсем я по иному:
Позабыл я избы, запах тополей,
Город шумный стал мне домом.

О МАТЕРИ.

Когда зорька гаснет над домами
И затихает города шумиха,
Я грущу такими вечерами,
Вспоминая мать свою ткачиху.

Умирая, мать мне не оставила
Ни локона и ни портрета,
И лицо ее, как облачко, растаяло
Под лучами солнечными летом.

Годы детства — серые, убогие,
Мне не были жизненной весной,
Сохранилось в памяти немногое,
Как обрывки смутных снов.

По утрам, когда гудок-крикун
Звал за стеклами оконными,
Видел часто, уходя на фабрику,
Мать склонялась пред иконами.

Целый день с ребятами балую,
Ночь придет — свернусь под одеялом,
А сонный чьи-то поцелуи
На щеках я чувствовал бывало.

В дни воскресные за швейною машинкой
Сядет, распуская волосы,
И звенит печальным голосом,
Словно в день весенний льдинка.

Помню день (не мог он обождать!)
И со мною плачущую осень.
Горсть земли сырую от дождя
Я в могилу материну бросил.

Мало знал я ласки и привета,
И лицо родимой в памяти растаяло,
Умерла, а сыну не оставила
Ни локона и ни портрета.

ПОСЛЕ РАБОТЫ.

Призадумался вечер румяный
Над окраиной дымной, усталой,—
Вышел с завода я пьяный
От грохочущих песен металла.

Загорались зрачки фонарей,
Я, усталый, шагал не спеша,
А волны приводных ремней
Плескались в моих ушах...

Поработал я нынче здорово!
Мокрой стала рубаха от пота,
Так и тянет прилечь у забора —
Отдохнуть-то мне очень охота!

Спрессовались на улице сумерки,
Стало все мне кругом незнакомо,
И зарницы на западе меркли,
Когда подходил я к дому.

Ночь в темно-синем плаще
Сменила задумчивый вечер,
А дома за чашкою щей
Сладостно ныли плечи.

В КЛУБЕ.

Пропел гудок охрипшим голосом,
По темной улице иду я,
Туда, где клуб на мостовую
Льет электрические полосы.

Вхожу, все чувствую родным.
Клуб, особняк был раньше барский,
Теперь у входа со стены
Меня встречает Володарский.

А в залах — песни, хороводы,
Здесь скука сердце не поранит.
И я, уставший на заводе,
Присел с газетой на диване.

Отрываю глаза от строчек
И гляжу, как на рояле у окна
Комсомолка в аленьком платочке
Наигрывает Интернационал.

И в этой близкой обстановке
Я на плакат любуюсь взглядом,
Где серп и молот и винтовку
В союзе братском вижу рядом.

ЛЕНИНЕЦ.

Электро-механику М. Калашникову.

Каждый раз, когда вечер алый
Уходит уснуть за город,
Он приходит домой, усталый
От гудящих электро-моторов.

За день усталость грузом
Засела в его плечах,
А он в синей рабочей блузе
Садится за том Ильича.

На бульварах электро-точки,
Дамы, духи, наряды,
А он по дорожкам строчек
Бродит упорным взглядом.

Жизнь не раз разразится громом
И не раз еще бурей вспенится,
Но от слов дорогих и знакомых
Закаляется сердце ленинца.

Стол залит электрическим светом,
В углах притаились тени
И беседуют чуть не до рассвета
Он и Ленин.

РАДИО-БАШНЯ.

В синеву на полтораста метров,
Откуда видны далекие пашни,
До туч, гоняемых ветром,
Выросла радио-башня.

Сжималось кольцо блокады,
Когда наши рабочие плечи
Поднимали эту громаду
Над Замоскворечьем.

Не беда, что она немного
Эйфелевой башни ниже,
Все же тучи, воздушной дорогой
Пробегая, ей голову лижут...

Нашей работы упорной
Что может быть бесшабашней!
Когда нас душили за горло,
Мы строили радио-башни.

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.

Когда сегодняшнее станет вчерашним,
А город стихает во власти сна,
Куранты на Спасской башне
Вызванивают Интернационал.

И срываясь с башни старой,
Над пустынной площадью прореяв,
Летят певучие удары
И в Америку, и в сонную Корею.

И каждый удар, оставаясь звонким
За тысячи верст от кремлевских башен,
Королям и банкирам в барабанные перепонки
Прозвучит ненавистным маршем.

А для тех, чьи жилистые руки
Творят на фабриках и в глубях шахт,
Под гул машин кремлевские звуки
Им о борьбе пропоют в ушах.

И будет время:
На башнях и Англии, и Испании,
А не только в Москве у нас,
Будет такое же вызванивание,
Ведь, не даром —

Каждый раз,
Когда сегодняшнее станет вчерашним,
И укутается в тучах луна,
Минин с Пожарским под музыку башни
Поют Интернационал.

В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ.

Тучи солнышко завесили,
Дождик плачет за окном.
Почему ж сегодня весело
Мне работать за станком?

Дождик утром брызгал лихо,
Шел я хмуро на завод,
С Катей, девушкой-ткачихой,
Повстречался у ворот.

Расстреляли в сердце скуку
Кати синие глаза,
Мне пожав с улыбкой руку,
Побежала к корпусам.

Всюду хмуро, всюду тени,
Тучи скрыли небеса,
Не жалею... их заменят
Милой девушки глаза.

ИЗ ЦИКЛА: „КОМСОМОЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ“.

Не ходить бы мне туда ни разу,
Где набежит любви волна.
К девушке веселой, сероглазой
Я пришел и засиделся до темна.

В этот вечер спохватился поздно,
Подстрелили сердце у меня,
Только в шутку ли, серьезно ли,
Я не знаю, как понять.

Зазвенела милка голосом
Тихо, а потом сильней,
Мне же хотелось наклониться к ней,
Целовать и гладить волосы.

Билось сердце раненою птичкой,
Не сводил я глаз с ее лица,
Папиросу вынул, чиркнул спичкой,
Прикурил, да не с того конца.

Полюбил и очень скоро,
И не знаю: как тут быть.
Ах, какой атакою отбить
Сердце от любовного вздора!

ЗА ГОРОДОМ.

Мы идем тропинкой между травами.
Сыплем смех веселый колокольцами.
Эй, березки — девушки кудрявые,
Познакомьтесь с нами, комсомольцами!

Мы на поезде из города шумящего
Прикатили нынче поутру,
Чтоб под вашею зеленой чащею
Свежим воздухом наполнить грудь.

И пустились шумною оравой
По траве зеленой вперегонку.
Позабыв шептаться, тихая дубрава
Засмеялась весело и звонко.

Ну, и жарко ж, жарко стало, братцы!
Наши лица в потных блестках...
Не мешало б нам и покупаться, —
А река за тем вон перелеском!

Вот и вечер... И зачем так скоро?
Загорелись звездные глаза...
Эй, ребята, не спешите в город,
Я забыл вам что-то рассказать!

ПЕРВЫЙ СНЕГ.

Снилось озеро и белые кувшинки,
И о чем-то плакался рожочек пастуха,
А проснувшись утром, услыхал,
Как звенели по стеклу снежинки.

За оконной рамой хулиганил ветер,
Снег над улицей крутился и порхал,
Вспомнил сон и понял, что о лете
Плакался рожочек пастуха.

ИВАН ДОРОНИН.

◆ ◆ ◆

В душе
На черноземах талых
Бушуют радости колосья;
Поля,
Поля,
Для вас,
Из городских кварталов
Солнце лучистое,
Сердце принес я...

УТРО В ХАТЕ.

На печи
В углу
За кирпичом
Собирались на митинг
Тараканы;
На стене
Картина с Ильичом,
Под божницею
Угодник драный.

За задоргой
Седая голова,
Как сноп гречишный,
Роняет зернами слова
Чуть слышно.

На задней лавке
Прялка с донцем,
Обняли друга по труду,
Куделю,
А с улицы
В раскрытое оконце
Бабочки солнечные
Налетели.

А с улицы
Пахнуло ветерком,
А с улицы
Ворвалось:
— Ти-ли-ли;
Заходило сердце челноком,
На душе
Лужайки зацвели.

А перед печью,
Где уголечков пыжики,
Ребятишки,
Словно чижики,
Про коммуну щебечут.

Даже Васька-кот,
И тот,
Золотистую разрыв солому,
Улыбнулся
Утру голубому.

Здравствуй, утро,
Здравствуй, май,
Здравствуй, зелень вешняя.
В месяц май
Не вспоминай
Думушки давнишние.

Ну, и пусть
Настанет вечер,
День свечою догорит.
Ноши
Наши просят плечи,
Силу труд не уморит.
1922.

ВЕСЕННЕЕ.

Дым сверкающим разливом
И шумит и валит;
Блики белками игриво
Прыгают по стали.

Голова в цветах железных,
Голова хмельная,
В хмеле вижу весен бездну,
И сама весна я.

И станок,
Станок веселый
Шестерней играет;
Распахнула душа полы
Солнечного мая.

И шумят ремни,
Шумят,
Будто листья дуба,
В нос шибает запах мят
Цементовых срубов.

Электрический зенит
В зеленях пушистых;
Ой, ты,
Песенка,
Звени
Медью голосистой.

Ой, ты,
Где ты
Пропадала,
Алых зорь отрада?..
Я вчера его встречала
У заводских складов.

Я вчера,
Вчера роняла:
— Милый,
В синий вечер
Никогда не ляжет вяло
Грусти шаль на плечи.

И упорна
И смела я
В трудовом порыве;
Труд из сердца,
Верю,
Знаю,
Радости не вырвет.

Дым сверкающим разливом
И шумит, и валит,
Блики белками игриво
Прыгают по стали.

1921.

ЗЕЛЕНАЯ КУЗНИЦА.

В горне куст густой сирени,
В горне пенье птиц;
В переливном дымном сене
Радуги зарниц.

Под ногами мох усатый
Словно шкурка лисья;
Клещи змейкой полосатой
Ерзают по листьям.

Искры точно мотыльки
Жадно льнут к цветочкам;
Обросли травой станки,
Что лесные кочки.

Свищет, хлещет и гудит
Ветер в поддувалах.
Сила бурею в груди,
В сердце радость валом.

Наковальня — кряж дубовый,
Молот — дятел бойкий,
Слышу, бор звенит сосновый
Медной хвоей колкой.

Рубят ясены стальные
Штампы - дровосеки;
Полюбил в лугах весны я
Мастерских просеки.

В горне куст густой сирени,
В горне пенье птиц;
В переливном дымном сене
Зайчики зарниц.

1921.

У РЕЧКИ.

За сараями у речки
Ходят белые овечки.
Щиплют травушку овечки
За сараями у речки.

А трава-то,
А трава-то...
А в траве-то
Хоть ныряй.

Вечерами
Псы ребята,
Псы ребята,
Ой, ребята,
Все с девчатами дурят.

За сараями у речки
Есть глубокое бучило,
Меня тетя научила
Мыть холсты на быстротечке.

Уж я мыла,
Полоскала,
И белила,
И сушила,
И катала.

А водичка, —
Гуль, гуль, гуль,
Гурковала.
Гуль, гуль, гуль,
Гурковала.

За сараями у речки
Гуси белые гогочут.
Гуси белые гогочут
От утра до самой ночи.

Ночи,
Ночи, —
Темны ночи...
Не боюсь ночей я темных...
Нонче тятя меня хочет
Взять в ночное.

1922.

ВЕСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ.

Анне Шаталовой.

Ой, цвети,
Цвети, кудрявая рябина,
Наливайтесь, грозди,
Соком вешним.
Я на днях,
На днях у дальнего овина
Целовалась
С миленьким нездешним.

Все было хорошо,
Так хорошо,—
И блузы синий цвет,
И запах тополей.
Он из города
Ко мне пришел,
Я — с полей.

Он сказал:
Вернуся я к покосу,
Будем травы
На лугах косить,—
И все гладил,
Гладил мою косу,
На руках
По ржам меня носил.

Ой, вы, ржи,
Зеленые вы ржи,
Мне бы с вами жить,
Озелениться мне бы;
Я люблю смотреть,
Как ваша ширь дрожит
Под солнечною гладью
Неба.

Жаворонок,
Выше,
Громче,
Громче,
Выше надо мной,
Сердце просит,
Сердце хочет
Захлебнуться
Майскою волной.

Знаю,
Скоро
На широкой ниве
Будет серп мой
В золоте звенеть,
На деревне
Нет меня красивей,
На деревне
Нет меня дельней.

Ну, и пусть
Судачат
Бабы,
Дуры,
Будто норовлю
В коммуну я.
В огороде лебеду
Обходят куры,—
Сплетен лебеду
Давно мну я.

Ой, цвети,
Цвети, кудрявая рябина,
Наливайтесь, грозди,
Соком вешним.
Я намедни,
Я намедни у овина
Целовалась
С миленьким нездешним.

1922.

МИХАИЛ ГОЛОДНЫЙ.

◆ ◆ ◆

Я в мир пришел не посторонним,
Взращу я жизненную рожь,
Каскадом бронзовых симфоний
Пришел будить я молодежь.

И тайну космоса затронув,
Горю, горю я вместе с ней,
Упершись головой мильонной
В немую беспредельность дней...

Под красной палицей Востока
Скатилась мира голова:
В волнах расплавленного тока
Рождались новые слова.

Бурлящим валом налетела
На землю заревая Новь,
И прошлого повисло тело
На мачте солнечных миров.

Тревожно вскрикнула Россия:
Склонилось зарево над ней,
Взметнулись искры золотые
Из-под копыт горящих дней.

Стихийный рокот Уитмена,
Эмиль Верхарна медный гром
Я заглушу моей сиреной
И огнекрылым Октябрем.

Под посвист палицы Востока
Дремала сонная Нева.
В волнах расплавленного тока
Глотал я новые слова.

Венчальные снимали кольца
Борьбой развенчанные дни,
Я первой песней комсомольца
Венчал октябрьские огни.

1921.

◆ ◆ ◆

Ах, почему, когда, как камни,
Повиснут звезды в вышине —
Вселенная глядит в глаза мне
Глазами тусклыми планет?

И почему, когда несусь
За днем пылающим в погоню —
Она свою немую грусть
Звездой тяжелою уронит?..

Не оттого ли, что устала,
Затянутая в провода,
Не оттого ль, что нашей стала
Неотвратимо навсегда?

Не оттого ль она грустит,
Одевшись в траурное платье,
Что чувствует — ей не уйти
От ласк, от грубого об'ятья?..

И я среди морей и пашен,
Стянув стальные провода,
Кричу — вселенная, ты наша,
Ты стала нашей навсегда!

И вижу, вижу в вышине,
Как, распахнув свои об'ятья,
Вселенная снимает платье,
Чтобы одеть мою шинель.

В ИЮЛЕ.

Мощным плечам захотелось в июле
Тяжесть веков встряхнуть посильней;
Словно в угаре, заерзали пули,
Прячась в сердцах опьяненных людей.
В железных об'ятьях обезумевших улиц
Хрустнули кости испуганных дней...
Долго над городом плавали стоны —
Любимые ноты грозовых марсельез.
Фальшиво смеялись над солнцем погоны,
Блестя эполетом на пьяном плече.
Они победили. Дорогой окольной
В проулок свели побежденных бойцов.
Город, стихая, урчал недовольно
На подлецов...
Средь пленных, стараясь вместе держаться,
Два мальчугана стояли в тени:
Первому было на вид лет шестнадцать,
Вместе — не больше двадцати восьми.
Хмурился старший, до крови избитый,

В левом глазу его стыла печаль,
Правый давно под ударами вытек
И капал с рубахи на серый асфальт...
Стало бы легче, если б скорее
Огненной смертью рассыпался залп.
Младший без слов обхватил его шею,
Странным покоем блеснули глаза.
Вот подошли и грубо рванули,
Старшего брови сомкнулись угрюмей,
В левом глазу его искра блеснула.
О чем он подумал?
О чем он подумал?..
Вот вспыхнула искра железною волей.
Вскрикнул он звонко: „Эй, вы, господа!
Он — беспартийный, я — комсомолец!
Может быть, можно раньше меня?...“
Дерзко и зло ухмыльнулись погоны,
Блестя эполетом на пьяных плечах,
Жадно разбросился залп по колонне...
Долго в июле город урчал.

1921.

ТЫЛ.

Развернула ночь большое знамя,
Черное с гудящими краями.

Фонари глядели, точно совы;
Чудилось, — они взлететь готовы.

Здания, заборы, дали,
Наклонились, сжались, ждали.

Я сказал товарищу: нас двое
Только и осталось после боя.

Тяжело Москве — и нет подмоги,
Далека Москва — и нет дороги...

Ничего товарищ не ответил —
Между нами вырос третий.

Вырос третий, знали о котором
Сумерки да хмурые заборы.

Я подумал: он когда-то
Встретит пулей сердце брата.

Изрыгая радостное пламя,
Ожили каменья под ногами.

Чтобы город не пугать винтовкой
Подал мне товарищ мой веревку.

Вражье тело на себе почуя,
Покачнулось дерево, тоскуя.

Здания.
Заборы.
Дали.
Мы опять с товарищем шагали.

ВЕЧЕРОМ.

В синеющих просторах
День устало потонул.
Город томно отгуторил
Гулом улиц в вышину.

Вечер вдумчивый и маленький
Прислонился у стены;
Вышел я и на завалинке
Рядышком уселся с ним,

Мнилось, сердце все отдало бы,
Чтоб под вечер отдохнуть,—
Но принес мне город жалобу
На рабочую весну.

Дескать, слово мы нарушили,
Ветры нынче донесли:
— Семь домов еще разрушено,
Девять нужно остеклить.

Грусть пришла и, невидимая,
Стала жалить за грехи,—
Позабыл я вдруг любимую,
Тихий вечер и стихи.

Фонари давно потушены,
А в мозгу сверлит, сверлит:
— Семь домов еще разрушено,
Девять нужно остеклить.

1922.

ЛОШАДЬ.

Шла она, ступая не твердо,
Гнали ее продавать на базар.
Грустно повисла умная морда,
Горечью затянуло глаза.

Вспоминала она, сторонясь тротуаров,
Как в ночь глухую с родных полей
Увел ее, украл татарин
И зарезать хотел для гостей.

Как сквозь ночь и сквозь дождь бежала,
От смертельного страха дрожа,
А ночь, как клинок кинжала,
А дождь — острие ножа.

Как другой белобородый
Поймал ее и привел домой,
Как, впервые почуяв свободу,
Не хотелось опять под ярмо.

Шла она, свесив морду,
Вспоминала о днях других,
А вдруг навстречу два форда
И люди, кричащие в них.

Искры метнули четыре подковы,
Грохнулась старая о земь ничком.
Бедная! ей почудилась снова —
Одна из машин мясником.

◆ ◆ ◆

Я иду, иду тропинкою,
Песней звонкою звеню,
Солнце алою косынкою
Машет умершему дню.

Город тенями увесила
Наступающая ночь,
Хорошо мне, братцы, весело
Землю теплую толочь!

Умирает и безлюдится
Берег сонного Днепра,
Но я верю, завтра сбудется,
Что не сбылося вчера.

◆ ◆ ◆

Эх, станок, полюбил не на шутку я,
(Разве можно ее не любить?)
Называют ее проституткою,
Как же быть?
Как же быть?..
Очи ее темно-карие,
С ясной звездочкой вместо зрачка,
Заставляют меня, пролетария,
К ней привыкать.
Помню, бывало, смеясь наклонится,
Полоснет из очей...
Эх, станок, ты лучше любовницы,
Но она горячей!
Я люблю ее, шуструю, смелую,
Неуемных страстей комок.
Знаешь что?
Мы ее переделаем...
Ладно, станок?

◆ ◆ ◆

Выйди, милая, родная,
Подле клуба, на крылечко.
В жарком сердце солнцу мая
Припасло тебе местечко.

Видишь, в небе вечер поздний
Красных зорек радость пролил...
Хорошо под шопот звездный
Говорить о Комсомоле.

Над Юпитером, над Марсом
Звездные декреты;
Расскажу тебе о Марксе,
О баянах, о поэтах.

Знаю, многие другие
Целовали подле клуба,
Но за песни огневые
Ты корявого полюбишь.

Звонче будет песня щелкать,
Ой, зардятся щеки вспышкой!..
Выйди, где ты, комсомолка,
Ждет тебя штамповщик Мишка.

Выходи же. Вечер поздний
Красных зорек радость пролил...
Хорошо под шопот звездный
Говорить о Комсомоле...

СЕРГЕЙ МАЛАХОВ.

МЫ.

Рабочим.

Когда Москва в раскатах Октября,
Взмела знамен алеющие воды,—
В своих стихах молитвенный обряд
Мы заменили грохотом завода.

И женские цветущие глаза,
Что над станком томительно устали,
В своих стихах сумели пронизать
Расплавленными отблесками стали.

Своих подруг не ждем в чаду ночей,
В томящем шелесте брюссельских белых кружев,
Они мелькают в зареве печей,
Девические мускулы напружив.

У нас заря мешки тяжелой тьмы
Кладет на плечи также спозаранку,
А наше солнце, так же как и мы,
Ворочает тяжелую болванку.

Колесным стуком тараторит шаг:
Так много нас, но все мы вместе слиты,
И наши песни, так же как душа,
Один сияющий огромный слиток.

И наши строки — длинный мерный ряд,
Поющие, гуляющие проводы:
В своих стихах молитвенный обряд
Мы заменили грохотом завода.

УТРОМ.

Прикурнул и сладко похрапываю
В утренней непокойной тиши.
Только слышу спросонок: чья-то лапа
Ласково волосы ворошит.

Открываю ресницы дремотной позевкой:
Тянется... вспыхивает полоса,
Вижу: солнышко с нежной издевкой
Путается пальцами в волосах.

Вспомнил! Вспомнил: доклад о боге...
В десять часов у пекарей,
Спасибо! Спасибо! Товарищ строгий.
Оденусь и побегу скорей.

Кубарем, кубарем. А со стенки Ленин
Щурится и лукаво глядит.
А солнце уже в разнеженной лени
На моей постели сидит.

Ух! — прости. А с тобою жарко,
И некогда: надо бежать.
С солнцем по-дружески распрощавшись за руку,
Скатываюсь с четвертого этажа.

СЕРДЦЕ И СТАЛЬ.

И жара. И солнце сердится.
Шагаю, и в стуке колес
Впереди дребезжит немазанным сердцем
Подпрыгивающий мужицкий воз.

И тяжелым снопом на рогоже жесткой
Прикурнула кудлатая голова.
Только слышу: скрипнули ребрами доски,
Борода вверх. И... вдрызг синева.

И четыре крыла. И ахнуло небо.
И дрожь... и в судоргах облака... и пьян,
Прямо в повисшее солнцем небо
Шарахнулся зазвеневший биплан.

А мужик закряхтел и потянулся в истоме,
И улыбнулся во весь рот,
Верно, вспомнив десятку, оставленную в исполкоме
У плаката: „Звенигородский самолет“.

И услышал я: за перелеском, в ударах,
Закусывая цепь, в пыли,
Бьется трактор, — шефский подарок
На весенних именинах земли.

Нынче понял и ору в перепуге:
У России два сердца на один запор:
Мужицкое сердце в лошадиной подпруге
И рабочий дробный мотор.

Вздулся и, под российским возом,
Кровью потеет мужицкий ком.
Только знаю: встает, гремя совхозами,
По колено в пахоти исполком.

И со мной услышит каждый прохожий,
Как, потряхивая тракторами облака,
Зарастает стальной и бетонной кожей
Корявое сердце мужика.

ИНДУС.

Стоял у Кремля, опоясанного штыками,
Смуглый и бронзовый, в ветерке.
И его приветствовал рабочий каменный
Каменной фуражкой в руке.

А потом с толпою племен и наций
Интернационалом звенел и дышал,
Мимо каменного пьедестала бацал
Тяжелый шаг.

И когда уходил, почуял огонь
И пылающий за врачками блеск.
И огонь на сердце, как знамя, он
Увез на качающемся корабле.

. . . .

По истертым камням... за портом... в ограде
Ходил англичанин, купая глаза в волне,
И вдруг почувствовал: загорается сзади
Мундир на его спине.

Обернулся: огонь! ненависть! пики!
В суженном индусском врачке.
И, качнувшись в зверином рыке,
Грохнул по бронзовой щеке.

И, стремительно падая и смыкая очи,
Увидел индус: у кремлевских ворот
Над полками каменный подымает рабочий
Каменную руку вперед.

НА СПИЧЕЧНОЙ.

Матросам.

Прошел по красильной: Ну-ка!"
Ласково дернул ремень,
А он зашептал, зашушукал,
Поработаем, мол, не лень.

Шелестят валы от заботы,
Слюнявят коробкам бока,
И шуршат и шуршат:
„В субботу премия: два коробка".

Из депо по ремневым шпалам,
Серой окрашенные ползут.
Там вон за этим валом
И мой коробок везут.

Знаю, в субботу, как в мае,
Будет мекать заводский гудок.
Я шмыгну из конторы, сжимая
Спичечный коробок.

Молод я, и матросы молоды,
Нашим веснам и удержу нет,
Плыви мой кораблик желтый,
Пополоскаться в волне.

Вижу, как тихо причалишь
К низким бортам корабля.
Затеплишь голубыми лучами
Матросский взгляд.

К потухшим губам папиросы
Спичечным огоньком прильнешь,
И крякнут довольно матросы:
„Даешь!"

Ветер вздернет крыльями чайки
Бьющиеся ленты на голове,
„Улетим, улетим, давай-ка,
К далекой Москве".

И два слова, как радио вспышки,
Упадут за далекий мол:
— „Братишки"...
— „Комсомол!"

О ПАРТИИ И ЛЮБИМОЙ.

М. Боровой.

У моей любимой глаза оленя
И черная луком бровь.
А партия взглянет глазами Ленина,
И под откосом моя любовь!

У любимой глаза блеснут и станут:
Два солнца в полдневный зной.
А партия взглянет: и баррикады встанут
Сталью и заводской стеной.

Любимой слова на сердце ульем
Улеглись и зашелестели только вчера:
А с тою, с партией, подружили пулями
Баррикады в октябрьские вечера.

С той подружился, сказала: „Иди!"
И пошел на штыки на Врангеля с той.
А эта пришла и легла в груди
Сердцем... так... ни за что.

У нее на курчавых кольцах платок
Дразнится красным пятном,
У нее не юбок шуршащий шелк,
А Ульянова пятый том.

У нее в Свердловин третий год
Голова куется, звеня.
А вчера выпуск, и в этом вот
Все: конец для меня.

Пришла. Сказала: „Ночью еду:
Переброшена для работы в Абхаз".
Сегодня с нею и смуглой и бледной
Навсегда расстается глаз.

Сегодня мое живое сердце
Уезжает по командировке Цека.
Сегодня, быть может, дрогнув, не сдержится
На рукоятке нагана рука.

Видите! — Вон вагон трамвая.
Уехала... не встать с земли самому...
„Нужен мне!" — шепнула вторая,—
„Голову с рельс сними". — „Сниму!"

Стой и стой за пыльными возами,
Навивай снопами до полна:
А, небось, на море крейсерами
Не скрипит, а шелестит волна.

И когда на палубу, как на воз,
Хочешь солнце кинуть, словно сноп,
Ни столба, ни кочки, ни канавы
Не видать ни пед одной волной.

Только нынче, как косой блестящей,
Над душистым клевером взвивал,
Не травой... а пеной шелестящей
Под ногами подкатился вал.

И когда в грохочущей телеге
Прокатил вапуганным селом,
Показалось: за рулем, как в цеге,
Я покачиваюсь с кораблем.

А потом на поле, возле воза,
Увидав встающую волну,
Не веревку, брошенную в воздух,
Я канат просмоленный тянул.

И теперь, когда в лесу с арканом
На сосну влезаю закреплять,
Вижу с мачты: села канут, канут
В голубую плещущую гладь.

Ну и все ж за этими возами
Не найдешь простого валуна.
А небось на море крейсерами
Не скрипит, а шелестит волна.

1923

ДРОВА.

Сердился город, встал дугой,
Кричал трамваем в ставни,
И каменели под ногой
Кирпич, асфальт и камни.

И, продирая глаз со сна,
Сквозь камень, гул и гомон,
Просила жалости весна,
Придавленная домом.

А в дом вошел по ступеням
И каменным и жестким,
И никогда так не пенял,
Так не скучал по доскам!

А в кресло сел, — вдруг, постучав,
Раскрылись двери сами:
Вошел рабочий и с плеча
Загромыхал дровами.

Пахнул огонь, скользнул иглой,
И в комнате пустынной
Запахло теплою смолой,
Сосной и хворостиной...

И ручки кресла из земли
Приподнялись суками,
И ставни в листьях зацвели,
Зашелестели сами.

Качнулась дверь, и две сосны —
Над ней. И — как поверить? —
Зацвел комод; в ветвях лесных
И стол, и стул, и двери.

Какое счастье, что кровать
Купил я деревянной:
На ней — кусты! на ней — трава!
На ней — кустарник странный.

А как и стены из-за плеч
Качнулись, — встал я мхами,
И лишь костром пылала печь
С сосновыми дровами.

Я. ШВЕДОВ.

ЗА СТИХОМ.

За тропой осинки красные повойники,
За дорогой—сжатые поля.
Ох, люблю с веселою гармоникой
По лесистым тропочкам гулять.

Отойду подальше от избушек
(Пусть родная матушка ворчит),
Я пойду, где в сосны-вековушки
Брызжет гута дальняя лучи.

В темном небе—облако плакучее,
За оврагом кличут петухи.
Всю я радость и тоску певучую
Положу в цветистые мехи.

За рекою елочьи заборы,
За прясламн со стеклянки взгляд,
По полянкам в шапках мухоморы,
Как пеньки, на просеках стоят

А когда родные спать залягут,
Я один засяду за стихи;
И все песни вылью на бумагу,
Все, что спели вечером мехи.

◆ ◆ ◆

Утром солнце низко-низко,
По стеклу роса течет.
Кувырком с постели Лизка,
Лифчик с проймой—на плечо.

Вижу я спросонок: с куртки
Лизка рвет мои значки;
Я с работы сплю как чурка—
Не итти мне под гудки.

Встала Лизка на колени,
Отвернуть охота КИМ.
Приколола к грудке Ленина
Лизка—глазки - васильки.

А часы летят, как птицы,
За окном гуляет день;
Собралась Лизок учиться
В школу первую ступень.

Утром солнце низко - низко.
Хнычут звонкие гудки.
Вижу, утром часто Лизка
Примеряет красный КИМ.

РАБКОР.

В редакции визжали телефоны,
Курьеры относили пачками в набор,
А я пришел с далекого Гужона,
Похожий на других, рабкор.

Года легли тяжелым грузом,
Оставив черточки морщин.
Никто не знал, что в синей блузе
Я много жизни притащил.

Ну, и пускай, что руки позапачканы
(Не по-ученому варила голова),—
Зато принес я в толстой пачке
Рабочим нужные слова...

В редакции визжали телефоны,
И струйка дыма тонкая вилась,
А я пришел крепить с Гужона
Между станком с газетой связь.

ВЕСЕННЯЯ ТОКАРНАЯ.

Перезвон певучих шестерен,
Звонко, тонко бьются шестеренки.
Солнце желтое в окна прогон
Раскидало золотые шпонки.

Сталь звенит с прихрустом под резцом.
Позабыл совсем тоску я.
В кузне дымной, близ горнов у кузнецов
Ручники лукавые кукуют.

Бьется пар веселый в потолок,
Молотки тяжелые грохочут...
С вагонеткою за мной станок,
Со „страданьицем" идут рабочие.

Стружкой медною „страданьице" звенит,
Подметают метлы стружки в стадо...
Сердце бьется... эх, со мной стоит
Токариха молодая рядом.

На груди веселый красноглазый КИМ,
Возле шеи цвет от солнечного зайца.
Не хотелось быть сегодня мне таким,
Не хотелось мне сегодня улыбаться.

А теперь смеюсь... Нечаянно поймал
За ремнем улыбку токарихи.
Вьются стружки, в масле вьется вал.
Вьются стружки золотые лихо.

Шестерен певучий перезвон,
Солнца сноп висит у печки.
А за цехами разговором шестерен
С ручейками бант речка.

СТОРОЖКА.

(Из цикла „Осень").

Ветер бойкий желтые листочки
Гонит дворником в овраги за конец.
В оржаной соломенный платочек
Покрывает домик наш отец.

Не могу с отцом усталым спеться,
Не пойму, чего он там гудит,
Пареночка молодое сердце
Бьется птахой пойманной в груди.

Мне всего, всего семнадцать весен,
У отца на счете пятьдесят...
Дед из бора тащит пачку сосен
Двор сторожки докрывать.

Седина у деда белой пеной,
Точно с пруда, комом в бороде,
„Попадешь, внученок, ты в геену,
Повертишься, дьявол, на столбе.

Не видать и мне с тобою раю
За твои проклятые грехи".
На дворе над клетью распевают
Перепевы громко петухи.

А сентябрь веселый рыжевихрый
Свищет, воет с ветром молодцом,
Отодвинут у березок вихры
И целуют, чмокают ее в лицо.

Дятел-сторож где-то колотушкой
Только слышно ту да ток да ток;
И стоит сторожка на опушке,
Приодевшись в новенький платок.

А осень, осень высоко за тучами
Тащит ржавое с водой ведро
И туманным дождиком сыпучим
Осыпает на распутье дом.

А уснет отец, лукавясь, на полатях,
Как в лесу на зореньке медведь...
А осень—дворник в золотистых лаптях
От крыльца сметает медь.

ЗА РАБОТОЙ.

Песня кровельщика.

Бегут, бегут денечки,
Звенит мой черный лом,
Стучу я молоточком
В сарае за двором.

В углу с охрой жестянки,
Желтеется шафран...
Ударь, ударь, кианка,
Пристукни, мой киан.

Рядком ложатся строчки,
Пристукну молотком
И точки-гребешочки
Оправит грузный лом.

Стучу, стучу по краю
От раннего утра,
Толпятся у сарая
Детишки со двора.

Душистой липкой краской
Повыпачкают нос,
Баранки из замазки
Притащат на откос.

Пою, пою в сарае,
Не ведаю тоски,
Детишки подпевают
Забравшись на тиски.

Лишь месяц караваем
Чуть влезет за двором,
В моем цеху - сарае
Утихнет звонкий гром.

СИНИ.

Золотистые дальние сини
С ручейками журчащей воды,
Не меня ли там ноги носили,
Оставляя по стежкам следы.

За ручьями, на грядках, картошка,
Ветер нес в хаты запахи трав.
С пареначком бродил по дорожкам,
Желтой шерстью лоснясь, волкодав.

Рожь в полях отдавала приветы
Ранней зорькой, косматясь с полос.
А задира, веселый ветер,
Завивал прядки рыжих волос.

В палисадах корявки - рябины
И болтливых осин медяки...
Да зазвенела, запела турбина
За ветрянкой у дальней реки.

Ох, вы, синие, синие сини,
Снята пенкой крестьянская тишь.
Трактор черный, махая дымом,
Приподнял черноземный мякиш

В поле, в поле силушка Форда
Помогает пыхтеть мужикам.
Лишь с испуга Сивкина морда
Прицепилась к моим рукавам.

Провода, ворча, заносили
На поля электрический свет...
Ох, вы, дальние, дальние сини,
Где очкастый растет курослеп.

Ох, люблю бродить под ветра всхлипы
В самый дальний чернотрубный район.
Я люблю, как ветер липовым
Засыпает скверы чахлые листом.

Я люблю, люблю подслушивать
В палисадах визги тополей.
Я люблю, когда мне ветер грушевый
Тащит запах с весточкой с полей.

Запоет визгун, зашепчет в уши,
Станет тихо тихое шептать.
Знаешь, слушай, на опуше
Ждет себе гостинцев мать.

Где над омутом, жердинки - былки,
Где над омутом корягой кладь,
В лес к старухе - елочке - бобылке
Ходит ночью о тебе гадать.

ОСЕНЬ.

На лице моем синеет просинь,
Мои ль волосы желтей костриг.
Я родился, знаю, знаю, в осень
Возле леса, за стенами риг.

Пара ветров, братцев оголтелых,
Лихо брызгали в лицо дождем.
Осень милая комочек тела
Завернула, скутала листом.

Я родился... звездные монетки
Рассыпал на небе лунный кошелек;
И сказали бабы у загнеток,
Что в деревне новый крикунок.

Только помню: солнечные граблики
Да цветенье разное межи,
Да запомнил,— в осень я на фабрику
Прилетел на зорьке в этажи.

На московских чищенных дорожках,
Где лишь только камни да металл,
Я привкусы мятные горошка
В переулках темных растерял.

ПАРТИЗАНСКОЕ.

Как на тропке, на болоте, по дорожке,
Что ведет обходом на Рязань,
В рубашенке с красненьким горошком,
Молодой лежал убитый — партизан.

Кровь текла и красила рубашку,
Не закрылись черные глаза.
Ну зачем, веселенький Ивашка,
Ты пошел обходом на Рязань.

Обкидало солнце позолотою
Камыши, кувшинки, тростники.
Кто убил Ивашку на болоте,
Только знают кулики.

За рекою журавли тоскуют,
Над Ивашкой плачут кулики.
Не придет Иван к себе в Тверскую,
В домик старый у реки.

Не дождется вечером милашка,
Все повыплачет до ноченьки глаза...
Как по тропке вьются пташки,
Где лежит убитый партизан.

А. ЯСНЫЙ.

◆ ◆ ◆

Г. Санникову.

Проверенная что часы
И, как часы, заведенная в вечность,
Гудит от звезд до утренней росы,
Гудит земля тяжелым шагом человечьим.
И отданы: ночам звезда
И крылья дням, чтоб уплывали птицами.
А нам даны: жестокая страда
И радость, что ночами только снится.

И верные даны глаза,
Чтоб не глядеть глазам назад.
И черная цветет трава
На буйных крепких головах.
И руки наши — соль земли,
Травою рыжей поросли.
И ноги. Пара крепких ног:
Им позавидовал бы бог!
Даны еще крутые лбы,
Чтоб лбами стены прошибить.

Так, волосатые, как звери,
Дубы из сказочных лесов,
Идем мы (древнее поверье)
Добыть закованные двери.

Но стерегут их сторожа.
На много видит жадный взор их,
И кровь поет им о ножах
Задолго до недоброй ссоры.
И злые птицы стерегут,
И ветер там ночами носит:
Песок сухой на берегу,
Сухие человечьи кости.
И стерегут их злые льды
Неведомых материков нам,
Тяжелые, стальные бревна,
Холодный блеск звезды.

Да . . . .
Не дано еще нам знать,
Какие грозы ночевать
Войдут в тоскующее сердце!
. . . . Но будет:
Жар неугомонной крови
Взметет нас на седые льды,
Мы вспомним боль былых обид
И хлынет внукам в изголовье
Гора растопленной воды.

И будет праздник человечий
Костями нашими воспет
И нашим именем отмечен,

Мы любим кровь и пот наш любим,
И любо о земле нам петь
И нет милей нам, чем голубить
Мозоли нашей кожи грубой,
Как весть о радостной судьбе.

Но чуем: в днях, пропахших злобой,
И в днях, ползущих как трава,
Мы чуем горькие слова.
Они, как занесенный обух,
Висят над нами в головах.
И горше нет,
Нет злее снов.
И нет мучительней для человека,
На грани сказочного века
Узнать в обличьи громких слов
Лицо больного человека.

РОССИЯ.

I.

Цыц! Пропадай, старая!
Не мешай, старуха, достраивать!
Сгинь от греха - пролетария,
К Иверской себя успокаивай!

Не тебя ль величали матушкой,
Целовали, носили иконкою,
По Москве вечерком солдатушки
Проходили Кремлем сторонкою...

Горе и зло зашибали гармоникой,
Пели песни свои залихватские,
На резном с петушком подоконнике
Ветер сказки гуторил варнацкие.

Головами качали рабочие,
Да крестились окрест прокламацией...
Помнишь, Русь? Мы тебя сверхурочными
Отправили к чорту на Святцы?

Мы с тобой давно развенчаны,
Надоели до чортиков ладаны...
Разве можно большим и застенчивым
Любить тебя — старую, нескладную?

Не маши своим белым кокошником,
Не звони от Ивана Великого,
На заре мы тебя укокошили,
На заре своё горе размыкаем.

II.

Эх ты, Русь, стальная зазнобушка,
Советская краля моя...
Забубенные наши головушки,
Забубенные наши края.

Теремок позабыла свой милая,
Во Кремле алый дом—Исполком,
Видно скучно сидеть за сурмилами,
Что сменяла на серп с молотком.

Видно, хочется крале запевкою
Прозвенеть в алой песне веков...
Эй, Россия — озорная девка,
Принимай к нам гостей на поклон.

Закружи, зазвени хороводами,
Помаши узорчатым платком,
Видно так уж положено с роду нам —
Не забыть, не грустить ни о ком.

Поведи удалою головушкой,
Подыши на чужие края..
Эх ты, Русь, стальная зазнобушка,
Советская краля моя.

ЗАБАСТОВКА.

Ушли.
Угрюмо разошлись,
Кидая стук сердец шагами в переулки,
Буравя сталью глаз пустые закоулки.
И мерные звенящие шаги,
Как молотки,
Стучали улицей медлительно и гулко.
. . . .
А ночью,
Темно-синей ночью,
Когда по небу расползались светляки,
Рассыпно цокали о камни пятаки
С верхушки щедрой колокольни.
И все пьяней, все недовольней
Осиротело плакали гудки.

◆ ◆ ◆

И был. Мне надо было сталью
Звенеть. И был я как стальной,
Но есть усталость и у стали,
Отливающая синевой,
И у людей есть. Под глазами
Есть у людей стальная синева
У тех, что многое узнали
И не сказали все слова
Так хочется иной раз лечь,
Прилечь и отдохнуть хоть малость,
Хоть малость вышибить из плеч
В плечах застрявшую усталость.
И оросится волчьим потом,
Забыть и повернуть назад
Мои тяжелые глаза,
Мою чахоточную поступь.
Но строг тяжелый горизонт,
Он, как и мы, забыл про жалость
И будто бред. И словно сон
Моя вчерашняя усталость.
И снова злой и милый путь
Меня уводит по проселкам,
Туда, где, славя вещий труд,
Дымят рабочие поселки.
И если я грущу о ком
И думаю о чем не надо,
Все оттого, что боль тоской,
Тоской, что не взглянуть глазком,
На сделанную нами радость,
Что в ночь разбухнет голова,
Что в волчью ночь, под звездной кровлей,
Я захлебнусь соленой кровью,
Не досказав свои слова.

◆ ◆ ◆

Жужжат пасы маховика,
И молоточный гул так звонок,
А я сегодня у станка,
Как глупый, маленький ребенок,

Глаза любимые вчера
Без счету целовал украдкой.
Какие буйные вечера,
Как зов гудка мне мил и сладок!

Смотреть, как переменный ток
Стальною искоркой заблещет.
О, еслиб целовать я мог
Станка осталенные плечи!

А в окна камнем солнца мяч
Летит с машины на машину...
Какой сегодня я силач,
Я даже солнце с неба сдвину!

М. СВЕТЛОВ.

ТЕПЛУШКА.

Стоит только зрачки закрыть—
Образ деда всплывает древний,
Днем выходит он зверье душить,
По ночам — боится деревьев.

Стоит только зрачки расширить,
И в расширенных — образ внука,
Над огнем, над машинной ширью,
Он кнутом подымает руку.

Между внуком и между дедом,
Где-то между, не знаю где,
Я в разбитой теплушке еду,
Еду ночь.
        И еду день.

Потому я и редок смехом,
В том моя неизбывная мука,
Что от деда далеко от‘ехал
И навряд ли доеду до внука.

Но становится теплушка доброй,
Но в груди моей радость иная,
Если деда звериный образ,
Если внука железный образ
Мне буденовка заслоняет.

Но в захлебывающейся песне
Задыхающихся колес
Научился я в теплушке тесной
Чувствовать свой высокий рост.

Понимаю—в чем мое дело,
Узнаю—куда я еду:
Пролегло мое длинное тело
Перешейком меж внуком и дедом.
    1923.

ПЕСНЯ ОТЦА.

Снова осень за окнами плачет,
Солнце спрятало от воды огонь..
Я тащил свою жизнь, как кляча.
А хотел,— как хороший конь.

Ждал счастливого дня на свете,
Ждал так долго его — и вот:
Не смеюсь я, чтоб не заметили
Мой слюнявый беззубый рот.

Люди все хоть один день рады,
Хоть помаленьку... счастье всем.
Видно, радость забыла мой адрес,
А, может, не знала совсем.

Только сын у меня... Он—лучший,
Он задумчив, он пишет стихи,
Пусть напишет он, как я мучаюсь
За какие-то не свои грехи.

Сын не носит моего имени,
И другое у него лицо,
И того, кто бил меня и громил меня,
Он зовет своим близнецом.

Но я знаю: старые лица
Будет помнить он, мой сынок,
Если весело речка мчится,
Значит, где-то грустит исток.

Осень в ставни стучится глухо,
Горе вместе со мною поет,
Я к могиле иду се старухой,
И никто нас не подвезет.
    1924.

◆ ◆ ◆

Вон там, в скучающих полях,
Сошлась и не уйдет земля,
И небо в черный час над городами
Выбросило звездную рекламу,
И только изредка вдали
Завод огнями шевелит
Он должен хмурый и угрюмый,
Вести полей такую уйму,
И жалуется мне обычно,
Что тяжело,
        но что привычно;
А впереди полей — его обоза—
Дымит его труба,

словно труба паровоза.
И вспомнилось мне:
Бежит паровоз от погони,
И сорок вагонов гонит,
И пусть бы их было не сорок, а сто, и более ста,
Паровоз бы бежал,
Паровоз бы спешил,
Паровоз бы устал,
но бежал.
Так и ты завод!
Наяву и во сне
Гонишь в дождь и в снег.
Гонишь в ночь и в день
Беспрестанный
состав
деревень.

НОЧНАЯ РАБОТА.

Солнце на ночь отдано в починку,
Дню на отдых уходить пора...
У машин сегодня вечеринка,
Почитай, до самого утра.

Ночь впотьмах за крышею стеклянной
Остановит искры на бегу...
Знаю: домны весело и пьяно
Будут пить расплавленный чугун,

Будут звезды облачных видений
За трубой высокой ожидать...
Завтра рваный телеграф оденет
Отработанные за ночь провода.

И когда за колокольней дальней
Утомленный выглянет восток,
Про любовь шалунье-наковальне
Нашепнет проказник-молоток.

Небеса зальются медной речью,
Разбросав по лужицам огни,
На дворе, где май широкоплечий
Отливает солнечные дни.

1922.

С ИЗВОЗЧИКОМ.

Лошаденка трясет головой
И за улицей улицу мерит.
А вверху над шумливой Москвой
Разбежался трескучий аэро.

Хорошо ему там, свежо:
В небесах просторней и лучше...
Скоро, Ваня, скоро, дружок,
Ты засядешь воздушным кучером.

Будешь править рысцой на закат
Голубой, немощеной площади,
Понлетутся вперед облака
Вместо зада бегущей лошади.

Триста верст за один конец
Отмахнет стальная лошадка,
Ветерок — удалой сорванец —
Примостится тайком на запятках.

Выйдет конь пастись на лужок
Рядом с звездами, вместе с тучами...
Скоро, Ваня, скоро, дружок,
Ты засядешь воздушным кучером.

РЕЛЬСЫ.

III.

Кинув вожжи в скучающий вечер,
Бронированная лошадка мчится,
Взметнулись рельсам навстречу
Деревни большими птицами.
Поднял посиневшие руки
Вечер над селами взмытыми,
По рельсам чугунные стуки
Отбивают стальные копыта.
Бежит, и клокочет пламя
В стальном нахлобученном ранце,
Пока не заржет гудками
Прямо в ухо испуганной станции.
И снова, и снова помчится
Туда, где вспорхнув на рассвете,
Солнце огненной птицей
Бронированную лошадку встретит.

1921.

СТИХИ О РЕБЕ.

Осень в кучи листья собирает,
И кружит, кружит по одному...
Помню: о чистилище и рае
Говорил мне выцветший Талмуд.
Старый ребе говорил о мире,
Профиль старческий до боли был знаком...
А теперь мой ребе спекулирует
На базаре прелым табаком.
Старый ребе не уйдет из храма...
На тревожном боевом посту
Мне греметь тяжелыми стихами
Под конвоем озлобленных туч.
Тихо слушает седая синагога,
Как шагают по дорогам октябри,
Вздохами с умолкшим богом
Старая устала говорить.

Знаю я: отец усердно молится,
Замолив сыновние грехи,
Мне ж сверкающие крики комсомольца
Перелить в свинцовые стихи.

III.

Благословляя небеса и землю,
Синагога молча дремлет...
Я стою с прикладом рядом
Часовым порохового склада.
Над землей, над улицами тише
В смертных муках плавает молитва,
Синагога ничего не слышит:
Спит, как убитая.
Я стою. Товарищ мой напротив
(Синагога смотрит на луну),
А товарищ мой по роте
Голову на церковь повернул.
Церковь крест подняла для защиты,
Синагога рядышком прижалась,
И стоят они в одной молитве,
У небес вымаливая жалость.
Медным плачем истекает купол
В ночь большого, нового кануна.
Смотрим мы, и кажется: над трупом
Две вдовы оплакивают юность.
Смотрим мы, и нам не жалко,
И рука прилипла у затвора...
Ночь проходит черною гадалкой,
Сумрак жмется боязливым вором.
Тишина устала медью плакать,
И земля готовится к работе...
Вдалеке пролаяла собака...
Я стою. Товарищ мой напротив.
1923.

ПОД ВЕЧЕР.

Девушка моего наречья,
По-вечернему тиха и смугла,
Приходила ко мне под вечер
Быть любимой и не смогла.

И глаза ее темные, темные
Древней грустью, цвели, цвели...
Я ж люблю, чтобы лил в лицо мне
Светлых глаз голубой прилив.

Так всегда... После первой встречи,
По любимой затосковав,
К девушкам чужих наречий
Тянутся мои слова.

И лишь изредка, лишь случайно,
Только в окна заглянет мгла,
Выплывает старая тайна
Из глубин голубых глаз.

Мгла—не мгла, а седой пергамент
Разворачивается у век,
И я чувствую: под ногами
Уж не тот шевелится век.

И мне кажется земля моложе,
Сверху—небо, внизу—зима,
И на снежном бездорожьи
Одинокая корчма.

Дед мой мечется от стойки к пану,
И от пана к стойке назад.
Пан на влажное дно стакана
Уронил свирепеющий взгляд.

И я вижу в любимом взгляде
Женских глаз голубей степей,
Как встает их разбойный прадед
И веселой забавы ради
Рвет и щиплет дедовский пейс.

Я гляжу...
И не пляшет, не свищет злоба
В затуманенной голове...
Оттого ли, что, должно быть,
Кровь меняется каждый век.

Оттого ли, что жизнь моя отдана
Дням беспамятства и борьбы,
Мне, не имевшему родины,
Прошлое легче забыть.

И при первой случайной встрече
Так легко мне совсем забыть.
Так легко мне не полюбить
Девушку своего наречья.
1923.

РАБОТНИЦЕ.

I.

На руках твоих улегся труд,
И овал лица так тонок...
Ты похожа на мою сестру,
У которой есть ребенок.

Поздним часом сумерки пасут
Облаков задумчивое стадо...
В щели улиц радость понесу
И пойду с тобою рядом.

Месяц сядет в голубом зрачке,
Звезды синие вплетутся в косы...
Завтра на тяжелом молотке
Загремит, заплачет осень.

А пока под серое окно
Приходи синеть, сентябрьский вечер,
Ты похож на мой станок,
У которого согнулись плечи.

II.

Когда смелее и уверенней
Разнесся площадями гул,
Твой облик, тихий и вечернний,
Заночевал в моем мозгу.

И в час, когда стальные звоны
Перекликались на борьбу,
Я видел красные знамена
И пару ямочек на лбу.

Твоя коса, как сноп гречихи,
И спелые изгибы плеч,
И вечер пал большой и тихий,
Как в праздник доменная печь.

Я помню: колыхнулись песни,
И строчки поплыли, звеня,
И месяц глянул в поднебесьи
На труп скучающего дня.

1921.

ДНИ И НОЧИ.

Песня.

Век наш короток, да долги ночи,
Хлопотливы и быстры дни,
Наработаешься — ночью хочется
Ласку теплую и грудь рабочую
Ночью хочется соединить.
Поработаешь, и делать нечего,
Молодую не сдержишь прыть...
Оттого-то люблю я вечером,
Напирая на эти плечи вот,
Люблю я вечером поговорить.
Разговоры считать подите-ка,
Сосчитайте-ка говорунов...
Тут и девушки и политика,
В разговоре веселом вытекут
И политика и любовь...
Сердце мячиком тревожно прыгает
До двенадцати. А потом
Баловство я из мыслей выгоню
И засяду за теплой книгою —
„Капитала“ последний том.
Небо глянет зажженным месяцем —
Бабьим цветом пестрит бульвар...
Я — подальше. Я до лестницы,
Где у клуба гуртом разместится
Комсомольская братва.

БИОБИБЛИОГРАФИЯ.
УКАЗАТЕЛИ.

БИОБИБЛИОГРАФИЯ.

В предлагаемом справочнике даются краткие биобиблиографические сведения о поэтах, произведения которых включены в антологию. В основу большинства биографических справок положены материалы, почерпнутые из сообщений самих авторов. К сожалению, от некоторых современных поэтов не удалось получить необходимых сведений: одни находятся за границей, другие не прислали никаких ответов, несмотря на неоднократные запросы. Поэтому часть биографических справок составлена по литературным источникам; у некоторых поэтов биографические сведения отсутствуют совсем. Что касается библиографии, то она содержит перечень лишь отдельных изданий стихотворных произведений поэтов. Издания беллетристических произведений и статей в него не вошли. Библиографические справки составлены как по сообщениям самих поэтов, так и по библиографическим печатным материалам. Сведения об изданиях, которые удалось достать, проверены de visu. Сделать такую проверку всех сообщаемых библиографических указаний не представлялось возможности. Существующие же библиографические справочники не отличаются достаточной достоверностью. Поэтому в некоторых из приводимых ниже данных возможны частичные неточности. Впрочем, при составлении справок имелось в виду дать читателям, которые пожелают ближе ознакомиться с творчеством того или другого поэта, лишь предварительный материал для первоначальной ориентировки. Составители не претендуют на исчерпывающую полноту сведений, сообщаемых ниже.

◆ ◆ ◆

Адамович Георгий. — Отдельные издания: 1) Облака, Изд. „Гиперборей". Пг. 1916. 2) Чистилище. Изд. „Петрополис". Пб. 1922.

Александровский В. — Василий Дмитриевич Александровский—род. в селе Баскакове Смоленской губ. 3 января (ст. ст.) 1897 г. Начал писать с 1913 г. В этом году в московском журнале „Живое Слово" впервые было напечатано его стихотворение „В дороге". Отдельные издания: 1) Восстание. Изд. Моск. Пролеткульта. М. 1919. 2) Рабочий поселок. Издательство и год те же. 3) Север. Изд. и год те же. 4) Утро. Изд. Всерос. Ассоциации Пролет. Писателей. М. 1921. 5) Россыпь огней. Изд. „Кузница". М. 1922. 6) Солнечный путь. Изд. Пролеткульта. П. 1922. 7) Звон солнца. Стихи и поэмы. Кн. 1-я. Изд. „Кузница". М. 1923. 8) Шаги. Изд. „Московский Рабочий". М. 1924. 9) Ветер. Гос. Изд-во. М. 1925. 10) Поэма о Пахоме. Изд. „Красн. Новь". М. 1923.

Анненский Иннокентий.—Иннокентий Федорович Анненский—род. 20 августа (ст. ст.) 1855 г. в Зап. Сибири в семье крупного чиновника. 6 лет переехал в Петербург. Образование получил сначала домашнее, впоследствии поступил на филологический факультет Петербургского ун-та, который и окончил в 1879 г. Служил преподавателем русского языка в гимназии Бычкова, читал лекции на Бестужевских курсах. 1891—93 г.г. был директо-

ром Коллегии Галагана в Киеве, в 1893—96 г.— директором 8-й петербургской, а с 1896 до 1906 г. — Царскосельской гимназии. В 1906 г. был назначен инспектором Спб. учебного округа. Состоял членом Ученого Комитета Минист. Нар. Просвещ. и лектором высших женских курсов Раева по истории античной словесности. Умер от паралича сердца 30 ноября 1909 г. на Царскосельском вокзале в Петербурге. Был выдающимся педагогом и ответственным рецензентом учебных книг по русскому языку Ученого Комитета. Отдельные издания: 1) Вакханки. Стихотворный перевод трагедии Еврипида. — СПБ. 1894. 2) Театр Еврипида. (Полный стихотворный перевод). — Том I. Спб. 1907. 3) Тихие песни. (Стихи—под псевд. „Ник. Т — о“). Пб. 1903. 4) То же — 2-е изд. „Academia“. Пб. 1923. 5) Кипарисовый ларец. (Вторая книга стихов.). Пб. 1910. 6) То же — 2-е изд. „Картонный Домик“. Пб. 1923. 7) Фамира-Кифаред. Вакхическая драма (в стихах). Спб. 1913. 8) То же — 2-е изд. З. И. Гржебина. Пб. 1919. 9) Посмертные стихи. Изд. „Картонный Домик“. Пб. 1923.

Антокольский П.—Павел Григорьевич Антокольский — род. 19 июня (ст. ст.) 1896 г. в Петербурге. Самым важным в своей жизни считает театр, в котором „работал в качестве актера, режиссера, драматурга, поэта, завлита, сценариуса, суфлера, рабочего, с которым странствовал по России и Западу и для которого живу по сей день“. Писать стихи начал с 1917 года. Первое литературное выступление — стихотворения „Медный Всадник“ и „На рождение младенца“, напечатанные в „Художественном Слове“, временнике Лито Наркомпроса № 2, 1921 г. Отдельные изданя: Стихотворения. Гос. Изд—во. М. 1922.

Артамонов Мих.—Михаил Дмитриевич Артамонов — род. 12 февраля (ст. ст.) 1888 г. в лесной сторожке близ с. Кривцова Кинешемского у. Костромской губ. Отец, безземельный крестьянин деревнн Пески Нерехтского у. Костромск. губ., земли не обрабатывал, а был лесным сторожем купеческого леса. Детство поэт провел в лесу, в сторожке. Школ кругом не было на 20 верст, учился у дьячка в соседнем селе. С 9 лет — в людях: был конторским мальчиком, работал в саду, был при кухне, учеником на ткацкой фабрике. 15 лет поступил в Уткинскую сельско-хоз. школу на стипендию, 17-ти лет ее кончил, был садовником и управляющим усадьбы. После военной службы (в качестве ротного фельдшера) с 30 р. в кармане в 1913 г. начал издавать и редактировать в Иваново - Вознесенске еженедельный журнал „Дым“ (вышло 14 номеров и 2 приложения). С конца 1913 г. перебрался в Петербург, работал в газ. „Правда“, в журналах „Металлист“, „Работница“, „Вопросы Страхования“ и др. После революции работал в Иваново-Вознесенске в газете „Рабочий Край“. Последние три года—в Москве, в разных издаииях. Писать начал с 1908 г., а печататься — с 1913 г. в газете „Правда“ и в журнале „Живое Слово“. Отдельные издания: 1) Когда звонят колокола. Стихи. Ив.-Вознесенск. 1913. 2) Улица фабрнчная. Стихи. Изд. автора. Ив.-Вознесенск. 1913. 3) Земля родная. Стихотворения. Изд. П. Сов. Р. и К. Д. П. 1919. 4) Деревенская улица. Песни. Гос. Изд-во. М. 1924.

Асеев Николай. — Николай Николаевич Асеев.—род. в 1889 г. Отд. издания: 1) Ночная флейта. Изд. „Лирика“. М. 1914. 2) Зор. Изд. „Лирика“. М. 1914. 3) Ой конин дан окейн. Изд. „Лирика“. М. 1916. 4) Оксана. Изд. „Центрифуга“. М. 1916. 5) Бомба. Изд. „Дальневосточная Трибуна“. 1921. 6) Стальной соловей. Изд. „Вхутемас“. М. 1922. 7) Избрань. Стихи 13 — 22 г.г. Изд. „Круг“. М. 1923. 8) Софрон на фронте. Поэма. Изд. Высш. Воен. Ред. Сов. 1922. 9) Совет ветров. Гос. Изд-во. М. 1923. 10) Буденный. Поэма. Изд. „Круг“. М. 1922. 11) То же. 2-е изд. М. 1923.

Ахматова Анна. — Анна Андреевна Горенко, по первому мужу Гумилева. Отдельные издания: 1) Вечер. Стихи. Изд. „Цех Поэтов“. Спб. 1912. 2) Четки. Стихи. Изд. „Гиперборей“. Спб. 1913. Переиздавалось несколько раз. Последнее 8-е изданне в СССР — „Алконост“. Пб. 1922. 3) Белая стая. Стихи. Изд. „Гиперборей“. Пг. 1917. Вышло несколько изданий. Последнее издание в СССР — „Алконост“. Пб. 1922. 4) Подорожник. Стихи. Изд. „Петрополис“. Пб. 1921. 5) У самого моря. Поэма. Изд. „Алконост“. Пб. 1921. 6) Anno Domini MCMXXI. Изд. „Петрополис“. Пб. 1922.

Ашукин Николай.— Николай Сергеевич Ашукин — род. в Москве 23 августа (ст. ст.) 1890 г. „Отец мой, — сообщает автор,—из старой купеческой семьи, когда-то богатой, к рождению моему совершенно разорившейся. В детстве—дешевые квартиры, меблированные комнаты, нужда и воспоминания родных о „былой жизни“. Учился в Москве, в Ме-

щанском училище Моск. Купеч. О-ва на стипендии деда; по окончании курса в 1905 г. поступил на службу конторщиком на винный завод Шустова. Очень хотел учиться дальше, но возможности к этому не было; только читал много, жадно и бестолково. В 1910 г. поступил вольнослушателем в Московск. Археологический Институт,—увлекался этнографией; собирая материалы, ходил пешком на Светлояр (Нижегор. губ.), где по легенде,—„град Китеж". В 1913 г. бросил институт и службу; началась служба в редакциях, издательствах и пр., сотрудничество в ряде изданий". Писать начал с 10 лет, серьезно—лет с 16-ти. Первый рассказ „Егорка" был напечатан в газете „Правда Божия" Г. Петрова в январе 1906 г. под псевдонимом Николай Никин, под которым автор больше никогда не подписывался. Но годом своего первого настоящего выступления в печати автор считает 1909 г. когда в № 1 журнала „Тропинка" (детский, под ред. Соловьевой-Allegro) было напечатано его стихотворение „Зимой". Отдельные издания стихов: 1) Осенний цветник. Изд. „Куранты". М. 1914. 2) Скитания. Изд. Некрасова. М. 1916. 3) Золотые былинки. Стихи для детей. Изд. Сытина. М. 1919. 4) Песенки. Стихи для детей. Гос. Изд-во. М. 1923.

Балтрушайтис Ю.—Юргис Казимирович Балтрушайтис—род. 20 апреля (ст. ст.) 1873 г. в м. Поантвардзе, близ г. Юрбурга. Ковенской губ., в литовской католической крестьянской семье. Искусство чтения и письма постиг самоучкой очень рано. Провел детство на берегах Немана. Около 9 лет начал учиться у ксендза местного прихода К. Женевича. Учился в народном училище, а с 1885 г.—в Ковенской гимназии. С V класса должен был зарабатывать сам уроками. Летами возвращался к прежнему занятию—пастушеству. Жил в качестве репетитора в темном чулане у какого-то купца. В 1893 г. поступил на естественное отделение физико-математич. факультета Московского Ун—та, где и кончил курс. Здесь же увлекся литературой. Впоследствии часто ездил за границу. Писать начал в гимназии. Первое литературное выступление—осенью 1899 г. в „Журнале Для Всех". Был деятельным сотрудником издательства „Скорпион" и журнала „Весы". Последние годы состоял дипломатическим представителем Литовской республики в РСФСР. Отдельные издания: 1) Земные ступени. (Стихи). Изд. „Скорпион". М. 1911. 2) Горная тропа. (Вторая книга стихов). Изд. то же. М. 1912.

Бальмонт К.—Константин Дмитриевич Бальмонт—род. 3 июня (ст. ст.) 1867 года в дер. Гумнищи Шуйского уезда. Происходит из дворян Шуйского у. Владимирской губ. Фамилия Бальмонт — древне-дворянский род из Шотландии. Отец был председателем земской управы, помещик. Предки матери — татары: князь Белый Лебедь—из Золотой Орды. Дед (по матери) и тетки писали стихи. Учился в Шуйской гимназии. Из 7 класса был исключен за принадлежность к революционному кружку. Кончил во Владимирской гимназии. В 1886 г. поступил на юридический факультет Московского Ун—та. В 1887 г. за студенческие беспорядки был арестован, исключен и выслан в Шую. Далее учился в Ярославском лицее, но его тоже не кончил. 22 лет покушался на самоубийство, бросившись через окно на камни с третьего этажа. Очень много путешествовал по всему миру. После революции 1905 г. уехал в Париж и издал там революционный сборник стихов, сделавший невозможным возвращение в Россию до амнистии 1913 года. Стихи начал писать с 9 лет. Первое литературное выступление—сборник стихов, изданный в Ярославле в 1890 году. Один из родоначальников русского „символизма". Отдельные издания: 1) Полное собр. стихов 10 т.т. [Вышло не все]. Изд. „Скорпион". М. 1908—1913. 2) Собрание лирики. Изд. Пашуканиса. М. 1917. [Вышло не все]. 3) Сборник стихотворений. Ярославль. 1890. 4) Под северным небом. Элегии, стансы, сонеты. Спб. 1894. 5) В безбрежности. М. 1895. 6) Тишина. (Лирич. поэмы). СПБ. 1898. 7) Горящие здания. Лирика современной души. М. 1900. 8) Будем как солнце. Книга символов. Изд. „Скорпион". М. 1903. 9) Литургия красоты. Стихийные гимны. Изд. „Гриф". М 1905. 10) Только любовь. Семицветник. Изд. „Гриф". М. 1903. 11) Фейные сказки. Детские песенки. М. 1905. 12) Злые чары. Книга заклятий. Изд. „Золотое Руно". М. 1906. 13) Стихотворения. Изд. „Знание". СПБ. 1906. 14) Песни мстителя. Paris. 1907. 15) Птицы в воздухе. Строки напевные. Изд. „Шиповник". СПБ. 1908. 16) Жар-птица. М. 1907. 17) Зеленый вертоград. Слова поцелуйные. Изд. „Шиповник". СПБ. 1909. 18) Из чужеземных поэтов. Изд. „Просвещение". Пб. 1909. 19) Испанские народные песни. Любовь и ненависть. Изд. Сытина. М. 1912. 20) Хоровод времен. Изд. „Скорпион". М. 1909. 21) Зарево зорь. Изд. „Гриф". М. 1912. 22) То же. 2-е изд. М. 1914. 23) Звенья. (Избранные стихи). Изд. „Скорпион". 1913. 24) Белый Зодчий. Таинство 4-х светильников. (Стихи). Изд. „Сирин". СПБ. 1914. 25) Ясень. Видение дерева. Изд. К. Некра-

сова. М. 1916. 26) Революционер я или нет. Стихи и проза. Изд. „Верфь". М. 1918. 27) Перстень. Изд. „Творчество". М. 1920. 28) Семь поэм. М. 1920. 29) Солнечная пряжа. (Иборник стихов). Изд. Сабашниковых. М. 1921. 29) Пе́сня рабочего молота. Гос. Изд—во. М. 1922.

Баркова Анна. — Анна Александровна Баркова—род. 16 июля (ст. ст.) 1901 г. в семье рабочего. Образование среднее. Писать начала с 12 лет, а печататься с 16-ти в Иваново-Вознесенской газете „Рабочий Край". Отдельные издания: 1) Женщина. Стихотворения. Гос. Изд-во П. 1922 2) Настасья Костер. Драм. сцены. Гос. Изд-во. М. 1923.

Бедный Демьян. — Ефим Алексеевич Придворов — род. 1 апреля (ст. ст.) 1883 г. в дер. Губовке Херсонской губ. Александрийского у. Отец—из военно-поселенцев, крестьян-великороссов. Мать — казачка из дер. Каменки. До 7 лет жил больше в городе Елисаветграде с отцом, который служил там сторожем при церкви духовного училища; потом до 13 лет жил в деревне с матерью и учился в сельской школе. На 14 году отец определил его на казенный счет в военно-фельдшерскую школу. По окончании ее он отбывал военную службу. Подготовившись на аттестат зрелости, в 1904 г. поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. В январской книжке „Русского Богатства" за 1909 появляется первое его стихотворение под фамилией Е. Придворов: „С тревогой жуткою привык встречать я день". В 1910 г. начинает печатать стихи в „Звезде". Псевдонимом „Демьян Бедный" начал подписывать свои произведения с 1911 г. Начиная с 1910 г. неразрывно связан с печатью большевиков. Во время войны был призван в качестве военного фельдшера. За все время гражданской войны был в Красной армии. Президиумом ВЦИК награжден орденом Красного Знамени как поэт и боец революции. Отдельные издания: 1) Басни. П. 1913. 2) Всякому свое. Басни. Изд. „Жизнь и Знание". П. 1917. 3) То же. Изд. Союза Коммун Сев. Обл. П. 1919. 4) Про землю, про волю, про рабочую долю. Изд. „Прибой". П. 1917—18. 5) Отцы духовные, их помыслы греховные, сиречь про поповские „чудеса" правдивые словеса. Изд. ВЦИК. М. 1918. 6) Куй железо, пока горячо. Пролетарские басни. М. 1918. 7) То же. Гос. Изд-во. М. 1920. 8) В огненном кольце. Изд. „Прибой". М. 1918. 9) То же. Изд. Петрогр. Сов. П. 1918. 10) О попе Панкрате, о тетке Домне и явленной иконе в Коломне. Изд. ВЦИК. М. 1918. 11) Диво дивное. Изд. 2-е. „Коммунист". М. 1918. 12) Сказки-складки про старые порядки. Изд. ВЦИК. М. 1918. 13) Правда и Кривда. Басни. Изд. „Жизнь и Знание". П. 1918. 14) То же. Изд. Союза Коммун Сев. Обл. П. 1919. 15) Земля Обетованная. Изд. „Прибой". М. 1918. 16) То же. Изд. „Жизнь и Знание". М. 1922. 17) Мошна туга, всяк ей слуга. Изд. „Жизнь и Знание". П. 1918. 18) То же. Изд. Союза Коммун Сев. Обл. П. 1919. 19) Обманутым братьям в белогвардейские окопы. Послание 1-е. Изд. ВЦИК. М. 1918. 20) То же. М. 1919. 21) Сытый голодного не разумеет. Басни. Изд. Союза Коммун Сев. Обл. П. 1919. 22) Дурман. Изд. Губпечати. Казань. 1919. 23) Правда. С товарищами-красноармейцами беседа по душам. Изд. ВЦИК. М. 1919. 24) Красноармейцы. М. 1919. 25) Красный казак. Изд. ВЦИК. М. 1919. 26) То же. Гос. Изд-во. М. 1921. 27) На фронте. Изд. Политуправления Реввоенсов. Республ. М. 1920. 28) Пан. Для обманутых польских солдат — правдивая повесть. Изд. Политотдела Реввоенсов. Зап. фронта. 1920. 29) Песни прошлого. Гос. Изд-во. М. 1919. 30) Старое и новое. Изд. Центр. Управл. Всевобуча. М. 1919. 31) Приговор. М. 1919. 32) Пора! М. 1919. 33) То же. Изд. Политотд. Южн. группы Востфронта. 1919. 34) Вопль отчаявшихся буржуев. Изд. Реввоенсов. М. 1920. 35) Красноармейский писарь. Деникинским добровольцам. М. 1920. 36) Как поп послал польского мужика Яна убивать русского мужика Ивана и как Ян сообща с Иваном порешили расправиться с польским паном. 1920. 37) Кузьма Хлопушкин. 1920. 38) Коммунистическая марсельеза. Гос. Изд-во М. 1920. 39) Земля. Гос. Изд-во. М. 1920. 40) Старым людям на послушание, молодым на поучение. 1920. 41) То же. Изд. „Жизнь и Знание". М. 1922. 42) Богатырский бой. Гос. Изд-во. М. 1921. 43) Всяк Еремей про себя разумей. Пролет. басни. Гос. Изд-во. М. 1921. 44) То же. 1918. 45) Царь Андрон. Гос. Изд-во. М. 1921. 46) Каиново наследство. Стихи. Гос. Изд-во. М. 1919. 47) То же. Гос. Изд-во. М. 1921. 48) То же. Изд. Казан. отд. печати. Казань. 1919. 49) Мужики. Повесть. Гос. Изд-во. М. 1921. 50) По коню и по оглобле. 1921. 51) О Митьке-бегунце и о его конце. Повесть. Гос. Изд-во. М 1922. 52) То же. Изд. Политотд. Реввоенсов Зап. фронта. 1919. 53) Отцы духовные, их

помыслы греховные, сиречь -- про поповские чудеса правдивые словеса. Гос. Изд-во. М. 54) Читай, Фома, набирайся ума. Для юных грамотеев. Гос. Изд-во. М. 1922. 55) Как крокодил в церковь ходил. Изд. „Крокодил". М. 1923. 56) Как 14-я дивизия в рай шла. Изд. то же. М. 1923. 57) Собрание сочинений в одном томе. 1909—1922. Изд. „Крокодил". М.—Пб. 1923. 58) А все-таки. Стихи. Изд. „Жизнь и Зн.". М. 1923. 59) Кострома. Поэма. Изд. газ. „Красный Мир". Кострома. 1924. 60) Собрание сочинений в одиом томе. 1909—1923. 2-е изд. „Раб. Газеты". М. 1924. 61) К комсомольскому рождеству. Басии и стихи. М. 1923. 62) О красном петухе и о мужицком грехе. (Сказка). Изд-во Уралкнига. Екатеринбург. 1923. 63) Главная улица. Поэма. Изд. „Моск. Рабочий". М. 1923. 64) Иже херувимы. (Стихи). Изд. „Крокодил". М. 1923. 65) О Василии Великом, литургисающем. (Стихи). Изд. то же. М. 1923. 66) О попе Панкрате и тетке Домне и явленной иконе в Коломие. Изд. „Красная Новь". М. 1923. 67) Собачья доля. (Стихи). Изд. „Крокодил". М. 1923. 68) Что нам, то гоже, а с нас за что же. (Стихи). Изд. То же. М. 1923. 69) Паки и паки про поповские враки, про монастырские хоромы и еврейские погромы. Изд. „Красная Новь". М. 1923. 70) Про многотрудное житье отца Ипата. Изд. то же. М. 1923. 71) Сказка о красном петухе и о мужицком грехе. Изд. „Моск. Рабочий". М. 1923. 72) Бесы игривые — сиречь антихристы долгогривые. Изд. „Красная Новь". М. 1923.

Безыменский А. — Александр Ильич Безыменский — род. в г. Житомире 6 января (ст. ст.) 1898 г. Начал писать с 1918 г. Первое выступление в печати было в том же году в газете Владимирского губкома РКП.; заглавия первого печатного своего произведения автор не помнит. Поэт — коммунист. Отдельно изданы: 1) Октябрьские зори. Изд. Губкоммола. Казань. 1920. 2) К солнцу. Кн. стихов 2-я. Гос. Изд-во Пб. 1921. 3) Как пахнет жизнь. Изд. „Красная Новь". М. 1924. 4) Комсомолия. Поэма. Изд. „Красная Новь". М. 1924. 5) Иное солнце. Стихи и поэмы. Изд. „Новая Москва". М. 1924. 6) Стихи о сыне. Изд. „Мол. Гвардия". М. 1923.

Белый Андрей. — Борис Николаевич Бугаев — род. 14 октября (ст. ст.) 1880 г. в Москве. Сын профессора-математика Н. В. Бугаева. Детство, отрочество и юность протекли „в атмосфере профессорской семьи", тем более оказавшей влияние на Б., что у него не было ни сестер, ни братьев. С детства полюбил музыку и поэзию, слушая игру матери на рояле (сонаты Бетховена) и чтение гувернанткой-немкой стихов Уланда и Гете и сказок Андерсена. Эти впечатления навсегда определили любовь Б. к германской культуре. В 1891 г. поступил в гимназию Поливанова, кончил ее в 1899 г. В гимназии заинтересовался философией и увлекся буддизмом и браманизмом. В 1903 г. окончил естественный факультет Московского ун-та. В эти годы, на ряду с усиленной работой в области естественных наук, усиленно работал над религиозно-философскими проблемами, сделался ярым последователем Вл. Соловьева и символистом. В 1902—1904 г.г. сблизился с кружком „Скорпиона". В 1905 г. вновь поступил в университет на филологический факультет, но его не кончил. С тех пор работает исключительно в области поэзии, прозы, литературной критики и поэтики. Последние годы увлекся теософией, в частности антропософическим учением д-ра Рудольфа Штейнера. Один из крупнейших вождей школы „символистов". Писать начал в юношеские годы. Первое литературное выступление — 2-ая „Драматическая" симфония, изданная дружески относящимся к Б. историком С. М. Соловьевым под маркой „Скорпиона" в 1902 г. Отдельные издания: 1) Золото в лазури. 1-й сборник стихов. Изд. „Скорпион". М. 1904. 2) Пепел. (Стихи). Изд. „Шиповник". СПБ. 1909. 3) Урна. (Стихи). Изд. „Гриф". М. 1909. 4) Христос воскрес. (Поэма). Изд. „Алконост". П. 1918. 5) Королевна и рыцари. Изд. „Алконост". Пг. 1919. 6) Первое свидание. (Поэма). Изд. „Алконост". Пб. 1921. 7) Звезда. (Стихи). Гос. Изд-во. П. 1922. 8) Стихи о России. Изд. „Эпоха". Берлин. 1922. 9) После разлуки. Берлинский песенник. Изд. „Эпоха". Берлин. 1922.

Бердников Я. — Отдельные издания: 1) Сонет рабочего. Кн. 1-я. Изд. Всерайон. Сов. Петр. Пролет. Юнош. П. 1917. 2) Цветы сердца. Изд. Петр. Пролеткульта. Вышло 6 изд. Изд. 6-е Пб. 1919. 3) Пришествие. (Стихи). Изд. „Космист. Пг. 1921 4) В неволе. Поэма. Изд. „Космист". Пг. 1922.

Блок Александр. — Александр Александрович Блок — род. в 1880 году в Петербурге. Сын профессора государственного права Варшавского ун-та. По происхождению дворянин. Предок по отцовской линии был вра-

чом царя Алексея Михайловича, мекленбуржец. Мать Б. — дочь известного ботаника А. Н. Бекетова. Склонность к литературе и искусству Б. унаследовал как от отца, так и от матери (мать и бабушка Б. были выдающимися переводчицами — в прозе и стихах). Учился в Петербургск. Введенской гимназии и в Петербургском ун-те, сначала на юридическом (2 года), а затем на филологическом факультетах. Кончил ун-т в 1906 году. В 1903 году женился на дочери Д. И. Менделеева. Умер 7 августа 1921 года. Писать начал с пяти лет. Первым увлечением в области поэзии был Жуковский. Серьезно писал с 18 лет. Первое литературное выступление—стихи, напечатанные в 1902 году в студенческом сборнике, редактировавшемся Б. Никольским и Репиным (Спб.). Один из виднейших представителей русского „символизма". Отдельные издания: 1) Стихи о Прекрасной Даме. Изд. „Гриф". М. 1905. 2) Нечаянная радость. (Стихи). Изд. „Скорпион". М. 1907. 3) Снежная маска. (Стихи). Изд. „Оры" Спб. 1907. 4) Собрание стихотворений. (В 3-х т. т.). Изд. „Мусагет." М. 1911—912. 5) Стихотворения. (В трех книгах). Изд. „Мусагет". М. 1916. 6) Земля в снегу. (Стихи). Изд. „Золотое Руно". М. 1908. 7) Лирические драмы. Изд. „Шиповник". Спб. 1908. 8) Ночные часы. (Стихи). Изд. „Мусагет". М. 1911. 9) Стихи о России. Изд. „Отечество". Пг. 1915. 10) Театр. Изд. „Мусагет". М. 1916. 11) Сказки. (Для детей). Изд. Сытина. М. 1913. 12) Круглый год. (Тоже). Изд. Сытина. М. 1913. 13) Двенадцать. (Поэма). Скифы. (Стихотворение). Изд. „Рев. Социализм". Спб. 1918. 14) То же. Изд. „Алконост". П. 1918 15) То же. 3-е изд. 1919. 16) То же. 4-е изд. 1921. 17) Стихотворения. (В 3-х кн.). Изд. „Земля". Пг. 1918—919. (Кн. III не вышла). 18) За гранью прошлых дней. (Стихи). Изд. Гржебина. П. 1920. 19) Седое утро. (Стихи). Изд. „Алконост". П. 1920. 20) Стихотворения. Кн. III. (3-е изд.). Изд. „Алконост". Пб. 1921. 21) Соловьиный сад. (Поэма). Изд „Алконост". Пб. 1918. 22) Ямбы. (Стихи). Изд. „Алконост". П. 1919. 23) Возмездие. (Неоконченная поэма). Изд. „Алконост". П. 1922 24) Отроческие стихи. Изд. „Первины". М. 1923. 25) Собр. сочинений. Изд. „Эпоха". Берлин. 1922—923. (Вышли т.т. I, II, III, VII и IX). 26) Собр. сочинений. Т. I и II. Изд. „Алконост". П. 1922. 27) Избранные стихотворения. Изд. „Петроград". Лнг. 1924.

Бобров Сергей.— Сергей Павлович Бобров—род. 27 октября (ст. ст.) 1889 года в Москве. Один из основателей группы поэтов и издательства „Центрифуга". Отдельные издания: 1) Вертоградари над лозами. (Стихи) Изд. „Лирика". М. 1913. 2) Алмазные леса. (Вторая книга стихов). Изд. „Центрифуга". М. 1917. 3) Лира лир. (Третья книга стихов). Изд. „Центрифуга". М. 1917.

Борисов П. — Петр Иванович Глушаков — род. 23 декабря (ст. ст.) 1893 г. в с. Деребуж Рославльского у. Смоленской губ. в крестьянской семье. 6 лет поступил в сельскую школу; пристрастился к чтению, решил учиться дальше. 15 лет ушел из дома и поступил в учительскую семинарию, которую и окончил. В 1914 г. призван был в армию и пробыл на фронте больше двух лет, был ранен. В 1917 г. поступил в Московский университет и одновременно работал в литературной студии пролеткульта. В 1920 г. пошел добровольцем в Красную армию и участвовал в польском походе. Демобилизовался в 1922 г., после чего ему удалось окончить университет. Писать начал с 11 лет. Впервые выступил в печати со стихотворением „Кликуша" в журнале Моск. Пролеткульта „Гудки" за 1919 г. Отдельно вышел сборник стихов: Скоморох. М. 1923.

Бражнев Е.— Евгений Андреевич Трифонов — род. в 1885 (?) г., в Донской области. Родители — казаки, занимались торговлей и виноделием. Б. получил низшее техническое образование и был раньше слесарем. За участие в революционном движении отбыл 10 лет каторги. Состоит членом РКП(б). Участвовал активно в гражданской войне на всех фронтах. Начал писать с 1907 г. Отдельные издания: 1) Буйный хмель. Стихи. Моск. Отд. Гос. Изд-ва. М. 1922. 2) Поход. Поэма. Изд. Амур. Обл. Комитета помощи фронту. 1922.

Брюсов Валерий.— Валерий Яковлевич Брюсов — род. 1 декабря (ст. ст.) 1873 года в Москве, в купеческой семье. Дед по отцу был крепостным. Дед со стороны матери, Александр Яковлевич Бакулин, лебедянский мещанин, занимавшийся земледелием и арендовавший имения, был страстным любителем литературы, в частности Пушкина, Державина и Крылова, и сам писал стихи, повести, драмы и романы. Отец Б. был самоучкой, читал Маркса, Дарвина, Бокля, слушал лекции в Петровской с.-х. академии, изучил иностранные языки, писал повести, стихи и романы. Сыну дал хорошее образование. Поэт с детства познакомился с идеями Дарвина и принципами материализма; чтение было его страстью. 8 лет читал Писарева, Добролюбова и даже „Частную патологию и тера-

пию". Из поэтов знал только Некрасова. Учился в частной гимназии Креймана, где сблизился с группой гимназистов, увлекавшихся литературой, и с жадностью набросился на изучение русской литературы. Из 5 класса гимназии был исключен за „издание" гимназического журнала, в котором развивались атеистические и „республиканские" идеи. Кончал в гимназии Поливанова. В 1892 г. поступил на филологический факультет, который и окончил в 1899 г. Много путешествовал в России и за границей. Писать начал с раннего детства, сначала романы „в духе Жюль-Верна" и „научные" статьи, потом стихи „в духе Некрасова". Первое серьезное литературное выступление — серия стихотворений в сборнике „Русские символисты" в 1894 г. Один из вождей школы „символистов". Принимал самое деятельное участие в издательстве „Скорпион", в журналах „Весы" и „Русская Мысль", а также в работах „Московского Литературно-Художественного кружка". После Октябрьской революции стал членом РКП и вел большую работу по строительству советской культуры. Умер 9 октября 1924 г. в Москве. Отдельные издания: 1) Полное собр. сочинений и переводов. 25 т. т. Изд. „Сирин". СПБ. 1913—14. (Вышло не все). 2) Chefs d'oeuvre. (Стихи). М. 1895. 3) То же. 2-е изд. М. 1896. 4) Me eum esse. (Стихи). М. 1897. 5) Tertia vigilia. Изд. „Скорпион". М. 1900. 6) Urbi et orbi. Изд. „Скорпион". М. 1903. 7) Избранные стихи. Изд. „Скорпион". М. 1904. 8) Венок. Изд. „Скорпион". М. 1906. 9) Зеркало теней. Стихи 1909—1912 г. г. Изд. „Скорпион". М. 1912. 10) Семь цветов радуги. Стихи. (1912—1915 г.г.). Изд. Некрасова. М. 1916. 11) Избранные стихи (1897—1915 г. г.). Изд. „Универс. Б—ка". М. 1915. 12) То же.—2-е изд. 1916. 13) П. Верлэн. Романсы без слов. (Перевод). М. 1894. 14) Э. Верхарн. Стихи о современности. (Перевод). 1906. 15) Опыты. (Стихи 1912—1918 г. г.). Изд. „Геликон". М. 1918. 16) Последние мечты. Изд. „Творчество". М. 1920. 17) В такие дни. (Стихи). Гос. Изд-во. М. 1921. 18) Миг. Стихи 1920—1921 г. Изд. Гржебина. Берлин. 1922. 19) Дали. Стихи 1922 г. Гос. Изд-во. М. 1922. 20) Кругозор. Избранные стихи. Гос. Изд-во. М. 1922. 21) Mea. (Стихи). Гос. Изд-во. М. 1924.

Бунин И. А. — Иван Алексеевич Бунин — род. 10 октября (ст. ст.) 1870 года в Воронеже, в дворянской помещичьей семье. Род Буниных старинный и состоит в родстве с поэтессой начала XIX века А. П. Буниной, В. А. Жуковским и бр. Киреевскими. Мать Б. происходила так же из дворянского рода Чубаровых. Детство Б. прошло на хуторе отца в Елецком уезде, Орловской губ. С 7 лет все время жил среди крестьян. Учился в Елецкой гимназии. В гимназии развилась страсть к молитвам и постам, вскоре исчезнувшая. По окончании гимназии жил в имении. В 1889 г. переехал в Харьков, потом жил в Крыму, где много ходил пешком. Работал в „Орловском Вестнике". В начале 90-х г. г. переехал в Полтаву, где служил библиотекарем и статистиком земской управы; работал в газетах. В эти годы увлекся проповедью Толстого. В Полтаве же начал писать прозу. В январе 1895 г. бросил службу и переехал в Петербург, потом в Москву. В 1898 г. женился на дочери греческого революционера-эмигранта Н. П. Цакни. Жил в Одессе. Вскоре развелся и стал жить „бродячей" жизнью: то на юге, то в Москве, то в З. Европе, то в Африке и Азии. Писать стихи начал с отроческих лет. Первое литературное выступление — стихи, напечатанные в мае 1887 г. в ежемесячнике „Родина". Много переводил в стихах и прозе. Стихотворный его перевод „Песни о Гайавате" Лонгфелло, так же как и некоторые сборники оригинальных стихов, удостоены Академией Наук Пушкинской премии. Отдельные издания. 1) Стихотворения. Орел. 1891. 2) Песнь о Гайавате. Лонгфелло. Перевод. Изд. „Знание" (Два изд. Одно с рис., другое без рис.). Пб. 1913. То же. Изд. Сабашниковых. 2 издан. М. 1916 и 1918 3) Под открытым небом. Стихи для юношества. Изд. журн. „Детское Чтение". М. 1898. 4) Стихи и рассказы Изд. то же. М. 1899. 5) Листопад. Стихотворения. Изд „Скорпион". М. 1901. 6) Стихотворения 1902—06 гг. Изд. „Кн-во писателей в Москве". М. 7) Рассказы и стихотворения. 1907—10 г.г. Изд. то же. 8) Манфред. Байрона. Перевод. Спб. 1904. 9) Каин. То же. Спб. 1907 10) Господин из Сан-Франциско. (Рассказы и стихи). Изд. „Кн-во писателей в Москве". М. 1916. 11) Собрание сочинений в 5 т.т. Изд. „Знание". Пб. 1902—09. 12) Стихотворения и рассказы. Том VI. Изд „Общественная Польза". Пб. 1910. 13) Полн. собр. соч. 6 т.т Изд. А. Маркс (Прилож. к журн. „Нива"). Пг. 1915 14) Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи. Изд. „Кн-ва писателей в М.". М. 1913. 15) Рассказы и стихи. Изд. „Парус". Пг. 1918.

Бутягина Варвара. — Варвара Александровна Бутягина — род. в 1901 году в г. Ельце, Орловской губ. Начала писать с 1910 года. Первое литературное выступление — сборник „Лютики" — в 1921 г. Отдельные издания: Лютики. (Стихи). Гос. Изд-во. Пг. 1921.

Верховский Юрий. — Юрий Никандрович Верховский, профессор. Выпустил ряд работ по истории русской литературы (эпохи Пушкина) и известную антологию „Поэты Пушкинской поры". (Изд. Сабашникова. М. 1920). Отдельные сборники стихов: 1) Разные стихотворения. Изд. „Скорпион". М. 1908. 2) Идиллии и элегии. Изд. „Оры". Пб. 1910. 3) Утренняя звезда. Изд. „Лукоморье". Пг. 1915. 4) Стихотворения. Том I. Изд. „Мусагет". М. 1917. 5) Солнце в заточении. Стихи. Изд. „Мысль". Пг. 1922.

Волошин Максимилиан. — Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин — род. 16 мая (ст. ст.) 1877 года в Киеве. Предки казаки из Запорожья. „Свою фамилию, — пишет поэт, — встретил дважды: в XVII веке слепой бандурист Матвей Волошин; с него поляки содрали кожу живьем, как с Марсия, за политические песни; да какой-то молодой человек в Кишиневе, по фамилии Кириенко-Волошин, водивший Пушкина в цыганский табор. (Воспоминания Францевой). Желал бы их обоих иметь предками. Со стороны матери есть немецкая кровь (врачи и инженеры обрусевшие с XVIII века). Никакого признака латинской крови, между тем как я всегда чувствовал близость только к латинским культурам (Франция, Италия, Испания), языкам латинского корня и полную чуждость к Германии, ее языку и культуре. Истинной родиной духа для меня был Коктебель и Киммерия - земля, насыщенная эллинизмом и развалинами Генуэзских и Венецианских башен". Детство В. прошло на юге, в Феодосии, юношеские годы — в Москве. Учился в гимназии Поливанова, кончал гимназию в Феодосии. В 1897 г. поступил в Московский Университет, на юридич. факультет. Исключен в 1900 г. за беспорядки и сослан в Ташкент. С 1901 по 1915 г. жил то в Париже, то в Коктебеле. Путешествовал пешком по Европе. Наравне с литературой занимался живописью. Картины свои выставлял в „Мире Искусства". Живопись считает „величайшим наслаждением". С 1917 по 1924 г. жил только в Коктебеле. Про эти годы поэт пишет: „интерес — социальная история человека, антипатия — армия и политика. То, что мне пришлось в зрелые годы пережить русскую революцию, считаю для себя великим счастьем"... Писать стихи начал с 11 лет. Первое литературное выступление — стихотворение „На могиле В. К. Виноградова", напечатанное в сборнике его памяти в 1895 г. в Феодосии. Первое серьезное выступление — стихи в „Новом Пути" и в „Северных Цветах" („В вагоне") — в 1903 г. Отдельные издания: 1) Стихотворения. (Годы странствий). Изд. „Гриф". М. 1910. 2) Anno Mundi Ardentis. Изд. „Зерно". М. 1916. 3) Иверни. (Избранные стихотворения). Изд. „Творчество". М. 1918. 4) Демоны глухонемые. (Стихи). Изд. „Камена". Харьков. 1919. 5) То же. 2-е изд. „Изд-во Писателей". Берл. 1924. 6) Верхарн. (Перевод). Изд. „Творчество". М. 1919. 7) То же. 2-е изд. „Омфалос". Одесса. 1919.

Волчанецкая Екатерина. — Екатерина Дмитриевна Ровинская-Волчанецкая — род. 7 сентября (ст. ст.) 1881 г. в Петербуге. Дочь известного общественного и научно-художественного деятеля. Окончила историко-филолог. факультет 2-го Моск. госуд. университета. Писать начала с 8 лет. В „Журнале Для Всех" в сентябре 1902 г. было помещено первое печатное произведение В. — „Не будь ничьим рабом". Была одним из учредителей литер. кружка „Литературный Особняк". Много занималось переводами (из де-Виньи, Вордсворта, Бодлэра и др. Отдельные издания: Серебряный лебедь. (Стихи). Госуд. Изд-во. М.—Пг. 1923.

Галина Г. — Глафира Адольфовна Эйнерлинг — род. в 1873 г. По окончании гимназии была несколько лет телеграфисткой. В 1901 г. была выслана из Петербурга. В эпоху студенческого движения в марте 1901 г. пользовалось большой популярностью ее стих. „Лес рубят". Отдельные издания: 1) Стихотворения. Изд. М. Пирожкова. СПБ. 1902. 2) Предрассветные песни. Изд. то же. СПБ. 1906. 3) Сахарный принц и пряничная принцесса. Сказка для маленьких детей. СПБ. 1904. 4) Сказки. СПБ. 1904.

Гастев Алексей. — Алексей Капитонович Гастев — родился 27 сентября (ст. ст.) 1882 г. в г. Суздале. Влад. губ. Отец был учителем, мать — портнихой. Двух лет лишился отца. Учился в городском училище, на технических курсах, в Московском Учительском Институте, из которого был исключен за политическую демонстрацию. С 18 лет началось хождение по тюрьмам и ссылкам. Работал на заводах слесарем. Писать начал с 1900 г. В 1904 г. в Ярославской газете „Северный Край" впервые был напечатан его рассказ из жизни ссыльных „За стеной". До революции писал под псевдонимом „Дозоров". В последнее время работу в области литературно-художественного творчества прекратил и всецело посвятил себя созданию Центр. Инст. Труда, считая его своим „последним художественным произведением", которое

„воплощает все легендарные замыслы, выношенные в его художественной работе". Отдельные издания: 1) Поэзия рабочего удара. Первое изд. П. 1918. Выдержала несколько изданий. Последнее наиболее полное издание ВЦСПС. М. 1923. 2) Пачка ордеров. Рига. 1921. (Вошла в предыдущий сборник последнего издания).

Герасимов Михаил.—Михаил Прокофьевич Герасимов — род. 30 сентября (ст. ст) 1889 г. в железно-дорожной будке Самаро-Златоустовской ж. д., около г. Бугуруслана. Отец — железно-дорожный рабочий, грамотный. Мать — крестьянка из мордвов, неграмотная, служила переездной сторожихой за 3 р. в месяц. Летом с 9 лет работал на железно-дорожном полотне, одерживал насыпь у моста, полол траву. Учился в Кинельской двухклассной школе, потом Самарском железно-дорожном техническом училище, где в 1905 г. вступил в Р. С.-Д. Р. П. Печатал на гектографе прокламации, выступал на митингах. С осени 1906 до весны 1907 г. сидел в Самарской тюрьме, где усиленно занимался самообразованием. По выходе работал исключительно в партии, жил с братом на конспиративной квартире. Осенью 1907 г. квартира провалилась: арестовали с оружием и бомбами. Г. удалось эмигрировать через Финляндию за границу. Работал на доменных печах в Нанси, разгружая руду марганцевую и магнитного железняка, потом в шахтах в Бельгии, около Льежа, катая вагонетки, а также и в качестве забойщика; здесь же работал на паровозо-строительном и пушечном заводе, затем в—Монсе шахтером и на рельсопрокатном и котельном заводе. Научившись понимать по-французски, с черной работы перешел на слесарную. В Париже мыл окна в ресторанах, работал на автомобильном заводе у Рено слесарем, затем электромонтером. В качестве кочегара, масленщика, угольщика плавал по Средиземному морю, Северному, Балтийскому, по Атлантическому океану и проч. Пешеходные рейсы: Брюссель, Париж, Лион, Марсель, Ницца, Генуя, Флоренция, Вена, Триест, Венеция, Рим, Неаполь, Тироль, Альпы. Сен-Готардский перевал. Сидел в тюрьмах Франции, Бельгии, Италии. В Париже, который оставил глубокий след в душе поэта, Г. посещал кружок рабочих писателей в клубе на Рю Рейн де Бланш, где были Ф. И. Калинин, Бессалько, Луначарский, Гастев и др. С начала европейской войны служил волонтером во французской армии, участвовал в боях на Марне, в Шампани, Аргонне. Был контужен около Реймса. Осенью 1915 г. вместе с другими волонтерами был выслан в Россию за неподчинение властям и пропаганду против войны. Весною 1916 г. был арестован и сидел на гауптвахте в Самаре. С 1917 г. занимал ряд ответственных постов: председателя совета военных депутатов, зампредгубисполкома, губвоенкома, командующего фронтом, члена ВЦИК 1-го созыва, председателя Самарского Пролеткульта и др. Писать начал с 1913 г. Первое напечатанное произведение—стихотворение „Заводской гудок", помещенное в декабрьской книжке петербургского журнала „Просвещение" за 1913 г. Отдельные издания: 1) Вешние зовы. Изд. „Парус". П. 1917. 2) Монна Лиза. Поэма. Изд. Моск. Пролеткульта. М. 1918. 3) Завод весенний. Стихи. Изд. М. Пролеткульта. М. 1919. 4) То же. 2-е изд. „Кузница". М. 1923. 5) Железные цветы. Изд. Центрпечати. Самара. 1919. 6) Четыре поэмы. Изд. Петр. Пролеткульта. П. 1921. 7) Черная пена. Стихи. Изд. „Кузница". М. 1921. 8) Чучело. Стихи. Изд. „Кузница". М. 1921. 9) Электрификация. Стихи. Гос. Изд-во. П. 1922. 10) Негасимая сила. (Стихи). Изд. „Кузница". М. 1922. 11) Электропоэма. Изд. „Кузница". М. 1923. 12) Железное цветенье. Кн. 1-я. Гос. Изд-во. М. 1923. 13) Северная весна. (Стихи). Кн. 3-я. Гос. Изд-во. М. 1924. 14) Дорога. Кн. 4-я. Изд. „Новая Москва". М. 1924. 15) Покос. Стихи и поэмы. Изд. „Мосполиграф". М. 1924. 16) Стихотворения. Изд. „Красная Новь". М. 1924.

Гиппиус З. — Зинаида Николаевна Гиппиус — род. 8 ноября (ст. ст). 1869 в г. Белеве Тульской губ. Жена писателя Дмитрия Сергеевича Мережковского. Происходит из дворянской семьи фон-Гиппиус — немцы, переселившиеся из Мекленбурга в Москву в 1515 г. Отец Г. был обер-прокурором сената, а впоследствии—председателем Нежинского суда. Воспитывалась дома. В 1889 г. в Тифлисе вышла замуж за Мережковского и переехала в Петербург. Стихи начала писать с детства. Первое литературное выступление — стихотворения за подписью З. Г. в „Северном Вестнике" (ноябрь) за 1888 г. Много путешествовала за границей. Одна из основательниц религиозно-философского общества в Петербурге (1901—1902) и редакторов журнала „Новый Путь" (1902—1904 г. г.). Литературно-критические статьи писала под псевдонимом „Антон Крайний". Отдельные издания: 1) Собрание стихов (1889—1903 г. г.). Изд. „Скорпион" М. 1904. 2) Собрание стихов Кн. 2 Изд. „Мусагет". М. 1910. 3) Последние стихи (1914—1918 г. г.). Пг. 1918.

Голодный Михаил. — Михаил Семенович Эпштейн — род. в декабре 1903 г. в г. Бахмуте (ныне Артемовск) Донецкой губ., в еврейской семье. Отец работал в г. Вятке на фабрике по обработке мехов Мать, работая по выкатке хлеба, сломала ногу. Оба теперь нетрудоспособны. Сестра — швея. С 12 лет пришлось Г. работать чернорабочим на мануфактурном складе, на фабрике. С 1919 г. состоит в Комсомоле. Кончил городское училище. В 1924 г. ЦК РЛКСМ был командирован в Московский рабфак, где пробыл 2 месяца и ушел в Высш. Литер.-Худождественный Институт им. Брюсова. Писать начал с 1919 г. Первое печатное произведение — поэма „Сегодня" — было помещено в 1922 г. в Екатеринославском сборнике пролеткульта „Шаги". Отдельные издания: 1) Сваи. Изд. „Молодой Рабочий". Харьков. 1923 В конце года вышло 2-м изданием. 2) Земное. Изд. „Пролетарий". Харьков. 1924. 3) Дороги. Стихи. Изд. „Новая Москва". М. 1925.

Городецкий Сергей. — Сергей Митрофанович Городецкий — род. 5 января (ст. ст.) 1884 года в Петербурге, в интеллигентной семье. По происхождению дворянин Орловской губ. Учился в Петербургском университете, на историко-филологическом факультете. Писать стихи начал с детства. Первое литературное выступление — стихотворение „Папа, не ходи работать!", напечатанное в ежемесячнике „Истина" за 1906 г., №. 1. В 1907 — 08 г. г. писал в сатирических журналах „Сатирикон" и „Серый Волк" иногда под псевдонимом „Сатир". Один из основателей школы „акмеистов", вскоре, впрочем, от нее ушедший. Отдельные издания: I. Стихи: 1) Ярь. Изд. „Кружок молодых". Пб. 1907. 2) Перун. Изд. „Оры". Пб. 1907. 3) Дикая воля. Изд. „Факелы". Пб. 1908. 4) Русь. Изд. Сытина. М. 1910. 5) Ива. Изд. „Шиповник". Пб. 1913. 6) Цветущий посох. Изд. „Грядущий День". Пб. 1914. 7) Четырнадцатый год. Изд. „Лукоморье". Пб. 1915. 8) Ангел Армении. Тифлис. 1917. 9) Серп. Гос. Изд-во. 1920. 10) Миролом. Гос. Изд-во. 1922. 11) Собрание стихов. Т. I. Изд. „Вольф". Пб. 1910. 12) То же. Т. II. 13) Изборник. Изд. „Универс. Б-ка". М. 1916. 14) Пушкину. Изд. „Краса". Пб. 1915.— II. Книги для детей. 15) Ия. Изд. „Заря". М. 1908. 16) Царевич Малыш. Изд. Вольф. Пб. 1910. 17) Мина-Легунок. Изд. Сытина. 1913. 18) Федька-Чурбан. Изд. Сытина. М. 1913. 19) Ау. Изд. Сытина. М. 1913. 20) Царевна-сластена. Изд. Сытина. М. 1914. 21) Пять воздушных поцелуев. Изд. „Грядущий День". П. 1916. 22) Веснушки Ванюшки. Изд. „Земля и Фабрика". М. 1924. 23) Лети, лети! Изд. Сытина. 1924. 24) Бунт кукол. Изд. „Новая Москва". М. 1925.— III. Агитки: 25) Пан-Жупан. ВВРС. 1922. 26) Знай боярскую Румынию. ВВРС. 1922. 27) Кто лучше. ВВРС. 1924. 28) Тьма да Ложь. Изд. „Раб. Газ.". 1923.

Горький М. — Алексей Максимович Пешков — род. в Н.-Новгороде. По записям из метрической книги Варваринской церкви Н.-Новгорода дата рождения его относится к 16 марта 1868 г. Сам Горький в автобиографических заметках сообщает, что он родился 14 марта 1868 или 9-го года. Родился Г. в семье мещанина Каширина, владельца нескольких домов и трех красильных мастерских, от дочери его Варвары и Пермского мещанина Максима Савватиева Пешкова, по ремеслу драпировщика или обойщика, ставшего затем управляющим конторой одного из волжских пароходств. Отец умер, когда Г. было 5 лет, а 2 года спустя умерла и мать. Семи лет Г. остался круглым сиротой на руках очень религиозного, жестоко-деспотичного и болезненно-скупого деда и бабушки, исключительно доброй и самоотверженной старухи, о которой Г. всегда вспоминает с любовью и уважением. Дед в это время разорился. 8 или 9 лет Горького отдали „в люди". С этих пор начинается для него тяжелая жизнь, полная всевозможных лишений, скитаний и мытарств. В 1888 г. Г. покушался на самоубийство. По паспорту цеховой малярного цеха, Г. был за это время: мальчиком в обувном магазине, учеником чертежника, поваренком на пароходе, садовником, торговцем иконами, жел.-дорожным сторожем, крендельщиком, хлебопеком, пильщиком дров, грузчиком, хористом, торговцем яблоками, квасом, птицами, письмоводителем у адвоката и т. д.. Случалось жить в трущобах. Несколько раз путешествовал по России и исходил весь Юг, Крым и Кавказ. Три человека в это время имели большое значение в развитии Горького: пароходный повар, отставной гвардейский унтер-офицер Смурый, побоями и ласками возбудивший в нем интерес к чтению и заставлявший его читать книги из своего сундука: жития святых, Эккартгаузена, Гоголя, Глеба Успенского, Дюма-отца, многие книги франк-масонов; нижегородский присяжный поверенный А. И. Ланин, у которого он служил письмоводителем, влияние которого на свое образование Г. признает „неизмеримо огромным", и А. М. Калюжный,

который натолкнул Г. на мысль стать писателем. В 1888 г., живя в Казани, познакомился со студентами и участвовал в кружках самообразования. Однако с интеллигенцией он „чувствовал себя не на своем месте“, и в 1890 г. ушел путешествовать. Первое печатное выступление—рассказ „Макар Чудра“, напечатанный в № 242 Тифлисской газеты „Кавказ“ от 12 сентября 1892 г. В 1893—94 г. Горький в Нижнем познакомился с Короленко, который ввел его в „толстые“ журналы, напечатав в 1895 г. в „Русском Богатстве“ его рассказ „Челкаш“. К концу 90-х и к началу 900-х годов он становится уже знаменитым всемирно-известным писателем, сочинения которого расходятся в огромном числе экземпляров на всех языках. В 1902 г. Г. был избран почетным академиком Академии Наук по разряду изящной словесности, но по распоряжению царского правительства выборы были об'явлены недействительными в виду „неблагонадежности“ Г. В 1898 г. Г. становится ближайшим сотрудником журнала „Жизнь“. С 1904 по 1913 г. при ближайшем участии Г. выходят литературные сборники „Знание“, вокруг которых сгруппировались многие крупные литературные силы. Десяткам начинающих писателей из крестьян и рабочих он помогает выбраться на дорогу. Начиная с конца 90-х годов, Г. тесно связан с развитием революционного движения в России. В 1901 г., после студенческой демонстрации 4 марта, он печатает в „Жизни“ „Песню о Буревестнике“, за что журнал закрывается. В апреле того же года Г. был арестован в Нижнем и затем выслан из него с воспрещением жить в столицах и университетских городах. В 1905 г., накануне 9 января, Г. участвует в писательской депутации к быв. тогда министру вн. дел Святополк-Мирскому. После кровавых событий у него был произведен обыск, при чем найден был набросок воззвания с протестом против этих событий. Г. был заключен в Петропавловскую крепость. Со всех концов Европы посыпались телеграммы и адреса к царю об освобождении писателя. Через несколько недель он был освобожден. После 17 октября при ближайшем участии Г. была основана соц.-дем. газета „Новая Жизнь“. В 1906 г. Г. отправился за границу. В Германии он начал энергичную кампанию против царского займа. Летом 1909 г. Г. организовал на острове Капри с.-дем. школу пропагандистов, в которой читали лекции виднейшие деятели Р. С.-Д. Р. П., а в качестве учеников приезжала из России рабочая молодежь. Сочинения Г. выходили в изд-вах: „Знание“, „Жизнь и Знание“, „Парус“, Ладыжникова (в Берлине), в Гос. Изд-ве и др. Последние издания: 1) Собрание сочинений 16 томов. Изд. „Книга“. Берлин. 1923. 2) Собрание сочинений. Гос. Изд-во. 16 томов. М.-П. 1924.

Гофман В. — Виктор Викторович Гофман — род. в 1884 г. Окончил юридический факультет Московского ун-та. В 1909 г. в Петербурге редактировал „Новый журнал для всех“. В последние годы бросил писать стихи и перешел к рассказам. В 1911 г. уехал в Париж и там покончил самоубийством. Там же и похоронен. Писать стихи начал с детства. Первые литературные выступления — в 1901—1902 г.г. (журналы „Муравей“, „Светлячок“ и „Детское Чтение“). Отдельные издания: 1) Книга вступлений. (Стихи) Пб. 1904. 2) Искус. (Стихи). Пб. 1909. 3) Собрание сочинений. В. 2 т.т. Изд. Пашуканис. М. 1917. 4) То же. Изд. „Огоньки“. Берлин. 1922.

Гроссман Леонид. — Леонид Петрович Гроссман — род. 12 января (ст. ст.) 1888 г. в Одессе—в семье врача. По национальности еврей. Окончил Киевский Университет (по юридическому факульт.) в 1911 г. В 1906—1907 и 1913 г.г. жил в Париже; слушал лекции в Сорбонне и работал в Парижской Национальной Библиотеке. Писать начал с 8 лет. Первое литературное выступление — статья о „Жизель“ Метерлинка, напечатанная в „Одесском Листке“ зимой 1903—1904 г. г. Издал целый ряд работ по истории русской литературы. Из сборников стихов вышли только: 1) Плеяда. (Цикл сонетов). Одесса. 2) То же. 2-е изд. „Костры“. М. 1922.

Гумилев Н. — Николай Степанович Гумилев—род. 3 апреля (ст. ст.) 1886 года в Кронштадте. Сын морского врача. Окончил Царскосельскую гимназию в 1906 г. (при директоре Ин. Ф. Анненском). Слушал лекции в Сорбонне в Париже. По возвращении в Россию поступил в 1912 году на филологич. факультет Петербургского университета, на котором пробыл до 1914 г. В 1914 году пошел добровольцем в армию. Совершил несколько путешествий. Наиболее продолжительное из них 1909—10 г.г. в столицу Абиссинии Адис-Абебу и в 1913 г.— на Сомалийский полуостров (был командирован от Академии Наук). Был два раза женат. Первый раз на поэтессе Анне Ахматовой (Анне Андреевне Горенко). Писать начал с 6 лет. Первое печатное выступление — книга „Путь конквистадоров“, вышедшая в Пб. в 1905 г. когда Г. был еще учеником гимназии. В 1907 г. в Па-

риже издавал журнал „Сириус“, где подписывался „Анатолий Грант“ и „К—о“. Основатель и глава школы „акмеистов“. Умер 25 августа 1921 года. Отдельные издания: 1) Путь конквистадоров. (Стихи). Изд. автора. Пб. 1905. 2) Романтические цветы. (Стихи). Изд. автора Париж. 1908. Перепечатано в 1-м издании „Жемчугов“ (см. ниже). 3) То же. 3-е изд. Пб. 1918. 4) Жемчуга. (Стихи). Изд. „Скорпион“. М. 1910. 5) То же. 2-е изд. „Прометей“. Пб. 1918. 6) Чужое небо. (Стихи). Изд. „Аполлон“. Пб. 1912. 7) Колчан. Изд. „Альциона“ (Гиперборей). Пг. 1916. 8) Дитя Аллаха. (Пьеса в стихах). Отд. отт. из „Аполлона“. 1917. 9) Мик. (Поэма). Изд. „Гиперборей“. Спб. 1918. 10) То же. 2-е изд. „Мысль“. П. 1921. 11) Костер. (Стихи). Изд. „Гиперборей“. Пг. 1918. 12) То же. 2-е изд. Гржебина. П. 1922. 13) Фарфоровый павильон. (Китайские стихи). Изд. „Гиперборей“. П. 1918. 14) То же. 2-е изд. „Мысль“. П. 1922. 15) Шатер. (Стихи). Севастополь. 1921. 16) То же. Изд. „Библиофил“. Ревель. 1922. 17) Огненный столп. (Стихи). Изд. „Петрополис“. П. 1921. 18) Стихотворения. (Посмертный сборник). Изд. „Мысль“. П. 1922. 19) То же. 2-е изд. „Мысль“. П. 1923. 20) Теофиль Готье. Эмали и камеи. (Переводы Н. Гумилева). Изд. М. В. Попова. П. 1914. 21) Гильгамеш. (Перевод Н. Гумилева). Изд. Гржебина. Спб. 1919. 21) С. Т. Кольриджж. Поэма о старом моряке. (Перевод Н. С. Гумилева). Изд. „Всемировая литература“. Пг. 1919.

Гуро Елена. — Елена Нотенберг — умерла в апреле 1913 г. Отдельные издания: 1) Шарманка. Изд. „Журавль“ Пб. 1914. 2) Небесные верблюжата. Изд. „Журавль“. 1914. 3) Осенний сон. Изд. „Журавль“. Пб. 1914.

Добролюбов Александр. — Александр Михайлович Добролюбов — род. в 1876 году в Варшаве. Отец был комиссаром по крестьянским делам, дворянин. В 1891 г. переехал в Петербург. Отец „влиял на сына в духе заветов Белинского и 60-х годов“. Учился Д. в 6-й гимназии в Петербурге. По окончании гимназии там же поступил в университет, но его не кончил. Много работал по греческой философии и египетской архитектуре, но с 3 курса вдруг ушел послушником в Соловки. Через год ушел из монастыря, стал странником, живя то подаянием, то плотничая. Основал собственное религиозное учение, близкое к духоборчеству. За антимилитаристическую проповедь был осужден и отбывал тюремное заключение. После стал главой многолюдной секты в Поволжье. В 1905 г. вновь появился в Петербурге сектантом, затем ушел опять странствовать Дальнейшая судьба его неизвестна. Стихи начал писать в последних классах гимназии. Тогда же в 1893—1894 г.г. выступил с горячей проповедью „декадентства“ в духе французских поэтов. Отдельные издания: 1) Natura naturans — natura naturata. (Стихи и проза) Птб. 1895. 2) Собрание стихов. М. 1900. Издано друзьями поэта после его „ухода от мира“. 3) Из книги Невидимой. (Стихи и проза). Изд. „Скорпион“. М. 1905.

Доронин Иван. — Иван Иванович Доронин — род. в 1900 г. в селе Воскресенском, Одоевского у., Тульской губ., в бедной крестьянской семье. До 11 лет был пастушонком, с 11 до 15 лет — учеником у тульского „сдирашкура“ садовода Макеева; с 15 до 19 лет лет работал станочником на тульских оружейных заводах. Был на фронтах—Колчаковском, Юденича, на Перекопе. Писать начал с 1918—19 г. Первые стихи печатались в Туле в 1919 г. Отдельные издания: 1) Гранитный луг. Изд. „Московский Рабочий“. М. 1922. 2) То же Изд. 2-е доп. „Красная Новь“. М. 1924. 3) Стихи. Изд. „Молодая Гвардия“. П. 1923. 4) Песни советских полей. Гос. Изд-во. М. 1925.

Дружинин Павел. — Павел Давыдович Дружинин — сын крестьянина, родился 14 янввря (ст. ст.) 1890 г. в с. Тезикове Наровчатского у. Пензенской губ. Учился в сельской школе. „Дополнительное образование— книги «наощупь». „Самым «выдающимся» и паршивым периодом своей жизни, — говорит поэт—считаю семь с половиной лет солдатчины, из которых $4^1/_2$ года — на фронте во время мировой войны“. Во время гражданской войны служил делопроизводителем в военном учреждении на Туркестанском фронте. „Люблю, конечно, мужиков и деревню, несмотря на то, что сам живу в городе, но не чувствую в себе антагонизма и к городской культуре, как сплошь и рядом наблюдается у «мужиковствующих»“. Серьезно писать начал с 1920 г. Но еще в 1911 г. в газетке „Доля Бедняка“, издававшейся в Москве при Суриковском кружке, было напечатано первое его стихотворение „Мой брат“. Отдельно изданы: 1) Песни самоучки. Изд. Туркест. Гос. Изд—ва. Ташкент. 1920. 2) Соломенный шум. (Стихи). Гос. Изд—во. М. 1924.

Есенин Сергей. — Сергей Александрович Есенин — род. 21 сентября (ст. ст.) 1895 г. в Козьминой волости Рязанского у. и

губ., в бедной крестьянской семье. С 2-х лет по бедности отца был отдан на воспитание к зажиточному деду, с тремя взрослыми неженатыми сыновьями которого и провел детство. Был большим озорником, драчуном и коноводом среди мальчишек. Был отдан в закрытую церковно-приходскую школу, которую и кончил 16 лет; думали его определить в Московский Учительский Институт, но этого не случилось. Писать стихи начал с 9 лет, но сознательное творчество поэт относит к 16—17 годам. 18 лет прибыл в Петербург, где сблизился с Клюевым. За годы войны и революции исколесил всю Россию. Отдельные издания: 1) Радуница. Изд. Аверьянова. П. 1916. 2) То же. 2-е изд. Моск. Труд. Артели Художников Слова М. 1918. 3) То же. Изд. то же. М. 1919. 4) То же. Изд. „Имажинисты". М. 1921. 5) Голубень. Изд. „Скифы". П. 1918. 6) То же. Изд. Моск. Тр. А. Х. С. М. 1920. 7) Исус Младенец. Изд. „Сегодня". П. 1918. 8) То же. Изд. „Скифы". 1921. 9) Сельский часослов. Изд. М. Т. А. Худ. Сл. М. 1918. 10) Преображение. Изд. то же. М. 1918. 11) То же. Изд. „Имажинисты". М. 1921. 12) Трерядница. Изд. „Злак". М. 1920. 13) То же. Изд. „Имажинисты". М. 1921. 14) Исповедь хулигана. 1921. (Место изд и изд-во не обозначены). 15) Триптих. Издание „Скифы". Берлин. 1921. 16) Пугачов. Изд. „Имажинисты". М. 1922. 17) То же. Изд. „Эльзевир". Пг. 1922. 18) То же. Изд. „Русск. Универсальн. Изд-во". Берлин. 1922. 19) Избранное. Гос. Изд-во. М. 1922. 20) Москва кабацкая. Лнг. 1924. 21) Стихи (1920—24). Изд. „Круг". М.—Лнг. (1924).

Жаров Александр. — Александр Алексеевич Жаров — род. 31 марта (ст. ст.) 1904 г. в дер. Семеновская Бородинской вол. Можайского у. Моск. губ., в семье крестьянина. Писать начал с 1919—20 г. Первое печатное выступление—„Призыв" (помещено в Моск. комсомольской газете „Юношеская Правда" в 1919 г.). Отдельные издания: 1) Слово о Поволжьи. Изд. М. К. Р. К. С. М. М. 1921. 2) Ледоход. Стихи. Изд. „Молодая Гвардия". М.—П. 1923. Выходит 2-м доп. изданием в Гос. Изд-ве. 3) Комсомолец. Поэма. Изд. „Молодая Гвардия". М.—Лнгр. 1924. То же. 2-е изд. „Молодая Гвардия". М.—Л. 1925. 4) Песня о червонце. (Стихи). Изд. „Молодой Рабочий". Харьков. 1924. 5) Мастер Яков. Поэма. Изд. „Новая Москва". М 1924. 6) Обновленная земля. Стихи. Гос. Изд-во. М. [1925]. 7). Сердце горит. Стихи. Изд. „Новая Москва". М. 1925.

Зайцев Петр. — Петр Никанорович Зайцев — родился 14 декабря (ст. ст.) 1889 г. в г. Иваново-Вознесенске. Писать начал с 13 лет, сознательно—с 1909—1910 г. Первое печатное выступление — стихотворение „Тишина", помещенное в сборнике „Сполохи" 1907—1908 г. Отдельно издано: Ночное Солнце. Гос. Изд-во. М. 1923.

Зенкевич М. — Михаил Александрович Зенкевич — род. 9 мая (ст. ст.) 1886 г. в семье чиновника. Отдельные сборники стихов: 1) Дикая порфира. Изд. „Цех Поэтов". Птб. 1912. 2) Четырнадцать стихотворений. Изд. „Гиперборей". Пг. 1918. 3) Лирика. 1921. 4) Пашня танков. Саратов. 1921.

Зоргенфрей В. — Вильгельм Александрович Зоргенфрей — род. 30 августа 1882 года в Аккермане. Сын прибалтийского врача, немца. Мать — армянка. По образованию инженер-технолог. Писать начал с детства. Первое литературное выступление—стихотворение „Вечерняя песня", напечатанное в журнале „Вопросы Жизни" в июле 1905 г. В 1905—1906 г.г. подписывался „В. Зор.—". Отдельные издания: Страстная суббота. (Стихи). Изд. „Время", Пб. 1922. Кроме того выпустил ряд переводов Гердера („Сид" - изд. „Всемирн. Литература"), Грильпарцера („Любуша" — изд Тео), Ф. Верфель („Человек из Зеркала". — „Всемирн. Лит-ра") и др.

Иванов Вячеслав. — Вичеслав Иванович Иванов — род. 16 февраля (ст. ст.) 1866 года в Москве. Сын землемера, впоследствии служившего в Контрольной Палате. С детских лет, под влиянием матери, очень религиозной и любящей поэзию женщины, полюбил поэзию — Пушкина, Лермонтова, Ломоносова, Державина. 8 лет поступил в частную школу, устроенную семьей известного экономиста М. И. Туган-Барановского. В этой школе начал писать стихи и романы. Вместе с любовью к поэзии унаследовал от матери и религиозный мистицизм. 9 лет поступил в 1-ю Московскую гимназию, где всегда был „первым учеником" В гимназии увлекся греческим языком и античностью. В пятом классе гимназии „внезапно и безболезненно сознал себя крайним атеистом и революционером". После этого наступила полоса пессимизма, выявившаяся в попытке отравиться (17 лет). Затем — увлечение Достоевским. По окончании гимназии поступил в Московский Ун-т на филологический факультет. Получил премию за работу по древним языкам. Окончив

2 курса ун-та, уехал в Германию, в Берлин, в семинарий проф. Зома, Моммзена и Гизебрехта (осенью 1886 г.). В это время очень много работал по истории. В те же годы в нем зародились серьезные „мистические искания", и он принялся за изучение Вл. Соловьева. В 1891 г. переехал в Париж, где работал в Национальной Библиотеке. Затем поехал в Рим и вообще Италию. В это время стал поклонником Ницше. В 1895 г. вторично (разведшись с первой женой) женился на поэтессе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. В 1896 г. за диссертацию получил степень доктора истории; его уговаривали сделаться прив.-доц. Берлинского Ун-та, но И. не пошел на „экзамен". В 1903 г. читал лекции о Дионисе в Парижской Высшей Школе Общественных Наук, устроенной М. М. Ковалевским. В 1905 г. переехал в Петербург, где сразу стал центральной фигурой в кругу „символистов". После революции деятельно работал в Москве в области культурного строительства, а последние годы был ректором Бакинского Ун-та, а затем и зам. Наркомпроса Азербейджанской ССР. Писать начал в юношеских годах. Отдельные издания: 1) Кормчие звезды (Стихи). Изд. „Скорпион". М. 1903. 2) Прозрачность. 2-я кн. лирики. Изд. „Скорпион". М. 1904. 3) Эрос. (Стихи). Изд. „Оры". СПБ. 1907. 4) Cor Ardens. Ч. 1 и 2. Изд. „Скорпион". М. 1911. 5) Нежная тайна. Лепта. (Стихи). Изд. „Оры". СПБ. 1912. 6) Младенчество. (Поэма). Изд. „Алкокост". П. 1918. 7) Прометей. (Трагедия в стихах). Изд. „Алконост". Пг. 1919.

Иванов Георгий. — Отдельные издания: 1) Отплытие на остров Цитеру. Поэзы. Пб. 1912. 2) Горница. Изд. „Гиперборей". Спб. 1914. 3) Памятник славы. Изд. „Лукоморье". Спб. 1915. 4) Вереск. Изд. „Альциона". М. 1916. 5) Сады. III книга стихов. Изд. „Петрополис". Пб. 1921. 6) То же. Изд. „Ефрон". Берлин. 1922. 7) Лампада. Собрание стихотворений. Книга первая. Изд. „Мысль". Пг. 1922.

Инбер Вера. — Вера Михайловна Инбер — род. 27 июня 1891 года в Одессе. „Происхождение буржуазное, образование высшее, но не законченное"... Начала писать с 11 лет. Первое литературное выступление — стихотворения, напечатанные в 1911 г. в „Одесских Новостях". Отдельные издания: 1) Печальное вино. (Стихи). Изд. автора. Париж. 1912. 2) Горькая Услада. (Стихи). Изд Вольф. П. 1914. 3) Бренные слова. (Стихи). Одесса. 1920.

Ионов Илья. — Илья Ионович Ионов — род. 1 августа (ст. ст.) 1887 г. в г. Одессе. В детстве работал в типографии. Поступил в Художественное Училище, из которого был уволен. В 1903 г. попал в тюрьму в первый раз. В 1906 г. был сослан на поселение за принадлежность к Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. В 1907 г. из Сибири бежал. В 1908 г. был приговорен к 8 годам каторги за принадлежность к военно-боевой организации Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). Каторгу отбывал в Шлиссельбурге, Пскове, Орле. Со времени Октябрьской революции заведует издательством Петрогр. Совета, Ленингр. Отдел. Гос. Изд-ва, наконец в настоящее время — Гос. Изд-вом. Писать начал с 1905 г. Впервые печатался в нелегальном органе „Пролетарское Дело" в августе 1905 г. Отдельные издания: 1) Алое поле. Стихотворения. Изд. „Прибой". П. 1917. 2) То же. 2-е изд. Петрогр. Сов. Р. и Кр. Д. Пг. (Год не обозн.). 3) Колос. Стихотворения. Гос. Изд-во. Пб. 1921.

Казин Василий. — Василий Васильевич Казин — род. 25 июля (ст. ст.) 1898 г. в Москве. Родители по происхождению — бедные крестьяне. Отец был пастухом, поваренком, колодезником и, наконец, водопроводчиком, временами заделывался маленьким хозяйчиком. Начальное образование К. получил в городской школе в Москве, из которой по ходатайству учительницы Е. Г. Ольховиковой, поступил в частное среднее учебное заведение с льготной платой вместо ста по тридцать руб. Но и эта сумма тяжело ложилась на плечи родителей, которым приходилось для взноса платы закладывать в ломбард домашние вещи. По окончании среднего учебного заведения, во время Февральской революции начал вовлекаться в общественную жизнь. Вскоре после Октябрьского переворота принял участие в организации Союза рабочей молодежи „III Интернационал" и был избран и работал секретарем в Бауманском райкоме этого союза. Первое печатное произведение „У пруда", помещенное в 1914 г. в „Газете-Копейке". Серьезно занялся литературой с Пролеткульта, где вместе с Алаксандровским и Полетаевым организовывал литературную студию. Состоял членом редколлегий журналов „Гудки" (орган Моск. Пролеткульта) и „Кузница" (орган писателей „Кузницы") и издательства „Круг", заведывал литературным отделом ж-ла „Молодая Гвардия". В настоящее время состоит замест. редактора ж-ла „Красная Новь" по литературному отделу. Отдельные издания: 1) Рабочий май. Ленингр. Гос. Изд-во. П. 1922. 2) То же. Издание „Круг". М. 1923.

Каменский Василий. — Василий Васильевич Каменский — род. 5 апреля 1884 года на пароходе на р. Каме. По образованию агроном. Отец был смотрителем вологых приисков на Урале. Родной город — Пермь. В течение двух лет (1910 — 1911 г.г.) был авиатором-пилотом. Много путешествовал по России и за границей (Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Италия, Турция, Персия, Северо-Ледовитый океан). Писать стихи начал с 1904 года. Первое литературное выступление — стихотворение „Кузнецы“, напечатанное в газете „Урал“ (Екатеринбург) в сентябре 1904 г. Написал несколько романов, а так же пьес, прошедших в театрах СССР. Отдельные издания 1) Танго с коровами. (Стихи). М. 1914. 2) Звучаль весиеянки. (Стихи). „Китоврас“. М. 1918. 3) Девушки босиком (Стихи). М. 1916.

Карпов Пимен. — Пимен Иванович Карпов — род. 6 августа (ст. ст.) 1887 года в с. Турка, Рыльского уезда, Курской губ. Самоучка, без посторонней помощи научившийся грамоте. До настоящего времени каждое лето занимается батрачеством в деревне и это — основной заработок поэта, по собственному его признанию. Первое литературное выступление — стихотворение „Незабудка“, напечатанное в „Неделе Современного Слова“ в 1908 г. Отдельные издания: 1) Знойная лилия. (Стихи). Изд. „Союз“. СПБ. 1911. 2) Русский ковчег. (Стихи). Изд. „Новая Жизнь“. М. 1922. 3) Звездь. (Стихи). Изд. „Поморье“. М. 1922.

Кириллов Владимир. — Владимир Тимофеевич Кириллов — род. 2 октября (ст. ст.) 1889 г. в г. Смоленске. Отец — крестьянин Смоленской губ., Духовщинского у. — служил приказчиком в книжном магазине в Смоленске. Детство до 8 лет К. провел в деревне, учился два года в начальной школе. С 9 — 11 л. работал учеником в сапожной мастерской. Позже стал матросским учеником Черноморского флота. В 1907 г. за участие в революционном движении моряков этого флота был арестован и, как несовершеннолетний, был выслан на 3 года в г. Устьсысольск, Волог. губ. Бывал за границей: в Америке, Северной Африке и в др. странах. Писать начал в ссылке с 1908 г. В печати в первый раз выступил в 1913 г. в Петербургском „Народном Журнале“ со стихотв. „На родине“. Отдельно вышли: 1) Стихотворения. Изд. Петроградск. Пролеткульта. Пб. 1918. 2) Зори грядущего. Изд. то же. Пб. 1919. Вышло 6 изданий. 3) Паруса. (Стихи). Изд. Всеросс. Ассоц. Пролет. Писат. М. 1921. 4) Железный Мессия Изд. Моск. Пролеткульта. М. 1921. 5) Отплытие. Изд. „Кузница“. М. 1923. 6) Рабочие шаги. Изд. „Красная Новь“. М. 1924. 7) Стихотворения. Книга 1-я. Изд. „Мосполиграф“. М. 1924.

Клычков Сергей. — Сергей Антонович Клычков — род. 5 июля (ст. ст.) 1889 г. в деревне Дубровки Тверской губ. Калязинского у. в крестьянской семье. В первый раз в печати выступил с рассказом „Ванька-Царь“ в „Вестнике Самообразования“ в 1909 г. Отдельные издания: 1) Песни. Изд. „Альциона“. М. 1911. 2) Потаенный сад. Изд. „Альциона“. М. 1913. 3) Кольцо Лады. Изд. М. Т. А. Х. С. М. 1918. 4) Дубравна. Изд. М. Т. А. Х. С. 1918. 5) Бова. Изд. М. Т. А. Х. С. 1918. 6) Гость чудесный. Избр. стихотворения. Гос. Изд-во М. 1923. 7) Домашние песни. 5-я кн. стих. Изд. „Круг“. М. 1923.

Клюев Николай. — Николай Алексеевич Клюев — род. 1887 г. „Родом я по матери прионежский, по отцу из-за Свити-реки, ныне Вологодской губернии. Грамоте, песенному складу и всякой словесной мудрости обучен своей покойной матерью, память которой и чту слезно, даже до смерти. Жизнь моя — тропа Батыева. От Соловков до голубых китайских гор пролегла она: много на ней слез и тайн запечатленных... Родовое древо мое замглело коренем во временах царя Алексия, закудрявлено ветвием в прединных Строгоновских письмах, в сусальном полыме пещных действ и потешных теремов. До Соловецкого страстного сиденья восходит древо мое, до палеостровских самосожженцев, до выговских неколебимых столпов красоты народной...“ (Из автобиограф. справки 1922 г., записанной со слов поэта П. Н. Медведевым). Отдельные издания: 1) Сосен перезвон. Предисловие Валерия Брюсова. Изд. к-ва „Знаменский и К[0]“. М. 1912. 2) Братские песни. Изд. ж-ла „Новая Земля“. М. 1912. 3) Лесные были. Изд. Некрасова. М. 1913. 4) Мирские думы. Изд. М. Аверьянова. П. 1916. 5) Песнослов. Книга 1-я. Изд. Литер.-Изд. Отдела Нар. Ком. по Просвещению. П. 1919. 6) То же. Кн. 2-я. Изд. то же. П. 1919. 7) Медный кит. Изд. Петроград. Совета Раб. и Красноарм. Деп. П. 1919 8) Песнь солнценосца. Изд. „Скифы“. Берлин. 1920. 9) Избяные песни. Изд. „Скифы“. Берлин. 1920. 10) Львиный хлеб. Изд. „Наш Путь“. М. 1922. 11) То же. Изд. „Скифы“. Берлин. 1922. 12) Четвертый Рим. Изд. „Эпоха“. П. 1922. 13) Мать суб-

бота Изд. „Поляриая Звезда". П. 1922. 14) Ленин. (Стихи). 2-е изд. Гос. Изд-во. Лнгр. 1924.

Комаровский Василий.—Василии Алексеевич Комаровский — родился в 1880 [?] году. Происхождение — из старой дворянской семьи Комаровских, получивших графский титул. Образование получил дома. Жил в Царском Селе, последние годы (1913—14) в Петербурге. Умер в Москве осенью 1914 года. Первое литературное выступление — 5 стихотворений и рассказ Sabinula" в Литературном Альманахе „Аполлона" 1912 г. (под псевдонимом Jncitatus). После смерти К. остались ненапечатанными роман „До Цусимы", несколько рассказов, стихотворений и поэма. Отдельно издана: Первая пристань. (Стихи). Изд. автора. Пб. 1913.

Коневской Иван.—Иван Иванович Ореус — род. в 1877 году в Петербурге в старо-дворянской семье Ореусов, выходцев из Швеции. Отец был генералом - от - инфантерии и видным писателем по военным вопросам. Учился в Петербурге, сначала в гимназии, потом на историко-филологическом факультете Петербургского ун-та. С детства очень много читал, прекрасно владел несколькими языками. В студенческие годы совершил несколько путешествий за границу. Около 1900-х г. г. сблизился с кружком „Скорпиона". В 1901 г. кончил университет. 8 июля 1901 г. утонул, купаясь в реке Аа на станции Зегевольд, под Ригой. Писать начал в юности. Первое литературное выступление — сонет „Снаряды", напечатанный в 1896 г. в „Книжках Недели". Отдельные издания: Стихи и проза. Изд. „Скорпион". М. 1904. Посмертный сборник, изданный друзьями покойного поэта.

Крайский А.— Отдельные издания: 1) Улыбки солнца Изд. Петрогр. Пролеткульта. Пб. 1919. 2) У города-разбойника. Изд. „Космист". Пг. 1922.

Крандиевская Наталия.—Наталия Васильевна Крандиевская (по мужу Толстая)—род. 20 янв. (ст.ст) 1891 г. в Москве. Дочь редактора „Бюллетеней Литературы и Жизни" известного литературного деятеля Василия Афанасьевича К. и писательницы Анастасии Романовны К.; жена писателя Алексея Н. Толстого. Писать начала с 11 лет. Первое литературное выступление—стихотворение „Отдохни", напечатанное в журнале „Муравей", изд. В. М. Саблина в Москве, когда автору было 12 лет. Отдельные издания: 1) Стихи. Изд. Некрасова. М. 1914. 2) Стихи. Одесса. 1919. 3) От Лукавого. (Стихи). Берлин—Москва. 1922.

Кузмин М.— Михаил Алексеевич Кузмин — род. 6 октября (ст. ст.) в 1875 г. в Ярославле в дворянской семье. Учился в Петербургской консерватории по классу композиции. Был деятельным сотрудником журналов „Весы", „Аполлон", „Золотое Руно". Помимо стихотворений и прозы издал ряд оперетт, романсов и музыкальных иллюстраций пьес Блока, Ремизова и др. Отдельные издания: 1) Сети. (Стихи). Изд. „Скорпион". М. 1908. 2) То же. 2-е изд. Семенова. П. 1915. 3) Осенние озера. (Стихи). Изд. „Скорпион". М. 1912. 4) Глиняные голубки. (Стихи). Изд. Семенова. Пг. 1914. 5) То же. 2-е изд. „Petropolis". Берлин. 1923. 6) Вожатый. (Стихи). Изд. „Прометей". Пб. 1918. 7) Двум. (Стихи). Изд. „Сегодня". Пб. 1918. 8) Александрийские песни. (Стихи). Изд. „Прометей". Пб. (1921). 9) Вторник Мэри. (Пьеса в стихах). Изд. „Petropolis". Пг. 1921. 10) Нездешние вечера. (Стихи). Изд. „Petropolis". Пб. 1921. 11) Эхо. (Стихи). Изд. „Картонный Домик" Пб. 1921. 12) Параболы. (Стихи). Берлин. 1923. 13) Новый Гуль. (Стихи). Лнг. 1924.

Кузнецов Николай. — Николай Андрианович Кузнецов—род. 24 апреля (ст. ст.) 1904 г. на ткацкой фабрике быв. Каулен и Кост в Клинском у. Моск. губ. Отец поэта — шорник. Мать — ткачиха. Детство провел на окраине Москвы. Окончил четырехклассное городское училище. После этого многого добился самообразованием. Работать начал с 13 л. сперва у частного хозяина, а после Октябрьской революции на фабрике Даниловской мануфактуры и на авиационом заводе „Мотор". Писать начал с 1919 г. Впервые напечатал стихи „В мастерской" и „Пролетарий" под псевдонимом „Замоскворецкий" в 1921 г. в первомайском номере газеты „Молодая Красная Пресня". С 1922 г. работал в редакциях газет, сперва в „Юношеской Правде", а затем в „Рабочей Москве". Был одним из организаторов группы рабочих поэтов и писателей „Рабочая Весна". С осени 1923 г. поступил в Высш. Литер.-худож. Институт. 20 сентября 1924 г. покончил жизнь самоубийством. Отдельно изданы: 1) Стихи. Изд. „Молодая Гвардия". П. 1924. 2) Рабочее сердце. Стихи. Изд. „Новая Москва". М. 1925.

Кусиков Александр.— Александр Борисович Кусиков.— Отдельные издания: 1) Зеркало Аллаха. Изд. Песлер. М.

1918. 2) Сумерки. Изд. „Чихи-Пихи“. М. 1919. 3) Поэма поэм. Изд. „Сандро“. М. 1919. То же. 2-е изд. „Имажинисты“. М. 1920. 4) Аль-Баррак. Изд. „Плеяда“. М. 1920. 5) Коевангелиеран. Изд. „Плеяда“. М. 1920. 6) В никуда. Изд. „Имажинисты“. М. 1920. 7) Искандер Намэ Поэма. Изд. „Имажинисты“. М. 1921 г. 8) Джуль Фикар. Поэма. Изд. „Имажинисты“. М. 1921. 9) Алифлям-мим. Изд. „Имажинисты“. М. 1921. 10) Птица безымянная. Избранные стихи. (1917—21 г.г.). Изд. „Скифы“. Берлин. 1922.

Лелевич Г. — Род. 17 сентября (ст. ст.) 1901 г. в г. Могилеве. Был одним из основателей группы пролет. писателей „Октябрь“ (в декабре 1922 г.) и Моск. Ассоциации Пролет. Писателей (МАПП) (в марте 1923 г.), а также журнала „На Посту“. Состоит членом правлений ВАПП (Всер. Ассоц. Прол. Пис.) и МАПП, членом секретариата международного Бюро связей пролет-литературы и членом редакций журналов „На Посту“ и „Октябрь“. До конца 1922 г. находился исключительно на партийной работе. Писать начал с детства, серьезно же с 1917—18 г. Отдельно вышли: 1) Голод. Поэма. Изд. Гомельск. отд. Гос. Изд-ва. Гомель. 1921. 2) Набат. (Стихи). Изд. то же. Гом. 1921. 3) В Смольном. (Стихи). Гос. Изд-во. М. 1924

Липскеров Константин. — Константин Абрамович Липскеров — род. в 1889 году в Москве. Сын известного литератора Абрама Яковлевича Л. — редактора-издателя газеты „Новости Дня“ (1883—1907 г. г.). Писать начал с отроческих лет. Первое литературное выступление — цикл стихов „Шаги под луной“, напечатанных в журнале „Северные Записки“ № 5—6 за 1913 г. Один из основателей московской группы „Лирический Круг“. Отдельные издания: 1) Песок и Розы. (Стихи). Изд. „Альциона“. М. 1916. 2) Туркестанские стихи. Изд. Альциона“. М. 1922. 3) Золотая ладонь. (Стихи). Изд. „Северные Дни“. М. 1922. 4) День шестой. (Стихи). Изд. „Творчество“. М. 1922. 5) Другой. (Поэма). Изд. „Альциона“. М. 1922 [1924]. Кроме того печатаются пьесы Л. „Морская Горошина“, „Карменсита и Хосе“ и трагедия на музыку Бизе „Карменсита“, поставленная в 1924 году в Музыкальной Студии Моск. Художественного Театра.

Лозинский М. Михаил Леонидович Лозинский — род. 8 июля (ст. ст.) 1886 года в Гатчине. По происхождению дворянин Подольской губ., сын присяжного поверенного. С детства жил в Петербурге. Окончил там в 1904 г. 1-ую гимназию и в 1909 — университет. Много путешествовал по Германии, Франции и Италии. Писать начал с 9 лет Первое литературное выступление — 3 стихотворения: „Петербург“, „Ночь“, „Он в юности меня томил“, напечатанные в ноябрьской книге „Гиперборея“ за 1912 г. Отдельные издания: 1) Горный ключ. (Стихи). Изд. „Альциона“. Пб. 1916. 2) То же. 2-е изд. „Мысль“ П. 1922.

Лохвицкая (Жибер) М. А. — Мирра, также Мария Александровна Лохвицкая, по мужу Жибер (1869—1905)—дочь криминалиста и адвоката А. В. Лохвицкого. Училась в Моск. Александровском Интитуте, где уже обращала на себя внимание поэтическим дарованием. В 1888 г. несколько ее стихотворений были изданы отдельной книжкой. В 1897 г. Л. получила за 1-й том стихотворений половинную Пушкинскую премию, а в 1905 г. уже после ее смерти, половинная премия присуждена была академией за 5-й том. Отдельные издания: 1) Стихотворения. СПБ. 1896 2) То же. Т. 2-й. СПБ. 1898. 3) То же. Т. I и II. 2-е издание Суворина. СПБ. 1900. 4) То же. Т. III. Изд. Суворина. СПБ. 1900. 5) То же. Т IV. СПБ. 1903. 6) То же. Т. V. СПБ. 1905. 7) Перед закатом. Стихотворения (новые и неизд. ранее). СПБ. 1908.

Львова Н. — Надежда Григорьевна Полторацкая, по мужу Львова — род. 8 августа (ст. ст.) 1891 года в г. Подольске, Московской губ. В 1908 г. кончила с золотой медалью Московскую Елисаветинскую гимназию. 25 ноября (ст. ст.) 1913 года покончила самоубийством в Москве. Писать стихи начала в 1910 г. Первое литературное выступление — в 1911 г. в „Русской Мысли“. Отдельные издания. 1) Старая сказка. (Стихи). М. 1913. 2) То же. Изд. 2-е, дополненное. Изд. „Альциона“. М. 1914.

Макаров Александр. — Александр Антонович Макаров — родился в декабре 1898 г. в г. Волхове Новгор. губ. Учился в сельской школе, в Пролеткульте и Высш. Литературно-Худож. Иинституте в Москве. Был на войне, тяжело ранен, имел семь операций. Писать по настоящему начал с 1917 г Первое печатное произведение „Веселый столяр“, помещенное в „Рабочей Газете“ в 1920 г. Отдельные издания: 1) Весенний сплав. Изд. „Кузница“. М 1923. 2) Медовые залежи. Изд. „Московский Рабочий“. М 1925

Малахов Сергей.—Сергей Арсеньевич Малахов — род. 14 июня (ст. ст.) 1902 г. в г. Можайске Моск. губ. Был одним из первых организаторов комсомола в Можайском у. в 1918 г. Участвовал в с'ездах Р. К. С. М. В 1920 г. вступил в РКП (б.). Все время на партийной работе. Заканчивает факультет общественных наук в 1-м госуд. моск. университете, куда был командирован МК РКП (б). Состоит членом правления МАПП и сотрудником ж-ла „На Посту". Писать начал с 11 лет, а печататься с 1922 г., когда в октябрьском номере „Юного Коммуниста" (орган ЦК РКСМ.) было напечатано его произведение „По фабрикам, на пахотах и в шахтах"... Отдельные издания: 1) Стихи. Изд. „Молодая Гвардия". Пг. 1923. 2) Кожанка. Стихи. Изд. „Новая Москва". М. 1925.

Малашкин Сергей. — Сергей Иванович Малашкин — род. 3 июля (ст. ст.) 1890 г. в деревне Хомяково Ефремовского у. Тульск. губ. в семье бедного крестьянина-полубатрака. Учился в церк.-приходской школе 1 год. В 1904 г. приехал в Москву и поступил на службу к Чичкину, у которого около 5 лет мыл бутылки. В 1905 г. участвовал в декабрьском восстании. С 1915 г. работал на Сормовском аводе при лесопильном заводе, как деревобделочник. Состоял членом Рос. Соц.-Дем. Раб. артии (большевнков) с 1906 по 1914, затем 1917 состоит членом РКП (б). Со времени Октябрьской революции — на советской и партийной работе. С 1904 г. и по сие время занимается самообразованием. Писать начал с 1915 г. Впервые начал печататься в „Нижегородском Листке" в конце 1916 г., где были помещены его стихи: „Егорий", „Памяти Э. Верхарна", „Еще не пели зорю певин". Отдельные изданния: 1) Мускулы. Поэмы. Вышло 5 изданий. одно в Москве, изд. „КрасногоДома", два—в Н.-Новгороде, одно на Урале и одно Волжск. Военн. Округа. (Более полным автор считает 2-е изд. Нижегор. Губ. Ком. РКП. Н.-Новг. 1919.). 2) Мятежи. Стихи. Книга 2-я. Изд. Нижегор. Губ. Ком. РКП. Н.-Новг. 1920. Вышло два издания в Н.-Новг.

Мандельштам Осип. — Осип Эмилиевич Мандельштам — род. 3 янв. 1891 г. (ст. ст.) в купеческой семье. Учился в Петроградском ун-те. Отдельные книги стихов: 1) Камень. Изд. „Акмэ". 1913. 2) То же 2-е изд. Гос. Изд-во. М. — П. 1923. 3) Tristia. Изд. „Петрополис". Пб.—Берлин. 1922. 4) Вторая книга. Изд. „Круг". М. 1923.

Мариенгоф Анатолий.— Анатолий Борисович Мариенгоф — род. 24 июня (ст. ст.) 1897 г. в Н.-Новгороде. Писать начал с 8—9 лет. Первое литературное выступление— в 1911 г. в ученическом журнале Нижегородского дворянского инстит. „Сфинкс", в 1914 г.— в журнале Пензенской гимназии „Мираж" и в 1918 г.—лирические стихи в пензенском журнале „Комедиант". Отдельные издания: 1) Витрина сердца. (Стихи). Изд. „Стожар". Пенза. 1918. 2) Магдалина. (Поэма). Изд. „Имажинисты". М. 1919. 3) Кондитерская солнц. (Стихи). Изд. „Имажинисты". М. 1919. 4) Руки галстухом. (Стихи). Изд. „Имажинисты". М. 1920. 5) Стихами чванствую. (Стихи). Изд. „Имажинисты". М. 1921. 6) Тучелет. Изд. „Имажинисты". М. 1921. 7) Развратничаю с вдохновением. (Поэма). Изд. „Имажинисты". М. 1921. 8) Разочарование. (Поэма). Изд. „Имажинисты" М. 1921. Кроме того, М. написано несколько пьес, из которых одна „Вавилонский адвокат" была поставлена в сезон 1923—24 г.г. в Московском Камерном театре.

Маяковский В. — Владимир Владимирович Маяковский — род. 7 июля (ст. ст.) 1894 (1893 ?) в с. Багдады Кутаисской губ. в семье лесничего. Учился в Кутаисской гимназии. В 1905 г. участвовал в демонстрациях и митингах и вступил в марксистский кружок. В 1906 г. умер отец, и семья осталась без средств. Переехали в Москву, где М. поступил в 4-й класс пятой гимназии, но учился плохо, увлекаясь марксизмом. В это же время пробовал писать революционные стихи, но бросил. В 1908 г. вступил в Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) и работал пропагандистом у булочников, сапожников и типографщиков. Был дважды арестован. После второго ареста просидел в Бутырской тюрьме 11 месяцев. В тюрьме усиленно занялся чтением новейшей беллетристики. После тюрьмы прервал партийную работу и решил учиться. Сначала взялся за живопись: учился у Жуковского, потом у Келина, затем—в Училище Живописи, Ваяния и Зодчества, где сошелся с Давидом Бурлюком, которого М. считает своим „прекрасным другом" и „действительным учителем", „сделавшим" его поэтом. Вместе с Бурлюком, Хлебниковым и Крученых выпустил в 1912 г. „Пощечину общественному вкусу"—первый манифест русских футуристов. Диспуты, речи М. и Бурлюка, выставка „Бубновый Валет",—все это повело к тому, что оба они были изганы из училища. Ездили по России, выступали на вечерах, читали лекции. Эти годы М. считает временем формальной работы, овладе-

ния словом. Издатели не принимали его произведений. Часто приходилось по возвращении в Москву жить на бульварах. В начале войны М. думал пойти добровольцем, но его не приняли по „неблагонадежности". В 1915 г. он был призван и служил чертежником, не желая итти на фронт. Участвовал в Февральской революции и несколько дней командовал автошколой. Октябрьскую революцию встретил с сочувствием с самого начала и пошел работать в Смольный. С 1919 г. работал в Роста, где, по его словам, „сделал тысячи трн плакатов и тысяч шесть подписей". Отдельные издания: 1) Я! Изд. Г. Кузьмина и С. Далиского. М. 1913. 2) Владимир Маяковский. Трагедия. М. 1914. 3) Флейта позвоночник. Изд. „Воля". П. 1917. 4) Война и мир. Изд. „Парус". П. 1917. 5) То же. Изд. 2-е. П. 1919. 6) Мистерия буфф. Героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи. 1918 г.—Три действия, 5 картин. П. 1918. 7) То же. Изд. 2-е. П. 1919. 8) Облако в штанах. Тетраптих. Изд. Асис. М. 1918. 9) Простое, как мычание. — Все сочиненное Маяковским (1909—1919 г.г). П. 1919. 10) Герои и жертвы революции. (Стихи). (Окт. 1917—1918 г.) Изд. Отд. Изобр. Иск. НКПр. П. 1919. 11) Рассказ о дезертире. Гос. Изд-во. М. 1921. 12) 150.000.000. (Поэма). Гос. Изд-во. М. 1921. 13) Люблю. (Поэма). Изд. Вхутемас. М. 1922. 14) Маяковский издевается. 1-я книжица сатиры. 2-е изд. М. 1922. 15) Лирика. Изд. „Круг". М. 1923. 16) Маяковский улыбается. Маяковский смеется. Маяковский издевается. Изд. „Круг". М. 1923. 17) 13 лет работы. Два тома. Изд. Вхутемас. М. 1922. (1-й том. Часть 1-я. 2-я часть не обозначена, хотя и находится в том же томе. 2-й том состоит также из двух частей). 18) Стихи о революции. Октябрь. Февраль. Голод. Европа. Искусство. Смешное. Изд. „Красная Новь". М. 1923. 19) То же. 2-я доп. изд. „Кр. Новь". М. 1923. 20) Про это. (Стихи). Гос. Изд-во. М. 1923. 21) 255 страниц Маяковского. Книга 1-я. Гос. Изд-во. М.-П. 1923. 22) Вон самогон! (Стихи). Изд. „Красная Новь". М. 1923. То же. Изд. Уралкнига. Екатеринбург. 1923. 23) Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника. Изд. „Красн. Новь". М. 1923. 24) Ни знахзрь, ни бог, ни ангелы бога — крестьянству не подмога. Изд. то же. М. 1923. 25) Обряды. (Стихи). Изд. то же. М. 1923. 26) О Курске, о комсомоле, о мае, о полете, о Чаплине, о Германии, о нефти, о 5 Интернационале и о проч. Изд. то же. М. 1924. 27) Маяковская галлерея. (Те, кого я никогда не видел). Пуанкаре, Муссолини, Керзон, Пилсудский, Стиннес, Гомперс, Вандервельде. (Стихи). Изд. то же. М. 1923 (1924). 28) (В сотрудничестве с Третьяковым и Адливанкиным). Рассказ про то, как узнал Фаддей закон защищающий рабочих людей. (Кодекс законов о труде). Изд. МГСПС „Труд и Книга". М. 1924. 29) Избранный Маяковский. Изд. „Накануне". Берлин. 1923. 30) Маяковский для голоса. Гос. Изд-во. Берлин. 1923.

Мережковский Д. — Дмитрий Сергеевич Мережковский — род. 2 августа (ст. ст.) 1865 г. в Петербурге. Происходит из дворян—украинского казачьего рода. Отец служил в дворцовом ведомстве. Учился в 3-й классической гимназии в Петербурге. В 1884 г. поступил там же в университет на историко-филологический фкаультет. В эти годы увлекся позитивной философией. Был близок к „народничеству". В самом начале 90-х г.г. увлекся символизмом. По окончании университета уехал на Кавказ и там в Тифлисе женился на поэтессе З. Н. Гиппиус. Около этого времени с М. совершился „религиозный переворот", и он стал мистиком. В эти годы много путешествовал по Европе, переводил античные трагедии и начал трилогию „Христос и Антихрист". Вместе с З. Н. Гиппиус был одним из организаторов религиозно-философских собраний в Петербурге и журнала „Новый Путь". Писать стихи начал с 13 лет. Первое литературное выступление — стихотворение, напечатанное в 1881 году в сборнике „Отклик", изданном П. Ф. Якубовичем в Петербурге. Отдельные издания: 1) Полное собр. сочинений. Изд. Вольф. СПБ. 1911—1913. 2) Полное собр. сочинений. Изд. Сытина. М. 1914. 3) Стихотворения. СПБ. 1888. 4) Символы. (Песни и поэмы). СПБ. 1892. 5) Новые стихотворения. СПБ. 1896. 6) Стихотворения. 1902. 7) Собрание стихов. М. 1904. 8) Собрание стихов. СПБ. 1910.

Минский Н. — Николай Максимович Виленкин — род. в январе 1855 года в с. Глубоком Виленской губ. в бедной еврейской семье. Рано потерял отца и сам пробивал себе дорогу. Учился в Минской гимназии, кончил с медалью. В 1875 г. поступил на юридический факультет Петербургского Ун-та, который окончил в 1879 г. Вскоре уехал в Париж и Италию, позднее подолгу живал за границей. С середины 1880 г. состоял присяжным пове-

ренным в Петербурге; потом служил в банке. Женат на писательнице Юлии Безродной (псевд. Ю. И. Яковлевой). Для брака в 1882 г. принял православие. Вторично был женат на поэтессе Л. Н. Вилькиной. Первое литературное выступление — несколько стихотворений в „Журнале русских романов и путешествий" в начале 1876 г. До середины 1880 г. был настроен революционно, и вся его поэзия носила налет гражданственности. Сборник стихотворений его был уничтожен цензурой. С 1884 г. ушел в сторону мистики и создал своеобразную религиозно-философскую систему—„меонизм". В 90-х г.г. стал одним из главарей „декадентства" и раннего „символизма". В 1904 г. издавал газету „Новая Жизнь", в 1905 г. ставшую социал-демократической. За напечатание полностью программы Р. С.-Д. Р. П. был арестован и вскоре эмигрировал за границу. В 1905 г. написал стихотворение „Гимн рабочих". Вскоре М. „раскаялся" в своей „связи" с с.-д. и вновь стал полемизировать с ними. Вернулся в Россию М. только после амнистии 1913 г. Отдельные издания: 1) Стихотворения. Пб. 1887. 2) То же. Изд. 2-е. 3) То же. 3-е изд. СПБ. 1896. 4) Новые песни. СПБ. 1901. 5) Полное собр. стихотворений. Изд. И. Сафонова. Пб. 1904. 6) Полн. собр. стихотворений. В 4 т.т. Изд. М. Пирожкова. СПБ. 1907. 7) Из мрака к свету. (Избранные стихотворения). Изд. Гржебина. Берлин. 1922.

Морозов Иван. — Иван Игнатьевич Морозов — род. 13 ноября (ст. ст.) 1883 г. в с. Луховицах Зарайского у. Рязанской губ. Двух лет лишился отца и остался на попечении матери, происходившей из секты молокан и научившей его читать на церковно-славянском языке. Затем учился в сельск. школе, где под влиянием чтения стихотворений Пушкина стал писать стихи и обратил ими на себя внимание учительницы и инспектора. Ему представлялась возможность попасть на казенный счет в учит. семинарию, но мать его туда не пустила, и он поступил на службу в волостное правление. В то же время усиленно занимался самообразованием и писал стихи. Из газет и через жившего в ближайшем селе старика писателя-самоучку В. К. Влазиева (умершего в 1905 г.) в 1902 г. узнал о существовании в Москве кружка народных писателей, вступил в переписку с одним из его членов и послал туда свои стихи, из которых некоторые были напечатаны в сборнике. В 1903 г. он почти тайком от матери уезжает из деревни в Москву, знакомится с кружком писателей, посещает молитвенные собрания баптистов и по рекомендации одного из последних поступает на службу на Рязанско-Уральскую ж. д., а затем на Николаевскую. В 1905 г. был призван на военную службу и, по доносу, под конвоем отправлен в полк под надзор ротного начальства. Затем его отправляют на Дальний Восток, где и проходит вся его военная служба. Вернувшись в 1908 г., он поступил в писаря в волостной суд. В 1910 г. переехал в Москву. Отдельные издания: 1) Разрыв-трава. (Стихи). Изд. „Прометей". Пг. (Год не обозначен). 2) Красный звон. Стихотворения. М. 1916.

Нарбут Владимир. — Владимир Иванович Нарбут — род. в 1888 году. Стихи начал писать примерно с 1909 — 10 г.г. Первое литературное выступление — в студенческом журнале „Gaudeamus" (Петербург) в 1910 г. С 1921 года бросил писать стихи и рассказы и считает это „самым выдающимся событием в своей жизни по литературной (художественной) части". Активный работник РКП по подотделу печати Ц. К. Отдельные издания: 1) Стихи. Изд. „Дракон". Пб. 1910. 2) Аллилуиа. (Второй сборник стихов). Изд. „Цех Поэтов". Пб. 1912. Издание было конфисковано царской цензурой. 3) Любовь и любовь. (Стихи). Пб. 1913. 4) Вий. (Стихи). Пб. 1915. 5) Красноармейские стихи. „Политотдел N-й армии". Рост. на/Д. 1920. 6) Огненный столп. (Стихи). Губиздат. Одесса. 1920. 7) Советская земля. (Стихи). Харьков. 1921. 8) Александра Павловна. (Поэма). Изд. „Лирень". Харьков. 1921. 9) Аллилуиа. Второе издание. (Губиздат). Одесса. 1921.

Нечаев Е. — Георгий Ефимович Нечаев — родился 13 апреля (ст. ст.) 1859 г. на стеклянном заводе Ладыжинского в селе Харитонове Тверской губ. Корчевского уезда, в семье рабочего стеклянщика. Дед поэта—крестьянин Владимирской губ., а отец и сам поэт по паспорту — клинские мещане. С 9 лет начал работать на заводе вместе с отцом. Работать приходилось по 18 — 20 часов кряду, не зная праздников, при жаре, достигавшей временами до 60°, в чаду и пыли, кроме того, терпеть побои и всевозможные лишения. Грамоте учился 2 — 3 месяца за 50 коп. в месяц, но в тяжкой работе некогда было думать об азбуке. Только с 17 лет Н. пристрастился к чтению и начал писать на злобы дня. В 1885 г. перебрался в Москву и здесь случайно познакомился с журналистом А. А. Поповым-Монастырским, который принял в поэте горячее участие, и он начал печататься. Первое напечатанное стихотворение „На волю" помещено было в сборнике

„Метеор“ в 1891 г. Отдельные издания: 1) Трудовые песни. Изд. П. Травина. М. 1911. 2) Вечерние песни Изд. Мод. Чайковского. М. 1914. 3) Песни стеклянщика. Изд. „Кузница“. М. 1922. 4) Из песен старого рабочего. Госуд. Изд-во. М. 1922. 5) Сургаль — всс. (Поэма из калмыцкой жизни). Гос. Изд-во. М. 1922. В последнее время Н. начал писать рассказы.

Обрадович С. — Сергей Александрович Обрадович — род. 1 сентября (ст. ст.) 1892 г. в Москве в семье мелкого ремесленника. Дедушка поэта по отцу — выходец из Сербии. О. учился 3 года в городской школе, затем 2 — 3 года в университете им. Шанявского, около 2 лет подготовлялся на аттестат зрелости. В общем знания получил больше путем самообразования. С 1914 по 1918 г. был на фронте в окопах, где перенес всевозможные болезни и был контужен. Во время революции был председателем полкового комитета. Во времена Керенского против О. было возбуждено „дело“ за распространение большевистской литературы. После Октябрьской революции работал в Моск. Пролеткульте, в Литературной студии; был секретарем Всероссийской Ассоциации Пролетарск. Писателей. В настоящее время состоит секретарем группы писателей „Кузница“. Писать начал лет с 14 — 15. Первое печатное выступление — стих. „К свету“, помещенное в рабоч. журнале „Эхо“ (в Москве) в марте за 1912 г. Отдельные издания: [1]) Взмах. Изд. Петрогр. Пролеткульта. П. 1921. 2) Стихи о голоде. Изд. Помгол. М. 1921. 3) Сдвиг. Изд. Ассоц. Прол. Писат. М. 1921. 4) Октябрь. Гос. Изд-во. М. 1922. 5) Капель. Изд. „Кузница“. М. 1922. 6) Окраина. Изд. „Кузница“. М. 1922. 7) Огненная гавань. Гос. Изд-во. П. 1922. 8) Город. Изд. „Кузница“. М. 1923. 9) Митинг. Избранное о революции, любви и труде. Изд. „Красная Новь“. М. 1924. 10) Винтовка и любовь. Изд. „Мосполиграф“. М. 1924.

Одоевцева Ирина. — Отдельное издание: Двор чудес. Стихи. (1920—21 г.г.) Изд. „Мысль“. Пг. 1922.

Орешин Петр. — Петр Васильевич Орешин — род. 25 июня (ст. ст.) 1887 г. в Саратове в крестьянской семье. Учился в 4-хклассном городском училище. Писать начал с 1913 г. и сразу стал печататься в толстых журналах. Первое литературное выступление — стихотв. „Я знаю шорохи и звоны“, помещенное в петербургском журнале „Заветы“ за 1913 г. Отдельные издания: 1) Зарево. (Стихи). Изд. „Революционный Социализм“. Пг. 1918 2) Красная Русь. (Стихи). Изд. ВЦИК. М. 1918. 3) Дулейка. Изд. Центропечати. Саратов. 1920. 4) Снегурочка. Изд. то же. Саратов. 1920. 5) Березка. Изд. Губсоюза. Саратов. 1920. 6) Набат. Изд. Центропечать. Саратов. 1921. 7) Мы. Изд. Губиздат. Саратов. 1921. 8) Голод. Изд. „Кузница“. М. 1921. 9) Микула. (Поэма). Изд. „Красная Новь“. М. 1922. 10) На голодной земле. Изд. то же. М. 1922. 11) Алый храм. Моск. отд. Гос. Изд-ва. М. 1922. 12) Радуга. (Стихи). Гос. Изд-во. М. 1922. 13) Ржаное солнце. (Стихи). Том 1-й. Гос. Изд-во. М.— П. 1923. 14) Соломенная плаха (Стихи). Том 2-й. Гос. Изд-во. М. 1925.

П. Я. — Петр Филиппович Якубович (известен еще под псевдонимами: Л. Мельшин, как беллетрист, и П. Ф. Гриневич, как критик) — род. 22 октября (ст. ст.) 1860 г. Умер 17 марта 1911 г. Происходит из стародворянской семьи Новгородской губ. В 1882 г. окончил филологический факультет С.-Петербургского Университета. В 1884 г. был заключен в Петропавловскую крепость и пробыл в ней около 3 лет. В 1887 г. по процессу Лопатина был приговорен военным судом к смертной казни, замененной 18 годами каторги, которую отбывал до 1890 г. в Карийской политической тюрьме, затем был переведен в Акатуйскую уголовную каторжную тюрьму и работал три года в рудниках. По ряду манифестов срок наказания был сокращен. В 1895 г. был отправлен на поселение в Курган Тобольской губ. В 1899 г. заболел нервн. расстройством и получил разрешение лечиться сначала в Казани, а затем в Спб. Печататься начал с 1878 г. в „Деле“. В 1887 г. был издан его родными сборник его стихотворений под псевдонимом Рамшев. В 1882 г. и затем с 1895 был одним из ближайших сотрудников „Русского Богатства“. Отдельные издания: 1) Стихотворения. Т. I. Изд. „Русское Богатство“. СПБ. 1898. 7-е издание вышло в 1913 г. 2) То же. Т. II. Изд. „Русское Богатство“. СПБ. 1901. 5-е издание. 1913 г.

Павлович Надежда. — Надежда Александровна Павлович — родилась 17 сентября 1895 года в местечке Лаудон, в Лифляндии. Писать стихи начала с детства. Первое литературное выступление — стихотворение „Лебедь“, напечатанное в газете „Псковская Жизнь“ в 1911 г. Отдельные издания: 1) Берег. (Стихи). Изд. „Неопалимая Купина“.

Пг. 1922. 2) Золотые ворота. (Стихи). Изд. „Костры“. М. 1923. 3) Том Большевик (Детские стихи). Изд. Брокгауз и Эфрон. Лнг. 1925.

Парнок София. — София Яковлевна Парнок — роднлась 30 (ст. ст.) июля 1885 г. Дочь почетного гражданина, русская. Окончила среднее образование. Писать начала с 7 лет. Первое печатное выступление в 1906 г. в „Журнале для всех“. Отдельные издания: 1) Стихотворения. Изд. журн. „Северные Записки“. Пг. 1916. 2) Розы Пиэрии. Изд. „Творчество“. М. 1922. 3) Лоза. Изд. „Шиповник“. М. 1923.

Пастернак Борис. — Борис Леонидович Пастернак — род. 29 января (ст. ст.) 1890 года в Москве. Сын известного художника Леонида Осиповича П. Писать начал с 1913 г. Первое литературное выступление — 5 стихотворений в альманахе „Лирика“ в 1914 г. Отдельные издания: 1) Близнец в тучах. Изд. „Лирика“. М. 1914. 2) Поверх барьера. Изд. „Центрифуга“. М. 1917. 3) Сестра моя жизнь. Изд. Гржебина. М. 1922. 4) То же. Изд. то же. Берлин. 1922. 5) Темы и вариации. Изд. „Геликон“. Берлин. 1923.

Полетаев Николай. — Николай Гаврилович Полетаев — род. 24 июля (ст. ст.) 1889 г. в г. Одоеве Тульской губ. Мать его — сиделка Старо-Екатерининской больницы в Москве. Окончил торговую школу в Москве. „Событий в жизни никаких не было, — говорит П. — нужда, тоска, стремление к чему-то лучшему и больше ничего. Очень много читал. Это, кажется, самое лучшее в моей жизни. Много пил. Это уже скверно. Это, очевидно, наследственное. Плохого людям старался ничего не делать. Хорошего — не было возможности“. Писать начал с 1918 г. В этом же году впервые и напечатано было его стихотворение „Красный звон“ в „Известиях ВЦИК“ за 7 ноября. Отдельные издания: 1) Стихи. Изд. Моск. Пролеткульта. М. 1919. 2) Песня о соловьях. Изд. ВАПП М. 1922. 3) Сломанные заборы. Изд. „Кузница“. М. 1923.

Полонская Елизавета. — Елизавета Григорьевна Полонская — род. 27 июля 1890 г. в Варшаве. По национальности еврейка. Отец был инженером. Закончила высшее образование. Начало войны 1914 — 18 г. г. — жила во Франции и была свидетельницей осады Нанси. Писать начала с 1913 года. Первое литературное выступление — сборник стихов „Знаменья“ в 1920 г. Отдельные издания: 1) Знаменья (Стихи). Изд. „Эрато“. Пб. 1921. 2) Под каменным дождем. (Стихи). „Полярная Звезда“. Пг. 1923. 3) Зайчата. (Сказка в стихах). Изд. „Радуга“. П. 1923. 4) То же. 2-е изд. Лнгр. 1924. 5) Гости. (Сказка в стихах). Изд. „Книга“. Пг. 1924.

Поморский Александр — Александр Николаевич Линовский — род. в 1891 г. в деревне Паволок-Скрипунов, Ленингр. губ., Новоладожского уезда, в семье писателя, писавшего под псевдонимом Пружанского. Дед поэта был деревенским кузнецом и жил очень бедно в курной избе. Учился П. в средней школе, а также в Лиговском Народном Доме в Петрограде, где участвовал в литературных кружках. До революции 1917 г. неоднократно подвергался преследованиям царского правительства. После Октябрьской революции участвовал в гражданской войне. Состоял членом РКП. Много скитался по России. Был при белых на Украине, на Кавказе. Первые произведения были напечатаны в 1908 г. Отдельные издания: 1) Пролетарские песни борьбы и печали. Изд. „Успех“. П. 1917. 2) Цветы восстания. Изд. Пролеткульта. Пб. 1918. Вышло 6 изданий. 6-е П. 1919.

Праскунин М. — Михаил Васильевич Праскунин — роднлся 29 октября (ст. ст.) 1877 г. в селе Подлесная Слобода Зарайского у. Рязанской губ. в семье крестьянина. Грамоте выучился в местной церковно-приходской школе, по окончании которой сначала занимался сельским хозяйством, а затем из-за нужды пошел искать работы в город и впоследствии работал на Коломенском машино-строительном заводе. В 1909 г. переехал в Москву. В 1911 г. приговорен по 129 ст. за напечатание в газете „Доля Бедняка“ и в журнале „Рожок“ некоторых своих произведений и за попытку издать сборник „Злые Песни“ к 2 годам крепости. Писать начал с 27 лет. Первое свое стихотворение напечатал в мае 1904 г. в журнале „Досуги Заамурца“, в Харбине, будучи на военной службе. Отдельные издания: 1) Водопады. Изд. Травина. М. 1912. 2) Цеп стучит. Изд. Сытина. М. 1914. 3) Полынь на родных полях. (Стихи). М. 1918.

Радимов Павел. — Павел Александрович Радимов — родился 28 августа 1887 г. Происходит из крестьян. Писать начал с 14 лет. Первое печатное выступление в 1912 г. Отдельные издания: 1) Полевые псалмы. Казань. 1912. 2) Земная риза. Вторая книга стихов. Казань. 1913. 3) То же. 2-е изд. Ка-

зань. 1915. 4) Деревня. Казань 1922. 5) То же. Гос. Изд-во. М. (Г. не обозн.). 6) Попиада. Поэма. 3-е изд. Казань. 1922.

Радлова Анна. — Анна Дмитриевна Радлова — род 3 февраля (ст. ст.) 1891 года в Петербурге. Жена известного театрального деятеля С. Э. Радлова. Начала писать стихи с весны 1916 года. Первое литературное выступление — три стихотворения: „Перед вечером мы шли среди поля", „Италия", „Горят два солнца", напечатанные в декабрьской книжке журнала „Аполлон" за 1916 г. Отдельные издания: 1) Соты. (Стихи). Изд. „Фиаметта". Пг. 1918. 2) Корабли. (Стихи). Изд. „Алконост". Пб. 1920. 3) Крылатый гость. (Стихи) Изд. „Petropolis". Пг. 1922.

Родов Семен. — Семен Абрамович Родов — родился 12 января (ст ст.) 1893 г. в г. Херсоне. Отдельные издания: 1) Мой сев. М. 1918. 2) В урагане. (Поэмы). Изд. Пролеткульта. П. 1921. 3) Инна. (Поэма). Изд. „Кузница". М. 1922. 4) Наши души. (Поэма). Изд. „Кузница". М. 1922. 5) Перебежка зарниц. Изд. Пролеткульта. П. 1921. 6) Прорыв. (Стихи). Изд. Всер. Ассоц. Пролет. Пис. М. 1921. 7) Стальной строй. Стихи 1921—1922. Изд. „Октябрь". Тверь. 1923. 8) Сверенный взлет. Стихи и поэмы 1918—1920. Изд. „Красн. Новь". М. 1924.

Рождественский Всеволод. — Всеволод Александрович Рождественский — род. 29 марта 1895 года в Царском (ныне Детском) Селе. Вырос в Царскосельских парках. Учился в гимназии, где Ин. Анненский был директором. На первом курсе университета (ист. - филологический факультет) сблизился с кружком молодых поэтов. Университетские вечера, где выступали Н. Гумилев и О. Мандельштам, определили сознательное отношение Р. к своему творчеству и его устремление. Был некоторое время в „Цехе Поэтов", но в год смерти Блока ушел из него вместе с В. Ходасевичем и М. Лозинским из-за принципиальных разногласий. В 1921 году секретарствовал в петербургском отделении Всероссийского Союза Поэтов. Много работал для издательств „Всемирная Литература" (переводы Леконта де Лиля, Т. Готье, Бодлэра, Мюссе, Роберта Саузи, Сказания о Робин Гуде и английских народных баллад). В годы войны был минером. Добровольцем вступил в Красную армию и провел в ней немногим меньше 5 лет. Много странствовал по России. Видел ее крайний Север, Юг, Восток, но, по словам поэта, для него „базой были всегда берега Невы.. Петербург — Петроград — Ленинград для меня не пустые слова". В настоящее время заканчивает высшее образование и третью книгу лирики. Близкими себе поэтами считает Пушкина, Боратынского, Ин. Анненского, О. Мандельштама, В. Ходасевича, Б. Пастернака и М. Цветаеву. Писать стихи начал с последних классов гимназии. Первое литературное выступление — стихотворение „В Царскосельском парке", напечатанное в журнале Петербургского университета „Рубин", издававшемся Ларисой Рейснер, в № 4 за 1916 год. Отдельные издания: 1) Лето. (Деревенские ямбы). Изд. „Картонный Домик". Пб. 1921. 2) Золотое веретено. (Стихи). Изд. „Petropolis", Пб. 1921. 3) Теофиль Готье. Избранные стихотворения. Перевод Всев. Рождественского. Изд. „Мысль". М. 1922.

Садовской Борис. — Борис Александрович Садовской — род. 10 февраля 1881 года в г. Ардатове Нижегородской губ. Потомок литовца Александра-Яна Садовского, в'ехавшего в Россию в 1606 году в свите Марины Мнишек. В числе предков по женским линиям — византийцы и выходцы из Золотой Орды, но преобладающий элемент великорусский. Учился в Московском ун-те, на классическом отделении историко-филологического фак-та. Писать стихи начал с 9 лет. Первое выступление в печати стихотворение „Иоанн Грозный" напечатанное в газете „Волгарь" (Н.-Новгород), 6 января 1901 г. Отдельные издания: 1) Позднее утро. (Стихи). Изд автора. М. 1909. 2) Пятьдесят лебедей. (Стихи). Изд. „Огни". СПБ. 1913. 3) Самовар. (Стихи). Изд. „Альциона". М. 1914. 4) Косые лучи. (Поэмы). Изд. В Португалова. М. 1914. 5) Полдень. (Собрание стихов). Изд. „Лукоморье" Пг. 1915. 6) Обитель смерти. (Стихи). Изд. автора. М. 1917. 7) Морозные узоры. (Рассказы и стихи). Изд. „Время". Пг. 1922.

Садофьев Илья. — Илья Иванович Садофьев — род. 12 июля (ст ст.) 1889 г. в Петербурге на Предтеченской ул. Отец, крестьянин Тульской губ., села Серебряных Прудов, работал в то время на заводе Сан-Галли, а мать, его односельчанка, служила у „господ" прислугой. Оба в деревне пользовались уважением. Мать писала неграмотным письма, детей воспитывала строго. Умела осколком перочинного ножа высокохудожественно расписывать красные пасхальные яйца. Отец был советчиком в родном селе по всем делам. Он обладал редким голосом и тонким слухом и прекрасно пел; отклонил предложение петь в театре, стесняясь

своей темноты, так как до 28 лет был неграмотным. С 6 до 13 лет С. вместе с родителями жил в деревне и учился две зимы в земской школе. 13 лет поступил в Петербурге мальчиком в чайную, потом—на уксусный завод. В конце 1905 г., после года житья в деревне, поступил поденщиком на Семянниковский завод. За участие в демонстрации 17 октября 1905 г. просидел в участке недели полторы. Разговоры с товарищами по несчастью возбудили в С. жажду знания. Он начинает усиленно читать классическую худож. литературу, а также нелегальные издания, поступает на вечерние общеобразовательные курсы при реальном училище А. С. Черняева, посещает тайные собрания рабочих-поэтов, учеников вечерних классов при народном доме граф. Паниной. Работал на многих заводах Петербурга. Он был в это время фрезеровщиком по инструменту, газетчиком, конторщиком, дворником. В 1916 г. за принадлежность к Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) был сослан в Якутскую обл. на 6 лет. Освободила Февральская революция. Писать стихи начал с 10 лет. Печататься начал с 1913 г. в рабочих газетах „Правда", „Стойкая Мысль" и др. под разными псевдонимами (Аксень-Ачкасов, Антон Калина, Илья И. и др.). В изучении стихотворного искусства первоначально помог поэт Ник. Рыбацкий. Отдельные издания: 1) Песни Митьки. (Баллада в двух частях). Изд. Грюнберга. П. 1917. 2) Динамо-стихи. Изд. Петрогр. Пролеткульта. П. 1918. 6-е изд. П. 1919. 3) Сильнее смерти. Поэма. Изд. „Космист". П. 1920. 4) Огни. Поэма. Изд. „Ленинградской Правды". Л. 1924.

Самобытник.—Алексей Иванович Маширов—род. в 1886 г. в Петербурге в бедной семье мелкого разорившегося ремесленника. 10 лет мальчик был отдан в ученье на фабрику металлических изделий. В 1903 г. входит в партию и участвует в организации подпольной типографии. За участие в выборах в комиссию Шидловского был с фабрики уволен и начал скитаться по мелким заводам и мастерским в качестве слесаря, шорника, бронзовщика, гравера, а иногда просто чернорабочего. В 1908—9 г. поступил в классы Лиговского Нар. Дома, где наряду с прохождением курса организовал учащихся рабочих. Первые литературные выступления состоялись там же, в товарищеских кружках и журналах. В 1914 г. С., вместе с товарищами по курсам, принимает самое деятельное участие в рабочем движении и в партийной работе. Он и его товарищи написали и отпечатали первые за время войны прокламации и листовки. После неоднократных арестов, осенью 1916 г. С. был сослан в Сибирь, откуда вернулся лишь после революции 1917 г. Отдельные издания: 1) Под красным знаменем. Стихотворения. Изд. „Пролеткульта". Вышло 6 изданий. 5-е изд. П. 1919. 2) На перевале. Стихи. Кн. 2-я. Изд. то же. Пг. 1921.

Санников Г.—Григорий Александрович Санников—родился 29 августа (ст. ст.) 1899 г. в гор. Яранске Вятской губ. в семье ремесленника-санника. Дед крестьянин на ряду с землепашеством, делал сани, отсюда, как С. предполагает, повидимому, и его фамилия. Учился в городском училище и окончил его 14 лет. Потом занимался самообразованием. В 1916 г. уехал в Москву, где вошел в подпольный соц.-демокр. кружок. Со времени февральской революции состоит членом РКП (б). Учился в университете Шанявского на историко-филолог. фак., но по условиям работы в Красной армии вынужден был эти занятия оставить. Все годы революции работал в разных общественных учреждениях и в Красной армии, вел партийную работу, параллельно занимался в литературной студии Моск. Пролеткульта в 1918—1920 г. г. С 1922 г. был демобилизован и занялся исключительно литературой. Состоит членом президиума группы писателей „Кузница", являясь одним из ее основателей. Писать начал с 15—16 лет., серьезно—с 1918—19 г. Впервые печатался в газете „Вперед" в 1917 г. Отдельные издания: 1) Лирика. Изд. Всеросс. Ассоц. Пролет. Писат. М. 1921. 2) Дни. Изд. „Кузница". М. 1922. 3) Под грузом. Изд. „Кузница". М. 1923. 4) Цветы труда. Гос. Изд-во. М. 1923. (В сотрудничестве с В. Казиным и Н. Ляшко).

Светлов М.—Михаил Аркадьевич Светлов—род. в г. Екатеринославе 4 июня (ст. ст.) 1903 г. Писать начал с 1917 г. Первое печатное выступление — стих. „Матери", напечатанное в большевистской Екатеринославской газете „Голос Солдата" в конце 1917 г. Отдельные издания: 1) Рельсы. Изд. „Молодой Рабочий". Харьков. 1922. 2) Стихи. Изд. „Молодая Гвардия". Ленингр. 1924. 3) Стихи о ребе. Изд. „Молодой Рабочий". Харьков. 1923. 4) Корни. Изд. „Московский Рабочий". М. 1925.

Северянин Игорь.—Игорь Васильевич Лотарев—род. 4 мая (ст. ст.) 1887 г. в Петербурге. Отец С.—отставной штабс-капитан. Мать урожденная Шеншина (родственница поэта А. А. Фета), дочь предводителя дворянства Щигровского у. Курской губ. Учился в Череповецком реальном училище. Первое ли-

тературное выступление—стихотворение, напечатанное в ежемесячнике „Досуг и Дело" в № 1 за 1905 г. Родоначальник „эго-футуризма". С. издано очень много сборников стихов, часть из которых вышла за границей, где С. проживает после Октябрьской революции. Главнейшие из сборников стихов, вышедших отдельно (впоследствии много раз переиздавались): 1) Громокипящий кубок. Изд. „Грнф". М. 1913. 2) Златолира. Изд. то же. 1914. 3) Ананасы в шампанском. Изд. „Наши Дни". Пг. 1915. 4), Victoria Regia. Изд. то же. 1915. 5) Поэзоантракт. Изд. то же. 1916. 6) Тост безответный. Изд. Пашуканиса. М. 1916. 7) Поэзоконцерт. Избранные поэзы. М. 1918. 8) За струнной изгородью лиры. Изд. Пашуканис. М. 1918. 9) Собрание поэз. IV т.т. Изд. Пашуканиса. 10) Собрание поэз. Изд. „Земля". Спб. 1918. Вышли: II, III и VI т.т. Кроме этого С. издано много сборников „поэз" в эмиграции.

Сидоров Юрий. — Юрий Ананьевич Сидоров — родился 13 ноября (ст. ст.) 1887 года в Петербурге. 13-ти лет поступил в 3-й класс Борисоглебской гимназии, 8-й класс кончил в Калуге. В 1906 г. поступил на историко-филологический факультет Московского ун-та. Умер 21 января 1909 г. Последние годы жизни был очень увлечен религиозной мистикой Мережковского, с одной стороны, и боготворил Пушкина, как поэта, с другой. Писать начал в юношеском возрасте. Отдельные издания: Стихотворения. (Посмертный сборник). Изд. „Альциона". М. 1910.

Скиталец. — Степан Гаврилович Петров — родился в 1868 г. в крестьянской семье в Самарской губ. В детстве с отцом гусляром ему приходилось играть и петь в разных ярмарочных притонах. 16-ти лет ему удалось поступить в учит. семинарию, но оттуда был исключен за „неблагонадежность". Затем был певчим, писцом, странствующим хористом. В 1898 г. начал сотрудничать в „Самарской Газете", где в течение 2-х лет поместил в виде стихотворных фельетонов около 20 тыс. стихов. В Самаре близко сошелся с Горьким, стал серьезно заниматься литературой и напечатал в № 11 „Жизни" за 1900 г. рассказ „Октава". Переехал в Н.-Новгород и поселился с Горьким. В 1901 г. был арестован и отправлен на родину, бежал и вскоре опять был арестован. В начале 1905 г. был арестован в кв. Леонида Андреева. Отдельные издания: 1) Рассказы и песни. Т. I. Изд. „Знание". СПБ. 1902. 2) То же. Т. II. Изд. то же. 3) Рассказы и стихи. Т. III. Изд. то же. 4) Рассказы и стихи. Т. IV. Изд. „Обществ. Польза". 5) Рассказы и стихи. Т. V. Изд. „Освобождение". 6) Полное собрание сочинений. Изд. „Жизнь и Знание". Вышли т.т. I—III. 7) Песни Скитальца. Изд. Комитета памяти В. Бонч-Бруевич (Величкиной). М. 1920.

Соловьев Владимир. — Владимир Сергеевич Соловьев—род. 16 янв. (ст.ст.) 1853 года в Москве. Сын историка Сергея Михайловича С. Дед С. был священником, дед со стороны матери—контр-адмирал Романов, дальний родственник философа Сковороды. Юность С. прошла частью в Москве, частью в подмосковном имении „Покровское". Учился в 5-й Московской гимназии и в Московском ун-те. Сначала поступил на физико-математический, а потом перешел на историко-филологический факультет. С. вырос в религиозной семье, но в возрасте от 14 до 18 лет пережил полосу атеизма. К 20 годам окончательно сложилось его мистически-религиозное миросозерцание. В 1875 г. защитил диссертацию на степень магистра философии „Кризис западной философии" и уехал за границу—в Лондон, Париж, Италию и Египет. По возвращении в Россию в 1876 г. занял кафедру в Московском ун-те. В 1877 г. перевелся в Петербург — членом Ученого К-та при Минист. Нар. Просв. В 1880 г. защитил в Петербурге диссертацию на степень доктора на тему „Критика отвлеченных начал". В 1881 г. выступил с публичной лекцией, протестующей против казни цареубийц. Это навсегда погубило его официальную карьеру. С этих пор С. делается свободным писателем и философом. В 1886 г. вновь ездил за границу. Последний период жизни жил то в Москве, то в Петербурге, то за границей, то в Финляндии, то в имениях у близких лиц. Умер в Москве 31 июля 1900 г. Писать начал с гимназических лет — шуточные пьесы и стихи. Известен главным образом, как философ—основатель и духовный вождь той специфической московской религиозно-мистической философской школы, которая впоследствии группировалась вокруг московского религиозно-философского о-ва и издательства „Путь" (Бердяев, Булгаков, Эрн, Евг. Трубецкой и др.). Большинство работ С. относится к области философии. Из поэтических и беллетристических произведений отдельными изданиями вышли: 1) Стихотворения. Выдержали 7 изданий — последнее изд. „Русский Книжник". М. 1921. 2) Шуточные пьесы. Изд. „Задруга". М. 1922.

Соловьев Сергей. — Сергей Михайлович Соловьев — род. 13 октября (ст. ст.) 1885 г. в Москве. Племянник поэта и философа Владимира Сергеевича С. и внук историка Сергея Михайловича С. Окончил Московский ун-т по классическому отделению историко-филологического факультета в 1911 г. Писать начал с 1904 г. Первое печатное выступление — цикл стихов „Предания" в альманахе „Северные Цветы Ассирийские". Отдельные издания: 1) Цветы и ладан. (Стихи). М. 1907. 2) Crurifragium. Книга поэм и сказок. М. 1908. 3) Апрель. Вторая книга стихов. Изд. „Мусагет". М. 1910. 4) Цветник царевны. Третья книга стихов. Изд. „Мусагет". М. 1913. 5) Возвращение в дом отчий. Четвертая книга стихов. М. 1916.

Соловьева П. (Allegro). — Поликсена Сергеевна Соловьева — род 20 марта (ст. ст.) 1867 года в Москве. Дочь историка Сергея Михайловича и сестра философа и поэта Владимира Сергеевича С. Дед по отцу был священником, по матери — контр-адмирал В. П. Романов, за знакомство с декабристами сидевший в Петропавловской крепости. Читать выучилась 5 лет. Читала „жития святых", сказки Андерсена, сочинения Пушкина, Гоголя и Фета. В 1895 г. переехала в Петербург и попала в литературные круги „символистов". В 1906 г. вместе с Н. И. Манасеиной стала издавать детский журнал „Тропинка", издание которого продолжалось 7 лет. Умерла в 1924 году. Писать стихи начала с раннего детства. Первое литературное выступление — стихи в „Ниве", напечатанные, когда С. было 16 лет. Отдельные издания: 1) Стихотворения. СПБ. 1899. 2) Иней. (Стихи). Изд. „Тропинка". СПБ. 1905. 3) Плакун-трава. (Стихи). Изд. „Тропинка". СПБ. 1909. 4) Перекресток. (Повесть в стихах). Изд. Тропинка". Спб. 5) Вечер (Стихи). Изд. „Тропинка". Спб. 1914. 6) Куклин дом. Пг. 1916. 7) Последние стихи. Гос. Изд-во М. 1923.

Сологуб Федор. — Федор Кузьмич Тетерников — родился 17 февраля (ст. ст.) 1863 г. в Петербурге в чисто-пролетарской семье: отец его был портным из Полтавской губ., мать — крестьянка. Отец умер, когда С. было 4 года, мать служила прислугой и поставила сына на ноги. В доме Агаповых, у которых служила мать С., с детских лет он слышал рассказы о старине, музыку, пение знаменитых артистов, читал много книг. С семьей А. у него были самые дружеские отношения. Здесь он полюбил искусство и теат[illegible]ного читал, особенно увлекался „Робинзоном", „Королем Лиром" и „Дон-Кихотом", которые знал почти наизусть. Учился сначала в уездном училище, а потом в Петербургском учительском институте. По окончании его (1882 г) получил место учителя в г. Крестцах Новг. губ. Прожил там 3 года, писал стихи, роман „Тяжелые сны". После учительствовал в Великих Луках в течение 4-х лет. Здесь приступил к „Мелкому бесу". В 1889 г. перевелся в Вытегру в учительскую семинарию, прожил там 3 года В 1892 г, переехал в Петербург. Сблизился с группой Мережковского и Гиппиус, много писал, но продолжал и учительство. В 1899 г. был назначен инспектором Андреевского городского училища. Вскоре стал одной из видных фигур в группе „символистов". В 1905 г. участвовал в революционно-сатирических журналах. В 1907 г., выслужив пенсию за 25-летнюю службу, вышел в отставку и всецело отдался литературе. Писать стихи начал с 12 лет. Первое литературное выступление — стихотворение, напечатанное в 1884 г. в журнальчике „Весна". Отдельные издания: 1) Собр. сочинений. 12 т.т. (некоторые т.т. в изд. „Сирин". 1913—1914 г.г.). Изд. „Шиповник". СПБ. 1909—1912 г. (Вышло не все). 2) Стихи. СПБ. 1896. 3) Тени. (Рассказы и стихи). Кн. II. СПБ. 1896. 4) Собрание стихов (1897—1903). Кн. III и IV. Изд. „Скорпион". М. 1904. 5) Родине. V книга стихов. Пб. 1906. 6) Змий. VI книга стихов. СПБ. 7) Стихи. Кн. VII. Пб. 8) Переводы из Верлена. СПБ. 1908. 9) Пламенный круг. (Стихи). Кн. VIII. Изд. „Золотое Руно" М. 1908. 10) Земля родная. (Избранные стихи). Изд. „Универс. Б-ка". М. 1916. 11) Стихи. Изд. „Отечество". Пб. 1915. 12) Фимиамы. (Стихи). Изд. „Странств. Энтузиаст". П. 1921. 13) Небо голубое. (Стихи) Изд. „Библиофил". Ревель. 1921. 14) Соборный благовест. „Эпоха" Пб. 1921. 15) Одна любовь. (Стихи) Изд. „Странствующий Энтузиаст". Пг. 1921. 16) Чародейная чаша. Изд. „Эпоха". Пб. 1922. 17) Костер дорожный. (Стихи). Изд. „Творчество". М. 1922. 18) Свирель. Русские бержереты. (Стихи). Изд „Петрополис". Пг. 1922. 19) Великий благовест". (Стихи). Гос. Изд-во. М. 1923. 20) Сочтенные дни. Изд. „Библиофил". Ревель. 1921.

Столица Любовь. — Отдельные издания: 1) Лада. Песенник. Изд. „Альциона". М. 1912. 2) Раиня. М. 1908. 3) Русь. 3-я книга стихов. Изд. „Новая Жизнь". М 1915.

Тан. — Владимир Германович Богораз — род. в 1864 г. в г. Таганроге в семье учителя еврейской школы. Поступил в Спб. университет на юридический факультет. В 1882 г. за участие в беспорядках был удален Десять лет (1889—99 г.) провел в ссылке в Колымском округе Якутской обл, где изучал быт и нравы туземных инородцев, гл. образом чукчей. Результаты изучения дали ему богатый материал, который сделал его имя известным в этнографической науке и который он использовал в своих рассказах из жизни инородцев. (Труды его, помещенные в изданиях Академии Наук: „Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора“ и „Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе“—Спб. 1900, а также „Чукотские рассказы“ и др.). В 1899 г. по рекомендации Академии Наук был приглашен Нью-Иоркским естественно-историческим музеем к участию в научной экспедиции для изучения северных берегов Тихого океана. В 1905 г. был одним из организаторов „Крестьянского Союза“. В 1906 г. был арестован. В 1910 г. был приговорен к заключению в крепости, где пробыл несколько месяцев, з затем освобожден по болезни. Печататься начал с начала 80-х годов. Отдельные издания: 1) Собрание сочинений. 10 томов. Изд. „Просвещение“. СПБ. 1911—1912. 2) Стихотворения. Изд. Дороватовского и Чарушникова. Спб. 1900. 3) То же. Изд. 3-е Спб. 1906.

Тарасов Евг. — Евгений Михайлович Тарасов — род. в 1882 г. Отдельные издания: 1) Стихи 1903—1905 г. Изд. „Новый Мир“. М. 1906. 2) Стихотворения. Изд. Пролеткульт. П. 1919.

Тихомиров Н. С. — Никифор Семенович Тихомиров — род. 28 мая (ст. ст.) 1888 г. в деревне Девятино-Покровское на Сити Яросл. губ. Мологского у. в семье крестьянина. Образование — сельская школа. 19 лет живет в Петербурге, ныне в Ленинграде, и с 1908 г. работает там на фабриках и заводах: в типографии, на граммофонной, на конфектной, на фабрике „Треугольник“, а с 1914 г. работает машинистом у паровых турбин на 1-й Ленингр. госуд. электростанции. Писать начал с 1911 г. Первое печатное выступление — стих. „Грезы“, помещенное в „Вестнике Приказчика“ в декабре 1912 г. под псевдонимом „Н. С. Несмелый“. Печатался и под другими псевдонимами — „Мужик Лапотей“, „Семен Болтов“ и др. Кроме стихов, пишет рассказы, печатавшиеся в Ленингр. журналах: „Пламя“, „Грядущее“, „Красная Деревня“ и др. Отдельные издания: Красный Мост. Стихи 1914—1918 г. Изд. Пролеткульта. П. 1919. Вышло 2 издания.

Тихонов Николай. — Николай Семенович Тихонов.—Отдельные издания: 1) Орда. Стихи (1920—1921 г.г.). Изд. „Островитяне“. Пг. 1922. 2) Брага. Вторая книга стихов (1921—22 г.г.). Изд. „Круг“. М. 1922.

Третьяков Сергей. — Сергей Михайлович Третьяков.—Отдельные издания: 1) Железная пауза. Стихи. Владивосток. 1919. 2) Ясныш. Стихи. Изд. „Птач“. Чита. 1922. 3) Итого. Гос. Изд.-во М. 1924. 4) Октябревичи. Изд. „Молод. Гвардия“. Л. 1924.

Туманный Д. — Николай Николаевич Панов — родился 11 августа (ст. ст.) 1903 г. в г. Козельске Калужской губ. в семье податного инспектора. С октября 1917 г. живет самостоятельным трудом, много ездил, сменив до двадцати мест работы. Окончил Московский Институт Журналистики. Первое печатное выступление — в московском журнале „Творчество“ в 1918—19 г. стихотворения „Баррикада“ и „Красные Лилии“. В 1920—22 г. Т. был организатором и вождем группы поэтов „презантистов“. В настоящее время работает над авантюрио-революционными сюжетами, написав поэму приключений „Человек в зеленом торфе“ и роман „Гражданин голубой пустыни“, а также над кинематографическим романом о китайской революции „Дымящееся лицо“ и над циклом сюжетных стихотворений-рассказов. Отдельные издания: 1) Московская Америка. 1-я кн. стихов. Изд. „Новая Москва“. М. 1924.

Филипченко Иван. — Иван Гуриевич Филипченко — род. в селе Старо-Хоперском Балашовского у. Саратовской губ. в крестьянской семье. Был по профессии переплетчиком. Учился в университете имени Шанявского. Был арестован в 1913 г. и выслан из Московской губ. Коммунист с 1913 г. Начал писать с 14 лет. Отдельно изданы: 1) Эра славы. Стихи и поэмы. Гос. Изд-во. М. 1918 [1920]. 2) Руки. Стихи и поэмы. Изд. „Кузница“. М. 1923.

Фомин Семен. — Семен Дмитриевич Фомин — род. 26 января (ст. ст.) 1881 г. в деревне Сущево Владимирской губ. Александровского у. Получив начальное образование, пополнял его самообразованием, а также занятиями на курсах и в народном университете. В 1912—13 г. ездил за границу (в Швейцарию). В годы революции в течение четырех лет работал просвещенцем в деревне, с которой связи

не порывает все время. Имеет звание учителя и преподает в школе 1 ступени МОНО. Писать начал с 15—16 лет Первое напечатанное стихотворение „Пречистенским курсам“ (в журнале „Новая Воля“ за 1907 г. № 7). Отдельно изданы: 1) Песни радости и печали. М. 1914. 2) Свирель. Гос. Изд-о. М. 1920.

Фофанов К. М. — Константин Михайлович Фофанов (18 мая (ст. ст.) 1862—17 мая (ст. ст.) 1911) — родился в Петербурге. Дед его был крестьянин Олонецкой губ., отец торговал дровами и записался в спб. купцы. Учился в частных пансионах. Писать начал с 8—10 л. Первые стихи появились в 1881 г. в „Русском Еврее“. Умер в крайней бедности от крупозного воспаления легких. Отдельные издания: 1) Стихотворения. СПБ. 1887. 2) Стихотворения. СПБ. 1889. 3) Тени и тайны. СПБ. 1891. 4) Стихотворения. Часть 1-я. Маленькие поэмы. 5) То же. Ч. 2-я. Этюды в рифмах. 6) То же. Ч. 3-я. Снегурка. 7) То же. Ч. 4-я. Майский шум. 8) То же. Ч. 5-я. Монологи. Все 5 частей изд. Суворина. СПБ. 1896. 9) Иллюзии. Изд. то же. СПБ. 1900. 10) После Голгофы. Мистерия-поэма. СПБ. 1910. 11) Необыкновенный роман. Повесть в октавах. СПБ. 1910.

Хлебников В. — Виктор Владимирович Хлебников — род. 28 октября (ст. ст.)1885 года в Калмыцкой степи, Саратовской губ. Сын интеллигента, попечителя калмыцкого округа. В раннем детстве переехал с отцом, получившим перевод по службе, в Волынскую губернию в б. имение князей Чарторыйских Подлужное. Затем—в с. Панаево, Симбирской губ. Учился в Казани в 1-й гимназии. был всегда „хорошим учеником“, особенно по математике. Там же поступил в университет. В 1905 году увлекся политикой. Вскоре переехал в Петербург. Забросил университетские занятия и увлекся литературой. Писал под именем „Велемир Хлебников“. Один из родоначальников и вождей русского футуризма. Писать начал с 1903 года. Первое печатное выступление — пьесы „Маркиза Дезес“ и „Железный Конь“ в 1-м сборнике „Садок Судей“ 1908—9 г. Пб. Изд-во „Журавль“. Ранний период поэтического развития протек в Петербурге (1905—10 г. г.). Далее — в 1912—15 г. г. Х. жил в Москве, в 1918—20 г. г.—на Украине, в 1920 г. в Баку, в 1921—22 г. — в Персии. По возвращении из Персии в начале 1922 года жил в Москве в очень тяжелых условиях, почти в нищете, на случайную помощь друзей. Умер от заражения крови в тяжелых страданиях в деревне Санталове Крестецк. у. Новгородской губ. 28 июня 1922 года. После смерти Х. осталось много ненапечатанных его рукописей — около 1000 стихотворений, до 100 поэм, повестей, пьес. Часть этого поэтического наследства опубликована друзьями покойного поэта. (Посмертный сборник „Стихи“—М. 1923 г., „Зангези“, „Доски судьбы“) часть до сих пор еще в рукописях. Кроме поэтического творчества Х. много работал в области теории поэтического языка и создал своеобразное учение о времени и числе, как основе всех явлений, применив математические законы к изучению всемирной истории. Составление сколько-нибудь полной библиографии Х. чрезвычайно затруднено тем обстоятельством, что большинство (и в том числе не мало лучших) его вещей печаталось не в самостоятельных книгах поэта, а в разного рода сборниках, альманахах и журналах („Садок судей“. М. 1912. „Пощечина общественному вкусу“. М. 1913. „Требник троих“. М. 1913. „Дохлая луна“. М. 1914 и др.). Главнейшие отдельные сборники стихов Х.: 1) Ряв. Перчатки. Пб. 1914. 2) Творения. М. 1914. 3) Изборник. Изд. ЕУЫ. 1914. 4) Стихи. (Посмертный сборник). М. 1923.

Ходасевич Владислав.—Владислав Фелицианович Ходасевич—род. 16 мая (ст. ст.) 1886 г. в Москве. Писать начал с детства. Отдельные издания: 1) Молодость. Изд. „Гриф“. М. 1908. 2) Счастливый домик. Изд. „Альциона“. М. 1914. 3) То же. 2-е изд. Гржебин. Пб. 1922. 4) Из еврейских поэтов. Изд. Гржебин. Пб. — Берлин. 1922. 5) Путем зерна. III книга стихов. Изд. „Мысль“. Пг. 1920 6) То же—2-е изд. „Мысль“ Пг. 1921. 7) Тяжелая лира. IV книга стихов. Гос Изд-во. М. 1922.

Цветаева Марина. — Марина Ивановна Цветаева. — Отдельные издания: 1) Вечерний Альбом. Стихи. М. 1910. 2) Из двух книг. Изд. „Оле-Лук-Ойе“. М. 1913. 3) Волшебный фонарь. М. 4) Версты. Изд. второе. „Костры“. М. 1921. 5) Версты. Стихи. Выпуск I. Гос. Изд-во. М. 1922. 6) Конец Казановы. (Драма в стихах). Изд. „Созвездие“. М. 1922. 7) Разлука. Стихи. Изд. „Геликон“. Берлин. 1922. 8) Стихи к Блоку. Изд. „Огоньки“. Берлин. 1922. 9) Царь-Девица. Поэма. Гос. Изд-во. М. 1922.

Чурилин Тихон — Тихон Васильевич Чурилин — род. 17 мая (ст. ст.) 1885 года в г. Лебедяни Тамбовской губ. Родители

(по материнской линии) купцы из крестьян. Русский, но по отцовской линии — еврейство. Учился в Московском Коммерческом Институте на экономическом отделении, куда поступил по окончании Лебедянской прогимназии. Самыми важными событиями в своей жизни Ч. считает „наш теперешний октябрь, подполье в Крыму, переход на общественную работу (с 20 г.) и отказ от „стихотворчества“, как эстетической самоцели (с 20 г.)“. „Стихов больше не пишу; работаю, как литкритик, теоретик художественного материализма (слово) и главное по коммунистической культуре. Работаю также для театра (пьесы, агит-памфлет)“... Писать начал серьезно с 19 лет. Первое литературное выступление — стихотворение „Мотивы“ в ежемесячном „Приложении“ к журн. „Нива“ за июль 1907 года. Отдельные издания: 1) Весна после смерти. (Стихи). Изд. „Альциона“ М. 1915. 2) Льву — барс. (2-я книга стихов). Изд. „Лирень“. М. 1918.

Шагинян Мариэтта. — Мариэтта Сергеевна Шагинян. — Отдельные издания: 1) Первые встречи. М. 1909. 2) Orientalia. Изд. „Альциона“. М. 1913. Выдержала несколько изданий, последнее — З. И. Гржебина. Пб.—Берлин. 1921.

Шведов Я. — Яков Захарович Шведов — род. 9 октября (ст. ст.) 1906 г. в деревне Пенья Тверской губ. Кимрского у. 7 лет привезен отцом в Москву. В 9 лет потерял мать, а еще через год — и отца. С 11 лет жил на положении беспризорного, исколесил всю Россию на крышах теплушек, с которых иногда падал. Писать начал с 1922 г. В том же году было впервые напечатано в газете „Юношеская Правда“ (ныне „Молодой Ленинец“) от 16 октября его стих. „Мой подарок“. Отдельно вышли: 1) Стихи. Изд. „Молодая Гвардия“. М. 1923. 2) Шестеренные перезвоны. Изд. „Новая Москва“. 1924. 3) Вьюги. Стихи. Изд. „Новая Москва. М. 1925. 4) Разлив. Стихи. Изд. „Московский Рабочий“. М. 1925.

Шенгели Георгий. — Георгий Аркадьевич Шенгели — родился 20 апреля (ст. ст.) 1894 г. в станице Темрюк Кубанской области. „Очень смешанной крови; преимуществуют грузинская и далматинская“. Сын адвоката. Окончил юридический факультет Харьковского ун-та. Писать начал с 1912 г. Первое печатное выступление — стихотворение, напечатанное в 1913 г. в одной из керченских газет. Отдельные издания: 1) Розы с кладбища. Керчь. 1914. (Уничтожено автором). 2) Зеркала потускневшие. Изд. „L'oiseau bleu“. Пг. 1915. 3) Лебеди закатные. Изд. и год те же. 4) Гонг. 1-й том стихов. Пг. 1916—17. 5) Апрель над обсерваторией. Пг. 1917. 6) Раковина. Изд. „Камена“. Пг. 1918. 7) Еврейские поэмы. Изд. „Гофнунг“. Харьков. 1919. 8) То же. 2-е изд. „Аониды“. Одесса. 1920. 9) Эредиа. Избран. сонеты. Перевод. Изд.. „Омфалос“. Одесса. 1920. 10) Нечаев. Драмат. поэма. Изд. Губнаробраза. Одесса. 1920. 11) 1871 год. Драм. поэма. Губиздат. Одесса. 1921. 12) Изразец. Губиздат. Одесса. 1921. 13) Раковина. 2-й т. стихов. Гос. Изд-во. М. 1922. 14) Броненосец „Потемкин“. Изд. „Красная Новь“. М. 1922. 15) Верхарн. 4 тома. Перев. Гос. Изд-во. М. 1923. 16) Гейне. Избр. стихи. Гос. Изд-во. М. 1925. 17) Гюго. Революция. Ленгиз. Ленинград. 1925. 18) Нард. Изд. Всеросс. Союза Поэтов. М. 1925.

Шершеневич Вадим — Вадим Габриэлевич Шершеневич — род. 24 января (ст. ст.) 1893 г. в Казани. Сын известного профессора гражданского права и общественного деятеля Габриэля Феликсовича Ш. Начал писать с 15 лет. Первое литературное выступление — лирическое стихотворение, напечатанное в 1911 г. в одной из московских газет. Иногда писал под псевдонимами „Аббат — Фанфренюш“ и „Пингвин“. В 1919 году выступил, как глава и идеолог школы „имажинистов“. Отдельные издания: 1) Романтическая пудра. (Стихи). „Петербургский Глашатай“. Пб. 2) Экстравагантные флаконы. (Стихи). Изд. „Мезонин Поэзии“. Пб. 1913. 3) Carmina. (Стихи). М. 1914. 4) Быстрь. (Стихи). Изд. „Плеяда“. М. 1916. 5) Автомобильная поступь. (Стихи). Изд. „Плеяда“. М. 1916. 6) Лошадь как лошадь. (Стихи). Изд. „Плеяда“. М. 1920. 7) Кооперативы веселья. (Стихи). Изд. „Имажинисты“. М. 1921. 8) Коробейники счастья. (Стихи). Изд. „Имажинисты“. М. 1921. 9) Вечный Жид. (Пьеса в стихах). Изд. „Чихи-Пихи“. М. 1921.

Ширяевец Александр. — Александр Васильевич Абрамов — род. 2 апреля (ст. ст.) 1887 г. на Волге в селе Ширяево Симбирской губ. Отец происходил из крестьян, но приписался к мещанам и служил лесным об'ездчиком. Ш. детство провел сначала в родном селе, в Жегулях, потом в мордовском селе Старая Бинарадка и в г. Самаре. Четырнадцатилетним мальчиком похоронил отца. Первона-

чальное образование получил в церковно-приходской школе и в городском училище. В 1905 г. поступил на бумаго-красильную фабрику, потом в почтово-телеграфную контору. В том же году переселился с матерью в Туркестанский край, где жил до 1922 г., только один раз в 1915 г. побывав на родине. В 1922 г. переехал в Москву, где в этом же году умерла его мать, которой он посвятил „Мужикослов" и „Раздолье". В Москве же умер и сам поэт 15 мая 1924 г. в Старо-Екатерининской больнице от воспаления мозга и похоронен на Ваганьковском кладбище. Ш. начал писать с 19—20 л. и впервые стал печататься в 1908 г. в Ташкентской газете. Отдельно выпущены книги стихов: 1) Ранние сумерки. Ташкент. 1911. 2) Запевки. Ташкент. 1916. 3) Узоры. Гос. Изд-во М. 1923. 4) Раздолье. Гос. Изд-во. М. 1924. 5) Мужикослов. Изд. „Круг". М. 1923. Незадолго до смерти Ш. написал поэму „Палач", еще не напечатанную.

Шкапская Мария.— Мария Михайловна Шкапская — род. 3 октября 1891 в Петербурге. Шкапская — фамилия по мужу, девичья фамилия — Андреевская. Дочь петербургского чиновника. По отцу — русская, по матери — немка. Высшее образование получила во Франции. Писать стихи начала с детства. Первое серьезное литературное выступление — стихотворение „Горам", напечатанное в „Вестнике Европы" в 1916 г. До этого в 1910—12 г.г. отдельные стихотворения Ш. печатались в газетах. Отдельные издания: 1) Mater dolorosa. (Стихи). Изд. „Неопалимая Купина". П. 1921. 2) То же. 2-е изд. „Библиофил". Берлин — Рига. 1922. 3) Час вечерний. (Стихи). Изд. „Мысль". Пг. 1922. 4) Барабан строгого господина. (Стихи). Изд. „Огоньки". Берлин. 1922. 5) Кровь — руда. Изд. „Эпоха". Берлин. 1922. 6) То же. Изд. 2-е ВСП. 1925. 7) Явь. (Поэма). Изд. „Круг". М. 1923. 8) Земные ремесла. Изд. ВСП. 1925.

Шкулев Ф.— Филипп Степанович Шкулев — род. в 1866 г. в деревне Печатники Московского у. в бедной крестьянской семье через три месяца после смерти отца. Мать работала прачкой. В сельской школе Ш. проучился 3 месяца и 10-летним мальчиком был отдан на фабрику, на которой после 8—9 мес. работы потерял правую руку и на всю жизнь остался инвалидом. Пишет левой рукой. До 24 лет жил мальчиком и „молодцом" в овощной лавке, а позднее тоже рабочим. В 1905 г. при магазине „Искра" вместе с Леоновым. образовал небольшое издательство, которое издало „Пауки и мухи" Либкнехта и др. в то время нелегальные произведения. В дни декабрьского восстания Ш. участвовал в борьбе на баррикадах и испробовал казацкой нагайки. В 1911 г. Московской судебной палатой за редактирование журнала „Народный Рожок" был приговорен по 129 ст. к 6 мес. одиночного тюремного заключения, которое и отбыл в Таганской тюрьме. В 1912 г. участвовал в марксистских газетах „Правда" и „Звезда". С наступлением войны ему угрожала высылка в Нарым, но он бежал в Архангельск, где пробыл до Февральской революции, после которой вернулся к себе на родину и там всецело занялся общественной работой. До Октябрьской революции был председателем волостного земства, затем волостного совета. Членом исполкома состоит до сих пор. Писать начал с 16—17 лет. В сборнике „Наша Хата" в 1890 г. было помещено его первое печатное произведение — сказка „Ночь под Ивана Купала". Отдельно изданы: 1) Не всем счастье. М. 1902. 2) Кто виноват. М. 1902. 3) Смелые песни. Изд. Травиной. М. 1916. 4) Гимн труду. Собрание стихотв. Изд. „Книгопечатник". М. (Г. не обозн.) 5) Кузнецы. М. 6) Сказ про мельника острожника да про Ивана безбожника. М.

Эренбург Илья. — Большинство книг Э. выходило за-границей, где живет поэт. Отдельные сборники стихотворений: 1) Стихи. Париж. 1910. 2) Я живу. Изд. „Общественная Польза". Пб. 1911. 3) Одуванчики. Париж. 1912. 4) Будни. Там же. 1914. 5) Детское. Там же. 1914. 6) Стихи о канунах. М. 1916. 7) Молитва о России. Изд-во и типогр. не обозн. 1918. 8) В смертный час. Молитва о России. Изд. „Летопись". Киев. 1919. 9) Огонь. Стихи. Изд. „Века и Дни". Гомель. 1919. 10) Кануны. Стихи 1915—21 г.г. Изд. „Мысль". Берлин. 1921. 11) Раздумья. Стихи. Изд. „Неопалимая Купина". Пг. 1922. 12) То же Рига. 1921. 13) Зарубежные раздумья. Изд. „Костры". М. 1922. 14) Опустошающая любовь. Изд. Огоньки". Берлин. 1922. 15) Звериное тепло. Стихи. Изд. „Геликон". Берлин. 1923. 16) В звездах. (Роман в стихах). Киев. 1919.

Якубовский Георгий.— Георгий Васильевич Якубовский — род. 21 апреля (ст. ст.) 1891 г. в селе Селец Холмского у. Люблинской губ. С 1908 г. принимает активное участие в политической жизни. Был арестован в 1909 г. и сидел в одиночном заключении в Седлецкой тюрьме. С Февральской революции состоит членом РКП (б). Учился в гимназии,

где в 1908 г. редактировал журнал „Маяк“, затем в университете им. Шанявского, в школе живописи в Москве у К. Ф. Юона и в Киеве в художеств. училище. Принимал участие на худож. выставках. Как член партии работал в Крыму, Саратове, Тамбове, Москве исключительно в области печати, редактируя газеты и журналы. Писать начал с 1908 — 9 г. Первое выступление в печати — в московском сборнике „Зигзаги в тумане“ в 1914 г. Отдельно вышли: Песни крови. Гос. Изд-во. М. 1925.

Ясный А. — Александр Маркович Яновский — род. 26 ноября (ст. ст.) 1903 г. в местечке Фундуклеевке Киевской губ. Чигиринского у. Состоит членом Комсомола с 1920 г. Работал от Комсомола в Екатеринославе, Виннице, Харькове и в др. местах. Писать начал с 1920 г. и впервые печатался в газете „Набат“ в Екатеринославе. Отдельные издания: 1) Каменья. Изд. Ц. К. К. С. М. У. Екатеринослав. 1923. 2) Шаг. Изд. „Молодая Гвардия“. М. 1924. 3) Ухабы. Изд. „Новая Москва“. М. 1925.

УКАЗАТЕЛЬ ПОЭТОВ И ИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

Адамович Георгий.

Стр.

Болезнь. (Чистилище. 1922) 151
Воробьевы горы. (Там же) 151
„Жизнь! Что мне надо от тебя,— не знаю“. (Там же) 151
„Звенели, пели. Грязное сукно“. (Там же) . 151
Летом. (Облака. 1916) 150
„Нет, ты не говори: поэзия — мечта“. (Чистилище. 1922). 150
Последняя любовь. (Облака. 1916) . . 151
„Так тихо поезд подошол“. (Там же) . . 150

Александровский В.

„Бешено“. (Шаги. 1924) 444
В ноябре. (Звон солнца. 1923) . . . 439
„Верю я, — мы грядущее выняньчим“. (Россыпь огней. 1922) 442
Ветер, (Звон солнца. 1923) . . . 439
„Глаза любимой не знают грусти“. (Там же) 440
„Горе тем, кто ослепли в огне“. (Ветер. 1923) 443
„Да, такие бывают напасти“. (Шаги. 1924) 445
Две России. I—V. (Звон солнца. 1923). 442
Девушка из деревни. (Там же) 440
„Дороги без конца. Тоскующие чащи“. (Там же) 442
„Душа, кричи громче“ (Там же) . . . 441
Завод. (Там же) 440
Из цикла „Октябрь“. I. (Шаги. 1924) . 444
Из цикла „Сокровенное“. I, IV. (Звон солнца. 1923) 437
„Когда на строгие нахмуренные ели“. (Там же) 438
Кузница при дороге. (Шаги. 1924) . . . 445
Мефистофель. (Там же) 438
Мы. (Звон солнца. 1923) 441
„Мы умеем все переносить“. (Там же) . 441
На рабфаке. (Шаги. 1924) 445
„Ну да, люди все такие“. (Там же) . . 444
Осень. (Звон солнца. 1923) 438
При разгрузке. (Там же) 439
Путник. (Там же) 440

Стр.

„Сквозь остро-сладкий запах липы“. (Там же) 440
„Сколько счастья и путаницы“. (Шаги. 1924) 437
„Твоей душе родней и ближе я“. (Звон солнца. 1923) 439
Я. (Там же) 441
„Я стихами по горло сыт“. (Шаги. 1924). 437

Анненский Иннокентий.

Август. II. Электрический свет в аллее. (Тихие песни. 1923) 106
„В небе ли меркнет звезда“. (Посмертные стихи. 1923). 110
В открытые окна. (Тихие песни. 1923). 106
Весенний романс. (Кипарисовый ларец. 1923) 111
Гармония. (Там же) 111
Гармонные вздохи. (Посмертн. стихи. 1923). 112
Два паруса лодки одной. (Кипарисовый ларец. 1923) 110
Двойник. (Тихие песни. 1923). . . . 105
Декорация. (Там же) 107
Decrescendo. (Посмертн. стихи. 1923). 110
Ego. (Там же). 105
Еще один. (Тихие песни. 1923). . . . 106
Идеал. (Там же) 106
Июль. (Там же) 106
Лира часов. (Посмертные стихи. 1923). 109
Листы. (Тихие песни. 1923). 105
Мучительный сонет. (Кипарисовый ларец. 1923). 108
Nox vitae. (Там же) 108
О нет, не стан. (Там же) 108
Октябрьский миф. (Там же) 108
Опять в дороге. (Тихие песни. 1923). 107
Петербург. (Посмертн. стихи. 1923) . 109
Сентябрь. (Тихие песни. 1923). . . . 106
Сестре. (Кипарисовый ларец. 1923). 111
Сизый закат. (Там же) 110
Среди миров. (Там же). 111
Старая шарманка. (Там же) 107

Стр.

Тоска вокзала. (Там же) 109
Тоска медленных капель. (Там же) . . 111
Тоска мимолетности (Там же). . . . 107
Трактир жизни. (Тихие песни. 1923) . 107
У гроба. (Там же) 105
Черная весна. [Тает]. (Кипарисовый ларец. 1923) 109
Черный силуэт. (Там же). 108
Что счастье? (Посмертные отихи. 1923) 105
Я люблю. (Кипарисовый ларец. 1923) 110

Антокольский П.

Волга. (Стихотворения. 1922) . . . 308
Кама. (Там же) 308
Лондон 1666. (Там же) 307
Москва. (Там же) 307
На рождение младенца. (Там же) . . . 308
Павел Первый. (Там же) 307

Артамонов Мих.

„Гаснет малиновый". (Земля родная. 1919) 383
Красный лик. (Там же) 384
„Ломкие хрусталинки". (Там же) . . . 383
Окраина. (Там же) 384
„Растяну меха гармони". (Там же) . . 382
Сваты. (Там же) 382
„Яблонька зеленая". (Там же) 383
Ярмарка. (Там же) 382

Асеев Николай.

В 1915 г. (Избрань. 1923) 197
Еще и осени не близко. (Там же) . . . 195
„Закат онемелый трепещет". (Ночная флейта. 1913) 194
Когда земное. (Избрань. 1923) 197
Кремлевская стена. (Оксана. 1916) . . 195
„Листья липовых скверов попрежнему свежи" (Ночная флейта. 1913) . 194
Ночной поход. (Там же) 195
„Ой, в пляс, в пляс, в пляс". (Оксана. 1916). 196
Перунья песня. (Избрань. 1923) . . . 196
Песня сотен. (Там же) 196
Пляска. (Оксана. 1916) 196
Россия издали. (Избрань. 1923) 198
Сегодня. (Там же) 198
„Совет ветвей, совет ветров". (Совет ветров. 1922) 198
Стальной соловей. (Там же) 197
Терцины другу. (Ночная флейта. 1913). 194

Стр.

„Троица! Стройся, кленовая лень". (Оксана. 1916). 195
Фантасмагория. (Ночная флейта. 1913). 194
Через гром. (Оксана. 1916) 195

Ахматова Анна.

„В последний раз мы встретились тогда", (Четки. 1922) 141
„Вечерние часы перед столом". (Там же). 142
Вечером. (Там же) 141
„Вместо мудрости—опытность, пресное". (Белая стая. 1918) 143
„Все расхищено, предано, продано". (Anno Domini. 1918) 146
„Долгим взглядом твоим истомленная". (Там же) 144
„Зажженных рано фонарей". (Там же) . 144
„Каждый день по новому тревожен". (Четки. 1922) 141
Колыбельная. (Anno Domini. 1921) . 145
„Нам свежесть слов и чувства простоту". (Белая стая. 1918) 143
„О, жизнь без завтрашнего дня". (Anno Domini. 1921) 144
„Он длится без конца—янтарный, тяжкий день!" (Четки. 1922) 143
„От любви твоей загадочной". (Anno Domini. 1921) 144
Памяти 19 июля 1914 (Белая стая. 1918). 146
„Память о солнце в сердце слабеет". (Четки. 1922) 142
„Перед весной бывают дни такие". (Белая стая. 1918) 145
Песня о песне. (Там же) 146
„Помолись о нищей, о потерянной". (Четки. 1922) 142
„После ветра и мороза было". (Там же). 141
„Проводила друга до передней". (Anno Domini. 1921) 145
„Просыпаться на рассвете". (Там же) . 145
Рыбак. (Четки. 1922) 141
„Слаб голос мой, но воля не слабеет". (Белая стая. 1918) 142
„Страх, во тьме перебирая вещи". (Anno Domini. 1921) 145
„Тебе покорной? Ты сошел с ума!". (Там же) 145
„Туманом легким парк наполнился". (Четки. 1922) 143
„Ты знаешь, я томлюсь в неволе". (Там же) 142
„Ты письмо мое, милый, не комкай". (Там же) 142
Уединение. (Белая стая. 1918) 146
„Чугунная ограда". (Anno Domini. 1921). 144

Стр.

„Широк и желт вечерний свет“. (Белая стая. 1918) 143
„Я слышу иволги всегда печальный голос“. (Подорожник. 1921) 143

Ашукин Николай.

Ангел. (Осенний Цветник. 1914) . 277
Городок. (Там же) 278
„Короче дни и сумерки синее“. (Там же). 278
Могила. (Скитания. 1916) 278
„Октябрь. Стоит давно пустою дача“. (Осенний Цветник. 1914) . . . 278
Посох. (Скитания. 1916) 277
Шкатулка с музыкой. (Осенний Цветник. 1914). 277

Балтрушайтис Ю.

Бедная сказка. (Земные ступени. 1911). 84
Беспечность. (Там же) 82
Вечер. (Там же) 83
Восхождение. (Горная тропа. 1912) . 84
Детские страхи. (Земные ступени. 1911) 83
Карусель. (Горная тропа. 1912) . . . 85
Комары. (Там же) 85
На пороге ночи. (Земные ступени. 1911) 82
Осенью. (Там же) 83
Отчизна. (Там же) 83
Призыв. (Горная тропа. 1912) . . . 84
Пробуждение. (Там же) 84
Taedium vitae. (Земные ступени. 1911) 82
Утренняя песнь. (Там же) 82

Бальмонт К.

Агни. (Зарево зорь. 1912) 36
Аккорды. (Будем как солнце. 1912) 34
Баюшки-баю. (В безбрежности. 1917) 30
Безглагольность. (Только любовь. 1917) 27
Белые березы. (Солн. пряжа. 1921) . 32
Будем, как солнце. (Будем как Солнце. 1912) 33
В моем саду. (Солн. пряжа. 1921) . . 33
Весенний клич. (Песня рабочего молота. 1922) 36
„Все мне грезится Море да Небо глубокое“. (В безбрежности. 1917) . . 29
Вселенский стих. (Солнечная пряжа. 1921). 29
Гармония слов. (Будем как Солнце. 1912) 34
Грусть. (Под северным небом. 1917) 31
Дождь. (Будем как Солнце. 1912) . 31
Завет бытия. (Там же) 33
Зарождающаяся жизнь. (Под северным небом. 1917) 28
Зачем? (Там же) 28
Золотая звезда. (Избранные стихи русских поэтов. Период третий. Вып. I. 1914) 28
Зоря-зоряница. (Солн. пряжа. 1921) . 35
Играющей в игры любовные. (Будем как Солнце. 1912) 32
Колыбельная песня. (Под северным небом. 1917) 30
Лебедь. (В безбрежности. 1917) . . 29
Лестница любви. (Солнеч. пряжа. 1921) 33
Меж подводных стеблей. (Там же) . . 33
Мечтательный вечер. (Избранные стихи русских поэтов. Пг. 1914). 28
На разных языках. (Будем как Солнце. 1912) 32
Наш танец. (Солнеч. пряжа. 1921) . 36
„Не буди воспоминаний. Не волнуй меня“. (В безбрежности. 1917) 31
Осень. (Избранные стихи русских поэтов. Период третий. Вып. I. 1914) 27
Рабочий поэту. (Песня рабочего молота. 1922) 36
Родная картина. (Под северным небом. 1917) 27
Ручеек. (Солнеч. пряжа. 1921) . . 34
С высокой башни. (Там же) 29
Снежинка. (Солнеч. пряжа. 1921) . . 35
Сразу. (Будем как Солнце. 1912) . 32
Уходящие тени. (В безбрежности. 1917) 29
Чайка. (Под северным небом. 1917). 30
„Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце“. (Будем как Солнце. 1912) . . . 27
Я вольный ветер. (Солн. пряжа. 1921) 32
„Я—изысканность Русской медлительной речи“. (Будем как Солнце) . . 34
Я не знаю мудрости. (Только любовь. 1917) 34
„Я ненавижу человечество“. (Там же) . 34

Баркова Анна.

Грядущая. (Женщина. 1922) 305
Две женщины. (Там же) 305
Дурочка. (Там же) 306

Стр.
„Не жалей колоколов вечерних“. (Там же) 305
Прокаженная. (Там же) 306
Умная собачка. (Там же) 306
Черный платок. (Там же) 305

Бедный Демьян.

Богомолка. (Собрание Сочинений. 1923) 414
Брату моему. (Там же) 403
Бунтующие зайцы. (Там же) 410
„Бывает час: тоска щемящая“ (Там же). 403
Гипнотизер. (Там же) 411
Гулимджан. (Там же) 409
Капитал. (Там же) 406
Катавасия. (Там же) 414
Кларнет и рожок. (Там же) 410
Клоп. (Там же) 410
Коммунары. (Там же) 408
Коммунистическая марсельеза. (Там же) 404
Красноармейская походная песня. (Там же) 407
Кубанская песня. (Там же) 407
Лена. (Там же) 404
О дохлой кобыле. (Там же) 412
Ослы. (Там же) 411
Песня деда Софрона. (Там же) 408
Проводы. (Там же) 406
Рабочий гимн. (Там же) 405
Свеча. (Там же) 411
„Умница“. (Там же) 410
„Чудных три песни нашел я в книге родного поэта“. (Там же) 403
Эп!.. (Там же) 413

Безыменский А.

Боевая Ленинская. (Иное солнце. 1924) 533
Веселый маляр. (Как пахнет жизнь. 1924) 534
Грядущему поэту. (К солнцу. 1921) . . 528
Два. (Как пахнет жизнь. 1924) . . 531
Завод слова. (К солнцу. 1921) 527
Коммунист. (Как пахнет жизнь. 1924) 531
О шапке. (Там же) 530
Партбилет. (Там же) 532
Партбилет № 224332. (Иное солнце. 1924) 533
После грозы. (К солнцу. 1921) 534
Поэтам „Кузницы“. (Как пахнет жизнь. 1924) 527
Пришедшему. (Там же) 534
Птицы. (Там же) 534
Пять песен человека. (К солнцу. 1921) 529
Типография жизни. (Там же) 528
Трудовой день. (Как пахнет жизнь. 1924) 530

Белый Андрей.

Асе. (Звезда. 1922) 80
Антропософии. (Там же) 81
Антропософии. (Там же) 81
Буря. (Урна. 1909) 79
В полях. (Золото в лазури. 1904) . . 72
Веселье на Руси. (Пепел. 1909) 76
Война. (Звезда. 1922) 80
Воспоминание. (Золото в лазури. 1904) 73
Воспоминание. (Звезда. 1922) 81
„Да не в суд или во осужденне“. (Урна. 1909) 79
Друзьям. (Пепел. 1909) 74
„Звон вечерний гудит, уносясь“. (Золото в лазури. 1904) 72
Кладбище. (Там же) 73
Меланхолия. (Гриф. Альманах. М. 1905) . 75
Мои слова. (Золото в лазури. 1904) . 72
На закате. (Там же) 73
На рельсах. (Пепел. 1909) 76
На улице. (Гриф. Альманах. М. 1905) . 75
Ночь. (Урна. 1909) 79
Ночью на кладбище. (Там же.) 80
Об'яснение в любви. (Золото в лазури. 1904) 74
Ожидание. (Там же) 73
Отчаянье. (Гриф. Альманах. М. 1905) . 75
Отчаянье. (Пепел. 1909) 75
Поэт. (Урна. 1907) 78
Променад. (Золото в лазури. 1904) . 74
Путь. (Пепел. 1909) 76
Разуверенье. (Урна. 1909) 79
Родине. (Звезда. 1922) 80
Родине. (Там же) 80
Солнце. (Золото в лазури. 1904) . . 72
Телеграфист. (Пепел. 1909) 77
Укор. (Там же) 78
Утро. (Там же) 78

Бердников Я.

„Алеет ширь!.. Смолкают бедствий стоны“. (Цветы сердца. Изд. 4-е. 1919) . 506
В дороге. (Там же) 506
Зима. (Там же) 507
Изба. (Пришествие. 1921) 507
Летний ветер. (Цветы сердца. Изд. 4-е. 1919) 507

Стр.

„Нет в комнате моей забавы прихотливой“. (Там же) 507
Русь. (Там же) 506
„Темнеет день, теплом лаская взоры“. (Пришествие. 1921) 506

Блок Александр.

„Барка жизни встала“. (Собрание сочинений. Т. II. Пб. 1922) 102
Болотный попик. (Там же) 97
„В голубой далекой спаленке“. (Там же) . 96
„Все на земле умрет — и мать, и младость“. (Стихотворения. Кн. 3-я, Изд. 3-е. Пб. 1921) 95
„Встану я в утро туманное“. (Собрание сочинений. Т. I. Пб. 1922) . . 95
„Грешить бесстыдно, непробудно“. (Стихотворения. Кн. 3-я. Изд. 3-е. Пб. 1921). 102
„Дым от костра струею сизой“. (Там же) . 100
„Медлительной чредой нисходит день осенний“. (Собр. сочинений. Т. I. Пб. 1922) 94
На железной дороге. (Стихотворения. Кн. 3-я. Изд. 3-е. Пб. 1921) . . 96
На островах. (Там же) 98
„Навстречу вешнему расцвету“. (За гранью прошлых дней. 1920) . . . 94
„Не жаль мне дней ни радостных, ни зноиных“. (Собр. сочинений. Т. I. Пб. 1922) 96
Незнакомка. (Там же. Т. II) 97
Новая Америка. (Стихотворения. Кн. 3-я. Изд. 3-е. Пб. 1921) 101
„Ночь теплая одела острова“. (За Гранью прошлых дней. 1920) . . . 94
„О доблестях, о подвигах, о славе“. (Стихотворения. Кн. 3-я. Изд. 3-е. Пб. 1921) 99
„О, нет! не расколдуешь сердца ты“. (Там же) 99
„О, я хочу безумно жить“. (Стихотворения. Кн. 3-я. Изд. 3-е. Пб. 1921) . 99
Осенняя воля. (Собр. сочинений. Т. II. Пб. 1922) 100
Пляска смерти. 2. „Ночь, улица, фонарь, аптека“. (Там же) 98
Пожар. (Собр. сочин. Т. II. Пб. 1922) . 103
„Последний пурпур догорал“ (Там же. Т. I) 95
Предчувствую Тебя. Года проходят мимо“. (Там же) 95
„Пусть светит месяц — ночь темна“. (Там же) 94
„Рожденные в года глухие“. (Стихотворения. Кн. 3-я. Изд. 3-е. Пб. 1921) . 103
Россия. (Там же) 101
Русь. (Собр. сочин. Т. II. Пб. 1922) . 100
Седое утро. (Стихотворения. Кн. 3-я. Изд. 3-е. Пб. 1921) 100
Servus — reginae. (Собр. сочин. Т. I. Пб. 1922) 95
Скифы. (Двенадцать. Скифы. СПБ. 1918) 104
Сусальный ангел. (Стихотворения. Кн. 3-я. Изд. 3-е. Пб. 1921) 97
„Тропами тайными, ночными“. (Там же) . 103
Фабрика. (Собр. сочин. Т. I. Пб. 1922) . 96
„Шли на приступ. Прямо в грудь“. (Там же. Т. II) 103
„Я и молод, и свеж, и влюблен“. (Там же. Т. I) 95
„Я шел к блаженству. Путь блестел“. (Там же) 94

Бобров Сергей.

Алмазные леса. (Алмазные леса. 1917). 200
„Благословлял земные долы“. (Там же) . 201
„Вниз по весне летели птицы“. (Там же). 201
Деньское метание. (Лира лир. 1917) . 202
За Москвой. (Вертоградари над лозами. 1913) 199
„Как вазочка — было сердце“. (Алмазные леса. 1917) 201
Конец сражения. (Лира лир 1917) . . 202
Les bienfaits de l'amour. (Вертоградари над лозами. 1913) 199
„Над глубиною небосклона“. (Алмазные леса. 1917) 201
Осенние печали. (Ветроградари над лозами. 1913) 199
Очарование. (Там же) 200
Предчувствие. (Там же) 199
Раб. (Там же) 200
Сад. (Там же) 200
„Слабеющими очами“. (Алмазные леса. 1917) 202
„Судьбы чужой прекрасная преграда“. (Там же) 202

Борисов П.

Кликуша. (Скоморох. 1923) 394
Метель. (Там же) 393
„На полынных на межах“. (Там же) . . 392
„Опять просторы хмурятся“. (Там же) . 392
Песня странника. (Там же) 393
Сельский бог. (Там же) 393
„Цвети, цвети, мой синий день“. (Там же). 39

Бражнев Е. (Е. А. Трифонов).

Стр.
Буйный хмель. (Буйный хмель. 1922) . 519
В карьере. (Там же) 520
„Как прежде, все кругом. Все тот же тесный двор“. (Там же) 519
Ноябрь. (Там же) 520
„Острог не спит. Он вечно наготове“. (Там же) 519
„Я приду, когда забрезжит свет“. (Там же) 520

Брюсов Валерий.

Бессонница. (Зеркало теней. 1912) . 55
„Большой дорогой, шоссе открытым“. (Там же) 57
„В борьбе с весной редеет зимний холод“. (Tertia vigilia. 1914) 53
„В полях забытые усадьбы“. (Зеркало теней. 1912) 56
В ресторане. (Там же) 57
В склепе. (Stephanos. 1914) 55
„Гаснут розовые краски“. (Кругозор. 1922) 52
Городу. (Избр. стихи русских поэтов. Период 3-й. Вып. I) . 59
Грустный вечер. (Все напевы. 1914) . 56
Грядущие гунны. (Stephanos. 1914) . . 60
Дождь в городе. (Зеркало теней. 1912). 58
Западный фронт. (Семь цветов радуги. 1916) 60
З. Н. Гиппиус. (Urbi et orbi. 1914) . 54
Инвектива. (Худож. Слово. 1920) . . 62
К моей стране. (Зеркало теней. 1912) . 59
К русской революции. (В такие дни. 1921) 61
„Как птицы очковой змеей, очарованы“. (Зеркало теней) 1912 57
Каменщик. (Urbi et orbi 1914) . . 60
Конь блед. (Stephanos. 1914) . . 58
Который раз. (Все напевы 1914) . . 55
„Красное небо за окнами томится“. (Urbi et orbi. 1914) 54
„Лежу на камне, солнцем разогретом“. (Tertia vigilia. 1914) 53
„Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое“. (Там же) 53
„На сухой осине серая ворона“. (Зеркало теней. 1912) 57
Нам проба. (В такие дни. 1921) . . . 61
Неизбежность. (Все напевы 1914) . . 56
Ночное одиночество. (Зеркало теней. 1912) 58
Отрады. (Tertia vigilia. 1914) . . . 53
Офелия. (Зеркало теней. 1912) . . 57
Памятник. (Семь цветов радуги. 1916) 52
Стр.
Пиршество войны. (Там же) 60
Подруги. (Chefs d'oeuvre. 1914) 58
„Помню вечер, помню лето“. (Stephanos. 1914) 54
Предчувствие. (Зеркало теней. 1912). 58
„Прощаю все,— и то, что ты лгала мне“. (Там же) 56
Раньше утра. (Urbi et orbi. 1914) . . 54
Серп и молот. (В такие дни. 1921) . 61
Сонет к форме. (Iuvenilia. 1914) . . . 53
Сумерки. (Все напевы. 1914) 55
Творчество. (Iuvenilia. 1914) 52
Тени прошлого. (Tertia vigilia. 1914) 53
Юному поэту. (Me eum esse. 1914) . 52
Я. (Tertia vigilia. 1914) 54

Бунин И. А.

Без меня (Господин из Сан-Франциско. 1916) 245
Белый Олень. (Полное собрание сочинений. Т. VI. 1915) 248
В Альпах. (Там же. Т. I) 243
В порту. (Там же. Т. III) 246
В Скутари. (Там же. Т. VI) 247
В феврале. (Там же. Т. I) 243
Дача. (Там же. Т. III) 245
Дворецкий. (Там же) 245
Дома. (Там же) 246
Дядька. (Там же) 244
Канн. (Там же) 248
„Как светла, как нарядна весна“. (Там же. Т. I) 243
Караван. (Там же. Т. III) 247
Конь Святогора. (Там же. Т. VI) . . . 247
„Могилы, ветряки, дороги и курганы“. (Там же. Т. I) 243
На винограднике. (Там же. Т. III) . . . 246
На даче. (Там же) 246
„Нынче ночью кто-то долго пел“. (Там же. Т. I) 244
Одиночество. (Там же. Т. III) 244
„Отдохни,— еще утро не скоро“. (Там же. Т. I) 244
Оттепель. (Там же) 245
Песня. (Там же. Т. III) 245
Полюс. (Там же) 246
Помпея. (Господин из Сан-Франциско. 1916) 247
Родина. (Полное собр. сочинений. Т. I. 1915) 243
Розы Шираза. (Там же. Т. III) 246
Сквозь ветви. (Там же) 245
Стамбул. (Там же) 247
„Счастлив я, когда ты голубые“. (Там же. Т. I) 244

Бутягина Варвара.

Стр.

В весне. (Лютики. 1921) 294
Весна. (Там же) 294
Грех. (Там же) 295
„Золотую паутину выткал". (Там же) . 294
Лань. (Там же) 294
Лесной скит. (Там же) 294
Осеннее кольцо. (Там же) 295
Скит. (Там же) 295

Верховский Юрий.

Б. А. Кржевскому. (Солнце в заточении. 1922) 120
„Вон — черных воронов на бледном небе стая". (Там же) 120
Годовщина. (Стихотворения. Т. I. 1917) 119
Дафнис. (Там же) 118
Домик. (Там же) 118
„Заветный миг отдохновенья". (Там же) . 119
„Зачем душа чего-то ищет". (Солнце в заточении. 1922) 120
„Зачем, паук, уходишь торопливо". (Там же) 120
Звезда. (Стихотворения. Т. I. 1917). 119
„И это все?" сказала ты". (Там же) . . 118
„Как упоительны поблекшие цветы". (Там же) 118
„Люби всегда мечту: вон облако плывет". (Там же) 119
„О, ночь державная! В таинственное лоно". (Там же) 119
Тифлис. (Там же) 118
„Ты мне сказал, что соловьи поют". (Там же) 119

Волошин Максимилиан.

Ангел мщения. (Иверни. М. 1918) . . 116
Венеция. (Там же) 114
„В зеленых сумерках, дрожа и вырастая". (Там же) 115
В цирке. (Избранные стихи русских поэтов. Период третий. Вып. II. П. 1914) 114
„Любить без слез, без сожаленья". (Там же) 116
„Над зыбкой рябью вод встает из глубины". (Иверни. М. 1918) 113
Она. (Там же) 115
Осенью. (Там же) 114
„Парижа я люблю осенний, строгий плен". (Там же) 114
Пещера. (Там же) 113
Полынь. (Там же) 113

Стр.

Россия. (Демоны глухонемые. Харьков. 1919) 116
Солнце. (Иверни. М. 1918) 113
Стенькин суд. (Демоны глухонемые. Харьков. 1919) 117
„Я к нагорьям держу свой путь". (Иверни. М. 1918) 115
„Я люблю усталый шелест". (Там же) . 115

Волчанецкая Екатерина.

„В эти дни особенно радостно слушать". (Серебряный лебедь. 1923) . . 292
„Воскрес Великий Пан; смеясь, на нивы". (Там же) 292
„Всходило сердце, полное любви". (Там же) 292
„Желтокрылых мотыльков шальная стая". (Там же) 293
Зима (Там же) 293
„Лед взломало... Не в весеннюю пору бурливую". (Там же) 292
„На обрывистом, песчаном берегу". (Там же) 293
„Сердце — разыгравшийся школьник". (Там же) 293
„Хочется любви, простой и бесхитростной". (Там же) 293

Галина Г.

В пути. (Предрассветные песни. 1906) 340
Жемчужина. (Там же) 339
Жизнь. (Там же) 339
„Лес рубят — молодой, нежно зеленый лес". (Там же) 339
„Может быть, это был только радостный сон". (Там же) 340
На дюнах. (Там же) 340
Освобожденный. (Там же) 339
Пограничный камень. (Там же) . . . 339
„Прости меня... Как все, я не могу любить". (Там же) 340
Рассвет. (Там же) 339
„Солнце греет уже горячо-горячо". (Там же) 340

Гастев Алексей.

Башня. (Поэзия рабочего удара. М. 1923) 421
Встреча. (Там же) 424
Выходи. (Там же) 425
Гудки. (Там же) 421
Дума работницы. (Там же) 420

Стр.

Моя жизнь. (Там же) 423
Мы идем. (Там же) 423
„Мы посягнули". (Там же) 422
Мы растем из железа. (Там же) 420
Первый луч. (Там же) 419
Я люблю... (Там же) 419

Герасимов Михаил.

„Березы севера все звонче". (Железное цветение. 1923) 433
„В кровь зацелован топкой жаркой". (Там же) 432
В купели чугуна. (Там же) 429
Завод весенний. (Там же) 428
„Завод вонзил два рога". (Северная весна. 1924) 428
К курганам. (Железное цветение. 1923) 431
„Когда в душе все сновиденья". (Там же) 433
„Люблю часы, когда на землю". (Северная весна. 1924) 432
Минин. (Железное цветение. 1923). 430
„Море безумствует, море хохочет". (Там же) 433
Мы. (Там же) 430
„Мы кричим". (Северная весна. 1924) 431
Осень в окопах. (Железное цветение. 1923) 431
Осенью. (Там же) 427
Песня о железе. (Там же) 429
Песня утренних зорь. (Негасимая сила. 1922) 435
„Работы нет, брожу бродягой". (Железное цветение. 1923) 427
„Разбухли пашни, словно тучи". (Там же) 433
Таинство посева. (Негасимая сила. 1922) 434
„Такою радостной и хрупкой". (Железное цветение. 1923) 432
Труба. (Там же) 430
„Ты весь закованный во брони". (Там же) 427
Чучело. (Негасимая сила. 1922) . . 435
„Я вижу пламенные ризы". (Железное цветение. 1923) 431
„Я — не нежный, не тепличный". (Северная весна. 1924) 427
„Я, отрок, рос в железном храме". (Там же) 426
„Я подарю сиамского котенка". (Железное цветение. 1923) 432
„Я пришел с „Вешними зовами". (Северная весна. 1924) 426

Гиппиус З.

Стр.

Без оправданья. (Последние стихи. 1918) 51
Бессилие. (Собрание стихов. 1904) . 47
Возьми меня. (Собрание стихов. Кн. вторая. 1910) 50
Днем. (Там же) 48
Иди за мной. (Собрание стихов. 1904) 47
Камень. (Собрание стихов. Книга вторая) 48
К ней. (Там же) 50
Любовь — одна. (Собрание стихов. 1904) 48
Надпись на книге. (Там же) 47
Нелюбовь. (Собрание стихов. Кн. вторая) 48
Непредвиденное. (Последние стихи. 1918) 49
Нескорбному учителю. (Собрание стихов. 1904) 49
Пауки. (Там же) 49
Пьявки. (Там же) 49
Сонет. (Там же) 47
Ты любишь. (Там же) 48
Улыбка. (Там же) 47
Часы стоят. (Там же) 49
14 декабря. (Собрание стихов. Кн. вторая) 50
Шутка. (Там же) 50
Электричество. (Собрание стихов. 1904) 49

Голодный Михаил.

„Ах, почему, когда, как камни". (Земное. 1924) 544
В июле. (Стихи. 1924) 544
Вечером. (Там же) 545
„Выйди милая, родная". (Там же) . . . 546
Лошадь. (Земное. 1924) 545
Тыл. (Красная Новь. № 3. 1924) . . 545
„Эх, станок, полюбил не на шутку я". (Земное. 1924) 546
„Я в мир пришел не посторонним". (Стихи. 1924) 544
„Я иду, иду тропинкою". (Земное. 1924). 546

Городецкий Сергей.

Весна. Городская. (Ярь. 1907) 132
Весна. Монастырская. (Там же) 132
„Ворвался вихрь, развеял пепел". (Цветущий посох. 1914) 134
Дождевик. (Русь. 1910) 132
„Звериный цесарь, нежити и твари". (Цветущий посох. 1914) 134

Стр.

Зной. (Ярь. 1907) 133
Кофе. (Серп. 1920) 136
Красная армия. (Там же) 135
Метель. (Перун. 1907) 133
Нищая. (Ива. 1913) 133
„Он верит в вес, он чтит пространство". (Цветущий посох. 1914) 134
Осенница. (Ярь. 1907) 133
Рожь. (Русь. 1910) 133
Русь. (Миролом. 1922) 135
Сумерки. (Там же) 135
„Так, без конца, сидеть и прясть". (Цветущий посох. 1914) 134
Тар. (Ярь. 1907) 131
Юхано. (Там же) 131
„Я днем люблю какую-то дикарку". (Избранные стихи русских поэтов. Период третий. Вып. II. 1914). . 134
Ярила. (Ярь. 1907) 131

Горький М.

Валашская легенда. (П. Я. „Русская Муза". 1904) 326
Песня о Буревестнике. (Собрание сочинений. Т. III. Берлин. 1923) . 325
Песня о Соколе. (Там же. Т. I) 325

Гофман В.

Больное счастье. (Собрание сочинений. Том II. 1917) 39
В келье. (Там же) 38
В церкви. (Там же) 38
Вдвоем. (Там же) 37
Осенние листья. (Там же) 39
Сын города. (Там же) 37
У меня для тебя. (Там же) 37
У озаренного оконца. (Там же) 38

Гроссман Леонид.

Боратынский. (Плеяда. 1922) 271
Дельвиг. (Там же) 271
Денис Давыдов. (Там же) 270
Жуковский. (Там же) 270
Козлов. (Там же) 270
Пушкин. (Там же) 271
Языков. (Там же) 270

Гумилев Н.

Вступление. [К книге „Шатер"] (Шатер. 1921) 126
Деревья. (Костер. 1918) 124
Жираф. (Романтические цветы. 1918) 123
Заблудившийся трамвай. (Огненный столп. 1921) 129
Индюк (Стихотворения. Посмертный сборник. 1922) 124
Канцона вторая. (Огненный столп. 1921). 126
Мечты. (Романтические цветы 1918) 123
Нигер. (Стихотворения. Посмертный сборник. 1922) 127
Персидская миниатюра. (Огненный столп. 1921) 125
Пьяный дервиш. (Там же) 129
Рабочий. (Костер. 1918) 125
Сентиментальное путешествие. (Стихотворения. Посмертный сборник. 1922) 128
Слово. (Огненный столп. 1918) . . 125
Слоненок. (Там же) 125
Сонет. (Романтические цветы. 1918) 123
Старина. (Жемчуга. 1918) 124
Суэцкий канал. (Шатер. 1921) 127
„У меня не живут цветы". (Жемчуга) . 123
Фарфоровый павильон. (Фарфоровый павильон. 1922) 124
Шестое чувство. (Огненный столп. 1921) 126
Я и вы. (Костер. 1918) 124

Гуро Елена.

Детская шарманочка. (Шарманка. 1914). 175
„Дождики, дождики". (Небесные верблюжата. 1914) 176
Едкое. (Шарманка. 1914) 175
„Звездочка". (Небесные верблюжата. 1914) 175
Июнь — вечер. (Там же) 176
„Пролегала дорога в стороне". (Там же) . 176
Слова любви и тепла. (Там же) 176
„Струнной арфой". (Там же) 176

Добролюбов Александр.

„Вы деньки ли мои—деньки тихие, неприметные". (Из книги невидимой. 1905). 23
Дочери народа. (Там же) 24
Жалоба березки под Троицын день. (Там же) 24
„Мир вам, о горы". (Там же) 23
На напев: „Встретимся ли мы с тобою". (Там же). 24
Начало новой земли. (Там же) 22

Стр.

„Не унывай, не унывай, душа моя". (Там же) . . . 24
Примиренье с землей и зверями. (Там же) 22
„Прощайте, птички, прощайте, травки". (Там же) . . . 23
„Я вернусь к вам, поля и дороги родные". (Там же) . . . 22

Доронин Иван.

„В душе". (Гранитный луг. Изд. 2-е. 1924) . . . 541
Весеннее. (Там же) . . . 541
Весенняя любовь (Там же) . . . 543
Зеленая кузница. (Там же) . . . 542
У речки. (Там же) . . . 542
Утро в хате. (Там же) . . . 541

Дружинин Павел.

Апрель. (Соломенный шум. 1924) . 398
Бродяжья воля. (Там же) . . . 395
„Где же удаль твоя золотая". (Там же) . 396
Грубая поэма. (Там же) . . . 398
Зимняя дорога. (Там же) . . . 397
Любка. (Там же) . . . 397
Пахарь. (Там же) . . . 395
„По тропинке узенькой". (Там же) . . 396
Поэт. (Там же). . . . 395
Родное. (Там же) . . . 396
Сиделки. (Там же) . . . 396
Старуха. (Там же). . . . 397

Есенин Сергей.

Волчья гибель. (Москва кабацкая. 1924) . . . 357
„Все живое особой метой". (Там же) . 357
„Дождик мокрыми метлами чистит". (Избранное. 1922) . . . 356
„Душа грустит о небесах". (Там же) . . 356
„За темной прядью перелесиц". (Там же) 359
„Заглушила засуха засевки". (Радуница. 1921) . . . 360
„Запели тесаные дроги". (Избранное. 1922) . . . 359
„Зеленая прическа". (Там же) . . . 360
Корова. (Там же) . . . 359
На родине. (Стихи 1920—24) . . . 362
„Не бродить не мять в кустах багряных". (Избранное. 1922) . . . 356
„Не жалею, не зову, не плачу". (Москва кабацкая. 1924) . . . 358
„О красном вечере задумалась дорога". (Избранное. 1922) . . . 359
„О, Русь, взмахни крылами". (Голубень. 1920) . . . 355
„Пахнет рыхлыми драченами". (Радуница. 1921) . . . 360
Песнь о хлебе. (Избранное. 1922) . . 361
„Пойду в скуфейке, светлый инок". (Радуница. 1921) . . . 356
„Пускай ты выпита другим". (Москва кабацкая. 1924) . . . 358
„Сохнет стаявшая глина". (Радуница. 1924) . . . 360
„Тихо в чаще можжевеля по обрыву". (Там же) . . . 360
„То не тучи бродят за овином". (Голубень 1920) . . . 358
Товарищ. (Сельский часослов, 1918) . . . 361
„Я обманывать себя не стану". (Москва кабацкая. 1922) . . . 357
„Я—последний поэт деревни". (Избранное. 1922) . . . 355

Жаров Александр.

Вечер. (Ледоход. 1923) . . . 535
Комсомолка. (Там же) . . . 537
Либкнехт. (Песня о червонце. 1924) 537
Марш. (Ледоход. 1923) . . . 535
Мы бережем свой край. (Там же) . . . 536
Наш праздник. (Там же) . . . 536
„Скоро". (Там же) . . . 536
„Смейся, ветер! Бродяга, смейся". (Там же) 536
Спросонья. (Там же) . . . 537
Фабзавуч. (Там же) . . . 535

Зайцев Петр.

В пути. (Ночное солнце. 1923) . . 279
„Испуганной бьется птицей". (Там же) . 279
Корабль. (Там же) . . . 280
Лето 1914 года (Там же) . . . 280
На рассвете. (Там же) . . . 280
„О грусть моя, белая вьюга". (Там же). 279
Умирающий день. (Там же) . . . 279

Зенкевич М.

В зоологическом музее. (Дикая порфира. 1912) . . . 153
В степи. (Там же) . . . 154
Земля. (Там же) . . . 152
„И нас—два колоса несжатых". (Там же) 154
Металлы. (Там же) . . . 152
Мясные ряды. (Там же). . . . 153
На обрыве. (Там же) . . . 153
Нити парок. (Там же) . . . 153
„Пары сгущая в алый кокон". (Там же) . . 152
„Подсолнух поздний догорал в полях". (Четырнадцать стихотворений. 1918) . . . 154

Стр.

Рассвет. (Дикая порфира. 1912) . . 154
Сумрачный бог. (Там же) 154
Человек. (Там же) 152

Зоргенфрей В.

„Вот и все. Конец венчает дело". (Страстная суббота. 1922) 276
„Горестней сердца прибой и бессильные мысли короче". (Там же) 275
„Еще скрежещет старый мир". (Там же) 276
Кладбище. 1. 3. (Там же) 274
Над Невой. (Там же) 275
Неведомому богу. (Там же) 274
„Приходит, как прежде, нежданно". (Там же) 274

Иванов Вячеслав.

В лепоту облечеся. (Cor ardens. 1911). 69
Вечные дары. (Кормчие звезды. 1903). 63
Виноградник Диониса. (Там же) 67
Довольно! (Там же) 64
Долина—храм. (Прозрачность. 1904). 66
Дух. (Кормчие звезды. 1903) . . . 63
Железная осень. (Прозрачность. 1904). 68
Загорье. (Cor ardens. 1911) 69
Из далей далеких. (Там же) 70
Колизей. (Кормчие звезды. 1903) . . 70
Криница (Cor ardens. 1911) 65
La Luna Somnambula. (Прозрачность. 1904) 67
La Selva Oscura. (Кормчие звезды. 1903) 63
Лебеди. (Cor ardens. 1911) 68
Лета (Там же) 71
Любовь. (Кормчие звезды. 1903) . . 65
Мгла. (Там же) 64
Missa Solenniss, Бетховена. (Там же) . . 63
Москва. (Cor ardens. 1911) 70
На миг. (Кормчие звезды. 1903) . . 64
На чужбине. (Прозрачность. 1904) . 68
Небо — вверху, небо — внизу. (Cor ardens. 1911) 69
Неведомое. (Там же) 69
Недвижное. (Прозрачность. 1904) . 68
Непогодная ночь. (Кормчие звезды 1903) 64
Об-он-пол. (Cor ardens. 1911) 69
Обновление. (Прозрачность. 1904) . 66
Осень. (Cor ardens. 1911) 69
Осенью. (Прозрачность. 1904) . . . 68
Песни Дафниса. I. Цикады. (Там же) . 66
Под древом кипарисным. (Кормчие звезды. 1903) 65

Стр.

Поэты духа. (Прозрачность. 1904) . 65
Прозрачность. (Там же) 65
Русский ум. (Кормчие звезды. 1903). 63
Седьмой день. (Прозрачность. 1904). 70
Сфинксы над Невой. (Cor ardens. 1911). 70
Тихая воля. (Там же) 71
Увенчанные. (Прозрачность. 1904) . 66
Эпод. (Там же) 68
Язвы гвоздиные. (Cor ardens. 1911) . 71

Иванов Георгий.

„Ах, небоскон светлее сердолика". (Лампада. 1922) 147
Ваза с фруктами. (Вереск. 1916) . . . 147
„Визжат гудки. Несется ругань с барок". (Там же. 1916) 147
„Есть в литографиях старинных мастеров". (Сады. 1921) 149
„Из облака, из пены розоватой". (Там же) 148
„Над морем северным холодный запад гас". (Лампада. 1922) 148
„Настанут холода". (Вереск. 1916) . . 147
„Ночь светла и небо в ярких звездах". (Лампада. 1922) 148
Павловский офицер. (Сады. 1921) . . . 149
Петергоф. (Там же) 149
„Снег уже пожелтел и обтаял". (Лампада. 1922) 148
„Столица спит. Трамваи не звенят". (Там же) 149
„Уже бежит полночная прохлада". (Сады. 1921) 148
„Я не любим никем! Пустая осень". (Вереск. 1916) 147

Инбер Вера.

„Больному солнцу выйти лень". (Горькая услада. 1914) 299
„Волна без пены. Солнце без огня". (Там же) 298
„Жил да был на свете еж". (Бренные слова. 1920) 300
„Как тонка минут бегущих нить". (Горькая услада. 1914) 298
„Как уйти от этой жизни милой". (Там же) 298
„Месяцы нас разделили". (Бренные слова. 1920) 300
„Сердце мое и душа ждут". (Там же) . 300
Так будет. Красн. Новь. Кн. 2-я. 1924 . 300
„Такой покой, как будто выпал снег". (Горькая услада. 1914) 299
„Ты помнишь Геную? Прогулки по утрам". (Там же) 298

Стр.

„Ты проходишь, ты ищешь, ты жаждешь плениться“. (Там же) 299
„Тяжелознойные лучи легли“. (Бренные слова. 1920) 299
„Хорош воскресный день в порту весной“. (Там же) 299
„Что суетные мысли и слова“. (Горькая услада. 1914) 299
„Шелестя сухими злаками“. (Там же) . 298

Ионов Илья.

Берлин. (Колос. 1921) 518
„В крепких пальцах судьбы“. (Алое поле. Изд. 2-е Петрог. Совета) . . . 516
Грядущее. (Колос. 1921) 518
Из песен ссыльного. I. (Алое поле. Изд. 2-е Петр. Совета) 516
Колокол. (Там же) 516
Коммунисты. (Колос. 1921) 518
Красный Кормчий. (Там же) 517
На заводе. (Алое поле. Изд. 2-е) . . 517
Россия. (Колос. 1921) 517

Казин Василий.

„Всплеск удивленья, трепет вдохновенья“. (Красная Новь. 1924, кн. 4-я) . . 459
Гармонист. (Рабочий май. 1923) . . 455
„Давно такого не было лентяя“. (Там же) 458
Дядя или солнце. (Там же) 458
„Живей, рубанок, шибче шаркай“. (Там же) 456
„И ветер вешний, и я“. (Там же) . . . 457
Каменщик. (Там же) 457
„Маленький, маленький по тротуарам“. (Там же) 458
Медовый Спас. (Там же) 456
„Мой отец простой водопроводчик“. (Красная Новь. 1923, кн. 7-я) . . 455
„Не могу держать спокойно плечи“. (Красная Новь. 1924, кн. 7-8-я) . 459
Небесный завод. (Рабочий май. 1923) 457
Ожидание. (Там же) 455
Песенка. (Там же) 457
„Привычка к спичке—искорка привычки“. (Там же) 458
Сон. (Там же) 458
„Стучу, стучу я молотком“. (Там же) . 457
„Я нет-нет и потемнею бровью“. (Наши Дни. Кн. 5-я. 1925) 456

Каменский Василий.

В Крыму кофе. (Звучаль веснеянки. 1918) 178
Вода вечерняя. (Там же) 179

Стр.

Водотражали. (Там же) 177
Волжские волны. (Явь. Сборник. 1919). 180
Грустинница. (Звучаль веснеянки). 1918) 179
Еду домой. (Там же) 179
Звени. (Там же) 179
Кто я. (Там же) 177
Лечу. (Там же) 177
На Камском пароходе. (Там же) 178
Осенью. (Там же) 179
Покурим что ли. (Там же) 178
Поэма революции духа. (Явь. Сборник. 1919) 180
Развесенье. (Звучаль веснеянки). 1918) 178
Циа-цинть. (Там же) 177
Чурлю-журль. (Там же) 177

Карпов Пимен.

„Белый сон над куполами“. (Звездь. 1922) 312
„Буйнозвездную и грозовую“. (Русский ковчег. 1922) 313
„В окно моей лесной избушки“. (Звездь. 1922) 312
Заклинание России. (Русский ковчег. 1922) 312
Звезднокормчий. (Там же) 313
„Колдуют розы лунным светом“. (Там же). 313
Моя жизнь. (Там же) 313
Черный знак. (Звездь. 1922) 312

Кириллов Владимир.

„Был вечер, как вечер. Кричали моторы“. (Стихотворения. Кн. 1-я. 1924) . 454
В городском сквере. (Там же) 454
„Весь пронизан солнцем, звоном, пением“. (Там же) 451
Вожди. (Там же) 450
25 Октября. (Там же) 449
Девушке. (Там же) 453
9-е января. (Там же) 448
„Ее головка в золоте волос“. (Там же) . 453
Железный Мессия. (Там же) 447
„Жить страдая и песнями пениться“. (Там же) 450
„Жрецам искусства“. (Там же) 446
Звездный рейс. (Там же) 452
„К нам, кто сердцем молод“. (Там же) . 448
„Каждый день по-новому чудесен“. (Там же) 450
Красный Кремль. (Там же) 449
Матросам. (Там же) 450
Мои похороны. (Там же) 452

Стр.

Мы. (Там же) 447
На родине. (Там же) 453
Ночная песнь. (Там же) 454
Отец. (Там же) 453
Памятник труда. (Там же) 448
Поэтам „Кузницы". (Там же) 446
Разговор с розами. (Там же) 451
Разговор с ученым. (Там же) 451
Разговор со звездами. (Там же) 451
Труду. (Там же) 448
Юность. (Там же) 452
„Я подслушал эти песни близких радостных веков". (Там же) 446

Клычков Сергей.

Дедова песенка. (Потаенный сад. 1913) 370
Зима. (Гость чудесный. 1923) . . . 369
Колдунок. (Песни. 1911) 369
Месяц. (Потаенный сад. 1913) . . . 370
„Монастырскими крестами". (Домашние песни. 1923) 372
„Осенний день прозрачно стынет". (Там же) 371
Осень. (Песни. 1911) 369
Песня о сиднях. (Потаенный сад. 1913) 370
„Стал голос хриплый, волос грубый". (Домашние песни. 1923) 371
„Ты умирать сбираешься так скоро". (Там же) 371
„У меня в избенке тесной". (Там же) . 371
Улюсь. (Там же) 372
Хоромы лады. (Песни. 1911) 369
„Я все пою—ведь я певец". (Потаенный сад. 1913) 371

Клюев Николай.

Братская песня. (Песнослов. Кн. 1-я. 1919) 349
„В златотканные дни Сентября". (Там же). 348
„В морозной мгле, как око сычье". (Там же) 346
„Вы деньки мои — голуби белые". (Там же) 349
„Вы обещали нам сады". (Там же) . . 345
„Вылез тулуп из чулана". (Там же. Кн. 2-я. 1919) 351
„Галка-староверка ходит в черной ряске". (Там же. Кн. 1-я) 350
Голос из народа. (Там же) 346
„Есть горькая супесь, глухой чернозем". (Там же. Кн. 2-я) 351
„Есть на свете край обширный". (Там же. Кн 1-я) 347

Стр.

Завещание. (Там же) 348
„Изба—богатырица". (Там же) 350
Красная песня. (Там же. Кн. 2-я) . . . 353
Ленин. (Там же) 353
„Любви начало было летом". (Там же. Кн. 1-я) 348
„Мы—ржаные, толоконные". (Там же. Кн. 2-я) 345
„На божнице табаку осьмина". (Там же). 352
„Наша радость, счастье наше". (Там же. Кн. 1-я) 345
Ожидание. (Там же) 348
„От кудрявых стружек тянет смолью". (Там же) 351
Пахарь. (Там же) 346
Песнь солнценосца. (Там же. Кн. 2-я) . 352
Посадская. (Там же. Кн. 1-я) 350
„Россия плачет пожарами". (Львиный хлеб. 1922) 354
Слезный плат. (Песнослов. Кн. 1-я) 349
„Ты все келейнее и строже". (Там же) . 347
„Я надену черную рубаху". (Там же) . 347
„Я сгорела молоденька без огня". (Там же). 349

Комаровский Василий.

В немецких горах. I. (Первая пристань. 1913) 249
В Царском Селе („Аполлон". 1916. № 8) 251
„Гляжу в окно вагона-ресторана". (Первая пристань. 1913) 250
„И ты предстала мне, Флоренция". (Там же) 250
„Как древле—к селам Анатолии". (Там же). 250
Песнь служанки (Там же) 250
Рынок. (Там же) 250
Сентябрь. (Там же) 249
„Со всех сторон морозный и зыбучий". (Там же) 249
„Тишиною, умершей зарею". (Там же) . 249
„Шумящие и ветреные дни". (Аполлон. 1916. № 8) 251

Коневской Иван.

В поднебесьи. (Стихи и проза. 1904) . 19
Затишье. (Там же) 20
Из другого мира. (Там же) 20
К П. П. Конради. (Там же) 18
Недоумение. (Там же) 19
Осенние голоса. II. (Там же) 19
Отголоски. (Там же) 18
Отречение. (Там же) 20
По праву рождения. (Там же) 20
Припев. (Там же) 18
С холодной воли. (Там же) 19

Стр.

Тихий дождь. (Там же) 19
„Я не любил, не мог всей шири духа". (Там же) 18

Крайский А.

„Белый снег от красной крови". (У города-разбойника. 1922) . . . 508
Бессмертие. (Улыбки солнца. 1919) . 510
Весеннее. (Там же) 510
Волшебный город. (У города-разбойника. 1922) 509
Вперед. (Улыбки солнца. 1919) . . . 508
Грани грядущего. (У города-разбойника. 1922) 509
Из ночи в день. (Улыбки солнца. 1919) 508
Крик железный. (У города-разбойника. 1922) 509
„Луна—лицо покойника". (Там же) . . 509
Любовь. (Улыбки солнца. 1919) . . 510
Мы—одно. (Там же) 508
На заре. (Там же) 510
Сонет. (У города-разбойника. 1922) 510
Улыбки солнца. I. (Улыбки солнца 1919) 510
Фиалки. (Там же) 509

Крандиевская Наталия.

Болезнь. (От лукавого. 1922) 289
„День прошел, да мало толку!" (Там же). 288
„Для каждого есть в мире звук". (Там же)." 288
„Как высказать себя в любви?" (Там же). 288
„Над дымным храпом рысака". (Там же). 289
„Не окрылить крылом плеча мне правого". (Там же) 288
„Полынь, трава степной дороги". (Там же). 289
„С севера—болота и леса". (Там же) . 289
„Фаусту прикидывался пуделем". (Там же) 288

Кузмин М.

Ассизи. (Нездешние вечера. 1921) . 240
„Ах, покидаю я Александрию". (Сети. 1915) 238
Бисерные кошельки. 1. 2. (Глиняные голубки. 1923) 237
„Все тот же сон, живой и давний". (Вожатый 1918) 239
„Где слог найду, чтоб описать прогулку". (Сети. 1908) 235
„Когда мне говорят: „Александрия". (Там же) 237
Летний сад. (Вожатый. 1918) 240
Любви утехи. Сети. 1908) 237
Маскарад. (Там же) 236
„Моей любви никто не может смерить". (Осенние озера. 1912) 238
„Не вешних дней мы ждем с тобою". (Там же) 239
„Ничего, что мелкий дождь смочил одежду". (Сети. 1908) 235
„Проходит все и чувствам нет возврата". (Осенние озера. 1912) 239
Разговор. (Сети. 1908) 236
„Сижу, читая я сказки и были". (Там же). 236
„Смирись, о сердце, не ропщи". (Осенние озера. 1912) 239
„Снега покрыли гладкие равнины". (Там же) 238
„Солнце, солнце". (Сети. 1908) 237
„Такие дни—счастливейшие даты". (Вожатый. 1918) 239
„У печурки самовары". (Параболы. 1924) 238
Утешение. (Сети. 1908) 235
Фузий в блюдечке. (Нездешние вечера. 1921) 240
Целый день. (Сети. 1908) 235
„Я встречу с легким удивленьем". (Нездешние вечера. 1921) 239

Кузнецов Николай.

В дождливый день. (Стихи. 1924) . . . 540
В клубе. (Рабочее сердце. 1925) . 539
„День уйдет, утихнет город". (Там же) . 538
За городом. (Стихи. 1924) 540
Из цикла: „Комсомольская любовь". (Рабочее сердце. 1925) 540
Ленинец. (Там же) 539
На Красной площади. (Стихи. 1924) 539
О матери. (Рабочее сердце. 1925) . 538
Первый снег. (Там же) 540
После работы. (Стихи. 1924) 539
Потерянный подарок. (Там же) 538
Радио-башня. (Рабочее сердце. 1925). 539

Кусиков Александр.

„В асфальтовый скрежет злобы". (В никуда. 1920) 216
Город. (Сумерки. 1918) 217
„Грустным тупозвоном в пятносинь потемок". (В никуда. 1920) 216
„Катятся слезки... окошко плачет". (Сумерки. 1918) 216
„Качанье ряби, облак тощий". (В никуда. 1920) 217
„Мои мысли повисли на коромысле". (Сумерки. 1918) 218

Стр.

„От пробудности ласточек—до пробудности сов". (В никуда. 1920) 217
„Притти оттуда". (Там же) 218
"Пробежал по небу черной тучей конь". (Сумерки. 1918) 217
„Тоска на плетне лошадиным черепом". (В никуда. 1920) 218
„Уносился день криком воронья". (Там же) 217
„Я люблю осенние дорожки". (Сумерки. 1918) 216
„Я пред тобой смиренно опущу ресницы". (В никуда. 1920) 216

Лелевич Г.

В Смольном. (В Смольном. 1925) . . 524
Зима. (Там же) 526
Из дорожного блок-нота. (Там же) . . 525
Коммунэра об агитаторе. (Под пятикрылой звездой. М. 1923) . . . 524
Машинист. (В Смольном. 1925) . . . 525
По Военно-Грузинской дороге". (Там же). 526
Поэт. (Там же) 525

Липскеров Константин.

Азия. (Песок и розы. 1916) 265
Верблюды. (Там же) 265
Все спеши полюбить. (Там же) 267
„Зачем опять мне вспомнился Восток". (Там же) 265
„Земля и облако и ветки". (Золотая ладонь. 1922) 267
„Каждый день это — день последний". (Там же) 267
Калиф больной. (Песок и розы. 1916). 266
Муза. (Золотая ладонь. 1922) . . . 265
Муравью. (День шестой. 1922) . . . 266
Ночь. (Песок и розы. 1922) 266
Песенки Ширмамедда. 3. (Там же) . . . 266
Песня утренняя. (Там же) 267
Проходит день. (Золотая ладонь. 1922). 267
Сокровища жизни. (Песок и розы. 1916). 266
Чернильный прибор. (День шестой. 1922). 266

Ловинский М.

Белая ночь. (Горный ключ. 1922) . . 158
„Бесконечною тоскливостью". (Там же). 159
В отверженных садах. (Там же) 158
Лунный дым. (Там же) 159
Молчание. (Там же) 160
Мысль. (Там же) 158
Не забывшая. (Там же) 160
Петербург. (Там же) 159

Стр.

Петроград. (Аполлон. 1916. № 9—10). . 159
Рай. (Горный ключ. 1922) 159
Смерть. (Там же) 158
„Я из земных годин не верен ни одной". (Аполлон. 1916. № 9—10) 159

Лохвицкая М. А. (Жибер).

В вальсе. (Перед закатом. 1908) . . 229
„В кудрях каштановых моих". (Стихотворения. Т. II. 1900) 226
В полевых цветах. (Там же) 229
В саду над бездной. (Русская лирика. Сост. Владислав Ходасевич. 1914) . . . 229
Восточные облака. (Стихотворения. Т. III. 1900) 231
Гимн возлюбленному. (Там же. Т. II) . . 227
„Если б счастье мое было вольным орлом". (Там же. Т. I) 227
Завет дьявола. (Русская лирика. Составил Владислав Ходасевич. 1914) . . 230
„Люблю тебя со всем мучением". (Стихотворения. Т. V. 1900) 228
„Ляг, усни. Забудь о счастии". (Там же. Т. III) 230
Материнский завет. (Перед закатом. 1908) 231
„Мертвая роза". (Стихотворения. Т. II. 1900) 227
Мой сад. (Там же) 228
„Мой тайный мир—ристалище созвучий". (Там же. Т. V.) 226
Моя любовь. (Там же. Т. IV.) 228
Осенний закат. (Там же. Т. III) 231
Перед закатом. (Перед закатом. 1908) 231
Песнь любви. (Стихотворения. Т. I. 1900) 227
Союз магов. I. Жрец Солнца. II. Жрица Луны. (Русская лирика. Составил Владислав Ходасевич. 1914) . . 229
Спящий лебедь. (Стихотворения. Т. II. 1900) 226
„Ты изменил мне, мой светлый гений". (Там же. Т. IV) 226
Утренний гимн. (Перед закатом. 1908) 231
Элегия. (Стихотворения. Т. I. 1900). 227
„Я жажду наслаждений знойных". (Там же. Т. II) 228
„Я—жрица тайных откровений". (Перед закатом. 1908) 226
„Я люблю тебя, как море любит солнечный восход". (Стихотворения. Т. III. 1900) 228

Львова Н.

Стр.
„Белый, белый, белый, белый“. (Старая сказка. 1914) 233
„Весенний вечер, веющий забвеньем“. (Там же) 233
„За детский бред, где все казалось свято“. (Там же) 233
„Загорелись, заблестели яркой радугой снега“. (Там же) 232
„Изжелта-зеленые березы“. (Там же) . 233
„Нам лишь бледные намеки в хмурой жизни суждены“. (Там же) 234
„Сердце плачет безнадежное“. (Там же) 234
„Смеешься, шутишь целый день“. (Там же) 233
„Со всех сторон протянуты к нам руки“. (Там же) 234
„Ты проходишь мимо, обманувший“. (Там же) 232
„Я дома... Дверь закрыта плотно“. (Там же) 232
„Я нынче светлая, я нынче спокойная“. (Там же) 233
„Я плачу одна над стихами Верлэна“. (Там же) 234

Макаров Александр.

В мятель. (Весенний сплав. 1923) . 476
Веселый столяр. (Там же) 475
Весенний день. (Там же) 476
Голубь. (Недра. Кн. 2-я. 1923) 477
Из окна. (Весенний сплав. 1923) . 475
„Панель, как серые глаза любимой“. (Там же) 476
Пирушка десяти. (Там же) 475
Разлад. (Там же) 476

Малахов Сергей.

Дрова. (Красная Молодежь № 2. 1924) 549
Индус. (Стихи. 1923) 548
Мы. (Там же) 547
На спичечной. (Там же) 548
О партии и любимой. (Там же) 548
Сердце и сталь. (Там же) 547
„Стой и стой за пыльными возами“. (Там же) 549
Утром. (Там же) 547

Малашкин Сергей.

„Будет гроза“. (Красная Новь. 1923, кн. 5-я) 494
„Ветр набежал, закрутил налегке“. (Мятежи. 1920) 495
Стр.
„Держа в зубах мундштук солидной трубки“. (Там же) 490
„Еще не пели зорю певни“. (Там же) . 496
„Жестоко путаясь в дым паровоза“. (Там же) 496
„Музыка. Бьют барабаны“. (Там же) . . 492
Мускулы. (Мускулы. Изд. 2-е. 1919) . 490
Мы. I. (Мятежи. 1920) 491
„На ущербе хмуром Октября“. (Там же) 496
„О, города, из сгустков мускулов моих“. (Там же) 493
Осень. (Там же) 495
Пролетариату. (Там же) 492
России. (Там же) 494

Мандельштам Осип.

Адмиралтейство. (Камень. 1923) . . . 138
„Бессонница. Гомер. Тугие паруса“. (Там же) 140
„В огромном омуте прозрачно и темно“. (Там же) 137
„В разноголосице девического хора“. (Tristia. 1922) 138
„В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа“. (Там же) 138
Декабрист. (Вторая книга. 1923) . . 139
Казино. (Камень. 1923) 138
„Мне холодно. Прозрачная весна“. (Вторая книга. 1923) 139
„Ни о чем не нужно говорить“. (Камень. 1923) 137
„О временах простых и грубых“. (Там же) 139
Петербургские строфы. (Там же) . . . 138
„Сегодня дурной день“. (Там же) . . . 140
Silentium. (Там же) 137
„Смутно-дышащими листьями“. (Там же) 137
„Только детские книги читать“. (Там же) 137
Tristia. (Tristia. 1922) 139
„Я наравне с другими“. (Вторая книга. 1923) 140

Мариенгоф Анатолий.

„Даже грязными, как торговок“. (Явь. 1919) 214
Застольная беседа. 4. 5. (Тучелёт. 1921) 214
„Каждый наш день—новая глава Библии“. (Явь. 1919) 214
Марш революций. (Сборник „Конница Бурь“. 1920) 215
„На каторгу пусть приведет нас дружба“. (Стихами чванствую. 1920) . . 213
„Толпы, толпы, как неумные рощи“. (Явь. 1919) 214

Стр.

Тучелёт. (Тучелёт. 1921) 213
„Утихни друг. Прохладен чай в стакане". (Там же) 213
„Эй! Берегитесь—во все концы". (Явь. 1919) 213

Маяковский В.

А все-таки. (13 лет работы. Т. I. 1922) 181
А вы могли бы? (Там же) 182
Братья-писатели. (Там же) 187
Война об'явлена. (Там же) 188
Вывескам. (Там же) 181
Гимн обеду. (Там же) 183
За женщиной. (Там же) 181
Кое-что про Петербург. (Там же) . . . 182
Кофта фата. (Там же) 182
Левый марш. (Там же) 190
Надоело. (Там же) 185
Нате! (Там же) 182
Наш марш. (Там же) 190
Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче. (Там же) 186
Ода революции. (Там же) 188
Последняя Петербургская сказка. (Там же) 182
Приказ по армии искусства. (Там же) . 187
Прозаседавшиеся. (Там же) 184
России. (Там же) 188
Себе любимому посвящает эти строки автор. (Там же) 184
Сказка о красной шапочке. (Там же) . 183
III Интернационал. (Маяковский для голоса. Берлин. 1923) 189
Утро. (13 лет работы. Т. I. 1922) . . 181
Шумики, шумы и шумищи. (Там же) . 182

Мережковский Д.

„В сияньи бледных звезд, как в мертвенных очах". (Собрание сочинений. Т. XXII. М., 1914) 16
Голубое небо. (Там же) 14
„Затихших волн сиянье бесконечно". (Собрание сочинений. Т. XXIV. М., 1914) 15
„И вновь, как в первый день созданья". (Собрание сочинений. Т. XXII. М., 1914. В т. XXII помещено дважды на стр. 49 и 182. Второй раз с заглавием „Нирвана") 14
„И снилось мне: заря туманная". (Собрание сочинений. Т. XXIV. М., 1914) 15
„И хочу, но не в силах любить я людей". (Собрание сочинений. Т. XXII. М., 1914) 13
„Кроткий вечер тихо угасает". (Там же). 16
Леонардо да Винчи. (Там же) 16
„Люблю иль нет,— легка мне безнадежность". (Собрание сочинений. Т. XXIV. М., 1914) 14
Молчание. (Собрание сочинений. Т. XXII. М., 1914) 14
„Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу". (Там же) 16
Не надо звуков. (Там же) 16
Ноябрь. (Там же. 1914) 15
„Опять горит меж темных сосен". Собрание сочинений. Т. XXIV. М., 1914) 15
Поэт. (Собрание сочинений. Т. XXII. М., 1914) 13
Поэту наших дней. (Там же) 13
Родное. (Там же) 15
Сакья-Муни. (Там же) 16
Старость. (Там же) 14
„Так жизнь ничтожеством страшна". (Избранные стихи русских поэтов. Период второй. Пг. 1914) . 14
Темный ангел. (Собрание сочинений. Т. XXII. М, 1914) 13
„Христос воскрес" — поют во храме". (Там же) 17

Минский Н.

„Быть может, мир прекрасней был когда-то". (Полное собрание сочинений. М. 1907) 10
В деревне. (Там же) 11
В оливковой роще. (Там же) 10
„В страданьях гордость позабыв". (Там же 8
Гимн рабочих. (Там же) 11
„Еще я не люблю,—но как восток зарею". (Там же)) 8
„Заветное сбылось. Я одинок". (Там же). 9
Кто бога узрит. (Там же) 10
Мой демон. (Там жс) 9
Молитва. (Там же) 10
„Не месяц за его печаль и красоту". (Там же) 8
„Нет муки сладострастней и больней". (Там же) 9
Перед зарею. (Там же) 12
„Перед луною равнодушной". (Там же). 10
Песня. (Там же) 10
Поэту. (Там же) 11
Романс. (Там же) 8
Серенада. (Там же) 11

Стр.

Утешение. (Там же) 9
„Я боюсь рассказать, как тебя я люблю“. (Там же) 8

Морозов Иван.

Лен. (Красный звон. 1916) 400
Летним вечером. (Разрыв-трава. СПБ.) 400
Песня. (Красный звон. 1916) 400
Рубят лес. (Разрыв-трава. СПБ.) . . 399
Русь. (Красный звон. 1916) 399

Нарбут Владимир.

Архиерей. (Аллилуя. 1921) 156
Бастилия. (Советская земля. 1921) . 157
В эти дни. (Там же) 157
Волк. (Аллилуя. 1921) 155
Гадалка. (Там же) 155
Горшечник. (Там же) 155
Кобзарь. (Советская земля. 1921) . 156
„России синяя роса“. (Там же) 157
Россия. (Там же) 156

Нечаев Е.

Внуку. (Из песен старого рабочего. 1922) 415
Гудок. (Там же) 415
Песня невольника. (Там же) 416
Утро. (Там же) 415
„Хоть ты уже не та, что в годы молодые“. (Там же) 416

Обрадович С.

Апрель. (Город. 1923) 466
Бульвар. (Винтовка и любовь. 1924) 460
В дороге. (Город. 1923) 464
„В полночь осенью мать родила“. (Там же) 460
„Вспомнилось... Сумрак. Угол“. Там же) 460
„За рекою—город черной грудой“. (Винтовка и любовь. 1924) 467
Завод. (Город. 1923) 461
Изба. (Там же) 462
Любовь. (Там же) 467
Мать. (Там же) 465
„На роду суждено измерить“. (Винтовка и любовь. 1924) 463
„Над улицею понурою“. (Город. 1923) . 461
Новый день. (Там же) 467
Осенний звон. (Там же) 465
Полдень. (Винтовка и любовь. 1924) 463
Полустанок. (Город. 1923) 465
Рейс. (Винтовка и любовь. 1924) . 463
Сдвиг. (Город. 1923) 462
„Сентябрь. В полях — скупые росы“. (Там же) 466
Старый город. (Там же) 462
Ткачиха. (Там же) 466
Узловая. (Винтовка и любовь. 1924) 463
Шахтер. (Город. 1923) 465

Одоевцева Ирина.

„Он сказал: „Прощайте дорогая“. (Двор чудес. 1922) 296
„Остроконечные чернеют в небе крыши“. (Там же) 296
„Под окном охрипшая ворона“. (Там же) 297
Роберт Пентегью. (Там же) 297
„С луны так сладостно и верно веет“. (Там же) 296
„Январская луна. Огромный снежный сад“. (Там же) 296

Орешин Петр.

Беглянка. (Ржаное солнце 1923) . . 387
Бродяга. (Там же) 391
В хороводе. (Там же) 387
Великоросс. (Там же) 390
Вечер. (Там же) 385
Деревенский учитель. (Там же) 386
Дулейка. (Там же) 385
Думка. (Там же) 386
Золотая соха. (Там же) 386
Квасок. (Там же) 385
Комиссарка. (Там же) 388
Красноармейцы. (Там же) 390
Микула. (Алый храм. 1922) 389
Новая Русь. (Ржаное солнце. 1923) 388
Пастух. (Там же) 389
Переселенцы. (Там же) 387
Песня веселого стекольщика. (Алый храм. 1922) 387
Портновская. (Там же) 390
Сивка-Бурка. (Ржаное солнце. 1923) 389

П. Я. (Якубович-Мельшин).

В плену. (Стихотворения. Т. II. 5-е изд. 1913) 337
„Волна упала, прошумев“. (Там же) . . 335
Гимн любви. (Там же) 334
Голуби. (Стихотворения. Т. I. 6-е изд.) 338
„День без ясного солнца, без месяца ночь“. (Там же. Т. II.) 338
К родине. (Там же. Т. I.) 334
„Как вы, я петь бы мог“. (Там же) . . 334
Ледоход. (Там же. Т. II.) 337
Лесные тайны. II. Горелый лес. (Там же) 338

Стр.

„Не в шуме гроз, не в красоте стыдливой“. (Там же) 335
„О, пасынок природы нелюбимый“ (Там же) 335
Первый дождь. (Там же) 336
Песня труда. (Там же) 336
„Проклятье — ваш удел, безумные века“. (Там же. Т. I) 335
„Радость, влюбленная в солнце и смех“. (Там же. Т. II) 336
Тишина. (Там же) 335
„Тук-тук!..“ (Там же) 337
У сфинксов. (Там же) 337

Павлович Надежда.

„Берегом, берегом с разбегу“. (Берег 1922) 287
„И в печке лег огонь крестом“. (Золотые ворота. 1923) 286
„Извечную печаль таит в себе природа“. (Берег. 1922) 286
„Как прежде закатом окна горят“. (Золотые ворота. 1923) 286
„Летит, качается вагон“. (Там же) . . . 286
„Ни о чем он, ни о ком он“. (Там же) 287
„Покой и труд. Безумие страстей“. (Берег 1922) 287
„Смотри, я измучена городом смерти и славы“. (Золотые ворота. 1923). 287
„Ты возникаешь предо мной“. (Берег 1922) 286
У памятника Гоголя. (Там же) 287

Парнок София.

„В земле бесплодной не взойти зерну“. (Стихотворения. 1916) 268
В толпе. (Лоза. 1923) 269
„Закат сквозь облако течет туманно-желтый“. (Стихотворения. 1916) . . 268
„И впрямь прекрасен, юноша стройный, ты“. (Розы Пиерии. 1922) . . . 269
„Кипящий звук неторопливых арб“. (Стихотворения. 1916) 268
„Паук заткал мой темный складень“. (Лоза. 1923) 269
„Полувесна и полуосень“. (Стихотворения. 1916) 268
„Увидеть вдруг в душе другой“. (Лоза 1923) 269
„Узорами заволокло“. (Стихотворения. 1916) 269
Фридриху Круппу. (Там же) 268
„Эолийской лиры лишь песнь заслышу“. (Розы Пиерии. 1922) 269

Пастернак Борис.

Стр.

Балашов. (Сестра моя жизнь. 1922) 205
Близнец на корме. (Близнец в тучах 1914) 203
„Больной следит. Шесть дней подряд“. (Темы и варьяции. 1923) 205
В лесу. (Там же) 206
„Воздух дождиком частым сечется“. (Там же) 207
„Душистою веткой машучи“. (Сестра моя жизнь. 1922) 204
Зимнее утро. (Темы и варьяции. 1923). 208
„Косых картин, летящих ливмя“. (Там же) 206
Кремль в буран конца 1918 года. (Там же) 208
„Мне в сумерки ты все—пансионеркою“. (Там же) 205
„Мне снилась осень в полусвете стекол“. (Близнец в тучах. 1914) 204
„Нас мало. Нас может быть трое“. (Темы и варьяции. 1923) 208
Определенье поэзии. (Сестра моя жизнь. 1922) 203
Осень. (Темы и варьяции) 207
Памяти демона. (Сестра моя жизнь 1922) 204
„Пара форточных петелек“. (Темы и варьяции. 1923) 206
Плачущий сад. (Сестра моя жизнь 1922) 204
Поэзия. (Темы и варьяции. 1923) . . 203
Предчувствие. (Поверх барьеров 1917) 203
Спасское. (Темы и варьяции. 1923). 206
Фуфайка больного. (Там же) 205
„Чирикали птицы и были искренни“. (Там же) 206
„Я не знаю, что тошней“. (Там же) . . 207

Полетаев Николай.

В Сокольниках. (Сломанные заборы. 1923) 471
„Всю ночь весенняя вода“. (Там же) . 473
Красная площадь. (Там же). 474
„Мой друг, мой легкий воробей“. (Там же) 473
Мой стих. (Там же) 471
Одоевские розы. (Там же) 472
Октябрь в подвале. (Там же) 473
„Перевешу сапоги на плечи“. (Там же) . 471
Песня о соловьях. (Там же) 472
Песня разбитого паровоза. (Там же) . . 474
„Поля! я кинул город пыльный“. (Там же) 471

Полонская Елизавета.

„Не странно ли, что мы забудем все“. (Знаменья. 1921) 302
„Мягкой губкой, теплой водой“. (Там же) 302

Стр.

„О, Революция, о Книга между книг". (Под каменным дождем. 1923). 302
1-е февраля. (Знаменья. 1921) 302
Песенка. (Под каменным дождем 1923 301
Сказка. (Знаменья. 1921) 301
„Что мне за дело, кстати иль некстати". (Под каменным дождем. 1923) 301
„Широкий двор порос травой". (Знаменья 1921) 301

Поморский Александр.

Городу. (Цветы восстания. Изд. 6-е. 1919) 511
На прогулке. (Там же) 512
Под праздник. (Там же) 512
Рабочий дворец. (Там же) 511
„Ранние всходы, цветы придорожные". (Там же) 512
Тревожная ночь. (Там же) 511
Фонарщик. (Там же) 512
Цветы восстания. (Там же) 511
Я вернулся вчера из простора полей". (Там же) 512

Праскунин М.

В поле. (Полынь на родных полях. 1918) 373
Вечером. (Творчество. 1919 № 12) . 374
Из ночного. (Там же) 374
На лугу. (Полынь на родных полях. 1918) 373
Пахарь. (Там же) 373
Плотники. (Там же) 374
Праздник. (Там же) 374
Пряха. (Там же) 373

Радимов Павел.

Весна. (Деревня. 1924) 367
„Вечерней грусти сны витают над полями". (Полевые псалмы. 1912) 364
„Взойдешь ты, ночь, на синем небосклоне". (Там же) 364
„Душа, душа моя! Куда влекут призывы". (Земная риза. 1915) 364
„Задремало в реке. Молчаливо в степи". (Полевые псалмы 1912) 365
„Когда белеется в полях гречиха". (Там же) 365
Лето. Утро. (Там же) 365
Молотилка. (Деревня. 1924) 367
„Молчанья поля не нарушу". (Полевые псалмы. 1912) 365

Стр.

„О полях, что пьянятся от вешнего солнца". (Там же) 364
Осенняя октава. (Там же) 365
Пашня (Деревня 1924) 368
Пойло. (Там же) 366
Посиделки. (Там же) 368
Похороны. (Полевые псалмы. 1912) 366
Псалом зачала. (Там же) 364
Разочарование. (Земная риза. 1915) . 365
„Светлым дозором белой денницы". (Полевые псалмы. 1912) 365
Старуха за прялкой. (Деревня. 1922) . 366
Стойло. (Там же) 366

Радлова Анна.

Ангел Песнопения. (Соты. 1918) . . . 303
„Безумным табуном неслись года". (Корабли. 1920) 304
„Мы из города слепого". (Соты 1918.) . 303
„Не нужен нам покой тысячелетий". (Корабли. 1920) 304
„Под знаком Стрельца, огненной медью". (Там же) 304
„Полынь-звезда взошла над нашим градом". (Там же) 303
Потомки. (Крылатый гость. 1922) . 304
„Тот день прошел, и очень много дней". (Соты. 1918) 303
„Черным голосом кричала земля". (Крылатый гость. 1922) 304

Родов Семен.

Барабанщики - поэты. (Стальной Строй. 1923) 521
Бей тревогу. (Там же) 522
Возвращение красноармейцев. (Там же) 522
„Заря золотая и — красная". (Там же) . 521
Перебежка зарниц. (Сверенный взлет. 1924) 522
С вокзала. (Стальной строй. 1923) . 523
Сиятие памятника. (Сверенный взлет. 1924) 522
„У дыма утра есть оттенок". (Стальной строй. 1923) 523

Рождественский Всеволод.

„В пасмурное воскресенье". (Золотое веретено. 1921) 161
„В те времена дворянских привилегий". (Там же) 162
Вечерний чай. (Лето. 1921) 161
Гости. (Там же) 161
Именины. (Там же) 161

Стр.

Манон Леско. (Золотое веретено. 1921) 162
„На палубе разбойничьего брига". (Там же) 162
„О, прорезь глаз наискосок". (Там же) . 161
Утро. (Лето. 1921). 161

Садовской Борис.

В уездном городе. (Полдень. 1915) . . 241
Морю. (Там же) 242
„Не любовь ли нас с тобою". (Там же) 242
Разочарование. (Самовар. 1914) . . . 241
Самовар в Москве. (Там же) 241
„Смотрю и слушаю вокруг". (Полдень. 1915) 242
Студенческий самовар. (Самовар. 1914). 241

Садофьев Илья.

Жуткое упрямство. (Ковш. Альманах № 1. 1925) 505
Пробуждение. (Динамо-стихи. Изд. 6-е. 1919) 502
Пролетарским поэтам. (Там же) 502
России. (Там же) 504
Слушай. (Красная Нива. № 2. 1923) 504
У станка. (Динамо-стихи. Изд. 6-е. 1919) 503
Утренняя молитва. (Там же) 502

Самобытник.

В заводе. (Под красным знаменем. Изд. 5-е. 1919) 498
В лесу. (Там же) 498
В музее. (На перевале. 1921) . . . 501
„В раздумьи сумрачном сверкающие мысли". (Там же) 500
Весенний дождь. (Под красным знаменем. Изд. 5-е. 1919) 500
Детство. (На перевале. 1921) 501
Завет. (Под красным знаменем. Изд. 5-е. 1919) 499
К восстанию. (Там же) 499
Красный цветок. (Там же) 500
На посту. (Там же) 497
Наша песня. (Там же) 497
После работы. (Там же) 497
Пролетарий. (Там же) 497
Рабочий клуб. (На перевале. 1921) . 498
Революция. (Там же) 499
Россия. (Там же) 499
Свидание. (Там же) 501
Тучи. (Под красным знаменем. Изд. 5-е. 1919) 500

Санников Г.

Стр.

В ту ночь. (Под грузом. 1923) . . . 469
Гроза. (Там же) 470
Дни. (Там же) 468
Кукушка. (Там же) 469
Лебединый путь. (Там же) 470
Под грузом. (Там же) 468
„Я помню себя очень маленьким". (Там же) 470

Светлов М.

„Вон там, в скучающих полях". (Корни. 1925) 555
Дни и ночи. (Стихи. 1924) 558
Ночная работа. (Там же) 556
Песня отца. (Корни. 1925) 555
Под вечер. (Там же) 557
Работнице (Там же) 557
Рельсы. III. (Там же) 556
С извозчиком. (Там же) 556
Стихи о ребе. (Там же) 556
Теплушка. (Там же) 555

Северянин Игорь.

Весенний день. (Громокипящий кубок. 1914) 166
„Виктория Регия". (Там же) 167
Зарею жизни. (Златолира. 1914) . . 169
Июльский полдень. (Громокипящий кубок. 1914) 167
Каретка куртизанки. (Там же) 168
Мои похороны. (Там же) 169
На мотив Фофанова. (Там же) 167
Невыразимая поэза. (Златолира. 1914). 168
Нелли. (Громокипящий кубок. 1914) 167
Пляска мая. (Там же) 166
Поврага. (Острова очарований. Альманах 2. Пг. 1917) 166
Пролог. (Громокипящий кубок. 1914) 165
Русская. (Там же) 166
Самогимн. (Златолира. 1914) 165
Сонет. (Громокипящий кубок. 1914) 167
Шампанский полонез. (Там же) 168
Эгополонез. (Златолира. 1914) . . . 168
Я — композитор. (Там же) 165

Сидоров Юрий.

Встреча. (Стихотворения. 1910) . . 253
„Забылся я в радостных грезах". (Там же) 253
К самому себе. (Там же) 252

Стр.
Карусель. (Там же) 252
Ложе. (Там же) 253
Минута. (Там же) 253
Олеография. (Там же) 252
Ольге. (Там же) 254
„Опять, опять огонь повсюду“. (Там же) 252
Радуга. (Там же) 253
Стансы. (Там же) 254
Утро. (Там же) 254
Элегия. (Там же) 252

Скиталец.

Алмазы. (Рассказы и песни. 1902) . 329
Гусляр. (Песни Скитальца. 1920) . 327
„Колокольчики-бубенчики звенят“. (Рассказы и песни. 1902) 327
Кузнец. (Там же) 328
Ночи. (Там же) 328
Певчие. (Там же) 329
Узник. (Там же) 329
„Я хочу веселья, радостного пенья“. (Там же) 328

Соловьев Владимир.

„Бедный друг! Истомил тебя путь“. (Стихотворения. Изд. 6. 1915) 5
„Бескрылый дух, землею полоненный“. (Там же) 4
В Альпах. (Там же) 4
„В тумане утреннем неверными шагами“. (Там же) 4
„Вижу очи твои измурдные“. (Там же) . 5
Ex oriente lux. (Там же) 7
„Земля—владычица! К тебе чело сконил я“. (Там же) 4
Иммону-Эль. (Там же) 6
„Как в чистой лазури затихшего моря“. (Там же) 6
„Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи“. (Там же) 6
L'onda dal mar' divisa. (Там же) 4
Миг. (Там же) 5
„Милый друг, иль ты не видишь“. (Там же) 5
На поезде утром. (Там же) 5
„Нет силой не поднять тяжелого покрова“. (Там же) 6
Око вечности. (Там же) 6
Осеннею дорогой. (Там же) 5
Панмонголизм. (Там же) 7
„Под чуждой властью знойной вьюги“. (Там же) 3
„Пора весенних гроз еще не миновала“. (Там же) 4
Посвящение к неизданной комедии. (Там же) 3
„У царицы моей есть высокий дворец“ (Там же) 3
„Уходишь ты, и сердце в час разлуки“. (Там же) 3
„Хоть мы навек незримыми цепями“. (Там же) 4

Соловьев Сергей

Аполлон с кифарой (Апрель. 1910) . . 89
Венера и Анхиз. (Цветник царевны. 1913) 89
„Весенний ливень, ливень ранний“. (Апрель 1910) 90
Город современный. (Там же) 92
„Коснись рукой до струн, презренных светом“. (Там же) 90
„Лазурью осени прощальной“. (Там же). 91
Новгород. (Там же) 91
Осень. (Там же) 91
Посещение Диониса. (Цветник царевны. 1913) 89
„Последний луч бледнеет, догорая“. (Там же) 90
„Сияньем, золотым и алым“. (Апрель. 1910) 91
„Ты взманила к вешним трелям“.(Там же). 90

Соловьева П. (Allegro).

Безвластный. (Вечер. 1914) 86
Боль. (Плакун-трава. 1909) 87
В безумный месяц март. (Там же) . . . 87
В осеннем саду. (Там же) 88
Весной. (Вечер. 1914) 86
Люди. (Плакун-трава. 1909) 87
Неразрывно. (Вечер. 1914) 86
Новый сон. (Там же) 86
От солнца. (Там же) 87
Посвящение. (Там же) 86
Последний снег. (Плакун-трава. 1909). 87
Приближение. (Вечер. 1914) 86
Пыль веков. (Там же) 86
Старый монастырь. (Там же) 87
Тишина. (Плакун-трава. 1909) 88

Сологуб Федор.

„Алый мак на желтом стебле“. (Фимиамы. 1921) 45
„В поле не видно ни зги“. (Лазурные горы. 1913) 42
„В тени аллей прохлада“. (Великий благовест. 1923) 45
„Вот у витрины показной“. (Змеиные очи. 1913) 40

Стр.

„Где ты делась, несказанная“. (Лазурные горы. 1913) 41
Гимны родине. (Восхождения. 1913). 43
„Для чего в этот пасмурный день“. (Лазурные горы. 1913) 42
Елисавета. (Восхождения. 1913) . . 43
„Есть вдохновенье и любовь“. (Великий благовест. 1923) 45
„Запах асфальта и грохот колес“. (Лазурные горы. 1913) 41
„Зачем любить? Земля не стоит“. (Фимиамы. 1921) 45
„Из мира чахлой нищеты“. (Лазурные горы. 1913) 41
„Келья моя и тесна, и темна“. (Там же). 42
„Люби меня ясно, как любит заря“. (Восхождения. 1913) 44
На Волге. (Костер дорожный. 1922) 44
„На Ойле далекой и прекрасной“. (Лазурные горы. 1913) 43
„Над безумием шумной столицы“. (Там же) 42
„Народ торжественно хоронит“. (Великий благовест. 1923) 45
„Не доживу до светлых дней“. (Восхождения. 1913) 45
„Небо рдеет“. (Свирель. 1922) 46
„О, смерть! я твой. Повсюду вижу“. (Змеиные очи. 1913) 40
По пескам пустынь. (Костер дорожный. 1922) 44
„По тем дорогам, где ходят люди“. (Восхождения. 1913) 43
Передрассветный сумрак долог“. (Лазурные горы. 1913) 42
„Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг“. (Змеиные очи. 1913) . 40
„Просыпаюсь рано“. (Лазурные горы. 1913) 41
„Самый ясный праздник года“. (Великий благовест. 1923) 45
„Тирсис под сенью ив“. (Свирель. 1922) 46
„То не слезы, — только росы, только дождь“. (Восхождения. 1913) . . 43
Челнок. (Костер дорожный 1922) . 44
„Чиста любовь моя“. (Лазурные горы. 1913) 41
Чортовы качели. (Змеиные очи. 1913) 40

Столица Любовь.

„Здравствуй, ты погибель моя девья, неминучая“. (Лада. 1912) 282
Знахарка. (Русь. 1915) 283
К росам. (Лада. 1912) 281
К тучам. (Там же) 281
Осень. (Русь. 1915) 283
Пасхальная. (Там же) 282
Птицелет. (Раиня. 1908) 281
Река. (Русь. 1915) 283
„Холодно... Кутаюсь в белый пуховый платок“. (Раиня. 1908) 281

Тан.

„Во мраке я пою, средь непробудной ночи“. (Стихотворения. 1900) . 341
Гроза и дуб. (Там же) 341
На пашне. (Там же) 341
Перед смертью. (В. Львов-Рогачевский. Революционные мотивы в руской литературе. Тула 1919) 342
„Ты хочешь знать заветной тайны слово“. Стихотворения. 1901) 342

Тарасов Евг.

Будни. (Стихотворения. 1919) . . . 333
Весенние ручьи. (Там же) 330
Дерзости слава. (Там же) 331
„Женщина и девушка встретились негаданно“. (Там же) 333
„Злы, полупьяны и сонны с похмелья“. (Там же) 332
„Зови лишь того, кто безумен в любви“. (Там же) 331
На север. (Там же) 330
„Сегодня ты вновь принесла мне цветы“. (Там же) 331
Сказочка. (Там же) 331
„Смеха не надо бояться. (Там же) . . . 332
„Смолкли залпы запоздалые“. (Там же). 332
„Ты говоришь, что мы устали“. (Там же). 330

Тихомиров Н. С.

Братья. (Красный мост. Изд. 2-е. 1919) 513
В поле. (Там же) 513
В путь. (Там же) 514
В сельской церкви. (Там же) 513
Весна. (Там же) 515
Деревенский кулак. (Там же) 513
Завод. (Там же) 514
Зимней ночью. (Там же) 515
Под гуденье станков. (Там же) 514
Русскому богатырю“. (Там же) 515
Ткачиха. (Там же) 514

Тихонов Николай.

Англия. (Орда. 1922) 319
„Где ты, конь мой, сабля золотая“. (Там же) 318

Стр.

Германия. (Брага. 1923) 319
Земля. (Орда. 1922) 317
„Когда уйду — совсем согнется мать“. (Там же) 319
„Мы разучились нищим подавать“. (Брага. 1923) 317
„Над зеленою гимнастеркой“. (Орда. 1922) 317
Наследие. (Там же) 317
„Потным штыком банку пробил“. (Брага. 1923) 318
Праздничный, веселый, бесноватый“. (Орда. 1922) 317
Пушка. (Там же) 318
Раненый. (Там же) 318
Самн. (Сами. 1924) 319

Третьяков Сергей.

Атака. (Итого. 1924) 191
В октябре. (Там же) 191
Верблюд. (Там же) 191
Молодая гвардия. (Октябревичи. 1924) 193
Ночь. Пекин. (Итого) 192
Первомайская песня. (Там же) 192
Р. К. С. М. (Там же) 192
Фабрика. (Там же) 191

Туманный Д.

Агитатор. (Московская Америка. 1924) 321
Апофеоз сумасшествия. (Там же) . . . 321
Летчик. (Там же) 322
Сонет о советском служащем. (Там же). 322
Тринадцатая ночь. (Там же) 321

Филипченко Иван.

Земля. (Эра славы. 1918 (1920) . . . 486
„Кабак и храм, религия и пьянство“. (Там же) 485
Массы. (Там же) 483
Мать. (Там же) 487
Праздник солнца. (Там же) 485
Пролетариату. (Там же) 482
С работы. (Там же) 483
Саломея. (Там же) 489
Слова слав. (Там же) 482

Фомин Семен.

В белую ночь. (Свирель. 1920) 375
В оевне. (Там же) 377
В ле. (Там же) 376
В ча. (Там же) 376
Зов земли. (Там же) 376
Над омутом. (Там же) 375
Неопалимая купина. (Там же) 375
От земли. (Там же) 375
Пахари. (Там же) 377
По Ярославскому шоссе. (Там же) . . . 376
„Разбитая икона“. (Там же) 377
Родословная. (Там же) 375

Фофанов К. М.

„Белый снег мутнеет в блеске“. (Иллюзии. 1900) 222
В роще. (Там же) 222
„Вечерняя звезда, звезда моей печали“. (Там же 221
Два гения. (Стихотворения. Часть 2-я. 1896) 225
Душа поэта. (Иллюзии. 1900) 225
„Еще повсюду в спящем парке“. (Там же). 222
„Звезды ясные, звезды прекрасные“. (Избранные стихи русских поэтов. Период 3-й. Вып. I) 221
„К тебе, у твоего порога“. (Иллюзии. 1900) 225
Мир поэта. (Стихотворения. Часть 2-я. 1896) 224
„Мой друг, мой нежный друг, люблю тебя—зову“. (Там же. Часть 5-я) . . 222
„Мысли мятежные“. (Там же) 224
На деревенском кладбище. (Иллюзии. 1900) 223
Небо и море. (Стихотворения. Часть 3-я. 1896) 222
Одуванчик. (Там же) 223
Осень. (Иллюзин. 1900) 222
Осенью. (Там же) 221
„Под напев молитв пасхальных“ (Стиховорения. Часть 4-я. 1896) 223
После грозы. (Там же) 223
„Прекрасна эта ночь с ее красой печальной“. (Там же) 221

Хлебников В.

Боевая. (Изборник. 1914) 172
„Детуся! Если устали глаза быть широкими“. (Стихи. 1923) 173
„Еще ра́з, еще ра́з“. (Там же) 173
Заклятие смехом. (Ряв. 1914) 170
„Мне мало надо“. (Стихи. 1923) . . . 170
„Мы чаруемся и чураемся“ (Изрн 1914) 171
Не шалить! (Стихи 1923). 172
„Неголи легких дум“. (Изборник. 1914) 171

Стр.

Одинокий лицедей. (Стихи. 1923) . . . 170
Осенняя. (Там же) 173
„Помирал морень, моримый морицей. (Изборник. 1914) 170
„Свобода приходит нагая". (Стихи. 1923). 174
„Святче божий". (Там же) 172
Сутемки, сувечер". (Ряв. 1914) 170
„Тайной вечери глаз". (Стихи. 1923) . 173
Черный любирь. (Ряв. 1914) 171
„Эта осень такая заячья". (Стихи. 1923). 173

Ходасевич Владислав.

Автомобиль. (Тяжелая лира. 1922) . 260
Анюте. (Путем зерна. 1921) 258
Баллада. (Тяжелая лира. 1922) . . . 260
Без слов. (Путем зерна. 1921) 259
Буря. (Тяжелая лира. 1922) 259
В моей стране. (Молодость. 1908) 255
Вакх. (Тяжелая лира. 1922) 262
„Горит звезда, дрожит эфир". (Там же). 260
Дождь. (Счастливый домик. 1922). 256
Досада. (Там же) 256
Душа. (Там же) 257
„Жеманницы былых годов". (Там же) . 256
„За окном—ночные разговоры". (Там же). 257
Зима. (Там же) 257
К Музе. (Там же) 255
„Когда б я долго жил на свете". (Тяжелая лира. 1922) 259
Кольца. (Молодость. 1908) 255
Обезьяна. (Путем зерна. 1921) . . . 261
„Один, среди речиных злучин". (Молодость. 1908) 255
Пробочка. (Тяжелая лира. 1922) . . 259
Путем зерна. (Путем зерна. 1921) . 258
Рай. (Счастливый домик. 1922) . 257
„Слепая сердца мудрость! Что ты значишь". (Тяжелая лира. 1922.) . . 259
„Со слабых век сгоняя смутный сон". (Путем зерна. 1921) 258
Стансы. (Счастливый домик. 1922). 258
Старинные друзья. (Молодость. 1908). 256
Старуха. (Путем зерна. 1921) . . . 261
Швея. (Там же) 258
Элегия. (Счастливый домик. 1922) . 257
Элегия. (Тяжелая лира 1922) . . . 260

Цветаева Марина.

„Вот опять окно". (Версты. Гос. Изд. 1922) 285
Зима. (Избранные стихи русских поэтов. Период третий. Пг. 1914) 284
„К озеру вышла. Крут берег". (Версты. Гос. Изд. 1922) 285

Стр.

„Красною кистью". (Там же) 284
„На базаре кричал народ". (Там же) . 285
„Никто ничего не отнял". (Там же) . . 284
„Отмыкала ларец железный". (Там же) . 285
„Погоди, дружок". (Там же) 285
Стихи к Блоку. 3. (Там же) 284

Чурилин Тихон.

В день радости. (Весна после смерти. 1915) 315
Вальс у костра. (Там же) 316
Вывозка воза. (Льву—барс. 1918) . . 316
Конец Кикапу. (Весна после смерти. 1915) 315
Конец клерка. (Там же) 314
Мой траур. (Там же) 314
Музыка на пасху. (Льву—барс 1918). 315
Новый год. (Весна после смерти) . 315
Послушница. (Там же) 314
Руина. (Там же) 314
Смерть часового. (Там же) 315
Старинная мелодия. (Там же) 314

Шагинян Мариэтта.

Ветер в степи. (Orientalia. 1921) . . 272
Жалоба. (Там же) 273
К Армении. (Там же) 273
Молитва. (Там же) 273
Полнолуние. (Там же) 272
Флейта. (Там же) 273
Час не повторяется. (Там же) 272
Чужая. (Там же) 272

Шведов Я.

Весенняя токарная. (Шестеренные перезвоны. 1924) 550
За работой. (Там же) 551
За стихом. (Там же) 550
Осень. (Там же) 552
Партизанское. (Там же) 552
Рабкор. (Там же) 550
Сини. (Там же) 551
Сторожка. (Там же) 551
„Утром солнце низко-низко. (Там же) . 550

Шенгели Георгий.

„Вон парус виден. Ветер дует с юга". (Раковина. 1922) 264
Державин. (Там же) 263
„Квадратный стол прикрыт бумагой". (Там же) 264
„Прибой на гравии прибрежном". (Там же) 264

Стр.

Пустынник. (Еврейские поэмы. 1919) 263
Рукописи Пушкина. (Раковина. 1922). 263
Спиноза. (Еврейские поэмы. 1919). 263
„Худенькие пальцы нижут бисер“. (Раковина. 1922) 263

Шершеневич Вадим.

Динамас статики. (Лошадь как лошадь. 1920) 212
Каталог образов. (Там же) 211
Кооперативы веселья. (Там же) 212
Ритмическая образность. (Там же) . . . 212
Содержание плюс горечь. (Там же) . . 211
Эстрадная архитектоника. (Там же) . . 211

Ширяевец Александр.

Архангельский глас. (Раздолье. 1924) . 378
Атаманова зазноба. (Там же) 379
Бурлак. (Там же) 378
Волге. (Там же) 380
Гадание. (Там же) 380
Грозовое. (Там же) 378
Клич. (Там же) 380
Молодецкий курган. (Там же) 379
Мужикослов. V, VI, X — XIII. (Мужикослов. 1923) 380
„На чужбине невеселой“. (Раздолье. 1924) 378
Старь. (Там же) 379
Утро. (Там же) 378

Шкапская Мария.

Библия. (Час вечерний. 1922) . . 290
„Быть бы тебе хорошей женою“. (Mater dolorosa. 1921) 290
„В маленькой заклеенной загадке“. (Час вечерний. 1922) 291
„Как много женщин ты ласкал“. (Mater dolorosa. 1921) 290
„О, сестры милые, с тоской неутолимой“. (Там же) 290
„О, тяготы блаженной искушенье“. (Там же) 290
Покой. (Час вечерний. 1922) . . . 291
Сердце в ватке. (Там же) 291

Шкулев Ф.

Стр.

Великан. (Гимн труду) 418
Кузнецы. 1. „Мы кузнецы, и дух наш молод“. (Там же) 417
Песнь, рожденная в неволе... (Там же) . 418
Рабочий. (Там же) 417
Ткач. (Там же) 417
Я коммунист. (Там же) 417
Я хотел бы... (Там же) 418

Эренбург Илья.

„Весна снега ворочала“. (Зарубежные раздумья. 1922) 311
„Ветер летит и стенает“. (Кануны. 1921) 309
„Взвился рыжий, ближе! ближе! (Опустошающая любовь. 1922) . . . 310
„Когда в веках скудеет звук свирельный“. (Там же) 309
„Наши внуки будут удивляться“. (Огонь. 1919). 311
„Остались — монументов медь“. (Опустошающая любовь. 1922) . . . 309
России. (Кануны. 1921) 310
„Ты Канадой запахла, Тверская“. (Опустошающая любовь. 1922) . . 310
„Уж сердце снизилось и как!“ (Там же) . 309

Якубовский Георгий.

Время и пространство. (Песни крови. 1925) 480
Газета. (Там же) 479
Знак бесконечности. (Там же) 480
Над бульваром. (Там же) 479
Огнеприпас коммуниста. (Там же) . . . 478
Путь. (Там же) 480
Родильный крик. (Там же) 478
Ткани. (Там же) 481

Ясный А.

„Жужжат пасы маховика“. (Каменья. 1923) 554
Забастовка. (Там же) 554
„И был. Мне надо было сталью“. (Красный журнал для всех. № 9. 1924) 554
„Проверенная, что часы“. (Красная Новь. Кн. 4-я. 1924) 553
Россия. (Каменья. 1923) 553

ОБЩИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

(ПО ЗАГЛАВИЮ И ПО ПЕРВОМУ СТИХУ).

Стр.

А все-таки.— В. Маяковский 181
А вы могли бы? — В. Маяковский . 182
„А земля идет, и солнце светит“ (Припев).— Иван Коневской 18
Август. II. Электрический свет в аллее.— Иннокентий Анненский . . 106
Автомобиль.— Владислав Ходасевич 260
Агитатор.— Д. Туманный 321
Агни.— К. Бальмонт 36
Адмиралтейство.— Осип Мандельштам 138
Азия.— Константин Липскеров. 265
„Азия — желтый песок и колючие желтые травы“ (Азия).— Константин Липскеров 265
Аккорды.— К. Бальмонт 34
„Алеет ширь!.. Смолкают бедствий стоны“.— Я. Бердников 506
„Алмаз, на нас снесенный тучей“ (Алмазные леса).— Сергей Бобров . . 200
Алмазные леса.— Сергей Бобров . 200
„Алмазный помысел, венец жестоких дней“ (В отверженных садах).— М. Лозинский 158
Алмазы.— Скиталец 329
„Алый мак на желтом стебле“.— Федор Сологуб 45
Ангел.— Николай Ашукин 277
Ангел Мщения.— Максимилиан Волошин 116
Ангел песнопения.— Анна Радлова . 303
Англия.— Николай Тихонов . . . 319
Антропософии.— Андрей Белый . . 81
Антропософии.— Андрей Белый . . 81
Анюте.— Владислав Ходасевич . 258
Аполлон с кифарой.— Сергей Соловьев 89
Апофеоз сумасшествия.— Д. Туманный. 321
Апрель.— Павел Дружинин 398
Апрель.— С. Обрадович 466
„Апрель окреп и потонул в лучах“ (Песня о соловьях).— Николай Полетаев 472
Архангельский глас.— Александр Ширяевец 378

Стр.

Архиерей.— Владимир Нарбут . . 156
Асе.— Андрей Белый 80
Ассизи.— М. Кузмин 240
Атака.— Сергей Третьяков . . . 191
Атаманова зазноба.— Александр Ширяевец 379
„Ах, небосклон светлее сердолика“.— Георгий Иванов 147
„Ах, покидаю я Александрию“. — М. Кузмин 238
„Ах, почему, когда, как камни“.— Михаил Голодный 544
„Ах, сегодня снова вечер жуткий“ (Кликуша).— П. Борисов 394
„Ах ты, лен, ты мой батюшка седенький“ (Лен).— Иван Морозов 400

Б. А. Кржевскому.— Юрий Верховский 120
Балашов.— Борис Пастернак . . . 205
Баллада.— Владислав Ходасевич . 260
Барабанщики-поэты.— Семен Родов. 521
„Барка жизни встала“.— Александр Блок 102
„Баронский герб в наследственном кольце“ (Дельвиг).— Леонид Гроссман 271
Бастилия.— Владимир Нарбут . . 157
„Башенки больничного сада“ (За Москвой).— Сергей Бобров 199
Башня.— Алексей Гастев 421
Баюшки баю.— К. Бальмонт 30
Беглянка.— Петр Орешин 387
„Бегу. Хрустит веселый лед“ (Отчаянье).— Андрей Белый 75
„Бегут, бегут денечки“ (За работой. Песня кровельщика).— Я. Шведов 551
Бедная сказка.— Ю. Балтрушайтис. 84
„Бедный друг! Истомил тебя путь“.— Владимир Соловьев 5
Без меня.— И. А. Бунин 245
Без оправданья.— З. Гиппиус 51
Без слов.— Владислав Ходасевич. 259
„Безбурный царь! Как встарь, в лазури бури токи“ (Буря).— Андрей Белый . 79

Стр.

Безвластный.— П. Соловьева (Allegro) . . . 86
Безглагольность.— К. Бальмонт . . . 27
„Безмолвны, ширятся и настигают волны" (Морю).— Борис Садовской . . 242
„Безумным бегом буря мчится вдаль" (Пролетариату). — Иван Филипченко . . . 482
„Безумным табуном неслись года".— Анна Раднова . . . 304
Бей тревогу.— Семен Родов . . . 522
„Бей тревогу, старый" (Бей тревогу).— Семен Родов . . . 522
„Бейте в площади бунтов топот!" (Наш марш).— В. Маяковский . . . 190
Белая ночь.— М. Лозинский . . . 158
„Белое ровное поле" (Две России. I).— В. Александровский . . . 442
Белые березы.— К. Бальмонт . . . 32
„Белый, белый, белый, белый". — Н. Львова . . . 233
Белый олень.— И. А. Бунин . . . 248
„Белый снег мутнеет в блеске".— К. М. Фофанов . . . 222
„Белый снег от красной крови".— А. Крайский . . . 508
„Белый сон над куполами".— Пимен Карпов . . . 312
„Берег пустынный опять пробужден" (Ледоход).— П. Я. . . . 337
„Берегом, берегом, с разбегу".— Надежда Павлович . . . 287
„Березы севера все звонче".— Михаил Герасимов . . . 433
Берлин.— Илья Ионов . . . 518
„Бесконечною тоскливостью".— М. Лозинский . . . 159
„Бескрылый дух, землею полоненный".— Владимир Соловьев . . . 4
Беспечность.— Ю. Балтрушайтис . 82
Бессилие.— З. Гиппиус . . . 47
„Бесследно канул день. Желтея на балкон" (Тоска мимолетности). – Иннокентий Анненский . . . 107
Бессмертие.— А. Крайский . . . 510
Бессонница.— Валерий Брюсов . . 55
„Бессонница. Гомер. Тугие паруса".— Осип Мандельштам . . . 140
„Бесценный и какой тяжеловесный" (Корабль).— Петр Зайцев . . . 280
„Бешено".— В. Александровский. 444
Библия.— Мария Шкапская . . . 290
Бисерные кошельки.— М. Кузмин . . 237
„Благослови, господь, мой подвиг песнопенья" (Псалом зачала).— Павел Радимов . . . 364
„Благословлял земные долы".— Сергей Бобров . . . 201
„Благословляя небеса и землю" (Стихи о ребе III). – М. Светлов . . . 557
„Бледнее стала синева небес" (Осень).— Сергей Малашкин . . . 495
„Бледно-красный, весенний закат догорел" (На закате).— Андрей Белый. 73
„Бледный месяц — на ущербе" (Ноябрь).— Д. Мережковский . . . 15
„Близится сизый закат" (Сизый закат).— Иннокентий Анненский . . . 110
Близнец на корме.— Борис Пастернак . . . 203
Богомолка.— Демьян Бедный . . . 414
Боевая.— В. Хлебников . . . 172
Боевая Ленинская. — А. Безыменский . . . 533
Болезнь.— Георгий Адамович . . 151
Болезнь.— Наталия Крандиевская 289
Болотный попик.— Александр Блок 97
Боль.— П. Соловьева (Allegro) . . 87
Больное счастье.— В. Гофман . . . 39
„Больной следит. Шесть дней под ряд".— Борис Пастернак . . . 305
„Больному солнцу выйти лень".— Вера Инбер . . . 299
„Большой дорогой, шоссе открытым".— Валерий Брюсов . . . 57
Боратынский. — Леонид Гроссман. 271
„Боронил дед заранья" (Дедова песенка).— Сергей Клычков . . . 370
„Братия, едина только вечность" (Обновление).— Вячеслав Иванов . . 66
Братская песня.— Николай Клюев. 349
Брату моему.— Демьян Бедный . . 403
Братья.— Н. С. Тихомиров . . . 513
„Братья, нет силы терпеть! Мы устали" (Песня труда).— П. Я. . . . 336
Братья-писатели.— В. Маяковский . 187
„Бредем в молчании суровом" (Автомобиль).— Владислав Ходасевич. 260
„Бреду я домой на Пресню". – Василий Казин . . . 457
„Бродя по городской пустыне" (Встреча).— Юрий Сидоров . . . 253
Бродяга.— Петр Орешин . . . 391
Бродяжья воля.— Павел Дружинин. 395
„Брожу один усталым шагом" (Осенью).— Ю. Балтрушайтис . . . 83
Будем, как Солнце.— К. Бальмонт . . 33
„Будет гроза".— Сергей Малашкин. 494
Будни.— Евг. Тарасов . . . 333
„Буйнозвездную и грозовую".— Пимен Карпов . . . 313
Буйный хмель.— Е. Бражнев . . . 519

	Стр.
Бульвар.— С. Обрадович	460
Бунтующие зайцы.— Демьян Бедный.	410
Бурлак.— Александр Ширяевец	378
Буря.— Андрей Белый	79
Буря.— Владислав Ходасевич	259
„Буря! Ты армады гонишь“ (Буря).— Владислав Ходасевич	259
„Бывает час в преддверьи сна“ (В открытые окна).— Иннокентий Анненский	106
„Бывает час: тоска щемящая“.— Демьян Бедный	403
„Был вечер, как вечер. Кричали моторы“.— Владимир Кириллов	454
„Был вырублен вчера бульвар“ (Бульвар).— С. Обрадович	460
„Был вышвырнут толпой, обласкан“ (С вокзала).— Семен Родов	523
„Был полдень жизни. Тени залегли“ (Пушкин).— Леонид Гроссман	271
„Был пятый час утра, и барабанный бой“ (Павловский офицер).— Георгий Иванов	149
„Был труден путь. Был зноен день“. (В саду над бездной).— М. А. Лохвицкая	229
„Был человек. И умер для меня“ (Ты любишь).— З. Гиппиус	48
„Была жара. Леса горели. Нудно“ (Обезьяна).— Владислав Ходасевич	261
„Были сомненья ей дики“ (Красный цветок).— Самобытник	500
„Были-стояли как-то хоромы“ (Сказочка).— Евг. Тарасов	331
„Было жутко в сумраке тоскливом“ (Весенний дождь).— Самобытник	500
„Было тихо. Было видно дворнику“ (Гармонист).— Василий Казин	455
„Быть бы мне с рожком от'явленным подпаском“ (От земли).— Семен Фомин	375
„Быть бы тебе хорошей женою“.— Мария Шкапская	290
„Быть может, мир прекрасней был когда-то“.— Н. Минский	10
„Бьет полночь колокол. В избе ночник горит“ (Старуха за прялкой).— Павел Радимов	366
В Альпах.— И. А. Бунин	243
В Альпах.— Владимир Соловьев	4
„В асфальтовый скрежет злобы“.— Александр Кусиков	216
В безумный месяц март.— П. Соловьева (Allegro)	87
„В безумный месяц март я родился на свет“ (В безумный месяц март).— П. Соловьева (Allegro)	87
„В белом ситцевом платочке“ (Беглянка). Петр Орешин	387
В белую ночь.— Семен Фомин	375
„В борьбе с весной редеет зимний холод“.— Валерий Брюсов	53
„В будуаре тоскующей нарумяненной Нелли“ (Нелли).— Игорь Северянин	167
В вальсе.— М. А. Лохвицкая	229
„В венке цветущем вечных былей“ (Моя любовь).— М. А. Лохвицкая	228
В весне.— Варвара Бутягина	294
„В вечерней мгле теряется земля“ (На пороге ночи).— Ю. Балтрушайтис.	82
„В глубоком омуте, на голубых полях“ (Мой стих).— Николай Полетаев.	471
„В годины праздных испытаний“ (Родине).— Андрей Белый	80
„В годы детства гуд призывный“ (Гудок).— Е. Нечаев	415
„В голубой далекой спаленке“.— Александр Блок	96
„В горне куст густой сирени“ (Зеленая кузница).— Иван Доронин	542
„В горнице столь милой печечкою белой“ (Старинная мелодия).— Тихон Чурилин	314
„В городе сон. За полумраком черным“ (Окраина. II).— Мих. Артамонов.	384
В городском сквере.— Владимир Кириллов	454
„В груди сырой землицы“ (Поэт).— Павел Дружинин	395
„В гулкие гулы“ (Грозовое).— Александр Ширяевец	378
„В дворцовой келье песенник Ундины“ (Жуковский).— Леонид Гроссман	270
В день радости.— Тихон Чурилин	315
В деревне.— Н. Минский	11
В деревне.— Семен Фомин	377
„В дни, когда святые тени“ (Missa Solenniss, Бетховена).— Вячеслав Иванов	63
В дождливый день.— Николай Кузнецов	540
В дороге.— Я. Бердников	506
В дороге.— С. Обрадович	464
„В дремотной скуке сонные лабазы“ (Городок).— Николай Ашукин	278
„В душе“.— Иван Доронин	541
„В железе есть стоны“ (Песня о железе).— Михаил Герасимов	429
В заводе.— Самобытник	498

Стр.

„В заплатном зипуне, с клячонкой захудалой" (Русскому богатырю).— Н. С. Тихомиров 515
„В зеленых сумерках, дрожа и вырастая.— Максимилиан Волошин . . . 115
„В земле бесплодной не взойти зерну.— София Парнок 268
„В златотканные дни Сентября".— Николай Клюев 348
В зоологическом музее.— М. Зенкевич. 153
В июле.— Михаил Голодный . . . 544
„В камышах шишикает шишига" (Дулейка).— Петр Орешин 385
В карьере.— Е. Бражиев 520
„В квартире прибрано. Белеют зеркала" (У гроба). — Иннокентий Анненский 105
В келье.— В. Гофман 38
„В кляксах дегтя шаровары у горшени" (Горшечник). — Владимир Нарбут 155
В клубе.— Николай Кузнецов . . 539
„В красоте музыкальности" (Аккорды).— К. Бальмонт 34
„В крепких пальцах судьбы".— Илья Ионов 516
„В кровь зацелован топкой жаркой".— Михаил Герасимов 432
В Крыму кофе.— Василий Каменский 178
„В кудрях каштановых моих".— М. А. Лохвицкая 226
В купели чугуна.— Михаил Герасимов 429
„В лазури — спешный птицелет" (Птицелет).— Любовь Столица 281
В лепоту облечеся.— Вячеслав Иванов 69
В лесу.— Борис Пастернак 206
В лесу.— Самобытник 498
„В лесу над рекой жила фея" (Валашская легенда).— М. Горький 326
„В лицо осенний ветер веет. Колос" (Предчувствие). — Валерий Брюсов 58
„В маленькой заклеенной загадке".— Мария Шкапская 291
В метель.— Александр Макаров. 476
В моей стране.— Владислав Ходасевич 255
„В моем подвале все на месте" (Октябрь в подвале).— Николай Полетаев. 473
В моем саду.— К. Бальмонт 33
„В морозной мгле, как око сычье".— Николай Клюев 346
В музее.— Самобытник 501

Стр.

„В напрасных поисках за ней" (Она).— Максимилиан Волошин . . . 115
„В нашем доме нет затишья" (Детские страхи).— Ю. Балтрушайтис . . 83
„В небе ли меркнет звезда".— Иннокентий Анненский 110
„В ней тихий тусклый свет, как будто сквозь туман" (Жемчужина). — Г. Галина 339
В немецких горах.— Василий Комаровский 249
В ноябре.— В. Александровский. 439
„В нужде гонимая веками" (Русь).— Я. Бердников 506
„В облаках заревой огонек" (Колдунок).— Сергей Клычков 369
„В общежитии накуренном рабфака" (Поэт).— Г. Лелевич 525
„В огромном омуте прозрачно и темно".— Осип Мандельштам 137
„В окно моей лесной избушки".— Пимен Карпов 312
„В окопах кажется печальней" (Осень в окопах).— Михаил Герасимов. 431
В октябре.— Сергей Третьяков . . 191
„В октябре есть привкус спирта" (В октябре).— Сергей Третьяков . . . 191
В оливковой роще.— Н. Минский . . 10
„В оный день, когда над миром новым" (Слово).— Н. Гумилев 125
В осеннем саду. — П. Соловьева (Allegro) 88
В отверженных садах. — М. Лозинский 158
В открытые окна.— Иннокентий Анненский 106
„В пасмурное воскресенье".— Всеволод Рождественский 161
В плену.— П. Я. 337
В поднебесьи.— Иван Коневской . 19
В поле.— М. Пргскунин 373
В поле. - Н. С. Тихомиров 513
„В поле не видно ни зги".— Федор Сологуб 42
В полевых цветах.— М. А. Лохвицкая. 229
„В полночь осенью мать родила".— С. Обрадович 460
В полях.— Андрей Белый 72
„В полях, в степи, по мокрым балкам" (Великоросс).— Петр Орешин . . 390
„В полях забытые усадьбы". - Валерий Брюсов 56
„В поминовенный день я не приду, отец" (1-е февраля).— Елизавета Полонская 302
В порту.— И. А. Бунин 246

Стр.

„В последний раз мы встретились тогда".— Анна Ахматова 141
„В предрассветный, тихий, чуткий час" (Утренняя молитва). — Илья Садофьев 502
„В прозрачной тьме прохладный воздух дышит" (Челнок).—Федор Сологуб. 44
В пути.— Г. Галина 340
В путь.— Н. С. Тихомиров 514
В пути.—Петр Зайцев 279
„В пыльном зное, за проселком" (Встреча).— Семен Фомин 376
„В раздумьи ныне в предсумрачном тумане" (Чернильный прибор).— Константин Липскеров 266
„В раздумьи сумрачном сверкающие мысли".— Самобытник 500
„В разлив весенний в Пермь на пароходе" (Еду домой).— Василий Каменский 179
„В разноголосице девического хора".— Осип Мандельштам 138
„В раскатах будничного гула" (Рабочий клуб).— Самобытник 498
„В редакции визжали телефоны" (Рабкор). — Я. Шведов 550
В ресторане.— Валерий Брюсов . . 57
„В розовых перьях фламинго" (Песня утренняя). — Константин Липскеров 267
В роще.— К. М. Фофанов 222
В саду над бездной.— М. А. Лохвицкая 229
В селе.— Семен Фомин 376
„В селеньях, где шумят колосья" (Деревенский учитель). — Петр Орешин 386
В сельской церкви.— Н. С. Тихомиров 513
„В синевеющих просторах" (Вечером).— Михаил Голодный 545
„В синеву на полтораста метров" (Радиобашня).— Николай Кузнецов . 539
„В сияньи бледных звезд, как в мертвенных очах".— Д. Мережковский . 16
В склепе.— Валерий Брюсов . . . 55
В Скутари.— И. А. Бунин 247
„В Смольном.— Г. Лелевич 524
„В снегах голубых умирают дневные сиянья" (Тишина). — П. Соловьева (Allegro) 88
В Сокольниках. — Николай Полетаев 471
„В соседнем доме окна желты" (Фабрика).— Александр Блок 96
В степи.— М. Зенкевич 154

Стр.

„В сто сорок солнц закат пылал" (Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче).— В. Маяковский 186
„В столице северной томится пыльный тополь" (Адмиралтейство). — Осип Мандельштам 138
„В столовой бьют часы. И пахнет камфорой" (Болезнь).— Георгий Адамович 151
„В страданьях гордость позабыв".— Н. Минский 8
„В твоей мозолистой руке" (России).— Сергей Малашкин 494
„В те времена дворянских привилегий".— Всеволод Рождественский . 162
„В темном поле под навесом" (Метель).— П. Борисов 393
„В тени аллей прохлада".— Федор Сологуб 45
„В тени косматой ели" (Чортовы качели).— Федор Сологуб 40
„В тихую ночь вырывается резкий и гулкий" (Окраина. I).— Мих. Артамонов 384
В толпе.— София Парнок 269
„В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа".— Осип Мандельштам. 138
В ту ночь.— Г. Санников 469
„В тумане волн и брызги серебра" (Гармония).— Иннокентий Анненский . 111
„В тумане утреннем неверными шагами".— Владимир Соловьев . . 4
В 1915 г.— Николай Асеев 197
„В углу чугуика, дышащая жаром" (Сонет о советском служащем).—Д. Туманный 322
„В углу шуршали мыши" (Дождь).— К. Бальмонт 31
В уездном городе.— Борис Садовской 241
В феврале.— И. А. Бунин 243
„В хмельной толпе отчаянных рубак" (Денис Давыдов).— Леонид Гроссман 270
В хороводе.— Петр Орешин 387
В Царском Селе.— Василий Комаровский 251
В церкви.— В. Гофман 38
В цирке.— Максимилиан Волошин. 114
„В час зловещий, в час могильный" (Завещание).— Николай Клюев . . 348
„В час пустынный, в час метели" (Карусель).— Ю. Балтрушайтис . . . 85
„В часы, когда недужат камни" (Пирушка десяти).— Александр Макаров. 475

Стр.

„В чистом поле у камня Алатыря“ (Конь Святогора).— И. А. Бунин 247
В эти дни.— Владимир Нарбут . . 157
„В эти дни особенно радостно слушать“.— Екатерина Волчанецкая . . 292
„В этом доме ты, мой друг, жила“ (Домик).— Юрий Верховский . . . 118
„В этот город — сто железных дорог“ (Выходи). — Алексей Гастев . . 425
Ваза с фруктами.— Георгий Иванов 147
Вакх.— Владислав Ходасевич . . 262
Валашская легенда.— М. Горький . . 326
Вальс у костра.— Тихон Чурилин . 316
„Вдалеке от фабрик, вдалеке от станций“ (Пляска мая).— Игорь Северянин 166
Вдвоем.— В. Гофман 37
„Вдруг золотом нездешних ослеплений“ (На обрыве).— М. Зенкевич . . . 153
„Веет от горна вервеной“ (Завод весенний).— Михаил Герасимов . . 428
„Вейтесь, кудри, вейтесь круче“ (В хороводе).— Петр Орешин 387
„Век наш короток, да долги ночи“ (Дни и ночи).— М. Светлов 558
„Веками сон, сугробный, потный, древний“ (Изба).— С. Обрадович 462
„Велика в прошлом, бесконечна в будущем жизнь моя“ (Моя жизнь).— Алексей Гастев 423
Великан.— Ф. Шкулев 418
„Великий Маг стоял на львиных шкурах“ (Союз Магов. 1. Жрец Солнца).— М. А. Лохвицкая 229
„Великий Метранпаж с прищурившимся взглядом“ (Типография жизни. III).— А. Безыменский 528
„Великий час! Лучистая заря“ (Утренняя песнь).— Ю. Балтрушайтис . . . 82
Великоросс.— Петр Орешин 390
„Величаный в литургиях голосистыми попами“ (Павел Первый).— П. Антокольский 307
Венера и Анхиз.— Сергей Соловьев. 89
Венеция. — Максимилиан Волошин 114
Верблюд.— Сергей Третьяков . . 191
Верблюды.— Константин Липскеров 265
„Верть и круть, и кресты и гусли“ (Земля).— Николай Тихонов . . . 317
„Верть колес, осей; гармонизация аккорда“ (Фабрика). — Сергей Третьяков 191
„Верхом вдоль мельничной плотины“ (Олеография).— Юрий Сидоров . . . 252
„Верю я,— мы грядущее выняньчим“.— В. Александровский 442
Веселый маляр.— А. Безыменский . 534
Веселый столяр.— Александр Макаров 475
Веселье на Руси.— Андрей Белый . 76
Весеннее.— Иван Доронин 541
Весеннее.— А. Крайский 510
Весенние ручьи.— Евг. Тарасов . . . 330
„Весенний вечер, веющий забвеньем“.— Н. Львова 233
Весенний день.— Александр Макаров 476
Весенний день.— Игорь Северянин. 166
„Весенний день горяч и золот“ (Весенний день).— Игорь Северянин . . . 166
Весенний дождь.— Самобытник . . . 500
Весенний клич.— К. Бальмонт . . . 36
„Весенний ливень, ливень ранний“. — Сергей Соловьев 90
Весенний романс. — Иннокентий Анненский 111
Весенняя любовь.— Иван Доронин . 543
Весенняя токарная.— Я. Шведов . . . 550
Весна.— Варвара Бутягина 294
Весна.— Павел Радимов 367
Весна.— Н. С. Тихомиров 515
Весна. Городская. — Сергей Городецкий 132
Весна. Монастырская.— Сергей Городецкий 132
„Весна снега ворочала“.— Илья Эренбург 311
Весной.— П. Соловьева (Allegro) . 86
„Весь в бисере и арабесках“ (Карусель).— Юрий Сидоров 252
„Весь взлохмаченный, вз'ерошенный“ (Пахарь).— Павел Дружинин . . . 395
„Весь день звучат полозья звонкие“ (В дороге).— С. Обрадович . . . 464
„Весь мир грабастают рабочие ручищи“ (Партбилет № 224332).— А. Безыменский 533
„Весь от города, бывший кожевник“ (Из цикла „Сокровенное“. I).— В. Александровский 437
„Весь пронизан солнцем, звоном, пением“.— Владимир Кириллов. 451
Ветер.— В. Александровский . . 439
„Ветер бойкий желтые листочки“ (Сторожка). — Я. Шведов 551
Ветер в степи.— Мариэтта Шагинян 272
„Ветер, конь неудержимый“ (Пять песен человека. Вторая).— А. Безыменский 529

Стр.

„Ветер легкий, тиховейный“ (Новгород).— Сергей Соловьев 91
„Ветер летит и стенает“.— Илья Эренбург 309
„Ветер начал. Я ему попутно“ (Песенка).— Василий Казин 457
„Ветр набежал, закрутил налегке“.— Сергей Малашкин 495
Вечер.— Ю. Балтрушайтис 83
„Вечер.— Александр Жаров . . . 535
Вечер.— Петр Орешин 385
„Вечер. Зеленая детская“ (Сестре).— Иннокентий Анненский . . . 111
„Вечер румяный притих, догорая“ (Тишина).— П. Я. 335
„Вечер — сверчок притаился в углу, за киотом“ (Грех).— Варвара Бутягина 295
„Вечерней грусти сны витают над полями“.— Павел Радимов 364
„Вечерние часы перед столом“.— Анна Ахматова 142
Вечерний чай.— Всеволод Рождественский 161
„Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!“ (Война об'явлена). В. Маяковский . . 188
„Вечерняя звезда, звезда моей печали“.— К. М. Фофанов 221
Вечером.— Анна Ахматова 141
Вечером.— Михаил Голодный . . . 545
Вечером.— М. Праскунин 374
„Вечером, когда на закате“ (Под грузом).— Г. Санников 468
Вечные дары.— Вячеслав Иванов . 63
„Взбежавши на пригорок“ (Бунтующие зайцы) — Демьян Бедный . . . 410
„Взвился рыжий, ближе! ближе!“ — Илья Эренбург 310
„Взгляни, как наша ночь пуста и молчалива“ (Элегия).— Владислав Ходасевич 257
„Взметайте миры“ (Поэма революции духа).— Василий Каменский . 180
„Взметнулись к потолку стальные лапы кранов“ (На заводе).— Илья Ионов. 517
„Взойдешь ты, ночь, на синем небосклоне“.— Павел Радимов 364
„Видишь,— иль мне это кажется“ (От солнца).— П. Соловьева (Allegro) . 87
„Вижу вас, ветром овеянных, лаской полудня“ (Слова слав).— Иван Филипченко 482
„Вижу Лик Твой осиянный“ (Неопалимая купина).— Семен Фомин 375
„Вижу очи твои изумрудные“.— Владимир Соловьев 5
Визжат гудки. Несется ругань с барок“.— Георгий Иванов 147
„Виктория Регия“.— Игорь Северянин 167
Виноградник Диониса.— Вячеслав Иванов 67
„Виноградник свой обходит, свой первоизбранный, Дионис“ (Виноградник Диониса).— Вячеслав Иванов . 67
„Вкруг белеющей Психеи“ (Трактир жизни).— Иннокентий Анненский 107
Владимиру Кириллову. 1.— Николай Клюев 345
„Влачась в лазури, облака“ (Москва).— Вячеслав Иванов 70
„Вместо мудрости — опытность, пресное“.— Анна Ахматова 143
„Внезапной бурею растрепана рябина“ (Сентябрь).— Василий Комаровский 249
„Внемля ветру, тополь гнется, с неба дождь осенний льется“ (Грусть).— К. Бальмонт 31
„Вниз по весне летели птицы“.— Сергей Бобров 201
„Вновь затерян лебедем прибрежным“ (Рейс). С. Обрадович 463
„Вновь оснеженные колонны“ (На островах).— Александр Блок 98
Внуку.— Е. Нечаев 415
„Во мраке я пою, средь непробудной ночи“.— Тан 341
„Во тьму веков та ночь уж отступила“ (Иммману-Эль).— Владимир Соловьев 6
„Во храме затуманенном мерцающая мгла“ (В церкви).— В. Гофман 38
Вода вечерняя.— Василий Каменский 179
Водотражали.— Василий Каменский 177
Вожди.— Владимир Кириллов . . 450
Возвращение красноармейцев.— Семен Родов 522
„Возвысила ночь свою черную голову“ (Ночное одиночество).— Валерий Брюсов 58
„Воздух дождиком частым сечется“.— Борис Пастернак 207
„Воздух и окошко добытые с боя“ (На поезде утром).— Владимир Соловьев 5
„Воздух седенькими складками падает“ (Зимнее утро).— Борис Пастернак 208

	Стр.
„Воздушная дрожь — родосский трактор" (Конец сражения). — Сергей Бобров	202
„Воззвал ли бог миров кочующих узоры" (Мысль). — М. Лозинский	158
„Возле древней реки" (Вальс у костра). — Тихон Чурилин	316
„Возле церковной ограды дом" (Роберт Пентегью). — Ирина Одоевцева	297
Возьми меня. — З. Гиппиус	50
Война. — Андрей Белый	80
„Война здесь прошла, прокричала" (Пиршество войны). — Валерий Брюсов	60
Война об'явлена. — В. Маяковский	188
Волга. — П. Антокольский	308
Волк. — Владимир Нарбут	155
Волге. — Александр Ширяевец	380
Волжские волны. — Василий Каменский	180
„Волна без пены. Солнце без огня". — Вера Инбер	298
„Волна в разлуке с морем" (L'onda dal mar' divisa). — Владимир Соловьев	4
„Волну окликнула, волна" (Жалоба). — Мариэтта Шагинян	273
„Волна упала, прошумев". — П. Я.	335
„Волнуемый, как океан безбрежный" (К восстанию!). — Самобытник	499
Волчья гибель. — Сергей Есенин	357
„Волшба ли ночи белой приманила" (Сфинксы над Невой). — Вячеслав Иванов	70
Волшебный город. — А. Крайский	509
„Вон парус виден. Ветер дует с юга". — Георгий Шенгели	264
„Вон там, в скучающих полях". — М. Светлов	555
„Вон — черных воронов на бледном небе стая". — Юрий Верховский	120
„Ворвался вихрь, развеял пепел". — Сергей Городецкий	134
Воробьевы горы. — Георгий Адамович	151
„Воскрес Великий Пан; смеясь на нивы". — Екатерина Волчанецкая	292
Воспоминание. — Андрей Белый	73
Воспоминание. — Андрей Белый	81
Восточные облака — М. А. Лохвицкая.	231
Восхождение. — Ю. Балтрушайтис	84
„Вот и все. Конец венчает дело". — В. Зоргенфрей	276
„Вот иду я" (России). — В. Маяковский	188
„Вот кузница при дороге" (Кузница при дороге). — В. Александровский.	445
„Вот неделю, две недели" (Осенница). — Сергей Городецкий	133
„Вот ночь своей грудью прильнула" (На рельсах). — Андрей Белый	76
„Вот он — мощный, грозный, пьяный" (Завод). — Н. С. Тихомиров	514
„Вот он — Спаситель, земли властелин" (Железный Мессия). — Владимир Кириллов	447
„Вот она суровая жестокость" (Песнь о хлебе). — Сергей Есенин	361
„Вот они.. Дремлют, как встарь, над Невою" (У сфинксов). — П. Я.	337
„Вот оно, царство Свободы" (Пять песен человека. Пятая). — А. Безыменский	530
„Вот опять окно". — Марина Цветаева	285
„Вот осень в шорохах и звонах" (Осенью). — Михаил Герасимов.	427
„Вот, открыл я магазин игрушек" (Рай). — Владислав Ходасевич	257
„Вот парк с пустынными опушками" (Старина). — Н. Гумилев	124
„Вот, под окном идут солдаты" (Последняя любовь). — Георгий Адамович	151
„Вот, с поморьями, морями, островами" (В поднебесьи). — Иван Коневской	19
„Вот у витрины показной". — Федор Сологуб	40
Вперед! — А. Крайский	508
„Врагам не до потехи" (Зима). — Г. Лелевич	526
„Враждующих скорбный гений" (Россия). — Максимилиан Волошин	116
„Враз кукарекнул петух на плетне, и задорному кличу" (Весна). — Павел Радимов	367
„Вращайся дней веретено" (Жуткое упрямство). — Илья Садофьев	505
„Время Грядущему кинуло зов" (Пришедшему). — А. Безыменский	534
Время и пространство. — Георгий Якубовский	480
„Все воскресло в грозных громах" (Над омутом). — Семен Фомин	375
„Все, все, что видишь ты" (Мать). — Иван Филипченко	487
„Все горы, за грядой гряда" (La selva oscura). Вячеслав Иванов	63
„Все горячей и сокровенней" (Свидание). — Самобытник	501
„Все живое особой метой". — Сергей Есенин	357

Стр.

„Все мне грезится море да небо глубокое.— К. Бальмонт 29
„Все на земле умрет — и мать, и младость“.— Александр Блок . . . 95
„Все расхищено, предано, продано“.— Анна Ахматова 146
Все спеши полюбить.— Константин Липскеров 267
„Все спеши полюбить, ибо все преходяще и тленно“ (Все спеши полюбить).— Константин Липскеров . . . 267
„Все тот же очерк той же кепки“ (Агитатор).— Д. Туманный 321
„Все тот же сон, живой и давний“.— М. Кузмин 239
„Все тот же холм... Все тот же замок с башней“ (Taedium vitae).— Ю. Балтрушайтис 82
„Все, чем, сгорая, душа томится“ (Новый сон).— П. Соловьева (Allegro). 86
Вселенский стих.— К. Бальмонт . . . 29
„Всплеск удивленья, трепет вдохновенья“.— Василий Казин 459
„Вспоминаю под жалобы скрипки“ (В ресторане).— Валерий Брюсов . . 57
„Вспомнились... Сумрак. Угол“.— С. Обрадович 460
„Встану я в утро туманное“.— Александр Блок 95
„Встаньте, братья, встаньте сестры“ (Рабочий гимн). Демьян Бедный . . 405
„Встретились. Шуршала травами“ (Любовь).— С. Обрадович 467
„Встретимся ли мы с тобою“ (На напев: „Встретимся ли мы с тобою“),— Александр Добролюбов 24
Встреча.— Алексей Гастев 424
Встреча.— Юрий Сидоров 253
Встреча.— Семен Фомин 376
Вступление (к книге „Шатер“).— Н. Гумилев 126
„Всходило солнце, полное любви“.— Екатерина Волчанецкая 292
„Всю ночь весенняя вода“.— Николай Полетаев 473
„Вся в черном — легкая на снеговом, на белом“ (Послушница).— Тихон Чурилин 314
„Вся измучилась, устала“ (Весна. Городская).— Сергей Городецкий . 132
„Всякая дрянь напихалася за день в большую лоханку“ (Пойло).— Павел Радимов 366
„Вы деньки ли мои — деньки тихие неприметные“.— Александр Добролюбов 23
„Вы деньки мои — голуби белые“.— Николай Клюев 349
„Вы на себя плетете петли“ (Пахарь).— Николай Клюев 346
„Вы обещали нам сады“.— Николай Клюев 345
„Вы — отгул глухой, гремучей“ (Голос из народа).—Николай Клюев . . . 346
Вывескам.— В. Маяковский 181
Вывозка воза.— Тихон Чурилин . . 316
„Выйди, милая, родная“.— Михаил Голодный 546
„Вылез тулуп из чулана“.— Николай Клюев 351
„Выли гудки бессвязно“ (Завод“).— В. Александровский 440
„Выпал снег. Застыла речка“ (Песенка).— Елизавета Полонская 301
„Вырубают лес развесистый без времени-поры“ (Рубят лес).— Иван Морозов 399
„Высоко в горы вполз Уж“ (Песня о Соколе).— М. Горький 325
„Выходи.— Алексей Гастев 425
„Выхожу я в путь, открытый взорам“ (Осенняя воля). — Александр Блок 100
„Вышел, иду и знаю“ (Коммунист) — А. Безыменский 531

Гадалка.—Владимир Нарбут. . . . 155
Гадание.—Александр Ширяевец . 380
Газета.—Георгий Якубовский . . 479
„Галка-староверка ходит в черной ряске“.—Николай Клюев 350
Гармонист,—Василий Казин 455
Гармония. — Иннокентий Анненский 111
Гармония слов,—К. Бальмонт 34
Гармонные вздохи. — Иннокентий Анненский 112
„Гаснет малиновый“.—Мих. Артамонов 383
„Гаснут розовые краски“. — Валерий Брюсов 52
„Гвардейский щеголь, ветренник салонов“ (Козлов).—Леонид Гроссман . . 270
„Где вы, грядущие гунны“ (Грядущие гунны).—Валерий Брюсов . . . 60
„Где же удаль твоя золотая“.—Павел Дружинин 396
„Где огневой поры“ (Железная осень).— Вячеслав Иванов 68
„Где слог найду, чтоб описать прогулку“.— М. Кузмин 235

	Стр.
„Где ты делась, несказанная".—Федор Сологуб	41
„Где ты, конь мой, сабля золотая".—Николай Тихонов	318
Германия.—Николай Тихонов	319
„Герои, скитальцы морей, альбатросы" (Матросам). — Владимир Кириллов	450
Гимн возлюбленному.—М. А. Лохвицкая	227
Гимн любви.—П, Я.	334
Гимн обеду.—В. Маяковский	183
Гимн рабочих.—Н. Минский	11
Гимны родине.—Федор Сологуб	43
Гипнотизер.—Демьян Бедный	411
„Глаза любимой не знают грусти". — В. Александровский	440
„Глаза усталостью ранены" (Машинист).— Г. Лелевич	525
„Глухая ночь, но в ресторан" (Меланхолия).—Андрей Белый	75
„Гляжу в окно вагона-ресторана".—Василий Комаровский	250
„Гляжу, любимая. с тоскою безнадежной" (Ложе).—Юрий Сидоров	253
Годовщина.—Юрий Верховский	119
„Голова переполнена кладью" (На рабфаке).—В. Александровский	445
Голос из народа.—Николай Клюев	346
„Голоса гармоник звонки" (На лугу).— М. Праскунин	373
„Голубая пустыня небес" (Летчик). — Д. Туманный	322
Голуби.—П. Я.	338
Голубое небо.—Д. Мережковский	14
„Голубые—в поднебесьи — купола" (Пасхальная).—Любовь Столица	282
Голубь.—Александр Макаров	477
„Горастоятель" (Водотражали). — Василий Каменский	177
„Горбатая, поджарая" (Старуха).—Павел Дружинин	397
„Горе тем, кто ослепли в огне".—В. Александровский	443
Горелый лес (Лесные тайны. II).—П. Я.	338
„Горестней сердца прибой и бессильные мысли короче".—В. Зоргенфрей	275
„Горит звезда, дрожит эфир".—Владислав Ходасевич	260
„Горит сверкающее знамя" (Радуга). — Юрий Сидоров	253
„Город" (Таинство посева).— Михаил Герасимов	434
Город.—Александр Кусиков	217
Город современный. — Сергей Соловьев	92
Городок.—Николай Ашукин	278
Городу.—Валерий Брюсов	59
Городу,—Александр Поморский	511
Горшечник.—Владимир Нарбут	155
„Горят отдаленные шпили" (Белая ночь).— М. Лозинский	158
„Горят электричеством луны" (Сумерки).— Валерий Брюсов	55
„Господь, господь, внемли, я плачу, я тоскую" (Зачем).—К. Бальмонт	28
Гости.—Всеволод Рождественский	161
Грани грядущего.—А. Крайский	509
Грех.—Варвара Бутягина	295
„Грешить бесстыдно, непробудно".—Александр Блок	102
Гроза.—Г. Санников	470
Гроза и дуб.—Тан	341
„Гроза пролетела над чащей лесной" (Гроза и дуб).—Тан	341
Грозовое.—Александр Ширяевец.	378
„Гром прогремел стороною, лягушки в пруде раскричались" (Пашня). — Павел Радимов	368
Грубая поэма.—Павел Дружинин	398
Грустинница.—Василий Каменский.	179
Грустный вечер.—Валерий Брюсов	56
„Грустный мир деревьев опаленных" (Лесные тайны. II. Горелый лес).—П. Я.	338
„Грустный сумрак грустный ветер, шелесты в дубах" (Грустный вечер).—Валерий Брюсов	56
„Грустным тупозвоном в пятносинь потемок".—Александр Кусиков	216
Грусть.—К. Бальмонт	31
„Грустят поля под бурыми снегами".—П. Я.	336
Грядущая.—Анна Баркова	305
Грядущее.—Илья Ионов	518
Грядущему поэту.—А. Безыменский.	528
Грядущие гунны,—Валерий Брюсов.	60
„Гудит трава за розовым плетнем" (Ветер в степи).—Мариэтта Шагинян	272
Гудки.—Алексей Гастев	421
Гудок.—Е. Нечаев	415
Гулимджан.—Демьян Бедный	409
„Гусли звонкие рокочут и звенят".- (Гусляр).—Скиталец	327
Гусляр.—Скиталец	327
„Да, все бегут часы, но уж не так, как прежде" (Отречение). — Иван Коневской	20
„Да, милый внук, житейский путь" (Внуку).—Е. Нечаев	415
„Да не в суд или во осуждение".— Андрей Белый	79

Стр.

„Да такие бывают напасти“.—В. Александровский 445
„Да, я знаю, я вам не пара“ (Я и вы).—Н. Гумилев 124
„Давно ль по этим косогорам“ (Рожь).—Сергей Городецкий 133
„Давно переступают кони“ (Именины).—Всеволод Рождественский . 161
„Давно такого не было лентяя“.—Василий Казин 458
„Даже грязными, как торговок“.—Анатолий Мариенгоф 214
„Далеких стад унылое мычанье“ (Родное).—Д. Мережковский 15
„Далеко в лесу огромном“ (Колыбельная).—Анна Ахматова 145
„Даль родная, даль дремучая“ (Русь I).—Иван Морозов 399
Дафнис.—Юрий Верховский . . . 118
Дача.—И. А. Бунин 245
Два.—А. Безыменский 531
Два гения —К. М. Фофанов 225
Два паруса лодки одной. — Иннокентий Анненский 110
25 Октября.—Владимир Кириллов. 449
Две женщины.—Анна Баркова . . . 305
„Две нити вместе свиты“ (Электричество).—З. Гиппиус 49
Две России.—В Александровский. 442
„Дверь то-и-дело раскрыта. С мороза, как белой овчиной“ (Посиделки). — Павел Радимов 368
„Движеньем вздыбленная пыль“ (В городском сквере).—Владимир Кириллов 454
Двойник.—Иннокентий Анненский 105
Дворецкий.—И. А. Бунин 245
„Дворянской кровию отяжелев“ (В эти дни).—Владимир Нарбут 157
Девушка из деревни.—В. Александровский 440
„Девушка моего наречья“ (Под вечер).—М. Светлов 557
Девушке.—Владимир Кириллов. 453
„Девятнадцатый год, месяц летний“ (Голубь).—Александр Макаров . . 477
9-е января.—Владимир Кириллов. 448
Дедова песенка.—Сергей Клычков. 370
Декабрист.—Осип Мандельштам . 139
Декорация.— Иннокентий Анненский 107
Decrescendo.—Иннокентий Анненский 110
Дельвиг.—Леонид Гроссман 271
Денис Давыдов —Леонид Гроссман. 270

Стр.

Денское метание.—Сергей Бобров . 202
„День без ясного солнца, без месяца ночь“.—П. Я. 338
„День прошел, да мало толку!“.—Наталия Крандиевская 288
„День пурпур царственный дает вершине снежной“ (На миг). — Вячеслав Иванов 64
„День уйдет, утихнет город“.—Николай Кузнецов 538
Деревенский кулак.—Н. С. Тихомиров. 513
Деревенский учитель.—Петр Орешин. 386
Деревья.—Н. Гумилев 124
„Деревья кронверкского сада“ (Элегия).—Владислав Ходасевич 260
„Держа в зубах мундштук солидной трубки“.—Сергей Малашкин 490
Державин.—Георгий Шенгели . . . 263
Дерзости слава.—Евг. Тарасов . . . 331
Детская шарманочка.—Елена Гуро . . 175
Детские страхи.— Ю. Балтрушайтис. 83
Детство.—Самобытник 501
„Детуся! Если устали глаза быть широкими“.—В. Хлебников 173
Динамас статики.—Вадим Шершеневич 212
„Дитя мое, грядущее туманно“ (Материнский завет).—М. А. Лохвицкая . . 231
„Дитя! Понимаешь ты? Вот он, твой мир—златотронная школа“ (На рождение младенца).—П. Антокольский 308
„Для чего в этот пасмурный день“.—Федор Сологуб 42
Днем.—З. Гиппиус 48
Дни.—Г. Санников 468
Дни и ночи.—М. Светлов 558
„Для каждого есть в мире звук“.—Наталия Крандиевская 288
„До четырех—за иголкой“ (Комсомолка).—Александр Жаров 537
Довольно!—Вячеслав Иванов . . . 64
„Довольно: не жди, не надейся“ (Отчаянье).—Андрей Белый 75
Дождевик.—Сергей Городецкий . 132
„Дождик вешний, реденький“ (Дождевик).—Сергей Городецкий . . 132
„Дождик мокрыми метлами чистит“. — Сергей Есенин 356
„Дождики, дождики“.—Елена Гуро . . 176
Дождь.—К. Бальмонт 31
Дождь.—Владислав Ходасевич . . 256
Дождь в городе.—Валерий Брюсов. 58
„Дождь окрасил цветом бурым“ (Дождь в городе).—Валерий Брюсов . . 58

Стр.

„Долгим взглядом твоим истомленная“.— Анна Ахматова 144
Долина—храм.—Вячеслав Иванов . 66
Дома.—И. А. Бунин 246
„Дома“ (Каталог образов). — Вадим Шершеневич 211
Домик.—Юрий Верховский 118
„Дороги без конца. Тоскующие чащи“.— В. Александровский 442
Досада.—Владислав Ходасевич . 256
Дочери народа.—Александр Добролюбов 24
„Древней клятвою, давним обетом“ (Разговор с розами).—Владимир Кириллов 451
„Дремали вы среди молчанья“ (Металлы).—М. Зенкевич 152
„Дремлют осины за ригой“ (Из ночного).— М. Праскунин 374
Дрова.—Сергей Малахов 549
Друзьям.—Андрей Белый 74
„Дряхлая, выпали зубы“ (Корова).—Сергей Есенин 359
Дулейка.—Петр Орешин 385
Дума работницы.—Алексей Гастев . 420
Думка.—Петр Орешин 386
Дурочка.—Анна Баркова 306
Дух.—Вячеслав Иванов 63
„Дух божий веет над землею“ (Не надо звуков).—Д. Мережковский . . . 16
Душа.—Владислав Ходасевич . . 257
„Душа грустит о небесах“.— Сергей Есенин 356
„Душа, душа моя! Куда влекут призывы“.—Павел Радимов 364
„Душа, кричи громче“. — В. Александровский 441
„Душа моя в плену,—в плену у тяжких дум“ (В плену).—П. Я. 337
Душа поэта.—К. М. Фофанов 225
„Душа разливается в поволжское устье“ (Кооперативы веселья). — Вадим Шершеневич 212
„Душистою веткой машучи“. — Борис Пастернак 204
„Дым от костра струею сизой“.—Александр Блок 100
„Дым сверкающим разливом“ (Весеннее).— Иван Доронин 541
Дядька.—И. А. Бунин 244
Дядя или солнце.—Василий Казин . 458

Ego.—Иннокентий Анненский . 105
„Едва пчелиное гуденье замолчало“ (Мучительный сонет). — Иннокентий Анненский 108

Стр.

„Едва яснеют огоньки“ (Асе).—Андрей Белый 80
„Едет стрелок в зеленые луга“ (Белый олень).—И. А. Бунин 248
„Единый раз вскипает пеной“ (Любовь—одна).—З. Гиппиус 48
Едкое.—Елена Гуро 175
„Еду в поле на телеге я“ (В дороге).— Я. Бердников 506
Еду домой.—Василий Каменский . 179
„Ее головка в золоте волос“.—Владимир Кириллов 453
„Ее на набережной Сены“ (Библия).— Мария Шкапская 290
Ex oriente lux. — Владимир Соловьев 7
Елисавета.—Федор Сологуб 43
„Елочный огарок горит“ (Новый год).— Тихон Чурилин 315
„Если б счастье мое было вольным орлом“.—М. А. Лохвицкая 227
„Если юность борьбою кипит“ (Либкнехт).— Александр Жаров 537
„Есть в Ленине Керженский дух“ (Ленин).—Николай Клюев 353
„Есть в литографиях старинных мастеров“.—Георгий Иванов 149
„Есть в русской природе усталая нежность“ (Безглагольность).— К. Бальмонт 27
„Есть вдохновенье и любовь“.—Федор Сологуб 45
„Есть горькая супесь, глухой чернозем“.— Николай Клюев 351
„Есть дни величавей столетий“ (25 Октября).—Владимир Кириллов . . 449
„Есть на свете край обширный“. — Николай Клюев 347
„Есть поцелуи — как сны свободные“ (Играющей в игры любовные“). — К. Бальмонт 32
„Есть радость тайная в сгорании“ (Зима).— Екатерина Волчанецкая . . 293
„Есть старенькие, старенькие мамы“ (Партбилет). — А. Безыменский . 532
„Есть тонкие властительные связи“ (Сонет к форме).—Валерий Брюсов. 53
„Ехал я в Колено за товаром“ (Комиссарка).—Петр Орешин 388
Еще и осени не близко. — Николай Асеев 195
„Еще и холоден и сыр“ (Оттепель).— И. А. Бунин 245
„Еще не пели зорю песни“.—Сергей Малашкин 496

Стр.

„Еще не царствует река“ (Весенний романс).—Иннокентий Анненский . . . 111
„Еще недавно, всего охотней“ (Инвектива).—Валерий Брюсов 62
Еще один. — Иннокентий Анненский. . . . 106
„Еще от ран Германия страдает“ (Берлин).—Илья Ионов 518
„Еще повсюду в спящем парке“ — К. М. Фофанов 222
„Еще последний снег в долине мглистой (Зарождающаяся жизнь). — К. Бальмонт 28
„Еще ра̀з, еще ра̀з“.—В. Хлебников . 173
„Еще свою я помню колыбель“ (Не забывшая).—М. Лозинский 160
„Еще скрежещет старый мир“.—В. Зоргенфрей 276
„Еще я не люблю,—но, как восток зарею“.—Н. Минский 8

Жалоба.—Мариэтта Шагинян . . . 273
Жалоба березки под троицын день.—Александр Добролюбов 24
Железная осень.—Вячеслав Иванов. 68
Железный Мессия. — Владимир Кириллов 447
„Железными резервами“ (Молодая гвардия).—Сергей Третьяков . . . 123
„Желтокрылых мотыльков шальная стая“.— Екатерина Волчанецкая . . 293
„Желтый пар Петербургской зимы“ (Петербург).—Иннокентий Анненский 109
Жеманницы былых годов“.—Владислав Ходасевич 256
Жемчужина.—Г. Галина 339
„Жена кормильца-мужа ждет“ („Лена“).— Демьян Бедный 404
„Женщина и девушка встретились негаданно“.—Евг. Тарасов 333
„Жестоко путаясь в дым паровоза“. — Сергей Малашкин 496
„Живей, рубанок, шибче шаркай“. — Василий Казин 456
„Живи, Живое! Под солнца бубны“ (Эгополонез).—Игорь Северянин . . 168
„Живу, как вор, в трущобе одичавший“ (Волк).—Владимир Нарбут . . . 155
Жизнь.—Г. Галина 339
„Жизнь рабочая, ты ли сладка“ (Поэтам „Кузницы“). — Владимир Кириллов 446
„Жизнь! Что мне надо от тебя, — не знаю“.—Георгий Адамович . . 151

Стр.

„Жил да был на свете еж“. — Вера Инбер 300
„Жил да был на свете кадет“ (Сказка о красной шапочке). — В. Маяковский 183
„Жил-был на свете клоп. И жил мужик Панкрат“ (Клоп).—Демьян Бедный 410
Жираф.—Н. Гумилев 123
„Жить в потемках мы устали“ (Дерзости слава).—Евг. Тарасов 331
„Жить страдая и песнями пениться“. — Владимир Кириллов 450
Жрец Солнца (Союз Магов. I).—М. А. Лохвицкая 229
„Жрецам искусства“.—Владимир Кириллов 446
Жрица Луны (Союз Магов. II).—М. А. Лохвицкая 230
„Жужжат пасы маховика“.—А. Ясный . 554
Жуковский.—Леонид Гроссман . . 270
Жуткое упрямство.—Илья Садофьев. 505

З. Н. Гиппиус.—Валерий Брюсов . 54
За городом.—Николай Кузнецов . 540
„За гранями узорного чертога“ (Неведомому богу).—В. Зоргенфрей . . . 274
„За дверями мгла, а сам в истоме“ (Сон).— Василий Казин 458
„За детский бред, где все казалось свято“.—Н. Львова 233
За женщиной.—В. Маяковский . . . 181
За Москвой.—Сергей Бобров . . . 199
„За окнами—снега, степная гладь и ширь“ (Дядька).—И. А. Бунин 244
„За окном—ночные разговоры“. — Владислав Ходасевич 257
„За покинутым, бедным жилищем“ (Мечты).—Н. Гумилев 123
За работой. Песня кровельщика.—Я. Шведов 551
„За рекою — город черной грудой“. — С. Обрадович 467
„За ригой — след бродяги-волка“ (Вечером).—М. Праскунин 374
„За сараями у речки“ (У речки).—Иван Доронин 542
„За серооблачными мглами“ (Непогодная ночь).—Вячеслав Иванов . . . 64
За стихом.—Я. Шведов 550
„За темной прядью перелесиц“.—Сергей Есенин 359
„За тропой осинки красные повойники“ (За стихом).—Я. Шведов 550
„За что любить тебя? Какая ты нам мать“ (К родине).—П. Я. 334

Стр.
Забастовка.—А. Ясный 554
„Забился май над головой" (Фабзавуч).—Александр Жаров 535
Заблудившийся трамвай.—Н. Гумилев . 129
„Заборы, груды кирпича" (В уездном городе).—Борис Садовской 241
„Забылся я в радостных грезах".—Юрий Сидоров 253
„Забытый скит над прудом сонным" (Скит).—Варвара Бутягина . . 295
„Забытый слесарями" (Песня разбитого паровоза).—Николай Полетаев . 474
Завет.—Самобытник 499
Завет бытия.—К. Бальмонт 33
Завет дьявола.—М. А. Лохвицкая . . 230
„Заветный миг отдохновенья".—Юрий Верховский 119
„Заветное сбылось. Я одинок".—Н. Минский 9
Завещание.—Николай Клюев 348
Завод.—В. Александровский . . . 440
Завод.—С. Обрадович 461
Завод.—Н. С. Тихомиров 514
Завод весенний.—Михаил Герасимов. 428
„Завод вонзил два рога".—Михаил Герасимов 428
Завод слова.—А. Безыменский . . . 527
„Заводь спит. Молчит вода зеркальная" (Лебедь).—К. Бальмонт 29
„Заглушила засуха засевки". — Сергей Есенин 360
„Заглянул в окно я ночью белой" (В белую ночь).—Семен Фомин 375
„Загорелись, заблестели яркой радугой снега".—Н. Львова 232
Загорье.—Вячеслав Иванов 69
„Загуляла седовласая пурга" (Зимней ночью).—Н. С. Тихомиров 515
„Задремало в реке. Молчаливо в степи".—Павел Радимов 365
„Зажженных рано фонарей". — Анна Ахматова 144
„Зазовь" (Сутемки, сувечер).—В. Хлебников 170
„Закат онемелый трепещет".—Николай Асеев 194
„Закат сквозь облако течет туманно-желтый".—София Парнок 268
Заклинание России.—Пимен Карпов. 312
Заклятие смехом.—В. Хлебников . . 170
„Закономерно, чередою длинной" (Так будет).—Вера Инбер 300
„Замети меня метелями" (Метель).—Сергей Городецкий 133
„Замусолил вечер вновь" (Песня странника).—П. Борисов 393
„Занялась заря - красавица вдали" (Летним вечером).—Иван Морозов . . 400
Западный фронт.—Валерий Брюсов. 60
„Запах асфальта и грохот колес".—Федор Сологуб 41
„Запели тесаные дроги".—Сергей Есенин 359
„Заплакал снег, и тени синие" (Весной).—П. Соловьева (Allegro) 86
„Запоздалая старуха" (Старуха). — Владислав Ходасевич 261
„Зарево зорь над землею усталой" (На заре).— А. Крайский 510
Зарею жизни.—Игорь Северянин. 169
„Зарею жизни я светом грезил" (Зарею жизни).—Игорь Северянин . . 169
Зарождающаяся жизнь.—К. Бальмонт. 28
„Заря золотая и — красная".— Семен Родов 521
Застольная беседа.— Анатолий Мариенгоф 214
„Затихших волн сиянье бесконечно".—Д. Мережковский 15
Затишье.— Иван Коневской . . . 20
Зачем.— К. Бальмонт 28
„Зачем душа чего-то ищет.— Юрий Верховский 120
„Зачем любить? Земля не стоит".— Федор Сологуб 45
„Зачем опять мне вспомнился Восток".—Константин Липскеров . . . 265
„Зачем, паук, уходишь торопливо".—Юрий Верховский 120
„Зачем, с душой неутоленной" (Аполлон с кифарой).— Сергей Соловьев. 89
„Звезд узор старинный в синей вышине" (Ангел).— Николай Ашукин . . 277
Звезда.— Юрий Верховский . . . 119
„Звезда зажглась над сивой пеленой" (Долина-храм).— Вячеслав Иванов 66
Звезднокормчий.—Пимен Карпов . 313
„Звездочка".—Елена Гуро 175
„Звездою темною пророка" (Черный знак).— Пимен Карпов 312
„Звезды ясные, звезды прекрасные". К. М. Фофанов 221
„Звенела музыка в саду" (Вечером).—Анна Ахматова 141
„Звенели, пели. Грязное сукно". Георгий Адамович 151
Звени.— Василий Каменский . . 179
„Звени, Октябрь, синими снежинками" Из цикла „Октябрь". I).— В. Александровский 444

Стр.
„Звенит гармоника. Летят качели“ (Воробьевы горы).— Георгий Адам'ович 151
„Звенит и смеется“ (Чурлю-журль).— Василий Каменский 177
„Звериный цесарь, нежити и твари“.— Сергей Городецкий 134
„Звон вечерний гудит, уносясь“. — Андрей Белый 72
„Звон за оградой, нежный, полусонный“ (Караван).— И. А. Бунин 247
„Звоны, стоны, перезвоны“ (Весна. Монастырская). — Сергей Городецкий 132
Звездный рейс. — Владимир Кириллов 452
„Здесь груды валенок и кипы кошельков“ (Рынок). — Василий Комаровский 250
„Здесь тихая душа затаена в дубравах“ (Загорье).— Вячеслав Иванов . 69
„Здесь утра трудны и туманны“ (Петербург).— М. Лозинский 159
„Здравствуй, ты погибель моя девья, неминучая!“— Любовь Столица . . 282
„Зеленая вечерняя звезда“ (Разочарование).— Павел Радимов 365
Зеленая Кузница.— Иван Доронин . 542
„Зеленая прическа“. — Сергей Есенин 360
„Зеленозвездое тысячеточье“ (Ночь. Пекин).— Сергей Третьяков . . 192
Земля.— М. Зенкевич 152
Земля.— Николай Тихонов 317
Земля.— Иван Филипченко . . . 486
„Земля-владычица! К тебе чело склонил я“.— Владимир Соловьев. 4
„Земля и облако и ветки“.— Константин Липскеров 267
„Земля умирала от зною“ (Лето 1914 года).— Петр Зайцев 280
„Земная жизнь моя — звенящий“ (Спящий лебедь).— М. А. Лохвицкая . . . 226
Зима.— Я. Бердников 507
Зима.— Екатерина Волчанецкая. 293
Зима.— Сергей Клычков 369
Зима.— Г. Лелевич 526
Зима.— Владислав Ходасевич . . 257
Зима.— Марина Цветаева 284
Зимнее утро.— Борис Пастернак . 208
Зимней ночью.— Н. С. Тихомиров . 515
Зимняя дорога.— Павел Дружинин. 397
„Злы, полупьяны и сонны с похмелья“.— Евг. Тарасов 332
Знак бесконечности.— Георгий Якубовский 480

Стр.
„Знамен кровавых колыханье“ (Красная площадь).— Николай Полетаев. 474
Знахарка.— Любовь Столица . . . 283
„Знаю я сладких четыре отрады“ (Отрады).— Валерий Брюсов 53
Зной — Сергей Городецкий . . . 133
Зов земли.— Семен Фомин 376
„Зови лишь того, кто безумен в любви“.— Евг. Тарасов 331
Золотая звезда.— К. Бальмонт 28
Золотая соха.— Петр Орешин . . . 386
„Золотистые дальние сини“ (Сини) — Я. Шведов 551
„Золотое голодное волокло“ (Вывозка воза) — Тихон Чурилин 316
„Золотому блеску верил“ (Друзьям) — Андрей Белый 74
„Золотую паутину выткал“.— Варвара Бутягина 294
Зоря-зоряница.— К. Бальмонт 35
„Зубцами белая ограда“ (Старый монастырь). - П. Соловьева (Allegro). 87

„И был. Мне надо было сталью“.— А. Ясный 554
„И в печке лег огонь крестом“.— Надежда Павлович 286
„И ветер вешний, и я“.— Василий Казин 457
„И ветер, и дождик, и мгла“ (Одиночество).— И. А. Бунин 344
„И вновь, как в первый день созданья“.— Д. Мережковский 14
„И вот на смену нам, разорванным и пьяным“ (Потомки).— Анна Радлова. 304
„И вот однажды, в день весенний“ (Завод. II).— С. Обрадович 461
„И вот опять звонит тот колокол глухой“ (Из другого мира).— Иван Коневской 20
„И впрямь прекрасен, юноша стройный, ты“.— София Парнок 269
„И высок и широк“ (Небесный завод).— Василий Казин 457
„И жара. И солнце сердится“ (Сердце и сталь).— Сергей Малахов . . . 547
„И нас — два колоса несжатых“. — М. Зенкевич 154
„И пока над царским селом“ (Одинокий лицедей).— В. Хлебников 170
„И пылок был, и грозен День“ (Еще один).— Иннокентий Анненский . . . 106
„И снилось мне: заря туманная“. — Д. Мережковский 15
„И совсем не в мире мы, а где-то“ (Канцона вторая). - Н. Гумилев 126

Стр.

„И сочетала та великая газета“ (Типография жизни. IV).— А. Безыменский 529
„И ты предстала мне, Флоренция“.— Василий Комаровский 250
„И хочу, но не в силах любить я людей“.— Д. Мережковский 13
„И числа, и места, и лица перепутал“ (Застольная беседа). — Анатолий Мариенгоф 214
„И это все?“ — сказала ты“.— Юрий Верховский 118
Играющей в игры любовные.— К. Бальмонт 32
Идеал.—Иннокентий Анненский. 106
Иди за мной.— З. Гиппиус 47
„Иду — цветной веселый сквер“ (Мой траур).— Тихон Чурилин 314
„Иду я с тихой думою“ (На дюнах).— Г. Галина 340
„Идут. Без веры и без воли“ (Люди).— П. Соловьева (Allegro) 87
„Идут вальяжно, с перевалочкой“ (В селе).— Семен Фомин 376
„Идут дожди серебряные, рясные“ (Осень). — Любовь Столица . . 283
„Идут, идут небесные верблюды“ (Восточные облака).— М. А. Лохвицкая 231
„Из гордых городов — аэропланы“ (Грани грядущего).— А. Крайский 509
Из далей далеких.— Вячеслав Иванов 70
Из дорожного блок-нота.— Г. Лелевич. 525
Из другого мира.— Иван Коневской. 20
„Из мира чахлой нищеты“.— Федор Сологуб 41
Из ночи в день.— А. Крайский . . . 508
Из ночного.— М. Праскунин 374
„Из облака, из пены розоватой“.— Георгий Иванов 148
Из окна.— Александр Макаров . 475
Из песен ссыльного. I.— Илья Ионов. 516
„Из тучи с тучей в безумном спорс“ (Decrescendo). — Иннокентий Анненский 110
Из цикла: „Комсомольская любовь“.— Николай Кузнецов 540
Из цикла: „Октябрь“. I.—В. Александровский 444
Из цикла „Сокровенное“.— В. Александровский 437
„Из черного ведра сентябрь льет“ (Тучелёт).— Анатолий Мариенгоф . 213
Изба.— Я. Бердников 507
Изба.— С. Обрадович 462
„Изба — богатырица“. — Николай Клюев 350
„Извечную печаль таит в себе природа“.— Надежда Павлович 286
„Извозчик ругался с продавщицей яблок“ (Из окна). Александр Макаров 475
„Извозчик чмокал: — „Но! Но-но“ (О дохлой кобыле).— Демьян Бедный . 412
„Изжелта-зеленые березы“.—Н. Львова. 233
„Измерили верные ноги“ (Путь). — Андрей Белый 76
„Измуренные, голодные“ (Красная армия)— Сергей Городецкий . . 135
„Иисус, в одежде бедой“ (Нескорбному учителю).— З. Гиппиус 49
Именины. — Всеволод Рождественский 161
Иммапу-Эль.—Владимир Соловьев. 6
„Имя красных масс“ (Массы).— Иван Филипченко 483
Инвектива.— Валерий Брюсов . . . 62
Индус.— Сергей Малахов 548
Индюк.— Н. Гумилев 124
„Испуганной бьется птицей“.— Петр Зайцев 279
„История Времен — наборщица судьбы“ (Типография жизни. II).— А. Безыменский 528
„Их в мире два — они как братья“ (Два гения) — К М. Фофанов 225
„Июлем синим набежало время“ (Германия).— Николай Тихонов . . . 319
Июль.— Иннокентий Анненский. 106
Июльский полдень.— Игорь Северянин 167
Июнь — вечер.— Елена Гуро 176

К Армении.— Мариэтта Шагинян. 273
К восстанию!— Самобытник 499
К курганам.— Михаил Герасимов. 431
К моей стране.— Валерий Брюсов. 59
К музе.— Владислав Ходасевич. 255
„К нам, кто сердцем молод“.— Владимир Кириллов 448
К ней.— З. Гиппиус 50
„К озеру вышла. Крут берег“.— Марина Цветаева 285
„К окну ноябрьский снег налип“ (В ноябре).— В. Александровский . 439
К П. И. Конради — Иван Коневской. 18
К родине.— П. Я 334
К росам.— Любовь Столица. . . . 281
К русской революции.—Валерий Брюсов 61
К самому себе.— Юрий Сидоров . 252

Стр.

„К светилам в безрассудной вере“ (Человек).— М. Зенкевич 152
„К тебе, у твоего порога“.— К. М. Фофанов 225
К тучам.— Любовь Столица . . . 281
„Кабак и храм, религия и пьянство“.— Иван Филипченко 485
„Каждый день по новому тревожен“.— Анна Ахматова 141
„Каждый день по новому чудесен“. — Владимир Кириллов 450
„Каждый день это — день последний“.— Константин Липскеров . . . 267
„Каждый наш день — новая глава библии“.— Анатолий Марнеигоф. 214
„Каждый раз, когда вечер алый“ (Ленинец).— Николай Кузнецов . . 539
Казино.— Осип Мандельштам . . 138
Каин.— И. А. Бунин 248
„Как брошенный с пути снегам“ (Кремль в буран конца 1918 года).— Борис Пастернак 208
„Как в призванных сердцах — провиденье судьбы“ (Петроград).— М. Лозинский 159
„Как в чистой лазури затихшего моря“.— Владимир Соловьев 6
Как вазочка — было сердце.— Сергей Бобров 201
„Как ветер мокрый, ты бьешся в ставни“ (Нелюбовь).— З. Гиппиус 48
„Как виночерпий льет бурлящей влаги“ (Языков).— Леонид Гроссман . 270
„Как витязи, вошли в порядок“ (Красноармейцы).— Петр Орешин . . . 390
„Как волшебник прихожу я“ (Вакх).— Владислав Ходасевич 262
„Как вольно над Москвой-рекою“ (Минин)— Михаил Герасимов . . 430
„Как враги крадутся“ (Тучи).— Самобытник 500
„Как вы, я петь бы мог“.— П. Я. 334
„Как высказать себя в любви?“ — Наталия Крандиевская 288
„Как высоко крестили дальние полосы, вершины“ (Июнь — вечер).— Елена Гуро 176
„Как вялый колос — мускулы и грудь“ (Мать).— С. Обрадович 465
„Как древле — к селам Анатолии“.— Василий Комаровский 250
„Как дымы зимние тоскливо“ (Посох).— Николай Ашукин 277
„Как жизнь, как самое красивое“ (Звездный рейс).— Владимир Кириллов 452
„Как изваянная, висит во сне“ (В лепоту облечеся).— Вячеслав Иванов . 69
„Как конквистадор в панцыре железном“ (Сонет).— Н. Гумилев 123
„Как лань, легка“ (Саломея).— Иван Филипченко 489
„Как минул вешний пыл, так минул страстный зной“ (Ночь).— Андрей Белый 79
„Как много женщин ты ласкал“.—Мария Шкапская 290
„Как мокрые, раздавленные сливы“ (Пушка).— Николай Тихонов . 318
„Как на тропке, на болоте, по дорожке“ (Партизанское).— Я. Шведов . . . 552
„Как нам уйти от терпких этих болей?“ (Разуверенье).— Андрей Белый . 79
„Как невозвратная мечта“ (Ожидание).— Андрей Белый 73
„Как нежны, как надрывно милы“ (Рукописи Пушкина).— Георгий Шенгели 263
„Как несли за флягой флягу“ (Веселье на Руси).— Андрей Белый . . . 76
„Как пережить и как оплакать мне“ („Да не в суд или во осуждение“).—Андрей Белый 79
„Как перья страуса на черном катафалке“ (Зима). — Владислав Ходасевич 257
„Как прежде все кругом. Все тот же тесный двор“.— Е. Бражнев 519
„Как прежде закатом окна горят“.— Надежда Павлович 286
„Как прежде ярко светит солнце“ (У озаренного оконца).— В. Гофман . . . 38
„Как преступник, прикованный к тачке“ (Из ночи в день. I).— А. Крайский. 508
„Как птицы очковой змеей очарованы“.— Валерий Брюсов 57
„Как пышно зелены, как радостно цветущи“ (Дафнис).— Юрий Верховский 118
„Как родная мать меня“ (Проводы).— Демьян Бедный 406
„Как Русская Земля, ты не похожа“ (Новая Русь).— Петр Орешин . . 388
„Как светла, как нарядна весна“.“ И. А. Бунин 243
„Как скоро ты прошла и отшумела“ (Осень).— Сергей Соловьев . . 91
„Как соловей, расцеловавший воздух“ (Через гром).— Николай Асеев . 195
„Как тонка минут бегущих нить“.— Вера Инбер 298

Стр.

„Как топи укрывает рдеет“ (Близнец на корме).— Борис Пастернак . . 203
„Как тяжкий гулок свод, и мрак угрюм и густ!“ (Колизей). — Вячеслав Иванов 70
„Как уйти от этой жизни милой“.— Вера Инбер 298
„Как упоительны поблекшие цветы“.— Юрий Верховский 118
„Как часто выразить любовь мою хочу“ (Молчание). — Д. Мережковский . 14
„Как я люблю тоску свободы“ (Затишье).— Иван Коневской 20
„Какая прелесть в быстром движеньи“ (В пути).— Г. Галина 340
„Какая скорбь вокруг! Туманы нависают“ (Осенняя октава).— Павел Радимов 365
„Какая странная отрада“ (Минута).— Юрий Сидоров 253
„Какое мне дело, что кровохаркающий поршень“ (Ритмическая образность). — Вадим Шершеневич 212
„Какой надо мной и над ней Трибунал?“ (Лондон 1666).— П. Антокольский 307
Калиф больной.— Константин Липскеров 266
Кама. — П. Антокольский 308
Каменщик.— Валерий Брюсов . . . 60
Каменщик.— Василий Казин . . . 457
—„Каменщик, каменщик, в фартуке белом“ (Каменщик).— Валерий Брюсов 60
Камень.— З. Гиппиус 48
„Камень мыло уныньe“ (Предчувствие).— Борис Пастернак 203
„Канителят стариков бригады“ (Приказ по армии искусства).—В. Маяковский. 187
Канцона вторая.— Н. Гумилев 126
Капитал.— Демьян Бедный 406
„Каплями-искрами мечет“ (Пять песен человека. Третья).— А. Безыменский 529
Караван.— И. А. Бунин 247
Каретка куртизанки.— Игорь Северянин 168
„Каретка куртизанки, в коричневую лошадь“ (Каретка куртизанки).—Игорь Северянин 168
Карусель.— Ю. Балтрушайтис . . . 85
Карусель.— Юрий Сидоров 252
Каталог образов.— Вадим Шершеневич 211
Катавасия.— Демьян Бедный . . . 414
„Катятся слезки... окошко плачет“. — Александр Кусиков 216

Стр.

„Качанье ряби, облак тощий“.— Александр Кусиков 217
„Квадратный стол прикрыт бумагой“.— Георгий Шенгели 264
Квасок. — Петр Орешин 385
„Келья моя и тесна, и темна“.— Федор Сологуб 42
„Кем воспета радость лета“ (Маскарад).— М. Кузмин 236
„Кинув вожжи в скучающий ветер“ (Рельсы. III).— М. Светлов 556
„Кипящий звук неторопливых арб“.— София Парнок 268
Кладбище.— Андрей Белый 73
Кладбище.— В. Зоргенфрей 274
„Кладбищенский убогий сад“ (Ночью на кладбище).— Андрей Белый . . . 80
Кларнет и рожок.— Демьян Бедный. 410
Кликуша.— П. Борисов 394
Клич.— Александр Ширяевец . 380
Клоп.— Демьян Бедный 410
„Клоун в огненном кольце“ (В цирке).— Максимилиан Волошин . . . 114
Кобзарь.— Владимир Нарбут . . . 156
„Когда б я долго жил на свете“.— Владислав Ходасевич 259
„Когда белеется в полях гречиха“.— Павел Радимов 365
„Когда был я совсем еще маленьким мальчиком“ (Разговор со звездами). — Владимир Кириллов 451
„Когда в веках скудеет звук свирельный“.— Илья Эренбург 309
„Когда в душе все сновиденья“— Михаил Герасимов 433
„Когда высоко под дугою“ (Опять в дороге). — Иннокентий Анненский 107
„Когда гудят утренние гудки“ (Гудки).— Алексей Гастев 421
Когда земное.— Николай Асеев . . 197
„Когда земное склонит лень“ (Когда земное).— Николай Асеев 197
„Когда зорька гаснет над домами“ (О матери).— Николай Кузнецов . . 538
„Когда меня молитвы дивным светом“ (Элегия).— Юрий Сидоров . . . 252
„Когда мне говорят: „Александрия“. — М. Кузмин 237
„Когда Москва в раскатах Октября“ (Мы).— Сергей Малахов 547
„Когда на строгие нахмуренные ели“.— В. Александровский 438
„Когда недуг меня об‘емлет“ (Приближение). — П. Соловьева (Allegro). 86

Стр.

„Когда сегодняшнее станет вчерашним“ (На Красной площади).— Николай Кузнецов 539
„Когда смелее и уверенней“ (Работнице. II).— М. Светлов 558
„Когда уйду — совсем согнется мать“.— Николай Тихонов 319
„Когда я кончу наконец“ (Персидская миниатюра).— Н. Гумилев 125
„Когда явленья бьются и играют“ (Недоумение).— Иван Коневской . . 19
Кое-что про Петербург.— В. Маяковский 182
Ковлов.— Леонид Гроссман . . . 270
Колдунок.— Сергей Клычков . . . 369
„Колдуют розы лунным светом“.— Пимен Карпов 313
„Колеблющийся голос не похож“ (Девушка из деревни).— В. Александровский 440
Колизей.— Вячеслав Иванов . . . 70
Колокол.— Илья Ионов 516
„Колокольчики - бубенчики звенят“. — Скиталец 327
Колыбельная.— Анна Ахматова . . 145
Колыбельная песня.— К. Бальмонт . 30
Кольца.— Владислав Ходасевич . 252
Комары.— Ю. Балтрушайтис . . . 85
Комиссарка.— Петр Орешин 388
Коммунары.— Демьян Бедный . . . 408
Коммунист. — А. Безыменский . . . 531
Коммунистическая марсельеза —Демьян Бедный 404
Коммунисты.— Илья Ионов 518
Коммунэра об агитаторе. — Г. Лелевич 524
Комсомолка.— Александр Жаров . 537
Конец Кикапу.— Тихон Чурилин . 315
Конец клерка.— Тихон Чурилин . 314
Конец сражения.— Сергей Бобров . 202
„Кончено! Довольно с нас песен благочестия“ („Мы посягнули“). — Алексей Гастев 422
Конь блед.— Валерий Брюсов . . 58
Конь революций буйно вскачь“ (Марш революций). — Анатолий Мариенгоф 214
Конь Святогора.— И. А. Бунин 247
Кооперативы веселья.— Вадим Шершеневич 212
Корабль.— Петр Зайцев 280
Корова.— Сергей Есенин 359
„Короче дни и сумерки синее“.— Николай Ашукин 278
„Коснись рукой до струн, прозренных светом“.— Сергей Соловьев . . 90
„Косое в плечах“ (Чучело).— Михаил Герасимов 435
„Костер мой догорал на берегу пустыни“ (Полынь). — Максимилиан Волошин 113
„Косых картин, летящих ливмя“.—Борис Пастернак 206
Который раз. - Валерий Брюсов . 55
Кофе.— Сергей Городецкий . . . 136
Кофта фата.— В. Маяковский . . . 182
Красная армия.— Сергей Городецкий. 135
Красная песня.— Николай Клюев . 353
Красная площадь.— Николай Полетаев 474
Красноармейская походная песня. — Демьян Бедный 407
Красноармейцы.— Петр Орешин . . 390
„Красное небо за окнами тьмится“.— Валерий Брюсов 54
„Красною кистью“.— Марина Цветаева 284
„Красные кони, красные кони, красные кони — кони мои“ (Агни).— К. Бальмонт 36
„Красный дом — красный дом — красный дом“ (Руина).— Тихон Чурилин . 314
Красный кормчий.— Илья Ионов . . 517
Красный Кремль.— Владимир Кириллов 449
Красный лик.— Мих. Артамонов . 384
Красный цветок.— Самобытник . . 500
„Красотка летит вдоль аллеи“ (Променад).— Андрей Белый 74
Кремлевская стена.—Николай Асеев. 195
Кремль в буран конца 1918 года.— Борис Пастернак 208
„Крепкие руки, хлеб да вода“ (Пролетарий).— Самобытник 497
„— Крест ли, меч ли возьму,— не знаю“ (Мужикослов. XIII). — Александр Ширяевец 381
„Крестят нас огненной купелью“ (Нам проба).— Валерий Брюсов . . . 61
Крик железный.— А. Крайский . . . 509
Криница.— Вячеслав Иванов . . . 65
„Кроткий вечер тихо угасает“.— Д. Мережковский 16
„Кротко крадешься креповым трэном“ (Укор).— Андрей Белый 78
„Кругом мундиры, лица сытых дам“ (В музее).— Самобытник 501
„Кружевеет, розовеет утром лес“ (Русская).— Игорь Северянин . . . 166
„Кто б ты ни был,— заходи, прохожий“ (Полнолуние) — Мариэтта Шагинян 272

Стр.
Кто бога узрит.— Н. Минский 10
„Кто видел утро городское“ (Утро)— Юрий Сидоров 254
„Кто говорит: передышка“ (Эп!..).— Демьян Бедный 413
„Кто скажет: „я достиг“, тот труп окаменелый“ (Бессмертие) — А. Крайский 510
Кто я.— Василий Каменский .. 177
„Кто-то стучится в окно“ (Ожидание).— Николай Клюев 348
Кубанская песня.— Демьян Бедный. 407
„Кувалдой с просонок могуче“ (Грубая поэма).— Павел Дружинин .. 398
Кузнец.— Скиталец 328
Кузнецы.— Ф. Шкулев 417
Кузница при дороге.— В. Александровский 445
„Кукует в кузнице кукушка“ (Кукушка).— Г. Санников 469
Кукушка.— Г. Санников 469
„Кусаются ружья“ (Атака).— Сергей Третьяков 191

La luna somnambula.—Вячеслав Иванов 67
La selva oscura.—Вячеслав Иванов. 63
„Лад пева храмового“ (Музыка на пасху).—Тихон Чурилин 315
„Лазурью осени прощальной“.—Сергей Соловьев 91
Лань. Варвара Бутягина..... 294
Лебеди.—Вячеслав Иванов 68
„Лебеди белые кличут и плещутся“ (Лебеди).—Вячеслав Иванов ... 68
Лебединый путь.—Г. Санников ... 470
Лебедь.—К. Бальмонт 29
„Левой! Правой! Левой! Правой“ (Красноармейская походная песня).—Демьян Бедный 407
Левый марш.—В. Маяковский ... 190
„Легкомысленности милый гений“ (Манон Леско).—Всеволод Рождественский 162
„Лед взломало... Не в весеннюю пору бурливую“.— Екатерина Волчанецкая 292
Ледоход.—П. Я 337
„Лежу на камне, солнцем разогретом“— Валерий Брюсов 53
Лен.—Иван Морозов....... 400
„Лена“.—Демьян Бедный 404
Ленин.—Николай Клюев..... 353
Ленинец.—Николай Кузнецов .. 539
Леонардо да Винчи.— Д. Мережковский 16
Стр.
Les Bienfaits de l'amour.—Сергей Бобров 199
„Лес рубят — молодой, нежно-зеленый лес“.—Г. Галина 339
Лесной скит.—Варвара Бутягина . 294
Лесные тайны. II. Горелый лес.—П. Я. . 338
Лестница любви.—К. Бальмонт ... 33
Лета.—Вячеслав Иванов 71
„Летаргией бульварного вальса“ (Фантасмагория).—Николай Асеев ... 194
„Летит, качается вагон“.—Надежда Павлович 286
Летний ветер.—Я. Бердников 507
Летний сад.—М. Кузмин 240
Летним вечером.—Иван Морозов .. 400
Лето.—Павел Радимов....... 365
Лето 1914 года.—Петр Зайцев ... 280
Летом.—Георгий Адамович.... 150
Летчик.—Д. Туманный 322
Лечу.—Василий Каменский ... 177
„Лечу над озером“ (Лечу).—Василий Каменский 177
Либкнехт.—Александр Жаров... 537
„Липы душистой цветы распускаются“ (Колыбельная песня).— К. Бальмонт 30
„Липы неслышно роняют“ (Боль).— П. Соловьева (Allegro) 87
Лира часов.—Иннокентий Анненский 109
„Лист глух, истлел. Средь почернелых тростников“ (Эпод).— Вячеслав Иванов 68
Листы.—Иннокентий Анненский. 105
„Листья липовых скверов попрежнему свежи“.—Николай Асеев 194
„Листья осенние желтого клена“ (Осенние листья).—В. Гофман 39
„Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи“ — Владимир Соловьев 6
„Ловя сирен далекие отгулы“ (В зоологическом музее).—М. Зенкевич... 153
Ложе.—Юрий Сидоров....... 253
„Ложится снег... Печаль во всей природе“ (Бисерные кошельки).—М. Кузмин . 237
„Ломая кольцо блокады“ (К русской революции).—Валерий Брюсов .. 61
„Ломкие хрусталинки“.—Мих. Артамонов 383
L'onda dal mar'divisa.—Владимир Соловьев 4
Лондон. 1666.—П. Антокольский.. 307
„Лошаденка трясет головой“ (С извозчиком).—М. Светлов 556
Лошадь.—Михаил Голодный... 545

Стр.

„Луга мутило жаром лиловатым“ (В лесу).— Борис Пастернак 206
„Луна еще прозрачна и бледна“ (На даче).—И. А. Бунин 246
„Луна как розовый орех“ (Чужая).—Мариэтта Шагинян 272
„Луна—лицо покойника“.—А. Крайский. 509
„Луна над дымными морями“ (Лунный дым).—М. Лозинский 159
„Луна стоит над призрачной горой“ (Бессонница).—Валерий Брюсов . . 55
„Луна течет во сне. О, не дыши—молчи!“ La luna somnambula). — Вячеслав Иванов 67
Лунный дым.—М. Лозинский 159
„Любви возврата нет, и мне как будто жаль“ (Сонет). — Игорь Северянин 167
„Любви начало было летом“.—Николай Клюев 348
Любви утехи.—М. Кузмин 237
„Любви утехи длятся миг единый“ (Любви утехи).—М. Кузмин 237
„Люби всегда мечту: вон облако плывет“.—Юрий Верховский . . . 119
„Люби меня ясно, как любит заря“.—Федор Сологуб 44
„Любить без слез, без сожаленья“.—Максимилиан Волошин 116
Любка.—Павел Дружинин 397
„Люблю брести один по улице Тифлиса“ (Тифлис).—Юрий Верховский . 118
„Люблю иль нет,—легка мне безнадежность“.—Д. Мережковский . . . 14
„Люблю наивно с музыкой шкатулки“ (Шкатулка с музыкой).—Николай Ашукин 277
„Люблю тебя со всем мучением“. — М. А. Лохвицкая 228
„Люблю часы, когда на землю“. — Михаил Герасимов 432
„Люблю я блеклые цветы“ (Перед закатом).—М. А. Лохвицкая 231
„Люблю я вечерком, как смолкнет говор птичий“ (Самовар в Москве).—Борис Садовской 241
„Люблю я грусть твоих просторов“ (Гимны родине).—Федор Сологуб 44
„Люблю я зори, воздух чистый“ (Я коммунист).—Ф. Шкулев 417
Любовь.—Вячеслав Иванов . . . 65
Любовь.—А. Крайский 510
Любовь.—С. Обрадович 467
Любовь—одна.—З. Гиппиус 48
„Любуясь дивною картиной“ (Капитал).— Демьян Бедный 406

Стр.

„Любуясь жизнью вольною“ (Летний ветер).—Я. Бердников 507
Люди.—П. Соловьева (Allegro) . . 87
„Ляг, усни. Забудь о счастии“.—М. А. Лохвицкая 230

„Маленький, маленький по тротуарам“.— Василий Казин 458
„Мальчик бледный от усталости“ (Умирающий день).—Петр Зайцев . . . 279
— „Мамыньки! Баушки!“ (Мужикослов. X). — Александр Ширяевец 381
Манон Леско. — Всеволод Рождественский 162
„Маркиз гуляет с другом в цветнике“ (Разговор).—М. Кузмин 236
Марш.—Александр Жаров 535
Марш революций. — Анатолий Мариенгоф 215
Маскарад.—М Кузмин 236
Массы.—Иван Филипченко 483
Материнский завет.—М. А. Лохвицкая. 231
Матросам.—Владимир Кириллов . 450
Мать.—С. Обрадович 465
Мать.—Иван Филипченко 487
Машинист.—Г. Лелевич 525
Мгла.—Вячеслав Иванов 64
„Медведя на цепи водила“ (Русь).— Сергей Городецкий 135
„Медленно... Ох, грузно мы движемся“ (Встреча).—Алексей Гостев . . . 424
„Медлительной чредой нисходит день осенний“.—Александр Блок . . 94
Медовый Спас.—Василий Казин . . 456
„Медь надменная — не клекоты орла“ (Праздник солнца).—Иван Филипченко 485
Меж подводных стеблей.—К. Бальмонт. 33
Меланхолия.—Андрей Белый 75
„Меня отронит Марсельезия“ (Самогимн).—Игорь Северянин . . . 165
„Меня положат в гроб фарфоровый“ (Мои похороны)—Игорь Северянин . 169
„Меркнет город. В далях зыбких“ (Фонарщик).—Александр Поморский 512
„Меркнет день. Над усталой, поблекшей землей“ (Осеннею дорогой). — Владимир Соловьев 5
„Мерно качая мочальной уздой“ (Пахарь).—М. Праскунин 373
„Мертвая роза.—М. А. Лохвицкая . . 227
Месяц.—Сергей Клычков 370
„Месяц в дыханьи морозном“ (Безвластный).—П. Соловьева (Allegro) . 86

Стр.

„Месяц, гляиь ушкуйным оком“ (Старь).— Александр Ширяевец 379
„Месяц, месяц, встань за ивой“ (Месяц).— Сергей Клычков 370
„Месяц молочный спустился так низко“ (Ассизи).—М. Кузмин 240
„Месяц скатною жемчужиной“ (Гадание).— Александр Ширяевец 380
„Месяцы нас разделяли“.—Вера Инбер. 300
Металлы.—М. Зенкевич 152
Метель.—П. Борисов 393
Метель.—Сергей Городецкий . . . 133
Мефистофель. — В. Александровский 438
„Мефистофель, отец мой и брат“ (Мефистофель).—В. Александровский. 438
Мечтательный вечер.—К. Бальмонт . 28
Мечты.—Н. Гумилев 123
Миг.—Владимир Соловьев 5
Микула.—Петр Орешин 389
„Миллионы солнц во мглах тебя вскормили“ (Земля). — Иван Филипченко 486
„Милльоны — вас. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы“ (Скифы). — Александр Блок 104
„Милый друг, иль ты не видишь“.—Владимир Соловьев 5
Минин.—Михаил Герасимов . . . 430
„Минувшее меркнет и стынет“ (Недвижное).—Вячеслав Иванов 68
Минута.—Юрий Сидоров 253
„Минуты поздних сожалений“ (Час не повторяется).—Мариэтта Шагинян. 272
„Мир вам, о горы“.—Александр Добролюбов 23
„Мир и мир горам, мир и мир лесам“ (Примиренье с землей и зверями).— Александр Добролюбов . . . 22
Мир поэта.—К. М. Фофанов 224
„Мир таинственный, мир мой древний“ (Волчья гибель).—Сергей Есенин. 357
„Мир торжественной ночи, гасящей огни запоздалые“ (Молчание).—М. Лозинский 160
„Мира день шестой—тогда и ныне“ (Седьмой день).—Вячеслав Иванов . 70
Missa Solenniss, Бетховена.—Вячеслав Иванов 63
„Мне в сумерки ты все - пансионеркою“.— Борис Пастернак 205
„Мне в уши бьет немолчный говор вод“ (По Военно - Грузинской дороге). — Г. Лелевич 526
„Мне вновь молчать велело время наше“ (К самому себе).– Юрий Сидоров . 252
„Мне грезятся тропы“ (Увенчанные).— Вячеслав Иванов 66
„Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое“.—Валерий Брюсов 53
„Мне донесся в час заката“ (В полевых цветах).—М. А. Лохвицкая 229
„Мне мало надо!“—В. Хлебников . . 170
„Мне мило отвлеченное“ (Надпись на книге).—З. Гиппиус 47
„Мне песен в жизни не допеть“ (Из цикла „Сокровенное“. IV).— В. Александровский 437
„Мне снилась осень в полусвете стекол“.— Борис Пастернак 204
„Мне снятся русские кладбища“ (Покой).—Мария Шкапская 291
„Мне тоскливо. Мне не в мочь“ (Октябрьский миф). — Иннокентий Анненский 108
„Мне холодно. Прозрачная весна“.—Осип Мандельштам 139
„Много было великанов“ (Великан). — Ф. Шкулев 418
Могила.—Николай Ашукин 278
„Могилы, ветряки, дороги и курганы“.— И. А. Бунин 243
„Могучий хор устал за длинною обедней“ (Певчие).—Скиталец 329
„Мое томление, светила темной ночи“ (На чужбине).—Вячеслав Иванов . . 68
„Моей любви никто не может смерить“.— М. Кузмин 238
„Может быть, это был только радостный сон“.—Г. Галина 340
„Мои мысли повисли на коромысле“. — Александр Кусиков 218
„Мои поля сыпучий пепел кроет“ (В моей стране). — Владислав Ходасевич 255
Мои похороны. — Владимир Кириллов 452
Мои похороны.—Игорь Северянин. 169
Мои слова.—Андрей Белый 72
„Мои слова—жемчужный водомет“ (Мои слова).—Андрей Белый 72
Мой демон.—Н. Минский 9
„Мой день певуче-безмятежен“ (Беспечность).—Ю. Балтрушайтис . . . 82
„Мой друг, мой легкий воробей“. — Николай Полетаев 473
„Мой друг, мой нежный друг, люблю тебя—зову“.—К. М. Фофанов 222
„Мой дух не изнемог во мгле противоречий“ (Я).—Валерий Брюсов . 54
„Мой отец простой водопроводчик“- Василий Казин 455

Стр.

„Мой памятник стоит, из строф созвучных сложен“ (Памятник).—Валерий Брюсов . . . 52
Мой сад.—М. А. Лохвицкая . . . 228
Мой стих.—Николай Полетаев . . 471
„Мой тайный мир — ристалище созвучий“.—М. А. Лохвицкая . . . 226
Мой траур.—Тихон Чурилин . . . 314
Молитва.—Н. Минский . . . 10
Молитва.—Мариэтта Шагинян . . 273
Молодая гвардия.—Сергей Третьяков . . . 193
Молодецкий курган.—Александр Ширяевец . . . 379
Молотилка.—Павел Радимов . . . 367
Молчание.—М. Лозинский . . . 160
Молчание.—Д. Мережковский . . . 14
„Молчанья поля не нарушу“.—Павел Радимов . . . 365
„Молчи! Молчи, мой черный Гоголь“ (У памятника Гоголя).—Надежда Павлович . . . 287
„Молчи, поэт, молчи: толпе не до тебя“ Поэту наших дней).—Д. Мережковский . . . 13
„Монастырскими крестами“.—Сергей Клычков . . . 372
„Море безумствует, море хохочет“.—Михаил Герасимов . . . 433
Морю.—Борис Садовской . . . 242
Москва.—П. Антокольский . . . 307
Москва.—Вячеслав Иванов . . . 70
„Мощным плечам захотелось в июле“ (В июле).—Михаил Голодный . 544
„Моя душа вместить не в силах“ (Пыль веков).—П. Соловьева (Allegro). 86
Моя жизнь.—Алексей Гастев . . . 423
Моя жизнь.—Пимен Карпов . . . 313
Моя любовь.—М. А. Лохвицкая . . . 228
„Моя любовь к тебе сейчас—слоненок“ (Слоненок).—Н. Гумилев . . . 126
„Моя страна! Ты доказала“ (К моей стране).—Валерий Брюсов . . . 59
Мужикослов. V, VI, X, XI, XII, XIII.—Александр Ширяевец . . . 380
Муза.—Константин Липскеров . 265
„Музыка. Бьют барабаны“.—Сергей Малашкин . . . 492
Музыка на пасху.—Тихон Чурилин . 315
Муравью.—Константин Липскеров . . . 266
Мускулы.—Сергей Малашкин . . . 490
Мучительный сонет.—Иннокентий Анненский . . . 108
„Мчат облаков белобокие челны“ (Река).—Любовь Столица . . . 283
Мы.—В. Александровский . . . 441
Мы.—Михаил Герасимов . . . 430
Мы.—Владимир Кириллов . . . 447
Мы.—Сергей Малашкин . . . 491
Мы.—Сергей Малахов . . . 547
„Мы барабанщики-поэты“ (Барабанщики-поэты).—Семен Родов . . . 521
Мы бережем свой край.—Александр Жаров . . . 536
„Мы верим: Вселенную сдвинем“ (Микула)—Петр Орешин . . . 389
„Мы все возьмем, мы все познаем“ (Мы).—Михаил Герасимов . . . 430
„Мы вспоминаем тихий снег“ (Зима).—Марина Цветаева . . . 284
„Мы говорим на разных языках“ (На разных языках).—К. Бальмонт . . . 32
„Мы—два грозой зажженные ствола“ (Любовь).—Вячеслав Иванов . . . 65
„Мы звезды в сумраке глубоком“ (На посту).—Самобытник . . . 497
Мы идем.—Алексей Гастев . . . 423
„Мы идем“ (III Интернационал).—В. Маяковский . . . 189
„Мы идем тропинкой между травами“ (За городом).—Николай Кузнецов . 540
„Мы из города слепого“—Анна Радлова . . . 303
„Мы каждый час не на Земле земной“ (Вселенский стих).—К. Бальмонт . 29
„Мы как жаворонки, звонки“ (Весенние ручьи).—Евг. Тарасов . . . 330
„Мы кричим“.—Михаил Герасимов . . . 431
„Мы кузнецы, и дух наш молод“ (Кузнецы).—Ф. Шкулев . . . 417
„Мы на сто лет состарились, и это“ (Памяти 19 июля 1914).—Анна Ахматова . . . 146
„Мы не забыли, как в садах Пале-Рояля“ (Бастилия).—Владимир Нарбут . 157
„Мы несметные, грозные легионы Труда“ (Мы).—Владимир Кириллов . . 447
Мы—одно.—А. Крайский . . . 508
„Мы — ослепленные, пока в душе не вскроем“ (Воспоминание).—Андрей Белый . . . 81
„Мы падали. Нас поражали“ (Мы идем).—Алексей Гастев . . . 423
„Мы пожара всемирного пламя“ (Коммунистическая марсельеза).—Демьян Бедный . . . 404
„Мы последние в нашей касте“ (Эстрадная архитектоника).—Вадим Шершеневич . . . 411
„Мы посягнули“.—Алексей Гастев . 422

Стр.

„Мы пьем скорбей и горечи вино“ (Терцины другу).—Николай Асеев . . 194
„Мы разучились нищим подавать“.—Николай Тихонов 317
Мы растем из железа.—Алексей Гастев 420
„Мы — ржаные, толоконные“ (Владимиру Кириллову. 1).—Николай Клюев . 345
„Мы с тобой молчали, опираясь“ (Воспоминание).—Андрей Белый 73
„Мы с тобой родные братья“ (Братья).—Н. С. Тихомиров 513
„Мы садился на ишак“ (Гулимджан). — Демьян Бедный 409
„Мы сами могилу копали свою“ (Перед смертью).—Тан 342
„Мы снова покорны“ (Будни).—Евг. Тарасов 333
„Мы умеем все переносить“. — В. Александровский 441
„Мы чаруемся и чураемся“. — В. Хлебников 171
„Мыслей без речи и чувств без названия“ (В Альпах).— Владимир Соловьев 4
„Мысли мятежные“.—К. М. Фофанов . 224
Мысль.—М. Лозинский 158
„Мягкой губкой, теплой водой“—Елизавета Полонская 302
Мясные ряды.—М. Зенкевич 153

„На базаре кричал народ“.—Марина Цветаева 285
„На белом Камском пароходе“ (На Камском пароходе).—Василий Каменский 178
„На белом небе все тусклей“ (Листы).—Иннокентий Анненский . . . 105
„На белых крыльях всходит зной“ (Смерть)—М. Лозинский 158
„На берегу над морем“ (В Крыму кофе).—Василий Каменский 178
„На божнице табаку осьмина“.— Николай Клюев 352
„На веревочке я сердце водила“ (Умная собачка).—Анна Баркова 306
На винограднике.—И. А. Бунин 246
„На винограднике нельзя дышать. Лоза“ (На винограднике).—И. А. Бунин . 246
„На весенней проталинке“ (Болотный попик).—Александр Блок 97
На Волге.—Федор Сологуб 44
„На высоте на снеговой вершине“ (В Альпах).—И. А. Бунин 243
„На граненой ладони гранитного города“ (Город).—Александр Кусиков . 217
„На грани двух веков стоишь ты, как уступ“ (Фридриху Круппу).—София Парнок 268
„На громады, уснувшие клочьями ватными“ (Волшебный город).—А. Крайский 509
На даче.—И. А. Бунин 246
На деревенском кладбище. — К. М. Фофанов 223
На дюнах.—Г. Галина 340
На железной дороге. — Александр Блок 96
„На жутких обрывах земли“ (Башня).—Алексей Гастев 421
На заводе.—Илья Ионов 517
На закате.—Андрей Белый 73
На заре.—А. Крайский 510
„На звенящем рассвете“ (На рассвете).—Петр Зайцев 280
На Камском пароходе —Василий Каменский 178
„На каторге дней каторжане“ (Дни). — Г. Санников 368
„На каторгу пусть приведет нас дружба“.—Анатолий Мариенгоф 213
На Красной площади.—Николай Кузнецов 539
„На кургане, в шапке-зорнице“ (Клич).—Александр Ширяевец . . . . 3[illegible]0
„На лице моем синеет просинь“ (Осень).—Я. Шведов 552
На лугу.—М. Проскунин 373
„На руках твоих улегся труд“ (Работнице. I).—М. Светлов 557
На миг.—Вячеслав Иванов 64
На мотив Фофанова.—Игорь Северянин 167
На напев: „Встретимся ли мы с тобой“.—Александр Добролюбов . . . 24
На обрыве.—М. Зенкевич 153
„На обрывистом, песчаном берегу“.—Екатерина Волчанецкая 293
„На Ойле далекой и прекрасной“.—Федор Сологуб 43
На островах.—Александр Блок . . 98
„На палубе разбойничьего брига.—Всеволод Рождественский . . . 162
На пашне.—Тан 341
„На пегом бугре, обзаветрен и сух“ (Пастух).—Петр Орешин 389
„На печи“ (Утро в хате). — Иван Доронин 541
„На площадке было ветрено и тесно“ (Крик железный).—А. Крайский . 509
На поезде утром.—Владимир Соловьев 5

Стр.

На полынных на межах".—П. Борисов. 392
На пороге ночи.—Ю. Балтрушайтис. 82
На посту.—Самобытник 497
„На предвечной колеснице" (Жизнь).— Г. Галина 339
На прогулке.—Александр Поморский 512
На рабфаке.—В. Александровский. 445
На разных языках.—К. Бальмонт . . 32
„На разукрашенную елку" (Сусальный ангел).—Александр Блок 97
На рассвете.—Петр Зайцев 280
На рельсах.—Андрей Белый 76
На родине.—Сергей Есенин 362
На родине.—Владимир Кириллов. 453
„На роду суждено измерить".—С. Обрадович 463
На рождение младенца. — П. Антокольский 308
На север.—Евг. Тарасов 330
„На серебре зори, на дали нежно-синей" (В оливковой роще).—Н. Минский. 10
„На смуглые ладони площадей" (Мы).— В. Александровский 441
На спичечной.—Сергей Малахов . . 548
„На спичечной коробке" (Анюте).—Владислав Ходасевич 258
„На столе колокольчики и жасмины" (Деньское метание).—Сергей Бобров 202
„На сухой осине серая ворона".—Валерий Брюсов 57
„На темных могилах, из щебня Былого" (Рабочий дворец). — Александр Поморский 511
На улице.—Андрей Белый 75
„На утре памяти неверной" (Индюк).— Н. Гумилев 124
„На ущербе хмуром Октября".—Сергей Малашкин 496
На чужбине.—Вячеслав Иванов . . 68
„На чужбине невеселой".—Александр Ширяевец 378
„На шали зарева закатного кургана" (Верблюд).—Сергей Третьяков . . . 191
„Нависнет ли пламенный зной" (Два паруса лодки одной). — Иннокентий Анненский 110
„Навстречу вешнему расцвету". — Александр Блок 94
„Над бездной ночи Дух, горя" (Дух).— Вячеслав Иванов 63
„Над безумием шумной столицы".—Федор Сологуб 42
Над бульваром. — Георгий Якубовский 479
„Над бульваром фонари" (Над бульваром).—Георгий Якубовский . . 479
„Над глубиною, небосклона".—Сергей Бобров 201
„Над дымным храпом рысака".—Наталия Крандиевская 289
„Над желтизной правительственных зданий" (Петербургские строфы).—Осип Мандельштам 138
„Над зеленою гимнастеркой". — Николай Тихонов 317
„Над зыбкой рябью вод встает из глубины".—Максимилиан Волошин 113
„Над ливнем лет" (Антропософии). — Андрей Белый 81
„Над миром светлым и свободным" (Грядущее).—Илья Ионов 518
„Над морем северным холодный запад гас".—Георгий Иванов 148
Над Невой.—В. Зоргенфрей 275
Над омутом.—Семен Фомин 375
„Над поселком дымным, над столицей" (Наш праздник).—Александр Жаров 530
„Над пропастью не стой. В пучину не гляди" (Сонет). А. Крайский . . . 510
„Над рощей, над глухой слободкой" (Осенний звон).—С. Обрадович 465
„Над руинами храмов, над пеплом дворцов, академий" (Город современный).— Сергей Соловьев 92
„Над седой равниной моря" (Песня о буревестнике).—М. Горький 325
„Над славною над Кубанью рекой" (Кубанская песня).—Демьян Бедный. 407
„Над сонным городом клубы сырого пара" (Тринадцатая ночь).—Д. Туманный. 321
„Над улицею понурою".—С. Обрадович 461
Надоело.—В. Маяковский 185
Надпись на книге.—З. Гиппиус . . . 47
„Надышали в избе, словно в бане" (Сиделки).—Павел Дружинин . . . 396
„Накрываются тучею-схимою" (Мужикослов V). — Александр Ширяевец 380
Нам лишь бледные намеки в хмурой жизни суждены".—Н. Львова 234
„Нам не дано имен" (Марш). — Александр Жаров 535
Нам проба.—Валерий Брюсов . . . 61
„Нам свежесть слов и чувства простоту".—Анна Ахматова 143
„Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу".—Д. Мережковский . . . 16

Стр.

„Народ торжественно хоронит".—Федор Сологуб 45
„Народу Русскому: Я скорбный ангел Мщенья" (Ангел Мщенья).—Максимилиан Волошин 116
„Нас гонит бич судьбы по дикому безлюдью" (Буйный хмель). — Е. Бражнев 519
„Нас греет не сукно, не ткань" (Ткани).—Георгий Якубовский 481
„Нас давят! Лежим мы века" (Алмазы).—Скиталец 329
„Нас мало. Нас может быть трое".—Борис Пастернак 208
Наследие.—Николай Тихонов . . . 317
„Настанет день—исчезну я" (Без меня).—И. А. Бунин 245
„Настанут холода".—Георгий Иванов. 147
Нате!—В. Маяковский 182
„Натыкаясь на посох высокий, точеный (Архиерей).—Владимир Нарбут. 156
Начало новой земли.—Александр Добролюбов 22
Наш марш.—В. Маяковский 190
„Наш поезд стремится без устали вдаль" (На север).—Евг. Тарасов 330
Наш праздник.—Александр Жаров. 536
Наш танец.—К. Бальмонт 36
„Наша встреча—Виктория Регия" (Виктория Регия").—Игорь Северянин. 167
Наша песня.—Самобытник 497
„Наша радость, счастье наше".—Николай Клюев 345
„Наши внуки будут удивляться".—Илья Эренбург 311
„Наши дни—раз'яренная конница" Перебежка зарниц).—Семен Родов . 522
„Наши песни не допеты" (Думка).—Петр Орешин 386
„Не бродить, не мять в кустах багряных".—Сергей Есенин 356
„Не буди воспоминаний. Не волнуй меня".—К. Бальмонт 31
„Не в шуме гроз, не в красоте стыдливой".—П. Я. 335
„Не вешних дней мы ждем с тобою".—М. Кузмин 239
„Не воздух, а золото" (Зной).—Сергей Городецкий 133
„Не все ль равно, была ль ты мне верна" (Неизбежность).—Валерий Брюсов 56
„Не высидел дома" (Надоело).—В. Маяковский 185
„Не до песен, поэт, не до нежных певцов!" (Поэту).—Н. Минский 11
„Не доживу до светлых дней".—Федор Сологуб 45
„Не жалей колоколов вечерних".—Анна Баркова 305
„Не жалею, не зову, не плачу".—Сергей Есенин 358
„Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных".—Александр Блок 96
„Не жди ты песен стройных и прекрасных" (Посвящение к неизданной комедии).—Владимир Соловьев . 3
Не забывшая.—М. Лозинский 160
„Не забыть лебединого дня" (Лебединый путь).—Г. Санников 470
„Не зазывает в гости сваху" (Изба).—Я. Бердников 507
„Не любовь ли нас с тобою".—Борис Садовской 242
„Не месяц за его печаль и красоту".—Н. Минский 8
„Не могильный памятник высокий" (Пограничный камень).—Г. Галина . . 339
„Не могу держать спокойно плечи".—Василий Казин 459
Не надо звуков.—Д. Мережковский. 16
„Не нужен нам покой тысячелетий".—Анна Радлова 304
„Не окрылить крылом плеча мне правого".—Наталия Крандиевская. 288
„Не пава перо обронила" (Слезный плат).—Николай Клюев 349
„Не призывай. И без призыва" (Servus—reginae).—Александр Блок 95
„Не проснется, не услышит" (Сад).—Сергей Бобров 200
„Не рядовой осел, не пустобай—оратор" (Ослы).—Демьян Бедный 411
„Не слушайте меня, не стоит: бедные" (Шутка).—З. Гиппиус 50
„Не странно ли что мы забудем все".—Елизавета Полонская 302
„Не страшно мне прикосновенье стали" (Сонет).—З. Гиппиус 47
„Не сумею и не отважусь" (Бродяжья воля).—Павел Дружинин 395
„Не тревожься, недремлющий друг" (Перед зарею).—Н. Минский 12
„Не туча — вороньи перья" (Застольная беседа).—Анатолий Мариенгоф. 214
„Не ты ль на злобные утесы" (Революция II).—Самобытник 500
„Не унывай, не унывай, душа моя".—Александр Добролюбов 24
„Не ходить бы мне туда ни разу" (Из цикла: „Комсомольская любовь").—Николай Кузнецов 540

Стр.

Не шалить.—В. Хлебников 172
„Не шуми, трава шелкова“ (Посадская).—Николай Клюев 350
„Не я, и не он, и не ты“ (Двойник).—Иннокентий Анненский . . . 105
Небесный завод.—Василий Казин . . 457
Небо—вверху, небо—внизу.—Вячеслав Иванов 69
Небо и море.—К. М. Фофанов 222
„Небо нас совсем свело с ума“ (Старая шарманка). — Иннокентий Анненский 107
„Небо огромный сапфирный потир“ (Пролетариату).—Сергей Малашкин . 492
„Небо рдеет“.—Федор Сологуб . . 45
Неведомое.—Вячеслав Иванов . . . 69
Неведомому богу.—В. Зоргенфрей . 274
Невыразимая поэза.—Игорь Северянин 168
„Невыразимо грустно, невыразимо больно“ (Невыразнмая поэза).—Игорь Северянин 168
„Неголи легких дум“.— В. Хлебников 171
Недвижное.—Вячеслав Иванов . . 68
Недоумение.—Иван Коневской . . . 19
„Незабвенный сентябрь осыпается в Спасском“ (Спасское).—Борис Пастернак 206
Незнакомка.—Александр Блок . . . 97
Неизбежность.—Валерий Брюсов . . 56
„Неколебимой истине“ (З. Н. Гиппиус).—Валерий Брюсов 54
„Некрасива песнь моя“ (Кузнец).—Скиталец 328
Нелли.—Игорь Северянин 167
Нелюбовь.—З. Гиппиус 48
„Немая тьма октябрьской ночи“ (В Смольном. II).—Г. Лелевич 524
Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче — В. Маяковскнй 186
Неопалимая купина.—Семен Фомин . 375
Непогодная ночь. — Вячеслав Иванов 64
Непредвиденное.—З. Гиппиус 49
Неразрывно.— П. Соловьева (Allegro) 86
Нескорбному учнтелю.—З. Гиппиус . . 49
„Несло овечьим, человечьим, вьючным“ (Кама).—П. Антокольский . . . 308
„Нет в комнате моей забавы прихотливой“.—Я. Бердников 507
„Нет, вы ие правы, мудрый мой профессор“ (Разговор с ученым). — Владимир Кирнллов 451
„Нет муки сладострастней и больней“.—Н. Минский 9
„Нет, никогда не примирюсь“ (Без оправданья).--З. Гиппиус 51
„Нет, никогда с тех пор, как мрачные созданья“ (Мой демон). — Н. Минский 9
„Нет, силой не поднять тяжелого покрова“.—Владимир Соловьев . . . 6
„Нет, ты не говори: поэзия—мечта“.—Георгий Адамович 150
„Нет утехи, нет спокоя“ (Атаманова зазноба). — Александр Ширяевец 379
„Ни достатка, ни порядка“ (Коммунары).—Демьян Бедный 408
„Ни капли гордости аль совести. Эх ты“ („Умница“).—Демьян Бедный . . 410
„Ни о чем не нужно говорить“.—Осип Мандельштам 137
„Нн э чем он, нн о ком он“.—Надежда Павловнч 287
„Ни решеток нн стражей угрюмых“ (Из песен ссыльного. I).—Илья Ионов. 516
Нигер.—Н. Гумилев 127
„Никто ничего не отнял!“. — Марина Цветаева 284
Нити парок.—М. Зенкевич 153
„Ничего, что мелкий дождь смочил одежду“.—М. Кузмин 253
Нищая.—Сергей Городецкий . . . 133
„Нищая Тульской губерннн“ (Нищая).—Сергей Городецкий 133
„Но в час, когда слабеет дня влиянье“ (Союз Магов 2. Жрица Луны). — М. А. Лохвицкая 230
Новая Америка. Александр Блок 101
Новая Русь.—Петр Орешнн 388
Новгород.—Сергей Соловьев . . . 91
Новый год.—Тихон Чурилин . . 315
Новый День.— С. Обрадович . . . 467
Новый сон.—П. Соловьева (Allegro) 86
Nox vitae.—Иннокентий Анненский 108
Ночи.—Скиталец 328
„Ночи мон, ночи!.. Как вы молчаливы“ (Ночи).—Скиталец 328
Ночная песнь. — Владимир Кириллов 454
Ночная работа.—М. Светлов 556
„Ночник горит в холодном и угрюмом“ (Дворецкий).—И. А. Бунин 245
Ночное одиночество.—Валерий Брюсов 58
Ночной поход.—Николай Асеев . . 195

Стр.

„Ночной холодный ветер“ (В пути).— Петр Зайцев 279
Ночь.—Андрей Белый 79
Ночь.—Константин Липскеров . 266
Ночь. Пекин.—Сергей Третьяков . 192
„Ночь светла и небо в ярких звездах“.— Георгий Иванов 148
„Ночь тепла, светла и золотиста“ (Дома).— И. А. Бунин 246
„Ночь теплая одела острова“. — Александр Блок 94
„Ночь, улица, фонарь, аптека“ (Пляски Смерти. 2). — Александр Блок . 98
„Ночью и днем надо мною упорно“ (Швея). — Владислав Ходасевич 258
Ночью на кладбище.—Андрей Белый. 80
Ноябрь.—Е. Бражиев 520
Ноябрь.—Д. Мережковский 15
„Ну да, люди все такие“.—В. Александровский 444
„Ну и пусть на меня опрокинутся“ (Две России. III).—В. Александровский. 443
„Нужда и горе—наши ясли“ („Жрецам искусства„). — Владимир Кириллов 446
„Нужно быть прямым, суровым“ (Завет). — Самобытник 449
„Нынче ночью кто-то долго пел“. — И. А. Бунин 244

„О, в этом топоте и шепоте“ (Раб).— Сергей Бобров 200
„О, Винчи, ты во всем — единый“ (Леонардо да Винчи).— Д. Мережковский 16
„О временах простых и грубых“. — Осип Мандельштам 139
„О, города, из сгустков мускулов моих“.— Сергей Малашкин 493
„О грусть моя, белая вьюга“.— Петр Зайцев 279
„О, детство, — золотая погремушка“. — (Стансы).— Юрий Сидоров . . . 254
„О доблестях, о подвигах, о славе“.— Александр Блок 99
„О, дождь, о чистая небесная вода“ (Тихий дождь).— Иван Коневской . . . 19
О дохлой кобыле.— Демьян Бедный 412
„О, жизнь без завтрашнего дня“. — Анна Ахматова 144
„О, жизнь моя! За ночью — ночь. И ты, душа, не внемлешь миру“ (Душа).— Владислав Ходасевич 257
„О, золотой ковчег, о, Светлый Град“ (Заклинание России).—Пимен Карпов. 312
„О, как тебе к лицу, земля моя, убранства“ (Тихая воля). — Вячеслав Иванов 71
„О, какой же пройдоха расторопный“ (Ветер).— В. Александровский. 439
„О, канун вечных будней“ (Тоска вокзала).— Иннокентий Анненский 109
„О капли в ночной тишине“ (Тоска медленных капель)— Иннокентий Анненский 111
„О красном вечере задумалась дорога“.— Сергей Есенин 359
„О, кровавое пламя костра“ (Две России. IV).— В. Александровский . . 443
О матери.— Николай Кузнецов . 538
„О, мать моя любимая! О, мать Советов“ (России).— Илья Садофьев . . . 504
„О, мать Земля! Ты в сонме солнц блестела“ (Земля).— М. Зенкевич . . 152
„О, милые! Пурпурный мотылек“ (Старинные друзья). — Владислав Ходасевич 256
О, мне ли в гулкой тишине“.— Сергей Малашкин 490
„О не грусти грустинница“ (Грустинница).— Василий Каменский . 179
„О, не зови меня, не мучь!“ (Август. II. Электрический свет в аллее).— Иннокентий Анненский 106
„О, нет! Не расколдуешь сердца ты“.— Александр Блок 99
О нет, не стан.— Иннокентий Анненский 108
„О нет, не стан, пусть он так нежнозыбок“ (О нет, не стан).— Иннокентий Анненский 108
„О, ночь державная! В таинственное лоно“.— Юрий Верховский . . . 119
О партии и любимой.— Сергей Малахов 548
„О, пасынок природы нелюбимый“.—П. Я. 335
„О полях, что пьянятся от вешнего солнца“.— Павел Радимов . . . 364
„О, почему тебя любить“ (К ней).— З. Гиппиус 50
„О предрассветный, воспетый Бодлэром“ (Рассвет).— М. Зенкевич 154
„О, прорезь глаз наискосок“.— Всеволод Рождественский 161
„О. рассмейтесь, смехачи!“ (Заклятие смехом).— В. Хлебников 170
„О, Революция, о Книга между книг“.— Елизавета Полонская 302
„О, Русь! в тоске изнемогая“ (Гимны родине).— Федор Сологуб . . . 43

Стр.

„О, Русь, взмахни крылами“.— Сергей Есенин 355
„О, свет прощальный, о, свет прекрасный“ (Осенний закат).— М. А. Лохвицкая 231
„О, серебро небес, о, свет вечерних окон“ (Рай).— М. Лозинский . . 159
„О, сестры милые, с тоской неутолимой“.— Мария Шкапская 290
„О, смерть! я твой. Повсюду вижу“.— Федор Сологуб 40
„О страннике, одетом в плащ зеленый“ (В немецких горах). — Василий Комаровский 249
„О, темный ангел одиночества“ (Темный ангел).— Д. Мережковский . . . 13
„О, тяготы блаженной искушенье“. — Мария Шкапская 290
О шапке.— А. Безыменский . . . 530
„О, я хочу безумно жить“. — Александр Блок 99
„Обветрен стужею жестокой“ (Одуванчик).— К. М. Фофанов 223
Обезьяна.— Владислав Ходасевич. 261
„Облака плывут и тают“ (По пескам пустынь).— Федор Сологуб . . . 44
„Облезлые худые кобели“ (Стамбул).— И. А. Бунин 247
Обновление.— Вячеслав Иванов . 66
Об-он-пол. — Вячеслав Иванов. 69
„Образа, тишина и подвижники“ (В весне).— Варвара Бутягина . . . 294
Об'яснение в любви.— Андрей Белый. 74
„Оглушенная ревом и топотом“ (Вступление [к книге „Шатер“]).— Н. Гумилев 126
„Огненнодышащий пахарь“ (После грозы).—А. Безымянский 534
Огнеприпас коммуниста. — Георгий Якубовский 478
„Огонь созвучий“ (В вальсе).— М. А. Лохвицкая 229
„Огромный, красный, старый пароход“ (В порту).— И. А. Бунин 246
Ода революции.— В. Маяковский . . 188
„Один, среди речных излучин“.— Владислав Ходасевич 255
„Одинока я, прокаженная“ (Прокаженная).— Анна Баркова 306
Одинский лицедей.— В. Хлебников. 170
Одиночество.— И. А. Бунин 244
„Одна, одна над белою землею“ (Око вечности). — Владимир Соловьев 6
„Однажды летом“ (Кларнет и рожок).— Демьян Бедный 410
Одоевские розы.— Николай Полетаев 472
Одуванчик.— К. М. Фофанов 223
Ожидание.— Андрей Белый 73
Ожидание.— Василий Казин 455
Ожидание.— Николай Клюев . . . 348
„Ой, в пляс, в пляс, в пляс“.— Николай Асеев 196
„Ой, вы, сидни, старцы-старичи“ (Песня о сиднях).— Сергей Клычков . 370
„Ой, набат!“ — И мал и стар“ (Катавасия).— Демьян Бедный 414
„Ой, цвети“ (Весенняя любовь).— Иван Доронин 543
Око вечности. — Владимир Соловьев 6
„Окончив бурный митинг на заводе“ (Коммунэра об агитаторе). — Г. Лелевич 524
Окраина.— Мих. Артамонов 384
„Окрестность леденеет“ (Телеграфист). — Андрей Белый 77
Октябрь в подвале.— Николай Полетаев 473
„Октябрь.— Стоит давно пустою дача“.— Николай Ашукин 278
Октябрьский миф.— Иннокентий Анненский 108
Олеография.— Юрий Сидоров . . . 252
Ольге.— Юрий Сидоров 254
„Он был сыном простого рабочего“ (Товарищ).— Сергей Есенин . . . 361
„Он верит в вес, он чтит пространство“.— Сергей Городецкий 134
„Он вернулся, мой старый, проклятый кошмар“ („Тук-тук!..“).— П. Я. 337
„Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!“ — Анна Ахматова . . 143
„Он очень стар. У впалого виска“ (Державин) — Георгий Шенгели . . 263
„Он сказал: „Прощайте, дорогая“. — Ирина Одоевцева 296
„Он смугл, могуч и плотен“ (Рабочий).— Ф. Шкулев 417
„Он стоит пред раскаленным горном“ (Рабочий).— Н. Гумилев 125
Она.— Максимилиан Волошин . 115
„Она еще не родилась“ (Silentium). — Осип Мандельштам 137
„Она сначала обожжет“ (Песня о песне).— Анна Ахматова 146
„Они рассеяны. И тихий Амстердам“ (Спиноза). — Георгий Шенгели 263
„Оно не в книгах мудреца“ (Утешение).— Н. Минский 9

Стр.

Определение поэзии. — Борис Пастернак . . . 203
„Опрокинутая лоханка“ (Осенью). — Василий Каменский . . . 179
„Опять брожу. Поля и травы“ (Летом). — Георгий Адамович . . . 150
Опять в дороге. — Иннокентий Анненский . . . 107
„Опять весна. Знакомый круг“ (Который раз). — Валерий Брюсов . . . 55
„Опять весна, и ветер свежий“ (Кобзарь). — Владимир Нарбут . . . 156
„Опять горит меж темных сосен“. — Д. Мережковский . . . 15
„Опять заря! Осенний ветер влажен“ (Петергоф). — Георгий Иванов . 149
„Опять, как в годы золотые“ (Россия). — Александр Блок . . . 101
„Опять надвинулись томительные тени“ (Миг). — Владимир Соловьев . 5
„Опять неугомонная гитара“ (Гости). — Всеволод Рождественский . 161
„Опять, опять огонь повсюду“. — Юрий Сидоров . . . 252
„Опять просторы хмурятся“. — П. Борисов . . . 392
„Опять увижу город пьяный“ (В путь). — Н. С. Тихомиров . . . 514
Освобожденный. — Г. Галина . . . 339
Осеннее кольцо. — Варвара Бутягина . . . 295
„Осенне-серый меркнет день“ (Кладбище). — Андрей Белый . . . 73
Осеннею дорогой. — Владимир Соловьев . . . 5
Осенние голоса. — Иван Коневской. 19
Осенние листья. — В. Гофман . . . 39
Осенние печали. — Сергей Бобров . 199
„Осенний день бредет без цели“ (Родное). — Павел Дружинин . . . 396
„Осенний день прозрачно стынет“. — Сергей Клычков . . . 371
Осенний закат — М. А. Лохвицкая . 231
Осенний звон. — С. Обрадович . . . 465
„Осенний скучный день. От долгого дождя“ (Тени прошлого). — Валерий Брюсов . . . 53
„Осенних дней пора! Твой скучен небосклон“ (Похороны). — Павел Радимов . . . 366
Осенница. — Сергей Городецкий . 133
Осенняя. — В. Хлебников . . . 173
Осенняя воля. — Александр Блок . 100
Осенняя октава. — Павел Радимов . 365
Осень. — В. Александровский . . 438
Осень. — К. Бальмонт . . . 27

Стр.

Осень. — Вячеслав Иванов . . . 69
Осень. — Сергей Клычков . . . 369
Осень. — Сергей Малашкин . . . 495
Осень. — Борис Пастернак . . . 207
Осень. — Сергей Соловьев . . . 91
Осень. — Любовь Столица . . . 283
Осень. — К. М. Фофанов . . . 222
Осень. — Я. Шведов . . . 552
„Осень в кучи листья собирает“ (Стихи о ребе). — М. Светлов . . . 556
Осень в окопах. — Михаил Герасимов . . . 431
„Осень листья темной краской метит“ (Сквозь ветви). — И. А. Бунин . . . 245
„Осень — пятнистая лань с золотыми рогами“ (Лань). — Варвара Бутягина . . . 294
„Осень... Чуть солнце над лесом привстанет“ (Неведомое). — Вячеслав Иванов . . . 69
Осенью. — Ю. Балтрушайтис . . . 83
Осенью. — Максимилиан Волошин . . . 114
Осенью. — Михаил Герасимов . . 427
Осенью. — Вячеслав Иванов . . . 68
Осенью — Василий Каменский . 179
Осенью. — К. М. Фофанов . . . 221
Ослы. — Демьян Бедный . . . 411
„Остались — монументов медь“. — Илья Эренбург . . . 319
„Остановись, прохожий! Здесь лежит“ (Боратынский). — Леонид Гроссман . . . 271
„Острог не спит. Он вечно наготове“. — Е. Бражнев . . . 519
„Остроконечные чернеют в небе крыши“. — Ирина Одоевцева . . . 296
„Остывает запад розовый“ (После грозы). — К. М. Фофанов . . . 223
„От Альп неподвижных до Па-де-Кале“ (Западный фронт). — Валерий Брюсов . . . 60
От земли. — Семен Фомин . . . 375
„От кудрявых стружек тянет смолью“. — Николай Клюев . . . 351
„От любви твоей загадочной“. — Анна Ахматова . . . 144
„От отцов мы узнали“ (Р. К. С. М.) — Сергей Третьяков . . . 192
„От первичных туманностей“ (Путь). — Георгий Якубовский . . . 480
„От пробудности ласточек — до пробудности сов. — Александр Кусиков . . . 217
„От сердца города до Земляного Вала“ (Москва). — П. Антокольский . . 307

Стр.

От солнца.— П. Соловьева (Allegro) 87
„От тела отдельную жизнь, и — длинней" (Фуфайка больного).— Борис Пастернак 205
„От угрюмых, серых, сумрачных камней" (Весеннее).— А. Крайский 510
„От хат соломенных селений" (В купели чугуна).— Михаил Герасимов . 429
Отголоски.— Иван Коневской . . 18
„Отдохни,— еще утро не скоро".— И. А. Бунин 244
Отец.— Владимир Кириллов . . . 453
„Открой мне, боже, открой людей" (Возьми меня).— З. Гиппиус 50
„Открыты окна. В белой мастерской" (Дача).— И. А. Бунин 245
„Отмыкала ларец железный".— Марина Цветаева 285
„Отрадна тень, пока крушин" (Nox vitae).— Иннокентий Анненский . . 108
Отрада.— Валерий Брюсов 53
Отреченне.— Иван Коневской . . 20
Оттепель.— И. А. Бунин 245
„Отточили кремневый топор" (Ярила).— Сергей Городецкий 131
Отчаянье.— Андрей Белый 75
Отчизна.— Ю. Балтрушайтис . . . 83
Офелия.— Валерий Брюсов 57
„Охотник задержал нетерпеливый бег" (Венера и Анхиз).— Сергей Соловьев 89
Очарование.— Сергей Бобров . . . 200
„Очевидно не привыкну" (Братья писатели).— В. Маяковский 187

Павел Первый.— П. Антокольский . 307
Павловский офицер.— Георгий Иванов 149
„Палимая огнем недвижного светила" (Июль).— Иннокентий Анненский 106
„Пальмы листьями перистыми" (Гимн возлюбленному).— М. А. Лохвицкая . 227
Памяти 19 июля 1914.— Анна Ахматова 146
Памяти демона.— Борис Пастернак. 204
Памятник.— Валерий Брюсов . . . 52
Памятник Труда. — Владимир Кириллов 448
„Память о солнце в сердце слабеет".— Анна Ахматова 142
„Панель, как серые глаза любимой".— Александр Макаров 476
Панмонголизм. — Владимир Соловьев 7
„Пара форточных петелек".— Борис Пастернак 206
„Парижа я люблю осенний, строгий плен". — Максимилиан Волошин 114
„Пароход причален, ошвартован" (Юность).— Владимир Кириллов. 452
Партбилет.— А. Безыменский . . . 532
Партбилет № 224332. — А. Безыменский 533
Партизанское.— Я. Шведов 552
„Паруса золотых куполов" (Красный Кремль).—Владимир Кириллов. 449
„Пары сгущая в алый кокон".— М. Зенкевич 152
„Паря властительно над долом" (Городу).— Валерий Брюсов 59
Пастух.— Петр Орешин 389
Пасхальная.— Любовь Столица . . 282
„Паук заткал мой темный складень". — София Парнок 269
Пауки.— З. Гиппиус 49
Пахари.— Семен Фомин 377
Пахарь.— Павел Дружинин 395
Пахарь.— Николай Клюев 346
Пахарь. — М. Праскунин 373
„Пахнет рыхлыми драченами".— Сергей Есенин 360
Пашкя.— Павел Радимов 368
Певчие. — Скиталец 329
1-е февраля.— Елизавета Полонская 302
Первомайская песня.— Сергей Третьяков 192
Первый дождь. — П. Я. 336
Первый луч.— Алексей Гастев . . 419
Первый снег.—Николай Кузнецов. 540
Перебежка зарниц.— Семен Родов . 522
„Перевешу сапоги на плечи". Николай Полетаев 471
„Перед весной бывают дни такие".— Анна Ахматова 145
Перед закатом.— М. А. Лохвицкая . 231
Перед зарею.— Н. Минский 12
„Перед луною равнодушной".— Н. Минский 10
Перед смертью.— Тан 342
„Передрассветный сумрак долог".— Федор Сологуб 42
„Перезвон певучих шестерен". - (Весенняя токарная).— Я. Шведов 550
Переселенцы. — Петр Орешин . . . 387
„Перестал дурить и хмуриться" (Апрель).— Павел Дружинин 398
„Перо мое пиши, пиши" (Конец клерка).— Тихон Чурилин 314

Стр.
Персидская миниатюра.— Н. Гумилев . 125
„Персидской арфой, лютнею Дамасской“ (Калиф больной). — Константин Липскеров 266
„Перуне, Перуне“ (Перунья песнь). — Николай Асеев 196
Перунья песня.— Николай Асеев . 196
Песенка.— Василий Казин 457
Песенка.— Елизавета Полонская. 301
Песенки Ширмамедда.— Константин Липскеров 266
Песни Дафниса. I. Цикады. — Вячеслав Иванов 66
Песнь любви.— М. А. Лохвицкая . . 227
Песнь о хлебе.— Сергей Есенин . 361
Песнь, рожденная в неволе.— Ф. Шкулев 418
Песнь служанки. — Василий Комаровский 250
Песнь Солнценосца. — Николай Клюев 352
Песня.— И. А. Бунин 245
Песня.— Иван Морозов 400
Песня.— Н. Минский 10
Песня веселого стекольщика. — Петр Орешин 387
Песня деда Софрона. — Демьян Бедный 408
„Песня невольника — Е. Нечаев . . . 416
Песня о Буревестнике.— М. Горький . 325
Песня о железе.— Михаил Герасимов 429
Песня о песне.— Анна Ахматова . 146
Песня о сиднях.— Сергей Клычков. 370
Песня о Соколе.— М. Горький 325
Песня о соловьях.— Николай Полетаев 472
Песня Отца.— М. Светлов 555
Песня разбитого паровоза.— Николай Полетаев 474
Песня сотен.— Николай Асеев . . 196
Песня странника.— П. Борисов . . . 393
Песня труда.— П. Я. 336
Песня утренних зорь.— Михаил Герасимов 435
Песня утренняя.— Константин Липскеров 267
Петербург.— Иннокентий Анненский 109
Петербург.— М. Лозинский 159
Петербургские строфы. — Осип Мандельштам 138
Петергоф.— Георгий Иванов . . . 149
Петроград.— М. Лозинский 159
„Петушиные песни“ (Песня утренних зорь).— Михаил Герасимов . . 435

Стр.
„Печалью, бессмертной печалью“ (Гимны родине).— Федор Сологуб . . . 44
Пещера.— Максимилиан Волошин. 113
„Пирушка десяти.— Александр Макаров 475
Пиршество войны.— Валерий Брюсов 60
Плачущий сад.— Борис Пастернак. 204
„Плетусь один безлюдным перевалом“ (Восхождение). — Ю. Балтрушайтис 84
„Плетутся дни, измученные грузом“ (Осень).— В. Александровский. 438
Плотники.— М. Праскунин 374
„Плохо жнется, плохо косится“ (Золотая соха).— Петр Орешин 386
„Плыву вдоль волжских берегов“ (На Волге).— Федор Сологуб 44
Пляска.— Николай Асеев 196
Пляска мая.— Игорь Северянин . 166
Пляски смерти. 2. „Ночь, улица, фонарь, аптека“.— Александр Блок . . . 98
„Пляшет в меркнущем пожаре“ (Комары).— Ю. Балтрушайтис 85
„По бледным пажитям забвенья“ (Вечные дары).— Вячеслав Иванов . . . 63
„По будням медник подле вас“ (Балашов).— Борис Пастернак 205
„По вечерам над ресторанами“ (Незнакомка).— Александр Блок . . . 97
По Военно-Грузинской дороге.— Г. Лелевич 526
„По горам, среди ущелий темных“ (Сакья-Муни).— Д. Мережковский . . 16
„По горячим следам, по горелым местам“ (Волга).— П. Антокольский . . . 308
„По дороге в снег жасминовый“ (Зимняя дорога).— Павел Дружинин . . 397
„По ниве жизни конь крылатый“ (Россия).— Илья Ионов 517
По пескам пустынь.— Федор Сологуб 44
По праву рождения.— Иван Коневской 20
„По слову извечно-сущего“ (Непредвиденное).— З. Гиппиус 49
„По тебе — моя истома“ (Русь II). — Иван Морозов 399
„По тем дорогам, где ходят люди“.— Федор Сологуб 43
„По тропинке узенькой“.— Павел Дружинин 396
„По ухабам еду ночью я в телеге“ (В деревне).— Семен Фомин 377
„По шумным улицам, в живой толпе народа“ (Мир поэта).— К. М. Фофанов. 224

Стр.

„По эхам города проносят шумы" (Шумики, шумы и шумищи).— В. Маяковский 182
По Ярославскому шоссе.— Семен Фомин 376
„По ясным дням своей походкой шаткой" (Весна).— Варвара Бутягина . . 294
„Побрили Кикапу в последний раз" (Конец Кикапу).— Тихон Чурилин . 315
„Поверьте, нет, меня не соблазнит" (Улыбка).— З. Гиппиус 47
Поврага.— Игорь Северянин . . . 166
„Погашен солнечный заход" (Медовый Спас).— Василий Казин 456
„Погоди, дружок!" — Марина Цветаева 235
„Погост. Пролетают пугливо" (Знахарка).— Любовь Столица 283
Пограничный камень.— Г. Галина . . 339
Под вечер.— М. Светлов 557
„Под горшок подстрижен волос" (Деревенский кулак).— Н. С. Тихомиров 513
Под грузом.— Г. Санников 468
„Под грузом изнемогшим кораблям" (Вожди).— Владимир Кириллов. 450
„Под гуденье немолчных станков" (Под гуденье станков).— Н. С. Тихомиров 514
Под гуденье станков.— Н. С. Тихомиров 514
„Под гулы меди — гробовой" (Черная весна [Тает]).— Иннокентий Анненский 109
Под древом кипарисным.— Вячеслав Иванов 65
„Под звон трамваев я умру" (Мои похороны).— Владимир Кириллов . 452
„Под знаком Стрельца, огненной медью".— Анна Радлова 304
„Под копыта казака" (Пляска).— Николай Асеев 196
„Под напев молитв пасхальных".— К. М. Фофанов 223
„Под насыпью, во рву некошенном" (На железной дороге).— Александр Блок 96
„Под небом мертвенно-свинцовым" (Родина).— И. А. Бунин 243
„Под окном охрипшая ворона".— Ирина Одоевцева 297
Под праздник.—Александр Поморский 512
„Под самый под корень ее подрезал он" (Жалоба березки под Троицын день).— Александр Добролюбов . . . 24
„Под тем ли под древом кипарисным" (Под древом кипарисным).— Вячеслав Иванов 65
„Под топотом копыта пыль тоски" (Старый город).— С. Обрадович . . . 462
„Под хохот злорадный могучего зла" (Гимн любви).— П. Я. 334
„Под чуждой властью знойной вьюги".— Владимир Соловьев 3
„Под яблонькой, под вишнею" (Гармонные вздохи).— Иннокентий Анненский 112
„Подземный рокот цементовых артерий" (Памятник Труда). — Владимир Кириллов 448
„Поднимаясь с могучего дна" (Наша песня).— Самобытник 497
Подруги.— Валерий Брюсов 58
„Подсолнух поздний догорал в полях".— М. Зенкевич 154
„Подходит сумрак, в мире все сливая" (Вечер).— Ю. Балтрушайтис . . 83
„Подымая багровый шишак" (Трудовой день).— А. Безыменский 530
Пожар.— Александр Блок 103
„По-за-лугу у крылечка" (Зима).— Сергей Клычков 369
„Поздней ночью над Невой" (Над Невой).— В. Зоргенфрей 275
„Пой, соловей! Они томятся" (Розы Шираза).— И. А Бунин 246
„Пойду в скуфейке, светлый инок".— Сергей Есенин 356
Пойло.— Павел Радимов 366
„Пока в тоске растущего испуга" (Черный силуэт).— Иннокентий Анненский 108
Покой — Мария Шкапская 291
„Покой и труд. Безумия страстей".— Надежда Павлович 287
„Покорно разлеглись поля" (Из дорожного блок-нота).— Г. Лелевич 525
„Покоя северного вестник" (Две России. II).— В. Александровский . . . 442
„Покрой мне ноги теплым пледом" (Болезнь).—Наталия Крандиевская. 289
„Покрыты серой пылью гетры" (Путник).— В. Александровский 440
Покурим, что ли.— Василий Каменский 178
„Полгода, скованный покоем" (Завод I).— С. Обрадович 461
Полдень.— С. Обрадович 463
„Полдневный зной настал. Дорога нелегка" (Разочарование). — Борис Садовской 241

Стр.

„Полдня, без солнечных улыбок“ (Шахтер).— С. Обрадович 465
Полнолуние.— Мариэтта Шагинян . 272
„Полночь. Дует вьюга с поля“ (Пряха).— М. Праскунин 373
„Положу свое сердце в ватку“ (Сердце в ватке).— Мария Шкапская . . 291
„Полон воз хозяйства скудного“ (Переселенцы). — Петр Орешин 387
„Полувесна и полуосень“. — София Парнок 268
„Полуднем пламенным, средь каменных долин“ (Пустынник). — Георгий Шенгели 263
Полустанок.— С. Обрадович 465
„Полуувядших лилий аромат“ (Иди за мной).— З. Гиппиус 47
Полынь.—Максимилиан Волошин. 113
„Полынь-звезда взошла над нашим градом“.— Анна Радлова 303
„Полынь, трава степной дороги“.— Наталия Крандиевская 289
Полюс.— И. А. Бунин 246
„Поля! Я кинул город пыльный“.— Николай Полетаев 471
„Помещик некий был изрядным фантазером“ (Гипнотизер).— Демьян Бедный 411
„Помирал морень, моримый морицей“.— В. Хлебников 170
„Помню вечер, помню лето“. — Валерий Брюсов 54
„Помолись о нищей, о потерянной“.— Анна Ахматова 142
Помпея.— И. А. Бунин 247
„Помпея! Сколько раз я проходил“ (Помпея).— И. А. Бунин 247
„Понеслись, блеснули в очи“ (Пожар).— Александр Блок 103
„Попрежиему сладостны весны“ (Флейта).— Мариэтта Шагинян 273
„Пора весенних гроз еще не миновала“.— Владимир Соловьев 4
„Порой, тоску мою пытаясь перевозмочь“ (Брату моему).— Демьян Бедный. 403
Портновская.— Петр Орешин 390
„Поручил ключи от ада“ (Братская песня).— Николай Клюев 349
Посадская.— Николай Клюев . . . 350
Посвящение.— П. Соловьева (Allegro) 86
Посвящение к неизданной комедии.— Владимир Соловьев 3
Посещение Диониса. — Сергей Соловьев 89
Посиделки.— Павел Радимов . . . 368

Стр.

„После ветра и мороза было“.— Анна Ахматова 141
После грозы.— А. Безыменский . . 534
После грозы.— К. М. Фофанов 223
„После долгой черной ночи“ (Плотники).— М. Праскунин 374
После работы. — Николай Кузнецов 539
После работы.— Самобытник 497
„После работы тяжелой, упорной“ (Мы).— Сергей Малашкин 491
„После ужина в каморке бедной“ (После работы).— Самобытник 497
„Последний луч бледнеет, догорая“. — Сергей Соловьев 90
„Последний пурпур догорал“. — Александр Блок 95
Последний снег. — П. Соловьева (Allegro) 87
Последняя любовь.— Георгий Адамович 151
Последняя Петербургская сказка.—В. Маяковский 182
„Послушай! Нельзя же такой безнадежно суровой“ (Содержание плюс горечь).— Вадим Шершеневич 211
Послушница.— Тихон Чурилин . . 314
Посох.— Николай Ашукин 277
„Поспевает брусника“ (Осень).—К. Бальмонт 27
„Посторонитесь, рабочий идет“ (С работы).— Иван Филипченко . . 483
„Потели стекла двери на балкон“ (Осень).— Борис Пастернак 207
„Потемнели высоты горние“ (Гроза).— Г. Санников 470
Потерянный подарок.—Николай Кузнецов 538
„Потным штыком банку пробил“.— Николай Тихонов 318
Потомки.— Анна Радлова 304
„Похоронные звоны и — радио“ (Две России. V). В. Александровский . . 443
Похороны.— Павел Радимов 366
„Почему в языке отошедших людей“ (Гармония слов).— К. Бальмонт 34
Поэзия.— Борис Пастернак 203
„Поэзия, я буду клясться“ (Поэзия).— Борис Пастернак 203
Поэма революции духа.— Василий Каменский 180
Поэт.— Андрей Белый 78
Поэт.— Павел Дружинин . . . 395
Поэт.— Г. Лелевич 525
Поэт.— Д. Мережковский 13
Поэтам „Кузницы“.—А. Безыменский. 527

Стр.

Поэтам „Кузницы“.— Владимир Кириллов 446
„Поэтов ярче и счастливей и бессмертней нас“ (Пролетарским поэтам).— Илья Садофьев 502
Поэту.— Н. Минский 11
Поэту наших дней.— Д. Мережковский 13
Поэты духа.— Вячеслав Иванов . 65
„Правда, нет ли,— но говорили“ (Потерянный подарок).— Николай Кузнецов 538
Праздник.— М. Праскунин 374
„Праздник радостный, праздник великий“ (Новая Америка). — Александр Блок 101
Праздник солнца. — Иван Филипченко 485
„Праздничный, веселый, бесноватый“.— Николай Тихонов 317
„Прах Мирры Лохвицкой осклепен“ (Пролог).— Игорь Северянин . . . 162
„Предвечерний городской бульвар“ (Две женщины.— Анна Баркова . . . 305
„Предстала ночь воздушна и легка“ (Ночная песнь).— Владимир Кириллов 454
Предчувствие.— Сергей Бобров . . 199
Предчувствие.— Валерий Брюсов . 58
Предчувствие. — Борис Пастернак 203
„Предчувствую Тебя. Года проходят мимо“.— Александр Блок . . . 95
„Прекрасна эта ночь с ее красой печальной.— К. М. Фофанов 221
„Прекрасно в нас влюбленное вино“ (Шестое чувство).— Н. Гумилев . . 126
При разгрузке. - В. Александровский 439
Приближение.—П. Соловьева (Allegro) 86
„Прибой на гравии прибрежном“.— Георгий Шенгели 264
„Привычка к спичке — искорка привычки“.— Василий Казин . . . 458
„Пригласили! Наконец-то пригласили“ (Едкое).— Елена Гуро 175
„Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг“.— Федор Сологуб 40
„Призадумался вечер румяный“ (После работы).— Николай Кузнецов . 539
Призыв.— Ю. Балтрушайтис . . . 84
Приказ по армии искусства.— В. Маяковский 187
„Прикурнул и сладко похрапываю“ (Утром).— Сергей Малахов 547
Примиренье с землей и зверями“.— Александр Добролюбов 22
Припев.— Иван Коневской 18
„Притти оттуда“.— Александр Кусиков 218
„Приходит, как прежде, нежданно“.— В. Зоргенфрей 274
„Приходил по ночам“ (Памяти демона).— Борис Пастернак 204
Пришедшему.— А. Безыменский . . 534
„Пробежал по небу черной тучей конь“.— Александр Кусиков 217
Пробочка.—Владислав Ходасевич. 259
„Пробочка над крепким иодом“ (Пробочка).—Владислав Ходасевич. 259
Пробуждение.— Ю. Балтрушайтис. 84
Пробуждение.— Илья Садофьев . . 502
„Проверенная, что часы“.— А. Ясный. 553
„Проводили друга до передней“.— Анна Ахматова 145
Проводы.— Демьян Бедный 406
Прозаседавшиеся.— В. Маяковский . 184
Прозрачность.— Вячеслав Иванов. 65
„Прозрачность! купелью кристальной“ (Прозрачность).— Вячеслав Иванов 65
Прокаженная.— Анна Баркова. . . 306
„Проклятье — ваш удел, безумные века“.— П. Я. 335
„Пролегала дорога в стороне“.— Елена Гуро 176
Пролетариату.— Сергей Малашкин. 492
Пролетариату.— Иван Филипченко. 482
„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ (Гимн рабочих).— Н. Минский . . 11
Пролетарий.— Самобытник 497
Пролетарским поэтам.— Илья Садофьев 502
Пролог.— Игорь Северянин . . . 165
Променад.— Андрей Белый 74
„Пронзительный хохот пролетки“ (На улице).— Андрей Белый 75
„Пропало славы обветшалой“ (Летний сад).— М. Кузмин 240
„Пропел гудок охрипшим голосом“ (В клубе). — Николай Кузнецов 539
„Прости меня... Как все, я не могу любить“.— Г. Галина 340
„Прости мне, боже, вздох усталости“ (Молитва).— Н. Минский 10
„Прости навек. Без слез и без упрека“ (Романс).— Н. Минский 8
„Пространство косное“ (Время и пространство). -- Георгий Якубовский 480

Стр.

„Просыпаться на рассвете". — Анна Ахматова 145
„Просыпаюсь рано".— Федор Сологуб 41
„Проходит все, и чувствам нет возврата".— М. Кузмин 239
Проходит день.— Константин Липскеров 267
„Проходит день. Минутен легкий мир" (Проходит день). — Константин Липскеров 267
„Проходит сеятель по ровным бороздам" (Путем зерна).— Владислав Ходасевич 258
„Прошел по красильной: „Ну-ка!" (На спичечной).— Сергей Малахов . 548
„Прошлой ночью злобно пела вьюга" (Кладбище).— В. Зоргенфрей . . 274
„Прощайте, птички, прощайте, травка".— Александр Добролюбов . . 23
„Прощаю все,— и то, что ты лгала мне".— Валерий Брюсов 56
Пряха.— М. Праскунин 373
Псалом зачала.— Павел Радимов . . 364
Птицелет.— Любовь Столица . . . 281
Птицы.— А. Безыменский 534
„Пурпуровый свод отразишь" (Очарование).— Сергей Бобров 200
„Пускай почтарь трубит с высоких козел" (Песнь служанки).— Василий Комаровский 250
„Пускай ты выпита другим".— Сергей Есенин 358
„Пусто в храме, свечи тонкие" (В сельской церкви).— Н. С. Тихомиров. 513
Пустынник..— Георгий Шенгели . 263
„Пустынно и сладко и жутко в ночи" (Из далей далеких). — Вячеслав Иванов 70
„Пустыри. Заросшая дорога" (Полдень).— С. Обрадович 463
„Пусть в нескончаемом круге" (На пашне).— Тан 341
„Пусть гнал нас временный ущерб" (Серп и молот).— Валерий Брюсов . . 61
„Пусть мы погибнем миллионами" (Сумерки).— Сергей Городецкий . 135
„Пусть светит месяц — ночь темна".— Александр Блок 94
Путем зерна. — Владислав Ходасевич 258
Путник.— В. Александровский . . 440
Путь.— Андрей Белый 76
Путь.— Георгий Якубовский . . 480
Пушка.— Николай Тихонов 318
Пушкин.— Леонид Гроссман . . 271

Стр.

Пыль веков.— П. Соловьева (Allegro) 86
„Пьет глазами зелеными Любка" (Любка).— Павел Дружинин 397
Пьявки.— З. Гиппиус 49
„Пьянчуги" (Мужикослов. XII).— Александр Ширяевец 381
Пьяный дервиш.— Н. Гумилев 129
Пять песен человека.— А. Безыменский 529

Р. К. С. М.— Сергей Третьяков . 192
Раб.— Сергей Бобров 200
Рабкор.— Я. Шведов 550
Работнице.— М. Светлов 557
„Работы нет, брожу бродягой".— Михаил Герасимов 427
Рабочий — Н. Гумилев 125
Рабочий — Ф. Шкулев 417
Рабочий гимн.— Демьян Бедный . 405
Рабочий дворец. — Александр Поморский 511
Рабочий клуб.— Самобытник 498
Рабочий поэту.— К. Бальмонт 36
„Ряд бесчисленных лет богатырский народ" (Песня невольника). — Е. Нечаев 416
Радио-башня.— Николай Кузнецов. 539
„Радой Славун, родун Славян" (Боевая).— В. Хлебников 172
„Радость, влюбленная в солнце и смех".— П. Я. 336
Радуга.— Юрий Сидоров 253
„Разбитая икона".— Семен Фомин . 337
„Разбухли пашни, словно тучи".— Михаил Герасимов 433
„Развалин груды в дыму пожарищ" (Вперед!).— А. Крайский 508
„Разверзнет Ночь горящий Макрокосм" (Небо — вверху, небо — внизу).— Вячеслав Иванов 69
„Развернула ночь большое знамя" (Тыл). — Михаил Голодный 545
Развесенье.— Василий Каменский. 178
„Развеснились весны ясные" (Развесенье).— Василий Каменский . 178
„Развешаны по тонкоствольной роще" (Ольге).— Юрий Сидоров . . . 254
„Разворачивайтесь в марше!" — (Левый марш).— В. Маяковский 190
„Разговаривали в сумерках колеса (При разгрузке). — В. Александровский 439
Разговор.— М. Кузмин 236
Разговор с розами.— Владимир Кириллов 451

Стр.

Разговор с ученым.— Владимир Кириллов 451
Разговор со звездами. — Владимир Кириллов 451
„Раздвинув локтем тумана дрожжи“ (За женщиной).— В. Маяковский . . 181
„Раззолоченные, но чахлые сады“ (Сентябрь). — Иннокентий Анненский 106
Разлад.— Александр Макаров . . 476
„Разорвалось ватншье грозовое“ (Война).— Андрей Белый 80
Разочарование.— Павел Радимов . . 365
Разочарование.— Борис Садовской. 241
Разуверение.— Андрей Белый . . . 79
Рай.— М. Лозинский 159
Рай.— Владислав Ходасевич . . 257
Раненый.— Николай Тихонов . . . 318
„Раннею весною роща так тиха“ (В роще).— К. М. Фофанов 222
„Ранние всходы, цветы придорожные!“— Александр Поморский . . . 512
Раньше утра.— Валерий Брюсов . . 54
„Ранняя осень. Хрупкие дни“ (Осеннее кольцо).— Варвара Бутягина . 294
„Рано-рано из тумана прорезаются леса“ (Юхаго).— Сергей Городецкий 131
„Распалилась мужицкая дума“ (Мужикослов. XI). — Александр Ширяевец 381
„Распахнитесь, орлиные крылья“ (Красная песня).— Николай Клюев . . . 353
„Распахнулись шатры-балаганы“ (Ярмарка).— Мих. Артамонов 382
„Расплетается волнистая коса“ (Песня).— Иван Морозов 400
Рассвет.— Г. Галина 339
Рассвет.— М. Зенкевич 154
„Рассеялась, как дым, ночная мгла“ (Лето).— Павел Радимов 365
„Растворяйтесь, ворота, звоните, храмы“ (Красный лик. I).- Мих. Артамонов 384
„Растворяйтесь, ворота, из домов каменных“ (Красный лик. I[1]).— Мих. Артамонов 384
„Растопило солнце знойное“ (Весна). — Н. С. Тихомиров 515
„Растяну меха гармони“.— Мих. Артамонов 382
„Рдяны краски“ (Осенью). — Максимилиан Волошин 114
„Ребенком беспредельного простора“ Детство).— Самобытник 501
Революция.— Самобытник 499
„Резные фасады, узорные зданья“ (Венеция).— Максимилиан Волошин 114
Рейс.— С. Обрадович 463
Река.— Любовь Столица 283
„Река, ломая зимний лед“ (Весенний клич).— К. Бальмонт 36
Рельсы. III.— М. Светлов 556
„Ржавый ключ, как будто зверь“ (Узник). — Скиталец 329
Ритмическая образность.—Вадим Шершеневич 212
Роберт Пентегью. — Ирина Одоевцева 297
„Род приходит, уходит“ (Каин).— И. А. Бунин 248
Родильный крик.—Георгий Якубовский 478
Родина.— И. А. Бунин 243
Родине.— Андрей Белый 80
Родная картина.— К. Бальмонт . . . 27
Родное.— Павел Дружинин 396
Родное.— Д. Мережковский 15
Родословная.— Семен Фомин . . . 375
Рожь.— Сергей Городецкий . . . 133
„Рожь звенит, волнуется, вздыхает“ (В поле).— Н. С. Тихомиров 513
„Рожденные в года глухие“. — Александр Блок 103
Розы Шираза.— И. А. Бунин 246
„Рой отблесков. Утро. Опять я свободен и волен“ (Утро).— Андрей Белый. 78
Романс.— Н. Минский 8
России.— Сергей Малашкин . . . 494
России.— В. Маяковский 188
России.— Илья Садофьев 504
России.— Илья Эренбург 310
„России синяя роса“. — Владимир Нарбут 157
Россия.— Александр Блок 101
Россия.—Максимилиан Волошин. 116
Россия.— Илья Ионов 517
Россия.— Владимир Нарбут . . . 156
Россия.— Самобытник 499
Россия.— А. Ясный 553
Россия издали.— Николай Асеев . . 198
„Россия плачет пожарами“.— Николай Клюев 354
„Росы, росинки“ (К росам).— Любовь Столица 281
„Рощи холмов, багрецом испещреные“ (Осенью).— Вячеслав Иванов . 68
Рубят лес.— Иван Морозов 399
Руина.— Тихон Чурилин 314
„Руками сжав штурвал железный“ (Красный кормчий).— Илья Ионов . . 517

Стр.

„Руки голы выше локтя“ (Рыбак).— Анна Ахматова 141
Рукописи Пушкина.— Георгий Шенгели 263
Русская.— Игорь Северянин . . . 166
Русский ум.— Вячеслав Иванов . 63
Русскому богатырю.— Н. С. Тихомиров 515
Русь.— Я. Бердников 506
Русь.— Александр Блок 100
Русь.— Сергей Городецкий . . . 135
Русь.— Иван Морозов 399
Ручеек.— К. Бальмонт 34
Рыбак — Анна Ахматова 141
„Рыдай, буревая стихия“ (Родине). — Андрей Белый 80
Рынок.— Василий Комаровский . 150

С вокзала.— Семен Родов 523
„С Востока свет, с Востока силы!“ (Ex Oriente lux).— Владимир Соловьев. 7
С высокой башни.— К Бальмонт . . 29
С извозчиком.— М. Светлов 556
„С испугом пялит старый Смольный“ (В Смольном. I).— Г. Лелевич . . 524
„С какой отрадой неустанной“ (К Армении).— Мариэтта Шагинян . . 273
„С крутого берега смотрю“ (Вода вечерняя).— Василий Каменский . . 179
„С ледяных сосулек искорки“ (Детская шарманочка).— Елена Гуро . . . 175
„С луны так сладостно и верно веет“.— Ирина Одоевцева 296
С работы.— Иван Филипченко . . 483
„С севера — болота и леса“.— Наталия Крандиевская 289
„С тех дней стал над недрами парка сдвигаться“ (Осень).— Борис Пастернак 207
С утра, румяная спросонок“ (Ткачиха).— С. Обрадович 466
С холодной воли.— Иван Коневской. 19
Сад.— Сергей Бобров 200
Сакья-Муни.— Д. Мережковский . 16
Саломея.— Иван Филипченко . . 489
Сами.— Николай Тихонов 319
Самовар в Москве.— Борис Садовской 241
Самогимн.— Игорь Северянин . . 165
„Самый ясный праздник года“.— Федор Сологуб 45
„Сатана свои крылья раскрыл, Сатана“ (Язвы гвоздиные). — Вячеслав Иванов 71

Стр.

„Сбросим, бросим“ (Завод слова). — А. Безыменский 527
„Сброшен хлам с могучих плеч“ (Праздник).— М. Праскунин 374
Сваты.— Мих. Артамонов 382
„Свежеет смятая подушка“ (Лето). — Всеволод Рождественский. 161
„Свежеют с каждым днем и молодеют сосны“ (В феврале).— И. А. Бунин . 243
„Свет дневной сменяет электричество“ (Апофеоз сумасшествия). — Д. Туманный 321
„Светает близь... Чуть дышит даль, светая“ (Пробуждение). — Ю. Балтрушайтис 84
„Светает... Но кругом пока еще темно“ (Рассвет).— Г. Галина 339
„Светло - пушистая“ (Снежинка). — К. Бальмонт 35
„Светлым дозором белой денницы“.— Павел Радимов 365
Свеча.— Демьян Бедный 411
Свидание.— Самобытник 501
„Свинцовой мглою седая хмара“ (Ноябрь).— Е. Бражнев 520
„Свирель рассвета заиграла“ (Утро).— Александр Ширяевец 378
„Свобода приходит нагая“.— В. Хлебников 174
„Своеначальный, жадный ум“ (Русский ум) — Вячеслав Иванов 63
„Свой дикий чум среди снегов и льда“ (Полюс).— И. А. Бунин 246
„Святое око дня, тоскующий гигант“ (Солнце). — Максимилиан Волошин 113
„Святче божий!“ — В. Хлебников . . 172
„Святыня меркнущего дня“ (Стансы).— Владислав Ходасевич 258
„Сгребаю ворох белых масок“ (Веселый маляр).— А. Безыменский . . . 534
Сдвиг.— С. Обрадович 462
Себе любимому посвящает эти строки автор.— В. Маяковский 184
Сегодня.— Николай Асеев 198
„Сегодня быть веселым надо“ (Весенний день). — Александр Макаров 476
„Сегодня дурной день“.— Осип Мандельштам 140
„Сегодня — не гиль позабытую разную“ (Сегодня) — Николай Асеев . . 198
„Сегодня ты вновь принесла мне цветы“.— Евг. Тарасов 331
„Сегодня утром сын мой крошка“ (Птицы).— А. Безыменский 534

Стр.

„Сегодня целый день пробуду дома“ (Целый день).— М. Кузмин 235
„Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд“ (Жираф). — Н. Гумилев . . 123
Седое утро.— Александр Блок . . 100
Седьмой день.— Вячеслав Иванов. 70
„Сел Андрей на темную скамейку“ (Разлад).— Александр Макаров . . 476
Сельский бог.— П. Борисов 393
Сентиментальное путешествие.— Н. Гумилев 128
Сентябрь — Иннокентий Анненский 106
Сентябрь. — Василий Комаровский 249
„Сентябрь. В полях — скупые росы“.— С. Обрадович 466
Servus — reginae.— Александр Блок. 95
„Сердился город, встал дугой“ (Дрова).— Сергей Малахов 549
Сердце в ватке.— Мария Шкапская. 291
„Сердце в шумном хороводе“ (Апрель).— С. Обрадович 466
Сердце и сталь. — Сергей Малахов. 547
„Сердце мое и душа ждут“. — Вера Инбер 300
„Сердце плачет безнадежное о песне“. — Н. Львова 234
„Сердце — разыгравшийся школьник“.— Екатерина Волчанецкая . . 293
„Серебром холодной зари“ (Сентиментальное путешествие).— Н. Гумилев. 128
„Серебряно-матовым вырезом горы“ (Обон-пол).— Вячеслав Иванов . . 69
Серенада.— Н. Минский 11
Серп и молот.— Валерий Брюсов . 61
„Серп на ущербе притягивает моря“ (В 1915 г.).— Николай Асеев . . 197
„Серый. Клетчатый. Полотняный“ (Два). — А. Безыменский 531
Сестре.— Иннокентий Анненский 111
Сивка-Бурка.— Петр Орешин . . . 389
Сиделки.— Павел Дружинин . . . 396
„Сижу, освещаемый сверху“ (Баллада).— Владислав Ходасевич 260
„Сижу, читая я сказки и были“. — М. Кузмин 236
Сизый закат. — Иннокентий Анненский 110
Silentium.— Осип Мандельштам . 137
„Синеет ночь над розами Багдада“ (Ночь).— Константин Липскеров . . . 266
Сини.— Я. Шведов 551
„Синичка милая, бездумная“ (К курганам).— Михаил Герасимов . . 431
„Сняет роса на листочках“ (Об'яснение в любви).— Андрей Белый . . . 74
„Сияньем золотым и алым“.— Сергей Соловьев 91
„Сказал я в час полночный“ (Песня).— Н. Минский 10
Сказка.— Елизавета Полонская. 301
Сказка о красной шапочке.— В. Маяковский 183
Сказочка.— Евг. Тарасов 331
„Скачут бешено ныряя“ (Ткачиха). — Н. С. Тихомиров 514
Сквозь ветви.— И. А. Бунин 245
„Ссквозь остро-сладкий запах липы“.— В. Александровский 440
„Сквозь пыль и дым, и шум и звон“ (Призыв). — Ю. Балтрушайтис . 84
„Сквозь чайный пар я вижу гору Фузий“ (Фузий в блюдечке). — М. Кузмин . 240
Скит.— Варвара Бутягина 295
Скифы.— Александр Блок 104
„Сколько счастья и путаницы“.— В. Александровский 437
„Скоро“.— Александр Жаров . . . 536
„Скоро время дождей. Золотые летят мотыльки“ (Песенки Ширмамедда). — Константин Липскеров . . . 266
„Скрипят железные крюки и блоки“ (Мясные ряды). — М. Зенкевич . . 153
„Скрыв под рудой самоцветной, под иодистой влагой хрустальной“ (Нити парок).— М. Зенкевич 153
„Слаб голос мой, но воля не слабеет“.— Анна Ахматова 142
„Слабеющими очами.— Сергей Бобров 202
„Слава вам, идущие обедать, миллионы“ (Гимн обеду).— В. Маяковский . 183
„Слава слав тебе, жизнь моя горькая!“ (Моя жизнь).— Пимен Карпов . 313
„Сладок мне венец забвенья темный“ (Поэт).— Д. Мережковский . . . 13
„Слезают слезы с крыши в трубы“ (Коечто про Петербург).— В. Маяковский 182
„Слезливая старуха у окна“ (Гадалка). — Владимир Нарбут 155
Слезный плат.— Николай Клюев . 349
„Слепая сердца мудрость! Что ты значишь?“ — Владислав Ходасевич 259
Слова любви и тепла. — Елена Гуро. 176
Слова слав. — Иван Филипченко 482
„Словно бисером, солнце панели“ (Любовь).— А. Крайский 510

Стр.

„Словно в детском самокате“ (По Ярославскому шоссе). — Семен Фомин . . . 376
„Словно синий жар в печи“ (В степи).— М. Зенкевич . . . 154
Слово.— Н. Гумилев . . . 125
„Сломили нас скоро: солдат привели“ (Из ночи в день. II) — А. Крайский . . . 508
Слоненок.— Н. Гумилев . . . 126
Слушай.— Илья Садофьев . . . 504
„Слышишь, как птицы щебечут в саду“ (Утренний гимн).— М. А. Лохвицкая . . . 231
„Смеешься, шутишь целый день.“ — Н. Львова . . . 233
„Смейся, ветер! Бродяга, смейся“. — Александр Жаров . . . 536
„Смердишь, распухла с голоду, сочатся кровь и гной из ран отверстых“ (Россия).— Илья Эренбург . . . 310
Смерть.— М. Лозинский . . . 158
Смерть часового.— Тихон Чурилин . 315
„Смеха не надо бояться“.— Евг. Тарасов . . . 332
„Смеюсь, пою, играю“ (Веселый столяр).— Александр Макаров . . . 475
„Смирись, о сердце, не ропщи“. — М. Кузмин . . . 239
„Смолкли залпы запоздалые“. — Евг. Тарасов . . . 332
„Смотри, я измучена городом смерти и славы“.— Надежда Павлович . 287
„Смотрите! — Я стою среди них“ (Мы растем из железа).— Алексей Гастев . . . 420
„Смотрю и слушаю вокруг“.— Борис Садовской . . . 242
„Смотрю на море жадными очами“ (Бессилие).— З. Гиппиус . . . 47
„Смутно-дышащими листьями“. — Осип Мандельштам . . . 137
„Снег последний плывет за окном“ (Последний снег). — П. Соловьева (Allegro) . . . 87
„Снег уже пожелтел и обтаял“.— Георгий Иванов . . . 148
„Снега зарей одеты“ (Поэты духа).— Вячеслав Иванов . . . 65
„Снега покрыли гладкие равнины“. — М. Кузмин . . . 238
Снежинка.— К. Бальмонт . . . 35
„Снежный саван пал на обрывы скал“ (Мгла).— Вячеслав Иванов . . 64
„Снилось озеро и белые кувшинки“ (Первый снег).— Николай Кузнецов. 540

Стр.

„Снова крепким ароматом отцветающего лета“ (Осенью).— К. М. Фофанов . 221
„Снова осень за окнами плачет“ (Песня отца).— М. Светлов . . . 555
„Сняли цепи с орла“ (Освобожденный).— Г. Галина . . . 339
Снятие памятника.— Семен Родов . 522
„Со всех сторон, морозный и зыбучий“.— Василий Комаровский . . . 249
„Со всех сторон протянуты к нам руки“.— Н. Львова . . . 234
„Со слабых век сгоняя смутный сон“.— Владислав Ходасевич . . . 258
Со сталелитейного стали лететь (Стальной соловей).— Николай Асеев . . . 197
„Собор грачей осенний“ (Осенняя).— В. Хлебников . . . 173
„Совет ветвей, совет ветров“.— Николай Асеев . . . 198
Содержание плюс горечь. — Вадим Шершеневич . . . 211
Сокровища жизни. — Константин Липскеров . . . 266
Солнце.— Андрей Белый . . . 72
Солнце.—Максимилиан Волошин. 113
Солнце в медные литавры“ (Возвращение красноармейцев). — Семен Родов . 522
„Солнце греет уже горячо-горячо“.— Г. Галина . . . 340
„Солнца контур старинный“ (В полях).— Андрей Белый . . . 72
„Солнце на ночь отдано в починку“ (За работой).— М. Светлов . . . 556
„Солнце! Наш огненный лебедь“ (Пять песен человека. Первая).— А. Безыменский . . . 529
„Солнце, солнце“. - М. Кузмин . . . 237
„Солнцем сердце зажжено“ (Солнце).— Андрей Белый . . . 72
„Соловьи на кипарисах и над озером луна“ (Пьяный дервиш).— Н. Гумилев . . 129
Сон.— Василий Казин . . . 458
Сонет.— З. Гиппиус . . . 47
Сонет.—Н. Гумилев . . . 123
Сонет.— А. Крайский . . . 510
Сонет.— Игорь Северянин . . . 167
Сонет к форме. — Валерий Брюсов . . . 53
Сонет о советском служащем.— Д Туманный . . . 322
„Сосуд из солнца, крови и цветов“ (Девушке).— Владимир Кириллов. 453
„Сохнет стаявшая глина“. — Сергей Есенин . . . 360
Союз Магов. 1. Жрец Солнца.— М. А. Лохвицкая . . . 229

Стр.

Союз Магов. 2. Жрица Луны.— М. А. Лохвицкая 230
Спасское.— Борис Пастернак . . . 206
„Сперва мы спим в пурпуровой пещере" (Пещера). — Максимилиан Волошин 113
„Спи, моя печальная" (Баюшки-баю).— К. Бальмонт 30
Спиноза.— Георгий Шенгели . . . 263
„Спокойное и страстное лицо" (Ангел песнопения). — Анна Радлова . . 303
„Спотыкались.—бежали ветра" („Будет гроза").— Сергей Малашкин . 494
Спросонья. – Александр Жаров . . 537
„Спят петухи под соломенной веткою" (Вечер).— Петр Орешин 385
Спящий лебедь.— М. А. Лохвицкая . 226
Сразу.— К. Бальмонт 32
„Среди искусственного озера" (Фарфоровый павильон).— Н. Гумилев . . 124
Среди миров.— Иннокентий Анненский 111
„Среди миров, в мерцании светил" (Среди миров).— Иннокентий Анненский 111
„Среди старинных зал, по матовым паркетам" (По праву рождения).— Иван Коневской 20
„Стаи дней и ночей" (Суэцкий канал).— Н. Гумилев 127
„Стан птиц. Дороги лента" (Родная картина).— К. Бальмонт 27
„Стал голос хриплый, волос грубый".— Сергей Клычков 371
Стальной соловей.— Николай Асеев. 197
Стамбул.— И. А. Бунин 247
Стансы.— Юрий Сидоров 254
Стансы.— Владислав Ходасевич. 258
Старая шарманка. — Иннокентий Анненский 107
Старина.— Н. Гумилев 124
Старинная мелодия. — Тихон Чурилин 314
Старинные друзья.— Владислав Ходасевич 256
„Старинные опять зовут прогулки" (Les bienfait de l'amour).— Сергей Бобров 199
Старость.— Д. Мережковский . . . 14
Старуха.— Павел Дружинин . . . 397
Старуха.— Владислав Ходасевич. 261
Старуха за прялкой.— Павел Радимов 366
Старый город.— С. Обрадович . . . 462
„Старый дед меж толстых кряжей" (Хоромы Лады).— Сергей Клычков. 369
„Старый дьявол чистит ногти пемзой" (Англия). – Николай Тихонов . 319
Старый монастырь.— П. Соловьева (Allegro) 87
Старь. — Александр Ширяевец . 379
„Стволы стреляют в небо от жары" (Динамас статики).— Вадим Шершеневич 212
Стенькин суд.— Максимилиан Волошин 117
„Степь. Ночь. Муть. Снега" (Узловая).— С. Обрадович 463
„Стихает жаркая работа" (Сельский бог).— П. Борисов 393
Стихи к Блоку. 3.— Марина Цветаева 284
Стихи о ребе.— М. Светлов 556
„Стихли солнца золотые вихри" (Вечер).— Александр Жаров 535
„Стоит император Петр Великий" (Последняя Петербургская сказка). — В. Маяковский 182
„Стоит только зрачки закрыть" (Теплушка).— М. Светлов 555
Стойло.— Павел Радимов 366
„Столица спит. Трамваи не звенят".— Георгий Иванов 149
Сторожка.– Я. Шведов 551
„Сторона ли моя окаянная" (Звездно-кормчий).— Пимен Карпов . . . 313
„Стоял у Кремля, опоясанного штыками" (Индус).— Сергей Малахов . . 548
„Страдали долго,— страдать не будем" (Улыбки солнца. 1.). — А. Крайский 510
„Страна родная! В грозный год" (Россия).— Самобытник 499
„Страны земли — это кассы набора" (Типография жизни. I).— А. Безыменский 528
„Страстной чредою крестных вех" (Лета).— Вячеслав Иванов 71
„Страх, во тьме перебирая вещи". — Анна Ахматова 145
„Стремясь к одной великой цели" (Коммунисты).— Илья Ионов 518
„Стружка вьется, стружка тянется, ползет" (У станка).— Илья Садофьев . . 503
„Струнной арфой".— Елена Гуро . . 176
Студенческий самовар. — Борис Садовской 241
„Стуком стучит, громыхает нутром и плюется мякиной" (Молотилка). — Павел Радимов 367
„Стучи, стучи, машина" (Ткач).—Ф. Шкулев 417

Стр.

„Стучу, стучу я молотком“.— Василий Казин 457
„Судьбы чужой прекрасная преграда“.— Сергей Бобров 202
Сумерки.— Валерий Брюсов . . . 55
Сумерки.— Сергей Городецкий . 135
„Сумрак утра долгим криком комкая“ (Новый день).— С. Обрадович . . 467
Сумрачный бог.— М. Зенкевич . . . 154
„Сумрачный бог многоцветного мира“ (Сумрачный бог).— М. Зенкевич . 154
Сусальный ангел.— Александр Блок. 97
Сутемки, сувечер.— В. Хлебников . . 170
Суэцкий канал.— Н. Гумилев 127
Сфинксы над Невой.—Вячеслав Иванов 70
Счастлив я, когда ты голубые“.— И. А. Бунин 244
Сын города.— В. Гофман 37

Taldium vitae.—Ю Балтрушайтис . . 82
„Таинственный сумрак“ (Душа поэта). — К. М. Фофанов 225
Таинство посева — Михаил Герасимов 434
„Тайной вечери глаз“.—В. Хлебников. 173
„Тайный гость в венке из винограда“ (Посещение Диониса).—Сергей Соловьев 89
„Так, без конца, сидеть и прясть“.—Сергей Городецкий 134
Так будет.—Вера Инбер 300
„Так жизнь ничтожеством страшна“. — Д. Мережковский 14
„Так много камней брошено в меня“ (Уединение).—Анна Ахматова . . 146
„Так тихо поезд подошел“.— Георгий Адамович 150
„Такие дни — счастливейшие даты“. — М. Кузмин 239
„Такой покой, как будто выпал снег“.— Вера Инбер 299
„Такою радостной и хрупкой“.—Михаил Герасимов 432
„Там, в садах лазури холодной“ (Осенние печали).—Сергей Бобров 199
„Там, где заводь тихая, где молчит река“ (Пьявки).—З. Гиппиус 49
Тар.— Сергей Городецкий 131
„Тар мой властный, огнеокий“ (Тар). — Сергей Городецкий 131
„Твоей душе родней и ближе я“. — В. Александровский 439
„Твой ясный взгляд, я в нем себя ловлю“ (Антропософии).—Андрей Белый · 81
Творчество.—Валерий Брюсов . . . 52
„Тебе“ (Ода революции).—В. Маяковский 188
„Тебе б гигантским, тяжким ломом“ (Революция. I).—Самобытник. . . . 499
„Тебе покорной? Ты сошел с ума!“ — Анна Ахматова 145
„Тебя ве воспели поэты в одах“ (Труду).— Владимир Кириллов 448
„Тебя сбирала девушка нагая“ (Кофе).— Сергей Городецкий 136
„Текут луга зеленой брагой“ (Бродяга).— Петр Орешин 391
Телеграфист.—Андрей Белый 77
„Темнеет день, теплом лаская взоры“— Я. Бердников 506
Темный ангел.—Д. Мережковский. 13
Тени прошлого. — Валерий Брюсов 53
„Тени стали расплывчаты. Стали медленней мерные взмахи“ (В карьере). — Е. Бражнев 520
„Тень несозданных созданий“ (Творчество). Валерий Брюсов 52
Теплушка.—М. Светлов 555
Терцины другу.—Николай Асеев . . 194
Типография жизни. — А. Безыменский 528
„Тирсис под сенью ив“. — Федор Сологуб 45
Тифлис.—Юрий Верховский . . . 118
Тихая воля.—Вячеслав Иванов . . 71
Тихий дождь.—Иван Коневской . . . 19
„Тихий мир дремучих преданий“ (На родине).—Владимир Кириллов . . 453
„Тихо в чаще можжевеля по обрыву“.— Сергей Есенин 360
„Тихо пело время... В мире ночь была“ (Бедная сказка).— Ю. Балтрушайтис 84
Тишина.—П. Я. 335
Тишина.—П. Соловьева (Allegro) . 88
„Тишина золотовейная в осеннем саду“ (В осеннем саду). — П. Соловьева (Allegro) 88
„Тишиною, умершей зарею“.—Василий Комаровский 249
Ткани.—Георгий Якубовский . . 481
Ткач.—Ф. Шкулев 417
Ткачиха.—С. Обрадович 466
Ткачиха.—Н. С. Тихомиров 514
„То дохнет она морозами“ (Зима). — Я. Бердников 507
„То не слезы, — только росы, только дождь“.—Федор Сологуб 43
„То не тучи бродят за овином“.—Сергей Есенин 358

Стр.

„Тобой очам не надивиться“ (Кремлевская стена).—Николай Асеев . . 195
Товарищ.—Сергей Есенин 361
„Толпы, толпы, как неуемные рощи“.— Анатолий Мариенгоф 214
„Только бы встречаться“ (Лестница любви).—К. Бальмонт 33
„Только детские книги читать“. — Осип Мандельштам 137
„Только тот наших дней не мельче“ (О шапке).—А. Безыменский . . 530
„Только утро румяным ветрилом“ (Отец).— Владимир Кириллов 453
„Тому свидетельство языческий сенат“ (Декабрист). — Осип Мандельштам 139
Тоска вокзала. — Иннокентий Анненский 109
Тоска медленных капель.—Иннокентий Анненский 111
Тоска мимолетности. — Иннокентий Анненский 107
„Тоска на плетке лошадиным черепом“. — Александр Кусиков 218
„Тот день прошел, и очень много дней“.— Анна Радлова 303
Трактир жизни. — Иннокентий Анненский 107
Тревожная ночь. — Александр Поморский 511
III Интернационал.—В. Маяковский . 189
„Три года гневалась весна“ (Россия издали).—Николай Асеев 198
„Три женщины, грязные, пьяные“ (Подруги).—Валерий Брюсов 58
„Три молота разом размеренный взлет“ (Снятие памятника).—Семен Радов 522
„Три огненных дуба на пупе земном“ (Песнь Солнценосца). — Николай Клюев 352
Тринадцатая ночь.—Д. Туманный . . 321
Tristia.—Осип Мандельштам . . . 139
„Троица! Стройся, кленовая лень“.—Николай Асеев 195
„Тропами тайными, ночными“. — Александр Блок 103
Труба.—Михаил Герасимов 430
„Труба, как посох исполина“ (Труба).— Михаил Герасимов 430
„Трубы заводов, гряньте“ (Первомайская песня).—Сергей Третьяков . . 192
„Труд, труби“ (Боевая Ленинская). — А. Безыменский 533
„Труд человека“ (Знак бесконечности).— Георгий Якубовский 480
Трудовой день.—А. Безыменский . . 530

Стр.

Труду.—Владимир Кириллов . . . 448
„Туда!.. туда!.. на Север неустанно“ (Полустанок).—С. Обрадович 465
„Тук—тук!..“—П. Я. 337
„Тулумбасы, бей, бей“ (Песня сотен).— Николай Асеев 196
„Туманом легким парк наполнился“. — Анна Ахматова 143
„Тупые звуки вспышек газа“ (Идеал).— Иннокентий Анненский . . . 106
„Тускнет твой венец алмазный“ (Волге).— Александр Ширяевец 180
Тучелет. — Анатолий Мариенгоф. 213
Тучи.—Самобытник 500
„Тучи белые и черные мои“ (К тучам).— Любовь Столица 281
„Тучи солнышко завесили“ (В дождливый день).—Николай Кузнецов . . . 540
„Ты—арфы телеграфной звон“ (Газета).— Георгий Якубовский 479
„Ты в гробнице распростерта в миртовом венце“ (В склепе).—Валерий Брюсов 55
Ты в очи мне язвительно глядишь“ (Звезда).—Юрий Верховский 119
„Ты ведаешь, что день был шумно-зноен“ (Вечер).—П. Соловьева (Allegro) 86
„Ты весь закованный во брони“. — Михаил Герасимов 427
„Ты взманила к вешним трелям“.—Сергей Соловьев 90
„Ты возникаешь предо мной“. — Надежда Павлович 286
„Ты вошла, как входили тысячи“ (В толпе).—София Парнок 269
„Ты все келейнее и строже“.—Николай Клюев 347
„Ты говоришь, что мы устали“. — Евг. Тарасов 330
„Ты жила в скиту замшелом“ (Молодецкий курган). — Александр Ширяевец 379
„Ты знаешь, я томлюсь в неволе“. — Анна Ахматова 142
„Ты и во сне необычайна“ (Русь).—Александр Блок 100
„Ты играй, моя дуда: ду-ду, ду-ду“ (Песня деда Софрона).—Демьян Бедный. 408
„Ты изменил мне, мой светлый гений“. М. А. Лохвицкая 226
„Ты Канадой запахла, Тверская“.—Илья Эренбург 310
„Ты ломала руки в смертельной тоске“ (Дочери народа)—Александр Добролюбов 24

Стр.

Ты любишь.—З. Гиппиус 48
„Ты мне понравилась так сразу оттого“ (Сразу).—К. Бальмонт 32
„Ты мне сказал, что соловьи поют“.— Юрий Верховский 119
„Ты музу звездную свою“ (Муза).—Константин Липскеров 265
„Ты не поймешь меня, о брат мой“ (Грядущему поэту).—А. Безыменский. 528
„Ты не сплетала венков Офелии“ (Офелия).—Валерий Брюсов 57
„Ты небо темное в светилах“ (Небо и море).—К. М. Фофанев 222
„Ты одинок. И правишь бег“ (Поэт).— Андрей Белый 78
„Ты письмо мое, милый, не комкай“.— Анна Ахматова 142
„Ты показала мне без слов“ (Без слов).— Владислав Ходасевич 259
„Ты помнишь Геную? Прогулки по утрам“.—Вера Инбер 298
„Ты прав—не века сын, я чую лишь отзвучья“ (К П. П. Конради). — Иван Коневской 18
„Ты проходишь мимо, обманувший“.— Н. Львова 232
„Ты проходишь на Запад Солнца“ (Стихи к Блоку. 3). — Марина Цветаева 284
„Ты проходишь, ты ищешь, ты жаждешь плениться“.—Вера Инбер 299
„Ты сердцу близко, Солнце вечернее“ (Довольно!).— Вячеслав Иванов. 64
„Ты слишком долго был среди моих врагов“ (Рабочий поэту). — К. Бальмонт 36
„Ты умирать сбираешься так скоро“.— Сергей Клычков 271
„Ты хочешь власти?—Будет власть“ (Завет дьявола).—М. А. Лохвицкая. . 230
„Ты хочешь знать заветной тайны слово“.—Тан 342
Тыл.—Михаил Голодный 545
„Тюками скрыв косматые горбы“ (Верблюды).—Константин Липскеров 265
„Тюрьма, как некий храм, я помню, в детства годы“ (Голуби).—П. Я. . . . 338
„Тяжек полуденный зной, изливаемый небом жестоким“ (Стойло).—Павел Радимов 366
„Тяжелознойные лучи легли“. — Вера Инбер 299
„Тяжелый виноград и яблоки, и сливы“ (Ваза с фруктами).—Георгий Иванов 147
„Тянутся по небу тучи тяжелые“ (Серенада).—Н. Минский 11
„—Тяти! Деды!“ (Мужикослов. VI).—Александр Ширяевец 381
„У вдавленного в лес оврага“ (Поврага).— Игорь Северянин 166
„У великого моря Хвалынского“ (Стенькин суд).—Максимилиан Волошин 117
„У гауптвахты“ (Смерть часового).—Тихон Чурилин 315
У гроба.—Иннокентий Анненский 105
„У деревни вдоль тропинок“ (Осень).— Сергей Клычков 369
„У дыма утра есть оттенок“. — Семен Родов 523
„У косогора за деревней“ (На деревенском кладбище). — К. М. Фофанов 223
„У кота от лени и тепла разошлись ушки“ (Слова любви и тепла). — Елена Гуро 176
„У лавры Троицкой в слободке“ (Богомолка).—Демьян Бедный 414
„У меня в избенке тесной“.—Сергей Клычков 371
У меня для тебя.—В. Гофман 37
„У меня не живут цветы“. — Н. Гумилев 123
„У моей любимой глаза оленя“ (О партии и любимой). — Сергей Малахов 548
У озаренного оконца.—В. Гофман . . 38
У памятника Гоголю.—Надежда Павлович 287
„У распаханных полос мы“ (Пахари).— Семен Фомин 377
У речки.—Иван Доронин 542
У станка.—Илья Садофьев 503
У сфинксов.—П. Я. 337
„У царицы моей есть высокий дворец“.— Владимир Соловьев . . . . . [illegible]
„Убийственный туман сгустился над столицей“ (Осенние голоса).—Иван Коневской 19
Увенчанные.—Вячеслав Иванов . . 66
„Увидеть вдруг в душе другой“.—София Парнок 269
„Угрюмый дождь скосил глаза“ (Утро) — В. Маяковский 181
Уединение.—Анна Ахматова 146
„Уж ночь. Земля похолодела“ (Молитва).— Мариэтта Шагинян 273

	Стр.
„Уж сердце снизилось и как!". — Илья Эренбург	309
„Уже холодом веет осенним" (Осень).— К. М. Фофанов	222
„Ужасный!—Капнет и вслушается" (Плачущий сад).—Борис Пастернак	204
„Уже бежит полночная прохлада".—Георгий Иванов	148
„Ужель не вывезет гнедая" (Сивка-Бурка).—Петр Орешин	389
„Ужель прошло—и нет возврата" (14 декабря).—З. Гиппиус	50
Узловая.—С. Обрадович	463
Узник.—Скиталец	329
„Узорами заволокло".—София Парнок	269
Укор.—Андрей Белый	78
„Улица была—как буря. Толпы проходили" (Конь блед).—Валерий Брюсов	58
„Улица провалилась, как нос сифилитика" (А все-таки).—В. Маяковский	181
„Улицы тревожно молчаливы" (Тревожная ночь). — Александр Поморский	511
Улыбка.—З. Гиппиус	47
Улыбки солнца. 1.—А. Крайский	510
Улюсь.—Сергей Клычков	372
„Улюсь, Улюсь, лесная речка".—Сергей Клычков	372
Умирающий день.—Петр Зайцев	279
Умная собачка.—Анна Баркова	306
„Умница".—Демьян Бедный	410
„Уносился день криком воронья".—Александр Кусиков	217
„У печурки самовары".—М. Кузмин	238
„Уплыву, как только вспенится" (Бурлак).—Александр Ширяевец	378
„Упорный дождь. Пригнулись сосны" (В келье).—В. Гофман	38
Утешение.—М. Кузмин	235
Утешение.—Н. Минский	9
„Утихни, друг. Прохладен чай в стакане".— Анатолий Мариенгоф	213
„Утреет. С богом! По домам" (Седое утро).—Александр Блок	100
Утренний гимн.—М. А. Лохвицкая	231
Утренняя молитва.—Илья Садофьев.	502
Утренняя песнь. — Ю. Балтрушайтис	82
Утро.—Андрей Белый	78
Утро.—В. Маяковский	181
Утро.—Е. Нечаев	415
Утро.—Всеволод Рождественский	161
Утро.—Юрий Сидоров	254
Утро.—Александр Ширяевец	378
Утро в хате.—Иван Доронин	541
„Утро вспыхнувшим пожаром" (Утро).— Е. Нечаев	415
Утром.—Сергей Малахов	547
„Утром, над краем моей подушки" (Спросонья).—Александр Жаров	537
„Утром солнце низко-низко".—Я. Шведов	550
„Уходила мама коза" (Сказка).—Елизавета Полонская	301
„Уходит жизнь, а ты не замечаешь" (Годовщина).—Юрий Верховский	119
„Уходишь ты, и сердце в час разлуки".— Владимир Соловьев	3
Уходящие тени.—К. Бальмонт	29
„Ушли" (Забастовка).—А. Ясный	554
Фабзавуч.—Александр Жаров	535
Фабрика.—Александр Блок	96
Фабрика.—Сергей Третьяков	191
Фантасмагория.—Николай Асеев	194
Фарфоровый павильон.—Н. Гумилев	124
„Фаусту прикидывался пуделем".—Наталия Крандиевская	288
Фиалки.—А. Крайский	509
„Фиалки продаются на улице" (Фиалки).— А. Крайский	509
Флейта.—Мариэтта Шагинян	273
„Фома—мой прадед—был оратаем" (Родословная).—Семен Фомин	375
Фонарщик.—Александр Поморский	512
Фридриху Круппу.—София Парнок	268
Фузий в блюдечке.—М. Кузмин	240
Фуфайка больного. — Борис Пастернак	205
„Хлопья белые летят" (Сваты). — Мих. Артамонов	382
„Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко... Волга" (Свеча).—Демьян Бедный.	411
„Холмов и луговин просвечена трава" (Муравью). — Константин Липскеров	266
„Холодно... кутаюсь в белый пуховый платок".—Любовь Столица	281
Хоромы Лады.—Сергей Клычков	369
„Хорош воскресный день в порту весной".—Вера Инбер	299
„Хороший Сагиб у сами и умный" (Сами).—Николай Тихонов	319
„Хорошо" (Поэтам „Кузницы"). — А. Безыменский	527
„Хорошо меж подводных стеблей" (Меж подводных стеблей).—К. Бальмонт.	33

	Стр.
„Хотела б я свои мечты“ (Песнь любви).—М. А. Лохвицкая	227
„Хоть мы навек незримыми цепями“.—Владимир Соловьев	4
„Хоть ты уже не та, что в годы молодые“.—Е. Нечаев	416
„Хочется любви, простой и бесхитростной“.—Екатерина Волчанецкая	293
„Христос воскрес“—поют во храме“.—Д. Мережковский	17
„Хрустят валежником трущоб медведи“ (Наследие).—Николай Тихонов	317
„Худенькие пальцы кажут“.—Георгий Шенгели	263
„Цветет земля рукою нежной музы“ (Предчувствие).—Сергей Бобров	199
„Цвети, цвети, мой синий день“.—П. Борисов	394
„Цветут глаза, и слух, и дух цветет, впивая“ (Дядя или солнце).—Василий Казин	458
Цветы восстания.—Александр Поморский	511
„Цветы восстания мы бросим вам в сердца“ (Цветы восстания).—Александр Поморский	511
Целый день.—М. Кузмин	235
„Цемент Коммуны — мучеников прах“ (Огнеприпас коммуниста).—Георгий Якубовский	478
Циа-цинть.—Василий Каменский	177
„Циа-цинц - цвилью - ций“ (Циа-цинть).—Василий Каменский	177
„Цикады, цикады!“ (Песни Дафниса. I. Цикады).—Вячеслав Иванов	66
„Цыц! Пропадай, старая!“ (Россия. I.).—А. Ясный	553
Чайка.—К. Бальмонт	30
Час не повторяется.—Марнэтта Шагинян	272
„Часы не свершили урока“ (Лира часов).—Иннокентий Анненский	109
Часы стоят.—З. Гиппиус	49
Челнок.—Федор Сологуб	44
Человек.—М. Зенкевич	152
„Чем больше я живу—тем глубже тайна жизни“ (Старость).—Д. Мережковский	14
„Чем ледяней и ближе дышит смерть“ (Неразрывно).—П. Соловьева (Allegro)	86
„Чем усладить печальный наш досуг“ (Б. А. Кржевскому).—Юрий Верховский	120
Через гром.—Николай Асеев	195
„Через час отсюда в чистый переулок“ (Нате!).—В. Маяковский	182
Черная весна [Тает].—Иннокентий Анненский	109
Чернильный прибор.—Константин Липскеров	266
„Черный дьявол клятвой ложной“ (Пробуждение).—Илья Садофьев	502
Черный знак.—Пимен Карпов	312
Черный любирь.—В. Хлебников	171
Черный платок.—Анна Баркова	305
Черный силуэт.—Иннокентий Анненский	108
„Черным голосом кричала земля“.—Анна Радлова	304
„Четыре“ (Себе любимому посвящает эти строки автор).—В. Маяковский	184
14 декабря.—З. Гиппиус	50
„Чирикали птицы и были искренни“.—Борис Пастернак	206
„Чиста любовь моя“.—Федор Сологуб	41
„Чисты воды ключевые“ (Криница).—Вячеслав Иванов	65
„Читайте железные книги“ (Вывескам).—В. Маяковский	181
Чортовы качели.—Федор Сологуб	40
„Что за окнами волнуется?“ (С холодной воли).—Иван Коневской	19
„Что лист упавший—дар червонный“ (Осень).—Вячеслав Иванов	69
„Что мне за дело, кстати иль некстати“.—Елизавета Полонская	301
„Что может быть милей и проще“ (Вечерний чай).—Всеволод Рождественский	161
„Что сердце? Лань. А ты, стрелок, царевна“ (Досада).—Владислав Ходасевич	256
„Что суетные мысли и слова“.—Вера Инбер	299
Что счастье?—Иннокентий Анненский	105
„Что счастье? Чад безумной речи?“ (Что счастье?).—Иннокентий Анненский	105
„Чтобы в шатре бытия полюбить все сокровища жизни“ (Сокровища жизни).—Константин Липскеров	266
„Чугунная ограда“.—Анна Ахматова	144
„Чудных три песни нашел я в книге родного поэта“.—Демьян Бедный	403
„Чудовище с горящими глазами“ (Городу).—Александр Поморский	511
Чужая.—Мариэтта Шагинян	272

Стр.

„Чужой и милый! Ты кипел недолго“ (Студенческий самовар). — Борис Садовской 241
Чурлю-журль. — Василий Каменский 177
„Чуть ночь превратится в рассвет“ (Прозаседавшиеся).—В. Маяковский . 184
„Чуть раздались, приоткрылись облака седой зимы“ (Первый луч).—Алексей Гастев 419
Чучело.—Михаил Герасимов . . . 435

„Шагай, мелькай за ротой рота“ (Слушай).— Илья Садофьев 504
„Шаги дробят весенний воздух звонко“ (Мы бережем свой край). — Александр Жаров 536
Шампанский полонез.— Игорь Северянин 168
„Шампанского в лилию! Шампанского в лилию!“ (Шампанский полонез).— Игорь Северянин 168
Шахтер.— С. Обрадович 465
Швея.— Владислав Ходасевич . . 258
„Шел по улице и думал“ (Метель).— Александр Макаров 476
„Шел я по улице незнакомой“ (Заблудившийся трамвай).— Н. Гумилев . 129
„Шелестя сухими злаками“. — Вера Инбер 298
Шестое чувство.— Н. Гумилев 126
„Шипит и не встает верблюд“ (В Скутари).— И. А. Бунин 247
„Широк и желт вечерний свет“.— Анна Ахматова 143
„Широкий двор порос травой“.— Елизавета Полонская 301
Шкатулка с музыкой.—Николай Ашукин 277
„Шла она, ступая нетвердо“ (Лошадь).— Михаил Голодный 545
„Шли на приступ. Прямо в грудь“.— Александр Блок 103
„Шли, обнимались“ (9-е января).— Владимир Кириллов 448
Шумики, шумы и шумищи.— В. Маяковский 182
„Шуршит земля, сверкают плуги“ (В поле). - М. Праскунин. 373
„Шумит над нами полог хвойный“ (В лесу).— Самобытник 498
„Шумящие и ветренные дни“.— Василий Комаровский. 251
Шутка.— З. Гиппиус 50

Стр.

„Щедроты сердца не разменяны“ (Россия).— Владимир Нарбут . . . 156
„Щупал девок я, ластился к бабам“ (Архангельский глас).— Александр Ширяевец 378

Эгополонез.— Игорь Северянин . 168
„Эй! Берегитесь — во все концы“.— Анатолий Мариенгоф 213
„Эй, земля, дрожи пред мощью“ (Пять песен человека. Четвертая).— А. Безыменский 529
„Эй, мои дни, денечки“ (Покурим, что-ли) — Василий Каменский . . 178
„Эй, молодчики-купчики“ (Не шалить!).— В. Хлебников. 172
„Эй, расцветай — пока не скошена“ (Звени).— Василий Каменский . . 179
„Эй, сермяжный народ, голытьба“ (Волжские волны).— Василий Каменский 180
„Элегантная коляска, в электрическом биенье“ (Июльский полдень).—Игорь Северянин 167
Элегия.— М. А. Лохвицкая 227
Элегия.— Юрий Сидоров 252
Элегия.— Владислав Ходасевич . 257
Элегия.— Владислав Ходасевич . 260
Электричество.— З. Гиппиус 49
„Эолийской лиры лишь песнь заслышу“.— София Парнок. 269
Эп!..— Демьян Бедный 413
Эпод.— Вячеслав Иванов. 68
Эстрадная архитектоника. — Вадим Шершеневич 211
„Эта осень такая заячья“.— В. Хлебников 173
„Эти белые березы“ (Белые березы).— К. Бальмонт. 32
„Это был не взрыв негодованья“ (Из ночи в день. III). — А. Крайский 508
„Это — круто налившийся свист“ (Определенье поэзии).— Борис Пастернак 203
„Это — лунная ночь невозможного сна“ (Декорация). — Иннокентий Анненский 107
„Это мы, это мы вскинем“ (Сдвиг). — С. Обрадович 462
„Этот город мучных лабазов“ (Одоевские розы).— Николай Полетаев . . 472
„Эх, станок, полюбил не на шутку я“.— Михаил Голодный 546
„Эх ты, Русь, стальная зазнобушка“ (Россия. II).— А. Ясный 554

Стр.

Юному поэту. — Валерий Брюсов 52
Юность. — Владимир Кириллов . . 452
„Юноша бледный со взором горящим“ (Юному поэту). — Валерий Брюсов 52
„Юный мой сад и цветущ и богат“ (Мой сад). — М. А. Лохвицкая 228
Юхано. — Сергей Городецкий . . 131

Я. — В. Александровский 441
Я. — Валерий Брюсов 54
„Я боюсь рассказать, как тебя я люблю“. — Н. Минский 8
„Я в мир пришел не посторонним“. — Михаил Голодный 544
„Я в тесной келье — в этом мире“ (Пауки). — З. Гиппиус 49
„Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце“. — К. Бальмонт 27
„Я вернулся вчера из простора полей“. — Александр Поморский . . . 512
„Я вернусь к вам, поля и дороги родные“. — Александр Добролюбов . . . 22
„Я вижу вновь тебя, таинственный народ“ (В деревне). — Н. Минский . 11
„Я вижу пламенные ризы“. — Михаил Герасимов 431
„Я вновь перечитал забытые листы“ (К Музе). — Владислав Ходасевич 255
Я вольный ветер. — К. Бальмонт . . . 32
„Я все пою — ведь я певец“. — Сергей Клычков 371
„Я встречу с легким удивленьем“. — М. Кузмин 239
„Я выпил сотни солнц. И все мне мало“ (Я). — В. Александровский . . 441
„Я днем люблю какую-то дикарку“. — Сергей Городецкий 134
„Я дома... Дверь закрыта плотно“... — Н. Львова 232
„Я жажду наслаждений знойных“. — М. А. Лохвицкая 228
„Я жалкой радостью себя утешу“ (Утешение). — М. Кузмин 235
„Я ждал полета и бытия“ (Днем). — З. Гиппиус 48
„Я ждала, ждала тебя, любимый“ (Ожидание). — Василий Казин 455
„Я — жрица тайных откровений“. — М. А. Лохвицкая 226
„Я знал железное большое кладбище“ (В ту ночь). — Г. Санников 469
„Я знаю, что деревьям, а не нам“ (Деревья). — Н. Гумилев 124
„Я знаю шорохи и звоны“ (Квасок). — Петр Орешин 385
„Я знаю этот свет неумолимо-четкий“ (Раньше утра). — Валерий Брюсов 54
„Я заточу себя в скиту“ (Лесной скит). — Варвара Бутягина 294
„Я и молод, и свеж, и влюблен“. — Александр Блок 95
Я и вы. — Н. Гумилев 124
„Я и ты... Громче, сердце, стучи“ (Мы — одно). — А. Крайский 508
„Я иду домой окраиной“ (Под праздник). — Александр Поморский 512
„Я иду, иду тропинкою“. — Михаил Голодный 546
„Я из города слепого“ (Зов земли). — Семен Фомин 376
„Я из земных годин не верен ни одной“. — М. Лозинский 159
„Я изучил науку расставанья“ (Tristia). — Осип Мандельштам 139
„Я — изысканность русской медлительной речи“. — К. Бальмонт 34
„Я к нагорьям держу свой путь“. — Максимилиан Волошин 115
Я — коммунист. — Ф. Шкулев 417
Я — композитор. — Игорь Северянин 165
„Я — композитор: под шум колес“ (Я — композитор). — Игорь Северянин 165
„Я — кто — я“ (Кто я). — Василий Каменский 177
Я люблю. — Иннокентий Анненский 110
Я люблю. — Алексей Гастев . . . 419
„Я люблю вас, пароходные гудки“ (Я люблю...). — Алексей Гастев . . 419
„Я люблю замиранье эхо“ (Я люблю). — Иннокентий Анненский . . 110
„Я люблю осенние дорожки“. — Александр Кусиков 216
„Я люблю тебя, как море любит солнечный восход“. — М. А. Лохвицкая . 228
„Я люблю усталый шелест“. — Максимилиан Волошин 115
„Я людям чужд и мало верю“ (Голубое небо). — Д. Мережковский . . . 14
„Я — медный колокол. Когда-то на горах“ (Колокол). — Илья Ионов 516
„Я „мертвая роза“, нимфея холодная“ („Мертвая роза“). — М. А. Лохвицкая 227
„Я мечтою ловил уходящие тени“ (Уходящие тени). - К. Бальмонт . . . 29

Стр.

„Я на карте моей, под размеренной сеткой" (Шатер).— Н. Гумилев 127
„Я надену черную рубаху".— Николай Клюев 347
„Я надену черный платок" (Черный платок).— Анна Баркова 305
"Я наравне с другими".— Осип Мандельштам 140
„Я начал, как и все — и с юношеским жаром" (В Царском Селе). — Василий Комаровский 251
Я не знаю мудрости.— К. Бальмонт . 34
„Я не знаю, что тошней". — Борис Пастернак 207
„Я не любил. Не мог всей шири духа".— Иван Коневской 18
„Я не любим никем! Пустая осень".— Георгий Иванов 147
„Я — не нежный, не тепличный".— Михаил Герасимов 427
„Я не поклонник радости предвзятой" (Казино). — Осип Мандельштам 138
„Я ненавижу человечество".— К. Бальмонт 34
„Я нет-нет и потемнею бровью".— Василий Казин 456
„Я нынче светлая. Я нынче спокойная".— Н. Львова 233
„Я обманывать себя не стану".— Сергей Есенин 357
„Я, отрок, рос в железном храме".— Михаил Герасимов 426
„Я плачу одна над стихами Верлэна".— Н. Львова 234
„Я побежден неводомою силой" (Кладбище).— В. Зоргенфрей 274
„Я подарю сиамского котенка".— Михаил Герасимов 432
„Я подслушал эти песни близких радостных веков".— Владимир Кириллов 446
„Я помню беленькое платье" (В Сокольниках).— Николай Полетаев . 471
„Я помню май и город пыльный" (Могила).— Николай Ашукин . . . 278
„Я помню себя очень маленьким".— Г. Санников 470
„Я посетил родимые места" (На родине).— Сергей Есенин 362
„Я — последний поэт деревни".— Сергей Есенин 355
„Я пред тобой смиренно опущу ресницы".— Александр Кусиков . 216
„Я приду, когда забрежжит свет". — Е. Бражнев 520
„Я пришел с „Вешними зовами".— Михаил Герасимов 426
„Я — простая девка на баштане" (Песня).— И. А. Бунин 245
„Я прохожу меж вас, неслышный и незримый" (Отголоски).— Иван Коневский 18
„Я рад всему: что город вымок" (Дождь).— Владислав Ходасевич 256
„Я родился в далекой стране" (Отчизна).— Ю. Балтрушайтис 83
„Я сгорела молоденька без огня".— Николай Клюев 349
„Я сегодня заострился, как игла" (Портновская).— Петр Орешин 390
„Я сегодня утром по полю гуляла" (Дума работницы).— Алексей Гастев . 420
„Я сижу одна на крылечке, на крылечке" (Дурочка).— Анна Баркова . . . 306
„Я — слабый сын больного поколенья" (Ego).— Иннокентий Анненский 105
„Я слышу иволги всегда печальный голос".— Анна Ахматова 143
„Я смеярышня смехочеств" (Черный любирь).— В Хлебников 171
„Я смотрю в витрину антиквария" (В день радости).— Тихон Чурилин . . . 315
„Я сошью себе черные штаны" (Кофта фата).— В. Маяковский 182
„Я спросил у свободного ветра" (Завет бытия).— К. Бальмонт 33
„Я сразу смазал карту будня" (А вы могли бы?).— В. Маяковский . . 182
„Я стал снова младенцем, зима мнновала" (Начало новой земли).— Александр Добролюбов 22
„Я стихами по горло сыт".— В. Александровский 437
„Я тебя провожаю с поклоном" (Кольца).— Владислав Ходасевич 255
„Я умереть хочу весной" (Элегия).— М. А. Лохвицкая 227
„Я устал, измученный тюрьмою" (На прогулке).— Александр Поморский 512
„Я хожу из проулка в проулок" (Песня веселого стекольщика). — Петр Орешин 387
Я хотел бы...— Ф. Шкулев 418
„Я хотел бы маем быть, цветущим маем" (Я хотел бы...) — Ф. Шкулев . . . 418
„Я хочу веселья, радостного пенья".— Скиталец 328
„Я хочу, чтоб прошедшее было забыто" (Больное счастье).— В. Гофман . . 39

Стр.

„Я чувствую, как падают цветы“ (На мотив Фофанова).— Игорь Северянин 167

„Я чую, чую — дышат миллионы“ (Грядущая).— Анна Баркова 305

„Я шел к блаженству. Путь блестел“.— Александр Блок 94

„Яблонька зеленая“.— Мих. Артамонов 383

Язвы гвоздиные.— Вячеслав Иванов 71

Языков.— Леонид Гроссман . . . 270

„Январская луна. Огромный снежный сад“.— Ирина Одоевцева . . . 296

Ярила.— Сергей Городецкий . . 131

„Ярким солнцем блещет утро, синей далью небосвода“ (В заводе).— Самобытник 498

Ярмарка.— Мих. Артамонов 382

„Ясным ли днем“ (Родильный крик). — Георгий Якубовский 478

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От составителей V

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА.

Валерьян Полянский.— Социальные корни русской поэзии от символистов до наших дней IX
Е. И. Шамурин.—Основные течения в дореволюционной русской поэзии XX века XVIII
И. С. Ежов.— Революционная русская поэзия XX века XXXVI

АНТОЛОГИЯ.

Предтечи символизма и ранние символисты.

Владимир Соловьев . . . . 3— 7
Н. Минский . . . . 8—12
Д. Мережковский . . . . . 13—17
Иван Коневской . . . . . . 18— 21
Александр Добролюбов . . 22— 24

Символисты и поэты, связанные с символизмом.

К. Бальмонт . . . . 27—36
В. Гофман . . . . 37—39
Федор Сологуб . . . . . . 40—46
З. Гиппиус . . . . 47—51
Валерий Брюсов . . . . . 52—62
Вячеслав Иванов . . . . . 63—71
Андрей Белый . . . . . . 72—81
Ю. Балтрушайтис . . . . 82— 85
П. Соловьева (Allegro) . . . 86— 88
Сергей Соловьев . . . . 89— 93
Александр Блок . . . . . . 94—104
Иннокентий Анненский . . . 105—112
Максимилиан Волошин . . . 113—117
Юрий Верховский . . . . . 118—120

Акмеисты и поэты, связанные с акмеизмом.

Н. Гумилев . . . . 123—130
Сергей Городецкий . . . . 131—136
Осип Мандельштам . . . . 137—140
Анна Ахматова . . . . . . 141—146
Георгий Иванов . . . . . . 147—149
Георгий Адамович . . . . 150—151
М. Зенкевич . . . . 152—154
Владимир Нарбут . . . . . 155—157
М. Лозинский . . . . 158—160
Всеволод Рождественский . 161—162

Футуристы и поэты, связанные с футуризмом.

	Стр.
Игорь Северянин	165—169
В. Хлебников	170—174
Елена Гуро	175—176
Василий Каменский	177—180
В. Маяковский	181—190
Сергей Третьяков	191—193
Николай Асеев	194—198
Сергей Бобров	199—202
Борис Пастернак	203—208

Имажинисты и поэты, связанные с имажинизмом.

Вадим Шершеневич	211—212
Анатолий Мариенгоф	213—215
Александр Кусиков	216—218

Поэты, не связанные с определенными группами.

К. М. Фофанов	221—225
М. А. Лохвицкая	226—231
Н. Львова	232—234
М. Кузмин	235—240
Борис Садовской	241—242
И. А. Бунин	243—248
Василий Комаровский	249—251
Юрий Сидоров	252—254
Владислав Ходасевич	255—262
Георгий Шенгели	263—264
Константин Липскеров	265—267
София Парнок	268—269
Леонид Гроссман	270—271
Мариэтта Шагинян	272—273
В. Зоргенфрей	274—276
Николай Ашукин	277—278
Петр Зайцев	279—280
Любовь Столица	281—283
Марина Цветаева	284—285
Надежда Павлович	286—287
Наталия Крандиевская	288—289
Мария Шкапская	290—291
Екатерина Волчанецкая	292—293
Варвара Бутягина	294—295
Ирина Одоевцева	296—297
Вера Инбер	298—300
Елизавета Полонская	301—302
Анна Радлова	303—304
Анна Баркова	305—306
П. Антокольский	307—308
Илья Эренбург	309—311
Пимен Карпов	312—313
Тихон Чурилин	314—316
Николай Тихонов	317—320
Д. Туманный	321—322

Предтечи революционной поэзии.

М. Горький	325—326
Скиталец	327—329
Евг. Тарасов	330—333
П. Я. (П. Якубович-Мельшин)	334—338
Г. Галина	339—340
Тан	341—342

Крестьянские поэты.

	Стр.
Николай Клюев	345—354
Сергей Есенин	355—363
Павел Радимов	364—368
Сергей Клычков	369—372
М. Праскунин	373—374
Семен Фомин	375—377
Александр Ширяевец	378—381
Мих. Артамонов	382—384
Петр Орешин	385—391
П. Борисов	392—394
Павел Дружинин	395—398
Иван Морозов	399—400

Пролетарские поэты.

Демьян Бедный	403—414
Е. Нечаев	415—416
Ф. Шкулев	417—418
Алексей Гастев	419—425
Михаил Герасимов	426—436
В. Александровский	437—445
Владимир Кириллов	446—454
Василий Казин	455—459
С. Обрадович	460—467
Г. Санников	468—470
Николай Полетаев	471—474
Александр Макаров	475—477
Георгий Якубовский	478—481
Иван Филипченко	482—489
Сергей Малашкин	490—496
Самобытник	497—501
Илья Садофьев	502—505
Я. Бердников	506—507
А. Крайский	508—510
Александр Поморский	511—512
Н. С. Тихомиров	513—515
Илья Ионов	516—518
Е. Бражнев (Е. А. Трифонов)	519—520
Семен Родов	521—523
Г. Лелевич	524—526
А. Безыменский	527—534
Александр Жаров	535—537
Николай Кузнецов	538—540
Иван Доронин	541—543
Михаил Голодный	544—546
Сергей Малахов	547—549
Я. Шведов	550—552
А. Ясный	553—554
М. Светлов	555—558

БИОБИБЛИОГРАФИЯ. УКАЗАТЕЛИ.

Биобиблиография	561—591
Указатель поэтов и их произведений	592—617
Общий указатель стихотворений (по заглавию и по первому стиху)	618—667